

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.com

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

1 ДРЕВНЯЯ
ЕВРОПА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт всеобщей истории

Институт истории СССР

Институт славяноведения и балканистики

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

в восьми томах

С ДРЕВНЕЙШИХ
ВРЕМЕН
ДО НАШИХ
ДНЕЙ

Главная редакционная коллегия:

З. В. УДАЛЬЦОВА — председатель
Б. Ю. ВАЙТКЯВИЧУС, Ю. Б. ВИШПЕР
И. Р. ГРИГУЛЕВИЧ, А. А. ДРИЗУЛ
В. В. ЗАГЛАДИН, Ю. Ю. КЛХК
М. П. КИМ, И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО
Ю. Ю. КОНДУФОР, Д. В. КУЗНЕЦОВ
Ю. С. КУКУШКИН, Д. Ф. МАРКОВ
М. М. НАРИНСКИЙ — ученый секретарь
А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, П. Т. ПЕТРИКОВ
Б. В. ПИОТРОВСКИЙ, В. И. РУТЕНБУРГ
Т. Т. ТИМОФЕЕВ, С. Л. ТИХВИНСКИЙ
В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ, С. С. ХРОМОВ
В. И. ЦАРАНОВ
А. С. ЧЕРНЯЕВ
А. О. ЧУБАРЬЯН — заместитель председателя

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

том первый

ДРЕВНЯЯ ЕВРОПА

Редакционная коллегия тома:

Е. С. ГОЛУБЦОВА — ответственный редактор
Ю. К. КОЛОСОВСКАЯ, В. И. КУЗИЦИН
Л. П. МАРИНОВИЧ, А. И. ПАВЛОВСКАЯ
Э. Д. ФРОЛОВ

Рецензент:
Кафедра истории древнего мира
МГУ им. М. В. Ломоносова

История Европы. Т. 1. Древняя Европа.— М.; Наука, 1988.—
И89 704 с.
ISBN 5-02-008937-0

Первый том посвящен двум эпохам — первобытнообщинному строю и рабовладельческой формации. Большое внимание уделяется племенному миру и раннерабовладельческим государствам. История Греции освещается начиная с III тыс. до н. э. Хронологическим рубежом тома является дата падения Западной Римской империи (476 г.). История Рима тесно увязана с историей его провинций и других регионов, вступавших в контакты с империей.

Для широкого круга читателей.

И 0504000000—051
042(02)—88 Подписное издание

ББК 63.3(0)

ISBN 5-02-008937-0

© Издательство «Наука», 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ

Европа... Сухие строки энциклопедии сообщают, что это часть света, расположенная на Западе Евразийского материка. Европа — континент сравнительно небольшой: население около 700 млн. человек (в 1980 г.), площадь — 11,5 млн. кв. км (т. е. четверть территории Азии или Америки). Но Европа — не просто территория от мыса Нордкина на севере до мыса Марроки на юге, от Уральских гор на востоке до мыса Рока на Западе. Европа — один из главных центров современной науки, техники и технологии. На долю европейцев приходится около половины мирового национального дохода и более половины промышленного производства. Европа — ценнейшая сокровищница замечательных достижений и памятников культуры. Европа — это и многовековая история, и богатейший опыт борьбы за свободу и справедливость. Именно на Европейском континенте был провозглашен лозунг «Свобода, равенство, братство!», именно здесь родились бессмертные идеи марксизма-ленинизма. Именно здесь произошла Великая Октябрьская революция, открывшая человечеству путь к коммунизму.

Говоря об истории Европы, мы имеем в виду континент в его современных границах: от Атлантического океана до Уральских гор и Кавказского хребта, от Северного Ледовитого океана до Черного и Средиземного морей. Именно в этих рамках проявились характерные черты европейского развития, сложилась общность исторических судеб населения континента, сформировалась европейская цивилизация — все то, что отличает Европу от других континентов и цивилизаций земного шара.

Предлагаемое читателю многотомное издание охватывает историю Европы от древности до наших дней. История Европы трактуется не как сумма историй отдельных стран, а как процесс развития особой исторической общности, имеющей сложную внутреннюю структуру. Чтобы раскрыть сущность этого многообразного процесса, необходимо исследовать основные направления и этапы генезиса, становления и эволюции этой исторической общности. Отсюда большое внимание авторов к явлениям общеевропейского характера — как в области экономики, политики, социальной борьбы, так и в сфере международных отношений и культуры.

История Европы раскрывается как процесс прогрессивной смены общественно-экономических формаций. Именно на Европейском континенте последовательно пройдены все известные стадии социально-экономического развития общества. При этом большинство общественных формаций представлено в Европе в более отчетливой, «чистой» форме по сравнению с другими регионами мира. История Европы ярко демонстрирует развитие от первобытного строя и рабовладения к феодализму, капитализму и, наконец, к социализму, первой фазе коммунистической формации. Однако исторический процесс осуществляется не по прямой линии, он сопровождается зигзагами, порой даже отступлениями. В. И. Ленин, указывая на сложность исторического процесса, писал: «...представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно»¹. Но в целом в ходе исторического развития ясно прослеживаются главные тенденции прогрессивного движения человечества к социализму. Значительное внимание в труде уделено переходным эпохам и этапам, сложной системе взаимодействий различных укладов, сосуществованию разнообразных классов и сословий в рамках этих переходных эпох.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 6.

В «Истории Европы» раскрывается роль классовой борьбы как движущей силы исторического развития, показано противоборство прогресса и реакции во всех сферах общественной жизни в различные исторические периоды. Каждому из основных этапов развития общества соответствуют определенные типы классовых и социальных противоречий и характерные формы борьбы эксплуатируемых против эксплуататоров. Революционное освободительное движение народов Европы освещается наряду с выявлением как общеевропейских закономерностей, так и специфических особенностей общественного развития того или иного региона; вместе с тем оно рассматривается как органическая составная часть мирового революционного процесса и освободительной борьбы народов мира.

Видное место в данном издании займет история европейской культуры, вклад всех народов, больших и малых, в развитие европейской цивилизации. Для воссоздания красочной панорамы европейской культуры во всем ее многообразии и неповторимости авторы выявляют роль культурного наследия, в частности наследия античности, прослеживают взаимовлияние различных культур, определяют типологические особенности отдельных культурно-исторических общностей, соотношение культурного и общественного развития.

История Европы показывает, сколь сложен и противоречив всемирно-исторический процесс: асинхронность и асимметрия исторического развития обнаруживали себя в том, что общие для всего континента явления и закономерности проявлялись в регионах разновременно и в разнообразных формах. Поэтому все издание строится по системно-региональному и проблемно-хронологическому принципам. Не случайно поэтому авторский коллектив уделяет большое внимание Восточной Европе, России и Советскому Союзу. Во многих трудах по истории Европы, изданных на Западе, недооценивается роль Восточной Европы в истории континента, а особенности развития западной его части выдаются за общеевропейский эталон. Асинхронность и разновременность в историческом процессе некоторые западные историки и политологи пытаются использовать как аргумент в пользу теорий о мнимой «перманентной отсталости» России и всей Восточной Европы по сравнению с Западной. В данном издании раскрывается несостоятельность этой концепции. XX столетие, проходящее под знаком революционного обновления, убедительно показывает значение Великой Октябрьской социалистической революции, опыта строительства социализма в СССР и других странах Восточной и Юго-Восточной Европы для мировой и европейской истории.

История Европы рассматривается в труде как органическая составная часть всемирно-исторического процесса. Авторы прослеживают исторические связи народов Европы с народами других континентов: имеются в виду и экономические связи, и процессы культурного взаимодействия, и сходство многих явлений общественно-политического и социально-экономического развития, и освещение революционного и освободительного движения в Европе как части мирового революционного процесса. Авторы придают особое значение тому, чтобы была отображена борьба европейских народов за социальный прогресс и национальное освобождение, за мир, против войны. В этом контексте раскрывается гуманистическая европейская традиция, связанная со стремлением народов, прогрессивных общественных деятелей и мыслителей Европы к вечному и справедливому миру. История убеждает в том, сколь велико значение добрососедства и взаимосвязей европейских народов в преодолении предубеждений и негативных стереотипов, в объединении усилий европейцев в современной борьбе за мир и безопасность на континенте.

В мировой исторической науке накоплен большой опыт создания трудов по истории Европы. Многочисленные работы, изданные в странах

Запада, отражают весьма разнообразный спектр немарксистских теорий и концепций исторического процесса. Встречается и откровенная проповедь идеалистических воззрений, часто в подчеркнуто религиозной окраске. В то же время некоторым представителям современной буржуазной историографии свойствен эклектизм; соединение традиционных методов с явным интересом и вниманием к социальной истории, к анализу экономических явлений, к рассмотрению движений народных масс. Однако, используя некоторые приемы марксистского подхода к явлениям прошлого, буржуазные ученые зачастую стремятся искусственно вписать их в контекст буржуазной идеологии и методологии. В результате выхолащивается классовое и социальное содержание многих существенных явлений в развитии Европы. В ряде зарубежных работ находят свое отражение «европоцентристские» концепции, на первый план выдвигающие идею исключительности европейской цивилизации. В таких работах оправдывается или приукрашивается колониальная политика европейских держав, которой приписывается просветительская и цивилизаторская миссия.

При написании настоящего труда авторы учитывали многообразие исследований по истории Европы в мировой историографии, и прежде всего марксистские работы.

Данное издание опирается на достижения советской исторической науки и смежных гуманитарных отраслей знания. Выход в свет таких фундаментальных работ, как «Всемирная история», «История СССР с древнейших времен до наших дней», публикация в СССР сводных трудов по истории Болгарии и Венгрии, Польши и Румынии, Чехословакии и ГДР, Югославии, Франции, Италии, Испании, Швеции, Норвегии и др., создали серьезную базу для изучения Европейского континента, дали возможность выявить специфические особенности развития Европы в целом. В издании использовано немало новых документальных материалов, открытий последних лет в сфере археологии, антропологии, демографии, лингвистики, этносоциологии, введенных в научный оборот как в советской, так и в зарубежной историографии. Авторы стремились на основе новых фактов и свидетельств по-новому взглянуть на ряд известных явлений европейской истории, раскрывая закономерности и особенности общеευропейского процесса.

Создание советскими учеными обобщающего труда по истории Европы позволяет выявить значение освободительных демократических традиций, охарактеризовать различные этапы революционного процесса и борьбы за социализм, раскрыть истоки и многообразие сотрудничества между европейскими народами. В борьбе за мирную и безопасную Европу и предотвращение ядерной войны прогрессивные силы обращаются к историческому прошлому. Взаимосвязанность, переплетенность судеб народов, несмотря на различие избранных ими социальных путей, ощущается в Европе с особой силой. Как подчеркивалось в Политическом докладе Центрального Комитета XXVII съезду КПСС, «исторический шанс Европы, ее будущее — в мирном сотрудничестве государств континента»².

Каждый том труда всесторонне освещает определенный этап исторического развития Европы.

В первом томе рассматривается история народов, населявших Европу в древности, на протяжении чрезвычайно длительного времени: от появления человека вплоть до падения Западной Римской империи. Это — время существования в Европе двух самых ранних общественно-экономических формаций: первобытнообщинной и рабовладельческой.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. с. 70.

Древнейший период истории человеческого общества — каменный век. На начало этого периода приходится становление современного физического типа человека и первой общественной организации — рода. В эпоху каменного века человек расселился на всей территории Европы. Уже в конце этого периода отчетливо проявилась неравномерность исторического развития различных регионов Европы. Бронзовый век характеризуется появлением металлических орудий труда, резким увеличением его производительности. Это способствовало росту прибавочного продукта и создавало возможность для общественного разделения труда, эксплуатации человека человеком — тех явлений, которые затем привели к разложению первобытнообщинного строя и становлению классового общества и государства.

Отмеченные явления начинают обнаруживаться в Европе с III тыс. до н. э., однако они отнюдь не одновременны. Первые классовые общества возникают на юго-востоке Европы, тогда как вся остальная Европа продолжает жить в условиях первобытнообщинного строя. Древнейшие государства Европы занимали южную часть Балканского полуострова и остров Крит. Очень многое в социальной и политической структуре ранних греческих обществ еще нуждается в исследовании, поскольку надписи, которые могут дать основную информацию об этих обществах, еще не дешифрованы (линейное письмо А), а часть их дешифрована сравнительно недавно (линейное письмо Б). Однако известные на сегодняшний день источники свидетельствуют, что общества Крита и материковой Греции являлись обществами классовыми с достаточно развитой социальной структурой. Видимо, типологически они имели много общего с синхронными им переднеазиатскими государствами — в обоих случаях в экономической структуре важнейшую роль играли дворцовые хозяйства, выступавшие в качестве организатора экономической жизни.

В конце II тыс. до н. э. государства материковой Греции и Крита гибнут. О причинах их падения идут дискуссии в современной науке: называют и природные катаклизмы, и внутренние социальные конфликты, и, наконец, вторжения «варварских» народов с севера (так называемое дорийское завоевание). В конце II тыс. до н. э. во всей Европе господствуют первобытнообщинные отношения. Но уже в начале I тыс. до н. э. вновь создаются условия для формирования классового общества и государства на территории Греции. Этот процесс протекает уже по-иному. Государственные образования, возникшие на территории Греции в I тыс. до н. э., во многом отличаются от государств II тыс. до н. э.

Отправной точкой всего общественного развития Греции становится полис, который, видоизменяясь на протяжении веков, оставался основной государственной организацией античного общества практически вплоть до конца древности. В работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству» К. Маркс подчеркивал, что своеобразие полиса определяется своеобразием античной формы собственности, лежащей в его основе, поскольку полис как коллектив граждан выступал в роли верховного собственника земли. Несколько позднее на территории Апеннинского полуострова возник и развился италийский вариант полиса — цивитас, самым ярким примером которого был Рим. Античные гражданские общины были первыми в мировой истории демократиями и возникли они как в Греции, так и в Риме в результате борьбы народа против родовой знати, пришедшей к власти после ниспровержения царей.

В силу развития товарного хозяйства и рабства коллектив граждан полиса расслаивался, основные его институты разлагались. Выход из кризиса правящие классы искали в военной экспансии. Ее объектами были как другие, более слабые города-государства, так и племена, находившиеся еще на стадии первобытнообщинного строя. В результате завоеваний формировались крупные державы. Первыми из них были эллинистиче-

ские царства, возникшие на территориях, покоренных Александром Македонским. Далее — империя, созданная Римом. Включив в состав империи как эллинистические царства, так и средиземноморские области Европы, Рим способствовал распространению на них античных институтов — городского строя, рабовладельческого способа производства, техники, культуры.

Взаимодействуя с местными структурами, эти институты частично их разлагали, частично сами подвергались их влиянию. Громадную роль в античном мире играло рабовладение. Можно утверждать, что первой стадией развития рабовладения в Греции и в Италии была та патриархальная форма его, которая, по словам К. Маркса, была направлена на производство «непосредственных средств существования», а система, «сложившаяся в позднейшую греческую и римскую эпохи», направлена на производство прибавочной стоимости³. Как показано в первом томе, патриархальное рабство было широко распространено среди племенного мира Европы, который, правда, не был однороден ни этнически, ни по уровню развития. Одни племена находились на стадии первобытнообщинного строя, экономика их была примитивной, еще не была достигнута полная оседлость, перемещение с одних мест на другие сопровождалось военными конфликтами, племенные союзы быстро распадались. У других, уже полностью оседлых племен первобытнообщинный строй разлагался. Росли производительные силы, ремесло отделялось от земледелия, выделялась родоплеменная знать, появились вожди, подчинявшие соседние племена. Усиливались их контакты с античными обществами. Римская держава включила постепенно в свой состав все европейские территории, примыкавшие к Средиземному морю. Ход римского завоевания и дальнейшую судьбу покоренных племен во многом определяла прочность или степень разложения у них первобытнообщинного строя. В эпоху Ранней Римской империи было достигнуто максимальное для древности объединение как античных центров, так и соседних с ними племен.

Однако это положение было недолговечно. Уже с конца II в. преобладание переходит к союзам, складывавшимся в племенном мире. Их перевес сказывался и в военном, и в культурном отношении. Начинается так называемая «варваризация» Западной Римской империи. Оживляются местные традиции, культы, языки, искусство. Когда европейская часть империи переходит под власть варваров, снова встает проблема континуитета и дисконтинуитета, вклада различных обществ в синтез, легший в основу нового общественного строя, новой культуры, проблема, которая не может быть решена без тщательного анализа взаимоотношений на всем протяжении истории античной Европы между племенным миром и миром античным, и выявления закономерностей, регулировавших колебания в таких взаимоотношениях. Кризис III в., разложение рабовладельческих отношений, вторжения варваров, широкие социальные движения привели в V в. к падению Поздней Римской империи и расчистили путь для развития нового, феодального строя.

Античный мир составил громадное наследие во всех областях культуры — это изобразительное искусство, архитектура, философия, право, этика, литература, театр, наука, без знания которых нельзя понять культуру эпохи средневековья, Возрождения да и современной Европы.

Второй том посвящен средневековью и охватывает более чем тысячелетний период (с IV по конец XV в.). С началом средневековья Европа постепенно формируется в своеобразное историко-культурное единство, отличающееся вместе с тем большой пестротой и сложностью. Внутри этого единства взаимодействуют, обогащая друг друга, экономические, социально-политические структуры и традиции разных населявших Ев-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 364—365; ч. II, с. 143.

ропу народов. Обогащает его и постоянное общение с более развитыми в раннее средневековые странами Азии и Северной Африки.

Одним из главных факторов, позволяющих рассматривать средневековую Европу как единое целое, была принадлежность всех ее регионов к одной и той же общественно-экономической формации. В основе ее лежал феодальный способ производства, наиболее общие черты которого были характерны для всех регионов континента. К ним относятся в первую очередь господство крупной земельной собственности (разного вида), основанной на эксплуатации мелких самостоятельных крестьянских хозяйств, связанные с этими отношениями собственности разные формы внеэкономического принуждения, преобладание аграрной экономики и натурального хозяйства. Для духовной атмосферы этой эпохи повсеместно в Европе было характерно господство религиозного мировосприятия в виде христианской религии и связанное с ней большое влияние церкви — католической на Западе, православной — в Византии, на Балканах, на Руси. Но все эти характерные черты эпохи проявлялись в разных регионах Европы в бесконечном разнообразии конкретных форм. Показать, как общее и особенное сочетались на тех или иных этапах ее истории, иначе говоря, дать типологическое освещение эволюции средневековой Европы — одна из главных задач тома. Основным инструментом такого типологического анализа служит понятие региона, в котором воплощаются общее (формационные признаки), особенное (региональные особенности) и единичное (специфика отдельных стран). Решающим критерием в выделении регионов служат типологические особенности развития феодального строя в каждом из них, более второстепенными — географические, этнические и территориально-политические условия существования этих территорий. Как правило, регион по названию ассоциируется с определенным географическим ареалом, хотя один и тот же или сходный тип развития феодализма может охватывать и несколько таких регионов.

Для II тома характерно равномерное освещение истории всех регионов Европы. Региональные главы тома с одинаковой подробностью освещают общее и особенное в развитии всех регионов Европы: юго-западного, западноевропейского, центральноевропейского, славяно-балканского, Византии, Северной Европы (скандинавский регион) и восточноевропейского региона — Древней Руси. В книге показано реальное место каждого из этих регионов в развитии Европы, в формировании культуры континента — общего исторического наследия европейцев. Ряд важнейших узловых проблем выделяются в особые главы, в которых материал региональных глав рассматривается как бы в сравнительно-историческом разрезе: это проблемы развития производительных сил на континенте, генезиса феодализма, роль городов как центров ремесла и торговли в феодальном обществе, эволюция государства, классовой борьбы. К числу таких общеевропейских проблем относятся также международные отношения внутри самой Европы и ее связи с другими континентами, история христианской церкви, которая использовала свои догмы для оправдания и защиты существующего строя, и ересей, которые заимствовали из христианства враждебные этой догме, иногда весьма радикальные социальные идеи.

Период, освещаемый во втором томе, насыщен огромным количеством самых разнообразных событий; перед читателем пройдет вереница выдающихся деятелей, правителей государств и вождей народных движений, идейных вождей ересей, политиков и ученых, деятелей культуры и искусства. Первая часть тома, посвященная раннему средневековью, рисует широкую картину этногенетических и демографических сдвигов в Европе V—XI вв. Показано, как в бурном процессе этногенеза, взаимодействия и синтеза между греко-римским и варварским наследием постепенно складывался новый, феодальный способ производства. Он формировался у многих народов Европы, хотя и более медленными темпами, непосред-

ственно из разлагающегося первобытнообщинного строя. Такой путь генезиса феодализма, минуя рабовладельческую формацию, был характерен для тех регионов континента, которые не имели связей с греко-римским миром и не испытали прямого влияния разлагающегося рабовладельческого строя. Это было время активного распространения христианства и миссионерской деятельности церкви, борьбы христианства с язычеством. Средневековый мир рождался в ходе ожесточенной социальной борьбы между разными категориями втягивавшегося в зависимость крестьянства и крепнущего класса крупных феодальных землевладельцев. Завершение формирования этих двух классов и знаменовало собой установление в Европе феодального строя.

Среди раннефеодальных государств с начала X в. заметную роль в международных отношениях и культурной жизни тогдашней Европы играло древнерусское государство — Киевская Русь. Ставшая позднее, в первой половине XIII в., главным объектом монголо-татарского нашествия в Европе, она явилась мощным заслоном против продвижения монгольских орд в центральные и западноевропейские регионы, а также в Византию.

Второй период средневековья — время расцвета феодализма — ознаменовался значительным подъемом производительных сил в сельском хозяйстве и ремесле во всей Европе, ростом народонаселения, массовым возникновением средневековых городов как центров ремесла и торговли, быстрым развитием товарно-денежных отношений. В это же время оформляется рыцарство как особое военно-служилое сословие, складывается единый класс зависимого крестьянства. Феодальная Европа покрылась густой сетью замков — прибежищ воинственных феодалов, городов, укрепленных высокими стенами, готовых защитить горожан от внешних врагов и воинственных соседних рыцарей, а также величественными каменными соборами и монастырями. Жизнь Европы этого периода полна противоречий как внутри отдельных регионов, так и между ними. Подвергаясь тяжелому угнетению, крестьяне в некоторых (западных) регионах постепенно освобождаются от наиболее тяжелых форм зависимости, в других же регионах они медленно и постепенно теряют свою свободу. Из хаоса феодальных усобиц и состояния политической раздробленности постепенно рождаются относительно централизованные государства, которые, в отличие от самодержавной Византии, в большинстве стран Западной, Центральной, Северной Европы, а к концу XV в. и на Руси приобретают форму монархий, опирающихся в своей политике на сословные собрания. В своем стремлении к расширению границ и стабилизации захваченных территорий эти более крупные политические объединения вступают между собой в длительные и кровопролитные войны.

В связи со складыванием национальных государств падает и самостоятельная политическая роль католической церкви на Западе (православная церковь и раньше не играла самостоятельной роли). В XI—XIII вв. главный организатор крестовых походов на Ближний Восток, в Прибалтику, на Русь, мощный претендент на политическое господство в Западной Европе в соперничестве с германскими императорами, католическая церковь все больше и больше вынуждена была отказываться от своих политических амбиций и искать мира с усилившимися светскими государями. В то же время ее влияние подрывается изнутри еретическими движениями, часто весьма радикального характера, выражающими социальное недовольство бюргерства и крестьянско-плебейских масс.

Во всех регионах Европы в этот период резко обостряются социальные противоречия. Кульминацией классовой борьбы становятся крупные крестьянские восстания и мощные городские движения XIV—XV вв., составившие героические страницы истории этого периода.

Между тем за фасадом этих бурных событий происходит малозаметное на первый взгляд усовершенствование производительных сил и в деревне, и в городе, продолжают развиваться товарное производство и обмен, создаются более совершенные формы организации производства, распространяется грамотность, усиливаются светские элементы в духовной культуре. Пройдя трудный и сложный путь от раннего средневековья к зрелому феодализму, Европа превратилась в XV в. в один из наиболее передовых в экономическом и культурном отношении континентов тогдашнего мира. Динамизм развития Европы прорывает свойственные докапиталистическим формациям традиционность, консерватизм и выводит ее наиболее передовые регионы на путь зарождения элементов капиталистических отношений. Чертами глубокого своеобразия отмечена культура европейского средневековья. Европейская цивилизация выросла из трех корней: греко-римского наследия, христианства и культур германских, кельтских, славянских и других варварских народов, которые на ее заре заявили о своем существовании. При этом она развивалась в постоянном взаимодействии с культурой народов Востока и особенно арабского мира.

Длительное время оплотом греко-римской цивилизации в Европе оставалась Византия. Характерной особенностью византийской культуры являлся синтез западных и восточных элементов в различных сферах материальной и духовной жизни общества. Однако в этом синтезе всегда сохранялась греко-римская основа. Античные традиции никогда не исчезали в Византии: бывали периоды их временного затухания, но затем они воскресали с новой силой. Христианская Византия как бы хочет, но не может сбросить с себя одежды античной культуры и все вновь и вновь обращается к этому источнику знания. Разумеется, и в средневековой Византии, как и в других регионах Европы, рождались новые идеи, новые философско-богословские, политические, этические и эстетические воззрения. Не континуитет, а постоянная идейная борьба старого с новым — вот доминанта как общественной, так и культурной жизни средневековой Европы. Проблема усвоения античного наследия была чрезвычайно важна для Европы, и не только для ее средиземноморских областей. Она имела большое значение и для тех народов, которые позже вступили в общеевропейский процесс развития в средние века, в частности для славян и скандинавов.

Культура Древней Руси, развивавшаяся на основе древнеславянских традиций и тесно контактировавшая с культурой Византии, через которую она познакомилась с античным наследием Запада и Востока, отличалась самобытностью, глубоким гуманизмом, терпимостью к иноязычным и иноверным народам, искренним патриотизмом и верой в красоту своей земли.

Значительный вклад в развитие средневековой культуры Европы внесли так называемые варварские народы (кельты, германцы, славяне): их представления о мире, природе и человеке, порою восходящие еще к язычеству, составили основу фольклорной народной культуры средневековья, питали живыми соками героический эпос, литературу, архитектуру, музыку, театр, изобразительное и прикладное искусства.

Связующим началом в культуре средневековой Европы было христианское мировоззрение, которое проникло во все сферы общественного сознания той эпохи. Человек средневековья жил в атмосфере христианской религиозности, однако сама эта религиозность не только не поглощала ортодоксальной церковностью, но часто противостояла ей. Светская струя была сильна и в культуре господствующего класса, и особенно в народной.

Средневековая культура Европы сочетала устремленность к божественному абсолюту и прославление аскетического идеала с жизнелюбием

и приверженностью к простым радостям бытия. Она была порою яркой, непосредственной, наивной и смешливой, выплескивавшейся в карнавальные народные празднества, ристаний в цирке, в откровенности песен ваянгантов, лицедействах скоморохов, такой земной и такой человеческой любви к конкретике вещи, ее телесности, которыми отличается средневековое искусство.

Даже глубокий спиритуализм эстетических воззрений византийского общества, устремленных к поиску трансцендентного идеала, не увел, однако, искусство Византии в мир голой абстракции. В отличие от мусульманского Востока, где примат духовного начала над плотским привел к господству в изобразительном искусстве геометризма и орнаментальных форм, в культуре Византии, как в искусстве, так и в литературе, человек все же оставался в центре художественного творчества. Средневековые соборы были устремлены к небу, но их основания прочно покоились на земле. Так и культура средневековья, консолидируясь в стремлении к обретению абсолюта, шла к этой цели множеством путей, которые нередко уводили от божественного в сторону реального мира, ее основанием была стихия земной жизни.

Для зрелого средневековья можно говорить об определенной однотипности культурного развития Европы. В культуре ярко проступают такие черты, как символизм и аллегоризм, порождаемые религиозной структурой сознания, своеобразное сочетание обобщенности и конкретизации, давление традиционности, отсутствие чувства индивидуального авторства, тяготение к авторитету и устойчивости формы. Но средневековая культура не была косной и застывшей. Возникнув, она обрела динамизм, рождались новые формы культурной жизни, жанры литературы, философские течения, художественные стили. Постепенно человеческое сознание начинает освобождаться от пут средневековой схоластики, человек обращает взор в поисках красоты не только в небо, но и внутрь собственного духовного мира, открыв в нем неизведанные ранее глубины, которые неожиданно обнаружили перасторжимую связь человека и окружающего его мира, связь жизни каждого и всех. Это открытие индивидуализма характерно как для Запада, так и для Востока.

Исключительно важным событием средневековой истории было возникновение славянской письменности. Оно имело эпохальное значение для всех славянских народов — прежде всего как фактор развития культуры, широких контактов с передовой в то время Византией, тесных связей самих славянских народов. Миссия Кирилла и Мефодия в Великой Моравии, создание ими славянской азбуки, деятельность учеников великих просветителей в Болгарии — все это способствовало распространению славянской письменности и в Древней Руси, содействовало сохранению сознания единой славянской общности при одновременной дифференциации и формировании самосознания отдельных славянских народностей.

Развитие духовной жизни в средневековой Европе имело свои хронологические и региональные особенности. Культурные процессы и явления возникали в разное время и обретали разную форму у разных народов. В зрелом средневековье две противоположные тенденции к универсализации и дифференциации, сложно переплетаясь, постоянно стимулировали развитие культуры, не только количественное накопление ее проявлений, но и их качественные изменения. Все это привело к тем существенным сдвигам, к которым Европа приходила на различных этапах средневековой истории, а в конечном счете к рождению новой, ренессансной и национальных европейских культур.

Третий том охватывает период позднего средневековья, когда начался переход от феодальных отношений к капиталистическим. Он продолжался немногим более полутора столетий — с конца XV в. до середины

XVII в. Однако этот сравнительно краткий хронологический отрезок вместил в себя события, значение которых далеко вышло за рамки собственно Европы и приобрело всемирно-историческое звучание.

Маркс называл XVI в. «началом капиталистической эры»⁴. Зарождение капиталистического производства и первоначальное накопление капитала в наиболее завершенном виде происходили в Англии, где и приобрели наиболее классические формы. Именно здесь сложились все необходимые предпосылки этого процесса еще в предыдущем столетии. История Англии XVI в.— это массовое обезземеливание крестьянства, а вслед за тем — «кровавое законодательство» против экспроприированных, лишенных средств к существованию людей, которые были вынуждены покидать привычную среду и далеко не сразу находили применение своим силам.

Процесс зарождения капиталистических отношений интенсивно протекал и в других странах. Быстрыми темпами развивались они в северных провинциях Нидерландов, ставших центром формировавшегося мирового рынка. Молодая нидерландская буржуазия, крупное купечество успешно использовали в своей торгово-предпринимательской деятельности денежные ресурсы, поступавшие к ним от торговли с Западной Европой, Индией и колониями Нового Света.

В период разложения феодального строя и зарождения капиталистических отношений происходит изменение формы государства, усиливается его централизация. Социальной опорой в государстве остается класс феодалов. Однако на первом этапе абсолютизм поддерживала также нарождавшаяся буржуазия, заинтересованная в сильной центральной власти, обеспечивающей ей экономическое развитие.

В дальнейшем, однако, политика абсолютизма в пользу феодального дворянства стала противоречить интересам буржуазии и являлась препятствием на пути ее дальнейшего развития. В конечном счете это привело к раннебуржуазным революциям.

Революция, в которую вылилась освободительная война Нидерландов против господствовавших там испанских Габсбургов, при всей ее незавершенности, была первой победившей буржуазной революцией в Европе. В ходе ее буржуазия, радикально настроенные горожане и городской плебс под идеологическими знаменами кальвинизма создали новые формы управления и сыграли в ходе вооруженной борьбы исключительно активную роль. И хотя в дальнейшем народные массы утратили ведущее положение и в руководящих органах Республики Соединенных Провинций решающие позиции заняли городская верхушка и знать, значение первой победоносной буржуазной революции мануфактурного периода непреходяще.

Великие географические открытия, начавшиеся с путешествия Христофора Колумба в 1492 г., повлекли за собой колонизацию Американского, а затем Азиатского и Африканского континентов рядом европейских государств, прежде всего Испанией и Португалией. Колонизация означала подчинение и безжалостное уничтожение тысяч коренных жителей Америки, разрушение древних цивилизаций майя, ацтеков и инков. Непосильный труд в золотых и серебряных рудниках рабов — местных и вывезенных из Африки — был страшной ценой дешевого серебра и золота, хлынувших широким потоком на Европейский континент. Прежде других государств воспользовалась выгодами эксплуатации американских колоний Испания, завоевавшая обширные территории в Центральной и Южной Америке. Ей принадлежали немалые владения и в Европе, прежде всего на Апеннинском полуострове. Казалось, Испания достигла вершины своего могущества. И тем не менее она не была в авангарде

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 728.

европейских стран, вступивших на путь капиталистического развития. Мало того, к концу XVI в. и особенно в XVII столетии явственно проявились признаки ее экономического упадка. Парадокс состоял в том, что сравнительно легко доставшиеся колониальные богатства попадали в первую очередь в руки короны и дворянства, что не способствовало развитию торгово-предпринимательской деятельности зарождавшейся буржуазии. Вопрос о причинах упадка Испании остается дискуссионным в исторической литературе.

Во Франции, ранее других ставшей централизованным государством, уже в конце XV в. начала складываться новая форма феодального государства — абсолютизм. Капиталистические отношения во Франции развивались своеобразным путем. Французская буржуазия активно участвовала в разного рода откупных и кредитно-ростовщических операциях, обогащалась на службе у монарха и в провинциальном аппарате. Французское дворянство, довольствуясь доходами от придворных должностей и центами с крестьян — фактически свободных держателей, в отличие от английского, не было заинтересовано в ведении собственного хозяйства.

Социально-экономическое и политическое развитие Италии тоже имело ряд особенностей. Уже в XIV—XV вв. зачаточные элементы капиталистического производства зародились в передовых итальянских городах, где в сукноделии, шелковом производстве и кораблестроении возникли первые мануфактуры. В них применялся труд наемных рабочих, а также ремесленников. Первая половина XVI в., однако, была отмечена почти повсеместным спадом экономической активности в этих городах. Вторжение чужеземных войск в Италию, разорительные войны, продолжавшиеся всю первую половину XVI в., изменение торговых путей пагубно сказались на ее экономике. Некоторый подъем наметился во второй половине XVI в. Однако с середины XVII в. наступил почти столетний период застоя.

Германская империя Габсбургов, состоявшая из множества мелких и крупных княжеств, феодальных сеньорий и свободных имперских городов, не была единым государством. Как и в других европейских странах, в ней происходили перемены в экономике и социальной жизни, возникли ростки раннего капиталистического производства (в горном деле, книгопечатании, текстильном производстве и др.). Но политическая раздробленность тормозила прогрессивные преобразования. Конец XV—XVI в. в Германии — время острой классовой борьбы, мощных крестьянских восстаний, кульминацией которой стала Великая Крестьянская война. Протест крестьян против стремления феодалов обратить их в крепостное состояние встретил поддержку в городах, среди городского плебса и части среднего бюргерства, пытавшихся ослабить путы княжеской эксплуатации и облегчить экономическое развитие отдельных областей.

Центральноевропейские государства в XVI — начале XVII в. — Польское, Венгерское, Чешское королевства и связанная в своем историческом развитии с ними Австрия — являлись сословно-представительными монархиями, где власть осуществлялась верховными правителями и органами — представителями сословий (сейм — в Польше, снем — в чешских землях). В них почти отсутствовали представители городов, а тем более крестьянства. Главную и наиболее самостоятельную роль играло дворянство, чему способствовали социальные сдвиги, укреплявшие крепостнические порядки (второе издание крепостничества). Эти государства, подчиняясь Габсбургам, превратились в единую абсолютную монархию, главной особенностью которой был ее многонациональный характер.

Политические структуры Юго-Восточной Европы XVI — первой половины XVII в. отличались большим своеобразием.

В Османской империи также существовала монархическая форма правления, власть передавалась по наследству, управление было центра-

лизованным, сословное представительство отсутствовало. Ее строй опирался на феодалов мусульманского (турецкого) происхождения.

Ордынское иго отбросило государства Восточной Европы, и прежде всего Россию, на несколько столетий назад. На долю России выпали особенно тяжкие испытания, многие ее города и села были опустошены, погибли тысячи людей, невосполнимый урон понесли ремесло и торговля. Огромные, небывалые жертвы и лишения перенесли украинский и белорусский народы во время польско-шведской интервенции XVI—XVII вв. Народы России выстояли в этой борьбе. Было завершено объединение русских земель, укрепилось централизованное государство, территория которого расширилась до Тихого океана. Оживилась внутренняя и внешняя торговля, чему способствовал выход к морю и активные связи с западноевропейскими государствами через Архангельск, переживали подъем города.

Позднее средневековье было ознаменовано не только зарождением новых, прогрессивных форм производства, усложнением классовой структуры общества, мощными социальными и религиозными движениями, но и высочайшим взлетом светской культуры — Возрождением. Родиной Ренессанса стала одна из наиболее развитых областей Европы — Италия с ее громадным международным размахом торгово-промышленного предпринимательства, богатством городов, интенсивностью социально-политической жизни. Культура Возрождения начала складываться в Италии уже во второй половине XIV в. и достигла блестящего расцвета в конце XV — первые десятилетия XVI столетий. Усилиями гуманистов и натурфилософов от Петрарки и Боккаччо, Валлы и Альберти до Леонардо да Винчи, Макьявелли и Бруно была создана новая идеология и философия, ориентированная, в отличие от средневековой системы знания, на проблемы человека, на опытное познание мира. Гуманизм стал мировоззрением всей ренессансной культуры. В конце XV — начале XVI в. гуманизм распространился широко за Альпами. Творчество Эразма Роттердамского и Рабле, Сервантеса и Шекспира принадлежит к высшим достижениям не только европейской, но и мировой культуры. Великое открытие Коперника и страстная защита идеи гелиоцентризма Бруно и Галилеем нанесли сокрушительный удар по косности схоластического мышления. В эту эпоху зародились новые представления о социальной справедливости. «Утопия» Томаса Мора и «Город Солнца» Кампанеллы противопоставили миру частной собственности подлинно гуманные идеалы совершенного государства, основанные на коллективной собственности и обязательном труде каждого.

В формирование и развитие культуры Возрождения внесли ценнейший вклад художники, скульпторы, архитекторы — Мазаччо, Донателло и Брунеллески, Ян ван Эйк, Пьеро делла Франческа и Боттичелли, Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело, Тициан, Дюрер, Альберти и многие другие. С середины XV в. и особенно в XVI в. набирает силу естествознание — прежде всего в трудах Луки Пачоли и Региомонтана, Кардано и Везалия, Тихо Браге и Кеплера.

Эпоха Возрождения стала временем становления новых идейных принципов и нового художественного стиля в самых разных областях культуры. Несмотря на наличие в ней многих течений и идейных направлений, она обрела определенное единство в борьбе со средневековыми традициями, с господством церковного мировоззрения, схоластического и догматического. Это было время острой полемики гуманистов с теологами, живейших дискуссий в их собственной среде, отразивших сложный, подчас противоречивый процесс развития гуманистического мировоззрения. Это было время настойчивых поисков и открытий в области гуманитарных наук, — философии и истории, педагогики и моральной философии, время переосмысления задач и методов знания, науки, ориентации

их на практические цели воспитания духовно свободной, гармонической, всесторонне развитой личности. Огромное значение в этом процессе духовного обновления личности и общества в целом придавалось самой культуре, социальная функция которой энергично подчеркивалась всеми гуманистами.

Огромное влияние на духовную жизнь Европы и пути развития культуры оказала Реформация — широкое общественное движение за радикальное переустройство церкви. В нем в религиозной оболочке нашли отражение чаяния самых различных слоев общества: от умеренных требований Лютера и его последователей до революционных требований крестьянско-плебейских масс Германии и Нидерландов. Передовые идеи Возрождения и Реформации встретили ожесточенное сопротивление сил феодально-католической реакции. Суды инквизиции, индексы запрещенных книг, изощренная политика иезуитов, аутодафе (сожжение на кострах) стали орудием жестокой борьбы со свободомыслием. Символом этой борьбы явилось сожжение на костре Джордано Бруно и Джюлио Чезаре Ваннини, массовые расправы с «еретиками» в Нидерландах, Франции, Испании и других странах. Но поступательное развитие Европы, пусть с зигзагами и отступлениями, продолжалось, подготовив кардинальные сдвиги, происшедшие в XVII—XVIII вв.

Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального. Ряд факторов обусловил то, что именно на Европейском континенте осуществился переход от феодальной формации к капиталистической, а с течением времени уже под воздействием Европы — за ее пределами, в других частях мира. Это было связано прежде всего с тем, что только в Европе к концу средневековья под покровом феодальных вывесок фактически сложилась свободно обрабатывавшаяся парцеллярная земельная собственность крестьянства, порождавшая новые буржуазные отношения. Отделение ремесла от земледелия только в Европе привело к возникновению городских экономических центров, развивавших обмен с сельской округой, а потом — и с более отдаленными районами, к формированию местных, областных, национальных, а в конечном счете и общеевропейского рынка. Немалое значение имели и факторы естественно-географического характера: «Не области тропического климата с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала. Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляют естественную основу общественного разделения труда...»⁵. Процесс перехода от феодализма к капитализму был ускорен открытием золотых и серебряных приисков в американских владениях западноевропейских государств, работоторговлей, первыми шагами по завоеванию и колониальному ограблению Индии и других азиатских стран.

На заре буржуазной эры, в конце XV и в XVI в., основной формой капиталистического промышленного производства была простая кооперация, не знавшая разделения труда. В XVII в. начинает преобладать мануфактура, основанная на разделении труда.

IV том данного издания, посвященный собственно мануфактурному периоду развития капитализма, охватывает полуторавековой отрезок времени — с середины XVII до последнего десятилетия XVIII в. Это период противостояния и взаимодействия буржуазного строя, утвердившегося в двух передовых странах Западной Европы — Голландии и Англии, и феодальной формации, господствовавшей почти на всей территории континента. Начало этого периода было положено Английской буржуазной революцией середины XVII в., открывшей эпоху смены феодализма капитализмом в европейском масштабе.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 522.

Эта революция, с которой начинается период новой истории, отражала потребности не только той страны, где она разразилась, но и общеевропейского развития. Феодальная система в Европе, взятой в целом, созрела для ранних буржуазных революций. Именно поэтому Английская революция стала революцией общеевропейского масштаба и придала общеевропейский смысл и значение возникшим на различной почве народным движениям в разных странах континента, в том числе и остававших по уровню своего социально-экономического развития, и объективно объединила их в первый синхронный цикл революционных выступлений, первый международный натиск на основы старого феодального строя. Однако потребовалось еще целых полтора столетия, прежде чем сформировались предпосылки и условия для «классической» буржуазной революции — Великой Французской революции. Процесс созревания таких условий стал общим знаменателем развития Европы с середины XVII до конца XVIII в.

В передовых странах капиталистическая мануфактура одержала победу над традиционным цеховым ремеслом и подготовила почву для перехода в будущем к машинному производству. Мануфактурный период — время формирования буржуазии и пролетариата. Но социально-экономическое развитие Европы той эпохи шло неравномерно и асинхронно. С самой зари капиталистической эры различные страны Западной Европы — Испания, Португалия, Голландия, Англия — более или менее последовательно выступали носителями различных компонентов первоначального накопления. К концу XVII столетия в Англии создается колониальная система, система государственных займов, меркантилизма, таможенного протекционизма и защиты интересов своей мануфактуры на внешних рынках. Англия, к этому времени уже далеко обогнав страну торгового капитализма Голландию, стала центром раннебуржуазного развития. На континенте же оставался регион феодальных стран с относительно развитым капиталистическим укладом. Центром его была Франция, и в него входили некоторые районы западной части Германии, Швеции, Южных Нидерландов, Северной Италии. На протяжении XVIII в. к этому региону примкнули отдельные области Центральной Германии, Испании (Каталония). В Восточной Европе, в частности в России, также шел, хотя и более медленными темпами, процесс складывания капиталистического уклада, импульсом к которому послужили преобразования Петра I.

Реформы Петра I представляли собой крутую ломку в жизни великой страны, занимающей большую часть континента. Они привели к ускорению ее исторического развития, подъему мануфактуры, к обновлению и модернизации структуры правительственных учреждений, созданию регулярной армии и морского флота, что выдвинуло Россию в ранг наиболее сильных держав Европы. Перемены охватили сферы культуры, быта, просвещения, превратили новую российскую столицу — Петербург — в один из важнейших научных центров Европы. Петровские преобразования покончили с разобщенностью Запада и России, еще сохранявшей ся со времен татарского ига, способствовали расширению экономических, политических, культурных и научных связей между странами, расположенными в различных частях Европейского континента, сближению путей их исторического развития.

Таким образом, эволюция всех регионов Европы отражала, хотя и поразному, процесс превращения буржуазного уклада в господствующий. Этот процесс по существу означал объективное экономическое соревнование между феодальной и шедшей ей на смену капиталистической системой, соревнование, происходившее не только в пределах отдельно взятой страны, но и в региональном и континентальном масштабе. На ход этого соревнования, осуществлявшегося совсем не прямолинейно

и лишь в конечном счете в пользу новой, буржуазной системы, наложила сильный отпечаток борьба за захват и передел колоний. Во второй половине XVII и XVIII в. к прежде завоеванным огромным территориям европейские колонизаторы прибавили обширные районы Северной Америки, Индии, Южной и Западной Африки.

Вместе с тем глубиной экономической причиной относительной устойчивости социально-политического строя большинства европейских феодальных государств за полторавековой период между Английской и Французской революциями являлась возможность сравнительно длительного одновременного существования переживавшего кризис, но еще сохранявшего господствующие позиции феодального строя и формировавшегося капиталистического уклада.

За исключением Англии, Нидерландов, Швейцарии, немногих старых торговых республик и городов, власть монарха в большинстве стран приобрела поистине неограниченный характер. Абсолютизм сумел покончить с дворянской волиницей, с сепаратизмом феодальных вельмож, с автономией сословных представительных учреждений, с особыми правами провинций, местными привилегиями и обычаями, если они в какой-то мере ограничивали всевластие короны. Казалось, изменения, происходившие на большей части континента были прямым отрицанием провозглашенных Английской революцией принципов политического строя нового европейского общества. Однако на деле эти изменения связаны с последствиями революции, определившими ее общеевропейское и тем самым всемирно-историческое значение.

Большим своеобразием отличались сдвиги, происходившие в XVII—XVIII вв. в духовной жизни европейского общества. Наследие Реформации с одной стороны и Возрождения — с другой, в сочетании с научными открытиями начала XVII в. явились идеологической предпосылкой английской буржуазной революции. В свою очередь идеологическое наследие этой революции стало колыбелью европейского Просвещения. Идеология Просвещения была второй, после Реформации, уже освобожденной от религиозных пут идеологией восходящего класса буржуазии. Эта антифеодалная идеология наиболее глубоко отразила потребности развития всей Европы и вследствие этого — всего тогдашнего мира. Диалектика истории заключалась в том, что английская революция — последняя из крупных европейских революций, происходившая в религиозной оболочке, придала мощный импульс секуляризации общественной жизни. Вместе с тем освобождение передовой идеологии от отжившей религиозной формы было крупнейшим завоеванием европейской общественной мысли.

Секуляризация идеологии имела неопенимое значение для формирования не ограниченного теологическими шорами взгляда на природу, а поступательное движение естествознания, подрывавшее основы церковного мировоззрения, доставляло науке неотразимые аргументы в ее вековом споре с религией.

Во второй половине XVII столетия еще преобладал дуализм и рационализм Декарта, но уже в начале следующего века торжествует эмпиризм Локка, явившийся отправным пунктом для французского материализма, для трудов Гольбаха, Гельвеция, Ламетри, Дидро и других выдающихся представителей европейского Просвещения, которое стало крупнейшим вкладом Европы в духовную сокровищницу человечества. В середине XVIII в. Даламбер писал, что Декарт указал «путь к тому, как сбросить иго схоластики, устоявшихся мнений, авторитетов, одним словом, предрассудков и варварства». Ныне же с прогрессом знания, добавлял Даламбер, философия и физика Декарта устарели и должны уступить место научным идеям Локка и Ньютона.

Труды Паскаля и Гюйгенса, Бойля и Мариотта, формулирование Ломоносовым и позднее Лавуазье закона сохранения вещества и движе-

ния, открытия Линнея и Бюффона, Вольты, Лапласа и Канта революционизировали математику и физику, химию и биологию, ботанику и космологию.

Непоколебимое убеждение во всемогуществе человеческой мысли придавало особую взрывчатую силу тому огромному критическому заряду, который был заложен в передовой идеологии XVIII в. Общественная атмосфера века позволила Вольтеру, Руссо и его младшему современнику Бомарше, как и многим другим, ломая барьеры сословного строя, стать подлинными властителями дум нескольких поколений европейцев.

Взамен отживавшего свой век феодализма взору передовых мыслителей XVII—XVIII вв. рисовался будущий строй гармонии, путь к которому лежал через распространение просвещения. Не случайно XVIII век стал временем расцвета социалистических утопий. Разумеется, просветителям были свойственны и ограниченность мышления, и серьезные заблуждения, порожденные эпохой.

Материализм просветителей, оставаясь механистическим и метафизическим материализмом, совмещался у них с идеализмом в понимании общественных явлений. «Мнение управляет миром, провозгласил Вольтер,— и, в конечном счете, философы управляют мнениями людей».

Просвещение вызвало глубокое изменение в социальной психологии, особенно в странах, где получил развитие буржуазный уклад. Эти подспудные сдвиги в сознании самых широких слоев населения впоследствии отразились в той быстроте, с которой в годы Великой революции произошло во Франции преодоление монархических иллюзий основной массой народа, в возникновении обширных районов, где уже необратимым стало отчуждение ее от религии и церкви.

Для XVIII в. характерно быстрое увеличение международного веса России, а также усиление ее роли в экономической, научной и культурной жизни Европы. Гениальные открытия М. В. Ломоносова, крупные достижения русской технической мысли, хотя они, как правило, еще не находили практического применения в условиях крепостной действительности и нередко оставались неизвестными на Западе, принадлежали к числу самых ярких свершений века. Революционные идеи А. Н. Радищева могут по праву считаться одним из ярких достижений передовой общественной мысли этого столетия.

Развитие европейской культуры в этот период сопровождалось сменой стилей в живописи и архитектуре, нашедших материальное воплощение в облике разраставшихся городов, в первую очередь в раннебуржуазных государствах. Классицизм как господствующее направление в литературе и искусстве постепенно уступил место сентиментализму, а примерно с 60-х годов XVIII столетия также и предромантизму. Это был век утверждения романа как ведущей формы художественной прозы. Латынь еще оставалась международным языком науки, а изучение сочинений античных авторов — важнейшим элементом образования. Но французский язык, сменив латинский, стал языком дипломатии и образованных кругов общества почти во всех европейских странах. Культура образованных кругов — дворянства и буржуазии — была по-прежнему отделена от культуры народных низов. Однако идеи Просвещения и развитие науки и культуры, разумеется, не могли не только разрешить, но хотя бы смягчить глубокие социально-экономические противоречия европейского общества.

Феодально-абсолютистские монархии пытались идти в ногу с веком, используя некоторые идеи просветителей с целью модернизации государственного аппарата и ликвидации наиболее вопиющих препятствий для развития промышленности и торговли. Эти реформы «просвещенного абсолютизма», объективно являвшиеся превентивными мерами против революции, могли иметь лишь временный и частичный успех, они находи-

лись в непримиримом противоречии с историческими задачами Просвещения.

Горькое сознание, что успехи науки и культуры нисколько не изменили к лучшему участь подавляющего большинства людей, заставило Руссо еще в середине века отвергнуть «ложные пути прогресса», если при нем «человек, рожденный свободным — всюду в оковах». «Век Просвещения не является просвещенным веком» — таков был приговор, вынесенный Кантом своему времени. Гордиев узел общественных антагонизмов мог быть разрублен только революционным путем. Поколения, жившие в XVIII в., не имели опыта революционного преобразования общества. Но во второй половине XVIII в. начала все уверенней пробивать себе дорогу мысль о неизбежности революционного переворота. Руссо в романе «Эмиль» писал: «Мы приближаемся к состоянию кризиса и к веку революции». Уже начинают ожидать революцию с надеждой и нетерпением. Выдающийся представитель утопического социализма Франции Мабли выражал опасение, что испорченность нравов помешает ее наступлению. Такие ожидания становятся характерными для настроений обществ в различных странах Европы. В ноябре 1787 г. Мирабо уже категорически ставит диагноз: «Франция созрела для революции». До падения Бастилии оставалось менее двух лет.

В пятом томе освещаются процессы, явления и события истории Европы, которые раскрывают общие и специфические черты становления и развития капиталистической формации на этом континенте в период от Великой Французской революции до Парижской коммуны. При этом в теоретическом и конкретноисторическом планах рассматриваются такие важнейшие явления как неравномерность и непрямолинейность развития капитализма, обосновываются представления о регионах раннего и позднего его генезиса, большей или меньшей степени зрелости, взаимодействия капиталистической Европы с другими частями света.

В истории Европы того времени выдающуюся роль играли буржуазные революции, выступавшие решающими рубежами становления капиталистической формации, мощным ускорителем исторического прогресса. Не случайно К. Маркс называл революции «*локомотивами истории*»⁶. Большое значение имеет Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. Среди буржуазных революций нового времени — предшествующих и последующих — она занимает особое место как самая масштабная из битв между капитализмом и феодализмом во Франции и в Европе в целом.

Влияние революции вышло далеко за пределы Франции; она приобрела подлинно европейские масштабы и мировое значение. «Возьмите великую французскую революцию, — писал В. И. Ленин. — Она недаром называется великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не сознавали, прикрываясь словами о свободе, равенстве и братстве»⁷.

Проявлениями освободительной борьбы на европейском континенте стали Испанская революция 1808—1814 гг., революционные движения в Италии конца XVIII — начала XIX в., революции 1809—1810 гг. в Швеции и др., Неаполитанская и Пьемонтская революции 1820—1823 гг., Португальская революция 1820-х годов, греческая война за независимость,

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 86.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 367.

восстание декабристов в России, освободительное движение славянских народов, революции 1830 г. во Франции и Бельгии, Польское восстание 1830—1831 гг., борьба за парламентскую реформу в Англии 1832 г., Испанская революция 1834—1843 гг., революция 1831 г. в Португалии, революции 1848 г. во Франции, Германии, Италии и других странах Европы.

Становление и развитие капиталистической формации в Европе в период от Великой французской революции до Парижской Коммуны характеризуется не только синхронией социальных революций и общественных движений того времени на континенте, но и их диахронией в отдельных странах.

В странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы возможности буржуазных преобразований были более ограниченными. Отмена крепостного права в России, вызванная всем ходом экономического развития страны, поражением паризма в Крымской войне и страхом правящих классов перед нарастающей крестьянской революцией, относится к числу важнейших событий истории Европы, ибо она ускорила развитие не только российского, но и европейского капитализма. Однако и после реформы 1861 г., проведенной руками крепостников, Россия по-прежнему стояла перед перешенной задачей буржуазно-демократической революции. Та же задача стояла перед Австро-Венгрией, Германией, Испанией, Южной Италией, народами Балканского полуострова.

Важнейшая сторона истории Европы конца XVIII—XIX вв.— переход от мануфактурного к промышленному капитализму. Он был подготовлен всем предшествующим развитием, протекал стремительно, нес глубокие и многообразные перемены и получил название промышленного переворота или промышленной революции. Устранение феодальных порядков и пережитков, первоначальное накопление и аграрный переворот — главные предпосылки этого явления. В разных странах и регионах они складывались неодновременно, отличались разной степенью зрелости и полноты. Именно поэтому в разных частях Европы не совпадают начало и завершение промышленной революции, ее темпы и черты. Родина промышленного переворота — Великобритания. Проявившись здесь уже в 60-х годах XVIII в., он завершился к середине следующего столетия и имел общеевропейское значение. Страны континентальной Европы вступили на этот путь позднее Англии и прошли его лишь к концу XIX в.

В ходе промышленного переворота сложилась социальная структура капиталистического общества, сформировались классы, определились их политические устремления, идеология и психология.

Важнейшим явлением европейской и всемирной истории стало формирование и становление пролетариата. Он все более и более концентрировался на фабриках и заводах, обретая черты самого передового, революционного и организованного класса общества. Он стал осознавать себя особым классом, обладающим особыми интересами. Появление этого класса знаменовало собой совершенно новый этап классовой борьбы, новую страницу всемирной истории, начало долгой битвы за свержение капиталистического строя. Вначале борьба рабочих против капиталистической эксплуатации выливалась по преимуществу в стихийные стачки и восстания против машин, движение за создание профессиональных союзов. Рабочий класс не имел тогда научно обоснованной программы. Социалисты-утописты Сен-Симон, Фурье и Оуэн беспощадно критиковали капиталистические порядки, выдвинули ряд существенных положений о будущем обществе. Но они не поняли роли пролетариата как могильщика буржуазии и создателя будущего социалистического общества. Они не могли поднять освободительное движение пролетариата на уровень сознательной организованной борьбы за социалистическую революцию и завоевание политической власти.

С 30—40-х годов XIX в. борьба пролетариата поднимается на более высокий уровень, связанный с его выходом из-под влияния буржуазных либералов и радикалов и обращением к самостоятельной политической борьбе с буржуазией. Чартизм в Англии, лионские восстания во Франции, восстание силезских ткачей в Германии, восстание парижских рабочих в июне 1848 г.—таковы вехи в развитии самостоятельного рабочего движения. В этих условиях было необходимо преодолеть стихийность в рабочем движении, внести в него сознательность и организованность, дать рабочим строго научную теорию и создать подлинную пролетарскую партию. Эти задачи решали К. Маркс и Ф. Энгельс — гениальные теоретики рабочего класса, основоположники научного коммунизма, великие пролетарские революционеры. Открытие ими законов общественного развития послужило основой научного обоснования неизбежности перехода от капитализма к коммунизму через развитие классовой борьбы пролетариата, социалистическую революцию и диктатуру пролетариата. Возникновение научного коммунизма, общественно-политическая деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса, создание Союза коммунистов и I Интернационала служили превращению рабочего класса в сознательную революционную силу.

В истории Европы 1789—1870 гг. большую роль играли войны конца XVIII — начала XIX в. В 1789—1794 гг. в центре международной политики стояла справедливая освободительная война революционной Франции против контрреволюционной коалиции Европейских держав. После 1794 г. французская буржуазия стала переходить к захватническим войнам, принявшим широкий размах при Наполеоне I. Они несли народам Европы разруху, угнетение и национальный гнет. Эти войны обогащали французскую буржуазию и одновременно обескровливали Францию. Однако своеобразие происходивших событий состояло в том, что в ходе войн революционной, а затем наполеоновской Франции в странах Европы шла ломка феодальных порядков, возникали условия для развития капитализма. Борьба с наполеоновской Францией стала мощным стимулом пробуждения национального сознания не только европейской буржуазии, но и широких масс. Войны против наполеоновской Франции переросли в освободительную борьбу народов за свою независимость. Русский народ, русская армия играли в этом процессе решающую роль. Победа в войне 1812 г. и зарубежный поход русских войск предприняли разгром наполеоновской империи. Противоречивость освободительной борьбы народов за свою независимость состояла в том, что ее возглавляли феодальные верхи европейских государств. В итоге она завершилась не буржуазной революцией, а феодально-аристократической реакцией в Европе.

При переходе от мануфактурного капитализма к промышленному в Европе развернулись процессы складывания новых этносоциальных общностей — буржуазных наций, новых государственных образований. Наиболее существенными их вехами были буржуазно-национальные движения конца XVIII и первой половины XIX в., а также буржуазно-национальные движения и войны 50—60-х годов. В это время широко использовалась «национальная идея». Венский конгресс 1815 г. надолго определил политическую карту Европы. Главный итог национально-освободительных движений и войн второй половины XIX в. — национальное объединение Италии и Германии. Система международных отношений, созданная Венским конгрессом, перестала существовать.

В истории Европы рассматриваемого периода большую роль, как и прежде, играл колониальный вопрос. Если в предшествующие столетия европейцы создавали в колониях свои опорные пункты, «охотились на чернокожих», грабили местное население, вывозили драгоценности, пряности, изделия местного ремесла, то с конца XVIII в. и особенно в XIX в.

колонизаторы превращают целые страны и континенты в рынки сбыта и источники сырья.

Период от Великой французской буржуазной революции до Парижской Коммуны — время подъема и значительных достижений духовной культуры Европы. Важнейшая черта духовной жизни той поры — переосмысление наследия «века» Просвещения, итогов революции конца XVIII в. и наполеоновских войн, успехов, трудностей, противоречий и перспектив капиталистического развития.

На этой почве возникли и развились такие явления европейской культуры и общественной мысли как утопический социализм и коммунизм Сен-Симона, Фурье и Оуэна, социальное христианство, английская политэкономия, философия Гегеля и Фейербаха, позитивистская социология Контта, демократические идеи русской общественной мысли. Весьма значительными были успехи в естествознании и физико-математических науках.

В художественном познании и отражении действительности воплощались и боролись друг с другом принципы классицизма, романтизма и реализма. В истории Европы достижения культуры — не только свершения непреходящей общечеловеческой ценности, но и результат социально-классового противоборства в сфере духовной деятельности, борьбы реакционной и прогрессивной культуры, буржуазной и пролетарской идеологии.

Величайшим достижением человеческой мысли был научный коммунизм К. Маркса и Ф. Энгельса. Марксизм, как утверждал В. И. Ленин, не был замкнутым учением, возникшим *«в стороне от столбовой дорожки развития мировой цивилизации»*^{*}. Разработка диалектического материализма, открытие материалистического понимания истории, учение о прибавочной стоимости, анализ законов движения капиталистической формации, научное обоснование неизбежности перехода к коммунизму, учение о пролетарской борьбе, социалистической революции и диктатуре пролетариата — таковы главные всемирно-исторические заслуги К. Маркса и Ф. Энгельса перед человечеством. Они определяют место марксизма в истории европейской и мировой культуры.

VI том охватывает период от Парижской Коммуны до Великой Октябрьской социалистической революции — время перерастания свободного капитализма в империализм и начала общего кризиса капиталистической формации.

Парижская Коммуна 1871 г. была первым в истории опытом пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Она показала необходимость для пролетариата в революционной борьбе сломать старую буржуазную военно-бюрократическую машину и заменить ее новой организацией государственной власти. Мероприятия Коммуны в социальной, политической и культурной областях характеризуют ее как «народное, рабочее правительство». Это была первая революция, в которой пролетариат выступил как ведущая сила и вел за собой широкие массы трудящихся. Она просуществовала 72 дня, но ее исторический опыт играл огромную роль в воспитании последующих поколений пролетарских борцов.

Экономическое развитие Европы периода перерастания свободного капитализма в империализм отмечено аграрным кризисом 70—80-х годов, промышленным кризисом 70-х годов, завершающими актами промышленного переворота, образованием капиталистической системы мирового рынка, усилением неравномерности развития отдельных стран и регионов, появлением первых монополистических объединений. К этому времени

^{*} Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 40.

относится начало англогерманского промышленного соперничества. Важнейшее явление европейской истории данного периода — стремительное развитие капитализма в пореформенной России и входившей в нее части Польши. Однако Россия и другие страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, а также Испания, нуждались в дальнейших буржуазно-демократических преобразованиях.

Для рассматриваемого периода характерны существенные социальные изменения. Происходит дальнейшая консолидация буржуазии в качестве господствующего класса. В 1871—1900 гг. усиливаются ее консервативные и реакционные тенденции. Немецкая буржуазия, например, склоняется к союзу с юнкерством и соглашается играть вторую скрипку в политике; буржуазия охотно привлекает дворянство к непосредственному осуществлению политики и работе всей государственной машины Британской империи. Российская буржуазия в лице либералов также все более склонялась к союзу с консервативным дворянством и самодержавием.

Значительные изменения происходят в рабочем классе, растет его удельный вес в самостоятельном населении, сплоченность, организованность, культура, революционность и готовность покончить с капиталистической эксплуатацией во имя социализма и социальной справедливости. Вместе с тем в рядах пролетариата заметную роль начинает играть рабочая аристократия — проводник буржуазного влияния в рабочем движении, социальная опора оппортунизма, реформизма и ревизионизма.

Важнейшее явление истории Европы периода перерастания свободного капитализма в империализм — дальнейшее развитие рабочего движения. Оно все больше определяет политическую и духовную жизнь. Это явление связано с деятельностью I Интернационала и его борьбой с тред-юнионизмом, лассалейством, прудонизмом и бакунизмом, забастовочным движением, переходом от профсоюзной к партийной организации на основе идеологии марксизма. В тот период возникают первые марксистские группы в России.

Создание II Интернационала и его первые конгрессы имели большое значение для соединения марксизма с рабочим движением. Вместе с тем широкое распространение получил оппортунизм и ревизионизм бернштейнского толка.

Огромную всемирно-историческую роль в международном рабочем движении сыграла теоретическая и организационная деятельность В. И. Ленина, создание РСДРП — партии нового типа.

В 1900—1917 гг. завершается формирование монополистического капитализма, развитие капитализма вступает в свою высшую и завершающую фазу — эпоху империализма. При этом определились национальные разновидности: колониальный (Англия), ростовщический (Франция), военно-феодальный (Россия), юнкерско-буржуазный (Германия). С началом империализма связан дальнейший технический прогресс, совершенствование организации производства, рост производительности труда, появление элементов государственно-монополистического регулирования, ускорение темпов экономического развития. При этом резко усиливается его неравномерность, складывается положение, при котором существуют высокоразвитые капиталистические страны среднего уровня развития и отсталые страны.

Европу эпохи империализма потрясали экономические кризисы 1900—1903, 1907, 1913—1914 гг. Империализм обнаруживал тенденцию к паразитизму и загниванию, резко обострялось основное противоречие капитализма — противоречие между трудом и капиталом, между общественным характером производства и частнособственническим присвоением. Европа стала центром колониальной системы империализма. Важно отметить, что и в начале эпохи империализма пережитки феодализма в

экономике и социальных отношениях сохранялись во многих странах (России, Австро-Венгрии, Германии, Испании, Южной Италии, на Балканах). В рассматриваемый период складывались предпосылки общего кризиса капитализма; империализм стал кануном социалистической революции.

Происходят существенные изменения в социальной структуре европейского общества.

Рабочий класс вырос количественно и качественно. Он выступал как главная революционная сила эпохи. Коллективизм, отрицание буржуазных отношений, неукротимое стремление к социальной справедливости — основа его социальной морали, поведения, революционности. Основной массой населения оставалось крестьянство. Монополистический капитализм усилил эксплуатацию крестьян в странах развитого капитализма. Рассматриваемый период отмечен нарастанием крестьянской борьбы.

Революционному процессу периода 1900—1914 гг. присущи неравномерность и синхронизация революционных взрывов сразу в нескольких странах, что свидетельствовало о появлении предпосылок к европейской революционной ситуации. Решающую роль в этом процессе играл рабочий класс; союзниками его выступали крестьянство, антимонополистическая городская мелкая буржуазия, угнетенные народы и народности. Революционный процесс прошел несколько этапов: 1900—1904 гг. — последние годы мирного периода, 1905—1907 гг. — первая русская революция и подъем рабочего и демократического движения в Центральной, Южной и Западной Европе. 1910—1914 гг. — предвоенный подъем.

В рассматриваемый период центр революционного движения переместился в Россию, российский пролетариат стал ведущим отрядом европейского и мирового рабочего класса, мирового революционного процесса. Возникновение ленинизма — марксизма эпохи империализма и пролетарских революций, научный анализ В. И. Лениным коренных проблем мирового развития, рабочего движения, специфических проблем революционного процесса в России, тесная связь его научных открытий с практикой революционной борьбы стали явлением всемирно-исторического масштаба.

Критическим и мучительным временем в жизни народов Европы была первая мировая война. Развязанная империалистами двух враждебных коалиций, она вылилась во всеобъемлющий кризис. Историческое развитие России и всего мира привело к тому, что в 1917 г. необходимость свержения господства буржуазии слилась с потребностью покончить с империалистической войной. Великая Октябрьская социалистическая революция прорвала фронт мирового империализма. Она открыла новую эру в истории человечества — эпоху перехода от капитализма к коммунизму.

Период 1871—1917 гг. — трудное и сложное время в истории европейской культуры. Особенно большую роль играют в эти годы борьба передовой, демократической и социалистической культуры с реакционной культурой господствующих классов.

Буржуазная культура 1871—1917 гг. отмечена все более явными чертами кризиса. В общественной мысли широкое распространение получают реакционный консерватизм, шовинизм и национализм. Буржуазия открыто рвет с материалистическими традициями и свободомыслием XVIII — начала XIX в. В буржуазной философии на первый план выдвигаются идеалистические школы и направления.

В художественном познании и отражении мира важную роль продолжает играть реализм. На основе его принципов создаются произведения непреходящей общечеловеческой ценности. В то же самое время появляется множество эстетических направлений, отрицающих друг друга и претендующих на монополию в понимании и выражении художествен-

ной правды. Буржуазная литература и искусство переживают период декаданса. Неверие в силы человека и возможности социального прогресса, аморализм и пессимизм сочетались при этом с безграничным индивидуализмом и культом чистой формы. Среди его направлений выделяются натурализм, символизм и футуризм. Реализм вышел победителем из этих борений.

Конец XIX — начало XX в. — время особенно большого влияния русской литературы на мировую. Подлинно мировую известность и признание снискали произведения И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского. С растущим воздействием социалистической идеологии на художественный процесс связан социалистический реализм А. М. Горького.

Период 1871—1917 гг. ознаменован многими достижениями науки. Наука приблизилась к познанию тайн строения вещества, обогатила новыми данными учение об эволюции, создала условия для борьбы с эпидемическими болезнями. Географические открытия расширили знания о земле; человек достиг Северного и Южного полюсов. В науке происходит дальнейшая дифференциация отдельных областей знаний и одновременно их интеграция. Усиливаются контакты ученых разных стран.

VII том охватывает хронологически короткий, но насыщенный важнейшими в мировой истории событиями период — от Великой Октябрьской социалистической революции до окончания второй мировой войны.

Великий Октябрь, став переломным событием всемирной истории, оказал непреходящее влияние на развитие Европейского континента. В 20—30-е годы в СССР были осуществлены коренные преобразования в социально-экономической, политической и духовной областях — национализация промышленности, перевод сельского хозяйства на кооперативно-колхозную основу, революция в сфере культуры. Во внешней политике СССР провозгласил курс мира и мирного сосуществования. Развитие Страны Советов происходило не без сложностей, трудностей и ошибок. Но главное, она превратилась в могучую индустриальную державу. Построение основ социализма в СССР, решение национального вопроса имели большое международное значение, поднимали престиж Советского государства.

Победа Октябрьской революции и окончание первой мировой войны знаменовали собой начало первого этапа общего кризиса капитализма, подготовленного всем предшествующим развитием. Одним из главных проявлений кризиса стало низвержение эксплуататорского строя в России, выпадение из сферы капитализма государства, занимающего 1/6 часть нашей планеты.

Кризис капитализма проявился и в обострении всех противоречий, присущих капиталистической системе. В экономической области капитализм был потрясен мировым кризисом на рубеже 20—30-х годов. Развитие событий выявило также кризис политических институтов буржуазного общества.

В капиталистическом мире усиливалась поляризация общественных сил. Нарастало рабочее и революционное движение. В большинстве стран Европы были созданы коммунистические партии, которые стали в ряде случаев массовыми, добились поддержки миллионов жителей Европы. Во многих странах Европы зрела революционная ситуация. Революции в Германии и Венгрии, массовые выступления трудящихся других стран демонстрировали революционные потенции и возможности европейских народов.

Одновременно в Европе уже в 20-х годах нарастала правая опасность. Империалистические круги сделали ставку на силы самой крайней реакции, и это открыло путь фашистской диктатуре. С помощью фашизма империалистическая реакция рассчитывала уничтожить Советский Союз,

революционное движение в Европе, а также нанести удар буржуазным демократическим институтам и свободам. Европейский фашизм выступал с откровенно реакционной программой, с проповедью насилия и репрессий не только внутри европейских стран, но и на международной арене. Фашизм, получивший наиболее крайнее выражение в Германии, проповедовал войну и насилие, повел борьбу за мировое господство. Расизм и человеконенавистничество, уничтожение миллионов людей, захваты чужих территорий и порабощение народов — такова была практика германского фашизма.

Демократические круги, в первую очередь коммунисты, поняли и раскрыли зловещую сущность фашизма, опасность, исходящую от него для человечества. Большая роль в сплочении всех демократических сил принадлежала Коммунистическому Интернационалу. Исторический VII конгресс Коминтерна выдвинул широкую программу борьбы с фашистской угрозой. В памяти народов Европы навсегда останутся страстные выступления и деятельность Георгия Димитрова и Пальмиро Тольятти, Эрнста Тельмана и Долорес Ибаррури, других антифашистов. Главной силой, противостоявшей фашизму на международной арене, стал Советский Союз, развернувший активную борьбу против военной опасности.

Развитие международных отношений в Европе в 20—30-х годах проходило в сложной и противоречивой обстановке. После окончания первой мировой войны на ее политической карте был представлен конгломерат разнородных сил и интересов. Державы-победительницы, прежде всего Великобритания и Франция, рассчитывали добиться преобладания на континенте, чтобы диктовать свою волю другим странам. Однако межимпериалистические противоречия делали англо-французское сотрудничество неустойчивым: каждый из партнеров пытался укрепить свои позиции за счет другого.

После прихода нацистов к власти гитлеровская Германия открыто выступила с программой мирового господства. В Европе возник очаг войны. Аншлюс Австрии, помощь мятежникам в Испании и, наконец, захват Чехословакии были лишь этапами на пути гитлеровского фашизма к завоеванию мирового господства. В этой сложной обстановке британские и французские правящие круги при поддержке США стремились направить германскую агрессию на Восток, против Советского Союза. Попустительство акциям агрессивного итало-германского блока создавало чрезвычайную опасность для Европы и всего мира.

Весьма своеобразное звучание приобрела в 20—30-х годах тема «европеизма», общей «судьбы» европейских народов. Под флагом «спасения» разоренной войной Европы стали выдвигаться различного рода планы ее экономического и политического объединения. Все они имели, как правило, определенное классовое содержание, ставили своей задачей объединение Европы на капиталистической основе и противопоставление ее в конечном счете первому в мире социалистическому государству.

В ряду инициатив подобного рода наибольшую известность приобрело так называемое «панъевропейское движение», основателем которого был австрийский граф Р. Куденхов-Калерги. Разработанная им программа предусматривала создание «оборонительного» пакта против СССР, а в экономической области — заключение таможенного союза между европейскими государствами. В качестве конечной цели предлагалось их слияние в единое государство и совместная эксплуатация колоний.

В сентябре 1929 г. «панъевропейское движение» было как бы возведено в ранг государственной политики. Французский министр иностранных дел А. Бриан выдвинул предложение о создании «Европейского сообщества» на федеральной основе, указав, что оно «будет действовать главным образом в области экономики». Вместе с тем было отмечено, что «с точки зрения политической и с точки зрения социальной феде-

ральные узы могут оказаться благотворными». Этот план подспудно имел антисоветскую подоплеку. План Бриана не был реализован главным образом из-за межимпериалистических противоречий.

В те годы разрабатывалась и фашистская концепция «объединения Европы». Эти планы носили гораздо более ярко выраженный антисоветский и агрессивный характер и в то же время противопоставлялись либерал-демократическим проектам объединения Европы. Германские фашисты после прихода к власти создали в Берлине в 1934 г. международную конференцию, которая проходила под флагом борьбы за «обновление и объединение» Европы под знаком германской гегемонии. Соответственно и проблема фашистского европеизма переместилась практически в плоскость гитлеровских планов установления «нового порядка» в Европе.

Советский Союз в те тревожные 30-е годы выдвинул проект коллективной безопасности, призванный преградить путь фашистской агрессии. В известном смысле это был тоже «европейский проект», так как предусматривал создание общеевропейского механизма, предполагал объединение различных стран континента на основе принципов мирного сосуществования и во имя общей цели — предотвращения войны и борьбы против установления фашистского «нового порядка» в Европе. Но Великобритания и Франция отказались принять советские предложения и проводили политику «умиротворения» агрессора, венцом которой стал мюнхенский сговор, открывший путь новой мировой войне.

В борьбе с фашистской опасностью была предпринята попытка объединения общественных сил Европы, создавших ряд международных антифашистских конгрессов деятелей культуры и науки. Максим Горький, Алексей Толстой и Илья Эренбург, Лион Фейхтвангер и Федерико Гарсиа Лорка, Томас Манн и Ромен Роллан, Альберт Эйнштейн и Нильс Бор олицетворяли лучших представителей мировой и европейской культуры и науки, отдававших свои силы и талант борьбе с фашистской опасностью, с угрозой новой мировой войны.

Опыт конкретных усилий по объединению континента на антифашистской основе создавал исторические предпосылки для нового понимания единства Европы, имеющего целью защиту ценностей европейской цивилизации, сохранение независимости и свободы европейских стран и народов.

Однако миролюбивым силам не удалось остановить нарастание фашистской агрессии. 1 сентября 1939 г. нацистская Германия развязала вторую мировую войну, унесшую более 50 млн человеческих жизней.

В томе уделено значительное место истории второй мировой войны. Начавшись между двумя капиталистическими группировками, война по мере втягивания в нее миллионов людей приобретала черты освободительной борьбы с фашизмом. После нападения фашистской Германии на Советский Союз война окончательно превратилась в освободительную борьбу народов против фашизма. В ходе ее сложилась антигитлеровская коалиция стран и народов, ставшая примером плодотворного сотрудничества государств с различным социальным строем. Хотя война была общемировой, ее наиболее крупные и решающие битвы происходили в Европе. Именно народы этого континента в наибольшей степени испытали все ужасы фашизма.

Главная тяжесть борьбы с фашизмом легла на Советский Союз. СССР внес решающий вклад в достижение исторической Победы над фашистской Германией и ее союзниками. Важную роль в разгроме блока агрессоров сыграли народы и армии союзников, участники европейского движения Сопротивления.

В этом также нашла своеобразное преломление идея «европеизма», которая на почве европейского движения Сопротивления приобрела ярко

выраженный демократический характер. В процессе борьбы против фашизма вызревала концепция демократического и социального обновления Европы. В Югославии, Албании, Польше, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Румынии, а также Греции, Италии, Франции и некоторых других странах многие бойцы Сопротивления вкладывали в эту идею и социалистическое содержание, выступали за социалистические преобразования в новой объединенной Европе, которая должна была быть создана после победы над фашизмом. В лоне антифашистского Сопротивления выдвигались и различные конкретные проекты создания в будущем Европейской федерации.

1945 год — год великой Победы — открывал новый этап в европейской и мировой истории, в который народы Европы вступали с надеждами и подъемом. Вдохновленные победой над фашизмом, они надеялись на крупные перемены во всех областях жизни. И главные их надежды были связаны с тем, чтобы никогда в Европе не повторились ужасы прошлых лет, чтобы Европа жила в условиях социального прогресса, мира и сотрудничества.

Заключительный VIII том охватывает период после второй мировой войны. За эти годы Европа прошла сложный и противоречивый путь. Надежды и иллюзии первых послевоенных лет сменились разочарованием и страхом за будущее. Достижения научно-технической революции создали возможности для бурного развития производительных сил и сдвигов в экономике, но одновременно привели к производству и накоплению смертоносных видов оружия массового уничтожения, поставив человечество перед реальной угрозой ядерной катастрофы.

В Европе обозначилась поляризация общественных сил, нарастали классовые и социальные антагонизмы и идейная борьба. Дialeктический закон единства и борьбы противоположностей проявился в том, что, несмотря на острое противоборство и конфронтацию, продолжали действовать тенденции европейской общности, опирающиеся на глубокие исторические и культурные традиции и реальности ракетно-ядерной эпохи. Отношения государств двух противоположных систем составили центральное звено международных отношений на континенте.

В условиях роста взаимозависимости и взаимосвязанности мира Европа все более ощущала себя частью человечества, всемирно-исторического процесса.

Послевоенный этап в истории континента неотделим от итогов второй мировой войны, которая дорого обошлась его народам. Война продемонстрировала бесперспективность попыток мировой реакции силой остановить социальный прогресс, показала опасность разобщения народов и государств, ставших жертвами фашистской агрессии.

Опыт антигитлеровской коалиции стал ярким примером объединения различных социально-политических сил во имя защиты свободы и независимости народов, ради достижения победы над фашизмом. Европейцы как бы ощутили свое единство, почувствовали свою причастность к судьбам континента, ответственность за его настоящее и будущее.

В мире и в Европе после войны произошли коренные перемены в общественном развитии. Революционные процессы, развернувшиеся в итоге освободительной борьбы с фашизмом, привели к фундаментальным сдвигам в соотношении политических и классовых сил на континенте. От капиталистической системы отпал ряд стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в которых возник новый общественный строй. Советский Союз перестал быть единственной социалистической державой — сформировалось сообщество социалистических стран. Влияние социализма на общесоциалистические процессы в Европе значительно возросло.

Советский Союз в короткий срок преодолел последствия войны и превратился в крупнейшую державу, обладавшую мощным потенциалом,

важнейшую революционную и миролюбивую силу современности. Другие страны социалистического содружества также достигли больших успехов в области экономики и в социальной сфере.

В ходе преобразований в социалистических странах Европы, проходивших в сложной обстановке, через преодоление трудностей и противоречий, проявлялись особенности и своеобразие их истории, национальных и этнических отношений, различия в уровнях экономического развития. Но главным и определяющим была и остается общность их коренных целей, единство социалистической собственности и производственных отношений, марксистско-ленинская идеология и мировоззрение.

Важную роль в укреплении экономики социалистического содружества, в осуществлении политики мира и международной безопасности играют органы экономической и военно-политической интеграции стран социализма: Совет Экономической Взаимопомощи и Организация Варшавского Договора. В рамках СЭВ осуществляется широкая программа экономического взаимодействия, реализуются разнообразные долгосрочные программы экономического сотрудничества с концентрацией наибольшего внимания на развитие передовых направлений научно-технического прогресса.

Социалистическое содружество аккумулирует в своем развитии многовековой опыт борьбы европейских народов за независимость, демократию и социальный прогресс, опирается на гуманистические традиции европейской истории и культуры.

В середине 80-х годов в Советском Союзе взят курс на всеренное ускорение социально-экономического развития, на перестройку общественной жизни с тем, чтобы придать новые импульсы совершенствованию социализма, усилить его международный авторитет и влияние.

80-е годы — это и время значительных преобразований в других странах социалистического содружества.

На Западе Европы разгром фашизма и дискредитация правых сил, стремление к свободе и социальной справедливости привели к существенному демократическому подъему в первые послевоенные годы. Представители коммунистических партий впервые в истории входили в состав правительств Бельгии, Италии, Франции и ряда других капиталистических стран континента. Под влиянием левых сил в западноевропейских государствах осуществлялись прогрессивные социально-экономические и политические реформы.

Однако довольно скоро западноевропейская реакция при поддержке правящих кругов США перешла в контрнаступление. Резко возросло влияние монополий и консервативной части господствующего класса, которые старались ограничить права трудящихся. Правые силы в странах Западной Европы добились изгнания из правительств коммунистов, свернули реализацию прогрессивных реформ, помешали осуществлению левой демократической альтернативы.

В послевоенные годы произошли существенные сдвиги в развитии европейского капитализма. Ослабленная в ходе второй мировой войны, Западная Европа оказалась в значительной мере в зависимости от США, которые, применяя экономические, политические и военные рычаги, значительно усилили свое воздействие на развитие этого региона. Однако постепенно капиталистические страны Европы, используя достижения научно-технической революции, реконструировали и обновили производство. Укреплению позиций западноевропейских монополий во многом способствовал механизм европейской экономической интеграции, реализованной в Европейском экономическом сообществе.

Западноевропейская интеграция, начавшаяся прежде всего в экономической сфере, затронула и политическую область. Возродившиеся в новых исторических условиях различные европейские теории и проекты отража-

ли острую борьбу сторонников подчинения национальной государственности наднациональным органам с теми, кто отстаивал сохранение и укрепление «Европы отечеств». В итоге западноевропейская интеграция осуществлялась на основе традиционной системы европейских государств. Западноевропейский капитализм превратился в крупный самостоятельный центр силы, оказывающий большое влияние на выработку международной политической линии современного империализма.

С середины 70-х годов западноевропейский капитализм вступил в полосу тяжелых потрясений — экономическая неустойчивость, нестабильность в социально-политической сфере. Резко усилилось недовольство трудящихся, выразившееся в росте забастовочной борьбы, в массовых выступлениях против гнета монополий за улучшение условий жизни.

Мир капитала второй половины XX в. сложен и противоречив. Проблемы и кризисы, им переживаемые, коренятся в самой природе антагонистического общества. Но нынешний этап общего кризиса капитализма не исключает роста экономики, использования результатов научно-технической революции, удержания важных позиций в политической, военной и иных сферах.

Международные отношения в послевоенной Европе складывались противоречиво. Выработанная в ходе второй мировой войны программа мирного урегулирования на континенте могла стать фундаментом для обеспечения мира и международной безопасности. Но этого, к сожалению, не произошло.

Вскоре после окончания войны международная обстановка обострилась. Реакционные силы во главе с США взяли курс на «холодную войну», стремясь ослабить Советский Союз, помешать становлению социализма в странах Восточной и Юго-Восточной Европы и нанести удар демократическому движению в странах Западной Европы.

Создание блока НАТО положило начало блоковой структуре и привело к резкому усилению напряженности. «Холодная война» привела к расколу Европы, к жесткой конфронтации на континенте, рассеяв надежды и иллюзии на продолжение сотрудничества времен второй мировой войны. Политический диалог в Европе был сведен к минимуму. «Холодная война» породила атмосферу недоверия и подозрительности, деформируя процесс взаимодействия европейских стран и народов. На континенте было накоплено огромное количество ядерного оружия, представляющего угрозу для существования европейцев и всего человечества. Объективные потребности мирового и европейского развития, реальности ядерной эпохи все настоятельнее требовали отказа от предубеждений и конфронтации, перехода к доверию и сотрудничеству.

В 60-е годы социалистические страны выдвинули программу переустройства международных отношений, политической разрядки. Этот курс встретил поддержку широких общественных сил, многих реалистически мыслящих политиков Западной Европы. Европа стала родиной разрядки, подавая пример мирного развития другим континентам. Уникальным событием стало Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинкский Заключительный акт явился выражением баланса интересов всех государств-участников, заложил основы для широкого взаимодействия стран и народов континента в политической, экономической и гуманитарной областях, положил начало общеевропейскому процессу. В Хельсинкском акте были зафиксированы многие положения, которые выдвигались в прошлых мирных европейских проектах. Движение по пути разрядки и сотрудничества оказало большое влияние на обстановку в Европе, подготовило почву для нового этапа в отношениях между Востоком и Западом континента.

Однако в конце 70-х годов международная ситуация в мире и в Европе снова обострилась. Администрация США и блок НАТО приняли

новые военные программы, подхлестнув гонку вооружений и усилив конфронтацию со странами социализма. В результате непрекращающейся гонки ядерных вооружений мир подошел к критическому рубежу, перед человечеством встала задача выживания и предотвращения ядерной катастрофы, угроза которой особенно ощутима на Европейском континенте, где самая высокая плотность населения и урбанизации и где сосредоточено множество бесценных памятников культуры и цивилизации.

Выдвинутая Советским Союзом программа освобождения планеты от ядерного оружия и концепция международной безопасности предусматривают и кардинальные меры по разоружению на Европейском континенте, переход к новому этапу мирного сосуществования между социалистическими и капиталистическими странами в Европе и во всем мире, равно как и коренное улучшение советско-американских отношений.

В переломный момент мирового развития по-новому встал вопрос о европейском единстве, о судьбах Старого Света.

В условиях существования государств двух противоположных общественных систем и двух типов интеграции в Европе, разделенной на военно-политические блоки, непросто определить и реализовать общеевропейские интересы и взаимодействие государств континента. Но объективные потребности развития, весь многовековой опыт истории Европы с новой силой выдвигают проблему общности ее народов.

В Европе все в большей степени складываются возможности для возникновения принципиально нового феномена — реальной общности, связанной линиями сопряжения и взаимодействия в разнообразных сферах, несмотря на различия социального строя составляющих ее государств. Предпосылками такой общности является наличие историко-культурного единства, развитых экономических связей, тесного взаимопереплетения судеб европейских народов. Возможности строительства «общеевропейского дома» — в качестве новой взаимозависимости государств, возникшей в результате научно-технического прогресса, в уже осуществленном признании социально-политических и территориальных реальностей в Европе, в осознании необходимости общими усилиями исключить всякую возможность вооруженного конфликта на континенте и наладить широкое сотрудничество между всеми государствами и народами.

Современный европеизм — это прежде всего осознание всеми народами континента общей ответственности за предотвращение ядерной катастрофы, за выживание Европы и всего человечества. Ракетно-ядерная эпоха предъявляет человечеству новый счет, заставляет людей по-иному взглянуть на судьбы и будущее нашей планеты.

Исторические, экономические, политические и духовные традиции и тенденции европейских народов позволяют ставить вопрос об «общеевропейском доме» как о новой перспективе будущего Европы при сохранении высокоразвитых национальных государств с различными общественными системами.

В условиях роста взаимозависимости Европа развивается не изолированно, а в тесной связи с народами других континентов, эта взаимосвязь становится все более органичной и неразрывной. Европа прошла долгий и сложный исторический путь, отмеченный великими достижениями человеческой мысли и прогресса. Здесь накоплен огромный опыт борьбы за свободу, демократию и социальную справедливость.

И ныне задача всех европейцев состоит в том, чтобы, опираясь на опыт прошлого и используя уроки истории, мобилизовать потенциал европейских народов и объединить их усилия в борьбе за мирную и безопасную Европу, за сохранение бесценного наследия европейской культуры и цивилизации, за выживание Старого Света и всего человечества.

* * *

Каждый том издания включает карты, иллюстрации, краткую библиографию, необходимый справочный материал.

Многотомная «История Европы» создается Институтом всеобщей истории АН СССР совместно с Институтом истории СССР АН СССР и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, при участии ученых ряда других институтов и высших учебных заведений страны. Комплексный характер труда потребовал привлечения к его подготовке экономистов, социологов, искусствоведов, представителей других отраслей гуманитарных наук.

Фундаментальное многотомное издание по истории Европы призвано стать вкладом в дальнейшее изучение и обобщение опыта, накопленного в процессе всемирно-исторического развития человечества, в понимание исторических корней современных общественных явлений.

ВВЕДЕНИЕ

Европа не была прародиной человека. Древнейшие люди, вероятнее всего, пришли в Европу из Африки еще в эпоху раннего каменного века (палеолита) примерно 1800 тыс. лет тому назад. К началу этого периода относится становление современного физического типа человека и первой общественной организации — рода. Новейшие исследования показали, что выдвнутая еще в прошлом веке Ф. Энгельсом трудовая теория антропогенеза не только выдержала проверку временем, но и углубилась, связав воедино эволюцию физического облика, эволюцию мозга и эволюцию практики создания орудий труда. В эпоху палеолита человек расселился на всей территории Европы.

Эпоха каменного века знаменуется рядом крупнейших открытий, оказавших принципиальное влияние на все последующее развитие человечества. Люди овладели искусством добывать огонь и пользоваться им, изобрели одежду, лук, стрелы, средства передвижения (людка, лыжи, сани), научились строить жилища, создавать многие виды орудий труда. В конце каменного века было освоено производство керамической посуды и тканей.

С концом каменного века — неолитом связано возникновение новой техники изготовления орудий (шлифовка и полировка), но прежде всего, то, что именно в это время совершается огромный по значению переворот в экономике человеческого общества: происходит переход от присваивающей к производящей экономике, от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству. Этот переворот современные исследователи часто называют «неолитической революцией». Важнейшим результатом его было появление регулярного прибавочного продукта. Благодаря этому неизмеримо возросла устойчивость хозяйства, повысился жизненный уровень человека, увеличилась численность населения, появились предпосылки к усложнению социальной структуры. В неолитическую эпоху в Европе впервые отчетливо выявилась неравномерность исторического развития отдельных ее регионов. Когда на рубеже VII и VI тыс. на юге Балканского полуострова на смену палеолиту пришел неолит, во многих областях Европы продолжали еще существовать культуры палеолитического или мезолитического облика. На севере Европы о производящем хозяйстве можно говорить лишь примерно с середины IV тыс.

Та тенденция развития, которая явственно обозначилась в период неолита, была усилена начавшимся на рубеже VI—V тыс. освоением металлов, сначала меди, а затем и бронзы (с III тыс. до н. э.). Изготовление из них орудий, что увеличило производительность труда, создало прибавочный продукт, который был способен оказать разлагающее влияние на первобытное общество лишь тогда, когда имелись возможности его реализации и перераспределения. Это осуществлялось через посредство обмена и благодаря общественному разделению труда. Современные исследователи полагают, что в Европе последовательность этапов общественного разделения труда была следующая: отделение обществ производящего типа от обществ присваивающего типа; отделение ремесла от земледелия, отделение торговли от ремесла. Каждый этап имел своим результатом рост производительных сил, увеличение прибавочного продукта, рост обмена, становящегося необходимым условием успешного функционирования хозяйственных организаций. Концепция частной собственности была связана чаще всего с представителями родо-племенной верхушки, а становление ее проходило в острой борьбе с традициями коллективной собственности. Имущественная дифференциация внутри первобытных коллективов являлась естественным результатом роста

частной собственности и шла рука об руку с социальной: индивиды и их семьи, выделяющиеся в имущественном отношении, как правило, являлись представителями родо-племенной верхушки, а те, кто занимает более высокое положение в обществе, располагают и наибольшими возможностями для концентрации богатств.

Все это создавало экономические и социальные предпосылки для возникновения эксплуатации человека человеком. Самые ранние и наиболее примитивные формы эксплуатации существуют уже на последних этапах развития первобытнообщинного строя, становясь одним из важнейших условий процесса классового образования и естественного результата его — становления государства. Все указанные явления четко обнаруживают себя в III тыс. до н. э. Однако становление классового общества и государства в Европе происходило не одновременно. В этот период можно говорить о качественной разнице между обществами юго-востока Европы и остальных ее регионов. Европа оказалась разделенной на две «части», в каждой из которых существовал свой способ производства, принципиально отличающийся от другого. Это членение сохранялось на протяжении всего времени существования рабовладельческой формации, которая в отличие от первобытнообщинной никогда не распространялась на всю территорию Европы.

Становление классового общества и государства в Европе было обусловлено спонтанными процессами социально-экономического развития народов, хотя определенную роль сыграли и контакты с Передним Востоком, где классовое общество и государство возникли раньше. Ранние государственные образования юга Балканского полуострова и Крита просуществовали до конца II тыс. Причины их гибели — пока еще предмет дискуссий.

Государства, возникшие на территории Греции в I тыс. до н. э., во многом отличаются от государств II тыс. до н. э. — связано это с началом широкого освоения железа. Ф. Энгельс следующим образом характеризовал ту революционную роль в истории, которую сыграли железные орудия труда: «Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств, оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов»¹. Как подчеркивают современные исследователи, освоение железа означало полное обновление технической базы греческой экономики. Эта техническая революция имела, естественно, далеко идущие последствия во всех сферах общественной жизни. Железо было тем металлом, который обеспечивал значительный подъем производительности труда, кроме того железо было относительно дешево и широко доступно. В результате этого резко возросли производственные возможности отдельной патриархальной семьи, которая отныне на долгое время становилась основной ячейкой хозяйственной жизни, отпадала потребность в организуемой силе дворцового хозяйства. В силу всего этого социальная структура и формы государственности Греции приобрели совершенно новые черты.

Теперь отправной точкой всего общественного развития Греции становится полис. Видимо, наиболее адекватным переводом на русский язык этого древнегреческого термина является понятие «городская община».

Особенность античной формы собственности, на которой базировался полис, заключается в том, что она всегда выступает в противоречивой, двуединой форме — как собственность государственная и как собственность частная: «У античных народов (римляне как самый классический пример, ибо у них это проявляется в самой чистой, самой выпуклой фор-

¹ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2-е изд., т. 24, с. 163.

ме) имеет место форма собственности, заключающая в себе противоположность государственной земельной собственности и частной земельной собственности, так что последняя опосредствуется первой или сама государственная земельная собственность существует в этой двойной форме»². Этот двойственный характер античной собственности (прежде всего земельной) находит свое выражение в том, что существуют определенные категории земель, находящихся в общественном владении — всего полиса или его подразделений. Но неизмеримо большее значение имеет другое обстоятельство, гораздо полнее раскрывающее характер античной собственности: только граждане полиса имеют право на участок земли в пределах полисной территории. К. Маркс особо подчеркивал эту черту античной городской общины, где гражданин «относясь к своей частной собственности как к земле... в то же время относится к этой частной собственности как к своему членству в общине»³.

С указанной особенностью полиса связана вторая его кардинальная черта — совпадение (в принципе) политического коллектива с коллективом земельных собственников, взаимная обусловленность гражданского статуса и права собственности на землю. Указанная особенность структуры полиса находила свое выражение в форме и тенденциях развития политической организации коллектива земельных собственников. Взаимная обусловленность права собственности и гражданского статуса, совпадение в принципе социальной и политической структур приводили к тому, что сограждане являлись — в идеале — абсолютно равными соучастниками политической жизни и суверенитет принадлежал народному собранию полноправных граждан. Ряд современных ученых настоятельно подчеркивает, что общей тенденцией развития античного полиса была эволюция в сторону демократии. Видимо, в этом действительно проявлялись общие тенденции полисной структуры. Это явление достаточно четко свидетельствует о генетических связях полиса с породившей его сельской общиной. Равенство граждан полиса первоначально — не более чем равенство отдельных домохозяйств в рамках общины.

Еще одна характерная особенность полиса — более или менее полное совпадение политической и военной организации. К. Маркс, определяя специфику античной общины, особо выделял характер ее военной организации: «Затруднения, возникающие у одной общины, могут вызываться только другими общинами, которые либо уже раньше захватили земли, либо беспокоят общину в захваченных ее землях. Поэтому война является той важной общей задачей, той большой совместной работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот защитить и увековечить. Вот почему состоящая из ряда семей община организована прежде всего по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственности»⁴. Характер военной организации как гаранта собственности и тем самым самого существования общины определяет не только связь, но в принципе и однозначность военного ополчения граждан с народным собранием как основой политической организации полиса. Гражданин — собственник одновременно является и воином, обеспечивающим неприкосновенность собственности полиса и тем самым своей личной собственностью. Армия полиса в принципе являлась всенародным ополчением, служить в котором было долгом и привилегией гражданина. Общая структура полиса и формы его военной организации развивались в теснейшей связи друг с другом.

² Там же, т. 46, ч. I, с. 471.

³ Там же, ч. I, с. 466.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 465.

Полис широко распространился в результате греческой колонизации. Эволюция политической структуры той части Европы, где происходило становление и развитие классового общества и государственности, имела своим результатом распространение, в большинстве случаев, полисов даже и на тех территориях, где первоначально возникали иные формы политической организации общества (например, различные «варварские» царства). Римское завоевание и романизация базировались на муниципиях — поздний вариант полиса, существовавший в условиях Римской империи. Упадок античного мира проявлялся, в частности, и в упадке полиса, что находило свое выражение не только в утрате им самоуправления, вызванной развитием и укреплением бюрократической системы управления империи, но и в росте экономического и политического значения тех территорий, которые находились вне полисного контроля и которые непосредственно зависели от императорской власти. Гибель античного мира была гибелью и мира полисов.

Возникший первоначально как своеобразная, существовавшая в условиях еще неразвитости классовых отношений, община земледельцев и землевладельцев, полис в дальнейшем должен был эволюционировать в рамках складывающегося и развивающегося классового общества, которое, как подчеркивал Ф. Энгельс, тогда могло быть только обществом рабовладельческим⁵. Одной из важнейших особенностей полиса, обеспечивших ему длительное историческое существование, было то, что в конечном счете полис оказывался в реальных исторических условиях почти идеальной (и уже в сущности готовой) формой организации господствующего класса — класса рабовладельцев. Длительная историческая эволюция полиса, в частности, представляла собой все более полное приспособление этой формы политической и социальной организации общества к роли гаранта власти рабовладельцев над рабами.

К. Маркс, рассматривая основные закономерности развития рабовладельческого общества, неоднократно указывал на наличие двух последовательных стадий его: патриархальное рабство и рабство, направленное на производство прибавочной стоимости. Превращение первой системы рабовладения во вторую К. Маркс связывал с развитием экономики, в особенности он подчеркивал значение торговли, и появление денег⁶.

Древнейшая, патриархальная форма рабства формировалась различными путями: путем завоевания одного народа другим (например, иллы в Спарте, пенестия в Фессалии и т. д.) или путем внутренней дифференциации общества (в Афинах в досолоновскую эпоху, в Риме царского и раннереспубликанского времени и т. д.). Основными особенностями патриархального рабства были: сохранение связи между непосредственным производителем и его участком земли, некоторая доля хозяйственной самостоятельности, некоторые гарантии против изменения правового статуса, меньшая норма эксплуатации (чем при классическом рабстве). Патриархальное рабство, видимо, было универсальной стадией развития классового общества в античном мире. В некоторых областях оно достаточно быстро было преодолено, перейдя на более высокую стадию — стадию классического рабства. В целом ряде обществ патриархальное рабство, однако, существовало достаточно длительное время. Как правило, это были экономически отсталые области античного мира, такие как Спарта и Фессалия.

Процесс становления классического рабства лучше всего известен на примере Афин и Рима. В Афинах (как и во многих других центрах Греции) в архаическую эпоху основное содержание процесса социально-экономического развития заключалось в усилении различий между аристо-

⁵ Там же, т. 3, с. 21.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 364—365; ч. II, с. 143.

кратией и рядовым гражданством (главным образом, крестьянством), приведшем в конечном счете, к форме классового противостояния. Аристократия усиливала нажим на рядовое крестьянство, стремясь его полностью закабалить. Иногда в известной мере ей это удавалось. Одной из важнейших причин усиления давления аристократии было то, что в эту эпоху пачался значительный экономический подъем, развились внешние экономические связи и т. д. В новых условиях аристократия стремилась получить в свои руки гораздо большую долю прибавочного продукта, произведенного крестьянством, нежели раньше. Развитие торговли, появление монеты привели к тому, что основной формой порабощения аттического крестьянства стало порабощение за долги, долговое рабство.

Однако афинской аристократии в силу ряда причин не удалось поработить аттическое крестьянство. В частности, видимо, одной из таких причин был достаточно высокий уровень развития товарно-денежных отношений, появление рынка, помогавших части крестьян добиваться экономической самостоятельности и давших крестьянству мощных союзников в лице слоев, получавших богатство не традиционными способами, а благодаря развитию ремесла и торговли. Как бы то ни было, рядовое гражданство Афин смогло противостоять натиску аристократии и в результате ряда реформ (в первую очередь реформ Солона) ситуация резко изменилась. Традиционные привилегии знати были уничтожены, была обеспечена свобода граждан и эндогенное рабство категорически запрещено. Аналогичные процессы проходили во многих других центрах Греции. При всех различиях, объясняемых многими причинами, борьба патрициев и плебеев в Риме также закончилась победой плебса и, соответственно, обеспечением свободы рядового гражданства Рима.

Сама победа демоса в Афинах и плебса в Риме, отчасти обеспеченная развитием товарно-денежных отношений, стала мощным стимулом для дальнейшего подъема экономики, развития товарности в сельском хозяйстве, роста ремесла и торговли. Но, в равной степени, она послужила мощнейшим стимулом развития классического рабства. Запрещение поработать соплеменников не могло, естественно, уничтожить саму потребность в подневольной рабочей силе. Наоборот, рост экономики резко увеличивал эту потребность. Результатом всего этого стало широкое распространение рабства чужеземцев, поступавших в страну либо в результате покупки вовне, либо в качестве военнопленных. Развитие экономики требовало усиления эксплуатации рабов, а то обстоятельство, что они являлись чужеземцами, снимало все препятствия (морального порядка или проистекавшие из норм обычного права) для развития этого процесса. В результате развилось и укрепилось рабство классического типа, которое самым тесным образом связано с развитием товарно-денежных отношений в античном мире.

В современной зарубежной литературе очень отчетливо проявляется тенденция принизить уровень развития товарно-денежных отношений в Греции и Риме. Родившись в справедливой борьбе с модернизаторством, уподоблявшим экономiku античного мира экономике капиталистического мира, эта тенденция, однако, зашла чересчур далеко, до почти полного отрицания роли товарно-денежных отношений. Настаивая на специфике античного мира, в частности специфике его экономической структуры, сторонники этого подхода полностью отрицают развитие товарности в античном хозяйстве, становление и развитие города, как центра ремесленного производства и обмена. Основой этой ошибки является уподобление любого общества, в котором наблюдается развитие товарно-денежных отношений и существование рынка, капиталистическому обществу. Однако товарно-денежные отношения и рынок могут существовать и существуют и при других общественно-экономических формациях. К. Маркс отмечал, что разделение труда — «независимо от того, опосредствованно оно то-

варообменом или нет — свойственно самым различным общественно-экономическим формациям». Капиталистический же способ производства начинается только с уровня разделения труда, свойственного мануфактуре⁷.

Таким образом, развитие товарно-денежных отношений не означает наличия капитализма и товарно-денежные отношения могут до определенного уровня развиваться и в условиях господства рабовладельческого способа производства.

Наивысший возможный в условиях этого способа производства уровень развития экономики, естественно, порождал и наивысший уровень развития социальных отношений, что означало развитие и повсеместное распространение классического рабства. Подтверждением этому служит и исчезновение таких архаических форм зависимости как илотия, пенестия, запрещение долгового рабства в подавляющем большинстве греческих полисов и т. д.

Особенно активно процесс распространения классического рабства в Европе, проходил в результате римских завоеваний. Как уже многократно отмечалось, быстрее всего подвергались римскому завоеванию и впоследствии романизировались те области Европы, где процесс становления классового общества и государственности зашел достаточно далеко. В этих областях возникали и развивались многообразные формы зависимости, типологически чаще всего находившиеся на стадии патриархального рабства. Римское завоевание и укрепление власти Рима означали, как правило, широкое распространение классического рабства, вытеснявшего более архаические формы зависимости. Конечно, этот процесс не надо понимать упрощенно, как «тотальное» уничтожение традиционных форм зависимости, но бесспорно, что ведущее место занимало отныне рабство классического типа.

Как было доказано советскими исследователями, в условиях Рима потребностям развития рабовладельческого хозяйства наиболее полно отвечала средняя рабовладельческая вилла с товарной направленностью. Производство было ориентировано на создание прибавочной стоимости. Этой цели служат многие усовершенствования в хозяйстве, но основная роль играет усиление эксплуатации раба, доведение ее до максимальных, допустимых природой размеров. Важной особенностью классического рабства в Риме является абсолютный и относительный рост численности рабов, проникновение рабства во все сферы жизни. Усиление эксплуатации рабов приводит к резкому ухудшению их юридического положения, раб из личности превращался в средство производства, инвентарь имения, «говорящее орудие». Рабовладелец мог обращаться с рабом как угодно, руководствуясь лишь соображениями своей выгоды. Он мог бросить раба на съедение хищным рыбам, послать на арену амфитеатра и т. д. Государство, религия, общественное мнение не вмешивались в отношения рабовладельца и его раба. «Раб вместе со своим трудом раз и навсегда продан своему господину. Он — товар, который может переходить из рук одного собственника в руки другого» — отмечал К. Маркс⁸. В. И. Ленин также подчеркивал эту особенность рабовладельческого строя: «Рабовладельцы считали рабов своей собственностью, закон укреплял этот взгляд и рассматривал рабов как вещь, целиком находящуюся в обладании рабовладельца»⁹.

Становление классического рабства означало окончательное оформление класса рабов. Одновременно это означало и усиление социального протеста, обострение классовой борьбы, имевшей самые различные формы.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 372.

⁸ Там же, т. 6, с. 433.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 70.

Процесс становления и развития рабства в античном мире имел своим естественным результатом становление и развитие государства.

В. И. Ленин, исследуя проблемы государства, подчеркивал, что государство является продуктом проявления классовой противоположности: «...по мере того, как возникает и упрочивается общественное разделение на классы, по мере того, как возникает общество классовое, по мере этого возникает и упрочивается государство...»¹⁰.

В условиях античного общества именно полис становился формой организации рабовладельцев, той «машиной», которая обеспечивала их господство над рабами. Обратившись к древней Греции, мы можем отметить два пути становления государства. Один путь несколько условно можно назвать спартанским, другой — афинским. К Спарте можно с полным правом применить ту мысль Ф. Энгельса, которую он высказал о германцах и их государственности: государство в Лаконике возникло «как непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий, для господства над которыми родовой строй не дает никаких средств»¹¹. С другой стороны, резюмируя процесс развития классового общества и государственности в Афинах, Ф. Энгельс подчеркивал, что «возникновение государства у афинян является в высшей степени типичным примером образования государства вообще, потому что оно, с одной стороны, происходит в чистом виде, без всякого насильственного вмешательства, внешнего или внутреннего, — кратковременная узурпация власти Писистратом не оставила никаких следов, — с другой стороны, потому, что в данном случае весьма высоко развитая форма государства, демократическая республика, возникает непосредственно из родового общества...»¹². Развитие римской государственности, видимо, представляло собой сочетание этих двух путей, ибо Рим очень рано начал широкие внешние завоевания, в результате которых под контролем Римской республики оказались обширные территории в Италии, а затем и за ее пределами.

Становление классического рабства, в свою очередь, потребовало изменения форм государственности. По всей видимости, одной из самых важных причин становления Римской империи, приведшей на смену Республике, явилась трансформация рабства. Сочетание в период Ранней империи широчайшим образом распространенного мушниция с очень сильной центральной властью, видимо, представляло в это время наиболее эффективную форму государственной «машины», обеспечивающей наиболее полный контроль класса рабовладельцев над рабами.

Становление и развитие античного мира невозможно представить вне теснейших контактов с «периферийным» миром «варварских» племен. Взаимоотношения этих двух миров были широки и многообразны. Прежде всего, необходимо отметить, что в период подъема и роста рабовладельческой формации (примерно до II в. н. э.) она, представлявшая передовой тип производственных отношений, неуклонно расширяла зону своего господства, сокращая, естественно, зону господства первобытнообщинных отношений. При этом, как уже отмечалось, сами контакты этих двух миров в известной мере ускоряли социально-экономическое и политическое развитие «варварских» обществ, подвергавшихся влиянию со стороны античных центров. Наибольшему влиянию подвергались племена, граничившие с античным миром, но даже и в более отдаленных районах (вплоть до Скандинавии) это влияние оказывается достаточно опутным. Только полярные области Европы, видимо, оказались не затронутыми им.

¹⁰ Там же, с. 72.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 169.

¹² Там же, с. 119.

Можно утверждать, что само существование рабовладельческой формации немислимо без «варварской» периферии. Современные исследователи уделяют очень большое внимание проблеме внеэкономического принуждения, как одной из основных черт рабовладельческого способа производства. Однако этот интерес сосредоточен, главным образом, на механизмах функционирования уже существующего рабовладельческого хозяйства. Гораздо меньше внимания уделяется действию внеэкономического принуждения на этапе, предшествующем появлению раба на рабском рынке. Между тем в этом один из глобальных аспектов рабовладельческого способа производства, ибо включение раба в процесс производства достигалось путем внеэкономического принуждения. Главным источником пополнения рабских рынков были жители первобытной «периферии» античного мира. Совершенно не случайно, что процесс роста рабовладельческого способа производства совпадает с периодами внешней экспансии, обеспечивающей постоянное пополнение рабских рынков «живым товаром». Особенно показательно эта зависимость выступает в истории Рима. С другой стороны, прекращение широких внешних завоеваний хронологически совпадает со стагнацией рабовладельческого способа производства. Зависимость этих двух явлений не может быть случайной.

Причины падения античного рабовладельческого общества, в конечном счете, кроются в самой природе рабовладельческого способа производства. Поскольку в основе его лежало внеэкономическое принуждение, его природа требовала постоянного включения в процесс производства и новых масс рабов и новых земель, истощаемых хищнической эксплуатацией. Нормальный рост рабовладельческого способа производства обеспечивался расширением зоны, эксплуатируемой рабовладельцами и постоянным перенесением центра развития рабовладельческого способа производства из одной области, природные и людские ресурсы которой оказывались подорванными, в другую, «свежую» область. Когда же возможности расширения Римской империи оказались исчерпанными, начался кризис и упадок рабовладельческого общества. По словам Ф. Энгельса, античное общество зашло в тупик¹³.

Именно в этот исторический момент начинается разложение всех структурных элементов рабовладельческого общества. Рабский труд все более и более вытесняется трудом колона. Средняя рабовладельческая вилла с товарной направленностью хозяйства отмирает, заменяясь латифундией. Крупные земельные владения приобретают черты замкнутых хозяйств, развивая в своих границах не только земледелие, но и ремесло. Происходит падение местных рынков и крупной, в пределах всей империи, торговли. Происходит постепенное «увядание» городов. Муниципии все более теряют полисные черты, гражданство их дифференцируется, а гражданские коллективы утрачивают свои права и привилегии. Все большую роль начинают играть иные, не связанные с полисом, формы землевладения. Императорская власть, выступавшая ранее в роли выразителя «коллективной воли» рабовладельцев всей империи, защитника класса рабовладельцев в целом, теперь становится гарантом привилегий только верхушки этого класса. Происходит все большее сужение массовой ее опоры. Римская империя слабеет. В ее рамках происходит постепенное вызревание феодальных отношений, простор развитию которых, однако, дали только гибель империи и варварские завоевания. Дальнейший исторический прогресс Европы мог быть достигнут только в рамках новой общественно-экономической формации.

¹³ Там же, с. 149.

* * *

Жизнь народов Европы в древности была теснейшим образом связана с историей народов Западной Азии и Северной Африки. Единая, древнегреческая цивилизация рождалась одновременно на двух материках: на Балканах и в Малой Азии, а финикийская, сложившись в Азии, широко распространилась по африканским и европейским берегам Средиземного моря. Греческая колонизация также охватила побережье всех трех континентов. Держава Александра Македонского простиралась от Балкан в Европе до Индии и южных границ Египта. Римская империя, включавшая в себя огромные территории Западной и Южной Европы, — властвовала также над значительной частью Северной Африки.

Европу, Азию и Африку соединяли не только политические узы. Очень рано установились широкие по масштабам экономические связи различных народов этих трех континентов. Современные исследователи все больше подчеркивают сотрудничество, а не соперничество между греками и финикийцами, результатом чего было возникновение густой сети экономических связей по всему Средиземноморью. Важнейшим поставщиком продуктов питания в эпоху Империи для Италии был Египет. «Великий шелковый путь» связал в первые века н. э. Средиземноморье с Восточной Азией. Не менее важны были и культурные контакты и взаимовлияния. Создание греческого алфавита, одного из важнейших достижений греческой цивилизации, демократизировавшего процесс приобщения к знаниям, произошло под влиянием финикийского, греческий язык стал средством общения различных народов Азии в эллинистическую эпоху и Африки. В сокровищницу греческой философии свой вклад внесли многие уроженцы Востока. Христианство, широко распространившееся в первые века н. э. в пределах Римской империи, зародилось в Азии.

Сам процесс становления европейской цивилизации немалым вне контактов и влияний, пришедших с Азиатского материка. Древнейшие государственные образования Балкан и Крита, видимо, имели структуру, близкую к современным им ближневосточным государствам. Становление самобытной греческой цивилизации, основывающимся элементом которой был полис, могло произойти только в условиях распространения железной металлургии, зародившейся в Передней Азии.

Вычленение истории Европы из общего исторического процесса отнюдь не означает того, что «европейский» путь развития в древности рассматривается авторами тома как наиболее прогрессивный или наиболее типичный. Это вычленение имеет значение методическое — попытаться выяснить специфику исторического развития одного из континентов на всех этапах развития общества, чтобы путем сопоставления с иными путями глубже и яснее понять то общее, что объединяет все человечество.

В античную эпоху Римская империя, распространившая свое могущество на громадные территории, как на Западе так и на Востоке, объединяла под своей властью всю ойкумену. И лишь с ее разделением на западную и восточную части начинается автономное существование отдельных регионов. С этого времени постепенно складывается и понятие «европейская общность», которое отчетливо оформляется в эпоху раннего средневековья, базируясь на тех предпосылках, которые были заложены в античную эпоху.

Уже в этот период на просторах Северной, Центральной и Восточной Европы, а также на севере Балканского полуострова обитавшие там или пришедшие из других мест племена начинают переходить к государст-

венности. На самостоятельные варварские государства распадается также территория бывшей Западной Римской империи.

В рамках этих новых объединений и взаимодействия отдельных этнических элементов — кельтского, германского, италийского, греческого, иберского, славянского, аварского и др. складываются народности, положившие начало политической карте средневековой Европы.

Единство Европы как своеобразной историко-культурной общности при всей пестроте и сложности этнического состава и уровня социального и экономического развития базировалось на том, что все ее народы переживали процесс феодализации. Этому единству способствовало и то обстоятельство, что все жившие на территории Европы народы постепенно включались в сферу влияния как христианства, так и культурных традиций античного мира.

Часть первая

ЕВРОПА В КАМЕННОМ И БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

КАМЕННЫЙ ВЕК
БРОНЗОВЫЙ ВЕК

1. Палеолит и мезолит
2. Неолит и энеолит
3. Европа в III тыс. до н. э.
4. Древняя Европа и индоевропейская проблема
5. Европа во II тыс. н. э.

КАМЕННЫЙ ВЕК

Глава 1

ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ

История Европы с появления в ней древнего человека охватывает около 2 млн. лет, из которых письменными источниками освещены лишь события последних 3 тыс. лет. Весь предшествующий период — продолжительный и сложный, который западные историки называют *предысторией* (*Vorgeschichte*, *prehistory*, *préhistoire*), примерно в 600 раз более длительный, чем период письменной истории, известен преимущественно по данным археологии, лингвистики, палеоантропологии, геологии, палеонтологии и др.

Количество археологических материалов по древнейшей истории Европы за последние 30 лет чуть ли не удвоилось. Под влиянием многочисленных, зачастую качественно новых материалов старые концепции древнейшей истории Европы постоянно пересматриваются и те представления, которые еще недавно казались незыблемыми, решительно устаревают. Незыблемой остается лишь концепция первобытнообщинной социально-экономической формации, выдвинутая и обоснованная классиками марксизма, формации, в условиях которой протекала жизнь древних обитателей Европы почти в течение 2 млн. лет.

Быстрое накопление нового материала по древнейшей истории Европы, огромный поток информации на десятках языков, естественно, приводят к тому, что работа по изучению этих материалов в известной мере отстает, запаздывает, и современные обобщающие исследования по этой теме еще не созданы. Однако именно в настоящий момент интерес к проблемам экономической и социальной истории древнейшей Европы необычайно велик, особенно в связи с появлением материалов, полученных с помощью естественных наук, и новых методов их интерпретации, созданных в результате содружества естественных и общественных наук. Возможно, время синтеза еще не наступило, не завершены разработки многих региональных проблем, экономические и социальные аспекты ряда периодов слабо изучены. Поэтому данная попытка краткого рассмотрения древнейших периодов истории Европы не претендует на что-либо большее, чем быть первым опытом в этом направлении, предпринятым в советской науке.

* * *

Археология различает три основных «века» (периода, эпохи) в древней истории Европы: каменный, бронзовый, железный. Каменный век — самый длительный из них. В это время основные орудия труда и оружие человек изготавливал из дерева, камня, рога и кости. Лишь в самом конце каменного века древние обитатели Европы впервые познакомились с медью, но использовали ее преимущественно для изготовления украшений. Орудия и оружие из дерева, вероятно, были самыми многочисленными у древнего человека в Европе, но дерево обычно не сохраняется, как и другие органические вещества, в том числе рог и кость. Поэтому основным источником для изучения каменного века служат каменные орудия и остатки их производства.

Бронзовый век в разных частях Европы продолжался 1—2 тыс. лет. В первой половине бронзового века изделия из бронзы (сплавов меди) редки, в основном это топоры, кинжалы, ножи, наконечники копий, украшения. Расцвет металлургии и металлообработки наступает лишь во второй части бронзового века. Появляются первые сельскохозяйственные орудия из бронзы, усовершенствованное оружие (мечи), оборонительные доспехи (шлемы, панцири, поножи), изделия из листовой меди и бронзы, высокохудожественные изделия из золота и бронзы. Бронзовый век в истории Европы заканчивается в начале I тыс. до н. э.

Длительный период каменного века принято делить на три части: древний каменный век, или палеолит; средний каменный век, или мезолит, и новый каменный век, или неолит. Эти деления возникли еще в прошлом веке, но сохраняют значение до сих пор. Палеолит — наиболее продолжительный период, начало его восходит к возникновению человеческого общества. Каменные орудия палеолита сделаны в основном технической оббивки, без применения шлифовки и сверления. Палеолит совпадает с плейстоценом — ранней частью четвертичного, или ледникового, периода истории Земли. Основа экономики человека в палеолите — охота и собирательство.

Палеолит, в свою очередь, делится на три части: нижний (или ранний), средний и поздний (младший, или верхний).

Мезолит (его иногда называют эппалеолитом, хотя эти термины не совсем равнозначны) — гораздо более кратковременный период. Он продолжал во многом традиции палеолита, но уже в последледниковое время, когда население Европы адаптировалось к новым природным условиям, изменяя экономику, материальное производство и образ жизни. Присваивающий характер хозяйства в мезолите сохраняется, но развиваются новые его отрасли — рыболовство, в том числе и морское, охота на морских млекопитающих, собирание морских моллюсков.

Характерная черта мезолита — уменьшение размеров орудий, появление микролитов.

Однако основной рубеж в истории каменного века Европы приходится на начало неолита. В это время на смену долгому периоду присваивающего хозяйства, охоты, собирательства, рыболовства приходят земледелие и скотоводство — производящее хозяйство. Значение этого события столь велико, что для его характеристики используется термин «неолитическая революция».

Между каменным веком и бронзовым выделяют медно-каменный век (энеолит), однако этот период прослеживается не во всей Европе, а преимущественно на юге континента, где в то время возникают и достигают расцвета земледельческо-скотоводческие общества, обладающие крупными поселениями, развитыми социальными отношениями, религией и даже протописьменностью. Металлургия меди переживает первый подъем, появляются первые медные орудия крупных размеров — проушны топоры, топоры-тесла, боевые топоры, а также украшения из меди, золота и серебра.

Уже с конца палеолита в древней Европе наблюдается неравномерность экономического и культурного развития: неолит на юго-востоке, а затем и в Центральной Европе существует параллельно с мезолитом на севере и востоке Европы, а энеолит на юго-востоке Европы — параллельно неолиту на западе, севере и востоке Европы. Ранний бронзовый век Эгейды совпадает с поздним энеолитом в Подунавье и Центральной Европе, энеолитом юга Восточной Европы и поздним неолитом Северной и Северо-Восточной Европы. Поэтому все большее значение, особенно в сводных и обобщающих работах, начинает приобретать абсолютная хронология, тем более что наряду со старой гляциальной, исторической хронологией в настоящее время все чаще используются естественнонауч-

ные методы датирования. Наибольшее применение в археологии получил радиоуглеродный метод. Ниже радиоуглеродное датирование используется для всех периодов от среднего палеолита до начала II тыс. до н. э.¹

1. ЗАСЕЛЕНИЕ ЕВРОПЫ АРХАНТРОПАМИ

Древний человек появился в Европе в четвертичный, или ледниковый, период. Для этого периода характерно развитие материковых ледниковых покровов, проникавших далеко на юг, в области с умеренным (в настоящее время) климатом.

Наступление четвертичного периода определяется появлением современной фауны с такими характерными животными, как слон (*Elephas*) и лошадь (*Equus*). Именно они впервые встречены в виллафранкских отложениях Северной Италии. Ученые, которые отиссят виллафранкские отложения целиком к четвертичному периоду, определяют продолжительность последнего в 2,8 или 3—3,5 млн. лет.

Общепризнано деление четвертичного периода на более раннюю часть (плейстоцен) и более позднюю (голоцен), причем границей между ними принято считать окончание последнего оледенения — около 10 тыс. лет назад. Плейстоцен, который обычно делят на нижний, средний и верхний, характеризуется значительными колебаниями температуры. Холодные климатические периоды ассоциируются с оледенениями. Периоды с более теплым климатом, которые падают на время между оледенениями, называются межледниковьями, или интергляциалами. Внутри больших периодов были и малые климатические колебания. Количество оледенений в плейстоцене Европы определяется по-разному. В пределах европейской части СССР насчитывают шесть оледенений, в Центральной Европе — шесть-семь.

В нижнем плейстоцене Европы (2,5 млн.—700 тыс. лет назад) насчитывают два-три оледенения (Бибер, Дунай, Гюнц по так называемой альпийской схеме); в среднем (700 тыс.—125 тыс. лет назад) — два оледенения (Миндель и Рисс), причем рисское оледенение — самое значительное в Европе; в верхнем — лишь одно оледенение, вюрмское, но с несколькими колебаниями (стадиалами) внутри (Вюрм I—IV). Альпийская система оледенений чаще всего увязывается с археологическими памятниками палеолита для их геологического датирования.

Основными центрами оледенений в Европе были Скандинавия, где толща ледника доходила до 3 км, Новая Земля и Северный Урал. В период максимального рисского оледенения льды, расходясь из скандинавского центра, покрывали Европу приблизительно до северных границ Карпатского бассейна. На Русской равнине льды проникали по долинам Днепра и Дона далеко на юг. К концу же плейстоцена ледник покрывал только Скандинавский полуостров.

До начала плейстоценовых материковых оледенений в Северной Европе существовали темнохвойные леса таежного типа из елей, пихт, сосен с лиственницей, березой и ольхой. В среднем плейстоцене усиливающееся похолодание сильнее всего сказалось именно в области морского климата Северной Европы. По соседству с ледяными щитами широко распространились ландшафтные зоны тундры и холодной степи с мхами, осоками, разнотравьем, карликовыми березами и ивами.

¹ Исследования, проведенные физиками, показали, что радиоуглеродные годы короче календарных. Это различие не слишком существенно для последних трех тысячелетий, но уже для VI тыс. оно составляет около 800 лет. Однако единая система калибровки радиоуглеродных дат, т. е. превращения их в календарные, до сих пор не разработана. Поэтому археологи предпочитают работать с датировками в радиоуглеродных годах.

Во время последнего (вюрмского) оледенения тундра и холодные степи продвинулись на юг до Пиренеев, Альп, Динарских гор и Кавказа. В Средиземноморье еще сохранялась лесная растительность, в основном хвойная, но с участием широколиственных пород. Изменение растительности в плейстоцене характеризовалось скорее миграциями сообществ, чем их эволюцией.

В нижнем плейстоцене в Европе обитала довольно теплолюбивая фауна, южные животные проникали в высокие широты. В Европе жили представители африканских сообществ, вплоть до Англии были распространены гиппопотамы и слоны с прямыми бивнями. Млекопитающие Северной Европы были представлены лесными сообществами. В связи с похолоданием в фауне млекопитающих широко распространились холодоустойчивые элементы. Лесные сообщества уступили господствующее положение тундровым, которые освоили перигляциальную зону. Приспособление к холодному климату у млекопитающих выразилось в увеличении размеров животных, создании жирового покрова, развитии волосяного покрова (мамонт, шерстистый носорог), использовании пещер для обитания (пещерный медведь, пещерный лев).

Влияние холодного климата в плейстоцене временами распространялось на всю северную половину Европы. Ареал холодовыносливой фауны достиг максимума в верхнем плейстоцене, когда тундровые животные доходили до Крыма. В перигляциальной зоне Европы выделяются две подзоны: северная, более суровая, с арктическими формами, и южная, в которой преобладали лошади, дикие быки (бовиды), шерстистые носороги, но редко встречались мамонты.

Европа не была колыбелью гоминидов. Первоначальный центр распространения гоминидов, которые были тропическими существами, находился, как полагают, в Индии. Однако нет никаких оснований утверждать, что первые гоминиды пришли в Европу из Индии. Более вероятно предположение, что они прибыли из Африки.

Начальной структурной фазой *Homo sapiens* — архантропом — многие антропологи считают древний вид *Homo erectus*, который представлен в границах Европы и Азии. *Homo erectus* за 2 млн. лет независимым образом развил несколько форм. В качестве гипотезы предполагают, что архантроп мог проникнуть из Африки в Европу в середине виллафранкского времени.

Древнейшие свидетельства пребывания гоминидов в Европе относятся к первой половине нижнего плейстоцена, но их очень немного, и они не столь ярки и выразительны, как африканские местонахождения того времени. Это Сан Валье (Франция), откуда происходит каменное оружие, возраст которого 2,3—2,5 млн. лет. Другое местонахождение — Ля Рош Ламбер (Франция) — датируется временем 1,5 млн. лет назад и содержит много разбитых (намеренно?) костей животных вместе с кусками кварца и кремня. Третье — Шийак I (Франция), где найдены галечные орудия вместе со средневиллафранкской фауной. Датировка Шийака — 1,8 млн. лет назад. Более надежным памятником является пещера Шандаль I (Истрия, СФРЮ), дата которой — 1,6 млн. лет назад. В пещере найдены два примитивных каменных орудия из гальки, зуб гоминида и много костей млекопитающих, значительная часть которых принадлежала молодым особям лошади Стенона, носорога, кабанов, бовидов и была обожжена. Найдены и древесный уголь. Видимо, в пещере жили гоминиды, уже знакомые с огнем, а кости животных были остатками их охотничьей добычи.

Археологические свидетельства пребывания гоминидов в Европе во второй половине нижнего плейстоцена (1,5 млн.— 700 тыс. лет назад) столь же немногочисленны. Синзель (Франция) с поздней виллафранкской фауной дал лишь слабое указание на деятельность гоминидов —

раскалывание и разламывание костей животных. Это местонахождение датируется временем 1 млн. лет назад. Грот Ле Валлоне (Франция) сохранил каменные орудия в сочетании с поздней виллафранкской фауной. Гоминиды жили в нем около 700 тыс. лет назад. К этому же или более раннему времени относятся материалы из Прижезлетице (ЧССР). С помощью палеомагнитного анализа они датированы временем 890—750 тыс. лет назад. Здесь в отложениях древнего озера найдены остатки лагерных стоянок древнего человека, содержащих орудия труда, камни, уголь и обгоревшие кости животных из древних очагов. В фаунистических остатках представлены мамонт, лошадь, осел, бизон, олень. Среди орудий труда найдены чопперы² и другие каменные орудия, ножи из расколотых костей.

К первой половине среднего плейстоцена могут быть отнесены находки разбитых костей животных и следы огня в пещере Сент-Эстев-Жансон (Франция), но каменных орудий там нет. В Ле Ромье (Франция) ранняя среднелейстоценовая фауна найдена вместе с каменными изделиями. К среднему плейстоцену относится Вертешсёллэш (ВНР). Минимальный возраст памятника 370 тыс. лет. Это — крупное стоябище древнего человека (архантропа), располагавшееся у теплых источников. Галечная индустрия здесь приобрела специфическую микролитическую форму.

Незначительность следов пребывания гоминидов в Европе в нижнем и среднем плейстоцене объясняется рядом факторов. Прежде всего условия для их сохранения в Европе гораздо менее благоприятны, чем в Африке. Реки часто меняли свои русла, наступления ледников разрушали более древние отложения, многие пещеры были освобождены от накопившихся в них отложений. Далее, популяции гоминидов обладали очень незначительной величиной, и поэтому шансы найти их останки малы. Заселение гоминидами новых районов проходило очень медленно.

Основные ископаемые находки гоминидов в Африке связаны с областями близ экватора, где самый короткий день длится не менее 10 часов. В Европе, особенно Центральной, долгота дня была недостаточна для обеспечения гоминидов привычной пищей.

Тем не менее гоминиды во время нижнего плейстоцена несколько раз проникали в Южную Европу, возможно, совместно с некоторыми видами животных. Но попадая на Европейский континент, они оказывались изолированными, поскольку новое проникновение происходило лишь через длительный период времени. Существуют три вероятных пути проникновения гоминидов в Европу. Первый кратчайший путь по суше — через Босфор и Дарданеллы, второй — через Тунисский залив, третий — через Гибралтар. Вероятность первого из указанных путей доказывается находкой черепа в Петралоне (Греция). Череп принадлежит эволюционировавшему архантропу и имеет определенные черты сходства с африканскими черепами. Второй путь подтверждают находки в Сицилии и южной Италии, третий — в Кадиксе.

Ископаемые останки архантропов, найденные в Европе, очень немногочисленны. Древнейшие из них восходят к концу среднего плейстоцена. Это фрагменты черепа из Вертешсёллэша, череп из Петралоны и челюсть из Мауэра под Гейдельбергом (ФРГ). Их датируют временем приблизительно 360—340 тыс. лет назад. К более позднему периоду — около 225 тыс. лет назад — относятся находки из Свонскомба (Англия) и Штейнхейма (ФРГ). Еще более поздним временем — 150—200 тыс. лет назад — датируется череп из Араго (Франция). Различия в скелетах

² Чоппер — орудие, изготовленное из гальки или булыжника путем скалывания несколькими ударами верхушки или края, в результате чего образовывался рабочий край, или лезвие неправильной формы. Остальная поверхность гальки не имела обработки. Чоппер мог использоваться как универсальное орудие.

архантропов из Европы говорят о том, что было не одно-единственное проникновение, а целый ряд движений или волн, в процессе которых в Европе появились архантропы различного физического типа. Тем не менее ископаемые останки архантропов в Европе показывают определенные морфологические соответствия. Поэтому, если и существовало несколько морфологически дифференцированных волн иммиграции архантропов в Европу, их потомки образовали большой смешанный комплекс. Этому способствовали и пульсация ледников, то суживавшая, то расширявшая ареал обитания архантропов в Европе, и длительный период их существования.

Морфологическая характеристика архантропов включает следующие признаки: объем мозга — около 1000 куб. см, черепной свод довольно уплощен, лоб слегка выпуклый, нижняя челюсть массивна, но без подбородка, надглазничные валики большие. Двухное хождение уже было усвоено архантропом, но форма черепа и строение лицевого скелета содержат еще многое от обезьяны. Находок костей туловища и конечностей почти нет, но можно предполагать прогресс в развитии руки и стопы. Изучение слепков мозговой полости архантропов показывает определенные прогрессивные изменения мозга по сравнению с австралопитеками, связанные с усложнением поведения, с появлением более совершенных движений в трудовых процессах.

2. НИЖНИЙ ПАЛЕОЛИТ. АШЕЛЬ. КЛЭКТОН

Лучше других известна культура (индустрия) нижнего палеолита Европы, названная ашельской по эпонимному памятнику во Франции. Она широко распространена на западе и юге Европы. В центральной части Европы (ГДР, СССР) также встречаются ашельские местонахождения. На территории СССР — в Закарпатье, Поднестровье, Приазовье и на Кавказе — находят преимущественно памятники второй половины ашеля. Характерными орудиями ашеля были ручные рубила и кливеры («колдуны»). Ручные рубила — орудия универсального назначения, сделанные из ядрища путем двусторонней обработки. Они довольно массивны, достигая длины 35 см, имеют овальноминдалевидную форму, два продольных лезвия и один заостренный конец. Кливеры характеризуются поперечным лезвием и симметрично оббитыми краями.

Древнейшие свидетельства о существовании ашеля в Европе относятся к нижнему плейстоцену. Считается, что европейский ашель начался столь же рано, как и африканский, и существовал долгий период. Протоашель (аббевиль) датируют временем 900—600 тыс. лет назад. Его ареал ограничивается в основном территорией Франции. Ранний ашель датируется временем 600—350 тыс. лет назад, средний и верхний — 350—170 тыс. лет назад. Финальный ашель существовал и позже.

Памятники архаического ашеля сосредоточены лишь в Юго-Западной Европе и Юго-Западной Азии; по особенностям распространения они сближаются с африканским ашелем: некоторые из них (Торральба, Испания) находятся на больших высотах. К архаическому ашелю относятся Амброн (Испания), Терра Амата (Франция), Альпиарка (Португалия). Ареал памятников и их специфические особенности указывают на африканское происхождение архаического ашеля Европы.

Большинство богатых ашельских памятников Англии и богатейшие французские, в том числе эпонимное поселение Сент-Ашель, относятся ко второй половине миндель-рисского межледниковья. Основные памятники этого времени в Северо-Западной Европе находятся на меловых отложениях, где был хороший кремень для изготовления орудий. В начале рисского оледенения пазснилась техника изготовления ашельских

орудий: появились крупные пластины типа Леваллуа и черепахообразные нуклеусы, что рассматривается как первая адаптация человека к условиям, напоминающим тундру.

В поздний период рискованного оледенения ашельские местонахождения концентрируются на мезозойских известняках юга Франции и Италии, отмечается интенсивное заселение пещер. Ашельские местонахождения — это уже дифференцированные по характеру поселения. Существуют базовые, более или менее долговременные лагерные стоянки со следами разного рода хозяйственной деятельности, в том числе и изготовления орудий труда. Встречаются и кратковременные лагеря (стойбища) на местах охоты на крупных животных и мастерские для добычи и обработки сырья. Один из ашельских лагерей раскопан в Терра Амата (Франция). Найдены остатки 21 сезонного стойбища. В одном из них открыта овальная ограда из камней. Длина ее 8—16 м, ширина — 4—6,5 м. Это сооружение интерпретируется как основание легкого жилища, древнейшего из найденных в Европе. Внутри жилища находились очаги и места изготовления орудий. Архантропы жили здесь в конце весны — начале лета и занимались охотой на травоядных, сбором морской рыбы, моллюсков и черепах. Один из горизонтов Терра Амата датируется временем между 450 и 380 тыс. лет назад. Базовый лагерь ашельских людей открыт поблизости, в пещере Ле Лазаре. Внутри пещеры было сооружено убежище (11×3,5 м). Ряды камней и ямки, возможно от опорных столбиков, позволяют реконструировать его нижнюю часть. На опорах могли быть укреплены занавесы или крыша из шкур. Реконструируются вход, внутреннее перегородки, два очага в большом помещении и малое помещение без очагов. Восстанавливаются даже места для сна, своего рода постели из волчьих, рысских, лисьих шкур и водорослей. Терра Амата и Ле Лазаре свидетельствуют, что архантропы Европы уже устраивали на стоянках сооружения из камня и дерева, пользовались настоящими очагами, имели постоянные места для сна и для изготовления орудий. Указанный горизонт Ле Лазаре датируется временем около 150 тыс. лет назад.

По крайней мере со средней части ашеля появляются региональные различия. Причины их остаются неизвестными, хотя можно предположить различия в экологических условиях и хозяйственных особенностях и даже отражения этнических традиций, закрепленные в технике и форме орудий.

Основная отрасль ашельской экономики — охота на различных, преимущественно крупных животных. В Торральбе (Испания) на высоте 1115 м над уровнем моря ашельские люди занимались охотой на вымершие теперь виды слонов, лошадей, оленей, быков, носорогов. Стоянка располагалась на пути сезонных миграций животных. Слонов загоняли на болотистый участок, вероятно, с помощью огня, а затем, когда они уже не могли выбраться из болота, убивали их деревянными копьями. Другой памятник испанского ашеля, Амброн, отличается необычной для нижнего палеолита специализацией охоты на один вид животных — на слона. В нижнем горизонте этой стоянки открыты кости 30—35 особей слона. Крупные травоядные были здесь основным источником мясной пищи. Кроме них, в Амброне охотились на волка, зайца, обезьян, ласку, птиц.

Ашельские индустрии не были единственными в нижнем и среднем плейстоцене Европы. Особая индустрия, связанная в основном с лесным окружением и приспособленная к нему, имеющая иное, чем ашель, распространение и происхождение, — клэктон. Клэктонские памятники находятся в Западной и Центральной Европе, в основном к северу и востоку от ашельского ареала. Они относятся преимущественно к миндель-рисскому интергляциалу. Для клэктона характерны биконические нуклеусы,

многочисленные орудия типа чопперов, толстые отщепы с особыми характерными чертами, отщепы с выемками. Кляктонские памятники сосредоточены в зоне между 48° и $50^{\circ}30'$ с. ш., на небольшой высоте над уровнем моря (в Англии — ниже 80 м, в континентальной Европе — ниже 180 м), почти все — в речных долинах. В Англии они лежат на Британской низменности, на меловых холмах; в континентальной Европе — на южных окраинах Среднеевропейской равнины; в ЧССР — в бассейне верхней Лабы и на северных притоках Дуная. Почти совсем нет в кляктоне озерных, прибрежных, пещерных и горных памятников. Несомненна связь кляктонских местонахождений с районами, богатыми высококачественным кремнем: в Англии — с меловыми отложениями, в континентальной Европе — с так называемой границей кремня, куда ледниковая морена принесла кремль из более северных районов.

Высокие широты были недоступны кляктонцам, не приспособленным к суровым условиям. Непреодолимым барьером долго служили для них Альпы, а к западу от Альп ашельское население мешало их продвижению на юг. Восточная граница кляктона не ясна, но предполагается, что она проходила через Украину.

Изучение стратиграфии ряда памятников показывает, что со временем ашельские индустрии продвинулись в ареал более ранних кляктонских и частично вытеснили их на северо-восток.

Кляктонские индустрии рисского времени имеют иное распространение. С наступлением ледника их ареал передвинулся в восточную часть Апеннинского полуострова. Эти поздние кляктонские памятники открыты в районе р. По, в Южной и Центральной Франции. В теплые интерстиады кляктоны могли проникать на север, в Англию и в район среднего течения р. Рейн, но основным их ареалом оставалась Южная Европа. Поздний кляктон, который заканчивается раньше ашеля, перерастает в шарантскую индустрию (Тейяк).

Кроме ашельских и кляктонских индустрий, в нижнем палеолите Европы видят еще и прямые продолжения традиций галечных индустрий древнейшего палеолита, в которых преобладают чопперы, но наряду с ними имеются и орудия на отщепах. Иногда встречается микролитическая фаза галечных индустрий. Сохранение традиций галечных индустрий наблюдается на памятниках Юго-Западной Франции (лангедокская индустрия), Португалии, ФРГ и Чехословакии.

3. СРЕДНИЙ ПАЛЕОЛИТ. МУСТЬЕ

Средний палеолит Европы, который часто называют эпохой мустье по эпонимному памятнику во Франции, начинается по традиционной схеме оледенений во время рисс-вюрмского интергляциала. Его дата — от 125/100 до 40 тыс. лет назад.

Со среднего палеолита можно более надежно реконструировать ход исторического процесса в Европе. Это время первого относительно широкого расселения человека, своего рода демографической волины, в результате которой палеоантроп (так называют человека среднего палеолита) расселился почти на всю свободную от ледового покрова территорию Европы. Значительно возросло по сравнению с нижним палеолитом число археологических памятников. Территория европейской части СССР заселяется вплоть до Волги. Мустьерские местонахождения появляются в бассейне Десны, верховьях Оки, Среднем Поволжье. В Центральной и Восточной Европе памятников среднего палеолита в 70 раз больше, чем нижнего. Одновременно происходит процесс культурной дифференциации, появляются региональные и локально дифференцированные группы и культуры.

Существует точка зрения, что европейское мустье развилось в двух основных зонах — в Западной Европе и на Кавказе — и оттуда распространилось на остальную Европу. Во всяком случае прямая генетическая связь между средним и нижним палеолитом устанавливается лишь в редких случаях.

Принято выделять премустьерские и раннемустьерские культуры, с одной стороны, и позднее мустье — с другой. Первые существовали в рисс-бюрмское время, вторые — в Бюрме I и Бюрме I/II. Абсолютный возраст позднего мустье: 75/70 — 40/35 тыс. лет назад.

В среднем палеолите значительно усовершенствовалось производство каменных орудий, прежде всего самих нуклеусов, т. е. ядрищ для скалывания отщепов, и крупных (так называемых леваллуаских) пластин. Орудия мустье изготавливались в основном из отщепов. Они отличаются устойчивостью форм. Двусторонне обработанные орудия сохраняются и в среднем палеолите, но существенно изменяются. Ручные рубила уменьшаются в размерах, часто изготавливаются из отщепов. Появляются листовидные наконечники и острия различных типов, которые использовались в составных орудиях и оружии, например в метательных копьях. Типичное орудие мустье — скребло — имеет многолезвийные формы. Мустьерские орудия многофункциональны: они служили для обработки дерева и шкур, для строгания, резания и даже сверления.

Начало среднего палеолита падает на относительно теплый интергляциал Рисс-Бюрм. Затем последовали сначала незначительные изменения климата, затем — длительный переходный период и, наконец, последнее оледенение — бюрмское. В период между интергляциалом и кульминацией Бюрма I флора и фауна Европы полностью изменились.

Начало среднего палеолита совпадает с периодом теплого и сухого климата, когда в Европе еще сохранялась субтропическая фауна: древний слон, гиппопотам, носорог Мерка. На территории Венгрии, например, еще были распространены хвойные и лиственные леса, а климат был теплее современного: средняя температура зимы — не ниже 0°. В кульминацию Бюрма I температура января упала до —10—15°, а температура июля — до +10°. Появились значительные безлесные пространства. Климат смягчился и потеплел лишь во время интерстадиала Бюрм I—II, когда увеличилось количество осадков и лиственные леса вновь стали преобладающими. Новое постепенное похолодание и уменьшение количества осадков привели к тому, что растительность приобрела степной характер. В Бюрме III образовались степные и тундровые ландшафты, а в фауне появились полярные виды. Во многом аналогичные процессы происходили и в других областях Европы.

Мустьерские среднепалеолитические памятники довольно четко разделяются на базовые лагеря, остатки которых часто находят в крупных и хорошо укрытых пещерах, где образовались мощные культурные слои с весьма разнообразной фауной, и на временные охотничьи лагеря с их бедной и специализированной индустрией. Встречаются и мастерские для добычи и первоначальной обработки камня. Базовые лагеря и временные охотничьи стоянки располагались как в пещерах, так и под открытым небом.

В кантоне Берн (Швейцария) найдены мустьерские места добычи кремня в виде вертикальных ям глубиной 60 см, выкопанных роговым орудием. Здесь же производилась первичная обработка кремня. В Балатонловаше (ВНР) открыты две шахты среднего палеолита, в которых добывались лимонит и гематит — красящие вещества. В шахтах найдено более сотни орудий из рогов и костей благородного и гигантского оленя (топоры, острия, лопаточки). Из этих шахт в древности было извлечено около 25 куб. м красящих веществ.

Жилища среднего палеолита Европы изучены недостаточно. Люди жили в пещерах и гротах, под скальными навесами, реже — на открытых

местах. В юго-западной Франции мустьерские стоянки найдены под скальными навесами и в малых пещерах, редко превышающих 20—25 м в ширину и глубину. Часть пещер, видимо, использовалась без каких-либо дополнительных сооружений, другая «дооборудовалась», чтобы приспособить их для человеческого обитания. В Комб Гренале и Ле Пейраре (Южная Франция) открыты ямы от столбов, поддерживавших, возможно, занавесы из шкур. В Ле Пейраре у основания навеса было выстроено жилище (11,5×7 м) из небольших каменных блоков, с очагами по главной оси. Жилища под открытым небом найдены на стоянке Молодово I на Днестре. Это сооружения из костей мамонта с остатками очагов внутри. К концу Юрме I относятся крупные многоочажные жилища, найденные во Франции (Ле Пейрар, Во-де-л'Обезье, Эскишо-Грано). Остатки десяти небольших жилищ обнаружены в низовьях р. Дюране (Франция).

Основным занятием населения оставалась охота, но именно в среднем палеолите произошел переход от генерализованной охоты к специализированной.

Изучение особенностей топографии среднепалеолитических памятников Центральной Италии, их инвентаря и фаунистических остатков показало, что основой хозяйственной деятельности палеоантропов Лацио была охота на самую разнообразную дичь. Места для базовых лагерей выбирались там, где охотничья территория создавала значительное разнообразие в ресурсах. Большую роль при этом играла охота на таких крупных животных, как слон, гиппопотам, носорог, которые продолжали жить на западных равнинах центральной Италии до тех пор, пока не стали исчезать влажные леса и болота — естественная среда их обитания.

Среднепалеолитические обитатели пещер Монте Чирчео (Лацио) охотились на животных, которые обитали на их охотничьей территории (зона радиусом 10 км вокруг стоянки), включавшей открытые местности, где паслись лошади; редкую парковую растительность и сухие светлые леса на водоразделах, где обитали олени и дикие быки; густые влажные леса, в которых жили кабаны и косули.

Вероятно, начавшиеся в то время сезонные изменения природных условий привели некоторых стадных травоядных к миграциям: летом — в Апеннины, на обильные пастбища, зимой — обратно, в низменные районы. Однако, судя по расположению памятников среднего палеолита, человек еще не двигался за стадами в горные местности, оставаясь в основном в низменных районах, где сохранялись слоны, бегемоты, носороги.

В среднем палеолите северной Италии нет никаких признаков намеренной специализации в охоте, а базовые лагеря располагаются между морскими ресурсами и горами с сернами и оленями. Несколько иная картина в пещере Морин (Испания). Около 50% костных остатков здесь принадлежит крупному быку, остальные — благородному оленю и лошади.

Свидетельства специализированной охоты мустьерского населения особенно разительны в памятниках Крыма и Кавказа: в Крыму охотились почти исключительно на дикого осла (Староселье) и сайгу (Заскальная), на Кавказе, в Воронцовской пещере, 98,8% остатков фауны принадлежат пещерному медведю, на Ильской стоянке до 87% составляют кости бизона. Население Молодова в среднем палеолите охотилось главным образом на мамонта, а также на лошадь, бизона и северного оленя. В Эрде (ВНР) объектом весенней охоты палеоантропов был в основном пещерный медведь (было убито около 500 особей), а летней — лошади и гиппопотамы.

В Кёнигсхауэ близ Гарцских гор (ФРГ) группа людей — около 30 человек — жила с апреля по октябрь на берегу озера, в довольно открытой местности, в окружении тростниковых болот и лесов из ольхи, березы, тополя. Основным занятием была охота на мамонта, носорога,

дикую лошадь и быка. Поселение Лебенштедт у Зальцгиттера (ФРГ) существовало в условиях тундровой растительности 55 тыс. лет назад. Основным занятием населения была охота на северного оленя, бизона, лошадь, шерстистого носорога. Все каменные орудия — орудия охоты и разделки туш. Это летний лагерь группы охотников (40—50 человек), живших здесь всего по несколько недель, но в течение ряда сезонов.

Охота на пушных животных также засвидетельствована в среднем палеолите. В гроте Ортюс (Франция) охотники на пантеру, рысь, волка приносили в лагерь только шкуры, снятые на месте охоты. Аналогичная картина наблюдалась в Эрде, где на пещерную гиену, волка и бурого медведя охотились из-за их шкур. Известны рыбная ловля (Кударо на Кавказе), охота на птиц и собирательство, особенно в районах с более мягким климатом. Однако способы ведения охоты изучены недостаточно. Вероятно, существовала охота с копьем, в том числе и метательным, оснащенным кремневым наконечником. Была освоена и облавная охота на пересеченной местности, может быть, с использованием ловчих ям.

В среднем палеолите Европы выделяется ряд археологических культур. На материалах памятников Дордони Ф. Борд выделил несколько комплексов мустьерских орудий, которые стали интерпретироваться как различные культуры, сосуществовавшие в течение многих тысячелетий, не оказывая заметного влияния друг на друга. Идя по следам Ф. Борда, другие исследователи показали, что мустье Европы неоднородно и в нем выделяются различия разного порядка: с одной стороны, пути, или линии, развития, с другой — локальные группировки сходных памятников — археологические культуры.

Пути, или линии, развития отражают ограниченность используемого сырья, уровень развития техники, определенный набор орудий. Число путей развития ограничено, и каждый из них не привязан к определенной территории. Напротив, на одной и той же территории сосуществуют различные пути развития. Таким образом, к одному пути развития могут относиться памятники, весьма отдаленные друг от друга и принадлежащие к разным культурам. Выделяют леваллуаский, зубчатый, типично мустьерский, шарантский, понтийский и другие пути развития.

Пытаются выделить и мустьерские археологические культуры — территориально ограниченные группы памятников, сходных по набору орудий: сходство прослеживается не только в основных типах, но и в количественном соотношении групп различных орудий. Внутри культур прослеживаются памятники различного хозяйственного назначения, равно как и разновременные. Но развитие внутри одной такой культуры удается проследить только изредка, лишь там, где многослойные памятники мустье содержат однокультурные слои.

Мощность культурных слоев в мустьерских памятниках больше, чем в нижнепалеолитических. Это интерпретируется как результат увеличения оседлости, которая должна была способствовать консолидации человеческих коллективов, обитавших на поселении. В среднем палеолите был достигнут определенный уровень развития социальных отношений. Так, установлено, что человек, лишившийся руки, жил еще долгое время после потери трудоспособности, а ведь такую возможность мог дать ему коллектив. Ряд советских исследователей считают, что именно в период среднего палеолита происходит становление родового общества. Люди жили в доплеменном родовом обществе мелкими изолированными группами — общинами, члены которых были связаны общими хозяйственными интересами и узами родства.

Первые свидетельства духовной жизни древних обитателей Европы также относятся к среднему палеолиту. Это и первые погребения, и следы ритуалов, возможно связанных с зарождением тотемизма, и приме-

нение, правда крайне редкое, орнаментации — ритмичные повторения нарезок на костях или камнях, а также использование краски — в первую очередь красной охры.

Большинство мустьерских погребений находится в пределах поселений, в основном в пещерах. Могильные ямы — неглубокие, неправильных очертаний, но часто вырыты или выдолблены специально для погребения. Основной погребальный обряд — трупоположение на боку, со слегка подогнутыми в коленях ногами. Сверху погребение засыпалось землей или камнями. Там, где можно установить, погребенный обращен головой на запад или восток. В могилах находят минеральную краску — охру, орудия и кости животных, но все это могло попасть туда и случайно, из культурного слоя, а не в качестве жертвоприношений покойному (погребального инвентаря).

Интрамуральный характер погребений показывает, что связь умерших с родовой общиной сохранялась и после смерти. Появление погребений должно свидетельствовать о том, что палеоантропы уже осознавали свое отличие от животного мира. Член коллектива, общины, рода и после смерти требовал заботы о себе — он не должен был стать добычей диких зверей. Может быть, какие-то смутные представления о «жизни после смерти» уже зародились в головах палеоантропов, хотя это еще и не были анимистические верования.

Однако зачатки в среднем палеолите древних религиозных верований — тотемизма и фетишизма — можно считать установленными. Таким тотемом для многих родов, видимо, был медведь — пещерный или бурый. Встречаются случаи особого обращения с черепами и костями медведей: черепа складывают в специальные ниши в пещерах или ящики из каменных плит (Драхенлох, Швейцария; Петерсхёле, ФРГ), кости погребают в специальных каменных сооружениях (Регурду, Юго-Западная Франция).

Человек среднего палеолита в Европе — это палеоантроп, которого раньше отождествляли с неандертальцем. Но антропологические исследования последних лет показали, что к палеоантропам относятся не только неандертальцы, но и многие другие, более развитые, утонченные (грацилизированные), территориально специализированные формы. Внутри группы палеоантропов имеются определенные антропологические различия, которые появляются очень рано. Палеоантропологические находки времени рисс-вюрмского интергляциала еще не дифференцированные, а находки раннего Вюрма — уже специализированные. Именно в конце последнего интергляциала и в начале Вюрма начался процесс — сначала очень медленный — развития *Homo sapiens sapiens* и выделения расовых групп и антропологических типов.

Большинство скелетов, связанных с мустьерскими находками, описываются как принадлежащие неандертальцам — низкорослым или среднего роста людям, сильным, тяжелосложенным, большоголовым. Объем мозга у неандертальцев не меньше, а подчас даже больше, чем у современного человека. Структура мозга, однако, более примитивна, например слабо выражены лобные доли мозга. Форма черепа удлиненная, со специфическим выступом на затылке. Общие черты неандертальца как типа: отсутствие подбородочного выступа, выступающие надглазные дуги, низкий уплощенный череп, затылочный выступ. Появление этих «неандертальских» черт в Европе должно указывать на скрещивание популяций на всем континенте, которое приводило к тому, что мутации или генетически благоприятные адаптации переносились и возрастали.

Но не все различия между неандертальцами имели генетический, стабильный характер. Часть из них носила расовый характер. Среди европейских неандертальцев выделяется группа Шапель, или «классические неандертальцы», с массивным скелетом, очень крупным головным мозгом

и рядом признаков морфологической специализации. Другая группа — Эрлингсдорф — менее специализированная, с более высоким сводом черепа, менее развитым надглазным валиком, более прогрессивным строением мозга. Эта группаближается с палестинскими палеоантропами, но уступает им в близости к современному человеку.

4. ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ

Верхний палеолит — гораздо более короткий период по сравнению со средним и тем более нижним палеолитом. Однако именно в верхнем палеолите древние обитатели Европы сделали ряд существенных прогрессивных шагов как в экономике, так и в области социальных отношений. Верхний палеолит — время возникновения и высокого взлета искусства. Изменения, имевшие место на грани между средним и верхним палеолитом, затронули не только технику изготовления орудий, хозяйственную деятельность человека, но и его физический облик. Человек верхнего палеолита — это *Homo sapiens sapiens*, или кроманьонский человек, по антропологическим характеристикам стоящий очень близко к современному человеку.

Переход от среднего палеолита к верхнему в Европе не может считаться хорошо изученным. В общем начало верхнего палеолита падает на время холодного стаднала, который датируется временем от 37 до 32 тыс. лет назад. Но есть свидетельства более раннего появления верхнепалеолитических индустрий, позволяющие предполагать их частичный параллелизм во времени с позднемустерскими. Некоторые верхнепалеолитические локальные культуры могли происходить от местного позднего мустье. К ним относятся селетская культура в Центральной Европе и перигорская — во Франции и Испании. Но каким образом индустрия пластин верхнего палеолита пришла на смену индустрии отщепа среднего палеолита в других регионах Европы, а место неандертальского населения заняла популяция *Homo sapiens sapiens*, остается во многом неясным.

В верхнем палеолите не только увеличивается плотность населения, но и расширяется человеческая ойкумена, охватывая новые области на севере и северо-востоке Европы и поднимаясь в горные районы. Выделяется ряд культур, которые или сменяют одна другую, или сосуществуют на различных территориях на протяжении от 40 до 10 тыс. лет назад. Основными из них являются ориньякская, граветтская, солютрейская и мадленская культуры, или индустрии.

Селетская культура сложилась в начале интерстаднала Вюрм I—II или немного раньше. Ее ранняя стадия протекала в условиях мягкого климата, а развитая — более сухого. Начало селета датируется временем около 42 тыс. лет назад. Характерны листовидные наконечники копий и дротиков, двусторонне обработанные, выполненные плоской ретушью. Сохраняются отдельные виды мустерских орудий, в том числе листовидные скребла.

Ориньякские индустрии широко распространены от Ближнего Востока (около 40 тыс. лет назад) до западных регионов Европы (от 37 до 30 тыс. лет назад), иногда они доживают до 20 тыс. лет назад. В Центральной Европе ориньякские индустрии не имели местных корней. Согласно господствующей точке зрения они продвинулись с юга, с Балканского полуострова. Не исключено, что на Балканы они могли проникнуть с Ближнего Востока. Ориньякские индустрии характеризуются такими типами орудий, как концевые скребки, различные виды резцов и сверл, костяные и роговые наконечники копий, дротиков и даже стрел. По мнению ряда ученых, лук и стрелы распространяются в Европе имен-

но в это время. Костяные наконечники копий и дротиков ориньяка — это первое костяное изделие, получившее устойчивую, постоянно сохраняющуюся форму.

Создатели ориньякских индустрий жили мелкими, довольно изолированными группами. Эти группы имели охотничьи территории менее 200 кв. км каждая. Ориньякские стоянки часто находят в долинах рек, где они обычно объединяются в группы. Это и пещерные поселения южной Бельгии и юго-западной Франции, и стоянки в долинах небольших рек — притоков Дуная и Рейна.

Для граветтских индустрий характерны более разнообразные типы орудий, чем для ориньякских. Граветтские орудия преимущественно сделаны из правильно огранных, обычно довольно мелких пластин с широким использованием крутой загибающей ретуши. Граветт относится в основном к периоду 30—20 тыс. лет назад, но местами доживает до XIII тыс.

Охота на обитателей тундры — мамонта и северного оленя, пещерного медведя, волка, дикого быка — была основным занятием граветтского населения в Центральной и Западной Европе, а на благородного оленя — преобладала в Северной Италии. Охота носила специфически степной характер. Для нее типичны довольно однородный состав добычи, ранняя специализация на некоторых видах животных. Степная охота достигла более высокого уровня, чем лесная. В лесах люди вынуждены были применять разнообразный набор оружия и ориентировались на широкий состав дичи. Степная охота привела к более высокому уровню развития экономики — отсюда появление у граветтского населения более долговременных поселений и сложение так называемого полуседлого охотничьего общества.

В Юго-Западной Франции, в южной части Центральной Франции, а также в Пиренеях, Каталонии и Астурии были распространены солютрейские индустрии. Они датируются временем от 21 до 16 тыс. лет назад. Одни ученые выводят их из селетских, другие считают, что они продвинулись сюда из Северной Африки. Характерные изделия солютре — лавровидные и иволистные наконечники копий, боковые и концевые скребки, сверла.

В стране басков, суровой, довольно сильно изрезанной, где нет широких речных долин и прибрежных равнин, главными объектами охоты солютрейского населения были серна и горный козел. В обширных же открытых местностях преобладала охота на благородного оленя, лошадь, бизона.

Мадленские индустрии поздней части верхнего палеолита распространены преимущественно на территории Франции, северной Испании, Бельгии, Швейцарии, юга ФРГ, но характерные черты мадлена можно найти во всей перигляциальной области Европы вплоть до Приуралья. В Центральную Европу проникали лишь мадленские импульсы с запада, а само развитие проходило на основе граветта. В Восточной Европе мадлен существовал в местной модифицированной форме.

Мадленские индустрии относятся к конечной фазе последнего Вюрма и к началу постгляциальной эпохи и датируются временем 16—10 тыс. лет назад. В кремневой индустрии мадленских культур преобладают кремневые резцы, скребки, проколки, встречается много роговых и костяных орудий, в том числе костяных наконечников копий и гарпунов.

* * *

Для второй половины последнего оледенения был характерен сухой и холодный климат, способствовавший широкому распространению степной растительности. В долинах рек и низменностях могли сохраняться сосновые леса, а в горах, ниже линии снегов, тянулись луга. Такие усло-

вия благоприятствовали животным, сезонно мигрирующим из одного биотипа в другой, например благородному оленю и вымершему виду степной дикой лошади.

Специализация позднепалеолитических охотников на добыче тех или иных мигрирующих животных заставляла их следовать за стадами этих животных в места их зимнего и летнего выпаса. Часто именно там, где горные долины выходили на равнину, располагались базовые лагеря охотников, а в горах — их летние лагеря.

Специализированная охота верхнего палеолита принимала форму избрания не только одного вида животного в качестве основной добычи, но даже особых половозрастных групп внутри одного этого вида. Например, в Центральной и Южной Италии верхнепалеолитические охотники забивали самцов-олений или в первый год их жизни (возможно, из-за высококачественных шкур для изготовления одежды), или в возрасте четырех-восьми лет, когда олени достигают наибольшего веса. Эта система подразумевала широкий и свободный контроль над популяциями животных и даже рудиментарную манипуляцию их сезонным и социальным поведением.

Сведения о хозяйственной деятельности ориньякского населения Европы недостаточно полны. Известно, например, что на верхнем Дунае охотились на виды, свойственные открытым ландшафтам: вымерший вид лошади, северного оленя, мамонта и шерстистого носорога, на лесных обитателей, подобно благородному оленю, и на пещерных медведей и гиен.

В Дордони мадленская охота основывалась главным образом на северном олене, лишь в более теплые фазы среди добычи иногда представлен благородный олень. Характерна значительная географическая вариabельность в выборе основных объектов охоты: например, в высокогорных долинах главным объектом охоты в конце Вюрма IV был крупный вид дикой козы.

Анализ экономики мадленских обитателей Кантабрии показал следующие тенденции: постоянное возрастание количества видов млекопитающих, а также моллюсков, которые использовались в пищу; региональная специализация на одном-двух видах животных; возрастание специализации во время различных сезонов; специальная практика добычи моллюсков. К концу мадлена и началу мезолита наблюдается возвращение к прежней, более генерализованной системе экономики.

На среднем Рейне охотились преимущественно на диких лошадей, реже — на оленей, мамонта, носорога, бовидов и собирали моллюсков. В Тюрингии зафиксирована охота на диких лошадей и лесную форму северного оленя, причем возможно, что здесь людям в охоте помогал уже одомашненный волк. Охота сопровождалась передвижениями на значительные расстояния.

Охотники на северных оленей занимали Среднеевропейскую равнину лишь в зимние месяцы, а в летний период следовали за северными оленями в горные районы Баварии и Швейцарии или же в Южную Скандинавию. Летние лагеря охотников располагались вблизи летних пастбищ северных оленей. На территории Франции северные олени, а вслед за ними и охотники верхнего палеолита совершали свои миграции между Парижским бассейном и севером Центрального массива.

Интересные данные о развитии экономики верхнего палеолита Юго-Восточной Европы получены при раскопках пещеры Франхти на Пелопоннесе (Греция). Здесь 25—20 тыс. лет назад жили охотники на дикую лошадь. В конце вюрмского стадияла с его сухим климатом вокруг пещеры лежала открытая местность. Постепенно климат менялся в сторону большей влажности и более высоких температур, выпасы вокруг пещеры улучшались и количество дичи увеличивалось. 10 тыс. лет назад

обитатели пещеры Франхти охотились уже не только на дикую лошадь и благородного оленя, но и на дикого быка, и на крупный вид дикой козы. Есть свидетельства о ловле мелкой рыбы, пушной охоте и собирательстве дикорастущих бобовых (чечевица, вика). В самом конце палеолита характер хозяйства вновь изменился: бовиды и ископаемая лошадь совершенно исчезли из состава дичи, основным источником мясной пищи стала охота на благородного оленя, но впервые засвидетельствовано собирательство диких злаков (ячменя, овса).

Система поселений верхнего палеолита Европы варьировалась в зависимости от времени года, распределения ресурсов, их характера и сезонности. Основным типом поселения был базовый лагерь, в котором собирались все члены родовой общины и который был обитаем в то время года, когда вокруг него встречались стада оленей, лошадей, бовидов. Базовый лагерь обычно состоял из 10–12 легко построенных жилищ каркасного типа, покрытых шкурами животных. Временные стоянки, появившиеся как результат сезонного расчленения базового лагеря, состояли из двух-трех жилищ, в которых жило несколько семей.

Известны и места охоты, где происходила также разделка туш убитых животных, особенно таких крупных, как мамонт, или даже целых стад в случае удачной облавной охоты. Но встречаются и стоянки, на которых занимались деятельностью, не связанной с производством пищи. В основном это места добычи и первоначальной обработки камня.

Пещеры и скальные убежища-навесы продолжали использоваться в верхнем палеолите Европы и для базовых лагерей, и для временных стоянок. Данные по некоторым регионам позволяют утверждать, что количество стоянок в пещерах и гротах в верхнем палеолите значительно увеличилось. Это говорит о том, что общее количество населения Европы в верхнем палеолите возросло и что традиции использования пещер сохранялись и развивались. Пещеры и гроты выступают как места базовых лагерей или зимнего обитания из-за постоянных положительных температур в них, как временные лагерные стоянки и даже мастерские. Имеются данные о «дооборудовании» пещер — сложенные из известняка очаги и стенки высотой до 95 см (Бриллихёле, ФРГ). В Книгротте близ Добрица (ГДР) мадленские охотники жили внутри пещеры зимой, а летом воздвигали перед входом в пещеру легкое жилище типа шатра. Но стоянки под открытым небом более характерны для верхнего палеолита, чем пещеры. Немногие из них раскопаны полностью или хотя бы в значительной степени, поэтому данных о размерах и планировке верхнепалеолитических поселений Европы недостаточно.

Верхнепалеолитические жилища — в основном наземные или слегка углубленные в почву. Систематизация данных о верхнепалеолитических жилищах показала, что жилища в полном смысле слова — не ограды, а жилые постройки, полностью перекрытые, — были очень небольшими, диаметром в среднем 2–6 м, редко — 9 м, иначе говоря, они занимали площадь от 12 до 20 кв. м, хотя известны и меньших размеров, и больших. Говорят о жилищах площадью 60–70 кв. м, но это скорее исключения. В обычных верхнепалеолитических жилищах могла обитать одна парная семья, состоявшая из двух–пяти, шести человек, а на стоянке в целом, видимо, жили 15–20 человек одновременно. В определенные сезоны в базовых лагерях собиралось гораздо больше обитателей.

Длинные многоочажные дома встречаются гораздо реже, чем малые хижинки. Но и эти длинные дома, в сущности, представляли собой слившиеся круглые или овальные хижинки и шалаши. Для таких домов характерна цепочка очагов, расположенных обычно по центральной оси. Каждый очаг — центр обитания одной парной или малой семьи. Такие дома говорят об укрупнении коллективов в какой-либо определенный сезон, может быть самый обеспеченный и богатый пищей, когда община

собиралась вместе и существовала некоторое время как единое целое. Но и тогда община пользовалась не одним-двумя очагами, а семьей-во-семью (Костенки I), девятью (Костенки IV).

Сделаны попытки вычислить приблизительную плотность населения Европы и даже его количество в некоторых регионах. С учетом сухого и холодного климата Центральной Италии во время последнего оледенения предполагается плотность один человек на 50—100 кв. км. Все палеолитическое население Центральной Италии в целом могло составлять 800—1600 человек в какой-либо отрезок времени. В более сложных природных условиях наблюдались более высокая плотность населения у охотников-собирателей, малые территории и диверсифицированная система добывания средств существования: в таких условиях плотность населения возрастала до одного человека на 8 кв. км или даже на 5 кв. км.

Охотники-собиратели верхнего, а может быть, уже и среднего палеолита имели общинно-родовую организацию, о наличии которой можно судить по этнографическим аналогиям. Община палеолитических охотников, видимо, представляла собой ассоциацию нуклеарных семей, связанных отношениями родства, местом обитания, общей охотничьей территорией. Общество это простое, первичное, довольно примитивное. В нем отсутствуют какие-либо специальные институты или дифференцированные группы: политические, экономические, религиозные. Экономическое разделение труда внутри общины имеет лишь половозрастной характер. Основные церемонии касаются только главных моментов жизни индивидуума: рождения, наступления половой зрелости, вступления в брак и смерти.

Община может быть минимальной или максимальной. Минимальная община состоит из совокупности нескольких семей, связанных кровнородственными или близкородственными связями. Она обладает общим поселением. Общинники вместе занимаются хозяйственной деятельностью то или иное время года. Величина минимальной общины должна быть достаточной, чтобы община пережила длительный период изоляции путем кооперации среди ее членов, разделения труда по полу и возрасту и совместного владения пищей. Но эта величина не должна была вызывать чрезмерного напряжения местных пищевых ресурсов и нарушения экологического равновесия. Величина и стабильность минимальных общин менялись вместе с социальной и естественной средой палеолитических обществ. Полагают, что минимальная община в палеолите состояла в среднем из 25 членов. При плотности населения один человек на 50—100 кв. км территория минимальной общины должна была составлять от 1250 до 2500 кв. км.

Минимальные общины могли образовывать более крупное объединение, связи внутри которого осуществлялись через общие ритуалы, а также сеть браков, которая гарантировала биологическое сохранение его членов. Такое объединение — максимальная группа охотников палеолита, вероятно, включала от 200 до 500 человек, в него входило от 7 до 19 минимальных общин. При плотности населения один человек на 50—100 кв. км территория этой максимальной группы составляла бы 17,5—47,5 тыс. кв. км. При плотности один человек на 200 кв. км территория этой максимальной группы равнялась бы 95 тыс. кв. км, т. е. включала всю Юго-Западную Францию от Атлантики до Средиземного моря. При более высокой плотности (один человек на 20 кв. км) территория максимальной группы могла включать, например, весь район Перигора во Франции. Венгрия с ее территорией 93 тыс. кв. км была бы занята 74 минимальными общинами с общим количеством населения 1850 человек.

Для верхнего палеолита Европы характерно широкое распространение тотемизма и анимизма в сложном переплетении с охотничьей маги-

ей. О возникновении анимизма свидетельствуют верхнепалеолитические захоронения с их развитым погребальным обрядом: сильно скорченные погребения на боку, с коленями, подтянутыми почти к подбородку, посыпанные красной охрой, помещение в могилу орудий труда и оружия, украшений — бус и подвесок. Засвидетельствованы и погребальные сооружения — надмогильные холмики, выкладки из костей или плит.

Изображения хвостатых людей в звериных шкурах, в масках, с рогами на голове могут рассматриваться как изображения предков-тотемов — фантастических существ, полужверей-полулюдей. На костяной подвеске из пещеры Раймонден (Франция) изображена сцена поедания тотема — бизона. От него сохраняются голова и передние ноги.

Памятники охотничьей магии — верхнепалеолитические изображения бизонов и других животных, прозенных копытами и гарпунами.

Свидетельства отправления обрядов посвящения найдены в пещерах Монтеспан и Тюк д'Одубер (Юго-Западная Франция), где в глубине, далеко от входа, найдены отпечатки ног палеолитических людей — подростков 11—14 лет и взрослых.

В верхнем палеолите Европы развивается и достигает первого взлета и искусство. Возникает ли оно в ориньяке или же еще в среднем палеолите, как предполагают некоторые ученые, не может считаться установленным окончательно. Несомненно, что возникновение искусства в палеолите связано с охотничьей магией, зарождением первых религиозных представлений, тотемизмом и анимизмом. Засвидетельствованы две большие группы произведений первобытного искусства: во-первых, наскальная и пещерная живопись и гравировка, своего рода монументальное искусство; во-вторых, произведения искусства из рога, кости и камня — малые формы и первое появление декоративного искусства.

Древнейшая верхнепалеолитическая мелкая пластика относится к ориньяку и граветту. Широкое распространение получают женские фигурки высотой от 12 до 25 см из бивня мамонта. Они найдены в основном на территории СССР, но также во Франции, Италии, Австрии, Чехословакии. Фигурки натуралистические, с большими грудями, толстыми животами и ягодицами. Имеются и фигурки животных, изображающих объекты охоты верхнепалеолитического человека.

В раннемладенское время, когда статуэтки в основном исчезают, широко распространяется гравировка по кости или камню, а в середине младене — различного рода рельефы и крупная круглая скульптура, но преимущественно во франко-кантабрийском регионе. Сюжетами этих изображений по-прежнему являются объекты охоты — олень, лошадь, дикий бык.

Наскальные гравировки, рельефы и живопись обнаружены главным образом на юге Франции и севере Испании. Это гроты Дордони, пещеры в Пиренеях. В некоторых из них найдены десятки и сотни изображений. Самые известные из пещер — Альтамира в Испании, Ласко и Фон-де-Гом во Франции. Техника изображения различна: комбинация гравировки и живописи. Первоначально использовались контурные рисунки, иногда — с однотонной закраской всего изображения. Затем гравировка выходит из употребления, а живопись развивается в направлении многоцветных изображений, с попытками дать представление о перспективе и о движении животного, которое остается основным сюжетом изображения. Человеческие фигуры в этом искусстве редки.

В Европе выделяют три области верхнепалеолитического искусства. Наиболее богат франко-кантабрийский регион. Для него характерны более или менее реалистические изображения животных и гравировка на стенах и потолках гротов и пещер. Средиземноморская область — преимущественно Италия, где палеолитическое искусство имеет определенную тенденцию к схематизации и геометризму. Восточная область простира-

ется от Центральной Европы до Сибири. Для нее характерны мелкая пластика, геометрическая орнаментация и гравировка на скалах, но и здесь представлена пещерная живопись — изображения мамонтов, лошадей и других животных (Ипанова пещера на Урале).

5. МЕЗОЛИТ

Наступление постледникового периода, или голоцена, ознаменовалось значительными изменениями природных условий в Европе. В конце плейстоцена вымерли многие из гигантских травоядных, составлявших характерную черту фауны ледникового периода. Мамонт на Украине существовал до XI тыс., а шерстистый носорог и степной бизон — до IX—VIII тыс. Исчезли мускусный бык, гигантский олень, лев, гиена, а северный олень и песец значительно продвинулись на север.

Экологические изменения после конца оледенения имели комплексный характер: менялись и температура, и влажность, а вместе с ними — растительность и животный мир. Важное значение, особенно для датирования, имеет многократное изменение уровня морей.

Первая теплая климатическая фаза постгляциала названа пребореалом. За ней последовал более сухой бореальный период, сменившийся влажным и теплым атлантическим, во время которого был достигнут максимум температур и осадков. Пребореальный период в целом датируется концом IX — началом VII тыс., хотя существуют различия в его датировке в разных частях Европы. Бореальный период в общем относят к началу VII — середине VI тыс., атлантический — к середине VI — середине III тыс., но и в этих датировках есть известные колебания.

Начавшийся в Европе во второй половине IX тыс. значительный сдвиг на север температурных зон означал, что человеком могли быть заселены те регионы, которые ранее были для него недоступны, например север Скандинавии и Шотландии или высокогорные зоны — Швейцарские Альпы.

С началом бореального периода сухость климата Европы возросла, что привело к существенному понижению уровня внутренних вод. Так, в Центральной Европе в бореальный период они были на 1—3 м ниже, чем в последующий, атлантический. Возрастание количества осадков в начале атлантического периода не только подняло уровень внутренних вод и морей, но изменило береговые линии и заставило некоторые группы населения сменить хозяйственные территории и даже направление хозяйственной деятельности.

Крупные перемены произошли в растительности и ландшафтных зонах. Обширные открытые пространства тундры стали исчезать, уступая место лесам. В Англии березово-сосновые леса сменились дубовыми с примесью сосны и орешника. Дальнейшее повышение количества осадков и среднегодовых температур привело к новым изменениям в составе леса, например, увеличению количества ольхи. В лесах Центральной Европы пропорции различных видов деревьев менялись в зависимости от почвенных условий.

Основными обитателями лесов раннего голоцена Европы были косуля и олень, предпочитавшие окраины, опушки; кабан и лось, жившие в чаще; дикий бык, адаптировавшийся к редкой растительности паркового характера. Ни одно из этих животных не образовывало таких больших стад, как, например, северный олень. Косули и лоси — в основном одиночные животные, благородные олени собираются лишь в небольшие стада из самок и молодых особей или из зрелых самцов, кабаны живут небольшими группами. Одни дикие быки могут создавать большие стада.

В Средиземноморье экологические изменения происходили менее резко. С началом голоцена медленно повышались температура и влажность.

Более высокая влажность благоприятствовала росту смешанных дубовых лесов в Италии и Греции и замедляла появление современной ассоциации южного дуба, фисташки и можжевельника. Средиземноморский климат на большей части Западного Средиземноморья установился только с начала бореального периода.

Распространение лесной растительности и отступление тундры в приполярные широты не могли не отразиться на экономике мезолитического населения Европы. Специализированная охота на стадных животных, характерная для верхнего палеолита, стала теперь невозможной, за исключением самых северных областей. Изменился характер фауны, а с ним — методы и приемы охоты. В центре внимания охотников мезолита оказались животные, жившие поодиночке или небольшими группами. Охота стала более сложной и менее успешной. Мезолитическое население Европы вынуждено было обратиться к добыче иных пищевых ресурсов — к рыбной ловле, морскому промыслу, собиранию морских моллюсков, более интенсивному собирательству семян и плодов растений, в том числе диких злаков и бобовых.

Изменения в экономике, в свою очередь, повлияли на образ жизни и характер поселений мезолитических обитателей Европы, на величину охотничьих общин. Человек вынужден был вести более подвижный образ жизни, используя в разное время года различные экологические зоны своей экономической территории. Появился специфический тип памятников — раковинные, или кухонные, кучи (кьяккенмёдинги), особенно характерные для позднего мезолита (атлантического периода) скопления остатков человеческой жизнедеятельности в виде обширных куч раковин морских моллюсков, смешанных с костями морских и сухопутных млекопитающих — объектов охоты мезолитических общин, живших на берегах Средиземного и Северного морей и Атлантического океана. Есть свидетельства, что сами общины стали менее крупными, а количество сезонов, когда община могла собираться целиком, сократилось.

Характерной чертой большинства мезолитических культур Европы является обилие микролитов — орудий, сделанных из мелких пластин или отщепов и имеющих геометрические формы (треугольники, трапеции, сегменты и др.). Они чаще всего служили наконечниками стрел и метательных дротиков, но могли использоваться в качестве составных орудий. Микролиты и микролитическая техника использовались и раньше мезолита, продолжая иногда применяться в неолите, энеолите и даже раннем бронзовом веке.

В конце ледникового периода часть сохранившегося мадленского населения продвинулась на север Европы и здесь в долинах рек и на берегах озер основала свои поселения. Она занималась охотой на крупную дичь: зубра, лося, оленя. Внутри той же традиции наблюдается и иное направление развития, установленное в Западном Средиземноморье. Это группа Романелли, или Гримальди, ряд пещерных поселений которой известен на берегу моря, здесь засвидетельствованы охота на крупную дичь, мелких животных и птиц и собирательство моллюсков.

Средиземноморские культуры раннего голоцена имеют четкие связи с местными верхнепалеолитическими индустриями. Так, микролиты с затупленными спинками были популярным типом изделия уже в мадлене. Мезолитическая азийская культура представлена во Франции, Испании, Швейцарии, где в одной из пещер на высоте 690 м найдено стоябище охотников на оленя и косулю, кабана и дикого быка, а также на альпийские виды животных.

В Италии пребореального периода охота на крупных животных была основой хозяйственной деятельности населения. Обитатели внутренних районов страны, расположенных довольно высоко, занимались охотой и

собираательством. Прибрежные поселения, лежавшие на берегу моря или озера, обладали более специализированной экономикой.

Примером небольшого поселения пребореального периода в Англии является Стар Карр в Йоркшире. Стоянка датируется первой половиной и серединой VIII тыс. Она лежит на берегу древнего озера. Экономическая территория стоянки определяется в 30—100 кв. км. Основное занятие населения — охота на благородного оленя, преимущественно на взрослых самцов, в течение полугода, с октября по апрель. Олень давал обитателям Стар Карра не только основную пищу, но и материал для изготовления одежды, орудий труда и оружия.

В Скандинавии охота на крупную дичь (дикую лошадь, бизона, гигантского оленя, дикого быка и лося) в качестве основы экономики сохранялась в первую половину пребореального периода.

На рубеже третьей и четвертой четвертей VIII тыс. в хозяйстве мезолитических обитателей пещеры Франхти (Греция) произошли значительные изменения. Очень большую роль стало играть рыболовство. Ловили, видимо с лодок, крупную рыбу типа тунца. Решающим свидетельством появления лодок и начала мореходства служит использование обсидиана, который привозили с о. Мелос, находящегося на расстоянии 150 км от Франхти.

Кроме охоты и морского промысла, обитатели Франхти интенсивно занимались собираательством. Их привлекали фисташки и миндаль, содержащие растительное масло, а также дикie бобовые растения (чечевица, вика, горох).

Ряд мезолитических памятников открыт на Дунае у Железных Ворот. Основой экономики здесь была охота на благородного оленя и косулю, но занимались также селективным забоем кабана, рыбной ловлей, пушной охотой и собиранием наземных моллюсков. Единственным домашним животным была собака.

VIII тысячелетие в Европе представлено меньшим числом памятников, чем предыдущий и последующий периоды. Это в значительной мере затрудняет изучение путей, которыми шла адаптация населения к новым, постледниковым условиям.

В последующем, бореальном отрезке мезолита Европы видят по крайней мере три традиции: маглемозе, советерр-тарденуаз и монтадьен. Центр традиции маглемозе охватывает западную Прибалтику, Северное море и часть Англии. Для бореального периода характерно увеличение числа сезонных поселений, усиление роли собираательства и рыболовства. В каменной индустрии маглемозе встречаются две традиции: микролитическая и макролитическая. В этой последней изготавливались топоры и тесла, хотя и неполированные, но достаточно эффективные для рубки деревьев и постройки хижин и лодок. На севере Европы возникло много новых богатых экологических зон. Во фьордах, лагунах и заливах человек начал интенсивно осваивать морские ресурсы. В Конгемозе (Дания) засвидетельствованы морское рыболовство — трески, угольной рыбы и камбалы, охота на тюленя. В лесах охотники маглемозе в качестве основной добычи избрали бовидов и лосей. Сухой бореальный климат способствовал возникновению поселений на берегах озер. Их обитатели охотились на лесную и водоплавающую дичь, ловили щук. Вероятно, это были лишь летние поселения.

Советерр-тарденуазская традиция распространена на территории Англии, Франции и Голландии, ГДР, Нижней Австрии, Венгрии и Словакии, Румынии и Молдавии. Это преимущественно микролитическая традиция. Населению свойственна большая подвижность. Поселения носят в основном кратковременный характер. Основа хозяйства — охота на крупную дичь, имеется собирательство. Распространение советерр-тарденуазских комплексов едва ли следует считать большой миграцией.

Скорее речь может идти о проникновении отдельных групп населения на север и северо-восток из Южной Франции.

Традиция монтанден, вероятно, восходит к пребореальному и бореальному периодам. Характерны поселения в скальных убежищах. Культурные слои богаты раковинами моллюсков. Засвидетельствована охота на зубра, оленя, кабана, зайца и кролика. Кремневые индустрии этой традиции встречаются всюду в Средиземноморье.

Для мезолитических поселений атлантического периода вдоль Атлантического и Североморского побережий Европы характерны раковинные кучи. Основное занятие обитателей таких специфических поселений — охота на крупных животных, рыбная ловля и собирание моллюсков. Рыболовство велось с помощью сетей, остатки которых найдены в ФРГ, ГДР и Дании.

Как и в палеолите, основной ячейкой социальной организации общества в мезолите оставалась община охотников-собирателей, насчитывавшая от 30 до 100 человек и состоявшая из отдельных нуклеарных семей. Такая община, видимо, была экзогамной, т. е. браки между ее членами были запрещены. Предполагают, что община была патрилинейной и патрилокальной, но доказательств этого, впрочем, нет, как и свидетельств матрилокальности. Общины мезолита — это малые группы людей, ведущих довольно подвижный образ жизни. Они передвигались из одной зоны в другую в зависимости от времени года и сезонного изобилия средств существования. Эгалитарность, т. е. равенство членов, — характерная черта таких общин. Положение члена в общине зависело только от пола и возраста. Средства существования находились в общинной собственности.

Изучение поселений в различных частях мезолитической Европы показывает, что они были, как правило, очень небольшими и соответственно имели малое число обитателей. Так, в южной Франции раскопан ряд мезолитических поселений в пещерах и скальных убежищах (Ювадель'Эсперит, Бельфон, Шатонф-ле-Мартиг) площадью от 11 до 140 кв. м. Число их обитателей не превышало 6—18. Большинство мезолитических поселений на Среднеевропейской равнине, между Эльбой и Одером, были сезонными. Крупные поселения более или менее постоянного характера редки. Одно из них (Юнсдорф-Автобан, ГДР) в одну фазу существования насчитывало от 8 до 15 малых землянок площадью 3,5—8 кв. м. Считается, что такое поселение могло иметь от 40 до 100 обитателей. Подсчитано также, что на пространстве между Одером и Эльбой существовало одновременно около 15 таких поселений, где могли жить от 600 до 1500 человек с плотностью один человек на 30—80 кв. км.

Поскольку мезолитическое население эксплуатировало в течение года различные экологические зоны внутри своей экономической территории, система поселений варьировалась в зависимости от сезона. Видимо, община то разделялась на более мелкие группы, состоявшие из нескольких семей, то вновь собиралась вместе в более благоприятные и богатые пищей сезоны.

Общее количество населения в Европе в период мезолита, несомненно, увеличилось, если судить по увеличению количества поселений, особенно в бореальный и атлантический периоды. Однако общины времени мезолита, кажется, в общем были меньше, чем в верхнем палеолите. Это зависело от характера хозяйственной деятельности — от диверсификации хозяйства при более стабильных и надежных ресурсах. Свойственная мезолиту охота на одиночных животных уже означала, что человеческие коллективы могли стать меньше.

На Пирепейском полуострове стены многих скальных убежищ покрыты красочными росписями, включавшими сцены охоты, собирания пищи

и военных столкновений. Ранее все они считались эппалеолитическими, но недавно к эппалеолиту были отнесены лишь линейные геометрические изображения, а более натуралистические датированы временем с V тыс. В трех пещерах обнаружена своего рода стратиграфия: изображения в натуралистическом стиле нанесены поверх линейных. Однако твердого согласия в датировке изображений нет. Сомнения вызывают особенно сцены войны и сражений, поскольку нет никаких данных о военных столкновениях в эппалеолите. Эти росписи скорее являются исключениями. Другие сцены — изображения охотников, стреляющих из лука в горного козла или благородного оленя, собирание меда диких пчел — могли относиться к мезолиту.

Довольно схематические изображения людей и животных, хижин, геометрические рисунки найдены в Парижском бассейне. Барельеф, вырезанный на оленьем роге, открыт в мезолитическом горизонте одного из гrotто на севере Италии. В Дании на памятниках маглемозе встречаются костяные, роговые и яптарные изделия с натуралистическими и импрессионистическими изображениями. В юго-западной Норвегии найдены такие рисунки, выполненные на мыльном камне.

К позднему мезолиту Юго-Восточной Европы или даже к особому периоду «протонеолита» можно отнести так называемую культуру Лепенски Вир, открытую в районе дунайских Железных Ворот. Она существовала уже в тот период, когда на юге Балканского полуострова сформировался неолит с производящей экономикой, постоянными поселениями, прочно построенными жилищами, более высоким уровнем социального развития. Обитатели Лепенского Вира и аналогичных подунайских памятников в Югославии и Румынии сделали ряд прогрессивных шагов в направлении неолита, но не смогли самостоятельно достичь неолитической ступени развития. Экономика культуры Лепенски Вир не вышла за границы присваивающего хозяйства, хотя достаточно интенсивного и высокоразвитого. Основой экономики оставались рыбная ловля на Дунае, охота, ставшая более специализированной, чем в раннем мезолите. Единственным домашним животным была собака, которая служила не только помощником на охоте, но и источником мясной пищи. Обращает на себя внимание появление землекопных мотыгообразных орудий и каменных ступ.

На поселениях Лепенски Вир люди жили в прочно построенных трапезиевидных в плане домах столбового типа с обмазанными известью полами. Площадь домов колебалась от 5,5 до 30 кв. м. Одновременно существовало около 20 домов, в которых могли жить до 100 человек. И характер домов, и размеры поселения, и количество его обитателей — все это скорее соответствует неолиту, чем мезолиту.

Существенные изменения фиксируются в идеологических представлениях обитателей Лепенского Вира. Об этом говорят такие особенности, как появление специальных жертвенных мест, возможно святилищ, культ черепов, огромные монолиты — культовые изображения людей-рыб, найденные здесь почти в каждом из домов.

Население Лепенского Вира, напоминающее в антропологическом отношении верхнепалеолитических кроманьонцев, во второй фазе начинает демонстрировать признаки грацилизации, возможно под влиянием притока нового средиземноморского населения с юга. В верхнем слое Лепенского Вира найдены остатки неолитической старчевской культуры южного происхождения. Новое население принадлежало к иному, средиземноморскому, антропологическому типу.

Глава 2

НЕОЛИТ И ЭНЕОЛИТ

1. «НЕОЛИТИЗАЦИЯ» ЕВРОПЫ В VI—V ТЫС. ДО Н. Э.

Новый каменный век, или неолит, начинается на крайнем юго-востоке Европы, на юге Балкан, на рубеже VII и VI тыс. и примерно в то же время — в Северо-Западном Средиземноморье. Определенный промежуток времени он сосуществует с мезолитом, который в ряде районов Европы доживает почти до конца атлантического периода. Конец неолита датируется и определяется по-разному в различных частях Европы. Например, на Балканах, в Нижнем и Среднем Подунавье неолит довольно быстро сменяется энеолитом, или медным веком, в других областях энеолит не выделяется, а на смену позднему неолиту приходит непосредственно бронзовый век. Так обстоит дело на севере Европы, например в Прибалтике и Скандинавии.

Неолит — это период, характеризующийся новой техникой изготовления каменных орудий — шлифовкой и полировкой, использованием полового сверла, посуды и других изделий из обожженной глины — керамики. Это новая эпоха в истории Европы и всего человечества, так как она означает переход от присваивающего хозяйства к производящему, от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству, а с ними — и к устойчивой оседлости, к постоянным поселениям и более прочно построенным жилищам — всему тому, что входит в понятие «сельский образ жизни», который становится господствующим в Европе вплоть до появления, а затем и широкого распространения городов. Возникновение и развитие производящего хозяйства дают новый импульс развитию обмена, способствуют росту населения и, с одной стороны, его концентрации в более крупных поселениях, а с другой — переселению земледельцев и скотоводов на новые территории. Производящее хозяйство создает первые возможности для возникновения прибавочного продукта и его накопления, делает первый шаг к сложению цивилизации. Впервые неравномерность в развитии отдельных регионов Европы выступает отчетливо и ярко.

Создание новой, принципиально иной экономики было длительным и сложным процессом, который проходил самостоятельно и независимо только в нескольких центрах земного шара. Европа не входила, согласно имеющимся в настоящее время данным, в эти центры, но лежала достаточно близко к одному из них — переднеазиатскому, древнейшему центру возникновения земледелия и скотоводства. Именно в нем человек осуществил самостоятельно, без всякого влияния извне, переход к новой экономике и новому образу жизни в течение IX—VIII—VII тыс. Этот качественный скачок часто называют «неолитической революцией», которая на Ближнем Востоке закончилась уже к рубежу VII и VI тыс., когда первые свидетельства производящего хозяйства появились на юге Балканского полуострова. «Неолитизация» — это процесс распространения целого комплекса черт неолитической эпохи, который определяет суть нового периода и который включает земледелие и скотоводство, оседлость, прочно построенные дома, новые орудия труда, в том числе шлифованные топоры (иногда со сверлиной для более удобного соединения с рукояткой), жатвенные ножи и серпы, немного позже — изделия из обожженной глины, керамику. Изменения в экономике и образе жизни несли с собой изменения в социальной организации общества. Увеличились количества и размеры поселений, плотность их застройки, количество их обитателей. Значительно возросло население древней Ев-

ропы. С переходом к неолиту многие ученые связывают и возникновение племенного общества.

Если первые свидетельства производящего хозяйства в Европе по радиоуглеродной хронологии относятся к рубежу VII и VI тыс. и падают на период докерамического неолита в Греции и на Крите, то в Дании и на юге Швеции древнейшее производящее хозяйство установилось в середине IV тыс. до н. э. Понадобилось 2500 радиоуглеродных, или 2800 календарных, лет, чтобы производящее хозяйство пересекло Европу с юга на север. Распространение земледелия и скотоводства с востока на запад вдоль берегов Средиземного моря осуществлялось гораздо быстрее, и причина заключается в том, что здесь расселение земледельцев связано с распространением преимущественно одной большой культуры — культуры керамики импрессо или керамики Cardium. Необходимо подчеркнуть, что «неолитизация» — отнюдь не равномерное поступательное движение, а бесконечно сложный процесс возникновения и распространения новых культур со специфическими особенностями экономики, позволяющими земледельцам осваивать все новые и новые территории.

Основное распространение производящей экономики в Европе осуществлялось с юга Балкан на северо-запад, север и северо-восток. Уже на рубеже третьей и четвертой четвертей VI тыс. земледельческо-скотоводческая экономика охватывает Балканы, Нижнее Подунавье, проникает в Среднее Подунавье и Трансильванию. Это связано с возникновением ряда раннеолитических культур с расписной керамикой, таких, как Старчево, Кёрёш, Криш, Караново I и др. Только в середине V тыс. к западу от меридионального течения Дуная, на территории венгерского Задунавья, Моравии, юго-западной Словакии, Нижней Австрии складывается новая культура — линейно-ленточной керамики, которая не только приносит производящее хозяйство в западную часть Карпатского бассейна, но и распространяет его из Среднего Подунавья по большим водным артериям Центральной и Восточной Европы, таким, как Дунай, Висла, Эльба, Рейн, Днестр и Прут, на огромную территорию — от Мааса (на западе) до Днестра (на востоке), от междуречья Савы и Дравы (на юге) до Одера (на севере). Вычисляют скорость распространения племен культуры линейно-ленточной керамики в Европе — она равна приблизительно 5,5 км в год. Предполагается, что в течение жизни шести—девяти поколений эти племена примерно покрыли расстояние в 1 тыс. км от Будапешта до Элслоо (юг Нидерландов), проходя за одно поколение от 111 до 167 км. Цифры говорят, что перед нами крайне медленное расселение земледельцев, а не экспансия. Это расселение, видимо, осуществлялось не на пустых территориях, а на землях, заселенных охотниками и собирателями, стоявшими на уровне развития мезолита. Однако следов столкновений между охотниками-собирателями и земледельцами археологи не находят. Охотники-собиратели жили преимущественно в районах песчаных почв, племена культуры линейно-ленточной керамики выбирали для поселений и полей вокруг них лёссовые и другие плодородные почвы.

Основная и общая причина расселения земледельцев в Европе — это «то же самое давление избытка населения на производительные силы», которое, по словам К. Маркса, «заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства Древнего мира». «Чтобы продолжать быть варварами, последние должны были оставаться немногочисленными... Их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени...»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 568.

Видимо, действительная плотность населения зависит не от теоретических возможностей той или иной территории прокормить определенное количество населения, а от пределов, устанавливаемых периодическими случающимися «плохими» годами, годами неурожая, падежей скота, стихийных бедствий. В результате человек в экосистеме адаптируется не к средним условиям, а именно к «плохим годам», когда источники пищи становятся скудными.

Определенное влияние, ограничивающее размеры человеческих коллективов, оказывал и еще ряд факторов социального и технического порядка. Например, отсутствие колесных транспортных средств делало невозможным перевозку продуктов на значительные расстояния. Вся хозяйственная территория поселения, как правило, располагалась лишь в часе ходьбы от поселения, ограничены были возможности хранения больших запасов продуктов, необходимых для значительных человеческих коллективов. Низкое развитие социальных институтов делало общину жизнедеятельной и жизнеспособной лишь при определенном максимальном количестве ее членов. Увеличение размеров общины до определенного предела, внутренние конфликты приводили к отпочкованию дочерних общин и возникновению новых деревенских общин в других местах, причем дочерние общины никогда не были точной копией материнской.

Итак, «неолитизация» Европы в качестве наиболее вероятной и распространенной формы приняла форму расселения древних земледельцев и скотоводов. Гораздо менее вероятна диффузия культурных растений и домашних животных, для чего были необходимы длительные контакты между земледельцами-скотоводами и охотниками. К тому же преимущества земледелия не были самоочевидными для охотников и собирателей, и они, будучи хорошо приспособленными к своему окружению, отнюдь не стремились изменить образ жизни, если не было нарушений в окружающей или демографической среде населенного ими региона. Лишь нарушение этого баланса земледельцами могло заставить охотников и собирателей со временем изменить свою экономику.

Экспансия земледельческого населения в конце концов влияла на ландшафт, часть лесов была расчищена, появились новые, неместные растения и животные, вероятность конфликтов с охотниками и собирателями становилась все большей, причем преимущество было за земледельцами, которые имели более крупные общины. В результате охотники и собиратели оказывались в районах, расположенных на окраинах ареала земледельческих культур.

Расселение древних земледельцев и скотоводов в Европе подтверждается и тем фактом, что в большинстве случаев древние земледельцы и охотники-собиратели принадлежали к разным антропологическим типам. Например, носители древнейшей неолитической культуры Юго-Восточной Европы — культуры расписной керамики типа Старчево или Кёрэш — были средиземноморцами, тогда как местное мезолитическое и протонеолитическое население относилось к кроманьонидному типу. Однако аккультурация как один из видов «неолитизации» Европы также имела место, особенно там, где земледельцы и охотники-собиратели долго жили бок о бок, а может быть, даже входили в некий экономический симбиоз.

Как правило, «неолитизация» подразумевала распространение комплекса новых черт, охватывающих различные стороны жизни общества, но иногда сложение одних черт опережало появление других. Это создавало особые типы культуры, специфические хозяйственные типы. Например, керамика на крайнем юго-востоке Европы появилась позже, чем комплекс других неолитических черт, таких, как земледелие и содержание скота, оседлость, прочно построенные дома и т. п. Поэтому в Греции и на Крите выделяют период докерамического неолита, который

приходится на рубеж VII и VI тыс. и начало VI тыс. Он во многом отличен от докерамического неолита Передней Азии. В Греции это значительно более короткий период. Здесь нет ни крупных каменных оборонительных сооружений, как в докерамическом Иерихоне; ни больших общественных зданий, как в Чайоню Тепеси; ни столь обширных поселений, как Чатал Хёйюк. Но земледелие докерамического неолита Греции уже полностью сложившееся, с устойчивым набором культурных растений, в число которых входят как древние плетеные пшеницы, так и бобовые. В составе стада важную роль играет мелкий рогатый скот, прежде всего овцы. Первые земледельцы Европы — не охотники; их охотничья добыча случайна, и ее немного. Они — рыболовы: налаженный морской промысел исчезает с их приходом. У них нет четко выраженной кремневой индустрии, свойственной охотникам и, возможно, рыболовам. Да и количество земледельцев-скотоводов, появившихся в Греции на рубеже VII и VI тыс., невелико.

Далеко не всегда в процессе «неолитизации» Европы производящее хозяйство опережало появление керамики. На огромных пространствах лесной зоны Восточной Европы производящее хозяйство возникло значительно позже, чем такой комплекс неолитических явлений, как шлифовка и полировка камня и керамическое производство, которые в Волго-Окском междуречье были освоены в V тыс., задолго до первых признаков производящего хозяйства. Экономика здесь оставалась охотничье-рыболовческой, а наряду с круглогодичными долговременными поселениями существовали летние лагеря.

Во второй и третьей четвертях VI тыс. земледелие и скотоводство продолжали развиваться в Греции уже в условиях керамического неолита, проникли на север, в область нижнего течения р. Вардар, а в третьей четверти VI тыс. вышли за пределы средиземноморской зоны и начали широко распространяться в умеренной зоне Юго-Восточной Европы и на юге Центральной и Восточной. «Неолитизация» обширного Балкано-Дунайского культурно-исторического региона связана со сложением здесь крупной ранне неолитической культурной общности, характеризующейся расписной керамикой и включающей ряд археологических культур: Старчево, Кёрёш, Криш, Караново I и др. Вполне вероятно, что возникновение этой общности отчасти связано с культурным импульсом из западной Анатолии.

Во второй половине V тыс. ареал производящего хозяйства в Европе значительно расширяется в связи со сложением в регионе, примыкающем с северо-запада к старчевскому, уже упомянутой культуры линейно-ленточной керамики. Поселения этой культуры широко распространены в Центральной Европе, в зоне смешанных лиственных лесов, а также в районах с недостаточной увлажненностью, где преобладала более редкая лесная растительность. Считается, что племена культуры линейно-ленточной керамики практиковали подсечно-огневое земледелие, для которого характерна маломасштабность: поля редко превышают 1 га, но не бывают более 4 га. Их обрабатывают лишь короткое время, затем забрасывают. Вследствие этого возникает необходимость в значительных количествах земель, находящихся под паром, а это, в свою очередь, требует обилия свободных земель. Подсечно-огневое земледелие лучше всего приспособлено к лесным экосистемам, так как сжигание лесов дает много питательных веществ для культурных растений. Сроки возделывания одного поля зависят от выращиваемых на нем культур: злаки, например, требуют большего запаса питательных веществ в почве и потому более быстрой смены полей.

Вопрос о характере земледелия культуры линейно-ленточной керамики не решен окончательно. Новые данные, полученные, в частности, в Рейнской области (ФРГ), показывают, что одни и те же поля исполь-

зовались годами: во-первых, вокруг них успевали вырастать высокие колючие кустарники, отчасти служившие изгородью; во-вторых, одни и те же виды сорняков были постоянными.

Расположение неолитических полей в высоких лиственных лесах вероятно по крайней мере на ранних этапах культуры линейно-ленточной керамики. При расчистках большие деревья и крупные пни, видимо, не удалялись вовсе. Обработка почвы требовалась минимальная: достаточно было легкого взрыхления и рассеивания золы сожженных деревьев по земле. Семена зарывали в землю, а не разбрасывали. Картографирование поселений линейно-ленточной керамики показало, что они так или иначе связаны с лёссом. Следовательно, и поля, которые человек стремился максимально приблизить к поселению, лежали на лёссовых или эквивалентных субстратах.

Исходя из средних размеров поселений культуры линейно-ленточной керамики и числа их обитателей (около 100 человек), полагают, что для прокормления такого населения ежегодно следовало засеять от 25 до 100 га. В экономическом районе поселения, в радиусе 5 км вокруг него, было более 31 кв. км земли. Следовательно, у жителей было в 30 раз больше земли, чем им требовалось для ежегодного посева, и поля можно было переносить, не меняя места поселения.

Изучение топографии поселений культуры линейно-ленточной керамики к северо-востоку от Кракова показало, что они концентрировались на самых нижних склонах, вблизи пойменных почв, плодородие которых естественным образом восстанавливалось во время наводнений. Расположение полей в пойме делало возможным длительную оседлость. Памятники размещены в виде микрорайонов. Каждый микрорайон состоял из больших постоянных поселений и ряда дополнительных сезонного или лагерного характера. Большие и малые поселения культуры линейно-ленточной керамики отмечены и вблизи Кёльна.

Прослеживается определенный прогресс в развитии хозяйства культуры линейно-ленточной керамики, прежде всего в животноводстве. На старшей ступени охота и содержание домашних животных играли примерно одинаковую роль в обеспечении населения мясной пищей, но постепенно роль охоты падала, а роль скотоводства возрастала. Изменился и характер охоты: она стала одним из средств увеличения поголовья стад. Проводился отлов диких животных, которых приручали, выпускали в стадо, скрепляли с домашним крупным рогатым скотом.

Хотя неолитические общины Европы VI—V тыс. были в основном автаркичны и сами удовлетворяли основные потребности в продуктах питания, материалах для изготовления орудий труда и оружия, готовых орудиях и оружии, одежде и украшениях, тем не менее наука располагает для этого времени свидетельствами довольно оживленного обмена. Конечно, они не полны. Обмен продуктами питания можно лишь предполагать. Косвенным доказательством могут служить сосуды, которые, возможно, были контейнерами для той или иной пищи. Они иногда встречаются далеко от границ распространения той культуры, к которой относятся. Например, керамика культуры Бюкк конца V тыс. с территории северо-восточной Венгрии и восточной Словакии широко расходилась по Центральной и Восточной Европе, попадала в Трансильванию, Малопоольшу, даже на острова Далмации.

Основным предметом обмена в неолитическом обществе Европы, видимо, были различные породы поделочного камня, высококачественное сырье для изготовления орудий труда, прежде всего обсидиан, хороший кремеш и те породы, которые предназначались для шлифованных орудий. Мы уже упоминали, что обсидиан с о. Мелоса стал распространяться с VIII тыс. В раннем неолите мелосский обсидиан встречается еще чаще. Он найден на Крите, в Фессалии и северной Греции. В Запад-

ном Средиземноморье основными источниками обсидиана становятся Липарские острова и о. Сардиния. Обсидиан из Сардинии в V тыс. путем обмена достигал Корсики и северной Италии, а липарийский попадал в центральную и южную Италию. Несколько позже обмен обсидианом охватил все северо-западное побережье Средиземного моря, от Италии до Каталонии. Юг Франции, район к северу и западу от о. Эльба, был зоной распространения сардинского обсидиана, тогда как большая часть Апеннинского полуострова — липарийского. Обсидиан, добывавшийся на территории северо-восточной Венгрии и восточной Словакии («токайский»), распространяется в среде неолитических культур Карпатского бассейна, Польши, Западной Украины. Остается неясным, какие продукты обменивались неолитическими общинами на обсидиан. Распространение обсидиана внутри поселений культуры линейно-ленточной керамики отнюдь не было равномерным. Изделия из обсидиана находят вокруг лишь немногих домов, что свидетельствует об участии в обмене только некоторых, может быть, самых выдающихся семейств общины. Столь же неравномерно распределяются и изделия из других ценных пород камня. Большинство полированных каменных орудий, изготовленных из неместных материалов, в могильниках культуры линейно-ленточной керамики находят лишь в погребениях взрослых мужчин. Орудия из амфиболита, добывавшегося в Силезии, встречаются в Польше, Чехословакии, ФРГ, ГДР, Нидерландах на поселениях и в могильниках культуры линейно-ленточной керамики.

Раковины *Spondylus* и изделия из них тоже ярко характеризуют обмен в неолите Европы. Это довольно редкие находки, они встречаются в погребениях, ассоциируясь с индивидуумами высокого социального положения. Моллюски *Spondylus* обитают в прибрежных водах Черного и Средиземного морей. Анализ балканских находок раковин *Spondylus* показывает, что они происходят из Эгейды. Большие расстояния, на которые распространялись обсидиан, амфиболит и другие породы поделочного камня, а также раковины *Spondylus* в ранне неолитической среде свидетельствуют о широко разветвленной сети многоступенчатого обмена, сложившейся уже в VI—V тыс. и вовлекшей в себя сотни малых социальных единиц, независимых друг от друга, но тем не менее взаимосвязанных.

Ценность обмениваемого продукта или изделия зависела от многих факторов: места происхождения, веса, расстояния от какой-либо общины, редкости в новой местности, статуса семейства, вовлеченного в обмен. Многие изделия из неместного сырья, вероятно, приобретали ритуальные либо церемониальные функции или же использовались для выражения различий в социальном статусе.

Вопрос о том, кто занимался добычей ценных пород камня или раковин для изготовления украшений, долго оставался без ответа. Утверждали, что нет никаких свидетельств ранней специализации отдельных общин на добыче, скажем, обсидиана и изготовлении из него нуклеусов и пластин для дальнейшего обмена. Однако клады обсидиановых нуклеусов и кремневых или обсидиановых пластин (в одном сосуде на поселении культуры Бюкк найдено 600 пластин из лимнокварцита, явно приготовленных для обмена), а также открытие мастерских по изготовлению обсидиановых орудий говорят о том, что общины, имевшие доступ к ценному сырью, разрабатывали его, а затем подготавливали к обмену (по крайней мере в V тыс.). Мастерская для изготовления бус из морских раковин найдена во Франхти (Греция).

Древнейшее земледельческое неолитическое поселение в Европе, которое позволяет сделать некоторые выводы о его заселенности, — это Неа Никомедия (Северная Греция). Ранне неолитическая фаза относится к середине VI тыс. Общая площадь поселения $1\frac{1}{2}$ га. На его раскопанной

части (0,2 га) открыто шесть домов, относящихся к одной фазе. Вероятно, все поселение имело около 15 домов. Средняя площадь домов 64 кв. м. Если в каждом доме жила малая семья из пяти—семи человек, то общее количество обитателей Неа Никомедии составляло 100 человек. В домах были очаги и закрома для запасов. Видимо, по крайней мере часть запасов хранили дома, где также готовили пищу. В центре раскопанной части находилось большое (13×15 м) сооружение, внутри которого найдены пять женских фигурок. Оно расценивается как общинное здание, где отправлялись единые для всей общины ритуалы.

Поселения культуры линейно-ленточной керамики в Европе были распространены группами, концентрируясь преимущественно вдоль рек. Плотность их размещения достаточно низка, если ее выразить количеством памятников на 1 кв. км, но она значительно больше, если учитывать их количество на 1 км вдоль реки. Так, в ареале к северо-востоку от Кракова на площади 2300 кв. км открыто 72 памятника, хотя их могло быть и больше. Средняя плотность — один памятник на 32 кв. км.

Средние размеры поселения 2—3 га, но там, где прослеживается несколько фаз заселения, не совпадающих планиграфически, площадь гораздо больше — до 10, 20 и даже 50 га. Например, площадь поселения Биланы (ЧССР) 22 га, но на нем в течение одной фазы существовало всего семь-десять домов. Олшаница (ПНР) имела площадь 50 га, но к одной фазе относят восемь домов. Дома на поселениях размещались на расстоянии 15—20 м друг от друга, а в каждую фазу существовало 7—12 домов. Дома были столбовыми, каркасными, длиной от 5 до 45 м, шириной — 5—6 м. Очень длинные дома встречаются редко. Обычно длина не превышает 14 м. Каркас дома состоял из пяти рядов столбов, двух — внешних и трех — внутренних. Дома строились из дуба или вяза, в Польше — из хвойных пород. Полы были деревянными и приподнятыми над землей. Они не сохраняются, а с ними — печи и очаги, т. е. те части интерьера, по которым можно установить назначение различных частей домов и количество их обитателей.

Согласно одной точке зрения, в таком доме жило несколько семей; причем каждые 5—6 м длины дома соответствовали одной семье. По другой точке зрения, в одном доме жила лишь одна семья, и в зависимости от ее величины дом был более или менее длинным. Ширина дома определялась возможностями перекрытия и была довольно постоянной. Можно привести аргументы в пользу обеих точек зрения. Так, в пользу первой говорит то, что в длинных домах более поздних культур находилось по два-три очага и соответствующее количество семей могло обитать в них. В пользу второй точки зрения свидетельствует то, что в соседних культурах раннего неолита все дома были, без сомнения, односемейными и что на поселениях культуры линейно-ленточной керамики нет построек хозяйственного назначения. Видимо, и скот, и корма находились внутри дома.

Дома, достигающие в длину 35—40 м, имеют структурные отличия. Они были, вероятно, функционально иными и служили для общественных целей. Некоторые изделия, например каменные полированные орудия, в них встречены в большем количестве.

Проблема оценки поселения поселка культуры линейно-ленточной керамики упирается в установление количества обитателей одного жилища. Если в одном доме жило несколько семей, то на одном поселении могла существовать община в 125—150 человек (шесть человек в семье, по четыре семьи в доме, 24 семьи на поселении). Но эти цифры кажутся чрезмерными. Если на поселении одновременно существовало 7—12 домов, а в каждом доме жила семья из пяти—семи человек, то на поселении могло быть от 35 до 84 человек, в среднем около 60 обитателей, что более вероятно.

Могильников культуры линейно-ленточной керамики известно гораздо меньше, чем поселений, но они дают исключительно важный материал для оценки социальной структуры ранненеолитического общества Центральной Европы. Например, анализ могильника Нитра в юго-западной Словакии показывает, что различия в статусе погребенных определялись их полом и возрастом. Те предметы в могильном инвентаре, которые могут рассматриваться как ценные или престижные, например изделия из неместного сырья и раковины *Spondylus*, постоянно встречаются лишь в погребениях старых мужчин. Видимо, именно старые и пожилые мужчины занимали более высокое положение в общине и участвовали в межрегиональном обмене. Полированные каменные топоры и ретушированные изделия связаны с погребениями взрослых (31–45 лет) и пожилых (более 46 лет) мужчин. Все это свидетельствует о высокой роли взрослых мужчин в обществе культуры линейно-ленточной керамики и даже о тенденции к геронтократии. Из 22 детских погребений (моложе 15 лет) 45% совсем не имели погребального даров. Аналогичное положение с женскими погребениями. Из 23 погребений около половины не имели погребального инвентаря. Иное положение с мужскими погребениями: из 27 только шесть не имели погребального инвентаря, что еще раз свидетельствует о более высоком положении мужчин. Женщины имели к тому же меньше шансов дожить до преклонного возраста: из 21 женщины 81% умерли между 16 и 40 годами, а из 26 мужчины только 42% умерли в этом возрасте. Детская смертность была велика. Около 30% умерли, не достигнув 15 лет. Лишь 12% всей популяции пережили 50-летний юбилей.

Ряд специалистов считает, что в неолите Европы возникает и развивается племенная социальная организация, а неолитическое общество является племенным. Племя характеризуется общей культурой, языком и территорией. Племя действует как единое целое под руководством вождя, но это лишь временное назначение, вызванное необходимостью. Характерной чертой племенного общества является отсутствие социальной стратификации. Торговля и обмен ведутся довольно оживленно, но нет никаких специальных рынков и торговцев. Хотя племя представляло экономически самостоятельное и самоудовлетворяющееся единство, полной изоляции племен друг от друга не существовало. Связующими единствами были и сеть многоступенчатого обмена, и церемониальные общества, общества охотников и пр.

Однако археологически проследить племя в эпоху неолита Европы не так просто. Пожалуй, единственной реальностью остается община — община земледельцев-скотоводов, которую образуют жители одного поселения. Их связывают общие экономические интересы, совместное добывание средств существования, родственные отношения, защита от нападения извне, общие ритуалы, которые регламентируют жизнь человека в первобытном обществе от появления на свет до последней минуты. Община обладает экономическим районом, который обычно ограничивается радиусом 5 км вокруг поселения. Вероятно, он считался собственностью общины, во всяком случае участки, расчищенные от леса под посевы, могли рассматриваться как коллективная собственность общины. Члены общины, конечно, были связаны между собой родовыми, родственными связями, но получить свидетельства этого едва ли возможно.

Общинная деятельность на ранненеолитических поселениях Центральной и Юго-Восточной Европы открыта лишь в виде немногих свидетельств. К ним относятся общинные печи для сушки зерна, необходимые при использовании пленчатых пшениц, столь важных в экономике неолита Европы. Найдены и следы оград общего загона для скота всей общины.

Над поселением обычно доминировал один дом, более крупный, чем другие, иногда даже отличный от остальных по конструкции и структуре. Это мог быть общинный дом для различных коллективных и ритуальных действий, но в нем мог жить и самый важный человек в общине, ее глава. Вокруг таких домов часто находят больше, чем вокруг других, каменных орудий и других изделий, выполненных из привозного сырья и потому рассматриваемых как более ценные, престижные или ритуальные предметы.

Изучение системы поселений первичного неолита Европы показывает лишь один административный уровень. Иными словами, общины, обитавшие на поселениях, были политически независимы друг от друга и приблизительно одинаковы по структуре и функциям, автономны как экономически, так и политически. Никакой интеграции выше уровня отдельной общины не наблюдается.

Данные по изучению могильников и погребальных обрядов показывают, что пожилые мужчины обладали более высоким положением внутри общины, а некоторые из них, возможно, становились вождями общины. Они простирали свою власть иногда и на соседнюю общину, но не могли передавать ее по наследству. Свидетельства о войне, военных столкновениях для раннего неолита Европы очень скудные. Мало поселений имеет следы укреплений. Находки предметов вооружения, как боевого, так и охотничьего, малочисленны: мало наконечников стрел, довольно редки каменные полированные топоры, особенно те, которые по форме можно было бы считать боевыми.

О матрилокальности и даже матрилинейности общества племен культуры линейно-ленточной керамики достаточно много написано в специальной литературе. К такому выводу приходят на основе ряда этнографических аналогий. Матрилокальность считается наиболее вероятной в тех обществах, в которых основные средства существования получают именно благодаря женскому труду; война, военные действия и столкновения не являются обыденными, а политическая интеграция находится на низком уровне развития. Длинные дома также ассоциируются с матрилокальными и биллокальными обществами. Как показывают исследования, матрилокальные общества имеют более крупные дома (например, свыше 70 кв. м), чем патрилокальные. В таких домах в матрилокальном обществе живут две-три женщины-родственницы со своими мужьями.

Культурно-исторические исследования показывают также, что матрилокальность часто характерна для населения, которое расселяется на новой территории. Ведь в матрилокальных обществах мужской род расценивается по соседним деревням. В этом случае борьба с одной деревней влечет за собой борьбу с несколькими соседними поселениями. В результате внутренние войны и столкновения очень редки, а война матрилокальных обществ всегда направлена вовне, ведется с другими культурными группами и дает преимущества матрилокальным обществам.

Все это соответствует характеристике общества культуры линейно-ленточной керамики: значительная роль женского труда в земледелии; длинные дома большой площади, в которых, возможно, жили две-три семьи; широкое распространение культуры в Центральной и на западе Восточной Европы при незначительности свидетельств военных столкновений. Отсюда ясно, почему многие ученые считали и считают общество культуры линейно-ленточной керамики матрилокальным и даже матрилинейным. Однако окончательных доказательств этого не получено, и даже если общество культуры линейно-ленточной керамики и было матрилокальным, анализ могильников показывает, что мужчины имели достаточно высокое положение и, вероятно, обладали политической властью внутри общины,

2. ЭНЕОЛИТ

В IV и начале III тыс. процесс «неолитизации» Европы продолжался. Производящее хозяйство все дальше и дальше продвигалось на север, северо-запад и северо-восток, охватывая новые регионы, которые были заселены только охотниками и рыбаками. Земледельческие общины появились на территории Швейцарии, Англии, Скандинавии. Земледелие проникло в области с менее плодородными почвами, увеличивалось общее количество обрабатываемых и засеваемых земель, росло население и увеличивалась его плотность.

«Неолитизация» обширных районов Северной Европы связана с возникновением культуры воронковидных кубков и расселением ее носителей. Ее ареал постепенно охватывал значительную часть Среднеевропейской равнины, юг Скандинавии и др.

Распространение земледелия хорошо прослеживается в Скандинавии. Между 3400 и 3100 гг. производящее хозяйство охватило Датские острова и Южную Швецию (воронковидные кубки ступени A). Появились ли здесь первые земледельцы извне или же местное население восприняло новую экономику — не выяснено. Между 3100 и 2700 гг. производящее хозяйство известно уже на юге Норвегии и на северном берегу Меларского озера (воронковидные кубки ступени C). В это время были осуществлены обширные расчистки лесов (в основном путем выжигания) с целью создания пастбищ для скота. Эта вторая ступень распространения земледелия в Скандинавии была кратковременной. После 2700 г. никаких следов производящего хозяйства на большей части Скандинавии, за исключением Скании (Южная Швеция), части Западной Швеции и острова Эланд, нет. Однако и здесь между 2500 и 2200 гг. наблюдается меньшая активность. До Финляндии культура воронковидных кубков не дошла, и здесь производящее хозяйство появилось лишь на рубеже III и II тыс.

Экономика культуры воронковидных кубков стояла на значительно более высоком уровне, чем хозяйство первых земледельцев Европы в начале VI тыс. За 2500 лет земледелие в Европе сделало существенные прогрессивные шаги. Достаточно сказать, что земледелие культуры воронковидных кубков было уже пахотным. Следы вспашки найдены под курганными насыпями культуры воронковидных кубков в Сарнове (ПНР) и Стененге (Дания). Свидетельства применения плуга обнаружены в одновременных памятниках Голландии и Англии. Уже для культуры линейно-ленточной керамики доказана кастрация быков. Именно волов могли запрягать в плуг и использовать как тягловую силу в саях, волокушах и повозках. Последние изредка изображаются на керамике поздних воронковидных кубков. Многочисленные деревянные вымостки того времени длиной до 1200 м, найденные в болотах Англии и Голландии, считаются аргументом в пользу существования колесного транспорта.

Земледелие культуры воронковидных кубков основывалось на древних видах культурных злаков, прежде всего на плечатых пшеницах. Ячмень и мягкие пшеницы, видимо, не играли существенной роли. В составе стада преобладал крупный рогатый скот, овцы/козы и свиньи встречены примерно в одинаковом количестве. Роль охоты в хозяйстве едва ли была велика.

На территории ФРГ и Швейцарии расширение ареала производящей экономики связано с возникновением культуры Михельсберг. Поселения этой культуры располагались обычно вдоль рек, у озер и на возвышенностях. На поселении Аренштейн встречены остатки нескольких видов пшениц и шестирядного ячменя. По данным из Хетценберга (ФРГ), в состав стада входил крупный и мелкий рогатый скот почти в равных пропорциях при незначительном количестве свиней. Именно крупный

рогатый скот был основным источником мясной пищи. Некоторые ученые считают, что михельсбергские поселения, найденные в Альпах, дают свидетельства отгонного скотоводства.

Важнейшим историческим событием V—IV тыс. стало сложение крупного центра высокоразвитых земледельческо-скотоводческих культур на юго-востоке Европы. Этот центр охватывал Балканский полуостров и юг Апеннинского, Нижнее и Среднее Подунавье, территорию Трансильвании, Молдавии и правобережной Украины. Основой его возникновения были традиции раннеземледельческих культур с расписной керамикой, таких, как Протосекло, Старчево, Кёрёш, Криш. Но вероятно, что новые импульсы с Переднего Востока способствовали становлению на Балканах и в Подунавье культур, достигших высоких ступеней экономического, социального и духовного развития. Связи с Малой Азией и Восточным Средиземноморьем в V—IV тыс. стали интенсивнее.

Древнейшими представителями этого юго-восточного центра можно считать такие культуры, как Секло в Фессалии (конец VI — первая половина V тыс.) и Димини (конец V и начало IV тыс.). Во второй половине V тыс. до н. э. на Балканах и в Карпатском бассейне сложилась высокоразвитая культура Винча, во Фракии — культура Караново III — Веселиново, в Нижнем Подунавье — культуры Дудешть и Хаманджия. В начале IV тыс. этот центр охватил еще более значительные территории — почти весь Карпатский бассейн (культуры Лендьел, Петрешть, Тисаполгар), Нижнее Подунавье (Варна, Гумельница), Молдавию и часть Украины, где в это время складывается трипольско-кукутенская историко-культурная общность.

Культуры, входившие в этот центр, могут быть названы энеолитическими, им известен металл — медь и золото. Правда, первые мелкие медные изделия изредка встречаются уже в культурах первичного неолита, но в юго-восточном центре широко развивается металлургия и металлообработка, прежде всего меди.

Культуры юго-восточного центра сделали заметные успехи в области экономики. С полным основанием ученые предполагают, что в земледелии таких культур, как Гумельница, Вадастра, Триполье, применялись соха или примитивный плуг, а в качестве тягловой силы — волы. Был известен и бесколесный транспорт — сани, волокуши. Медь и золото использовались для изготовления украшений, а медь — для отливки плоских и проушных топоров и тесел. По крайней мере в IV тыс. такие домашние производства, как ткачество, кожевенное дело, изготовление керамики, вероятно, уже выделились в самостоятельные ремесла наряду с металлургией и металлообработкой. Широкое развитие получили обмен и меновая торговля. Объектами их были в первую очередь металлы и изделия из них, предметы роскоши, престижа, ритуала, украшения, морские раковины, обсидиан и даже высококачественная керамика. Обмен, видимо, затрагивал преимущественно верхушку общества.

Не только в экономическом, но и в социальном отношении это общество стояло выше остальной Европы. Анализ размеров и структуры поселений, изучение могильников показывают, что эгалитарное племенное общество неолита — это пройденный этап социального развития для культур юго-восточного центра. Процесс социальной и имущественной дифференциации здесь уже начался, общество приобретало иерархическую структуру, что нашло отражение как в иерархичности системы поселений, так и в могильниках типа Варны, ярко свидетельствующих, что в руках верхушки общества уже были сосредоточены большие богатства, прежде всего золото.

Значительные успехи были достигнуты и в области духовной культуры. Религиозные представления неолитических земледельцев Европы получили дальнейшее развитие. Целый пантеон земледельческих божеств

почитался энеолитическими обитателями юго-востока Европы. Культы этих божеств отправлялись в специально построенных святилищах и даже, возможно, храмах. Такие храмы раскопаны в Кэсчиоареле близ Бухареста (культура Боян). Стены одного из храмов были расписаны красными и зелеными спиральными узорами. Имелись глиняные столбы со сложной росписью. В верхних слоях Кэсчиоареле (культура Гумельница) открыта модель храма из четырех зданий на высоком подиуме. В энеолите Юго-Восточной Европы засвидетельствовано существование письменности в различных формах: это и так называемая протописьменность в виде миниатюрных глиняных изображений различных предметов, существ и символов чисел, и пиктографическое письмо, и знаки линейного письма, особенно часто встречающиеся на сосудах Винчи.

В Греции земледелие и животноводство на протяжении VI—IV тыс. оставались основой экономики культур типа Сескло и Димини. В земледелии отмечено несколько важных тенденций: все большее видовое разнообразие возделываемых культур, их возрастающая чистота, введение новых видовых групп культурных растений, специализация тех или иных районов на выращивании определенных видов культурных растений. Изменения в скотоводстве менее заметны: наблюдается лишь общее уменьшение роли мелкого рогатого скота и свиней при одновременном увеличении поголовья крупного рогатого скота.

В энеолитической культуре Гумельница (НРБ, СРР) земледельцы в качестве пахотного орудия использовали соху из дерева и оленьего рога, а в качестве тягловой силы — быка или вола. Основной зерновой культурой Гумельницы (НРБ) в IV тыс. была пшеница (однозернянка, эммер, спельта), известен многорядный ячмень. Из бобовых выращивались вика, чечевица, горох. Полагают даже, что на территории Болгарии существовало примитивное искусственное орошение, при котором использовались разливы рек, приносившие полям не только воду, но и плодородный ил. В местах разливов возводились дамбы, которые должны были направлять паводковые воды на поля. В стаде наиболее видную роль играл крупный рогатый скот. Он давал много мяса и использовался в качестве тягловой силы. Не исключено отгонное скотоводство. Важной отраслью хозяйства оставалась охота.

Особенностью земледелия культуры Винча было выращивание пшеницы при почти полном отсутствии ячменя. Сеяли просо, видимо привлекавшее быстрым вызреванием, овес. Бобовые растения не играли существенной роли. Крупный рогатый скот или свиньи преобладали в составе стад, которые еще не были большими, и воздействие человека на окружающие леса не могло быть серьезным. Охота велась на благородного оленя и кабана.

В культуре Лендьел в IV тыс. важную роль играли пшеница-спельта и двурядный ячмень. Напротив, земледелие в культуре Тиса того же времени основывалось на древних пленчатых пшеницах — эммере и однозернянке, но выращивали еще и многорядный голозерный ячмень. Большое значение имел посевной горох.

Крупный рогатый скот преобладал в составе стада во всех культурах IV тыс. в Карпатском бассейне, причем встречались как недавно доместичированные формы, так и появившиеся в результате скрещивания дикого быка и домашнего скота. Роль овец и коз, столь значительная в неолите, падает. Резко возрастает значение охоты. Частым явлением становится отлов молодых животных — зубра и кабана — для приручения и пополнения стад.

Трипольско-кукутенская культурно-историческая общность с момента возникновения в начале IV тыс. характеризовалась производящей земледельческо-скотоводческой экономикой. Основной зерновой культурой была пшеница, но часто высеивали и ячмень. Сеяли также просо, возможно,

овес. Из бобовых выращивали горох, вику, чечевицу, вику-эрвилию. Лен и конопля давали растительное масло. Есть свидетельства выращивания алычи, абрикосов, слив и даже винограда, но их немного: видимо, садоводство и виноградарство, если и существовали, были в зачаточном состоянии. До сих пор многие считают, что трипольско-кукутенское земледелие было мотыжным. Но учитывая общий уровень культурного и экономического развития этой общности, размеры трипольских поселений и количество их обитателей, а также использование упряжек быков или волов и появление сохи или плуга в соседних культурах, можно предположить пахотный характер трипольского земледелия, хотя сам плуг, вероятно деревянный, еще не найден.

Данные о скотоводстве и охоте трипольского населения очень многочисленны, но их полный анализ до сих пор не проделан. На огромном большинстве трипольских поселений скотоводство преобладало над охотой и по соотношению особей домашних и диких животных, и по количеству мяса, которое скотоводство давало населению. Крупный рогатый скот был основным у трипольского населения почти на протяжении всего развития культуры. Лишь на некоторых поселениях свиней было больше, чем крупного рогатого скота, но значение свиноводства падало по мере уменьшения площади лесов, особенно на юге трипольского ареала. С появлением позднетрипольских поселений в причерноморских степях резко возросла роль мелкого рогатого скота. Кости овец и коз составляют на этих поселениях 45% всего фаунистического материала. Вопрос о domestikации лошади в трипольской культуре не может считаться окончательно решенным. Кости лошади встречаются с самого начала культуры, но в небольшом количестве.

Основной объект охоты — благородный олень, а также кабан и косуля. Интересны свидетельства пушной охоты (рысь, лисица, бобр, волк, выдра). Трипольцы занимались и рыболовством, ловили сомов, вырезуба, карпа, окуней. Очень развитым было собирательство наземных и речных моллюсков, яблок-дичков, груш, черешни, вишни, боярышника, терна.

Первые шахты по добыче кремня и красящих веществ в Европе появились уже в палеолите. В энеолите использование шахт приобрело гораздо более крупные масштабы. С помощью шахт добывали не только высококачественный кремень и другие породы камня, но и металлические руды, в первую очередь медные. В Кшемёнках (ПНР) найдены шахты культуры воронковидных кубков для добычи полосатого кремня. Район древних шахт простирается на 4 км в длину при ширине 30—120 м. Здесь открыто около тысячи шахт глубиной 4—11 м. Некоторые из них связаны галереями высотой до 60 см. В качестве орудий труда применялись роговые кирки и каменные молоты. Опыт, накопленный при добыче кремня в шахтах, был использован и при добыче медной руды, например в шахтах Рудна Глава (СФРЮ). Шахты отрывали сверху, а затем уже следовали жилам руды, которую добывали теми же роговыми кирками и каменными молотами, что и кремень.

Металлургия меди, видимо, развивалась с середины V тыс., — сначала на Балканах, затем на юге Восточной и Центральной Европы. Древнейшие крупные изделия из меди — кованные и литые топоры, плоские и проушные, — изготовлены из чистой меди с естественными примесями. Медные топоры отливали в открытых формах, законченный вид им придавали путем горячейковки. Некоторые изделия из меди в трипольской культуре сделаны с применением сварки при температуре 350—400°.

Большинство медных изделий найдено в районе Карпатских и Балканских гор, крупный центр существовал и на Кавказе. Вдали от центров производства встречаются главным образом украшения, например медные бусы. Металлические индустрии Италии и Иберии указывают на известные импульсы из Восточного Средиземноморья, но они могли раз-

виться и независимым образом. Первые металлургические изделия здесь появились в местных неолитических комплексах.

В энеолите Юго-Восточной Европы широко развилось текстильное производство. Об этом говорят многочисленные пряслица для веретен и остатки вертикальных ткацких станков, на которых изготавливались в первую очередь шерстяные ткани. Об одежде мы можем судить по многочисленным антропоморфным фигуркам, украшенным нарезным или расписным орнаментом, передающим фактуры, рисунки на тканях и украшения. По находкам специфических орудий фиксируется обработка кожи. И текстильное производство, и кожевенное дело уже выходят за пределы домашнего производства в силу необходимой специализации и становятся ремеслом. Керамическое производство также, видимо, постепенно выделяется в особое ремесло в рамках общины. В культуре Варна, например, использовался уже гончарный круг, а высококачественная парадная посуда стала объектом межрегионального обмена.

Древнейшие свидетельства появления больших, плотно заселенных поселений в Европе относятся к концу VI — началу V тыс. Они открыты в культуре Сескльо Фессалии. Сескльо — большое (8–10 га), хорошо спланированное, плотно застроенное поселение, где жили около 3 тыс. человек. По количеству населения его можно сравнить с докерамическим Иерихоном и Чатал Хейюком. Но в отличие от этих известных поселений докерамического неолита Сескльо имело акрополь, укрепленный стеной и рвом, улицы и даже площади на пересечении улиц. Дома, правда, малы. В центре акрополя Сескльо находился мегарон, который мог быть общественным зданием или жилищем вождя.

В Карпатском бассейне поселения больших размеров появляются во второй половине V тыс. Таково Бичке площадью до 12 га, окруженное рвом шириной до 2,5 м и глубиной до 2 м. Другое поселение — Бечехей-Хомокош — имеет площадь 5–6 га, оно укреплено рвом глубиной и шириной 2 м. Рвами защищены поселения этого времени в междуречье Савы и Дравы. С начала IV тыс. в культуре Лендбель засвидетельствованы поселения размерами от 1 (Зенгварконь) до 20 (Асод) га. По крайней мере часть поселений укреплена рвами и палисадами. В Нижней Австрии в Шанцбодене открыт вал диаметром около 400 м, дополненный двумя рвами на южной и восточной сторонах поселения. Главный ров имеет ширину 5 м при глубине 2,5 м. Вход оборудован воротным сооружением, а с напольной стороны был еще и палисад. Одновременные поселения в Моравии имели по два рва и три палисада.

Застройка лендбелских поселений частично связана с традицией застройки поселений культуры линейно-ленточной керамики. Длинные дома столбовой конструкции являются одним из характерных элементов. Эти дома располагались довольно далеко друг от друга. Размеры их различны: в Асоде — длиной всего 5–7 м и шириной 4–5 м, в Зенгварконе — длиной 16–23 м при ширине 6–8 м. Наряду с длинными наземными домами встречаются полуземлянки (25–40 кв. м). В поздней культуре Лендбель засвидетельствованы наземные абсидные дома площадью около 100 кв. м.

Поселения раннего этапа Триполья часто располагались в пойме или на первой террасе и лишь изредка — на коренном берегу реки, довольно высоко над водой. На среднем этапе, наоборот, они гораздо чаще размещались на высоких мысах, в местах, защищенных природой и пригодных для обороны. Именно на этом этапе увеличивается количество поселений, укрепленных рвом и валом, иногда двумя. Еще больше укрепленных поселений становится в III тыс. Многие из них лежат на высоких, труднодоступных скалах. Рвами и валами с палисадами укрепляют теперь не все поселение, а лишь часть его — наиболее высокое место. Служили ли такие «акрополи» убежищами для всего населения

в случае опасности или настоящими детинцами, отделенными от посада, сказать трудно.

Уже на раннем этапе Триполья поселения свидетельствуют об определенной иерархической структуре. Несколько небольших поселений группируется вокруг более крупного. В раннем Триполье поселения насчитывают до 10 домов размерами от 12 до 150 кв. м, где жили по 40–60 человек. Размеры малых поселений и количество их обитателей в среднем Триполье увеличиваются. Эти поселения имеют площадь 2–3 га и 20–50 жилищ, расположенных концентрическими кругами. На поселении Владимировка 200 жилищ располагаются пятью кругами. Позднетрипольское поселение Коломыйщина 1 имеет площадь около 3 га. Дома располагались по кругу, в центре круга — два дома. Возможно, был еще один, внешний, круг домов. Вероятно, центральные дома были заняты вождем общины или же предназначались для общинных ритуалов. Большинство домов были однокамерными, но некоторые разделены на два–четыре помещения, каждое — с печью. Всего в домах найдены 72 печи, что, возможно, свидетельствует об обитании 72 семей. Можно предполагать, что в раскопанной части поселения жили от 250 до 400 человек, а во всем поселении, вероятно, чуть ли не вдвое больше.

Иерархическая структура трипольской системы поселений гораздо более четко проявляется в среднем и позднем периодах. Поселения этого времени могут быть разделены на малые (2–3 га), средние (4–8 га) и крупные (более 10 га). В среднем Триполье площадь крупных поселений достигает даже 25–60 га. В начале позднего этапа есть поселения площадью 250–300 и даже 400 га. В одном из таких поселений (у г. Умань, УССР) прослежена застройка по четырем эллипсам и установлено одновременное (?) существование более 1500 домов. Поселение в Доброводах (УССР) имело площадь около 250 га. Дома на нем располагались по девяти-десяти кольцам. Население столь крупных поселков определяется в 10–20 тыс. человек. На ряде поселений позднего Триполья отмечается групповое расположение жилищ, хотя кольцевое также сохраняется. Так, в Петрах (МССР) обнаружено около 500 жилищ, расположенных кругами, с радиальными и кольцевыми улицами. Это, несомненно, один из административных центров позднетрипольского населения. Таким образом, для энеолита характерна гораздо более сложная система поселений, чем для неолита. Поселения варьируют по величине, плотности застройки, высоте над уровнем моря, топографии, типам почв.

Поселения культуры воронковидных кубков, судя по материалам из юго-восточной Польши, различались прежде всего по величине. Выделены большие поселения, расположенные на значительной высоте. Одно из них достигало 50 га. Затем следуют поселения средней величины, расположенные как в долинах, так и на плато. Наконец, имеются малые поселения. Большие поселения находились на расстоянии нескольких километров одно от другого, между ними лежали малые. Внутри больших поселений различают участки специфической деятельности: печи, места обработки кремня и пр. На поселениях культуры воронковидных кубков широко распространены укрепления (Дания, ГДР, ФРГ). Некоторые из укрепленных окружают площади до 10 и даже 25 га. Поселение Деренбург (ГДР) было окружено рвами и палисадами с трех сторон, четвертую сторону защищал крутой склон. Укрепленный район имел площадь 2,5–3 га.

На значительной части Европы в V–IV тыс. сохранялось племенное социальное устройство, столь характерное для неолита. Во всяком случае, в средней и северной частях Восточной Европы, где обитали в то время охотники, рыболовы и собиратели, племенное общество переживало период расцвета. Иначе обстояло дело в Юго-Восточной. Центральной и на юге Восточной Европы, где уже с конца VI тыс. и во всяком

случае со второй половины V тыс. общество начинает переходить на новую ступень развития, гораздо более сложную в социальном и политическом отношении, которую Ф. Энгельс определял как «военную демократию».

Появляются центры, координирующие экономическую, социальную и религиозную деятельность. Возникает возможность организации в широком масштабе общественных работ, таких, например, как сооружение укреплений, которые становятся характерной чертой энеолита Европы, создание ирригационных сооружений, святилищ и храмов, больших мегалитических построек. Общины начинают специализироваться в зависимости от природных богатств и других преимуществ. Более высокий уровень специализации наблюдается и внутри общины. Население значительно возрастает и переходит критический рубеж, которым определяется племенной уровень социального развития. Границы территории общины делаются более четкими, что вместе с ростом населения увеличивает возможность столкновений между общинами. Война становится важной стороной жизни общества. Свидетельства этого многочисленны — и укрепленные поселения, и повышение роли вооружения, прежде всего наступательного, — появление боевых топоров, сначала каменных шлифованных, а затем и медных, кремневых и медных кинжалов, распространение луков и стрел, пращи, копий и дротиков. Оружие теперь — обязательная принадлежность могильного инвентаря в мужских погребениях (могильник Варна).

Отношения родства еще играют большую роль, но социальная дифференциация в обществе становится все более значительной и может быть наследственной.

Характерным признаком изменения социально-политической организации в древней Европе является иерархическая структура поселений, которая впервые засвидетельствована именно в энеолите Юго-Восточной Европы. Один уровень поселений — это уровень одной общины, другой уровень — региональный. Некоторые поселения доминируют над всем регионом, становясь местом, где находятся региональные социополитические авторитеты. Обычно таких поселений меньше, но сами они значительны по величине. Складываются районы с центром в виде крупного поселения, окруженного малыми. Такие районы выделены уже для неолита в Уэссексе (Англия), причем центром каждого было укрепленное поселение. Население такого района составляло от 400 до 2000 человек. С каждым из таких районов связаны длинные курганы — места погребения вождей или людей высокого ранга. Для них создавали большие погребальные сооружения, огромные курганы с колоссальными насыпями или мегалитические гробницы из крупных камней или каменных плит. Но курганы и мегалиты в Европе не всегда отражают появление сложных по социальной организации и иерархичности структуры общества. Иногда курганы были местом погребения всей общины. Возведение мегалитов, к которым относятся не только погребальные, но и другие ритуальные сооружения, приходится в основном на вторую половину IV тыс. до н. э.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Глава 3

ЕВРОПА В III ТЫС. ДО Н. Э.

III тыс.— время важных изменений в экономике, социальном строе и этнокультурной карте древней Европы. Эти изменения произошли не одновременно во всей Европе. Речь скорее может идти о целой цепи событий, конечно взаимосвязанных, но не имевших единого импульса или одной единственной причины.

Большие изменения в начале III тыс. наблюдались в природной среде. Это было время перехода от атлантического климата к суббореальному. Новый климатический период характеризуется довольно высокими средними температурами, но большей сухостью. Уровень внутренних вод падает, но уровень моря становится выше. В ходе суббореального периода отмечаются небольшие климатические колебания. Первое из них падает на конец III—начало II тыс., второе — на 1600—1500 гг., третье — на начало I тыс. до н. э.

В некоторых регионах Центральной и Северной Европы получены данные о значительном влиянии человека на растительный мир во второй половине II тыс. до н. э. Количество пыльцы таких деревьев, как граб, липа, орешник, резко уменьшается, а количество пыльцы злаков, сорняков и растений, характерных для пастбищ, увеличивается. Отмечены слои угля, свидетельствующие о выжигании лесов. Эти явления наблюдаются не только в низменностях, но и на плато, и в холмистых предгорьях.

III тыс. в Европе — период, имевший ярко выраженный переходный характер. В начале этого тысячелетия в Средиземноморье и на юге Балкан, а также на Западном Кавказе возникли древнейшие культуры бронзового века, тогда как на всей остальной территории Европы еще существовали культуры позднего энеолита и даже позднего неолита. Поэтому начало европейского бронзового века принято относить к рубежу III и II тыс. до н. э., хотя корни многих культур эпохи бронзы уходят в середину и первую половину III тыс.

В южных областях Европы в начале III тыс. возник ряд культур бронзового века. Это раннеминойская культура на Крите, ставшая непосредственной предшественницей минойской цивилизации, раннеэлладская культура Греции, раннефессалийская культура Фессалии, раннемакедонская культура в нижнем течении Вардара и культура раннего бронзового века Фракии. Все они близки по уровню социального и экономического развития, родственны по происхождению, показывают четкие связи с ранним бронзовым веком Западной Анатолии, в том числе с Троей. Они образуют первый из трех центров высокого культурного развития, существовавших в Европе в III тыс.

Второй центр возник на Пиренейском полуострове. К нему относятся мильярская культура (основные памятники — Лос Мильярес и Cerro de la Virgen), сложившаяся на юго-востоке Испании в середине III тыс., с укрепленными поселениями, металлургией меди, сложными могильными сооружениями и возникающей социальной иерархией. Другая культура этого же центра — Вила Нова (по основному памятнику — Вила Нова

де Сано Педро) в Южной Португалии — также характеризуется укрепленными поселениями, металлургией меди, престижными и ритуальными предметами в могилах.

Третий центр располагался на северо-западе Кавказа, где с начала III тыс. широко распространяется майкопская культура. Она характеризуется укрепленными поселениями, богатыми и разнообразными погребальными памятниками, самые известные из которых — Майкопский и Нальчикский курганы и долмены у б. ст. Новосвободная.

III тыс., особенно его вторая половина, — это время тех великих переселений, «которые положили начало образованию народов древней и современной Европы»¹. Этот период может быть назван первым великим переселением народов, изменившим этнокультурную карту Европы. Именно в это время произошли такие миграции, как движение на восток и юго-восток племен культуры шаровидных амфор, на запад — племенной культуры, распространение культур шнуровой керамики и боевых топоров, а в самом конце тысячелетия — расселение в Западной, Южной и Центральной Европе племен культуры колоколовидных кубков. Между тем на Балканах, в Подунавье и Северо-Западном Причерноморье развивался процесс исчезновения энеолитических культур юго-востока Европы. Это был, видимо, длительный, сложный процесс, еще плохо известный науке. Археологические материалы позволяют в общей форме обрисовать ход исторических событий в Нижнем и Среднем Подунавье, на севере Балкан, в Северном Причерноморье. Первые существенные изменения отмечены уже на рубеже IV и III тыс. В это время на территории культуры Кукутень—Триполья появились новые элементы (Кукутень С) «восточного происхождения», постепенно приведшие к существенному изменению всего культурного массива: возникает Кукутень В, и начинается поздний этап Триполья. В это же время на нижнем Дунае появляется новая культура — Чернавода I, которая занимает Добруджу и долину Дуная и оттесняет культуру Гумельница в холмистые области Валахии и Олтенции.

Поселения Черनावоды I располагались на высотах, часть из них была укреплена. Они имели значительные размеры, были долговременны и принадлежали оседлому населению. Земледельческо-скотоводческий характер экономики не вызывает сомнения. Известна домашняя лошадь, но костей ее найдено немного. Культура Черनावоды I развивается параллельно Кукутень В и позднему Триполью. Происхождение культуры Черनावоды I не может считаться выясненным. Определенные черты керамического производства указывают на степи Восточной Европы, но формы сосудов, крупные развитые ручки и каннелюры в орнаментации говорят против этого, являясь скорее анатолийскими чертами.

Традиции Черनावоды I и энеолитической Гумельницы вместе с сильными южными влияниями привели к возникновению в середине III тыс. культуры Черनावоды III. Поселения этой культуры сосредоточены в основном вдоль нижнего Дуная. Они не укреплены, но господствуют над окружающей местностью. Жилища наземные, с глиняной обмазкой стен. Основное занятие населения — скотоводство. Значительно увеличивается количество лошадей.

Считается, что именно культура Черनावоды III стала основой возникновения группы Болераз, или протобадакской культуры. Памятники группы Болераз открыты во многих областях Карпатского бассейна и к северу от него (Малопольша). Поселения, обычно небольших размеров, располагаются по берегам рек и водоемов на песчаных почвах, на низких террасах, избегая мест, непригодных для земледелия и мало подходящих для скотоводства. Крупные размеры некоторых могильников гово-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 568.

ряд о значительной продолжительности обитания на одном месте. Группа Болераз — первая культурная группа в Центральной Европе, для которой характерен устойчивый обряд трупосожжения. Остатки кремации покрывали миской или другим сосудом и поверх возводили небольшой курган или каменную кладку, а по краям помещали сосуды и фигурки животных.

На основе группы Болераз в Карпатском бассейне при вероятных новых импульсах с юго-востока развилась баденская культура, охватывавшая обширные области Европы (Среднее Подунавье, Малопольша, Закарпатская обл. УССР). Баденская культура прошла в своем развитии ряд этапов, причем группа Болераз рассматривается как ее предклассический этап. Уже на классической ступени заметны процессы культурной дифференциации, в результате которых возникает ряд локальных групп. Баденская культура датируется второй половиной III тыс. Погребальный обряд включает как трупоположение, так и кремацию.

Во второй четверти III тыс. в Центральной и на западе Восточной Европы широко распространяется культура шаровидных амфор. Ее памятники находят на Эльбе, Одере, Висле. Из бассейна Вислы носители культуры шаровидных амфор уже на развитой стадии продвинулись в верховья Западного Буга и Стири, а оттуда — в верховья Прута, Серета, Днестра, оглябая с востока Карпаты тем же путем, что почти 2 тыс. лет назад шли племена культуры линейно-ленточной керамики. Поселения культуры шаровидных амфор не имели крупных размеров и не обладали мощными культурными слоями. Они скорее говорят об известной подвижности населения, не имеющей, правда, ничего общего с номадизмом. Могильников известно гораздо больше, и в них представлены различные погребальные обряды: трупоположение и трупосожжение, подкурганные и бескурганые захоронения, захоронения в простых ямах и каменных ящиках, одиночные и коллективные, совершенные одновременно и последовательно. Разнообразие погребальных обрядов свидетельствует о культурном синкретизме. Хотя баденская культура и культура шаровидных амфор имеют разное происхождение, они обладают некоторыми общими чертами (разнообразие погребального обряда, ритуальные захоронения крупного рогатого скота, бедность медными изделиями и др.). Возможно, эти черты присущи всей эпохе III тыс.

К крупным историческим событиям конца IV — начала III тыс. относится возникновение огромной ямной культурно-исторической общности, простиравшейся от Южного Приуралья до Прутско-Днестровского междуречья. На севере ее ареал уходит в лесостепь и достигает пироты Самарской луки и Киева, на юге — доходит до предгорий Кавказа. Древнейшие памятники открыты на Волге, нижнем Дону и в степях Калмыкии. Поселения раннего этапа лежат на прибрежных дюнах Волги и ее притоков. Они обычно сильно разрушены и дают мало информации. Культурное единство ямной общности сформировалось уже в начале III тыс. Правда, оно было относительным, и едва ли не с самого начала внутри ее образовалось несколько локальных вариантов. Особое значение имеет нижнеднепровский вариант, с которым связано большинство известных поселений ямной культуры. В определенный период фиксируется движение носителей ямной общности на запад и юго-запад, в Нижнее Подунавье, а затем вверх по Дунаю, до восточной Венгрии.

Не меньшее значение, чем возникновение и распространение ямной общности, в древнейшей истории Европы имело сложение культурно-исторической общности шнуровой керамики или боевых топоров, начало которой относят ко второй половине III тыс. Культуры шнуровой керамики — это ряд генетически связанных культур, которые широко распространяются от берегов Рейна до Волги. К ним относятся саксон-тирингская (или классическая) культура, культура одиночных могил

Дании и Шлезвиг-Гольштейна, культуры одерской шнуровой керамики, рейнских кубков, культура ладьевидных топоров Швеции, Финляндии и Эстонии, культура Злота (в Польше), ржущевская, или висло-неманская, в юго-восточной Прибалтике, средненипровская, фатьяновская и ряд более мелких. Все эти культуры известны преимущественно по могильникам — курганным и бескурганным, главным образом со скорченными труположениями, реже — с кремацией. Самые характерные сосуды в могилах — так называемые кубки, украшенные в верхней части отпечатками шнура или веревки. В мужских могилах находят каменные шлифованные топоры, которые были боевыми, а может быть, служили символами власти, принадлежности к определенной социальной группе. Эти две специфические находки — кубок и топор — и дали наименование всей общности. Происхождение ее не может считаться выясненным. Но следует категорически отвергнуть предположения о ее «генетических» связях с ямной общностью. Культуры шнуровой керамики нельзя вывести из стеньих культур типа ямной, против этого говорят хронологические и экологические соображения, значительные различия в керамическом производстве. Культуры шнуровой керамики распространяются главным образом в зоне широколиственных лесов. После расселения их носителей на обширной территории Европы связи между культурами шнуровой керамики до известной степени сохраняются, но процессы дифференциации все дальше отдают их друг от друга. Во многие районы Европы культуры шнуровой керамики впервые приносят производящую экономику. Некоторые из них сыграли определяющую роль в возникновении бронзового века в Северной и частично Средней Европе и дожили чуть ли не до середины II тыс. до н. э.

Еще одна большая миграция III тыс. — культуры колоколовидных кубков — охватила преимущественно Западную и Центральную Европу, отчасти и Южную в самом конце тысячелетия. Культура колоколовидных кубков рассматривается как единая с рядом локальных вариантов. Она существовала более короткий период времени, чем культуры шнуровой керамики. В хозяйстве большую роль играло коневодство, и в ряде регионов Европы домашняя лошадь появилась впервые именно с племенами этой культуры. Исходная область миграции не установлена окончательно, но считается, что по крайней мере одним из районов формирования была Центральная Португалия. Здесь возник вариант культуры кубков, который называют «морским», и отсюда он распространился на Бретань. В Португалии и Бретани для культуры кубков характерны коллективные захоронения в могилах мегалитического типа. Из Бретани эта культура проникла в устье Рейна. На территории Голландии она испытала влияние со стороны культуры шнуровой керамики (рейнских кубков). В результате в погребальном обряде появились подкурганные могилы со скорченными труположениями. Из Бретани и Голландии культура колоколовидных кубков, видимо, проникла в Англию. Часть носителей этой культуры из Голландии поднялась вверх по Рейну, и здесь произошло их смешение с племенами культуры шнуровой керамики.

Нерешенной остается проблема возникновения средневропейского центра культуры колоколовидных кубков, охватывающего в основном территории Чехии и Моравии, а также области выше (Австрия, Бавария) и ниже (ВНР) их по течению Дуная. К этому же центру относятся памятники на территории Саксонии и Польши. Могильники здесь бескурганные, погребения скорченные, но с течением времени появляются и трупосожжения. Большой интерес представляет движение культуры кубков на юг, в долину Роны, на Сардинию, Сицилию и даже обратно на Пиренейский полуостров. Миграция племен культуры кубков приняла форму инфильтрации, при которой культура, распространяясь

довольно быстро на обширной территории, сохраняют особый, устойчивый набор погребального инвентаря. Однако местный субстрат оказал довольно сильное влияние на культуру кубков, в результате чего возникли смешанные группы.

В экономическом развитии средиземноморских областей Юго-Восточной Европы начало III тыс. ознаменовалось важными прогрессивными изменениями, которые затем частично распространились на Балканы и в Подунавье. В Эгеиде начала складываться средиземноморская поликультура, базировавшаяся на возделывании пшениц, олив и винограда. Вместо древних пленчатых пшениц стали выращивать новые виды, в том числе и хлебную пшеницу. Предполагают, что под виноград и оливки использовались и непригодные для зерновых культур земли. В Фессалии перешли от преимущественного возделывания пшениц к выращиванию пленчатого шестирядного ячменя.

Фракийский ранний бронзовый век показывает определенные изменения в экономике: уменьшается количество пахотных земель при общем возрастании числа поселений. Это, в свою очередь, приводит к заселению маргинальных районов с плохим дренажом и менее плодородными почвами. Основными зерновыми культурами остаются эммер и шестирядный голозерный ячмень. Выращиваются бобовые. Увеличивается количество мелкого рогатого скота, главным образом овец. Развиваются металлообработка, керамическое, косторезное и камнеобрабатывающее производства.

В засушливой Юго-Восточной Испании, где развивалась мильярская культура, вода, несомненно, являлась наиболее важным условием человеческого существования. На памятниках медного и бронзового веков имеются свидетельства хранения воды в цистернах, а также использования каналов. Предполагается, что искусственное орошение осуществлялось путем регулирования паводковых вод. Выращивалась пшеница — карликовая, эммер и вика. В ареале культуры Вила Нова условия для земледелия были более благоприятными. Главная концентрация поселений здесь отмечается вокруг Лиссабона, где сосредоточены наиболее плодородные земли и главные источники воды.

В мильярской культуре и культуре Вила Нова намечается специализация ремесла на изготовлении предметов из меди и золота, браслетов из раковин. Найдены мастерские по производству костяных и каменных орудий. Развивается внутрирегиональный обмен медью и золотом и межрегиональный, в результате которого верхушка общества получает престижные материалы, например слоновую кость и скорлупу яиц страуса из Северной Африки.

Данные об экономике культур Чернавода I и III очень малочисленны. Известно лишь об увеличении количества домашней лошади при переходе к Чернаводу III. Сведений об экономике баденской культуры тоже немного. Ее производящий характер не вызывает сомнений, но преобладание скотоводства или земледелия в хозяйстве отнюдь не бесспорно. Косвенные свидетельства земледелия многочисленны. В Словакии удалось выяснить, что в баденской культуре возделывались пшеница и ячмень. В скотоводстве особую роль играл крупный рогатый скот. Об этом говорят и погребения крупного рогатого скота, неоднократно встреченные среди баденских захоронений. Однако известны поселения, где мелкий рогатый скот преобладал над крупным. Свинья, видимо, нигде не имела большого хозяйственного значения. Кости лошади не найдены. Видимо, единственной тягловой силой были быки и волы. Их запрягали в тяжелые повозки на сплошных колесах. Модели повозок находят в баденских могилах. Роль охоты была незначительной. Производство металлических изделий в баденской культуре резко сократилось. Среди медных вещей — только украшения (правда, новых типов, как диадема и

шейная гривна), и находки их очень редки. Медные топоры разных типов, известные еще в начале III тыс., видимо, перестали изготавливать. Совсем нет золотых вещей.

Ведущей отраслью экономики населения майкопской культуры было скотоводство. В Прикубанье и других западных районах Кавказа в III тыс. преобладающую роль играло свиноводство. Свинье принадлежит до 50% костей домашних животных. Лишь на некоторых поселениях позднего этапа в Прикубанье отмечается тенденция к увеличению поголовья мелкого рогатого скота. Предполагают, что постепенно развилась отгонная форма скотоводства, при которой мелкий рогатый скот перегоняли летом на горные пастбища. Кости лошади на майкопских памятниках найдены в незначительном количестве. Больших успехов достигало домашнее производство керамики, при котором использовался медленный гончарный круг. Возможно, керамическое производство здесь стояло на пороге полного отделения от земледелия и превращения в ремесло. Многочисленные металлические изделия свидетельствуют о развитии металлургии и металлообработки меди и бронзы.

Основным занятием населения ямной культурно-исторической общности было скотоводство особого характера. Оно было довольно подвижным, возможно отгонным. Скот могли угонять далеко на степные пастбища. Население восточных районов ареала ямной культуры могло заниматься и кочевым скотоводством. В составе стада в этих районах преобладал мелкий рогатый скот, в первую очередь овца. Но в Нижнем Поднепровье, судя по материалам поселения Михайловка, в составе стада господствовал крупный рогатый скот, довольно многочисленна лошадь. О развитии земледелия говорят лишь косвенные свидетельства, но, как кажется, оно было пахотным. О широком развитии колесного транспорта в ямной общности свидетельствуют остатки деревянных повозок на сплошных массивных колесах и глиняные модели повозок. Медные изделия довольно часто находят в ямных могилах, особенно поздней ступени развития культуры. Найдены они и в верхнем слое поселения Михайловка. Это листовидные и треугольные ножи, долота и тесла, вислобушные топоры, отлитые или выкованные из чистой меди. Имеются свидетельства местной металлургии и металлообработки.

Экономика культуры шаровидных амфор изучена плохо. Однако нет сомнений, что она была земледельческо-скотоводческой. Памятники этой культуры располагаются на плодородных землях, среди находок встречаются кремневые серпы и зернотерки, а в глине сосудов находят отпечатки зерновок пшеницы, ячменя, остатки бобовых растений. В составе стада преобладал крупный рогатый скот. Имеются и погребения крупного рогатого скота. Определенную роль играло свиноводство. Встречаются кости лошади и даже захоронения лошадей. Существовала охота на благородного оленя, лося, кабана. Изделия из металла редки. Часто, особенно в погребениях, встречается янтарь. Раньше считали даже, что племена культуры шаровидных амфор занимались специально «торговлей» янтарем.

О хозяйстве культуры колоколовидных кубков сказать что-либо определенное трудно: поселения почти нигде не исследовались, за исключением крайнего юго-востока ареала. Здесь, на берегу Дуная, в пределах Будапешта на о. Чепел обнаружен ряд малых поселений, плотно следующих одно за другим на протяжении нескольких километров. Они дают возможность бросить взгляд на хозяйственную деятельность их обитателей. Охота играла гораздо меньшую роль, чем содержание скота. Преобладала лошадь, которая появилась на среднем Дунае немного раньше. Но на Чепеле костных остатков лошади больше, чем остальных домашних животных. Никаких свидетельств использования лошади в качестве тягловой силы или под седло нет. Видимо, она была лишь

источником мясной пищи. Немного уступает лошади крупный рогатый скот, а овцы, козы и свиньи найдены в небольшом количестве. В Голландии домашняя лошадь появляется вместе с культурой колоколовидных кубков. Носители культуры кубков были знакомы с металлолугией и во всяком случае с металлообработкой. Медные ножи или кинжалы, а также украшения из меди очень часто находят в могилах.

Вопрос о характере экономики культур шнуровой керамики и боевых топоров долго оставался дискуссионным. Отсутствие долговременных и постоянных поселений часто рассматривалось в качестве признака подвижности населения культур шнуровой керамики, которое считалось чуть ли не кочевым. В настоящее время эта точка зрения едва ли находит большое число сторонников. Ряд поселений культур шнуровой керамики открыт на берегах озер, например Невшательского и Женевского, в древних земледельческих районах. Земледельческой считают и культуру ладьевидных топоров. В Скании, на крайнем юге Швеции, наибольшая концентрация памятников этой культуры падает именно на те районы, где ранее хорошо была представлена земледельческая культура воронковидных кубков. Однако прямых свидетельств земледелия мало потому, что основной материал происходит из могил, а не из поселений. Изучение отпечатков зерновок злаков на сосудах культуры шнуровой керамики с территории ГДР показало, что больше выращивали ячмень, затем — пшеницу (эммер и однозернянку), меньше — овес. Анализ костного материала с поселения Боттендорф (ФРГ) позволяет утверждать, что в составе стада резко преобладал крупный рогатый скот, в пять—восемь раз превышая количество особей свиньи и козы/овцы. Изредка встречается собака. Лошади нет, она появляется лишь в более поздних фазах развития культур шнуровой керамики в Голландии. Исследования в Дании показывают, что в культурах шнуровой керамики практиковалось пахотное земледелие.

Племена культур шнуровой керамики в ряде районов Скандинавии и лесной зоны Восточной Европы были первыми земледельцами и, может быть, скотоводами. В Скандинавии они распространили производящее хозяйство далеко на север. Здесь отмечается увеличение поголовья мелкого рогатого скота.

Появившись в различных экологических зонах Европы, племена культур шнуровой керамики и боевых топоров, естественно, со временем должны были адаптироваться к ним, и нельзя ожидать, что процесс адаптации шел одинаково в прибрежных районах Балтики, на лесовых плато юго-восточной Польши и на песчаных холмах Волго-Окского междуречья. Яркое свидетельство такой адаптации к новым условиям среды дает ржувская культура восточной Прибалтики. Ее население в значительной степени занималось морским промыслом, охотой на тюленей и рыбной ловлей. В культурах шнуровой керамики, несомненно, был известен колесный транспорт. Сплошные массивные деревянные колеса от повозок найдены в болотах Голландии и датируются второй половиной III тыс. Тягловой силой были быки и волы.

С распространением ряда культур шнуровой керамики, особенно в Северной Европе, связаны значительные расчистки лесов, отразившиеся в пыльцевых диаграммах. Одновременно с уменьшением количества пыльцы древесной растительности увеличивается количество пыльцы подорожника, щавеля и других растений — спутников человека. С появлением культур шнуровой керамики закончился период лесного земледелия в ряде регионов Европы. Обширные открытые пространства содействовали развитию оседлого земледелия с постоянными полями. Чаще всего использовались легкие песчаные почвы. На больших, освобожденных от лесов пространствах паслись стада. В Голландии открыт загон для скота с двойной оградой и двумя воротами. Во многих регионах Европы

начало металлообработки и металлургии меди связано с культурами шнуровой керамики. Естественно, что в тех культурах шнуровой керамики, которые пережили рубеж III и II тыс., металлургия и металлообработка более развиты и масштабны. Так, в наиболее восточных культурах — фатьяновской и среднеднепровской — найдено довольно много медных украшений, в том числе шейные гривны, очковидные подвески, браслеты, перстни, а также оружие — вислообушные топоры и наконечники копий.

Западные варианты культуры ямочной керамики, широко распространенной в лесных областях Восточной Европы, теперь хорошо засвидетельствованы в Скандинавии: более тысячи памятников известны в Дании, Швеции и Норвегии. Они располагались вдоль берегов Литторнинового моря, что указывает на определенную роль морского промысла в экономике их обитателей. Фаунистический материал говорит об охоте на тюленей и о содержании домашних животных, например свиней, а некоторые сосуды несут отпечатки зерновок злаков. Большую роль в хозяйстве играли охота на лесную дичь и рыбная ловля. Таким образом, экономика культуры ямочной керамики отличалась от хозяйства культур как воронковидных кубков, так и шнуровой керамики. Полагают, что производящая экономика на Аланские острова была впервые принесена культурой ямочной керамики. Но в более восточных и северных регионах распространения культур ямочной (или ямочно-гребенчатой) керамики признаков производящей экономики обычно не встречается. Здесь население занималось охотой, рыбной ловлей, собирательством.

В среде культур ямочной (ямочно-гребенчатой) керамики широко развивается обмен. Предмет обмена — прежде всего различный поделочный камень. Например, в восточной Прибалтике широко добывался и обрабатывался янтарь. Особенно много янтаря найдено в Лубане (Латвия): подвески, кольца, бусы с V-образным отверстием. Янтарь широко расходился по лесной половине Восточной Европы, особенно в среде родственных культур. Высококачественный кремнь добывался на территории Финляндии и Скании, диабаз — в западной Финляндии. Отсюда они распространялись по всей Скандинавии.

Система поселений европейских культур III тыс. изучена довольно плохо. Одна из причин состоит в том, что именно в это время появляется и распространяется новый тип археологического памятника, на который и направлено преимущественное внимание археологов, — могильники. Поселения зачастую дают менее яркие и богатые находки, чем могильники, и в итоге поселения III и II тыс. в Европе в целом известны хуже, чем могильники этого времени.

Поселения раннего бронзового века Фракии располагаются, как правило, на вершинах теллей или на естественных холмах. Многие из них укреплены каменными оборонительными сооружениями. Например, в Эзеро (НРБ) найдена стена с основанием толщиной до 4,5 м и узкими входными коридорами. Дома на поселениях прямоугольные или абсидные, столбовые, площадью в среднем 9×4 м, иногда с двумя помещениями. В домах найдены сводчатые печи, очаги, сосуды-зернохранилища, зернотерки. Центральная линия более крупных столбов поддерживала двускатную крышу. Центр поселка часто оставался свободным от застройки. Наиболее высокая часть телля (холма) иногда служила своего рода «акрополем» (Юнаците, НРБ). «Акрополь» был укреплен рвом шириной около 5 м и глубиной 2 м и валом с конструкцией из кольев. Лишь один из домов «акрополя» отличался каменным основанием.

Поселения, расположенные на холмах и укрепленные стенами и рвами, типичны для иберийских культур III тыс. Лос Мильярес было укреплено стеной толщиной 2,5 м грубой каменной кладки на глине. Стена усилена полукруглыми бастиянами. Она отделяла на мысу участок

общей площадью около 5 га. На нем находились две группы домов. Обычны круглые дома диаметром около 4,5 м, лишь два дома — прямоугольные и довольно большие. Столь же характерны укрепленные поселения и для культуры Вила Нова. На поселении Вила Нова де Сано Педро открыты две стены: внутренняя, укреплявшая небольшой центральный участок, и внешняя — с полукруглыми бастionsами. Предполагается существование еще одной внешней стены. Эти укрепления концентрического характера с бастionsами имеют восточномедиземноморское происхождение.

Поселения баденской культуры, как правило, располагаются на хорошо защищенных холмах или других возвышенных местах, но вблизи водных источников. Плодородные почвы были существенным фактором при выборе места поселения. Размеры поселений различны — от 0,5 га до многих гектаров. Они располагаются группами, включающими несколько взаимосвязанных единиц. В окрестностях Озда (ВНР) на площади до 3 кв. км находятся четыре баденских поселений, одно из которых (площадью около 1 га) расположено на горе и с напольной стороны укреплено валом. Другие поселения этого микрорайона — неукрепленные, без мощного культурного слоя. Аналогичный район поселений находился на Кестхейском полуострове оз. Балатон. Как правило, баденские поселения однослойны и не дают свидетельства длительного заселения. Исключения есть в Югославии (Вучедол-Градац, Сарваш).

Для группы Болераз были характерны землянки разных типов и размеров. Позже в классической баденской культуре землянки сохраняются, но появляются и наземные дома. В Вучедоле дома имеют абсидный план и конструктивные особенности, типичные для ранней балканской архитектуры: полы из утоптанной глины, песчаную конструкцию из кольев и арматуру, плетенную из прутьев. В других частях ареала найдены как землянки, так и наземные дома прямоугольной формы со скругленными углами и столбами в углах. Площадь этих домов от 7 до 15 кв. м. Изредка на баденских поселениях находят загоны для скота.

Большинство поселений майкопской культуры расположено на труднодоступных мысах плато, на высоких речных террасах. Немногие из этих поселений раскопаны в достаточной степени. Полнее, чем другие, изучено поселение Мешоко. Его площадь около 1,5 га. Оно было укреплено с напольной стороны каменной стеной, толщина которой достигала 4 м. Мощная каменная стена была и на поселении Ясенева Поляна, и на других поселениях. Дома располагались по кругу или овалу и были пристроены к оборонительной стене изнутри. Это легкие каркасные постройки со стенами, обмазанными глиной. Средние размеры жилищ 12×4 м.

Из поселений ямной культуры крупномасштабным исследованиям была подвергнута лишь Михайловка на Днепре. Она расположена на трех смежных холмах. Общая площадь около 2 га. Мощност культурных отложений говорит о длительности ее существования. Жилища среднего слоя (ямного) — неглубокие землянки и наземные дома, иногда на каменных основаниях, с глиняными полами. Средние размеры жилищ $8 \times 4,5$ м. К верхнему слою относится сложная оборонительная система. Центральный холм был окружен у подножия рвами, а верхняя площадка холма с одной стороны была укреплена стеной из каменных плит. Толщина стены более 3 м. При строительстве домов верхнего слоя камень применялся чаще. В некоторых домах было по несколько помещений жилого и хозяйственного назначения. Площадь отдельных домов достигала 160 кв. м.

Поселения культуры шаровидных амфор, открытые в Чехии, иногда располагаются на вершинах холмов. Для них характерно сочетание наземных домов и полуземлянок. Культурный слой беден и не свидетель-

стует о длительном обитании. Наземные дома — столбового характера, с обмазанными глиной стенами. Их площадь достигала 50 кв. м, но чаще не превышала $4,5 \times 3$ м. Они состояли из двух-трех помещений с очагами, обложенными камнями. Полуземлянки имели укрепленные плетнем стены.

Поселения культур шнуровой керамики изучены недостаточно. Можно сказать, что они не обладали насыщенными культурными слоями, свидетельствующими о длительном обитании на одном и том же месте, не были крупными и не имели мощных оборонительных сооружений, хотя упоминаются палисады вокруг некоторых из них. Лучше других известны поселения ржувеской культуры. Они расположены на дюнах и холмах недалеко от морского побережья. На одном из них (Сурах) было около 20 столбовых домов, расположенных в беспорядке, близко один к другому. Дома прямоугольные столбовые длиной 8—12 м, шириной 4—5 м, однокомнатные, но с небольшим портиком в одном из узких концов. Иногда у дома была пристройка, где могли содержать скот. Стены имели два ряда столбов с заполнением между ними. По центральной оси находились крупные столбы, на которые опиралась коньковая двускатная крыша.

Материалы середины и второй половины III тыс. дают значительно меньше возможностей для реконструкции социального строя древних обитателей Европы, чем предшествующие периоды. Это объясняется в первую очередь слабой изученностью поселений. Те немногие, что раскопаны в той или иной степени, не поражают размерами — они довольно скромны по сравнению с поселениями таких энеолитических культур, как Винча, Триполье или Лендьел. Часть поселений III тыс. укреплена, но укрепленных поселений гораздо меньше, чем следовало бы ожидать, если учитывать значительные миграции и смену населения в большинстве рассмотренных регионов древней Европы. Оружия также найдено гораздо меньше, чем можно было бы предполагать. Основным источником для изучения социального строя Европы III тыс. должны стать могильники. Меньше всего оружия находят в могильниках культуры шаровидных амфор. Эти могильники, как правило, невелики, что может свидетельствовать о малых размерах оставившей их общины и недолговременной жизни на одном месте. Часть погребений — коллективные — рассматриваются как семейные могилы большой патриархальной семьи, а некоторые парные погребения мужчины и женщины, в которых женщина обычно моложе мужчины, считаются свидетельствами ритуального убийства жены после смерти мужа.

Несомненно, увеличение роли скотоводства в экономике населения Европы III тыс. создало новый источник накопления богатства — скот. Стада, требовавшие для выпаса лишь немногих пастухов, нуждались в охране большим числом вооруженных общинников. Видимо, столкновения между общинами из-за скота стали нормой жизни в Европе III тыс., но это были лишь местные столкновения. Более многочисленное население Европы, осуществление большей специализации производства, большая сложность социальной структуры — все это увеличивало потребность в высокоценных товарах. В качестве таких престижных ценностей часто рассматривают и боевые каменные шлифованные топоры из могил культур шнуровой керамики, и кубки, технически превосходно выполненные и красиво орнаментированные, из могил культуры колоколовидных кубков. Однако свидетельства значительного расслоения, развитой социальной иерархии, опирающейся на силу или богатство, в Европе III тыс. редки и встречаются преимущественно на юге: в майконской культуре, культуре Вучедол, культурах Испании и Португалии. Культуры Центральной и Западной Европы не имели, видимо, высокоразвитой социальной иерархии, несмотря на определенные различия в величине

надмогильных сооружений: курганов, дольменов и др. Погребения в культурах шнуровой керамики, которые называют погребениями вождей, не слишком отличаются от могил других общинников.

Социальная структура общества майкопской культуры была достаточно высокоразвитой и сложной. Основным источником для ее реконструкции являются погребальные памятники, поскольку поселения плохо изучены и бедны, причем их бедность заметно контрастирует с богатством и сложностью погребального ритуала, обилием и ценностью погребального инвентаря многих захоронений. Иерархический характер социальной структуры отражается в иерархичности погребальных сооружений, которые можно распределить по определенной шкале ценностей в зависимости от количества вложенных трудовых затрат, богатства и обилия положенных с покойником погребальных даров. Резко выделяются погребения глав союзов племен, такие, как Майкопский и Нальчикский курганы. Высота их более 10 м, диаметр Нальчикского — более 100 м. Обилие в погребальном инвентаре явно импортных предметов из золота и серебра, разнообразных бус или полудрагоценных камней, золотых и серебряных сосудов, украшенных чеканкой, — все это говорит об очень высоком положении погребенных в обществе, о сосредоточении в их руках и власти, и богатства. К другой социальной ступени относятся вожди, вероятно, отдельных племен. Их погребения более многочисленны, но не столь пышны и богаты.

На вопрос, что же послужило толчком для создания социальной иерархии у носителей майкопской культуры, для накопления в руках немногих столь больших богатств, отвечают по-разному. Одни видят причину в развитии связей обменного и торгового характера с Месопотамией и Анатolieй. Другие считают, что богатства майкопского общества — это результаты грабительских походов на юг, в области первых цивилизаций.

О существовании социальной иерархии в обществах иберийских культур III тыс. свидетельствует анализ погребального инвентаря. Многочисленные импортные материалы — слоновая кость, скорлупа яиц страуса, янтарь — и изделия из них распределяются в могильниках отнюдь не равномерно, сосредоточиваясь в погребениях людей, занимавших верхушку иерархической лестницы. Полагают, что на Пиренейском полуострове социальная иерархия могла возникнуть как результат контроля над такими критическими ресурсами, как запасы воды, и над их распределением.

Оценка социального устройства носителей ямной общности представляет известные трудности, связанные с недостаточной изученностью поселений и с кочевым бытом по крайней мере части населения. Исследователь сталкивается с невозможностью оценить величину коллектива, общины, группы. Имела ли община один могильник или несколько, все ли общинники были погребены под курганами или лишь выдающиеся, принадлежал ли тот или иной курганный могильник одной общине или же после определенного отрезка времени захоронения в нем совершали уже другая, третья и т. д. общины, а первая уходила на иные земли во время кочевок? Вот те вопросы, которые требуют решения в первую очередь, если нужно получить точные и объективные данные о социальном строе населения ямной общности.

Сделаны попытки выделить несколько социальных слоев внутри общества ямных племен в зависимости от величины курганных насыпей и богатства могильного инвентаря, найденного с погребенными. Действительно, возведение кургана требовало значительных усилий со стороны большого коллектива: создание насыпи, крепиды, для которой иногда приходилось привозить издалека крупные камни, нуждалось как в больших людских ресурсах, так и в высоком уровне организации. Согласно

одной из реконструкций, очень крупные курганы возводились над теми покойниками, которые принадлежали к высшему слою общества. Подсчитано, например, что для возведения кургана диаметром 110 м и высотой около 3,5 м над одним из ямных погребений потребовалось 40 тыс. человеко-дней (например, работы 500 человек в течение 80 дней). Естественно, что такой курган мог быть сооружен лишь над погребением очень крупного вождя, представителя высшего слоя общества. Ко второму слою общества ямной культуры принадлежали те, кто после смерти имел право на курганы диаметром более 50 м. Под курганами диаметром от 20 до 50 м хоронили рядовых общинников. В их погребениях находят в качестве инвентаря всего один глиняный сосуд.

Большие изменения, которые происходили в Европе на протяжении III тыс. и коснулись различных сторон экономики, материальной и духовной культуры населения, привели к тому, что этнокультурная карта Европы второй половины III тыс. стала выглядеть совершенно иначе, чем на рубеже IV и III тыс. Сформировался ряд совершенно новых культурно-исторических общностей, которые зачастую невозможно вывести из предшествующих и которые, по крайней мере частично, объясняются значительными миграционными потоками населения.

Вполне естественно, что именно с этим временем многие ученые связывают появление в Европе носителей индоевропейских языков. Значительная роль скотоводства в экономике древних индоевропейцев, о которой говорят лингвистические данные, и почти полное отсутствие у них культа богини-матери во время их появления на исторической арене также свидетельствуют скорее в пользу III тыс., чем более раннего времени. Первые индоевропейцев видят в носителях культур Чернатога, Болераз, баденской, ямной культурно-исторической общности. Культуры шнуровой керамики и боевых топоров также довольно часто рассматриваются как принадлежащие носителям индоевропейских языков, тем более что в северных областях Европы в последующее за их распространением время нет никаких свидетельств значительной смены населения или притока нового.

Даже если правы лингвисты и историки, которые относят появление индоевропейцев в Европе к более раннему, чем III тыс., времени, все же существенные этнокультурные сдвиги в Европе в III тыс. настолько изменили картину расселения племен и распространения языков, что это требует соответствующего объяснения. Ведь этнолингвистическая картина, которая известна для Европы бронзового века, сложилась в основном именно во второй половине III тыс.

Глава 4

ДРЕВНЯЯ ЕВРОПА И ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА

Ранняя этническая история народов Европы относится к проблемам, вызывающим оживленные дискуссии. Вопрос о том, что представляло собой население Европы в эпоху энеолита и бронзы, связан с проблемой формирования индоевропейской языковой общности и ее локализации.

В индоевропейских языках, распространившихся на территории Европы, обнаруживаются элементы явно неиндоевропейского происхождения. Это так называемая *субстратная* лексика — реликты исчезнувших языков, вытесненных индоевропейскими языками. Субстрат оставляет следы, иногда весьма заметные, не только в лексике, но и в грамматике.

ческой структуре диалектов племен, переселившихся на новые места жительства. В последние десятилетия исследованиями Л. А. Гиндина установлено наличие нескольких субстратных слоев на юге Балканского полуострова, островах Эгейского моря. Среди них выделяется эгейский субстрат — конгломерат гетерогенных и разновременных топонимических и ономастических образований. Гораздо более однороден, по мнению исследователей, минойский — язык линейного письма А, бытовавший на Крите уже в III тыс. Отмечено определенное структурное сходство минойского с языками северо-западнокавказского круга, древнейший представитель которых — хаттский — хронологически сопоставим с минойским.

Несколько хронологически различных субстратных слоев прослеживается на Апеннингах. Наиболее древний слой имеет, вероятно, иберийско-кавказское происхождение (следы его обнаруживаются на западе полуострова и особенно на о. Сардиния). К более позднему времени М. Паллоттино относит «эгейско-азиатический» субстрат, обнаруживаемый также по всей Эгееде.

В Западном Средиземноморье выявлен автохтонный субстрат, к которому, вероятно, принадлежал иберийский; для него также допускаются кавказские параллели. Согласно археологическим реконструкциям и некоторым (пока единичным) языковым фактам, можно предположить наличие аналогий, определяемых как прасеверокавказские, и в ряде поздненеолитических культур Карпато-Дунайского района.

Крайний запад Европы до появления там индоевропейцев (приход кельтов в Ирландию датируется второй четвертью I тыс. до н. э.) был заселен народами, по антропологическому типу близкими к средиземноморским; население северных районов Ирландии относилось, как полагают, к эскимойдному типу. Субстратная лексика этого ареала пока не исследована.

На северо-востоке Европы анализ древнейшей гидронимии свидетельствует о наличии в этих районах населения, принадлежащего к финно-угорской семье. Западная граница этого ареала в IV тыс. проходила в Финляндии между реками Торне и Кеми и по Аландским островам. Что касается Центральной Европы — области распространения так называемой древнеевропейской гидронимии, — этноязыковая характеристика этого ареала затруднительна.

Впоследствии на древние местные культуры Европы наслаиваются носители индоевропейских диалектов, постепенно их ассимилируя, однако островки этих древних культур остаются еще на протяжении ранней бронзы. К их материальным следам, сохранившимся до наших дней на территории Европы от Скандинавии до Средиземноморья, относят, в частности, особые мегалитические сооружения — дольмены, кромлехи, менгиры, предположительно имевшие культовое назначение.

В историческое время индоевропейские народы и языки постепенно распространяются на обширнейшей территории от крайнего запада Европы до Индостана; очевидно, что по мере продвижения в глубь истории мы подойдем к периоду их существования в некоторой территориально более ограниченной области, которая условно определяется как индоевропейская прародина. Со времени возникновения индоевропейистики в первой половине XIX в. вопрос о прародине индоевропейцев неоднократно оказывался в центре внимания исследователей, оперировавших, помимо языкового материала, данными тех смежных наук, которые в соответствующий период достигали необходимого уровня развития, в частности археологии и антропологии.

Первые исследователи (середина прошлого столетия), опиравшиеся в своих построениях на языковые свидетельства и ранние письменные источники, помещали прародину индоевропейцев на Востоке. А. Пикте та-

ким местом считал древнюю Бактрию — район между Гиндукушем, Оксом (Амударьей) и Каспийским морем. Идею азиатской прародины индоевропейцев поддерживали В. Хен, Г. Киперт, И. Мур. Последний исследовал древнеиндийские тексты, показывающие особое отношение индоарийцев к зиме и к народам, живущим на севере — по ту сторону Гималаев (т. е. в Центральной Азии).

Р. Лэтэм был первым, кто высказался против азиатской прародины индоевропейцев (60-е годы XIX в.). По убеждению Лэтэма, ее следовало искать там, где в историческое время засвидетельствовано большинство индоевропейских языков, т. е. в Европе. Его поддержал В. Бенфей, согласно которому против восточной прародины говорит тот факт, что не обнаружены общеиндоевропейские названия тигра, верблюда, льва (хотя уже тогда было очевидно, что аргументация, основанная на отсутствии, возможно случайном, в языках какого-то обозначения, не может считаться решающей).

Теория европейской прародины была положительно воспринята археологами и антропологами. Л. Линденшмит, как и Бенфей, исходил из того, что обозначения общеиндоевропейской фауны не имеют восточного характера. Более того, он считал, что главное направление движения индоевропейцев — на восток и юг как в доисторическое время, так и в историческое.

Согласно точке зрения Ф. Шпигеля, Восточная Европа от 45° широты по своим климатическим условиям наиболее благоприятна для роста населения и, как бы мы сейчас сказали, для демографических скачков. Заслугой Шпигеля было то, что он впервые высказал положение о существовании пограничных зон, зон контактов, где происходит как «втягивание» в свою массу других народов, так и распространение наряду с элементами материальной культуры также и языковых явлений, возрений и других проявлений культуры духовной.

В это же время (вторая половина XIX в.) выдвигается гипотеза о том, что прародина индоевропейцев — на юго-востоке Европы, в областях к северу от Черного моря, от устья Дуная до Каспийского моря (Бенфей, Хоммель).

Таким образом, на протяжении всей второй половины XIX в. выдвигались многочисленные гипотезы относительно этнического состава отдельных областей древнейшей Европы и места в ней индоевропейцев. С расцветом археологии, казалось, появились предпосылки для расширения научной базы индоевропейских исследований. Тем не менее до последних десятилетий положительные результаты были минимальны. Основным методологическим недостатком выдвигавшихся гипотез и создаваемых на их основе концепций был следующий: обычно выбирался какой-то отдельный признак (например, керамика или антропологический тип), который определялся как специфически индоевропейский, и те культуры, где этот признак присутствовал, также объявлялись индоевропейскими. Совершенно очевидно, что такие «теории» не могли не наталкиваться на серьезные трудности. Так, например, с начала XX в. шнуrowая керамика стала считаться неотъемлемым признаком «индоевропейизма», и соответственно все культуры, в которых она обнаруживалась, тут же причислялись к индоевропейским; при этом оставалось неясным, что делать, к примеру, с культурами Эгеиды, где с раннего неолита распространены крашенные сосуды; традиции расписной керамики удерживаются здесь до позднего времени, когда индоевропейская принадлежность соответствующих народов уже не вызывает сомнений. С другой стороны, археологи отмечали, что расписная керамика является одним из главных признаков переднеазиатских культур, носители которых говорили на языках, генетически не родственных, в том числе и индоевропейских (хетты, шумеры и др.).

Уже в предвоенный период и в 40-е годы все более решительно стало высказываться мнение об отсутствии прямолинейной связи между археологической культурой, антропологическим типом и конкретным этносом. Справедливо отмечалось, что археологические культуры, начиная по крайней мере с энеолита, полиэтничны; более того, отрицалось наличие причинной связи между языком и физическим типом, физическим типом и культурой и т. п. Указывалось, что каждый из перечисленных признаков имеет самостоятельную историю и пути становления, обычно не совпадающие у различных этнических коллективов, и единственное, что можно с уверенностью утверждать, — это то, что племенам, говорившим на индоевропейских языках, не были чужды, например, традиции культуры шнуровой керамики или шаровидных амфор.

Перелом в подходе к индоевропейской проблематике наметился в конце 50-х — начале 60-х годов, когда расширенное изучение как археологии Центральной и Восточной Европы и прилегающих областей, так и соотношений между индоевропейской языковой семьей и другими семьями и многочисленными смежными исследования привели к выработке новых методологических основ для решения проблемы локализации прародины индоевропейцев. В свою очередь, насчитывающее более чем полуторавекую историю сравнительно-историческое изучение индоевропейской лексики и древнейших письменных источников позволило выявить древнейшие слои словарного фонда, характеризующие социальный уровень индоевропейцев, их экономику, географическую среду, бытовые реалии, культуру, религию. По мере совершенствования процедуры анализа степень достоверности реконструкций повышается. Этому же должны способствовать и более тесные контакты индоевропеистики со смежными дисциплинами — археологией, палеогеографией, палеозоологией и др. В качестве иллюстрации необходимости такого сотрудничества приведем один хорошо известный пример. Для ведийск. *así-*, авест. *aṇhū-* «(железный) меч» реконструируется исходная форма **nsis* с тем же значением. Однако данные археологии свидетельствуют о том, что эта восстановленная форма не является ни общеиндоевропейской, ни даже индоиранской, так как распространение железа в качестве материала для оружия датируется временем не ранее IX—VIII вв., когда не только индоевропейского, но и индоиранского единства уже давно не существовало. Поэтому более вероятна семантическая реконструкция данной основы как «оружие (меч?) из меди/бронзы».

В последние десятилетия удалось достичь относительного единства взглядов на хронологические границы общеиндоевропейского периода, который относится к V—IV тыс. IV тысячелетие (или, как считают некоторые, рубеж IV и III тыс.) было, вероятно, временем начала расхождения отдельных индоевропейских диалектных групп. Принципиальное значение в решении этих проблем имели факты, полученные путем анализа лингвистических данных, на отдельных аспектах которого целесообразно остановиться подробнее.

В настоящее время общепризнано, что языковые свидетельства могут и должны быть использованы в исторических реконструкциях, так как язык является в широком смысле выразителем культуры его носителей. В первую очередь это касается лексики рассматриваемых языков. Сравнительно-историческое языкознание выработало процедуру реконструкции, которая позволяет определить, восходит ли данная словарная единица к общеиндоевропейской эпохе или ко времени обособленного существования той или иной диалектной группы.

Какой материал предоставляет для проблемы индоевропейской прародины анализ исторически засвидетельствованной лексики?

Для общеиндоевропейского восстанавливается достаточно разветвленная терминология, связанная со скотоводством и включающая обозначения

основных домашних животных, нередко дифференцированные по полу и возрасту: *hoǵi- «овца, баран» (наличие общих слов со значением «шерсть» — *hǵi-l-n-, «чесать шерсть» — *kes-/reĥ- предполагает, что речь идет о домашней овце), *qoǵ- «коза», *gǵo- «бык, корова», *ǵit-l-s- «теленки», *eĥo- «конь, лошадь», *sǵ- «свинья», *roǵko- «поросенок». В индоевропейских языках широко распространен глагол *raĥ- «охранять (скот), пасти». Из продуктов питания, связанных с разведением скота, следует назвать *mēms-o- «мясо», *kre- «сырое мясо»; название «молока» ограничено отдельными ареалами (его отсутствие в части древних индоевропейских диалектов объясняется исследователями табуированием обозначения «молока», которое в представлениях древних индоевропейцев было связано с магической сферой), с другой стороны, интересно отметить некоторые общие обозначения продуктов переработки молока, например: *sǵr-, *sǵo- «свернувшееся молоко; сыр».

К общим земледельческим терминам относятся обозначения действий и орудий обработки земли и сельскохозяйственных продуктов: *haĥ- «обрабатывать землю, пахать», *seH(i)- «сеять», *mel- «молот», *seĥ- «серп», *meH- «созревать, собирать урожай», *pe(i)s- «толочь, измельчать (зерно)». Из общих наименований культурных растений надо назвать *jeu- «ячмень», *Had- «зерно», *rǵr- «пшеница», *ĭno- «лен», *ǵo/eĭno- «виноград, вино», *(š)amlu- «яблоко» и др.

Общеиндоевропейские обозначения экологических условий и представлений растительного мира: *Negr- «гора, вершина», *kel- «возвышенность, холм», *har- «река, поток», *tek- «течь, бежать», *seǵ-/su- «дождь», *(s)neǵh- «снег», *ǵheim- «зима», *ter- «жара, тепло»; наряду с общим названием «дерева» *de/oru- выделяются следующие виды: *bheǵh- «береза», *bhaHgo- «бук», *perk-ǵ- «дуб», *e/oĭ- «тис», *(s)grǵbho- «граб» и др.

Индоевропейская фауна представлена следующими общими наименованиями: *hǵtko- «медведь», *ǵlko-/ǵl- «волк», *le- «лев», *ǵlopek- «лиса, шакал», *el(e)n-/eĭk- «олень; лось», *leuk- «рысь», *eghi-(*oghi-, *anghi-) «змея», *mǵs- «мышь», *he/or- «орел», *ǵer- «журавль», *ǵhans- «водяная птица, гусь, лебедь», *dhǵhū- «рыба», *karkar- «краб» и др.

С кругом представлений о колесном транспорте связаны общеиндоевропейские обозначения *ke/ol-, *ke/oklo- «колесо; колесная повозка», *rot(h)o- «колесо; колесница», *his-/hojs- «дышло», *ǵugom- «ярмо», *dhur- «запрягать», *ǵeǵh- «ехать, возить», *jaH- «ездить в повозке». Для хронологической соотнесенности комплекса данных о колесном транспорте очень важно восстановленное индоевропейское название металла *(H)aǵo-, который мог использоваться наряду с деревом при изготовлении повозок. Что же касается таких металлов, как золото, серебро, железо, то, хотя общеиндоевропейские формы их отсутствуют, не следует понимать буквально слова О. Шрадера о том, что «индоевропейцы до своего разъединения не знали ни одного металла, кроме меди». Знакомство индоевропейцев, как и других народов, с металлами началось задолго до возникновения металлургии. Среди металлов, известных с глубокой древности, были и золото, и медь, и железо (метеоритное). Отношение к металлам на ранней стадии имело скорее эстетический и сакральный, чем утилитарный характер, поэтому столь часты обозначения золота, серебра как «блестящего», «сияющего».

В связи с металлами надо коснуться вопроса о названиях различных видов оружия. По литературе (особенно прошлых десятилетий) может сложиться представление, что индоевропейский воин был вооружен не хуже средневекового рыцаря, что у него были железные меч и копьё, лук, стрелы, щит и многое другое. Однако несмотря на то что война, судя по общеиндоевропейской военной терминологии, была одним из важных видов дея-

тельности древних индоевропейцев, данные об оружии трудно свести к общему источнику (в отличие от таких понятий, как «ранить», «убивать» и др.). Некоторые из восстановленных форм ограничены каким-то одним ареалом, обозначения других нередко возникают в результате метафорического переноса. Объяснение нестабильности древней лексики, обозначающей виды оружия, исследователи видят в частой замене его названий, связанной с изменением технологии производства. В любом случае, восстанавливая то или иное обозначение оружия, следует соотносить полученные результаты с тем, что известно из истории металлов для ограниченной хронологически и территориально этнической общности.

Существенно, что для индоевропейцев реконструируется лексика, связанная с передвижениями по водным путям: *naH₂- «лодка, судно», *rH- «плыть, грести», *pleu- «плыть (на судне)». Предметы, связанные с этим кругом понятий, не засвидетельствованы археологически, но это и не удивительно, так как для сохранения деревянных предметов нужны особые условия.

Таковы основные языковые факты, которые могут быть использованы для характеристики экологической среды обитания древних индоевропейцев, их экономического уклада, материального быта. Представляют большой интерес, хотя непосредственно и не связаны с проблемой прародины, исследования индоевропейской социальной организации, семейных отношений, религиозных и правовых установлений¹.

Одним из наиболее существенных аспектов индоевропейской проблемы является вопрос об абсолютной хронологии процессов, происходивших в дописьменную эпоху. Расхождения в определении хронологических границ индоевропейского единства, как и периода членения индоевропейской общности и выделения отдельных диалектных групп, достигают порой в разных построениях одного-двух тысячелетий. Именно поэтому особенно важен разработанный в сравнительно-исторической лингвистике метод датировки языковых событий (моментов распада праязыковых общностей), так называемый «метод глоттохронологии, исходящий из факта наличия в языках базисной лексики (включающей такие общечеловеческие понятия, как числительные, части тела, самые общие явления окружающей среды, общечеловеческие состояния или действия), которая, обычно не заимствуясь из одного языка в другой, тем не менее подвержена изменениям, обусловленным внутриязыковыми причинами. Установлено, что за 10 тыс. лет около 15% исконной лексики заменяется на новую; по мере углубления реконструкции процентное соотношение несколько сдвигается: так, за 2 тыс. лет изменяется около 28% слов основного фонда, за 4 тыс. — около 48% и т. д. Несмотря на реальные трудности, стоящие перед глоттохронологией (например, она не учитывает возможности резких изменений словарного состава языка, более того, надо постоянно иметь в виду, что она будет давать «заниженную» хронологию по мере углубления реконструкции), она может быть использована в расчетах, отчасти сопоставимых с радиоуглеродными датировками в археологии. Создаются предпосылки для соотнесения реконструируемых данных с определенными по месту и времени археологическими комплексами.

Роль лексики в изучении дописьменной истории народов не ограничивается сказанным выше. Наряду с исследованием основного словарного фонда не меньшее значение принадлежит анализу *культурной лексики* — обозначению предметов и понятий, которые заимствуются при различного рода языковых контактах. Знание закономерностей фонетического развития контактировавших языков дает возможность определить относительную хронологию этих контактов и таким образом сузить вероятные границы их локализации.

Так, известен ряд культурных терминов, общих для индоевропейского (или какой-то части его диалектов), с одной стороны, и семитского или карт-

вельского — с другой. Еще в конце прошлого века были отмечены отдельные индоевропейско-семитские схождения типа индоевропейского *tağ- «(дикий) бык ∞ семит. *taḡ- «бык»; тогда же была высказана идея о возможной смежности индоевропейской и семитской прародины. К числу контактных слов в рассматриваемых языковых семьях относятся индоевропейское (италийско-германское) *ghaid- «козленок, коза» ∞ общесемит. *gad-j- «то же» (афразийск. *gdj-), и.е. («древнеевропейское») *bhar(s)- «зерно, крупа» ∞ общесемит. *ba/ur- «обмолоченное зерно», индоевропейское *medhu- «мед, медовый напиток» ∞ семит. *mVtḵ- «сладкий» и др. Индоевропейско-картвельская контактная лексика включает обозначения животных, представителей растительного мира, а также названия частей тела, некоторых элементарных действий и т. п.: индоевропейское *sū- «свинья» ∞ картв. *e-šw- «кабан, свинья», и.е. (диал.) *digh- «коза» ∞ картв. *dqa- «коза», и.е. *dheH- «класть» ∞ картв. *d(e)w- «лежать, класть», индоевропейское (диал.) *seks «шесть» ∞ картв. *ekšw- и многие другие. Надо отметить ряд лексических заимствований в индоевропейские языки из древних языков Передней Азии — шумерского, хаттского, например, индоевропейское *(e)ud(h)- «руда, медь; красный» ∞ шумер. urud, индоевропейское *pars-/ *part- «барс, леопард» ∞ хатт. ḥa-praš- «барс» и др. Выявлены также индоевропейские заимствования в языках древней Передней Азии — эламском, хуррито-урартском: индоевропейское *rah-s- «защипать; пасти» ∞ элам. baḥa «защита, запитник», индоевропейское *ağ- «вести» ∞ хур.-урарт. *ag- «вести», индоевропейское *guhen- «разбивать, поражать» ∞ урарт. gunu-še «битва, сражение, война», и.е. *Nat- «зерно» ∞ хатт. kait «зерно; Богиня зерна», хуррит. kad/te «ячмень, зерно» и др. Независимо от направления этих заимствований важен сам факт наличия языковых (а следовательно, и этнических) контактов, препятствующий отождествлению большинства районов Центральной и Западной Европы с индоевропейской прародиной.

В качестве иллюстрации длительных контактов с отдельными группами индоевропейских языков можно привести финно-угорские языки, где наряду с лексикой общеиндоиранского, индоарийского, восточноиранского происхождения обнаружен целый слой протоиранских (по мнению некоторых исследователей, ранних восточноиранских) заимствований, относящихся к скотоводству, земледелию, обозначению орудий, социальной терминологии и т. д., ср. *roga «свинья», *oga «сверло», *sasaг «сестра, невестка» и др. Распад финно-угорского языкового единства датируется временем не позднее середины II тыс. до н. э.; это, следовательно, terminus ante quem для обособления иранской диалектной группы, контактировавшей с финно-уграми где-то в районе Средней Азии.

В вопросах локализации индоевропейской прародины должен учитываться еще один класс лексических единиц — различные географические названия, в первую очередь гидронимы (названия рек), возраст которых нередко может насчитывать несколько тысячелетий. В то же время следует помнить, что наличие на какой-то территории гидронимов той или иной языковой принадлежности еще не исключает возможности более раннего пребывания там других этноязыковых группировок, поэтому ономастическая аргументация приобретает в некотором смысле вспомогательный характер.

О дописьменном периоде индоевропейской истории сохранения косвенные свидетельства и другие языковые уровни. Знание фонетических закономерностей и установление грамматических изоглосс позволяют проследить последовательное выделение диалектных групп из некоторой общности: параллельное языковое развитие, наблюдаемое в группе выделенных диалектов, указывает на вхождение их в относительно замкнутую зону и пребывание в ней в течение определенного времени. Учет фонетических изменений принципиально важен и при анализе заимство-

ваний (это единственный способ определить характер последних — общеиндоевропейский, или индоиранский, или восточноиранский и т. д.), и для выявления языковых союзов.

Таковы основные особенности лингвистического материала как источника для реконструкции истории и методы его обработки.

В настоящее время множество точек зрения по индоевропейской проблематике группируется вокруг нескольких основных гипотез, локализирующих прародину индоевропейцев соответственно в Балкано-Карпатском регионе, в евразийских степях, на территории Передней Азии, в так называемой циркумпафтийской зоне.

Культуры Балкано-Карпатского региона с глубокой древности отличались яркостью и самобытностью. Этот район вместе с Малой Азией образывал одну географическую зону, в которой в VII—VI тыс. шла «неолитическая революция»: впервые на Европейском континенте население здесь перешло от присваивающих форм хозяйства к производящим. Следующей ступенью исторического развития было открытие свойств меди; уровень металлургического производства в V—IV тыс. был в этом районе очень высоким и, возможно, не имел себе равных в то время ни в Анатолии, ни в Иране, ни в Месопотамии. Балкано-карпатские культуры этого периода, по мнению сторонников гипотезы балканской прародины (В. Георгиев, И. М. Дьяконов и др.), генетически связаны с раннеземледельческими культурами неолита. Именно в этом регионе, согласно данной гипотезе, должны были обитать древнейшие индоевропейцы. Принятие этой гипотезы как будто снимает некоторые историко-хронологические и лингвистические проблемы. Например, для большинства индоевропейских диалектов значительно сокращается расстояние, которое их носители должны были преодолеть до исторических мест обитания; предлагается несколько иная картина диалектного членения индоевропейского единства, находящаяся в русле классических представлений.

При этом встают, однако, гораздо более серьезные трудности. Прежде всего необходимо учитывать выявленную археологически ориентацию движения древнебалканских культур, которая шла в южном направлении. Продолжение древнебалканских культур IV тыс. обнаруживается на юге Балкан и в Эгеиде, на Крите и Кикладах, но не в восточном направлении, куда должны были, согласно этой гипотезе, перемещаться отдельные группы индоевропейцев. Нет свидетельств и движения этих культур на запад Европейского континента, который начинает «индоевропеизироваться» не ранее II тыс. до н. э. Поэтому в рамках балканской гипотезы остается неясным, где находились носители индоевропейских диалектов после значительных этнокультурных сдвигов в Центральной и Восточной Европе IV—III тыс.

Трудности хронологического и культурно-исторического характера, связанные с принятием балканской гипотезы, усугубляются лингвистическими проблемами. Сведения о природных условиях, элементах общественного строя, экономического уклада, системы мировоззрения, которые восстанавливаются для древнейшего индоевропейского периода, не укладываются в набор признаков, характеризующих центральноевропейские земледельческие культуры. Показательно и то, что гипотеза балкано-карпатской прародины индоевропейцев не в состоянии объяснить, где и когда могли происходить их длительные контакты с другими языковыми семьями (картвельской, северокавказской, семитской и др.), сопровождавшиеся заимствованием культурной лексики, формированием языковых союзов и т. д. Наконец, локализация индоевропейской прародины на Балканах воздвигла бы дополнительные трудности перед теорией ностратического родства, по которой ряд языковых семей Старого Света — индоевропейская, картвельская, дравидийская, уральская, алтайская, афразийская — восходят к одной макросемье. По историко-лингвистическим со-

ображениям время распада ностратической языковой общности, локализуемой на северо-востоке Африки и в Передней Азии, относится к XII—XI тыс. Несмотря на гипотетичность многих частных вопросов ностратической теории, ее нельзя не учитывать в реконструкциях хронологически более поздних периодов соответствующих языковых семей.

Согласно другой гипотезе (Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов и др.), областью первоначального расселения индоевропейцев был район в пределах Восточной Анатолии, Южного Кавказа и Северной Месопотамии V—IV тыс. Для доказательства этой гипотезы привлекаются аргументы палеогеографии, археологии (непрерывность развития местных анатолийских культур на протяжении всего III тыс.), данные палеозоологии, палеоботаники, лингвистики (последовательность разделения индоевропейской диалектной общности, заимствования из отдельных индоевропейских языков или их групп в неиндоевропейские языки и обратно и др.).

Лингвистическая аргументация данной гипотезы основана на строгом использовании сравнительно-исторического метода и основных положений теории языковых заимствований, хотя и вызывает возражения оппонентов по некоторым частным вопросам. Очень важно подчеркнуть, что индоевропейские миграции рассматриваются согласно этой концепции не как тотальная этническая «экспансия», но как движение в первую очередь самих индоевропейских диалектов вместе с определенной частью населения, населявшего на различные этносы и передающего им свой язык. Последнее положение методологически очень важно, так как показывает несостоятельность гипотез, опирающихся в первую очередь на антропологические критерии при этнолингвистической атрибуции археологических культур. В целом, несмотря на то что рассматриваемая гипотеза требует уточнения по ряду археологических, культурно-исторических и лингвистических вопросов, можно констатировать, что выделение ареала от Балкан до Ирана и восточнее как территории, на определенной части которой может быть локализована индоевропейская прародина, пока не встретило опровержений принципиального порядка.

Проблема распада общеиндоевропейского единства и расхождения индоевропейских диалектов получила наиболее основательную разработку (несмотря на дискуссионность ряда моментов) в рамках данной концепции, поэтому на них следует остановиться особо. Начало миграций индоевропейских племен относится по этой гипотезе к периоду не позднее IV тыс. Первой языковой общностью, выделившейся из индоевропейской, считается анатолийская. О первоначальном, более восточном и северо-восточном расположении носителей анатолийских языков по отношению к историческим местам их обитания свидетельствуют двусторонние заимствования, обнаруживаемые в анатолийских и кавказских языках. Выделение греко-армяно-арийского единства следует за обособлением анатолийцев, причем арийский диалектный ареал предположительно отделяется еще в пределах общеиндоевропейского. Впоследствии греческий (через Малую Азию) попадает на острова Эгейского моря и в материковую Грецию, населяясь на неиндоевропейский «эгейский» субстрат, включающий различные автохтонные языки; индоарийцы, часть иранцев и тохары движутся в разное время в (северо-) восточном направлении (для индоарийцев допускается возможность продвижения в Северное Причерноморье через Кавказ); тогда как носители «древнеевропейских» диалектов через Среднюю Азию и Поволжье перемещаются на запад, в историческую Европу. Таким образом, допускается существование промежуточных территорий, где оседали, вливаясь в местные популяции повторными волнами, вновь прибывающие группы населения, позднее заселившие более западные области Европы. Для «древнеевропейских» языков общим исходным (хотя и вторичным) ареалом считаются область Северного Причерноморья и приволжские степи. Этим объясняется индоевропей-

ский характер гидронимии Северного Причерноморья, сопоставимой с западноевропейской (отсутствие более восточных следов индоевропейцев может быть вызвано недостаточной изученностью древнейшей гидронимии Поволжья и Средней Азии), и наличие большого пласта контактной лексики в финно-угорских, енисейских и других языках.

Территория, где предполагается локализация вторичной языковой общности изначально родственными индоевропейскими диалектов, занимает центральное место в третьей гипотезе индоевропейской прародины, разделяемой многими исследователями, как археологами, так и лингвистами.

Район Поволжья относится к числу хорошо изученных археологически и описанных в ряде авторитетных исследований (К. Ф. Смирнов, Е. Е. Кузьмина, Н. Я. Мерперт). Установлено, что на рубеже IV—III тыс. в Поволжье распространилась ямная культурная общность. В нее входили подвижные скотоводческие племена, осваивавшие степи и широко контактировавшие с инोकультурными территориями. Эти контакты выражались в обмене, вторжениях на соседние территории, оседании части древнейших племен на пограничье территорий раннеземледельческих центров. Археологически отмечаются очень ранние связи степных племен с Югом и Юго-Востоком, не отрицается возможность передвижений значительных групп населения в степь из районов Кавказа и Прикаспия.

Западное направление экспансии ямных культур постулируется в ряде работ, исследующих трансформацию центральноевропейских культур с конца IV — начала III тыс. и причины, вызвавшие ее (М. Гимбутас, Е. Н. Черных). Изменения, происходящие в ареале древних европейских земледельческих культур, по мнению ряда исследователей, затронули экономический уклад (резкое возрастание удельного веса животноводства по сравнению с земледелием), тип жилища и поселения, элементы культа, физический тип населения, причем наблюдается уменьшение этнокультурных сдвигов по мере продвижения на северо-запад Европы.

Основные возражения, которые адресуются данной гипотезе, обусловлены тем, что с самого начала она разрабатывалась как концепция сугубо археологическая. Передвижения индоевропейцев, согласно некоторым таким построениям, выглядят как миграции целых культур; для оправдания таких миграций приводится множество аргументов как экономического, так и этнокультурного характера. При этом в стороне остается тот чрезвычайно важный факт, что в проблеме локализации древнейшего ареала расселения индоевропейцев первостепенная роль принадлежит языковому и сравнительным историко-филологическим данным, и только лингвистическими методами можно надежно установить этноязыковую принадлежность населения определенной археологической культуры. Например, языковые свидетельства не позволяют отождествить древнее население степной полосы Средней Азии, в частности носителей андроновской культуры, с индоиранцами, — хотя такая точка зрения существует, но она оставляет без объяснения наличие индоарийских элементов в Причерноморье и Передней Азии. Данные хронологии (III тыс.), а также внешних контактов индоевропейских языков с другими языковыми семьями позволяют соотнести ареал древнейшей культурной общности с «вторичным» ареалом расселения индоевропейцев. Именно эти территории, а не более юго-восточные или западные являются, по мнению специалистов, местом обособления индоиранской диалектной общности («прародиной» индоиранцев). Существенно, что реконструируемая по лингвистическим данным картина хозяйства и быта индоиранцев на прародине среди археологических культур Старого Света соотносится только с материалами степных культур Евразии (Е. Е. Кузьмина, К. Ф. Смирнов, Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский).

Принципиально иной подход к определению индоевропейской прародины представлен концепцией так называемой циркумпонтийской зоны, активно разрабатываемой в последнее десятилетие. Согласно выдвигаемой идее глубокие этнокультурные сдвиги в развитии Балкано-Дунайского района во второй половине IV тыс. шли параллельно с появлением новой системы культур, минимально связанной с предшествующими. Отмечены сложные исторические, а в отдельных случаях и генетические связи этой системы с такими культурными общностями, как культуры шнуровой керамики, шаровидных амфор, со скотоводческими культурами каспийско-черноморских степей (Н. Я. Мерперт). Предполагается наличие определенной контактной непрерывности и культурной интеграции не только в области распространения древнейших культур, но и к югу от Черного моря, где элементы новой системы культур прослеживаются вплоть до Кавказа. На этой огромной территории, по мнению ряда исследователей, мог происходить процесс становления конкретных групп индоевропейцев. Этот процесс был весьма сложен; он включал как разделение первоначально единых групп, так и сближение неродственных групп, втянутых в контактную зону. Распространение близких элементов внутри зоны могло быть обусловлено (наряду с исходным общим импульсом), помимо контактной непрерывности и тесного общения, также и существованием своего рода «переходной сферы» — подвижных скотоводческих коллективов. Вместе с тем эта область соприкасалась с древнейшими культурными очагами Средиземноморья, Ближнего Востока, что хорошо бы объясняло заимствование культурной лексики вместе с соответствующими реалиями, техническими приемами и т. д.

Интересно отметить, что такой подход к определению индоевропейской прародины находит некоторые аналогии в направлении, называемом «лингвистической географией» (В. Пизани, А. Бартольд и др.). Индоевропейское языковое единство определяется как зона переходных явлений — изоглосс, генетическое родство уступает приоритет вторичному «сродству» (*affinité secondaire*) — явлениям, обусловленным параллельным развитием в контактирующих диалектах. Индоевропейцы, как считает, например, Пизани, — «это совокупность племен, говоривших на диалектах, входивших в единую систему изоглосс, которую мы называем индоевропейской». Очевидно, что сторонники данного направления вносят определенный (хотя и негативный) вклад в решение индоевропейской проблемы, попросту снимая ее, — ведь если не было, как они полагают, более или менее компактной индоевропейской общности, то и вопрос об индоевропейской прародине лишается смысла. Что касается гипотезы «циркумпонтийской» зоны, то ее авторы делают все-таки оговорку, что это может быть решением индоевропейской проблемы лишь на определенном хронологическом срезе.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что на настоящем этапе исследований наиболее перспективным решением индоевропейской проблемы представляется следующее. Некоторые области Центральной Европы начиная с эпохи бронзы составляли ареал расселения «древнеевропейских» народов; Балкано-Карпатский регион в этом случае становится «прародиной» для части носителей индоевропейских диалектов. Этому должен был предшествовать период их пребывания на более восточной территории, включающей степи Поволжья и Северное Причерноморье, в составе индоевропейской диалектной общности, куда в это время еще входили индоиранская (или ее часть), тохарская и другие группы (ср. идею о «циркумпонтийской» зоне). «Степная» прародина индоевропейцев, таким образом, будет соотнесена с ареалом, общим для большей части индоевропейских диалектов, с которого происходило движение в центральноевропейские области. Вопрос о том, был ли данный ареал первичной прародиной всех индоевропейцев, или (как, например, показыва-

ют на огромном материале авторы переднеазиатской гипотезы) промежуточной областью расселения («вторичной прародиной») для большинства индоевропейских диалектных групп, необходимо решать в тесной связи с вопросом о древнейших этапах становления и развития целого ряда этноязыковых общностей, обнаруживающих контактную и генетическую близость к индоевропейской.

У истоков сравнительно-исторического изучения индоевропейской мифологии и религии стоят А. Мейе и Ж. Вандриес. Мейе впервые высказал мысль о параллелизме между терминами, обозначающими божество у индоевропейских народов. Он показал, что древнеинд. *devah*, литовск. *dēvas*, древнепрусск. *diēws* «бог», латинск. *divus* «божественный» могут быть связаны с индоевропейским корнем **di-e/ow* — «день, свет». Мейе не обнаружил общеиндоевропейских терминов для обозначения культа, жрецов, жертвоприношения; он отмечал, что в индоевропейском мире отсутствовали боги как таковые, вместо них выступали «природные и общественные силы». Проблема получила дальнейшее развитие у Вандриеса, который исследовал такие ее аспекты, как круг терминов, связанных с понятием веры (латинск. *credo*, древнеирланд. *cretim*, древнеинд. *śrad* и др.), сакрально-административные функции (например, обозначение жреца: латинск. *flamen*, древнеинд. *brahman*), конкретные сакральные действия и предметы (священный огонь, обращение к божеству и т. п.). Анализируя соответствующие термины, Вандриес пришел к выводу о существовании религиозных традиций, общих для индоиранских, латинского и кельтских этноязыковых групп. Он указал основную причину, по которой, как он считал, языки, так далеко отстоящие друг от друга, удерживают эти традиции: лишь в Индии и Иране, в Риме и у кельтов (но нигде более в индоевропейском мире) сохранились их носители — коллегии жрецов. Несмотря на ограниченность методологической базы отмеченных исследований, опиравшихся в первую очередь на данные этимологического анализа, они, несомненно, открыли новые перспективы перед исторической мифологией.

Следующим этапом, связанным с общим прогрессом развития филологических наук, был переход от исследования конкретных мифологических единиц к исследованию индоевропейской мифологии как системы, имеющей определенную структуру, отдельные элементы которой находятся в отношениях оппозиции, распределения и т. п. В работах Ж. Дюмезиля, во многом определивших историко-мифологические разыскания последних десятилетий, последовательно проводилась мысль о трехчастной структуре индоевропейской идеологии, соотносимой с представлениями индоевропейцев о человеке, природе, Космосе.

Для обеспечения существования и процветания архаических коллективов было необходимо выполнять три основные функции, сопоставимые с тремя социальными группами, которые условно можно обозначить как «цари»/«жрецы» (олицетворение власти), «воины» (олицетворение силы), «общинники» (обеспечение плодородия). Это соответственно древнеинд. *brahman/raja*, *ksatriya* и *vaśīṣa* (четвертый древнеинд. класс — *śūdra* — первоначально включал автохтонное неиндоевропейское население, которое, по Ригведе, выполняло подчиненные функции относительно первых трех классов), аналогично — авест. *aθarvan/aθravan* «жрецы», *gaθaes-tar* «воины-колесничие», *vastryō-fsuyant* «земледельцы-скотоводы»; у кельтов, судя по «Запискам о Галльской войне» Цезаря и некоторым ирландским текстам христианского периода, — *druida* «жрецы», *fir flatha* «военная аристократия, владеющая землей», *boairi* «свободные общинники, владеющие скотом»; в Риме — триада Юпитер, Марс, Квирина (ср. родственную италийскую традицию: умбск. *Iuu-, Mart-, Vofion(o)-*). С ней сходна трехчленная структура древнеинд. пантеона: Митра — Варуна (жреческо-сакральная функция), Индра (военная функция), Насатья — Ашвины

(хозяйственные функции). Даже у тех индоевропейских народов, где троичное распределение функций отчетливо не выражено, оно, по мнению Дюмезиля и его последователей, может быть, как правило, восстановлено. Так, греческие авторы (Страбон, Платон, Плутарх) подчеркивают функциональный характер ионийских племен, которые согласно традиции связываются с начальным периодом существования Афин: жрецы (или религиозные правители), воины (—охраняющие), пахари/ремесленники. Эти различные типы жизнедеятельности (образы жизни, βίαι) находят отражение в трех классах идеальной республики Платона.

Несмотря на некоторую искусственность и жесткие рамки ряда построений Дюмезиля, они знаменовали собой поворот к изучению индоевропейской мифологии и ритуалов как знаковых систем — подход, перспективность которого стала особенно очевидна в последние десятилетия. Многочисленные работы западных и советских исследователей, посвященные анализу индоевропейских культовых систем и ритуально-мифологических мотивов, позволили выявить наиболее архаичные пласты представлений, характеризующих мировоззрение древних индоевропейцев.

К числу центральных индоевропейских мифологических мотивов относится мотив единства неба-земли как прародителей всего сущего; во многих индоевропейских традициях наблюдается связь названия человека и обозначения земли (литовск. žmonės «люди» < žemė «земля», латинск. homo «человек», humus «почва»), которая находит типологическое соответствие в мотиве происхождения человека из глины, распространенном в мифологиях Ближнего Востока.

Важное место в индоевропейской системе представлений занимает идея близечности, отраженная уже в мотиве первоначальной неразделенности земли и неба. Во всех индоевропейских традициях прослеживается связь божественных близнецов с культом коня (Диоскуры, Ашвины и др.). С идеей близечности связан мотив инцеста близнецов, присутствующий в древнейших индоевропейских мифологиях (хеттской, древнеиндийской, балтийской и др.) и имеющий определенные типологические параллели (хотя и социально обусловленные) в высших слоях некоторых древневосточных обществ.

Центральный образ индоевропейской мифологии — громовержец (древнеинд. Parjanya-, хеттск. Pīrua-, славянск. Ргунъ, литовск. Perkūnas и др.), находящийся «наверху» (отсюда связь его имени с названием скалы, горы) и вступающий в единоборство с противником, представляющим «низ», — он обычно находится *под* деревом, горой и т. д. Чаще всего противник громовержца предстает в виде змееподобного существа, соотносимого с нижним миром, хаотическим и враждебным человеку. В то же время важно отметить, что существа нижнего мира также символизируют плодородие, богатство, жизненную силу. Ряд индоевропейских мифологических мотивов (сотворение вселенной из хаоса, мифы, связанные с первым культурным героем, различение языка богов и людей, определенная последовательность в смене поколений богов и др.) находит параллели в древневосточных мифологиях, что может объясняться древнейшими контактами индоевропейцев с народами Ближнего Востока.

Дуальная социальная организация древнего индоевропейского общества оказывала прямое воздействие на формирование структуры духовных понятий и мифологической картины мира. Установлено, что основные индоевропейские мифологические мотивы (боги старые и новые, близечный культ, инцест и т. п.) и ритуально значимые противопоставления (верх — низ, правый — левый, закат — восход и др.), основанные на принципе двоячности, носят универсальный характер и обнаруживаются в различных неродственных традициях, связанных с определенной ступенью общественного развития, несомненно более ранней, чем та, кото-

рая отражена в реконструкциях Дюмезиля и его школы. Отсутствие классических индоевропейских троичных распределений в анатолийском ареале, в целом испытавшем сильное влияние древневосточных культур (ср. также отчасти греческий), делает возможным соотнесение двух различных систем представлений с хронологически различными периодами существования индоевропейской диалектной общности.

Глава 5

ЕВРОПА ВО II ТЫС. ДО Н. Э.

Начало бронзового века в Европе относится к рубежу III и II тыс. до н. э., за исключением юга Балканского полуострова и Северного Кавказа, где, как мы видели, этот период датируется первой половиной III тыс., и крайнего северо-запада и северо-востока, где сложение культур бронзового века относят к концу первой половины II тыс. до н. э. Бронзовый век Европы — период многообразный и противоречивый. Неравномерность экономического и социального развития Европы, впервые отмеченная уже в палеолите, резко усиливается в бронзовом веке. В то время как в Эгеиде во II тыс. до н. э. существовали древнейшие европейские цивилизации — минойская и микенская, города и государства, на крайнем севере и северо-востоке Европы сохранялись племена охотников и рыболовов, стоявшие на уровне первобытного общества. Европа в бронзовом веке — это сложный конгломерат различных культурно-исторических общностей, культур и культурных групп, обладавших разными ареалами, традициями, связями, уровнями развития. Изучение бронзового века должно вестись в рамках четкой периодизации, однако она для Европы в целом еще не создана. Существует лишь ряд региональных периодизаций, предложенных как для крупных регионов (например, Северная Европа), так и для более мелких ареалов (Паннония, Потисье). Тем не менее принято говорить о раннем, среднем и позднем бронзовом веке, хотя в каждый из этих периодов для разных частей Европы вкладывается свой исторический и хронологический смысл. Так, эгейский ранний бронзовый век датируется III тыс. и стоит уже на пороге цивилизации; среднеевропейский ранний бронзовый век датируется первой половиной II тыс. до н. э. и представляет ступень разложения первобытно-общинного строя; североевропейский ранний бронзовый век относится к началу второй половины II тыс. до н. э. и представляет первобытно-общинный строй.

Понятия среднеевропейского раннего, среднего и позднего бронзового века были выработаны первоначально для Верхнего Подунавья и Чехии, где ход развития хорошо укладывается в трехчленную схему. Ранний бронзовый век здесь представлен культурой Унетице с бескурганными могильниками и скорченным труположением как основным погребальным обрядом. Средний бронзовый век характеризуется культурой курганных могил, в погребальном обряде которой труположение сочетается с кремацией. Поздний бронзовый век представлен культурно-исторической общностью полей погребальных урн. Она охватывает Центральную Европу и выходит за ее пределы.

Иногда европейский бронзовый век делят лишь на ранний и поздний с целью подчеркнуть, что лишь в поздней бронзе изделия из металла прочно входят в жизнь населения Европы.

Характер и уровень экономического развития Италии II тыс. до н. э. по-разному оцениваются исследователями. Одни утверждают, что носите-

ли апеннинской культуры были пастухами-номадами, которые летом уходили в горы со стадами овец и коз и там занимались молочным хозяйством. Другие, указывая на многочисленные поселения на равнине и на появление костей свиньи в остеологическом материале, полагают, что население Центральной Италии занималось возделыванием зерновых культур и оседлым животноводством. Третья группа ученых настаивает на значительном региональном разнообразии хозяйственной деятельности при общем главенстве смешанного сельского хозяйства. В Абруцци, например, поселения бронзового века находились и в долинах, и на соседних хребтах, и в предгорьях Апеннин, и на высоте от 1000 до 2000 м, причем последние могли быть только временными летними лагерями. В Марке открыты поселения на равнине, где люди занимались разведением рогатого скота и свиней. В сухие летние месяцы крупный и мелкий рогатый скот могли перегонять на 30—40 км в глубь страны. Свидетельства отгонного скотоводства — поселения с незначительным культурным слоем — находятся в долинах Апеннин. Во внутренних районах имеются и более крупные поселения типа Монте Санто Кроче, роль мелкого рогатого скота здесь невелика.

В Тоскане и Умбрии поселения бронзового века распространены от прибрежной равнины до Апеннин. Основной памятник апеннинской культуры Бельверде дает свидетельства выращивания пшеницы, ячменя, проса, гороха, винограда, конских бобов. На других поселениях найдены пшеница и конские бобы. Среди фаунистических материалов кости овец и коз преобладают, но много и костей свиньи. Зимние пастбища для скота могли находиться на прибрежной равнине, где расположены некоторые, вероятно временные (зимние), поселения, дополнявшие круглогодичные поселения во внутренних районах страны.

В Лации встречаются большие земледельческие поселения, такие, как Луни, где выращивались карликовая пшеница, ячмень, бобы и горох, а также содержался скот, хотя в летние месяцы травостой здесь плохой. Предполагают, что в летние месяцы скот могли перегонять в Апеннины, а зимой выпасать его на прибрежной равнине. Имеются свидетельства интенсификации производства пищи и расширения сферы обитания. Постоянные поселения засвидетельствованы и во внутренних долинах Апеннин. Обитатели их занимались выращиванием каштанов и содержали свиней наряду с другими домашними животными. Появление поселений во внутренних районах Лация и в Абруцци в конце II тыс. до н. э. совпадает с увеличением количества поселений в низменности, с общим увеличением заселенности этих районов.

Земледельцы Пиренейского полуострова в бронзовом веке выращивали разные виды пшениц и ячменя, лен и бобовые культуры. Свидетельства культивации оливы восходят едва ли не к позднему неолиту. В слоях медного века найдены косточки винограда. Есть данные о культивации фиг и рожкового дерева. Примитивные формы ирригации уже, видимо, существовали. Ведь там, где расположены поселения культуры Эль Аргар, на высоте около 1000 м на плато с коротким жарким летом, население так или иначе должно было решать проблему искусственного орошения, использовать водные ресурсы. Памятники бронзового века юго-восточной Испании располагаются на слиянии сезонных потоков для максимального использования паводковых вод. Оросительные каналы, восходящие к медному веку, открыты в Cerro de la Virgin. На некоторых поселениях имеются боольшие цистерны для воды. Но тем не менее ирригационные системы в Испании бронзового века были незначительны.

Многослойные поселения раннего и среднего бронзового века Подунавья открыты в восточной части Среднедунайского бассейна и свидетельствуют об устойчивой земледельческо-скотоводческой экономике. В качестве основных зерновых культур здесь возделывали древние плен-

чатые пшеницы — эммер (полбу) и однозернянку, а также шестирядный пленчатый ячмень. Хлебная пшеница очень редка, голозерного ячменя нет совсем, а пленчатый двурядный встречается редко. В Словакии имеются свидетельства отдельных посевов эммера. Однозернянка же встречается редко. Интересно появление ржи. Из бобовых культур выращивались полевой горох и чечевица.

На поселениях позднего бронзового века, изученных на территории ФРГ, среди зерновых культур преобладал шестирядный ячмень с плотным колосом. Пшеницы (эммер и спельта) значительно уступали ему. Представлен дикий и культурный овес. В позднем бронзовом веке Голландии самой распространенной злаковой культурой был эммер (полба). На его долю приходится $\frac{3}{4}$ всех растительных остатков. На втором месте стоит голозерный шестирядный ячмень. Имеются просо и дикий овес. В посевах бронзового века Англии увеличилось количество ячменя, другие виды зерновых растений почти не представлены. В конце бронзового века на территории Польши основными зерновыми культурами были эммер и шестирядный ячмень. Рожь и овес гораздо менее обычны. В разных количествах выращивались бобовые, а в Бискупине культивировались масличные — мак и рапс, в небольших количествах — лен.¹

Большая часть населения Европы в бронзовом веке занималась смешанным сельским хозяйством, т. е. земледелием и животноводством, но долю той или иной отрасли в общей системе экономики определить трудно. Пыльцевой анализ, проведенный в Англии, Голландии и Дании, показал, что предпринимались и небольшие, и более крупные расчистки лесов, но все же недостаточные, чтобы допустить сколько-нибудь значительное пастушеское скотоводство. Древняя дневная поверхность, открываемая под курганными насыпями в Северной Европе, указывает на открытый ландшафт, на землю, поросшую грубыми травами, старые поля, заросшие травой и превращенные в пастбища. Полагают, что в поисках возможностей для выпаса скота население бронзового века Европы все дальше поднималось на плато и плоскогорья.

В составе стада почти повсеместно на первом плане был крупный рогатый скот. О значительной роли крупного рогатого скота свидетельствуют ритуальные захоронения быков и коров, встречающиеся уже с середины III тыс. Уменьшение величины особей крупного рогатого скота и свиней, наблюдающееся в Европе с неолита вплоть до железного века, объясняется возрастающим давлением поголовья скота на размеры пастбищ и как следствие недостаточным питанием. Роль овец, коз и свиней в снабжении населения мясом оставалась второстепенной. Несколько иначе дело обстоит в Средиземноморье. Например, в Фиаве (Италия) 60% костей животных принадлежали овцам и козам и лишь 20% — крупному рогатому скоту. Аналогичное явление наблюдается в Испании. Ведущая роль крупного рогатого скота в хозяйстве, однако, обуславливалась тем, что он оставался основной тягловой силой, несмотря на распространение домашней лошади. В Центральной и Западной Европе домашняя лошадь распространялась с культурой колоколовидных кубков. Около 1800 г. до н. э. домашняя лошадь появилась в Греции. В первой половине II тыс. до н. э. характерным явлением становится всадиничество, которое в степной зоне Европы могло развиваться и ранее. Однако в качестве упряжного животного лошадь стали использовать лишь позже.

Земледелие было пахотным. Легкие плуги, датирующиеся первой половиной II тыс. до н. э., найдены в Дании и Италии. Изображения плуга имеются среди петроглифов Швеции и Южных Альп (Валь Камоника), отнесенных к бронзовому веку. В одном случае изображена сцена с парой животных, тянущих плуг, и человеком, идущим за ним с киркой или мотыгой. Следы вспашки открыты под курганными насыпями, некоторые из них восходят даже к началу III тыс. Свидетельствами пашен-

ного земледелия являются и так называемые кельтские поля — система полей в странах Северо-Западной Европы. В Англии многие из этих полей относятся ко II тыс. до н. э., а в Ирландии — даже к III тыс. Высокий уровень содержания фосфора в почвах полей бронзового века в Дартмуре (Англия) указывает на использование удобрений. Пахотное земледелие означало большой прогресс в сельском хозяйстве. Плугом, в который были впряжены волы, человек мог обрабатывать гораздо большие участки земли, причем более эффективно, чем при мотыжной обработке, а в условиях Средиземноморья рыхление почвы помогало сохранить необходимую влажность. На хороших почвах даже легкие плуги способствовали увеличению продуктивности земледелия.

Сельскохозяйственные орудия бронзового века известны недостаточно. Использование бронзовых орудий в земледелии начинается довольно поздно, не ранее середины II тыс. до н. э. Речь идет главным образом о серпах различной формы со стержнем для прикрепления рукояти, ручки и пр.

Интересен факт освоения с середины II тыс. до н. э. менее плодородных, ранее почти не использовавшихся земель. Так, в Скании (южная Швеция) большая часть высокоплодородных земель обрабатывалась уже в ранний период бронзового века, а во второй его половине стали распахиваться гораздо менее плодородные земли. В южных Нидерландах и Бельгии интенсивное земледелие издавна велось в низких сырых долинах. В позднем бронзовом веке и песчаные почвы возвышенностей были включены в сельскохозяйственное производство, леса расчищены, тогда как долины стали использоваться меньше.

В бронзовом веке активно охотились на тура, зубра, благородного оленя, косулю, кабана, особенно в умеренной зоне, но количество дикой фауны постоянно сокращалось из-за все более плотного заселения Европы человеком. Судя по наскальным изображениям, на охоте применялись преследование с копьями, западни и ловушки, поимка в сети и использование какого-то оружия типа бумеранга. Лишь на севере и северо-востоке Европы сохранялись в значительной степени нетронутыми леса, которые давали приют диким животным. Имеются свидетельства специализированной охоты на пушных животных, в частности стоянки охотников на бобров.

Интересные материалы указывают на развитие морского промысла, например охоты на тюленей и китов у берегов Дании. На Аландских островах найдены остатки сезонных поселений охотников на серого тюленя, где жили лишь в апреле-мае, когда проводилась заготовка тюленьего жира. Рыболовство, несомненно, играло важную роль, особенно в хозяйстве населения северных регионов Европы. Рыбу ловили с лодок и даже кораблей, тысячи изображений которых найдены среди петроглифов Швеции, Финляндии и Карелии. Реже встречаются сами деревянные каное. Но лодки и корабли были лишь одним из видов транспорта в бронзовом веке, достаточно надежным и широко распространенным на берегах Средиземного, Северного и Балтийского морей. Другим важным видом был колесный транспорт — телеги и повозки. Сначала у них были сплошные деревянные колеса, позже — со спицами. Во II тыс. до н. э. они уже широко известны в Европе. Наскальные изображения показывают двухколесные повозки, запряженные парой волов или лошадей. В зимнее время применялись сани и лыжи.

Во II тыс. до н. э. в Европе все большее значение приобретают добыча медных и оловянных руд, разработка золотonosных месторождений, плавка меди, олова, бронзы, золота, металлообработка. Рудные залежи распространены в Европе далеко не равномерно, и те регионы, где имелись источники сырья, или те, через которые проходили большие торговые пути, начинают играть более важную роль. Медные руды находились

на Атлантическом побережье, в Альпах, Чешских Рудных горах, Карпатах и Балканах, на Кавказе и Урале. Месторождения олова встречались реже: на Атлантическом побережье, в Чешских Рудных горах и на Апеннинском полуострове. Сплав меди с оловом имеет большую твердость, чем чистая медь. Естественно, что регионы, где были залежи тех или иных руд, приобретали особое значение. Первые разработки медных руд в Европе начались на Балканах и в Карпатах. С 1700/1500 г. до н. э. добыча металлических руд в значительных масштабах проводилась в Восточных Альпах. Техника горнорудных работ II тыс. до н. э. хорошо изучена в районе Зальцбурга (Австрия). В Миттерберге, например, шахты были врезаны в склон холма на глубину до 100 м, следуя жилам медных пиритов. Подсчитано, что для разработки каждой из 32 шахт понадобилось около семи лет. На этих разработках могли быть заняты максимум 180 рабочих.

Добыча руды, выплавка бронзы, изготовление бронзовых орудий, оружия, украшений из бронзы и золота — все это требовало определенных знаний, опыта, навыков, специализации и разделения труда. Кто занимался добычей руды, промывкой золота, выплавкой металлов и производством изделий из него? Насколько далеко зашла специализация в металлургии и металлообработке в Европе во II тыс. до н. э.? Можно ли утверждать, что в это время уже произошло второе общественное разделение труда и первое отделившееся от сельскохозяйственного производства ремесло — металлурга и кузнеца — уже существовало? В современной науке нет единой точки зрения на эти вопросы. По мнению одних ученых, металлургия бронзы и производство орудий из нее были столь сложным процессом, что требовали присутствия в общине или в регионе специалистов-ремесленников, которые занимались только металлургией и металлообработкой. При этом линия разделения проходила не внутри общины, а меж общинами, и существовали целые этнические группы, которые специализировались в качестве кузнецов или медников и обслуживали другие группы и общины. Предполагают, что такие группы ремесленников были странствующими и перевозили с собой орудия, сырье или полуфабрикаты.

Другие ученые, анализируя данные этнографии, считают, что в Европе II тыс. до н. э., за исключением, вероятно, минойского Крита и микенской Греции, ремесло еще не отделилось полностью от сельскохозяйственного производства, а кузнецы и медники отнюдь не были полновременными специалистами. Поскольку потребность в орудиях труда, оружию была сезонной, кузнецы могли работать над ними лишь несколько месяцев в году. В некоторых обществах кузнецы вкладывали в производство орудий лишь свои знания и мастерство, а сырье, топливо и даже частично труд принадлежали заказчику. Специализация наблюдалась внутри самого кузнечного ремесла, например на производстве мечей, бронзовых чаш или котлов.

Полновременные специалисты, видимо, появлялись лишь там, где их существование мог поддерживать избыточный продукт, изымаемый у населения администрацией, т. е. в сложных объединениях и древнейших государствах, где перераспределение общественного продукта зашло уже достаточно далеко. В Европе II тыс. до н. э. свидетельств этого (вне микено-минойского мира) немного. Определенные общины, несомненно, уже с середины II тыс. до н. э. должны были специализироваться на добыче руд и выплавке металлов, как ранее специализировались на добыче высококачественного кремня или другого поделочного камня. Металла, особенно в первой половине бронзового века, было еще мало для удовлетворения всех потребностей. Каменные орудия продолжали изготавливать и использовать на протяжении всего бронзового века, но им часто придавали формы металлических. Металл — бронза, серебро и золото —

находился преимущественно в руках верхушки общества. Из него в раннем и среднем бронзовом веке изготавливали украшения и оружие, и лишь в начале позднего бронзового века были сделаны первые сельскохозяйственные орудия — серпы. Еще в позднем бронзовом веке с целью сберечь ценный металл в могилы в некоторых культурах помещали миниатюрные изображения металлических предметов. Только в конце II — начале I тыс. до н. э. металла стало больше и бронзовые изделия действительно вошли в обиход населения южных и центральных регионов Европы. К этому времени относится и появление поселков ремесленников-металлистов, таких, как Велем-Сентвид (ВНР). Здесь на большом поселении, расположенном террасами на горе, ремесленники на протяжении 500 лет занимались изготовлением бронзовых изделий и оружия и снабжали ими обширные области Паннонии.

В бронзовом веке, особенно во второй его половине, все большее экономическое значение приобретают добыча и экспорт соли. Соль не только вошла в ежедневный рацион питания, но использовалась для консервирования и хранения продуктов, в производстве сыра и при обработке кожи. Районы добычи и производства соли имели особую важность. Лучше всего известны соляные копи в Верхней Австрии.¹ В районе Галле (Заале, ГДР) методом производства было выпаривание раствора соли у соляных источников или соленых озер. Оставшаяся после выпаривания, еще влажная соль прессовалась в кубках или формах, а затем высушивалась в виде «соляных голов». Добыча соли началась здесь в раннем бронзовом веке, в Гальпштатте (Австрия) — в позднем.

Несомненно, в бронзовом веке Европы увеличивается количество добываемого сырья, готовых продуктов и товаров, предназначенных для обмена и торговли, различные регионы специализируются на производстве особых видов сырья и готовых изделий для обмена. Об этом говорят находки изделий из привозных материалов в различных частях Европы. Предметами широкого обмена были медь, бронза, золото и изделия из них, фаянсовые бусы, янтарь и янтарные украшения, морские раковины.

Минийская и микенская цивилизации имели, вероятно, прямые торговые связи с обществами на периферии их политического контроля. Может быть, эти связи поддерживались специальными торговцами. Устойчивая межрегиональная система обмена существовала между Эгейдой и Адриатикой, судя по значительной концентрации находок микенской керамики на побережье южной Италии. Возможно, здесь существовали даже микенские торговые фактории или колонии. Местные общины были посредниками в торговле между Эгейдой и северной Италией. Южноиталийские поселения II тыс. до н. э. малы, менее 1 га, но некоторые из них укреплены каменными стенами. Вероятно, с севера сюда поступали медь и олово вместе с бронзовыми изделиями североиталийских типов. Может быть, эта итальянская торговля была лишь частью более обширной системы обмена, охватившей Западную, Центральную и Северную Европу в XIV—XII вв. Доказан и систематический регулярный обмен через альпийские перевалы. Крушение микенской цивилизации привело в упадок эгейско-адриатическую торговлю, которая могла стимулировать развитие городов у населения южной Италии.

Основная часть Европы в бронзовом веке не достигла уровня развития государственности, а торговля и обмен проходили в условиях гораздо менее централизованных обществ. Торгово-обменная сеть должна была включать сотни и тысячи малых независимых социополитических единиц. Обмен осуществлялся между общинами, племенами и регионами, причем в обмен малоценными товарами могли быть включены все члены общества.

Никаких свидетельств существования в бронзовом веке Европы специальных торговцев, бродячих торговцев или рынков нет. Видимо, суще-

ствовал целый ряд взаимосвязанных региональных сетей обмена, в которых и происходило движение товаров путем использования таких механизмов, как подарки, разного рода дары, а в периферийных районах и между различными сетями — путем меновой торговли. Объектами торговли и обмена были сырье, ремесленные изделия и престижные ценности, поэтому торговые отношения затрагивали в основном элиту различных племенных союзов и групп, тогда как большинство населения не было вовлечено в эту торговлю.

Наиболее ярким примером европейской торговли-обмена в бронзовом веке служит торговля янтарем. Месторождения янтаря находятся в различных частях Европы, но преимущественно на южном побережье Балтики, а также в Португалии, Сицилии, южной Италии, Франции и Румынии. Анализ янтарных изделий из шахтных могил в Микенах показал, что янтарь, из которого они сделаны, происходил из Прибалтики и пересек Европу с севера на юг. Янтарь экспортировался в основном в виде готовых изделий. Из Средиземноморья в другие районы Европы поступали главным образом раковины типа *Cardium*, *Columella rustica* и *Dentalium*, а также, возможно, фаянсовые бусы и ткани. Фаянсовые бусы, как показал анализ находок, сделанных в Англии, имеют восточное происхождение.

Дунайские культуры раннего и особенно среднего бронзового века типа Отомань, Дюлаваршанд, Фюзешабонь показывают достаточно развитую систему поселений двух иерархических уровней: малые сельские поселения — на нижнем, более обширные, укрепленные поселения — на верхнем. Как полагают, в укрепленных поселениях жили ремесленники и верхушка общества. Примером может служить поселение культуры Отомань в Словакии — Спишски Штврток, расположенное на важной торговой дороге через горный перевал в Карпатах. Оно имело площадь около 6600 кв. м и было укреплено рвом и валом, достигавшим высоты 6 м с палисадом по верху. Внутри укрепленного поселения находился акрополь площадью 660 кв. м, где дома были возведены на каменных основаниях и где сделаны богатые находки, в том числе клад из бронзовых и золотых изделий.

Другие поселения не показывают столь четкой социальной дифференциации их обитателей. Они обычно целиком застроены длинными домами столбовой конструкции. На поселении Барца (Словакия) открыто 23 таких дома, в большинстве трехкомнатных. На ряде многослойных поселений того же времени на р. Тиса найдены аналогичные столбовые дома длиной 12—17 м, шириной 6 м, с несколькими очагами и печами. Дома размещались близко друг к другу, и производственная деятельность в значительной мере происходила за пределами поселения во избежание пожаров, которые и так были довольно часты. Основные производственные мастерские были сосредоточены на вершинах соседних холмиков на расстоянии до 100 м от поселений.

Системы поселений бронзового века изучены недостаточно, поскольку обычно внимание исследователей привлекают более богатые и впечатляющие погребальные памятники. Благоприятным исключением являются поселения кновизской группы культуры полей погребений, изученные в северо-западной Чехии. Они располагались на холмах, удобных при обороне, чаще всего на берегу реки или протока, близ источников, на берегах озер, приблизительно одно поселение на 6 кв. км.

Многие поселения в различных регионах были укреплены валами и рвами и располагались на мысах, вершинах холмов, островах. В тех случаях, когда интересы обороны, видимо, не играли существенной роли, поселения лежали на низких террасах у рек. Такие поселения встречаются чаще, но поселения на вершинах холмов бытовали более длительные промежутки времени, иногда весь период существования культурной

общности. Некоторые районы, занятые в период культуры погребальных урн, не были заселены ни прежде, ни позже, вплоть до средневековья, что еще раз указывает на повышенную плотность населения в позднем бронзовом веке.

Особый тип памятника, характерный именно для позднего бронзового века, хотя возникший раньше и существовавший и в более поздние периоды,— городище. Это, как правило, довольно обширное укрепленное поселение, расположенное в местах, пригодных для обороны: на вершине горы, на мысу плато, возвышающемся над долиной. В бронзовом веке их укрепляли стенами из камня, дерева и земли, валом (или валами), увенчанным палисадом, и одним или несколькими рвами. При въезде были ворота, иногда защищенные башнями. Размеры городищ бронзового века были подчас значительными, но культурный слой их редко достигает большой мощности, свидетельствующей о длительности обитания. Внутренняя планировка городищ изучена плохо. Предполагается, что многие из них были лишь убежищами, где население окружающих неукрепленных поселков в случае нападения врагов спасалось само и спасало имущество, в частности скот.

Большой интерес представляет система поселений лужицкой культуры (ГДР, ПНР). По размерам, характеру локализации и укреплений их делят на три типа. Поселения в низинах и долинах рек занимают от 0,7 до 1,8 га и, как правило, не укреплены. Поселения на вершинах конечных морен имеют площадь от 0,7 до 18 га, поселения на вершинах гор — от 0,8 до 35 га. Для укрепления поселений последних двух типов использовались конструкции разного рода из камня, дерева и земли. Поселение бронзового века Бискупин достигало 90×30 —60 м и было окружено рвом, а также, вероятно, внутренним валом и имело двойной вход. Малые дома были сделаны из плетня с обмазкой. Имелся загон для скота.

В Голландии открыты небольшие поселения бронзового века — деревушки из нескольких домов с амбарами и сараями. Типичное поселение Эльп (пров. Дренте) существовало пять-шесть веков (1300—800 гг. до н. э.) и несколько раз перестраивалось. Но каждый раз оно состояло из одного длинного дома с несколькими рядами столбов внутри — опорой крыши. Длина дома от 25 до 36 м. В одном его конце находились жилые помещения, в другом — стойла для 20—30 голов скота. На поселении имелось еще несколько сооружений, в том числе амбары для хранения зерна. Население такой деревушки насчитывало всего 12—20 человек. Другие поселения того времени в Голландии также состояли из одного-двух длинных домов, нескольких круглых построек и малых прямоугольных амбаров. Каждый длинный дом был разделен на две части: одну — жилую, другую — предназначенную для скота.

В Дании найдены аналогичные поселения с длинными домами (24×8 , 10×7 м). Дома имели легкий деревянный каркас и стены из плетня. В Скании открыты полуземлянки более прочной постройки, а на поселении Норрвидинге (Швеция) — длинное сооружение из горизонтально положенных бревен с обмазкой.

И в позднем бронзовом веке на севере Европы сохраняются преимущественно поселения малых размеров с небольшими длинными домами столбового типа. На поселении Фрагтруп (Ютландия) открыты три таких дома с крышами, опиравшимися на двойные ряды столбов. На малом поселении Бьёрнланда (Швеция) найден большой (30×10 м) дом со стенами из дерна толщиной в основании 2—3 м и внутренними столбами, поддерживающими крышу.

Крупные поселения встречаются гораздо реже. Поселение Халлунда близ Стокгольма имело площадь более 1,5 га и располагалось на вершине холма, склоны которого были слегка террасированы. Раскопаны три больших дома, из которых самый большой имел длину 20 м и каменное ос-

нование из валунов и булыжника. В нем обнаружены 12 печей, некоторые с продухами для усиления тяги, и найдены тигли, фрагменты литейных форм и бронзовые прутья. Видимо, в этом доме производилось литье меди и бронзы, а само поселение было центром металлообработки, снабжавшим население округа металлическими изделиями. Дата поселения — первая половина VIII в. до н. э. Население его определяется в среднем в 100 человек. Наряду с постоянными поселениями типа Халлунды, в которых концентрировалось основное население, существовали небольшие деревушки и временные лагеря. На многих из них открыты малые круглые и овальные дома. Следы металлообработки найдены на ряде даже небольших поселений, что говорит об удовлетворении основных потребностей в металлических орудиях путем налаженного домашнего производства.

В бронзовом веке наблюдается дальнейшее усиление социальной дифференциации. Но никаких свидетельств того, что иерархические социальные группы переросли в классы, нет. Нет и государственных образований, за исключением Эгеиды. Наибольшее развитие социальной дифференциации отмечено в тех областях, где имелись важные источники сырья или через которые проходили важные торговые пути.

Уже в раннем бронзовом веке Центральной и Восточной Европы наблюдаются значительные различия в погребальных обрядах и дарах. Самые богатые погребения принадлежали вождям крупных племенных объединений. Вождь обладал не только специальными функциями, но и привилегиями. Последние относились к пище, поведению, ритуальной деятельности, в том числе к разного рода табу и предписаниям, к одежде и украшениям. Вождь был окружен родичами, которые занимали высшие ступени иерархической лестницы и образовывали знать.

Внутренний порядок в такого рода обществах поддерживался целой серией прописций, брачных обычаев и генеалогических концепций, влиявших на социальную структуру, социальный статус и обычаи, в том числе и этикет. Лишь в развитых объединениях у вождей имелась особая дружина, которая могла силой проводить в жизнь его решения. О стремлении обособиться от остальных членов общества свидетельствуют акрополи, небольшие по размерам, хорошо укрепленные крепости, которые встречаются на некоторых поселениях в Юго-Восточной Европе уже в V (Сескло), IV (Димини) и III (Юнаците) тыс. до н. э., а в Центральной Европе — во II тыс. до н. э.

Война, вооруженные столкновения, а позже и специальные грабительские походы стали характерной чертой жизни многих регионов Европы в бронзовом веке. Об этом свидетельствуют городища с их укреплениями, а также большое количество оружия, обнаруженное в памятниках уже первой половины II тыс. до н. э. Во второй половине этого тысячелетия оружия накапливается еще больше и оно совершенствуется. Война была важным условием для возвышения вождей в эпоху «военной демократии» (Ф. Энгельс), ведь вождь — это прежде всего военный предводитель. Успешная война, грабительский поход способствовали обогащению вождя и его приближенных — знати и дружины. Племенные объединения имели свои территориальные границы, и вооруженные конфликты из-за территории были, видимо, достаточно частым явлением.

Иерархичность глубоко пронизывала всю социальную структуру общества. Верхние ступени иерархии занимали вожди и знать, ниже шли воины, ремесленники и рядовые члены общины — земледельцы и скотоводы. Определенное место наверху иерархической лестницы занимали жрецы. Часто жрецом был сам вождь, или же он выполнял жреческие функции.

Погребения людей высокого положения, относящиеся к раннему бронзовому веку, найдены в Лейбингене и Хельмсдорфе (ГДР) и Леки Мале

(ПНР). Для них на уровне земли или в погребальной яме были возведены специальные деревянные конструкции, а среди погребального инвентаря имелись золотые и бронзовые изделия. Погребения были перекрыты курганными насыпями значительных размеров. В Силезии (ПНР) в могильнике уепитцкой культуры только одно погребение из 100 содержало золото, и восемь погребений из 100 — бронзовые изделия. Очевидно, изделия из бронзы и золота в то время были очень редки у рядовых членов общин, но количество их возрастало в общинах, расположенных ближе к источникам сырья.

Анализ инвентаря большого (более 300 могил) некрополя раннего бронзового века Бранч на территории Словакии позволил выделить группу богатых погребений с особо тщательно выполненными изделиями, которые могут рассматриваться как специальные символы социального статуса. Богатых женских погребений больше, чем мужских, причем самыми богатыми оказываются погребения молодых и средних лет женщин. Богатыми были и погребения мальчиков, что указывает на наследственный характер богатства и высокого социального положения. Однако в других районах Европы нет никаких свидетельств об увеличении социальной дифференциации в раннем бронзовом веке по сравнению с предшествующим временем.

Как показали исследования скандинавского позднего бронзового века, золото имело здесь величайшую церемониальную и престижную ценность. Некоторые типы золотых изделий встречаются только в мужских погребениях. Мужские погребения содержали больше золотых и бронзовых изделий, чем женские, что свидетельствует о концентрации богатства в руках мужчин.

Погребение вождя позднего бронзового века найдено в западной Словакии. После кремации остатки погребального костра были помещены в огромную ($4,25 \times 3,65 \times 3,1$ м) яму. В ее дне была вырыта еще одна яма глубиной до 2 м, а в ней помещены кости погребенного в сосуде. В большой же яме находились керамика, золотые украшения, бронзовые предметы. Многие керамические и бронзовые сосуды лежали и на поверхности земли, у погребальной ямы. Поверх ямы и костра был насыпан курган высотой 6 м и диаметром 25 м.

Развитие степных областей Восточной Европы в бронзовом веке отличалось значительным своеобразием. В первой половине II тыс. до н. э. здесь существовала катакомбная культурно-историческая общность, названная так по характерной особенности погребального обряда — захоронению покойных в особых камерах-катакомбах, вырытых в одной из стенок могильной ямы. Катакомбная общность занимала обширный ареал — от Днестра почти до Волги. На юге граница ареала отмечена в Предкавказье, катакомбные памятники есть на Кубани и Тереке. Многочисленны локальные варианты, воспринимаемые как особые культуры. Поселения изучены недостаточно. В Приазовье найдены остатки прямоугольных домов на каменных основаниях с глинобитными стенами. Длина домов была не менее 14 м. На Северском Донце открыты остатки деревянных домов с обмазанными глиной полами.

Пастушеское скотоводство и земледелие были основой экономики катакомбной общности. Часть населения вела полукочевой образ жизни. Бесспорно, существовали металлургия и металлообработка. Первые металлические изделия, однако, появились с Кавказа, о чем свидетельствует как анализ металла, так и типы изделий. Позже была начата разработка меднорудных залежей. У г. Артемовск найдены древние рудники, шлаки, остатки плавки. Свидетельствами специализации являются погребения мастеров-литейщиков. Из бронзы изготавливались черешковые кинжалы и ножи, плоские долота, тесла, проушные топоры и различные украшения. Изделия из золота редки. Высокое развитие транспортных

средств засвидетельствовано остатками деревянных четырехколесных повозок и моделями крытых повозок, выполненными из глины.

Катакомбные погребения совершались под курганными насыпями, которые иногда достигают очень больших размеров (один курган в Калмыкии имел диаметр 75 м и высоту 8 м). Такие курганы возводились, конечно, не над могилами рядовых общинников. Как правило, погребен один покойник, но встречаются и совместные погребения мужчины и женщины, взрослых с детьми. Есть свидетельства насильственного умерщвления женщин при погребении мужчины. С погребальным ритуалом связаны кострища и жертвенники, помещение в могилу заупокойной пищи. Наряду с погребениями в катакомбах встречены и погребения в простых ямах.

Уровень имущественного и социального расслоения у носителей катакомбной общности, видимо, был значителен: об этом говорят большие размеры курганных насыпей и могильных сооружений для лиц, занимавших высокое положение в обществе, и различия в погребальном инвентаре и ритуале. Некоторые могилы, например, сопровождаются захоронением многих лошадиных черепов. Все это свидетельствует об обществе с довольно сложной структурой и высоким уровнем социальной организации.

Характерным примером степных культур Восточной Европы в позднем бронзовом веке является срубная культурно-историческая общность, распространенная на огромной территории между реками Днестр и Урал. Свое наименование она получила от бревенчатых конструкций, помещенных в могильные ямы или сооруженных над ними. Поселения срубной общности располагались по берегам рек, на террасах, там, где было возможно примитивное земледелие. Как правило, поселения не укреплены. Древнейшие из них имеют небольшую площадь (0,1–0,2 га). Лишь несколько позже появляются более крупные (до 1 га) поселения. Жилища — чаще всего квадратные полуземлянки со скругленными углами площадью от 25 до 120 кв. м. Изредка встречаются более крупные. Одно жилище площадью 24×14 м имело два ряда мощных столбов, на которые опирались балки крыши. В нем было семь очагов, из которых один находился в центре и, возможно, был культовым. Население такого дома могло достигать 40–50 человек. Поселение Сускан 1, где найдено это жилище, было укрепленным: с напольной стороны его ограждали ров шириной до 3 м и вал. В конце II тыс. до н. э. площадь срубных поселений увеличивается до очень значительных (Ивановка на Волге — до 100 га), а сами поселения размещаются в местах, удобных для обороны.

Экономика срубной общности не была единообразной на огромной ее территории. В степях господствовало, видимо, скотоводство, точнее — овцеводство. Предполагается, что скотоводство носило кочевой характер. Лошадь использовалась для верховой езды, что увеличивало подвижность населения. В более северных районах степного Поволжья, на Дону, в Поднепровье найдены земледельческие поселения. Есть свидетельства выращивания ячменя и проса. В составе стада этих поселений преобладали крупный рогатый скот, который использовался и в качестве тягловой силы как для повозок, так, вероятно, и для плуга. Значительное количество костей на этих поселениях принадлежит свинье.

Другой отраслью экономики были металлургия и металлообработка. Довольно рано один очаг металлообработки сформировался в Поволжье на медных рудах и сырье из Урало-Казахстанского района, другой — на юго-западе ареала срубной общности, в Приазовье, Нижнем Поднепровье, в междуречье Днепра и Днестра. Мастера-литейщики, о которых известно по погребениям с характерным набором орудий, отливали кинжалы, мечи, копья, ножи, долота, кельты, проушные топоры, серпы, а также некоторые украшения. В конце существования срубной общности все чаще употребляются изделия из железа, в том числе ножи и кинжалы.

Если для ранних этапов характерны одиночные, реже — парные погребения в прямоугольных ямах, под курганной насыпью, то на средних этапах появляются целые могильники, перекрытые большими курганами. Например, у с. Ягодное в Заволжье погребения под курганной насыпью располагались двумя концентрическими кругами: во внешнем круге были похоронены мужчины, во внутреннем — женщины и дети. В центре находился жертвенник с костями домашних животных и целым скелетом коровы. Первоначально могильник был бескурганым. Курганы с одиночными погребениями тем не менее сохраняются. Видимо, на ранних этапах развития срубной общности погребения под курганной насыпью удостаивались лица, занимавшие высокое положение в общественной иерархии, и лишь позже курганный обряд был распространен и на других членов общества. Это подтверждается появлением вытянутых валообразных насыпей, покрывающих несколько кругов погребений с жертвенниками в центре. На последних этапах развития срубной общности длинные уплощенные насыпи покрывают уже до сотни погребений, расположенных рядами, а деревянные конструкции и сами погребальные ямы исчезают.

Несмотря на несомненную иерархичность срубной культурно-исторической общности, свидетельства социального расслоения не слишком велики. Специалисты-археологи говорят о погребениях «родовых старейшин», которые выделяются ритуалом и богатством инвентаря. Встречаются и погребения мастеров-литейщиков. Не вызывает сомнения, что общество срубной культуры стояло на ступени разложения первобытно-общинного строя, которое усугублялось дальними походами, способствовавшими концентрации богатств в виде захваченной добычи в руках немногих семей.

* * *

Изучение наскальных изображений, глиняной и бронзовой пластики, погребальных обрядов, кладов votivного характера в совокупности с данными этнографии, а также мифологии позволяет бросить взгляд на религиозные представления обитателей Европы II тыс. до н. э., их ритуалы.

Несомненно, в пантеоне богов II тыс. до н. э. сохранялись древние божества, культ которых появился в Европе вместе с распространением земледелия. Речь идет прежде всего о богине земли, богине плодородия. В бронзовом веке Северной Европы ее изображали плывущей в ладье. В ее честь справляли великий весенний праздник — священную весеннюю свадьбу, изображение которой часто встречается на петроглифах Скандинавии: мужчина и женщина, окруженные гирляндами цветов, устремляются друг к другу. Рядом с ними изображается «майское дерево».

Другое женское божество — а женские божества занимают все более выдающееся положение в пантеоне Европы в ходе II тыс. до н. э. — богиня воды. Вероятно, она проникла в Европу с Ближнего Востока. Ее изображали в виде нагой женщины, держащей перед собой двумя руками сосуд со священной водой. Символом этой богини является бронзовый котел, плывущий на двух ладьях, украшенных на носу и на корме фигурами лебедей. Во второй половине II тыс. до н. э., с наступлением засушливых лет, почитание богини воды распространяется шире. Ей приносят жертвы у священных источников, в болотах, причем жертвоприношения часто содержат женские украшения.

С божествами земли, плодородия, воды связан и земледельческий праздник первой борозды, весенней вспашки, цель которого — пробудить плодородие земли после зимнего сна. Этот праздник сочетается с праздником майского дерева, где оно выступает как символ весны.

С глубокой древности в Европе был известен культ быка, который сохраняется и в бронзовом веке. О нем свидетельствуют многочисленные

изображения «человека-быка» на петроглифах, рогатые племени и бронзовые рога — ритуальные музыкальные инструменты огромных размеров (длина 1,5—2,1 м). Их находят обычно парами, они олицетворяют правый и левый рог быка. Другое свидетельство культа быка — захоронения покойников на свежежнутых бычьих шкурах.

Култ солнца — небесного божества, влекомого лошадью в колеснице по голубым полям небес, — индоевропейского происхождения. Символом солнца был золотой диск, окруженный ореолом. Он найден в ряде областей Европы в памятниках бронзового века, в наскальных изображениях Скандинавии, а также в кладах — вместе с моделью колесницы и фигуркой лошади из бронзы. Изображение колеса со спицами или креста в круге также считалось символом солнечного божества. Булавки с головкой в виде колеса с четырьмя спицами типичны для курганной культуры в Центральной Европе и встречены в Северной Европе. Культовые праздники солнца, церемонии, связанные с почитанием его как божества, проходили в середине лета и в середине зимы. Изображение солнца провозили перед народом на солнечной колеснице — это должно было обеспечить счастье и плодородие людям и животным.

Святынища и культовые сооружения бронзового века открыты в ряде мест Европы. Знаменитый Стоунхендж в Англии в его окончательном варианте также относится к бронзовому веку. Деревянное церемониальное или ритуальное сооружение открыто в Нидерландах, в болоте, в 250 м от сухого места. В основе святынища имело каменное кольцо диаметром до 4 м и реконструируется как круглое, с рогообразными выступами на самых верхних балках. Внутри найдены широкие дубовые доски. Оно было возведено около 1050 г. до н. э. Недалеко от него найдены три металлических клада, зарытых между 1100 и 800 гг. до н. э. Это ритуальное сооружение было намеренно разрушено еще в бронзовом веке.

Изменение погребального обряда — от труположения к кремации, наблюдавшееся во многих областях Европы во второй половине II тыс. до н. э., особенно в период сложения культуры погребальных урн, свидетельствует в первую очередь о распространении новых представлений о загробной жизни, согласно которым огонь помогал душе человека освободиться от тела и взлетать в небо. Чтобы «помочь» полету души, в погребальный костер часто клали крылья птиц.

* * *

Бронзовый век Европы не принес существенных изменений в способах производства пищи и вообще средств существования. Бронзовые орудия почти не затронули область сельскохозяйственного производства, во всяком случае вплоть до позднего бронзового века. Изделия из бронзы в первой половине бронзового века — это многочисленные украшения: серьги и височные кольца, шейные гривны, сердцевидные и полудлунные подвески, кованые пластинчатые и литые спиралеобразные браслеты, перстни и многочисленные булавки, снабженные разнообразными головками. Из бронзы изготавливалось и оружие — кинжалы, вислообушные топоры, немного позже — втульчатые наконечники копий. Орудия включают плоские топоры с полукруглым лезвием, проушные топоры, ножи. В конце среднего бронзового века появляются первые бронзовые мечи — мощное оружие, которое достигает высокого совершенства в позднем бронзовом и раннем железном веках.

Поздняя часть бронзового века, которая продолжалась около 600 лет начиная с 1300/1250 гг. до н. э., — важный период в истории Европы. Хотя, судя по количеству оружия и по укрепленным поселениям на вершинах холмов, это было довольно беспокойное время, все же в различных областях материальной и духовной культуры наблюдается значи-

тельный прогресс. Развивается полное литье бронзы, широко применяются обработка листовой бронзы для изготовления посуды и других изделий, новые сплавы. Значительно совершенствуется наступательное оружие, появляются бронзовые щелмы, поножи, панцири — развитой доспех. Впервые в Европе начинается производство настоящего стекла. Определенный прогресс замечен в строительстве, на транспорте, в производстве керамики. Зрелое и единообразное выражение приобретает религиозный символизм.

В начале этого периода происходят события мирового значения: микенская цивилизация заканчивает свое существование, в Анатолии гибнет хеттское царство, города Леванта подвергаются значительным разрушениям. Были ли эти события связаны с Европой? Если да, то в какой степени? На этот вопрос до сих пор не получено однозначного ответа, но ряд ученых полагают, что определенная миграция населения из Центральной Европы на юго-восток имела место в позднем бронзовом веке.

Общая картина развития Европы во II тыс. до н. э. будет неполной, если не упомянуть о роли миграций в бронзовом веке. Они не имели столь всеобъемлющего характера и не обладали столь значительными масштабами, как в III тыс. Не было ничего сравнимого по объему с миграциями культур шнуровой керамики и боевых топоров или культуры колоколовидных кубков, миграциями, которые охватили огромные территории соответственно Центральной и Восточной Европы, Западной, Центральной и Южной Европы.

Тем не менее в Европе II тыс. до н. э. имели место значительные передвижения населения, но едва ли можно говорить о сколько-нибудь крупных вторжениях в Европу извне. Скорее наоборот, уже со второй половины III тыс. наблюдается движение племен из Европы в Анатолию. Это означает также, что большая часть Европы во II тыс. должна была быть заселена носителями индоевропейских языков, которые могли появиться в Европе самое позднее во второй половине III тыс., но вероятно, поселились здесь раньше.

К большим миграциям европейского бронзового века можно отнести продвижение с северо-запада в Среднедунайский бассейн культуры курганных могил, которое сопровождалось уничтожением таких местных культур, как культура задубайской инкрустированной керамики и культура Ватия, и изгнанием на восток их носителей. Ход этой миграции и ее результаты, заложившие основы совершенно нового направления развития позднего бронзового века в Среднем Подунавье, подробно исследован в ряде работ археологов центральноевропейских стран¹.

Сложение другой крупнейшей культуры позднего бронзового века — культуры или скорее культурно-исторической общности полей погребальных урн (*Urnenfelderkultur*) также иногда объясняется миграционными процессами, но это лишь одно из возможных объяснений. В XII—X вв. эта общность охватывает значительные территории Центральной Европы, а в X—VIII вв. распространяет свое влияние и на Западную Европу, проникая в Испанию, Западную Францию, а частью — и на Северную и Юго-Восточную Европу. Определенные проявления культуры полей погребальных урн засвидетельствованы и в Восточной Европе (Калининградская область, запад Украины, Молдавия).

Значение культурно-исторической общности полей погребальных урн в истории Европы состоит в том, что она находится в начале развития, уже не прерываемого более, в конце которого на сцене появляется большинство исторических народов Европы. Предполагают (В. Киммиг), что общность полей погребальных урн может быть сопоставлена с тем языко-

¹ См.: Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н. э. — I тысячелетие н. э. М.: Наука, 1986. С. 13—16, 37—51

вым слоем, который был выделен Х. Краэ на основе гидронимии Европы и назван им «древнеевропейским»². Этот древнеевропейский слой предшествовал образованию иллирийских, кельтских, итальянских и германских языков. Местные элементы, вошедшие в состав культурно-исторической общности полей погребений, в конце ее существования стали основой возникновения культур раннего железного века, идентифицируемых с иллирийским, кельтским и венетским этносами. Так, считается, что восточные группы общности полей погребений включали иллирийско-венетский основной элемент.

Область распространения северного (нордического) бронзового века с определенной долей вероятности можно связывать с ареалами прагерманских и прабалтских языков, а территорию срубной культурно-исторической общности многие исследователи сопоставляют с ареалом расселения носителей индо-иранских языков.

² Krahe H. Sprache und Vorzeit. Heidelberg. 1954. S. 48 ff,

Часть вторая

ЕВРОПА В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Ранние государства и племенной мир

Классические формы государственного устройства. Племенной мир

Эпоха эллинизма

Римская империя в период расцвета

Кризис и гибель античного общества

1. Греция в период формирования раннеклассового общества (XXX—XII вв. до н. э.)
2. Ранние государственные образования на территории Италии и Испании в первой половине I тыс. до н. э.
3. Кельты в Европе в первой половине I тыс. до н. э.
4. Западное и Северное Причерноморье в эпоху архаики
5. Архаическая Греция
6. Греция в V в. до н. э.
7. Греция в IV в. до н. э.
8. Ранняя республика в Риме (V—IV вв.)
9. Западное и Северное Причерноморье в классическую эпоху
10. Греция и Македония в эпоху эллинизма
11. Римская республика в III—I вв.
12. Племена Европы до римского завоевания
13. Восточная Европа. Западное и Северное Причерноморье в эллинистическую эпоху
14. Расцвет рабовладельческих отношений в эпоху Империи
15. Племенной мир Европы до эпохи Поздней империи
16. Эллинистические города и государства Западного и Северного Причерноморья в эпоху Римской империи
17. Упадок Римской империи

Заключение. Роль античного наследия в европейской культуре

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории античного мира начато было еще жившими в древней Греции и Риме историками, проявлявшими исключительный интерес к прошлому и настоящему образу жизни, политическому строю, верованиям, обычаям своих, а часто и чужих народов, так или иначе соприкасавшихся с античными государствами. Недаром греческого историка V в. до н. э. Геродота называют «отцом истории». В последующие эпохи внимание к истории античности не ослабевало. И каждая эпоха в соответствии с господствовавшими философскими, историко-философскими, политическими концепциями по-своему ее интерпретировала. Расширялся и продолжает все более расширяться объем источников за счет поставленных на научное основание раскопок, находок папирусов, между прочим и содержащих отрывки из древних авторов или даже целые их сочинения, успехов лингвистики, расшифровки прежде непонятной письменности и неизвестных языков за счет таких новых возможностей, как аэрофотосъемка отдельных местностей, дающая представление о древнем размежевании земли, границах поселений, плотности застройки. Совершенствуются методы интерпретации источников, их комплексного изучения. О разных сторонах жизни античного мира теперь известно во много раз больше, чем столетие назад.

Но несмотря на многовековое изучение античности, на многочисленные посвященные ей труды, многое в истории античной Европы еще остается предметом дискуссий, многие проблемы еще не нашли однозначного решения, что естественно для всякой развивающейся науки. Дискуссии идут и среди историков-марксистов и между ними и их противниками. Характерная для нашего времени идеологическая борьба проникает и в такую, казалось бы, отдаленную от современности область, как история античного мира. Правда, она всегда служила неким образцом для представителей разных политических течений, черпавших в ней примеры для обоснования своих концепций. Но теперь разногласия среди историков древности связаны не с оценкой тех или иных деятелей или явлений фактов истории Греции и Рима, как то было раньше, а с общеметодологическим подходом к истории античности, например, с вопросом о том, правомерно или неправомочно применение к ней марксистской методологии. Противники марксистов, еще недавно судившие об античном мире по аналогии с миром капиталистическим, теперь обвиняют марксистов в «модернизации». Они видят ее в признании роли экономических факторов; в якобы преувеличении роли рабства и определении античного общества как рабовладельческого; в признании значения классовой борьбы рабов и вообще в определении рабов как класса, а античного общества как классового, тогда как, с их точки зрения, классов там не было, а были «статусы», «спектры состояний», поскольку не было классового самосознания и люди разных юридических статусов (рабы и свободные) могли занимать одинаковое место в процессе производства и иметь сходную идеологию; в применении к античному миру термина «революция», что якобы подсказано примером Французской и Октябрьской революций. Естественно, что такого рода установки ведут к крайне субъективному толкованию источников. Так, некоторые авторы пытаются даже восстание Спартака истолковать как восстание не рабов, а италиков, боровшихся с Римом. А столь субъективное истолкование истории античного мира еще более умножает число дискуссионных проблем.

К первой из таких проблем относится вопрос о том, с какого времени вообще можно говорить о начале античной эпохи в Европе и о роли в это время восточных контактов и восточных влияний, с одной стороны, племенного мира — с другой, поскольку взаимоотношения античных об-

ществ и племенного мира во все эпохи играли то бóльшую, то меньшую, но всегда значительную роль.

Видимо, началом истории античной Европы можно считать возникновение на Европейском континенте среди безбрежного моря племен первых классовых обществ, создавших свои более или менее высокие культуры. Таковыми были царства Ахейской Греции и позже Тартесское царство на юге Иберийского полуострова, хотя значение последнего было неизмеримо меньше. Влияние Финикии, финикийских колоний (наиболее значительной из них был Гадир, римский Гадес, современный Кадикс, основанный около 1100 г. до н. э.) на племена юга Испании не подлежит сомнению. Следы его в разных областях жизни сохранялись до романизации этой области. Сложнее вопрос с Ахейской Грецией. Одни исследователи подчеркивают ее контакты с Востоком и видят восточное влияние в ее искусстве, религии, в самой организации дворцового хозяйства во II тыс. до н. э. и роли дворцов в экономической и политической жизни, сходной с такой же организацией на Востоке. Другие авторы, напротив, считают, что ахейские греки от Востока почти ничего не заимствовали, создали своеобразную культуру, творцы которой, свободные общинники, ремесленники, художники, носители научных знаний, были гораздо менее, чем на Востоке, зависимы от царей, что и сказалось в ином духе созданных ими памятников. Археологические памятники показывают широкие связи и влияние Ахейской Греции на племенной мир Европы. Оно прослеживается на севере Балканского полуострова, на юге Испании, на юге Италии, где было основано несколько колоний, в Лации, где согласно традиции, подтверждаемой археологией и лингвистикой, на месте будущего Рима поселились выходцы из Аркадии во главе с царем Евандром, принесшие некоторые заимствованные римлянами культы и некоторые сельскохозяйственные навыки. Контакты Ахейской Греции, ее влияние были первым соприкосновением классовых обществ Европы с ее племенным миром.

Однако эти общества в конце концов оказались нежизнеспособными. Причины их гибели и влияние их на дальнейшее развитие античной Европы — вторая спорная проблема. Их гибель в XII в. до н. э. приписывали и природным катаклизмам, и внутренней непрочности их строя, и междоусобной борьбе, но большинство исследователей приписывают их гибель нашествию пришедших с севера завоевателей (традиция считает их дорийцами), стоявших на значительно более примитивном уровне и разгромивших не только Ахейскую Грецию, но и ряд восточных государств. В связи с этими событиями возникает вопрос, по существу аналогичный тому, который ставится в связи с событиями неизмеримо более крупного масштаба, происшедшими более полутора тысяч лет спустя, т. е. с гибелью Западной Римской империи под ударами варварских нашествий. Наблюдался ли в обоих случаях полный перерыв в развитии общества — дисконтинуитет, или достижения разрушенных цивилизаций в большей или меньшей степени легли в основу эволюции возникших на их месте социальных и этнических общностей, т. е. можно говорить о континуитете. Одни исследователи считают, что наступившие после гибели Ахейских царств «темные века» практически ничего не сохранили от прошлого; другие полагают, что разрушения не были полными, что, хотя упадок, разрыв старых связей несомненен, многое из достигнутого сохранилось, впоследствии было переработано, развито греками и вошло как важная составная часть в их культуру.

Суждения по поводу континуитета и дисконтинуитета в обоих случаях переключаются с существенной для всей истории античной Европы проблемой соотношения создавших высокие цивилизации классовых обществ с племенным миром, лимитов и предпосылок культурного заимствования, взаимовлияния культур. Как известно, эта проблема одна из централь-

ных в культурологии и вызывает самые различные суждения — от отрицания возможности заимствований одной культуры у другой (исключение иногда делается для заимствований из области техники) до признания значительной роли культурных взаимовлияний как в обществах, существующих одновременно, так и сменяющих друг друга. История античного мира, и в частности Европы, дает широкие возможности для изучения этой проблемы как на материале взаимопроникновения высокоразвитых культур — восточных, греческой, римской, так и этих культур и культур племенного мира, синхронных и диахронных. Связи высоких культур и племенного мира проходят красной нитью через всю историю античной Европы, начиная от контактов Ахейской Греции и Тартесса с окружающими племенами, а затем влияния Греции и Рима на пришедшие им на смену народы.

Самый племенной мир Европы не был однороден ни этнически, ни по уровню развития. Одни племена находились на стадии первобытнообщинного строя, экономика их была примитивной, еще не была достигнута полная оседлость, перемещение с одних мест на другие сопровождалось военными конфликтами, племенные союзы быстро распадались. У других, уже полностью оседлых племен первобытнообщинный строй разлагался: росли производительные силы, ремесло отделялось от земледелия, выделялся родо-племенная знать, появлялись вожди, заводившие свои дружины, подчинявшие соседние племена. Союзы племен, часто объединявшиеся вокруг общих святилищ, становились более прочными. Наряду с поселениями земледельческих общин, строившихся на смешении кровнородственного и территориального принципа, возникали и поселения типа равнин укреплённых городов, где жили ремесленники, организовывались ярмарки, селилась уже накопившая большие, чем рядовые соплеменники, богатства знать, стремившаяся подчинить и эксплуатировать простой народ. У одних племен сохранялась примитивная царская власть, у других — она сменялась правлением родо-племенной знати. Большую роль начинали играть жрецы, руководители культа, хранители тайных религиозных доктрин, а отчасти и практических знаний по астрономии, медицине и т. п. Так формировались сословия жрецов, знати и простого народа, предшествовавшие образованию классов; но большинство сосуществовавших с античными обществами племен, за исключением части фракийцев, до стадии становления классового общества и государства еще не дошли.

С начала греческой колонизации средиземноморского и черноморского побережий отношения с туземными племенами все расширялись, принимали разнообразные формы — военных столкновений, торговых связей, интеграции племен в создаваемые греками государственные образования, как равноправных союзов или зависимых земледельцев, культурных заимствований. Такие связи стимулировали развитие у племен экономики, социальных отношений, политической организации, искусства. Перевес не всегда был на стороне греков, неоднократно терпевших поражения в военных столкновениях и вынужденных идти на неравноправные союзы с племенными вождями. Но в целом античные центры становятся уже не отдельными островками, а связанными между собой компактными образованиями и именно они (чем далее, тем более) определяют ход исторического процесса. Новый этап взаимоотношений античного и племенного мира начинается с формирования римской державы, включившей постепенно в свой состав все европейские территории, примыкавшие к Средиземному морю. Ход римского завоевания и дальнейшую судьбу покоренных племен во многом определяла прочность или разложение у них первобытнообщинного строя. Так, юг Испании, где под влиянием финикийской, а затем греческой колонизации первобытнообщинный строй у иберийских племен значительно разложился, был покорен римлянами

за 12 лет. Остальная часть Иберийского полуострова, населенная кельтиберами и кельтами с крепкими родо-племенными отношениями, завоевывалась 200 лет. Галлия, раздираемая борьбой между племенами и между знатью и закабаляемым ею народом, была обращена Цезарем в провинцию за 10 лет; от попыток же покорить зарейнских германцев, еще не дошедших до стадии острых социальных противоречий, римлянам пришлось отказаться. Соответственно социально-экономическая и культурная романизация племен обуславливалась во многом стадией развития, на которой их застало римское завоевание, их внутренней способностью воспринять римские формы организации и жизни как в базисе, так и в надстройке. В эпоху Римской империи было достигнуто максимальное для древности объединение как античных центров, так и соседних с ними племен, максимальное расширение контактов и с племенами вне империи. Казалось, было достигнуто абсолютное преобладание античного уклада, избавление от вторжения внеимперских племен, прежде постоянно нападавших на античные государства. Однако это преобладание было недолговечно. Уже с конца II в., чем далее, тем более оно переходит к союзам, складывавшимся в племенном мире. Их перевес сказывался и в военном, и в культурном отношении. Начинается так называемая «варваризация» Западной Римской империи. Оживляются местные традиции, культуры, языки, искусство. Когда европейская часть империи переходит под власть варваров, снова встает, как уже упоминалось, проблема континуитета и дисконтинуитета, вклада различных обществ в синтез, легший в основу нового общественного строя, новой культуры, проблема, которая не может быть решена без тщательного анализа взаимоотношений на всем протяжении истории античной Европы между племенным миром и миром античным и выявления закономерностей, регулировавших колебания в таких взаимоотношениях и их варианты.

Важнейшая проблема — это определение того, что собой представлял сам античный мир? Современные исследователи признают, что основу его составляла античная городская гражданская община, греческий полис, римская цивитас (о степени их сходства и различия существуют разные мнения). Для западных историков она выступает в основном как город-государство. Марксистские историки исходят из данной Марксом характеристики лежавшей в основе античной городской общины формы земельной собственности — диалектического единства общей верховной собственности гражданского коллектива на его территорию и индивидуальной собственности его сочленов на их наделы, которыми они владеют как члены этого коллектива при отстранении от прав собственности на землю неграждан. Сложившийся на такой базе строй античной городской общины отличался характерными для нее особенностями: верховной властью народного собрания граждан с правом распоряжения землей и контроля за землей, как общественной, так и частной, которая могла быть отобрана у нерадивого земледельца; с правом принимать законы, избирать магистратов и судей, осуществлять функцию высшей апелляционной инстанции; обязанностью гражданского коллектива обеспечить каждого гражданина землей или иными средствами существования; запрещением поработать граждан за долги или иным путем; равенством граждан перед законом; обязанностью граждан участвовать в военных действиях своего города с правом на часть добычи, принципом, согласно которому наиболее знатные и богатые граждане были обязаны «для общей пользы» нести большие труды и затраты — являться на войну в более дорогом вооружении, вносить в казну большие суммы на военные и другие нужды, активно и безвозмездно участвовать в политической жизни. Соответственной была и идеология граждан, их система ценностей: высшей ценностью была сама община и ее благо, обуславливающие благо каждого гражданина, вне своего города становившегося

бесправным, неимущим, незащищенным изгоем; патриотизм, выражавшийся не только в готовности жертвовать жизнью за родину, но и в высоком уважении к ее прошлому, ее истории, богам и героям, к установленным «предками» традициям, к мнению сограждан как высшей этической санкции; культ свободы, понимавшейся и как свобода политическая, и как экономическая независимость собственника (в первую очередь земли), подчинявшегося только обычаю и закону, установленному «для общей пользы».

Античные гражданские общины были первыми в мировой истории демократиями, и возникли они как в Греции, так и в Риме в результате борьбы народа (греческого демоса, римского плебса) против родовой знати, пришедшей к власти после уничтожения власти царей. Победы демоса и плебса, обусловившие рождение античной демократии, — яркий пример роли народных масс в историческом процессе, пошедшем здесь по другому пути, чем у большинства других народов, стоявших на той же ступени общественного развития. А этот своеобразный путь обусловил и своеобразие греческой и римской культур, постепенно слившихся в одну греко-римскую, античную культуру, основу позднейшей европейской культуры. Ее отличал в первую очередь, так сказать, светский характер, так как при всем значении почитания богов в античном мире не религия, а само общество санкционировало существующий социальный строй и его этику, а значит, не возникала и некая обязательная, якобы освятенная богами догма. Мышление, поиски научного, философского осмысления мира, дискуссии о наилучшем устройстве общества ничем не были стеснены, а активная политическая, гражданская жизнь развивала умение логически рассуждать, познавать психологию людей, человеческую природу, видеть в человеческой деятельности, в человеческой личности ценность, ставшую центром в философии, литературе, искусстве.

Но конституирование античной гражданской общины имело и другое следствие. Запрет порабощения граждан и обеспечение, по крайней мере на первых порах, граждан средствами к существованию (землей за счет установления земельного максимума, выведения колоний, аренды общественных земель, заработками на общественных строительных работах, различными субсидиями и т. п.) снизили крайне возможность эксплуатации сограждан, так что постепенно возрастающая потребность в дополнительном труде могла удовлетворяться только за счет рабов-иноземцев. Так возникло античное рабовладельческое общество, рабовладельческое не только потому, что там было много рабов (попытки подсчитать количество рабов в разных регионах и в разные эпохи дают лишь очень гипотетические результаты), а потому, что по крайней мере в эпоху расцвета античного мира, рабы были столь же необходимым условием его функционирования, как зависимое крестьянство при феодализме, пролетариат при капитализме независимо от его численности.

Становление рабовладельческого общества в Греции и Риме в той или иной мере определяло и пути развития сосуществующих с ними обществ, как включенных в эллинистические царства и Римскую империю, так и оставшихся за их пределами, хотя рабовладельческий способ производства мог и не играть в них большой роли. Но влияние Греции и Рима — эллинизация и романизация — стимулировавшие прогресс техники, организации хозяйства, городского устройства, культуры, действовало в направлении усиления значения рабовладельческого уклада, разделения труда, характерного для цивилизации, основанной на рабстве. Поэтому, мы и имеем возможность говорить об эпохе середины I тыс. до н. э. — середины I тыс. н. э. как о рабовладельческой формации. Как и формации феодальная и капиталистическая, она не была господствующей во всем современном ей мире, но именно она определяла характер

всей эпохи, пути эволюции сосуществовавших с Грецией и Римом обществ, основные, глубинные черты античной культуры, ставшей основой культуры европейских стран средневековья и нового времени. Как уже упоминалось, вопрос о рабстве, о классовой борьбе рабов стал остро-дискуссионным между марксистами и их противниками. Следует отметить, что последние, обвиняя марксистов в «модернизации», не мыслят ни классов, ни классовой борьбы отличными от привычных им форм, сложившихся в обществе капиталистическом, причем на том этапе его развития, когда пролетариат превращается в «класс для себя», с четко выраженной, научно обоснованной идеологией, с ясно выраженной целью коренного переустройства общества. Отсутствие соответственных признаков у рабов приводит противников марксизма к отрицанию их классовой сущности и их классовой борьбы. Не учитывают они и такие моменты, как наличие в докапиталистических обществах, и в частности в античности, классов-сословий и соответственно многослойность сословий, которые не могли выступать как единое целое, и того, что класс со всеми присущими ему признаками формируется в ведущей отрасли экономики, т. е. в античном мире в сельском хозяйстве, где рабы и составляли монолитный класс, влиявший на положение сочленов того же класса-сословия, занятых в других отраслях, но не полностью определявший их положение, и то, что идеологию и борьбу основного эксплуатируемого класса разделяют и другие социальные слои, формы эксплуатации которых и их место в социальной иерархии испытывали более или менее значительное влияние норм рабовладельческого общества. Таким образом, тот подчеркиваемый противниками марксизма факт, что не все рабы участвовали в классовой борьбе, что в ней участвовали и свободные, ничего не доказывает.

Следует также учитывать многоукладность античных обществ, возникших при объединении в одном государстве народов с античными и родо-племенными отношениями. Даже на территории самой Греции первый был ведущим, но не единственным. В ряде областей, начиная со Сиарты, существовали формы эксплуатации, возникавшие у многих примитивных народов в результате завоеваний, когда покоренные, не ставшая рабами, не имели гражданства, прикреплялись к земле и были обязаны своим трудом содержать завоевателей. В Италии, особенно на севере, где было многочисленно кельто-лигурийское население, преобладали сельские общины, а в крупных имениях трудящиеся преимущественно арендаторы-колоны. Тем более ярко выражена была многоукладность в римских провинциях, что обуславливало многообразие форм классовой борьбы. Судить о ее характере и влиянии на ход исторического процесса следует не «вообще», а дифференцированно для отдельных эпох и регионов, с учетом форм и интенсивности эксплуатации трудящихся, форм присвоения прибавочного продукта, положения классов-сословий, в одни эпохи более монолитных, в другие — разлагавшихся, так что сословная принадлежность не совпадала в ряде случаев с местом в производстве и положением в обществе. Для Рима особенно важен цензовый принцип в периоды наибольшего развития товарно-денежных отношений, превалировавший над происхождением, так что «потомки Энея», по словам Ювенала, вынужденные пасти свиней, выбывали из первых сословий, тогда как богатый сын вольноотпущенника мог стать всадником и сенатором.

Классовая борьба рабов в ее разных формах оказывала большое влияние на ход истории. Так, в Риме массовые восстания рабов были одним из существенных факторов, определивших установление империи и создание военно-бюрократического аппарата для подавления выступления рабов. В дальнейшем их пассивное сопротивление обусловило упадок рабовладельческих хозяйств и экономики в целом: уровень развития про-

изводительных сил требовал знающих, инициативных работников, но таких рабов господ считали «мятежными» и боялись их, рабы же не хотели проявлять свои знания и умение. А когда обедневшие граждане стали подвергаться эксплуатации, близкой к эксплуатации рабов, они также опасались проявлять свое искусство и умение («вредит человеку, низко поставленному, превосходить других в искусстве» гласила народная пословица). Естественно, что в таких условиях производство развиваться не могло. И если не считать, что всякая классовая борьба должна быть аналогична классовой борьбе пролетариата, не видеть роли классовой борьбы в античном мире нельзя. Дело лишь в том, чтобы уяснить ее специфику, определявшуюся спецификой того или иного периода истории античного мира.

То же относится и к спорам о возможности и закономерности применения к античному миру термина «революция», особенно при переходе от античности к феодализму. В нашей литературе и литературе социалистических стран проблема революции в конце античности обсуждалась неоднократно. Высказывались различные точки зрения: на роль классовой борьбы и внешних войн, на то, какие классы можно считать носителями новых отношений, а какие уходящими в прошлое, на степень вызревания элементов феодальных отношений в рамках империи и т. п. Но сомнений в революционном характере перехода от античности к феодализму, в общем, не высказывалось. Видимо, для суждения о нем следует исходить из неоднородности социально-экономического строя разных регионов империи, что обуславливало и неоднородность процессов, пошедших к смене формаций, и их длительность. В укладах, где привнесенные Римом отношения не пустили глубоких корней, хотя и влияли разлагающе на отношения, господствовавшие у покоренных племен, элементы феодализации и новые классы формировались быстрее, развивались новые формы классовой борьбы — между закабалемыми крестьянами и крупными землевладельцами, причем и те, и другие периодически вступали в союзы с варварами, что облегчало победы последних. Античный уклад, связанный с античной формой собственности и эксплуатации рабов, приходил в упадок, но внутри него предпосылки для перехода к новым отношениям развивались слабо и тормозились. Дело осложнялось как переплетением укладов, так и борьбой между ними, попытками государства опереться то на один, то на другой имущий класс, постепенным объединением против императорской власти и бюрократического аппарата разных классов, социальных слоев, предпочитавших менее обременительную власть варварских вождей. То обстоятельство, что империя, хотя и объединенная политически, не была единым целым, обуславливало, во-первых, одновременность крушения римского господства в разных регионах Европы в зависимости от конкретных исторических факторов, так что революция здесь не могла быть единовременным актом. Во-вторых, поскольку условия для перехода к новым отношениям в основном вызревали вне античного уклада, ведущим революционным классом не могли быть ни рабы, хотя они активно участвовали в классовой борьбе крестьян, ни бывшие некогда опорой империи собственники расположенных на городской территории рабовладельческих вилл. Носителями новых отношений становились земельные магнаты (имения которых были изъяты из городских территорий), принадлежавшие к сословию сенаторов (предоставленное сенаторам право изымать свои земли из ведения городов положило начало созданию сословной собственности), и крестьяне, объединенные и не объединенные в общины, еще свободные или стоявшие на разных ступенях зависимости. Все эти моменты обусловили своеобразие «эпохи войн и революций» в конце античности. Но что же все-таки при всем своеобразии дает нам право говорить о революции? Во-первых, результат происходивших событий, т. е. победа но-

вых производственных отношений, новых форм собственности и эксплуатации, хотя, конечно, многое и на длительный период сохранялось от старого. Во-вторых, крушение старой государственной власти, замененной другим типом государства, созданного варварами. В-третьих, самый характер перехода, совершавшегося в острой борьбе между классами старых и новых укладов и внутри них, а также против римского государства. Тот факт, что в этой борьбе активно участвовали варвары, как составлявшие уже значительную часть населения империи, так и вторгавшиеся извне, дела не меняет, так как и войны могут быть революционным фактором, если ведут к смене одной формации другой.

Спорен также вопрос о возможности определять как «революцию» некоторые коренные перевороты, имевшие место в рамках античного мира, особенно вопрос о характере перехода от Римской республики к Империи. Одни исследователи, ссылаясь на то, что способ производства остался неизменным, не считают возможным говорить о революции. Другие, исходя из сопровождавшего и обусловившего этот переход массового движения крестьян, восстаний рабов, гражданских войн в Италии, распространившихся и на провинции, считают, что говорить о революции допустимо, так как революции (например, во Франции в 1848 г.) могут и не приводить к изменению производственных отношений, но имеют результатом расширение или изменение состава господствующего класса, изменение политического строя, а все это имело место и при установлении империи.

Упомянутая проблема тесно связана с другой, более общей и тоже спорной: о судьбе на протяжении истории античного мира полиса, античной гражданской общины. Многие исследователи считают, что греческий полис в IV в. до н. э., римская *цивитас* в I в. до н. э. приходят в состояние кризиса, что было одной из важных причин возникновения античных монархий: эллинистических царств, Римской империи. До недавнего времени одним из капитальных признаков кризиса греческого полиса (отчасти по аналогии с Римом) считали обезземеливание крестьян и концентрацию земельной собственности. Однако последние исследования показали, что по крайней мере в Аттике даже считавшиеся крупными имения были невелики, а среднезажиточное крестьянское население оставалось многочисленным. Другие кризисные явления видят в развитии товарно-денежных отношений, рабства, возрастании в экономике роли лиц, не принадлежавших к гражданству, в некотором нарушении взаимосвязи прав гражданства с правом владения землей на территории полиса, в ослаблении полисного патриотизма, что вело к замене ополчения граждан наемниками, в обострении борьбы между демократией и олигархией, в стремлении к более широкому межполисному объединению вплоть до готовности войти в состав эллинистического царства, хотя, и войдя в него, полисы и их союзы старались сохранить известную независимость и автаркию. Однако не все историки считают, что такие явления можно безоговорочно считать симптомами кризиса полиса, если говорить не о каком-либо отдельно взятом полисе, который мог прийти в упадок, а о гражданской общине как основной структурной единице античного мира. Некие изменения в полисе, как и во всяком «социальном организме», шли непрерывно, но были ли они в IV в. до н. э. достаточно коренными, чтобы можно было говорить о кризисе? Само понятие кризиса в применении к обществу, не кризиса временного и преодолеваемого без изменений сущности общества, а кризиса в его рамках непреодолимого, видимо, предполагает переход ряда присущих обществу базисных и надстроечных характеристик в их противоположность (как, например, при империализме как кризисной стадии капитализма). Как расценить кризис полиса в IV в. до н. э. с такой точки зрения? Нельзя не учитывать, что античная гражданская община оста-

валась ведущим образованием и в эллинистических царствах, и в Римской империи. Правда, она уже потеряла политическую независимость. Но решающим это соображение может быть, если определять полис в первую очередь как «город-государство». Такое определение, однако, не передает специфику полиса. Во-первых, неясен вопрос, в какой мере греческую и римскую общину в период их расцвета можно в полной мере считать государством. Во-вторых, города-государства были на древнем Востоке, в средние века, их считают возможным видеть у древних майя, у йорубов, так что такое определение может быть приложено к ряду городов любого докапиталистического общества, оно ничего не говорит о его характере, а специфика общества исчезает. Но если исходить из вышеприведенных обязательных признаков античного города, то они, хотя и с теми или иными модификациями, сохраняются до полного разложения античного мира, и самое умножение числа городов в разных районах было надежнейшим свидетельством распространения в них античного способа производства и античной культуры. Что касается Рима, то он действительно перестал быть гражданской общиной с размытием крестьянства, бывшего ее основной опорой, с распространением римского гражданства на всю Италию, с превращением Рима в столицу мировой державы. Но и ее оплотом были распространявшиеся по провинциям городские общины, копировавшие по их социально-экономическому и политическому строю римскую цивитас. Видимо, для Греции следует различать политический кризис классического независимого полиса, сопровождавшийся обострением имущественного неравенства и борьбы между различными социальными слоями, выступавшими одни за олигархию, другие за расширение демократии, за сохранение или преодоление полисной автаркии, и экономическое положение в полисе, которое могло даже улучшиться за счет роста производительных сил, дальнейшего разделения труда, применения труда рабов на наиболее трудоемких работах (например, в рудниках), расширения торговых связей. Но, повторяем, вопрос о кризисе полиса остается дискуссионным.

Предметом длительной дискуссии в нашей науке служит проблема эллинизма. Самый этот термин в значительной мере условен и был в прошлом веке введен для обозначения культуры, возникшей из синтеза греческих и восточных начал после завоевания востока Александром Македонским и образования там управлявшихся его преемниками царств. Впоследствии термин «эллинизм» получил более широкое значение, не только культурного, но и социально-экономического синтеза отношений, существовавших на Востоке и привнесенных греками. Греческими были основывавшиеся и поддерживавшиеся эллинистическими царями полисы, туземными — более или менее зависимое земледельческое население, сидевшее на землях полисов (без права гражданства в них), царей, храмов, приближенных правителя; большее или меньшее значение сельских общин; развитой бюрократический аппарат. Одни историки видели и видят в эллинизме определенный этап развития как греческих полисов, преодолевавших свою замкнутость, так и покоренных греками восточных стран, где уже развивались и города, и рабство, и экономика в целом. Эти исследователи подчеркивают большое значение восточного элемента в формировании синтеза, выступая против преувеличения роли греков в складывавшихся новых формах. Другие авторы отрицают толкование эллинизма как закономерного этапа в истории древности, определяют его как некое «конкретно-историческое явление», подчеркивают, что эллинистические царства были не единообразны, каждое имело свою специфику, общими были только некоторые черты в экономике и культуре. Некоторые понимают эллинизм расширительно, считая возможным видеть его и там, где греко-македонское завоевание не имело места, но где в результате взаимодействия греков из колоний и

туземного населения сложились характерные для эллинистических государств элементы: греческие полисы, туземное население и царская власть. В общем, проблема эллинизма еще не решена и, видимо, еще не раз будет предметом обсуждения.

Недостаточно выяснен и вопрос о войнах, в конце концов приведших к образованию античных монархий. Войны свойственны различным формациям, но, очевидно, в каждой формации вызываются всей ее спецификой и спецификой отдельных ее эпох. Часто приводившееся в работах по античности утверждение, будто войны тогда вызывались торговой конкуренцией, борьбой за рынки сбыта, основано на аналогии с колониальными войнами при капитализме, преувеличении роли торговли в античности и невнимании к разнице между результатами капиталистических и, например, римских войн: в первом случае экономический прогресс в колониях тормозился, в метрополиях ускорялся, в Римской же империи производство развивалось в провинциях и приходило в упадок в Италии. Не подтверждается и бытовавшее у нас представление, что войны велись для добычи рабов. Видимо, в различные периоды и в разных античных обществах причины войн были различны. На первых, примитивных этапах они, как и войны племен, имели целью захват земли и добычи. Аналогичные цели оставались и впоследствии, приняв, однако, более сложные формы. С одной стороны, наиболее демократические общины стремились обеспечить граждан индивидуальными земельными наделами и необходимой для функционирования хозяйства общественной землей, а также средствами на частные и общественные нужды, что, например, приводило Афины к эксплуатации своих союзников и подавлению их сопротивления. С другой стороны, хотя распространение рабства первоначально обеспечивало усовершенствование как сельского хозяйства, так и ремесла, дававший ведущей отрасли экономики — земледелию доход, особенно по мере роста роли денег в экономической и социальной жизни, никогда не был достаточно высок, чтобы обеспечить расширенное воспроизводство и потребности общества в целом. Рабовладельческое хозяйство постоянно нуждалось в притоке ценностей извне, за счет подчинения и эксплуатации других обществ, путем захвата добычи, взимания дани, ростовщических операций, неэквивалентного обмена, что неизбежно вело к войнам. Целью было и стремление завладеть областями, богатыми разными ресурсами. Так, борьба за испанские серебряные рудники играла немалую роль в войнах между пунами, греками и римлянами; страны с малопродуктивной землей старались получить доступ к территориям, богатым зерном, и т. д. Возникновение разделения труда между странами и районами с разными природными условиями обуславливало объективную тенденцию к объединению их, а также к превращению внешней, в основном племенной, периферии (грабить которую можно было лишь ценой тяжелых войн) во внутреннюю, эксплуатируемую более упорядоченно и с меньшими затратами сил. Объединительные тенденции могли проявиться в создании мирных союзов, но в большинстве случаев вели к войнам. Кандидатами в объединители выступали разные города, государства и их правители, в частности Македония. Но как бы ни трактовать эллинизм в целом, в Европе за неимением внеполисного населения эллинизм приобретал особые формы, полисы были более независимы, власть царей слабее, и объединить под своей властью европейское Средиземноморье они не смогли. Эту роль сыграл Рим. При рассмотрении его успехов, очевидно, надо иметь в виду и третью причину античных войн: в силу особого значения политики внешние войны постоянно переплетались с гражданскими, с борьбой в городах и у разных племен демократии и олигархии, народа с родо-племенной знатью, причем противники извне неизменно поддерживали одну из борющихся сторон, находили в ней опору и союзника, победив, приводили ее к вла-

сти и репрессировали ее врагов. Подобную тактику освоил и Рим, позже, чем Греция, вышедший, так сказать, на «международную арену» и после уравнивания сословий имевший наиболее сплоченный коллектив граждан, земледельцев и воинов, непосредственно заинтересованных в земле и добыче, вдохновляемых идеей миссии Рима править всем миром. Демократизируясь внутри, Рим во внешних войнах, вмешиваясь в конфликты между знатью и народом, неизменно поддерживал знать, что помогало ему и в завоеваниях и в подавлении антиримских восстаний.

Острейшие дискуссии, породившие необозримую литературу, вызывают проблемы христианства — такие, в частности, вопросы, как историчность его основателя и его учеников, время написания различных христианских книг и степень их достоверности, состав ранних христианских общин, суть и роль раннего христианства — служило ли оно интересам высших классов, отвлекая массы от борьбы надеждой на загробное блаженство, или, напротив, раннехристианская идеология была «революционно-демократической» (В. И. Ленин) и, отвергая все официальные ценности, включая императорский культ, способствовала подрыву «моральной опоры» империи, кризису ее идеологии, подчинявшей подданных власть имущим. Ни один из этих вопросов не получил бесспорного решения. Но, видимо, несомненно, что христианство в наибольшей мере отвечало чаяниям и исканиям простого народа, что и обусловило его распространение в восточных провинциях, Риме, Италии. Только с изменением состава общин, а затем благодаря союзу с государством церковь становится на многие века средством подавления и принуждения трудящихся.

Таковы некоторые наиболее важные проблемы, стоящие перед исследователями истории Европы в античную эпоху, проблемы, еще не нашедшие общепризнанного решения, но по возможности освещенные авторами предлагаемых разделов данного тома.

РАННИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЛЕМЕННОЙ МИР НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЫ

Глава 1

ГРЕЦИЯ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ РАННЕКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА (XXX—XII вв.)

В XXX—XII вв. на Балканском полуострове сложился ряд самобытных земледельческих культур, характеризующихся широким и разносторонним употреблением бронзовых орудий. Результатом был значительный подъем экономики, сопровождавшийся сдвигами в общественном строе.

Наиболее интенсивные процессы происходили в социальной жизни племен Элады, где имела место смена установлений первобытнообщинного строя институтами раннеклассового общества. Исходя из этого коренного перелома в развитии южнобалканских племен, теперь возможно установить историческую периодизацию их прошлого. Археологическая периодизация эпохи бронзы в Греции приобрела ныне вспомогательное значение¹.

1. ПЛЕМЕННОЙ МИР ГРЕЦИИ

В 3000—2000 гг.

Многоотраслевое хозяйство жителей греческих земель развивалось в сложных естественных условиях. Суровый климат высокогорных областей резко контрастировал с мягкими природными условиями долин Средней и Южной Греции и многих островов. Гористый рельеф всей страны допускал обработку лишь ограниченного массива земель. Около 3000 г. в производственной жизни страны произошло важное качественное изменение: металлургия, обработка камня и, несколько позднее, гончарное дело вышли из рамок домашних занятий и превратились в отрасли специализированного ремесла, что означало усиление производственного обособления среди членов каждой общины.

Естественно, что прогресс технологии в металлургии, обусловленный изобретением бронзы, оказал важное воздействие на все хозяйство страны. В XXX—XXVII вв. бронзовые орудия вошли во всеобщее употребление, что определило повышение производительности труда в земледелии, ремеслах и промыслах. Теперь более ясно сказались различия в материальных ресурсах материковых земель и островов, отсюда усилилась неравномерность их исторического развития.

В III тыс. заметные достижения характеризовали материальную культуру населения Кикладских островов. Традиционные морские промыслы и меновая торговля у этих племен получили теперь особое развитие благодаря быстрому подъему судостроения и мореходного дела. Это нашло отражение в произведениях искусства кикладян. Уже в 2800—2400 гг. обитатели островов строили многовесельные корабли с высоким носом. Их

¹ Период бронзы в Элладской культуре делится на фазы: ранняя — около 3000—1900 гг.; средняя: 1900—1550 г.; поздняя: 1550—1200 гг. Археологи именуют материальную культуру бронзы на материке Элладской, на островах — Кикладской, на Крите — Мийской.

вытянутые, имевшие иногда до 17 рядов гребцов суда могли развивать быстрый ход. Бесспорно, постройка и управление столь крупным судном предполагали основательное знание многих правил навигации.

Для населения гористых островов, обладавших скудными полевыми угодьями, усиленное развитие морского дела было издавна жизненно необходимым: в обмен на свое минеральное сырье (например, обсидиан и мрамор) они привозили с материка и крупнейших островов недостававшее им продовольствие. Интенсивность натурального обмена возрастала по мере роста населения и развития ремесел. Уже в XXVI—XXII вв. кикладяне создали весьма яркое специализированное художественное ремесло, изготавливая из мрамора характерные статуэтки и сосуды. Изделия кикладских ремесленников в большом числе встречаются не только в прибрежных землях материковой Греции или на отдаленных островах, например на Крите, Самосе и Лемносе. Кикладяне продолжали давние связи с чужеземными племенами совсем близкой Троады в Малой Азии, с обитателями северо-западных областей Балканского полуострова и более далеких земель Подунавья. Находки кикладских изделий свидетельствуют о том, что к XXII в. мореходы из Эгейского моря плавали и в Адриатическом море, а к 2000 г. их суда достигали Балеарских островов и Восточной Испании.

Интенсивное развитие производительных сил, заметное в XXX—XX вв., показывает, что этому прогрессу еще не мешало традиционное племенное устройство, хотя наблюдается рост имущественной дифференциации внутри родовых сообществ. Возникавшая разница в положении отдельных групп внутри племени еще не влияла серьезно на общественный строй. Вместе с тем в обществе возникали явления, которые неизбежно должны были подрывать устои первобытнообщинного строя. Это четко заметно на островах, жители которых в силу ограниченности аграрного фонда все более расширяли ремесла и мореходство. В 2800—2200 гг. там возникли крупные племенные центры, имевшие характер протогородских поселений. Таков на Лемносе городок Полиохни, окруженный массивными стенами. На Лесбосе жители Ферми также возвели крепостные стены. С XXVI в. обитателями Сирося и Накоса были сооружены еще более мощные укрепления: стены и ворота имели многие массивные башни, а перед главной крепостной стеной тянулась вспомогательная стена, на которой осажденные встречали первый натиск нападавшего врага. Характерно, что на Кикладских островах внутри укреплений находились только однотипные жилища. Это говорит о наличии племенной демократии, еще не допускавшей особого выделения домов вождя и родовладык. Правда, в погребениях членов одного и того же рода теперь у кикладян заметно растущее имущественное различие.

Экономическую дифференциацию внутри родо-племенных сообществ усиливали военные столкновения. История населения ранней Греции отличается от истории многих европейских племен тем, что в III тыс. значительная часть вооруженных конфликтов происходила прежде всего в приморских землях. Это придавало особый оттенок социальному развитию, так как с морем была связана значительная часть населения. У этих племен развивающаяся из родового строя военная демократия² приобрела специфический характер, поскольку их военный промысел был тесно связан с мореходством. Развитие ремесел и заморского обмена, рост специализации и профессиональных различий работников неизбежно вели к подрыву имущественного равенства внутри родовых общин, к накоплению личного и семейного имущества, а военно-морской промысел доставлял все новые возможности для индивидуального присвоения. В первую очередь обогащались удачливые предводители военно-морских

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 164.

экспедиций и их дружинники. Появление такого особо зажиточного слоя засвидетельствовано развитием ювелирного ремесла, широко распространившегося в приморских землях Эллады во второй половине III тыс.

Наряду с морским разбоем росло и торговое мореходство — соседние с Грецией страны нуждались в ее естественных богатствах и ремесленных изделиях. Уже в XXV—XXII вв. критские мореходы посещали Ливию, Египет и достигали Кипра. Видимо, спрос на продукцию критских гончаров в заморских краях был значителен. Большой скачок в динамике этого специализированного ремесла связан с переходом от медленного к быстро вращающемуся гончарному кругу. Критяне ввели названное техническое усовершенствование около 2200 г., что позволило им выпускать более многочисленную продукцию.

В материковой части Эллады углублялось различие в развитии глубинных областей и побережий. Обитавшие в плодородных приморских районах племена раньше испытали общественные последствия растущей имущественной дифференциации. Эти процессы пока лучше всего исследованы в Пелопоннесе, особенно в Арголиде. Там около 2600 г. выделился протогородок Лерна, расположенный на берегу Навплийского залива. На искусственно выровненной вершине холма здесь прежде всего была возведена оборонительная стена. Она состояла из двойного ряда каменных стен, заполненных бутом и соединенных внутри перегородками, и башен, подковообразных в плане. Эта техника фортификаторов Лерны аналогична приемам кикладян, например строителей стен на о. Сиросе. Первоочередность оборонительных сооружений в Лерне указывает, что обитавшее здесь племя поставило задачу сначала создать мощное укрепление. Лишь несколько позднее в центре крепости было возведено массивное прямоугольное здание — жилище вождя. Вокруг располагались просторные дома рядовых лернейцев. Общий вид этого городка-крепости создает впечатление, что в XXV—XXIII вв. здесь находился военно-административный центр крупного племени. Возглавлявший его в эти века знатный род из поколения в поколение накапливал богатства, хранившиеся в многочисленных кладовых.

По-видимому, вожди-царьки Лерны опирались не только на силу своих дружин. Они обладали и сакральной прерогативой — хранили священный очаг и исполняли важные религиозные обряды.

Строительная деятельность в Лерне говорит о том, что правивший там род активно использовал достижения зодчих для усиления своего авторитета. Уже в начале XXII в. было начато сооружение нового дома правителя. Это монументальное двухэтажное здание площадью внизу около 25×12 м. Крыша его была покрыта черепицами (отсюда его современное название — Дом с черепичной крышей).

План сооружения свидетельствует о масштабности замысла заказчиков и планировщиков: лернейский царь начал возводить настоящий дворец, сохраняя, однако, традиционный план жилых домов. Но этот давний принцип планировки теперь был применен для сооружения жилища правителя-династа, уже обладавшего властью, намного превосходившей полномочия вождя племени. Дворец состоял из многочисленных помещений — главного зала (мегарона) и меньших комнат, коридоров и лестниц, ведущих на верхний этаж. Здание включало крупные хранилища натуральных продуктов. В кладовых лернейского дворца стояли глиняные сосуды и деревянные ящики, которые служители опечатывали своими клеймами. Найдены многие десятки различных по рисунку оттисков таких штампов. Это значит, что обширный круг лиц нес ответственность за сохранность царского имущества. Возникновение в Лерне столь характерной резиденции династа говорит о том, что здесь приблизительно к 2200 г. завершился процесс перерастания власти племенного вождя во

власть царя. Тем самым органы военной демократии оттеснялись на второй план, трансформируясь в звенья царской администрации.

Ранняя лернейская монархия просуществовала недолго — между 2200 и 2150 гг. дворец погиб от пожара во время нападения и не был восстановлен. Царство в Лерне осталось единичным явлением в политической истории ранней Греции — видимо, в остальных районах страны родовой строй в XXIII—XXII вв. был еще настолько прочен, что органы племенного самоуправления успешно пресекали попытки отдельных вождей добиться исключительной власти. Следует заметить, что географическая изолированность земель многих племен, несомненно, способствовала замкнутости каждого сообщества. Это должно было усиливать прочность внутренних устоев племен. Ведь нормы внутриплеменной организации были детально разработаны. Данные о жизни греческих племен в I тыс. до н. э. и сведения сравнительной этнографии позволяют предполагать, что и в III тыс. жизнь членов племени была строго регламентирована племенным обычным правом. Его предписания, передававшиеся устно, соблюдались неукоснительно: ведь эти нормы обеспечивали положение каждого члена общества и жизнеспособность всего племени.

Сосуществование многих племен требовало устойчивых правовых принципов межплеменных контактов. Большую роль играли союзные отношения — они сплачивали племена в объединения, не только временные, но и более постоянные. Помимо союзных, существовали и простые культурно-экономические связи жителей, особенно заметные в географически ограниченных областях. Но военные столкновения были столь же обычными. Эволюция военной демократии, особенно в приморских землях, сопровождалась возрастающей имущественной дифференциацией. Она была лучше заметна в более плодородных областях. Там появлялись особо процветающие племенные центры, например на Крите в 2400—2100 гг. четко выделился протогородок Мохлос. Около 2100 г. в жизни критских племен наступил краткий период военных столкновений. Затем история Крита в XXI—XX вв. протекала более мирно, что позволяет предполагать возникновение устойчивых межплеменных связей на острове.

Для начала II тыс. характерны заметные социальные сдвиги, так как росло число особо имущих семей. На острове начинают широко употребляться индивидуальные печати из камня и слоновой кости. Масовое изготовление таких знаков личной собственности свидетельствует о росте экономического потенциала родо-племенной аристократии.

В отличие от островных земель в некоторых материковых областях в конце III и начале II тыс. происходили многие военные столкновения. В настоящее время наука еще не располагает точной картиной расселения различных племен на юге Балканского полуострова в эпоху Ранней бронзы. Предания самих греков, приводимые Фукидидом (I, 2), говорят о многих передвижениях жителей из скудных районов в более плодородные области. Эти древнейшие племена уже имели свои языки и наречия (в большинстве они принадлежали к индоевропейскому этническому массиву). Особенно значительными были греческие и родственные им племена пеласгов; последние обитали в областях Средней и Южной Греции, а греки населяли преимущественно Фессалию, Эпир и южные районы Иллирии.

Примерно в конце III тыс. быстрый рост населения в Фессалии вынудил часть обитавших там греческих племен переселиться в южные земли. Иногда это приводило к военным столкновениям, так что некоторые пеласги были оттеснены в западные земли Греции, особенно в Эпир. Там в Додоне находилось их святилище Зевса Пеласгского, чтимого эллинами во все периоды древности. Но передвижения коснулись не всех пеласгов. Ряд их племен остался в Аргосе, Аркадии, Аттике и на неко-

торых островах. Греческая легендарная традиция и эллинские историки классического периода сохранили много сведений о пеласагах и других небольших племенах, с течением времени влившихся в греческий массив. Этническая близость передвигавшихся племенных групп сказалась в том, что взаимопроникновение старых и новых культурных традиций происходило по всей стране довольно быстро и не замедлило поступательного движения экономической жизни: в начале II тыс. в Элладе заметно дальнейшее развитие сельского хозяйства, промыслов и ремесел.

В островной части страны, не затронутой переселенческим движением, происходили более интенсивные общественные сдвиги. В XIX—XVII вв. на многих островах возникли настоящие города с четкой планировкой. Большинство их находилось на берегах удобных заливов, окруженных плодородными землями. Известны города на Крите, Кеосе, Паросе и Мелосе.

Город Агия-Ирини на Кеосе был защищен массивными каменными стенами, древнейшие башни которых имели апсидальный план, подобно раннекикладским крепостям середины III тыс. В XIX—XVIII вв. укрепления Агия-Ирини были расширены. В городе имелось крупное святилище, возведенное еще около XXI в.

В островных городах существовало развитое производство, о чем свидетельствует высокое качество изделий простых ремесленников и произведений художественного ремесла. Росписи сосудов сохраняют раннекикладские традиции, однако в них находят отражение и мотивы искусства материковых племен, и своеобразные вкусы критян.

2. ОБЪЕДИНЕНИЕ КРИТСКИХ ЦАРСТВ

В XX—XVIII вв.

История Крита, самого крупного острова Эгейского моря, приобрела особые черты после 2000 г.

Для материальной культуры Крита этого времени характерно разнообразие и творческое развитие старинных и новых культурных традиций. Ее памятники красноречиво свидетельствуют о происходивших в племенном мире критян процессах.

Теперь накопление имущества заметно не только у племенной знати, но и у части рядового населения. Естественным результатом было ослабление кровно-родственных связей, о чем бесспорно свидетельствуют критские некрополи XIX—XVIII вв. — в них получила почти повсеместное распространение практика индивидуальных захоронений. Лишь в некоторых районах продолжал сохраняться обряд захоронения в старинных усыпальницах всего рода. В это время во многие могилы клали печати — новый феномен в общественных представлениях, отражавший широкое признание права отдельного человека на его имущество: понятие индивидуальной собственности переносили уже и в загробный мир. На печатях встречаются изображения кораблей весельно-парусного типа. Несомненно, что именно развитие морской торговли способствовало быстрому обогащению связанных с ней людей. Данные о появлении значительной группы такого имущего населения бесспорны. Например, жилые дома богатых критян в XVIII в. до н. э. представляли собой добротные двух- и трехэтажные каменные или сырцовые здания. Очевидно, внизу были кладовые, наверху — жилые комнаты.

Рост имущественного неравенства, обогащение племенной знати ускорили социальную дифференциацию. Интенсивнее всего этот процесс шел в наиболее плодородных областях Центрального Крита. Там наметились и политические сдвиги: главы тамошних племен около 1900 г. уже составляли устойчивый тесный союз. Отношения членов этого объединения были столь тесными, что три династические семьи предприняли одновре-

менную реконструкцию акрополей в старинных центрах своих племен. Расположенные на труднодоступных высотах акрополи Кносса и Малии на севере и Феста на юге острова приобрели теперь особый вид и значение. Характер этих ранних сооружений выяснен не полностью, так как около 1700 г. катастрофическое землетрясение на Крите привело старые дворцы к гибели, как и многие селения. Изучение остатков древнейших дворцов показало, что строители Кносса, Малии и Феста уже в XIX—XVI вв. руководствовались общими архитектурными принципами. Каждый комплекс состоял из нескольких групп строений, расположенных вокруг центрального и двух боковых дворов. Все сооружения имели четкое специализированное назначение — жилые помещения на центральных местах акрополей, в стороне — мастерские гончаров, металлургов и других ремесленников, а также вместительные кладовые, где хранили зерно, оливковое масло и вино в искусно выделанных сосудах — пифосах, нередко имевших высоту свыше 1 м.

Уровень благоустройства на акрополях достаточно высок: дороги к воротам комплекса, внутренние дворы и проходы были аккуратно вымощены плоскими каменными плитами. Хорошо продуманная дренажная система выводила по каменным каналам с каждого акрополя вниз к подножию холма дождевые и сточные воды. О мастерстве критских строителей можно судить по остаткам великолепного водопровода того времени, открытого в Кноссе: тщательно соединенные керамические трубы длиной каждая около 0,75 м доставляли на акрополь воду из источника, находившегося в 10 км к югу от Кносса. Сооружение такой протяженной линии показывает, что на кносском акрополе часто находилось одновременно большое число людей, которым было необходимо доставить питьевую воду. Остатки помещений, коридоров и лестниц свидетельствуют о высококачественном строительном деле. Возводившие их мастера в совершенстве обладали техникой каменного зодчества.

Все три резиденции получили в научной литературе наименование «ранних дворцов». Очевидно, что каждый акрополь, возвышавшийся над нижним городом, объединял жилище царя и важные производственные сооружения.

Не только возведение обширных кварталов на акрополях, но и ведение там хозяйства требовали большого количества труда. Вероятно, некоторые операции выполняли военнопленные, превращенные в рабов. Но число таких работников зависело от военных успехов. К тому же смертность этого слоя должна была быть очень высока, а время работоспособности — не столь велико. Ценность сырья и сложность технологии, естественно, делали основной фигурой среди работников на акрополях свободного общинника. Это делает понятным тот высокий уровень благоустройства, которым отличаются производственные помещения на акрополях.

Концентрация части ремесленного производства и создание крупных хранилищ на акрополях отразились на традиционных представлениях о роли носителя верховной власти, а также о значимости отдельных, особо искусных свободных мастеров. Появившиеся временами в династическом роде особо инициативные и честолюбивые правители активно использовали все более усложнявшийся механизм экономической жизни для расширения своих полномочий в ущерб авторитету традиционных общеплеменных органов власти. Особенности критского хозяйства доставляли большие возможности для реализации таких устремлений. Развитие морских промыслов и рост приморских поселений требовали организации военной охраны прибрежных земель, которые подвергались частым нападениям. Для борьбы с морскими разбойниками необходимы были быстроходные корабли, постройка и эксплуатация которых являлись делом сравнительно небольшой группы работников. Организация

труда корабелов и мореходов, естественно, сосредоточивалась в руках династов. Флот был нужен также и для доставки на остров некоторых видов необходимого сырья, а в годы стихийных катастроф — и продуктов питания.

Все это неизбежно вело к выделению особого слоя мореходов. Такие профессионалы, обладавшие сложными специальными знаниями, были непосредственно связаны с царями. Специфика их деятельности вносила новые черты во взаимоотношения главы племени с этим оторванным от земли населением. К тому же стихийный профессиональный отбор отчасти отрицал принципы родовой принадлежности моряков. Таким образом, на Крите создавались благоприятные условия для возникновения новых общественных групп в составе племени и новых видов связей среди его членов. Естественно, что усложнение функций племенного главы и расширение столь специфической сферы применения его власти, как руководство военно-морскими силами и управление мореходно-торговым промыслом, значительно ускорили сложение основных институтов царской власти в наиболее развитых обществах Крита. Ряд находок на акрополях Кносса, Маллии и Феста показывает, что в XIX—XVIII вв. правители этих земель обладали изысканными художественными произведениями. Следовательно, для возвеличения царской власти были умело использованы лучшие творческие силы каждого центра. Это говорит о напряженном стремлении к единоличной власти ранних царей на Крите. Однако там не сложились условия для формирования царского деспотизма. Видимо, древние нормы племенного права, сохраненные правовой практикой сельских и ранних городских общин и суровыми законами военно-мореходного быта, явились устойчивой преградой властолюбию царей. Поэтому акрополи в Кноссе и союзных с ним царствах продолжали оставаться местом деятельности общеплеменных ремесленников и средоточием амбаров. Однако скоро эти материальные факторы стали служить не столько всему племени, сколько династическому роду.

Царь уделял особое внимание организации специализированных ремесленных мастерских на акрополе. Трудившиеся там мастера обслуживали династов и, вероятно, знать племени. Но большая масса производимых изделий уже предназначалась для внешнего обмена. Роль верховного организатора производства предоставляла царям широкие возможности самовольного распоряжения значительными по тому времени материальными ресурсами. По-видимому, первые критские цари хорошо понимали необходимость соблюдения некоторых норм племенного права и соответственно приспосабливали свои резиденции к проведению торжественных общеплеменных церемоний. Внешние дворы всех трех ранних царских усадеб были рассчитаны на проведение праздников, совещаний царя с главами племен и общеплеменных народных собраний. Но наряду с гентильной знатью в этих обсуждениях должны были авторитетно звучать голоса представителей крупных профессиональных групп (мореходов, металлургов, хранителей складов и амбаров и т. п.), связанных с внешней экономической деятельностью критян, которая находилась в преимущественном ведении царя и его приближенных.

Управление ремесленным производством, находившимся на высоком уровне, каким оно было в ведущих критских центрах XIX—XVIII вв., составляло отнюдь не простую задачу. Одаренные мастера изготавливали изделия, не только потреблявшиеся аристократией острова, но и завоевавшие признание в чужих странах.

Показательна в этом смысле полихромная керамика стиля Камарес (она названа так по деревне, где впервые нашли такие вазы). Сосуды стиля Камарес изготавливались между 2000 и 1700 гг. в Кноссе, Фесте и Маллии и, видимо, относились преимущественно к дворцовой посуде. Весьма различающиеся по формам и размерам, эти вазы отличаются беспор-

ной общностью художественной традиции. Поколения вазописцев, работавших около 300 лет в рамках единой школы, обладали высоким профессиональным мастерством. Об этом говорит их исключительно тонкое умение сочетать форму и роспись сосудов, причем рисунок иногда дополняли рельефными украшениями. Но особенно важно в стиле Камарес стремление мастеров претворить в художественных образах растительные и животные мотивы. Это обращение к живой природе говорит о качественном сдвиге в духовном мире, происходившем в условиях сохранения традиционных геометрических мотивов. Так, столь излюбленная в кикладском искусстве предшествующего времени спираль в творчестве мастеров стиля Камарес обрела еще большее распространение. Проникновенное видение окружающего мира показывает, что в стиле Камарес уже зарождались основные принципы искусства древних греков.

Устойчивый союз раннекритских царств позволил его участникам осуществлять значительные внешние предприятия, что также содействовало выработке представлений об этническом единстве — с развитием внешних связей критяне теперь часто выходили за пределы грекоязычных земель.

Чужеземные источники свидетельствуют об обширном географическом диапазоне внешнеэкономической деятельности критян в XX—XVIII вв. Их растущее ремесленное производство требовало все большего количества привозного сырья. В Египте критяне выменивали слоновую кость на керамику стиля Камарес и на ювелирные изделия [клад в Тоде в Египте при Аменемхете II (1934—1896 гг. до н. э.) содержал критскую серебряную утварь]. Вероятно, вывозили они и оливковое масло. На обильный медью Кипр критяне везли расписную керамику и металлические изделия. Критские корабли посещали некоторые порты Восточного Средиземноморья, например Библ и Угарит. Отсюда изделия критян расходились далеко в глубь страны — уже в XVIII в. чиновники в царстве Мари на Среднем Евфрате (около 450 км от моря) отмечали в списках царского имущества особо ценные мечи критян («Каптару»). Однако наиболее тесными были контакты с Египтом, в чем убеждают частые находки на Крите египетских изделий и заимствования некоторых художественных идей, например мотива цветка лотоса, который схематизировали критские вазописцы.

Осуществление обширных внешних предприятий было возможно лишь при наличии достаточного количества квалифицированных мореходов и специалистов по обмену товаров. Ведь торговля в те времена шла при отсутствии общего эквивалента, т. е. металлических денег, и экономический успех связей с чужеземными странами в значительной мере зависел от уровня знаний критян, ведших такие операции. Это способствовало тому, что вокруг критских царей складывался слой высокообразованных по тому времени людей. Среди них были кораблестроители, судоводители, торговцы — знатоки чужих языков, а также квалифицированные мореходы и воины. На самих же акрополях росло число работников, ведших учет и хранение различных товаров. Естественно, что это способствовало дальнейшему усовершенствованию учета, в частности применявшемуся с незапамятных времен опечатыванию тары, что подтверждает расцвет критской глиптики. Хранители складов были имущими людьми и свои штемпеля изготавливали из полудрагоценных пород камня. Изображения на таких печатях отличались высоким художественным вкусом, причем теперь чисто орнаментальные мотивы кикладско-элладского происхождения (например, спираль) уступали место сюжетам, взятым из повседневной жизни. Резьба печатей была важным видом ремесла. Уже в XVIII в. такие мастерские устраивали в пределах акрополей — в Маллии, в частности, открыто погибшее при землетрясении рабочее помещение резчика печатей.

Применение печатей со сложными рисуночными композициями показывает, что в изучаемое время критяне значительно усовершенствовали свою древнюю систему картинной (пиктографической) письменности. Ее знаки, пиктограммы, представляют многие сельскохозяйственные культуры (пшеницу, шафран, маслины), домашних животных и пчел, а также орудия труда — пилы, отвесы, скобла, угольники. Есть даже музыкальные инструменты и корабли.

Цифровая система критяи, основанная на десятиричном счете, состояла из знаков для единиц, десятков, сотен, тысяч и даже дробей. В счетных записях учитываемые предметы обозначали одним лишь рисунком. Эти знаки — идеограммы — были понятны любому человеку, знающему только цифры. Следовательно, с инвентарными записями на глине могли иметь дело не только искусные грамотеи, но и малограмотный народ.

Вещественные источники свидетельствуют о том, что население центральнокритских земель в XIX—XVIII вв. четко делилось на сельское и городское. Развитые формы городской жизни обнаружены в Палекастро, Гурнии и других местах. Предметы быта, найденные в многокомнатных домах горожан, отличаются добротностью. Видимо, преуспевавшее городское население составляло значительный слой.

Тогда же продолжалось формирование институтов царской власти. Возрастающая роскошь, которой окружали себя ранние критские цари, показывает, как интенсивно тогда вырабатывались идеологические представления о величии царской власти.

Однако эти идеи не были безоговорочно приняты народом, сохранявшим и в новых условиях достаточно устойчивые социальные позиции простого селянина или горожанина. Косвенные указания на это дает общий характер памятников культуры критских низов. Он свидетельствует об активном и даже жизнерадостном восприятии мира. Безымянные критские мастера-художники с необыкновенной искренностью и артистизмом передавали явления живой природы, изображая растения, животный мир и простого человека. По-видимому, древние идеи общинного равенства и полнотенности рядового населения, представления о неразрывной связи племени и всех его членов еще сохраняли силу, хотя уже произошла трансформация полномочий вождя племени в царскую власть. Внешняя экспансия постоянно усиливала личный авторитет царей, которые превращали старинные общеплеменные центры в обособленные царские резиденции. Некоторую ускоряющую роль сыграли два крупных землетрясения, имевших место в изучаемый период: каждый раз восстановление построек на акрополях позволяло царям проводить здесь реконструкцию в собственных интересах.

Видимо, рост монархических тенденций не был принят народом пассивно. Ярким свидетельством этому являются изменения в религиозной жизни критяи: именно теперь на Крите появляются горные святилища (часто находившиеся в пещерах), изолированные от населенных пунктов. Простой народ нес туда свои недорогие приношения (глиняные фигурки людей, животных и разные бытовые предметы). Вотивы, представлявшие живые существа, при всей своей простоте отличаются живой и выразительной передачей движения. Растущая популярность горных святилищ ясно указывает на стремление народа оградить свою религиозную жизнь от прямого царского контроля, который был неизбежен в старинных сакральных местах, находившихся на акрополях.

Со временем в горах стали возводить специальные культовые здания, в которых сохранялись архаичные религиозные обряды. Известно, например, ритуальное человеческое жертвоприношение.

Раскопки храма в Анемоспилии и остатки других горных святилищ свидетельствуют о том, что религиозная жизнь каждого племени протекала тогда не только на акрополях, но и вне их. И хотя возле дома

царя совершались многие общенародные сакральные церемонии, в которых правитель традиционнo играл ведущую роль, все же царь у критян не обладал всей полнотой духовной власти. Имеющиеся источники заставляют отвергнуть гипотезу о «теократической администрации» на Крите, выдвинутую еще лет 80 назад. Против этого красноречиво свидетельствует отсутствие крупных храмов на Крите и, что особенно важно, весь свободный и независимый характер культуры широких слоев критского населения.

3. КРИТО-КИКЛАДСКАЯ МОНАРХИЯ В XVII—XV вв.

История островной Эллады в 1700—1400 гг., несколько опережавшей в своем развитии материковые земли, стала ныне лучше известна благодаря ее письменным источникам и обильным археологическим данным. Новые свидетельства позволяют использовать некоторые сведения, сохранившиеся в греческой традиции I тыс. до н. э. Факты убеждают в том, что, например, греческий историк Фукидид, анализируя древнейшие предания, весьма точно, хотя и кратко, охарактеризовал основные направления истории эллинов в додорийский период, т. е. до XII в.

Фукидид писал, что в древности племена, впоследствии получившие единое наименование эллинов, все понимали друг друга, но, будучи не связанными друг с другом и слабосильными, не совершали совместно ничего (I, 3). Примечательно, что Фукидид особо выделил в эту эпоху племенной разобщенности двух крупнейших династov — Миноса (Крит) и Агамемнона (Аргонида).

Политика критского царя подробно описана Фукидидом: «Минос же раньше всех из тех, о ком мы знаем по преданиям, создал себе флот, овладел большею частью моря, называемого ныне Эллинским, и стал править Кикладскими островами; на многих из них он первый основал поселения, изгнавши карийян и поставив там правителями собственных сыновей. Морской разбой он, естественно, старался, насколько мог, уничтожить, с тем чтобы доходы от этого преимущественно шли ему» (I, 4). Несколько ниже историк указал значение деятельности Миноса: «Когда же установилось морское могущество Миноса, то мореходные связи стали для всех более безопасными, так как разбойники были удалены им с островов, большинство которых он населил жителями» (I, 8). Фукидид подчеркивает, что обитатели приморских земель более всего употребляли усилий для накопления добра, поэтому они стали более оседлыми, а самые богатые поселения ограждали себя стенами. Слабейшие во имя обогащения терпели свою зависимость от более сильных. А сильнейшие, обладая многим имуществом, подчиняли себе более слабые города. И в таком состоянии племена эллинов пребывали до похода на Трою.

Фукидид четко выделил два основных фактора в истории эллинов того времени: политическую раздробленность греческих земель и особую роль стремления к обогащению у приморского населения. Действительно, вещественные источники указывают на интенсивное развитие хозяйства и шедшее параллельно ему возрастание имущественного неравенства не только на Крите, но и на прочих островах.

Следует отметить дальнейшее развитие техники и профессиональных навыков работников. Орудия труда земледельцев и ремесленников сочетали тщательно продуманную целесообразность с определенными эстетическими требованиями. Что касается предметов роскоши, то блестящее исполнение их свидетельствует о творческой изобретательности мастеров. Реалистическая направленность изобразительного искусства XVII—XV вв. довольно точно отражала тогда религиозное миропонимание эллинов. Их божества были божествами природы, но в культах этих бо-

жеств не чувствуется приниженности и раболепия. Вероятно, можно говорить о достаточно прочном положении в ту эпоху рядового свободного общинника. Вместе с тем наличие в обществе слоя порабощенных военнопленных и рабов, привезенных из чужих стран, способствовало повышению социальной значимости категории «свободный».

Население Крита и Киклад в сельских местностях жило общинами. Его рост в условиях ограниченности земельного фонда приводил к возникновению рядом со старыми селами новых. В этих выселках доминировали гентильные связи, но наряду с ними, естественно, укреплялась территориальная общность соседей. Не только освоение новых полей в горной стране, но и поддержание плодородия почвы на издавна заселенных территориях требовало постоянной заботы рядового земледельца. Не случайно то внимание, которое уделяло тогдашнее искусство изображению труда сельчан и их облику. Достаточно назвать стеатитовую «Вазу жнецов» из Агия-Триады, изготовленную между 1500 и 1450 гг. Мастер с большим искусством передал индивидуальные особенности каждого участника деревенского торжества.

Высокая производительность сельскохозяйственного труда создала условия для обогащения сельской знати. В период от 1600 до 1450 г. на Крите появились богатые усадьбы. Эти «виллы», как называют их археологи, имели обширные двухэтажные жилые дома с 20—30 помещениями. Рядом на подворьях находились скотные дворы, амбары, погреба и другие хозяйственные постройки. Весьма примечательны винодельни и маслобойни, указывающие на хорошо налаженную систему переработки урожая. В усадьбе Вафипетро открыта винодельня хорошей сохранности. В некоторых «виллах» были и гончарные мастерские. Очевидно, земледельческая знать критян вела теперь энергичную хозяйственную деятельность, производя продукты не только для собственного потребления, но на обмен. В этих «виллах» должен был довольно широко применяться труд порабощенных работников.

В XVII—XV вв. отмечается дальнейшее развитие городов, которые возникали во многих местах на Крите, на Мелосе, Фере и других островах. Зажиточное городское население возводило обширные жилища, стены которых украшались фресками. Иногда эти художественные произведения даже превосходили фрески в дворцовых комнатах. Имущие домохозяева часто применяли хорошо отесанные плиты для фасадов своих домов. Облик небольшого критского города известен по раскопкам в Гурнии. Там акрополь был занят резиденцией правителя города, повторявшей в миниатюре крупнейшие дворцовые центры. Ниже располагались дома горожан. Здесь правильные кварталы делила густая сеть мощеных улиц и переулков, каменные каналы на улицах обеспечивали быстрый сток дождевых вод.

Среди городского населения, в которое входили члены разных родов и племен, естественно, усиливались местные, уже внегентильные связи. С ростом городов и усложнением форм сельской жизни происходили изменения в системе управления раннеклассовой монархии Крита. Вероятно, цари должны были признавать роль местной знати в системе сельской администрации. Но в городах, особенно в новых приморских центрах, где население формировалось прежде всего в связи с профессиональными занятиями, административные органы зависели прежде всего от царских сановников.

В структуре союза критских царств после 1700 г. заметны крупные изменения: цари Кносса добились главенства на острове. Об этом свидетельствует их энергичная политика: уже в XX—XVIII вв. через срединные земли острова пролегали пути, связывавшие Кносс с южным побережьем. В XVII—XV вв. были построены новые мощные дороги, усовершенствована старая дорога «север — юг». В отдельных ее пунктах

были возведены сторожевые посты и «заезжие дворы». Построена была гостиница вблизи кносского дворца. В первом этаже ее располагалось открытое помещение, на втором — были жилые комнаты, особое помещение служило молельней.

XVII—XV века — время главенства царей Кносса над другими династиями. О гегемонии царей Кносса сохранились воспоминания в исторических легендах Эллады, в которых царь Минос выступает как единодержавный правитель Крита. Вероятно, Минос приписаны деяния нескольких членов кносской династии, но, несомненно, один из крупнейших царей носил это имя. Следует отметить, что главенство Кносса не означало полного подавления владетелей Феста и Маллии — об этом говорит продолжающееся существование их дворцов. Весьма примечательно возникновение около 1600 г. небольшого дворца, открытого недавно на восточном берегу Крита в современном поселке Закро. Резиденция в Закро, погибшая около 1450 г., не очень велика — ее территория почти в три раза меньше кносского комплекса. Бесспорно, что владельцы Закро занимали подчиненное положение по отношению к столице острова. Возможно, что увеличение обмена с Кипром и странами Переднего Востока потребовало создания специального административного центра. Появление нового дворца в Закро осталось на Крите единственным явлением. Видимо, царская династия Кносса уже в XVI в. энергично противостояла росту численности аристократии. Фукидид сообщает, что Мипос, овладев Кикладами, поставил ими управлять своих сыновей. Совершенно очевидно, что Минос (или несколько критских царей, носивших это имя) проводил политику усиления власти собственной семьи и не допускал к управлению важными заморскими владениями представителей других аристократических родов. Известную роль должен был играть и демографический фактор — разрастание царской семьи привело к тому, что все владения кносских династий на Крите были уже розданы в управление их родичам.

Естественно, что младших сыновей царя направляли в заморские владения, и эту практику отразила греческая традиция, сообщающая о правивших Кикладами «собственных сыновьях» Миноса. В этой лаконичной формулировке можно увидеть намек на то, что политика царей Кносса вступила в конфликт со старинными принципами союзничества, предусматривавшего определенное право местной знати. Централизация была необходимым средством сплочения царства: местные права и обычаи должны были затруднять деятельность царской администрации. Примечательно, что кносская династия стремилась особо возвысить роль царя как носителя верховной судебной власти. Легенда о законодательной и судебной деятельности царей Кносса прочно сохранилась в народной памяти: в «Одиссее» (XI, 568—571) рассказывается, как Одиссей видел в подземном царстве среди теней умерших душу мудрого Миноса: он восседал с золотым скипетром в руках и судил тени умерших, собравшиеся вокруг в ожидании его справедливого решения. Яркий поэтический рассказ свидетельствует, что царский суд считался тогда более авторитетным, чем решения местных властей. Однако в сельских местностях, где сохранялись многие черты первобытнообщинного уклада, царской администрации приходилось считаться с древними юридическими нормами, созданными гентильным и племенным правом. В городах разнородность населения неизбежно интенсифицировала правовое творчество — новые группы внутри свободного населения нуждались в юридическом определении их прав и обязанностей. К тому же операции с крупными ценностями, принадлежавшими не только царю, но и разным группам населения, требовали точного определения права собственности или владения вещью, а также прав и обязанностей лица, которому поручалось распоряжение чужими ценностями.

Характерная черта правовых воззрений того времени — то, что письменный документ получил теперь особое значение. Приблизительно с 1750 г. до н. э. на Крите широко распространились счетные записи и появился усовершенствованный вид критского письма, названного сложенным письмом А. До сих пор это критское письмо еще не расшифровано, но изучение его уже доставило ряд важных сведений. Критяне писали много. Письмо А было распространено на Крите и на других островах, встречается оно и на материке. Надписи на ритуальных сосудах, посвящаемых предметам и повседневным вещам показывают, что письменность уже была известна довольно широким кругам населения. Грамотные люди во дворцах делали записи о наличии сельскохозяйственных продуктов, причем учет вели не только в целых единицах, но и в дробях. Столь детальная система фиксации натуральных ценностей говорит о том, что экономическая деятельность имущих слоев неизбежно вела к развитию счетного дела и вещного права.

На завоеванных землях власть царя Кносса могла быть более авторитарной. Здесь действовало право победителя, в котором господствовали еще многие воззрения варварского военного права. Аттическая легендарная традиция передает, что афиняне платили Миносу дань людям — каждые 9 лет на Крит отсылали 7 юношей и 7 девушек, которых критский царь, по одной из версий, отдавал на съедение чудовищу Минотавру. По другой версии, если судить по словам Аристотеля, приводимым Плутархом (Фемистокл, XVI), заложники работали в кносском дворце и жили там до старости или вместе с критянами выезжали на новые земли. В первом варианте легенды, видимо, сохранились воспоминания о том, что над жизнью захваченных данников все же висела угроза гибели при ритуальном жертвоприношении.

На Крите было высоко развито строительное дело. Даже прибрежные критские села были укреплены монументальными прямоугольными башиями уже после 1700 г., например в Пиргосе на южном побережье. Об укреплениях городов можно судить по их изображениям на фресках. Мощные стены и высокие башни возведены из строго горизонтальных рядов крупных прямоугольных плит, широкие ворота крепостей также обрамлены штучным камнем. В XVII—XVI вв. на многих Кикладских островах возникли крупные центры, фортификация которых воплощала высшие достижения строительной техники критян.

Господство над Кикладами и некоторыми землями побережья материковой Эллады критский царь мог осуществлять лишь при наличии крупного боеспособного и хорошо оснащенного флота, о чем свидетельствуют многие источники критян XVIII—XV вв. На печатях обычно представлены многосельные суда с высоким носом и тяжелым килем. В начале 1970-х годов в Акротири на Фере был раскопан «Западный дом», одна из комнат которого была украшена миниатюрными фресками. На них четко видны различные типы судов. Так, семь военных кораблей поражают сложностью своего снаряжения и изяществом удлиненных корпусов. Рядом — много мелких судов и даже простых лодок с двумя гребцами. Внимание художника к мельчайшим деталям каждого из типов судов отражает глубокий интерес к морскому делу в тогдашнем обществе.

Естественно, что кносские цари, повелители многочисленного островного государства, каким была крито-кикладская монархия, прилагали большие усилия к сплочению своих разбросанных владений. Они заботились о развитии торговли, как внутренней, так и внешней, боролись с пиратством. Такая политика обеспечила в XVII—XV вв. достаточную безопасность путей по Эгейскому морю. В это время общение южнобалканских земель с Крито-Кикладским царством было интенсивным, о чем свидетельствуют критские вещи из царских погребений XVII—XVI вв. в Микенах. Обмен с материком вели и центры подчиненных Кносу островов.

Например, в Акротири на Фере найдены различные типы среднеэлладской керамики, датируемой XVI в. Многие источники говорят об оживленном обмене материальными и духовными ценностями между обитателями всего круга эллинских земель.

В сферу внешнего обмена с крито-кикладской монархией было вовлечено население ближайших побережий Малой Азии. В некоторых тамошних центрах, например в Иасосе, уже в XVII в. местные гончары изготавлили посуду в «минойском» стиле.

Особенно устойчивые и широкие коммерческие связи соединяли Крит с южными соседями, Ливией и Египтом, нуждавшимся во многих статьях критского вывоза. Сами критяне привозили из Египта не только предметы обихода, но и сведения о далеких странах и их культуре. Даже жители Кикладских островов хорошо знали особенности нильской долины, как показывает пейзаж на фреске «Западного дома» в Акротири. Эти контакты ярко отражены и в египетских источниках. На фресках в гробницах фараоновских вельмож XVI—XV вв. вполне достоверно изображены критяне. В египетских текстах неоднократно говорится о Кефтиу — критянах. По-видимому, критские мореходы везли на юг товары не только своего царства, но и изделия соседних земель. Например, в Египте в большом числе найдены вазы, изготовленные в материковой Элладе. Многочисленные суда подданных кносского царя доставляли их и в страны Восточного Средиземноморья, прежде всего на Кипр. В этот период обмен между обоими островами усилился. Вещественные источники указывают на оживленные связи Крита и с мелкими царствами сирийского побережья. Критяне поддерживали особенно тесные связи с Угаритом и Библом и тоже обменивались не только товарами, но и идеями. Например, зодчие Угарита в XVII—XVI вв. иногда применяли характерные элементы критской архитектуры. Меновая торговля ценностями, естественно, требовала труда разнообразных профессионалов. Один лишь провоз хрупких изделий гончаров по морю мог быть успешно проведен только опытными мореходами, специалистами в своем деле.

Большой прогресс в технике обусловил значительное увеличение производимой продукции. Формы потребления ее были неоднозначны. Археологические источники показывают, что какая-то часть сельскохозяйственной и ремесленной продукции оставалась в личном пользовании самих производителей. Другую часть произведенных материальных ценностей селяне и горожане уплачивали царю, взимавшему натуральные подати. Поступление массы продуктов и ремесленных изделий в распоряжение царя засвидетельствовано обширными кладовыми в кносском дворце и многочисленными хозяйственными записями царских служителей. Характерно, что письменный учет вели не только в палатах царя и его родичей, но и в домах знати и зажиточных горожан. Дошедшие записи показывают, что в XVIII—XV вв. эти слои населения обладали немалыми состояниями. Следует сказать, что высокий художественный вкус обитателей Феры в XVI—XV вв., ставший известным историкам лишь за последние 10—15 лет, заставляет по-новому читать сообщение Фукидида о том, что Минос, овладев островами, поставил гегемонами над ними своих сыновей. Видимо, критская гегемония на Кикладах допускала большую степень независимости части населения. Отсюда сила и самостоятельность художественной мысли местных живописцев из Акротири, чье творчество отвечало запросам заказчиков из состоятельных островитян.

Расширившийся круг источников, дающих представление о жизни знати и зажиточных слоев населения, заставляет ныне пересмотреть и возникшие лет 80 назад гипотезы о единомодерновом характере власти царей Крита. Бесспорно, кносский дворец, восстановленный после землетрясения, представлял собой в 1700—1450-х годах монументальный комплекс, заключивший около 1500 комнат, коридоров, лестниц, кладовых

и других помещений. Его главный выход обрамляли монументальные пропилеи. Как и прежде, центральный двор был окружен постройками, каждая группа которых имела определенное назначение. В центре восточной половины дворца находился тронный зал, доступ в который шел из центрального двора по широкой лестнице. К нему с юга примыкали жилые апартаменты царя и его семьи, расписанные разными фресками. Северо-восточная часть дворца, которая была соединена прямыми переходами с жилыми комнатами царя, включала кладовые и мастерские резчиков по камню, гончаров и граверов. В центре западной половины дворца находились комнаты дворцового святилища. За ними тянулся длинный коридор, в который выходили двери двадцати одной кладовой, где хранили зерно и другие припасы. Но наряду с этим дворцом около 1600 г. появлялись многочисленные «виллы» местной знати. Владельцы таких усадеб занимались иногда и морской торговлей. Например, в Агия-Триаде, вблизи от Феста, были найдены многочисленные оттиски печатей, медные слитки в форме бычьей шкуры, различные гири и около 150 табличек с записями количества различных натуральных продуктов. Владелец «виллы» в Нирухани, на северном берегу острова, строил свое благосостояние на морских промыслах. Экономический потенциал 15–20 таких владетелей придавал слою местной знати большой вес. В этих условиях кносские монархи не могли обладать неограниченной властью. По-видимому, даже придворная знать иногда успешно укрепляла свои позиции в ущерб царю. Например, в XVII в. в Кноссе рядом с дворцом, даже захватив место его разрушенного землетрясением крыла, появились обширные жилища аристократии, в том числе и так называемый «Малый дворец». Парадные комнаты этого дома были столь великолепны, что могли соперничать с помещениями главного дворца. Очевидно, усложнение критской государственности сопровождалось появлением особо влиятельных кругов. Несомненно, что традиции союзнического принципа в структуре крито-кикладской монархии были фактором, обеспечивавшим весомые позиции части столичной аристократии, особенно если она сохраняла свои древние родо-племенные связи.

Экономическую устойчивость зажиточных слоев красноречиво иллюстрируют погребальные обычаи. Самые богатые семьи возводили теперь монументальные гробницы из тщательно отесанных плит, менее состоятельные хоронили покойников в вырубленных в скалах подземных склепах. Обычно там ставили деревянные или глиняные гробы, расписанные многоцветными узорами.

Памятники материальной культуры крито-кикладской монархии ясно показывают, что в XVII–XV вв. во всех землях этого раннеклассового государства постепенно складывалась устойчивая культурная общность. Это отражало интенсивный процесс формирования эллинской этнической общности. Примечательна унификация религиозных представлений: в самых отдаленных территориях царства одинаковые сакральные атрибуты украшали святилища дворцов, домов знати, городских или сельских общин.

На судьбе крито-кикладского общества, столь эффективно использовавшего возможности техники бронзы, губительно отразились несколько стихийных бедствий. Около 1600, 1500 и 1450 гг. Крит испытал тяжелые землетрясения. Но дело не только в том, что пострадали роскошные дворцы, — бедствия обрушились на все население: жителям острова трижды на протяжении 150 лет приходилось восстанавливать разрушенные дома, хозяйственные строения и ремесленные мастерские. При каждом землетрясении погибало немало людей, и восстановление полей, садов, стад, орудий труда и рабочих мест стоило огромных усилий. Правда, хозяйственные традиции бережно сохранялись критянами и передавались от поколения к поколению. Но колоссальная катастрофа около 1450 г.

была особенно губительна, хотя эпицентр ее находился на острове Фера, в 130 км от восточной оконечности Крита. О буйстве стихии красноречиво говорят руины дворца в Закро, где огромные куски массивных каменных стен были далеко отброшены со своих мест. Сильному разрушению подверглись дворцы Кносса, Маллии, Феста, многие города, «виллы» и села. Пожары охватили населенные пункты, и в них гибло самое драгоценное достояние Крита — его население.

По-видимому, физический и моральный урон оказался столь значительным, что уцелевшие жители острова потратили на восстановление своего хозяйства очень долгое время. Ведь гигантское извержение вулкана на Фере сопровождалось выбросом в атмосферу большого количества газа и пепла, что изменило климат Крита, сделав его более умеренным. Земледельцы не только должны были восстанавливать свои поля и сады, им предстояло приспособить свои традиционные агрономические знания к более суровым климатическим условиям. Можно предполагать, что необходимость во взаимной поддержке в трудные времена способствовала некоторому упрочению традиционных гентильно-общинных связей среди сельского населения, особенно в гористых районах острова. Тогда же, видимо, упростилась система управления, так как прежние крупные административные центры Фест, Маллия и Закро после 1450 г. не были восстановлены. Естественно, что ослабленный Кносс не смог сохранить свою власть над населением Кикладских островов. В истории эллинских земель начался новый период.

4. РАННИЕ ЦАРСТВА НА МАТЕРИКЕ В XIX—XVII вв.

Между 1900 и 1700 гг. и в материковых землях шел процесс создания царств, который происходил медленнее, чем на Крите, из-за большей прочности устоев военной демократии. Ограниченность источников затрудняет детальное изучение данного периода и порождает не всегда убедительные гипотезы. Например, твердо установленный факт появления множества сел и отсутствие сведений о крупных центрах ремесла и торговли привели ряд исследователей к выводу о полном господстве земледелия и скотоводства в тогдашнем хозяйстве страны и об общем застойном характере ее экономики. Но ряд земель Элады исследован археологами еще недостаточно, и для полной картины многого не хватает. Что же касается состояния ремесла, то в нем наряду с домашними видами уже развились специализированные отрасли с вполне «городской» технологией. О знаниях и мастерстве гончаров достаточно убедительно свидетельствуют их изделия. Металлургия также отличалась высоким уровнем развития. Видимо, не следует определять культуру Элады того времени только как сельскую цивилизацию, но нужно учитывать все стороны экономики страны.

Доминирование сельских форм жизни у раннегреческих племен в XIX—XVII вв. было обусловлено особенностями их социальной и политической истории. После 2200—2000 гг. спад переселенческой волны и прекращение связанных с нею конфликтов ослабили военную роль органов власти. Но все более важной становилась необходимость находить формы устойчивого сосуществования племен-автохтонов и племен-пришельцев. В этих условиях роль племени — традиционной политической и военной единицы — возросла, как и значение норм внутрисемейной демократии. Естественным было и укрепление основной хозяйственной и социальной единицы племени — сельской общины. Хозяйство всего племени и каждой его общины требовало труда ремесленников прежде всего на местах, в сельских районах. К тому же в срединных землях материковой Элады сухопутные дороги были труднопроходимы, и изолирован-

ное положение каждого племени подсказывало необходимость сохранения собственного ремесленного производства. Авторитет племенных властей был, видимо, достаточно высок, чтобы воспрепятствовать быстрому отрыву ремесленного слоя от сельского населения. Недаром древнейший греческий термин, обозначающий ремесленника, — «дамиург» — означает буквально: «работающий для народа».

Но распыленность ремесленного производства по племенным центрам отнюдь не говорила о его низком качественном уровне. Некоторые из этих центров уже в XVII—XVI вв. приобрели характерные особенности городских. Ярким примером такого «племенного города» можно считать Дорион-IV на западе Мессении, отстоявший в 20 км от берега моря. Укрепленный около 1800 г. мощными оборонительными стенами, он был распланирован так, что квартал ремесленников и хранилища племенных запасов стояли особняком. Судя по скромному дому вождя, правители Дориона в XVIII—XVII вв. располагали ограниченными материальными возможностями. Сельская простота их быта ясно свидетельствует о том, что здесь авторитет главы племени еще не возвысился над остальными племенными властями. Очевидно, институты военной демократии оставались прочными.

Но в этот же период на материке появились отдельные центры, в которых аристократические слои, обладая экономическим превосходством, добивались все большего господства в своем племени, что неизбежно вело к ущемлению прав их рядовых соплеменников. Весьма показательна эволюция погребальных обрядов: если в XVII в. правящие круги довольствовались могилами общепринятого типа (правда, больших размеров), то к 1550-м годам был уже выработан особый тип монументальной ульевидной гробницы — фолоса — для царских погребений. В середине XVI в. фолосы уже возводили в Фессалии и Мессении. Создание сложных архитектурных форм указывает на развитие новых идеологических представлений, возвышавших династов над всем племенем.

В ряде племен шел процесс быстрого формирования царской власти. Общение с критскими династиями и участие в оживленной торговле островной Эллады с Египтом и соседними народами Малой Азии весьма укрепляли экономическую мощь сильнейших материковых владык. Вместе с тем расширялся политический кругозор представителей верхов.

На протяжении XVII—XVI вв. окончательно складывается структура ранних государств, возникавших в прибрежных землях Фессалии, Мессении, Арголиты и других областей. Об этом ярко свидетельствуют находки в царских погребениях. Характерно, что на материке цари сначала больше стремились к накоплению сокровищ, отвечавших их царскому рангу, обращая меньшее внимание на создание роскошных палат. Например, царский дом XVI в. в Перистерии (Западная Мессения) отличался от жилищ землепашцев только внушительными размерами и расположением на неприступной высоте. Однако уже в эти столетия главы материковых царств обладали сокровищами — изделиями, изготовленными не только материковыми или островными мастерами, но и предметами, привезенными с берегов Балтийского моря и из Египта.

По-видимому, монархические тенденции особенно интенсивно нарастали в Арголитиде. Там, в Микенах, открыты две круглые царские усыпальницы, относящиеся к 1650—1500 гг. Особенно интересна более ранняя усыпальница (могильный круг Б), которая была блестяще исследована в 1951—1954 гг. греческими археологами во главе с Г. Милонасом. Окруженная каменной стеной, она заключала 24 могилы (их обозначают буквами греческого алфавита — от Альфы до Омеги). Из них царскими были лишь 14 могил, датируемых 1650—1550 гг.

Инвентарь царских погребений на протяжении указанного периода позволяет понять, как развивались представления о могуществе царя в

Микенах. Еще около 1650 г. женщин из царской семьи снабжали в загробный мир лишь тонкими золотыми лентами да высококачественными бронзовыми вазами и обиходной посудой, изготовленными местными мастерами (находки в могиле Эпсилон). Обилие таких вещей в ранних могилах говорит о том, что кладовые царского рода были полны ценными предметами. Характерно, что в ранние времена правители следовали древнейшим погребальным обрядам. Однако уже в первой половине XVI в. микенскую царицу, погребенную в могиле Омикрон, сопровождали дары, гораздо более роскошные и обильные: золотые бусы и серьги, булавки с головками из горного хрусталя, безделушки из привозных янтаря и слоновой кости, а также около 30 глиняных сосудов и уникальная ваза из горного хрусталя в виде утки — выдающееся произведение искусства греческого мастера. Богатства могилы Омикрон свидетельствуют о том, что экономический потенциал микенских царей в начале XVI в. необычайно возрос и что они, уже не довольствуясь доходами от плодородных земель Аргolidy, развернули активную морскую деятельность — именно около 1600 г. заметно усилились связи материковых земель с Критом.

Все более усложнялись представления о прерогативах царя, как показывает могила Гамма, в которой между 1570 и 1550 гг. были последовательно погребены четыре члена царской семьи. Над этой могилой, как и над некоторыми другими царскими захоронениями в Микенах, стояла стела, украшенная традиционным, еще кикладским декором в виде бегущей спирали.

Достоинство погребенного здесь царя подчеркивалось уже не только роскошными заупокойными дарами, но и его электровой маской, которая должна была сохранить образ царя: на ней ясно выступают черты пожилого бороватого мужчины.

Около 1600 г. в царском доме Микен происходили какие-то события — возможно, возникли разногласия между старшей и младшей ветвями рода. И появилась новая царская усыпальница — могильный круг А. В нем находилось шесть могил (I—VI), датированных 1600—1500 гг. Примечательно, что и здесь самые ранние захоронения содержали не столь роскошный инвентарь, причем ряд вещей аналогичен предметам в современных им погребениях круга Б. Создается впечатление, что такие дары происходили из одной и той же царской кладовой. Но спустя одно-два поколения, около 1570—1550 гг., царская семья, устроившая вторую усыпальницу, сделала новые шаги для своего возвеличения. Видимо, тогда прекратилась старшая ветвь царского рода, так как могильный круг Б оказался заброшенным. Теперь при захоронении своих родичей микенские цари стали сооружать глубокие, до 5 м, и обширные могилы (площадь могилы IV достигала 26,85 м²). Множество ценнейших, художественно исполненных предметов вооружения, драгоценностей и разных вещей царского обихода было открыто в четырех могилах (IV, V, III и I) круга А, содержавших останки 6 мужчин, 8 женщин и 2 детей, похороненных в 1570—1500-х годах. Общий характер загробных даров этим покойникам позволяет заключить, что в кладовых тогдашних микенских царей хранились обильные сокровища из золота, серебра, бронзы, слоновой кости, драгоценных и полудрагоценных камней и роскошная расписная керамика. К сожалению, могильный круг А не был исследован должным образом: могилы I—V были неумело раскопаны Г. Шлиманом, искавшим лишь сокровища микенских царей. Только тщательное изучение могилы VI, которую раскопал греческий археолог П. Стаматакис, позволило выявить главные особенности второй царской усыпальницы.

Данные обеих микенских усыпальниц указывают на то, что в период между 1570 и 1500 гг., на протяжении жизни лишь трех поколений,

резко изменился характер царской власти в Арголиде. Возвышение бацилеев Микен шло чрезвычайно быстрыми темпами.

Усиление царской власти имело место в XVI в. и в других областях материковой Эллады. До сих пор история ранних дворцов на материке почти неизвестна. Лишь недавно в Спарте в урочище Менелайоне был открыт возведенный вскоре после 1500 г. дом царя, построенный на неприступном горном склоне; видимо, проблема безопасности стояла остро.

Однородность основных культурных традиций рядового населения и социальных верхов показывает, что население обширных земель материковой Эллады составляло в это время уже достаточно монолитный этнический массив. Правда, обособленность наиболее мощных племен и их союзов сопровождалась развитием местных диалектов раннего греческого языка. Согласно исследованиям лингвистов, около 1600 г. у греков существовали три основных диалекта: ионийско-аттический, центральный (распадавшийся на эолийский и аркадский) и западный. Помимо этих главных диалектов, во многих уголках страны имелись их местные варианты. В легендарной традиции греков сохранилось более трех десятков древних названий племен, часть которых впоследствии исчезла, часть же известна и в I тыс. до н. э. Среди эолийского населения, обитавшего некогда преимущественно в Фессалии, особенно выдвинулись ахейские племена, часть которых переселилась и в Пелопоннес. К 1600 г. уже сложился диалект пелопоннесских ахейцев, вобравший в себя ряд черт говоров соседних аркадских племен.

Различия диалектов не препятствовали тому, что, как писал Фукидид, все населявшие страну племена понимали друг друга. Сложение военно-территориальных союзов усиливало общение внутри больших областей. В результате формирование греческого этноса на материке шло во II тыс. весьма интенсивно, о чем свидетельствует и то обстоятельство, что на обширной южнобалканской территории, от северных пределов Фессалии и Эпира до южных берегов Пелопоннеса, в XVIII—XII вв. была распространена однородная материальная культура. Ее общие элементы отражали не только давние генетические связи с населением предшествующего тысячелетия, но и развитие новых культурных традиций, общепринятых по всей стране. О том, что данное культурное явление было присуще уже сложившемуся греческому этносу, бесспорно, говорят лингвистические источники: несколько тысяч документов слогового письма Б, известного приблизительно с 1450 г., письменно зафиксировали существование греческого языка. Эти исполненные на древнем ахейском диалекте записи не только свидетельствуют о продолжительной истории (как отметил Дж. Чадвик, почти три с половиной тысячи лет!) греческого языка, но и о значительной монолитности культуры эллинов, достигнутой уже к середине II тыс.

Зрелость этнокультурной общности эллинов была уже такова, что их племенная раздробленность ей не препятствовала. Примечательно, что по всей стране династические круги в XVI—XIII вв. неуказательно придерживались общих культурных традиций, как показывают роскошные предметы царского обихода. Некоторые бесспорные заимствования извне (например, египетские изделия) были лишь дополнительными средствами для возвеличения власти бацилеев в глазах народа.

5. ЭЛЛАДА В XVI—XII вв.

Период греческой истории между 1600 и 1025 гг. обычно именуют микенской эпохой. Однако археологические открытия 1920—1970-х годов показали, что не только в Микенах, но и в других прославленных сказаниями центрах — в Иолке, Орхомене, Гла, Фивах, Афинах, Тиринфе, Пилосе — во второй половине II тыс. возникли раннеклассовые государ-

ства. Политическая обособленность этих царств, которую так ясно отразили греческие легенды, сочеталась с общностью их производственных и культурных традиций. Поэтому, признавая ведущую роль Микен в XIV—XIII вв., следует определить время между XVII и XIII вв., согласно памятникам письменности и литературы, как период возвышения ахейян среди остальных племен греков. Ахейское преобладание характеризуется сохранением самых тесных связей единоплеменной аристократии, правившей в царствах, иногда весьма отдаленных друг от друга. Эта близость сказалась в материальной и духовной культуре верхов, и сведения о ней сохранила богатая легендарная традиция эллинов. И если историк должен отнестись к многим деталям исторических преданий к области литературного творчества сказителей, то главное зерно традиции следует признать достоверным: во многих областях Эллады власть местных династий возрастала. Кровнородственные или просто союзные отношения не один раз обеспечивали ахейским царям достаточную поддержку во времена их войн с соседями. Но особенно важны были локальные группировки династов в периоды, когда возникала угроза со стороны мощных союзов племен, обитавших на севере страны. По-видимому, коалиции династов не касались внутренней жизни их владений, экономика каждого царства сохраняла свою обособленность.

Экономическое развитие Греции в изучаемое время характеризуется дальнейшим подъемом сельского хозяйства и ремесленного производства. Это сказалось на росте населения: во многих южнобалканских областях уже к XIV в. почти удвоилось количество деревень. Особенно густо были населены Фессалия, Беотия, Аттика, Коринфия, Аролида, Мессения. В это же время отмечен рост городов; крупнейшие из них обычно располагались под акрополями, на которых стояли царские дворцы. Известны ныне свыше 400 городищ и селищ второй половины II тыс. на материке и на островах показывают, что между 1400 и 1350 гг., за период жизни двух поколений, особенно возросло число поселений. Возникновение новых деревень возле старых вело к усложнению родовых связей.

Дробление общин при выселении в новые деревни сопровождалось уточнением правил землевладения и землепользования. Постоянные размеры земельного фонда в пределах каждой ограниченной горами или морем области Эллады настоятельно требовали применения четкой системы аграрных установлений. По-видимому, вся община, носившая наименование дамос (народ), являлась владельцем земель села, причем ее полномочия были весьма обширны. Коллектив общинников-селян тогда еще не записывал правила землепользования — устная традиция аккурратно передавала эти нормы из поколения в поколение. Даже в XIII в., когда власть царя усилилась, правовые позиции общин характеризовались большой прочностью, как свидетельствуют документы архива из Пилоса.

Записи пилосских экономов относительно Пакияны и некоторых других сел показывают, что община-дамос владела своим особым земельным фондом, именовавшимся «кекемена». В той же Пакияне имелись земли, не принадлежавшие общине, они назывались «китимена» и были в руках отдельных владельцев, телестов. Иногда земли крупных телестов включали несколько участков, которые обрабатывали отдельные «держатели». М. Вентрис и Дж. Чадвик особо подчеркнули, что данные о земельных категориях в Пакияне не могут быть распространены на все Пилосское царство. Однако показательно, что и в близкой ко дворцу Пакияне, где находилось святилище богини Владычицы, община-дамос была владельцем коллективного земельного фонда села и царские управители безоговорочно считались с правами дамоса.

Материальная культура ахейских сел в данный период свидетельствует об экономном ведении хозяйства. Орудия сельского труда и предметы

обихода сельчан указывают на прочный жизненный уровень в деревнях. Многочисленность сортов культурных растений и видов домашних животных свидетельствует об интенсивном труде земледельцев. По-видимому, рядовой общинник еще мог сохранить для себя значительную часть продукции своего хозяйства.

Экономическая жизнь Эллады в XV—XIII вв. характеризуется быстрым ростом крупных и мелких городов. Ярким образцом столичного города являются Микены. Зажиточные горожане обитали здесь в многокомнатных домах, парадные помещения которых были украшены фресками и обставлены дорогой мебелью. В кладовых находились запасы зерна, вина, оливкового масла, причем некоторые хранилища содержали продукты, приготовленные на продажу. Например, в «Доме торговца маслом» стояли запечатанные кувшины с оливковым маслом.

О зажиточности преуспевающего городского населения говорят некрополи многих центров. Богатые семьи погребали своих сочленов в фамильных склепах. Микенские склепы дают особо подробные сведения о погребальных обрядах горожан. В высеченные в скале камеры вместе с покойником клали многочисленные предметы — орудия труда и оружие, посуду, одежду и различные украшения. Существовал обычай заклания любимых собак (в Микенах) или лошадей (в Марафоне, Лерне и Арханесе на Крите), которые должны были сопровождать своих хозяев в загробный мир, подобно тому как с телом Патрокла были сожжены 4 коня и 2 пса (Илиада, XXIII, 171—174). Уже в конце XIV в. у средних городских слоев получили распространение глиняные гробы — ларнаки. Росписи на ларнаках из Танагры показывают, что в церемонии погребения зажиточных горожан участвовало много людей. Общий характер древностей материковых и островных племен неоспоримо свидетельствует о том, что городское население в ахейских царствах было довольно многочисленным и обладало немалым экономическим потенциалом.

Правящий слой раннеэллинических монархий являлся самым крупным владельцем богатств. Дворцовые комплексы династов Иолка, Микен, Пилоса, Фив и Тиринфа позволяют составить представление об экономической мощи этих правителей, не уступавшей богатству кносских монархов в XVII—XVI вв. Лучшее всего изучен дворец в Мессении, где в Пилосе К. Куруниотисом и К. Блегеном был открыт и полностью раскопан обширный дворец, датируемый XIII в. В архитектуре и строительной технике пилосского ансамбля четко выступает единство культуры высшего социального слоя Эллады данного периода. Материалы из Пилоса позволили понять многие отрывочные археологические сведения и свидетельства эпоса о дворцах басилеев в других частях материка и на островах.

В отличие от критских дворцов, сохранявших в XVII—XVI вв. еще много архаических черт, резиденции ахейских царей XIV—XIII вв. планировались более рационально. Сохраняя основное требование — дом царя должен включать жилые комнаты, служебные помещения и кладовые, — ахейские зодчие вывели производственные помещения в отдельные корпуса, окружавшие в Пилосе главное здание с трех сторон. Во всех материковых дворцах роскошно украшенный парадный зал с монументальным культовым очагом играл главную роль в дворцовом ансамбле. Примечательной чертой пилосского дворца является то, что помещения слуг и писцов были расположены вблизи главного зала (мегафона). Это говорит о внимании пилосского царя к работе своих экономов, ведших подробные счетные записи.

Отношения между царской администрацией и общинами строились на установленных правилах. Пилосские тексты показывают, что община была обязана вносить царю определенное количество натуральных продуктов, которое аккуратно учитывали царские экономы. Нормы взносов, судя по

табличкам, были установлены на год и рассчитаны пропорционально размерам городков и сел и качеству их земельного фонда. Рентабельность той или иной отрасли хозяйства на разных видах земельных угодий ахейские царя внимательно учитывали.

Крупные размеры имущества царей требовали большого количества обслуживающего персонала. Среди работников во дворцах были и пленные, которых царь как главнокомандующий получал больше, чем кто-либо из знатных воинов. Действительно, документы из Пилоса и Кносса свидетельствуют о рабах, трудившихся на царских подворьях и даже в мастерских отдельных ремесленников. Судя по тому, что индивидуальные владельцы рабов упомянуты в Пилосе только по имени, можно полагать, что такая группа рабовладельцев принадлежала к самым близким к двору слоям городского населения. Взяма сложен вопрос о положении рабов, именовавшихся в Пилосе «божьими рабами», которые часто упоминаются в земельных документах в качестве владельцев земли. Видимо, формировавшиеся тогда в Греции нормы рабского статуса иногда еще не полностью отделяли порабощенных людей от свободных ахейян.

Рабство, по-видимому, было в основном экзогенным, т. е. порабощению подвергали чужеземцев. В пилосских табличках упомянуты женщины, именуемые «пленными». Так как этот период характеризуется междоусобицами в самой Элладе и военными действиями в чужих землях, то победители, в особенности цари и военная знать, быстро насыщали свои хозяйства пленниками. В ахейском эпосе упоминается о том, что рабыни выполняли трудоемкие домашние работы (мололи зерно, чесали, пряли и ткали шерсть, носили воду, стирали и т. п.) в домах знати. Многие рабы трудились в усадебных хозяйствах, поддерживали порядок в кладовых царей и крупнейшей знати.

Ахейский эпос сохранил много рассказов о пленении и порабощении воинов, моряков и женщин. Распространенность этого сюжета доказывает, что раннегреческое общество понимало экономическую выгоду рабства. Имущие горожане в XIII в. уже использовали труд рабов, но рядовой землепашец, вероятно, еще обходился силами своей семьи.

Социальная структура раннегреческого общества не была однородной во всех областях страны. В глубинных землях, например в труднодоступных горных районах, развитие рабовладельческого способа производства сильно тормозилось прочностью устоев первобытнообщинного строя. Племенная и географическая раздробленность весьма способствовала сохранению локальной автономии греческих племен и царств, препятствуя объединению. Фукидид не случайно говорил, что в древности, до Эллина Девкалионида, страна именовалась по племенам (I, 3).

Политическая расчлененность обширных южнобалканских земель и прилегавших к ним островов неизбежно вела к созданию племенных союзов и коалиций царств, часто кратковременных и эпизодических. Конфликты между соседями привели в XVII—XIV вв. к многочисленным междоусобным войнам. Греческие легенды полны рассказов об этих столкновениях, причем они сохранили множество названий племен, царств и героев, участвовавших в событиях. Особенно много песен — ойм — было сложено о походе ахейских басилеев под главенством царя Агамемнона против Троянского царства. Некоторые ученые непосредственно вводят в историю эпизоды из «Илиады», ахейской поэмы. Но нельзя забывать о том, что эпические сказания являлись все же литературными произведениями. Создававшие их певцы — аэды — довольно свободно трактовали общеизвестные сюжеты, расцвечивая тот или иной эпизод. Правда, искусство сказителей было все же подчинено общепринятым нормам фольклорного жанра того времени. Певец исполнял оймы, посвященные традиционным сюжетам, и это заставляло его сохранять общую канву предания и даже отдельные детали. Поэтому ахейский эпос, ценный

литературный памятник своего времени, может быть использован как исторический источник, хотя и ограниченно.

Современные археологические исследования подтвердили многие сведения эпоса: о могуществе царств в Микенах, Иолке, Пилосе и других областях, о чертах военного быта того времени, о хозяйствах земледельцев. В XVI—XIII вв. в Элладе военная знать действительно составляла многочисленный слой, активно искавший способы обогащения. Поэтому весьма реален эпический мотив — странствующий герой приходит в чужое царство и достигает там власти. С данными эпоса и легендарной традиции нередко согласуются произведения искусства того времени и обнаруженные археологами военные древности. Известные по эпосу укрепления Микен, Тирифа и Фив лишь открывают длинный ряд ахейских крепостей, раскопанных ныне в Гла, Тейхос-Димайоне, на Кеосе, Паросе, в Афинах и других центрах. Совершенно очевидно, что эпическое творчество, не ставя себе задачей точное изложение фактов, в основном верно передавало общие тенденции эпохи. Действительно, рост множества отдельных царств на территории Эллады приводил к многочисленным столкновениям правивших династий и к возникновению военных коалиций, иногда весьма кратковременных.

Исторические легенды греков сохранили яркие сказания о походах союза аргосских царей против богатого Фиванского царства, доминировавшего в плодородной Беотии. Войны шли на протяжении двух поколений и закончились поражением беотян. Эти сведения получили прямое подтверждение: раскопки на акрополе Фив показали, что великолепный дворец фиванского царя был насильственно разрушен между 1350 и 1250 гг.

Сопоставление легендарной традиции с археологическими данными убеждает в том, что политическая действительность была гораздо сложнее, чем та картина, которая сохранилась в памяти народа в позднейшие времена. Особенно ясно это видно на истории Крита.

После катастрофы 1470—1450 гг. Кносское царство сохранило известную роль в жизни Эллады. Греки помнили о былом могуществе Кносса, но остров имел и непреходящее значение в силу своего положения на южной окраине греческих земель. По-видимому, в XV—XIV вв. на Крите поселилось какое-то количество ахейцев.

В 1450—1400-х годах цари Кносса были очень тесно связаны с материком, и это дало основание считать, что критянами правила ахейская династия. Действительно, в государственной практике критян теперь укоренились чисто ахейские элементы, например ахейский диалект и его слоговое письмо Б. Сильное влияние материковой культуры заметно в архитектуре, вазопиcи и других видах критского искусства. «Ахеизация», судя по бытовым древностям, затронула и культуру широких масс.

Возможно, что некоторая роль в передаче ахейских традиций на Крит принадлежала и обитателям островов, культура которых в XV—XIV вв. отличается преобладанием ахейских традиций над давними критскими. Например, Кеос приблизительно с 1500 г. эвергично развивал свои местные традиции, сохраняя тесные связи и с Критом, и с материком. Весьма яркая культура Феры, судя по раскопкам в Акротири, в начале XV в. достигла уровня, превосходившего в некоторых отношениях достижения критян.

Несомненно, что интенсивное восприятие элементов ахейской культуры населением Крита, острова с давними локальными традициями, было обусловлено и появлением ахейцев, действительно обосновавшихся в округе Кносса. На это указывает часть кносского некрополя XV в. Погребение кносской царицы в фолосе, открытом в 1966 г., содержало характерный ахейский инвентарь, — видимо, правительница происходила из материковой династии.

По-видимому, ахеяне, жившие в кносской округе, являлись важной опорой власти: не только войны, но и царские экономы были ахеянами, как показывает дворцовая хозяйственная документация. Эти тексты свидетельствуют, что новая кносская династия довольно быстро создала свою систему экономических связей с жителями острова. Между 1470 и 1400 гг. на всем Крите существовала достаточно разработанная практика податного обложения. Примечательно, что доходы царей в основном состояли из поступлений от животноводства. Видимо, они не рассчитывали на большие податы от земледельцев и ремесленников, но хорошо учитывали эффективность животноводства на острове, изобиловавшем пастбищами. Более 800 кносских документов посвящено овцеводству. Эти тексты, прочтенные М. Вентрисом, Дж. Чадвиком и Дж. Килленом, рисуют следующую картину: каждая область Крита была обязана содержать определенное число овец, некоторые земли — по несколько тысяч. Записи экомов в царской управе обычно следовали единому образцу: имя скотовода, название местности, где он вел выпас, состав его стада — овцы, бараны — и количество недостающих голов. Как правило, податное стадо должно было состоять из 100 животных, поэтому писцы, фиксируя наличие 50 голов, записывали, что недостает еще 50 животных. В дошедших текстах перечислено свыше 80 тыс. голов скота, но пока остается неизвестным, на сколько лет приходится эта цифра. Царские служители вели также точный учет получаемый шерсти.

Кносские тексты содержат сведения и о других сторонах хозяйственной деятельности, подвергавшихся строгому учету дворцовыми экономами. Особо отметим документы, в которых записывали наличие колесниц и предметов вооружения. Характерной особенностью текстов из Кносса и других архивов ахейских династий является то, что в них обычно употребляли только один царский титул — ванакт. Ни имен царей, ни их пышных титулов в известных ныне ахейских текстах не найдено. Можно полагать, что сугубо деловое отношение самих царей к хозяйственным документам диктовало их служителям лаконичный стиль, столь отличный от эпического языка.

Около 1400 г. огромный пожар уничтожил кносский дворец, и он уже никогда не был восстановлен. Руины дворца из века в век заносились землей, и лишь спустя почти 3300 лет они были открыты А. Эвансом во время его эпохальных многолетних (1900—1935 гг.) раскопок в Кноссе. Причины гибели Кносса остаются пока неизвестными. Возможно, что уничтожение дворца было одним из эпизодов какого-то междоусобного столкновения: одно из коренных племен Крита могло выступить против экономического диктата ахейской династии Кносса и было поддержано соседями. Примечательно, что в легендарной традиции греков о гибели Кносса сохранились яркие рассказы, приписывающие сокрушение кносской мощи деяниям Тесея, сына афинского царя.

Следует отметить, что кносский акрополь и в XIV в. играл большую роль в своей округе. В 1978—1982 гг. в Кноссе был открыт архитектурный комплекс, функционировавший между 1400 и 1330 гг. и, видимо, предназначенный для хоровых представлений. Это сооружение стояло на открытой площадке в 20—30 м к юго-западу от развалин дворца. Оно состояло из трех круглых массивных платформ (диаметром в 8,38 м, 3,22 м и 3 м) из тесаного камня.

В XIV—XIII вв. экономика Крита интенсивно развивалась. На северном побережье острова Маллия вновь стала важным центром. На юге Крита, на берегу Ливийского моря, древний порт Коммос, возрожденный после стихийных бедствий, опять стал пунктом отправления мореходов в Ливию, Египет и на Кипр. Контакты с Египтом, хорошо заведомствованные при Тутмосе III в XV в., продолжали расширяться в XIV в. Надпись из Египта времен Аменхотепа III (1406—1362 гг.),

упоминает ряд критских городов, что предполагает поездки самих египтян на Крит. Очевидно, именно уроженцы долины Нила принесли из Эллады некоторые художественные идеи соседей, что нашло прямое отражение в творчестве египетских художников, работавших в Эль-Амарне у фараона Эхнатона (около 1372—1354 гг.). А в мало изученной западной части Крита в XIV—XIII вв. вновь крупным городом стал Ханиа-Кастелли. Падение кносской монархии существенно не отразилось на дальнейшем развитии хозяйств племен, населявших остров, о которых упоминал ахейский эпос, отмечая их смешанный язык (Одиссея, XIX, 175—179). Сближение разных частей критского населения отразилось и в культуре: происходило органичное слияние древних, «минойских», элементов с общеэллинской культурной традицией. Например, во многих городах Крита население стало писать слоговым письмом Б.

Гибель кносской монархии и ее дворцовой культуры отчасти содействовала новому подъему роли племени — традиционной политической единицы. По-видимому, обособленность критских племен — эпос называет этеокритян, кидонян, пеласгов и ахейн — способствовала устойчивости в них традиций внутрплеменного управления. Можно предполагать рост локальных племенных объединений. Теперь полностью изменилось положение Крита в системе общегреческих отношений. Политическая децентрализация острова отодвинула критян в эллинском мире на второстепенное место. Следовательно, в конце XV в. эта южная окраина эллинских земель сама по себе не привлекала особого внимания. По-видимому, устойчивые контакты материковых ахейн с возвысившимся при XVIII династии (1580—1344 гг.) Египтом и с подчиненными ему Палестиной и Сирией носили мирный коммерческий характер. Ведь ахейские династии знали, что в этом направлении завоевания нереальны, что наибольшую выгоду они могут получить, привозя на юг высокоценные изделия эллинских мастеров и дефицитные виды сырья балканских земель. Около 1400 г. гибель кносского царского дома позволила материковым мореходам полностью взять в свои руки торговлю с Кипром и ближайшими к нему царствами Сирии — Библом, Угаритом, Алаахом и др. Особенно знаменательна смена критян ахейцами в небольшом царстве Угарит, в столице которого уже давно находилось обособленное критское подворье. Весьма интенсивным было проникновение ахейн в земли к югу от Кадеша, в XIV—XIII вв. подчиненные Египту. Несомненно, южные и восточные порты Крита играли лишь транзитную роль в упомянутых связях. Видимо, в XV—XIV вв. ахейне уделяли большое внимание развитию связей с северобалканскими племенами. Богатейшие залежи медной руды и другие минералы их земель делали общение с огромными этническими массивами севера действительно необходимым для ахейн. Языковые контакты с ними эллинам облегчала общая индоевропейская принадлежность. Социально-экономическое развитие этих племен юго-восточной Европы в эпоху средней и поздней бронзы вело к росту их родовой знати, которая была весьма заинтересована в привозе предметов роскоши из ахейских царств. Вещественные источники показывают, что связи устанавливались прежде всего морскими путями. В прибрежных землях Иллирии были найдены изделия ахейских гончаров и оружейников, которыми около 1400 г. пользовались защиточные воины. Но особенно яркое свидетельство доставляет знаменитый Бессарабский клад. Датированный 1400—1200 гг. этот комплекс из земель в устье Днестра содержит привезенные из Эллады изделия, ценность которых указывает на высокий ранг их обладателя. Но и рядовые члены палеофракийских племен потребляли изделия ахейских мастеров, особенно мелкие ювелирные поделки. Надлежит подчеркнуть, что обитатели Дунайского бассейна давно служили связующим звеном между населением Средней и Западной Европы и южнобалканскими землями. Еще в XVI в критские ук-

рашения попадали в руки жителей Моравии, носителей Унетицкой культуры. Тогда же ахейские династы обильно украшали себя изделиями из прибалтийского янтаря. В XV—XIV вв. европейские контакты Эллады не ослабевали и ахейские изделия продолжали поступать в северо-западные края. Даже в Англии найдены изделия ахейских ювелиров (золотая чаша из Риллстоуна) и оружейников (бронзовых кинжал из Пилланта), попавшие туда в 1500—1300 гг. В 1600—1400 гг. ахейская Греция поддерживала устойчивые контакты с Сицилией и Италией — о них свидетельствуют многочисленные археологические источники.

Но сколь бы обширны ни были меновые связи ахеев с близкими и дальними странами, выгодны эти контакты были лишь высшим слоям населения Эллады. Происходивший в рассматриваемое время численный рост сельского населения при неизменном размере земельного фонда неизбежно усиливал давление избытка населения на производительные силы. Грабежи соседей, происходившие очень часто (Фукидид, I, 5, 3), не могли разрешить вопрос. Выход в XIV—XIII вв. подсказало мореходство ахеев.

Естественно, что внимание ахеев привлекало прежде всего ближайшее побережье Малой Азии. Здесь находились мелкие царства, часть которых признавала верховную власть хеттов. Но могущественная Хеттская держава в XVI—XV вв. была занята и внутренней консолидацией, и борьбой с внешними врагами. Особенно трудным было положение хеттов при царе Тудхалии III (около 1400—1385 гг.), когда мощная коалиция врагов хеттов временно овладела их столицей Хаттусасой. Этими обстоятельствами энергично пользовались ахеев — после 1400 г. на малоазийском побережье появилось много ахейских поселений. Хронологическая близость упомянутых событий показывает, что ахеев знали о положении в стране хеттов, за которыми внимательно следил и дружественный эллинам, но враждебный хеттам Египет.

Археологические источники, добытые в 1960—1980-х годах, открыли неизвестную ранее картину широкого расселения ахеев на западе Малой Азии. Центральным пунктом являлся Милет, где уже в XIV в. был возведен крупный комплекс с царским мегароном и окружающими жилыми и хозяйственными постройками. Фрагменты хеттской керамики указывают на связи с могущественным соседним царством. Около 1300 г. город погиб в пожаре, но вскоре был восстановлен и окружен мощной оборонительной стеной. Местное производство керамики позднемикенского стиля указывает на оживленную ремесленную жизнь в XII—XI вв. В ряде других мест также обнаружены остатки ахейских поселений и их некрополей (Эфес, Иас, Галикарнасский полуостров, Колофон, Тарс). На северо-западном побережье Малой Азии длительно поддерживало связи с ахейским миром небольшое Троянское царство. Контакты ахеев с хеттами отражены в известных ныне хеттских дипломатических документах — в них часто упоминаются Аххиява и ее цари. Вопрос о точной локализации названного ахейского царства еще не решен. Однако очевидно, что отношения Аххиявы и хеттов, длившиеся несколько веков, были полны многими событиями. Например, один царь хеттов, вероятно Муватталис (1306—1282 гг.), в письме к царю Аххиявы сообщает, что, к его сожалению, преследуя своего непокорного вассала Пиямарада, укрывшегося в ахейском городе Миллаванде (Милете), он «посетил» Милет, но Пиямарад оттуда уже бежал морем. Хеттский монарх просит державного ахейца помнить об их дружбе, обвиняет в грубости хеттских и ахейских послов, обостривших отношения между обеими династиями, и предлагает «предать послов суду, отрубить им головы, разрубить их тела и после этого жить в нерушимой дружбе». Упомянутый документ ясно указывает на то, что Милет пользовался поддержкой одного из эллинских царей и служил иногда орудием ахеев против хеттов и их вассалов.

лов. Однако временами отношения становились действительно мирными. Например, Мурсилис II (1334—1306 гг.), заболев, письмом обращался за помощью к богам Аххиявы.

Взаимоподтверждающие данные ахейских вещественных источников и хеттских текстов делают понятным то внимание к Малой Азии, которое в XIII—XII вв. проявляли ахейские поэты — творцы эпоса. Подвиги удачливых воинов, возвращавшихся на родину из Азии, возбуждали всеобщее любопытство и вдохновляли аэдов.

По-видимому, ахеяне, считаясь с властью хеттов в Малой Азии, дальше прибрежных земель здесь не заходили. Но уже в XIII в. отдельные мореходы пытались добраться до берегов Восточного Понта, неподвластного хеттам. Так, в «Илиаде» (VII, 467) и «Одиссее» (XII, 69—72) упоминается Ясон, плывавший в Черное море на корабле Арго. Об этом походе говорили многие мифы.

Подобные экспедиции приносили выгоды только отдельным царям. Между тем захватнические устремления ахейских верхов возрастали все больше, равно как и росла перенаселенность Греции. Поэтому в конце XIII в. коалиция ахейских царей выступила для завоевания Троады, крайней северо-западной области Малой Азии. Эллина давно посещали Трою и знали, что после сильного землетрясения около 1275 г. город находился в тяжелом экономическом положении, что должно было ослабить его обороноспособность.

Овладение Троадой сулило эллинам завоевание обширных земель. Фукидид (I, 11) упрекает участников похода в том, что они не занялись вплотную осадой Трои, но обратились к обработке земли на полуострове и к грабительским набегам. Очевидно, захват территории для поселения был одной из главных задач для рядовых ахеян. И хотя поэтическое творчество аэдов блестяще разработало романтический сюжет похищения Елены, прекрасной жены спартанского царя Менелая, брата Агамемнона, определяющим фактором троянского похода были чисто материальные соображения.

Археологические источники подтверждают сообщения Фукидида о том, что в период, предшествовавший войне с Троей, Эллада страдала от недостатка средств, так что, по утверждению историка (I, 10—11), даже не могла выставить достаточное количество воинов. После 1250-х годов сократились торговые связи жителей материка с Египтом и Левантом. На западе около 1250 г. передвижения племен Южной Италии в Сицилию и на Липарские острова привели к сокращению связей и с этими землями. Но особенно неблагоприятными были крупные этносоциальные процессы в жизни соседних северобалканских племен. Быстрое увеличение их численности вело ко многим передвижениям и военным столкновениям. Дестабилизация отношений в огромных массах Иллирии и Фракии, ясно заметная после 1300 г., ломала давние контакты названных племен с ахеянами, что вело к сокращению притока сырья из этих богатых земель в Элладу. Особенно значительными были массовые переселения, например, переход фригийцев и мизийцев из Фракии в Малую Азию. Таким образом, менявшаяся обстановка в землях северных соседей не только резко сокращала экономические контакты, но и ставила преграды для каких-либо территориальных устремлений греков в тех направлениях.

Возрастали трудности малоазийских ахеян — Хеттское царство постепенно распространяло свое господство на запад и после 1300 г. даже временно захватило Милет, что вызывало враждебные отношения ахеян и хеттов. Свидетельством этого служит хеттский дипломатический документ, составленный при царе Тудхалии IV (1260—1230 гг.). О враждебном отношении ахеян к хеттам говорится и в эпосе: в «Одиссее» прославлена победа Нептолема, сына Ахилла, над вождем хеттов Еврипилом.

В столь сложной обстановке военная экспедиция в Трояду могла быть осуществлена лишь значительной армией, собранной из многих земель Эллады. Это событие оставило глубокий след в памяти греков: в героических песнях, в исторических легендах и в трудах Геродота и Фукидида сохранилось много упоминаний об этой войне. Весьма важно указание Фукидида (I, 9) на то, что не все ахейские династы были склонны к участию в походе на Трою и что только страх перед могущественным Агамемноном, сыном Атрея, царем Микен и обладателем господства на море, заставил их выступить под его главенством.

Археологические источники подтверждают сведения о значительном превосходстве микенских династов над остальными ахейскими басилеями. Именно в XIII в. в Микенах было разрушено монументальное строительство. Возведенные тогда крепостные стены и несколько импозантных царских усыпальниц (среди них особенно выделяется так называемая «Сокровищница Атрея», относящаяся приблизительно к 1250 г.), бесспорно, свидетельствуют об огромных экономических возможностях Микен. Такое богатое царство могло располагать самым крупным флотом во всей Элладе. Конечно, микенские династы создавали свой флот не один десяток лет, готовы и корабли, и достаточное число экипажей. Но особенно возросло морское могущество микенян при династии Пелопидов, о которой сохранился ряд известий.

В Микенах за одно поколение до Троянской войны утвердился царевич Атрей, сын Пелопса. Краткие сообщения Фукидида о воцарении Атрея позволяют понять, что Пелопид умело использовал тревогу широких слоев народа, опасавшегося вторжения дориев. Новые цари, Атрей и затем его сын Агамемнон, приложили большие усилия для развития флота, что позволило Агамемнону создать крупную военную коалицию материковых и островных басилеев. Огромное значение этого союза отметил Фукидид в своем труде — недаром древний историк подчеркнул, что до Троянской войны Эллада ничего не совершила сообща (I, 3). Однако даже столь свободное объединение, как временный военный союз, не было воспринято эллинами безоговорочно. Здесь следует опереться на ахейский эпос, уделивший большое внимание племенной принадлежности почти каждого участника Троянской войны и проявлениям недовольства гегемонией Агамемнона. Эпические произведения о Троянской войне являются литературными памятниками, но именно поэтому «Илиада» и «Одиссея» верно отразили некоторые тенденции тогдашней эллиской мысли. В частности, неприязненность эпоса по отношению к Атриду, несомненно, является отзвуком оппозиции главенству Агамемнона со стороны мелких басилеев и широких масс воинов-земледельцев, оторванных от своих полей ради войны в Троеде.

Археологические исследования показали, что где-то незадолго до 1200 г. Троя была действительно взята неприятелем и полностью разрушена. Одновременность этого события с Троянской войной, упоминаемой греческой легендарной традицией, позволяет с уверенностью говорить о факте похода ахеев на Трою. Достоверность этого события подтверждается и тем обстоятельством, что в богатой общеэллинской легендарной традиции и в локальных преданиях Троянская война повсюду выступает как важнейшая веха в истории Эллады. Народная память греков сохранила это событие не столько как победоносную кампанию, сколько как важную поворотную грань истории эллинов. Их устная традиция полна мыслью о том, что Троянская война завершила славный период ахейского могущества, за которым последовали многие десятилетия упадка.

Действительно, в XII—XI вв. вновь наступила эпоха политической раздробленности страны. Обширная легендарная традиция, использованная поэтами, Геродотом и Фукидидом, сохранила множество сведений о

передвижениях племен, о выселениях некоторых массивов из страны, о войнах между династиями, потомками героев троянского похода. Некоторые центры погибли в пожарах в эту эпоху, что подтверждает сведения легенд и известия Фукидида о том, что распри приводили к переселениям из одних мест страны в другие (Фукидид, I, 12). Внутренняя экономическая неустойчивость Эллады была тогда усилена натиском северных соседей. Интенсивное развитие протоиллирийских и протомакедонских этнических массивов в эпоху поздней бронзы (1500—1200 гг.) и рост их численности вели к движению отдельных их групп в южные области. Археологические исследования показали проникновение иллирийских элементов в земли северных греческих племен. Поэтому доряне были вынуждены двинуться оттуда в Среднюю и Южную Грецию. Фукидид называет лишь главные перемещения: из Фессалии в Беотию были вытеснены обитатели Арны, а доряне, возглавляемые Гераклидами, овладели Пелопоннесом. Несомненно, что одновременно происходили и мелкие перегруппировки племен.

Движение дорян из Средней Греции в Пелопоннес оставило наиболее яркие следы в исторических преданиях эллинов. Обоснованное рассказом о правле Геракла (см: Илиада, XIX, 97—134) на владычество в Аргосе, дорийское переселение заняло главенствующее место в древнейших греческих легендах, повествовавших о походах Гераклидов и их военных успехах.

И действительно, в XII в. Средняя и Южная Греция пережили ряд военных столкновений. Археологические данные показывают, что вскоре после 1200 г. ряд центров погиб во время неприятельских атак. Сгорели городские кварталы Микен, и даже на акрополе произошли разрушения. Испытал нападение Тиринф. На западе Пелопоннеса в Пилосе полностью погиб в огне и не был восстановлен неукрепленный царский дворец. Военному разгрому подверглись поселения в разных областях. И на острове Паросе большое укрепление погибло около 1200 г. Но эти разрушения не были повсеместными. В Элиде мощная крепость Тейхос-Димайон стояла твердо до конца XII в., а в Микенах и Нихории возобновилась жизнь. Особенно интенсивная городская деятельность между 1220 и 1100 гг. заметна в Тиринфе.

Приведенные факты указывают на неоднозначность процессов, связанных с движением дорян: какая-то часть земель оказалась им упорное сопротивление, в некоторые области отряды дорян даже не дошли, и там сохранилось давнее население. Но в массе военно-переселенческие движения XII в. оказали огромное влияние на социальную и политическую историю Эллады. Длительные столкновения истощали ахейские царства. Хозяйство в этих раннеклассовых государствах пострадало не только от грабежей: в войнах были физически уничтожены и члены правящих династий, и широкие круги населения, особенно рядовые воины. Уцелевшие в каждой области обитатели не были заинтересованы в восстановлении царского могущества, для них было жизненно важным сохранение традиционных общинных и внутриплеменных связей. Эти тенденции были столь сильны, что даже выжившие царские семьи постепенно утратили свое господствующее положение. Указанному процессу придавало силу и то обстоятельство, что сокрушавшие ахейские монархии северогреческие племена сохраняли первобытнообщинный социальный строй. Их общественные установления достигли лишь ступени военной демократии, не допускавшей еще особого выделения носителей царской власти. Это обусловило у дорян особую враждебность к царским дворцам на акрополях, богатства которых были ими быстро разграблены. Гибель дворцов, естественно, означала исчезновение обслуживавшего их персонала. Исчезло и употребление сложного ахейского письма, которое было бесполезно сельчанам и простым ремесленникам. Характерно, что

эпос сохранил какое-то недоброжелательство к письменности, видимо отражая отношение народа к записям царских экономов. Таким образом, в XII в. упрощение социальных установлений было обусловлено рядом причин, и это привело к доминированию институтов военной демократии по всей стране.

Надлежит отметить, что не все уцелевшие в войнах ахейские династии утратили власть. Древнейшие греческие легенды рассказывают о поселении на Кипре нескольких участников похода на Трою. Действительно, данные о крупном ахейском переселении на Кипр были открыты в 1950—1970-х годах. Большинство переселенцев происходило из Аркадии, и аркадский диалект распространился в XIII—XII вв. по всему острову. Ахейская династия там прочно воцарилась, и в течение многих веков на острове бережно сохранялись ахейские традиции в культуре. Даже политическое устройство в форме монархии непрерывно просуществовало на Кипре вплоть до IV в. до н. э.

Но сама Эллада пошла по пути развития республиканских форм правления, приведших к формированию особого типа государства — полиса — уже спустя два-три столетия после дорийского переселения.

6. КУЛЬТУРА ЭЛЛАДЫ В XXX—XII вв.

Самобытная и многогранная раннегреческая культура сформировалась в 3000—1200 гг. Различные факторы ускоряли ее движение. Например, завершавшийся этногенез греческого народа укреплял внутренние связи всего грекоязычного мира, несмотря на нередкие локальные столкновения.

Созидательная деятельность греков эпохи бронзы основывалась на выработке ими большого запаса экспериментальных знаний. Должно прежде всего отметить уровень и объем технологических знаний, позволивших населению Эллады широко развить специализированное ремесленное производство. Металлургия включала не только высокотемпературную (до 1083°С) плавку меди. Литейщики работали также с оловом, свинцом, серебром и золотом, редкое самородное железо шло на ювелирные изделия. Создание сплавов не ограничилось бронзой, уже в XVII—XVI вв. греки изготавливали электр и хорошо знали прием золочения бронзовых изделий. Из бронзы отливали орудия труда, оружие и бытовые предметы. Все эти изделия отличались рациональностью формы и качеством исполнения.

Гончарные изделия также свидетельствуют о свободном владении сложными термическими процессами, проводившимися в печах различной конструкции. Применение гончарного круга, известного еще с XXIII в., способствовало созданию и иных механизмов, приводимых в движение силой человека или тягловых животных. Так, колесный транспорт уже в начале II тыс. состоял из боевых колесниц и обычных повозок. Принцип вращения, издавна использовавшийся в прядении, применяли в станках для изготовления канатов. При обработке дерева применялись токарно-сверлильные приспособления. В строительном деле использовали сложные комбинации катков и рычагов. Свидетельством мастерского владения такими механизмами является исключительно точная установка массивных каменных плит в монументальных сооружениях XIX—XII вв. Например, в микенском Большом фолосе один из блоков стен дромоса имеет по фасау размеры 6×1,25 м, а в укреплениях Тиринфа некоторые глыбы весят по 10—12 т.

Достижения инженерной мысли ахей ясно иллюстрируют созданные в XVI—XII вв. водопроводы и закрытые водосборники. Особенно показательны знание гидравлики и точность расчетов, произведенных при со-

оружении потайных систем водоснабжения в крепостях Микен, Тиринфа и Афин около 1250-х годов. Сходство трех упомянутых комплексов указывает на выработку греками сложных инженерных норм, передававшихся знаатоками в устной форме из поколения в поколение.

Накопление технологических знаний и прогресс мастерства широкого круга рядовых работников как в сельском хозяйстве, так и в специализированных и домашних ремеслах были основой интенсивного экономического развития страны.

Высокими достижениями отличалось зодчество. Архитектурные памятники ярко отражают наличие имущественного неравенства и свидетельствуют о появлении раннеклассовых монархий. Уже монументальные критские дворцы XIX—XVI вв. поражают масштабами: в XVI в. до н. э. дворец в Кноссе занимал около 18 тыс. м², в Фесте и Маллии — около 9 тыс. м², в Закро — около 6 тыс. м². Возводившие их зодчие успешно разрешали задачу разместить вокруг центрального открытого двора множество парадных, жилых, производственных и хранилищных комплексов. В Кноссе необходимость создания около 1500 помещений заставила строителей обратиться к конструкциям в 3—4 этажа. Однако характерно, что общий план критских дворцов был как бы лишь монументальным повторением плана усадьбы зажиточного земледельца.

Иной уровень архитектурной мысли являют более поздние дворцы материковых царей. В основе их лежит центральное ядро — мегарон, также повторяющее традиционный план рядового жилища. Он состоял из передней (продомос), главного зала (домоса) с парадным очагом и задней комнаты. В Пилосе и Тиринфе зодчие возвели второстепенные корпуса по периметру мегарона, так что их внешние стены составляли как бы ограду всего комплекса дворца. Многие акрополи были защищены мощными каменными стенами толщиной в среднем 5—8 м. В Тиринфе же стены местами имели до 17 м толщины. Стены возводили из тщательно отесанного штучного камня или из огромных глыб, составляющих так называемую киклопическую кладку.

Не менее впечатляет мастерство архитекторов, создававших монументальные ульевидные царские гробницы, фолосы. Выдающимся памятником архитектуры является микенский Большой фолос, который Павсаний (II, 16) назвал «Сокровищницей Атрея». Возведенная около 1250 г. эта усыпальница и ныне сохранила все основные черты конструкции, что позволяет судить о профессиональном уровне ее зодчего и строителей. Так, вход в названную гробницу был перекрыт монолитным каменным блоком, весившим 120 т. Купол усыпальницы высотой 13,2 м составляли 33 ряда плит. Эти блоки регулярных очертаний плотно сложены насухо.

Мастерство ахейских зодчих дополнялось достижениями других видов искусства. Назовем высокохудожественный полихромный и рельефный декор внешних и внутренних стен крупных зданий. Широко применялись колонны и полуколонны, резьба по камню и мрамору, росписи стен сложнейшими композициями. Открытие великолепных фресок в домах Акротир на Фере, созданных около 1500 г., показало, что уже в XVI в. творчество некоторых островных мастеров превосходило умение критских художников того же времени. И на материке во дворцах Тиринфа, Фив и Пилоса известны росписи высокого качества. В 1970 г. в развалинах одного дома на акрополе Микен найдена фреска конца XIII в., представляющая собой уникальное произведение мировой живописи. Искусство создателя этой так называемой «Дамы из Микен» позволяет судить о высоком уровне художественного творчества в ахейской Греции.

На протяжении XX—XII вв. быстро развивалось искусство вазовой росписи. Уже в начале II тыс. до н. э. традиционный геометрический орнамент критян был дополнен мотивом спирали, блестяще разработан-

ным кикладскими мастерами еще в предшествующие века. В дальнейшем, в XIX—XV вв., во всех областях страны вазописцы обратились и к натуралистическим мотивам, воспроизводя растения, животных и морскую фауну. Должно отметить, что в некоторых районах сложились яркие локальные художественные традиции, четко характеризующие вазопись каждого центра. На материке после XV в. получили большое распространение вазы с изображениями людей, преимущественно воинов.

Широта художественных запросов общества проявилась в пристальном внимании искусства к человеку и его деятельности. Блестящим примером являются уже упомянутые многоцветные росписи в домах горожан Акротири, исполненные несколькими мастерами. На них мы видим борющихся детей, стройного обнаженного рыбака со связками макрели, просто одетую кокетливую девушку, несущую вазочку, и богато одетых женщин. Интересна фреска с изображением речного пейзажа и картина, представляющая корабли различных типов, двигающиеся вдоль морского берега, на котором нарисованы города-крепости, поля и горные пастбища. Особенно важна передача идеи движения, что принципиально отличает культуру Эллады в XXX—XII вв. от традиций одновременных ей других древних культур. Высокое профессиональное мастерство позволило художникам в условиях ломки общественного мировоззрения быстро отойти от древних канонов условности и орнаментальности. И если в искусстве III тыс. пока известны немногие памятники, говорящие о тяге художников к естественности, то в XX—XII вв. творения многих художников отличаются умением гармонично сочетать чувство живой природы с требованиями декоративного стиля. Особенно примечательно внимание искусства к внутреннему миру человека и стремление отобразить индивидуальные черты изображаемых персонажей. При этом художники не забывали о передаче физического облика человека, воспроизводя обнаженные фигуры в живописи, скульптуре, торевтике и глиптике. Примечательно, что даже в рядовых памятниках искусства можно заметить уважение к человеку. Например, беглые и грубоватые росписи на ларнаках, глиняных гробах, сделанные между 1300 и 1200 гг. в Танагре, представляют людей, полных достоинства и печали.

Литература ранних греков, как и других народов, восходила к традициям древнего фольклорного творчества, включавшего сказки, басни, мифы и песни. С изменением общественных условий началось быстрое развитие народной поэзии — эпоса, прославлявшего деяния предков и героев каждого племени. К середине II тыс. эпическая традиция греков усложнилась, в обществе появились профессиональные поэты — сказители, аэды. В их творчестве уже в XVII—XII вв. заметное место заняли сказания о современных им важнейших исторических событиях. Это направление свидетельствовало об интересе эллинов к своей истории, сумевших и позднее в устной форме сохранить свою богатую легендарную традицию на протяжении почти тысячи лет до того, как она была записана в IX—VIII вв.

Сказители, поэты и прозаики, создали много преданий о междоусобицах царей Эллады, о военной мощи крупнейших правителей, одними из которых были кносские цари. Много сказаний было посвящено длительным войнам коалиции нескольких ахейских царств против могущественного Фиванского царства, закончившимся его гибелью. Появление в обществе одаренных аэдов способствовало расцвету устного литературного творчества. О силе его воздействия на тогдашние умонастроения греков свидетельствуют частые воспроизведения эпических сюжетов в искусстве XVI—XII вв., начиная с царских надгробий и оружия из Микен XVI в.

В XIV—XIII вв. эпическая литература сложилась в особый вид искусства со своими специальными правилами речевого и музыкального

исполнения, стихотворным размером — гекзаметром, обширным запасом постоянных характерных эпитетов, сравнений и описательных формул. Устная передача — декламация или пение — немало способствовала строго объективному отбору произведений, которые народ удержал в своей памяти.

Об уровне поэтического творчества ранних греков свидетельствуют эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея» — выдающиеся памятники мировой литературы. Обе поэмы относятся к кругу исторических повествований о походе ахейских войск после 1240 г. до н. э. на Троянское царство. Поэт Гомер выделил из общей массы созданных былин две названные поэмы, видимо переведя их с ахейского диалекта на древнеионический диалект и укрепив их композиционное единство. Обработанные поэтом произведения народного эпоса в последующие века греки стали считать творениями самого Гомера. Однако оба героических сказания, записанных лишь в IX—VIII вв., бесспорно, являются органическими частями духовной и материальной культуры греческого общества XV—XII вв. Поэтому нам кажется, что создание названных памятников эпоса должно быть отнесено к XVI—XI вв. Возможно, Гомер был лишь гениальным компилятором героических песен, созданных ахейскими аэдами.

Содержание «Илиады» посвящено военным действиям при осаде Трои. Безвестные аэды с большим мастерством изобразили ахейских героев и их противников, ярко оттеняя характерные черты каждого человека. Главный герой поэмы Ахилл является олицетворением военной доблести, ему противопоставлен корыстолюбивый микенский царь Агамемнон. Тонко отражая существовавшие тогда реальные противоречия между народом и носителями царской власти, авторы поэмы неоднократно обращаются к прошлым временам, видя там идеальные отношения людей. В тексте «Илиады» подробно и неоднократно описаны военные и бытовые реалии ахейского времени. Многие упомянутые там предметы вышли из употребления уже в конце эпохи бронзы, и только археологические раскопки в ахейских центрах XVI—XIII вв. доставили образцы таких изделий. Назовем, например, восьмеркообразный щит и плем из кабаньих клыков, входившие в оборонительные доспехи ахейских героев. Наличие упомянутых и многих других элементов позволяет с уверенностью выделять древнейшие части в столь обширной поэме о походе на царство Приама.

Созданная несколько позже «Илиады» «Одиссея» излагает возвращение ахейских героев на родину после падения Трои. Внимание творцов эпоса обращено здесь на реальный мир, на превратности человеческой судьбы. Так, если цари Нестор и Менелай благополучно вернулись домой, то владыка острова Итака царь Одиссей претерпел многочисленные беды. Даже в собственном доме Одиссею удалось одолеть проникших туда врагов лишь с помощью юного сына Телемаха. Авторы «Одиссеи» широко использовали мотивы сказок и народных новелл и также ярко описали реалии своего времени. Примечательно, что описанные в этой поэме дворцы басилеев весьма близки к царским резиденциям XIV—XIII вв., остатки которых ныне раскопаны во многих областях Греции. Но богатства и роскошь династов не поглотили все внимание ахейских поэтов. Певцы видели трудности жизни и пели о горестях бедняков, особенно людей, потерявших свободу и ставших рабами. Размышляя о судьбе человека, аэды, создавшие основу «Одиссеи», считали, что каждый должен неустанно бороться с обрушивающимися на него бедами, что ум и сила помогут человеку добиться успеха.

Следует отметить, что обе поэмы показывают удивительное созвучие эпоса пластическому творчеству Греции XVIII—XII вв. Их объединяют сила и жизненность образов, богатство воображения и свободолюбие. Высокое литературное искусство ахеев, выдвинувшее на первый план че-

ловека и его роль в своей судьбе, несмотря на предопределение богов, является драгоценным вкладом ранней Греции в мировую культуру.

Помимо художественной литературы, в устной традиции греков изучаемого времени хранилось также огромное количество исторических, генеалогических и мифологических преданий. Они были широко известны в устной передаче вплоть до VIII—VI вв., когда их включила распространявшаяся тогда письменная литература.

Письменность в греческой культуре XII—XII вв. играла ограниченную роль. Как и многие народы мира, жители Эллады прежде всего стали делать рисуночные записи, известные уже во второй половине III тыс. Каждый знак этого пиктографического письма, как называл его А. Эванс, обозначал целое понятие. Критяне некоторые знаки, правда немногие, создали под влиянием египетского иероглифического письма, возникшего еще в IV тыс. Постепенно формы знаков упростились, а часть их стала обозначать только слоги. Такое слоговое (линейное) письмо, сложившееся уже к 1700 г., называется письмом А. Им написаны десятки текстов на глиняных табличках из дворцов Крита, его знаки употребляли для кратких записей на вазах и для меток каменотесов. До сих пор линейное письмо А остается неразгаданным.

После 1500 г. в Элладе была выработана более удобная форма письменности — слоговое письмо Б. Оно включало около половины знаков слогового письма А, несколько десятков новых знаков, а также некоторые знаки древнейшего рисуночного письма. Система счета, как и раньше, основывалась на десятиричном счислении. Записи слоговым письмом Б велись по-прежнему слева направо, однако правила письменности стали более строгими: слова, разделенные специальным знаком или пространством, писали по горизонтальным линиям, отдельные тексты снабжали заголовками и подзаголовками. Тексты чертили на глиняных табличках, выпарывали на камне, писали кистью и краской или чернилами на сосудах. Независимо от материала все надписи слогового письма Б исполнены на высоком каллиграфическом уровне.

Десятки исследователей пытались прочесть эти надписи, но лишь в 1952 г. письмо Б было расшифровано английским ученым М. Вентрисом в содружестве с Дж. Чадвиком. М. Вентрис доказал, что тексты линейного письма Б были написаны на греческом языке, а более точно — на его древнем ахейском диалекте. Открытие английского ученого обогатило раннюю историю греческого народа важнейшими источниками и вместе с тем показало, сколь длительна история европейской письменности.

Ахейское письмо было доступно лишь образованным специалистам. Его знали служители в царских дворцах и какой-то слой имущих горожан. Пока что нам неизвестны ахейские литературные тексты или монументальные царские надписи. При изучении раннегреческой письменности, начавшемся заново с открытия М. Вентриса, предстоит разрешить еще многие сложные вопросы. Однако уже сейчас следует подчеркнуть большую самобытность древнейшего греческого письма. Важно принципиальное изобретение ахейцев: уже в XV в. они имели знаки для гласных звуков, что весьма способствовало выработке алфавитного письма. Дешифровка ахейских текстов показала непрерывное развитие греческой письменности уже с XXII—XXI вв.

Религия ранней Греции играла большую роль в динамике общественной мысли эллинов. Разнохарактерные силы природы олицетворялись в виде особых божеств, с которыми было связано множество сакральных преданий, мифов. Эллинская мифология отличается богатством, причем она сохраняла и в позднейшие эпохи многие предания времен родового строя. На протяжении XXX—XII вв. религиозные представления населения Греции претерпели многие изменения. Первоначально исключительно почитанием пользовались божества, олицетворявшие силы при-

роды. Особо чтили Великую богиню, ведавшую плодородием растительного и животного мира. Ее сопровождало мужское божество, за ними следовали второстепенные боги. Культовые обряды включали приношения жертв и даров, торжественные процессии и ритуальные танцы. Божества имели определенные атрибуты, изображения которых весьма часты, причем они служили символами этих небесных сил. Например, символом военных божеств у критян был двулезвийный топор, у ахейцев — восьмеркообразный щит.

Образование раннеклассовых государств внесло новые черты в духовную жизнь, в том числе и в сакральные представления. Сообщество эллинских богов (пантеон) получило более определенную организационную структуру. Мировоззрение народа рисовало теперь отношения между богами, весьма сходные с теми, которые ахейцы видели в царских столицах. Поэтому на Олимпе, где обитали главные божества, верховным был Зевс, отец богов и людей, владычествовавший над всем миром. Подчиненные ему другие члены раннеэллинского пантеона имели специальные общественные функции. Так, дочь Зевса богиня Афина, защитница храбрых воинов, была также покровительницей разума и мудрости. Бог Посейдон, владыка моря, ведал делами мореходов, однако в его культе большая роль принадлежала коням, что связано с древними земледельческими верованиями. Хромой бог Гефест, которому в «Илиаде» уделено очень большое место, считался покровителем ремесел и искусств. Ахейский эпос, сохранивший сведения о почитании многих раннеэллинских божеств, передает и присущий только греческому мышлению несколько критический взгляд на небожителей: боги во многом сходны с людьми, им присущи не только благие качества, но также недостатки и слабости.

Политеизм эллинов во II тыс. ярко иллюстрируется произведениями искусства и письменными документами. В последних упомянуты многие важные боги — Зевс, Афина, Гермес, Посейдон. Богиня-Владычица еще не получила своего позднего имени Деметры, но почитание ее продолжало занимать ведущее место в народных культах. В отдельных областях заметна преимущественная роль одного небожителя, например в пилосских табличках часты записи о приношениях Посейдону. Наряду с богами почитались также различные духи и полубожки, иногда наделенные враждебными характерами. Произведения искусства и данные ахейского эпоса о неприязни олимпийцев к отдельным людям или племенам, видимо, отражали мнение ахейцев о существовании добрых и враждебных сил природы. О последнем говорят удивительно злые лица терракотовых богинь из святилища на микенском акрополе.

Наблюдая противоборство сил природы, древнейшие греки создали ряд отрицательных мифологических персонажей, несущих вред всему живому. В этих воззрениях сказались пережитки религиозной мысли родового строя. Необходимо отметить, что ахейская мифология ясно передает доброжелательное отношение народа к таким образам, каким было чудовище Минотавр, пожиратель людей. Характерно, что искусство ахейцев чрезвычайно выразительно воспроизводило жизнеутверждающие символы религии и доброжелательные образы богов-покровителей.

Культура Греции эпохи формирования раннеклассового общества и государства известна ныне не полностью. Однако и сейчас можно отметить ее основные особенности. Характерной чертой раннегреческой культуры было удивительное единство ее стиля, ярко отмеченного самобытностью, жизненностью и гуманностью. Человек занимал значительное место в мировоззрении этого общества; причем художники уделяли внимание представителям самых различных профессий и социальных слоев, внутреннему миру каждого персонажа. Особенность культуры ранней Эллады сказывается в том удивительно гармоничном сочетании мотивов природы и требований стиля, которые обнаруживают произведения ее

лучших мастеров искусства. И если первоначально художники, особенно критские, стремились больше к украшательству, то уже с XVII—XVI вв. творчество Эллады полно жизненности. Должно заметить, что изучаемой культуре присуща определенная традиционность, сохранение ряда старинных понятий, например мотива бегущей спирали, сохранившегося еще от культуры северобалканских племен эпохи неолита, получившего великолепное развитие в кикладском искусстве III тыс. и многократно воспроизведенного во II тыс. в орнаменте не только монументальных царских фолосов, но и в декоре бытовых предметов, особенно посуды. Вместе со спиралью народ сохранил и другие традиционные геометрические мотивы. Поэтому в эпоху после дорийского переселения, когда с гибелью дворцов резко уменьшилась потребность в предметах роскоши, геометрический стиль вновь занял ведущее место в искусстве.

В XXX—XII вв. население Греции прошло сложный путь экономического, политического и духовного развития. Указанный отрезок истории характеризуется интенсивным ростом производства, создавшим в ряде областей страны условия для перехода от первобытнообщинного к раннеклассовому строю. Параллельное существование этих двух общественных систем на землях Эллады оказало существенное влияние на все стороны жизни ее населения. Указанное обстоятельство обусловило своеобразие истории Греции в эпоху бронзы. Необходимо отметить, что многие достижения эллинов того времени явились основой блестящей культуры греков классической эпохи и вместе с нею вошли в сокровищницу европейской культуры.

Глава 2

РАННИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЛЕМЕННАЯ МИР НА ТЕРРИТОРИИ ИТАЛИИ И ИСПАНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н. Э.

1. ПЛЕМЕНА И НАРОДНОСТИ ИТАЛИИ

Железный век наступает в различных частях Италии в разное время, поэтому датировка начала эпохи раннего железа колеблется, но в определенных пределах: конец II — первые два века I тыс. В установлении датировки проявляются также подходы разных научных школ. Немецкие исследователи, опирающиеся преимущественно на археологические аналогии Италии с континентальной Европой, придерживаются так называемой «длинной хронологии» и датируют начало железного века примерно 1000 г. до н. э., а английские и шведские — сторонники «короткой хронологии» и связывают появление культуры железа с 800 г. до н. э. Наиболее распространенной является все же «средняя» позиция, выдвинутая Х. Мюллер-Карпе и поддерживаемая итальянскими специалистами, прежде всего М. Паллоттино. Эти исследователи исходят из двух четко датированных моментов: появления на почве Сицилии и Италии микенских предметов позднееэладского III периода (XIV—XII вв.) и «Великой греческой колонизации» VIII в. до н. э. Поэтому в датировке начала эпохи железа они склоняются к рубежу X и IX вв.

Археологические культуры, представляющие ранний железный век Италии, также разнообразны. Условия их формирования, т. е. переход от эпохи бронзы к железу, составляют сложную научную проблему. Кто создал эти культуры, как они соотносятся с предшествующими? На эти

вопросы при современном уровне знаний однозначного ответа не дается. Однако количество археологических материалов быстро растет, расширяются возможности их сопоставления с новыми лингвистическими данными и сообщениями античных авторов, что позволяет представить общую картину этнического, социального и культурного развития этого отдаленного времени довольно отчетливо.

При решении вопроса о характере перехода от бронзового века к железу исследователи учитывали неоднородность археологических культур Италии в эпоху бронзы. Ведь наряду с апеннинской культурой, распространенной в центральной и южной части полуострова, в Паданской области существовала культура террамар, открытая и изученная ранее апеннинской. «Террамара» значит «жирная земля». Такой землей назывались груды мусорной земли с остатками керамических и бронзовых изделий, костей, зерен злаков и винограда, веретенец и украшений в виде заколок, бус и т. п., которые образовались на месте древних поселений у озер и рек. От этих поселений сохранились столбы. Большинство исследователей считают их сваями, на которых покоились поселки, защищаемые от набегов врагов водным пространством. Некоторые же ученые видят в этих столбах частокол вокруг селений. Как бы то ни было, обитатели террамар использовали бронзу, занимались сельским хозяйством, охотой и рыболовством и кремировали своих умерших в отличие от апеннинцев, применявших ингумацию.

Переходный период от эпохи бронзы к железу в Италии принято называть субапеннинским. Он богато документируется керамикой. Но в прибрежных районах эта культура называется протовиллановой и связывается с проникновением новых пришельцев. При этом одни ученые (Р. Перони) видят в субапеннинской и протовиллановской культурах последовательные фазы в развитии, а другие (М. Паллоттино) считают различия между ними лишь терминологическими. В этот период в районах апеннинской культуры происходит смена погребального обряда, появляются кремации.

Зачастую культуры раннего железного века в Италии собирательно называют виллановой, потому что первое такое поселение было открыто в середине XIX в. в деревне Вилланова в предместье Болоньи. Позднее были обнаружены поселения аналогичной, но отнюдь не идентичной культуры раннего железа в Лигурии (Голасекки), в Венеции (Эсте), в Бруттии (Торре Галли), в центрах Южной Этрурии, в Лации (Альбанские горы) и в самом Риме. Господствующим типом погребений было сожжение, причем прах хоронили либо в урнах биконической формы, либо в урнах-хижинах. Однако венеты и сабины практиковали также и трупоположение.

Проблема распространения железа, как правило, и бронзы рассматривается в науке в связи с этнической проблемой. В XIX — первой половине XX в. было установлено, что овладение металлом в Италии совпало с расселением индоевропейских племен. Полагали, что индоевропейцы, говорившие на языках итальянской ветви, пришли в Италию в начале II тыс. до н. э. с севера и создали культуру террамар. Это были протолатины. Затем, в конце II тыс., появилась из-за Альп вторая огромная волна италиков, умбров и осков, которые создали культуру виллановы. Пути продвижения италиков считались альпийские проходы. В современной науке, однако, утвердилась иная точка зрения. Лингвисты доказали наличие доиндоевропейского языкового слоя в Италии, следы которого улавливаются в слове латинов, осков и других народов, и неуклонное вытеснение неиндоевропейских языков индоевропейскими. Расположение племен и народов на Апеннинском полуострове в середине I тыс. до н. э. показывает, что индоевропейзация Италии, при которой носители неиндоевропейских языков оказались как бы загнанными в

крайние западные и северо-западные районы, шла скорее с востока на запад и с юга на север. Отсюда следует, что индоевропейцы, прежде всего италики, распространялись не через альпийские горы, как думали в начале XX в., а преимущественно морем, прежде всего через Адриатику. При этом полагают, что движение пришельцев не было подобно великому переселению народов, известному в Европе в IV—V вв. н. э., а представляло собой постепенное длительное проникновение небольших групп колонистов.

Подавляющую массу индоевропейцев, переселявшихся в Италию, составляли италики. Это наименование широко применяется в науке либо ко всем родственным племенам италийской ветви языков, т. е. к латино-фалиско-сикульской и к умбро-оскско-сабельской группам, либо только ко второй из них. Однако, помимо италиков в широком смысле слова, на Апеннинском полуострове в начале железного века оказались и другие индоевропейцы. Античные авторы, чьи свидетельства собраны Дионисием Галикарнасским (I, 9, 89), говорят о расселении по Италии, особенно Центральной, народа пеласгов. Судя по топонимическим данным, они здесь действительно обитали, прибыв еще во II тыс. с востока, т. е. с Балкан. Их язык теперь определен как индоевропейский. Хотя пеласгийских поселений в начале железного века в Италии не осталось, вовсе исключать их из италийской этнической карты неправомерно. Вполне ощутимо зато пребывание других индоевропейцев. Это иллирийцы, двинувшиеся в конце II тыс. из придунайских районов к югу — на Балканы и затем в Италию, где среди иллирийцев известны племена яподов, япуков, япигов, давнов, певкетов, пелигнов. Долгое время к ним присоединяли мессанов и венетов, которых теперь считают носителями самостоятельных индоевропейских языков, причем венетский — близким к латинскому.

В VIII в. до н. э. в Италии и Сицилии возникли греческие колонии. Колонисты не были первыми греками, обосновавшимися на италийской и сицилийской почве. Еще во второй половине II тыс. предприимчивые ахейцы приплыли сюда на своих кораблях и стали основывать торговые фактории и даже колонии, наиболее плотно облепившие «каблучок» италийского «сапожка», а также юг Сицилии, Эолийские острова и Сардинию. Продвигаясь к рудным месторождениям будущей Тосканы, они осваивали и западное побережье полуострова, создав опорные пункты в Кампании и притирской зоне (Вивара, Луни суль Миньоне, Палатин). Путем, проложенным микенцами в VIII—VI вв., следовали эвбейцы, родосцы, наксосцы, мегаряне и коринфяне. Сначала халкидяне с Эвбеи утвердились на о. Питекусса. Потом, около 750 г., были основаны в осваивавшихся микенцами местах Кумы в Кампании. Около 734 г. основывается Наксос, около 733 г. — Сиракузы в Сицилии, в 720 г. — ахейский Сибарис и затем — Кротон, в 706 г. — спартанский Тарент. Они стали цветущими государствами, и с ними связаны последующие волны колонизации. Куманцы основали Неаполь, Дикеархию (Путеолы), Абеллу и Нолу в Италии, Запклу (Мессану) в Сицилии, сибариты — Посейдонию (Пестум) и Метапонт, сиракузяне — Камарину, Касмены, жители Гелы в начале VI в. до н. э. — Акрагант (Агригент). Затем последовали новые звенья колонизации, и сицилийские города основали: Мессана — Регию на италийском берегу, а Наксос — Катаны и Леонтину.

Позднее, в середине I тыс. до н. э., через Альпы перешли в Италию индоевропейские племена кельтов. Кельты любили украшать себя петушиными перьями, поэтому римляне называли кельтов галлами (лат. gallus значит петух).

Постепенно индоевропейцы заполнили Италию, частично вытеснив своих предшественников с насиженных мест, частично смешавшись с ними. При этом обычно побеждал язык пришельцев и их наименование

переходило на старое население. Но случалось, что переселенцы принимали название предшествующих обитателей. Смешивались друг с другом, разумеется, не только доиндоевропейцы с индоевропейскими колонистами, но и разные группы индоевропейцев. Этот процесс привел к тому, что этнолингвистическая карта Италии к середине I тыс. до н. э. оказалась очень пестрой, но в ней с достаточной четкостью определились районы компактных заселений племен и народностей, давших названия этим районам, сохраняющиеся в значительной степени до нашего времени.

Точное наименование доиндоевропейцев в Италии неизвестно. Часто их именуют тирренами или обобщенно средиземноморцами. Порой к ним относят то население, которое считали древнейшим в Италии античные авторы, т. е. лигуров, включая в их состав и сикулов, а также пиецпов и умбров, чьи самоназвания были потом восприняты группами итальянских пришельцев. Некоторые исследователи, однако, вообще считают лигуров индоевропейцами. Но это, конечно, не исключает наличия доиндоевропейских племен на Апеннинском полуострове, в Сицилии, на Сардинии и Корсике, сиканов, сардов, корсов, обитавших там со времен каменного века.

Этническую карту Италии и прилегающих островов дополняют финикийцы и этруски. Уже в конце IX — начале VIII в., стремясь установить торговые связи с Иберией и континентальной Европой, финикийцы, возможно с Кипра, начали проникновение на Сардинию. Они основали там прибрежные фактории на юго-западном острове Сульцис и затем, продвигаясь внутрь страны, — колонию в современном Монте-Сираи. На западной оконечности Сицилии опорным пунктом финикийцев стала Мотия.

Более интенсивной, однако, была колонизационная деятельность Карфагена, особенно в VI в. до н. э. Результаты ее особенно ощущались на островах — в Западной Сицилии, на Сардинии и на Корсике. Но как показывает этруско-пунийское святилище в Пирги (совр. Сан-Севера) с этрускими и пунийскими текстами, карфагеняне пытались закрепиться и на итальянском берегу. В самой же Италии финикийско-карфагенский элемент этногенетического значения не имел, чего нельзя сказать о другом народе — этрусках.

Подобно грекам и пунийцам, этруски были высококультурным народом по сравнению с современными им другими народами Италии. Их цивилизация красочно описана античными авторами и обильно представлена многочисленными памятниками. Тем не менее они до сих пор фигурируют в науке с этикеткой «загадочного» народа, до сих пор существует этрусская проблема, прежде всего проблема происхождения этрусков и интерпретации их языка. Вопросы эти возникли еще в античности. Латинские и греческие авторы обратили внимание на своеобразие этруской культуры. Римская Италия, включая область Этрурии, говорила на латинском языке в то время, когда писались дошедшие до нас сочинения древних писателей, и не понимала этруских текстов. Редкое исключение составляли немногие римские ученые (Варрон, Нигидий Фигул), чьи произведения почти не сохранились. Этрусский язык к концу I в. до н. э., хотя сакральные тексты продолжали воспроизводиться в прежнем виде, был забыт настолько прочно, что начали появляться толкования отдельных слов в трудах эрудитов, а позднее — целые словники. Этрусская история стала предметом специального изучения, и император Клавдий написал первый известный нам этрускологический труд в 20 книгах. К сожалению, он полностью утрачен, а от глоссариев с переводом этруских слов преимущественно на греческий язык дошли лишь незначительные фрагменты. Этруски пользовались алфавитным письмом, похожим на греческое и латинское, созданным на основе западногреческого алфави-

та, представленным тремя локальными вариантами. Писали этруски справа налево (реже — наоборот) и применяли иногда бустрофедон. При письме пользовались разделителями в виде точек и двоеточий, которые ставились иногда между словами, а порой — между слогами.

Сохранилось 11 тыс. этруских надписей, датируемых рубежом VIII/VII—I вв. При сравнительно легком их чтении перевод представляет огромные трудности. Установлено точное значение лишь около 100 слов. Это объясняется прежде всего тем, что этрусский не принадлежит ни к одной из известных языковых семей, а также относительной скудостью словарного состава текстов. Подавляющее большинство их — погребальные или сакральные надписи, как правило очень короткие. Пространных же текстов немного. Самый крупный находится в Загребском музее. Он написан на пеленах женской мумии и состоит из 1500 слов, из которых читаются 1185. 300 слов содержит текст на терракотовой черепице из Капуи, 130 — на травертиновой плите из Перуджи, 60 — на свинцовой пластинке из Мальяно. Трудность интерпретации этрусского языка усугубляется незначительным числом и краткостью билингв. Счастливые исключения составляют упомянутые выше две этрусские (длинная и короткая) и одна финикийская надписи идентичного содержания, найденные в 1964 г. в Пирги. В настоящее время длинный, так называемый текст А признан параллелью финикийского, в то время как краткий текст В является как бы конспектом первого. Наибольшие успехи в изучении этруских пиргских надписей принадлежат М. Паллоттино и А. И. Харсекину.

Ключ к пониманию этрусского языка искали разными способами. Прежде всего с эпохи Возрождения использовался этимологический метод, по которому этрусские слова сопоставлялись со словами других языков. Этрусский сначала сравнивали и сближали с древнееврейским, а на протяжении XIX и XX вв. — с латинским и иными итальянскими языками, а также с древнегреческим, кельтским, русским, армянским, африканскими, албанским, кавказскими. В XX в. утвердилось комбинаторная методика, предложенная еще в конце XIX в. Суть ее состоит в попытке объяснения этруских текстов из их предполагаемого характера и назначения. Ограниченность каждого из методов в отдельности привела к появлению комплексного метода, использующего возможности обоих с учетом билингвистической методики. Таким путем с разными вариациями идут современные исследователи. Приверженцем принадлежности этрусского языка к индоевропейской семье, считая, его родственным хеттскому, остается болгарский ученый В. Георгиев. Ряд ученых подчеркивают сейчас генетические связи этрусского с кавказскими и малоазиатскими (В. В. Иванов, И. М. Дьяконов). Итальянский языковед Дж. Девото выдвинул гипотезу о преиндоевропейском характере этрусского, считая его в основе средиземноморским, но с вкраплениями индоевропейской лексики. К наличию разных компонентов в составе этрусского языка склоняются теперь многие лингвисты. При этом признают сочетание кавказско-малоазиатского слоя с индоевропейским, в частности с пеласгским (Р. Гордезиани).

С вопросом о характере этрусского языка тесно связана и проблема происхождения этрусков. Подход к этой проблеме и ее разработка зависят в первую очередь от характера и числа источников, которыми располагала наука нового времени в разные периоды. Самой ранней и наименее жизнеспособной оказалась так называемая северная теория, не перешагнувшая XIX в. Сторонники ее считали этрусков пришельцами из Альп, отождествляя их с альпийским племенем ретов, известных античным авторам. Среди адептов этой теории были, в частности, Г. Б. Нибур и Т. Моммзен. В этрусках видели создателей культур террамар и виллановы, т. е. рассматривали их как компонент итальянцев.

Широкое распространение получила теория восточного происхождения этрусков. Она базируется на сообщении Геродота (I, 94) о переселении их из Малой Азии в Италию. Эмигранты покинули родину под предводительством сына Атиса, царевича Тирсена, почему стали именоваться тирсенами, или тирренами. По мере накопления данных источников восточная теория несколько видоизменилась. Одни ученые акцентировали внимание на сиро-финикийских и кипро-родосских мотивах в культуре этрусков, другие — на урартских. Болгарский лингвист Георгиев видит в этрусках троянцев, которых считает в конечном счете хеттами.

Обе теории представляли этрусков пришлым народом, принесшим в Италию свой язык и культуру в готовом виде. Против этих взглядов миграционистов выступили исследователи, защищавшие автохтонную теорию происхождения этрусков. Она тоже исходит из сообщения античного автора, в данном случае Дионисия Галикарнасского, утверждавшего, что этруски ниоткуда не приходили, но были древнейшим народом Италии. В современной науке этот тезис получил поддержку археологов и лингвистов. Была высказана мысль о том, что этруски — потомки энеолитического народа на территории Италии, практиковавшего погребальный обряд ингумации; следы языка этого народа усматриваются в именах и названиях местностей. Ни одну из гипотез происхождения этрусков сейчас подавляющее большинство авторитетных этрускологов не признает достаточно удовлетворительной. М. Паллоттино первым решительно сформулировал новую задачу в решении этруской проблемы — не искать следов возникновения, происхождения этрусков, а исследовать формирование этруского народа на итальянской почве из разных этнолингвистических и культурных элементов, туземных итальянских, европейских, восточных. Этруски все более отчетливо вырисовываются как народ, в этногенезе которого участвовали и местные доиндоевропейские племена, и италики, и иммигранты из Эгеиды. Но этнолингвистический и культурный облик и соотношение составляющих этруский народ еще ждут уточнения.

Бесспорным для приверженцев всех теорий остается лишь один факт — присутствие этрусков в начале железного века, т. е. в VIII в. до н. э., в Италии.

Начало I тыс. до н. э. — время постоянных проникновений племен на Апеннинский полуостров и их передвижений и вместе с тем время упорочивания компактных этнических групп на занятой ими территории. От этой эпохи идут названия областей Италии, в значительной мере сохранившиеся до наших дней. Центральная часть полуострова, обращенная к Тирренскому морю, получила название Лаций — по осевшим там латинам. Севернее, на правобережье Тибра, начиналась Этрурия, древнейший очаг культуры этрусков, или тусков, откуда современное название — Тоскана. Этруски постепенно расширяли свое господство к северу от р. Арно, где обитали умбры и лигуры, давшие наименование Лигурии. В середине I тыс. до н. э. весь район бассейна р. По, которую римляне называли Падусом, греки — Эриданом, а лигуры — Бодинком, был заселен галлами, потеснившими лигуров к крайнему северо-западу, почему он и стал называться Галлией Цизальпийской (т. е. Галлией по сю, с точки зрения римлян, сторону Альп). В северо-восточном углу полуострова обосновались венеты. Южнее Галлии Цизальпийской, занятой тогда лигурами и этрусками, к востоку от Апеннин простиралась Умбрия — область италиков-умбров, граничившая на западе с Этрурией, и Пицен — область умбризированных доиндоевропейцев, пиценов.

Если вернуться к центру полуострова и взглянуть на восточных и южных соседей латинов, то ими окажутся итальянские племена сабинов, герников и вольсков. Последние граничили с Кампанией, заселенной

родственными латинам авзонами, или аврунками, постоянно подвергавшимися набегам горцев-самнитов, принадлежавших к оскским племенам. По ним центральная часть Апеннин и их отрогов стала называться Самнием. Смещение различных итальянских племен между собой положило начало сабелльским племенам марсов, марруцинов, вестинов, локализовавшихся в районе Фуцинского озера. Южная Италия, обращенная к Тирренскому морю, была заселена осками, луканами и называлась Луканией. Юго-западная оконечность итальянского полуострова была названа Бруттием, ибо там преобладали италийки-бруттии, а юго-восточная — Япигией. Там обитали иллирийские племена япигов, давнов, певкетов и мессапов (последние — с заметным добавлением критского элемента), а на крайнем юго-востоке иллирийцы — салентины и калабры, по имени которых район получил свое наименование Калабрия. Впоследствии Япигия по племени апулов стала называться Апулией. Италию раннего железного века характеризует, однако, не только этническое разнообразие. Разноплеменные носители культур виллановы находились на разных стадиях социально-экономического развития. Этруски и греки отличались от италиков и иллирийцев. Да и в их среде уровень и темп развития были неодинаковы.

Большое место в хозяйственной жизни италиков занимали охота и скотоводство. Это нашло отражение в тотемистических верованиях, связанных с упомянутыми родами деятельности. Тотемным животным самнитов считался бык (лат. *bos, bovis*), в связи с чем один из самнитских центров назывался Бовиан. Родоначальником пиценов считался дятел — цик (лат. *picus*). Одно из самнитских племен было связано в мифологических представлениях с волком (*hirpus*), от которого происходит их этноним — гириины, о связи с волком группы латинян говорит образ мифической кормилицы основателей Рима — волчицы. Показательно в этом смысле и название Италии. По одному из древних объяснений, оно восходит к итальянскому слову «бычок», «теленоч» (лат. *vitellus*, оскск. *vitlu*). Эти языковые данные находят соответствие в остеологических остатках на местах древних поселений, где наряду с костями диких животных встречаются кости домашних быков, овец, свиней и копей. Внедрение в хозяйство железных орудий труда способствовало распространению земледелия. Железный топор расчищал леса и расширял пашню, а железный лемех углубил вспашку. По всей стране стали возделывать пшеницу, растить виноград, а переняв у греков оливководство, и маслины. Применение железа сказалось и на ремесле, содействовало усовершенствованию бронзовых изделий, в том числе посуды. Прогрессировало повсеместно и керамическое производство. Некоторое количество железного оружия в погребениях, а также украшений — застежек, бус из янтаря, изящной посуды греческого происхождения свидетельствует о расширении контактов, о внеиталийской торговле, осуществлявшейся через посредство греков, этрусков, карфагенян. Примитивная Италия могла привлекать финикийских и греческих торговцев как страна, богатая металлами, а со временем — и живым товаром, рабами. В противовес бытовавшей в науке точке зрения о том, что знакомством с техникой металла, в том числе с железом, Италия обязана италикам, в настоящее время считают, что скорее — этруским, греческим и финикийским купцам.

Сдвиги в сфере производства воздействовали на социальную жизнь племен. Они объединяются в союзы. Изменяется картина Лация. В море мелких родовых и территориально-родовых поселений происходит сионизм, возникают города, в которых появляется богатая верхушка. Эти города образуют Латинскую федерацию. Позднее аналогичные процессы вызывают к жизни Кампанскую, Самнитскую, Луканскую и Япигскую федерации. Наряду с Лацием вырастают центры в Пицене (совр. Новил-

ляра) и в Умбрии. Стимулирующее воздействие на варварский мир Италии оказывают контакты с греческими полисами Великой Греции и Балканского полуострова, а также с этрусками. Обладание минеральными богатствами, медью и железом выдвинуло этрусков в передовой ряд итальянских обществ. Если греки в колонии принесли уже развившуюся цивилизацию, то специфический облик этрусской цивилизации складывался на месте. Современной науке установлено, что расцвет этрусской культуры связан с южной притирской зоной, где на защищенных обрывами холмов возникли города Тарквинии, Цере, Вейи. Градостроительство создало типичный ландшафт Этрурии. Здесь была образована Лига 12 (или 15) этрусских городов. Во главе Лиги стоял выборный из представителей городов — зилах, которого римляне называли претором. В VI в. волна этрусской колонизации распространилась на Паданскую область, где, согласно сообщениям античных авторов, возникло северное двенадцатиградие, включавшее Фельзину, Мантую, Мисну, Мельп и др., а также в VII—VI вв. и на Кампанию. В Кампанскую лигу входили Капуя, Нола, Адерры, Помпеи и др. Союзы эти носили скорее религиозный, чем политический характер. На протяжении всей своей истории этруски никогда не создавали прочных объединений и по большей части выступали в международной жизни древней Италии в качестве обособленных государств.

Ученые зачастую называют, как и иные античные писатели, этрусские города полисами. Однако это положение никогда не было доказано. Нам неизвестно, сложилась ли у этрусков античная форма собственности, присущая полисному коллективу. Поэтому более правомерно говорить об этрусских городах-государствах. Обычно крупный этрусский центр подчинял себе земледельческую область и более мелкие города. Часто последние служили портами для расположенных на некотором расстоянии от моря городов. Таким портом для Цере был Пирги, а для Фельзины (совр. Болонья) — возможно, Атрия или Спина. Такое положение диктовалось экономической необходимостью. Этруски были опытными сельскими хозяевами. Они мелиорировали земли с помощью системы каналов и выращивали зерновые, плодовые и лен. Этруски слыли искусными ремесленниками. Они производили своеобразную керамику — «буккеры». Она отличалась черным цветом, причудливостью форм (изделия имели вид диковинной птицы или животного) и рельефным декором (в виде человеческого головы, сфинксов или незатейливых петушков). Позднее, в VI в., в подражание грекам этруски стали изготавливать расписную чернофигурную керамику. Изделия этрусских мастеров достигали греческого мира, Ливана и Сирии. Эксплуатация рудников о. Ильвы (совр. Эльба) продвинула вперед не только металлообработку и производство оружия и орудий труда, но и художественное бронзовое литье. Затейливо изукрашенные металлическим кружевом и фигурками треножники, ручки котлов и крышки цист (коробок на ножках), разнообразные светильники, зеркала с резным рисунком, а позднее и скульптуры находились в Италии и материковой Греции.

Высокий по тому времени уровень развития производительных сил у этрусков проявлялся в строительстве. Их города, возвышавшиеся на холмах, имели регулярную планировку, обносились могучими оборонительными стенами из больших каменных глыб. В них возводились храмы на каменном фундаменте, богато украшенные рельефами из раскрашенной терракоты. Каменные фундаменты имели и жилые дома с деревянными стенами, покрытыми глиняной облицовкой. Двускатные крыши покрывались черепицами плоской и полужидкой формы. Внутри дома выкладывались печи. О большом мастерстве свидетельствует и строительство этрусских гробниц, вырубавшихся в скале. Отличительной чертой строительства было применение ложных арок и сводов.

Этруски считались смелыми мореходами и умелыми корабелями. Их флот был весельно-парусным с разными типами судов — от легких, быстроходных 20-весельных кораблей до 50-весельных, приспособленных и к боевым операциям, и к перевозке больших грузов. Этруские города вели широкую торговлю в Италии и за ее пределами. Богатые погребения содержат множество изысканных предметов роскоши — коринфских ваз, золотых и серебряных украшений, египетских скарабеев и изделий из слоновой кости, финикийских и кипрских поделок.

Политическое устройство этруских городов с течением времени менялось. Первоначально во главе их стояли дари, обладавшие и сакральными функциями. Внешним их отличием, как у многих народов, был скипетр. Они носили золотую корону в виде венка из листьев дуба и расшитое одеяние типа тоги, пользовались тронem и креслом, украшенным слоновой костью, которое можно было переносить. Символом власти были также фасции — пучок розог с вогнутой в них секирой. Все эти атрибуты были затем унаследованы Римом. В VI в. в этруских городах, кроме Вей, царская власть была упразднена и заменена выборными должностными лицами.

Характер этруского рода в достаточной мере не исследован. Ясно, что это был отцовский род, преимущественно с патрилинейным счетом родства. Предположительно можно говорить о росте значения входящих в род семей. Учитывая при этом достигнутый этрусками уровень развития производства и частной собственности, можно представить, что принадлежность к роду определялась уже в первую очередь общим именем.

В этруских эпиграфических памятниках выявляется ряд терминов для обозначения социальных состояний. Этрукологи толкуют их по-разному. Так, «этера» в XIX в. считались аналогом греческих пенестов, пелатов или римских плебеев и понимались как зависимые, покоренные. В современной науке подчеркивается привилегированный характер «этера». Это либо знать, либо приближенные из числа клиентов, либо члены скрепленных клятвой дружин, включающих как родственников предводителя, так и его особо близких клиентов, т. е. сотоварищи, подобные македонским гетайрам.

Общепризнано зависимое положение людей, обозначаемых термином «лаутни», «летэ». На основании кратких билингв возможен перевод «лаутни» как «вольноотпущенный». Хозяйственный облик этруского общества, а также изображение в художественных и письменных античных памятниках челяди в домах знатных этрусков предполагают наличие рабства. Возможно, что в число лаутни входили и рабы. Архаичность других общественных институтов позволяет охарактеризовать и рабство у этрусков как патриархальное.

Общество на заре этруской истории было, конечно, архаическим, но уже цивилизованным. Этруски создали свою литературу, обогатив ее с течением времени новыми жанрами. Важное место занимали в ней священные книги. Часть их была посвящена гаруспции, т. е. гаданиям по внутренностям жертвенных животных, другая — гаданиям по молниям, третья содержала нормы основания городов, межевания полей, освящения храмов и прочие гражданские установления, впоследствии воспринятые римлянами. Древность книг удостоверяется тем, что им приписывается чудесное происхождение. Автором их считался бог Таг. Более поздней была историческая литература и драматургия, испытавшая греческое влияние. Этруски знакомы были с музыкальной культурой и считались в древности изобретателями духового инструмента — трубы. Музыка сопровождала прежде всего сакральные действия. С религиозной сферой было связано и развитие зрелищ и спортивных состязаний — всадников, кулачных бойцов, на колесницах. Погребальный ритуал включал в себя и поединки гладиаторов. В прямой связи с сакральными

потребностями находится и изобразительное искусство этрусков. Скульптура и рельеф составляли декор храмов и погребальных камер, фресковая живопись — богатых погребений, особенно в Тарквиниях. Этрусский пантеон включал богов, среди которых выделялись Тин, Уни и Минерва, идентифицированные в Риме с Юпитером, Юноной и Минервой, и более скромных, которые «ведали» отдельными явлениями природы и человеческой деятельностью. Они назывались лазами.

* * *

Как видно, в Италии раннего железного века имелось многообразие различных культур. В их оценке выдвинуты две противоборствующие точки зрения. Согласно одной, всеми достижениями италийцы обязаны греческому влиянию. Другая все приписывает заимствованиям у этрусков как посредствующего звена между Востоком и Италией. Обе полностью отказывают Италии в самостоятельном культурном развитии. Влияния, разумеется, имели место. Наиболее ранние исходили от ахейских греков. С VIII в. до н. э. они были усилены греческими колонистами, воздействовавшими и на этрусков, роль которых возросла в VII—VI вв. Оба мнения недооценивают или игнорируют местное начало и упускают из виду тот факт, что народы, находящиеся на идентичной или аналогичной стадии социально-экономической эволюции, вырабатывают сходные представления и формы их выражения. Не учитывается и существование доиндоевропейской этнической общности в Средиземноморье, объясняющей сходство культурных форм в этом ареале. Но в науке теперь высказаны обоснованные положения о местных корнях италийской культуры, о самобытном характере римских религиозных представлений и их оформлении в оригинальной италийско-римской мифологии¹.

2. РАННИЙ РИМ

Центр будущей великой державы Рим вырос в Лации, на левом берегу Тибра, в его нижнем течении. Место это было заселено с глубочайшей древности, о чем свидетельствуют находки палеолитических орудий ашельского типа и черепа неандертальского человека. Гораздо больше известно о жизни здесь в эпоху бронзового века. Рим входил в ареал распространения апеннинской культуры, что доказывается находками типичной апеннинской керамики, сделанной от руки из грубой глины (импасто). Это килевидные чаши, сосуды с ручками, украшенными сверху подобием рожек. О жилищах того времени можно судить по аналогии с селениями, открытыми неподалеку в Этрурии, в местечке Луни. Они представляли собой круглые и овальные хижины, пол которых находился ниже уровня земли. В отличие от северных жителей эпохи бронзового века, террамарцев, апеннинцы хоронили своих усопших, не сжигая их. Разные способы погребений могут объясняться либо преобладанием разных племен, либо влиянием на апеннинцев чужеземных традиций. Во всяком случае, невозможно отбросить тот факт, что вся Южная Италия находилась во второй половине и особенно в последней трети II тыс. до н. э. в сфере культурного влияния ахейских греков. Знаменательно, что в последние десятилетия археологи обнаружили незначительные фрагменты микенской и микенского типа керамики в Средней Италии, т. е. в Южной Этрурии, Умбрии, Кампании и в самом Риме.

Заметно больше, чем для апеннинского времени, археологических материалов, говорящих о Риме раннего железного века, по крайней мере с IX в. до н. э. В обширной низине, окаймленной холмами, Капитолием

¹ См.: Культура древнего Рима. М., 1985, т. 1, с. 106—210.

с севера, Квириналом и Виминалом с северо-востока, Эсквилином с востока, Целием с юго-востока, Палатином с юга, там, где возникли Форум и Форум Августа, а также на Палатине и Эсквилине обнаружены некрополи с разным типом погребений. Следы поселений открыты на Палатине и более поздние — на Форуме и Капитолии. Римские материалы имеют много общего с латинскими и южноэтрусскими. Для ранних предметов это глиняные сосуды с бифокальными (т. е. в виде поставленных вертикально очков) ручками, урны-хижины, бронзовые фибулы со змеевидной дужкой, бритвы и жаровни. Позднее к ним добавляются биконические урны, веретеница, украшения в виде костяных подвесок и янтарных бусин, еще позднее появляется оружие. К концу VII—VI вв. относятся следы строений на каменном фундаменте, система водостокów, осколки терракотовых архитектурных украшений, импортная греческая и этрусская керамика, древнейшие надписи на твердых предметах, кости домашних животных. Таким образом, археологические данные свидетельствуют о том, что жизнь на этой территории не прекращалась. Они говорят о постепенном совершенствовании материального производства у древнейших поселенцев, о расширении их потребностей и развитии вкуса, об их связях и близости с соседями, о появлении в их среде новых этнических элементов.

Археологические материалы объективны, они создали вполне достоверный остов древнейшей истории Рима. Материальные остатки прошлого сами по себе неопровержимы, но недостаточны для создания полного образа Рима. Однако они позволяют удостовериться или отвергнуть показания других видов источников. С их надежной помощью, привлекая лингвистические данные, исследователи стали преодолевать гиперкритическое направление в исторической науке, утвердившееся к началу XX в. Суть его состояла в том, что все показания античных писателей о событиях в древнем Риме вплоть до III в. до н. э. признавались недостоверными, так что вся история царского и раннереспубликанского периода выглядела легендарной. Отход от гиперкритики, разумеется, не является отходом от критики сообщений античных авторов. Дошедшие до нас сочинения — сравнительно поздние, не ранее I в. до н. э. Это труды древнегреческих и римских историков (Тита Ливия, Дионисия Галикарнасского, Веллея Патеркула), философов и ораторов (Циперона), географов (Страбона), биографов (Плутарха), поэтов (Вергилия, Овидия) и т. д. В совокупности они составляют античную традицию о раннем Риме. Античная традиция включает в себя и не дошедшие до нас материалы, т. е. те первоисточники, которые лежат в основе сохранившихся произведений. В греческую часть традиции входят рассказы о дальнем «Западе», т. е. Италии, ранних поэтов (Гесиода), логографов (Гелланика Лесбосского), сицилийских историков (Антиоха Сиракузского), в латинскую — поэтические и прозаические летописи (анналы), родовые предания, религиозные тексты и документальные данные — международные договоры, царские законы и пр. Не каждое событие, не каждый герой, выступающие в рассказах древних историков, риторów или поэтов, могут считаться действительно историческими или неискаженными. Но в основных чертах история раннего Рима, как теперь ясно, является подлинной историей.

Территория будущего Рима была в древности постоянно заселена не случайно. Она очень удобна. Река здесь еще судоходна, в устье ее добывалась соль; в низинах наряду с болотами были сочные луга, холмы покрыты дубовыми, лавровыми рощами, ивовыми зарослями, земли достаточно плодородные. Как по всей зоне Лация и Тосканы, здесь выращивали издревле ячмень и пшеницу, горох и бобы, виноград, огородные культуры и лен. Можно думать, что еще в конце II тыс. до н. э. земледелие стало пашенным. По легенде, Ромул, основывая город, обозна-

чил по этрусскому образцу его границы бороздой, пропаханной плугом с бронзовым лемехом. Применение бронзового лемеха в эпоху железного века — явный анахронизм, отражающий доэтрусскую практику бронзового века. Это обстоятельство наряду с лингвистическими доказательствами семантической близости микенских и латинских слов, обозначающих воловью упряжку (*iugum*) и меру площади, вспахиваемой этой упряжкой за день (*iuger*), свидетельствует в пользу античной традиции о Евандре (см. ниже) и о греческом влиянии на агрикультуру примитивного Лация.

Но особенное значение имело скотоводство. Судя по остеологическим остаткам, разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, коней и ослов. Одни из ворот на Палатине назывались *Porta Mugionis*, т. е. Вороты мычания. В этом месте, видимо, жители латинских поселков прогоняли скот на пастбище и водопой. Днем основания Рима считалось 21 апреля. В этот день праздновали Палилии, или Парилии, посвященные пастушескому божеству Палес. Вообще римляне были убеждены в том, что их далекие предки были пастухами. Скот испокон веков был важнейшим видом богатства и превратился позднее в мерило стоимости. Не случайно и латинское название денег (*rescunia*) происходит от слова «скот» (*pecus*).

Развивалось в Риме и ремесло. Очень древними его видами были гончарство и ткачество. Об этом говорит обилие посуды в погребениях апенинской и особенно начала царской эпох, а также веретенец. Много найдено бронзовых лопаточек, бритв, фибул, оружия, что свидетельствует о знакомстве с металлообработкой. Античные писатели приписывают уже преемнику первого царя Ромула создание ремесленных коллегий — золотых дел мастеров, плотников, красильщиков, дубильщиков, сапожников, медников, гончаров. Археологический материал позволяет говорить об усовершенствовании ремесленной техники на протяжении VIII—VI вв. Сосуды становятся разнообразней и изящней, глина — тоньше, в VI в. появляется этрусская керамика «буккери». Это черного цвета с выпуклым орнаментом, часто затыликовой формы сосуда.

Прогрессирует строительное дело, изменяется облик Рима. В начале царской эпохи он состоял из поселений, застроенных круглыми хижинами, обведенными канавками для стока воды, с окнами и дверью, обозначенной по обеим сторонам круглыми или веретенообразными колоннами. Стены делались из оплетки ивовыми прутьями, покрытой глиняной штукатуркой. Вид таких жилищ повторялся в форме погребальных урн VIII в., найденных в Риме, в Альбанских горах и в этруских городах. В некоторых поселках воздвигались укрепления в виде башен, а также земляных валов. Тут же находились примитивные святилища — алтари и очаги, кладбища, сельскохозяйственные угодья, лесные участки. Общей городской стены не существовало. Вообще Рим превратился в город с оборонительной стеной, храмами и домами на каменном фундаменте только в VI в. до н. э. И это изменение облика города связано с изменениями в производстве и в обществе.

О конкретных событиях истории первоначального Рима можно судить по античной традиции. В легендах, в наиболее связанном виде сохранных в «Энеиде» Вергилия и у Дионисия Галикарнасского, древнейшей Лаций предстает как «царство» Януса, Сатурна, Пика, Фавна и Латина. При Янусе, обитавшем на римском холме Яникуле, люди жили охотой, далекие от культуры. Из дикости их вывел Сатурн, построивший город на горе Сатурнии, впоследствии названной Капитолием. Сатурнов век рисовался в римских преданиях счастливым временем благоденствия и равенства, продолжавшимся и при его преемниках. Их имена согласуются с примитивным состоянием общества. Пик, как уже говорилось, в переводе с латинского — дятел, значит, его имя связано с тотемистическими верованиями. Имя Фавна созвучно названиям божеств, которых римляне

отождествляли с козлоногими панами. Зооморфные представления о правителях или богах также порождены первобытностью.

Эти «цари» мирно уживались с новыми пришельцами. Собственно, пришельцем был уже сам Сатурн, а потом здесь появились пеласги. За 60 лет до Троянской войны, в правление Фавна, обосновался на Палатине Евандр, выходец из аркадского Палланта, по названию которого, если не по имени Евандрова внука, был назван Палатинский холм. Вскоре затем из далекой Испании после своего очередного подвига сюда пришел со своими слугниками — пелопоонессами, элидами Геркулес, ставший, по одной версии, зятем Евандра, отцом Палланта. После Троянской войны, согласно легенде, уже в царствование Латина, который приходился либо сыном Геркулесу, либо считался сыном Одиссея и Кирки, к Тирренскому берегу прибыл Эней с прочими троянцами, бежавшими из разгромленной греками Трои. Латин отдал ему в жены свою дочь Лавинию, в честь которой троянский герой основал город Лавиний, и оба народа — местные жители, именующиеся в традиции аборигинами, и пришельцы объединились под именем латинов. Сын Энея от троянки Креусы, по имени Асканий — Юл, выстроил потом для себя в Лации новый город, Альбу Лонгу, в которой правили цари, имевшие прозвание Сильвиев, т. е. Лесистых. Внуками 14-го царя, Нумитора, отстраненного от власти его братом Амулием, были близнецы Ромул и Рем, отцом которых считался воинственный бог Марс, полюбивший юную дочь Нумитора Рею Сильвию. Стремясь избавиться от законных претендентов на царство, Амулий приказал выкинуть близнецов в воды Тибра. Но дети были выброшены волнами на берег, вскормлены сначала волчицей, потерявшей своих волчат, а затем подобраны и воспитаны царским пастухом Фаустулом. Когда мальчики выросли и узнали тайну своего происхождения, они восстановили справедливость, вернув царское достоинство деду, а затем отправились в поисках нового места поселения. Основывая новый город, братья поссорились, младший, Рем, был убит, а город получил имя Рима по имени старшего — Ромула, который и стал первым римским царем. С этого момента начинается царская эпоха в Риме. Античная традиция относила это событие к середине VIII в. до н. э.

С помощью легенд, с выделением в них достоверных зерен, сухой осто археологической документации обрастает живой плотью событий. Из сопоставления этих данных выявляется большая разнородность населения Рима, как и всего Лация. Уже во II тыс. до н. э. в среду лигуро-сикулов влилась мощная волна италиков-латинов, а также сабинян; латинов римские историки и поэты, формировавшие идеализированный образ вечного римского полиса, объявили исконными поселенцами и назвали аборигинами (от латинских слов *ab origine* — от начала происхождения). Италики, безусловно, владели бронзовой техникой, но носителями апеннинской культуры, видимо, были и лигуро-сикулы, может быть, под влиянием пришельцев. Однако и те и другие жили еще первобытным строем. Их культурное развитие стимулировалось известными по сочинениям античных авторов новыми пришельцами, пеласгами, чьи материальные следы на римской территории не выявлены, и, несомненно, ахейскими греками, персонифицированными в образах Евандра и Геркулеса. Немногочисленные археологические остатки микенского времени дополняются языковыми данными. В латинском языке выделен целый ряд слов, заимствованных из греческого языка микенской эпохи, т. е. XVI—XIII вв., причем это слова из религиозно-культового и хозяйственного, прежде всего агрономического, обихода. Это обстоятельство ставит в науке вопрос о ранних греческих культурных влияниях. Вместе с тем приходится признать, что апеннинцы Этрурии и Лация, в том числе будущего Рима, были еще достаточно примитивны, чтобы воспринять все культурные достижения ахейских греков. В самом деле, в античной тра-

диции сохранились воспоминания о том, что Евандр ввел в Риме письменность, а у писателя VI в. н. э. Иоанна Лиды — о том, что в области, которая потом называлась Этрурией, существовали очень древние тексты на языке, непонятном для позднее живших там этрусков. По одной из гипотез, они были написаны слоговым письмом и должны были восходить к ахейским грекам. Однако, как известно, эта письменность в Италии не утвердилась и бесписьменный период в истории Италии продолжался вплоть до нового этапа греческого влияния в период «Великой греческой колонизации», принесшей на Апеннинский полуостров в VIII в. до н. э. алфавитную письменность.

Культурное влияние на Лаций оказали и более поздние, конца II — начала I тыс. до н. э., иммигранты в Италию. В античной традиции они персонализированы в образах популярных троянских героев — Энея, сына Анхиза и богини Венеры, и его спутников, будто бы спасших и принесших на Тирренское побережье троянские святыни (богов-покровителей пенатов и упавшее с неба изображение богини, Палладий), основавших на новом месте культ богини очага — Весты и распространивших по Италии ритуальные воинские пляски. Реальность троянского присутствия в Лации выявляется из сопоставления археологических данных с ономастическими. Итальянские археологи зафиксировали в Лации иллирийские погребения в дубовых гробах. Имя Энея имеет параллель в иллиро-балканском районе. Все это прекрасно согласуется с сообщениями традиции о дарданском, т. е. иллирийском, происхождении Энея.

Однако, признавая этническую разнородность и многообразие культурных воздействий в доцарском Риме, надо иметь в виду, что нижний пласт его населения составляли лигуро-сикулы, значительный — сабины, а преобладали латины. Именно на этой местной основе и развивалась история Рима раннего железного века. Согласно античной традиции, Ромул прибыл на берег Тибра из латинского центра Альбы Лонги. Такое массовое выселение юношества в новое место обитания было типичным явлением в условиях малопродуктивной экономики и уже древними авторами осознавалось как замена убийства детей, которых трудно было прокормить. Итальяки называли его обычаем «священной весны». В результате «священной весны» Палагинский холм был заселен примерно в IX в. до н. э. новой волной латинов. Можно думать, что несколько позднее были заселены выходцами из близлежащих земель, принадлежавших италикам-сабинам, другие холмы — Квиринал, Виминал, частично Эсквилин. Наличие двух ядер иммигрантов дало повод историкам рассматривать Рим либо как альбанскую, либо как сабинскую колонию. Скорее, однако, на его территории встретились две колонизационные волны. Поскольку ни археологических следов разрушений при переходе от эпохи бронзы к железу, ни сообщений об истреблении или массовом изгнании предшествующих поселенцев новыми нет, вероятно, они мирно уживались друг с другом, постепенно объединяясь путем синойкизма, т. е. слияния разрозненных поселков в одно целое. Сначала шло слияние поселений в пределах отдельных холмов. Археологически теперь доказано, что на Палатине были два поселка, по несколько поселков было и на других холмах. Во всяком случае, центрами их могли быть вершины на Квиринале — Салютарис, Лациарис, Муциалис, на Эсквилине — Циспий, Опий, Фагутал, на Целии известен «город» кверкветуланов. Затем происходит синойкизм поселенцев, живших на разных холмах.

Возможно, однако, что некоторые общины насильственно объединялись с соседями. Воспоминанием об одном из эпизодов этого процесса можно считать романтический рассказ о похищении сабинянок латинами, возглавляемыми Ромулом. Заявившие район Палатина юноши, выселившиеся из Альбы Лонги, пытались найти себе невест, но соседи-сабиняне отказывались выдавать своих дочерей за безродных пришельцев. Тогда

их вождю пришлось пойти на хитрость. Пригласив соседей с их семьями на праздник Нептуна Конника, сопровождавшийся конными ристаниями, он организовал умыкание девушек. По ошибке была схвачена и молодая замужняя красавица Герсилья, доставшаяся в жены самому Ромулу. Оскорбленные родители подняли на войну против похитителей своих соплеменников из сабинских и соседних латинских городов. Однако похищенные женщины добились примирения своих отцов и мужей, после чего образовалась единая община римского народа квиритов.

Античные авторы, прежде всего Цицерон, Дионисий Галикарнасский и Тит Ливий, ошибочно представляли себе Рим того времени уже сложившимся государством, а Ромула — учредителем всех основных социальных и политических институтов. На самом деле было иначе. Римский народ (*populus*) состоял тогда из многих естественно сложившихся родов (*gentes*). По традиции их насчитывалось сначала 100, а после римско-сабинского синокизма — 200. На основании имен можно выделить роды латинского, сабинского, сикульского, иллирийского происхождения. Они имели характер экзогамных родственных общин с общей собственностью на землю для поселения и погребения, общими святынями, общим именем, общим реальным или мифическим предком мужского пола. Род состоял из патриархальных, точнее — отцовских, семей, называвшихся *familia*. Римская фамилия включала несколько поколений детей и внуков и возглавлялась отцом (*pater familias*). Она получала от рода во владение землю и представляла собой самостоятельную хозяйственную единицу. Род производственной ячейки не составлял, но сообща занимался трудовой, хоть и непроизводительной, деятельностью. Это был труд войны. Пережиточно такого вида деятельность и взаимопомощь оставались функцией рода и гораздо позднее, в эпоху Ранней республики. Многие античные писатели, например, сообщают, что род Фабиев вел в начале V в. до н. э. на свой риск и страх войну против этрусков. Это предприятие закончилось гибелью всех воинов рода в битве при Кремере. Единственный оставшийся в живых мальчик продолжил потом этот род. Если даже Фабии проводили военную кампанию против этрусков не только своими силами, а играли в ней лишь ведущую роль, названный эпизод отразил ушедший в прошлое обычай совместного ратного труда родичей.

Поскольку перечисленные признаки, характеризующие римский род (*gens*), заставляют нас видеть в нем не просто родственников, а именно общину, т. е. социально-экономическую ячейку, естественно, возникает вопрос о ее пределах. Гентильная община как собственник и распорядитель земли должна была обеспечивать ею своих членов через посредство глав семей. Земельные площади в первоначальном Риме были невелики, уровень развития производства невысок. Это приводило, с одной стороны, к необходимости войн с целью земельных захватов, а с другой — к ограничению круга лиц, претендующих на землю в рамках социальных единиц, непосредственно землей распоряжающихся. Отсюда — неизбежность выделения родичей из обширной группы родственников. Критерием здесь, естественно, должна была быть степень родства по боковой линии. В современной науке² на основании фрагмента из сочинения Ливия, где говорится о том, что патриций П. Целий первым взял себе жену до 7-й степени родства, был сделан вывод о том, что такая родственная группа составляла большую нераздельную семью. Однако удаление до 7-й степени родства может происходить в пределах нескольких поколений, и тогда женой П. Целия могла бы стать внучка его двоюродного брата, что все-таки маловероятно. Если же иметь в виду степень родства в пределах родственников одного поколения, то П. Целий должен был бы жениться, исходя из наших представлений, на своей троюродной сестре или в край-

² Westrup C. W. A Near-Kin within the Kin. København, 1952.

нем случае на ее дочери. Такой вариант брака более вероятен. Но боковые родственники после 6—7-й степени выходили за пределы родов из отцовских семей, как и патронимий, объединявших группу наиболее близкородственных семей. Если учесть, что П. Целий попал в историю как нарушитель закона экзогамии, а род всегда экзогамен, надо заключить, что на 6—7-й степени родства по боковой линии римский род кончался. Видимо, этим можно объяснить, что в поздних римских юридических памятниках (в 38-й книге Дигест) описание родственной близости и наследования по преторскому праву дано именно в этих пределах.

В условиях малоземелья при разрастании рода семьи, не обеспеченные родовой землей, должны были отсекались, уходить на новые земли, если они имелись, и давать там начало новым родам. Если же такой возможности не оказывалось, то «лишние», лишённые основного средства производства семьи вынуждены были искать покровительства у своих более состоятельных сородичей или в другом роде. Это создавало основу для отношений патроната и клиентелы, которые сопровождали в трансформированном виде всю дальнейшую историю Рима. Патронами становились отцы наиболее крепких в хозяйственном отношении домовых общин, или семей. Они образовывали родовую верхушку внутри народа (*gens*). Отношения патронов и клиентов считались нерушимыми, основанными на взаимной верности (*fides*). Клиенты включались в род патрона, получали от него землю и его имя и были обязаны ему службой в войске, работой в хозяйстве и материальной помощью в случае необходимости. Отсюда следует, что знать иногда не совпадала с людьми имущественного достатка, а положение простолюдия — с бедностью.

Кроме родов, в начале царского времени существовали в Риме и другие социальные группы, т. е. 3 трибы и 30 курий, якобы введенные Ромулом, по в действительности естественным образом сложившиеся. Слово «курия» согласно этимологии Кречмера означает «союз мужей», или «мужской союз». Анализ деятельности курий, описанных античными писателями Дионисием Галикарнасским, Варроном, показывает, что членами курий в самом деле были только взрослые мужчины, члены римских родов. Именно курии наделяли земельной собственностью римские роды, оставляя часть земель в общем пользовании каждой из курий, в первую очередь в качестве священных участков для куриальных святынь и общих трапез. По куриям строилось и пешее войско, по куриям собирались римляне на народные собрания — куриатные комиции. Куриальная организация складывалась постепенно и, вероятно, числа 30 достигла во второй половине VIII в. до н. э.

Слово «триба» означает «племя». Античная традиция зафиксировала существовавшие при этруских царях, т. е. в конце царской эпохи, названия триб: Типции, считавшиеся сабинами, Рамны — латинами, Луцеры — этрусками. Вероятно, с самого начала одна из триб по преимуществу включала в себя сабинский, а другая — латинский элемент. Третья же включила в себя этрусков не ранее VII в. до н. э., когда они могли появиться в римской среде. Можно думать, что триб было три с середины VIII в. до н. э. Они служили основой для набора конницы. Создание трех триб и 30 курий Ромулом нужно понимать как фиксацию в VIII в. этих социальных единиц в определенном отношении, т. е. кратности трем, что диктовалось военными потребностями общества, упорядочением войска. Известно, что и в дальнейшем это соотношение в Риме сохранялось: на 3000 легионеров приходилось 300 всадников.

Как именно распределялись тогда роды по куриям и трибам, точно сказать нельзя. Учитываясь, наверное, этнический признак. Но количество родов внутри курий и трибы могло быть разным. Ведь для создания войска необходимо было иметь определенное число пехотинцев и кавалеристов, а не число поставляющих их социальных ячеек, тем более что

одни роды могли быть более, а другие менее многочисленными. Вообще полного равенства уже в начале царской эпохи среди жителей не было. Наряду с упомянутой дифференциацией внутри родов, порождавшей клиентелу, т. е. отношения послушания, зависимости, происходила обычная в условиях первобытного строя дифференциация между родами. Целый род мог погибнуть на войне. Вспомним в этой связи гибель Фабиев при Кремере. Род мог ослабеть и захиреть во время неурожая. У Плутарха (Ромул, 24) упоминается мор, унесший в правление Ромула много человеческих жизней и поразивший «поля и сады неурожаем, а стада бесплодием». Тит Ливий (I, 31) сообщает о страшной моровой язве при царе Туллии. О разном положении родов можно судить по Поттициям и Пинариям, которые в разное время явились на жертвоприношение в честь Геркулеса и потому стали получать разную долю жертвенного мяса во время празднеств. Впоследствии Поттии вымерли, а Пинарии выпали из состава знатных родов. Такая участь постигала и другие гентильные общины. Лишь некая часть их из древнейших 200 находилась в числе знати начала Республики. Судя по консульским фастам, т. е. списку консулов, это были Валерии, Клавдии, Клелии, Фабии, Эмилии, Навции, в меньшей степени — Юлии. Однако члены всех родов вне зависимости от знатности и богатства были патрициями, т. е. потомками отцов, входивших в состав трех триб и 30 курий. Надо согласиться с Г. Б. Нибуром, который полагал, что вначале понятия «патриции» и «народ» совпадали. Патриции участвовали в комициях, старшие из глав семей, входивших в род, составляли совет старейшин — сенат (лат. *senatus* — от *senex*, старик).

Отношения зависимости затрагивали не только клиентов, в Риме уже появились рабы. Упоминаний о рабах у античных писателей для этого времени очень немного. В научной литературе они либо не принимаются во внимание, либо расцениваются как недостоверные. Надо признать, что и попытки археологического подтверждения рабства на основе анализа могил римского форума недостаточно убедительны. И тем не менее в соображениях античных писателей существуют косвенные свидетельства, которые нельзя оставить без внимания. Они касаются религиозных верований и культов. Римляне были очень консервативны и скрупулезно придерживались установленных предков, особенно в том, что касалось религиозной сферы. Вот почему эта часть традиции является наиболее надежной, достоверной. Она содержит описание обрядов и празднеств, справлявшихся в эпоху Республики и даже Империи. Так, например, аргейские обряды заключались в ежегодном сбрасывании в Тибр соломенных чучел. Во время праздника рыбаков богу Вулкану приносили в жертву живых рыбок вместо людей. В празднование Компиталий на перекрестках вывешивались куклы и чучела мужчин и женщин в таком количестве, которое соответствовало числу рабов и детей, чтобы подземные боги, удовлетвовавшись изображениями людей, пощадили живых. Из этих и подобных сообщений следует, что некогда римляне приносили в жертву людей, но потом отказались от этого обычая. Замену человеческих жертвоприношений древние авторы относят либо к приходу Геркулеса в Рим, либо ко времени Ромула или второго царя, Нумы Помпилия. Нуме, в частности, приписывается разговор с Юпитером, требовавшим, чтобы ему были принесены в жертву головы. Нума схитрил и добился от бога принятия головок лука с человеческими волосами и живыми рыбками в придачу.

Время первых царей, видимо, указано в традиции не случайно. Применение первобытными народами человеческих жертвоприношений связано с недостатком средств к существованию. Отказ от таких варварских обычаев свидетельствует о том, что общество стало богаче, производительнее, что оно способно прокормить неработающих, детей, престарелых. Но

именно на таком уровне развития производства и становится возможным использование подневольной рабочей силы. Значит, в начале правления царей рабство уже могло существовать. Появление рабства воздействовало на дальнейшее развитие общества, способствовало разложению первобытных устоев. Последнее сказалось в том, что наряду с гентильными общинами в Риме появились уже соседские общины.

Управлялся Рим с помощью куриатных комиций (собраний), сената и царя. Античное предание рассказывает о семи царях. Согласно традиции, первый — Ромул — правил с 753 по 717 г. Ромул — едва ли историческое лицо. Имя его является не именем собственным, а производным от названия Рима (Roma) и означает «римский», «из Рима происходящий». В его образе слились воспоминания о целой плеяде аналогичных «царей», живших и до, и после него. Однако многие деяния, числящиеся за ним, действительно относятся к началу железного века и имеют значение исторических фактов. Так, можно считать, что, помимо римско-сабинского синойкизма, Рим с помощью упорядоченной военной организации вел войны с Акроном, царем Ценины, с другими латинскими и сабинскими городами — Фиденами, Крустумерием, Антемной и Камерией. Победив их, Ромул захватил добычу, присоединил их земли к Риму, жителей переселил в Рим, распределив по куриям, а в Фидены и в Камерию вывел римских колонистов. Затем против римлян выступил этрусский город Вейи. После кровавых битв победа досталась Ромулу, и вейентам пришлось уступить римлянам область Септемпаги, а также соляные варницы в устье Тибра. Так были расширены римские земельные владения (ager Romanus). Они были разделены по жребию поровну между 30 куриями, частью земли воспользовался сам царь, а другая была оставлена в качестве резерва. Этим резервом царь распоряжался самостоятельно, наделяя наследственными участками воинов и безземельных, т. е. потерявших связь со своим родом. Надельной нормой был участок в 2 югера (0,5 га). В пределах города он был садом-огородом, а за его пределами — полевым участком. Вероятно, такая норма существовала уже на родовой земле, по крайней мере для рядовых членов рода. Главы родов могли получать больше. Так, Аппий Клавдий, переселившийся в Рим то ли при Ромуле, то ли уже в VI в., получил для себя надел в 25 югеров.

Самовольное распоряжение завоеванной землей Ромулом привело к недовольству верхушки патрициев. Особое возмущение вызвали учреждение царского суда и отряда целеров, которых Ромул набрал по куриям в количестве 300. Они представляли собой телохранителей царя и осуществляли казнь над осужденными. Это воспринималось как нарушение родовых порядков, и Ромул был убит родовыми старейшинами. От простых римлян это скрыли, сочинив сказку о вознесении Ромула на небо. Правление общиной оказалось в руках сената, который медлил с выборами нового царя. Такое междуцарствие (interregnum) длилось год. Наконец, дежурный сенатор (interrex) созвал комиции и обнародовал кандидатуру нового царя. Эта процедура стала традиционной. Царем был избран сабинянин из города Куры, Нума Помпилий, который признан теперь исторической личностью. Античные авторы обрисовывают его как полную противоположность Ромулу. Он распустил отряд целеров, не воевал, занялся мирными делами, создал ремесленные и жреческие коллегии, учредил торговые дни — нундины. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что Нума продолжал линию Ромула, освобождаясь от контроля родов и сената. Важнейшим делом было учреждение им коллегии из пяти понтификов, которую он сам сначала и возглавил. Понтифики, или по предложенной Варроном этимологии мостостроители (pons — мост; fasces — делать), ведали религиозным календарем и, таким образом, стали контролировать деятельность всех родовых и куриальных жрецов. Они смотрели также за мостом через Тибр, что ставило их в поло-

жение полусветского органа, занимающегося контактами между народами и совсем не связанного с родовой организацией. Сверх курialsных очагов, посвященных богине очага и огня Весте, Нума выстроил на Форуме общеримский храм Весты (VII в. до н. э.), что подтверждено теперь археологами. При нем состоялось обожествление латинского царя Ромула под именем сабинского бога Квирина. Все эти мероприятия содействовали упрочению царской власти и сплочению латинян и сабиниан в единый римский народ.

В античной традиции говорится об установлении Нумой границ римских владений, а также об учреждении праздника в честь бога границ Термина. В современных исследованиях иногда это толкуется как утверждение частной собственности на землю. Однако оснований для этого нет — видимо, при Нуме зародились частные владения при господстве коллективной собственности на землю.

Линия на укрепление царской власти проводилась и двумя следующими царями, хотя оба они были избраны по установившемуся обычаю. При Тулле Гостилии (673—641 гг.), царе латинского происхождения, была оформлена коллегия жрецов — фециалов, возможно основанная еще Нумой, ведавшая обрядовой стороной процедуры объявления войны. Завершение ее организации произошло уже при четвертом царе, Анке Марции, который приходился внуком Нуме. Оба царя много и успешно воевали, о чем с драматическими подробностями рассказывали древние. Заметим, что основная канва событий выглядит правдоподобно. После первых грабежей и стычек между римлянами и жителями Альбы Лонги Тулл Гостилий и альбанские правители договорились решить спор не в большой войне, а с помощью «турнира». С обеих сторон были выдвинуты по три родных брата, Горации и Куриации, которые приходились друг другу кузенами по материнской линии. Во время поединка два римлянина были убиты и все три альбанца ранены. Оставшийся в живых Гораций поодиночке справился с обессиленными от ран Куриациями. В результате Альба Лонга оказалась как бы под римским господством.

Возвышение Рима вызвало к жизни коалицию этруских Вей и фиденатов. После победы над ними римляне казнили не пришедшего им на помощь альбанского вождя Меттия Фуфетия, опустошили Альба Лонгу и переселили всех ее жителей в Рим, опять-таки распределив их по куриям. С увеличившимся за счет альбанцев войском Тулл повел новую успешную войну с сабинянами. Однако в конце концов Тулл вместе с домом был поражен молнией и погиб в огне. Античные авторы полагали, что его покарала за жестокость боги. Но можно думать, что ему, как и Ромулу, не простили своеволия люди.

Правление Анка Марция (641—616 гг.) считалось сомнительной частью античной традиции. Но отношение к ней начинает меняться. Об историчности царя говорит его имя. Анк (ancus) означает изогнутый, кривой. Царь был назван Анком, потому что у него был покалечен локоть (или нога). Наименование людей по физическому недостатку обычно твердо запоминается. Еще важнее, что и археологически, и лингвистически подтверждена его деятельность. В античной традиции говорится о том, что Анк Марций вел две войны с южнолатинским городом Полинием, который подвергся разрушению, воевал с Фиканой, Медуллией, с Фиденами, сабинами и вольсками, основал в устье Тибра Остию, завладел соляными варницами (салинами). Анк расширил и укрепил город. В состав Рима вошли холмы Авентин и Яникул на правобережье Тибра, служивший сторожевым постом против этрусков, соединенный с Римом свайным мостом. Между Целием и Авентином был вырыт так называемый ров квиринов, на склоне Капитолия построена тюрьма.

Исследование некрополей Политория (совр. Кастель ди Дечима) и Фиканы (совр. Ачилия) показало, что после VII в. до н. э. эти города

действительно опустели и обеднели и жизнь возродилась там практически только в IV в. до н. э. Отпал и главный аргумент против историчности Анка Марция, состоящий в том, что Остия существовала только с IV в. до н. э. Там обнаружили следы поселения конца II тыс. до н. э. и царской эпохи. Согласно античным авторам, Анк переселил жителей Политория, Теллен, Фиканы и Медуллии в Рим, причем переселенцев из трех первых городов определил на Авентине, а медуллийцев — в долине Мурции, соединяющей Авентин с Палатином. Появление в Риме разных групп латинян находит отражение в латинском языке: некоторые слова в нем существуют в двух вариантах с чередованием гласных корня «о» и «а», что характерно соответственно для языка северной и южной частей Лации³.

Судьба пасивно переселенных латинян в Риме оказалась различной. Только политорине были включены в трибы, а значит, получили доступ к куриальным и общеримским резервным землям и возможность участвовать в куриальных комциях. Это чрезвычайно важный факт. Из него следует, что производительные возможности римской общины поставили предел увеличению народонаселения, обеспеченного основным средством производства — землей. Он означает вместе с тем фиксацию групп привилегированного населения, т. е. патрициев и противостоящих им, не включенных в организацию трех триб и 30 курий поселенцев, которые в силу возрастания их численности получили название плебеев (*plebs* — от *plere*, наполнять). Плебеи, разумеется, сохраняли свои роды, но они не учитывались римлянами, стояли вне их родовой организации, почему античные авторы и утверждали, что у плебеев родов нет. Таким образом, плебеи в состав народа (*populus*) тогда не входили. В Рим была переселена часть латинян. Они составили городской плебе, оставшиеся в селах — сельский.

Римляне до конца свой истории называли себя гордым именем «римский народ квиристов». Содержание этой официальной формулы объяснялось в науке по-разному. Слово «квириты» производили либо от сабинского слова, обозначающего копы, либо от сабинского города Курес, выводя эту формулу из римско-сабинского синонимизма, что вполне правдоподобно. Но не менее основательно и другое толкование. Квириты — это куриты, т. е. члены курий. Такая интерпретация подтверждает противоположность народа и плебеев.

Культурный облик квиристов отличался самобытностью, которая рельефно выражается в их религиозных представлениях. Каждое явление природы, каждое действие и даже абстрактные понятия имели у них своих богов-покровителей. Богом была земля — Теллус, посевом и жатвой ведали соответственно божества Ипситор и Мессор, божеством страха был Павор. Бесчисленное множество таких божеств назывались нуминами (*numina*). Их вид и пол оставались римлянам неясными. Так, например, Палес считался напущеским и богом, и богиней. Почитались божественные пары, например Либер и Либера, связанные с виноградарством, а потом с виноделием. Важное значение имели богини-матери — Матер Матута, Добрая богиня, Юнона. Постепенно среди богов производительных сил природы стали выделяться главные — Юпитер, Юнона, Минерва. Они приобрели новые функции, становились покровителями власти. Не обладая образным мышлением, римляне не создавали изображений своих богов. Не было у них еще и своей письменности, хотя с греческим письмом они были, видимо, знакомы, так же как и с греческим оборонительным оружием.

Итак, римское общество от времени Ромула до Анка Марция включительно прошло значительный путь развития. В Риме сохранялись поряд-

³ Peruzzi E. *Aspetti culturali del Lazio primitivo*. Firenze, 1978, p. 210.

ки военной демократии — существовали гентильные общины, действовали народное собрание и сенат, избирался царь, обладавший функциями племенного вождя, вся организация была ориентирована на нужды войны, которая стала регулярной функцией народной жизни⁴. Земельный фонд благодаря войнам расширялся. Наряду с коллективной земельной собственностью родов и соседских общин росла общеримская земля, зародыш *ager publicus*. Одновременно упрочивались частные владения римлян и вырастал царский надел. Соотношение сил между комициями, сенатом и царем, начиная с Ромула, все более нарушалось в пользу царя. Это вызывало все большее недовольство родовой верхушки, отселявшейся от управления и распоряжения землей. Усложнение социальной структуры, появление разных групп зависимого и неполноправного населения и проявление недовольства как со стороны простого народа, так и со стороны более знатных людей позволяют с доверием отнестись к сообщению древних о строительстве Анком Марцием тюрьмы. Так, уже давший трещину при Ромуле родовой строй в правление Анка Марция подвергся еще большому разложению.

Вместе с тем римляне осознали свое единство перед лицом других общин. Согласно античной традиции мелкие латинские поселения, громко называемые «знаменитыми городами», в пору глубокой древности образовали религиозный союз с центром в Альба Лонге. Среди них сперва не было Рима, но фигурировали его части — Капитолий под именем Сатурнии, Целий под именем Кверкветулана, Велия, Яникул. И Рим, и его соседи грабили друг друга, угоняли скот, захватывали оружие и рабов. Скотоводческий Рим нуждался особенно в расширении пастбищ, поэтому земельные захваты стали для него настоятельной необходимостью. Войны нарушали привычные союзные отношения. Фидены и Камерия, основанные альбалонгцами, были завоеваны римлянами. Фидены из альбанской были превращены в римскую колонию, почему и выступили против Рима. Анку Марцию ввиду этого пришлось вести против фиденатов две войны. На правом берегу Тибра Рим больших территорий не захватил. Но ему удалось закрепиться на противоположном холме Яникуле и благодаря этому контролировать устье реки, где добывалась соль. Эту же цель преследовало основание Остии. В Риме брала свое начало Соляная дорога (*via Salaria*), которая шла в области сабинов и умбров. Таким образом, римская община заняла заметное место в тоскано-лациумной зоне, привлекая выходцев из других общин, добровольно переселявшихся в экономически растущий центр, пополняя главным образом плебейскую массу. Оседали в Риме в VII в. и этруски, находившие себе применение в качестве ремесленников и строителей. Об их скоплении в городе говорит название Тускской улицы, огибавшей Палатин с северо-запада, которая стала впоследствии торгово-ремесленной артерией столицы.

О мирном проникновении в Рим чужеземцев, в том числе этрусков, может свидетельствовать история царя Тарквиния Древнего, с которого начинается так называемый период этруской династии в Риме. Историчность этруских царей находила сторонников даже в период расцвета гиперкритицизма; теперь она благодаря исследованию надписей и археологическим данным не подвергается сомнению.

Античные писатели рассказывают, что в царствование Анка Марция в Рим из этруского города Тарквинии переселился некий Лукумон с женой Танаквилью. Покинуть родину ему пришлось из-за того, что этрусском он был лишь по матери, а отцом его являлся грек из Коринфа Демарат. Происходя от иноземца, Лукумон не мог осуществить честолюбивые чаяния, и жена посоветовала ему попытать счастья в Риме. Обосновавшись там, он назвался Луцием Тарквинием. Будучи богатым

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 164.

и умным, Тарквиний стал заметной фигурой, был приближен к Анку Марцию и назначен им по завещанию опекуном царских детей. После смерти Анка Тарквиний сам предложил свою кандидатуру народу и был единодушно избран в комиции царем. Воцарение Тарквиния знаменовало собой время перемен в Риме. Хотя он стал царем в установленном порядке, т. е. благодаря избранию, сенатом его кандидатура не обсуждалась и не выдвигалась. Таким образом, новый царь сразу же выказал свою ориентацию на народ, и это определило напряженность его отношений с родовой знатью. Стремясь обеспечить себе поддержку в сенате, он ввел туда сто новых «отцов». Эти *patres* представляли в сенате новые роды, включенные в *populus* из числа плебеев. Они получили название патрициев «младших родов». За их счет количество родов дошло до 300. Часть их была этрусского происхождения.

Укрепляя свою власть, Тарквиний внес изменение в войско. Важной ударной силой были всадники, набравшиеся со времен Ромула по 100 человек от трибы, а потому и называвшиеся центуриями Тициев, Рамнов и Луцеров. Сражавшиеся на конях римляне составляли более молодую, чем сенаторы, часть римской знати. Царь попытался ввести дополнительные всаднические центурии, назвав их своим именем и именами своих друзей. Однако знаменитый жрец, авгур Атт Навий сумел воспрепятствовать этому, и царь ограничился пополнением существующих центурий, удвоив их численность. Сенаторов и всадников он выделил из массы римлян, предоставив им возможность устраивать ложи во время конных ристаний и кулачных боев. Таким образом, Тарквиний, используя противоречия внутри *populus*, т. е. между народом и его верхушкой, а также между плебсом и народом, создавал себе социальную опору в рамках существующих гентильных институтов.

При Тарквинии Рим стал преобразоваться. Форум, как и другие низины, был осушен с помощью каналов, отводящих лишнюю воду в Тибр, и замощен булыжниками (их открыли археологи). Это позволило построить там лавки и портики. Между Палатином и Авентином была оборудована площадка, на которой потом вырос Большой цирк, где ежегодно стали проводиться Римские, или Великие, игры с состязаниями возниц и боксеров. На Капитолии было подготовлено место для постройки храма Юпитера, начали возводить городские укрепления. Правда, из-за войн не все строительные планы удалось Тарквинию реализовать. В античной традиции эти войны изображаются вынужденными, оборонительными, но с латинами, видимо, начали войну римляне. С сабинами пришлось вести две трудные войны, в результате которых римляне захватили город Коллацию и всю прилегающую к Риму сабинскую область.

Конец долгого царствования Тарквиния представлен разными версиями традиции, римской и этрусской. Сходятся они в одном — престарелый царь был убит. Согласно первой версии, убийство было организовано сыновьями Анка Марция. Вторая сохранилась в виде серии изображений в гробнице Франсуа в Вульчи, сопровождаемых краткими надписями этрусскими буквами. Там, в частности, изображен побежденный старый человек Гней Тарквиний римский. Среди людей противной ему стороны находится некий Мастарна. В речи императора Клавдия, запечатленной на таблице, найденной в Лионе, поясняется, что Мастарна был сподвижником предводителя этрусского отряда Целия Вибенны, выступившего вместе с другими этрусскими вождями против римлян. Мастарна овладел в Риме царством и правил там, изменив имя на Сервия Туллия.

История воцарения Сервия Туллия (579—535 гг.) тоже сохранена в разных вариантах преданий. Кроме этрусского, известны два римских. Согласно одному, Сервий был сыном рабыни, поэтому он получил имя *Servius* (от *servus* — раб). Согласно другому, матерью его была Окрезия, жена вождя города Корникула, захваченная в плен во время войны, кото-

рую вел Тарквиний. Далее античные авторы согласно рассказывают о том, что царь Тарквиний вместе со своей женой воспитали одаренного мальчика и сделали его своим зятем, а после убийства Тарквиния Танаквиль возвела его на царский трон. Важно отметить, что, исходя из всех версий предания, Сервий Туллий воцарился в Риме, не будучи ни рекомендован сенатом, ни избранным комициями, т. е. как узурпатор. Правление его продолжало линию прежних царей на первый взгляд только в том, что он успешно воевал с Вейями и другими этрускими городами, округлив римские земельные владения. Во внутренних же делах он порвал со многими традициями. С его именем античные авторы связывают реформу, аналогичную Солоновой в Афинах, т. е. введение цензового принципа деления общества. Все римское население, т. е. патриции и плебеи, было распределено в зависимости от имущества на 6 классов, или разрядов. За основу, по мнению ряда исследователей, был взят земельный надел, но античные писатели сообщали о цензе, бывшем в их время, т. е. в денежном выражении. Не исключено, однако, что с самого начала ценз имел денежный характер. К I разряду были отнесены люди, обладавшие 100 000 ассов, к II — 75 000, к III — 50 000, к IV — 25 000, к V — 1100 ассов. Бедняки, обладавшие лишь потомством (*proles*), составили разряд «пролетариев».

На основе имущественного ценза комплектовалось войско. I разряд выставлял 98 центурий. Из них 80 представляли собой тяжеловооруженных пехотинцев, защищенных бронзовым щитом, круглым щитом, ножами, панцирем, вооруженных железным мечом и копьем. Всаднический корпус был увеличен. Сервий провел в жизнь то, что было задумано Тарквинием: он удвоил число всаднических центурий, так что их стало 6, и набрал еще 12 из самых состоятельных людей. Всего всадники составляли 18 центурий. II разряд выставлял 20 центурий пехотинцев, вооруженных, как и I разряд, но с продолговатым щитом; III — 20; IV — 20; V — 30 центурий с более легким и дешевым вооружением для каждого разряда. К этим центуриям были добавлены 4 центурии ремесленников и музыкантов. Неимущие, хоть и не подлежали набору, поскольку не могли экипироваться, были включены в особую центурию.

Центуриатная реформа выходила за пределы военной. На основе центурий вырос новый вид народных собраний — центуриатные комиции. Каждая центурия в них имела один голос. Дела решались голосами I разряда, включавшего 98 центурий из 193.

Сервию Туллию принадлежит еще одно нововведение, аналогичное реформе Клизфена в Афинах, — деление всех римских владений на территориальные округа, которые он назвал трибами. Рим, окруженный Сервием каменной оборонительной стеной, остатки которой сохранились до наших дней, был поделен на 4 городские трибы (Палатинская, Субуранская, Эсквилианская, Коллинская), внегородская территория — на 16, а затем на 17 округов — триб.

В науке много дебатировался вопрос об историчности реформы Сервия Туллия. Например, высказывалось сомнение, что в царском Риме существовала такая разница в имущественном положении среди римлян, а также что численность их была столь велика. На основании этого К. Ю. Белох и другие историки относили реформу к III в. до н. э. В настоящее время большинство ученых признают, что завершение центуриатной реформы имело место лишь в IV в. до н. э. Однако Сервий положил ей начало, создав центурии по меньшей мере I и II разрядов, т. е. из наиболее богатых жителей Рима, которые и были допущены к участию в новых народных собраниях, ведавших тогда только военными делами.

Античная традиция связывает с Сервием Туллем и храмовое строительство. На Бычьем форуме, в частности, был воздвигнут храм женского божества — Матер Матута. Сведения традиции подтверждаются обна-

руженным там архаическим святилищем и фрагментами греческих и этрусских сосудов. На Авентине был сооружен храм Дианы, почитавшейся союзом латинских городов. Дионисий Галикарнасский, живший в Риме в конце I в. до н. э., сообщает, что регулирующие деятельность этого союза законы были записаны на медной колонне, сохранившейся вплоть до его времени. Наконец, Сервию приписывается раздел общественных земель между бедными против воли отцов-сенаторов (Ливий, I, 46, 1, 2; Дионисий, IV, 13, 1).

Из анализа всех мероприятий Сервия Туллия вытекают важные выводы. Неравенство между римлянами усилилось. В среде патрициев упрочилась богатая верхушка. Расслоилась и плебейская масса: появились богатые плебеи, занимавшиеся в городе преимущественно ремеслом и торговлей. Все это учитывал Сервий Туллий. Укрепляя свою власть, он сумел потеснить патрицианскую верхушку, ослабив значение родовых институтов, на которые она опиралась. Важнейшие дела, связанные с войнами, были изъяты из ведения куриатных собраний и переданы в центуриатные, участие в которых принимали плебеи, пока, правда, только состоятельные. Войско Сервия также включало в себя богатых плебеев, не входивших в *populus*. Комиции и войско представляли собой *публичную власть*, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самое «себя как вооруженная сила»⁵. Эта власть фактически противостояла «народу» в понимании римлян того времени, когда под народом понималась совокупность всех членов родовой организации, и только их. Объективно новая публичная власть не совпадала ни с организацией всей массы патрициев, ни со всей массой плебеев и противоречила родовым устоям. Противоречили родовым порядкам и территориальный и цензовый принципы деления общества, ибо они группировали население вне зависимости от принадлежности к патрициям или плебеям.

Изменилась и царская власть. Сервий решительнее своих предшественников порвал с традициями избрания царя и подготовил условия для превращения царской власти в наследственную, выдав своих дочерей за сыновей Тарквиния. Все эти установления были не совместимы с родовым строем. Именно потому Ф. Энгельс, характеризуя реформы Сервия Туллия, писал: «Так и в Риме еще до упразднения так называемой царской власти был разрушен древний общественный строй, покоившийся на личных кровных узах, а вместо него создано было новое, действительно государственное устройство, основанное на территориальном делении и имущественных различиях. Публичная власть сосредоточилась здесь в руках военнообязанных граждан и была направлена не только против рабов, но и против так называемых пролетариев, отстраненных от военной службы и лишенных вооружения»⁶.

Разумеется, это было лишь началом государственного бытия Рима, началом длительного периода трансформации гентильных органов в государственные. Ростки формирующейся публичной власти имели своей почвой своеобразные общественные отношения. Одна часть населения (патриции) охватывалась гентильной организацией и через ее посредство обеспечивалась землей и участвовала в решении дел, касающихся всех римлян, прежде всего в области религии и суда. Другая часть (плебеи) не пользовалась защитой родового коллектива, получала землю непосредственно от царя, имела ограниченный доступ к новому органу управления, центуриатным комициям, в состав которых вошли наряду с патрициями лишь богатые плебеи. Все это позволяет говорить о появлении сословно-классовых различий между патрициями и плебеями, которым предстояло еще крепнуть и развиваться.

⁵ См.: Там же, с. 170.

⁶ Там же, с. 129.

Острые реформаторской деятельности Сервия Туллия было направлено против гентильных порядков, поэтому он привлекал к себе плебеев и земельными раздачами, и вовлечением их в войско, независимое от родов и курий. Войско было его основной опорой. Используя свойственный родовому строю учет возрастных различий, он старался привлечь к себе более молодую, чем отцы-сенаторы, часть знати, служившую в коннице. Сервий остался в памяти потомства как демократический правитель. Не случайно ему приписывалось введение в число римлян освобожденных рабов, а также признание праздника Сатурналий, во время которых устраивались пиры, господа прислуживали рабам и все веселились на равных.

Последним царем Рима, согласно античным писателям, был Тарквиний (535—510 гг.), прозванный Супербом, т. е. Гордым. В обрисовке его образа смешались в традиции как патрицианская, антицарская, так и антиэтруская версии. Тарквиний считается сыном (или внуком) первого Тарквиния, который получил в историографии прозвище Приск, т. е. Древний. Женат он был сначала на старшей дочери Сервия Туллия, а потом женой его стала вторая царская дочь, Туллия, прозванная за свои злодеяния Свирепой. Распалая жаждой власти, она спровоцировала захват мужем трона и убийство отца.

Античные авторы (Ливий, Дионисий, Цицерон) не жалеют красок для описания тиранического правления Тарквиния Гордого. Он правил самовластно, презрев комиции и сенат, с помощью близких себе людей, опираясь по примеру Ромула на целеров, отряд своих телохранителей, который он возродил. Близкие царю люди из числа его родственников и членов младших родов составили узкий круг спянных клятвой друзей и сподвижников Тарквиния, оставшихся по большей части верными ему даже после его свержения. Тарквиний жестоко изгонял и истреблял знатных людей, затеяв против них судебные процессы, которые вел сам, а имущество репрессированных прибирал к рукам и раздавал своим приспешникам. Обогащался он и за счет военной добычи, и за счет захвата земли из фонда *ager publicus*, т. е. общественной земли, посвященной богам, между городом и Тибром. В результате число патрициев старших родов, наиболее знатных и богатых, сократилось, а вместе с тем уменьшилось и число членов бездействующего сената. Такая ярко выраженная направленность Тарквиния против патрицианской верхушки обеспечивала ему если не симпатии, то отсутствие враждебности со стороны простого народа, прежде всего плебеев. Эти настроения упрочивались благодаря царским раздам из военной добычи и колонизации, удовлетворявшей насущные потребности римлян в земле.

Все эти богатства были результатом многочисленных войн, которые велись по инициативе царя и его приверженцев. Римляне начали войну против вольсков, захватили богатую добычу и покорили Свессу Помецию, вели тяжелую войну с латинским городом Габии, который удалось взять с помощью хитрости. Тарквиний свирепо расправился с габинской верхушкой, разделив ее имущество между простыми габинцами и римлянами. В Южном Лации римляне овладели городами Сигнией и Цирцеями, куда послали колонистов. Захват Цирцей вывел Рим к Тирренскому морю.

Царь укреплял положение Рима в международных делах не только войнами, но и дипломатическим путем. Так, он заключил мир с эквами и возобновил договоры с этрусками, упрочил добрососедские отношения с крупным латинским городом Тускул, выдав свою дочь за знатного тускуланца Мамилия, налаживал отношения со знатью других латинских городов, состоявших между собой в союзе. Общесоюзным святилищем, помимо храма Дианы в Риме, издревле была Ферентийская роща. Тарквиний заявил претензии на созыв там собраний от своего имени и

жестоко пресек возражения против такого своеволия со стороны города Ариции, организовав вероломное убийство арицийского вождя Турна Гердония. С побежденными городами Тарквиний заключил договоры. Если с латинами отношения Рима строились «с позиций силы», то с этрусками — на основе равенства. Вхождение Рима в круг этруских городов, связанных с Карфагеном, способствовало установлению торговых связей римлян с карфагенянами. Косвенное подтверждение сведений о заключении первого римско-карфагенского договора получено благодаря находке надписей в этруском порту Пирги.

Захват материальных ценностей и рабов позволил Тарквинию вести широкую строительную деятельность. На Капитолии был воздвигнут храм Юпитера, для чего были разрушены старые святилища более скромных божеств. Постройка была поручена этруским мастерам. Вейентскому скульптору Вульке было заказано главное украшение фронтона храма — колесница бога с четверкой коней. Фундамент здания VI в. до н. э. и фрагменты терракот, обнаруженные археологами на Капитолии, подтверждают достоверность античных рассказов. Храм был разделен на три клетки — центральная Юпитера Всеблагого и Величайшего, Юноны и Минервы, покровительницы войны. Посвящение храма великим латинским божествам служило идее централизации власти царя и возвеличению Рима среди латинских городов. Кроме того, при Тарквинии Гордом сооружался Величайший цирк, расширялась сеть осушительных каналов и была создана главная подземная канализационная труба (*cloaca maxima*), которая служит Риму и поныне. На эти работы в принудительном порядке сгонялись римские плебеи и, вероятно, рабы. Неимущие получали хлебные выдачи из царских закромов. Тяготы труда на строительстве вызывали ропот простолюдинов, но не они были главными противниками царя. После злодеяния, содеянного царским сыном Секстом, обесчестившим Лукрецию, добродетельную супругу своего товарища и родственника Тарквиния Коллатина, против Тарквиния вспыхнуло возмущение патрициев. Он, его семья и приближенные в 510 г. до н. э. были изгнаны из Рима. Так завершилась царская эпоха в Риме.

В правление этруской династии Рим сильно изменился по сравнению с предшествующим периодом. Он превратился в большой многолюдный город, укрепленный мощной стеной, с украшенными короипластикой храмами и домами на каменном фундаменте. Расширились римские земельные владения, выросли его колонии, развилась торговля. Рим занял руководящее место среди латинских городов и включился в систему антибрийских и даже заморских международных отношений. Заметно продвинулись римляне на пути культурного развития. В Риме появилась своя письменность. Ранние латинские надписи, найденные в Риме и в этруском городе Церре, датируются как минимум концом VII — началом VI в. Существовало в Риме и этруское письмо, которым, скорее всего, пользовались жившие там этруски. Источником латинского алфавита был греческий, но передатчиком этого заимствования могли быть этруски.

Консолидация римской общины и ее взаимоотношения с другими вызвали к жизни представления о международном праве (*ius gentium*) с присущими ему элементами (союзы, договоры), истоки которых уходят в глубь веков. Этрусские мастера и гадалки наводнили Рим. Чрезвычайной популярностью пользовались жрецы-гаруспики, дававшие предсказания по внутренностям жертвенных животных. Рим перенял у этрусов технику градостроительства и межевания полей, знаки высшей власти — фасции, курульное кресло, украшенное слововой костью, оформление триумфа, т. е. торжественного въезда царя, одержавшего победы на войне, на Капитолий. Позднее триумф давался сенатом победоносным полководцам. Рим превращался в этруский город. Это обстоятельство поставило перед учеными вопрос о характере этруского господства. Этрускиза-

цию Рима одни исследователи объясняли тем, что город был завоеван этрусками, другие — утверждением царей этрусского происхождения в процессе мирного проникновения этрусков в растущий город. История воцарения Тарквиния Старшего указывает на процесс мирного внедрения этрусского элемента в римскую среду, история Матарны — Сервия Туллия — на военные акции со стороны этруских «кондотьеров». Результатом утверждения этрусских правителей и было усиление культурного влияния на Рим. Но этруски, как показывает господство даже в эту эпоху латинского языка и письменности в Риме, никогда не составляли большинства римского населения.

Правление латино-сабинских и этрусских царей представляет собой разные периоды царской эпохи, но они не разделены в области социального развития непроходимой стеной. В первый период происходило количественное накопление элементов разложения родо-племенного строя и зачатков новых форм в сфере социальной жизни и управления обществом. Во второй период начался переход в новое качество, подготовленный прогрессом экономики и развитием рабства. Элементы древней родовой организации стали использоваться как орудие господства формирующегося класса-сословия патрициев по отношению к плебеям. В условиях этих противоречий укреплялась публичная власть, закладывались основы гражданства.

3. ИСПАНИЯ

Испания в древности являясь ключом к Атлантике, поставившей в Восточное Средиземноморье олово и янтарь, и сама, будучи богата металлами, была связана тесными узами с различными регионами Средиземноморья. Эти связи проявились особенно в I тыс. до н. э., когда Испания стала привлекать все возрастающее внимание со стороны финикийского, греческого, а затем и римского обществ. Весь спектр влияний, оказанных ими, придал истории и культуре Испании большую специфику, ускорив становление классового общества и государства, формирование оригинальной культуры и до сих пор не разгаданного языка. В то же время истоками своими ее история всегда была связана с европейским миром.

Испания подразделялась на три региона — Тартессиды, Иберия и испанская Кельтика. Тартессиды долгое время считались загадкой № 1 древнеиспанской истории. Тартессиды — это понятие этноисторическое, оно включало единую, нерасчлененную совокупность земли и людей, их предков и божеств, существовавшую в Южной Испании в IX—V вв. Процесс этногенеза тартессиев протекал на местной основе, так как они были тесно связаны с создателями андалузской мегалитической культуры III—II тыс. На заключительной стадии формирования, совпавшей по времени с наиболее ранними иммиграциями восточносредиземноморских народов, обитатели Южной Испании ассимилировались с северными сирийцами, эгейцами и, конечно, финикийцами. Видимо, аналогичный путь проделали в своем этногенезе восточные соседи тартессиев — массены, или мастены. К северу обитали племена иглетов, эгманеев и илеатов, а с VI в. до н. э. — представители кельтского мира — кемпсы и кельтики.

Уровень развития экономики Тартессиды определяли добыча металлов (олово, медь, золото, серебро, железо), их обработка и обмен на международном рынке. Немалую роль играли земледелие и скотоводство, а также промыслы. Другим важным показателем развитости тартессийской экономики являлась торговля. В IX—VII вв. особого размаха достигает ее атлантическое направление. Важным стимулом явилось подключение к ней финикийцев и греков. Красноречивыми свидетельствами существования прямого торгового пути Британия — Ирландия — Ита-

лия — Восток служат находки торговых стоянок, кладов и отдельных предметов средиземноморцев по атлантическому побережью Европы, южноиспанских бронзовых изделий в Сардинии и Италии, грузов кораблей (подобно найденному в устье Одиэля) с товарами из различных регионов Европы, затонувших в Средиземноморье, известность тартессийской бронзы в Греции, а меди и серебра — в Египте. Металлургическое и горнодобывающее производство, специализация и ориентированность на рынок способствовали появлению поселений городского типа, а позже и городов (например, Серро Саломон, Картел, Карамболо).

Античные авторы указывают на богатства тартессийских правителей, погребальный инвентарь которых состоял из многочисленных золотых вещей и драгоценностей. Имеет большое значение развитие военной техники, строительство фортификаций, создание особого типа оборонительных сооружений — крепостей по окраинам Тартессиды, стабилизация ее границ. Важным показателем уровня развития тартессиев служит письменность, возникшая в конце VIII — начале VII в. Страбон называет их самыми культурными из обитателей Испании, имевшими свою систему письма, исторические сочинения и свод законов.

Рассмотрение основных характеристик тартессийской цивилизации приводит к выводу о том, что ее основы были местными, хотя нельзя элиминировать и влияние восточносредиземноморских народов. Это позволяет выделить ее как явление самостоятельное наряду с культурой Этрурии, Рима и даже Греции.

Обстановка на Пиренейском полуострове изменяется с VII в., когда в борьбе за богатства европейского Запада успех все более сопутствует пунийцам, к середине V в. до н. э. лишившим тартессиев торговой монополии и удержавшим свое господство на юге Испании вплоть до римского завоевания.

Иберия является вторым важным регионом древней Испании. Географически она занимала всю прибрежную часть Испании от Гибралтара до Пиренеев и включала множество племен, наиболее значительными из которых были турдетаны, контестаны, эдетаны, илергеты. В решении вопроса об их происхождении имеется немало трудностей. Более вероятной можно считать гипотезу о местных истоках иберийского этноса, а не о его приходе извне. Население это обитало по преимуществу по берегам рек, сооружая свои поселения на возвышенностях, а некрополи располагая в соседних долинах. Известны крупные населенные пункты — Алгудия, Тоссаль де Манисес и особенно Эльче, который в V в. имел общественные здания, большие статуи для их украшения и т. д. Другая группа поселений, располагаясь в горах, выполняла военно-оборонительные функции, осуществляла контроль над важными торговыми путями (Серрета, Ковальта и др.). Наиболее многочисленными продолжали оставаться небольшие сельскохозяйственные поселения, хаотично разбросанные по всей территории Иберии. Особая их концентрация в Верхней Андалузии и Южной Валенсии и ранняя хронология играют важную роль в решении вопроса о направлении процесса иберизации Испании: начавшись с начала I тыс. до н. э. в области верхнего Гвадалquivира, иберизация охватила в течение V—II вв. все средиземноморское побережье.

Характер иберийского хозяйственно-культурного типа определяется земледелием и скотоводством. С V в. большого размаха достигают добыча и обработка железа, меди, серебра, а их продажа составляла основу иберийской экономики. Торговля иберов была организована в целом по типу тартессийской: на побережье существовала система греческих торговых пунктов (ампории), а в глубинных зонах — туземных (Ульястрет, Индика и др.). Все они были взаимосвязаны и взаимообусловлены, ибо в древности международная торговля всегда зиждилась на местной,

межобщинной. Заморские торговцы вплоть до II в. до н. э. вооруженными группами посещали туземные эмпории, куда иберы доставляли продукцию своих полей и недр для обмена на ремесленные товары. Таким образом, и в Иберии, подобно Тартессиде, развивался традиционный вариант торговли, однако важную роль в ней играли менее воинственные, чем пунийцы, греки. Они привезли в Иберию монету, систему мер и весов, прототипы которых были положены в основу местного чекана и метрологии (IV в. до н. э.).

Рассмотрение экономических основ иберийского общества свидетельствует о его эволюции по пути урбанизации, все основные атрибуты которой были налицо уже к V в.: стабильный характер больших укрепленных поселений, наличие ремесленного производства, монеты, метрологии, письменности. Облик иберийских центров определялся степенью и характером иноземных влияний: приморские заимствовали у греков фортификацию, основные принципы градостроения и благоустройства, а глубинные организовывались по модели кельтского города. В Сетабисе V—III вв. существовала, вероятно, своего рода столица иберов — центр их религиозной амфикистии. Располагавшийся в горах, он был хорошо укреплен и состоял, по существу, из местных храмов и святилищ.

Вопрос о социально-политической структуре иберов не решается однозначно. Для иберизированных центров юга и юго-востока можно считать доказанной тенденцию к концентрации богатства и власти в руках немногих, стремление защитить их силой оружия («тартессийский» вариант). Это сплачивало представителей богатых слоев соседствовавших поселений и выдвигало на роль предводителя сильнейшего из вождей. Кельты, нередко использовавшиеся иберами в качестве наемников, «вмешивались» в социальные отношения, смещая иберийских и утверждая собственных правителей. Эллинизированные восточноиберийские центры (Индика, Ульястрет) имели аристократический режим, признававший совет старейшин, но чеканивший монету от имени всей общины. Кельтизированные *civitates* бассейна Эбро (Оска, Илерда) управлялись в IV—III вв. царем, имевшим двух соправителей — *reguli*, обычно связанных династическими узами. Их власть пользовалась поддержкой знати и была наследственной. Они имели двор (*comitatus*, как у древних германцев), состоявший из родственников, соратников (*solduri*) и клиентов (*devoti*). В число *solduri* могли входить кельты, приобретшие права гражданства. В экстраординарных ситуациях власть передавалась в руки совета, состоявшего из представителей знати всех племен и правомочно решать вопросы войны и мира, жизни или смерти правителя. Отношения между иберийскими *civitates* и *populi* всегда оставались натянутыми.

Таким образом, этническая неоднородность Иберии, дробность экономических основ не способствовали ее ранней этносоциальной и политической консолидации. Структура общества и власти Иберии более всего тяготела к европейской (кельтской, германской) модели, а не к средиземноморской монархии тартессийского типа.

Изучение иберийской культуры сопряжено с большими трудностями. Вплоть до середины 1970-х годов исследователи исходили из идеи об особой роли греков и пунийцев в процессе ее формирования. Однако повсеместное и последовательное изучение локальных туземных культур, их сопоставление между собой со все большей очевидностью свидетельствуют в пользу глубокой автохтонности иберийской культуры. Ее истоки следует видеть в культуре Верхней Андалузии и Восточной Валенсии 900—750-х годов, самобытной в своей основе, связанной с атлантическими культурами эпохи европейской бронзы, но в то же время многое заимствовавшей из восточносредиземноморских культур рубежа II—I тыс. до н. э. Под влиянием финикийцев эта некогда единая культура раскололась на две зоны: южную — тартессийскую, появившуюся в ре-

зультате знакомства с основными достижениями финикийцев, и восточную — собственно иберийскую, продолжавшую развивать местные традиции и одновременно испытывавшую прямое греческое и опосредствованное пунийское влияние. Наиболее яркой иллюстрацией могут служить тартессийская и иберийская системы письма: возникнув на основе силлабария, они развили соответственно финикийский консонантизм и греческий вокализм. При этом Тартессидя как этнокультурное целое знала один вариант письма, в то время как для многоплеменной Иберии было характерно наличие конгестанского, турдетанского и эдетанского локальных вариантов.

Индоевропейцы, прибывшие в эпоху ранней и средней европейской бронзы (II тыс. до н. э.) из верховьев Роны — Рейна в Центральную и Западную Испанию и ассимилировавшиеся с туземцами (испанская Кельтика), оказались изолированными от постоянных связей с развитыми прибрежными цивилизациями Испании. Этническая карта Кельтики представляет мозаику различных племен — карпетанов, вакцев, турмодигов, кантабров, астуров, галайков, лузитан и т. д. В эпоху поздней бронзы и раннего железа (1200/1100—350 гг.) численность их общин пополняется прежде всего благодаря новым иммиграциям из Центральной и даже Северной Европы. О росте населения свидетельствуют некрополи, содержащие до 1500 (Лас Коготас) и даже 2230 (Ла Осера) захоронений в урнах. Общины обитали в поселениях кельтского типа — крепостях-бургах с двумя-тремя поясами укреплений, серий башен и бастионов. Они развивали зерновое хозяйство и скотоводство, но особых успехов достигли в металлургии и металлообработке. Кельтское общество было организовано по типу трехъярусной пирамиды. Ее нижний уровень составляли большие фамилии (*cognationes*, аналогичные римским *gentes*). В средний входили объединения больших фамилий — более 160 *gentilitates*, продолжавших признавать общность своего отдаленного предка. Верхний ярус образовывали союзы *gentilitatum*, или племена. Понятие *populus* осталось неизвестным испанским кельтам даже для периода римского завоевания. Верховная власть принадлежала собранию и совету старейшин. На время войны избирался вождь, а все боеспособное мужское население приносило ему клятву верности.

Эта характеристика образа жизни испанских кельтов нашла свое отражение в их религии. Она обнаруживает прямое родство с религией кельтов Западной Европы, германцев и даже бриттов. Надписи сохранили имена более 200 божеств, хотя их функции и характер культа, за редким исключением, остаются неизвестными. С уверенностью можно говорить о большой роли женских божеств и культов природы. Пантеон кельтских богов знал лишь зачатки иерархизации. Жречество еще не играло значительной социальной-политической роли. В его задачи входили только пророчества и предсказания на основе гадания по полету птиц и внутренностям жертвенных животных.

Таким образом, для истории Испании I тыс. до н. э. характерно наличие общих закономерностей становления классового общества и государства, объясняемых единством внутреннего развития трех ее основных регионов. Вместе с тем каждый из них находился на разной стадии этого процесса, что было обусловлено различным по силе и длительности влиянием внешних факторов. От этой специфики зависела степень романизации Испании, начавшаяся со времени появления римлян на Пиренейском полуострове в конце III в. до н. э.

Глава 3

КЕЛЬТЫ В ЕВРОПЕ

В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н. Э.

В истории имя «кельты» закрепилось за многочисленными племенами и племенными союзами, некогда распространившимися на значительной территории Европы. Если пользоваться современными обозначениями, то в период наивысшего расцвета этих племен кельтскими можно было бы назвать нынешнюю Францию, Британские острова, Австрию, Швейцарию, часть Испании, Италии, Германии, Польши, Чехословакии и Венгрии вплоть до западной границы Украины.

Кельтские народы были одними из первых выделены античными авторами из неопределенного понятия «гиперборейцы». Этноним «кельты» употреблял уже Гекатей, а немного позже о них говорит Геродот, повествуя о краях, где лежат истоки Дуная. Греческий историк заблуждался, помещая эти истоки близ Испании, но, как заметил английский ученый Т. Пауэлл, и эта ошибка по-своему показательна. Из нее можно заключить, что греки уже довольно рано осознали единую этническую принадлежность племен, населявших часть Испании и окрестности фокейской колонии Массалия (совр. Марсель), о которых писал Гекатей.

Столетием позже мы находим первые упоминания о том, что кельтские воины участвовали в различных конфликтах в качестве наемников. Так, в 369—368 гг. до н. э. их нанимал Дионисий Сиракузский. Более тесные контакты с кельтами познакомили с их нравами и обычаями, первые упоминания о которых мы встречаем у Платона и Аристотеля. В том же IV в. до н. э. о кельтах сообщает греческий путешественник Пифей, рассказывая о путешествиях по Атлантике (фрагменты его сочинения сохранились у Страбона). В III в. до н. э. вторжение кельтов в Македонию и Грецию привлекло к ним особое внимание античных авторов, которые тогда впервые начинают употреблять новый этноним — «галаты». Приблизительно в это же время или чуть раньше в Италии появляется еще один этноним — «галлы». Все эти три названия, бесспорно, кельтского происхождения, хотя и трудно заключить, насколько широко были они распространены у самих этих народов.

Ближе к рубежу нашей эры сообщения о кельтах множатся. Отдельные данные об их расселении и развернутые описания их быта мы находим у Полибия, Посидония, Страбона, Диодора и Цезаря. Однако все эти источники, как, впрочем, и более ранние, не позволяют ответить на вопрос о происхождении и ранней истории кельтских народов.

Своими корнями она уходит в мир археологических культур, зарождающихся в эпоху проникновения в Центральную и Западную Европу первых индоевропейцев, к которым принадлежали и кельты. Известно, что попытки отождествить первое индоевропейское население Европы с конкретным комплексом археологических памятников пока не дали вполне удовлетворительных и общепризнанных результатов. По наиболее распространенному мнению, ранняя история кельтов связана с распространяющейся в III тыс. с востока на запад культурой шнуровой керамики, одним из признаков которой является также употребление типичных каменных боевых топоров. Бесспорно, что зона бытования этой культуры (от Нижнего Дуная до Франции) совпадает с решающими для этногенеза кельтов территориями. Вычленив же собственно протокельтские памятники из многочисленных вариаций археологических комплексов для этого времени не представляется возможным.

Гораздо более непосредственную роль в предыстории кельтов могла сыграть принадлежащая позднему бронзовому веку культура полей по-

гребальных урн с центрами распространения в Южной Германии и среднем течении Дуная. Новый обряд погребения (грунтовые могильники с прахом, захороненным в урне) около конца II тыс. до н. э. приходит на смену прежнему обычаю курганных могильников. У носителей этой культуры было развитое хозяйство, они овладели весьма совершенными навыками обработки металлов, позволившими создать первые в европейской цивилизации воинские доспехи (находки в Чака, Словакия). Обитали они в укрепленных поселениях, насчитывавших несколько десятков небольших домов квадратной или прямоугольной формы (Бухау, Вюртемберг и многие другие). Основным занятием населения, как можно заключить, было земледелие, дополнявшееся охотой и рыболовством. К IX—VIII вв. культура полей гребальных урн распространяется на юге Франции и в Северо-Восточной Испании, не затрагивая, однако, северо-западных районов полуострова, Бретани и Британских островов, где продолжали жить древние традиции, не связанные с центральноевропейскими линиями развития.

Одни исследователи связывали описанную культуру с кельтами или, во всяком случае, с протокельтами. Другие призывали к осторожности в решении этого вопроса, обращая внимание на то, что всегда есть возможность найти отчетливые признаки археологической культуры там, куда никогда не доходили представители племен, ответственных за ее складывание. Некоторые же ученые в принципе отказываются проводить какие бы то ни было параллели между данными письменных источников и материалами археологии. Такая позиция может быть названа гиперкритической, но исходит она между тем из одного важного обстоятельства.

Исторически известные кельтские племена, как было сказано, обитали на огромных территориях Европы. Однако между отдельными регионами кельтского мира никогда не существовало не только политических связей, но даже общности антропологического типа (о роли культурных традиций будет сказано особо). Главным признаком принадлежности к кельтскому субстрату является язык, некогда с теми или иными модификациями общий всем этим народам. Поскольку, утверждают сторонники третьей точки зрения, язык носителей археологических культур дописьменного времени нам не известен, нет возможности и установить их этническую принадлежность. Подобная точка зрения вряд ли может быть принята, поскольку в тени остаются проблемы прослеживаемой типологической преемственности археологических культур.

Такая преемственность, не всегда очевидная для конца бронзового века, видится совершенно иначе в следующую эпоху — ранний железный век. Этот период именуется гальштатским — по названию поселения, расположенного на берегу озера в 15 км от Зальцбурга (Австрия). По наиболее распространенному сейчас мнению, техника плавки железа не была самостоятельно изобретена центральноевропейскими племенами, а проникла сюда через посредство эгейского мира, где (как свидетельствуют находки на Крите, в Афинах) она была известна не позже XI в. до н. э. Высказывается также соображение, что появление железа в центре Европы связано с продвижением на запад племен южнорусских и причерноморских степей (киммерийцы).

Случайные раскопки 1824—1831 гг. и более поздние систематические исследования вскрыли в Гальштатте огромное количество погребений VII—VI вв., давших самые разнообразные находки (сосуды, украшения, оружие и пр.). Богатство могильника и соответственно процветавшего здесь некогда поселения было связано с выгодной торговлей добывавшейся в окрестных горах солью. Широта торговых связей поселения обусловила присутствие среди находок предметов, относящихся к двум регионам гальштаттской культуры — восточному и западному. Лишь послед-

ний представляет интерес для истории собственно кельтов, так как восточная культура этой эпохи принадлежит иллирийцам, венетам и другим народам. Обилие вещей в могильнике позволило построить достаточно надежную относительную хронологию памятников гальштатского времени, однако уточнить ее позволяют в основном предметы импорта из районов средиземноморских цивилизаций.

Еще в конце XIX в. немецкий археолог Т. Рейнеке предложил делить гальштатское время на четыре фазы: A—D. Первые две фазы являются своего рода подготовкой расцвета культуры и сейчас, по мнению большинства ученых, собственно гальштатской эпохой считаются фазы C и D, а первые две относятся к позднебронзовому веку (A—B: 1000—750 гг., C—D: 750—500 гг.). Работы последнего времени позволили существенно уточнить целый ряд датировок путем сравнения с североиталийскими культурами раннего железного века — Вилланова, Голасекке и Эсте.

Гальштатская эпоха, характеризующаяся широким применением железа, геометрической керамикой (в ее западном варианте) и ростом количества курганных погребений, постепенно доходящих до запада Франции, отмечена невиданным до тех пор расцветом торговых связей между заальпийскими территориями и развитыми областями Средиземноморья. Импорт оттуда попадает к представителям все более могущественной знати, которая стремится обосноваться во всех ключевых пунктах торговых путей. Именно в это время большое значение получают альпийские перевалы (Сен-Готард, Сплуга), через которые шли дороги в Швейцарию и долину Рейна. Товары попадали сюда, в частности, из греческих и этрусских поселений Адрия и Спина по реке По. В VI в. до н. э., после основания фокейской колонии Массалия (совр. Марсель), торговые отношения получают новый мощный импульс: по Роне движутся самые разнообразные товары в глубь континента, а в обратном направлении перевозится британское олово. Конечно, продукты средиземноморского производства встречаются в наибольшем количестве в непосредственной близости от побережья, однако многие из самых замечательных находок сделаны в Восточной Франции, на верхнем Дунае и на Рейне. Это прежде всего дорога и прекрасно выполненная керамическая (чернофигурная) и бронзовая посуда, а также амфоры, в которых поставлялось в довольно значительных количествах вино, потребление которого быстро распространилось среди местной знати. Находки подобных предметов являются типичными для погребений ее представителей. Знаменитые захоронения знатных женщин в Виксе (Франция) и Рейнхейме (Германия) в этом смысле не отличаются от множества погребений мужчин той же эпохи.

Основными предметами обмена, шедшими из глубины континента, были британское олово, медь из альпийских районов, янтарь Балтики и золото из рейнских областей и богемских золотоносных песков. Нельзя исключить, что здесь фигурировали и другие товары — кожи, меха и пр. В отдельных случаях можно заметить интересные влияния средиземноморских центров на местное производство, в частности керамическое. Раскопки в Пеге (Южная Франция) дали многочисленные образцы местной керамики, которая с течением времени стала столь похожа на экспортируемые из Массалии товары, что ей было присвоено название псевдоионийская.

В позднегальштатское время в обществе происходят немалые, хотя и не вполне понятные, перемены. На смену прежним грунтовым могильникам снова приходят курганы и курганные группы, содержащие погребения знати. С VII в. до н. э. под курганами начинают появляться погребальные камеры, часто обложенные деревом, в некоторых находят пышные погребения на четырехколесной повозке, многочисленные детали конской сбруи, оружие и керамику. Повозки, употреблявшиеся в таких

случаях, изготовлялись специально для ритуала и существенно отличались от изобретенных много раньше и использовавшихся в качестве транспортного средства. Подобные захоронения дают очень много устойчивых черт сходства на огромной территории от Богемии до Франции, а некоторые совершенно идентичные детали устройства повозок исключают возможность их более или менее независимого появления в разных районах центра и запада Европы. Ряд исследователей полагают, что районы Богемии и Австрии дают нам наиболее ранние захоронения этого типа и, следовательно, памятники южногерманской (баварской) и французской групп являются итогом постепенно распространявшегося обряда. Это согласуется с установленным фактом контактов гальштаттской культуры с фрако-киммерийскими племенами и предположениями о той роли, которую образ жизни этих кочевников-всадников мог сыграть для центральноевропейских народов. Не преуменьшая значения возможных заимствований и миграций, некоторые ученые думают, что здесь, по всей видимости, мы имеем дело с более сложным явлением — внутренним и не вполне равномерным развитием гальштаттского общества.

Вопрос о том, в какой мере можно использовать материал описанных погребений для установления социальной структуры гальштаттского общества, остается спорным. Дело прежде всего в том, что следы жизни рядового населения сравнительно с погребениями и жилищами знати археологически прослеживаются несравненно хуже. Именно поэтому существует точка зрения, согласно которой кельтская знать являлась лишь узкой господствующей прослойкой, подчинившей себе местное население. По-видимому, прав В. Крута, полагающий, что между этой и противоположной точками зрения нет противоречия, ибо в обширной области гальштаттской культуры могли иметь место различные типы развития. Так или иначе резкая противоположность между верхушкой общества и его низами остается для этого времени определяющим фактором.

Дистанция более всего подчеркнута жилищами знати. Прекрасным образцом их является Гейнебург в верхнем течении Дуная, рядом с которым найдены и великолепные захоронения (среди прочих знаменитый курган Хохмишеле). Поселение занимало стратегически важную позицию на скрещении идущих на север, запад и юг торговых путей и располагалось, что обычно для этого времени, на возвышенности. Оно было укреплено сначала традиционным способом — при помощи деревянных опор, земли и камня, а затем, при перестройке, — стеной кирпичной кладки. Это уникальный пример влияния средиземноморской техники, применение которой, возможно, предполагало участие выходцев из южных областей. На поселении была найдена импортная керамика, пользование которой было привилегией знати, а также в большом количестве типичные гальштаттские полихромные сосуды с геометрическим орнаментом. Следует отметить, что, как и большинство укрепленных поселений знати гальштаттского времени, Гейнебург не возник с началом этой эпохи: корни его уходят в средний бронзовый век. Это еще одно из подтверждений преемственности развития на интересующих нас территориях.

Во второй половине гальштатта их центром, несомненно, становится Бавария. Одним из наиболее известных памятников более северной зоны является поселение Хохен Асперг, западной — Викс во Франции и восточной — Либенице, Завист, Горовички в Чехословакии. Заметим, что к северу и востоку от французской и южногерманской зон продукты средиземноморского импорта становятся все более редкими: в Богемии известен сейчас лишь один фрагмент привозной керамики. Напротив, в Восточной Франции количество гальштаттских памятников со временем постоянно растет — в их контексте встречены такие уникальные произведения средиземноморских мастеров, как знаменитый бронзовый сосуд из захоронения в Виксе.

Проблема распространения гальштаттской культуры на север и запад от ее исторического центра постоянно дискутируется. Памятники этих районов не всегда дают достаточно ясную и однозначную картину, чаще всего демонстрируя комбинацию различных культурных традиций. В ряде случаев — это касается севера Германии и Дании — легко установить, что найденные предметы, принадлежащие гальштаттской культурной традиции, не произведены на месте, ибо их обнаруживают исключительно в составе кладов или приношений. Сложнее обстоит дело с западными территориями Франции и Британскими островами, где, по наиболее распространенному мнению, мы имеем возможность проследить процесс постепенного проникновения носителей гальштаттской культуры в среду более раннего населения, принадлежащего культуре погребальных урн. По всей видимости, это движение совпадает с распространением собственно кельтского этноса.

Влияние гальштатта в Британии и Ирландии становится заметным с VII в. до н. э. Как проникали сюда посетители этой культуры, сказать трудно, но, во всяком случае, гальштаттская традиция континентального образца постепенно сделалась на островах важным, хотя и далеко не единственным, компонентом культурной и хозяйственной среды. Существует одно обстоятельство общего порядка, которое затрудняет сравнение континентального и островного археологического материала: в Британии и Ирландии в противоположность Центральной Европе большинство находок происходит не из могильников, а из поселений, остатков которых на континенте (не считая укрепленных жилищ знати) найдено относительно немного.

Гальштатт в Британии до самого конца не смог вытеснить традиций культуры полей погребальных урн, сильное влияние которых чувствуется в керамике, оружии и других элементах материальной культуры. Отдельные поселения (Ол Каннинг Кросс в Уэссексе) и в гальштаттское время сохраняют облик, характерный для позднебронзового века, в то время как современные им другие поселения (Лин Фаур в Уэльсе, Уэйнбридж и пр.) типичны для раннего железного века. Давно известно, хотя лишь в сравнительно недавнее время убедительно продемонстрировано, то влияние, которое имели для развития Британских островов морские пути вдоль Атлантического побережья Европы, бесспорно использовавшиеся уже в VIII в. до н. э. По ним на крайний запад Европы проникали средиземноморские влияния, отчетливо заметные на примере многих предметов из бронзы. Таким образом, на Британских островах мы сталкиваемся с той же комбинацией компонентов (традиции поздней бронзы, гальштатт, средиземноморские элементы), определявших культуру центральной и западной части континента в VIII—V вв., но выступающих в ином, самобытном сочетании.

Несколько отличается от центра гальштаттской области район среднего течения Дуная, куда средиземноморские влияния проникали по древним каналам так называемого «янтарного пути». Находки в Куффене (в Южной Германии) и в самом некрополе Гальштатта, относящиеся, правда, к самому концу раннего железного века, говорят о прекрасном знакомстве местных мастеров с традициями ремесла севера Италии.

Самый последний период гальштаттского времени отмечен некоторой переориентацией отношений континентальной Европы и средиземноморского мира. С начала V в. до н. э. в заальпийской области начинает все больше чувствоваться влияние этрусской торговли, следы которой для более раннего времени случайны и свидетельствуют об опосредованных контактах. В упомянутое время в связи с экономической изоляцией на море и все возрастающей конкуренцией Массалии в Южной Франции этруски ищут новых рынков и в значительной степени находят их в заальпийской области. Более широкое проникновение в кельтский мир

этруских товаров (бронзовых сосудов, фибул и пр.), примером которых могут быть вещи из погребения в Альтрире на территории Люксембурга, дают дополнительный импульс внутренним сдвигам, намечавшимся в кельтском ремесле и искусстве. Их первые признаки — начинающийся упадок безраздельно господствовавшего прежде геометрического стиля и утверждение в кельтском искусстве многих средиземноморских мотивов, а также фигуративных изображений.

Однако описанные новшества касаются в это время лишь узкого высшего слоя населения. Что же касается основной массы, то археологические свидетельства ее жизни тоже позволяют говорить о назревавших переменах, однако совсем иного свойства. Эти перемены связаны с серьезными, хотя еще не вполне понятными, социальными сдвигами. Они заметны прежде всего в периферийных районах, мало затронутых средиземноморскими влияниями, и лишь затем проявляются в центре кельтского мира. Относительно богатые курганные захоронения постепенно сменяются на этих территориях бедными грунтовыми могильниками, в которых, как правило, встречаются предметы вооружения и исчезают внешние атрибуты высокого положения знати, ранее весьма типичные (конская сбруя и пр.). Несмотря на локальные вариации, сходные явления наблюдаются на большом удалении друг от друга — в Богемии и Шампани (комплекс в Жогасс около Эперне, типологически связанный с более поздней марнской культурной областью). Постепенно дробится и сокращается зона пышных захоронений знати, что лишь частично компенсируется ее продвижением на северо-запад, к среднему течению Рейна. Известная нам совершенно новая зона богатых погребений военных вождей — так называемая марнская — возникает уже в совершенно новых исторических условиях.

С движением племен на юго-восток галльшаттская культура распространялась на Дунае и Адриатическом побережье Далмации. Ее зона охватывает территорию Австрии, Югославии, Чехословакии, Румынии и Болгарии и совпадает с областями, связываемыми древними авторами с иллирийскими, скифскими и с фракийскими племенами. В странах Прикарпатья, Среднего и Нижнего Подунавья в IX—VIII вв. еще переживали расцвет культуры позднебронзового века. Начало железного века на Дунае отмечено большими перемещениями племен, войнами, возведением укрепленных поселений. Бедный инвентарь находок контрастирует с богатыми погребениями знати и вождей. Влияние культур средиземноморского мира стало более непосредственным, возросли культурные и торговые связи племенного мира Европы с Грецией и Италией.

Иллирийские племена были известны грекам уже в VIII в. до н. э. Они занимали обширную территорию на Адриатике, от Истрии до Албании и далее на восток вплоть до Боснии. В описании древних племена иллирийцев были многочисленными и воинственными. Немалую часть своих доходов знать приобретала в войне с греческими колониями и соседними племенами. Их укрепления, окруженные стенами, находились в горах и труднодоступных местах. В V в. до н. э. на побережье Адриатики и на островах возникли греческие колонии, влияние которых на иллирийские племена было весьма значительным.

Одной из наиболее характерных культур, относимых к иллирийской, считается культура Глазинац (близ Сараево). Эта культура распространилась на запад до р. Дрины. Она известна по могильникам, насчитывающим около 20 тыс. курганов времени бронзового века (XII—VIII вв.) до эпохи среднего латена (300—100 гг.). Большинство погребений галльшаттского времени. Особого внимания заслуживает четырехколесная бронзовая повозка в виде двух птиц (голубей), представлявшая собой культовый предмет. В культуре Глазинац отчетливо прослеживается греческое влияние, а также северо-востока Италии.

В областях севернее Альп культуры раннего железа связываются с племенами ретов, иллирийцами, а также с венедами. В восточном Тироле и на юго-западе Каринтии известна высокоразвитая культура венов. Ее центр находился на северо-востоке Италии, где с венедами связана культура еще VI—I вв. Эта культура известна в памятниках из долины верхнего течения р. Гайль. Здесь в долине Вюрмлах были найдены прочерченные на скале надписи, а также надписи на надгробных стелах и урнах. Они написаны на венеетском языке, близком к латинскому, и содержат около 450 личных имен — венеетских, этрусских, кельтских. Считают, что эти имена были оставлены лицами, следовавшими по торговой дороге древности, служившей для купцов и торговцев. В поселении на Гурине были найдены бронзовые надписи на пластинках, которые, как считают, имели культовое значение: ими обкладывались деревянные ящички с приношениями богам. Местоположение Гурины свидетельствует о том, что она была политическим, хозяйственным и культурным центром племени.

В Словении существовала культура, близкая по характеру к культуре венов. Из Ваца (близ Любляны) происходит бронзовая сидула, датированная IV в. до н. э. Сидула имеет три ряда изображений — всадников, лошадей, повозок, праздника, зверей-хищников, оленей, горных козлов, отражающих быт иллирийских племен, их занятия и религиозные верования. Иллирийские племена сохранили свой собственный характер в материальной и духовной культуре в период латена.

На юго-западе Австрии находился и Гальштатт, близ Зальцбурга, в области, занятой иллирийцами. С железным оружием было найдено здесь также множество бронзового оружия, бронзовой посуды и украшений. Гальштатт и Дюрнберг были также центрами по добыче соли в Европе. Оба поселения лежали на торговой дороге древности, по которой доставлялась соль отдаленным племенам.

Более разнообразны в своих вариантах керамики культуры гальштатта, относимые к областям Австрии. Так, большие красные глиняные сосуды из Гемайнлеберна (Нижняя Австрия) содержат прикрепленные к их стенкам фигурки лошадей и животных. В числе находок известен керамический сосуд, на стенках которого были помещены глиняный всадник, олени, танцующие женщины, маленькие птички. Для культуры Календерберг (у Мадлинга, Нижняя Австрия) характерны амфоровидные сосуды в виде глиняных сидул, имеющих изображение маленьких фигур животных, людей, всадников. Некоторые поселения этой культуры указывают на то, что Календерберг был местом производства керамики и распространялась она широко, учитывая потребности других поселений.

В областях Чехословакии существовали в VII в. до н. э. культуры курганных погребений. Характерной чертой в обряде погребения является захоронение под курганом с деревянными срубными камерами, когда умерший был погребен вместе с четырехколесными повозками, конскими ярмами и богатыми деталями конской сбруи. В такой камере обычно был похоронен вождь с бронзовым или железным мечом в ножнах, с большим количеством керамики, расписанной геометрическим орнаментом. Погребение совершалось одновременно с погребением множества слуг и женщин, обслуживавших вождя. Наиболее известна гораковская культура VII в. до н. э. в Моравии, развившаяся на основе подольской культуры бронзового века. Свое название она получила по курганному могильнику, открытому в деревне Гораково, близ Брно. В пещере Бычья Скала середины I тыс. до н. э. было совершено погребение племенного вождя, было найдено множество разбитой керамики, а также 40 человеческих скелетов, в большинстве случаев женских, сопровождающих захоронение. Некоторые предметы относились к культовому ритуалу умерших. Поселе-

ние было известно как кузница раннегалыштатского времени: в пещере были найдены молоты, клещи, наковальни, каменные литейные формы.

Курганы галыштатского времени свидетельствуют об имущественном расслоении и необычайной роскоши, которой окружала себя знать. Многие из погребений содержат находки изделий из золота, а также янтаря, средиземноморских кораллов, стекла, слоновой кости, которая использовалась для украшения рукояти мечей и кинжалов. В поселении Велем-Сентвид на западе Венгрии (близ нынешнего города Сомбатхея), который в период бронзового века был одним из центров по производству металлических изделий и сохранил это свое значение в период галыштатта, существовали специальные ремесленники, работавшие также по золоту. В большинстве своем такие вещи, как клад золотых вещей, состоящий из диадемы, золотых тарелок с орнаментом, имитирующим золотые нити, принадлежал вождю.

Культуры раннего железа в Венгрии, Румынии и Болгарии обнаруживают влияние культур Северного Кавказа и Кубани. Археологические памятники, происходящие из Северо-Восточной Венгрии, принадлежат киммерийцам, оставившим степи Северного Причерноморья и Северного Кавказа около VIII в. до н. э. под давлением скифов. Присутствие неизвестного народа, отождествляемого с киммерийцами, устанавливается на основании находок бронзовых предметов конской сбруи, а также железных уздечек для лошадей, бронзовых котлов, оружия.

С середины VI в. до н. э. заметны тесные связи стран карпато-дунайского региона с причерноморскими областями. Считают, что в VI в. до н. э. на территорию Восточной Венгрии пришли скифы. Скифы достигли также Румынии, Словакии и Болгарии.

В бассейне Тисы были открыты большие могильники, определяемые как скифские (Тапиосель, Сентеш-Векерzug). Здесь найдены предметы скифского стиля (стрелы, мечи, украшения, зеркала) и захоронения лошадей, как правило, отдельно от людских погребений. Этой группой, обнаруживающей связи с материальной культурой скифов Северного Причерноморья, была культура, определяемая одними авторами как «скифская группа Большой Венгерской низменности». Находки памятников этой скифской группы на запад прослеживаются от Словении до побережья Адриатики. Существует и другое мнение о принадлежности этой культуры. Считают, что ее носителями были сикинны, народ скифского происхождения, принадлежавший к родственным ираноязычным племенам. Сикинны имели торговые связи с венетами. Они действовали в качестве посредников в торговых сношениях придунайских племен со средиземноморским миром.

Сикинны стали известны грекам уже в раннем железном веке. По свидетельству Геродота, лигия, которые живут к северу от Массилии, сикиннами зовут мелких торговцев. Сингидун (совр. Белград), расположенный при слиянии Савы и Дуная, неоднократно упоминаемый римскими и византийскими авторами, был сначала племенным центром сикинов. Осевшее позднее при слиянии Савы и Дуная кельтское племя скордисков назвало город *Singidunum*; на кельтском языке *-dunum* означает крепость.

Области Задунавья были населены племенами, которые говорили на языке, близком иллирийскому. В областях вдоль Дравы существовала культура, обнаруживающая связи с венето-иллирийской культурой. Уже упоминавшийся ремесленный центр на западе Задунавья Велем-Сентвид снабжал в течение нескольких веков металлическими изделиями из бронзы, а затем из железа культуры Задунавья. Его производство было рассчитано и на потребности сикинов.

В Румынии культура раннего железа VII в. до н. э. получила название «фракийского галыштатта» в связи со своеобразием развития фра-

кийских областей в раннем железе. Одной из наиболее известных культур фракийского гальштатта является культура басараб (на юго-западе Олтенции у с. Басараб). Эта культура в нескольких вариантах известна из многих районов Румынии. Для нее характерны бронзовое оружие и орудия труда, но в ней присутствует много железных предметов. На юго-западе Олтенции около VII—V вв. существовали культуры, связываемые с иллирийцами. Преобладают характерные иллирийские одностебельные мечи с рукояткой. Во второй половине VI в. — начале V в. в Молдове и Северной Олтенции существовала культура Бырсешти-Фериджиле, отмеченная иллирийским и скифским влиянием. На поселении Александрия (на р. Ведя близ Бухареста) в V в. до н. э. известна керамика, сделанная от руки и на гончарном круге. Изделия этой культуры были железными — оружие и орудия. Эта культура отмечена влиянием греческих городов Западного Понта. Считают, что поселение Александрия принадлежало местному населению северофракийских племен.

В Трансильвании скифы появились около VII в. до н. э. Они захватили верхнее течение р. Муреш. Отсюда происходят скифские находки (акинаки, трехперые стрелы, колчаны, бронзовые зеркала с зооморфными ручками). Влияние скифской культуры явилось значительным фактором в истории племен карпато-дунайского региона. Оно захватило также нижнее течение Дуная, где скифы обосновались в IV—III вв. Область Добруджи в римское время получила у древних название «Малой Скифии».

Южнофракийские племена, занимавшие области на юго-востоке Болгарии, стали известны грекам уже в IX—VII вв. Общество южных фракийцев находилось под сильным влиянием греческой цивилизации. Уже в VIII в. до н. э. южнофракийские племена стояли на более высоком уровне общественного развития, чем многие племена тогдашней Европы. У южнофракийских племен существовало социальное и имущественное расслоение, выделились племенная знать и вожди. Южнофракийские племена имели также тесные связи со скифами, которые оказали влияние на культурную и политическую историю этих племен. Воздействие Греции, а также поход в 513—512 гг. Дария против скифов через фракийские земли способствовали тому, что у южных фракийцев оформилось государство. В первой половине V в. до н. э. возникло государство одрисов, объединившее под своей властью многие южнофракийские племена. Племенная чеканка начинается у них в VI—V вв. с именами царей или племен. Большого развития достигли бронзолитейное, ювелирное и кузнечное ремесла, а также керамическое производство. В конце VI в. до н. э. у южных фракийцев появился гончарный круг. У них существовало рабство. Были укрепленные города, возникшие вокруг резиденции племенного вождя или царя.

Фракийская культура оказала большое влияние на культуру Греции и, в свою очередь, сама подвергалась сильному воздействию греков. Одним из наиболее известных памятников южных фракийцев является купольная гробница из Казанлыка (близ г. Севтополя), датируемая IV в. до н. э. Гробница была ограблена уже в древности, но сохранившаяся до сих пор роспись, как и масштабы гробницы, свидетельствуют о ее великолепии. Выполненная мастером, который был хорошо знаком с греческим монументальным зодчеством, гробница отражает также фракийское искусство в росписях фигур, в их одежде, в предметах убранства и быта фракийской знати. Богатое декоративное и живописное убранство гробницы свидетельствует о том, что здесь был похоронен царь со своей женой.

Таким образом, V век до н. э. является эпохой социальных перемен, затронувших гальштаттское общество во всех его местных вариантах. В связи с тем что, как уже сказано выше, характер взаимоотношений

высшего и низшего социальных слоев в гальштатское время является спорным (противоположность социальная или еще и этническая?), высказывались и разные мнения о характере этих перемен. Некоторое время назад они объяснялись проникновением на заальпийские территории собственно кельтов. Теперь такая точка зрения не может быть принята, ибо стало ясно, что переход от раннего к позднему железному веку связан не с миграциями, а с какими-то внутренними процессами. Поскольку новый тип захоронений появляется прежде всего на наименее плодородных землях и лишь затем продвигается в удобные земледельческие местности, бывшие наряду с холмистыми скотоводческими районами опорой знати, была высказана мысль о том, что события V в. до н. э. — итог социальной борьбы ранее подчиненного населения. Хотя сам по себе факт общественных противоречий не может не учитываться, большинство ученых полагают сейчас, что он не может дать происшедшему единого удовлетворительного объяснения.

Итак, в V в. до н. э. происходит перемещение укрепленных центров на северо-запад от прежней области их расцвета в верхнем течении Дуная, причем некоторые из них не просто приходят в упадок, но явно разрушаются, появляются однообразные и массовые грунтовые могильники, а типично гальштатский художественный стиль постепенно уступает место иным вкусам и традициям. С этого времени более заметным становится и разнообразие в развитии кельтских областей, ибо широкое распространение определенных стилистических мотивов (объяснимое разветвленными связями между прежними центрами развития на больших территориях) в начале новой эпохи все меньше скрывает варианты их укорененности в местных традициях. Этими моментами характеризуется конец гальштатского времени и начало позднего железного века — так называемой латенской эпохи.

Глава 4

ЗАПАДНОЕ И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭПОХУ АРХАИКИ

Население обширного припонтийского региона в раннем железном веке было крайне пестрым по своему этническому составу. Территорию от Северной Эгеиды до междуречья Дуная и Днестра занимали многочисленные фракийские племена, в степях Северного Причерноморья обитали киммерийцы, которых затем сменили скифы. Эти народности заселяли обширные пространства Юго-Восточной и Восточной Европы, то, по образному выражению Цицерона (О государстве, II, 4, 9), варварское поле, к которому как бы оказались пришиты прибрежные земли греческих колоний.

Фракийцы упоминаются уже в древнейших памятниках греческой литературы — поэмах Гомера. Героический эпос описывает суровость климата страны фракийцев с покрытыми снегом горными вершинами (Илиада, XIV, 227), неукротимый, жестокий нрав рожденных во Фракии богов Борея и особенно Ареса, которому не уступали в жестокости и его сыновья Ареады — мифические фракийские цари Ликург, Диомед и Терей (Илиада, VI, 130; IX, 5; XXI, 390 и след.; Одиссея, VIII, 361). В то же время гомеровские поэмы неоднократно воспевают богатства этой страны, особенно изобилие ее лошадей (Илиада, X, 434 и след.; 558 и след.; XI, 222; XIII, 4), а также особое пристрастие к музыке

обитателей фракийской земли, подарившей миру таких знаменитых певцов, как Тамирис, (Илиада, II, 595 и след.), Орфей и Евмолп.

Время окончательного сложения гомеровского эпоса принято относить к VIII—VII вв., хотя он и вобрал в себя многое от предшествующих «темных веков» и микенской цивилизации. Говорить же о появлении исторически известных фракийцев в Балкано-Дунайском регионе мы можем, видимо, не ранее начала железного века на данной территории, т. е. в IX—VIII вв. Переход к новой исторической эпохе в Юго-Западной Европе связывают с так называемым фракийским гальштатом (ок. 600—550 гг.), соотносимым с гальштатом С и конкретно с археологической культурой Басарабь и типологически с нею сходными. Эта культура (по-видимому, местного происхождения) уходит своими корнями в местные же культуры позднебронзового века.

Ее носители представляли собой оседлые племена, занимавшиеся земледелием и скотоводством. Поселения культуры Басарабь известны нескольких типов: открытые поселки, поселения с зольниками, наконец, укрепленные поселения, вокруг которых концентрировались неукрепленные. Основным типом жилищ были наземные легкие сооружения из деревянного каркаса, обмазанного глиной. На раннем этапе этой культуры орудия труда, оружие и украшения изготовлялись в основном из бронзы — железо лишь постепенно отвоевывало себе место в производстве. В погребальном обряде преобладало трупосожжение с бескуржанным захоронением в урнах. Со временем появляются подкурганные погребения, для которых характерно вытянутое или скорченное труположение, с погребальным инвентарем, представленным бронзовыми и железными предметами украшений и, что особенно показательно, оружием. На фоне рядовых могил выделяются захоронения племенной аристократии с очень богатым погребальным инвентарем, даже с колесницами.

Наличие укрепленных поселений, выделение прослойки воинов и знати — свидетельства того, что племена, оставившие культуру фракийского гальштатта, находились на стадии перехода от первобытнообщинного к раннеклассовому обществу, когда постепенно набирали темпы процессы социальной стратификации — выделение среди рядовых общинников прослойки дружинников, племенной аристократии и вождей.

Античные письменные и нумизматические источники VI—V вв. сообщают нам названия многих фракийских племен и дают некоторое представление об их расселении. На северо-западе Эгеиды обитали бизалты, эдоны, одоманты, меды и сатры. К востоку от них междуречье Неста, Гебра и Тонза населяли бессы, киконы, сапеи и корпилы. Херсонес Фракийский заселяли долонки, выше которых располагались апсинты. Среднее течение Тонза занимало многочисленное племя одрисов, к востоку от которых юго-западное Черноморское побережье населяли асты и тины. Среднее течение Истра (Дунай) и его многочисленных притоков составляло зону обитания трибаллов, а в низовьях его Добруджу заселяли кробизы и многолюдное могучее племя гетов, которые, ассимилируя другие фракийские племена, со второй половины VI в. до н. э. постепенно формируют своеобразную гето-дакийскую культуру. Процесс этнической интеграции и складывания племенных конфедераций не менее интенсивно протекал в VI в. и на юге Фракии. Ценнейшим источником здесь служат серебряные монеты, чеканившиеся целым рядом фракийских племен в позднеархаическую и классическую эпохи. С другой стороны, сами эмиссии серебра, призванного обслуживать потребности внутрифракийского рынка, — показатель уровня развития товарно-денежных отношений того времени.

Как южно-, так и северофракийские племена, будучи автохтонами, испытывали заметные культурные и политические влияния со стороны иллирийцев с юго-запада и киммерийцев, а затем скифов с северо-вос-

тока. Киммерийская проблема — одна из самых сложных в современной исторической науке, подобно «киммерийскому мраку», которым окружил их страну Гомер в «Одиссее» (XI, 14). Киммерийцы упоминаются многими античными и восточными клинописными источниками, однако наиболее подробные и ценные сведения о них сообщает Геродот.

Известный по этим источникам исторический народ киммерийцев отождествляют с носителями позднесрубной археологической культуры на двух ее заключительных этапах — черногоровском и новочеркасском (IX — середина VII в.). Это были кочевые, скорее всего, прапоязычные племена, занимавшие широкое пространство степей юга Восточной Европы от Днестро-Дунайского междуречья до берегов Керченского пролива, который по их имени получил название Боспора Киммерийского; именно здесь сохранилось наибольшее число связанных с этим этносом топонимов. Прародиной киммерийцев еще в позднебронзовом веке было Нижнее Поволжье, откуда они на стадии перехода к железу продвинулись в Северное Причерноморье.

Материальная культура киммерийцев известна покладам бронзовых и железных изделий, а также по впускным и подкурганным захоронениям со скорченным или вытянутым на боку труположением. В качестве погребального инвентаря в могилы клали отлитые из бронзы или вырезанные из кости украшения, предметы конской упряжи, а также бронзовое и железное оружие. У киммерийских племен возникают ранние формы искусства: орнаментальные мотивы на украшениях, антропоморфные надгробные стелы с изображением оружия, единичные зооморфные сюжеты. Спиралевидный орнамент костяных лунниц может указывать на распространение селярных культов в религии киммерийцев.

Киммерийцы оказывали культурное воздействие на племена чернолесской культуры украинской Лесостепи, протомеотскую и кобанскую культуру Северного Кавказа, на носителей культуры фракийского гальштатта в современной Молдавии, Румынии и Болгарии. Все эти направления культурного влияния связаны отчасти с мирными контактами, отчасти с военными набегами на соседей, отчасти с переднеазиатскими походами киммерийцев. Согласно сведениям Геродота (IV, 11), вторгшиеся из Азии скифы вынудили киммерийцев оставить северочерноморские степи и вторгнуться в Переднюю Азию. В действительности речь может идти о еще более ранних походах киммерийцев с конца VIII в. до н. э.

В своем продвижении они нападали на Урарту, Ассирию, Каппадокию, Фригию, Мисию, Пафлагонию, Вифинию, Лидию, временами заключая с их правителями союзы. Известны имена их предводителей — царей Теушпы, Лигдамида (Тугдамме) и Шандакпатру. Вопреки сообщению Геродота (IV, 12) о том, что киммерийцы двигались на восток, держась все время побережья Черного моря, можно предположить, что они использовали в разное время несколько как восточных, так и западных путей. Так, разрушительные набеги на ионийские полисы Малой Азии и Лидию в VII в. до н. э. были совершены, скорее всего, через фракийские земли в союзе с племенами треров, эдонов и, возможно, трафлов. Эти рейды оставили заметные следы киммерийского влияния в материальной культуре Фракии. Память о киммерийских походах запечатлелась в малоазийской антропологии и в более поздние времена.

Киммерийцев в степях юга европейской части СССР сменили скифы. Это наименование античными авторами прилагалось к обширной этнокультурной общности, которую составляли многочисленные, отличавшиеся друг от друга по своей языковой принадлежности и хозяйственному укладу племена степной, лесостепной и лесной зон Восточной Европы. В узком смысле этот этноним обозначал скифов-номадов, а еще более конкретно — господствовавших над остальными царских скифов. Вопрос о происхождении кочевых скифов остается остродискуссионным в науке.

Из всех предложенных версий — автохтонное население северочерноморских степей, пришельцы из Передней Азии, переселенцы из Южной Сибири — наиболее убедительной в свете последних открытий на Алтае, в Туве и Казахстане выглядит последняя.

В первой половине VII в. до н. э. скифы-номады появляются на Северном Кавказе, где раскопками зафиксированы наиболее ранние их памятники, а чуть позже — к середине столетия — и в степях Северного Причерноморья. Из этих двух регионов они совершают спусты полвека вслед за киммерийцами походы на Ближний Восток, продвигаясь через Закавказье. Они, как и их предшественники, вошли в военное столкновение с Ассирией, а потом и с Мидией. Восточные и античные источники донесли до нас имена предводителей скифов в этих походах — царей Ишпакая, Партатуа (Прототия) и Мадия. По сведениям Геродота (I, 105), они дошли даже до Палестины.

Сочинение Геродота — наиболее подробный и ценный источник по истории, социальному строю, культуре, религии и обычаях скифов и окружавших их племен. В нем сообщается, что после 28-летнего владычества над Азией (I, 106) скифы возвратились в Северное Причерноморье, где одолели своих рабов, вступивших за время их отсутствия в связь с их женами (IV, 1—4). В этом рассказе нашел отражение, по всей видимости, реальный факт подчинения царскими скифами других кочевых (а также, возможно, и оседлых) племен юга Восточной Европы. Согласуются с этим замечания Геродота (IV, 20), что царские скифы всех остальных скифов считают своими рабами, и Ксенофонта (Воспоминания о Сократе, II, 1, 10) о владычестве скифов над меотами.

Одной из самых спорных проблем скифологии продолжает оставаться наложение Геродотовой этногеографии Скифии на карту археологических культур Восточной Европы, очерченную современными исследованиями. Последняя вырисовывается в настоящее время в следующем виде. На широком пространстве степной зоны разбросаны курганы рядовых номадов, кочевнической аристократии и вождей; поселений здесь до сих пор не найдено, что ставит под сомнение присутствие в степях оседлого населения. В лесостепной зоне в среднем течении Днепра концентрируются городища и курганные могильники киевской группы памятников скифского типа, оставленных земледельческим населением. К западу от них, в междуречье Буга и Днестра, располагались земледельцы восточно-западнодольской группы. К северу от них, на границе украинской лесостепи и лесной зоны, расселялись земледельческие племена волынской группы памятников, а к югу — молдавской. Бассейн р. Ворсклы занимала ворсклинская локальная группа, с которой на северо-западе граничил посульский локальный вариант культуры скифского типа. Наконец, в верховьях Северского Донца в Харьковской области концентрируются памятники южнодонецкой группы скифской лесостепи.

Геродот же (IV, 17—22) рисует этногеографическую карту Скифии следующим образом. Выше эмпория борисфенитов (поселения на острове Березань) по Гипанису к западу от Борисфена обитают каллипиды, иначе эллино-скифы, над ними к северу — ализоны, еще выше — скифы-пахари, а еще севернее — невры. Каллипиды и ализоны по образу жизни подобны скифам, за исключением того, что они возделывают сельскохозяйственные культуры. По левому берегу Днепра, выше лесистой области Гилеи, обитают скифы-земледельцы, иначе борисфениты, к северу от которых, минуя безлюдное пространство, проживает нескифское племя андрофагов. К востоку от скифов-земледельцев располагаются земли скифов-кочевников, а еще далее, за р. Герр, находятся владения царских скифов. Севернее их обитает нескифское племя меланхленов, а если перейти р. Танаис, т. е., по понятиям древних, в Азию, то мы окажемся в землях савроматов, будинов, тиссагетов и ирков.

Все предпринятые до сего времени попытки совместить этногеографические показания Геродота с археологической картой нельзя считать целиком и полностью убедительными; то же относится и к попыткам этнолингвистического определения названных племен; с абсолютной уверенностью можно говорить лишь об ираноязычности скифов-кочевников, прежде всего скифов царских, а кроме того, савроматов. Не всегда однозначно определяется и хозяйственный уклад народов, которых охватывало географо-политическое понятие «Большая Скифия». Однако, несмотря на полиэтничность и разнообразие форм экономики, их роднит достаточно большое число сходных черт материальной культуры, искусства, религии, погребального обряда, чтобы можно было признать названную этнокультурную общность исторической реальностью.

К северу от лесостепных скифских племен обитали представители дьяковской культуры, прослеживаемой археологически начиная с VII—VI вв. Зона их расселения — Волго-Окское междуречье. Это были племена оседлых скотоводов и земледельцев, занимавшихся также охотой и рыболовством. Их памятники представлены укрепленными поселениями, расположенными на удобных мысах, защищенных с одной стороны самой природой, а с другой — рвом и валом. Характерный признак их культуры — так называемая текстильная керамика, изготовлявшаяся не на гончарном круге, а в особых тканых мешочках с последующей доработкой на гончарном столе. Об их религиозных представлениях можно судить по керамическим грузилам с точечным орнаментом или с изображением птиц, человеческих ликов и лошадей. Последние свидетельствуют о том, что основной отраслью их хозяйства было коневодство, что археологически документируется многочисленными костными остатками лошадей. По своему уровню дьяковские племена находились, по всей видимости, на стадии разложения родового общества.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КЛАССИЧЕСКИХ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА. ПОЛИС И ЦИВИТАС. ПЛЕМЕННОЙ МИР

Глава 5

АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

1. ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ В XI—IX вв.

Можно считать неоспоримо доказанным, что классовое общество и государство, а вместе с ними и цивилизация зарождались на греческой почве дважды с большим разрывом во времени: сначала в первой половине II тыс. до н. э. и вторично в первой половине I тыс. до н. э. Поэтому всю историю древней Греции сейчас принято делить на две большие эпохи: 1) эпоху микенской, или крито-микенской, дворцовой цивилизации и 2) эпоху античной полисной цивилизации. Первая из этих цивилизаций сошла с исторической сцены при загадочных, до конца еще так и не проясненных обстоятельствах примерно в конце XII в. Эпоха же античной цивилизации начинается лишь через три с половиной и даже четыре столетия.

Таким образом, имеет место довольно значительный временной «зазор», и неизбежно встает вопрос: какое место занимает этот хронологический отрезок (в литературе его иногда обозначают как «темные века») в общем процессе исторического развития греческого общества? Был ли он своеобразным мостом, соединившим две весьма несхожие исторические эпохи и цивилизации, или же, наоборот, он разделил их глубочайшей пропастью?

Археологические исследования последних лет позволили выяснить подлинные масштабы страшной катастрофы, пережитой микенской цивилизацией на рубеже XIII—XII вв., а также проследить основные этапы ее упадка в последующий период. Логическим завершением этого процесса была глубокая депрессия, охватившая основные районы материковой и островной Греции в течение так называемого субмикенского периода (1125—1025 гг.). Основная отличительная его черта — удручающая бедность материальной культуры, за которой скрывались резкое снижение жизненного уровня основной массы населения Греции и столь же резкий упадок производительных сил страны. Дошедшие до нас изделия субмикенских гончаров производят самое безотрадное впечатление. Они очень грубы по форме, небрежно сформованы, лишены даже элементарного изящества. Их росписи крайне примитивны и невыразительны. Как правило, в них повторяется мотив спирали — один из немногих элементов декоративного убранства, унаследованных от микенского искусства.

Общая численность изделий из металла, дошедших от этого периода, крайне мала. Крупные предметы, например оружие, встречаются редко. Преобладают мелкие подделки вроде фибул или колец. Судя по всему, население Греции страдало от хронического недостатка металла, прежде всего бронзы, которая в XII — первой половине XI в. еще оставалась основой всей греческой индустрии. Объяснение этого дефицита следует, по-видимому, искать в том состоянии изоляции от внешнего мира, в котором балканская Греция оказалась еще до начала субмикенского периода. Отрезанные от внешних источников сырья и не располагавшие достаточными внутренними ресурсами металла, греческие общины вынуждены были ввести режим строжайшей экономии. Дело доходит до

того, что некоторые житейски необходимые предметы, например наконечники стрел или вкладыши для лезвий ножей, начинают изготавливать не из бронзы или меди, а из камня — обсидиана.

Правда, почти в это же самое время в Греции появились и первые изделия из железа. К самому началу периода относятся разрозненные находки бронзовых ножей с железными вкладышами. Как считают специалисты-археологи, эти ножи были завезены в Грецию с Кипра или, может быть, из Сирии. Ближе к концу того же периода (во второй половине XI в.) железные мечи и кинжалы появляются в отдельных могилах афинского Керамика, некрополя на о. Саламине, в Тиринфе, на некоторых островах Центральной Эгейды и Додеканеса. Можно предполагать, что к этому времени техника обработки железа в какой-то степени была уже освоена самими греками. Однако очаги железной индустрии были еще крайне немногочисленны и едва ли могли обеспечить достаточным количеством металла все население страны. Решающий шаг в этом направлении был сделан лишь в X столетии.

Еще одна отличительная черта субмикенского периода заключалась в решительном разрыве с традициями микенской эпохи. Наиболее распространенный в микенское время способ захоронения в камерных гробницах вытесняется индивидуальными захоронениями в ящичных могилах (цистах) или в простых ямах. Состав погребального инвентаря сильно удешевляется и сокращается. В подавляющем большинстве могил афинского Керамика найдена только глиняная посуда, причем самого дешевого и грубого сорта, и кое-что из вещей личного обихода, также самых заурядных (булавки, фибулы, бронзовые или железные кольца), совсем нет оружия. Различия между богатыми и бедными могилами совершенно стираются.

Ближе к концу периода во многих местах, например в Аттике, Беотии, на Крите, появляется еще один новый обычай — кремация и обычно сопутствующие ей захоронения в урнах. В этом опять-таки следует видеть отступление от традиционных микенских обычаев (господствующим способом погребения в микенскую эпоху было трупоположение; трупосождение встречается лишь эпизодически).

Аналогичный разрыв с микенскими традициями наблюдается и в сфере культа. Даже в наиболее крупных греческих святилищах, существовавших как в микенскую эпоху, так и в более поздние времена (начиная примерно с IX—VIII вв.), отсутствуют какие бы то ни было следы культовой деятельности: остатки построек, votивные статуэтки, даже керамика. Такую ситуацию, свидетельствующую о замирании религиозной жизни, археологи обнаруживают, в частности, в Дельфах, на Делосе, в святилище Геры на Самосе и в некоторых других местах. Исключение из общего правила составляет только Крит, где почитание богов в традиционных формах минойского ритуала, как кажется, не прерывалось на протяжении всего периода.

Важнейшим фактором, способствовавшим искоренению микенских культурных традиций, безусловно, должна считаться резко возросшая мобильность основной массы населения Греции. Начавшийся еще в первой половине XII в. отток населения из наиболее пострадавших от варварского вторжения районов страны продолжался также и в субмикенский период. Судьба основной массы эмигрантов остается неизвестной. Значительная их часть, по всей вероятности, осела на Кипре, где в это время наблюдаются некоторые изменения в составе населения. Отдельные группы могли добраться до западного побережья Малой Азии и близлежащих островов, положив начало так называемой ионийской колонизации этого района (наиболее ранние образцы субмикенской керамики, найденные в Милете, датируются первой половиной XI в.)

В самой Греции подавляющее большинство микенских поселений,

как больших, так и малых, было покинуто обитателями. Следы вторичного заселения микенских цитаделей и городков встречаются лишь эпизодически и, как правило, после длительного перерыва. Почти все вновь основанные поселения субмикенского периода, а их число очень невелико, располагаются на некотором удалении от микенских руин, которых люди того времени, по-видимому, суеверно сторонились. Так, в Афинах вскоре после того, как был покинут обитателями дворец на акрополе, около 1100 г. появляется новое поселение, но уже вдали от цитадели — в районе позднейшей агоры.

Пожалуй, никакой другой период в истории Греции не напоминает так близко знаменитое фукидидовское описание примитивной жизни эллинских племен с их непрерывными передвижениями с места на место, хронической бедностью и неуверенностью в завтрашнем дне (I, 2).

Если попытаться экстраполировать все эти симптомы культурного упадка и регресса в недоступную нашему непосредственному наблюдению сферу социально-экономических отношений, мы почти неизбежно должны будем признать, что в XII—XI вв. греческое общество было отброшено далеко назад, на стадию первобытнообщинного строя и, по существу, снова вернулось к той исходной черте, с которой когда-то (в XVII столетии) началось становление микенской цивилизации. В принципе такую возможность, по-видимому, нельзя считать полностью исключенной. Волна переселения народов, обрушившаяся на Грецию на рубеже XIII—XII вв., могла смыть непрочный слой элитарной дворцовой культуры, заменив его самыми примитивными типами жилищ и погребений, самыми архаичными и незатейливыми формами декоративного искусства. Все эти феномены упадка были обострены и усилены благодаря приходу новой волны грекоязычных племен (дорийцев и других представителей так называемой северо-западной группы греческих диалектов), культура которых до этого времени оставалась почти не затронутой минойскими и микенскими влияниями.

Однако, делая выводы такого рода, необходимо соблюдать чрезвычайную осторожность. Нельзя забывать о том, что археология при всех ее неоспоримых достоинствах в качестве источника объективной исторической информации все же едва ли способна дать вполне адекватную действительности картину социально-экономического развития Греции в этот отдаленный период ее истории. Многие важные особенности этого процесса, конечно, невозможно восстановить, имея перед глазами лишь обломки глиняной посуды да наконечники копий и стрел. Многое приходится домысливать, используя свидетельства гораздо более поздних письменных источников, а также и археологический материал, находящийся уже вне рамок рассматриваемого периода.

Как показали специальные исследования, многочисленные минойско-микенские реминисценции прослеживаются в греческой культуре, особенно в такой наиболее консервативной ее области, как религия и культ, вплоть до эпохи эллинизма. К микенской эпохе восходят имена большинства богов, многие образы и сюжеты греческой мифологии, некоторые важные элементы религиозной обрядности. Случаи сохранения микенских традиций отмечены также в сфере изобразительного и прикладного искусства (отдельные орнаментальные мотивы, например мотив спирали; некоторые виды мелкой пластики и т. п.), в архитектуре и градостроении (постройки в форме мегарона, конгломератный принцип застройки жилых кварталов). Следует, однако, подчеркнуть, что во всех этих случаях речь может идти лишь о консервации и последующей регенерации отдельных, чаще всего разрозненных элементов того, что когда-то было большим и сложным культурным комплексом. Сам же комплекс там, где это удастся проследить, либо совершенно исчезает, либо преобразуется до неузнаваемости, т. е. фактически создается заново.

Так, если взять микенскую систему религиозных представлений, то какие-то ее части, например имена богов, отчасти, возможно, также связанные с ними образы, некоторые обряды вполне могли перейти из одной эпохи в другую. Но вся система в целом была в корне перестроена. Изменилась ее структура, изменились и отношения между составляющими ее элементами. Если центральной фигурой микенского пантеона было, судя по имеющимся у нас данным, женское божество — богиня-Мать, богиня-Владычица, то уже у Гомера мы находим совсем иную, чисто патриархальную схему организации мира богов (в центре его стоит бог-отец Зевс, которому подчинены все прочие как мужские, так и женские божества). Другим примером может служить сам гомеровский эпос. Внимательное изучение текста «Илиады» и «Одиссеи» показало, что дистанция, отделяющая Гомера от предшествующей ему микенской героической поэзии, была огромна и речь может идти опять-таки лишь об усвоении создателем или создателями поэм случайных, практически не связанных между собой элементов более древней художественной традиции. Пожалуй, еще более ясно и определенно этот разрыв с культурными традициями бронзового века выступает в сфере греческого декоративного искусства. Уже древнейшее его направление, представленное вазовой живописью геометрического стиля, по своим основным эстетическим принципам резко отличается от всего того, что могло ему предшествовать в искусстве крито-микенской эпохи, хотя некоторые из используемых им орнаментальных мотивов, возможно, восходят к этому времени. Таким образом, микенская цивилизация, взятая как некое органическое целое, была заменена совершенно иным типом цивилизации. Нельзя не согласиться с М. Финли, который писал по этому поводу: «Конечно, население продолжало обрабатывать землю и пасти скот, изготавливать керамику и орудия труда, используя, в сущности, ту же технику, что и прежде... Оно продолжало также поклоняться своим богам и исполнять необходимые обряды... Но общество было организовано теперь на иной основе. Оно вступило на совершенно иной путь развития, создавая новую систему ценностей. Бронзовый век пришел к своему завершению»¹.

Итак, как бы мы ни оценивали долю микенского наследия в общем фонде греческой культуры I тыс. до н. э., сам факт резкого разрыва между этими двумя эпохами не подлежит сомнению. Переход с одной ступени на другую носил кризисный характер и сопровождался глубокими формационными сдвигами, замедлением, а в отдельные моменты, возможно, даже и полной приостановкой культурного развития, утратой многих важных достижений микенской эпохи. В принципе феномен возвращения вспять с более высокой ступени общественного развития на более низкую, хотя и встречается в истории человечества сравнительно редко, не включает в себе чего-то невозможного². Поэтому нас не должна смущать на первый взгляд парадоксальная ситуация, сложившаяся в Греции на рубеже II—I тыс., при переходе от эпохи бронзы к веку железа. Более или менее близкие исторические аналогии, вероятно, можно было бы найти и в других регионах древнего мира³.

Вместе с тем новый вариант первобытнообщинного строя, сложившийся в Греции к началу I тыс., не был простым повторением пройденного или, если говорить более конкретно, возвращением вспять к тем

¹ Finley M. I. Early Greece: The Bronze and Archaic Greece. L., 1970, p. 68.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 6: «...представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно».

³ Во многом сходная ситуация «культурного вакуума» сложилась в Индии в промежуток между гибелью хараппской цивилизации (XIX—XVII вв.) и приходом ариев (XII—XI вв.). См.: Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Древняя Индия. М., 1969, с. 126.

примитивным социальным структурам, из которых когда-то выросла микенская цивилизация. За время, разделяющее эти два переломных момента (а прошло как никак почти целое тысячелетие), в жизни греческого общества многое изменилось. Во-первых, вступили в действие новые важные факторы, о которых в начале II тыс. еще не могло быть и речи. Наиболее очевидный пример такого рода — широкое внедрение в греческую экономику железа в X—IX вв. Во-вторых, — и этот момент представляется нам особенно важным — серьезные изменения претерпело за эту тысячу лет само греческое общество, а точнее — греческая земледельческая община, остававшаяся в течение всего этого времени его основной структурной ячейкой.

Отличаясь, как и все социальные структуры такого типа, чрезвычайной стабильностью, земледельческие общины территориального или территориально-родового характера вполне могли пережить все завоевания, политические катаклизмы и смены царских династий, происходившие в Греции в течение II тыс. Многие из них продолжали существовать и развиваться, оставаясь на своих местах, также и после распада микенских монархий. Некоторые, исчезая в одних местах, затем спонтанно возрождались на другой территории. В резко изменившемся климате «темных веков» эти социальные организмы оставались единственными носителями элементов культурной традиции эпохи бронзы.

Объективно распад микенских монархий с типичной для них системой фискального гнета и контроля за поведением податного населения должен был способствовать экономической эмансипации патриархальной крестьянской семьи, за которой рано или поздно, вероятно, последовало бы и полное раскрепощение частной хозяйственной инициативы мелкого собственника. Конечно, нельзя сбрасывать со счета и факторы, действовавшие в противоположном направлении и тормозившие развитие частнособственнических отношений в послемикенской Греции. Одним из этих факторов было появление отсталых пастушеских племен, переселившихся с севера — из Эпира и Македонии.

Тем не менее глубокие качественные изменения, накопленные греческим обществом в течение микенской эпохи, не были полностью утрачены. В немалой степени этому способствовало радикальное обновление технической базы греческой экономики, происшедшее уже в начальной фазе «темных веков». Исследования последних лет показали, что уже в X в. Греция становится одним из ведущих очагов индустрии железа в пределах Восточного Средиземноморья.

В связи с этим было высказано предположение, что столь быстрое освоение техники обработки железа в значительной мере стимулировалось хронической нехваткой олова, что вело к резкому снижению производства бронзы. Из железа теперь изготавливаются не только различные виды оружия и орудий труда, но также и украшения (кольца, браслеты), фибулы, булавки и тому подобные изделия, в производстве которых железо едва бы могло успешно конкурировать с бронзой. Железо использовалось для изготовления всех рубящих, режущих и колющих орудий как военного, так и мирного назначения. Очевидно, за этот сравнительно короткий промежуток времени обнаружился ряд важных преимуществ нового металла перед бронзой. Преимущества эти заключались не только в сравнительной дешевизне железа, связанной с относительно широкой распространенностью его месторождений, но, несомненно, также и в более высоких технических качествах, что подтверждается данными металлографического анализа древнейших изделий из железа.

Являясь симптомом и одновременно следствием экономического упадка, оскудения и изоляции, столь характерных для Греции на начальной стадии «темных веков», происшедший технический переворот вместе с тем с самого начала таил в себе мощный импульс нового движения впе-

ред. Ведь не случайно Ф. Энгельс назвал железо «последним и важнейшим из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории...»⁴. Широкое внедрение железа в экономику Греции сделало невозможным ее возвращение вспять, к централизованным дворцовым хозяйствам микенской эпохи. Эта система хозяйственной интеграции в значительной мере базировалась на государственной монополии в металлургии и некоторых других ведущих отраслях ремесленного производства, и теперь, когда основной индустриальный металл стал практически общедоступен, перестала себя оправдывать.

Таким образом, в ситуации, создавшейся после падения микенской цивилизации, железо должно было сыграть роль своеобразного катализатора, значительно ускорившего процесс нарастания частнособственнических тенденций в социально-экономическом развитии греческого общества.

Наряду с крайне немногочисленными изделиями из металла важнейшим источником информации о материальной культуре и социальной истории Греции в X—IX столетиях остается керамика, как наиболее массовый и потому наиболее доступный для изучения вид археологического материала. В конце XI в. на смену искусству субмикенского периода приходит новая манера вазовой росписи, известная как протогеометрический стиль. Покрывающий стенки сосудов этого времени скупой геометрический орнамент (чаще всего он «конструируется» из concentрических кругов и полукругов, пересекающихся линий и ромбов) уже позволяет говорить о чувстве пропорции и ритма, столь характерном для всего последующего греческого искусства. Возникнув, по всей видимости, в Аттике, вазопись протогеометрического стиля в течение X в. распространилась и в некоторых других районах как материковой, так и островной Греции. Характерно, однако, что почти все важнейшие места находок протогеометрической керамики группируются, как правило, в пределах прибрежной полосы Эгейского моря. Районы, удаленные от Эгейского побережья, оказываются практически вне зоны распространения протогеометрической культуры. Примерами могут служить многие области Пелопоннеса (Ахайя, Элида, Аркадия, Лакония и Мессения), а также Средней и Северной Греции (Фокида, Локрида, внутренняя часть Фессалии, весь Эпир). Таким образом, начиная с X в. греческая культура ориентируется в своем развитии преимущественно в сторону Эгейды и противолежащего побережья Малой Азии. Само Эгейское море превращается в это время в настоящее «греческое озеро». Как показывают находки протогеометрической керамики, греческие поселения возникают теперь как на западном, так (после длительного перерыва) и на восточном его побережьях, а также на лежащих между ними островах. В позднейшей греческой полубогатой традиции это широкое расселение эллинской народности почти по всему Эгейскому бассейну обычно ставится в связь с «ионийской колонизацией» и сопутствовавшими ей передвижениями других этнических групп: дорийцев и эолийцев из Европы в Малую Азию. Принято считать, что в процессе этого нового миграционного движения на западном побережье Малой Азии и непосредственно примыкающих к нему островах — Лесбосе, Хиосе, Самосе, Родосе и др. — возникли греческие полисы, сыгравшие весьма заметную роль в последующем культурном развитии Эллады, такие, как Милет, Эфес, Колофон, Смирна, Клазомены, Фокея, Митилена и др.

В IX столетии на базе уже освоенного греческими мастерами протогеометрического стиля начинает складываться геометрическая вазовая роспись. Основным центром, из которого шло распространение этой новой манеры вазовой живописи, были опять-таки Аттика и ближайшие к ней районы Северного Пелопоннеса: Коринф и Арголида. В отличие от про-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 163.

*Рыбак.
Фреска.
Акротирн (о. Фера).
Западный дом.
Начало XV в. до н. э.*

*Краснофигурный
кратер
работы Сирика.
470 в. до н. э.
Афины.
Национальный
археологический
музей.*

*Амуры —
золотых дел
мастера.
Помпеи.
Стенная роспись
в доме Веттиев.
I в. н. э.*

*Погребальная маска
из Керчи.
III в. н. э.
Гос. Эрмитаж*

тогеометрической керамики, распространенной в прибрежной полосе Эгейды, сосуды геометрического стиля завоевали практически Грецию, правда, при этом возникло много его локальных вариантов. Почти повсеместное распространение геометрической вазописи на территории как европейской, так и азиатской Греции позволяет думать, что в IX в. в различных районах греческого мира уже сложился некий общий стереотип художественного мышления, объединявший всех греков независимо от места их обитания в рамках единого культурного сообщества. В сущности, это означает, что в конце периода «темных веков» множество дотоле разрозненных племен уже начало складываться в единую греческую народность со своим особым психологическим складом, с одним, хотя и разделенным на несколько диалектов, языком и с хотя примитивной, но все же уже достаточно своеобразной культурой.

Своей вершины геометрический стиль вазовой живописи достиг в первой половине VIII в., т. е. в тот период, который можно считать рубежом, отделяющим эпоху «темных веков» от сменяющей ее архаической эпохи. Наглядное представление о возможностях греческих вазописцев этого времени дает серия амфор и кратеров из Дипилонского некрополя в Афинах. Первоначально эти монументальные сосуды (высота некоторых из них достигает человеческого роста) служили своеобразными надгробными памятниками на могилах афинской знати. В соответствии с этим их назначением художники, расписывавшие дипилонские вазы, обычно отдают предпочтение сценам, так или иначе связанным с погребальными обрядами (оплакивание покойника, тризна, погребальные игры и т. д.). К основному фигурному фризу с изображением похорон нередко добавляются другие, на которых могут быть представлены торжественная процессия вооруженных воинов на колесницах или же сцены сражения, возможно напоминающие о каких-то эпизодах из жизни покойного. При всей своей условности и отвлеченности эти изображения на вазах имеют бесспорную ценность исторического документа и существенно расширяют наши представления о состоянии греческого общества на завершающем этапе «темных веков». Нетрудно догадаться, кто были те заказчики, на которых работали мастера, создавшие эти шедевры геометрической вазописи. То была, вне всякого сомнения, афинская родовая знать, кичившаяся своей военной доблестью, благородством происхождения, богатством и могуществом.

Характерен и сам набор предметов, который художники, расписывавшие дипилонские вазы, неизменно вводят в свои композиции: колесницы, кони, различные виды оружия, бронзовые тревожники, корабли. Начиная с VIII в. все эти предметы становятся своеобразными символами престижа греческой знати. На кораблях или верхом на конях, со щитами и копьями в руках «лучшие мужи» рыскали по свету в погоне за славой и добычей. Они добывали славу и почести в играх и состязаниях уже в гомеровское время. Едва ли случайно, что изображение боевой и скаковой лошади становится одной из ведущих тем греческого искусства в основных его жанрах — вазовой живописи и скульптуре.

Эти факты достаточно красноречиво говорят о социальной и имущественной дифференциации греческого общества, что вполне согласуется с теми описаниями жизни «героического века», которые мы находим в гомеровских поэмах.

2. ГОМЕРОВСКОЕ ОБЩЕСТВО

Как древнейший памятник греческой литературы гомеровский эпос стоит как бы на грани двух больших исторических эпох: подводя итоги периода послемикенского регресса, он в то же время во многом уже предвосхищает приближающуюся «архаическую революцию». Воссозда-

вая со множеством подробностей картину жизни и быта героев Троянской войны, Гомер, скорее всего, ориентировался на собственный жизненный опыт, присовокупляя к нему всю ту информацию, которую мог почерпнуть из рассказов своих современников и людей старшего поколения. Если исходить из того, что «Илиада» была создана, согласно весьма приблизительным расчетам современных исследователей, около середины VIII в., а «Одиссея» же примерно на полстолетия позже, собственно гомеровским периодом может считаться хронологический отрезок, включающий все VIII столетие и, видимо, также в значительной его части непосредственно предшествующий ему IX век (напомним, что с точки зрения археологии оба эти столетия составляют единый геометрический период). Нельзя, конечно, не считаться и с тем, что в таких произведениях героического жанра, как «Илиада» и «Одиссея», описанная поэтом историческая действительность неизбежно должна была подвергнуться отчасти сознательной, отчасти бессознательной идеализации и уже в силу этого никак не могла быть воспроизведена во всей своей внутренней сложности, многогранности и диалектической противоречивости. Из жизни современного ему греческого общества Гомер переносит в свою эпопею в основном наиболее статичные, традиционно обусловленные моменты и, наоборот, всячески приглушает и отодвигает на задний план самые динамичные, дестабилизирующие факторы, влиявшие на социально-экономическое развитие Греции в IX—VIII вв. Благодаря этому у читателя создается иллюзия абсолютной неподвижности и гармонической уравновешенности изображаемой им социальной системы. Тем не менее было бы неверно расценивать эту условную, сильно идеализированную модель «героического общества» как простое порождение поэтического вымысла, совершенно оторванное от почвы исторической действительности. Многие существенно важные черты реального греческого общества IX—VIII вв., безусловно, нашли в ней свое отражение.

Насколько позволяют судить данные гомеровского эпоса, общество, сложившееся в Греции в эпоху «темных веков» и ставшее затем отправной точкой в развитии античной цивилизации, представляло собой довольно сложную социальную систему с ясно выраженными признаками имущественной и статусной стратификации. В состав этой системы входило несколько групп, или слоев, с различающимся правовым статусом (правовые различия, в свою очередь, были обусловлены различиями в происхождении или в имущественном положении). Такими группами могут считаться, с одной стороны, знать и рядовые общинники, с другой — полноправные члены общины, в число которых входили обе эти категории и лица, по тем или иным причинам оказавшиеся вне общинной организации и находившиеся в личной зависимости от кого-либо из членов общины. Эта социальная прослойка включала в свой состав рабов и поденщиков-фетов.

Представители родовой знати постоянно фигурируют в поэмах как «лучшие» или «добрые», «доблестные» и противопоставляются «скверным» и «низким», т. е. выходцам из простолюдин. В понимании Гомера природный аристократ стоит на голову выше любого простолюдина как в умственном и моральном, так и в физическом отношении. В одном из эпизодов «Илиады» (II, 198 и след.) Одиссей, один из предводителей ахейского воинства, с презрением обращается к «мужу из народа», сопровождая свою речь палочными ударами (дело происходит в народном собрании ахейцев):

Смолкни, несчастный, воссядь и других совещания слушай,
Боле почтенных, как ты! Невоинственный муж и бессильный.
Значащим ты никогда не бывал ни в боях, ни в советах⁵.

⁵ Здесь и далее отрывки из «Илиады» даются в переводе Н. И. Гнедича, отрывки из «Одиссеи» — в переводе В. А. Жуковского.

Претензии на особое, привилегированное положение в обществе знать пыталась обосновать ссылками на свое якобы божественное происхождение. Поэтому Гомер нередко называет ее представителей «божественными» или «богоподобными». Большое богатство родовой знати отличало представителей этой прослойки. Знатность и богатство для Гомера — понятия тесно связанные. Знатный человек не мог не быть богатым, и, наоборот, богач обязательно должен быть знатен. Аристократы кичатся перед простонародьем и друг перед другом своими обширными полями, несметными стадами скота, большими запасами железа, бронзы и драгоценных металлов. Так, у Одиссея, по словам его свинопаса Евмея, было двенадцать стад одних только быков и примерно такое же количество свиней, овец и коз (Одиссея, XIV, 96 и след.).

Экономическое могущество знати обеспечивало ей командные позиции во всех делах как в военное, так и в мирное время. В батальных сценах «Илиады» все внимание поэта, как правило, сосредоточивается на одиночных поединках (своеобразных дуэлях) героев-аристократов, от исхода которых, в понимании Гомера, обычно и зависел исход сражения. Рядовые ратники, очевидно плохо вооруженные и потому предпочитающие держаться в стороне от самых горячих схваток, в эпизодах такого рода обычно выступают в роли пассивных жертв. В полном соответствии с таким положением вещей на поле боя и в сценах народных собраний, которыми создатель «Илиады» и «Одиссеи» обильно усаждает свое повествование, первенствуют постоянно герои знатного происхождения — так называемые «цари» (басилеи) и «лучшие мужи». Как правило, именно они выступают с речами, вносят различные предложения, вступают друг с другом в долгие препирательства. Народ, присутствующий при этих словопрениях, может выражать свое отношение к ним криками или бряцанием оружия (если собрание происходит в военной обстановке), но в само обсуждение обычно не вмешивается.

Лишь в одном-единственном случае поэт выводит на сцену представителя народной массы и дает ему возможность высказаться, но и то лишь для того, чтобы показать беспомощность демагога и смутьяна в «правильно устроенном аристократическом обществе». Выступление рядового ратника Терсита, который в одном из эпизодов «Илиады» (II, 212 и след.) призывает других ахейцев прекратить бесплодную борьбу за Троию и немедленно отплыть к родным берегам, воспринимается самим Гомером и, видимо, также той аристократической аудиторией, которой он адресовал свою поэму, как вопиющее нарушение существующих приличий, за которое смутьян немедленно получает достойное воздаяние. В роли блюстителя дисциплины и порядка в собрании выступает один из ахейских басилеев, Одиссей. Он резко обрывает «крамольные» речи Терсита. Осыпав его грубой бранью и пригрозив расправой, Одиссей в подтверждение своих слов наносит демагогу сильный удар по спине своим царским жезлом. Интересно, что другие ахейцы, присутствующие при этой расправе, не только не вступаются за Терсита, хотя он, безусловно, выражает настроения и чувства основной массы ахейского войска, но, напротив, осыпая его насмешками и недвусмысленно выражают свое одобрение поступку Одиссея. Можно предположить, что сцена «посрамления Терсита» отражает реальное соотношение сил между народом и знатью, существовавшее в гомеровском обществе, при котором народное собрание, по самой своей природе призванное служить рупором воли большинства, нередко превращалось в послушное оружие в руках правящей верхушки.

Чрезвычайно важен здесь также и другой момент. Несмотря на пассивность народной массы, нередко сознательно подчеркиваемую Гомером, представители правящей знати постоянно обращаются к народу как к посреднику и третьей стороне, вынося на его рассмотрение все свои

тяжбы и распри. Примерами могут служить сцена распри Агамемнона и Ахилла во II песни «Илиады» или сцена препирательства Телемаха с женами Пенелопы во II песни «Одиссеи». В этих и других аналогичных эпизодах поэм само народное собрание изображается как древний, освященный традицией, прочно укоренившийся институт, как главное средоточие всей политической жизни гомеровского общества. Недаром о диких циклопах, живших, в представлении поэта, за пределами цивилизованного мира, в «Одиссее» сказано (IX, 112—115):

Нет между ними ни сходящ народных, ни общих советов;
В темных пещерах они иль на горных вершинах высоких
Вольно живут; над женой и детьми безотчетно там каждый
Властвует, зная себя одного, о других не заботясь.

Являясь наследием народовластия, восходящего, вероятно, еще ко временам древнейшего общиннодоевропейского прошлого, народные собрания у гомеровских греков, несомненно, уже заключали в себе и зачатки будущей античной демократии, хотя для их полного развития потребовался еще ряд столетий. Ф. Энгельс охарактеризовал политический строй гомеровского общества как «военную демократию», указав, что основной предпосылкой ее возникновения и развития было всеобщее вооружение народа: «Ведь в то время, когда каждый взрослый мужчина в племени был воином, не существовало еще отделенной от народа публичной власти, которая могла бы быть ему противопоставлена»⁶.

Наряду с элементами примитивного народовластия система самоуправления гомеровского общества заключала в себе также и элементы единоличной власти, носителями ее были басылеи, или «цари». Гомер называет их также «скиптродержцами» по принадлежащим каждому из них знакам власти и «зевсорожденными» или «вскормленными Зевсом», что должно, очевидно, указывать на особое расположение к ним верховного владыки Олимпа. Своеобразие гомеровской «царской» власти заключалось, в частности, в том, что лиц, носивших титул басылея, было не сколько. В совокупности они решали на своих совещаниях наиболее важные вопросы, прежде чем вынести их на рассмотрение народного собрания. Так, на сказочном острове феаков, куда попадает во время своих скитаний главный герой «Одиссеи», было тринадцать басылеев, хотя один из них — Алкиной — считался верховным правителем. Много «царей» также и на родном острове Одиссея — Итаке. В отсутствие героя они собираются отстранить от власти его сына Телемаха, и лишь возвращение Одиссея позволяет восстановить законный порядок управления.

На войне басылеи становились во главе ополчения и должны были первыми браться в битву, показывая пример храбрости и отваги рядовым ратникам. Во время больших общенародных празднеств басылей совершал жертвоприношение богам и молил их о всеобщем благе и процветании. За все это народ обязан был чтить «царей» дарами: почетной долей вина и мяса на пиру, лучшим и самым обширным наделом из общинной земли и т. д.

При всем могуществе и богатстве басылеев их власть не может считаться царской властью в собственном значении этого слова. Поэтому обычная в русских переводах Гомера замена греческого «басылей» русским «царь» может быть принята лишь условно.

В западной историографии широко распространен ошибочный взгляд на гомеровское общество как вполне сложившееся классовое общество «феодалного типа» с четко оформленной иерархией сословий, резким обособлением военной знати от подвергавшейся жестокому угнетению массы простолюдинов. В действительности гомеровские поэмы изобража-

ют общество, еще только вступившее на стадию классовобразования, в котором разрыв между высшими и низшими социальными слоями хотя уже и наметился, но еще не достиг масштабов подлинно классового антагонизма. Гомеровская знать, несмотря на особое, привилегированное положение, все еще сохраняет тесные связи с массой рядовых общинников и уже в силу этого не может считаться ни сословием, ни тем более классом в том значении этого слова, которое вкладывает в него марксистская историческая наука. Повседневная жизнь аристократов гомеровского времени, не исключая и «царей», была патриархально простой и грубой, далекой от какой бы то ни было роскоши и изысканности и, по существу, лишь немногим отличалась от той жизни, которую вело в то время подавляющее большинство греческого крестьянства. Нам трудно теперь представить царя разделяющим скромную трапезу со своими рабами, а его супругу сидящей за ткацким станком в окружении своих рабынь. Для Гомера как то, так и другое — типичные сцены в жизни его героев. Гомеровские аристократы не чужаются тяжелой физической работы. Так, Одиссей ничуть не меньше гордится своим умением косить и пахать, чем своим воинским искусством (Одиссея, XVIII, 366 и след.). Царскую дочь Навсикаю мы встречаем впервые в тот момент, когда она со своими служанками выходит на взморье стирать одежду для своего отца Алкиноя (Там же, VI, 90 и след.).

Факты такого рода убеждают нас в том, что аристократические семьи составляли в гомеровском обществе, по сути дела, лишь верхушечную часть демоса. В чисто экономическом плане и аристократический ойкос, и семья рядового общинника («мужа из народа») были вполне однотипными образованиями. Различие между ними состояло не в методах ведения хозяйства и не в источниках обогащения, а лишь в масштабах их применения. Материал эпоса не дает никаких оснований для того, чтобы говорить о систематической эксплуатации знатью свободного населения общины. Так называемые «дары» и другие подобные им поборы, по-видимому, должны быть отнесены к скрытым или косвенным формам эксплуатации, характерным для эпохи классовобразования. Судя по всему, они еще не успели приобрести характера регулярной повинности и к тому же были доступны не всей знати, а только ее верхнему слою — басилеям и их семьям.

Патриархальные черты в быту гомеровской знати, несомненно, связаны с весьма еще ограниченным распространением рабства. В старшей из двух гомеровских поэм — «Илиаде» рабы почти совсем не упоминаются. В «Одиссее» упоминания о них встречаются довольно часто, но это по преимуществу женщины-рабыни. Так, в хозяйстве «царя» Алкиноя заняты на разных работах 50 невольниц (Там же, VII, 103 и след.). Той же цифрой определяется и число рабынь в доме Одиссея, причем особо отмечено, что двенадцать из них заняты на помоле зерна (Там же, XX, 107; XXII, 421 и след.). Эти цифры едва ли заслуживают серьезно к себе отношения. Уже сама их повторяемость заставляет думать, что перед нами всего лишь типичное для эпической поэзии преувеличение, что реальные масштабы применения рабского труда даже в самых богатых хозяйствах гомеровского времени были намного скромнее. Кроме женщин-невольниц, в «Одиссее» фигурируют и, по-видимому, сравнительно немногочисленные рабы-пастухи, пасущие господский скот в диких и безлюдных местах, вдаль от «города». Эта категория подневольного населения нашла свое классическое воплощение в образе «божественного свинопаса» Евмея. Автор «Одиссеи» выводит его на страницах своей поэмы как наглядный образец примерного, безраздельно преданного своему господину раба. Еще совсем маленьким мальчиком Евмея купил у финикийских работорговцев отец Одиссея Лаэрт. За примерное поведение и послушание Одиссей сделал его главным пастухом. Евмей

рассчитывает, что его усердие будет вознаграждено еще и сверх этого: хозяин даст ему земельный надел, дом и жену — «словом, все, что служителям верным давать господин благодушный должен, когда справедливые боги усехом усердие их наградили» (Одиссея, XIV, 62 и след.).

Хотя рабство как особая форма эксплуатации, так же как и неизменно сопутствующая ему работорговля, хорошо знакома Гомеру, рабы не могут быть признаны основной производительной силой гомеровского общества. Рядовые члены общины, по всей видимости, сами обрабатывали свои земельные наделы. В более крупных хозяйствах, принадлежавших басилеям и другим представителям аристократической прослойки, наиболее трудоемкие земледельческие работы, такие, как пахота и уборка урожая, могли выполняться нанятыми на время поденщиками-фетами. Эту категорию трудящегося населения, возможно, имел в виду автор «Илиады», воспроизводя в своей поэме сцены полевых работ, изображенные богом кузнечного ремесла Гефестом на щите Ахилла (Илиада, XVIII, 541 и след.). В экономической жизни гомеровского общества на первый план выдвигается изолированный ойкос, т. е. автономное хозяйство малой патриархальной семьи. Земельные участки (клеры) прочно закреплены за отдельными семьями (Илиада, XV, 495 и след.; Одиссея, IV, 754 и след.) и, видимо, уже не подлежат никаким переделам⁷. Право распоряжения землей простирается вплоть до дробления при передаче по наследству (Одиссея, XIV, 208 и след.) и, вероятно, также отчуждения, хотя мы и не знаем, какими способами оно производилось. Как бы то ни было, иначе трудно было бы объяснить появление в эпическом обществе двух противоположных социальных категорий, представителей которых сам поэт называет «многонадельными» и «безнадельными мужами» (Одиссея, XI, 490; XIV, 211).

Таким образом, историческая специфика раннегреческого гомеровского общества именно в том и заключалась, что в отличие от типологически более или менее сходных с ним варварских обществ Евразии (кельтского, фракийского, скифского, лидийского, персидского и др.) процесс классов- и государствообразования (политогенеза) протекал здесь в рамках обособленной самоуправляющейся общины, первоначально сельской, а в дальнейшем (начиная примерно с VIII—VII вв.) протогородской. Политическая консолидация племен и племенных союзов развивалась в Греции в силу ряда причин (отсутствие постоянной внешней угрозы, исключительно высокий уровень мобильности населения и т. п.) крайне замедленными темпами. Лишь в конце VI—V в. здесь появляются некие подобия федеративных государств, возникших на племенной основе (Фессалийская лига, Беотийский союз и др.).

Небольшие размеры подавляющего большинства ранних полисных государств не благоприятствовали вызреванию и консолидации в них столь типичного для варварских обществ I тыс. до н. э. сословия военной знати, господствующего над массой простонародья. В Греции гомеровского времени, как было уже замечено, знать так и не сумела в полной мере обособиться от массы рядовых общинников, хотя она, несомненно, стремилась к этому и даже вынуждена была вступить с ней в известного рода политический компромисс.

Уже в гомеровское время в Греции складывается специфическая античная форма собственности, которая, согласно известному определению

⁷ Намек на бытование в Греции времен Гомера более или менее регулярных переделов общинной земли иногда усматривают в любопытном отрывке из XII песни «Илиады» (421 и след.), в котором поэт сравнивает противостоящие друг другу войска ахейцев и ликийцев с «двумя мужами, которые с мерой в руках ведут спор из-за границ на общем поле». Сравнение это, однако, может иметь и совсем иной смысл, если предположить, что Гомер имел в виду просто владельцев двух смежных участков, повздоривших, как это нередко бывает, из-за какого-нибудь клочка земли на границе, разделяющей их владения.

Маркса, «предполагает в качестве своего базиса не земельную площадь как таковую, а город, как уже созданное место и поселения (центр) земледельцев (земельных собственников)»⁸.

3. ВЕЛИКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

Эпоха Великой колонизации (общепринятая датировка — середина VIII — конец VI в.) занимает особое место в процессе становления рабовладельческой формации в Греции. Именно в это время окончательно определились наиболее характерные черты и особенности цивилизации нового античного типа, первые ростки которой, как было уже сказано, появились в Греции еще в течение периода «темных веков». За эти два с половиной столетия, т. е. за сравнительно очень короткий исторический срок, Греция не только совершила решающий шаг на пути от варварства к цивилизации, но и далеко обогнала в своем развитии все соседние страны, не исключая и стран Передней Азии, которые до того времени шли в авангарде культурного прогресса человечества. Архаический период характеризуется коренной ломкой устоявшегося жизненного уклада и пересмотром всей традиционной системы ценностей. Это было время стремительного пробуждения духовных сил греческого общества после почти четырехвекового культурного застоя.

Все эти важные сдвиги происходили на фоне широкой греческой территориальной экспансии, вошедшей в историю под именем Великой колонизации, и, вне всякого сомнения, были прямо и непосредственно с ней связаны. Само словосочетание «Великая колонизация» обычно используется для того, чтобы подчеркнуть резкое отличие этой новой фазы расселения эллинских племен от предшествующих ей миграционных процессов XI—IX вв. Географический ареал этих последних был ограничен тесными рамками Эгейского бассейна. Выход за пределы замкнутого мира, например путешествие в Египет или Сирию, даже в сравнительно поздней гомеровской «Одиссее» расценивается как предприятие, требующее необыкновенной смелости и отваги.

А между тем, как показывают обнаруженные в различных местах на побережье Сирии и Палестины, а также в Киликии (юго-восток Малой Азии) скопления геометрической керамики, уже на рубеже IX—VIII вв. здесь появились первые греческие поселения. По всей видимости, это были еще не колонии в собственном значении этого слова, а торговые базы (эмпории) с очень незначительным постоянным населением. Одно из таких поселений находилось в устье реки Оронт, на месте современной деревни Аль Мина. Примерно в это же самое время или несколько позже в самой Греции, прежде всего на Крите, Родосе, Эвбее и в Аттике, появляются первые изделия восточного, в основном сиро-финикийского и египетского, происхождения. Таким образом, уже в первой половине VIII в., т. е. еще до начала эпохи Великой колонизации, греки начали заново осваивать когда-то хорошо известные им, но потом забытые морские коммуникации Восточного Средиземноморья. Возобновление контактов со странами Передней Азии вывело Грецию из того состояния длительной изоляции, в котором она пребывала на протяжении почти всего периода «темных веков», что, несомненно, способствовало резкому ускорению темпов ее экономического и культурного развития.

Однако, несмотря на весьма оживленные контакты со странами Восточного Средиземноморья и проникновение в Грецию нового алфавитного письма, по всей видимости перенятого у финикийцев, греки так и не сумели по-настоящему закрепиться в этом регионе. Очевидно, его при-

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1, с. 465.

брежная полоса была и без того уже слишком плотно заселена, чтобы здесь могло найтись место для сколько-нибудь многочисленных греческих колоний. Даже на Кипре, где греческое (ахейское) население сохранилось еще с микенских времен, ему приходилось жить в близком соседстве с финикийцами, которых никак не удавалось вытеснить с острова. Предпринимавшиеся время от времени попытки греческих колонистов обосноваться на ближайших к Кипру побережьях Сирии и Малой Азии, как правило, встречали упорное сопротивление со стороны местного населения и претендовавших на владычество над этим районом тогдашних великих держав. Когда в начале VII в. до н. э. греки попытались закрепиться на киликийском побережье, они были сброшены в море войсками ассирийского царя Сенахериба, который увековечил это событие в оставленной им победной надписи. Несколько более радушный прием переселенцы из Греции встретили только в Египте при фараонах так называемой Саисской династии. Первый из царей этой династии Псамметих I пришел к власти с помощью ионийских и карийских наемников, или «пришедших с моря бронзовых людей», как их называли египтяне, еще никогда не видевшие тяжелого защитного вооружения греческих гоплитов. В конце VII в. в одном из рукавов дельты Нила (так называемое Канобское устье) была основана греческая колония Навкратис, в устройстве которой приняли участие выходцы из двенадцати различных, в основном малоазиатских, полисов. Греки, поселившиеся в Навкратисе, были по преимуществу купцами, наживавшимися на торговле египетским хлебом, льяным полотном, папирусом, который высоко ценился в то время в Греции как наиболее удобный вид писчего материала, а также различными предметами роскоши, вывозившимися из тропической Африки (слоновая кость, благовония, золото, черные рабы и т. д.). К западу от Египта на северной границе Ливийской пустыни переселенцы с небольшого острова Фера (в южной части Эгейского моря) основали колонию Кирена, которая благодаря плодородию своих почв и успешной торговле хлебом и лекарственным растением сильфием, произраставшим только в этих местах, вскоре превратилась в один из самых процветающих центров колониальной периферии греческого мира.

Тем не менее греческие поселения в Египте и Ливии остались в стороне от магистральных путей колонизационного движения как некий обособленный очаг эллинской культуры в совершенно чуждой им этнической среде. Основной миграционный поток, положивший начало Великой колонизации, устремился не на юг и восток, а на запад — к берегам Италии и Сицилии. Первыми начали освоение этой части Западного Средиземноморья колонисты с о. Эвбея, самыми значительными полисами которого считались Халкида и Эретрия. Ими было основано еще во второй четверти VIII в. до н. э. древнейшее греческое поселение у берегов Апеннинского полуострова, расположенное на островке Питекусса (совр. Исихия) у входа в Неаполитанский залив. Обнаруженные на острове следы железоделательного производства (кузнечные шлаки) позволяют предположить, что Питекусса служила для эвбейских мореплавателей перевалочной базой на пути к богатым залежам железа о. Эльба, к северу, у берегов Этрурии. Это любопытное археологическое открытие впервые наглядно показало, что одним из главных стимулов, побуждавших греческих моряков предпринимать столь далекие и, несомненно, связанные с немалым риском морские путешествия, была потребность в дефицитных, отсутствовавших в самой Греции видах сырья, и прежде всего в металле. Обосновавшись на Питекуссе, переселенцы с Эвбеи вскоре вслед за этим (видимо, где-то около середины VIII в., если не раньше) переправились на противолежащее побережье Италии и там, на территории плодородной области Кампания, основали колонию Кумы, в дальнейшем ставшую главным опорным пунктом на пути греческого проникновения

в Лаций и Этрурию. Но это были лишь «первые ласточки» Великой колонизации.

Широкое колонизационное освоение греками Западного Средиземноморья падает в основном на вторую половину VIII—VII в. За эти полтора столетия длинная цепь греческих колоний вытянулась вдоль южных берегов Апеннинского полуострова, обращенных как в сторону Тирренского моря на западе, так и в сторону глубокого Тарентского залива на востоке. В это же время многочисленные греческие поселения возникли и на о. Сицилия, в особенности на восточном и южном его побережьях.

Из государств балканской Греции наиболее активное участие в колонизации Италии и Сицилии принимали эвбейские полисы, а также государства, занимавшие прибрежные районы Северного Пелопоннеса и Средней Греции, расположенные вокруг глубоко вдающегося в сушу Коринфского залива, откуда открывался кратчайший морской путь к южной оконечности Апеннинского полуострова. В число колоний, основанных выходцами с о. Эвбея, главным образом халкидянами, входят, кроме уже упоминавшихся Питекуссы и Кум, Наксос (согласно античной традиции эта колония, находившаяся неподалеку от подножия вулкана Этна, была основана около 735 г. и считалась древнейшим из всех греческих поселений на Сицилии) и два города, расположенных на противоположных берегах узкого Мессинского пролива, разделяющего Италию и Сицилию: Занкла, позднее переименованная в Мессану (совр. Мессина), на сицилийском берегу и Регий на итальянском.

Вслед за халкидянами на запад устремились колонисты из Коринфа и Мегары — двух дорийских полисов, занимавших соответственно южную и северную оконечности Коринфского перешейка, или Истма, как он назывался в древности. Занимая исключительно выгодное, по существу, ключевое положение на перекрестке важнейших морских и сухопутных коммуникаций, связывавших между собой не только отдельные районы греческого мира, но и расположенные далеко за его пределами страны Восточного и Западного Средиземноморья, истмийские «государства», по видимому, уже очень рано оказались втянутыми в морскую торговлю между Востоком и Западом, чем, вероятно, и объясняется их заинтересованность в установлении более прочных контактов с Италией и Сицилией. В 734 г. (дата, сохраненная античной традицией) коринфяне основали на восточном побережье Сицилии поселение Сиракузы, которому суждено было стать впоследствии самым большим и могущественным из греческих полисов Западного Средиземноморья.

В конце VIII — начале VII в. целым «ожерельем» греческих колоний было окаймлено вытянувшееся дугой побережье Тарентского залива в Южной Италии. В основной своей части это были поселения, основанные выходцами из Ахайи (область в северо-западной части Пелопоннеса). Среди них особенно известны Метамонт, Сибарис и Кротон, ставшие впоследствии богатыми и процветающими городами. Жители Сибариса — сибариты настолько прославились своей роскошью и изнеженностью, что само их имя стало нарицательным. Залогом процветания ахейских полисов юга Италии было, по всей видимости, исключительное плодородие их земель, благодаря которому они со временем сделались важнейшими поставщиками зерна в другие греческие государства. По соседству с ахейцами в той же части Апеннинского полуострова обособились и колонисты из некоторых других районов Греции. В их числе были, в частности, выходцы из Спарты, основавшие около 700 г. один из самых крупных полисов южной Италии — Тарент (совр. Таранто), давший название омывающему это побережье заливу.

Многие из греческих полисов, возникших в Италии и Сицилии, уже спустя короткое время после своего основания настолько разрослись, что

сами начали основывать колонии, в которые они выводили излишки своего населения. Так, поселившимся в Кумах халкидянами был основан Неаполь (букв. «Новый город»), до сих пор сохраняющий свое древнее название. Сиракузие основали Акру, Касмену и Камарину. Колонисты из Гелы (поселение на южном побережье Сицилии, основанное выходцами с Родоса и Крита) продвинулись дальше на запад и основали Акрагант — самый значительный греческий полис в этой части острова. Таким образом, греческая колонизация Южной Италии и Сицилии напоминала своеобразную цепную реакцию: основанные в различных местах поселения непрерывно делились, давая рождение все новым и новым колониям. Благодаря этому греческая культура прочно укоренилась в этой части Западного Средиземноморья, а греческое население уже спустя несколько поколений после появления первых колонистов стало здесь настолько многочисленным, что за этим районом надолго закрепилось наименование Великая Греция. Дальнейшее продвижение греческих колонистов на запад и северо-запад вдоль берегов Италии, Южной Галлии и Испании столкнулось с упорным сопротивлением финикийцев, уже давно (видимо, еще в IX в.) обосновавшихся на противоположном, африканском побережье Средиземного моря, где их главной опорной базой был Карфаген, и этрусков, или тусков (греки их называли тирренами), населявших центральные области Италии к северу от Тибра (район современной Тосканы). Эти два народа, так же как и греки, активно занимались морской торговлей и пиратством. Появление нового, весьма опасного конкурента было встречено ими с непримиримой враждебностью. Тем не менее в самом конце VII в. в эти негостеприимные воды сумели проникнуть греческие мореплаватели из далекого малоазийского полиса Фокеи. На побережье Галлии, неподалеку от устья реки Родан (совр. Рона), они основали колонию Массалия (совр. Марсель), со временем превратившуюся в один из самых больших и процветающих городов Западного Средиземноморья. Используя захваченный ими участок галльского побережья как плацдарм, фокейцы попытались продвинуться еще дальше на запад к берегам Испании. Им удалось наладить торговые контакты с иберийским государством Тартесс, расположенным на крайнем юго-западе Пиренейского полуострова (территория совр. Андалузии), откуда в те времена вывозилось большое количество серебра. Таким образом, фокейцы первыми из греков стали совершать более или менее регулярные плавания в Атлантический океан через «Столпы Геракла», как назывался в древности Гибралтарский пролив, до того времени известный только финикийским мореходам. Однако закрепиться в Испании так же прочно и надолго, как они уже сделали это в южной Италии и Сицилии, греки так и не смогли. Этому мешало непрерывно растущее могущество Карфагена.

Гораздо более успешно развивалась территориальная экспансия греческих государств в другом направлении — северо-восточном, устремляясь к берегам Черного и Азовского морей. Путь в Черное море через коридор проливов Геллеспонт (совр. Дарданеллы) и Боспор (совр. Босфор) и соединяющую их Пропонтиду (Мраморное море) был проложен греческими мореплавателями еще в микенскую эпоху, на что указывает известный миф о походе аргонатов за золотым руном, и, вероятно, не был полностью забыт в течение последовавшего за ней периода упадка и изоляции. Тем не менее наладить более или менее регулярные контакты с этим регионом грекам в течение долгого времени не удавалось. Вероятно, здесь сыграли свою роль бурный и неспокойный нрав Черного моря, которое греческие моряки прозвали поначалу «Понтом Аксинским», т. е. «Морем негостеприимным» (правда, позднее это название было изменено, видимо, из суеверных соображений и превратилось в Понт Евксинский, что значит «Море гостеприимное»); непривычные для греков климатиче-

ские условия, встретившие их в Западном, Северном и отчасти Восточном Причерноморье; наконец, враждебное в целом отношение к пришельцам со стороны еще достаточно диких местных племен — фракийцев, скифов, тавров, колхов и др. Неудивительно, что еще в гомеровской «Одиссее» мы обнаруживаем весьма расплывчатые и неясные, подчас граничащие с откровенной фантастикой представления об обитателях этого обширного региона. Так, обитавший на Крымском полуострове (греч. Таврида) народ киммерийцев поэт поселяет в глухой и мрачной местности непосредственно перед входом в загробный мир (XI, 14 и след.).

Прежде чем приступить к овладению берегами Черного моря, грекам пришлось потратить довольно много времени на освоение подступов к нему со стороны самой Эгейды. Целая россыпь греческих колоний возникла еще в течение VIII—VII вв. на северном побережье Эгейского моря, заселенном македонцами и фракийцами, на полуострове Халкидика, на берегах Геллеспонта и Пропонтиды. В колонизации этих районов участвовали многие полисы европейской и азиатской Греции. Так, большинство колоний, расположенных на полуострове Халкидика, было заселено выходцами из города Халкида на о. Эвбея, как мы уже видели, сыгравшего весьма важную роль в продвижении греческой культуры на запад. Вслед за халкидянами на север двинулись колонисты с островов — Лесбоса, Хиоса и Пароса, из малоазийских полисов — Теоса, Фокеи, Клазомен, Милета и, наконец, из уже упоминавшихся ранее приистмийских городов Северного Пелопоннеса — Коринфа и Мегары. Именно уроженцы Мегары сделали еще в первой половине VII в. последний решающий шаг в освоении коридора черноморских проливов, основав две важные колонии у южного входа в Боспор: сначала Калхедон на азиатском берегу пролива, а затем Византий на европейском берегу на месте позднейшего Константинополя, или Стамбула.

Когда во второй половине VII в. греки наконец приступили к колонизации берегов самого Черноморского бассейна, на первый план решительно выдвинулся Милет, один из самых значительных ионийских полисов западного побережья Малой Азии. По преданию, милетяне основали в Причерноморье не менее 75 колоний. Разумеется, в их заселении наряду с уроженцами самого Милета участвовали выходцы из других ионийских полисов. Правительство Милета, вероятно, лишь организовывало и направляло этот поток переселенцев, ставя во главе отдельных отрядов своих предводителей — ойкистов (так греки называли должностных лиц, непосредственно руководивших выведением колоний), и, возможно, также снабжало их кораблями и необходимыми в дороге припасами. Среди причерноморских колоний Милета наиболее известны Синопа и Трапезунт (совр. Трабзон) на южном побережье Понта Евксинского, Одесс, Аполлония, Томы, Истрия (южнее устья Дуная) на западном побережье, Ольвия (на Днепровско-Бугском лимане), Пантикапей (совр. Керчь), Феодосия, до сих пор сохранявшая свое древнее название, на северном побережье, Питиунт (совр. Пицунда), Диоскурия (совр. Сухуми), Фасис (совр. Поти) на восточном побережье. Все эти поселения, так же как и многие другие, здесь не названные, возникли во второй половине VII—VI в. Наиболее крупное сплочение милетских колоний, а также поселений, основанных выходцами из некоторых других греческих полисов, образовалось в восточном Крыму и на Таманском полуострове — на берегах Боспора Киммерийского, как назывался в древности Керченский пролив. В их число, кроме уже названных Пантикапея и Феодосии, входили поселения: Нимфей, Мирмекий, Порфмий на крымском берегу пролива и Фанагория, Кепы, Гермонасса, Горгиппия (совр. Анапа) на кавказском берегу. Позднее, по-видимому уже в начале V в. до н. э., все эти колонии объединились и образовали так на-

зываемое Боспорское государство со столицей в Пантикапее. С территории Боспора продолжалось колонизационное освоение лежащих дальше к северу областей по берегам Азовского моря, или Меотийского озера, как называли его греки. Самой северной греческой колонией стало заложенное в устье Дона поселение Танаис.

Кроме милетян и других ионийцев, в колонизации Причерноморья участвовали дорийцы из Мегары. Ими были основаны Гераклея Понтийская на южном побережье Черного моря, Месембрия и Каллатис на западном побережье. Единственная дорийская колония в Северном Причерноморье — Херсонес Таврический — была основана выходцами из Гераклеи Понтийской на юго-западном побережье Крымского полуострова в районе совр. Севастополя. Главной приманкой, привлекавшей греческих колонистов в суровые и необжитые степи Поднестровья, Побужья, западного и восточного Крыма и Приазовья, были, безусловно, обширные массивы плодородных земель, почти не используемые местным населением. Хлеб, выращиваемый на этих землях, вскоре стал в больших количествах поступать на рынки греческих государств. Поэтому связь с причерноморскими колониями как главными источниками дешевого зерна уже в V в. до н. э. сделалась для многих из них внешнеполитической проблемой первой важности.

Географический ареал Великой колонизации и та важная роль, которую она сыграла в жизни не только греков, но и многочисленных варварских⁹ народов, делают весьма актуальной проблему о причинах, движущих силах и характере этого демографического взрыва, что до сих пор остается объектом весьма напряженной дискуссии. В то время как одни авторы считают основной причиной заинтересованность в установлении торговых контактов с районами, богатыми металлом, хлебом, лесом и другими видами ремесленного сырья и сельскохозяйственной продукции, которых в то время остро недоставало в самой Греции, другие полагают, что главную роль в развитии колонизационного движения, особенно на ранних его этапах, сыграл резко обострившийся в VIII—VII вв. земельный голод, в свою очередь обусловленный перенаселенностью всех более или менее пригодных для человеческого существования областей как европейской, так и азиатской Греции. Сообразно с тем или иным решением вопроса об основных причинах колонизации сами греческие колонии характеризуются то как торгово-ремесленные, то как сугубо аграрные поселения. В последнее время, однако, в научной литературе явно наметилась тенденция к примирению этих двух крайних позиций и колонизация рассматривается как сложный многоплановый процесс, в котором участвовали одновременно или в определенной последовательности различные социальные слои тогдашнего греческого общества с присущими им интересами и потребностями.

В тех местах, где контакты между греками и туземным варварским населением переходили в более или менее регулярный торговый обмен, возникали постоянные корабельные стоянки с небольшими поселениями или торговыми факториями при них. Во многих случаях такие поселения, или эмпории, как называли их греки, в отличие от настоящих колоний, или апойкий, располагались на небольших островах вблизи от побережья, что гарантировало первопоселенцев от внезапного нападения обитающих на материке варваров и в то же время позволяло вести с ними

⁹ «Варварами» греки называли все иноязычные племена и народы, не делая исключения даже и для таких посетителей древнейших культур Востока, как египтяне и вавилоняне. Этим словом, скорее всего возникшим из простого звукоподражания [звуками «бар-бар» греки пытались передать непонятное для них звучание чужой речи], первоначально не заключало в себе того негативного, пренебрежительного оттенка, который оно приобрело позже, когда отчетливо обозначился антагонизм между эллинским и варварским миром.

постоянную меновую торговлю. Примерами таких островных эмпориев могут служить уже упоминавшиеся прежде эвбейское поселение на о. Питекусса у берегов Италии, коринфское поселение на о. Ортигия, ставшее первоначальным ядром города Сиракузы, наконец, милетское поселение на о. Березань, возникшее в середине VII в. до н. э. у входа в Днепровско-Бугский лиман.

Поддавливающее большинство греческих колоний обладало удобными естественными гаванями, они были расположены в устьях больших судоходных рек (Массалия, Навкратис, Ольвия, Танаис, Истрия и др.) или же держали под своим контролем важнейшие морские артерии (Занкла и Регий, Византий и Калхедон, Пантикапей и др.). В свою решающую фазу колонизация вступила лишь тогда, когда греческие переселенцы в колониях начали массами оседать на землю, либо отвоеванную ими у местных варваров, либо приобретенную мирными средствами. Подавляющее большинство колонистов теперь составляли уже не искатели легкой наживы, а люди, привычные к изнурительному сельскохозяйственному труду и заинтересованные в присвоении максимального количества пригодной для обработки земли. Нетрудно догадаться, что могло заставить греческого крестьянина, тяжелого на подъем, как и всякий сельский житель, обычно с неприязнью относившегося к ненадежной морской стихии, доверить ей свою судьбу и отправиться искать счастья в далеких варварских краях — это острый земельный голод и неизменно сопутствующие ему нехватка продовольствия и массовое недоедание.

Вероятно уже в первой половине VIII в. до н. э. демографическая и социальная напряженность в Греции достигли такого уровня, что многие греческие общины оказались перед выбором: либо гражданская война и насильственный передел земли, либо вывод «лишнего» населения в колонию. На эту важнейшую причину греческой колонизации указывал Марк: «Недостаточное развитие производительных сил ставило права гражданства в зависимость от определенного количественного соотношения, которое нельзя было нарушать. Единственным спасением была вынужденная эмиграция»¹⁰. Нередко вопрос о том, какая именно часть гражданского коллектива полиса должна покинуть отечество и переселиться в колонию, решался силой в ходе острой междоусобной борьбы. Группировка, потерпевшая поражение в этой борьбе, садилась на корабли и отправлялась искать новых мест для поселения. Именно так были основаны, согласно преданию, Сиракузы, единственная спартанская колония на юге Италии Тарент и др. Однако чаще само правительство полиса, оказавшись в критической ситуации, прибегало к выводу одной или нескольких колоний как к профилактической мере в целях разрядки внутрисполитической напряженности.

Прежде чем выводить в то или иное место новую колонию, греческие государства обычно обращались за советом к оракулу Аполлона в Дельфах, жрецы которого располагали солидным запасом сведений о географии всего Средиземноморского бассейна. Поэтому в некоторых западных колониях Аполлона почитали под именем «Прологателя путей» или «Предводителя». Отправляясь в дальний путь, колонисты старались во что бы то ни стало сохранить узы кровного родства, соединявшие их с метрополией. Они увозили с собой в чужие края ее богов и ее обычаи. Воплощением этой кровной связи колонистов с их родным полисом считался священный огонь, взятый с алтаря главного храма метрополии. Перед отплытием переселенцы обычно присягали в верности своему старому отечеству. Прекрасным примером такой присяги может служить так называемая «Клятва основателей» Кирены, дошедшая до нас в надписи IV в. до н. э. Как правило, дружественные отношения между ко-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 667—668.

лонией и метрополией, действительно, сохранялись в течение очень долгого времени, разумеется, за исключением тех случаев, когда колонисты выселялись насильственно. Государственное устройство колонии чаще всего в общих чертах воспроизводило конституцию метрополии. Прибывших в колонию граждан метрополии принимали как самых почетных гостей. Для охраны их интересов в суде, в торговых сделках и т. д. назначались специальные должностные лица — так называемые «простаты». Аналогичным было и отношение к колонистам, вернувшимся в свою метрополию. При желании человек, выселившийся в колонию, мог снова стать гражданином метрополии.

Тем не менее, несмотря на наличие столь тесных юридических, религиозных, экономических и всяких иных связей, колония с самого момента своего возникновения рассматривалась как вполне самостоятельное государство — полис, — в принципе ни в чем не уступающее своей метрополии. Попытки метрополии подчинить колонию или колонии своему политическому контролю приводили иной раз даже к военным столкновениям. В своем подавляющем большинстве греческие колонии занимали очень небольшую территорию, достаточную лишь для того, чтобы прокормить несколько сот, в редких случаях тысячу первопоселенцев вместе с их семьями. Почти все они располагались в узкой прибрежной полосе, иногда, как было уже сказано, на небольших островах или полуостровах и были тесно связаны с морем. В этой привязанности к морскому побережью заключается существенная особенность греческой колонизации в ее начальной, архаической фазе.

Несмотря на интенсивное развитие мореплавания и торговли, экономической основой процветания большинства колоний, так же, впрочем, как и их метрополий, оставалось сельское хозяйство. Основную массу колонистов на протяжении всего периода Великой колонизации, за исключением, может быть, только наиболее раннего, эмпириального его этапа, составляли полностью или частично обезземеленные крестьяне. В соответствии с этим уже в момент основания колонии каждый переселенец получал в свое полное распоряжение один из расположенных на ее территории земельных наделов, а также находящийся в черте городских стен небольшой участок под строительство дома (так называемый ойкопедон). От размеров надела зависели гражданские права колониста. Всей полнотой гражданских прав и соответственно самыми большими и плодородными наделами обычно пользовались непосредственные участники основания колонии и их потомки. Колонисты, прибывшие позднее (так называемые эпойки), получали лишь небольшие участки, вырезанные из еще не поделенной земли, и не считались полноправными гражданами полиса. Следы такой системы землепользования, восходящие к VII в. до н. э., сохранились вплоть до нашего времени в окрестностях италийского города Метапонт, где методом аэрофотосъемки было выявлено около 1300 наделов площадью в 6 га каждый. Аналогичные, хотя по времени более поздние системы зафиксированы неподалеку от Херсонеса Таврического, на п-ове Тарханкут (Западный Крым) и в некоторых других местах.

На всем огромном протяжении периферии эллинского мира завязывались сложные и многообразные отношения между пришлыми греками-колонистами и местным варварским населением. Характер и направленность этих контактов зависели от ряда обстоятельств, в том числе от природных условий, уровня культурного развития, хозяйственного и жилищного уклада местных жителей, целей, которые ставили перед собой колонисты, и т. п. В ряде случаев высадившиеся на чужом берегу первопоселенцы встречали откровенно враждебный прием со стороны местных варваров и вынуждены были прибегать к силе оружия, чтобы отвоевать у них землю, необходимую для устройства колонии и ее сель-

ской округи. При этом местное население либо вытеснялось с занимаемой им территории, либо (в сравнительно редких случаях) подвергалось насильственному порабощению. Так было порабощено, например, племя мариандинов, населявшее ближайшие окрестности Гераклеи Понтийской (северное побережье Малой Азии). Вероятно, аналогичным было и происхождение так называемых «киллириев», обрабатывавших поля сиракузских землевладельцев. Однако чаще греческие колонисты старались избежать военных столкновений, учитывая, что численное превосходство было не на их стороне, и либо выкупали, либо занимали нужную им землю. Со своей стороны и варварские племена, жившие по соседству с колониями, во многих случаях более или менее терпеливо переносили их присутствие на своей территории, извлекая прямую выгоду из торговых контактов с греческими купцами и заимствуя отдельные элементы греческой культуры и быта. Как показали археологические раскопки в Сицилии, Южной Италии, нижнем Побужье (окрестности Ольвии), на территории Боспора и в некоторых других местах уже вскоре после появления первых греческих колонистов начинается интенсивный процесс взаимодействия и взаимопроникновения эллинской и варварских культур, возникают поселения со смешанным греко-варварским населением, появляются синкретические формы искусства, в которых комбинируются декоративные элементы греческого и варварского происхождения и т. д.

Великая греческая колонизация оставила весьма заметный след в истории многих стран и народов древнего Средиземноморья. Важнейшим ее итогом может считаться широкое распространение очагов эллинской полисной государственности и, несомненно, наиболее передовой в то время эллинской культуры. Подобно более ранней финикийской, греческая колонизация способствовала проникновению урбанизма и товарно-денежных отношений в самые отдаленные и глухие уголки тогдашней ойкумены, обитатели которых до тех пор не имели представления ни о городской жизни, ни о рыночной торговле. Все это, несомненно, способствовало постепенному втягиванию в общий процесс социально-экономического и культурного развития античного мира многочисленных племен и народностей, составлявших население его наиболее удаленной варварской периферии.

4. ГРЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ. СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИСА

Порожденная глубокими социальными и демографическими сдвигами, происходившими в недрах греческого общества, колонизация вскоре стала оказывать на него мощное обратное воздействие. Колонизационное движение намного ускорило еще не законченный в то время процесс расшатывания устоев первобытнообщинного строя и вызревания частнособственнических отношений. Освоение новых земель на окраинах «обитаемой вселенной» и являющееся его необходимой предпосылкой развитие мореплавания открывали широкий простор перед личной инициативой и творческими способностями каждого человека, что способствовало окончательному высвобождению личности из-под контроля рода или большой семьи там, где эти древние формы социальной организации еще сохраняли свое значение и силу. Особенно быстрыми темпами этот процесс эмансипации личности из тесных рамок старой родовой морали и права шел во вновь основанных поселениях, куда стекались наиболее энергичные и предприимчивые люди, среди которых было немало всякого рода изгоев и отщепенцев, в силу тех или иных причин отколовшихся от своих родовых коллективов и во всем полагававшихся только на самих себя. Представителем этой наиболее динамичной и радикально настроен-

ной части греческого общества может считаться прославленный поэт Архилох с о. Пароса. Незаконнорожденный сын паросского аристократа и рабыни, не допущенный в силу этого к дележу отцовского наследства, он принял активное участие в заселении паросцами о. Фасоса в северной части Эгейского моря, неподалеку от богатого золотыми и серебряными приисками фракийского побережья. Архилох оставил нам в одном из сохранившихся стихотворных фрагментов свою краткую, но в высшей степени выразительную характеристику:

В остром копье у меня замешен мой хлеб. И в копье же —
Из-под Исмара вино. Пью, опершись на копье

(фр. 2. *Пер. В. В. Вересаева*).

В колониях происходило интенсивное смешение выходцев из разных греческих полисов, а также греков с окрестными варварами, что способствовало отказу от множества старых предрассудков.

Уровень деловой активности был выше среди жителей колоний, чем среди населения метрополий. Довольно часто колонии попадали в полную экономическую зависимость от своих метрополий. Находясь на отдаленной периферии греческого мира, они остро нуждались в самом необходимом, например в вине и оливковом масле, без которых греки вообще не представляли себе человеческого существования. Эти и другие продукты приходилось подвозить из Греции на кораблях. Из метрополий в колонии ввозились также глиняная посуда самых различных форм и размеров, другая домашняя утварь, ткани, оружие, украшения и т. п. Вскоре все эти вещи начинают привлекать к себе внимание местных варваров, которые предлагают в обмен за изделия греческих ремесленников все, чем были богаты: зерно и скот, металлы и рабов. Таким образом, колонии все более и более берут на себя функции центров посреднической торговли, связывавших Эгейду с отдельными районами варварского мира. В самой Греции, как и следовало ожидать, основными очагами экономической активности становились полисы, организовывавшие и направлявшие колонизационное движение, в том числе города Эвбеи, Коринф и Мегара на севере Пелопоннеса, острова Эгина, Лесбос, Самос и Родос на Эгейском море, Милет, Эфес и Фокея на западном побережье Малой Азии. О масштабах греческой морской торговли в VIII—VI вв. могут свидетельствовать прежде всего массовые находки керамики. Керамика эта — как дешёвая глиняная тара (амфоры) для транспортировки различных сельскохозяйственных продуктов, так и более изысканная, обычно украшенная росписью столовая посуда — производилась всего лишь в нескольких крупных центрах гончарного ремесла, в число которых входят в европейской Греции города Эвбеи, Коринф, несколько позже (примерно с середины VI в.) — Афины и Спарта, Родос и некоторые из прибрежных ионийских полисов. Образцы этого рода ремесленной продукции находят в больших количествах по всей колониальной периферии греческого мира, а также и за ее пределами. Некоторые изделия греческих мастеров, имевшие особенно высокую художественную и материальную ценность, проникали далеко в глубь обширных территорий Центральной и Западной Европы, вероятно, путем межплеменного обмена. При мерами таких находок могут служить огромный бронзовый кратер, возможно, лаконской работы, открытый при раскопках захоронения кельтской «принцессы» в Виксе (Бургундия, Восточная Франция), и золотая рыба, по всей видимости служившая украшением панциря, найденная в скифской могиле близ Веттерсфельде (Северная Германия, недалеко от Берлина).

Появление новых обширных рынков сбыта в зоне колонизации стало мощным стимулом для развития и совершенствования ремесленного и сельскохозяйственного производства в самой Греции. Был открыт способ

отливки из меди или бронзы крупных цельнометаллических предметов — панцирей, шлемов, больших сосудов, статуй. Строились быстроходные военные суда, приводимые в движение тремя ярусами гребцов, — так называемые триеры и т. п.

Бесспорным свидетельством стремительного технического прогресса являются дошедшие до нас ремесленные изделия архаического периода, в особенности сравнительно редкие изделия из металла и гораздо чаще встречающаяся керамика. Греческие вазы VII—VI вв. поражают богатством и разнообразием форм, красотой живописного оформления. Среди них выделяются сосуды работы коринфских мастеров, расписанные в так называемом ориентализирующем стиле (его отличают красочность, фантастическая причудливость живописного декора, напоминающие рисунки на восточных коврах), и более поздние вазы чернофигурного стиля в основном афинского и целопоннесского производства.

Основная масса керамики, вывозившаяся из Греции на внешние рынки, изготовлялась, вне всякого сомнения, уже не в домашних условиях, как в гомеровскую эпоху, а в специальных мастерских квалифицированными гончарами и художниками-вазописцами. Само это производство, по крайней мере с конца VIII в. до н. э., носило массовый, серийный характер и было рассчитано в первую очередь на рыночный спрос. В греческом обществе архаического периода специалисты-ремесленники уже не были, как когда-то, бесправными одиночками, стоящими вне общины и ее законов и нередко не имеющими даже постоянного места жительства. Теперь они образуют многочисленную и довольно влиятельную социальную прослойку, ведущую по преимуществу оседлый образ жизни. На это указывает не только количественный и качественный рост ремесленной продукции, но и появление в наиболее крупных и экономически развитых полисах особых ремесленных кварталов, в которых селились ремесленники одной определенной профессии. Так, в Коринфе начиная уже с VII в., как показали раскопки, существовал квартал гончаров — Керамик. В Афинах аналогичный квартал, занимавший значительную часть старого города, возник в VI в. до н. э. на месте древнего некрополя.

Все эти факты говорят о том, что в течение архаического периода в Греции произошел важный исторический сдвиг: ремесло отделилось от сельского хозяйства как самостоятельная отрасль производства. В соответствии с этим перестраивается и само сельское хозяйство, связь с рынком становится для него делом первостепенной важности. Не случайно в своей поэме «Труды и дни», представляющей собой своеобразный календарь греческого земледельца той эпохи, беотийский поэт-крестьянин Геспод наставляет читателя не только в рациональном ведении сельского хозяйства, но и в «законах» мореплавания (Труды и дни, 618 и след.). Во многих районах Греции крестьяне переходят от выращивания традиционных зерновых культур — ячменя, полбы, пшеницы — к более доходным многолетним культурам — винограду и масличным. Многие греческие государства вообще отказались от производства своего хлеба и стали жить за счет привозного зерна.

Итак, основным результатом Великой колонизации был переход греческого общества со стадии примитивного натурального хозяйства на более высокую стадию. Торговля становится ведущей отраслью греческой экономики, появляются деньги. Греческое предание приписывает изобретение монеты лидийцам, обитавшим в западной части Малой Азии в ближайшем соседстве с ионийскими греческими полисами. Лидийские цари в древности славились своими несметными богатствами (имя одного из них — Креза стало даже нарицательным).

Уже в VI в. до н. э. в Греции были приняты два основных монетных стандарта: эгинский и эвбейский. Первый возник на острове Эгина

в Сароническом заливе и оттуда широко распространился по всему Пелопоннесу, Средней и Северной Греции и по островам Эгейского моря вплоть до Малой Азии. Второй был принят в городах о-ва Эвбея — Халкиде и Эретрии, а также в Коринфе, Афинах и во многих западногреческих колониях. В основу как той, так и другой системы денежного чекапа была положена весовая единица, именуемая талантом, которая в обоих случаях делилась на 6000 драхм (драхмы обычно чеканились из серебра, обод — более мелкая денежная единица — из меди или бронзы), но эгинский талант был тяжелее эвбейского, составляя 37 кг металла против 26 кг.

«Изобретая деньги,— писал Энгельс об Афинах VI в. до н. э.,— люди не подозревали, что они вместе с тем создают новую общественную силу, единую, имеющую всеобщее значение, перед которой должно будет склониться все общество. И эта новая сила, внезапно возникшая без ведома и против воли своих собственных творцов, дала почувствовать свое господство афинянам со всей грубостью своей молодости»¹¹. В греческом обществе архаического периода деньги становятся главным мерилем социальной ценности человека, оттесняя на второй план все другие критерии: знатность рода, воинскую доблесть, лучшие качества ума и характера.

«Деньги делают человека» — это изречение, приписываемое некоему спартанцу Аристодему, стало своеобразным девизом новой эпохи. Деньги во много раз ускорили начавшийся еще до их появления процесс имущественного расслоения общины, еще более приблизили полное и окончательное торжество частной собственности. Сделки купли-продажи распространяются теперь на все виды материальных ценностей. Не только движимое имущество, но и земля, до сих пор находившаяся под контролем общины, свободно переходит из рук в руки: продается, закладывается, передается по завещанию или в качестве приданого. В своей поэме Гесиод советует читателю регулярными жертвоприношениями добиваться расположения богов, «чтобы,— заканчивает он свое наставление,— покупал ты участки других, а не твой бы — другие» (Труды и дни, 341).

Продаются и покупаются и сами деньги. Богатый человек мог отдать их в долг бедняку под очень высокий процент. Так зародилось ростовщичество, а вместе с ним и его неизменный спутник — широко распространенное почти во всех раннеклассовых обществах долговое рабство. Обычным явлением становятся сделки самозаклада. Не имея возможности своевременно расплатиться со своим безжалостным кредитором, несостоятельный должник отдает в заклад последнее, чем он еще располагает: детей, жену, а затем и самого себя. Если долг и накопившиеся по нему проценты не выплачивались и после этого, должник со всем своим семейством и остатками имущества попадал в кабалу к ростовщику и превращался в раба, положение которого ничем не отличалось от положения обычных рабов, взятых в плен на войне или купленных на рынке. Однако рабам-соплеменникам нашлась замена в лице чужеземцев-варваров. Основная масса рабов стала поступать на греческие рынки из колоний, где их можно было приобрести в больших количествах и по доступным ценам у местной варварской знати. Рабы составляли одну из главных статей скифского и фракийского экспорта в Грецию, массами вывозились из Малой Азии, Италии, Сицилии и разных районов колониальной периферии. Избыток дешевой рабочей силы на рынках греческих городов впервые сделал возможным широкое применение рабского труда во всех основных отраслях производства. Покупные рабы появляются теперь не только в домах аристократов, но и в хозяйствах зажиточных крестьян. В хозяйстве Гесиода, например, заняты два раба: женщи-

¹¹ Там же, т. 21, с. 113.

на, подгоняющая быков во время пахоты, и мальчик, засыпающий землей семена, чтобы их не склевали птицы (Там же, 406, 470). Особенно много рабов скапливалось в крупных центрах ремесла и торговли. Уже в VII—VI вв. рабов можно было увидеть в ремесленных мастерских и купеческих лавках, на рынках, в порту, на строительстве укреплений и храмов. Везде и всюду они выполняли самую тяжелую работу. Благодаря этому у их хозяев — свободных граждан полиса создавался избыток досуга, который они могли посвятить занятиям политикой, атлетическими упражнениями, искусством, философией и т. п. Так закладывались в Греции основы нового рабовладельческого способа производства и вместе с тем новой полисной цивилизации, резко отличающейся от предшествующей ей дворцовой цивилизации крито-микенской эпохи.

Первым и наиболее важным признаком, свидетельствующим о переходе греческого общества от варварства к цивилизации, было возникновение городов. Правда, говоря о греческих городах не только архаического, но и более позднего, классического периода, следует иметь в виду огромную историческую дистанцию, отделяющую их от городов современной эпохи. Согласно известному определению Маркса, «история классической древности — это история городов, но городов, основанных на земельной собственности и на земледелии»¹². Действительно, в подавляющем своем большинстве греческие полисы представляли собой более или менее значительные аграрные поселения с преимущественно крестьянским, сельскохозяйственным населением. Большие массы торговцев, ремесленников и вообще людей, не занятых в сфере сельскохозяйственного производства, скапливались лишь в сравнительно немногочисленных крупных центрах транзитной морской торговли вроде Коринфа, Милета, Эгины, Родоса и некоторых других. Вплоть до очень позднего времени (вероятно, до начала эпохи эллинизма) греки не знали настоящего антагонизма между городом и деревней. Деревня — кома или дем — была в их понимании хозяйственным придатком города, выдвинутым на территорию сельской округи полиса, или хоры, и уже в силу этого неразрывно с ним связанным. Сам город мыслился греками в первую очередь как политический (административный), военный и религиозный центр государства, место, где по преимуществу концентрировалось гражданское население общины. Социально-экономические критерии в разграничении понятий города и деревни были несущественны.

В роли основного градообразующего элемента выступало свободное крестьянство, а сам город конституировался как государство и вместе с тем как гражданский коллектив собственников, объединенных общей заинтересованностью в присвоении и закреплении за собой «объективных условий существования», т. е. прежде всего земли.

Главным жизненным центром раннегреческого города была так называемая агора (букв. «сбор» или «сход»), служившая местом народных собраний граждан и в то же время использовавшаяся как рыночная площадь, хотя первая из этих двух функций, несомненно, была древнейшей. На агоре свободный грек проводил большую часть своего времени. Здесь он продавал и покупал, здесь же в сообществе других граждан полиса занимался политикой — решал государственные дела, здесь, на агоре, мог узнать все важнейшие городские новости. Об этой привязанности греков к рыночной площади с презрением отзывались их соседи, например персы и другие «варвары». Геродот (I, 152) передает слова персидского паря Кира Старшего о греках (в данном случае спартанцах): «Я не страшусь людей, у которых посреди города есть определенное место, куда собирается народ, обманывая друг друга и давая ложные клятвы». Пер-

¹² Там же, т. 46, ч. I, с. 470.

воначально агора представляла собой просто открытую площадь, лишенную каких бы то ни было построек. Позднее на ней стали устраивать деревянные или каменные сиденья, ступенями подымавшиеся друг над другом. На этих скамьях размещался народ во время собраний. В еще более позднее время (уже в конце архаического периода) по сторонам площади воздвигались специальные навесы — портики, защищавшие людей от лучей полуденного солнца. Портики стали излюбленным прибежищем для мелочных торговцев, философов и праздношатающейся публики, собиравшейся на агоре. Прямо на агоре или неподалеку от нее располагались правительственные здания полиса: булевтерий — здание городского совета (буле), пританей — место для заседаний правящей коллегии пританов, дикастерий — здание суда и т. п. На агоре же выставлялись для всеобщего ознакомления новые законы и распоряжения правительства.

Среди построек архаического города заметно выделялись своими размерами и великолепием убранства храмы главных олимпийских богов и прославленных героев. Отдельные части наружных стен греческого храма были раскрашены в яркие, радостные тона и богато украшены скульптурой (также раскрашенной). С особым великолепием украшался храм, посвященный божеству, считавшемуся главным покровителем и защитником данного полиса, или, как говорили сами греки, «богу-градодержателю». У каждого полиса был свой особый покровитель или покровительница. Так, в Афинах это была Афина Паллада. Храм бога-градодержателя (он был самым большим в городе) находился обычно в городской цитадели, которую греки называли «акрополем», т. е. «верхним городом». Здесь хранилась государственная казна полиса. Сюда поступали штрафы, взимавшиеся за различные преступления, и все другие виды доходов государства. В Афинах уже в VI в. (во времена тирании Писистрата) вершина неприступной скалы акрополя была увенчана монументальным храмом Афины — главной богини города. Своими величественными пропорциями храм был призван символизировать могущество и неколебимость города-государства, благополучие которого «оберегала» обитавшая в нем богиня.

Городской уклад жизни с характерными для него интенсивным товарообменом и другими видами хозяйственной деятельности, в которых принимали участие большие массы людей самого различного происхождения и социального положения, вступил в противоречие с тогдашней структурой греческого общества. Люди, принадлежавшие к разным родам, филам, фратриям, не только живут теперь бок о бок в одних и тех же кварталах, но и вступают в деловые и дружеские контакты, заключают брачные союзы. Постепенно начинает стираться грань, отделяющая старинную родовую знать от новой аристократии богатства — состоятельных купцов и землевладельцев, вышедших из простолюдов.

С ростом городов непосредственно связан заметный прогресс в области права, как внутрополисного, так и международного. Экономические потребности общества трудно было согласовать с традиционными принципами родового права и морали, в соответствии с которыми каждый чужак — выходец из чужого рода или фратрии воспринимался как потенциальный враг, подлежащий уничтожению или превращению в раба. В архаическую эпоху эти воззрения постепенно начинают уступать свое место более широким и гуманным взглядам, согласно которым существует некая божественная справедливость, распространяющаяся в равной степени на всех людей независимо от их родовой или племенной принадлежности. Главной ее блюстительницей становится дочь Зевса богиня Дике, что, собственно, и значит «Справедливость». «Если неправым деянием ее оскорбят и обидят, подле родителя-Зевса немедленно садится богиня и о неправде людской сообщает ему. И страдает целый народ за нечестие

царей, злоумышленно правду неправосудьем своим от прямого пути отклонивших» (Гесиод. Труды и дни, 258—262).

О, реальном прогрессе общественного правосознания свидетельствуют древнейшие сборники законов, приписываемые знаменитым законодателям: Драконту, Залевку, Харонду и др. Кодексы эти содержали немало устаревших правовых норм и обычаев; в основе своей законы Драконта и им подобные есть не что иное, как записи существовавшего обычного права. Этот факт свидетельствует о стремлении положить предел самоуправству влиятельных семей и родов и добиться подчинения рода судебному авторитету полиса. Кодификация законов и тесно связанное с ней введение судопроизводства способствовали изживанию таких варварских обычаев, процветавших в гомеровские времена, как кровная месть или мзда за убийство.

Нормы морали и права распространяются в эту эпоху не только на соотечественников, но и на чужеземцев, граждан других полисов. Труп убитого врага уже не подвергался надругательствам, как когда-то (вспомним хотя бы надругательства, которым Ахилл в «Илиаде» предает тело погибшего Гектора), а выдается родственникам для предания земле. Свободных эллинов, захваченных в плен на войне, больше не убивают и не превращают в рабов, а возвращают на родину за выкуп. Принимаются меры для искоренения морского пиратства и разбоя на суше. Отдельные полисы заключают между собой договоры, гарантируя друг другу личную безопасность и неприкосновенность имущества граждан, если они окажутся на чужой территории. Все эти шаги к сближению были вызваны не только прогрессом общественной нравственности, но и потребностью отдельных государств в более тесных экономических и культурных контактах.

Аграрный кризис, породивший Великую колонизацию, продолжался, несмотря на массовый отток населения. Почти повсеместно в Греции мы наблюдаем одну и ту же картину: крестьяне массами разоряются, лишаются своих «отеческих наделов» и пополняют ряды батраков-фетов. Характеризуя обстановку, сложившуюся на рубеже VII—VI вв., перед реформами Солона, Аристотель писал в «Афинской политике»: «Вся же вообще земля была в руках немногих. При этом, если эти бедняки не отдавали арендной платы, можно было увести в кабалу и их самих, и детей. Да и ссуды у всех обеспечивались личной кабалой вплоть до времени Солона».

Коренная ломка привычного житейского уклада весьма болезненно действовала на сознание людей. Законченным образцом пессимиста можно считать, например, крупнейшего эпического поэта послегомеровского времени Гесиода. В его поэме «Труды и дни» вся история человечества представлена как непрерывный упадок и движение вспять от лучшего к худшему. На земле, по мысли поэта, уже сменились четыре человеческих поколения: золотое, серебряное, медное и поколение героев. Каждое из них жило хуже, чем предыдущее, но самый тяжкий удел достался пятому, железному поколению людей, к которому причисляет себя и сам Гесиод. «Если бы мог я не жить с поколением пятого века! — горестно восклицает поэт. — Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться» (Труды и дни, 174 и след.). Об этом говорит включенная в поэму Гесиода «Басня о соловье и ястребе»:

Басню теперь расекажу я царям, как они ни разумны.
Вот что однажды сказал соловью пестрогласному ястреб,
Когти вонзивши в него и неся его в тучах высоких.
Жалко пищал соловей, пронзенный кривыми когтями,
Тот же властительно с речью такою к нему обратился:
«Что ты, несчастный, пищишь? Ведь намного тебя я сильнее!

Как ты ни пой, а тебя унесу я, куда мне угодно,
 И пообедать могу я тобой, и пустить на свободу.
 Разума тот не имеет, кто мериться хочет с сильнейшим:
 Не победит он его — к униженью лишь горе прибавит!.
 Вот что стремительный ястреб сказал, длиннокрылая птица (202—212).

В те времена, когда писались эти строки, народ, обремененный тяжестью поборов, страдающий от безземелья и долговой кабалы, пока еще активно не вмешивался в политику. Спустя каких-нибудь сто-сто пятьдесят лет картина коренным образом меняется. Об этом мы узнаем из стихов другого поэта, уроженца Мегары Феогнида, хотя по рождению он принадлежал к высшей знати своего родного города, чувствует себя очень неуверенно в этом меняющемся на глазах мире и, так же как Гесиод, склонен весьма пессимистично оценивать свою эпоху. Его мучает сознание необратимости социальных перемен, происходящих вокруг него:

Город наш все еще город, о Кирн, но уже люди другие,
 Кто ни законов досель, ни правосудья не знал,
 Кто одевал себе тело изношенным мехом козлиным
 И за стеной городской пасся, как дикий олень,—
 Сделался знатным отныне. А люди, что знатными были,
 Низкими стали. Ну, кто б все это вытерпеть мог? (53—58).

Главной причиной всех этих бедствий Феогнид не без основания считает деньги.

Стихи Феогнида показывают, что обострившийся в связи с развитием товарообмена процесс имущественного расслоения общины затрагивал не только крестьянство, но и некогда могущественную знать. Многие аристократы, обуреваемые жадной наживой, вкладывали свое состояние в различные торговые предприятия и спекуляции, но, не имея достаточной практической сметки, не выдерживали конкурентной борьбы и разорялись, уступая место более цепким и изворотливым выходцам из низов, которые благодаря своему богатству поднимаются теперь на самую вершину социальной лестницы. Эти незаслуженно возвысившиеся «выскочки» вызывают в душе поэта дикую злобу и ненависть. В мечтах он видит народ возвращенным в его прежнее полурабское состояние:

Твердой ногой наступи на грудь суетмыслящей черни,
 Бей ее медным боддом, шею пригни под ярмо!
 Нет под всевидящим солнцем, нет в мире широко народа,
 Чтоб добровольно терпел крепкие вожжи господ... (847—850).

(Пер. С. Я. Лурье).

Действительность, однако, разбивает эти иллюзии глашатая аристократической реакции. Возвращение вспять уже невозможно, и Феогнид снова погружается в безысходное отчаяние:

«К гибели, к воронам все наше дело идет! Но перед нами,
 Кирн, из блаженных богов здесь не виновен никто:
 В бедствия нас из великого счастья повергли — наслыше,
 Низкая жадность людей, гордость надменная их (833—836).

Стихи Феогнида запечатали тот момент, когда взаимная вражда и ненависть борющихся партий достигли своей высшей точки. Повсюду демократы выдвигают одни и те же лозунги: «Передел земли и отмена долгов», «Равенство всех граждан полиса перед законом» (исономия), «Передача власти народу» (демократия). Следует, конечно, учитывать, что демократическое движение было неоднородно по своему социальному составу. В нем принимали участие и богатые купцы из простонародья, и зажиточные крестьяне, и ремесленники, и обездоленные массы сель-

ской и городской бедноты. Если первые добивались прежде всего политического равенства со старинной знатью, то последних гораздо больше привлекала идея всеобщего имущественного равенства. Феогнид в одной из своих элегий обращается к читателю с предупреждением:

Пусть еще в полной пока тишине наш покоится город,—
Верь мне, недолго она в городе может царить,
Где нехорошие люди к тому начинают стремиться,
Чтоб из народных страстей пользу себе извлекать.
Ибо отсюда — восстания, гражданские войны, убийства,
Также монархи,— от них сбереги нас судьба! (47—52).

Упоминание о монархах — весьма симптоматично для того времени, к которому относятся эти стихи (вторая половина VI в. до н. э.). Во многих греческих государствах длившийся иногда десятилетиями социально-политический кризис разрешался установлением режима личной власти. Таких узурпаторов греки называли «тиранами», противопоставляя их древним царям — бацилеям, правившим на основании наследственного права или всенародного избрания.

Захватив власть, тиран начинал расправу со своими политическими противниками. Людей, неугодных новому правителю, казнили без суда и следствия. Целые семьи и даже роды отправлялись в изгнание, а их имущество переходило в казну тирана. Само слово «тирания» стало в греческом языке синонимом беспощадного, кровавого произвола. Острые террористической политики тиранов было, таким образом, направлено против родовой знати.

По-иному складывались отношения тирана с народом. Многие тираны архаической эпохи начинали свою политическую карьеру в качестве простатов, т. е. вождей и защитников демоса. Знаменитый Писистрат, впервые захвативший власть над Афинами в 560 г. до н. э., опирался на поддержку беднейшей части афинского крестьянства, которая обитала в основном во внутренних гористых районах Аттики (отсюда название этой политической группировки — диаκριи, т. е. «горцы»). Отряд телохранителей тирана, предоставленный Писистрату по его просьбе афинским народом, составили триста человек, вооруженных дубинами — обычное оружие греческого крестьянина. С их помощью Писистрат захватил афинский акрополь и стал хозяином положения в городе. Упоенный своей победой тиран мог позволить себе «широкий жест» в отношении народа, одарив его частью захваченной добычи из конфискованного имущества знати. Он ввел в Афинах дешевый сельскохозяйственный кредит, ссужая нуждающихся крестьян инвентарем, семенами, скотом, учредил два новых всенародных празднества — Великие Панафинеи и Городские Дионисии — и справлял их с необыкновенной пышностью. Теми же мотивами — стремлением добиться популярности среди народа и заручиться его поддержкой — были продиктованы и приписываемые многим тиранам меры по благоустройству подвластных им полисов: строительство водопроводов и фонтанов, сооружение новых великолепных храмов, портиков на агоре, портowych построек и т. д.

Все это, однако, еще не дает оснований считать тиранию «демократической диктатурой масс», а самих тиранов — «борцами за народное дело» (такая оценка иногда встречается в литературе). Отнюдь не забота о благе народа руководила действиями тиранов. Главной их целью было всемерное укрепление своего владычества над полисом. Никто из тиранов не пытался осуществить на деле основные лозунги демократического движения: «Передел земли» и «Отмену долгов» (в источниках нет никаких упоминаний о такого рода коренных реформах в связи с тиранией). Никто из них ничего не сделал для того, чтобы демократизировать государственный строй полиса, по-настоящему, а не на словах

сломать сословные барьеры, отделяющие знать от простонародья, ликвидировать изжившую себя систему родовых институтов.

Тактика, применявшаяся тиранами по отношению к народным массам, может быть определена как «политика кнута и пряника». Заигрывая с демосом и пытаясь привлечь его на свою сторону как возможного союзника в борьбе со знатью, тираны в то же время боялись народа и не доверяли ему. Они окружали себя наемными телохранителями из числа чужеземцев или отпущенных на свободу рабов.

Тирания оставила заметный след в истории ранней Греции. Колоритные фигуры первых тиранов — Периандра, Писистрата, Поликрата и др. неизменно привлекали к себе внимание позднейших греческих историков. Популярности тиранов немало способствовало их меценатство. Стремясь придать больше блеска своему правлению и увековечить свое имя в потомстве, многие тираны привлекали к своим дворам выдающихся музыкантов, поэтов, художников. Такие греческие полисы, как Коринф, Сикион, Афины, Самос, Милет, стали под властью тиранов боковыми процветающими городами, украсились новыми великолепными постройками. Некоторые из тиранов вели успешную внешнюю политику. Знаменитый тиран о. Самоса Поликрат за короткое время подчинил своему владычеству большую часть островных государств Эгейского моря. Писистрат боролся за овладение важным морским путем, соединявшим Грецию через коридор проливов и Мраморное море с Причерноморьем. Тем не менее вклад тиранов в социально-экономическое, политическое и культурное развитие архаической Греции нельзя преувеличивать. Мы вполне можем положиться на ту трезвую и беспристрастную оценку тирании, которую дал величайший из греческих историков Фукидид. «Все тираны, бывшие в эллинских государствах, — писал он, — обращали свои заботы исключительно на свои интересы, на безопасность своей личности и на возвышение своего дома. Поэтому при управлении государством они преимущественно, насколько возможно, озабочены были принятием мер собственной безопасности; ни одного замечательного дела они не совершили, кроме разве войн отдельных тиранов с пограничными жителями» (I, 17. *Пер. Ф. Г. Мищенко, С. А. Жебелева*).

Не имея прочной социальной опоры в массах, тирания не смогла стать устойчивой формой государственного устройства греческого полиса. В городах балканской Греции последние династии тиранов были ликвидированы уже в конце VI в. Несколькими десятилетиями раньше в ионийских полисах Малой Азии, где тиранию взяли под свое покровительство персидские цари, а также в городах-колониях Великой Греции (Сицилия и Южная Италия), над которыми в это время (конец VI — начало V в.) нависла угроза карфагенского завоевания.

Кровавая интермедия тирании показала, что путь насилия и террора не может вывести греческое общество из состояния политического разброда и классовой вражды. Однако нельзя забывать о том, что в круговороте столь характерных для архаической эпохи гражданских войн и социальных катастроф постепенно зарождался новый тип государства — рабовладельческий полис. Этот процесс связан с именами многих поколений греческих законодателей, о большинстве из которых мы ничего не знаем. Согласно античной традиции особенно видное место занимают два выдающихся афинских реформатора — Солон и Клисфен и спартанский законодатель Ликург.

Солон, избранный в 594 г. до н. э. на должность первого архонта¹³ с правами законодателя, разработал и осуществил широкую программу

¹³ Архонты (букв. «начальствующие») — правящая коллегия должностных лиц, состоявшая из девяти человек. Первый архонт считался председателем коллегии. По его имени в Афинах обозначался год.

социально-экономических и политических преобразований, конечной целью которых было восстановление единства полиса, расколотого гражданскими междоусобицами на враждующие политические группировки. Наиболее важной среди реформ Солона была реформа долгового права, вошедшая в историю под образным наименованием «стряхивание бремени» (сейсахтейя). Солон объявил все долги и накопившиеся по ним проценты недействительными и запретил на будущее сделки самозаклада. Это спасло крестьянство Аттики от порабощения и тем самым сделало возможным дальнейшее развитие демократии в Афинах. Впоследствии сам законодатель с гордостью писал об этой своей заслуге перед афинским народом:

Какой же я из тех задач не выполнил,
Во имя коих я тогда сплотил народ,
О том всех лучше перед Времени судом
Сказать могла б из олимпийцев высшая —
Мать черная Земля, с которой снял тогда
Столбов поставленных я много долговых,
Рабыня прежде, ныне же свободная
(фр. 24, 1—7. Пер. С. И. Радцига).

Освободив афинский демос от тяготевшей над ним задолженности, Солон, однако, категорически отказался выполнить другое его требование: произвести передел земли, в котором остро нуждались обезземеленные крестьяне, входившие в категорию так называемых гектеморов (шестидольников). Вместе с тем Солоном были приняты некоторые меры, направленные к тому, чтобы приостановить дальнейший рост крупного землевладения и тем самым положить предел засилью знати в экономике Афин. Известен закон Солона, запрещавший приобретать землю свыше определенной нормы. Очевидно, эти меры имели успех, так как в дальнейшем на протяжении VI и V вв. Аттика оставалась по преимуществу страной среднего и мелкого землевладения, в которой даже самые богатые рабовладельческие хозяйства не превышали по площади нескольких десятков гектаров.

Не менее значимы были и политические реформы Солона, среди которых особенно важное место занимает введение имущественного ценза, ставшего главным критерием при определении прав и обязанностей афинских граждан. За основу цензовой системы были взяты годовые доходы каждого гражданина, исчислявшиеся в получаемых с его земли сельскохозяйственных продуктах — зерне, масле, вине и т. д. В соответствии с этим принципом все афинские землевладельцы (те, у кого не было собственной земли, видимо, оставались вообще вне рамок этой системы) были разделены на четыре класса: 1) класс пятисотмерников — пентакосиомедимнов (это были самые богатые люди, получавшие со своей земли не менее пятисот медимнов¹⁴ годового дохода); 2) класс всадников, или трехсотмерников, получавших ежегодно не менее трехсот медимнов дохода; 3) класс зевгитов, получавших не менее двухсот медимнов дохода; 4) класс фетов, карликовые участки которых приносили менее двухсот медимнов годового дохода. В этой шкале градаций три последних класса, вероятно, сохранили свои старые названия, существовавшие еще до Солона. Так, «всадниками», скорее всего, называли в Афинах, как, впрочем, и в некоторых других греческих государствах, особенно состоятельных и знатных людей, способных на свои средства содержать боевых или скаковых лошадей и образовавшихся в соответствии с этим привилегированный кавалерийский отряд в составе гражданского ополчения. Термин «зевгиты» мог обозначать зажиточных

¹⁴ Медимн — мера жидких и сыпучих тел, приблизительно равная 52,6 литра.

крестьян, главным богатством которых считалась упряжка (греч. «зевгос») из двух рабочих быков, с помощью которых они обрабатывали свои земельные наделы. Зевгиты были достаточно богаты, чтобы приобрести полный комплект тяжелого гоплитского вооружения, и в соответствии с этим составляли, по всей видимости, основное ядро афинского пешего войства. Наконец слово «фет» уже с древнейших, гомеровских времен обозначало в греческом языке малоземельного или совсем безземельного крестьянина, вынужденного наемиться в батраки. Не располагая необходимым прожиточным минимумом, феты всегда остро нуждались в самом необходимом и на военную службу в ополчение могли привлекаться лишь в качестве легковооруженных воинов — стрелков и пращников. За каждым из этих классов или разрядов был закреплён определенный минимум политических прав, соответствующий их имущественному достатку и выполняемым ими военным функциям. Из пентакосиомедимнов вперёд должны были избираться члены высшей правящей коллегии афинского государства — архонты. Всадники и зевгиты получили доступ к должностям низшего разряда, имея право выдвигать своих кандидатов в состав образованного Солоном так называемого «совета четырехсот», рассматривавшего предварительно все законопроекты, поступающие для окончательного утверждения в народное собрание. Наконец, феты могли участвовать лишь в деятельности афинского народного собрания, или экклесии. Заметим попутно, что народное собрание, пребывавшее до Солона в состоянии долгого зстоя и неподвижности, при нем, по-видимому, приобрело некоторое политическое значение.

Как детище компромисса, призванного в одно и то же время удовлетворить и примирить интересы полярно противоположных слоев афинского общества, какими были в то время имущие и неимущие граждане, законодательство Солона заключало в себе множество мелких и крупных противоречий. Осуждая, подобно Феогниду Мегарскому, всевластие богатства и денег, Солон тем не менее своей цензовой реформой лишил старинную афинскую знать — евпатридов, к которой, кстати, он и сам принадлежал по рождению, ее былых привилегий, допустив к кормилу правления государством разбогатевших выходцев из низов — афинских нуворишей. В то же время он попытался смягчить явно олигархический характер созданного им государственного устройства, несколько активизировав деятельность народного собрания и тесно связанного с ним суда присяжных. Главная же его заслуга перед афинской демократией заключалась в том, что он дал основной массе граждан надежную гарантию защиты от порабощения и социальной деградации.

Сам Солон писал в одной из своих элегий (фр. 5, 1—6. *Пер. С. И. Радцига*):

Да, я народу почет предоставил, какой ему нужен,—
Не сократил его прав, не дал и лишних зато.
Также подумал о тех я, кто силу имел и богатством
Славился,— чтоб никаких им не чинилось обид.
Встал я, могучим щитом своим тех и других прикрывая,
И никому побеждать не дал неправо других.

Расчеты законодателя, однако, были опрокинуты дальнейшим развитием событий в Афинах. Его законы, хотя и были приняты афинянами, очевидно, не удовлетворили ни одну из враждующих партий. Вынужденный, по его же собственным словам, «вертеться, словно волк среди стаи псов», отражая направленные на него со всех сторон упреки и нападки, Солон в конце концов счел за лучшее покинуть отечество и вернулся в Афины уже незадолго до своей смерти. Во время его отсутствия в государстве вновь начались гражданские распри и смуты и, то вспыхивая, то затухая, продолжались еще около 30 лет, пока к власти не пришел,

используя, как и многие его предшественники, очередной политический кризис, тиран Писистрат. К сказанному можно добавить, что, пользуясь известной популярностью среди малоимущего крестьянства Аттики и, возможно, обещая ему облегчение его участи в будущем, он сумел на несколько десятилетий стабилизировать политическую обстановку в Афинах. При этом наиболее активных своих противников он заставил покинуть пределы государства, других же принудил к покорности. Конституция, введенная Солоном, продолжала действовать и при Писистрате, но лишь формально. Фактически власть в государстве принадлежала одному человеку, хотя официально он не занимал никаких должностей. После смерти Писистрата, примерно между 509 и 507 гг., был сделан еще один чрезвычайно важный шаг на пути к демократизации афинского государства и укреплению его внутреннего единства. Инициатором очередной серии реформ, положившей конец политическому могуществу афинской знати, стал Клисфен, выходец из древнего и очень богатого рода Алкмеонидов, занявший, так же как в свое время Солон, должность первого архонта. Главной опорой господства аристократии в Афинах этого времени (и во многих других греческих государствах) были родовые союзы, называвшиеся, как и в гомеровские времена, «филами» и «фратриями». Уже задолго до Солона и Клисфена весь афинский народ делился на четыре филы, в каждую из которых входили по три фратрии. Во главе каждой фратрии стоял знатный род, ведавший ее культовыми делами. Рядовые члены фратрии обязаны были подчиняться религиозному и политическому авторитету знати, оказывая ей поддержку во всех ее предприятиях. Занимая господствующее положение в родовых союзах, аристократия держала под своим контролем всю массу демоса, искусно направляя ее настроения в желательное ей русло. Против этой уже отжившей организации Клисфен и направил свой главный удар. Он ввел новую, чисто территориальную систему административного деления, распределив всех граждан по десяти филам и ста более мелким единицам — демам. Филы, учрежденные Клисфеном, не имели никакого отношения к старым родовым филам. Более того, они были составлены с таким расчетом, чтобы лица, принадлежавшие к одним и тем же родам и фратриям, были впредь политически разобщены, проживая в разных территориально-административных округах. С помощью этого приема Клисфен, по выражению Аристотеля, «смешал все население Аттики» (Политика, IV, 1349b 26).

Реформы Клисфена завершают собой первый этап борьбы за демократию в Афинах. В ходе этой борьбы афинский демос добился больших успехов, политически вырос и окреп. Его воля, выраженная путем общего голосования в народном собрании (эклесии), приобретала силу обязательного для всех закона. Народ сам избирал всех должностных лиц, не исключая и самых высших — архонтов и стратегов¹⁵. Совет пятисот (буле) выполнял при народном собрании функции своеобразного президиума, занимаясь предварительным обсуждением и обработкой всех предложений и законопроектов, поступавших затем на окончательное утверждение в эклесию. Поэтому декреты народного собрания в Афинах начинались обычно с одной и той же формулы: «Постановили совет и народ». Что касается суда присяжных (гелии), то он был в Афинах высшей судебной инстанцией, в которую все граждане могли обращаться с жалобами на несправедливые решения должностных лиц. Как совет, так и суд присяжных избирались на территориальной основе — по десяти филам, учрежденным Клисфеном. Благодаря этому в их состав могли попасть наравне с представителями знати также и рядо-

¹⁵ Стратегами в Афинах назывались военачальники, командовавшие армией и флотом. Коллегия из десяти стратегов была впервые учреждена Клисфеном.

вые граждане. Этим они в корне отличались от старого аристократического совета — ареопага.

Политически активное ядро народного собрания составляли зевгигы — зажиточные крестьяне. Из них же, как было уже сказано, формировалось тяжеловооруженное гоплитское ополчение, которое становится теперь решающей силой на полях сражений.

Афинская демократия дает представление лишь об одном из путей развития греческого полиса. В течение архаического периода в Греции возникло много разнообразных типов и форм полисной организации, которые могли существенно различаться между собой в зависимости от местных условий, но при этом имели и некоторые общие черты. Один из своеобразных вариантов полисного строя сложился в Спарте — крупнейшем из дорийских государств Пелопоннеса. Полис Спарта возник в XI или X в. до н. э., после того как дорийцы, вторгшиеся в Лаконию, обосновались в средней части долины Еврота на плодородных землях древнего Лакедемона¹⁶. При этом значительная часть местного населения (в основном, по-видимому, ахейского) была порабощена спартанцами и превратилась в рабов-илотов. Некоторые из них, добровольно признавшие главенство Спарты, вошли в состав Лакедемонского государства на правах так называемых перизков (букв. «живущих вокруг»). В отличие от илотов перизки считались лично свободными и даже пользовались гражданскими правами. Однако в самой Спарте на них смотрели как на людей «второго сорта» и не допускали к участию в делах государства. Таким образом, уже в процессе завоевания Лаконии определились основные особенности общественного строя и экономики Спарты и сформировались три основных сословия спартанского общества: полноправные граждане, порабощенные илоты и свободные, но неполноправные перизки.

В этот же период были, по всей видимости, заложены и основы государственного устройства Спарты, отличавшегося стабильностью, по единодушному признанию древних. Важнейшими элементами этой политической системы являлись двойная царская власть, совет старейшин, или герусия, и народное собрание — апелла. С древнейших времен в Спарте одновременно правили две царские династии. В военное время они выполняли функции военачальников, в мирное — занимались судебными и религиозными делами. Оба царя входили в состав совета старейшин. Народное собрание, охватывавшее всех полноправных граждан Спарты, играло в этой системе государственных учреждений второстепенную роль. По существу, оно лишь утверждало решения, принятые царями и старейшинами на их совместных заседаниях.

Особое место в ранней истории Спарты занимает период так называемых Мессенских войн. Примерно с середины VIII в. до н. э. в Спарте, как и во многих других греческих государствах, стал ощущаться острый земельный голод. Главным объектом спартанской агрессии на этом ее этапе стала Мессения, богатая и обширная область в юго-западной части Пелопоннеса.

Борьба за Мессению была долгой и упорной. Первая Мессенская война (743—724 гг.) завершилась победой спартанцев, которые принудили жителей Мессении к уплате дани, составлявшей половину всего получаемого ими ежегодно урожая. Часть мессенских земель, возможно, была поделена на наделы (клеры), распределенные между спартанцами. Однако этого было недостаточно, чтобы удовлетворить всех нуждающихся в земле. В Спарте начались распри, сопровождавшиеся призывами к

¹⁶ В древности обычным наименованием всего спартанского государства было Лакедемон. Спартой назывался только полис или, точнее, группа поселков на берегу Еврота.

переделу земли. Тем временем покоренные мессенцы восстали против ненавистного им спартанского владычества. Заявлялась вторая Мессенская война (2-я половина VII в.), судя по всему, не менее длительная и ожесточенная, чем предшествующая. Мессенцы снова были разбиты. На этот раз все население Мессении, за исключением жителей нескольких приморских городков, которым был дарован статус периэкских общин, было обращено в рабство, а принадлежавшая ему земля перешла в собственность спартанского государства.

Захват плодородных мессенских земель позволил приостановить развивавшийся аграрный кризис. В конце VII или начале VI в. в Спарте был осуществлен широкий передел земли и создана стабильная система землевладения, основанная на принципе строгого соответствия между числом наделов и числом полноправных граждан. Наиболее плодородные земли в Лаконии и Мессении были поделены на 9000 приблизительно одинаковых по своей доходности наделов, которые были розданы соответствующему числу спартанцев. В дальнейшем правительство Спарты следило за тем, чтобы величина наделов оставалась все время неизменной (их нельзя было, например, дробить при передаче по наследству), а сами они не могли переходить из рук в руки посредством дарения, завешания, продажи и т. д.

Вместе с землей были поделены и прикрепленные к ней рабы-илоты из числа покоренных жителей Лаконии и Мессении. Сделано это было с таким расчетом, чтобы на каждый надел приходилось по несколько семей илотов, которые обязаны были своим трудом обеспечивать всем необходимым самого владельца надела и его семью. Каждый год илоты выплачивали своему господину натуральный оброк, состоявший из ячменного зерна или муки, вина, масла и других продуктов. Обычная норма этой повинности (по некоторым сведениям, она составляла примерно половину урожая) была определена законом, и спартиат не имел права превышать ее по своему произволу. Излишки, оставшиеся после сдачи оброка, илот мог использовать по своему усмотрению, например продать на рынке или оставить про запас. Вообще в отличие от рабов обычного или классического типа илоты пользовались некоторой хозяйственной самостоятельностью. Спартиат не имел также права убить или продать илота, поскольку рабы в Спарте считались, так же как и земля, которую они обрабатывали, собственностью государства.

После завоевания Мессении спартанский демос превратился в замкнутую корпорацию профессиональных воинов-гоплитов, осуществлявших силой оружия свое господство над многотысячной массой илотов, которые численно намного превосходили своих порабитителей, и удержать их в повиновении можно было только с помощью систематического и беспощадного террора. По свидетельству Плутарха (Ликург, XXVIII), спартанское правительство время от времени устраивало на илотов «своеобразные облавы — «криптии» (от греч. «криптос» — «тайный», «скрытый»). В них участвовали молодые спартиаты, которые, нападая на илотов из засады, старались уничтожить самых крепких и сильных.

Постоянная угроза мятежа илотов, нависшая над господствующим классом Спарты, требовала от него максимальной сплоченности и организованности. Поэтому одновременно с переделом земли или вскоре после него в Спарте была проведена серия важных социальных реформ, вошедших в историю под именем «законов Ликурга»¹⁷. Реформы эти превратили Спарту в единый военный лагерь. Полноправным гражданином в Спарте считался лишь тот, кто неуказательно выполнял все предписания законов Ликурга. В этих законах было предусмотрено все

¹⁷ О жизни и деятельности Ликурга достоверных свидетельств не сохранилось. Многие из современных историков считают его вымышленной личностью.

вплоть до мельчайших деталей, таких, как покрой одежды и форма бороды и усов, которые дозволялось носить гражданам Спарты.

Закон обязывал каждого спартиата отдавать своих сыновей, как только им исполнилось семь лет, в специальные лагеря-агелы (агела — букв. «стадо»), где в них воспитывали выносливость, хитрость, жестокость, умение приказывать и повиноваться. Взрослые спартиаты посещали совместные трапезы — сисситии, ежемесячно отдавая на их устройство определенное количество продуктов из своего хозяйства. В руках правящей верхушки спартанского государства сисситии и агелы были удобным средством контроля за поведением.

Важнейшим политическим принципом, положенным в основу «ликургова строя», был принцип равенства. В соответствии с этим все полноправные граждане Спарты официально именовались «равными», и это были не пустые слова. В Спарте была разработана и действовала в течение долгого времени система мер, направленных к тому, чтобы свести к минимуму любые возможности личного обогащения и тем самым приостановить рост имущественного неравенства среди спартиатов. С этой целью была изъята из обращения золотая и серебряная монета. Согласно преданию, Ликург заменил ее тяжелыми и неудобными железными оболами, уже давно вышедшими из употребления за пределами Лаконии. Торговля и ремесло считались в Спарте занятиями, позорящими гражданина. Ими могли заниматься только перизки, да и то лишь в ограниченных масштабах. Поскольку в Спарте находились под запретом различные виды сделок по продаже земли, основные пути к накоплению богатства были закрыты перед гражданами этого необычного государства. Все спартиаты независимо от их происхождения и общественного положения носили одинаково простую одежду, ели одинаковую пищу за общим столом в сисситиях, пользовались одинаковой домашней утварью. Ни один спартиат не мог похвастать перед друзьями и соседями драгоценной посудой, красивой мебелью, коврами, картинами, статуями и т. п. вещами. Местные ремесленники из числа перизков изготовляли лишь самую простую и необходимую утварь, орудия труда и оружие для снаряжения спартанской армии. Ввоз же в Спарту чужеземных изделий был категорически запрещен законом. Главными блюстителями порядков, установленных «законами Ликурга», были сделаны так называемые эфоры, что буквально и означает «блюстители» или «надзиратели». Они составляли особую коллегию из пяти человек, которых ежегодно переизбирали на народном собрании. В руках эфоров сосредоточивалась огромная власть (древние даже приравнивали ее к власти тиранов), что давало им преимущество перед всеми другими должностными лицами, не исключая и царей. Известны случаи, когда эфоры, не спрашивая ни у кого согласия, отстраняли от власти неудобных им царей или отправляли их в изгнание.

Все эти преобразования, несомненно, способствовали консолидации гражданского коллектива Спарты. Знаменитая спартанская фаланга долгое время не знала себе равных на полях сражений. Спарта уже в середине VI в. до н. э. подчинила своей гегемонии такие крупные полисы, как Коринф, Сикион, Мегары. В результате сложился так называемый Пелопоннесский союз, ставший самым значительным политическим объединением в тогдашней Греции. В дальнейшем спартиаты пытались распространить свое влияние также и на другие греческие государства, в том числе на Афины.

Великодержавные претензии Спарты опирались лишь на ее из ряда вон выходящее военное могущество. В экономическом и культурном отношении она сильно отставала от других греческих государств. Установление «ликургова строя» резко затормозило развитие спартанской экономики, вернув ее вспять, почти на стадию натурального хозяйства го-

меровской эпохи. Постепенно захирела, а затем и совсем исчезла яркая и своеобразная культура архаической Спарты¹⁸. После Тиртея, воспевшего подвиги, совершенные спартанскими воинами во время Мессенских войн, Спарта не дала человечеству ни одного значительного поэта, ни одного философа, оратора, ученого. Полный застой в социально-экономической и политической жизни и крайнее духовное оскудение — такой ценой расплачивались спартанцы за господство над илотами.

Итак, мы познакомились с двумя различными и во многом противоположными по своему характеру формами раннегреческого полиса. Первая из них, сложившаяся в Афинах в результате реформ Солона и Клисфена, оказалась более гибкой, более способной к развитию и, следовательно, исторически более перспективной в сравнении со второй — спартанской формой полиса. Именно Афинам суждено было стать в дальнейшем главным оплотом греческой демократии и вместе с тем крупнейшим культурным центром Греции, «школой Эллады», как скажет позднее Фукидид (II, 41, 1). В то же время в Спарте ее казарменной дисциплиной, основанной на слепом повиновении властям, не смогли раскрыться по-настоящему и в конце концов постепенно заглохли даже те начатки демократии, которые были заложены в самих «законах Ликурга».

Говоря о существенных различиях в общественном и государственном устройстве Афин и Спарты, мы не должны упускать из виду то общее между ними, что позволяет считать их двумя разновидностями одного и того же типа государства, а именно полиса.

Для своего времени полис может считаться наиболее совершенной формой политической организации господствующего класса. Его главное преимущество перед другими формами и типами рабовладельческого государства, например перед восточной деспотией, заключалось в сравнительной широте и устойчивости его социальной базы. Полисная община объединяла в своем составе как крупных, так и мелких собственников, богатых земле- и рабовладельцев и просто свободных крестьян и ремесленников, гарантируя каждому из них неприкосновенность личности и имущества и вместе с тем определенный минимум политических прав, в котором греки видели основной признак, отличающий гражданина от негражданина. В основе своей это был военно-политический союз свободных собственников, направленный против всех порабощенных и эксплуатируемых. В своем понимании природы античного, и в частности греческого, полиса советские историки исходят из известного определения античной формы собственности в «Немецкой идеологии» К. Маркса: «Граждане государства лишь сообща владеют своими рабочими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно выросшую форму ассоциации»¹⁹. Создание полисного строя было одним из самых значительных достижений греческого народа за всю архаическую эпоху.

5. КУЛЬТУРА АРХАИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Одним из наиболее важных факторов греческой культуры VIII—VI вв. по праву считается новая система письменности. Алфавитное письмо, отчасти заимствованное у финикийцев, было удобнее древнего слогового

¹⁸ Археологические раскопки на территории Спарты показали, что в VII — первой половине VI в. здесь находился один из самых значительных центров художественного ремесла во всей Греции. Изделия лаконских ремесленников этого времени могут соперничать с лучшими изделиями афинских, коринфских и эвбейских мастеров.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 21.

письма микенской эпохи: оно состояло всего из 24 знаков, каждый из которых имел твердо установленное фонетическое значение. Если в микенском обществе, как и в других одноплеменных обществах эпохи бронзы, искусство письма было доступно лишь немногим посвященным, входившим в замкнутую касту писцов-профессионалов, то теперь оно становится общим достоянием всех граждан полиса, поскольку каждый из них мог овладеть навыками письма и чтения. В отличие от слогового письма, которое использовалось главным образом для ведения счетных записей и, возможно, в какой-то степени для составления религиозных текстов, новая система письменности представляла собой поистине универсальное средство передачи информации, которое с одинаковым успехом могло применяться и в деловой переписке, и для записи лирических стихов или философских афоризмов. Все это обусловило быстрый рост грамотности среди населения греческих полисов, о чем свидетельствуют многочисленные надписи на камне, металле, керамике, число которых все более увеличивается по мере приближения к концу архаического периода. Древнейшие из них, например широко известная теперь эпиграмма на так называемом кубке Нестора с о. Питекусса, датируются третьей четвертью VIII в., что позволяет отнести заимствование греками знаков финикийского алфавита либо к первой половине того же VIII в., либо даже к концу предшествующего IX столетия.

Практически в это же самое время (вторая половина VIII в.) были созданы и, скорее всего, тогда же записаны такие выдающиеся образцы монументального героического эпоса, как «Илиада» и «Одиссея», с которых начинается история греческой литературы.

Не вдаваясь в специальное рассмотрение весьма длительной и сложной истории так называемого гомеровского вопроса, т. е. вопроса о происхождении и авторстве обеих поэм, заметим только, что взгляды так называемых унитариев, отстаивающих концепцию художественного единства как «Илиады», так и «Одиссеи», представляются нам более убедительно обоснованными, чем взгляды их противников — «разделителей». Ни одна из этих двух поэм не могла возникнуть путем чисто механического соединения первоначально совершенно не связанных между собой сюжетных линий и эпизодов (тезис, на котором продолжают настаивать большинство «разделителей»), что не исключает, однако, известной внутренней противоречивости гомеровского повествования, протекающей отчасти из разнородности использованного поэтом фольклорного материала, отчасти же из последующих изменений текста или так называемых интерполяций.

Греческая поэзия послегомеровского времени (VII—VI вв.) отличается чрезвычайным тематическим богатством и многообразием форм и жанров. Из более поздних форм эпоса известны два основных его варианта: эпос героический, представленный так называемыми поэмами «Цикла», и эпос дидактический, представленный двумя поэмами Гесиода: «Труды и дни» и «Теогония».

В своем большинстве поэмы «Цикла» были сюжетно связаны с «Илиадой», изображая различные эпизоды Троянской войны, а также предшествующие и следующие за ней события. Создание этих поэм приписывалось различным поэтам, жившим в течение VII — первой половины VI в. Получает широкое распространение и вскоре становится ведущим литературным направлением эпохи лирическая поэзия, в свою очередь подразделяющаяся на несколько основных жанров: элегию, ямб, монодическую, т. е. предназначенную для сольного исполнения, и хорошую лирику, или мелику.

Важнейшей отличительной особенностью греческой поэзии архаического периода во всех основных ее видах и жанрах следует признать ее ярко выраженную гуманистическую окрашенность. Пристальное внима-

ние поэта к конкретной человеческой личности, к ее внутреннему миру, индивидуальным психическим особенностям достаточно ясно ощущается уже в гомеровских поэмах. «Гомер открыл новый мир — самого Человека. Это и есть то, что делает его «Илиаду» и «Одиссею» *ktema eis aei*, произведением навеки, вечной ценностью»²⁰. Для греческой поэзии послегомеровского времени характерен резкий перенос центра тяжести поэтического повествования на личность самого поэта. Эта тенденция ясно ощущается уже в творчестве Гесиода, особенно в его поэме «Труды и дни», на которую нам не раз приходилось ссылаться прежде как на ценнейший исторический источник, освещающий жизнь греческого крестьянства на рубеже VIII—VII вв. Показательно, что в отличие от Гомера Гесиод уже не прячется за столь обычной в устном народном творчестве маской сказителя-анонима, устами которого вещает муза или какое-нибудь иное божество. В «Трудах и днях» он доверительно рассказывает читателю о выпавшей на его долю нелегкой судьбе, о тягбе, которую ему пришлось вести со своим беспутным братом Персом из-за раздела отцовского наследства. Все это дает основание считать беотийского поэта первой реальной личностью в истории греческой литературы. Столь характерное для поэмы Гесиода обилие биографических подробностей, а также отличающий ее особый эмоциональный настрой оправдывают ее сближение с более поздними образцами лирической поэзии, хотя и по форме, и по содержанию она все же больше тяготеет к жанру дидактического эпоса.

Необычайно сложный, богатый и красочный мир человеческих чувств, мыслей и переживаний раскрывается перед нами в произведениях следующего за Гесиодом поколения греческих поэтов, работавших в различных жанрах лирики. Чувства любви и ненависти, печали и радости, глубокого отчаяния и бодрой уверенности в будущем, выраженные с предельной, неслыханной до того времени откровенностью и прямоотой, составляют основное содержание дошедших до нас от этих поэтов стихотворных фрагментов, к сожалению не столь уж многочисленных и в большинстве своем очень кратких (нередко всего в две-три строки). Однако даже и по этим случайно уцелевшим клочкам и обрывкам можно составить довольно ясное представление об индивидуальных характерах по крайней мере наиболее выдающихся лириков этой эпохи, таких, например, как прирожденный авантюрист, солдат и бродяга Архилох с о. Пароса (середина VII в. до н. э.); надменный аристократ, зачинщик и активный участник гражданских распри Алкей и его соотечественница — поэтесса тончайшего лирического дарования Сафо (оба — уроженцы о. Лесбоса, жившие на рубеже VII—VI вв.); мрачный человеконенавистник, не лишенный, однако, известного обаяния, Феогнид Мегарский (вторая половина VI в.); беспечный певец любви, вина и иных радостей жизни Анакреонт из Теоса (примерно то же самое время).

В наиболее откровенной, можно сказать, нарочито подчеркнутой форме индивидуалистические веяния эпохи воплотились в творчестве такого замечательного поэта-лирика, как Архилох. Его знаменитое, вызвавшее многочисленные подражания четверостишие о брошенном щите звучит как прямой вызов традиционному, восходящим еще к Гомеру представления о воинской доблести:

Носит теперь горделиво саниц мой щит безупречный:
Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.
Сам я кончины зато избежал. И пускай пропадает
Щит мой. Не хуже ничуть новый могу я добыть

(фр. 6. *Мер. В. В. Вересаева*).

²⁰ Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. М., 1972, с. 81.

Как бы ни понимать эти стихи, ясно одно: индивид, сбросивший тесные узы древней родовой морали, здесь явно противопоставляет себя коллективу как самодовлеющая свободная личность, не подвластная ничьим мнениям и никаким законам.

Настроения такого рода должны были восприниматься как социально опасные и вызывать активный протест как в среде ревнителей старых аристократических порядков, так и среди поборников новой полисной идеологии, призывавших сограждан к умеренности, благоразумию, действенной любви к отечеству и повиновению законам. Прямым ответом на цитированные стихи Архилоха звучат исполненные суровой решимости строки из «воинственных элегий» спартанского поэта Тиртея (вторая половина VII в.):

Славное дело — в передних рядах со врагами сражаясь,
Храброму мужу в бою смерть за отчизну принять.

Гордостью будет служить и для города и для народа
Тот, кто, шагнув широко, в первый продвигнется ряд,
И преисполнен упорства, забудет о бегстве позорном,
Жизни своей не щадя и многомогущей души

(фр. 9. Пер. В. В. Латышева).

Если Тиртей делает в своих стихах главный упор на чувство самопожертвования, готовность воина и гражданина умереть за отечество (призыв, звучавший весьма актуально в таком государстве, как Спарта, которая в VII—VI вв. вела почти непрерывные войны со своими соседями), то другой выдающийся мастер элегического жанра и вместе с тем прославленный государственный деятель — Солон ставит на первое место среди всех гражданских доблестей чувство меры, или умение во всем соблюдать «золотую середину». В его понимании только умеренность и благоразумие способны удержать граждан от алчности и пресыщения богатством, предотвратить порождаемые ими междоусобные распри и установить в государстве «благозаконие» (евномия). Так, в одной из своих элегий Солон восклицает, обращаясь к афинскому знати:

Вы же в груди у себя успокойте могучее сердце:
Много досталось вам благ, ими пресытились вы.
Знайте же меру надменному духу: не то перестанем
Мы покоряться, и вам будет не по сердцу то

(фр. 4. Пер. С. И. Радцига).

В то время как одни греческие поэты стремились постичь в своих стихах сложный внутренний мир человека и найти оптимальный вариант его взаимоотношений с гражданским коллективом полиса, другие не менее настойчиво пытались проникнуть в устройство окружающей человека вселенной и решить загадку ее происхождения. Одним из таких поэтов-мыслителей был известный нам Гесиод, который в своей поэме «Теогония», или «Происхождение богов», попробовал представить существующий миропорядок в его, так сказать, историческом развитии от мрачного и безликого первородного Хаоса к светлому и гармоничному миру возглавляемых Зевсом богов-олимпийцев.

В эпоху Великой колонизации традиционная греческая религия не отвечала духовным запросам современников еще и потому, что в ней трудно было найти ответ на вопрос о том, что ждет человека в его будущей жизни и существует ли она вообще. На свой лад этот мучительный вопрос пытались решить представители двух тесно связанных между собой религиозно-философских учений — орфиков и пифагорейцев. Как те, так и другие оценивали земную жизнь человека как сплошную цепь страданий, ниспосланных людям богами за их грехи. Вместе с тем

и орфики, и пифагорейцы верили в бессмертие души, которая, пройдя длинный ряд перевоплощений, вселяясь в тела других людей и даже животных, способна очиститься от всей земной скверны и достичь вечного блаженства. Мысль о том, что тело есть всего лишь временная «темница» или даже «могила» бессмертной души, оказавшая огромное влияние на многих более поздних приверженцев философского идеализма и мистицизма, начиная с Платона и кончая основоположниками христианского вероучения, впервые возникла именно в лоне орфико-пифагорейской доктрины. В отличие от орфиков, более близких к широкому народным массам и положивших в основу своего учения лишь несколько переосмысленный и обновленный миф о умирающем и воскресающем божестве живой природы Дионисе-Загрее, пифагорейцы представляли собой замкнутую аристократическую секту, враждебную демократии. Их мистическое учение носило гораздо более рафинированный характер, претендуя на возвышенную интеллектуальность. Не случайно, и сам Пифагор (автор знаменитой теоремы, которая до сих пор носит его имя), и его ближайшие ученики и последователи были увлечены математическими вычислениями, отдавая при этом щедрую дань мистическому истолкованию чисел и их сочетаний.

И орфики, и пифагорейцы пытались исправить и очистить традиционные верования греков, заменив их более утонченной, духовно наполненной формой религии. Совсем иной взгляд на мир, во многом уже приближающийся к стихийному материализму, в это же самое время (VI в. до н. э.) развивали и отстаивали представители так называемой ионийской натурфилософии: Фалес, Анаксимандр и Анаксимен. Все трое были уроженцами Милета — самого большого и экономически развитого из греческих полисов Малой Азии. Впервые в истории человечества милетские мыслители попытались представить всю окружающую их вселенную в виде гармонически устроенной, саморазвивающейся и саморегулирующейся системы. Этот космос, как склонны были считать ионийские философы, не создан никем из богов и никем из людей и в принципе должен существовать вечно. Управляющие им законы вполне доступны человеческому пониманию. В них нет ничего мистического, непостижимого. Таким образом, был сделан решающий шаг на пути от религиозно-мифологического восприятия существующего миропорядка к его постижению средствами человеческого разума. Первые философы неизбежно должны были столкнуться с вопросом о том, что следует считать первоосновой, первопричиной всех существующих вещей. Фалес (самый старший из милетских натурфилософов) и Анаксимен полагали, что первичной субстанцией, из которой все возникает и в которую в конце концов все превращается, должна быть одна из четырех основных стихий. Фалес при этом отдавал предпочтение воде, а Анаксимен — воздуху. Однако дальше всех прочих по пути абстрактно-теоретического осмысления природных явлений продвинулся Анаксимандр, безусловно самый глубокий из древнейших греческих философов. Первопричиной и основой всего сущего он объявил так называемый «апейрон» — вечную и бесконечную субстанцию, качественно не сводимую ни к одной из четырех стихий и вместе с тем пребывающую в непрерывном движении, в процессе которого из апейрона выделяются противоположные начала: теплое и холодное, сухое и влажное и т. п. Вступая во взаимодействие, эти пары противоположностей порождают все доступные наблюдению явления природы, как живой, так и мертвой. Нарисованная Анаксимандром картина мира была совершенно новой и необычной для той эпохи, когда она возникла. Она заключала в себе ряд ярко выраженных элементов материалистического и диалектического характера, в том числе представление о всеобъемлющей, постоянно меняющей свою форму первичной субстанции, довольно близкое современным представлениям о материи, мысль о

борьбе противоположностей и их переходе друг в друга как главном источнике всего многообразия мировых процессов.

Греческие натурфилософы хорошо понимали, что наиболее надежной основой всякого знания служит именно опыт, эмпирические изыскания и наблюдения. По существу, они были не только первыми философами, но и первыми учеными, основоположниками греческой и всей европейской науки. Старшего из них, Фалеса, уже древние называли «первым математиком», «первым астрономом», «первым физиком». Действительно, используя сделанные ранее открытия вавилонских астрономов, Фалес предсказал солнечное затмение 585 г. до н. э., он же впервые доказал несколько основополагающих геометрических теорем, без которых дальнейшее развитие этого раздела математики было бы невозможно, ввел в употребление циркуль и угольник. Анаксимандру приписывалось в древности составление первой географической карты, изображавшей всю известную ему поверхность земли, которую он представлял себе в виде цилиндра, свободно висящего в воздухе, а также создание «небесной сферы», демонстрировавшей движение светил по небосводу и их расположение относительно земли и друг друга.

В VII—VI вв. греческие зодчие впервые после длительного перерыва начали возводить из камня, известняка или мрамора монументальные здания храмов. В VI в. выработался единый общегреческий тип храма в форме прямоугольной, вытянутой в длину постройки, со всех сторон обнесенной колоннадой, иногда одинарной (перитер), иногда двойной (диптер). Тогда же определились основные конструктивные и художественные особенности двух главных архитектурных ордоров: дорического, особенно широко распространившегося на Пелопоннесе и в городах Великой Греции (Южная Италия и Сицилия), и ионического, пользовавшегося особой популярностью в греческой части Малой Азии и в некоторых районах европейской Греции. Типичными образцами дорического ордера с такими характерными для него особенностями, как суровая мощь и тяжеловесная массивность, могут считаться храм Аполлона в Коринфе, храмы Посейдонии (Пестум) на юге Италии и храмы Селинунта в Сицилии. Более изящные, стройные и вместе с тем отличающиеся некоторой вычурностью декоративного убранства постройки ионического ордера были представлены в этот же период храмами Геры на о. Самосе, Артемиды в Эфесе (прославленный памятник архитектуры, считавшийся одним из «семи чудес света»), Аполлона в Дидиме недалеко от Милета.

Принцип гармонической уравновешенности целого и его частей, четко выраженный в самой конструкции греческого храма, нашел широкое применение и в другой ведущей отрасли греческого искусства — монументальной скульптуре, причем в обоих случаях можно с уверенностью говорить о социальной обусловленности этой важной эстетической идеи. Если храм с его колоннадой, напоминающей ряды гоплитов в фаланге, воспринимался как модель и вместе с тем символ тесно сплоченного гражданского коллектива, то образ свободного индивида, являющегося неотъемлемой частью этого коллектива, воплотился в каменных изваяниях, как одиночных, так и объединенных в пластические группы. Их первые, еще крайне несовершенные в художественном отношении образцы появляются приблизительно в середине VII в. до н. э. Одиночная скульптура конца архаического периода представлена двумя основными типами: изображением обнаженного юноши — кюроса и фигурой одетой в длинный, плотно облегающий тело хитон девушки — коры.

Постепенно совершенствуясь в передаче пропорций человеческого тела, добываясь все большего жизненного сходства, греческие скульпторы VI в. научились преодолевать первоначально свойственную их статуям статичность.

При всем жизненподобию лучших образцов греческой архаической скульптуры почти все они подчинены определенному эстетическому стандарту, изображая прекрасного, идеально сложенного юношу или взрослого мужчину, совершенно лишенного при этом каких бы то ни было индивидуальных физических или психических особенностей.

Наиболее массовым и наиболее доступным видом архаического греческого искусства была, безусловно, вазовая живопись. В своей работе, ориентированной на самого широкого потребителя, мастера-вазописцы гораздо меньше, чем скульпторы или архитекторы, зависели от освященных религией или государством канонов. Поэтому их искусство было гораздо более динамичным, многообразным и быстрее откликалось на всевозможные художественные открытия и эксперименты. Вероятно, именно этим объясняется необыкновенное тематическое разнообразие, характерное для греческой вазописи VII—VI вв. Именно в вазовой живописи раньше, чем в какой-либо другой отрасли греческого искусства, за исключением, может быть, только коропластики и резьбы по кости, мифологические сцены начали чередоваться с эпизодами жанрового характера. При этом не ограничиваясь сюжетами, заимствованными из жизни аристократической элиты (сцены пиршеств, ристалищ на колесницах, атлетических упражнений и состязаний и т. п.), греческие вазописцы (особенно в период расцвета так называемого чернофигурного стиля в Коринфе, Аттике и некоторых других районах) не пренебрегают и жизнью социальных низов, изображая сцены полевых работ, ремесленные мастерские, народные празднества в честь Диониса и даже нелегкий труд рабов в рудниках. В сценах такого рода особенно ярко проявились гуманистические и демократические черты греческого искусства, которые были привиты ему окружающей общественной средой начиная с архаической эпохи.

Глава 6

ГРЕЦИЯ В V В. ДО Н. Э.

1. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Основные события внешнеполитической истории V в. до н. э. — греко-персидские и Пелопоннесская войны.

Греко-персидские войны явились результатом противоречий между державой Ахеменидов и миром греческих полисов. К концу VI в. до н. э. на Востоке завершилось сложение мощного Персидского государства (во главе с царями из рода Ахеменидов), в состав которого вошли и греческие города, расположенные на западном побережье Малой Азии (в Ионии) и прилегающих островах. Продолжая завоевательную политику своих предшественников, стремившихся к приобретению новых земель (преимущественно на востоке и юге), царь Дарий обратил свои взоры на запад.

Греки последующих веков воспринимали греко-персидские войны прежде всего как противостояние свободы и деспотизма, цивилизации и варварства, Европы и Азии. В значительной мере такой взгляд восприняла и новая историография, особо подчеркивая единодушие греков, их патриотизм, осознание общеэллинского единства, необходимости отстаивать свой путь исторического развития. Однако действительность была несколько иной. Уже с VIII в. до н. э. греки отделяли себя от варваров как люди, говорящие на одном языке и поклоняющиеся общим богам;

только греки допускались к участию в Олимпийских играх. Но в их отношении к варварам не было ни чувства превосходства, ни ненависти. Соотношение между греко-персидскими войнами и дихотомией грек — варвар скорее обратное. Греко-персидские войны дали решающий толчок к тому, чтобы простая констатация отличия человека, говорящего по-гречески, превратилась в чувство превосходства, нашедшее свое крайнее выражение позднее в идее Аристотеля о том, что варвары самой природой предназначены быть рабами греков. Греко-персидские войны способствовали оформлению идеи общеэллинской солидарности, чувства принадлежности к одному народу, единому по своему образу жизни и культуре.

Не только рядовые граждане греческих государств, но и их руководители первоначально не осознавали того, что персидское нашествие угрожает самим основам их политического бытия. Греки того времени обладали, в общем, еще весьма узким политическим горизонтом, и внешняя политика родного полиса воспринималась прежде всего сквозь призму постоянных столкновений с соседями. Поэтому и появление в Греции персов осознавалось не как угроза всему эллинскому миру, а скорее как один из факторов в той политической борьбе, которую вели в это время многочисленные мелкие города-государства. Некоторые полисы рассматривали союз с Персией как благоприятную возможность одолеть старинного врага-соседа. Более того, и внутриполитические группировки в ряде полисов видели в персах средство для сокрушения своих противников, так что не только персы использовали внутренние противоречия в городах, но и сами греки призывали их. Как писал современник войн мегарский поэт Феогнид в своих элегиях (ст. 780—782):

Страх мою душу берет, как погляжу я кругом
На безрассудство и распри, и войны гражданские греков.
Милостив будь, Аполлон, город от бед защити

(Пер. В. Вересаева).

Как в области социопсихологической, так и политической зависимость оказывается обратной той, которую нам предлагает античная традиция: единство (хотя и относительное) греков рождалось в годы борьбы с персидским нашествием и наиболее полным стало только после их решающих побед. Хотя в дальнейшем оно вновь распалось (но уже главным образом в результате афино-спартанского соперничества), в коллективной памяти греческого народа этот момент был запечатлен, и в общественно-политической мысли последующих времен к греко-персидским войнам не раз обращались как к самому яркому примеру того, каких великих и славных побед могут достичь греки, если противостоят врагу сообща.

Прологом греко-персидских войн послужило восстание подвластных Персии греческих городов Ионии против власти Ахеменидов в 500 г. Первоначально восставшие достигли определенных успехов и восстание распространилось на Карию и Кипр, но со временем военное превосходство персов стало подавляющим и восстание было подавлено. Следует отметить два, хотя и разных по своему значению, последствия ионийского восстания. Во-первых, только Афины и Эретрия Эвбейская оказали ионийским полисам помощь, хотя и незначительную, дав тем самым персам предлог для похода в Грецию. Во-вторых, персы жестоко расправились с восставшими: захватывая один за другим греческие города, они безжалостно разрушали их и истребляли население. Разрушения были настолько велики, что полисы до начала эллинистической эпохи, т. е. в течение двух столетий, не смогли оправиться.

Сопротивление греков Малой Азии было сломлено к 493 г., а уже в следующем году персы под командованием Мардония (несмотря на тяжелые потери флота из-за шторма у мыса Афон) смогли восстановить свои

пошатнувшиеся во время ионийского восстания позиции на севере Балканского полуострова, во Фракии и Македонии. Успехи персов не вызвали какой-либо серьезной реакции в Греции. В 490 г. персы двинулись на Грецию, покорили ряд островов Эгейского моря и, захватив Эвбею (отчасти благодаря помощи проперсидских элементов), получили удобный плацдарм для действий против Аттики. Персидская армия в конце августа 490 г. высадилась на ее северном побережье, у местечка Марафон, а в сентябре здесь произошло сражение между ополчением афинских граждан (8—9 тыс., им помогал лишь небольшой отряд из соседнего беотийского городка Платеи) и персидской армией, которая была разбита и в панике погрузилась на корабли. Однако поражение не заставило персов отказаться от своих намерений. Рассчитывая заставить Афины врасплох, к тому же надеясь на помощь своих сторонников, персы двинулись вдоль берегов Аттики и обогнули ее с юга, но афиняне предусмотрели этот маневр и форсированным маршем прошли от Марафона на юг, так что, когда персы оказались в гавани Фалер, их уже ожидало афинское войско. Персидские полководцы не решились осуществить высадку, и флот ушел. Своей победой при Марафоне, помимо собственной храбрости, афиняне в значительной мере обязаны стратегу Мильтиаду. Когда в афинском народном собрании шли споры о том, как следует действовать перед лицом врага, Мильтиаду удалось убедить граждан принять его план. Он был сторонником быстрых действий, по его инициативе афиняне без промедления двинулись к Марафону, а после победы — к Афинам. На поле боя Мильтиад настоял на смелом решении — первыми атаковать врага, а в ходе сражения проявил незаурядный талант полководца. В Марафонском сражении впервые блестяще проявились преимущества военного дела греков, их вооружения и тактики: сомкнутый строй тяжеловооруженных пехотинцев-гоплитов буквально смял противника. Это была первая победа защищавшего свою родину, свои (совсем недавно завоеванные) свободы афинского демоса над войском сильнейшей державы того времени; она произвела огромное впечатление на современников. В общем, для греков победа при Марафоне имела большее значение, не только военно-политическое, но и моральное, чем для персов — поражение. Афиняне воздвигли памятник во славу павших и отравили дары из полученной добычи в общегреческие святилища — Дельфы и Олимпию. Гордые одержанной победой, они продолжили свою традиционную политику в отношении Эвбеи, начав против нее военные действия.

Следующий этап греко-персидских войн приходится на 480—479 гг. Ему предшествовали обширные приготовления, которые уже в 489 г. начал царь Дарий. Серьезное восстание в Египте и другие внутриполитические осложнения прервали подготовку к походу, но в 483 г. новый царь Ксеркс смог возобновить приготовления, которые велись с большим размахом. Строится мост через Геллеспонт, прорывается канал на Халкидике, чтобы избежать опасного плаванья мимо мыса Афон. Вдоль всего побережья Фракии и Македонии создаются провиантские склады. Ведется дипломатическая подготовка. Когда весной 480 г. Ксеркс двинул свою армию в Европу, под его командой находились огромные военные силы, сухопутные и морские. Эта армия являла пеструю картину смешения различных подвластных Персии народов со своими вооружением, одеждой, языками, нравами.

Прошедшие со дня Марафона годы в Афинах были заполнены бурной политической борьбой, в ходе которой все чаще стали прибегать к остракизму. Именно в это время на политической арене появился один из самых ярких деятелей, которому столь многим обязаны Афины, — Фемистокл. Он выдвинул программу развития морской мощи Афин, средства для осуществления которой должны были дать серебряные рудники

Лавриона. Однако вопреки широко распространенному мнению Фемистокл думал не о Персии, а об Эгине, с которой уже несколько лет шла война. Ему удалось убедить граждан в целесообразности своего плана; строительство флота началось и шло такими быстрыми темпами, что к 480 г. Афины имели более 150 военных кораблей (триер). Это был самый мощный тогда военный флот.

Угроза нового персидского нашествия не сплотила всех греков, но некоторого объединения сил достичь удалось. Собравшиеся в 480 г. в Коринфе представители ряда городов приняли решение прекратить войны между полисами. Среди многих трудностей, вставших перед союзниками, особенно сложным оказался вопрос о выборе государства — руководителя (гегемона) объединенными вооруженными силами, ибо здесь сталкивались два, в общем, несовместимых принципа: стремление к политической свободе и необходимость объединения. Согласно политической теории (да и практике) того времени участие в любом союзе означало утрату части свободы — одной из основополагающих характеристик полиса как независимой и самоуправляющейся (автономной) общины. Гегемоном стала Спарта, избранная голосами полисов Пелопоннеса — членов Пелопоннесского союза, находившегося под эгидой Спарты. Афины, которые в силу своего географического положения подвергались более непосредственной угрозе со стороны персов, вынуждены были согласиться на главенство Спарты. К союзникам не присоединились многие полисы: Аргос — из-за вражды со Спартой, Беотия — из-за вражды с Афинами, фессалийцы — из-за антиперсидской позиции фокидян и др.

Выступление персов в 480 г. поставило перед полисами новые проблемы, опыта решения которых у них не было, и прежде всего вопрос — где встретить неприятеля. Весь военный опыт греков приходил в противоречие с новой ситуацией. Прежние войны развертывались на небольшом удалении от родного города, врага встречали у границ государства; теперь же предстояло действовать союзной армией. Стремление как-то примирить традиционные методы войны и приоритет собственных интересов, с одной стороны, и задачи общеэллинской борьбы — с другой, характеризует стратегию греков в эти годы. Первая встреча противников произошла у Фермопил (на границе Северной и Центральной Греции), в узком горном ущелье, где оказалась только небольшая часть союзной армии. Из-за предательства одного из греков персы смогли, перейдя горы, зайти в тыл эллинам. Основной удар принял на себя отряд из трехсот спартанцев во главе с царем Леонидом, которые все погибли, списав себе бессмертную славу. На месте их гибели был поставлен памятник в виде льва с эпитафией, написанной известным поэтом Симонидом:

Странник! Ступай и поведай ты гражданам Лакедемона,
Что их заветам верны, здесь мы костями легли

(Пер. В. С. Соколова).

Героическое сопротивление греков у Фермопил имело не только моральное, но и стратегическое значение. В те же дни, когда греки мужественно сопротивлялись у Фермопил, произошло морское сражение, не принесшее успеха ни одной из сторон. Но греческий флот должен был отступить, когда стало известно о переходе персов через горы. Как показали современные исследования, если бы Леонид увел свой отряд, флот бы погиб. К югу от Фермопил пролив становится так узок, что корабли могли идти только гуськом, один за другим, в непосредственной близости от берега. В такой ситуации, имея к тому же в тылу прекрасную персидскую эскадру, греки неизбежно потеряли бы свой флот.

Успехи персов у Фермопил открыли им путь в Центральную Грецию, Беотия подчинилась им. Армия греков находилась у Истма — перешейка,

отделяющего Центральную Грецию от Пелопоннеса, где велись работы по его укреплению. В этой критической для Афин ситуации граждане пошли на крайние меры, приняв план Фемистокла: все боеспособные мужчины сели на корабли, отправив жен, детей и стариков на о. Саламин и в соседнюю Трезену. Захватив город, персы предали его разорению, сжигая дома и разрушая храмы (некоторые памятники увезли в Персию). Фемистокл, веря в афинский флот, настаивал на морском сражении, которое и произошло у Саламина. Персидский флот потерпел сокрушительное поражение. Красочное описание Саламинского боя дал в трагедии «Персы» (ст. 412—428) Эсхил, который сам принял в нем участие:

Сперва стояло твердо войско персов;
 Когда же скучились суда в проливе,
 Дать помощи друг другу не могли
 И медными носами поражали
 Своих же — все тогда они погибли,
 А эллины искусно поражали
 Кругом их... И тонули корабли,
 И под обломками судов разбитых,
 Под кровью мертвых — скрылась гладь морская.
 Покрылись трупами убитых скалы
 И берега, и варварское войско
 В нестройном бегстве все отплыть спешило.
 И как тунцов или другую рыбу
 Их эллины остатками снастей,
 Обломками от весел били; стон
 С рыданиями стоял над гладью моря,
 Пока всего не кончил мрак ночной

(Пер. В. Аннелърога).

Поражение при Саламине наметило перелом в войне. Царь Ксеркс вернулся в Персию; Мардоний, оставшийся командующим, отвел персидскую армию на зимовку в Фессалию. Зимой шли переговоры между союзниками относительно планов летней кампании. Афины, земли которых персы вновь опустошили в следующем, 479 г., настаивали на активных военных действиях. Спарта, безопасность которой обеспечивала постройку стен, пергородивших Истм, медлила, и лишь угроза Афин заключить мир с персами (Мардоний предлагал его на самых выгодных для Афин условиях) заставила ее изменить свою позицию. Решительная битва произошла в Беотии (на границе с Атикой) у Платей, где персидская армия была наголову разбита объединенными силами греков, причем основную роль в сражении сыграли спартанцы. Согласно преданию, в тот же самый день в морском бою у мыса Микале (Малая Азия) греки разбили и персидский флот; здесь, очевидно, исход сражения определил переход на сторону союзников малоазийских греков. Победа греков была полной, и очень скоро ни одного вражеского воина не осталось в материковой Греции. Военные действия переносятся на территорию Малой Азии, и война меняет свой характер. Начинается новый период греко-персидских войн.

Итак, несмотря на сложность ситуации, отсутствие единства среди греков, нейтралитет или прямую враждебность ряда городов, постоянную подозрительность и недоверие во взаимоотношениях союзников, внутриполитическую борьбу в полисах, необходимость преодолевать традиции как в политике, так и в военном деле, союз полисов смог одержать победу над Персией. На первый взгляд решающую роль сыграло чисто военное обстоятельство — превосходство строя фаланги и гонлитского вооружения. Однако сводить эту победу к чисто военному фактору было бы

неправильно. Сама фаланга гоплитов — производное от природы полиса. Не случайно некоторые современные исследователи в связи с возникновением фаланги говорят о «гоплитской революции». В греко-персидских войнах полис отстаивал свое право на существование. Следует подчеркнуть, что основную роль в борьбе за независимость Греции сыграли те полисы, где масса гражданства сама выступала вершителем своих судеб.

Изгнание персов с территории Греции не означало конца войны. Она продолжалась, но уже в ином общеполитическом контексте, который определялся тремя основными событиями: отходом спартанцев от военных действий, созданием Делосского союза (симмахии) и переходом руководства к Афинам.

Разгром персов при Платеях и Микале, помимо чисто военного аспекта, имел еще и значительные моральные последствия. Персы окончательно лишились ореола непобедимости, что придавало смелости их противникам. Греки перешли в наступление. Военные действия успешно разворачиваются на севере Эгеиды, в Пропонтиде и у берегов Фракии, где оставались еще персидские силы. Официальный лозунг войны этого этапа — «отмщение варварам». Помимо старых членов союза, в военных действиях принимали участие и островные полисы, отпавшие от Ахеменидов. Руководство союзными силами по-прежнему осуществляли спартанцы, однако вскоре Спарта отходит от военных действий. В Спарте разразился серьезный политический кризис, вызванный необходимостью определить основное направление внешней политики полиса в новых условиях. Часть руководителей Спарты (во главе с Павсанием — победителем при Платеях) стояла за продолжение войны и создание собственного флота (поскольку, опираясь только на сухопутные силы, невозможно было успешно вести войну в Эгеиде и Малой Азии). Эта программа сочеталась с амбициями самого Павсания, стремившегося, вероятно, установить режим личной власти. «Традиционалисты» же полагали, что Спарта не может позволить себе значительного отвлечения сил для «заморской» политики. Опасность восстания илотов и брожения среди союзников были слишком реальной угрозой, чтобы Спарта могла думать о «великодержавной» внешней политике. Большинство в народном собрании поддержало «традиционалистов», и Павсаний был устранен с политической арены.

Полисы, решившие продолжить войну, в 478/7 г. собрались на о. Делосе и учредили новый союз, руководителем которого стали Афины — наиболее мощный среди союзников полис, обладавший самым большим флотом. Этот союз обычно называют Делосской симмахией, позднее — Афинским морским союзом (о нем см. ниже). По решению союзников создается общая военная казна, куда каждому вменялось вносить определенную сумму (форос). Первую раскладку фороса произвел афинский политический деятель Аристид, известный своим бескорыстием и справедливостью.

В Афинах в эти же годы был изгнан остракизмом самый популярный лидер первого периода войны — Фемистокл. Наибольшим влиянием пользуются деятели аристократического происхождения и умнастроения — Аристид (вскоре умерший) и особенно сын Мильтиада Кимон, способный и энергичный полководец. Как истинный представитель земледельческой знати, он отличался лаконофильством — чертой, характерной для идеологии аристократии. Спартанские порядки представлялись ему идеалом, отсюда стремление к союзу со Спартой. И хотя демос не сочувствовал подобным идеям, популярность Кимона как удачливого полководца была велика. По свидетельству древних, он «не обладал даром изощренного аттического красноречия, но в характере его было много благородного и искреннего и по своему душевному складу муж этот был скорее пелопоннесец. „И груб и прост, но в подвигах велик“» — так характеризовал

Кимона Плутарх в его биографии (IV). В лице Аристиды и Кимона афинская аристократия активно включилась в дело создания морской мощи своего полиса и расширения сферы господства Афин.

Основные театры военных действий — по-прежнему север Эгеиды и Малая Азия. Афины, крайне заинтересованные в морском пути, ведущем в бассейн Черного моря, стремятся обеспечить себе опорные пункты на этом пути (Пропонтида, побережье Фракии, Эвбея). Кроме того, во Фракии (в районе Пангея) имелись богатые золотые рудники, весьма привлекавшие афинян. Полисы Пропонтиды и территории на Фракийском побережье переходят под контроль союза. Малоазийские города также все более оказывались в сфере Делосской симмахии. Попытка персов остановить экспансию Афин окончилась для них катастрофой у Евримедонта (южное побережье Малой Азии), где в 468 г. союзники под командованием Кимона разгромили одновременно большой флот персов (до 200 триер) и сухопутную армию. Практически все малоазийские города на долгий срок оказались включенными в Делосский союз независимо от их желания. Персы отказались от попыток восстановить свою власть над ними и в дальнейшем проводили оборонительную стратегию.

На первом этапе своего существования Делосский союз не задевал непосредственно интересов Спарты, и она оставалась в значительной мере индифферентной к его деятельности. Однако постепенный рост могущества Афин стал вызывать беспокойство Спарты, и следующий этап внешнеполитической истории эллинского мира характеризуется ухудшением отношений между ними. Это обострение объясняется не только внешнеполитическими причинами, но и влиянием внутриполитических факторов, прежде всего ростом демократического движения в Элладе. Постепенно происходит поляризация политических сил: демократические полисы все больше стремятся опереться на Афины, аристократические — на Спарту. Однако неоднократные внутренние перевороты в ряде городов приводят часто к переориентациям в их внешней политике и делают картину политического развития в целом крайне противоречивой и сложной.

Первые признаки нарождающегося конфликта проявились во время восстания о. Фасоса против власти Афин в 465 г. Спарта, к которой фасосцы обратились за помощью, готова была поддержать их вторжением в Аттику, но этому помешало непредвиденное событие: в Пелопоннесе произошло грандиозное землетрясение. Воспользовавшись всеобщим замешательством, восстали илоты. В самой Лаконике восстание быстро подавили, но в Мессении война приняла затяжной характер. Не решаясь встретиться с фалангой спартиатов в открытом поле, мессеняне укрепились в горном массиве Итома. Положение стало столь серьезным, что Спарта вынуждена была обратиться за помощью к ряду полисов, в том числе и к Афинам. В Афинах к призыву Спарты отнеслись без энтузиазма, и только Кимон, опираясь на свой огромный авторитет, смог убедить народное собрание послать 4000 гошлитов. Но Итому взять не удалось, спартанцы обвинили афинян в сговоре с мятежниками и в грубой форме отказались от помощи Афин. Это полностью подорвало авторитет Кимона — признанного лидера аристократической группировки, под руководством которого успешно действовал союзный флот.

Усиление влияния тех слоев гражданства, которые были связаны с морем и ремеслом, падение значения аристократии придали значительную динамичность афинской политике. Она имела в этот период несколько аспектов. Во-первых, Афины все более усиливают власть над союзниками. В 454 г. под предлогом защиты от персидской угрозы союзная казна переносится с Делоса в Афины, которые отныне стали беззастенчиво тратить союзные средства на собственные нужды. Делосская симмахия превращалась в Афинскую морскую державу (архэ), союзники —

в подданных. Во-вторых, Афины активизировали военную и дипломатическую деятельность в Восточном Средиземноморье против Персии. В-третьих, большое значение отныне приобретает в политике Афин сама Греция — ее центральная часть и Пелопоннес. В современной литературе, очевидно, справедливо указывается, что афинская внешняя политика того времени производит впечатление несбалансированности, отсутствия четкой перспективы и выделения главного. К этому, по-видимому, следует добавить, что цели, которые ставили себе афиняне, отнюдь не всегда соответствовали тем средствам, которыми они располагали.

С Персией афиняне вели войну на Кипре и в Египте. Египетская авантюра для Афин завершилась грандиозной катастрофой: здесь они потеряли две эскадры кораблей. Однако попытка персов развить достигнутый успех, предприняв наступление на Кипр, в свою очередь, закончилась полным разгромом их флота. Невозможность добиться решающих успехов побудила противников начать переговоры о мире, которые привели к заключению в 449 г. мира. Греко-персидская война завершилась. Мир, в общем, был выгоден для Афин, поскольку Персия согласилась с утратой власти над полисами Малой Азии и обязывалась не посылать отныне суда в Пропонтиду и Эгейское море. Однако взаимозависимость различных аспектов афинской политики немедленно привела к тяжелейшему кризису внутри Афинской архэ. Союзные полисы отказались платить форо́с, поскольку он официально предназначался для войны с Персией. Противники Афин внутри союза делали из факта заключения мира еще более далеко идущие выводы: речь теперь шла уже о роспуске самого союза. Афинам с большим трудом удалось справиться с этим кризисом и сохранить союз: противники союза объявлялись мятежниками, и против них посылались карательные экспедиции.

В самой Греции Афины стремились подчинить Эгину — старого соперника, крупный морской центр; прочно укрепиться в Коринфском заливе и обеспечить путь своему флоту на запад; ослабить Спарту, нанося с помощью флота удары по побережью Пелопоннеса и поддерживая всех ее противников на полуострове; обеспечить неприкосновенность Аттики от вражеских вторжений; усилить свое влияние в Центральной Греции, в первую очередь в Беотии, поддерживая здесь демократические группировки.

Спартанская политика определялась стремлением противодействовать Афинам везде, не вступая по возможности с ними в военные конфликты. Наиболее непримиримую политику вел Коринф — второй по значению морской центр Эллады, рассматривавший энергичные действия Афин как смертельную угрозу своему влиянию на западе. Только после того как Афины победили Эгину, которая была членом Пелопоннесского союза, и заставили ее вступить в архэ, Спарта начала открытые военные действия против Афин, ибо увидела в их действиях непосредственную угрозу своим интересам. Помимо прямых военных столкновений, в спартанской политике важную роль играли и дипломатические средства. В результате Спарта заключила 30-летний мир с Аргосом, она подстрекала (и достаточно успешно) к восстанию Эвбею, поддерживала олигархов в Беотии и др. Как и на востоке, невозможность обеих сторон добиться решительных успехов привела в 446/5 г. к заключению мира между Афинами и Спартой сроком на 30 лет. Мир носил явные признаки компромисса. Афины должны были примириться с потерей влияния в Центральной Греции, с утратой практически всех своих опорных пунктов в Коринфском заливе и с олигархическим режимом в Беотии. С другой стороны, Спарта признавала включение Эгины в Афинский морской союз. Подчеркнем, что договор заключался не между двумя союзами, а между двумя полисами — Афинами и Спартой (а их союзники автоматически включались в него), тем самым оба могущественных полиса при-

знавали: Спарта — афинское господство на море, Афины — господство Спарты в Пелопоннесе.

Время от заключения 30-летнего мира и до начала Пелопоннесской войны (431 г.) — самое мирное в истории Эллады. Обе стороны достаточно точно соблюдали условия договора. Спарта стремилась укрепить свои позиции в Пелопоннесе. В Афинах на смену политике безудержной экспансии, доказавшей свою бесперспективность, пришла политика консолидации сил, укрепления арха, усиления господства в ней. Афины смогли подавить восстание Самоса, укрепиться на Фракийском побережье, где они основали Амфиполь. Эта политика в современной литературе связывается с именем Перикла, признанного лидера афинской демократии в эти годы. Однако уже с 434 г. Эллада постепенно начала втягиваться в конфликт, завершившийся Пелопоннесской войной. Причины этого конфликта являются объектом многих дискуссий современных историков, по-разному толкующих сведения Фукидида — нашего основного источника по истории войны. Фукидид различает причину и внешние поводы к войне. Основная причина — рост могущества Афин и страх пелопоннесцев, особенно спартанцев, перед ними (I, 23). Поводы же — три локальных события: конфликт вокруг Керкиры (столкновение Коринфа со своей колонией на Адриатике и заключение ею союза с Афинами); конфликт вокруг Потидеи (жестокое обращение Афин с этим городом в Халкидике, членом Афинского морского союза, но и коринфской колонией, и поддержка ее Коринфом); «мегарская псефисма» (запрещение Афинами мегарцам торговать с ними и их союзниками).

В Афинах постепенно одерживала верх та группировка, которая считала, что необходимо возобновить проникновение на запад. Коринф, в отличие от большинства греческих государств поддерживавший тесные связи со своими колониями, расположенными главным образом на западе, и считавший Адриатику своей бесспорной зоной влияния, рассматривал возрождение афинской экспансии в этом районе как смертельную угрозу своим интересам и настоятельно требовал начать войну, угрожая в противном случае выходом из Пелопоннесского союза. Примеру Коринфа готовы были последовать и некоторые другие полисы Пелопоннеса. Политика Спарты в значительной мере определялась необходимостью удерживать в покорности илотов (особенно мессенских). Угроза Коринфа взорвать изнутри Пелопоннесский союз была по самой «болевой точке» Спарты, ибо сохранение союза, служившего для Спарты одним из средств господства над илотами, было наиболее важной из политических целей Спарты. Поэтому, несмотря на сопротивление части граждан, народное собрание Спарты решило начать войну с Афинами. В Афинах также усиливались позиции тех, кто считал войну со Спартой не только неизбежной, но и желательной. Перикл, ранее проводивший сдержанную политику, считал момент наиболее удачным, поскольку годы мира способствовали подъему мощи Афин. Таким образом, локальные конфликты открывали дорогу войне, в которую оказалась втянута почти вся Эллада.

Планы Афин и Спарты в войне определялись вооруженными силами полисов и характером союзов, на которые они опирались. Суть афинской стратегии сформулировал Перикл. Сознывая полное превосходство Спарты и ее союзников на суше, Перикл считал, что афиняне будут вынуждены, по существу, отдать Аттику на разграбление спартанцам, а все население собрать в Афинах и их порту Пирее, объединенных в единый укрепленный район «Длинными стенами», взяв который спартанцы не смогут. Поскольку афиняне неоспоримо господствовали на море, то их флот по замыслу Перикла обеспечил бы снабжение города всем необходимым продовольствием, нанося же удары по побережью Пелопоннеса и блокируя его, вынудил бы Спарту к выгодному для Афин миру. Спартанцы также исходили из превосходства Пелопоннесского союза на суше.

Основная идея их плана войны заключалась в нанесении ударов по Аттике и провоцировании противника на генеральное сражение, которое должно дать Спарте быструю победу. Одновременно разворачивается широкая пропагандистская кампания: Спарта ведет борьбу за освобождение эллинов от «тирании» Афин. Однако противники не смогли предвидеть ни масштабов войны, ни обширности тех территорий, на которых она развернется, ни длительности, ни крайнего ожесточения борьбы, ни тех политических и социальных катаклизмов, которые война вызовет и в полисах-гегемонах, и в остальном греческом мире, ни, наконец, того, что победа достанется тому полису, который полнее, чем противник, порвет с традициями и отойдет от намеченного плана войны.

Первый период Пелопоннесской войны (431—421 гг.) обычно называется Архидамовой войной (по имени спартанского царя, руководившего пелопоннесской армией). Начальные годы войны, казалось, подтвердили правильность выработанной обеими сторонами стратегии. Спартанцы регулярно вторгались в Аттику и разоряли ее поля. Афинский флот курсировал вокруг Пелопоннеса и наносил достаточно чувствительные удары по побережью. Однако вскоре стала ясна бесперспективность подобных действий. Спартанцы так и не смогли заставить афинян покинуть свои укрепления, а афинскому флоту не удалось задуть блокадой Пелопоннес. Правда, Афины постигло большое несчастье: скопление в городе множества людей, пришедших с полей под защиту городских стен, вызвало здесь тяжелую эпидемию (видимо, чумы), жертвой которой пал и Перикл. Но еще важнее было другое: Перикл не смог предусмотреть одного последствия разработанного им плана — реакции аттических крестьян, с городских стен смотревших, как враг топчет их поля, уничтожает посевы, сжигает дома. Ранее достаточно монолитная основа афинской демократии стала разрушаться, все сильнее звучат требования мира, причем раздаются они со стороны не только крестьян, но и некоторых аристократов-лаконофилов. Настроения аттических крестьян прекрасно выразил Аристофан, герой комедии которого «Мир» (поставлена на сцене в 421 г.) призывает (ст. 551—555):

Услышь, народ! Велим мы земледельцам всем,
Орудья снарядивши, выходить в поля.
Бросьте щит скорей, и дротик, и проклятое копье!
Воздух здесь наполнен миром, плодоносным и хмельным.
Все спешите на работу в поле, с песнями, вперед!

(Пер. С. Анта).

Напротив, городской демос склонялся к тому, что войну следует вести более решительно и жестоко. Выразителем этих радикальных настроений стал Клеон. Под его руководством союзники одержали блестящую победу под Пилосом, ставшим важным опорным пунктом Афин в Мессении — самом опасном месте Пелопоннеса, где всегда можно было ожидать восстания илотов. В Спарте также стали осознавать необходимость воевать по-иному. Инициатором более активных действий здесь выступил Брасид, который воспользовался недовольством властью Афин среди городов Фракии — членов Афинской архэ и, пройдя через всю Грецию, неожиданно оказался на Халкидике, где поднял полисы против Афин. Переход Халкидики на сторону спартанцев был очень тяжелым ударом по Афинам, в общем столь же серьезно осложнившим их положение, сколь захват Пилоса осложнил положение спартанцев. Для организации сопротивления афиняне отправили на Халкидику Клеона, войско которого было разбито в решительном бою под Амфиполем; оба полководца — Брасид и Клеон — погибли.

Усталость от войны, тяжелые потери обеих сторон, отсутствие какого-либо перелома в военных действиях, наконец, гибель наиболее автори-

тетных сторонников продолжения войны — все это побудило начать переговоры о мире, который был заключен в 421 г. (так называемый Никиев мир) практически на условиях статус-кво.

Никиев мир не решил тех проблем, которые породили войну. Особенно активно выступали против него коринфяне, требовавшие сокрушения морской мощи афинян, и беотяне, получившие большую выгоду от разграбления Аттики под защитой спартанских мечей. Противники мира были также в Афинах и Спарте. Взаимное недоверие вчерашних врагов, подогреваемое сторонниками «войны до победоносного конца», вскоре привело к новым столкновениям, но настоящие военные действия развернулись благодаря экспедиции в Сицилию. Движение на запад — одна из тех целей, которые постоянно защищали в Афинах сторонники «беспредельной» экспансии. Теперь завоевание Сицилии стало лозунгом радикальной демократии. Ориентируясь на обещание поддержки со стороны ряда сицилийских полисов, рассчитывая, что внутренняя борьба среди эллинов создаст благоприятные для них условия, афиняне собрали огромную армию и флот. Подчинив Сицилию, они надеялись получить в свое распоряжение такие средства, которые дали бы им полнейший перевес над пелопоннесцами. Идея похода встретила поддержку у многих граждан, особенно у молодежи, которая, собираясь повсюду, чертила карту острова. Однако эта экспедиция была предприятием чисто авантюристическим. Афиняне плохо знали ситуацию в Сицилии и оказались неподготовленными к тому, что большинство тамошних греков выступили против них единым фронтом; не предусмотрели Афины и возможности вмешательства Спарты. Наконец, сильное воздействие на ход событий имела внутрисполитическая борьба в самих Афинах. Одним из руководителей похода был назначен Алкивиад, происходивший из старого аристократического рода, стоявший тогда на позициях радикальной демократии, но видевший в ней только средство для личного возвышения. Еще накануне отплытия эскадры на Сицилию в городе кто-то повредил гермы — изображения бога Гермеса, причем подозрения пали на Алкивиада и его друзей. Вызванный из Сицилии в Афины по «делу гермокипидов» (т. е. разрушителей герм, против которых возбудили судебный процесс) Алкивиад, понимая, что его политические противники расправятся с ним, бежал в Спарту. Он выдал противнику все планы Афин, помог им сориентироваться в обстановке и настоял на отправлении войска в Сицилию.

Сицилийская экспедиция, которая продолжалась с 415 по 413 г., закончилась для афинян градиозной катастрофой: погибли весь флот (200 триер) и 12 тыс. человек. Пленных войнов — афинян и союзников — сиракузцы обратили в рабство и частично отправили в каменоломни; общее число взятых в плен Фукидид определяет в 7 тыс., хотя оговаривает, что точные цифры указать трудно (VII, 87). Поражение Афин немедленно отозвалось в Элладе, где возобновились военные действия. Важнейшим новым фактором в борьбе стало занятие спартанцами (по совету Алкивиада) крепости Декелея на территории Аттики (в 413 г.), что сделало невозможным какую-либо хозяйственную деятельность здесь. Стало труднее разрабатывать серебряные рудники Лавриона; в довершение всех несчастий к врагу перебежали 20 тыс. рабов; Афины теперь в неизмеримо большей степени, чем раньше, зависели от поставки продуктов извне, нужны были средства для воссоздания флота. Единственный их источник (уже опробованный радикальной демократией метод) — усиление финансовых поборов с союзников — подрывал саму основу союза. Если раньше основная масса союзных полисов оставалась верной Афинам, то теперь призывы местных олигархов находят у них все больший отклик. В условиях разорения Аттики и потери Декелея возрастало значение морских путей, но и здесь возникла новая угроза. Спарта, ре-

шительно порвав со старыми традициями, начала лихорадочно создавать собственный флот, а нужные для этого весьма значительные средства дала Персия. Примирившиеся ранее с потерей малоазийских полисов персы теперь, когда морская мощь Афин оказалась подорвана, сочли, что настал удобный момент для их возвращения.

Таким образом, усиление гнета союзников, агитация олигархов, спартанские военные усилия и финансовая помощь Персии — все это привело к открытию нового фронта войны — в Ионии, где многие полисы перешли на сторону спартанцев. Тяжелые неудачи и отсутствие уверенности в будущем вызвали кризис в самих Афинах; подняли голову олигархи. В единый союз объединились все недовольные существующим строем, и был осуществлен олигархический переворот. Но силы демократии еще далеко не были сломлены. Флот, стоявший у Самоса, отказался признать установленный в городе олигархический режим. Беднейшие граждане, служившие во флоте, решили бороться с олигархами, и по их приглашению флот возглавил все тот же Алкивиад, под руководством которого афиняне трижды нанесли поражение пелопоннесскому флоту. Эти победы вызвали подъем демократических сил, и в 410 г. в Афинах вновь устанавливается демократический режим.

Афиняне прилагают все усилия, чтобы восстановить морскую державу. Огромную популярность приобретает Алкивиад, энергии и таланту которого Афины обязаны своими успехами. Между тем спартанцы восстановили свой флот (он насчитывал 140 триер), и война ведется теперь на море с переменным успехом. После поражения в гавани Митилены (на Лесбосе) Афины, напругая последние силы, построили новый флот в 110 триер, на которые были вынуждены посадить получивших свободу рабов и одержали блестящую победу при Аргинусских островах (также около Лесбоса), где спартанцы потеряли половину судов. Но обстановка в Афинах была неспокойной, силы демократов подорваны, среди демоса росло чувство неуверенности и нервозность. Решительное поражение Афинам наносит спартанский военный и политический деятель Лисандр (как и Алкивиад, столь же талантливый, сколь и беспринципный). Воссоздав флот, укрепив отношения с Персией, сделав твердую ставку на олигархов, он повсюду приводит их к власти, организует и вооружает, подкрепляет спартанскими гарнизонами. Зона афинского влияния резко сокращается, а финансовые трудности растут. Наконец, выбрав удобный момент, Лисандр в 405 г. обрушивается на противника в самом уязвимом для него месте — в Пропонтиде (в устье р. Эгоспотамы) и уничтожает эскадру. Путь снабжения Афин продовольствием перерезан, сил для восстановления флота уже нет. Корабли Лисандра медленно движутся к Афинам, громя демократические режимы и заменяя их олигархическими. Осада Афин длилась несколько месяцев с суши и моря, пока город, поставленный на край гибели, страдая от голода, не сдался. Афины были лишены всех заморских владений и остатков флота (за исключением 12 кораблей); Афинский морской союз был распущен; сам полис включен в состав Пелопоннесского союза; демократический строй был заменен олигархией.

Так победой Спарты завершилась длившаяся около 30 лет Пелопоннесская война. Вызванная соперничеством двух государств, Афин и Спарты, эта война превратилась, по существу, в грандиозное (по масштабам Греции) противоборство двух систем — Афинского морского союза, который объединял прибрежные и островные полисы (около 200 городов), и аграрного по своей сути Пелопоннесского союза. Помимо чисто политических причин, к возникновению этого соперничества побуждали и причины экономические, прежде всего стремление Афин (да и некоторых ее союзников) к расширению сферы влияния (их особенно интересовали зерно и источники сырья).

Чем объяснить поражение Афин? Этому было несколько причин. Прежде всего непрочность Афинского морского союза, который все более сохранялся силой оружия, и как только это оружие ослабело, он распался. В своей стратегии борьбы с аграрной Спартой афинские руководители делали ставку на флот, по существу отдав страну на разорение, но этот план оказался губительным для них, когда Афины стали терять преимущество на море. Несомненно, способствовала поражению Афин и финансовая помощь Персии, которая дала Спарте возможность воевать, и весьма успешно, там, где первоначально афинское преимущество было неоспоримо, — на море.

Пелопоннесская война «стала величайшим потрясением для эллинов», писал ее современник Фукидид (I, 1). Ничего подобного ей греки не знали ни ранее, ни позднее: по существу, в войну оказался втянут весь эллинский мир. Мало того, борьба с неприятелем тесно переплеталась с острой внутриполитической борьбой: с оружием в руках воевали не только граждане различных городов, война шла в пределах городских стен, причем с ожесточением, которого не знали ранее (III, 82). Упомянем только как пример о событиях на Керкире, где, по словам того же Фукидида (III, 82), происходили все ужасы, которыми сопровождаются государственные перевороты: «отец убивал сына, молящих о защите отрывали от алтарей и убивали тут же. Некоторых даже замуровывали в святилище Диониса, где они и погибли»¹. Именно в связи с керкирскими событиями Фукидид дает более общую характеристику внутриполитической борьбы в годы Пелопоннесской войны. В замечательных по глубине рассуждений он отмечает не только масштаб этой борьбы и ее жестокость, Фукидид ставит в прямую связь развитие междоусобиц с войной и указывает на твердую расстановку сил: «В каждом городе вожди народной партии призывали на помощь афины, а главари олигархов — лакедемонян... Теперь же, когда Афины и Лакедемон стали враждовать, обеим партиям легко было приобрести союзников для подавления противников и укрепления своих сил, и недовольные элементы в городе охотно призывали чужеземцев на помощь, стремясь к политическим переменам» (III, 82). В войну были вовлечены даже рабы, и на Керкире олигархи и демократы посылали вестников в окрестные поля, чтобы обещанием свободы привлечь на свою сторону рабов; большинство их примкнуло к демократам. В общем, Пелопоннесская война не принесла никому ни славы, ни выгоды. Как всякая война, для народа она означала смерть и невзгоды, уничтожение посевов, олив и виноградников, гибель скота и домов. Место гегемона в Элладе заняла Спарта. По словам Плутарха, который в биографии Лисандра вспоминает о сравнении комических поэтом Феопомпом лакедемонян с трактирщиками, их «питье с первого же глотка оказалось противным и горьким» для греков (XIII). Возникшая в результате войны новая политическая система была столь же непрочной, как и другие, и следующий, IV в. являет нам новую серию войн и соперничества за власть.

Пелопоннесская война оказала влияние буквально на все стороны жизни Греции — ее сельское хозяйство, ремесло, торговлю. Она способствовала разложению гражданского коллектива, обострению социальных противоречий. В ходе войны впервые полисы стали использовать наемников, которые отныне все более будут заменять ополчение граждан, что имело для полиса далеко идущие последствия. Наконец, война расплатывала полисную мораль, о чем также прозорливо писал Фукидид: «война, учитель насилия», лишает людей привычного жизненного уклада и вызывает изменения в повседневной жизни. «Изменились даже привычные

¹ Здесь и далее пер. Ф. Мищенко в переработке С. Жебелева.

значения слов в оценке человеческих действий» (III, 82). В общем, Пелопоннесская война стала мощным катализатором тех процессов, которые привели систему независимых полисов к кризису.

2. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Основной чертой социально-экономического развития Греции в V в. до н. э. является распространение рабства так называемого классического типа. Характер рабства классического типа наиболее рельефно проявляется при сопоставлении с рабством патриархальным. При патриархальном рабстве производство направлено на создание не товаров, а лишь средств существования рабов и рабовладельцев, товарное же производство находится в зачаточном состоянии. Поскольку связи с рынком слабы, а необходимость в прибавочном труде раба ограничена потребностями рабовладельца и его семьи, то эксплуатация рабов не достигла возможных в рамках античного общества пределов. В отличие от патриархальной системы при классическом рабстве производство направлено на создание прибавочной стоимости. Поскольку товарное производство активно развивается и ранее изолированные хозяйства устанавливают более или менее тесные связи с рынком, рабовладельцы (как владельцы ремесленных мастерских, так и землевладельцы) стремятся не только к получению большего прибавочного труда, но и к денежной его реализации. Стремление к получению большего прибавочного труда приводило, естественно, к усилению эксплуатации рабов и росту потребностей в них. Соответственно возрастала численность рабов и рабовладение распространялось во всех ведущих отраслях хозяйства. Усиление эксплуатации рабского труда вело к ухудшению общественного и юридического положения рабов, между свободным и рабом возникала пропасть. Наконец, все это приводило к обострению классовых противоречий.

В предшествующее время господствовали более архаические формы эксплуатации несвободного труда (илоты в Спарте, пенесты в Фессалии, мноиты на Крите, долговое рабство и др.), рабство же классического типа только начинало формироваться, играя заметную роль лишь в наиболее передовых торгово-ремесленных городах (таких, как малоазийские). В V в. традиционные формы зависимости типа илотия продолжали существовать и даже играть ведущую роль в ряде полисов, но принципиально новым было то, что во многих полисах, в первую очередь наиболее быстро развивающихся, ставших важнейшими экономическими центрами Эллады (таких, как Афины), исчезли из жизни архаические формы зависимости и практически единственной формой эксплуатации подневольного труда стало классическое рабство.

Широкое развитие классического рабства нельзя рассматривать как изолированный феномен. Оно происходит в тесной связи с другими изменениями в области социально-экономических отношений: достаточно далеко зашедшим процессом разделения труда, ростом товарно-денежных отношений, укреплением частной собственности.

Наиболее значительный материал источников для суждения о развитии классического рабства дают Афины. Реформы Солона и Клисфена уничтожили социально-экономическое и политическое господство знати, «эмансипировали» основную массу населения Аттики — крестьянство и ликвидировали возможности для его порабощения со стороны знати. Тем самым был закрыт путь развития эндогенного рабства. Но, конечно, эти реформы не могли уничтожить саму потребность общества в подневольном труде. Как подчеркивал Ф. Энгельс, «при исторических предпосылках древнего в частности греческого, мира переход к основанному на

классовых противоположностях обществу мог совершиться только в форме рабства»².

Основные источники для рабства того времени — внешние: рабов захватывали во время военных действий или покупали. Это обстоятельство способствовало динамичности развития Афин, как экономического, так и политического. Уже в первый период греко-персидских войн военнопленные, которых обращали в рабов, стали одной из основных форм добычи. Например, после битвы при Евримедонте Кимон захватил более 20 тыс. пленных, которых распродали. Были порабощены жители фракийского города Эйон и долоны, обитавшие на о. Скиросе, который, по словам Фукидида (I, 98), заселили сами афиняне. Как справедливо отмечается в современной литературе³, после походов Кимона во Фракию и Малую Азию греческие рынки действительно наводнили рабы-варвары. Тем самым греко-персидские войны, несомненно, в большой мере способствовали развитию рабства классического типа. Напротив, Пелопоннесская война умножила число рабов-греков, хотя в ходе ее противники неоднократно прибегали к обмену пленными.

Другим источником рабов были пиратство и охота на людей, торговля иноземцами. Рабы поступали в Грецию из Скифии, Иллирии, Фракии, Пафлагонии, Лидии, Сирии. Как охотники на людей и работорговцы особенно славились фессалийцы, издавна занимавшиеся этим опасным, хотя и выгодным, промыслом. Большую роль в снабжении Эллады рабами играли периферийные греческие города, непосредственно соседствовавшие с варварским миром. Известные рынки рабов находились на островах Самосе и Хиосе. Интересно в связи с этим отметить, что в комедиях Аристофана мы почти не встречаем рабов-греков и многие рабы носят имена, являющиеся обозначением их этноса: Мидас, Фриг, Лид, Карион, Сира, Фратта. В списке рабов одного из осужденных по делу «гермокопидов», Кефисодора, продававшихся на аукционе, упомянуты 5 фракийцев, 3 кариийца, 2 сирийца, 4 иллирийца, 1 скиф, 1 колх, 1 лидианка (Syll.⁴, I, 96). Наконец, еще один источник рабства — естественный прирост. Родившиеся и выросшие в доме господина рабы обычно считались более надежными, и их больше ценили.

Широкое распространение рабского труда в Афинах не подлежит сомнению. Использовали рабов в различных отраслях экономики. Особенно важны свидетельства о рабском труде в сельском хозяйстве, поскольку оно составляло основу экономики античной Греции. Бесспорно, в Аттике были относительно крупные поместья, основная рабочая сила в которых — рабы. Таким именно хозяйством, по всей видимости, было имение Перикла, о котором рассказывает в его биографии Плутарх (XVI). Здесь всем управлял раб Евангел, доверенное лицо хозяина. Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе» (II, 8) называет рабским занятием служить у состоятельного человека помощником по управлению хозяйством, смотреть за полевыми работами, помогать в уборке хлеба и охране имущества. Следует упомянуть также о «Домострое» Ксенофонта. И. Гарлан⁴ справедливо указал, что само появление такого произведения, своего рода «учебника», является доказательством некоторого распространения указанного типа хозяйства. Однако такие хозяйства составляли в Аттике явное меньшинство, и гораздо важнее свидетельства относительно рабского труда в хозяйствах средних и мелких крестьян. Для решения этого вопроса источников досадно мало, однако анализ речей Лисия и комедий Аристофана дал, в сущности, одинаковый результат: по речам Лисия, большая часть афинян владела по крайней мере одним-двумя ра-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 186.

³ Рабство на периферии античного мира. Л., 1968, с. 60 и след.

⁴ Carlan Y. Les esclaves en Grèce ancienne. P., 1982, p. 76.

бами, по комедиям Аристофана, более бедный крестьянин имел от двух до четырех рабов, более богатый — пять-семь⁵.

Все большее значение рабский труд приобретает в ремесле. Известны ремесленные мастерские (эргастерии), в которых рабы составляли основную рабочую силу. Так, отец трагика Софокла держал рабов — медников или плотников; Гипербол, женившийся на разведенной жене Перикла, был хозяином мастерской по производству светильников; у отца одного из вождей радикальной демократии Клеона была кожевенная мастерская, которую обслуживали рабы; отец известного оратора Исократу владел рабами, занимавшимися изготовлением флейт, и этим жил. Примером очень большой (по масштабам античности) мастерской является эргастерий Лисия и его брата: им принадлежало, судя по одной из речей Лисия (XII, 8, 19), 120 рабов, но, правда, по мнению некоторых ученых, не все они работали там. Медкие ремесленники имели одного-двух рабов, вместе с которыми трудились в своих мастерских. Интересные сведения о работах мы находим в отчетах о строительстве Эрехтеиона за 409/8 г.: афинский гражданин Симий работал вместе со своими пятью рабами, получая одинаковую с ними плату, Фалакр — с тремя рабами на тех же условиях, Лаос — с двумя рабами и т. д. (IG, I², 373, 374). А вот другая иллюстрация того, насколько широко рабский труд овладел хозяйством. В «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонта (II, 7) рассказывается о том, как во время событий 403 г. к некоему Аристарху, человеку, судя по всему, состоятельному, сбегается в Пирей куча родственников — 14 человек, которых ему нечем кормить, ибо доходов нет никаких: земля захвачена врагом, дома сдавать некому, а занять денег нигде. Сократ советует ему завести ремесленную мастерскую и ссылается на пример других: Навсикид приготовлением муки кормит не только себя со слугами, но сверх того множество свиней и коров, и столько у него еще остается, что он может часто исполнять разные литургии; а печением хлеба Кирей содержит весь дом и живет великолепно; Демей изготавливает солдатские накидки, Меноп — тонкое платье, а огромное большинство мегарцев — рабочие блузы. На это Аристарх возражает, что «они ведь покупают и держат у себя варваров, которых могут заставлять работать такие хорошие вещи», тогда как у него нет для этого денег. Обратим внимание на два момента: вместо «рабы» Ксенофонт употребляет слово «варвары»; этих рабов покупают. О численности рабов, занятых в ремесле, краспоречиво говорит такой факт: среди 20 тыс. бежавших во время Декелийской войны к спартамцам афинских рабов большинство, как пишет Фукидид (VII, 27), составляли ремесленники.

Особенно в больших масштабах использовали рабский труд в горном деле — в серебряных рудниках Лавриона. З. Лауффер⁶, исследовавший этот вопрос, показал, что численность рабов здесь варьировалась в зависимости от политических и экономических обстоятельств; так, накануне захвата спартамцами Декелии в Лаврионе работали примерно 25 тыс. рабов. Очень показательно, что самые значительные цифры, которые позволяют представить, сколько именно рабов мог иметь афинянин, связаны как раз с Лаврионом: у Никия — тысяча рабов, у Гиппоника — 600, у Филемонида — 300 (Xen. Vect., IV, 14 sq.). Эти рабы сдавались в аренду «предпринимателям», занимавшимся разработками рудников, за что хозяева получали твердый доход.

В источниках сохранились сведения о рабах, которые, живя в доме господина, выполняли самые разнообразные обязанности: привратника, носильщика; они прислуживали за столом, выпекали хлеб, убирали дом,

⁵ Dunand F. L'esclavage dans Lysias.— In: Actes du colloque d'histoire sociale 1970. P., 1972; Lévy E. Les esclaves chez Aristophane.— In: Actes du colloque 1972 sur l'esclavage. P., 1974.

⁶ Lauffer Z. Die Bergwerkssklaven von Laureion. Wiesbaden, 1956—1957. T. 1—2.

ткали, нянчили детей; среди рабынь упоминаются кормилицы, танцовщицы, музыкантши и т. д. Рабы, получившие образование, служили господам в качестве секретарей, счетных работников. Известны рабы-врачи. Рабов сдавали в аренду во временное пользование. Хозяева отпускали рабов «на оброк» — раб жил вне дома, внося господину определенную сумму. Например, мы знаем о существовании лавок, где торговали рабы, у которых покупали нужные для строительства смолу, деревянные балки и др. Таким рабам легче было скопить деньги для выкупа на волю, хотя об отпуске рабов в V в. известно крайне мало. Наряду с частнособственническими были и рабы государственные; например, полицейскую службу в Афинах несли рабы-скифы.

Вопрос об общей численности рабов в Афинах явился предметом оживленной дискуссии. По мнению Ю. Белоха, накануне Пелопоннесской войны в Аттике было не менее 75 тыс. рабов, вероятнее — 100 тыс. или даже несколько больше; Э. Мейер, призывая к большой осторожности в суждениях, определяет численность рабов в широких пределах — от 50 тыс. до 150 тыс.; цифры Р. Л. Сарджент — 71—91 тыс., по подсчетам Э. М. Гомма — 115 тыс., согласно В. Эренбергу — 80—100 тыс. В общем, все историки, исследовавшие этот вопрос, считают, что в указанное время рабы составляли от 25 до 43% жителей Аттики, т. е. доля рабов среди всего населения была весьма значительной.

Основная масса рабов в Аттике — это варвары, а не греки, чему способствовало несколько обстоятельств. При небольших расстояниях между полисами Эллады раб-грек сравнительно легко мог бежать на родину. В течение V в. развивается практика выкупа попавших в плен греков и вырабатывается определенная выкупная такса, а так как она соответствовала средней рыночной цене раба — 2 мины, то было проще и выгоднее купить раба-варвара, чем использовать военнопленного-грека. Общественное мнение осуждало порабощение соплеменников, особенно в связи с распространением в годы греко-персидских войн представления о единстве греков, развитием эллинского «национализма». Использование рабов-иноземцев позволяло эксплуатировать их более интенсивно, чем рабов-эллинов. Кроме того, рабам-варварам было труднее организовать сопротивление. В это время, когда впервые рабский труд начал использоваться в широких масштабах, основной формой социального протеста рабов было бегство. Легче рабам было бежать в военное время. Уже упоминалось о 20 тыс. рабов, бежавших к спартамцам. Известны и побег илотов. Именно поэтому перемирие между Спартой и Афинами (423 г.) включало обязательство не принимать обеими сторонами перебежчиков, будь то свободные или рабы. В V в. известны и восстания рабов, но свидетельств такого рода немного. Относятся они к большим полисам Сицилии — Сиракузам и Селинунту, причем в обоих случаях рабы восстали, когда шли военные действия: в Селинунте — во время войны с Карфагеном (около 488—486 гг.), в Сиракузах — при осаде города афинянами (в 414 г.). В период Пелопоннесской войны еще более реальной стала угроза восстания илотов, и в 464 г. они действительно подняли восстание, для подавления которого Спарта была вынуждена обратиться к другим полисам. Весьма красноречива одна из статей упоминаемого Фукидидом (V, 23) договора о мире, заключенного в 421 г. Спартой и Афинами: «В случае восстания илотов афиняне должны прийти на помощь лакедемонянам всеми силами».

Итак, рабство пронизывало все стороны жизни Афин, в течение V в. оно все более охватывало производство, оказывая влияние на политическую организацию общества и его идеологию. Поскольку основную массу рабов в Аттике составляли варвары, слово «варвар», которое ранее означало просто человека, говорящего не по-гречески, начинает приобретать уничижительный смысл, понятия «раб» и «варвар» отождествляются.

Уже в V в. предпринимаются первые попытки разработать теорию «естественного рабства», которая получит законченную форму в IV в. до н. э.

В более старой научной литературе обычно подчеркивалась тяжесть положения рабов, указывалось, что рабовладельцы жестоко эксплуатировали рабов, стремясь выжать из них максимум и затем заменить отработавшего раба новым. Но такой подход характерен для плантационного рабства. Что касается древней Греции, в частности Афин, то здесь раб стоил дорого и хозяин, эксплуатируя раба, был заинтересован в его сохранении. Лишь труд в Лаврионских рудниках отличался особой тяжестью: здесь работали в полутьме, задыхаясь от жары и тесноты, скорчившись, полулежа. Тяжесть положения раба заключалась в другом — в его бесправии. Раб — собственность господина, который может его продать и использовать как хочет. Раб — не юридическое лицо, и поэтому хозяин нес ответственность за убыток, причиненный его рабом, а свидетельство раба на суде признавалось действительным, только если оно давалось под пыткой. В случае провинности господин мог налагать на раба любые наказания. Комедия называет раба «избиваемым плетьюми»; сохранились названия всякого рода колодок, в которые заключали рабов в наказание, а в одной из речей Лисия (I, 18) хозяин грозит рабыне выпороть ее и отправить на мельницу, где труд тяжелее. Беглых рабов клеймили. Государство твердо стояло на позиции защиты прав господина на раба; захват чужого раба приравнивался к порабощению свободного, и виновный карался смертью. Тот же Лисий упоминает о человеке, который увез из Афин в Коринф раба, а из Коринфа хотел увести девушку-рабыню, принадлежавшую гражданке, но, пойманный, умер в тюрьме в оковах (XIII, 67).

Афинское общество не представляло какого-то исключительного феномена в Греции V в. — по тому же пути шли и другие полисы. Несмотря на скудость источников, можно думать, что широкое развитие рабства и соответственно проникновение его в сферу производства наблюдаются на Хиосе — одном из самых богатых полисов V в. О роли рабства здесь очень определенно говорит Фукидид. Рассказывая об отпадении Хиоса от Афинской архэ и последующей высадке на остров афинского войска, Фукидид далее пишет следующее: «Ведь на Хиосе было гораздо больше рабов, чем где-либо в другом городе (кроме Лакедемона), и эти рабы, именно из-за их многочисленности, подвергались там за свои провинности слишком суровым карам. Поэтому, поскольку афиняне, казалось, прочно и надолго утвердились в своих укреплениях, большинство рабов тотчас перебежали к ним» (VIII, 40). Рабов там использовали в ремесле (каменоломни, изготовление пурпура, керамики, металлообработка и др.) и сельском хозяйстве, прежде всего в виноградарстве и виноделии. Античная традиция именно Хиос называет первым полисом, где стали применять труд покупных рабов-чужеземцев. Уроженец Хиоса историк Феопомп сообщает: «Хиосцы первые из эллинов (после фессалийцев и лакедемонян) начали пользоваться рабами. Однако способ приобретения рабов был у них не тот, что у тех... Ибо лакедемоняне и фессалийцы обратили в рабство эллинов, ранее населявших страну, которой они теперь обладают... Хиосцы же приобретали себе рабов-варваров за плату»¹. Таким образом, Хиос был первым из тех центров, где развилось, как бы мы сказали, рабство классического типа.

Крупнейшими центрами рабства были также Коринф и Эгина. Хотя сообщаемые источниками цифры количества рабов явно завышены, именно эти полисы в глазах эллинов являли собой яркие примеры широкого развития рабовладения. В современной литературе единодушно счи-

¹ Цит. по: Античный способ производства в источниках/Под ред. С. А. Жебелева и др. Л., 1933, с. 12.

тают, что распространение рабства в Коринфе и на Эгине в первую очередь связано с развитием ремесла.

Те же черты общего процесса развития рабовладения демонстрируют Сицилия и Южная Италия. В Сиракузах с момента основания полиса возникла система, напоминающая спартанскую илотию. Монопольным правом на землю и политическими правами обладали лишь первооселенцы — гаморы, от которых зависело местное население — киллирии (киллирии, калликирии). В V в. на смену этой системе зависимости приходит рабство классического типа. Его развитию способствовали многочисленные войны полисов друг с другом и с местным населением. Интересен в этом отношении рассказ Диодора (XI, 25) о разделе военнопленных между союзниками, разгромившими карфагенян в битве при Гимере. Пленных делили в соответствии с числом воинов, участвовавших в бою от каждого из союзников. Больше всего получили акрагантцы: некоторым из них досталось до 500 пленников. Способствовала росту численности рабов и Пелопоннесская война, особенно несчастная для Афин экспедиция в Сицилию. Фукидид сообщает, что афиняне обратили в рабство всех жителей города Гиккары, которых затем продали в Эгесте (VI, 62; VII, 13). После поражения афиняне сиракузяне старались тайком увести пленников, и «вся Сицилия была полна ими», так что «число воинов, захваченных в качестве пленников государства, было ... не особенно значительно» (VII, 85).

Таким образом, можно полагать, что V век был в некоторых отношениях поворотным в истории социально-экономического развития; рабство классического типа распространяется в Греции, внедрившись в первую очередь в наиболее развитых в экономическом отношении полисах, а в некоторых полисах вытесняя более архаические формы зависимости. Именно в это время происходил социально-экономический «эксперимент» всемирно-исторического значения: рабство приобретает наиболее законченную форму, становится основным способом эксплуатации чужого труда в обширном регионе, осваиваются новые методы эксплуатации рабов в сельском хозяйстве и ремесле, вырабатывается рабовладельческая идеология.

Сельское хозяйство в V в., несмотря на рост ремесла и торговли, оставалось главной отраслью экономики древней Греции. В сельском хозяйстве была занята и основная часть населения страны. Как писал Фукидид, объясняя, почему афинянам было трудно переселиться в город — по предложению Перикла — во время Пелопоннесской войны, «большинство населения Атики... по старинному обычаю все-таки жило со своими семьями в деревнях» (II, 16). Для сельского хозяйства в V в. характерно сочетание старых, традиционных черт и ряда новых явлений, связанных с процессом экономического и социального развития Эллады. Никаких серьезных изменений не произошло ни в технике обработки земли, ни в наборе культур. Ведущей оставалась так называемая средиземноморская триада: зерновые (пшеница и ячмень), оливки и виноград. Определенное значение имели садоводство и огородничество. Крупный рогатый скот использовался ограниченно, только в качестве тягловой силы, мелкий же (овцы и козы), наоборот, был распространен весьма широко, давая молочные продукты, мясо, шерсть. Подобный состав стада обусловил ряд нежелательных последствий: постепенное снижение плодородия почвы (в результате отсутствия удобрений) и гибель горных лесов и кустарников, что, в свою очередь, приводило к эрозии почвы. В последующем веке этот процесс зашел достаточно далеко, вызывая уже беспокойство современников (в частности, Платона), но начался он, бесспорно, раньше.

Новые явления в сельском хозяйстве связаны прежде всего с распространением рабского труда и ростом товарности сельского хозяйства. Как

отмечалось выше, именно в V в. все большую роль в сельском хозяйстве стали играть рабы классического типа. К сожалению, до нас не дошли произведения греческих авторов, подобные сочинениям римских агрономов, которые могли бы показать, каким образом в Греции происходило освоение этого принципиально нового метода ведения хозяйства. Исходя из тех немногих сведений, которые содержатся в источниках, следует полагать, что одной из серьезных проблем, которые стояли перед земледельцем, использовавшим труд рабов, была проблема контроля: в мелких и средних хозяйствах она решалась просто, так как сам крестьянин работал рядом с рабами, сам выступал организатором их труда и сам контролировал его; в крупных хозяйствах важнейшая роль принадлежала управляющему (тоже рабу или вольноотпущеннику), однако и хозяйский контроль считался совершенно необходимым.

Вторая новая черта сельского хозяйства в V в. — увеличение его товарной направленности и соответственно региональной специализации. Эти явления порождал целый комплекс причин, причем некоторые факторы воздействовали на экономику еще с эпохи архаики, другие же, в сущности, только в V в. Для обычного греческого хозяйства (ойкоса) характерна поликультурность, которая, в сущности, и создавала возможность хозяйственной автаркии. Однако уже в архаическую эпоху недостаток плодородной земли и общий рост населения, особенно городского, вызвали дефицит хлеба. В результате колонизации на периферии греческого мира возникло несколько крупных земледельческих зон, откуда зерно в значительном количестве вывозилось в Грецию: Сицилия, особенно Сиракузы, и Северное Причерноморье — главным образом Боспорское царство. Когда в Афинах, например, обсуждался вопрос об экспедиции в Сицилию, Никий, по словам Фукидида (VI, 20), в качестве одной из причин могущества Сиракуз отметил то обстоятельство, что «хлеб они выращивают сами и не ввозят его» и в этом у них «большое преимущество перед нами». Сицилия снабжала зерном Пелопоннесский полуостров (Там же, III, 86), где, видимо, во всех областях, кроме Лаконики и Мессении, его не хватало, а Северное Причерноморье — полисы, расположенные в Эгейском море, в первую очередь Афины. В V в. в качестве еще одного экспортера зерна выдвинулся Египет.

Усиление значения импорта зерна, возрастание его масштабов, регулярность поступления привели к тому, что в Элладе все более отчетливо стала развиваться региональная специализация сельского хозяйства. Так, Аттика специализировалась на выращивании оливок и производстве оливкового масла, острова Фасос и Хиос — на виноградарстве и виноделии. Фукидид (VIII, 45) называет хиосцев «богатейшими из эллинов», и хотя Хиосу, как и многим другим полисам, своего хлеба не хватало, богатство ему обеспечивал вывоз прославленного вина. Виноделие составляло предмет гордости Хиоса, и на его монетах рядом с фигурой сфинкса изображалась известная всему греческому миру хиосская амфора. Распространение рабского труда также послужило одной из причин усиления товарной направленности сельского хозяйства. Ориентация производства на рынок, в свою очередь, была одной из важных причин распространения рабского труда в сельском хозяйстве. Богатый источник сведений об этом аспекте жизни Аттики представляют комедии Аристофана. Яркой иллюстрацией может служить одна сцена в комедии «Женщины в народном собрании», где афинский крестьянин продает виноград, чтобы на вырученные деньги купить муку (ст. 817 и след.). Приведем также еще одно свидетельство — о хозяйстве Перикла. Плутарх в его биографии (XVI) пишет, что «годовой урожай он продавал весь сразу и потом покупал все нужное на рынке». Разумеется, этот пример не типичен; более того, Перикл, если верить его биографу, сам придумал такую систему «для управления состоянием, доставшимся ему от отца».

Но для нас важно другое: Периклова система могла возникнуть и действовать эффективно (Перикл «к денежным делам не относился безразлично») только в условиях определенного уровня развития товарно-денежных отношений, причем (подчеркнем это) Перикл считал ее наиболее удобной, и при всей его занятости состояние не доставляло ему «много хлопот и не отнимало времени».

Конечно, не следует преувеличивать степени проникновения товарности в земледелие Греции. Во многих областях натуральная основа хозяйства оставалась практически непоколебленной. Более того, даже в наиболее экономически развитых полисах принцип автаркии, экономической замкнутости хозяйства, сохранил свою значимость и оказывал сильное воздействие на характер экономики. В новых условиях — при развитии товарности и распространении рабского труда — наблюдается своеобразный симбиоз старых и новых принципов ведения хозяйства. Даже те крестьяне, которые ориентируют производство на рынок, стремятся к тому, чтобы сколь возможно большая доля необходимых продуктов производилась на месте. Практически это означало, что только одна культура (в условиях Афи, вероятнее всего, оливки) была рассчитана на продажу, в целом же хозяйство оставалось поликультурным, и все, что было необходимо для жизни хозяина и его семьи, стремились производить сами.

Проблема распределения земельной собственности — одна из наиболее дискуссионных в современной науке. К сожалению, сколько-нибудь информативные данные источников есть только для Аттики. По подсчетам Э. Вилия⁸, в начале IV в. (он считает возможным относить эти цифры к незначительным модификациям и к V в.) картина распределения земли в Аттике следующая: 10% земли занимали хозяйства площадью более 12 га, 30% — от 5 до 12, 30% — от 2 до 5, 30% — менее 2 га. Сознавая всю относительность этих подсчетов, мы приводим данные Э. Вилия, ибо они дают хотя бы приближенное представление о распределении земельной собственности. Как считают большинство современных ученых, Аттика в V в. оставалась страной мелкого и среднего землевладения. Бесспорно, здесь имелись крупные хозяйства, и в источниках неоднократно упоминается об участках земли площадью до 20—30 га⁹. Часть подобных владений, очевидно, восходит еще к архаической эпохе. Один из примеров такого большого владения — хозяйство Кимона, о котором рассказывает в его биографии Плутарх (X). Кимон «велел снести ограды, окружавшие его владения, дабы чужеземцы и неимущие сограждане могли, не опасаясь, пользоваться плодами». Однако подобное хозяйствование, конечно, не типично, и будущее было не за ним. Современные исследователи считают, что при подсчете потребностей в рабочих руках можно пользоваться римскими нормами (с некоторыми поправками в сторону увеличения вследствие более трудных природных условий). Хозяйство, имеющее 25 га, требовало согласно этим нормам до 20 рабов.

Насколько можно судить по источникам, концентрации земли в Аттике в V в. не наблюдалось. И крестьяне, и крупные собственники стремились сохранить свои участки, особенно старые, унаследованные от отцов. Продавались и покупались обычно не эти земли. Общественное мнение осуждало людей, продававших «отцовские» земли, владение землей считалось престижным. Аренда земли не получила в V в. широкого распространения. Иная ситуация складывалась в Спарте, где, несмотря на равенство клеров, уже начался процесс концентрации земельной собственности.

⁸ Will E. *Le monde grec l'Orient*. P., 1980. T. 1. Le Ve siècle, p. 640 sq.

⁹ См.: Античная Греция. М., 1983, т. 1, с. 270.

Зависимость Эллады от импорта хлеба оказывала влияние не только на сельское хозяйство, но и на ремесло. Вывоз некоторых сельскохозяйственных продуктов не мог покрыть ввоза, и для сбалансирования торговли была лишь одна возможность — экспорт ремесленной продукции. Но в колониях ремесло начало развиваться рано, параллельно с освоением хоры, удовлетворяя повседневные нужды переселенцев. В таких условиях метрополия должна была вывозить изделия более высокого качества, превосходящие рядовую продукцию местного рынка. В современной литературе, посвященной этим проблемам, выработаны два понятия для определения всего производимого обществом: «жизненно необходимая продукция» и «продукция, удовлетворяющая культурные потребности». Итак, в обмен на жизненно необходимую продукцию Эллады, особенно наиболее экономически развитые полисы, более чем другие зависящие от импорта продуктов питания, должна была развивать ремесло, продукция которого не только была ориентирована на широкий рынок, но и отличалась более высоким качеством. Наряду с этим и в сельской местности, и в городах работали ремесленники, удовлетворявшие повседневные потребности. Изготовление орудий труда, одежды, мебели и других предметов быта, строительство рядового жилища осуществлялись местными ремесленниками (часто руками хозяина ойкоса и членов его семьи). Техника и технология этого ремесла вряд ли серьезно менялись на протяжении столетий, продукция отличалась простотой, рабский труд использовался минимально.

Таким образом, очевидно, в греческом ремесле можно отметить как бы два уровня: ремесло, удовлетворявшее обычные, повседневные нужды, мало связанное с рынком, отличавшееся простотой изготавливаемых предметов и соответственно простотой технической и технологической базы, с малой долей рабского труда, и ремесло, ориентированное на более широкий рынок, в том числе и заморский, привлекавшее покупателей высоким качеством изделий; здесь широко применялся рабский труд и трудились ремесленники высокой квалификации. Конечно, предложенную схему нельзя абсолютизировать. Спрос на изделия высокого качества, в том числе на предметы роскоши, разумеется, предъявляла и сама метрополия. С другой стороны, полисы Эллады вывозили и такие изделия, которые по тем или иным причинам на периферии не производились.

Подобный характер ремесла определялся еще в архаическую эпоху, и в этом отношении V век ничего принципиально нового не принес. Но был ряд факторов, которые появились, в сущности, только в V в., оказывая определенное, иногда достаточно сильное, воздействие на развитие ремесла. Общий прогресс общества, естественно, сказывался и на ремесле: чем более развивалось общество, чем сложнее становилась его структура, тем больше возрастали потребности и соответственно усложнялись задачи, стоявшие перед ремеслом. Как кажется, развитие греческого общества в V в. не требовало ни новых отраслей ремесла, ни новой техники и технологии, вполне удовлетворяясь уровнем, достигнутым в эпоху архаики. Задача заключалась в том, чтобы приспособить существующую технику и технологию к новым потребностям. Самая важная из них — расширение масштабов производства. Значительная часть Эллады пострадала от нашествия персов, освобождены были от персидской власти островные и малоазийские полисы, еще не успевшие оправиться от разгрома, которому они подверглись в ходе подавления ионийского восстания, — отсюда необходимость восстановления и строительства новых зданий и общественных сооружений, храмов, театров, городских стен и т. п. В дальнейшем создание Афинского морского союза и связанный с этим подъем отдельных полисов вызвали грандиозное строительство, равного которому по размаху Эллада ранее не знала. Перестройка Пирея, сооружение новых портов, широкая строительная программа, осуществлявшаяся

ся на афинском Акрополе,— только самые яркие примеры. Афины и некоторые другие полисы активно создавали военно-морской флот, и для новых триер требовались дерево, парусное полотно, канаты, металл (и соответствующие мастера). Рост внешней торговли повлек за собой расширение торгового флота. Потребности в металлах вызвали бурное развитие горного дела. С началом Пелопоннесской войны резко возросла потребность в оружии. В общем, во многих отраслях ремесленного производства в V в. наблюдался подъем, вызванный рядом причин. Особенно ярко он проявился в крупных экономических центрах, таких, как Афины или Коринф. В условиях рабовладельческого общества этот экономический рост достигался не за счет интенсификации производства, а в первую очередь путем увеличения числа мастерских и численности ремесленников.

К сожалению, основная информация, которой мы располагаем, относится только к Афинам. Но эти свидетельства ценны прежде всего тем, что в них упоминаются многие профессии, а отсюда можно сделать вывод о степени разделения труда. Рассказывая о строительстве в Афинах при Перикле, Плутарх в его биографии (XII) приводит целый список профессий: плотники, мастера глиняных изделий, медники, каменотесы, размягчители слоновой кости, граверы, крутильщики канатов, веревочники, шорники, строители дорог, рудокопы. Живая зарисовка принадлежит Аристофану в комедии «Птицы» (ст. 489—492): стоит только прозвучать петициной песне,

Как встают для работы ткачи, гончары, кузнецы, заготовщики кожи,
Мукомолы, портные, настройщики лир, все, кто точит, сверлит и строгают,
Обуваются быстро, хоть ночь на дворе, и бегут...

(Пер. С. Анра).

Другие комедии Аристофана позволяют к этому списку добавить иные профессии, перечень которых показывает, что в ремесле уже был достигнут определенный уровень разделения труда. Так, наряду со столярами упоминаются мастера по изготовлению колес, кроватей; наряду с керамистами работают мастера, изготавливающие только светильники; рядом с кузнецами действуют ремесленники, занятые разными видами металлообработки. Аристофан называет мастеров, изготавливающих сельскохозяйственные орудия, в том числе плуги и (отдельно) мотыги. Помимо оружейников, появляются специалисты по изготовлению копий, махайр. Некоторые профессии, названные Аристофаном очень общо, например керамист, на самом деле включали несколько специальностей. Разделение труда внутри керамической мастерской хорошо иллюстрируют рисунки на аттических вазах: один человек работает на гончарном круге, второй формует сосуд, художник его расписывает, наконец, у обжигательной печи трудятся двое, выполняющие разные операции. Перечень, составленный на основании комедий Аристофана, естественно, не может включать всех ремесленников. В нем, например, не отражены профессии, связанные с кораблестроением и горным делом. Горное дело было одной из важнейших отраслей экономики Афин. Добыча и обработка руды требовали рабочих различных специальностей. Непосредственно в шахтах работали забойщики и откатчики (в среднем в каждой шахте соответственно 10 и 20 человек), а также 20 подсобных рабочих. В мастерской, расположенной на поверхности, где обрабатывали и обогащали руду, в среднем, по подсчетам З. Лауффера¹⁰, трудились 30—35 человек, выполнявших несколько операций. Наконец, в плавильной мастерской, где получали не только серебро, но и свинец, работали от 8 до 20 человек также нескольких специальностей.

¹⁰ Lauffer S. Die Bergwerkssklaven von Laureion, I, S. 47 f.

Таким образом, можно полагать, что в наиболее передовых полисах развитие ремесленного производства означало не только количественный рост числа работников и соответственно продукции, но и большее разделение труда, что свидетельствует о прогрессе ремесла с точки зрения организации процесса производства. Еще одной важной чертой ремесла V в., как уже отмечалось, является широкое привлечение рабского труда. Современные исследователи согласны в том, что в V в. именно в ремесло больше, чем куда бы то ни было, проник рабский труд. Использование в широких масштабах труда рабов, организация производства, основанного на рабском труде, также свидетельствуют о прогрессе древнегреческого ремесла в рассматриваемое время.

Однако не следует преувеличивать роль рабов в ремесле. Действительно, если, например, в Афинах горное дело практически почти полностью основывалось на рабском труде, то в других отраслях наблюдается сочетание труда рабов и свободных — граждан и метеков. У нас нет, к сожалению, материалов для того, чтобы представить количественное соотношение этих трех категорий. Единственное исключение — отчеты о строительстве храма Эрехтейона на Акрополе. Среди зафиксированных в отчетах работников 35 метеков, 20 граждан и 16 рабов, однако нет никаких оснований считать эти цифры показательными. Экономический подъем Афин сделал этот полис весьма привлекательным для ремесленников, и, видимо, справедливо мнение, что среди них численно самую значительную группу составляли метеки.

Итак, ремесло в V в. представляло собой весьма неоднородную картину. Существовала масса мелких мастерских, в которых работало по несколько ремесленников (свободных граждан, метеков) с одним или несколькими рабами. Эти мастерские, как правило, удовлетворяли повседневные потребности жителей городов и деревень. Наряду с ними известны большие мастерские с десятками рабочих, основную долю которых составляли рабы. Они были ориентированы на производство либо высококачественной продукции, предназначенной для продажи, в том числе и на внешних рынках, или оружия. Видимо, самыми крупными по масштабам, основанными почти исключительно на рабском труде были «предприятия» в горном деле, особенно по добыче руды драгоценных металлов и ее переработке. Наконец, ряд изделий (ткани, одежда, орудия труда) в деревнях изготовлялся самими потребителями или кустарями-одиночками.

Проблема торговли в античном мире является в настоящее время одной из самых дискуссионных. В последние годы получила определенное распространение концепция крупного западного антиковеда М. Финли⁴¹, который, справедливо рассматривая торговлю как производное от характера общества, считает, что поскольку основная экономическая единица древнегреческого общества — замкнутый ойкос, а полис — это сумма ойкосов и благодаря этому — автаркичный организм, то и торговля была неразвитой и решающая роль принадлежала неторговым формам обмена. Однако противники этой точки зрения противопоставляют ей множество фактов, свидетельствующих о значимости торговли в экономике античной Греции.

Уже из сказанного о сельском хозяйстве и ремесле ясно, какое значение имела торговля и в каком направлении она прежде всего развивалась в течение V в. Идеал автаркии для многих полисов, особенно наиболее экономически развитых, стал недостижим. В этом отношении показателен тот смысл, который данное понятие приобретает в V в.: оно означает не полную экономическую замкнутость и самообеспеченность,

⁴¹ *Finley M. I. Ancient Economy*. L., 1975; см. также рец. Е. М. Штаерман. — ВДИ, 1977, № 2, с. 165 и след.

а способность обеспечить посредством торговых связей (или иным путем) все необходимое. Как заметил современник, «ведь нет такого государства, которое не нуждалось бы в привозе или вывозе чего-нибудь». Ведущую роль для Греции играл импорт продуктов питания, особенно зерна. Основные районы, откуда поступало зерно, как уже отмечалось, — Северное Причерноморье, Сицилия и Египет. Помимо хлеба, в торговый оборот были включены также некоторые виды сырья. Греция особенно была заинтересована в сырье, необходимом для кораблестроения; строительный лес, ткани для парусов, металл чаще других упоминаются в источниках.

Взамен из Греции вывозили изделия ремесла, преимущественно высокого качества, отдельные виды сельскохозяйственной продукции, прежде всего оливковое масло и вино, а также драгоценные металлы. Наиболее значительную информацию об этом дает археологический материал. Так, Афины славились своей великолепной расписной керамикой, которая широко распространилась по всему Средиземноморью. Эта торговля знала свои взлеты и спады, причины которых невозможно определить на современном уровне наших знаний. В Сицилии и Кампании (Южная Италия), например, с последней трети VI в. наблюдается рост ввоза аттической керамики, а после 450 г. намечается явный спад. В Этрурии максимальный подъем приходится на последнюю треть VI в., а в первую половину V в. происходит некоторый упадок, который завершается резким снижением после 450 г. Но, с другой стороны, примерно с середины V в. увеличивается поступление аттической керамики в районы Адриатики. В течение V в. расширяются торговые связи между Афинами и городами Северного Причерноморья. Особенно заметно аттический импорт усиливается к концу столетия. Коринф и Аргос славились своими мастерскими по обработке металла, особой известностью пользовались коринфские бронзовые изделия, которые также широко распространились по Средиземноморью.

Торговля осуществлялась преимущественно по морю, вследствие чего островные и прибрежные полисы были в большей мере вовлечены в нее, чем расположенные в глубине материка. Весьма показательным в этом отношении, что для автора так называемой псевдоксенофоновой «Афинской политики» торговля — это торговля именно морская (II, 3). В Греции того времени почти не было сухопутных дорог и наземный транспорт стоил много дороже, чем морской, хотя в источниках есть указание и на перевозку товаров по суше на большие расстояния. Крупнейшим торговым центром в V в. стала гавань Афин Пирей: сюда поступало множество товаров, здесь они перепродавались и отсюда расходились по разным областям и полисам. Наряду с Пиреем значительную роль (хотя и в меньшей мере) играли и другие порты. Так, в городах, расположенных у Мессенского пролива, сходились торговые пути из Ионического и Тирренского морей. Фаселис в Памфилии был центром связей Финикии с Эгейдой, Керкира — своего рода распределителем товаров для Адриатики. По словам Фукидида (IV, 53), Кифера была лакедемонским портом, «служившим пристанищем для грузовых судов на пути из Египта и Ливии».

Рост значения внешней торговли в V в. нашел отражение в том факте, что именно в это время чеканка монеты широко распространилась во всем греческом мире. К сожалению, для большинства полисов неизвестно место происхождения драгоценных металлов, из которых чеканилась монета. Города, чеканившие электроновые монеты (Кизик, Фокея, Митилена), получали металл из соседних областей Малой Азии, Фасос использовал Пангейские рудники (пока их не отняли у него Афины), как и некоторые другие полисы (Абдеры, Маронея, Энос). Афины в этом смысле имели громадное преимущество, располагая Лаврионскими рудниками, которые давали очень много серебра. Но неизвестны источники серебра

для ряда городов, чеканивших свою монету в большом количестве, таких, как Коринф и Эгина. Считается, что драгоценные металлы, особенно серебро, поступали в Элладу с «варварской» периферии. Предполагают, что города Сицилии получали серебро из Испании, Коринф — из Иллирии, Кирена — из Африки. Во всяком случае, ясно, что золото и серебро в большинстве чеканивших монету полисов поступали также в качестве товара, и в обмен они должны были вывозить свои товары, но никаких данных об этом в источниках нет. Полисы, владевшие драгоценными металлами, такие, как Афины и города фракийского побережья, торговали ими, вывозя их и в те регионы, где еще не существовало монетарной экономики, в частности в Финикию и Египет, в виде монеты, которая воспринималась там как металл. Под влиянием усилившихся торговых связей с Грецией в V в. ряд финикийских городов начинает чеканить свою монету.

В течение века расширяется зона, охваченная постоянными торговыми связями. Даже самые отсталые и глубинные районы все больше втягиваются в международную торговлю. В этом отношении весьма показательны те дискуссии, которые шли в Пелопоннесском союзе накануне открытого разрыва между Спартой и Афинами, приведшего к войне. Как передает Фукидид (I, 120), коринфские послы, побуждая к началу войны, указывали другим полисам Пелопоннеса на опасность, которую представляет для них морская мощь Афин: они не смогут получать морем те товары, в которых нуждаются, и не смогут вывозить те товары, которые производят сами. Учитывая аграрный и отсталый (по общему мнению) характер большинства полисов Пелопоннеса, мы должны будем признать, что торгово-денежные отношения глубоко проникли в экономику Греции в V в.

Развитие внешней торговли, естественно, предполагает все более глубокое проникновение товарно-денежных отношений на внутренние рынки отдельных городов. Обратимся снова к Афинам, жизнь которых невозможно представить без торговли. Достаточно вспомнить представление о «профессиональном» составе афинского общества, которое зафиксировано в комедии Аристофана «Плутос»: земледельцы, купцы, ремесленники (ст. 903—905). В комедиях Аристофана, затрагивающих проблему войны и мира, антитезой войны выступает не просто мир, а мир, сопровождающийся торговлей (особенно ярко — в «Ахарнях»). Помимо безличных торговцев, кабатчиков и кабатчиц, Аристофан называет торговку хлебом и торговку медом, старьевщиц, торговцев овощами, рыбой, благовониями, оружием (и отдельно — щитами), работорговца. Как видим, торговля в Афинах носила уже специализированный характер. Интересны данные Аристофана и о товарах, которые продавались в Афинах: мука, зерно (отдельно упомянуты рожь и ячмень), мед, сдобные слойки, вино, смоквы, яйца, разнообразная птица (гуси, перепела, крапивники, нырки, сороки, голуби, утки), рыба — не менее разнообразная (селедка, карп, салакушка, сардель, копаидский угорь), мелкая живность, сыр (особенно выделяется сицилийский), масло (особо отмечается родосское), лук, чеснок, приправы, уксус, мята. Не менее длинен список и иных товаров, продававшихся и покупавшихся здесь: критская одежда, хитоны, гиматии, «плащ из прекраснейшей шерсти фригийской», плащ из Экбатан, мегарские плащи, сандалии, персидские и лаконские башмаки, керамика, коврики, шерсть (особо выделяется милетская), милетские же ковры, сардский пурпур, лаконские замки, венки, дрова, угли. А вот что сказано в комедии другого современника, афинянина Гермиппа: «Сколько добра везет Дионис по темному морю на черном корабле людям: из Кирены — стебли сельфия и бычьи кожи, из Геллеспонта — скумбрию и всякую соленую рыбу, из Италии — полбу и бычье мясо ... из Сиракуз — свиней и сыр... из Египта — висячие паруса и

папирус, из Сирии — ладан; прекрасный Крит шлет кипарис для богов, Ливия — обилие слоновой кости для продажи, Родос — виноград и сушеную смокву, вызывающую хорошие сны, из Эвбеи доставляют груши и тучные овцы, из Фригии — рабы... Пагасы посылают невольников и клейменных рабов, пафлагонцы — каштаны и красивый миндаль, Финикия — финики и крупчатку, Карфаген — ковры и пестрые подушки»¹². Перед нами — яркая картина, показывающая, чем именно славилась различные полисы и регионы и что именно служило предметом купли-продажи. Но этот отрывок важен и в другом отношении — как свидетельство широких торговых связей Афин и соответственно тех областей, которые посылали свои изделия сюда (и вывозили отсюда, как надо думать).

Сопшемся, наконец, еще на один источник: анонимный автор «Афинской политики», перечисляя преимущества Афин как морской державы, упоминает и о том, что «всякие вкусные вещи, какие только есть в Сицилии, в Италии, на Кипре, в Египте, в Лидии, в Понте, в Пелопоннесе или где-нибудь в другом месте, — все это собралось в одном месте благодаря владычеству над морем» (II, 7. *Пер. С. И. Радцига*). Как видим, на афинском рынке продавались товары, как собственно аттические, так и поступавшие извне — и из других полисов и из-за пределов греческого мира. В общем, ситуация в Афинах не была исключительной, хотя афинский рынок выделялся обилием и разнообразием товаров.

Вся торговля сосредоточивалась в городах, и в сознании крестьянина город ассоциировался прежде всего с торговлей, рынком. Герой комедии Аристофана «Ахарняне» Дикеополь, придя поутру на площадь, где обычно заседало народное собрание, чтобы добиться мира и вернуться к привычной сельской жизни, восклицает (ст. 33—36):

Мне город мерзок. О село желанное!
Там не кричит никто: «Купите укусу!»,
«Вот угли! Масло!» Это там не водится:
Там все свое, и нет там покупателей
(*Пер. С. Анра*).

Сложным является вопрос о торговой политике полисов. В современной западной науке общим местом стало утверждение, что греческие города не проводили сознательной экономической (торговой) политики. Это утверждение представляется односторонним, поскольку ученые, стремясь выявить специфику античной экономики, вместе с тем в данном случае исходят из представлений эпохи капитализма (протекционизм). Имеющийся в нашем распоряжении материал источников позволяет, во всяком случае применительно к Афинам, говорить, что таковая политика была. Главная задача заключалась в том, чтобы обеспечить для торговых судов безопасность морского пути из Северного Причерноморья в Пирей. Афины утвердились в проливах — Боспоре и Дарданеллах, поставили под свой контроль Херсонес Фракийский, острова Лемнос, Имброс и Скирос, захватили Гестию на о. Эвбея. Следует также вспомнить об активной разработке Лаврионских рудников и деятельности Афин во Фракии по установлению контроля над Пангейскими рудниками. Все эти меры предстают перед нами как единая, целенаправленная политика, отвечающая сложившейся обстановке. Вместе с тем не все в политике Афин было реалистичным. Например, «мегарская псефисма», запрещавшая доступ на рынки Афин и их союзников гражданам Мегар, или попытка унифицировать денежное обращение в пределах Делосской симмахии. Все это говорит о том, что Афины иногда переоценивали свои возможности, пытались решить политические проблемы экономическими методами или

¹² Цит. по: Античный способ производства в источниках, с. 249.

создать в Восточном Средиземноморье экономическое единство, для которого условий тогда не было.

Однако в целом Афинский морской союз, несомненно, оказал благотворное воздействие на развитие экономики, в том числе торговли. Безопасность морских сношений, усиление связей между многими полисами, между Элладой и периферией способствовали расширению и укреплению экономических связей, которые стали жизненной потребностью Средиземноморского мира в последующие времена. Именно в V в. возникают меняльные лавки (трапезы), одной из функций которых стало кредитование морской торговли; развивается торговое право.

3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Обращаясь к политическим структурам, необходимо иметь в виду большую неоднородность Эллады в характере и уровне развития. Если для наиболее передовых обществ V век — время расцвета полиса, то в некоторых более отсталых областях страны происходит еще его становление. Наибольшее влияние на Грецию с точки зрения эволюции не только экономики, но и политической организации в целом оказали процессы, происходившие в Афинах — полисе, развивавшемся наиболее динамично. Классическая фаза развития полиса в Афинах означала становление законченной демократической системы. Другое принципиально новое явление рассматриваемого столетия — создание Афинского морского союза. Однако тенденция к объединению, столь явственно проявившаяся здесь, находила и иные формы выражения. Крупное объединение полисов Сицилии возглавили Сиракузы. Возникали и федеративные государства — в Фессалии, Беотии и др.

Роль Афин заставляет обратить особое внимание на политическую эволюцию именно этого полиса. Реформы Клисфена при всей их глубине все же не создали подлинно демократического строя, только открыв путь к нему. Показательно, что и самого термина «демократия» еще не существовало и режим, установившийся тогда в Афинах, обычно назывался «исономией» («равноправием»). В политической жизни этого периода наблюдаются как конфликты, типичные для архаической эпохи, так и иные, рождающиеся из новой социально-экономической реальности. Большую роль еще продолжали играть старые распри между аристократическими родами, сторонниками Писистратидов и Алкмеонидов. Однако постепенно в Афинах выкристаллизовывались новые социальные отношения, складывалась новая политическая обстановка. Реформы Клисфена — результат мощного движения демоса — в корне подрывали традиционные связи, объединявшие аристократические семейства с окрестными крестьянами; они усиливали роль демоса, создавали возможность для возникновения политических группировок, отражавших уже новую ситуацию. Возрастает значение тех слоев афинского гражданства, благосостояние которых было связано с развитием ремесла и торговли. Эта наиболее подвижная, энергичная часть граждан, менее зависевшая от традиционных форм социальной и политической жизни, выступала за то, чтобы переориентировать политику Афин, обратить ее к морю. В основе такого строя мыслей лежали чисто экономические причины. Более чем другие оторвавшиеся от земли, эти слои оказались теснее связаны с рынком и, что особенно важно, более заинтересованы в поступлении хлеба из-за моря. Сильный военный флот, который обеспечил бы безопасность морских путей, представлял для них жизненную необходимость. Вождем этой группировки выступил Фемистокл, неустанно ратовавший за строительство военного флота. Мощной политической силой становилось атическое крестьянство. Освободившись благодаря реформам Солона от угро-

зы порабощения, эмансипировавшись политически от влияния аристократии в результате реформ Клизфена, крестьянство активно перестраивает свое хозяйство, усиливаются его связи с рынком. Укрепление крестьянского сектора экономически приводило к постепенному росту и политического значения крестьян. Заинтересованные в мире, они не склонны были выязываться в какие-либо далекие авантюры, но, вкусив свободы и благосостояния, были готовы насмерть драться за них. Однако еще очень традиционное крестьянство часто ориентировалось по-старому на аристократию, вместе с тем не прощая ей покушений на свою свободу и свои права. Афинская аристократия переживала упадок. Реформы Солона и Клизфена, тирания Писистрата подорвали в большой мере ее экономическое и политическое значение. Особенно тяжелым для нее оказалось уничтожение традиционных форм зависимости крестьянства, поскольку аристократия лишилась той рабочей силы, которая обрабатывала ее земельные владения. Этому слою сильнее, чем другим, нужно было перестраиваться, чтобы найти свое место в новой социальной обстановке. Но традиции довели и над ней, борьба отдельных аристократических родов ослабляла ее, попытки проводить старую политику в новых условиях завершались поражениями. Понадобился длительный срок, чтобы аристократия смогла органично войти в новую структуру полиса.

Важнейшим этапом в развитии демократии в Афинах стала деятельность Фемистокла, который сумел добиться решения о создании военного флота. Эта мера не только спасла Афины в годы персидского нашествия и создала огромный личный престиж Фемистоклу, она резко подняла значение беднейших слоев граждан, служивших во флоте, т. е. четвертого имущественного разряда граждан — фетов. В эти годы не проводится никаких конституционных реформ, но резко меняется социально-психологический климат. В полисном мире нерасторжима связь между полноправием гражданина и его обязанностью защищать родину. Пока основу вооруженных сил полиса составляло ополчение гоплитов, голос фетов практически ничего не значил. Теперь же, когда флот стал основой могущества Афин, резко изменилось и отношение к «корабельной черни» в народном собрании. Сами древние прекрасно сознавали связь между ростом морского могущества Афин и демократизацией их строя. Как писал в своей «Политике» (V, 3, 5, 1304a) Аристотель, обобщая тогдашний исторический опыт греков, «корабельная чернь, став причиной Саламинской победы и благодаря ей гегемонии Афин на море, способствовала укреплению демократии».

Процесс демократизации не был прямолинейным. Политика Фемистокла вызывала сильное противодействие аристократических кругов, причем опирались они на Ареопаг, авторитет которого возрос в первые годы греко-персидских войн, когда Ареопаг выступил организатором переселения граждан. Именно в это время начинает складываться олигархическое политическое направление и олигархическое политическое мышление. Афинская аристократия сплачивает свои силы, ее признанным вождем выступает Кимон. Можно полагать, что в основе этого процесса лежало разрешение аристократией главного вопроса — о методах хозяйствования. Победы Кимона дали Афинам огромное количество рабов, и аристократия отныне широко использовала их, благодаря чему смогла выйти из того тупика, в который ее завели реформы Солона и Клизфена, и вернуть (во всяком случае, отчасти) свои утраченные экономические позиции. Массовую опору она нашла в крестьянстве, которое, видимо, было против широкой внешнеполитической активности и против роста значения «корабельной черни» в лице фетов. Союз аристократии и крестьянства нашел воплощение в политическом союзе Кимона и Аристида.

Господство аристократии, однако, было недолгим. Политика Кимона в ряде пунктов находилась в резком противоречии с интересами основ-

ных слоев демоса, его проспартанская ориентация, мешавшая усилению Афины, вызвала резкое недовольство граждан. Политические противники Кимона — демократы во главе с Эфиальтом — перешли в наступление, направив главный удар против оплота олигархов — Ареопага. В 462 г. по решению народного собрания Ареопаг был лишен своих политических функций (переданных Совету 500 и гелиее) и из влиятельного органа государственного управления превратился в судебный орган, разбиравший лишь некоторые преступления. И хотя в отместку Эфиальт был убит из-за угла, ничего уже изменить было нельзя.

Вскоре вождем демократов становится младший сподвижник Эфиальта Перикл, при котором демократия в Афинах достигает наивысшего расцвета. Перикл — самый крупный политический деятель V в. Это был дальновидный политик, храбрый воин, блестящий оратор. Получив прекрасное образование (среди его учителей был философ Анаксагор), он отличался широтой взглядов, смелостью суждений, верил в силу человеческого разума. Перикл стремился не только упрочить демократию и усилить военно-политическую мощь Афин, но и превратить свой город в центр просвещения и культуры Эллады. В его доме собирались самые известные деятели культуры того времени, он был дружен с историком Геродотом, трагиком Софоклом, скульптором Фидием. Лично честный, преданный родному полису и его демократическому строю, Перикл пользовался огромной популярностью среди демоса, который выбирал его на должность стратега в течение 15 лет (с 444/3 г. до н. э.).

Политическая деятельность Перикла была направлена прежде всего на дальнейшую демократизацию государственного строя Афин. Отметим ее важнейшие аспекты. Фактически перестал существовать имущественный ценз: любой афинский гражданин отныне мог быть избран на любую должность. Увеличилось число магистратов, которые отныне избирались по жребию, в чем, с точки зрения греков, наиболее полно выражались принципы демократии. Голосованием избирались только члены коллегии стратегов и некоторых финансовых коллегий, для работы в которых требовались специальные знания.

Перикл стремился к тому, чтобы афинская демократия была реальной, чтобы она не только провозглашала демократические принципы, но и обеспечивала участие всех, в том числе самых бедных граждан, в политической жизни полиса. Это достигалось рядом мер. Введена была оплата судей в размере двух оболов, что примерно равнялось дневному заработку бедняка. Позднее оплачиваться стала должность членов Совета 500 и ряда магистратов. Второе направление деятельности Перикла — усиление военного флота и введение оплаты граждан, служивших здесь (плавание эскадр продолжалось до восьми месяцев). Тем самым достигались две цели: Афины имели сильный военный флот (к началу Пелопоннесской войны он достигал 300 триер), оснащенный опытными экипажами, и обеспечивалось существование малоимущих граждан, которые как раз и служили во флоте. В Афинах разворачивается грандиозное строительство, которое также давало средства для жизни многим беднякам.

Наконец, еще одна весьма важная сторона этой обширной деятельности — выведение клерухий (военно-земледельческих колоний). На землях ряда входивших в Афинский морской союз полисов селили афинских граждан — клерухов (они сохраняли свои гражданские права). Клерухии были созданы на островах Андрос, Наксос, Эвбея, в Херсонесе Фракийском и других местах, общая численность клерухов достигла 10 тыс. Перикл, как сообщает Плутарх в его биографии (XV), выводил клерухии, «руководствовался желанием освободить город от ... беспокойной толпы и в то же время помочь бедным людям, а также держать союзников под страхом и наблюдением, чтобы предотвратить их попытки к восстанию».

Иными словами, практика выведения клерухий на земли союзников последовала не только военно-политические, но и социальные цели.

Итак, при Перикле в Афинах завершается оформление демократического строя, создается и его материальная база. Нельзя, разумеется, думать, что эта демократия явилась результатом исключительно деятельности Перикла. Перикл, видимо, интуитивно осознал требования исторического момента, которые стояли перед афинским обществом, и упорно стремился к их удовлетворению. В основе лежали процессы, которые в это время происходили в сфере социально-экономической. Победы, одержанные демосом, начиная с реформ Солона, привели к тому, что значительную массу граждан Афин составляли средние крестьяне, и здесь не сложилось никакого другого слоя, который имел бы возможность поставить себя над ними. Общество средних и мелких независимых крестьян могло в таких условиях функционировать только в форме «крестьянской» республики. Дальнейший толчок развитию демократических тенденций в Афинах дало широкое распространение рабства. Демократический режим представлял естественную форму сплочения всего гражданского коллектива перед лицом новой угрозы. В связи с этим следует отметить одно немаловажное, с нашей точки зрения, обстоятельство: именно в это время происходит интеграция в афинскую демократическую систему и аристократии. Классовый антагонизм между рабами и рабовладельцами стал неизмеримо сильнее, чем противоречие между демосом и аристократами. Наиболее яркий пример — сам Перикл, сын победителя при Микале Ксантиппа, связанный по материнской линии с родом Алкмеонидов (его мать — племянница Клисфена), один из богатейших людей Атики. Показательны уже упоминавшиеся сведения Плутарха о хозяйстве Перикла — его организация на основе законченной товарности свидетельствует о том, что и экономическое мышление Перикла отвечало духу времени. Афинская аристократия, перестраивая свое хозяйство на основах рабского труда и товарности, становилась тем самым принципиально близкой основной массе афинских граждан, жизнь которых, особенно в городе, все более связывалась с рынком. С другой стороны, политические амбиции аристократии вполне удовлетворялись тем, что благодаря своему образованию, возможности посвящать большую часть времени политической деятельности она становится политическим руководителем демоса и полиса.

Таким образом, в V в. в Афинах сформировалась демократическая система, которая, несмотря на все удары, нанесенные ей в годы Пелопоннесской войны, доказала свою жизнеспособность. В связи с этим конечно двух олигархических переворотов, которые (как уже упоминалось) потрясли афинскую демократию в последние годы этой войны — в 411 и 404 гг. Видимо, основы этого кризиса были заложены более ранними событиями. При внимательном изучении источников создается впечатление, что во внешней политике Афин шла борьба двух тенденций: к безудержной экспансии и к прочному освоению того, что уже находилось в их руках. Перикл, проявляя политическую мудрость, сколь возможно стремился преявлять экспансию, которая могла привести к трагическому разрыву между обширностью целей и ограниченностью средств. Видимо, эта политическая тенденция в основе своей определялась самим характером рабовладельческого способа производства с приматом принуждения, внеэкономической эксплуатации. Хищнический способ хозяйствования требовал экстенсивного роста, что воплощалось в стремлении расширить зону, которая зависела от Афин и эксплуатировалась ими внеэкономическими средствами. Носителями этой тенденции выступали те слои, которые сильнее всего были связаны с морем, благосостояние которых больше, чем других граждан, зависело от Афинской архы, от внешней экспансии. Именно этот слой создал то, что в современной

науке принято называть «радикальной демократией». «Радикальная демократия» решительно выступила на сцену уже после смерти Перикла, однако первые проявления ее политики относятся еще ко времени его деятельности. Политика же Перикла базировалась на стремлении примирить тенденцию к безудержной экспансии, отвечающую интересам «корабельной черни», и более умеренную, основу которой составляли аттические крестьяне. Также заинтересованные в Афинской архе, в развитии торговых связей, они тем не менее были не склонны идти на авантюры, проявляя большую умеренность и осторожность. Социально-психологические основы такого образа мыслей, естественно, определялись образом жизни крестьян, натуральные начала в хозяйстве которых были очень сильны. Кроме того, крестьяне были особенно заинтересованы в мире, ибо походы отрывали их от земли. В результате аттическое крестьянство представляло силу, достаточно активно противостоящую безудержной экспансии.

После смерти Перикла на политику Афин все большее влияние стали оказывать «радикальные демократы» во главе с Клеоном. Широкая экспансия, решительность в методах ведения войны, полное подавление союзников — таковы основные принципы их политики. В ходе войны углубились противоречия внутри гражданского коллектива. Крестьянство, более других страдавшее от войны, было готово активно противостоять «радикальным демократам». Часть богатейших людей Аттики (таких, как Никий, основу богатства которого составляли серебряные рудники Лавриона, где работа нередко прерывалась из-за военных действий) также оказалась в стане их противников. В современной научной литературе как-то мало обращают внимания на то обстоятельство, что в обоих олигархических переворотах весьма активную роль играли «умеренные олигархи». Можно полагать, что это политическое течение представляло главным образом крестьян Аттики, стремившихся введением земельного ценза сокрушить «радикальную демократию», в которой они видели главную причину своих бедствий. Весьма характерна в этом отношении комедия Аристофана «Ахарняне», поставленная в 425 г. до н. э.: война здесь — пьяная старуха, которая все громит, творит лихие дела, топчет виноградники, тогда как мир несет счастье, радость и богатство и ассоциируется с сельским трудом:

Я вращу, во-первых, лозы, чтоб стояли как стена,
А за ними встанет дружно цепь смоковниц молодых...
А вокруг всего участка — молодых маслин кольцо

(ст. 995—996, 998. Пер. С. Анта).

Разрыв союза между городским и сельским демосом способствовал активизации олигархов. Следует, видимо, согласиться с высказывавшимся в современной литературе мнением, что «олигархических заговорщиков» нельзя понимать просто как прямых потомков аристократов, выступавших в начале V в. Это — качественно иное движение. Заговорщики вышли не из аристократии, которая в значительной своей части интегрировалась в демократическую систему, — это потомки тех аристократов, которые не смогли приспособиться к новым условиям, лишились своих богатств, «деклассировались». Неудовлетворенность настоящим, жажда богатства и власти, беспринципность и жестокость — вот черты, им присущие. Характерны два обстоятельства: направленность их политики против богатей (как граждан, так и метеков) и отсутствие какой-либо позитивной программы. Подобные заговоры могли созреть и осуществиться только в той кризисной обстановке, которая сложилась в эти годы, отмеченные противостоянием городского и деревенского демоса, полным провалом «великодержавной» политики, военными поражениями. Реальной почвы для олигархического строя в Афинах не было, и олигархические пере-

вороты оказались хотя и кровавыми, но только эпизодами в их истории. Почти сразу же после восстановления мира демократия в Афинах возрождается.

В политической структуре Афин важнейшее место занимало народное собрание (экклесия). Народное собрание, воплощавшее суверенный народ (коллектив граждан), не знало каких-либо ограничений в своей компетенции. Эффективность деятельности экклесии обеспечивалась как тем, что заседания ее проходили достаточно часто (до 40 раз в год), так и принципом исагории: правом каждого гражданина на выступление, полной свободой слова, возможностью поставить на обсуждение любой вопрос. В заседаниях экклесии имели право участвовать все граждане, достигшие 20 лет. Второй по значению орган в системе афинской демократии — Совет 500 (Буле). Важнейшая его функция — пробулеветическая, т. е. подготовка вопросов для обсуждения их экклесией. Кроме того, Совет наблюдал за деятельностью магистратов. Члены Совета избирались по жребию сроком на год. Буле являлось постоянно действующим органом: в течение каждой из 10 частей года действовала дежурная часть Совета (притания), состоявшая из 50 представителей — от каждой из 10 фил Аттики. В случае чрезвычайных обстоятельств Совет мог заседать и в полном составе. Встречающееся иногда в литературе противопоставление Совета народному собранию (по типу противопоставления Сената комициям в Риме) лишено всяких оснований, так как система комплектования Совета и его полная подотчетность народному собранию делали это совершенно невозможным и случаи конфликта между Буле и экклесией неизвестны.

Важнейший юридический орган Афин — народный суд (гелиея), который состоял из 6 тыс. граждан. Гелиасты также избирались по жребию сроком на год. Гелиея делилась на комиссии по 500 человек каждая, где разбирали различные судебные дела. Для более важных дел соединялись две, а иногда и три комиссии, и лишь в редчайших случаях собирались все. Помимо чисто судебных дел, гелиея принадлежала еще одна, очень важная прерогатива: всякое принятое народным собранием законоположение должно было получить апробацию в гелиее, т. е. проверку на соответствие его основным принципам государственного устройства. Эту роль гелиея нельзя рассматривать как ограничение суверенитета народного собрания, поскольку гелиея, в сущности, представляла ту же экклесию, но организованную по иному принципу.

Для системы магистратур характерно несколько основных принципов, которые неукоснительно проводились в жизнь: очень большое число их, чем достигалось максимальное привлечение граждан к управлению государством; жесточайший контроль со стороны гражданского коллектива над деятельностью магистратов — каждый магистрат по истечении срока был обязан отчитаться в своей деятельности перед специальной комиссией, Советом, иногда экклесией; кроме того, вопрос о выполнении магистратом своих обязанностей любой гражданин всегда мог поднять в экклесии, и соответственно любой магистрат мог быть смещен. В течение V в. число магистратур финансового и юридического характера возрастает, что свидетельствует об усложнении структуры общества, о все большей роли экономического фактора в его жизни.

Кроме общегосударственных магистратур, были различные должности и на местах — в филах, демах, фратриях. Афинский гражданин, хотел он того или нет, втягивался в общественно-политическую жизнь своего государства. Участие в общегосударственных празднествах — торжественных шествиях, жертвоприношениях, состязаниях, общественных трапезах — также сплачивало гражданский коллектив.

Помимо прав, гражданин Афин имел, естественно, и обязанности: военная служба, участие в политической и общественной жизни поли-

са, уклонение от которой осуждалось; для более состоятельных граждан — литургии, т. е. обязанность оснащать за свой счет военные суда (триерархия), готовить театральные представления (хорегия) и др.

Афинская демократия представляла собой выдающееся явление в истории человечества. Впервые в истории общества не только появилось само понятие «демократия», «народоправство», но система эта последовательно проводилась в жизнь. Сознательная ориентация на привлечение к участию в управлении государством всех граждан, полная подотчетность всех органов управления народному собранию, абсолютный суверенитет экклесии — основные черты афинской демократической системы. Ни у кого из граждан или отдельных групп не было никаких средств и возможностей, кроме убеждения, чтобы навязать свою волю народному собранию. Эту систему некоторые современные ученые называют «прямой демократией».

Вместе с тем эта демократия, самая передовая для того времени, была демократией для меньшинства, так как распространялась только на граждан. Политическими правами не пользовались женщины, метеки — иноземцы, постоянно проживавшие в Афинах и составлявшие значительный процент ее населения (особенно велика была их роль в ремесле и торговле, поскольку они не обладали правом владения землей). Никаких политических прав не имели и рабы. Более того, демократия явилась своеобразной реакцией на развитие рабства, т. е. в конечном счете представляла форму организации рабовладельцев, средство противостояния рабам. Что касается граждан, то принцип прямого народоправства реально не мог быть полностью осуществлен, чему препятствовали два обстоятельства: собрания экклесии происходили очень часто, и не все граждане могли всегда присутствовать на них, особенно жившие в деревнях. Весьма показательно, что кворум, требовавшийся даже для решения особо важных дел, составлял только примерно четвертую часть граждан (если не меньше). И, во-вторых, чтобы убедить народное собрание — многотысячную аудиторию, нужно было заставить ее слушать себя, т. е. обладать определенными знаниями и мастерством, что давалось прежде всего образованием. Не случайно большинство популярных вождей V в. происходили из аристократических семей. Характерно в этом отношении замечание Плутарха в биографии Алкивиада (XXI) об одном из стратегов — Ламахе: человек он был храбрый, но бедность лишила его «какого бы то ни было веса и влияния» среди воинов. И все же даже противник демократии, автор Псевдоксенофоновой «Афинской политики», написанной во второй половине V в., не одобряя афинян, все же признает, что «они удачно сохраняют демократию» (III, 1).

Тенденция к развитию демократии достаточно отчетлива в Греции V в. Упомянем только о двух крупных полисах — Аргосе и Сиракузах. Демократия в Аргосе утвердилась вскоре после 494 г. до н. э., когда аргосцы были наголову разбиты в битве при Сепии. Потери полиса были столь велики, что пришлось принимать меры для восстановления гражданского коллектива — права гражданства получила часть неполноправного населения, и в дополнение к трем традиционным дорийским филам была создана четвертая. Эта, в общем, скромная реформа оказалась только прологом к полному переустройству государственной системы Аргоса, где установился демократический строй, видимо, напоминающий афинский.

Демократия в Сиракузах привлекает особое внимание исследователей, поскольку по характеру экономики они весьма близки Афинам. Интересно также наблюдение, сделанное Фукидидом (VI, 39, 2) в отношении Сиракуз, но, очевидно, имевшее значение для всей Греции, — о невозможности олигархического строя в городах с большим числом граждан. Важным представляется и еще одно обстоятельство: Сиракузы, подобно

Афинам, вели активную внешнюю политику, стремясь поставить под свой контроль все греческие города Сицилии, а также долго воевали с Карфагеном.

Во многих полисах борьба между демократическими и олигархическими силами носила упорный и жестокий характер. Наиболее подробно мы информированы о внутривнутриполитической борьбе на Керкире. Благодаря описанию Фукидидом того, что происходило здесь, можно составить представление об общем характере внутривнутриполитической борьбы в полисах в V в. Как уже упоминалось, особого обострения эта борьба достигла в годы Пелопоннесской войны, когда демократы получали помощь от Афин, а олигархии ориентировались на Спарту.

Из полисов с олигархическим государственным строем наиболее значительные — Коринф, Локры, Кротон, Регий, Акрагант. Основная масса олигархических городов — в первую очередь земледельческие, со слабо развитым ремеслом и торговлей. Исключение составляет Коринф, где, однако, олигархи, вероятно всего, опирались на военную помощь Спарты.

В политической теории и практике V в. Спарта выступала как символ олигархии, но существовавшая в это время в Лакедемоне государственная система была более сложной, и ее трудно определить однозначно. Собственно спартанский полис, коллектив полноправных граждан-спартиатов, представлял собой хотя и весьма примитивную, но демократическую систему (спартиаты гордились своим равенством). Олигархические черты ему придавали окружающие Спарту периекские полисы, автономные, но зависимые от нее, и огромные (по греческим масштабам) массы илотов — греков, эксплуатируемых спартанцами.

Другая форма политической организации греков (наряду с полисом) — союзы. Греки знали три основных типа союзов: амфиктионию, симмахию и симполитию. Амфиктионии — союзы религиозного характера, возникшие (еще в VI в.) вокруг особо почитаемого божества. Наиболее обычной формой объединения являлась симмахия, представлявшая собой военно-политический союз, все члены которого формально обладали равными правами.

Наибольшее влияние на события V в. (наряду с Пелопоннесским союзом, возникшим еще в VI в.) оказала Делосская симмахия. Первоначально Делосский морской союз практически не отличался от традиционных союзов эллинских полисов (в первую очередь от крупнейшего из них — Пелопоннесского), восходящих к VI в. Как уже говорилось, союз создали те малоазийские и островные полисы, которые собрались в 478/7 г. на Делосе, чтобы обсудить военные вопросы, поскольку Спарта отстранялась от войны с персами. Военное руководство перешло к сильнейшему полису — Афинам, т. е. возник в основе своей традиционный союз гегемонистского типа. Однако очень скоро союз приобрел ряд новых черт, которые в конечном итоге превратили его в принципиально новое политическое образование. К числу этих особенностей относятся: достаточно четкая организация; строгий контроль полиса-гегемона над внутренней жизнью союзников и многообразие форм контроля; явно выраженная тенденция к созданию единого государственного образования. Со временем определились две группы полисов, которые впоследствии даже официально стали называться «союзники» и «подчиненные». К первым относились крупнейшие полисы, непосредственно участвовавшие в войне с Персией (Самос, Лесбос, Хиос и др.), подавляющее же большинство членов союза ограничивали свое участие в нем уплатой форо́са. Это казалось (да и было) выгоднее, поскольку война не отвлекала граждан от хозяйства, но столь же выгодно это было и для Афин, которые на получаемые средства создали и содержали огромный флот, тем самым усиливая власть над союзниками. «Подчиненные» полисы были разделены на пять округов (Ионийский, Геллеспонтский, Фракийский, Карийский,

Островной), во главе каждого из которых стоял афинский уполномоченный, осуществлявший общее наблюдение над округом. Контроль за союзниками осуществляли также специальные уполномоченные, ведавшие раскладкой фороса (она производилась раз в четыре года, причем окончательное решение в случае жалоб со стороны союзников принадлежало афинской экклесии); в некоторых полисах помещались афинские гарнизоны, командиры которых также контролировали их жизнь. Ряд полисов лишился (как правило, после подавления антиафинского выступления) части своей земли, которую передали афинским гражданам — клерухам, также составлявшим один из элементов общей системы надзора.

В Афинах постепенно вырабатывалась и проводилась в жизнь (видимо, под влиянием Перикла) достаточно целенаправленная политика объединения союзных полисов в единый организм. Эта политика имела несколько аспектов. Прежде всего, Афины стремились создать социальную опору своей власти на местах — здесь (и чем далее, тем более настоятельно) устанавливались демократические режимы, которые, в свою очередь, в случае угрозы со стороны олигархов могли рассчитывать на помощь Афин. Афины стремились связать полисы и экономическими мерами, поставив под свой контроль торговлю союзных городов. Под контролем гегемона находились проливы, через которые шла основная масса зерна в Эгеиду; более того, все зерно должно было поступать в порт Афин Пирей, и только оттуда разрешалось вывозить его в другие города. Однако попытки создать еще большее экономическое единство в пределах союза путем введения единой (афинской) монеты, единых мер и весов окончились неудачей. Афины старались лишить союзников и юридической самостоятельности. Процессы по всем важным делам должны были проходить только в афинских судах. Наконец, при Перикле делались попытки превратить Афины в единый религиозный и культурный центр всего союза. Таким образом, Афины осуществляли всесторонний контроль над союзниками — военный, административный, юридический, экономический. Так постепенно в результате великодержавной политики Афин Делосская симмахия превратилась в Афинскую архэ. Внешне это выразилось прежде всего в том, что союзная казна в 454 г. была перенесена с Делоса в Афины.

Существование Афинского союза, безусловно, выражало достаточно отчетливо проявлявшуюся тенденцию к определенному единству греческого мира или, во всяком случае, его отдельных регионов. В рамках союза укреплялись экономические связи, господство афинского флота на море гарантировало безопасность торговых путей, афинские суда патрулировали на морях, борясь с пиратами. Как результат наблюдается подъем благосостояния большинства полисов — членов союза. Вместе с тем Афинский морской союз обладал рядом изначально присущих ему слабостей, в конечном итоге обречших его на гибель. Не следует преувеличивать экономического единства — глубокая натуральная основа экономики большинства полисов выражала другую, столь же постоянно действующую тенденцию — центристремительную. Важнейшими методами объединения были внеэкономические — военные, политические, юридические, но эти методы не могли окончательно решить проблему. Опора на демократию создавала мощную противодействующую силу — местных олигархов, которые, естественно, связывали воедино задачи борьбы против демократов с борьбой против Афин. И демократы далеко не всегда представляли надежную опору Афин, ибо, нуждаясь в их помощи, вместе с тем, особенно тогда, когда угроза со стороны олигархов оказывалась снятой, достаточно болезненно ощущали утрату суверенитета. Сама природа полиса как политически самостоятельного организма противилась действиям Афин по ограничению его суверенитета. Именно в этом, очевидно, заключалась основная причина слабости союза. Афины не смогли создать

объединение, в котором были бы жизненно заинтересованы все полисы или по крайней мере достаточно мощные силы внутри них. И дело здесь заключалось не в доброй или злой воле, а в природе полиса и общесоциальном опыте. Полисный принцип исключительности означал наличие очень резких границ для полисного коллектива и особый тип мышления, для которого характерен взгляд на весь мир только сквозь призму интересов своего полиса, его свободы, его благосостояния. Афинское гражданство тоже рассматривало союз только с точки зрения интересов родного полиса: союз для них представлял лишь средство обеспечить мощь и процветание Афин и соответственно их собственное благополучие. Афиняне очень быстро поняли, какие возможности открывает для них союз, и стали рассматривать союзную казну как свою собственную, используя форо́с, например, на строительство в Афинах. Характерна в этом отношении мечта героя комедии Аристофана «Осы», выраженная в свойственной комедии гротескной форме (ст. 707—711):

Ныне тысяча есть городов, что везут свою дань ежегодно в Афины;
Если б каждый из них обязали кормить от себя двадцать граждан афинских,
Двадцать тысяч людей проживало б тогда в изобилии полном: дичины,
Всевозможных венков, творога, молока от коров новотельных — по горло.
Так и следует жить людям славной страны, заслужившим трофей Марафона
(Пер. Н. Корнилова).

Афинянам постоянно приходилось противостоять союзникам, недовольство которых нередко выливалось в открытые восстания. Тогда посылали карательные экспедиции, восстания подавляли, город могли лишить стен, заставить уплатить контрибуцию, отторгали часть земли для клеруков. Крупнейшим было восстание союзников в 440—439 гг., когда отпали некоторые острова и города Малой Азии; особенно упорно сопротивлялся Самос, сдавшийся только после восьмимесячной осады.

Но и афинское гражданство в своем отношении к союзникам не было единодушным. Разногласия касались главным образом методов обращения с союзниками: дискуссии шли о том, в интересах каких слоев гражданства использовать союз и какими мерами поддерживать его единство. Аристократическая оппозиция, например, возражала против использования средств союза на широкое строительство в Афинах, что объяснялось, однако, не желанием облегчить положение союзников, а пониманием того, что, давая средства на жизнь беднякам, строительство тем самым способствует укреплению демократии. Среди самих демократов также обозначились определенные разногласия. Перикл и его сторонники стремились к тому, чтобы органично связать местных демократов с Афинами, сторонники «радикального» направления полагали, что важнейшее средство укрепления союза — запугивание и более жесткая эксплуатация. В ходе Пелопоннесской войны само развитие событий дало питательную почву для усиления таких настроений. Были увеличены размеры форо́са (за время существования союза форо́с возрос более чем втрое), наказания союзников стали очень суровыми. Окончание Пелопоннесской войны означало и конец Афинской архе. Стремление создать органически объединенный союз полисов в конечном счете разбилось о партикуляристскую природу самого полиса.

Еще одно новое явление в политической организации Греции V в. — государства федеративного типа (симполития), наиболее известные из которых — Фессалия и Беотия. С точки зрения конституционной организации они характеризовались тем, что полисы, входившие в их состав, передавали часть своих прерогатив верховному органу, управляющему всей федерацией. В Фессалии в V в. возник «койно́н (т. е. союз) фессалийцев». Его внешняя политика определялась правительством этого союза, тогда как внутренние дела решались в пределах каждой из тетрад

(четыре объединений, составлявших в целом Фессалию). Основную политическую силу представляла земледельческая аристократия, рождающиеся же в рамках союза полисы были местом средоточения демократических элементов. Политическую обстановку в Фессалии характеризуют борьба соперничающих родов, развитие полисов, стремление пенестов (зависимого крестьянства) освободиться от зависимости.

Несколько иной была ситуация в Беотии, где федеральный союз образовался на базе уже существовавших полисов. В состав федерации входило 11 полисов, однако федеральное управление базировалось не на них, а на 11 территориальных единицах (мерах). Фивы, Платеи, Феспии и Орхомен (каждый) включал по две меры, Танагра — одну, а малые полисы составляли вместе две меры. Каждая мера посылала в общеоэтийский союз по 60 представителей, исполнительный орган состоял из 11 беотархов (по одному от каждой меры). Армия строилась по аналогичному принципу: каждая мера выставяла одну тысячу гоплитов и сто всадников. Во всех полисах союза политический строй был умеренно-олигархическим.

4. КУЛЬТУРА

Как и в других областях жизни, в культуре V в. до н. э. наблюдается сочетание традиционных черт, восходящих к архаической и еще более ранним эпохам, и совершенно иных, порожденных теми новыми явлениями в социально-экономической и политической сферах, о которых говорилось выше. Рождение нового отнюдь не означало гибели старого. Как в городах строительство новых храмов весьма редко сопровождалось разрушением старых, так и в других сферах культуры старое отступало, но obviously не исчезало совершенно.

Важнейший новый фактор, оказавший наиболее значительное воздействие на ход культурной эволюции в это столетие, — консолидация и развитие полиса, особенно демократического. Не случайно наиболее яркие произведения материальной и духовной культуры рождались именно в Афинах. Но были и греко-персидские войны, вызвавшие подъем общегреческого патриотизма, осознание ценности эллинского образа жизни и его преимуществ; рост Афинского морского союза, приведший к сосредоточению в Афинах ярких деятелей культуры Греции. Огромную роль сыграла и сознательная политика руководителей Афин, стремившихся сделать родной город крупнейшим культурным центром Эллады, средоточием всего ценного и прекрасного, что было тогда в греческом мире. Наконец, определенное воздействие на развитие культуры оказала Пелопоннесская война, породившая чувство безысходности и отчаяния у ряда представителей интеллектуальной элиты.

В первой половине V в. происходят важные изменения в религиозной идеологии греков. К сожалению, они известны нам мало и отражаются чаще всего в литературных произведениях, из-за чего бывает трудно понять, возникло ли данное явление в результате индивидуального или группового творчества либо отражает широко распространенное представление. Подъем классического полиса, победа над персами имели важные последствия для народного мировоззрения. Современными исследователями отмечается рост религиозности среди греков. С точки зрения традиционных представлений в войне с персами на стороне греков сражались и их божества, о чем, в частности, упоминает Геродот. Победа греков над персами соответственно воспринималась как свидетельство могущества греческих богов. Вторым важным обстоятельством, связанным с подъемом классического полиса, является чувство исторического оптимизма, которое отразилось и в религиозном сознании. Зевс, все более занимавший доминирующее место в пантеоне, приобретает

в мыслях и чувствах греков черты гаранта справедливости. Эти идеи очень отчетливо выражены у Пиндара и Эсхила. Интересную в этом отношении эволюцию претерпевает образ Зевса у Эсхила. В трилогии о Прометее Зевс первоначально выступает как тиран, но в последней трагедии примиряется с Прометеем, готовым умереть за людей. В «Орестее» Эсхила торжествует идея возможности решить все, даже самые сложные и мучительные проблемы, путем примирения: страшные богини Эринии превращаются в благодетельных Евменид. Убежденность в том, что правильно организованное гражданское общество покончит с кровавыми расправами, свойственными прошлому, — важнейшая черта этого комплекса представлений, в которых воедино слились и политические, и религиозные мотивы. Уверенность в том, что боги помогут человеку, если он лишен гордыни и примет свою судьбу, была присуща грекам той поры.

Важнейшей особенностью следующего, «Периклова» периода было усиление, по крайней мере в Афинах, тенденции к полному слиянию в рамках единого пантеона полисных и народных божеств. Самые древние божества Аттики Афина и Посейдон почитаются теперь совместно и на афинском Акрополе, и на мысе Суний. Укрепляется культ Афины; она почитается как Эргана (Работница) ремесленниками, воины и матросы поклоняются ей как Афине Промахос (Воительнице), она — защитница женщин, занятых ремеслом, покровительница оливок и оливководства, наконец, всякой умственной деятельности, всего рационального. Растет влияние культа Диониса, в котором отчетливо прослеживаются демократические тенденции. Элевсинские мистерии пользуются огромной популярностью благодаря учению о личном посмертном спасении для тех, кто посвящен в них, тогда как для неприобщенных уготовано жалкое существование в подземном мире. По-прежнему велик престиж общеэллинских святилищ в Олимпии и Дельфах, однако несколько падает значение Делоса, после того как он оказался полностью под властью Афин.

Последняя треть V в. позволяет говорить об определенном кризисе религиозного сознания греков, чему было несколько причин. Тяжелейшие бедствия, обрушившиеся на эллинский мир в годы Пелопоннесской войны, сломили тот дух оптимизма, который господствовал в предшествующие годы, и одновременно подорвали веру в благость богов — гарантов существующего порядка. Вторая важная причина кризиса — усложнение характера общества, его социальной структуры, которым перестали соответствовать традиционные религиозные идеи, восходящие к глубокой древности. Прежде это несоответствие оставалось вне поля внимания современников, теперь же в новой, чрезвычайно сложной обстановке несоответствие буквально бросалось в глаза. Литература этих лет полна насмешек над богами, традиционными верованиями и ритуалами. Однако парадоксальность ситуации заключалась в том, что те самые граждане, которые вчера смеялись над богами, смотря комедию, завтра участвовали в торжественных религиозных церемониях в честь тех же божеств. Все это свидетельства наметившегося разрыва между религиозными чувствами гражданина и религиозной политикой государства, ранее невозможного в греческом мире. Наконец, в числе причин — и одновременно результатов — духовного кризиса следует назвать критику традиционных представлений и установлений общества, в том числе религии, со стороны софистов. Софистические идеи более всего распространились среди верхушки общества. Не зря народное мнение Афин в «деле гермокопидов» считало виновниками святотатства Алкивиада и его друзей, людей того же круга. Вместе с тем нельзя преувеличивать масштабы и глубину этого кризиса. Именно в обстановке упадка старых представлений рождались новые религиозные идеи. В частности, в это время становится популярной идея о личной связи человека с божеством. Ее мы встречаем, например, у Еврипида, в общем весьма негативно относившегося к тради-

ционными взглядам. Возрастает значение новых культов, например бога врачевания Асклепия. Некоторые старые культы вновь возрождаются в связи с изменением их функций. Упадок традиционных верований приводит к широкому проникновению в Элладу иноземных культов, фракийских и азиатских. Для религиозного сознания эпохи характерно также распространение мистицизма.

В философии V в. ведущим направлением оставалась натурфилософия, сложившаяся в Ионии в предшествующем столетии. Наиболее яркие представители стихийно-материалистической натурфилософии этого времени — Гераклит Эфесский, Анаксагор и Эмпедокл. Основным направлением их исследований по-прежнему было стремление создать всеобъемлющие космогонические системы. Подобно натурфилософам прошлого, философы V в. основное внимание уделяли поискам первичного элемента мира. Гераклит, например, видел его в огне. Значение Гераклита в истории философии определяется тем, что он ввел положение о диалектическом развитии материального мира как о необходимом присущей материи закономерности. Диалектическое единство противоположностей формулируется Гераклитом как постоянно возникающая гармония взаимодополняющих друг друга и борющихся противоположностей. Основные принципы своей философии он сформулировал в ряде широко известных максим: «Все течет», «Нельзя в одну реку войти дважды» и др. Эмпедокл и Анаксагор также уделяли основное внимание первичным элементам мира. Согласно Анаксагору, мир первоначально представлял собой неподвижную смесь, состоящую из мельчайших частиц («семян»), которой придал движение ум (нус). Анаксагорова концепция ума означала радикальное противопоставление источника движения инертной материи; она оказала значительное воздействие на дальнейшее развитие философской мысли (идеи «первичного толчка» в философии нового времени). Эмпедокл видел четыре первичных элемента (он их называл «корнями всех вещей»): огонь, воздух, землю и воду. Все материальные вещи, по Эмпедоклу, состоят из этих четырех элементов, количественно и качественно не изменяемых, соединенных в различных пропорциях. Движение материи (как и у Анаксагора) определяется находящимся вне ее разумом — организующим принципом космоса, преодолевшим изначальный хаос. Теория четырех элементов благодаря ее восприятию Аристотелем оставалась фундаментом европейской физики до XVII в. Большое влияние, в том числе на Платона и Аристотеля, оказала также теория ощущений Эмпедокла (бывшая для него и теорией познания), согласно которой в «поры» органов чувств проникают материальные «истечения», отделяемые от воспринимаемого объекта.

Наивысшего расцвета древнегреческий материализм достиг в учении Левкиппа из Милета и Демокрита из Абдер. Левкипп заложил основы атомистической философии. Его ученик Демокрит не только принял космологическую теорию своего учителя, но расширил и уточнил ее, создав универсальную философскую систему. Согласно этой теории, мир состоит из пустоты и движущихся атомов — бесконечно малых неделимых частиц, качественно однородных и неизменяемых, но различных по форме и размерам; атомы движутся в пустоте, их соединения приводят к созданию всего вещного мира. Все живое отличается от неживого наличием души, которая, по его мнению, состоит из сферических подвижных атомов. Душу Демокрит считал смертной: когда тело умирает, атомы души рассеиваются в пространстве. Важнейшее положение в учении Демокрита — идея о движении как присущем материи качестве. Движение — не результат влияния нематериального духа, или нуса, а свойство самой материи. Впервые в истории философии Демокрит создал развернутую теорию познания, исходный пункт которой — чувственный опыт. Но истинная «природа» вещей (атомы), по Демокриту, недоступна чувству и

постигается лишь с помощью мышления. Как и Эмпедокл, Демокрит объяснял чувственное восприятие истечениями (потоки атомов, отделяющихся от воспринимаемого тела). Большое место в учении Демокрита занимали социальные и этические проблемы. Наилучшей формой государственного устройства он считал демократию, наивысшей добродетелью — безмятежную мудрость. Демокрит был многосторонним ученым, известен список его сочинений (70 названий), обнимающих все области знания того времени. Материалистическая философия Демокрита оказала огромное влияние на развитие европейской философии и естественных наук.

В V в. продолжалось традиционное противостояние натурфилософии, материалистической в своей основе, и пифагорейзма. Пифагорейское учение по-прежнему пользовалось большей популярностью в Великой Греции, чем в собственно Элладе.

Все философские школы начала V в. объединяло стремление создать единую универсальную космологическую и онтологическую концепцию, объяснить единство и разнообразие мира. И в этом они являлись бесспорными продолжателями дела философов архаической эпохи. Однако примерно с середины V в. в духовной жизни Греции происходит решительный поворот: отныне в центре философии оказывается не мир, а человек. В этом духовном перевороте немалую роль сыграли софисты (от греч. слова «софос» — «мудрый»). Возникновение софистического движения, как уже отмечалось, связано с общим усложнением структуры общества, что нашло свое выражение как в увеличении числа социопрфессиональных групп, появлении прослойки профессиональных политических деятелей, так и в возрастании объема конкретных знаний, необходимых для успешной политической деятельности. Софист, странствующий и обучающий за плату учитель мудрости и красноречия, — естественный результат процесса профессионализации знаний. Другая причина рождения софистического движения — логика внутреннего развития самого знания. Всеобъемлющие космологические учения натурфилософов покоились, в сущности, на очень шатких основаниях, будучи в основе своей умозрительными. Чем далее, тем труднее стало согласовывать в рамках единых концепций множество отдельных эмпирических наблюдений и выводов частных наук с такими генеральными схемами космоса. Чем сильнее обозначался разрыв между натурфилософией и реальными знаниями, тем большим становился общественный скептицизм в отношении натурфилософии. Выразителями этого скептицизма и стали софисты.

Для софистов в целом характерно критическое отношение к сложившимся традициям, причем свое теоретическое обоснование этот активный критицизм находил в проблеме критерия истины, решительно поставленной софистами: можно ли доверять человеческим знаниям? Как проверить, истинны они или ложны? Общей чертой учений софистов был релятивизм. Этому способствовал сам характер деятельности софистов, которые учили молодых людей защищать любую точку зрения. В основе такого обучения лежало представление об отсутствии абсолютной истины и объективных ценностей. Самые знаменитые представители софистического учения — Протагор из Абдера и Горгий из Леонтина — внесли существенный вклад в разработку проблем гносеологии, но решения их были релятивистскими, а иногда и скептическими. Протагор выдвинул положение об относительности всех явлений и восприятий и их неизбежной субъективности («человек есть мера всех вещей»). Согласно традиции, Протагор положил начало словесным состязаниям, в которых софисты прибегали к логическим передержкам и парадоксам, получившим уже в древности название софизмов. Однако воспринимать софистическое движение только негативно (как это подчас делается) было бы неверно. Софисты способствовали широкому распространению знаний в Греции. Кро-

ме того, позитивная наука укреплялась, сталкиваясь с таким мощным противником, как софистический скептицизм. Судя по сохранившимся свидетельствам, некоторые софисты высказывали мысли, противоречившие традиционным религиозным верованиям. Так, Протагор утверждал, что не знает, существуют ли боги, а одному из «тридцати» тиранов софисту Критию приписывается взгляд на религию как выдумку хитрого политика для обуздания простого народа.

Непримиримым врагом софистов в Афинах выступил Сократ, хотя с точки зрения обыденного сознания (как, например, оно отражено у Аристофана) сам Сократ — не только софист, но даже глава их. Сократ был, скорее всего, не философом, а народным мудрецом, противостоящим софистам, но воспринявшим все то позитивное, что содержало их учение. Сократ не создал своей школы, хотя и был постоянно окружен учениками. Он полагал в отличие от софистов что истина все же существует и может быть найдена в споре. Сила Сократа состояла в разработанном им методе ведения дискуссии, когда серий простых и наивных на первый взгляд вопросов он доводил своего оппонента до признания неправильности его позиции, а затем тем же методом доказывал справедливость собственной позиции. В основе учения Сократа, в сущности своей идеалистического, лежит идея об объективно существующем духе, познаваемом мудрецами. Во взглядах Сократа отразились некоторые новые явления жизни греческого общества, в первую очередь афинского. Он подчеркивал необходимость профессиональных знаний для успешной деятельности в любой сфере жизни, откуда делались и политические выводы: руководителю государством — это также профессия, и необходимо, чтобы ею занимались тоже профессионалы. Эта концепция была абсолютно противоположна основополагающим принципам афинской демократии, согласно которым управление полисом — дело каждого гражданина. Тем самым учение Сократа создавало теоретическую базу для олигархов, что и привело его в конце концов к непримиримому конфликту с демосом, закончившемуся осуждением и смертью Сократа. Его карикатурно изобразил в комедии «Облака» Аристофан, но в сознание последующих поколений вошел другой образ Сократа, с замечательным мастерством нарисованный его учеником Платоном как пример кристально честного, независимого мыслителя, ставящего искания истины выше всех других побуждений.

V век можно считать временем рождения науки как специальной сферы деятельности. Натурфилософия архаической эпохи и первой половины V в. в сущности представляла своего рода синтетическую науку, в которой сливались и общекосмогонические построения, и наблюдения и выводы более частного характера, принадлежащие отдельным научным дисциплинам. Однако такой характер древнегреческая наука могла сохранять только до определенного уровня. Расширение сферы знания, увеличение его суммы приводили не только к отпочковыванию от натурфилософии отдельных наук, но и (иногда) к конфликту между ними. Особенно показательен прогресс в медицине, связанный в первую очередь с деятельностью Гиппократов. Основная черта Гиппократовой медицины — строгий рационализм; по мнению Гиппократов, все болезни вызываются естественными причинами. Гиппократ требовал индивидуального подхода к больному, считая, что каждый конкретный случай определяется особенностями как самого пациента, так и той естественной средой, в которой он находится. В течение V в. в самостоятельную научную дисциплину превращается математика, освобождаясь от влияния пифагорейцев и становясь предметом профессиональной деятельности ученых, не примыкавших ни к какому философскому направлению. Важным для развития математики было создание дедуктивного метода (логический вывод следствий из небольшого числа исходных посылок). Прогресс математического знания особенно заметен в арифметике, геометрии, стереометрии. К это-

му времени относятся также значительные успехи в астрономии. Анаксагор был первым ученым, давшим правильное объяснение солнечным и лунным затмениям.

Лишь применительно к V в. можно говорить и о рождении историографии: на смену ионийским логографам приходят историки. Современные исследователи ставят рождение истории как науки в связь с оформлением демократии и соответственно углублением политического сознания граждан. Гражданин, создающий своей политической деятельностью современную историю, хотел знать и историю, которую творили его предки. Именно поэтому вершиной греческой историографии стал строго рационалистический труд Фукидида. Переходным звеном от логографов к Фукидиду можно считать Геродота, которого Цицерон назвал «отцом истории». Биография его известна только в самых общих чертах. Родился он около 481 г., умер между 431—425 гг. Приняв участие в борьбе против тирании в родном полисе, Геродот был вынужден покинуть Галикарнас. Он много путешествовал, посетив Персию, Скифию, Египет, пока не обосновался в Афинах, где стал другом Перикла и Софокла. Основная тема «Истории» Геродота — греко-персидские войны. Композиционно труд делится на две части: первая представляет как бы разросшееся введение, в котором наряду с собственно историческим сюжетом очень большое место занимают географические и этнографические экскурсы, посвященные отдельным странам, объектам персидской агрессии, — так называемые логосы. Ясно выделяются мидийский, египетский, скифский, ливийский, фракийский логосы. Вторая часть, главная, посвящена собственно истории греко-персидских войн: ионийскому восстанию, походу Дария, походу Ксеркса. Обрывается изложение описанием сражения при Сесте. В эту часть также включены многочисленные отступления. Жадное любопытство образованного ионийского грека фиксирует многое — удивительные происшествия, случаи из жизни великих людей, странные обычаи варварских народов, различные сооружения, необычных животных и т. д. К другим народам, в том числе персам, Геродот относится без всякой враждебности, что побудило Плутарха даже обвинить его в любви к варварам. Вместе с тем весь его труд пронизан глубоким убеждением в справедливости борьбы греков, уверенностью в превосходстве греческого образа жизни, преклонением и восхищением Афинами — спасителями Эллады.

Труд Геродота представляет по своей сути органическое слияние собственно исторического исследования и литературного рассказа. Его источники обширны и многообразны — от свидетельств литературной традиции до личных наблюдений. При всей доверчивости Геродота ему не чужды и приемы критики источника. Хотя на первом плане в объяснении причин исторических событий у него стоит деятельность отдельных людей, Геродот достаточно отчетливо сознает и некоторые глубинные причины событий. Основной причиной греко-персидских войн он считает столкновение двух завоевательных политик.

Темой труда Фукидида стала история Пелопоннесской войны. Коренной афинянин, связанный родством с семьей Кимона, блестящий ученик софистов, Фукидид был видным представителем верхушки афинского полиса. Однако его карьера внезапно оборвалась в 424 г., когда он, будучи стратегом, потерпел поражение у Амфиополя и был изгнан из Афин. Труд Фукидида — это современная ему история. Только в самом начале он дает в очень краткой форме общий очерк истории Эллады с древнейших времен, все остальное содержание строго ограничено поставленной задачей. Источники Фукидида весьма обширны, изгнание позволило ему ознакомиться с материалами, происходящими из обоих лагерей. Фукидид сам участвовал в войне, он приводит подлинные тексты договоров, надписи, использует труды предшественников, наконец, он собирал сведения от

непосредственных участников описываемых событий или от лиц, близко к ним стоявших. Фукидид сознательно противопоставлял свой метод методу своих предшественников — логографов и Геродота. Его можно считать родоначальником исторической критики: «Что же касается имевших место в течение войны событий, то я не считал согласным со своей задачей записывать то, что узнавал от первого встречного, или то, что я мог предполагать, но записывал события, очевидцем которых был сам, и то, что слышал от других, после точных, насколько возможно, исследований относительно каждого факта, в отдельности взятого» (I, 22). Фукидид свою задачу видит в том, чтобы создать правдивую историю Пелопоннесской войны. Он стремится выявить политические силы и сделать понятным своему читателю ход исторических событий. Отбрасывая все чудесное (занимавшее столь значительное место в труде Геродота), Фукидид пытается объяснить происходившее только «природой человека». Тем самым естественнаучный метод переносится им в сферу политической истории. Фукидид, как уже отмечалось, различает объективные причины войны и ее непосредственные поводы. Первые он ставит в связь с неизменной природой человека, одна из важнейших черт которого — постоянное стремление угнетать окружающих. В этом, по мнению Фукидида, заключается общий закон исторического развития и соответственно глубинная причина всех событий. Согласно природе человека действуют и коллективы людей, поэтому за всеми политическими событиями можно видеть рациональное, логическое. Однако история, с точки зрения Фукидида, не является механистическим процессом, познаваемым на основе логического анализа, ибо действуют и слепые силы (стихийные события, непредвиденное стечение обстоятельств — словом, все то, что обнимается понятием «слепой случай»). Взаимодействие рационального и иррационального и образует реальный исторический процесс.

Значительную роль отводит Фукидид и выдающимся политическим деятелям, особо выделяя их способность осознать направление исторического процесса и действовать в соответствии с ним. К числу таких деятелей он относит Фемистокла и Перикла. С другой стороны, политические деятели, которые не сознают этого, действуют в истории деструктивно (например, Клеон). Политические взгляды Фукидида — истинного афинянина эпохи Перикла, бесспорно, сказывались на изложении им описываемых событий, их трактовке. Однако при всей любви к Афинам Фукидид отдает должное и их противникам. Объективность — одна из основных, ценных и привлекательных черт его «Истории».

Значительные перемены, происходившие в греческой культуре на протяжении V в., отчетливо сказываются в литературе. Начало века видит закат хоровой лирики — того жанра литературы, который господствовал в архаическую эпоху; тогда же рождается греческая трагедия — наиболее полно отвечающий духу классического полиса жанр литературы.

Аристократическая по происхождению, идеям, способу выражения хоровая лирика переходит в V в. из предыдущего в лице таких признанных мастеров, как Симонид Кеосский и Пиндар из Фив. Придворный певец Писистратидов, покинувший Афины после падения тирании, Симонид впоследствии вернулся, примирившись с демократическим режимом, и даже сочинил надпись на памятнике тираноборцам. Вершины успехов Симонид достиг в годы греко-персидских войн, когда стал подлинным певцом борьбы греков за свою независимость. Личный друг и Фемистокла, и Павсания, он поднялся до осознания общеэллинского единства и общеэллинского патриотизма. Последующая слава Симонида больше всего основывалась на эпиграммах (коротких надписях на надгробных памятниках или на предметах, посвященных божеству), написанных на темы греко-персидских войн. Самая известная среди них — надпись на памятнике в честь павших при Фермопилах.

Последний и наиболее яркий певец греческой аристократии — Пиндар (он сам происходил из фиванского аристократического рода). Из многочисленных и разнообразных по жанру произведений Пиндара сохранились только эпиникии — песни, сочиненные в честь победителей (всего 45 стихотворений), которые составлялись не по собственной инициативе поэта, а заказывались ему, как правило, дорийской знатью и тиранами Сицилии. Уходящая со сцены аристократическая идеология, характерная для прошлого века, свое наиболее отчетливое, кристально ясное выражение нашла именно в творчестве Пиндара. Победа воспеваемого им героя — это естественный результат присущей победителю доблести (арете), которая определяется «породой» (принадлежностью к аристократическому роду, у которого доблесть «в крови») благодаря происхождению от богов), личными усилиями (возможными благодаря богатству), волей богов. Поскольку, по мнению Пиндара, богатство — это наследственное состояние, перешедшее к герою от доблестных предков, то в конечном счете и сама доблесть, и внешнее проявление ее — успех — являются результатом благоволения богов. Стиль Пиндара отличается торжественностью, пышностью, богатством изысканных образов и эпитетов, зачастую сохраняющих еще связь с образной системой фольклора.

Большинство дошедших до нас стихотворений соперника Пиндара Вакхилида также относится к жанру эпиникиев. В творчестве Вакхилида отчетливо заметно стремление приспособить традиционный жанр к новым задачам, новым условиям жизни. Ему чужд строгий аристократизм Пиндара. Хотя и у Вакхилида главная тема — доблесть, но понимается она уже по-иному, не как совокупность традиционных качеств аристократа, а как способность быть всегда на высоте, соответствовать любой задаче. Более интересны его дифирамбы, в которых лирически разрабатываются отдельные эпизоды мифов. Характерно, что среди дифирамбов Вакхилида видное место занимают те, в которых излагаются афинские предания, особенно о Тесее.

Однако новые общественные условия делали лирическую поэзию несовременным жанром, она уходила с авансцены вместе с породившей ее аристократией. На смену ей приходит театр — трагедия и комедия. Театр занимал особое место в жизни греков и во многом не был похож на современный. В Афинах театральные представления происходили первоначально раз в год (затем — дважды), во время праздника бога Диониса (Великие Дионисии), когда в течение трех дней с утра и до вечера шли спектакли, о которых затем говорили в течение всего года. Театр в отличие от хоровой лирики обращен ко всему демосу, он более демократичен, он служит трибуной, с которой обращаются к демосу те, кто стремится убедить его в правильности собственных идей и мыслей. Не случайно своего наивысшего расцвета театр в V в. достиг в Афинах, наиболее демократическом из полисов Эллады. Театр стал подлинным воспитателем народа, он формировал взгляды и убеждения свободных граждан Эллады. Театр был общественным институтом, включенным в систему полисных праздников. Театральное зрелище было массовым, зрителями являлась большая часть граждан, организация представлений — одна из самых важных и почетных литургий; со времени Перикла государство давало беднейшим гражданам деньги для оплаты билетов. Театральные представления носили состязательный характер, ставились пьесы нескольких авторов, и жюри, избранное по жребию из граждан, определяло победителя.

Античная традиция называет первым трагическим поэтом Феспида и указывает на 534 г. как на дату первой постановки трагедии. Эти ранние трагедии представляли скорее одно из ответвлений хоровой лирики, чем собственно драматические произведения. Только на рубеже VI и V вв. трагедия приобретает свой классический облик.

В образах мифов греческая трагедия отразила героическую борьбу народа с внешними врагами, борьбу за политическое равенство и социальную справедливость. Часто герой трагедии погибал, но он внушал зрителям чувство гордости и веру в способность человека противостоять грозным и неумолимым силам судьбы. Он стремился сокрушить препятствия, и эта борьба вызывала у зрителей чувство восхищения. Трагический герой был образцом для греков, утверждая в них чувство человеческого достоинства.

Греческий театр был театром остросовременным. В силу самого происхождения трагедии основные темы брались из обширного репертуара мифов, и волновала зрителей не фабула, хорошо им известная, а то объяснение, которое давал автор действиям героев, т. е. идейное содержание трагедии и мастерство, с которым эти идеи выражались. Иногда, правда, ставились трагедии и исторического содержания, чаще всего на сюжеты недавнего прошлого. Так, в 494 г. Фриних поставил пьесу «Взятие Милета» — о подавлении персами ионийского восстания, в 476 г. он же выступил автором пьесы «Финикиянки», в которой прославлял Фемистокла.

Трагедия нашла ярчайшее воплощение в творчестве трех крупнейших афинских драматургов — Эсхила, Софокла и Еврипида.

Эсхил (525—456 гг.) происходил из знатного рода. Юношей он был свидетелем свержения тирании и установления демократического строя в Афинах. В борьбе с персами Эсхил участвовал лично, сражался при Марафоне, Саламине, Платеях. Из написанных им 90 пьес до нас дошло только 7, в том числе одна полная трилогия. Новаторство Эсхила выразилось в том, что он, по словам Аристотеля, первый ввел двух актеров вместо одного; он же, как пишет Аристотель в «Поэтике» (4), «уменьшил партии хора и на первое место поставил диалог». Благодаря этим нововведениям был сделан решительный шаг для превращения трагедии из одного из видов мимической хоровой лирики в подлинную драму. Система двух актеров давала возможность усилить драматическое действие, противопоставляя друг другу борющиеся силы. В творчестве Эсхила органично сливались большие идеи философского звучания с откликами на самые злободневные события. Показательна в этом отношении трилогия «Орестея», где ставятся проблемы ответственности за совершенное преступление и соотношения воли божества и сознательной воли человека, а также конкретная проблема места Ареопага в политической структуре Афинского полиса. Именно Ареопаг смог осуществить то, что не могли сделать боги, — очистить Ореста от вины за убийство матери Клитемнестры. Ареопаг у Эсхила выступает только как суд, и нигде не говорится о его былой роли высшего органа управления государством. Эсхил тем самым осваивает новую роль Ареопага, которую тот получил в результате реформы Эфиальта.

По всему своему складу, столь ярко отразившемуся в его творчестве, Эсхил был человеком переходной эпохи. На его глазах рождалась и укреплялась демократия в Афинах, сторонником которой он был, несмотря на свое аристократическое происхождение. В «Персах» Эсхил прославляет свободу греков, противопоставляя ее рабству персов. В «Прикованном Прометее» отчетливо проявляются даже богоборческие мотивы, хотя, видимо, в «Освобожденном Прометее» происходило примирение Зевса и Прометея. Эсхила волновали те проблемы, в которых сконцентрировались наиболее острые для переходного времени вопросы: нравственный долг человека и долг перед родным полисом; проблема рока как силы, стоящей не только над людьми, но и над народами и богами; проблема возмездия.

К следующему поколению принадлежал Софокл (497—406 гг.), ставший соперником Эсхила. За 60 лет творчества Софокл написал, согласно античной традиции, 123 произведения, из которых до нас тоже дошло

только 7. Они пользовались огромной популярностью; 24 раза Софокл получал первый приз и ни разу не оказался на последнем месте. Софокл завершил начатое Эсхилом превращение трагедии в пьесу. Важнейшее «техническое» нововведение Софокла — третий актер. Одновременное участие трех актеров позволило разнообразить действие, сделать его более динамичным. Этим нововведением Софокла воспользовался в своих поздних трагедиях и Эсхил.

Софокл был настоящим афинянином эпохи Перикла, его идейные позиции оставались неизменными и в годы Пелопоннесской войны, когда рушился созданный Периклом миропорядок. В отличие от Эсхила Софокл не стремился показать в действиях людей проявление высших сил, его герои действуют вполне самостоятельно и сами определяют свое поведение. В центре внимания Софокла люди, их отношения друг с другом и с государством. Отсюда большой интерес Софокла к проблемам нравственности, в частности к проблеме моральной ответственности, особенно когда герой обладает властью над людьми. Наиболее отчетливо эти идеи предстают в трагедии «Эдип-царь», где слились в органическом единстве две темы: моральной ответственности и ограниченности человеческого знания. Основная идея трагедии — мужество человека, до конца осушившего уготованную ему чашу страданий. Герои Софокла более человечны, душевная жизнь их богаче, чем у прямолинейных и однозначных героев Эсхила.

Третий великий трагик V в. — Еврипид (480—406 гг.), творчество которого приходится почти на те же годы, что и Софокла, но воодушевлялось совершенно иными идеями. Он свыше 20 раз выступал со своими произведениями на состязаниях, но только 5 раз получал первые призы, причем последний раз посмертно. Огромную популярность он приобрел позднее, в эллинистическую эпоху. Во всяком случае, Плутарх, живший намного позже, рассказывает в биографии Никия (XXIX) о популярности Еврипида, приводя несколько тому примеров. Так, многие афиняне, вернувшиеся из Сицилии после плена (речь идет о Пелопоннесской войне), славили Еврипида, так как получили свободу благодаря ему (обучив хозяев песням из трагедий Еврипида). Из 92 трагедий Еврипида сохранилось 19.

С точки зрения технической трагедии Еврипида отличает изменившаяся роль хора. Хор все больше обособляется от действия, партии хора становятся скорее самостоятельными лирическими партиями, лишь навевая ходом драмы. Значительную роль играют «состязания в речах» — действующие лица рассуждают, доказывая по всем правилам ораторского искусства правильность своей позиции. В этом нельзя не видеть влияния софистов, что и естественно, поскольку Еврипид учился у них. Еще одна особенность трагедий Еврипида — монологи героев, которые раскрывают их внутреннюю, душевную борьбу.

Еврипид прекрасно отразил настроения афинского общества своего времени, особенно последней трети V в. Его собственные политические убеждения были достаточно четкими: он прославляет афинскую демократию как строй свободы и равенства, осуждает тиранию, олигархию, а также спартанцев. Основу демократии Еврипид видит в средних слоях, особое сочувствие проявляя к крестьянам, собственными руками обрабатывающим свои участки. Резко отрицательно Еврипид относился к «радикальной демократии». В трагедии «Орест» дана острая сатира на дебаты в народном собрании, где тон задают демагоги. Непримиримы он и к военным авантюрам «радикальной демократии», выступая с резким протестом против войны. Для творчества Еврипида характерен огромный интерес к отдельной личности, ее стремлениям, переживаниям, но его герои отличаются от Софокловых. На это различие, как пишет Аристотель в «Поэтике» (25), указал сам Софокл, заметивший, что «сам он изо-

бражает людей такими, какими они должны быть, а Еврипид — каковы они есть». Еврипид изображает не героев, а обыкновенных людей, с их индивидуальными чертами, влечениями и страстями. Воспитанник софистов, он с огромной силой поднимал самые животрепещущие вопросы жизни афинского общества. Еврипид весьма критически настроен по отношению к традиционным мифологическим и религиозным представлениям, зрителю внушается сомнение в нравственной правоте богов. Кажется он и проблемы рабства, причем высказывает мысль, что нравственно раб может быть выше свободного. Место женщины в семье, «дейательная» и «созерцательная» жизнь — все эти проблемы волновали Еврипида. Неудовлетворенность настоящим, поиски выхода из него — все это делает Еврипида поистине «зеркалом» тех катаклизмов в общественной жизни Афин, которыми отмечены годы Пелопоннесской войны. Ответов на эти жгучие вопросы Еврипид не находил, отсюда ощущение безысходности, которое сильно в творчестве Еврипида, этого, по словам Аристотеля, «трагичнейшего из поэтов» (Там же, 13).

С Еврипидом закончилась греческая классическая трагедия, но пути, намеченные им, оказались плодотворными для последующего развития театра.

Расцвет греческой трагедии был блестящим, но коротким. Буквально на протяжении одного века трагедия возникла, достигла своих вершин и склонилась к упадку. И хотя в последующие века трагедия продолжала существовать, она никогда более не занимала того места в жизни греков, которое имела в V в., имена ее посредственных создателей оказались почти забытыми, а произведения трех великих трагиков стали предметом изучения в школах и переписывались из столетия в столетие.

Рождение комедии как особого жанра, видимо, связано с Сицилией, где протекала деятельность Эпихарма, который первым стал активно разрабатывать пародийно-мифологическую и бытовую тематику в форме целостных пьес. Античные авторы, однако, предпочитали называть эти пьесы драмами, ибо в них почти никакой роли не играл хор. Несколько позднее появились комедии и в Афинах, где официальное признание они получили позднее, чем трагедии: на Великих Дионисиях комедии стали ставиться в 488—486 гг., а на Ленеях — около 448 г. Несмотря на признанное влияние Эпихарма, аттическая комедия отличалась от сицилийской: ее объект — не мифологическое прошлое, а живая современность, злободневные вопросы политической и культурной жизни полиса, в ней чрезвычайно силен обличительный пафос. В аттической комедии эта обличительная тенденция обычно находит выражение в издевке над конкретными лицами, часто в очень грубой форме. Способом осмеяния общественных явлений и граждан служит, как правило, карикатура. Осмеиваемые лица практически всегда подаются в грубо карикатурном виде, автора комедии мало волнует истинный облик героя. Дошедшие до нас фрагменты, например, комедий Кратина полны яростных нападок на Перикла, изображаемого сумасбродным тираном; высмеивается все, даже внешность Перикла. Наконец, сюжет комедии носит нередко фантастический характер. Бурная политическая жизнь Афин давала обильный материал для развития комедии. Наиболее выдающиеся ее представители — Кратин, Евполид и Аристофан, но, к сожалению, от произведений первых двух дошли только фрагменты, а из 44 комедий Аристофана сохранились полностью лишь 11.

Литературная деятельность Аристофана протекала между 427 и 388 гг., в основном она приходится на годы Пелопоннесской войны. Все основные животрепещущие вопросы политической и культурной жизни Афин того времени нашли в его комедиях ярчайшее отражение. Идеи, которыми воодушевлен Аристофан в своей жесточайшей критике настоящего, — это идеи, принадлежащие прошлому. В глубине души Ари-

стофан остается человеком Периклова века: он — сторонник демократии, противник аристократии и олигархии, но самые сильные удары он наносит по «радикально-демократическим» группировкам и их вождям. Его комедии передают настроения афинского крестьянства — одной из важнейших опор афинской демократии, недовольного войной. И в идеологии Аристофан — сторонник традиций и противник всего новомодного. Аристофан издевается над наиболее известным вождем «радикальной демократии» Клеоном («Всадники»), над гелиеей («Осы»), над сторонниками войны («Ахарняне»), над софистами («Облака»), Еврипидом («Лягушки»); все отрицательные, с его точки зрения, стороны жизни Афин подвергаются осмеянию в «Птицах». Пьесы Аристофана наполнены живым юмором, комическими ситуациями, сценами с переодеванием, а также песнями, плясками, остротами, иной раз и непристойными эротическими сценами.

Согласно наиболее распространенной периодизации историю греческого изобразительного искусства и архитектуры V в. принято делить на два больших периода: искусство ранней классики, или строгого стиля, и искусство высокой, или развитой, классики. Граница между ними проходит примерно в середине века, однако границы в искусстве вообще довольно условны, и переход из одного качества в другое происходит постепенно и в разных сферах искусства с различной скоростью. Это наблюдение верно не только для рубежа между ранней и высокой классикой, но и между архаическим и раннеклассическим искусством.

В эпоху ранней классики полисы Малой Азии теряют ведущее место в развитии искусства, которое они до того занимали. Важнейшими центрами деятельности художников, скульпторов, архитекторов становятся Северный Пелопоннес, Афины и греческий Запад. Искусство этой поры освещено идеями освободительной борьбы против персов и торжества полиса. Героический характер и повышение внимания к человеку-гражданину, создавшему мир, где он свободен и где уважается его достоинство, отличает искусство ранней классики. Искусство освобождается от тех жестких рамок, которые сковывали его в эпоху архаики, это время поисков нового и в силу этого время интенсивного развития различных школ и направлений, создания разнородных произведений. На смену ранее господствовавшим в скульптуре двум типам фигур — куросу и коре — приходит гораздо большее разнообразие типов; скульпторы стремятся к передаче сложного движения человеческого тела. В архитектуре оформляется классический тип периптерального храма и его скульптурного декора.

Этапными в развитии раннеклассической архитектуры и скульптуры стали такие сооружения, как сокровищница афинян в Дельфах, храм Афины Афайи на о. Эгина, так называемый храм Е в Селинунте и храм Зевса в Олимпии. По скульптурам и рельефам, украшавшим эти сооружения, можно ясно проследить, как менялись их композиции и стиль в разные периоды — при переходе от архаики к строгому стилю и далее — к высокой классике, что именно характерно для каждого из периодов. Архаическое искусство создало совершенные в своей законченности, но условные произведения искусства. Задачей классики стало изобразить человека в движении. Мастер поры ранней классики сделал первый шаг по пути к большому реализму, к изображению личности, и естественно, что этот процесс начался с решения более легкой задачи — передачи движения человеческого тела. На долю высокой классики выпала следующая, более сложная задача — передать движение души.

Метопы скромной сокровищницы афинян в Дельфах украшены изображениями подвигов Геракла и Тесея. Чрезмерная подчеркнутость мускулатуры героев еще напоминает произведения архаики, но в некоторых сценах уже проявляется новый подход, в частности в образе Афины.

Выдающееся произведение ранней классики представляет храм Афины Афайи. Прекрасно расположенный на высоком холме, господствующем над побережьем, этот храм с точки зрения и архитектуры, и скульптуры — самый яркий образец искусства переходного периода. По пропорциям он уже приближается к классическому храму (6 колонн по фасаду и 12 боковых). Поскольку скульптуры фронтонов храма создавались с промежутком в 20 лет (512—500 гг. — западный и 490—480 гг. — восточный), то один этот храм показывает стремительную эволюцию греческой скульптуры. Ранний имеет в центре фронтально стоящую фигуру богини Афины, по обе стороны — зеркально повторяющие друг друга сцены, в которых поражает странное сочетание движения и неподвижности. Иная картина на более позднем фронтоне, где сохраняется некоторая скованность, лица еще застывшие, но уже убедительно передано движение тела.

Зрелость раннеклассического искусства демонстрируют фронтовые композиции храма Зевса Олимпийского. В центре восточного фронтона — величественная фигура Зевса, по обе стороны которой готовые к составлению колесницы героев Пелопса и Эномая. Основная тема — божественное определение судьбы человека. В центре западного фронтона представлен Аполлон, по обе стороны от него — бурные сцены борьбы лапифов с кентаврами. Превосходство разума человека над стихийными силами природы — такова гуманистическая идея этих скульптур. Ее образный смысл близок гордым словам Софокла: «Много есть чудес на свете, но сильней всех — человек» (Антигона, ст. 332—334. *Пер. Ф. Зелинского*). Создатели фронтовых композиций храма Зевса уже умели передавать сложные движения фигур и чувства, но чувствами — яростью, злобой, болью — искажены лица кентавров, тогда как лица героев спокойны и мужественны.

Утверждение достоинства и величия человека-гражданина становится главной задачей греческой скульптуры эпохи классики. В статуях, отлитых из бронзы или высеченных из мрамора, мастера стремятся передать обобщенный образ человека-героя во всем совершенстве его физической и нравственной красоты. Этот идеал имел большое этическое и общественно-воспитательное значение. Искусство оказывало непосредственное воздействие на чувства и умы современников, воспитывая в них представление о том, каким должен быть человек. Из сохранившихся скульптурных изображений, не связанных с архитектурой, наибольшее внимание привлекают две знаменитые бронзовые статуи — бога Посейдона (по другому толкованию — Зевса) и возникшего из Дельфы. Бог моря представлен наступающим на врага, фигура его передана в сложном повороте тела, когда он на миг застыл, собираясь метнуть трезубец, тогда как лицо безупречно красиво, сурово, но совершенно спокойно. Статуя возникшего — часть группы, изображавшей победителя в состязании колесниц. Ее также отличает полная свобода в передаче движения и возвышенное спокойствие идеально прекрасного лица, лишенного индивидуальных черт.

Вторая четверть V в. — годы деятельности самого выдающегося из художников ранней классики — Полигнота. Судя по свидетельствам древних авторов, Полигнот, стремясь показать людей в пространстве, располагал фигуры заднего плана над передними, частично скрывая их на неровностях почвы. Этот прием засвидетельствован и в вазописи. Однако для вазописи этого времени наиболее характерно уже не следование за живописью в области стилистики, а самостоятельное развитие. В поисках изобразительных средств вазописцы не только шли за монументальным искусством, но, как представители наиболее демократического вида искусства, кое в чем и обгоняли его, изображая сцены из реальной жизни. В эти же десятилетия наблюдается упадок чернофигурного стиля и рас-

цвет краснофигурного, когда для фигур сохраняли естественный цвет глины, пространство же между ними заполняли черным лаком.

Искусство высокой классики, подготовленное творческими исканиями художников предшествующего поколения, имеет одну важную особенность — наиболее значительным центром его развития становятся Афины, и влияние афинской идеологии все более определяет развитие искусства всей Эллады.

Искусство высокой классики — явное продолжение того, что возникло ранее, но есть одна область, где в это время рождается принципиально новое, — урбанистика. Хотя накопление опыта и некоторых эмпирически найденных принципов градостроительства было результатом создания новых городов в период Великой колонизации, именно на время высокой классики приходится теоретическое обобщение этого опыта, создание цельной концепции и осуществление ее на практике. Рождение градостроительства как теоретической и практической дисциплины, соединившей в себе художественные и утилитарные цели, связано с именем Гипподама Милетского. Две основные черты характеризуют его схему: регулярность плана города, в котором улицы пересекаются под прямым углом, создавая систему прямоугольных кварталов, и зонирование, т. е. четкое выделение различных по функциональному назначению районов города (общественный центр, жилые кварталы, торговая часть и т. д.). По плану Гипподама начал строиться Милет после персидского разгрома, по этой же схеме перестраивался Пирей. Влияние его идей начало сказываться уже в V в. — в конце этого века Родос был перестроен в соответствии с системой Гипподама.

Ведущим типом зданий по-прежнему оставался храм. Храмы дорического ордера активно строятся на греческом Западе: несколько храмов в Агригенте, среди которых выделяется так называемый храм Конкордии (в действительности — Геры Аргеи), считающийся лучшим из дорийских храмов в Италии. Однако масштабы строительства зданий общественного назначения в Афинах далеко превосходят все то, что мы наблюдаем в других частях Греции. Сознательная и целенаправленная политика афинской демократии, возглавляемой Периклом, — превратить Афины не только в самый могучий, но и в самый культурный и прекрасный полис Эллады, сделать родной город средоточием всего лучшего, что есть в мире, — находила практическое воплощение и в широкой строительной программе. Возводятся храм Посейдона на мысе Сунии и храм Немесиды в Рамнунте, в самих Афинах — Одеон и храмы Гефеста и Диониса. Но центральное место в этой программе заняла перестройка Акрополя. Перикл доверил руководство ее замечательному скульптору Фидию, верно и глубоко понимавшему стоящие перед ним задачи. Осуществление перестройки растянулось на несколько десятилетий и завершилось, когда уже не было в живых ни Перикла, ни Фидия, но, несмотря на это, ансамбль Акрополя поражает продуманностью и цельностью. В 447—437 гг. архитекторы Иктин и Калликрат возвели Парфенон, в 437—432 гг. Мнесикл построил Пропилеи, к 427—424 гг. относится маленький храм Афины-Ники у Пропилей, и, наконец, в 421—405 гг. осуществляется строительство Эрехтейона.

Архитектура высокой классики характеризуется поразительной соразмерностью, сочетающейся с праздничной монументальностью. Продолжая традиции предшествующего времени, архитекторы вместе с тем не следовали рабски канонам, они смело искали новые средства, усиливающие выразительность создаваемых ими сооружений, наиболее полно отражающие заложенные в них идеи. При строительстве Парфенона, в частности, Иктин и Калликрат смело пошли на соединение в одном здании черт дорического и ионийского ордера: снаружи Парфенон представляет типичный дорический периптер, но украшает его характерный для ионий-

ского ордера сплошной скульптурный фриз. Соединение дорик и ионик применено и в Пропилеях. Чрезвычайно своеобразен Эрехтейон — единственный в греческой архитектуре храм с абсолютно асимметричным планом. Оригинально и решение одного из его портиков, где колонны заменены шестью фигурами девушек-кариатид.

В скульптуре искусство высокой классики ассоциируется прежде всего с творчеством Мирона, Фидия и Поликлета. Мирон завершил искания мастеров предшествующего времени, стремившихся передать в скульптуре движение человека. В самом прославленном из его созданий — Дискоболе впервые в греческом искусстве решена задача передачи моментального перехода от одного движения к другому, окончательно преодолена идущая от архаики статичность. Полностью решив задачу передачи движения, Мирон, однако, не смог овладеть искусством выражения возвышенных чувств. Эта задача выпала на долю Фидия — крупнейшего из греческих скульпторов. Фидий прославился своими скульптурными изображениями богов, особенно Зевса и Афины. Ранние его произведения известны еще мало; возможно, к их числу относятся две великоколенные бронзовые статуи воинов, найденные в море близ Риацче (Южная Италия) в 1972 г. Предполагают, что они входили в находившуюся в Дельфах скульптурную группу, изображавшую победителя при Марафоне Мильтиада в окружении героев-эпонимов Аттики. В 60-е годы Фидий создает колоссальную статую Афины Промакос, возвышавшуюся в центре Акрополя.

Важнейшее место в творчестве Фидия заняло создание скульптур и рельефов для Парфенона. Синтез архитектуры и скульптуры, столь характерный для греческого искусства, находит здесь свое идеальное воплощение. Фидию принадлежала общая идея скульптурного оформления Парфенона и руководство его осуществлением, им же выполнена часть скульптур и рельефов. Фронтонные композиции изображали два важнейших мифа об Афине — ее рождение из головы Зевса и ее спор с Посейдоном за власть над Аттикой. Новаторской была композиция: вместо одной центральной осевой фигуры Фидий на каждом из фронтонов поместил в центре по две: Афину и Зевса, Афину и Посейдона. На метопах дорического фриза изображены борьба богов и гигантов, битва лапифов с кентаврами и сражение греков с троянцами. Идейная основа объединяет все сюжеты: борьба света, добра и цивилизации с силами тьмы, дикости и отсталости. В единый смысловой ряд поставлены боги, лапифы и греки, в другой — гиганты, кентавры и троянцы. Все три мифа заключали аллегория борьбы греков с персами, прекрасно осознаваемую современниками. Завершает скульптурный декор Парфенона ионический фриз, на котором представлено торжественное шествие афинского народа на Акрополь в день празднования Великих Дионисий. Фриз Парфенона по праву считается одной из вершин классического искусства. При всем его композиционном единстве он поражает своим разнообразием: из более чем 500 фигур юношей, старцев, девушек, пеших и всадников ни одна не повторяет другую. С изумительным мастерством переданы полные естественности и свободы движения людей и животных. Величие родного города Фидий воплотил в статуе Афины-Девы (Партенос), помещенной в центре целлы храма. В фигуре девушки, стоящей в торжественно-спокойной позе, Фидий явил миру новый образ Афины: богини-воительницы, победительницы и богини мудрости — истинной покровительницы находившегося на вершине своей славы и могущества афинского полиса. Художественный идеал торжествующей демократии находит законченное воплощение в величественных произведениях Фидия — бесспорной вершине искусства высокой классики.

Но, по мнению самих греков, величайшим творением Фидия была статуя Зевса Олимпийского. Зевс представлен сидящим на троне, в пра-

вой руке он держал фигуру богини победы Ники, в левой — символ власти — скипетр. В этой статуе также впервые для греческого искусства Фидий создал образ милостивого бога. Статую Зевса древние считали одним из чудес света.

Бог ли на землю сошел и явил тебе, Фидий, свой образ,
Или на небо ты сам бога узреть восходил?

(Пер. Ф. Петровского) —

писал, покоренный ее совершенством, поэт Филипп Фессалоникийский, живший пять столетий спустя.

Идеальный гражданин полиса — основная тема творчества другого скульптора этого времени — Поликлета из Аргоса. Он исполнял главным образом статуи атлетов-победителей в спортивных состязаниях. Наиболее известна его статуя Дорифора (юноши с копьем), которую греки считали образцовым произведением. Дорифор Поликлета — воплощение физически и духовно совершенного человека.

В конце V в. в скульптуре начинают проявляться новые черты, получившие развитие в следующем веке. В рельефах балюстрады храма Ники Аптерос (Бескрылой) на Акрополе Афин особенно бросается в глаза динамизм. Те же черты мы видим и в скульптурном изображении Ники, выполненном Пеонием. Стремлением к передаче динамических композиций не исчерпывались искания скульпторов конца века. В искусстве этих десятилетий большое место занимают рельефы на надгробных памятниках. Обычно они создавались по единому типу: умерший в кругу близких. Основная черта этого круга рельефов (наиболее известный — надгробие Гегесо, дочери Проксена) — изображение естественных чувств простых людей. Тем самым в скульптуре решаются те же задачи, что и в литературе (трагедии Еврипида).

К сожалению, о великих греческих художниках (Аполлодор, Зевксис, Паррасий) мы не знаем почти ничего, кроме описания некоторых их картин и сведений об их мастерстве. Можно полагать, что эволюция живописи в основном шла в том же самом направлении, что и скульптуры. Согласно сообщениям древних авторов, Аполлодор Афинский открыл в конце V в. эффект светотени, т. е. положил начало живописи в современном смысле этого слова. Паррасий стремился к передаче средствами живописи душевных движений. В вазописи второй половины V в. все большее место занимают бытовые сцены.

В сознании последующих поколений V век до н. э. ассоциировался с величайшими победами, одержанными греками при Марафоне и Саламине, он воспринимался как время героических деяний предков, отстоявших независимость Эллады, спасших ее свободу. Это было время, когда единая цель — служить родине вдохновляла бойцов, когда высшей доблестью было погибнуть за отечество, а высшим благом считали благо родного полиса.

Глава 7

ГРЕЦИЯ В IV В. ДО Н. Э.

1. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Пелопоннесская война послужила своего рода границей между двумя этапами развития греческого общества. Она оставила глубокий след в памяти и ее современников, и последующих поколений. Затяжное и кровопролитное столкновение афинского и спартанского союзов побудило

Фукидида охарактеризовать эту войну как самую достопримечательную из всех предшествующих, вызвавшую величайшее движение среди эллинов (I, 1, 1—2). Период с 404 по 337 г. (с окончания Пелопоннесской войны до Коринфского конгресса, юридически закрепившего поражение Эллады Македонией) перенасыщен событиями в сферах экономики, политики, социальной жизни. Процессы, протекавшие в Греции IV в., генетически связаны с предшествующим периодом и вместе с тем имеют качественные отличия, сформировавшие совершенно особую атмосферу этого времени.

Окончание Пелопоннесской войны не принесло мира Элладе, наоборот, военные столкновения стали чаще и кровопролитнее, а методы ведения борьбы ожесточеннее. Все военные действия сопровождалось опустошением и разорением территории врага. Еще не было подписано официальное соглашение об окончании войны, а спартанский полководец Лисандр уже приступил к планомерному наведению «порядка» в полисах, особенно тех, которые выступали на стороне побежденных Афин. На греческие города обрушился шквал репрессий, не было конца изгнаниям, казням, конфискациям имущества.

Лакедемон заботился не только об установлении нужных ему режимов, но и всячески поддерживал их. Власть в полисах, по существу, принадлежала спартанским наместникам (гармостам), которые хозяйничали в них, имея достаточно широкие полномочия казнить и миловать, вмешиваться в экономику, диктовать военные и политические акции. Как заметил в «Греческой истории» Ксенофонт (III, 1, 5), все эллинские города беспрекословно подчинялись указаниям каждого лакедемонянина. Этот жесткий военный диктат гарантировал существование и процветание декарий, советов из 10 правителей, представлявших 10 гетерий (тайных обществ). Плутарх описывает их в биографии Лисандра, сообщая, что власть из его рук получали «члены тайных обществ и друзья, связанные с ним узами гостеприимства ... он предоставил им неограниченное право награждать и карать. Лично присутствуя при казнях, изгоняя врагов своих друзей, он дал грекам образчик лакедемонского правления» (VIII, 11—15).

Спарта стремилась привести всю Грецию к некоему единообразию, обеспечивающему оптимальные условия для господства. Карательные экспедиции Лакедемона следовали одна за другой. Создается впечатление, что не было ни одного города, которому бы торжествующие победители не отомстили за прошлые обиды, не покарали за неповиновение в настоящем, не дали урока на будущее. Изыскивая предлоги для вторжения, спартанцы проявляли большую гибкость: то они якобы восстанавливали справедливость, то заступались за обиженных, то радели о благе граждан, то действовали во имя свободы или высших целей.

Типичным примером спартанской практики может служить инцидент с Элидой (401—400 гг.). Поводом к походу против нее послужили старые счеты и отказ элейцев выполнить некоторые приказы Лакедемона. Войско под предводительством спартанского царя Агиса II, сына Архидам, первым делом подвергло местность вокруг города опустошению и сожжению, в мародерстве поспешили принять участие полисы, формально не объявившие войны Элиде. Среди защитников произошел раскол, сторонники Спарты предприняли попытку государственного переворота, которая не увенчалась успехом. В результате изнурительной осады Элида сдалась на милость победителя и выполнила все его требования.

Опьяненная успехами Спарта решила не ограничиться материковыми и островными полисами, а навести «порядок» и на побережье Малой Азии, в расположенных там греческих городах. В свое время Лакедемон признал власть персидского царя над ними в обмен на денежную помощь. Когда острая нужда в персидских деньгах миновала и в Спарту

хлынул поток награбленной добычи, она пренебрегла прежним соглашением и сделала попытку распространить свою власть и на малоазийские города.

Но здесь ей пришлось столкнуться с сильным противником. Персия настороженно наблюдала за возрастающей активностью Лакедемона и готовилась ограничить его амбиции. Спартацы ускорили события, вмешавшись в споры о персидском престолонаследии. На стороне одного из претендентов, Кира, сражались греческие наемники, в основном выходцы из Пелопоннеса. Их поддержка не помогла Киру: в одной из битв он погиб, а греческий отряд численностью 10 тыс. человек в течение долгого времени с боями пробивался в Элладу. Описанию этого похода посвящено одно из произведений историка Ксенофонта — «Анабасис».

Поддержка, оказанная Киру, предельно обострила отношения между Спартой и Персией, которая приняла свои контрмеры: отправила в малоазийские полисы войско с целью навести там порядок, совершенно противоположный спартанскому. Везде свергались олигархические режимы и устанавливались демократические. Спарта пыталась избежать открытой борьбы с Персией, но, осаждаемая просьбами своих сторонников о помощи, вынуждена была в 399 г. вступить с ней в вооруженный конфликт.

Война сразу же обнаружила ахиллесову пяту Лакедемона — отсутствие прочного тыла. Бесцеремонные действия Спарты уже давно вызывали раздражение греческих государств. Ее упрекали в том, что она чинит беззакония, поработывает города, заключает с ними неравноправные договоры, особенно много претензий вызвало вмешательство во внутренние дела — учреждение декархий и насаждение олигархий. Взбунтовались даже союзники спартацев, осыпая лакедемонян упреками, что они не получили «никакой доли ни во власти, ни в почестях, ни в военной добыче», возмущенные тем, что спартацы распоряжаются ими как хозяева (Ксенофонт. Греческая история, III, 5, 12).

Афинская пропаганда, всячески поддерживая и разжигая такие настроения, готовила почву для организации нового союза. Довольно скоро после начала спартано-персидской войны была создана антиспартанская коалиция (395 г.). Для консолидации сил противников Лакедемона немалый вклад внесла и персидская дипломатия, снова в который раз применив излюбленный метод — использовать противоречия между полисами в собственных интересах. Кроме того, Персия оказала новому союзу и значительную финансовую поддержку. Последнее обстоятельство позволило Лакедемену утверждать, что им недовольны только те, кто подкуплен персидским золотом.

Спарте пришлось вести войну на два фронта, причем Афины и их союзники сумели нанести ей ряд чувствительных поражений. Особенно большой резонанс вызвала блестящая победа в 390 г. отряда под командованием афинского стратега Ификрата, успешно применившего принципиально новую военную тактику. Успехи коалиции на суше и на море показали, что политика террора не достигла своей цели, а вызвала обратную реакцию. Противники Спарты, хотя и потерпели поражение в Пелопоннесской войне, обладали достаточно мощным военно-экономическим потенциалом для продолжения борьбы.

Обеспокоенный падением своего влияния в Греции, Лакедемон поспешил заключить с Персией соглашение на условиях, которые были признаны в Элладе позорными и впоследствии еще долго использовались антиспартанской пропагандой. Спарта как представитель Греции отказалась от территорий, завоеванных Элладой в греко-персидских войнах, и уступила Персии малоазийские полисы. Другие пункты мирного договора, подписанного в 387 г. в Сузах и получившего название Царского или Анталкидова (по имени главы спартанского посольства), предусматрива-

ли запрещение в Греции любых союзов, кроме Пелопоннесского, и гарантировали всем полисам свободу и независимость. Гарантом выступал персидский царь. Привлекательная на первый взгляд формула об автономии греческих государств на практике оборачивалась юридическим закреплением раздробленности Эллады и господства в ней Спарты. Отныне карательные экспедиции могли проводиться под предлогом наказания нарушителей договора, а ими становились те, кто имел несчастье вызвать неудовольствие Спарты.

Антиспартанская коалиция, не имея достаточно сил для борьбы против объединенного лакедемоно-персидского войска, вынуждена была согласиться с этими условиями. Анталкидов мир подписали все греческие полисы. И сразу же по Элладе прокатилась вторая волна репрессий. До основания была разрушена Мантинейя, а жители ее расселены по деревням. На милость победителя сдался Флиунт. Там спартанский царь Агесилай создал судилище, которому предоставил право предать казни всех, кого оно найдет нужным. Лакедемон свел счеты со своим давним соперником Фивами, заставив их распустить Беотийский союз и стать союзником Спарты. Была разгромлена Халкидская лига.

Политика такого рода, подкрепленная формальным узаконением грабежей и насильственных политических переворотов, признание Персии, исконного врага Эллады, высшим судьей во внутригреческих делах отнюдь не увеличивали симпатии полисов к Лакедемону. Позабыв взаимные претензии, объединенные ненавистью к Спарте, они сумели договориться и нанести ей серию контрударов. В 379 г. в Фивах при тайной поддержке Афин вспыхнуло антиолигархическое восстание, в городе была установлена демократия. Он вновь стал независимым и в скором времени восстановил и опять возглавил союз беотийских полисов. Закрепляя достигнутый успех, Афины обратились к дружественным полисам с призывом образовывать новый морской союз. Эта идея была охотно поддержана, и в 378 г., демонстративно нарушив условия Анталкидова мира, Афины создали Второй Афинский морской союз. В города опять стали отправляться военные экспедиции, на этот раз с целью освобождения от господства Спарты, свержения в них олигархических режимов и восстановления демократических. Успехи Афин на море, а Фив — на суше вынудили Спарту примириться с изменениями на политической карте Эллады и заключить со своими противниками соглашение, в котором признавалось существование Второго Афинского и Беотийского союзов.

Подобно остальным крупным полисам, Лакедемон строго соблюдал договоры только тогда, когда они были ему выгодны. В противном случае юридические нормы в расчет не принимались. Поэтому, заключив неблагоприятное для себя соглашение с Фивами, Спарта довольно быстро нарушила его. Игнорирование права на этот раз ей дорого обошлось, так как Лакедемон столкнулся с противником, превосходящим его по силе.

Афины успешно восстанавливали бывшее могущество, число их союзников быстро возрастало. На политической арене появился новый лидер — Фивы. Последовавшая после антиспартанского восстания 379 г. их демократическая реорганизация способствовала тому, что и в остальных беотийских полисах произошли антиолигархические перевороты, которые привели к консолидации сил внутри Беотийского союза. Период между 379 и 362 гг. обычно рассматривается как время его гегемонии в Греции.

Выдающиеся фиванские политические деятели Пелопид и Эпаминонд уделили много внимания военному и политическому укреплению союза. Проведенные ими реформы превратили беотийскую армию в одну из самых боеспособных в Элладе. Из нововведений необходимо отметить создание боевой тактики «косой клин», позволявшей использовать специ-

альный «священный» отряд как особую ударную силу, рассекающую фланг неприятеля. Военные успехи Беотии традиция связывает с Эпаминондом, характеризуя его не только как блестящего полководца, но и хорошо образованного человека, прекрасного оратора, дальновидного политического деятеля.

Столкновение фиванских и спартанских интересов привело к возникновению нового вооруженного конфликта. В битвах при Левктрах (371 г.) и Мантинее (362 г.) беотийцы нанесли спартанцам такое сокрушительное поражение, что оно привело к распаду Пелопоннесского союза и Спарта на долгое время утратила возможность претендовать на первенство в Греции. Однако цена, которой Фивы оплатили свою победу, оказалась непомерно высокой. Они понесли огромные потери, а в битве при Мантинее, носившей особенно ожесточенный характер, был смертельно ранен Эпаминонд. Диодор Сицилийский передает его последние слова: «Умирая, оставляю двух дочерей — победы при Левктрах и Мантинее» (XV, 87, 6).

Заканчивая описанием битвы при Мантинее свою «Греческую историю», Ксенофонт меланхолично заметил, что «это сражение внесло еще большую путаницу и замешательство в дела Греции, чем было прежде» (VII, 5, 27). Будущее показало, что он имел все основания для подобного заключения. Успехи фиванцев положили конец их дружбе с афинянами, поспешившими на помощь погибающей Спарте. Этим маневром они надеялись воспрепятствовать усилению Фив и распространению их влияния на Элладу. Беотия, не имеющая прочного основания для лидерства, утратила роль гегемона.

Афины достигли цели, однако их собственное положение значительно пошатнулось. Партнеры по Второму Афинскому союзу уже давно выражали недовольство постепенным возвращением к методам Архэ — попыткам выведения клерухий, выкачиванием денег, пренебрежением интересами других полисов, но Афины были не в состоянии измениться. Разногласия достигли такого накала, что привели к открытому конфликту: разразилась так называемая Союзническая война (357—356 гг.), закончившаяся победой союзников, которых поддержали не только враги Афин в Элладе, но и малоазийские правители-династы, а также Персия. Второй морской союз распался, Афины, подобно Спарте и Фивам, утратили лидерство, в Греции наступило неустойчивое равновесие, периодически нарушаемое локальными военными столкновениями.

Политическая история занимает особое место в IV в. Она одновременно и следствие глубоких и важных процессов, протекавших в полисе, и форма их выражения, и фактор, стимулирующий их развитие. Полисная жизнь этого периода полна противоречий, иногда очень острых, которые принимали самые разные формы. Новые тенденции в рамках старой системы вносили существенные изменения в сферу социальных и политических отношений, в экономику и идеологию. Иногда они усиливали развитие уже обозначившихся факторов, делали их более отчетливыми и яркими, увеличивая их удельный вес, иногда приводили к образованию новых форм, иногда отсутствие новых дефиниций для оценки явления расширяло границы старых. Некоторые изменения носили кризисный характер, если сравнивать их с предшествующим периодом.

Многие исследователи определяют комплекс проблем IV в. и их специфику как кризис полиса. Такая точка зрения получила широкое распространение, но разделяется далеко не всеми, а среди ее сторонников нет единодушия во взглядах на сущность полиса, на классификацию его основных признаков и на его исторические судьбы. Неоднозначна и трактовка термина «кризис» по отношению к конкретной исторической ситуации. Кризисные изменения в IV в. могут трактоваться и как упадок полиса в качестве государственного образования, и как переломный мо-

мент в рамках этого образования, обозначающий переход на новую ступень развития¹.

Расходясь в оценке явления, исследователи довольно единодушны в выделении тех процессов, которые дали основание для дискуссии и позволяют говорить о IV в. как о совершенно особом периоде греческой истории.

Одна из наиболее характерных черт Эллады этого времени — не только быстрое развитие ранее намечившихся тенденций, но и их масштабность. Как и прежде, войны составляли фактологическую канву греческой истории, но их роль в жизни общества изменилась. Прежде всего, военные столкновения стали чаще и глобальнее. Любое, даже локальное, столкновение неизбежно затрагивало интересы многих полисов, связанных друг с другом экономическими и политическими узами. Велись войны не столько отдельными городами, сколько крупными военно-политическими союзами; в случае поражения противники многое теряли, а в случае победы — приобретали. Удачные войны приносили коалициям, особенно их главам, значительные богатства, увеличивали число контролируемых территорий, создавали политический перевес; который в конечном счете приносил экономические выгоды.

Лейтмотив жадного стремления к выгоде, доходам, ради которых затеваются войны, отчетливо звучит в греческих источниках. Фукидид был убежден, что причины Пелопоннесской войны определялись корыстными побуждениями. В «Греческой истории» Ксенофонта постоянно встречаются упоминания о грабежах и захвате добычи. Политические ораторы Исократ и Демосфен в речах неоднократно упоминают о том, что государства воюют ради выгоды, вооруженные споры ведутся из-за участков земли.

Упорное стремление к наживе подхлестывалось тем, что греки имели перед глазами наглядные примеры тех благ, которые могли принести войны. Спарта, например, в результате своих завоеваний оказалась обладательницей колоссальных денежных богатств. А из ее поражения немалую экономическую пользу извлекли Афины.

Вместе с тем войны требовали от городов максимального напряжения сил. При таком размахе они не могли вестись только одними гражданами, все чаще государства были вынуждены прибегать к помощи наемников. В IV в. наемные войска широко применялись не только в Элладе, часть греческих воинов находилась на службе у иноземных правителей. Использование наемного войска, конечно, в известной мере облегчало городам военные тяготы, но вместе с тем и создавало много трудностей, часто они вставали в тупик перед проблемой: где взять деньги для выплаты жалованья, особенно в случае поражения. Часть исследователей именно развитием наемничества объясняют изменение правил ведения войны, усиление жестокости, учащение случаев ограбления и опустошения территории врага.

Хотя к помощи наемников охотно прибегали, отношение к ним было негативное; господствовало убеждение, что на такую службу могут идти только те, кто вконец опустился и обнищал, всякое человеческое отребье. Исократ называет их людьми, лишенными отечества, перебежчиками, существами, причастными ко всяким гнусностям (VIII, 44).

Постепенно греки стали все чаще испытывать на себе отрицательные последствия непрерывных военных столкновений, уруны, причиняемые ими экономике. Вооруженные конфликты тяжело отразились на социальной жизни в полисе, общественной психологии. Эллада изнемогала под

¹ О различных взглядах на сущность полиса и проблему его кризиса см.: Глускина Л. М. Проблемы кризиса полиса. — В кн.: Античная Греция. М., 1983, т. 2, с. 5—42; Кошелев Г. А. Древнегреческий полис. — Там же, т. 1, с. 9—36.

бременем междоусобиц, которые ослабили ее и в конце концов привели к утрате независимости. Неудивительно, что появилось и стало крепнуть убеждение: военные конфликты между греками — братоубийственная война, преступление против соотечественников. Аристофан выразил настроения определенной части общества, когда в комедии «Мир» (ст. 991—998) обратился со страстным заклинанием к богине мира Эфирене:

От усобиц избавь нас, от свары и драк,
И тебя назовем мы — «Довольно Войны»!
Подозрительность злую сними с наших душ,
Прекрати болтовню,
Под обличьем изящным грызущую нас.
Соком дружбы взаимной, прощеньем обид
Напой, как и встарь,
Нас, прекрасной Эллады счастливый народ.

Заканчивается комедия пожеланием (ст. 1326—1328):

Пусть сокровища все, что война отняла,
К нам вернутся сторицей! И пусть навсегда
Мы забудем о блеске железом

(Пер. А. Пиотровского).

Война, особенно в речах политических ораторов, связывалась с такими понятиями, как зло, опасность, смятение, убийство, уничтожение и разрушение. Замыслы, ведущие к возникновению военных конфликтов, объявлялись безрассудными и безумными, раздавались призывы к сплочению полисов. Широкое распространение получила идея всеобщего мира, основанного на признании независимости всех греческих полисов. В литературе высказано мнение, что она нашла свое частичное воплощение в серии договоров, постулирующих автономию полисов и подписанных всеми государствами или их подавляющим большинством.

Это ярко выраженное пацифистское направление в греческой идеологии находилось в вопиющем противоречии с практикой. До нас дошли шедевры политической публицистики IV в. — речи, призывающие к миру, но в то же время ни один полис не упускал возможности поживиться за счет соседей.

Между тем теоретическая мысль настойчиво искала выход из создавшегося положения и, наконец, как ей показалось, нашла возможность приспособить привлекательный лозунг к действительности. Стимул для объединения был найден не в Элладе, а за ее пределами. Грекам предложили забыть взаимные распри ради совместного похода против варваров-персов. Эта концепция получила у исследователей название панэллинизма.

Мысль об объединении для похода впервые, очевидно, была высказана еще в V в. Горгием из Леонтин, затем поддержана Лисием и свое окончательное завершение нашла в трудах Исократ. Все три оратора исходили из противопоставления греков негрекам, из глубокой убежденности эллинов в превосходстве над своими соседями. Благоприятную почву для оформления и пропаганды похода на Восток создали сразу несколько факторов. Среди них были укоренившееся в сознании эллинов восприятие негреков, варваров, как существ неполноценных, постоянные напоминания об обидах, нанесенных Элладе в греко-персидских войнах (уже давно ставшие штампом пропаганды), легенды о персидских богатствах и, наконец, глухое раздражение полисов персидским царем, вызванное его постоянным вмешательством в греческие дела.

Примечательно, что практика непрерывных войн наложила отпечаток на направление в развитии пацифистских теорий. Мир в Греции казался возможным только при условии войны в Азии. Прекращение множества

небольших вооруженных конфликтов было детерминировано возникновением нового, одного, но зато глобального. Цели войны при таком варианте оставались прежними — поиски наживы. Исократ предложил полисам: вместо того чтобы воевать друг с другом из-за доходов, лучше перенести войну в Азию. Таким простым и эффективным путем он намеревался решить сразу две насущные проблемы — создать прочную платформу для объединения полисов, причем в привычной для них форме, в виде военно-политического союза, и в то же время увеличить их доходы.

Возможность, по словам Исократа, «приобрести большие богатства за чужой счет» (IV, 182) обладала большой притягательной силой не только для оратора, но и, судя по популярности этой идеи, для многих греков. Воображение эллинов будоражило золото Азии. Оно постоянно фигурирует в самых неожиданных ситуациях, вплоть до того, что было объявлено источником междоусобиц: соперничающие полисы часто обвиняли друг друга в подкупе персидским золотом. Слухи о несметных персидских сокровищах и царящем в Азии изобилии были, очевидно, широко распространены и достигали порой чудовищных размеров. Аристофан издевательски высмеял мечты афинского демоса о персидских тазах, полных золота, в одном из диалогов пьесы «Ахарняне» (ст. 68—110).

Создание негативного образа Востока, враждебного Эллады, возможность призыва к объединению греков для его завоевания показывают, что противоречия между полисами не носили непримиримого характера. Существовало понятие греческого мира, основанное на общности политических, экономических, социальных, культурных особенностей эллинских полисов. Панэллизнизм отражал в идеологии известный уровень подготовленности греков к объединению, достаточный для того, чтобы осознать его необходимость, но недостаточный для его осуществления.

Одной из наиболее распространенных практических форм объединения могут считаться коалиции. Каждый полис, пользующийся авторитетом в Элладе, возглавлял какую-нибудь коалицию. За Афинами стоял Второй Афинский морской союз, за Спартой — Пелопоннесский, Феры выступали от имени Фессалии. Фивы объединяли Беотию и после битвы при Левктрах действовали в союзе с Фокидой, Локридой, Этолией, Акарнанией и Эвбеей. Центром и опорой освободительного движения среди пелопоннесских полисов стала Аркадия. Олинф, крупнейший город в Северной Греции, представлял Халкидскую лигу.

Перечисленные объединения контролировали обширные территории, некоторые претендовали на господство над всей Элладой. Если в V в. межполисная политика определялась в основном двумя государствами-гегемонами, Афинами и Спартой, то в IV в. конфронтация расширялась. Стали интенсивно развиваться многие отсталые области Греции, возросло их экономическое и политическое значение. Расстановка сил на политической арене изменилась.

Межполисные коалиции классифицируют по-разному, но чаще всего их делят на три основных типа — амфикинии, симполитии и симмахии. Амфикинии, как уже говорилось, были, как правило, союзами религиозного характера, группировавшимися вокруг какого-нибудь популярного культа и храма. Наиболее крупной и известной среди них считалась лига, связанная со знаменитым храмом Аполлона в Дельфах. Объединения такого рода иногда имели и важные политические функции. Дельфийская лига, например, играла заметную роль в межполисной политике.

Симполитии в исследовательской литературе часто называют федеративными или федеральными государствами, их структура описана в предшествующей главе. Обычно в союзы такого типа объединялись этнически близкие полисы, большинство известных в IV в. симполитий образовалось в ареале старых племенных союзов. Иногда партнеры находились на разных стадиях развития, тогда в рамках одной симполитии сосущее

ствовали и полисы, и племенные объединения. К наиболее сильным и влиятельным симполитиям относились Беотийская, Фокидская, Аркадская, Халкидская. Похоже, что по структуре к ним примыкал и Этолийский союз. Наивысшего расцвета симполитии достигли в последующий период, но и в IV в. они были достаточно широко распространены.

Однако наибольший вес в Элладе имели симмахии, военно-политические союзы, именно они делали погоду в межполисной политике. Об устройстве Афинских архэ и Пелопоннесского союза было рассказано выше. Обе эти коалиции распались, но Афины в отличие от Спарты нашли силы для организации нового объединения — Второго Афинского морского союза, устав которого, вырезанный на мраморной плите, дошел до наших дней. Хотя со временем союз постигла участь Архэ, принципы его построения заслуживают внимания, так как они существенно отличались от прежних.

Союзники уже обрели горький опыт сотрудничества с Афинами, поэтому они потребовали от них гарантий, что прошлое не повторится, и Афинам пришлось пойти на уступки. Так, в уставе союзникам гарантировалась независимость, категорически запрещались клерухии. Высшая власть была передана двум равноправным органам — афинскому народному собранию и синедриону союзников. Синедрион, сформированный из представителей всех союзников (за исключением Афин), принимал решения большинством голосов, местом его постоянного пребывания были Афины. Для проведения любой акции требовалось согласие и афинского народного собрания, и синедриона. Государства, входящие в союз, вносили денежные взносы (синтаксис) или поставляли войска. По своим размерам синтаксис значительно уступал прежнему форосу. Устав союза было запрещено пересматривать. Эта коалиция объединяла около 70 городов, в том числе многие крупные, экономически хорошо развитые — Хиос, Византий, Митилену, Мефимну, Фивы, города Эвбеи и Фракийского побережья.

Высшим достижением на пути преодоления раздробленности были, очевидно, союзы типа симмахий. Амфикитии создавались по религиозному признаку, а симполитии были вариантом несколько затянувшегося синойкизма, т. е. политического объединения населения, живущего на одной территории. Между тем в симмахии, особенно в афинскую, входили полисы, достигшие достаточно высокого уровня развития. Точность формулировок устава Второго Афинского морского союза, сложность структуры этого альянса показывают, что греческие государства внесли немалый вклад в теорию и практику межгосударственных объединений Европы. Возможно, уже тогда были выработаны некоторые принципиальные установки, которые легли в основу некоторых типов современных государств, во всяком случае, в исторической литературе высказано мнение, что симмахии близко подошли к идее федерального государства.

И все же ни одна из симмахий не достигла главного — не превратилась в прочную и устойчивую организацию. Практический вариант объединения потерпел ту же неудачу, что и теоретический. Полисам-гегемонам, руководителям коалиций, никак не удавалось удержаться в рамках той власти, которая была предоставлена им уставами. Они всегда превышали ее и превращали возглавляемый ими союз в инструмент для накопления богатств и расширения политической власти.

Афины, например, поклявшись заботиться об интересах партнеров по Второму морскому союзу, поразительно быстро забыли о своих обещаниях. Снова начались захваты чужих земель, насильственное присоединение союзников к коалиции, подавление восстаний в недовольных полисах, экономические санкции против строптивых союзников. Хотя Второй Афинский морской союз возник в совершенно иной исторической ситуации, нежели предшествующий, в конце концов он стал так походить на

Афинскую архэ V в., что дал повод исследователям поставить вопрос о его перерождении в Афинскую архэ IV в.

Эта трансформация, равно как и практика Пелопоннесского союза, убеждает в существовании единой принципиальной линии развития, свойственной симмахиям как V, так и IV в. В любом варианте и при любых условиях она приводила к установлению господства полиса-гегемона над остальными союзниками. Период господства мог быть относительно длительным или довольно коротким, но он всегда заканчивался распадом альянса.

Организация коалиций, по существу, была попыткой соединения в рамках одной организации центробежной и центростремительной сил. По природе своей полис был замкнутой единицей и стремился сохранить эту замкнутость всеми доступными ему средствами. Одной из форм обеспечения замкнутости, автаркии можно считать борьбу за свободу, которая проходит через всю греческую историю.

Свобода (элевертия) стала для греков альфой и омегой их жизни, отличительным признаком их типа организации общества. Она входила в число высших полисных ценностей, утрата которых представлялась для человека самым тяжелым несчастьем. Именно свобода и борьба за нее в свое время были лозунгом, сплотившим эллинов, их целью в греко-персидских войнах, когда удалось отстоять независимость как каждого отдельного полиса, так и Эллады в целом.

В дальнейшем греки часто апеллировали к элевертии, когда речь заходила о варварах, неграках, особенно о персах. Драмаурги, историки, философы, ораторы на все лады подчеркивали принципиальное отличие свободных эллинов от рабов-варваров и противопоставляли независимое греческое государство, образованное свободными гражданами, персидской деспотии, где один человек властвует над толпой рабов.

Эсхил в V в. аллегорически отразил господствовавшие настроения в той сцене своей трагедии «Персы», где Ксеркс пытается запрячь в ярмо двух женщин, олицетворявших Персию и Элладу (ст. 183—187):

Одна в наряде рабьем гордо шествует,
Покорно рот поводам повинуется.
Зато другая вздыбилась. Руками в щепь
Сломала колесницу, сорвала ярмо
И без узды помчалась неподвластная

(Пер. А. Пиотровского).

Подобную мысль уже без всякой аллегии высказали в IV в. Аристотель в «Политике» (1259 В 9) и Исократ (IV, 151), утверждая, что «раб и варвар по природе своей — понятия тождественные», что жители персидского государства в отличие от граждан полиса «в душе низки и полны рабленного страха», «стремясь унижить себя любым способом, они преклоняются перед смертным человеком».

Полисы высоко ценили свою свободу по отношению как к внешнему миру, так и собственному, эллинскому. Каждое греческое государство гордилось своей суверенностью и требовало уважения ее другими. В юридической сфере свобода полиса оформилась как автономия, т. е. право управлять по собственным законам. В теории этот принцип всеми признавался, а на практике постоянно нарушался, особенно полисами-гегемонами, так что мелким и средним полисам приходилось вести борьбу, подчас достаточно тяжелую, за право быть автономными не только на словах, но и на деле.

Нарушение автономии зачастую служило причиной войны или поводом к ней. Так, спартанцы начали Пелопоннесскую войну под тем предлогом, что необходимо наказать афинян за то, что они устанавливают свое господство над автономными полисами. Афины не остались в долгу.

Когда после окончания Пелопоннесской войны они начали создавать новую коалицию против Лакедемона, то обвинили его в прямом нарушении независимости полисов — насаждении в них олигархии и декархий.

С реальной автономией союзников в коалициях дело обстоит неблагоприятно, хотя во Втором Афинском морском союзе, например, автономия была условием образования альянса. Тем не менее она часто нарушалась. Афины навязывали партнерам свою волю не только во внешнеполитических акциях, но и в их внутренних делах. Речи Исократы показывают (VIII, 46, 134), что после проигранной взбунтовавшимся союзникам войны афинская публицистика, анализируя причины сложившейся ситуации, пришла к выводу, что Афины понесли заслуженную кару, так как обращались с полисами деспотически, нанося им обиды и облагая непомерной данью. Очевидно, подобным же образом действовала и Спарта. Мы не располагаем здесь прямыми свидетельствами, но из «Греческой истории» Ксенофонта известно, что среди обвинений, предъявлявшихся Лакедемону, тоже фигурировал упрек в нарушении суверенитета союзников.

Была и другая сторона медали. Очевидно, стремление к защите только собственных интересов, повышенные амбиции полисов по отношению к суверенитету, неумение и нежелание выйти за рамки своего мира никак не могли способствовать прочности альянсов, в их распаде были повинны и главы союзов, и их партнеры. Даже когда полисам приходилось сталкиваться с внешним врагом, они с большим трудом преодолевали автаркию. В истории греко-персидских войн можно найти немало эпизодов, связанных с предательством, заключением сепаратного мира с неприятелем, даже выступлений на стороне противника.

Спарта спокойно предала интересы эллинов, заключив выгодный для себя альянс с Персией. Афины горячо ратовали за объединение греков для похода на Восток и всячески прославляли себя как почитателей истинного эллинского духа, но только потому, что претендовали на роль организатора и руководителя этого похода. Неизвестно, принимали бы они так близко к сердцу нужды соотечественников, если бы поход должен был возглавить другой полис. И наконец, как будет показано дальше, в решающий момент, когда Элладе грозило порабощение Македонией, полисы так и не смогли преодолеть автаркию и создать всеобщий оборонительный союз.

IV век был временем, когда первостепенное значение приобрела проблема контактов. В этот период шли поиски путей и средств, облегчающих государствам общение друг с другом. Благодаря войнам, союзам, постоянным переговорам о мире общение полисов стало гораздо более регулярным, возникла нужда в создании более определенных норм, предусматривающих действия в различных ситуациях — военных, мирных, торговых, дипломатических. Именно в IV в. стала оформляться правовая система, регулирующая отношения между государствами. Она в известной мере может быть названа предтечей современного международного права.

Система включала в себя взаимный обмен гражданскими правами в некоторых полисных объединениях, торговые соглашения между городами, арбитраж. Особенно быстро развивались нормы, отражающие межсоюзные связи, внутрисоюзные и связи с городами, не входящими в коалиции. Мелкие и средние полисы, которые не желали участвовать в распрях полисов-гегемонов, способствовали созданию концепции нейтралитета. Неопределенные, расплывчатые, относящиеся к области обычного права так называемые общие законы, определявшие прецеденты, ведущие к войне (*casus belli*), были заменены более четкими и ясными установлениями.

Чрезвычайно возросла роль договоров, и упрочился их авторитет. Этот фактор представляется важным, так как юристы полагают, что именно договоры — один из основных источников формирования международного права. Больших успехов достигло и абстрактное право. Стали разрабатываться в юридическом аспекте такие понятия, как суверенность, единство, допустимая и недопустимая по отношению к другим государствам политика, справедливость. Не были забыты также правила дипломатического общения и, возможно, институт представительства. Существует предположение, что обычай проксении (взаимного гостеприимства) в IV в. приобрел новые функции, в которых исследователи находят черты, близкие современным консульствам. Как было показано выше, правовой категорией стал также принцип суверенитета государства.

Постоянная нужда во внешнеполитических акциях, вербовке союзников, подготовке общественного мнения к одобрению своих действий и порицанию действий противника способствовала формированию и широкому применению политической пропаганды. В описываемый период уже были выработаны ее основные штампы и создан целый арсенал средств убеждения. Пропаганда поставила себе на службу моральные и правовые категории, исторические факты, интерпретируя и обыгрывая их в нужном ракурсе. Как правило, одни и те же аргументы служили для оправдания политики одного полиса и осуждения другого.

Очень часто апеллировали к понятию справедливости, сближая ее с установившимися нормами и обычаями. Справедливо, например, помогать союзникам, заступаться за них, соблюдать заключенные договоры, не отступать от своих обещаний и т. п. Афины и Спарта сумели гибко использовать эти постулаты в своих интересах.

Спарта предьявляла Афинам обвинение в том, что те притесняли эллинов и своим высокомерием обижали малые города. Афины парировали его утверждением, что наказаны были лишь неверные союзники, нарушившие свои обязательства, сотрудничество с Афинами принесло другим городам немало выгоды и пользы. В подобных злодеяниях повинны сами спартанцы: это они процветали за счет других, не заботясь об интересах союзников, в основу своей политики положили силу, а не законы и, добившись преобладания, тут же вместо свободы наложили на Элладу двойное рабство гармостов и декархов.

Обе стороны обвиняли друг друга в разжигании братоубийственной войны и угнетении Эллады. Лакедемон ссыался на то, что он начинал военные действия не по своей инициативе, а по просьбе союзников, у которых не стало сил терпеть обиды от Афин, нагло попирающих все существующие законы. Афины же говорили, что, воюя со Спартой, меньше всего думали о собственных интересах, а были возмущены ее политикой, которая приводила к раздорам, кровопролитиям и государственным переворотам. Они чувствовали себя обязанными вмешаться и установить, наконец, мир и порядок в Греции.

Важным аргументом в споре полисов за первенство стала история. Действия того или иного государства в прошлом превращались в веское основание для объяснения и оправдания его политики в настоящем и прогнозов на будущее.

Политическая пропаганда эксплуатировала в основном события греко-персидских войн, особенно много усилий здесь приложили афиняне. Их действительно большие заслуги в деле защиты Эллады от персов в речах ораторов приняли гиперболические размеры. Греции старались внушить, что она обязана своим спасением исключительно Афинам. Афинская публицистика снова и снова напоминала, убеждала, уговаривала, что Афины — спасители Эллады, ее освободители, благодетели. Ликург в речи «Против Леократа» писал, что предки «готовы были уме-

реть не только за свою родину, но и за Элладу, всеобщую отчизну», что они, «рискуя собой, доставили всем эллинам общую безопасность» (104). По мнению Лисия, афиняне «своим мужеством завоевали для Эллады свободу» (II, 44).

Целью этих панегириков было требование к греческим полисам, чтобы они выразили свою благодарность в конкретной форме, а именно признания права Афин на гегемонию в Элладе и сделать их предводителями похода на Восток.

Еще одним распространенным штампом политической пропаганды стало обвинение в дружбе с Персией. Альянс с персидским царем, направленный против других полисов, считался одним из самых тяжких грехов, так как означал предательство соплеменников их исконному врагу.

Спарта упорно объясняла собственную непопулярность в Элладе персидским золотом. Ксенофонт в «Греческой истории» оставил типичный образец лакедемонской трактовки причин, побудивших полисы объединиться против Спарты. Оказывается, наиболее известные политические деятели Греции получили персидские деньги и стали везде порочить Спарту. «Когда же им удалось возбудить ненависть к Лакедемону, крупнейшие греческие государства стали объединяться друг с другом в союзы» (II, 5, 1—2).

Афины, в свою очередь, утверждали: Спарта вела войну на персидские деньги. (Любопытно, что обе стороны были правы: и Афины, и Лакедемон в борьбе за гегемонию в Элладе постоянно прибегали к финансовой поддержке Персии.) Сильный козырь Афинам дал Анталкидов мир. Афинская пропаганда не замедлила им воспользоваться, подчеркивая, что спартапцы заискивали перед варварами ради порабощения греков, что они выдали персидскому царю греческие города на малоазийском побережье, позволили ему управлять делами эллинов. Демосфен говорил, что Афины были ослаблены персидским царем с помощью лакедемонян (XV, 24).

2. ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Хотя проблемы внешней политики стали для IV в. определяющими, не менее важны были внутривнутриполитические факторы.

В сфере экономики исследователи располагают в основном материалом, относящимся к Аттике, так что поневоле в качестве модели сложившейся ситуации приходится брать Афины, но даже и здесь реконструкция производится с трудом и часто базируется на косвенных свидетельствах.

Одним из наиболее важных компонентов полисной жизни было сельское хозяйство. Довольно долгое время господствовало, хотя разделялось далеко не всеми, мнение, что Пелопоннесская война стала для земледелия рубежом «аграрного переворота», характеризовавшегося массовым разорением крестьянства, миграциями сельского населения в город, концентрацией земли в руках немногих богачей. Сторонники этой концепции аргументировали ее тем, что в IV в. явно участились случаи купли-продажи земли, сдачи ее в аренду, что источники пестрят упоминаниями об объединении крестьянства.

В последнее время такая точка зрения все чаще подвергается критике. Ее противники, опираясь в основном на новые археологические открытия, давшие массовый эпиграфический материал, приходят к выводу, что земельная собственность тогда распределялась равномерно и нет никаких оснований говорить об обезземеливании сельского населе-

ния в широком масштабе. Хотя трудно определить интенсивность и размах операций по купле-продаже земли в IV в. и соотнести их с V в., они, скорее всего, не были таких размеров, чтобы привести к существенным изменениям в экономике полиса и повлиять на его традиционную структуру.

Литературные источники показывают, что в IV в., как и прежде, гражданин осознавал себя полноправным членом полиса, если обладал земельным участком. Поэтому земле стремились сохранить и в том случае, если основным занятием становились ремесло или торговля. Связь с землей была своего рода показателем социального статуса и престижа. Недаром оратор Динарх, перечисляя в речи против Демосфена (I, 74) признаки, необходимые политическому деятелю для завоевания популярности, говорит в том числе и о земельном наделе, который должен находиться в пределах полиса. В произведениях драматургов, публицистов, философов прослеживается явное тяготение к прославлению крестьянства и сельского труда как синонимов основательности и стабильности. В общественном мнении продажа земли не только не поощрялась, но вызывала осуждение как растратничивание отеческого достояния.

Было доказано, что само понятие концентрации земли требует уточнения и разъяснения. С одной стороны, процесс скупки земли, несомненно, происходил, с другой — нет данных о том, что он разрушал сложившуюся систему. Участки одного лица, прежние и вновь приобретенные, располагались в разных местах Аттики, следовательно, не могли служить основой крупного хозяйства, противопоставленного традиционной системе мелкого и среднего землепользования.

Помимо упоминаний об участвовавших случаях купли-продажи земли появляются и свидетельства об ее аренде. Совпадение это не случайно, так как упомянутая выше разбросанность участков не давала возможности владельцу вести хозяйство или лично контролировать управляющих. В таком случае оптимальной формой извлечения дохода становилась сдача земли в аренду. Признавая существование и достаточно широкое распространение аренды земли IV в., исследователи расходятся во взглядах на социальный состав арендаторов. Одни полагают, что ими были метеки и вольноотпущенники, другие — что это полноправные граждане.

В Аттике IV в. довольно широко прибегали к закладу земли и домов, т. е. займам под залог недвижимости. Археологами обнаружено более 200 долговых камней, когда-то находившихся на крестьянских полях. Суммы проставленных на них займов свидетельствуют, что к закладу прибегали не столько мелкие и средние землевладельцы, сколько состоятельные собственники. Иногда в ход шли огромные по тем временам суммы.

В ремесленном производстве значительно усилилась концентрация мастерских, но она не порождала каких-либо изменений в способе производства и его организации. Доходы, получаемые владельцами мастерских, лишь в малой степени шли на воспроизводство: они либо накапливались, либо использовались для ростовщических операций.

Хотя ремесленное производство не приобрело принципиально новых черт, сфера товарно-денежных отношений заметно расширилась, а протекавшие в ней процессы интенсифицировались. Более широкое, чем в V в., распространение получили кредитно-денежные операции. Благодаря возрастанию обмена и усилению роли денег значительное место в экономике заняла фигура трапезита. Трапезиты выступали одновременно как хранители вкладов, посредники при платежах, заимодавцы, пуская в оборот как собственные деньги, так и деньги вкладчиков. Некоторые из них, судя по дошедшим до нас данным, вели дела с большим размахом, например «банкир» Пасион.

Трапезиты проявляли большую активность и, несомненно, способствовали оживлению товарооборота. Вместе с тем простота их денежных операций, отсутствие разработанных юридических категорий, ограничение деятельности лишь какой-нибудь определенной областью Греции не позволяют полагать, что этот институт был способен удовлетворить растущие потребности экономического общения. Скорее здесь можно говорить о несоответствии темпов развития товарно-денежных отношений формам, в которых они выражались.

Пелопоннесская война втянула многие полисы не только в интенсивное политическое, но и экономическое общение. Широкое распространение в IV в. бронзовой монеты в самых разных областях Греции показывает, что рыночные отношения продолжали активно развиваться и уже охватывали широкий ареал. Показателен пример Спарты, находившейся в V в. на довольно низком уровне экономического развития. После победы в Пелопоннесской войне в Лакедемон потоком хлынуло богатство. Один Лисандр привез в Спарту столько денег, что это повлияло на денежное обращение во всей Элладе. Полученные богатства разлагали консервативный экономический строй Спарты, способствовали подключению ее к товарным процессам, протекавшим в Греции.

Продолжала развиваться торговля. В Афинах IV в. по-прежнему остро стоял вопрос об импорте хлеба. Афинские источники красноречиво свидетельствуют о том, какие страсти разгорались вокруг торговли зерном. Продажа хлеба строго регламентировалась законами, но в тяжелые для полиса моменты они часто нарушались, что порождало бесчисленные процессы в судах. До нашего времени дошла одна из речей Лисия, выступавшего обвинителем по делу о хлебной спекуляции. Лисий утверждал, что торговцы бесовски наживаются на нужде сограждан: «Когда вы всего более нуждаетесь в хлебе, они вырывают его у вас изо рта и не хотят продавать, чтобы мы не разговаривали о цене, а были бы рады купить у них хлеб по какой ни на есть цене. Таким образом, и во время мира они держат нас в осаде» (XXII, 15).

Войны существованию истожили казну полисов, поэтому перед теми постоянно стоял вопрос, каким путем ее пополнить. Афины возлагали большие надежды на знаменитые серебряные рудники Лавриона, которые издавна служили для них источником государственного дохода. В IV в. рудники стали использоваться интенсивнее, полис сдавал их в аренду частным лицам, своим же гражданам, надеясь таким образом упрочить экономическое положение. Но если раньше такая политика достигала цели, то теперь она приводила к тому, что арендаторы обогащались, а государство беднело. Какой-то процент от доходов арендаторов полис все равно получал, но очень небольшой. Знакомый с положением дел Ксенофонт написал трактат «О доходах», в котором предложил меры, направленные на увеличение доходности рудников для полиса, посоветовав государству поучиться искусству обогащения у своих граждан.

Другим источником для поддержания экономической стабилизации полиса стали литургии и эйсфора. Литургии — налог, взимаемый с граждан на нужды государства, — хотя и не приняли таких гигантских размеров, как в жалобах тех, кому приходилось их выполнять, все же значительно увеличились в размере. Чрезвычайный военный налог — эйсфора — налагался на всех граждан полиса в тяжелых военных и политических ситуациях, а они в IV в. возникали все чаще и чаще.

Новые веяния коснулись и социальной структуры полиса. Нужда государства в деньгах была столь велика, что оно пошло на изменение некоторых законов, обеспечивающих преимущество граждан перед негражданами. В Афинах увеличилось число свободных неграждан и вольноотпущенников, занятых в земледелии, ремесле, торговле, практически они трудились во всех сферах производства. Участие метеков в важной для

полиса хлебной торговле было столь велико, что афинские законы перестали делать здесь различие между гражданами и негражданами. В IV в. впервые за всю историю государства и те, и другие оказались в равном положении, если шла тяжба, связанная с морскими займами. Некоторые метеки-трапезиты удостоились высшей награды — получили гражданские права.

Изменения произошли и в сфере рабства и рабовладения. Они не коснулись главного — принципов построения и существования общества, основанного на эксплуатации труда несвободных, но затронули этнический состав рабов. Раньше основную массу рабов в полисах составляли варвары, теперь все чаще стали встречаться рабы-греки. Начало этому процессу положила Пелопоннесская война, давшая много случаев порабощения военнопленных. Последующие военные конфликты упрочили подобную практику, хотя она и шла вразрез как с существующими традициями, так и с установившимися взглядами. Аристотель, излагая свою достаточно консервативную теорию рабства, не включал в категорию рабов военнопленных-греков, так как они были свободны по природе.

Чаще стал применяться самостоятельный и полусамостоятельный труд рабов. Скопив деньги и выкупившись на волю, бывшие рабы продолжали работать в сельском хозяйстве и мастерских. Не имея права покупать землю, они могли становиться арендаторами или сельскохозяйственными рабочими. Некоторые исследователи полагают, что в IV в. существовала конкуренция между свободным и рабским трудом, приводившая к обнищанию свободных масс населения и возникновению в городах «люмпен-пролетариата». Работы последних десятилетий показывают, что, хотя случаев разорения стало больше, они не приводили к широкому обнищанию масс, к существованию в городах большой прослойки опустившихся свободных. Полис был еще достаточно силен, чтобы обеспечить права своих граждан во всех областях, и не допускал конкуренции между ними и рабами.

Хотя каждый из перечисленных факторов не был сам по себе столь значителен, чтобы нанести серьезный ущерб полису, но их совокупность влияла на обстановку в греческих государствах, которая была явно неблагоприятной. Источники показывают, что сами греки находили в жизни полиса много тревожных симптомов. Особенно беспокоило их усиление социальной и политической дифференциации в обществе.

Ситуации, описанные в источниках, производят на первый взгляд угнетающее впечатление. Античные авторы убеждены, что полис находится на грани катастрофы: он наполнен стенаниями, никто не живет легко и радостно. Измученные нуждой бедняки мерзнут зимой в одежде, вид которой не поддается описанию, выпрашивают подающие и скитаются по Элладу, причем число таких бродяг достигло уже угрожающих размеров. Из-за постоянных военных действий многие занятия оставлены, казна опустела. Не менее плачевна и жизнь состоятельных людей, так как государство постоянно вымывает у них деньги, в то же время не ограждая их от угроз и насилий, не обеспечивая их безопасность.

Яркими красками живописует Аристофан в комедии «Плутос» (ст. 542—544) жизнь бедняка, который вместо платья имеет лохмотья, вместо кровати — сноп соломы:

И гнилую рогожу он вместо ковра постилает,
а вместо подушки
Он под голову камень побольше кладет, и питается
он вместо булки
Корнем мальвы, а вместо ячменных хлебов —
пересохшими листьями редьки

(Пер. В. Холмского).

Платон в «Государстве» (561Е) дает не менее выразительный портрет богатого и знатного человека, отдающегося всякому нахлынувшему на него желанию: «То он кутит, приглашая флейтисток, то пьет воды и проделывает курс лечения от полноты, то предается телесным упражнениям, то лениво лежит, чуждый каких бы то ни было забот, то вдруг начинает разыгрывать из себя ученого».

Особо выделяются в источниках люди, не желающие заниматься производительным трудом, существующие на случайные заработки и государственные пособия.

Сведения такого рода послужили основой для гипотезы о том, что полис IV в. был наполнен толпами обнищавших граждан и поляризация бедности и богатства достигла в нем крайних размеров. Вместе с тем возрастает число приверженцев другой точки зрения, согласно которой, хотя все эти процессы и имели место, они все же сильно преувеличены античными авторами. Их свидетельства были своеобразной реакцией на происходящие в обществе изменения, в них больше эмоций, нежели адекватного отражения действительности.

Греческое общество данного периода находилось на пороге крупных экономических, социальных и политических сдвигов. Изменения в полисной жизни, которые готовили эти сдвиги, воспринимались современниками как нарушение установленного порядка, катастрофа. Отсюда и преувеличенное внимание к новым явлениям, их абсолютизация: ужасающая бедность, огромные богатства, невероятные страдания как неимущих, так и состоятельных граждан. Сходную реакцию, определенную аналогичной ситуацией, можно выявить в литературе более раннего времени, например VI в., когда развивавшиеся товарно-денежные отношения внесли существенные изменения в традиционные нормы общества. Жизнь полиса тоже воспринималась тогда как цепь сплошных бедствий, несчастий, разорения и торжества богатства.

Социальная и политическая нестабильность IV в. проявилась прежде всего в серии государственных переворотов и заговоров. Спровоцированная Пелопоннесской войной кровопролитная гражданская распря на Керкире, которая в свое время потрясла Фукидида и была воспринята им как нечто небывалое и чудовищное, стала лишь началом в длинном списке внутривосполитических переворотов. Почти в каждом городе были приверженцы Афин и Спарты, полисы как бы повторяли в миниатюре Элладу, раздираемую политическими противоречиями. Гражданские междоусобицы обострялись непрерывными военными действиями между полисами, причем оба конфликта влияли друг на друга, так как враждующие политические группировки имели обыкновение призывать на помощь внешних союзников. Часть исследователей связывают усиление жестокости в военных действиях не столько с военными, сколько с политическими соображениями враждующих сторон.

Социальные, внутривосполитические и внешнеполитические противоречия, совмещающаяся в рамках одной коллизии, сопровождалась необычайным озлоблением. Ксенофонт в «Греческой истории» (IV, 2) свидетельствует, что во время переворота в Коринфе на небольшом пространстве погибло столько людей, что «они лежали огромными кучами, как лежат кучи зерна, дерева, камней».

Трагическими событиями прославился Аргос, в котором бедняки, вооружившись палками, перебили около 1200 имущих граждан, а имущество их конфисковали и поделили между собой. Этот переворот, вошедший в историю как аргосский скитализм (палка — скитал), дал повод Исократу для горького замечания: «Когда враги на время прекращают причинять им бедствия, они сами начинают истреблять наиболее выдающихся и богатых из числа своих граждан и делают это с такой радостью, с какой другие не убивают своих врагов» (V, 52).

Вопрос зачастую стоял уже не просто о победе определенной группировки, а о физическом уничтожении противников. Порой внешние враги, пришедшие на помощь союзникам в другом полисе, оказывались милосерднее, чем их сограждане.

Не избежали общей участи и ведущие полисы. Как уже говорилось, в Афинах дважды, в 411 и 404 гг., была свергнута демократия. Особенно тяжелые последствия имел олигархический переворот 404 г., совпавший с поражением полиса в Пелопоннесской войне. Аристотель сообщает в «Афинской политике» (35, 3), что олигархи погубили не менее 1500 человек, «стараясь устранить опасные элементы и желая грабить их имущество».

В 398 г. в Спарте был раскрыт и ликвидирован заговор Кинадона, юноши, не принадлежавшего к общине «равных», т. е. не бывшего полноправным спартиатом. Он и его сообщники опирались на зависимое население Лакедемона, уже давно и жестоко страдавшее от гнета полноправных спартиатов, который с войной только усилился. Когда в этой среде, пишет Ксенофонт в «Греческой истории» (III, 3, 6), «заходит разговор о спартиатах, то никто не может скрыть, что он с удовольствием съел бы их живьем». Узнав о заговоре, эфоры «пришли в ужас» и поспешили арестовать Кинадона и его сторонников. Заговорщиков подвергли пыткам и мучительной казни.

Социально-политические изменения стали объектом изучения и анализа теоретиков политической мысли. Аристотель посвятил пятую книгу своего трактата «Политика» изучению и классификации государственных переворотов. Платон в «Государстве» (423А), строя модель идеального строя и давая описание государств реальных, пришел к малоутешительному выводу, что в каждом полисе теперь «заключены два враждебных между собой государства: одно — бедняков, другое — богачей; и в каждом из них опять-таки много государств».

Реакцией на происходящие события было ослабление полисного патриотизма, нарушение традиционных связей гражданина с государством. Экономические интересы некоторых кругов населения стали выходить за узкие рамки полиса. Лисий упоминает о людях, которые держатся убеждения, что всякая страна, где они имеют средства к жизни, для них отечество, о людях, готовых пожертвовать благом отечества ради личной выгоды, так как «они считают своим отечеством не государство, а богатство» (XXI, 6).

Аполитичность граждан не всегда определялась их имущественным положением, во всяком случае, когда Исократ и Демосфен возмущаются равнодушием афинян к судьбе своего города, то не связывают его с социальной и имущественной дифференциацией. Многие граждане, говорят они, даже не дают себе труда принять личное участие в войне за собственные интересы, пренебрегают военными обязанностями, если не получают за них деньги.

Наемничество, расцвет которого приходится на IV в., безусловно, способствовало разрыву связей гражданина с полисом, недаром наемников называли людьми, лишенными родины. Подолгу находясь вдали от родного государства, сражаясь за интересы чужих полисов, а иногда и иноземных правителей, они постепенно отходили от полисной системы ценностей, все больше ориентировались на связь с соратниками и командирами, на получаемое жалованье.

Пелопоннесская война способствовала тому, что в городах все чаще стали появляться полководцы и политики, противопоставляющие себя гражданскому коллективу, опирающиеся на находившиеся в их подчинении войска. Начал формироваться особый, свойственный IV в. тип политического деятеля, отличительными чертами которого были военные та-

ланты, ловкость, пренебрежение общепринятыми нормами и традициями, честолюбие, алчность и жестокость.

Не случайно в Афинах выдвинулась такая фигура, как Алкивиад. Этот представитель знатного и богатого рода предстает в источниках весьма противоречивой личностью. В жизнеописании Алкивиада (XXIII, 15) Плутарх подчеркнул две основные черты его характера — жажду первенства и победы во всем, а также беспринципность, связанную с поразительной гибкостью: «стремительностью превращений он оставлял позади даже хамелеона ... Алкивиад, видел ли он вокруг добрые примеры или дурные, с одинаковой легкостью подражал и тем, и другим». Ему было все равно, где главенствовать и какой ценой достичь первенства.

Спартанским вариантом Алкивиада можно считать полководца Лисандра, который, командуя длительное время войсками, на заключительном, решающем этапе Пелопоннесской войны одержал блестящие победы и приобрел широкую известность не только в родном полисе, но и в других греческих государствах. Сохранилось много свидетельств популярности Лисандра: была воздвигнута его статуя, поэты слагали стихи и воспевали выигранные лакедемонским военачальником сражения, возник даже культ Лисандра. Лисандр не собирался успокаиваться на достигнутом и готовил государственный переворот: он намеревался отменить наследственную царскую власть и стать претендентом на престол. Конец честолюбивым замыслам был положен неожиданной гибелью Лисандра.

Биографии Алкивиада и Лисандра интересны тем, что дают не только достаточно выразительные характеристики людей, претендующих на захват власти в полисах, но и позволяют понять условия, при которых подобные притязания имели шансы на успех. Атмосфера IV в. способствовала установлению единоличного правления в греческих городах. Подобная практика приняла такие масштабы, что стало возможным говорить о возрождении тирании, получившей название младшей в отличие от старшей, относящейся к VI в. Обе они возникли в критические для полиса периоды, связанные с ломкой установившихся норм и обычаев, с необходимостью обращаться к политическим формам, наиболее приспособленным к экстремальным ситуациям. Многие полисы IV в. прошли через тиранию в моменты повышенной военной опасности извне, сильных социальных потрясений, трудностей экономического и политического развития.

Военное поражение в Пелопоннесской войне привело к установлению в Афинах тирании Тридцати, оставившей о себе самые тяжелые воспоминания.

Несколько иная ситуация сложилась в Фессалии, которая считалась отсталой областью Эллады. Пелопоннесская война ускорила темпы ее развития, и в конце V в. Фессалия уже активно включилась в общегреческие экономические и политические процессы. Ее прежняя организация оказалась совершенно неподготовленной к этому, что и породило острые социальные разногласия. Конфликт разрешился установлением тирании.

В Фессалии было несколько тиранов, но наиболее известной и выдающейся фигурой по праву считается Ясон: при нем тирания достигла апогея могущества. Ясон, сын и преемник предшествующего тирана, правил, опираясь на сподвижников и шеститысячное наемное войско, которое было предметом его неуспынных забот. Характерно, что, уже будучи тираном, Ясон не отказывался от использования традиционных форм власти. Оставаясь единовластным правителем Фер, он добился того, что стал тагом — выборным военачальником Фессалийского союза.

Заняв эту должность, Ясон провел реформы, направленные на укрепление союза фессалийских городов, создал благоприятные условия для

их экономического развития. Особенно удачна была его внешняя политика: благодаря ей Фессалия расширила свои границы и превратилась в крупное и сильное объединение, способное бороться со Спартой. Ясон мечтал даже установить господство над Элладой и возглавить общегреческий поход в Азию. В разгар подготовки планов, которые Ксенофонт назвал великими и разнообразными, тиран был убит заговорщиками (370 г.).

Под властью тиранов Филомела и Ономарха укрепило внешнеполитическое положение еще одно объединение — Фокидское, где, как и в Фессалии, опорой тиранам послужило наемное войско. Чтобы добыть деньги для его оплаты, Филомел и Ономарх не остановились перед святотатством: захватили Дельфы и разграбили сокровищницу Дельфийского храма, общегреческой святыни. Примечательно, что это вовсе не смутило наемников-эллинов, и в желающих поступить на службу к фокидским тиранам недостатка не было.

Фессалия и Фокида дали примеры установления тирании в объединениях типа симполий. Другим вариантом было получение власти в результате политических разногласий между демократией и олигархией. Так, в Сикионе, опираясь на антиолигархическое и антиспартанское движение, стал тираном Евфрон (368 г.), объявивший себя защитником и вождем народа. В роли сторонника демократии Евфрон пребывал до тех пор, пока не создал послушного ему наемного войска, деньги для этого он получил от продажи конфискованного у олигархов и сторонников Спарты имущества. Как только тиран приобрел сильную военную опору, он сразу же «разочаровался» в демократическом строе и разогнал народное собрание, распустил демократические органы правления. После трех лет господства Евфрон был вынужден покинуть полис, впоследствии его убили изгнанники-олигархи.

В Коринфе, соседе Сикиона, аристократ Тимофант попытался обратить себе на пользу противоречия между знатью и демосом, объявив себя другом народа. Не поверившие ему демократы объединились и, возглавляемые братом Тимофанта Тимолеонтом, вступили в вооруженное столкновение с наемниками Тимофанта; в одной из стычек неудачливый кандидат в тираны погиб.

Пример тирании, возникшей в результате внешней опасности, дала периферия греческого мира — Сицилия, над которой висела постоянная военная угроза со стороны Карфагена.

В 406 г. карфагеняне активизировались и разгромили союзный Сиракузам город Акрагант, второй по величине полис Сицилии. В Сиракузах началась паника, ею воспользовался молодой полководец Дионисий (в то время ему было 25 лет). Он сумел приобрести доверие народа, был назначен стратегом с чрезвычайными полномочиями, стратегом-автократом.

Спустя несколько лет ему удалось достигнуть ощутимых успехов и создать мощную сицилийскую державу, объединившую большинство греческих полисов Сицилии и Южной Италии. Дионисий сумел не только удержать власть, но и передать ее сыну, Дионисию Младшему. Дионисий Старший провел частичный передел собственности. После подавления направленного против него восстания он конфисковал имущество мятежников и часть его подарил друзьям, часть разделил между командирами наемных отрядов, часть отдал рядовым наемникам и гражданам. В Сиракузах появились неополиты (новые граждане), ими стали рабы погибших участников заговора, получившие свободу и гражданские права.

Тирания IV в. оставила заметный след не только в истории Греции, но и в ее политической теории. Единоличная власть всегда воспринималась эллинами как абсолютно неприемлемая форма правления. В VI и V вв. тирания осуждалась. В литературе появился даже нарицательный

образ тирана как жестокого узурпатора, беспринципного и корыстолюбивого правителя, который приносит несчастья окружающим, но и сам наказан за это бедами в личной жизни: у него нет друзей, он не доверяет близким и живет в постоянном страхе. Софокл в «Царе Эдипе» (ст. 873) высказывает убеждение, что «спесь порождает тирана и грозное его ждет наказание». Герой драмы Еврипида «Ион» не хотел стать тираном, ибо тот

..... рад, коль залучит
В друзья себе злодеев. Всякий честный
Тирану — острый нож. Трепещет он
В нем своего убийцы

(ст. 625—629. Пер. И. Анненского).

Лозунгом демократии V в. вполне могли стать слова Эсхила: лучше смерть, нежели тирания.

Историки отвергали тиранию по иным соображениям, прежде всего как форму правления, близкую к ненавистной персидской монархии. Геродот подчеркивал, что персы поддерживали тиранию в малоазийских полисах. Фукидид порицает тиранов за то, что из-за них Эллада «была задерживаема в своем развитии не совершала общими силами ничего видного» (I, 17).

В политической мысли IV в. наблюдается двойственное отношение к тирании. С одной стороны, оно традиционно оставалось негативным. Так, например, господство одного полиса над другими, пренебрежение интересами остальных греческих государств, поппание существующих норм назывались тиранией. Часто именовались тиранами Афины и Спарта. С другой стороны, явно происходила переоценка этой формы правления: она признавалась уже допустимой, а порой и необходимой. В трудах теоретиков тирания обычно бывала не очень похожа на реальную, создавался скорее некий идеализированный образ тирана как просвещенного правителя, заботящегося о благе государства. Прямо или косвенно подчеркивалось, что тирания — лишь переходная форма правления. И все же возникновение такого направления очень симптоматично. Его можно рассматривать как показатель кризисных явлений в прежней системе управления полисом, практика толкала политическую мысль на поиски новых форм организации государства.

Тиранией как режимом интересовался Платон. Он считал возможным использовать его для управления государством в переходный период от существующего полиса к полису образцовому, но в совершенном государстве места тирании уже не было. Известно, что Платон дважды посетил Сицилию по приглашению Дионисия Младшего, который утверждал, что хочет управлять согласно философским принципам. Но философ и тиран не смогли найти общего языка.

Остался любопытный документ, возможно связанный с этими поездками, — «Письма» Платона. Авторство Платона, правда, здесь ставится под сомнение: одни исследователи утверждают, что по стилю, манере письма, высказанным идеям они, несомненно, принадлежат философу, другие отрицают это. В любом случае высказанные в «Письмах» мысли о необходимости использовать тиранию, сохранив ее оболочку, но изменив содержание, облагородить тирана знанием философии или присутствием мудрого наставника близки Платону. Автор «Писем» полагает, что знания и законы смогут преобразовать существующую тиранию в хорошую форму правления.

Идеальным правлением считал единовластие современник Платона Ксенофонт. Такая позиция была тесно связана с его политическими убеждениями, отрицательным отношением к демократии. Ксенофонт-историк отмечал непопулярность тиранов в Греции, но Ксенофонт-теоретик

в трактате «Гиерон» тщательно разработал систему «правильной» тираннии. Он предлагает тирану провести для улучшения условий жизни в полисе три типа реформ — экономические, политические и социальные, опираться на лучшую часть общества и наемное войско; последнее, по его мнению, может быть эффективно использовано для подавления внутренних волнений и установления социального мира.

Свою лепту в теоретическое обоснование тираннии внес также Исократ. В речах так называемого кипрского цикла он обращается к тиранам Кипра Евагору и его сыну Никоклу. Там впервые в греческой политической теории была высказана мысль, что положение тирана «и по божественным, и по человеческим понятиям является самым высоким и почетным» (IX, 6). Раздумывая о том, как сделать тиранию жизнеспособной, оратор анализирует причины неудач тиранов IV в. и приходит к выводу, что их погубило неумение управлять. Подобно Ксенофону, Исократ рекомендует тирану защищать прежде всего интересы добропорядочных граждан и безжалостно искоренять злоумышленников. Оратор явно полемизирует с установившимся в литературе отрицательным стереотипом тирана. Его Евагор и Никокл — образцы добродетели, счастливы, имеют много друзей, любимы народом, за время их правления не было ни изгнаний, ни казней, ни конфискаций.

3. ВОЗВЫШЕНИЕ МАКЕДОНИИ

Пока полисы ссорились друг с другом, пытались справиться с внутренними неурядицами, мечтали о завоевании новых земель на Востоке и захвате персидских сокровищ, на севере Греции крепла новая держава.

Древняя Македония на юге граничила с Фессалией и полуостровом Халкидикой, на западе — с Иллирией, на востоке — с Фракией. Традиционно она делилась на Верхнюю (горную) Македонию и Нижнюю (приморскую). Через Македонию, заселенную с раннего неолита, проходили пути племенных миграций, поэтому ее этнический состав оказался смешанным: исследователи находят здесь греческие, иллирийские и фракийские элементы. Есть данные о существовании общих мифических предков некоторых греческих и македонских племен. В глазах эллинов македоняне, как правило, считались полуварварами, т. е. людьми, хотя и не поднявшимися до высот греческой культуры, но все же более близкими к ней, чем другие этносы.

Долгое время Македония находилась на довольно низком уровне развития. В VIII—VII вв. племена еще сохраняли пережитки первобытнообщинного строя. Военная власть сосредоточилась в руках родовой знати, она же, очевидно, владела и большинством земельных наделов. В конце VI в. Македония была зависима от Персии, переживавшей в то время период расцвета. В V в. распад родовых отношений вступил в заключительную фазу, начался процесс централизации страны, особенно активно он протекал в Нижней Македонии, которая имела торговые связи с греческими городами Халкидики и более других областей испытывала эллинское влияние. Столицей государства стал город Эги.

Усиление Македонии связано с правлением царя Александра I (498—454 гг.), получившего прозвище Филэллин, так как он способствовал распространению в стране греческой культуры. Царю пришлось вести борьбу не только с внешними врагами, иллирийскими и фракийскими племенами, но и с родовой знатью, неохотно уступавшей свои привилегии. Когда Ксеркс вторгся в Грецию, Македония вынуждена была пропустить его через свою территорию и даже выделить в распоряжение персидского войска отряды воинов. Вместе с тем Александр I старался помогать эллинам и оказывать им всяческие услуги.

Отношения Македонии и Афин испортились после образования Первого Афинского морского союза, когда, чтобы обеспечить себе выход к морю, Александр начал борьбу с афинскими союзниками, городами Халкидики. Он не решился пойти на прямой конфликт и предпочел уступить, на какое-то время даже вошел в Афинский союз и завязал с Афинами торговые отношения, поставляя им в основном лес для кораблей. Преемник Александра царь Пердикка в Пелопоннесской войне выступал то на афинской, то на спартанской стороне.

Сын Пердикки Архелай I (419—399 гг.), по мнению Фукидида, для Македонии сделал больше, «чем восемь предшествовавших ему царей вместе» (III, 100). Архелай приложил много усилий для централизации государства, начал военную реформу, реорганизовал монетное дело. Он в значительной степени подавил независимость родовой знати, а для того чтобы укрепить авторитет царей, возвел их генеологию к Гераклу. При нем Македония стала одним из самых сильных государств на Балканском полуострове.

Архелай погиб в результате заговора, и после него страна вступила в период сильнейших политических распри, заговоров, постоянной смены царей. В результате сумятицы вновь усилилась родовая знать и заявила претензии на независимость и управление страной. Эти тенденции были поддержаны Афинами, заинтересованными в ослаблении Македонии.

Обстановка стабилизировалась с воцарением Филиппа II (359—336 гг.), крупнейшего политика и полководца своего времени. Когда в 367 г. Македония проиграла войну Беотии, в Грецию в качестве заложников были отправлены дети из самых знатных семейств, в их числе находился и будущий македонский правитель. За несколько лет, проведенных в Фивах, Филипп неплохо познакомился с эллинской культурой. Вернувшийся на родину Филипп в возрасте 22 лет был назначен опекуном своего малолетнего племянника, затем он захватил престол. В первые же годы правления Филипп расправился с соперниками в стране, отразил нападения иллирийских и фракийских племен, а также принял меры, направленные на усиление военной мощи государства.

Он внимательно изучил реформы знаменитого Эпаминонда, идеи которого потом частично использовал для реорганизации македонской армии. В частности, войско строилось таким образом, чтобы можно было концентрировать силы в направлении основного удара, координировать действия между конницей и пехотой. Филипп был создателем блестяще зарекомендовавшей себя македонской фаланги, отличавшейся от греческой компактностью и глубиной построения (от 8 до 24 рядов). Самостоятельные тактические задачи стала выполнять конница. Изменения коснулись и вооружения: в боях успешно применялась сарисса, копьё, достигавшее 4—5 м в длину. Мощь армии возросла благодаря техническому оснащению, она была снабжена новейшими боевыми механизмами.

Опираясь на такую силу, Филипп завершил централизацию Македонии. С сепаратистскими тенденциями знати было покончено, ее представители образовали командный костяк армии, заняли различные должности в государстве, они заседали и в совете гетайров — друзей царя. Позднее в этот совет стали входить новые, незнатные люди, в том числе и выходцы из греческих городов. Столица переместилась в Пеллу.

Завершив внутренние реформы, Филипп занялся расширением и укреплением границ государства. Для начала, воспользовавшись ослаблением Афин, он захватил Амфиполь, важный стратегический пункт на фракийском побережье, а затем — золотые рудники Пангея; ему удалось также привести к повиновению часть Фракии. Эти мероприятия позволили Филиппу, имея прочный тыл, создать морской флот, начать регулярный чекан золотой монеты, организовать широкий набор наемников. Теперь македонский царь был готов к тому, чтобы приступить к завое-

ванию Греции, которая представлялась ему желанной и доступной добычей.

Началось все с незначительного инцидента, обычного конфликта между полисами. Усиление Фокиды вызвало недовольство Фив и Фессалии, те решили воспрепятствовать росту ее влияния не прямо, а через Дельфийскую амфиктионию. Совет амфиктионов признал Фокиду виновной в святотатстве — распахке священной земли, принадлежащей Дельфийскому храму; от виновных потребовали освободить землю и возместить ущерб, в случае отказа храму должны были передать их собственные земли. Кроме Фокиды, штраф наложили и на другие государства. Штраф был такого размера, что выплата его грозила Фокиде полным разорением. Тогда фокидяне, заручившись поддержкой спартанцев, в 355 г. захватили Дельфы и ограбили храм Аполлона. В конфликт немедленно вмешались остальные греческие полисы, одни на стороне Фокиды, в их числе — Афины, другие — Дельф. В Греции опять разразилась война, получившая название Священной (355—346 гг.).

Явный перевес сил на стороне Фокиды и их союзников побудил противников обратиться за помощью к Филиппу, и тот с готовностью вмешался в междоусобицу. В двух сражениях он потерпел поражение от фокидского тирана Ономарха и только в третьем одержал победу. Фокидяне, попавших в плен, Филипп приказал утопить как святотатцев, а тело погибшего Ономарха — распять на кресте. Однако до окончания войны было еще далеко, Фокида стала срочно восстанавливать армию, а Филиппа отвлекли другие дела. Борьбу с «осквернителями» он возобновил лишь в 346 г., разгромил противника и начал опустошать города; Фокиде пришлось капитулировать. По решению Дельфийской амфиктионии стены полисов были разрушены, их жители расселены по сельским местностям, совет амфиктионов предписал также вернуть захваченные сокровища. Фокиду исключили из амфиктионии, ее место там занял Филипп.

Филипп укреплял влияние Македонии в Греции не только участием в Священной войне. В 349 г. царь выступил против греческих городов Халкидики. Олинф, возглавлявший союз халкидских полисов, обратился за помощью к Афинам. Те отправили лишь небольшой отряд, а когда послали более значительные силы, было поздно, македоняне взяли город, разрушили его до основания, а жителей увели в плен. Филипп получил, таким образом, власть над фракийским побережьем. В 346 г. Афинам пришлось заключить с ним мир, названный Филократовым по имени главы афинского посольства. По его условиям Афины лишались почти всех своих владений на побережье Фракии.

Македонский царь продолжил завоевание Фракии и покорил ее значительную часть, обложив местные племена данью. На захваченной территории он заложил города, основной контингент которых составляли македонские военные поселенцы. Однако довести завоевание до конца Филиппу не удалось, он потерпел несколько поражений и вернулся в Македонию, получив тяжелую рану.

Между тем в Греции полисы осознали, наконец, нависшую над ними опасность, но и в этот решающий момент эллины не смогли договориться между собой даже в пределах одного города. В Афинах, как, впрочем, и в других полисах, образовались промакедонская и антимакедонская группировки. Часть исследователей полагают, что основанием для такого деления послужили социальные противоречия, что сторонники Филиппа принадлежали к верхушке общества, а противники были представителями демоса. Но есть и другое мнение: принадлежность к той или иной группировке определялась не столько социальной позицией, сколько экономическими интересами и несовпадением взглядов на внутреннюю и внешнюю политику.

Судя по всему, состав промакедонской группировки был более однороден: в нее вошли многие имущие граждане, в том числе и богат Евбул. Принадлежали к ней и ораторы Исократ и Эсхин, стратег Фокион. Антимакедонская группировка, возглавляемая Демосфеном, включала в свои ряды самые различные слои населения, к ее видным деятелям отнесли оратор Гиперид, финансовый деятель Ликург.

Образованию антимакедонской группировки мы обязаны уникальными документами, вошедшими впоследствии в золотой фонд европейского красноречия. Это речи Демосфена, в которых он убеждает сограждан не верить лживым обещаниям Филиппа, бороться против усиления Македонии, оказывать помощь всем ее врагам. В речах, посвященных Олиффу, оратор настойчиво уговаривает афинян оказать халкидскому городу своевременную помощь. Анализируя сложившееся положение, Демосфен утверждает, что цель Филиппа — поработить Грецию, предварительно перессорив эллинов между собой, чтобы их было легче покорить. И царь достигает своей цели где лестью, где подкупом, где хитростью. Сложилась ситуация, при которой «каждый полис считает выигрышем для себя то время, пока погибает другой, и никто не заботится и не принимает мер, чтобы спасти дело греков» (IX, 29). В четырех речах, обращенных против Филиппа, Демосфен обрушивается на македонского царя, перечисляет все его низкие поступки, называет наглецом, лицецом, клятвопреступником, варваром.

Одно время казалось, что деятельность антимакедонских сил может привести свои плоды, что Эллада вняла призыву Демосфена сплотиться вокруг Афин. Против Македонии стала создаваться сильная коалиция греческих городов. Объединенный флот союзников наголову разбил Филиппа в морском сражении при Византии и заставил его снять осаду с этого города. Афинам удалось одержать еще несколько побед.

Однако в целом они не поколебали влияния Македонии в Греции. Филиппу удалось подчинить себе Фессалию и стать главой Дельфийской амфикистии. Он опять нашел предлог для вмешательства в греческие дела, снова выступив в роли защитника эллинских святынь. Амфикистия обвинила небольшой город Амфиссу, расположенный в Локриде, в покушении на священную землю храма. Царь вторгся в Элладу (якобы для расправы с нечестивцами) и захватил проход в Беотию.

Афиняне и их союзники (коринфяне, мегаряне, эвбейцы, акарнаняне, левкадяне) выступили на помощь Фивам. Две армии, греческая и македонская, сошлись у беотийского города Херонеи, где в 338 г. произошла решающая битва. В ней принял участие Демосфен, сражаясь простым гошпитом. В центре эллинского войска находились отряды союзных городов, левый фланг занимали афиняне, правый — фиванцы. Против правого крыла греков Филипп поставил своего восемнадцатилетнего сына Александра, а сам руководил остальным войском, расположившись напротив афинян. В ожесточенном бою греки потерпели поражение, многие пали на поле боя, многие попали в плен. С удивительной стойкостью сражались фиванцы, поклявшиеся не отступать ни на шаг. Позднее на месте их гибели соотечественники воздвигли памятник с изображением льва.

Известие о поражении вызвало у афинян настоящий шок — все понимали, что означает исход этого сражения. Оратор Ликург, очевидно, выразил господствующее настроение, когда сказал, что с телами павших при Херонее была погребена и свобода эллинов. Общую скорбь разделяли и многие сторонники промакедонской группировки. Утверждают, например, что оратор Исократ, будучи не в силах вынести позора поражения Афин, уморил себя голодом. Афины стали спешно готовиться к отражению вторжения Филиппа, но тот предпочел заключить с ними союз и даже отпустил пленных.

В переговорах с другими городами царь потребовал, чтобы те признали гегемонию Македонии. Филипп сурово наказал Фивы, учредил там олигархию и оставил военный гарнизон, а также предпринял экспедицию против Спарты. Последствия жесткого македонского диктата испытали на себе многие полисы.

В 338/37 г. Филипп созвал в Коринфе общегреческий конгресс, который провозгласил всеобщий мир и независимость эллинских городов (для охраны этой независимости во многих из них были поставлены македонские военные отряды). В качестве покровителя Эллады Филипп декларировал свободу торговли и мореплавания. На конгрессе было принято решение о неприкосновенности частной собственности, запрещались переделы земли, кассация долгов и отпуск рабов на волю в критических ситуациях. Греческие государства образовали Панэллинский союз, формально свободный и суверенный, объявивший Персии священную войну как месть за поруганные ранее греческие святыни. Союз вступал в альянс с Македонией, и македонский царь назначался командующим общими силами. Коринфский конгресс осуществил желание греческих государств — объединил их, но эллинам пришлось оплатить свое единство утратой свободы.

4. КУЛЬТУРА

IV век оказался очень плодотворным периодом для развития культуры, особенно философии, истории, ораторского искусства. В это время были созданы две самые известные философские системы — Платона и Аристотеля. Платон (427—347 гг.) принадлежал к знаменитому аристократическому роду в Афинах. Его философская концепция оказалась тесно переплетенной с социально-политическими взглядами. В трактатах «Государство» и «Законы» Платон создал модель идеального полиса с тщательно разработанной сословной системой, строгим контролем верхушки общества над деятельностью низов. Основой верного построения государства он считал правильную трактовку понятия добродетели, справедливости, поэтому во главе полиса должны были находиться философы, люди, обладающие знанием.

Философско-этические взгляды Платона изложены в многочисленных диалогах, главное действующее лицо которых, как правило, его учитель Сократ. В дошедших до нас произведениях нет законченной философской системы, поэтому воззрения Платона на те или иные вопросы служили и продолжают служить предметом спора между исследователями. Наиболее известным и важным для последующей истории философии был его тезис о том, что реальный окружающий нас мир — лишь приблизительное отражение истинного мира идей, что идеи и понятия от природы присущи нашему сознанию, неотделимы от него. Образы (идеи), по мнению Платона, находятся вне времени и пространства, недоступны восприятию, но их может созерцать разум, который и связывает два мира, потусторонний и реальный.

Трудно назвать область знаний, которая не нашла бы отражения в сочинениях Платона: он занимался этикой, политикой, проблемами знания, искусством, религией. В основном благодаря диалогам Платона нам известны учения софистов и Сократа, важный и интересный этап в развитии мировой философии. В произведениях Платона немало и исторических сведений. Так, предметом самого пристального изучения стали диалоги «Тимей» и «Критий», в которых упоминается о загадочной Атлантиде.

В Греции у философа было много учеников, прошедших обучение в его школе, названной Академией. Среди них — известные философы Спевсипп, Ксенократ, Евдокс Книдский, Гераклид Понтийский. Особен-

но большие заслуги имела Академия в развитии математики и астрономии.

Огромное влияние оказал Платон на последующие периоды. Его принцип противопоставления чувственного мира миру идей с различными модификациями присутствует во многих учениях античности, средневековья, новой истории, нашего времени. Сильное воздействие Платона испытала не только европейская, но и арабская средневековая философия.

В системе Платона многое подвергалось критике и его современниками, и последующими поколениями. Вместе с тем платоновская философия — одна из немногих, выдержавших испытание временем и продолжающих быть источником знаний и объектом исследований. Достижения современной науки позволили увидеть в учении Платона ранее неизвестные аспекты. Новые открытия в лингвистике помогли по-иному взглянуть на диалог «Кратил», посвященный изучению взаимоотношений между вещью и ее наименованием. Есть мнение, что именно Платон разработал тот метод доказательств, который лег в основу современной математики, без него невозможно было бы возникновение науки нового времени как системного знания. Недавно физики обратили внимание на картину микромира у Платона и чрезвычайно высоко оценили его гениальные догадки, предвосхитившие открытия новейшего времени.

Не меньшей популярностью пользовалось учение Аристотеля (384—322 гг.), философа, имевшего давние и прочные связи с македонским двором. Отец его был там придворным врачом, а сам Аристотель провел при дворе Филиппа II восемь лет как воспитатель Александра Македонского. Ученик Платона, Аристотель занимался в Афинах научными исследованиями и преподаванием в гимнасии Ликее.

Аристотель вошел в историю прежде всего как ученый-энциклопедист. Его наследие — настоящий свод знаний, накопленных греческой наукой к IV в.: по некоторым сведениям, число написанных им работ приближалось к тысяче. Сочинения философа отличались строгостью и продуманностью композиции. Один из видных немецких филологов с огорчением констатировал, что муза не поцеловала Аристотеля; действительно, его стиль не так блестящ, как у Платона, но это искупается четкостью и ясностью изложения.

Аристотель в отличие от своего учителя полагал, что материальный мир первичен, а мир идей вторичен, что форма и содержание неотделимы друг от друга как две стороны одного явления. Учение о природе предстает в его трактатах прежде всего как учение о движении, и это одна из самых интересных и сильных сторон системы Аристотеля. Он считается выдающимся представителем диалектики, которая была для него методом получения истинных и достоверных знаний из знаний вероятных и правдоподобных.

Логические сочинения философа, объединенные под общим названием «Органон», содержат учение об истине и законах мышления. В средневековой Европе «Органон» был наиболее известным и читаемым его произведением, на его основе строилась вся средневековая схоластика.

Большой популярностью пользовались трактаты Аристотеля о животных, в которых впервые в античности исследованы условия зарождения и развития живых организмов, даны их описание и классификация.

Ученый выступал также в роли историка, педагога, теоретика красноречия, создателя этического и политического учения. Его перу принадлежат этические трактаты, в которых под добродетелью понимается разумное регулирование деятельности, середина между крайностями: мужество, например, располагалось между страхом и отчаянностью. Много внимания он уделял и поэзии, полагая, что она благотворно влияет на психику и важна для общественной жизни.

Аристотель написал более ста политий — произведений, в которых излагалась история греческих полисов и анализировалось их устройство. К сожалению, почти все они утрачены, сохранились лишь «Афинская полития». На основании политий был создан грандиозный обобщающий труд под названием «Политика», в котором исследуется природа полиса как государственной организации, дается понимание института рабства. «Политику» можно рассматривать как универсальный свод правовых, социальных, политических, экономических воззрений древних греков.

Учеников Аристотеля часто называли перипатетиками (от слова «перипатос», обозначающего крытую галерею, в которой философ читал свои лекции). Среди перипатетиков было много прославленных физиков, математиков, биологов. На базе аристотелевских идей создал известную книгу о растениях Теофраст, который занимался и психологическими исследованиями. Географическими, философскими и историческими работами был известен другой последователь Аристотеля — Дикеарх.

Учение Аристотеля широко использовалось в европейской философии представителями самых разных направлений. В средние века некоторые его положения легли в основу теологических теорий. На философов Возрождения оказали влияние совершенно иные стороны теории Аристотеля, нежели на средневековых схоластов, они много сделали для издания текстов философа, восстановления его учения в полном объеме. Тогда же было обращено внимание на оппозицию Платон — Аристотель, которая аллегорически представлена Рафаэлем на картине «Афинская школа». Учение Аристотеля было высоко оценено К. Марксом и Ф. Энгельсом².

Долгое время взгляды Аристотеля господствовали в естественнонаучном знании; положение изменила лишь научная революция XVII в., выдвинувшая принципиально новые идеи. Учение философа было объявлено тогда отсталым и регрессивным, однако новый виток в развитии науки показал, что оно подверглось слишком суровой критике, что, обращая внимание на слабые стороны мировоззрения, упустили из виду многие позитивные качества. В свете новых биологических открытий аристотелевская философия природы предстает достаточно актуальной и важной для современности.

В этот же период Антифеном (450—360 гг.) и Диогеном Синопским (умер ок. 330—320 гг.) были заложены основы философского учения киников, расцвет которого приходится на более позднее время. Киники IV в. противопоставляли себя традиционным формам жизни и установлениям полиса, учили ограничивать потребности. Основы правильного поведения, по их мнению, следовало искать в жизни животных и на ранних этапах человеческого общества.

Исторический жанр был представлен прежде всего известным историком Ксенофонтом, уроженцем Афин (428—354 гг.). Он происходил из состоятельной семьи, получил прекрасное образование, учился у Сократа. Жизнь Ксенофонта полна превратностей: он покинул Афины после переворота 404 г., так как, очевидно, находился на стороне олигархов. Затем он сражался в Персии и вместе с 10 тыс. греческих наемников после долгого и тяжелого отступления, описанного им в «Анабасисе», вернулся в Грецию. Там вступил в ряды спартанского войска, за что был заочно приговорен афинским народным собранием к смерти и конфискации имущества. После заключения Анталкидова мира Ксенофонт жил в своем пелопоннесском имении, затем перебрался в Коринф. Когда отношения между Спартой и Афинами улучшились, смертный приговор ему был отменен, но на родину он так и не вернулся.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 19, 555, 643; т. 23, с. 92, 643.

Ксенофонт известен проспартанскими и антидемократическими взглядами, его трактаты о спартанском царе Агесилае и лакедемонской конституции — настоящие панегирики доблести спартанцев, добродетелям их царей и преимуществам олигархии.

Основная историческая работа Ксенофонта, «Греческая история», хронологически продолжает труд Фукидида, охватывая период с конца Пелопоннесской войны до битвы при Мантинее, и служит одним из главных источников по истории IV в. История Ксенофонта написана в совершенно ином ключе, чем труд его предшественника. Она суше, в ней нет той продуманности концепции, широты взгляда на исторический процесс, тщательного анализа причин событий, которые так привлекают в Фукидиде. Главный недостаток сочинения Ксенофонта — сознательная необъективность: он перекраивает историю по своему вкусу, создавая в целом искаженную картину, ибо одни события попросту замалчивает, о других, достаточно важных, говорит мимоходом, третьи всячески раздувает.

«Греческая история» — яркий пример тенденциозного исторического произведения, когда автор подходит к материалу предвзято и выводы уже заранее определены его политической установкой. Материал группируется таким образом, чтобы подтвердить закономерность и обоснованность его позиции и оправдать действия одних государств, очернить политику других. Произведение Ксенофонта — это политическая история Эллады с точки зрения сторонника спартанских притязаний и амбиций.

Конечно для современного исследователя значение этого труда все же очень велико, поскольку он содержит хотя и нуждающийся в проверке, но все же необходимый материал, на основании которого можно реконструировать важный отрезок истории. Труд Ксенофонта представляет ценность и с другой точки зрения. Имеющиеся в нашем распоряжении данные в основном исходят из Афин, поэтому вольно или невольно, в большей или меньшей степени отражают афинскую точку зрения. Сочинение Ксенофонта позволяет познакомиться и с другой тенденцией, выраженной достаточно определенно. Описанные им события можно считать достоверными, часто историк использовал и личные наблюдения.

Ксенофонт известен также как автор трактатов о жизни и философии Сократа, военных мемуаров, произведений, посвященных экономике и организации хозяйства, этюда о тирании и специальных работ о кавалерии и охоте.

За стилем Ксенофонта признается много достоинств, он простой и ясный; в древности за писателем утвердилось прозвище «аттической музы» или «аттической пчелы». Часть его работ считается образцом классической прозы, недаром сейчас знакомство с древнегреческим языком начинается, как правило, с чтения «Анабасиса».

Кроме труда Ксенофонта, от исторических произведений IV в. дошли отрывки из «Оксиринхской истории» неизвестного автора, описывающие события 90-х годов. Название свое рукопись получила по месту находки — городу Оксиринху в Египте. Немногие сохранившиеся фрагменты не дают возможности получить представление о композиции работы и принципах ее построения. Можно определенно говорить лишь об очень подробном изложении событий и расхождении в описании фактов с Ксенофонтом. Отрывки из «Оксиринхской истории» имеют большое значение для освещения некоторых моментов в истории Эллады, особенно интересны сведения о возвышении Беотии и о борьбе политических группировок в полисах.

Работы других историков этого периода не сохранились, уцелели лишь немногие разрозненные отрывки; имена авторов и названия трудов дошли в передаче других писателей. Современником Ксенофонта был

Ктесий, врач по профессии, живший долгое время в Персии. Из его исторических сочинений наиболее важными считались «История Персии» и «Описание Индии». Первое из них с удовольствием читалось и служило справочником для последующих историков, а к «Описанию Индии» сами древние относились скептически. На Лукиана этот труд производил впечатление произведения, написанного человеком, никогда в Индии не бывавшим и не слышавшим о ней ни одного правдивого рассказа.

Уцелели фрагменты труда сицилийского историка Филлиста, описавшего правление тиранов Дионисиев. В античности одни считали труд Филлиста довольно слабым подражанием Фукидиду, другие полагали, что автор не уступает знаменитому историку.

Представителями риторического направления в истории были Эфор и Феопомп. Для их сочинений характерны ярко выраженная тенденциозность и морализирующий тон. Эфор (405—330 гг.) известен как создатель «Всеобщей истории», от которой уцелели лишь фрагменты. Основой труда послужила история Эллады, однако много внимания уделено описаниям и других народов.

Современник Эфора Феопомп (родился в 378 г.) был автором «Истории Греции» и «Истории Филиппа Македонского», тоже не дошедших до нас. Объективность, очевидно, не относилась к числу его достоинств, так как современники единодушно констатировали склонность автора к злословию. Причины политики и отдельных поступков исторических деятелей Феопомп искал прежде всего в их характерах. Типичный для риторического направления произвольный подход к историческому материалу был унаследован представителями последующей, эллинистической историографии — Каллисфеном, Онесикритом, Клитархом.

Греция IV в. дала плеяду блестящих ораторов. Начало культивирования устного слова было положено софистами, которые, будучи сами выдающимися мастерами красноречия, обучали и других этому искусству. Они основали школы, где за плату каждый желающий мог узнать правила построения речи, надлежащей манеры ее произнесения, эффектной подачи материала. В Афинах, центре культурной жизни Эллады, все видные политические деятели были превосходными ораторами. Свободно владел словом Перикл; его речи, целенаправленные и убежденные, с точными и образными сравнениями производили на слушателей огромное впечатление.

Известны два основных типа речей — политические и судебные. Высшим достижением ораторского искусства признавались политические речи, а среди них наиболее важными считались совещательные, т. е. посвященные обсуждению конкретных вопросов, которые требовали принятия определенных мер. Источники показывают, что аттическими ораторами был поставлен и дискутировался вопрос о месте, занимаемом ими в государстве и назначении их выступлений. Большинство из них полагало, что назначение политических речей — приносить благо, а долг оратора как гражданина — обратить дар слова на пользу родному городу. Темой обсуждений были злободневные вопросы современности и более общие проблемы: основы внутренней и внешней политики, принципы межполисных отношений, отношение эллинов к негрекам.

Из представителей старшего поколения ораторов наибольшей известностью пользовались Антифонт, Андокид и Горгий, последний особенно прославился «Олимпийской речью», в которой убеждал эллинов обратить их военное искусство не против греческих городов, а против персидских варваров.

Выдающимся оратором был Исократ (436—338 гг.), его античные биографы насчитывали до 60 принадлежащих ему речей, до наших дней дошла лишь треть. Ораторская деятельность Исократова своеобразна; он никогда не выступал с трибуны, а только писал речи. Сам оратор

объяснял это тем, что не обладает качествами, которые могут импонировать слушателям.

Произведения Исократов долгое время были предметом восхищения филологов, видевших в них эталон политического красноречия, но XIX и особенно XX века ввели его речи в оборот как исторический источник, в настоящее время они прочно заняли место среди наиболее важных документов по истории Эллады IV в. Большой интерес представляют произведения, в которых оратор развивает концепцию панэллинизма, говорит о принципах, на которых должны строиться взаимоотношения государств, касается вопросов социального и политического устройства Афин.

Много споров вызывает речь «Филипп», обращенная к македонскому царю, в которой тот приглашается на роль гегемона Эллады и организатора общегреческого похода на Восток. Одна группа исследователей на основании этой речи, учитывая участие оратора в промакедонской группировке, причисляет Исократов к предателям интересов полисного мира и расценивает его как идеолога македонской экспансии. В этом качестве он противопоставляется Демосфену, вдохновителю борьбы за свободу полисов. Другая группа полагает, что дело обстоит сложнее, чем кажется на первый взгляд, что Исократ не менее, чем Демосфен, был полисным патриотом, что предлагаемый им путь нужно рассматривать как один из вариантов сохранения полисной системы, попыткой отвлечь внимание македонского царя от Греции и увлечь его перспективой завоевания Востока.

Исократ руководил школой ораторов, из которой вышло много знаменитостей. Если его как политического деятеля и мыслителя оценивают по-разному, то литературные достоинства речей считаются бесспорными, музыкальность его прозаической речи признана совершенной. Исократу старались подражать все последующие ораторы Греции и Рима, он был провозглашен великим педагогом; его речи завоевали репутацию образца аттического красноречия.

Демосфен (384—322 гг.) также оставил о себе память как о выдающемся ораторе. Вынужденный судиться с опекунами из-за наследства, он рано приобрел навыки в составлении речей. Больших трудов стоила Демосфену борьба с физическими недостатками, мешавшими ему выступать с трибуны. Оратор принимал самое активное участие в политической жизни полиса, но лучше всего известна и более всего его прославила борьба с Македонией. Филиппики, речи, направленные против македонского царя Филиппа, поражали и восхищали слушателей и читателей высоким эмоциональным и патриотическим накалом. Дионисий Галикарнасский писал, что когда он берет в руки речи Демосфена, то воодушевляется и теряет самообладание: «... разные чувства влекут меня то туда, то сюда и сменяются во мне: я чувствую недоверие, беспокойство, страх, презрение, ненависть, сострадание, благожелательность, гнев, зависть — во мне сменяются все чувства, которые владеют человеческим сердцем...» (De Demosth., XXII). Фигура Демосфена переросла свою эпоху и уже многими поколениями воспринимается как символ стойкости убеждений и борьбы за свободу.

По своим политическим взглядам оратор — сторонник демократии, которая ассоциируется у него с независимостью. Его речи позволили исследователям воссоздать многие положения демократической теории: ее понимание государства, законов, социальных отношений, войн. Преданность Демосфена демократическому строю не исключала критического отношения к его недостаткам. Демосфен довольно резко указывает на пассивность граждан, не желающих сражаться за свои права, на рост аполитичности, неумение и нежелание действовать быстро и решительно, склонность к бесконечным словопрениям, т. е. на все, что ослабляло позицию Афин и было на руку Македонии.

Свои речи оратор отделявал очень тщательно, накапливая и анализируя фактический материал, выбирая манеру его подачи. Стиль Демосфена ценился высоко.

Политическими соратниками Демосфена были Гиперид и Ликург. Гиперид (389—322 гг.), один из лучших аттических ораторов, принимал деятельное участие в антимакедонской борьбе: он произносил речи, обличающие Филиппа, давал деньги на снаряжение триер против него, принимал личное участие в сражениях. Кончина его была трагической. После поражения антимакедонского восстания в Афинах, он бежал, но попал в руки врагов, был казнен, а тело его брошено без права погребения. Критики полагали, что стиль Гиперида не только не уступает стилю Демосфена, но порой даже и лучше его. Ликург (390—325 гг.) интересовался не столько внешней, сколько внутренней политикой, управлял афинскими финансами. До нашего времени дошла лишь одна его речь. Как оратор он обладал, видимо, большой силой, логикой, способностью убеждения.

В числе противников Демосфена находились сторонники промакедонской группировки Эсхин и Динарх. Эсхин (397—322 гг.), разносторонне образованный человек, бывший не только талантливым оратором, но и актером, известен своими дискуссиями с Демосфеном. Уступая ему в политической полемике, Эсхин как оратор высоко ценился за эмоциональность речей. К концу жизни он отошел от политической деятельности и занялся преподаванием риторики на Родосе. О Динархе (родился в 396 г.), которого причисляли к десяти наиболее прославленным аттическим ораторам, биографических сведений меньше, чем о других. Приверженец Македонии, он приобрел печальную известность пасквилями против Демосфена.

Два оратора прославили себя не на политическом, а на судебном поприще. Лисий (459—380 гг.) был метеком, оказавшим много услуг афинской демократии. Живость изложения, хорошее знание законов, удивительное, по отзыву Дионисия Галикарнасского, изящество речи обеспечивали ему в судебных разбирательствах неизменные победы. Если верить традиции, то из 233 речей Лисия успеха не имели только 2. Исей (420—350 гг.) — единственный из известных афинских ораторов чуждался политической деятельности и предпочитал заниматься судебными делами. Все его сохранившиеся речи касаются вопросов наследства. У современников он пользовался неважной репутацией: о нем сложилось мнение как о мошеннике с хорошо подвешенным языком, добывающем успеха любой ценой.

Долгая и частая практика выступлений, появление блестящих и прославленных ораторов не могли пройти бесследно для теоретической мысли. В IV в. появилось фундаментальное исследование, посвященное красноречию, — «Риторика» Аристотеля. В ней дан настолько интересный и глубокий анализ искусства убеждения, что много столетий спустя, в наши дни, специалисты по пропаганде находят там идеи, считавшиеся достижениями только нового времени.

В произведениях различных жанров нашли свое отражение проблемы, которые, видимо, следует считать определяющими для идеологии IV в. В центре внимания политической мысли Эллады был прежде всего сам полис. С одной стороны, к данному периоду уже было накоплено много наблюдений над разными формами правления, над отличительными чертами греческих государств по сравнению с другими. С другой — неустойчивая обстановка в полисах побуждала тщательно анализировать их структуру, искать причину сложившейся ситуации в отклонении от правильного образа жизни.

Одни и те же обстоятельства способствовали обращению идеологов к изучению организации полиса, но шли они разными путями и приходи-

ли к разным выводам. Платон в «Государстве» полагал, что полис находится на грани катастрофы из-за распушенности демократии, которая нарушает установленный порядок, допуская к управлению городом людей, по природе своей неспособных управлять. Выход он видел в воссоздании основ, изначально присущих полису как типу государства. Они образуют иерархическую систему, в которой четко разграничены сферы деятельности трех государственных сословий: правителей-философов, воинов и земледельцев. Каждый занимается своим делом, а государство все регламентирует и все контролирует.

Если Платон пошел по пути создания условно-образцового полиса, во многом противостоящего полису реальному, то Аристотель в «Политике» выступал за сохранение основ существующего порядка. У него тоже был проект идеального государственного устройства, но менее абстрактного и более приближенного к жизни. Он приходил к выводу, что полис — наивысшая форма человеческого объединения, а цель людей, живущих в нем, — достижение блага. Основной ячейкой общества признавалась семья, в то время как Платон полагал, что ее следует упразднить, а детей сделать общими.

В своих рассуждениях Аристотель отталкивается от природы: как естественна семья, так естественно и рабство, ибо самой природой предназначено, чтобы одни повелевали, а другие повиновались. Внимательно рассмотрев существующие варианты полиса, философ находит три правильные формы правления (монархия, аристократия и полиция) и три неправильные (деспотия, или тирания, олигархия и демократия), дает подробную характеристику каждой, а критерием оценки избирает их приближенность к благу.

Исократ в речи «Ареопагитик» также создал проект идеального полиса, якобы существовавшего когда-то в Афинах. Он проводит мысль о том, что основной жизнеспособности государства служит правильное соотношение социальных слоев в сфере управления. Описывая экономические и социальные бедствия, возникшие в Афинах из-за неправильного руководства, он настаивает, чтобы каждая категория населения занималась только своим делом. Главным условием благополучия полиса оратор считает единодушие его граждан.

Во всех проектах «правильного полиса» особое внимание уделялось социальному и экономическому факторам. Недаром Платон и Аристотель так подробно останавливаются на проблеме частной собственности, а Исократ озабочен охраной имущества и жизни состоятельных людей. И единовластная форма правления, нашедшая в теории так много сторонников, привлекала в основном возможностью твердой рукой установить в полисе социальное равновесие.

Создание идеального полиса было тесно связано с проблемой воспитания, так как предполагалось, что благополучие государства зависит от того, как воспитаны его граждане. Платон придавал этому столь большое значение, что предлагал по достижении определенного возраста отбирать у родителей детей и воспитывать их государством. У Аристотеля деятельность семьи и воспитание детей контролировались особыми государственными надзирателями. Исократ подчеркивал, что воспитание должно быть сословным, и уделял ему так много внимания, что долгое время «Ареопагитик» считался произведением, посвященным исключительно проблемам морали и воспитания. Картину образцового воспитания и соответственной организации государства нарисовал Ксенофонт в утопическом романе «Киропедия», посвященном жизнеописанию реальной исторической личности, персидского царя Кира, но имевшем очень мало общего с действительностью.

В данный период, видимо, большой популярностью пользовалась утопия. Все проекты «правильного полиса» носили явно утопический харак-

тер. Были широко распространены представления об обществах, построенных по принципу уравнительности, о золотом веке, об удивительных странах, где у людей все в изобилии. Платон упоминает об Атлантиде, месте сосредоточения земных благ и счастья. Аристотель сообщает о проекте Фалея Халкедонского, мечтавшего о государстве, граждане которого обладали бы равной земельной собственностью. В IV в., несмотря на резко отрицательное отношение к варварам, зародилось представление о существовании неких примитивных племен с господствующими патриархальными устоями, живущих в безмятежной гармонии. Особенно популярны эти идеи были в последующее время, в эпоху эллинизма.

Отголоски подобных теорий и мечтаний о золотом веке дошли до нас и через посредство Аристофана, остроумно и безжалостно издевавшегося над ними. В «Птицах» (414 г.) речь идет об основанном пернатыми городе Тучекукуевске, обитатели которого, монополизировав пространство между небом и землей, предъявив ультиматумы одновременно богам и людям, собираются вести счастливую и беззаботную жизнь. Пьеса «Женщины в народном собрании» (392 г.) рассказывает о полисе, в котором проведены уравнительные реформы. Женщины, недовольные тем, как мужчины управляют государством, взяли власть в свои руки, отменили частную собственность, упразднили брак и семью, что привело к множеству недоразумений.

Острое недовольство своим временем, отход от традиционных полисных идеалов побуждали идеологов IV в. часто обращаться к истории. Именно в это время значительно возрос интерес к прошлому отдельных полисов и Эллады в целом. При неустойчивом настоящем прошлое стало восприниматься как эталон стабильности. Апелляция к историческим фактам могла служить также обоснованием тех или иных политических акций. История полисов исследовалась с точки зрения эволюции в них государственного строя, времени определения его «порчи» и причин, способствовавших этому. Так подходит к истории Афин Аристотель в «Афинской политике». Отклонение от конституции предков видит в современных ему Афинах Исократ и полагает, что долг сограждан — восстановить прежние порядки, при которых город процветал и благоденствовал.

Идеализированное представление о прошлом было использовано как оружие в политической борьбе: олигархи обвинили демократов в искажении отеческого строя и вели борьбу с ними под девизом его реконструкции. Объектом ожесточенных споров стали основатели афинского государства Солон и Клисфен. Каждая из враждующих группировок стремилась доказать, что следует их заветам, в результате оба они приобрели черты легендарных героев и из реальных исторических деятелей превратились в идеальных государственных мужей.

Для греческой историографии IV в. характерны две основные черты: первая — трактовка истории как политического предмета, ее использование для интерпретации настоящего; вторая — убежденность в том, что историк — не просто хроникер, описывающий события, а политический наставник, который может и должен влиять на общественную жизнь.

Все политические ораторы подчиняли свои исторические экскурсы определенным тенденциям. Например, они использовали факты ранней истории Афин, часто обращались к греко-персидским войнам с целью обосновать право Афин на гегемонию в греческом мире. Мифология и история представляли в их распоряжение богатый материал. Подобная практика, видно, породила высказывание одного из них о том, что историю следует рассматривать как общее наследство, которым можно воспользоваться в подходящей ситуации.

Политических теоретиков интересовали также принципы межполисных отношений в Элладе. Образование коалиций, столкновения между

ними, распад прежних союзов и организация новых привели к тому, что стали анализироваться причины неустойчивости альянсов и оптимальные условия их построения. Были выделены два основных варианта доминирования полисов в Греции — господство и гегемония. Под господством, которое всячески порицалось, чаще всего подразумевалось подавление сильным полисом более слабых. Гегемония же, первенство, основанное на уважении автономии полисов, признавалась справедливой и достойной подражания. Как уже было сказано, суровому осуждению подверглись междоусобные войны.

Расцвет идеи панэллинизма в IV в. обычно связывают с Исократом. Но если понимать термин «панэллинизм» более широко, не как единство греков перед лицом Персии, а единство вообще, то необходимо упомянуть и о Демосфене. Оратор постоянно указывал на разобщенность полисов перед Македонией, их общим врагом, на те необратимые последствия, к которым она может привести. Ссылаясь на историческую и культурную общность греков, он призывал к объединению и забвению раздоров.

Те изменения, которые произошли в обществе IV в., нашли отражение в его культуре. В этот период ораторское искусство, философия, исторические сочинения заняли ведущее место в литературе, явно вытеснив другие жанры — драму и лирику. Хотя театры по-прежнему процветали, даже строились новые, и зрители охотно посещали их, вкусы существенно изменились. Нравственные основы бытия, острые политические и социальные конфликты, проблемы добра и зла в частной и государственной сферах все меньше привлекали внимание. Интересы людей значительно сузились, сосредоточились на частной жизни.

Утратила свою популярность трагедия, зато процветала комедия. К этому времени относятся две пьесы Аристофана — «Женщины в народном собрании» и «Плутос», но зенит творчества драматурга относится к предшествующему периоду. После Аристофана смех перестал быть обличительным, утратил политическую злободневность. Место «древней» комедии заняла «средняя», развлекающая публику обыгрыванием незначительных событий повседневности. До нашего времени не дошли произведения такого рода, известны лишь имена их авторов (Алексид, Анаксандрид, Антифан, Евбул) и названия пьес.

Явный спад наблюдается и в лирике. Если VI и V века поражают удивительным разнообразием талантливых поэтов и поэтических школ, то IV век дал только одного знаменитого лирика — Тимофея Милетского, от поэтического наследия которого сохранились лишь отрывки. Он пользовался в Элладе большой популярностью, с похвалой упоминался Платоном и Аристотелем.

Аналогичные процессы протекали и в искусстве. IV век обычно рассматривается как время поздней классики, период перехода к искусству эллинизма.

Показательно, что после Пелопоннесской войны не только сократилось монументальное строительство, но и переместились его центры: вместо Аттики ими стали Пелопоннес и Малая Азия. Павсаний, оставивший описание наиболее известных памятников Греции, самым красивым сооружением Пелопоннеса считал храм Афины Алеи в Тегее, заменивший старый, сгоревший в 394 г. Он был построен и украшен знаменитым мастером Скопасом. Интерес современников вызывала планировка Мегалополя, города, построенного аркадиянами как центр Аркадского союза.

Зодчество стало приобретать несколько иной характер: если раньше в нем ведущую роль играли храмовые сооружения, то теперь больше внимания стало уделяться гражданской архитектуре — театрам, помещениям для собраний, палестрам, гимнасиям. Новые тенденции в архитектуре выразились и в стремлении создать общееллинистский стиль — койнаэ; здесь

происходила та же унификация, что и в языке. К выдающимся архитекторам этого времени относились Филон, Скопас, Поликлет Младший, Пифей.

Подъем переживала архитектура малых форм, имеющая много общего со скульптурой. Ее типичным образцом может служить памятник руководителя хора Лисикрата, сооруженный им в Афинах после победы на состязаниях 335 г. Воздвигались такие сооружения обычно на частных средства.

Популярность в IV в. культа Асклепия, бога врачевания, привела к постройке в Эпидавре (60—30-е годы) замечательного архитектурного ансамбля, включающего в себя храм, стадион, гимнасий, дом для приезжающих, театр и фолос, или фимелу (концертный зал). Театр, созданный Поликлетом Младшим с учетом рельефа местности и ландшафта, обладал великолепной акустикой и заслужил в античности славу прекраснейшего. Весь эпидаврский ансамбль отличался строгой продуманностью, позволившей создать условия, успокаивающе действующие на больных людей, порождающие чувство покоя.

Новые требования стали предъявляться к скульптуре. Если в предшествующий период считалось необходимым создать абстрактное воплощение определенных физических и душевных качеств, усредненный образ, то теперь ваятели проявляли внимание к конкретному человеку, его индивидуальности. Наибольших успехов в этом достигли Скопас, Пракситель, Лисипп, Тимофей, Бриаксид.

Шел поиск средств для передачи оттенков движения души, настроения. Здесь можно выделить два направления. Одно из них представлено Скопасом, уроженцем о. Пароса, произведения которого поражали современников драматизмом и воплощением сложнейшей гаммы человеческих чувств. Разрушая прежний идеал, гармонию целого, Скопас предпочитал изображать людей и богов в моменты аффекта. Его «Менада», иступленно танцующая спутница Диониса, — шедевр античного и мирового искусства, — была неоднократно воспета поэтами. Особенно известна эпиграмма Главка (I в. до н. э.):

Камень паросский — вакханка, но камню дал душу ваятель,
И, как хмельная, вскочив, ринулась в пляску она.
Эту фиаду создав, в иступление, с убитой козю,
Боготворящим резцом чудо ты сделал, Скопас

(Пер. Л. Блаунау).

Другое, лирическое направление отразил в своем искусстве Пракситель, младший современник Скопаса. Статуи его работы отличались гармонией и поэтичностью, утонченностью настроения. По свидетельству знатока и ценителя прекрасного Плиния Старшего, особой популярностью пользовалась «Афродита Книдская». Чтобы полюбоваться этой статуей, многие предпринимали путешествие на Книд. Книдяне отвергали все предложения купить ее, даже ценой кассации их огромных долгов. Красота и одухотворенность человека воплощены Праксителем также в фигурах Артемиды и Гермеса с Дионисом.

Стремление показать многообразие характеров было характерно для Лисиппа. Плиний Старший полагал, что главная, наиболее удачная работа мастера — статуя Апоксิโอмена, атлета со стригилем (скребком). Резцу Лисиппа принадлежали также «Эрот с луком», «Геракл, борющийся со львом». Впоследствии скульптор стал придворным художником Александра Македонского и изваял несколько его портретов.

Имя афинянина Леохара связано с двумя хрестоматийными произведениями: «Аполлоном Бельведерским» и «Ганимедом, похищаемым орлом». Изысканность и эффектность Аполлона приводили в восхищение

художников Возрождения, считавших его эталоном классического стиля. Их мнение потом было подкреплено авторитетом теоретика неоклассицизма И. Винкельмана. Однако в XX в. искусствоведы перестали разделять восторг своих предшественников, находя у Леохара такие недостатки, как театральность и выложенность.

О живописи IV в. можно судить в основном по сведениям, сохранившимся у античных авторов. Судя по ним, она достигла высокого уровня не только на практике, но и в теории. Были широко известны картины основателя сикионской школы Евмолпа, ученик которого, Памфил, создал трактат о художественном мастерстве.

Тенденции Скопаса были близки художнику Аристиду Старшему, одна из картин которого изображала умирающую на поле битвы мать, к груди которой тянется ребенок. Произведение Никия «Персей и Андромеда» скопировано на одной из фресок в Помпеях. Этого художника высоко ценил Пракситель, доверяя ему тонирование своих мраморных статуй.

В IV в. достигло расцвета искусство малых форм, отмеченное грацией и изяществом. Оно прославлено терракотами мастеров Танагры. Вазовая живопись, напротив, вступила в полосу упадка: чересчур усложнились композиции, возросла пышность декора, появилась небрежность в рисунке.

В целом искусство данного периода расценивается исследователями как время принципиальных сдвигов, интенсивных поисков, зарождения тенденций, получивших свое завершение в эпоху эллинизма.

Глава 8

РАННЯЯ РЕСПУБЛИКА В РИМЕ (V—IV ВВ.)

Об истории Рима после изгнания царей сохранилось немало рассказов, особенно в сочинениях Цицерона, Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского, живших, однако, в конце I в. до н. э.— начале I в. н. э. Важным источником по истории этого периода являются также консульские фасты — официальный римский список имен главных должностных лиц республики. Историки гиперкритического направления объявили сведения, сообщаемые античными авторами, поскольку они жили много позднее описываемых событий, недостоверными, а фасты — фальсифицированными в угоду тщеславию римских политических деятелей, не относившихся к исконной аристократии и стремившихся с помощью подделок в фастах узаконить свою древнюю принадлежность к знати.

Внушали сомнения даже имена первых консулов. Античные писатели сообщают, что их звали Л. Юний Брут и Л. Тарквиний Коллатин. Последний был родственником Тарквиниев, мужем обещанной царским сыном Лукреции. Брут по матери приходился племянником Тарквинию Гордому, но относился к древнему патрицианскому роду Юниев. Консульство Коллатина вызывало недоверие историков потому, что изгнание царей интерпретировалось в науке как изгнание из Рима этрусков вообще. Что касается Брута, то смущало то обстоятельство, что хорошо известные в Риме более позднего времени Юнии принадлежали к плебейскому роду. Однако постоянное присутствие на всем протяжении римской истории среди римской знати лиц этрусского происхождения лишает оснований мнение об удалении всех этрусков из Рима. Плебейская же

принадлежность Юниев не исключает существования Юниев-патрициев. Одноименные патрицианское и плебейские роды хорошо известны в Риме на примере Клавдиев и Марциев.

Надо заметить, что с середины XX столетия мысль о недостоверности рассказов древних о начале Римской республики пытались подкрепить новейшими данными археологии. Однако большинство ученых признали такое новшество необоснованным.

В связи с реабилитацией античной традиции о царском Риме в современной науке стали вообще с большим доверием относиться к сообщениям древних авторов и о событиях, следовавших за царским периодом. Решающий же корректив в представлениях о ценности фастов и опирающейся на них анналистической традиции внесло обнаружение на месте древнего города Сатрик архаической надписи, датируемой по крайней мере началом V в. до н. э., с именем Публия Валерия. Установление историчности П. Валерия, находившегося в числе высших должностных лиц 1-го года Римской республики, подтвердило достоверность анналистических рассказов об этой эпохе.

Несмотря на многочисленность и даже подробность известий, исходящих от античных писателей, а также на признание современной наукой их в своей основе доброкачественными, ряд вопросов истории ранней Республики остается невыясненным или спорным. Это связано прежде всего с тем, что не все стороны исторического процесса привлекали к себе внимание древних и не все написанное ими дошло до нас полностью. Приходится также принимать во внимание то скрытую, то явную тенденциозность авторов в описании событий и деятелей. Тем не менее основная канва фактической истории восстанавливается достаточно достоверно. Можно с уверенностью говорить, что патриции, организовавшие в 510 г. до н. э. свержение Тарквиния Гордого и изгнание его из Рима, сосредоточили власть в своих руках и стали преобразовывать ее по своему усмотрению. Царская власть была упразднена, управление объявлено общенародным делом (*res publica*). Поскольку античные авторы основывались на известиях своих предшественников, отражавших патрицианскую оценку событий, введение новых порядков в Риме было представлено ими как всенародное предприятие и благо. Такая точка зрения тем легче укоренилась в сознании древних писателей, чьи произведения мы располагаем, что в их время под народом (*populus*) понимали уже не одних только патрициев, как в царскую эпоху, но совокупность патрициев и плебеев, т. е. все римское гражданство, включая и незнатную часть, простолюдинов.

Политический переворот, произведенный патрициями, вовсе не носил демократического характера. Во главе правления стала аристократия. Наряду с сенатом, пополненным вновь до 300 человек, и комициями была учреждена высшая должность преторов, которых стали избирать сначала, возможно, в куриатных, но очень скоро в центуриатных комициях сроком на один год обязательно из среды патрициев.

О первоначальной численности должностных лиц (магистратов) существуют разные мнения. В XIX в. Т. Моммзен утверждал, что с самого начала высшие магистраты составляли коллегию из двух человек; Инэ же высказывал мнение, что коллегии предшествовала должность единоличного правителя — диктатора. Г. Де Санктис считал, что сначала была учреждена коллегия из трех преторов, из которых впоследствии выделялась коллегия из двух преторов-военачальников и должность городского претора — судьи. Но во всяком случае, ясно, что скоро во главе Римской республики оказались два высших магистрата с равной властью, обязанные совещаться, консультироваться (*consulere*) по всем вопросам друг с другом, откуда утвердилось их название «консулы» (*consules*). Консулы обладали высшей военной властью (*imperium*), возглавляли суд

и несли почетные обязанности в отправлении культа. В помощь им стали опять-таки из патрициев выбирать квесторов.

Ведущую партию в первом консульском дуэте исполнял Юний Брут, чье имя стало символом республиканских традиций. Легенда приписывает ему большую хитрость и недюжинный ум. Чтобы обезопасить себя от преследований со стороны коварного царя, Тарквиния Гордого, он прикинулся его верным другом и поступился даже своим имуществом в его пользу. За это он получил прозвище Брута, т. е. тупоумного. Царь настолько доверял этому «простачку», что назначил его начальником отряда своих телохранителей, а кроме того, послал его вместе со своими сыновьями в Дельфы, чтобы узнать у оракула, что означает столь страшное предзнаменование, как вызволившая из дворцовой колонны змея. Выполняя эти поручения, Брут проявил свою истинную сущность. Оказавшись в Дельфах, царские сыновья заодно спросили оракула, кому достанется римское царство, и получили ответ: «Тому, кто первым поцелует свою мать». Тогда Брут, как бы поскользнувшись, упал и поцеловал землю, которая считается общей матерью всех. Именно таким истолкованием ответа Пифии обеспечил себе, по мнению древних, власть в Риме будущий первый консул. Весьма оперативно действовал он и в тот момент, когда стало известно о гибели обезбещенной Лукреции, призвав римлян к оружию против царской тирании и введя в действие отряд телохранителей — целеров, доказав и свою сообразительность, и антицарскую направленность.

Совместное консульство Брута с Коллатином оказалось недолгим. Из-за ненависти патрициев к роду Тарквиниев, символизировавшему царскую тиранию, Коллатину пришлось уйти в изгнание в Лавиний. Вместо него в центуриатных комициях был избран П. Валерий, имя которого зафиксировано сатриканской надписью. Он предстает в преданиях не только как поборник республиканских устоев, но и как демократический деятель. Ему приписывается проведение закона о провокации (*provocatio* — зывать), согласно которому осужденный на смерть мог апеллировать к народному собранию и только оно окончательно решало дело. Сам Валерий являл собой образец гражданской дисциплины и скромности. Когда римляне выразили неудовольствие тем, что его дом, построенный на высоте Веллии, как бы возвышается над Форумом, он его разрушил и затем построил себе новый, поменьше, в отведенном народом месте у подножия Веллии. Входя в комиции, Валерий приказывал опускать фасции с вынутыми из них топорами перед народом, подчеркивая этим верховенство *populus*.

Строительство Республики происходило в сложной для Рима обстановке. Обострились отношения с соседями. Изгнанные Тарквинии бежали в Цере. Им сочувствовали тарквинийцы, земляки римских царей. Этрусков беспокоило утверждение римлян на правобережье Тибра, овладение ими его устьем, где добывалась соль, и возможность контролировать путь по реке к морю. Тарквиний Гордый склонил правителя этрусского города Клузия Порсенну к нападению на Рим. В изображении римских анналистов борьба с Порсенной выглядит серией патристических подвигов, совершенных патрициями. При приближении этрусков к переправе через Тибр римляне обратились в бегство, и врагов удерживали только доблестные юноши во главе с Горацием Коклесом. Мужеством прославил себя другой молодой человек — Муций. Он вызвался убить Порсенну и пробрался в его лагерь, но по ошибке убил секретаря Порсенны. Царь грозил ему страшными карами, но Муций, бесстрашно внимая его речам, положил руку на угли очага, стойко перенося боль. Впоследствии храбрец с искалеченной правой рукой получил прозвище Спевоза, т. е. Левша. Подобные случаи, согласно античной традиции, убедили Порсенну в бесперспективности борьбы с римлянами, и он заключил с ними мир,

по которому оставлял Яникул, а Рим возвращал войентам ранее захваченные у них земли (Ливий, II, 12, 4). Условия мира свидетельствуют о том, что положение Рима было критическим. Порсенна, видимо, овладел городом, ведь Яникул был частью территории Рима. И царь вовсе не отступил перед отвагой римских юношей, а вел с Римом наступательную войну в союзе с другими этрусками, если римлянам все же во имя мира пришлось поступиться затибрскими землями в пользу Вейев. Можно думать, что окончанию войны содействовала помощь Риму ряда латинских городов, потому что Порсенна тут же направил свое войско против г. Ариции, а также враждебных этрускам греков из Кум.

Отношения Рима с латинянами никогда не отличались устойчивостью. Еще в незапамятные времена возник союз латинских городов, древнейшими из которых были Лаврент, Ланувий и Лавиний. В списке союзников еще не было Рима, но фигурировали вошедшие путем синойкизма в его состав селения — Велия (Палатинская община) и Кверкуветулы (Эсквилинская). Во второй половине VIII в. до н. э. во главе союза древних латинян стояла Альба, метрополия не только Рима, но и многих других городов Лация. Члены Латинского союза обладали в ту пору взаимным правом заключения браков и ведения торговых дел. У них были общие племенные божества, которым они поклонялись. Главным из них считался Юпитер Лацнарский. В его честь на Альбанской горе справлялись ежегодные латинские празднества с принесением в жертву быка, завершавшиеся торжественной трапезой, состоявшей из мяса, сыра и молока. Вторым общелатинским божеством была Юнона, святнице которой находилось в Лавинии. Несмотря на прочность религиозных уз в Латинском союзе, политической целостности он собой не представлял. Внутри него периодически возникали более тесные объединения, имевшие различную ориентацию в сфере внешних сношений. После разрушения Альбы на главенство в союзе претендовал Рим. При Сервии это нашло выражение в строительстве нового общелатинского центра — храма Дианы на Авентине, а при Тарквинии Гордом — во вмешательстве в деятельность союзных собраний в Ферентинской роще. После изгнания царей из Рима в противовес позиции Ариции Тускул не выступил против этрусков, а знатный тускуланец Октавий Мамий, зять Тарквиния, даже дал ему приют по окончании войны римлян с Порсенной и потом подстрекал против Рима латинян.

Однако разногласия между этими двумя городами были недолгими. Уже в начале V в. до н. э. образовалась Арицийская федерация, объединившая восемь латинских городов, и очень скоро на первый план среди них выдвинулся Тускул, откуда произошел и глава этого Латинского союза. Власть его носила военный и сакральный характер, поскольку он назывался диктатором — начальником и диктатором — посвятителем. Между Римом и Арицийской федерацией возникла напряженность, приведшая к войне. Можно думать, что тускуланцы убедили союзников воспользоваться ослаблением римлян в результате их трудной борьбы с этрусками. Сражение произошло близ Регилльского озера (496 г.) и не дало решительного перевеса ни одной из сторон.

Римский гражданин Ранней республики был земледельцем и воином. Эталоном древнего римлянина, храброго, неприхотливого и трудолюбивого, считался патриций Квинций Цинциннат, исправно исполнявший в 460 г. обязанности консула. В критический момент войны с эквами в 458 г. он был заочно выбран в диктаторы. Отправленные к нему послы с сообщением об этом застали его за работой в поле — он владел небольшим (в четыре югера) наделом, который сам обрабатывал. Облечившись в тогу, Цинциннат принял высокое назначение и тут же отправился на войну, которую победоносно закончил. Однако сообщения античных авторов дают представление и об иных типах деятелей начала Республики.

Это уже упоминавшиеся Клавдий, переселившиеся в Рим с пятью тысячами родичей и клиентов, Фабий, ведущие вместе со своими клиентами войну против этрусков, Аппий Гердоний, захвативший в 460 г. с помощью своих клиентов и рабов (число которых определяется в четыре тысячи Ливием и в две с половиной тысячи Дионисием) с целью установления тирании Капитолий. Эти богатые патриции имели в своем распоряжении обширные земли, на которых использовали труд многочисленных клиентов.

В ином положении находились плебеи. И оставшиеся в селах, и поселенные в городе получили в частную собственность двухюгеровый надел. Такое наделение выражалось определенными терминами — «давать», «ассигновать» (*dare, adsignare*) в отличие от предоставления участка в порядке заимки из фонда общенародной, общегосударственной земли для ее использования (*possidere*).

Говоря о частной земельной собственности в Риме, необходимо учитывать, что она не тождественна капиталистической. Она не имеет абсолютного характера, будучи обусловлена наличием общенародной собственности. В конечном счете распорядителем всей земли в Риме была гражданская община. В связи с этим земля могла отчуждаться только в пределах этой общины. Е. М. Штаерман справедливо подчеркнула, что верховенство полиса проявлялось даже не столько в ограничении отчуждения, сколько в контроле за эксплуатацией земли¹. Даже в не столь архаическом, как раннереспубликанский, императорском Риме заброшенная земля, из которой не извлекался доход, довольно свободно переходила в руки того, кто брался ее обрабатывать. Таким образом, античная частная собственность имеет в отличие от капиталистической трудовой характер, в чем находят свое отражение принципы архаического общества.

Развитие отношений частной собственности, зафиксированное Законом XII таблиц (особенно IV, 3; V, 3, 8a; VI, 3; VII, 7; 8b; VIII, 9), всегда стимулировало имущественную дифференциацию, концентрацию богатства в руках одних и потерю его другими. Особенно это сказалось на плебейх, которые уже в начале I в. до н. э. ощущали земельный голод. Разорение сопровождалось задолженностью и закабалением оказавшихся в нужде римлян. О распространенности этих явлений убедительно свидетельствуют источники. В Законах XII таблиц многократно упоминаются должники и ростовщики. Неоплатных должников (*nexi*) кредитор мог в течение двух месяцев держать в заточении, после чего либо убить, либо продать, т. е. фактически превратить в раба (*servus*). Не случайно уже в этом раннем памятнике римского права содержится статья, ограничивающая ростовщический процент (VIII, 18a). Античные авторы красочно живописуют бедствия обездолженных и их борьбу за улучшение своего положения.

К началу XX в. сложилось представление о том, что рассказы античных писателей о перипетиях этой борьбы навеяны современными им событиями, в частности аграрными законопроектами братьев Гракхов (II в. до н. э.), что история социальной борьбы V—IV вв.² сконструирована по модели более позднего времени, что она лишь дубликация действительных, но позднейших фактов. Теперь отношение к античной традиции и в этой части меняется. Исследователи³ привели убедительные доводы в пользу достоверности социальной истории Ранней республики,

¹ Штаерман Е. М. Древний Рим: Проблемы экономического развития. М., 1978, с. 63—65, 68—72.

² См., например: Негушиц И. В. Обзор римской истории. Харьков, 1942.

³ См.: Штаерман Е. М. Некоторые новые итальянские работы по социально-экономической истории древнего Рима.— ВДИ, 1982, № 3, с. 149.

показав разницу исторических условий в V—IV вв., с одной стороны, и во II—I вв. — с другой. Патриции и плебеи признаются в науке сословиями раннего Рима. Но различия между ними, если иметь в виду их разное отношение к основному средству производства, т. е. к земле, их разное место и роль в системе общественного производства (патриций на больших земельных площадях использует труд клиентов) и соответственно разную долю общественного богатства, которую они получают, следует признать сословно-классовыми, борьбу между патрициями и плебеями — классовой⁴.

Построенное на патрицианско-плебейской базе раннее римское государство уже приобрело тогда основные черты полиса. Складывалась гражданская община в виде республики, формировалась античная форма собственности⁵, отличительной особенностью которой является ее двуединость, т. е. наличие общенародной и наряду с ней — частной собственности на землю.

Однако членами этой общины были фактически только патриции; плебс же существовал на ее территории в качестве неполноправного населения. Патриции использовали труд и материальные средства плебеев для постоянных войн, обогащавших преимущественно патрициат.

Не будучи допущен к управлению, принимая лишь пассивное участие в центуриатных комициях, в которые были тогда включены только богатые плебеи, плебс тем не менее собирался на сходки по городским трибам, где обсуждал наболевшие вопросы. Там была выработана своеобразная тактика борьбы. В трудный для Рима момент, когда едва кончилась война с сабинами и вольсками и нависла угроза нападения эквов, плебеи отказались от набора в войско и удалились в 494 г. до н. э. на Священную гору, отстоящую к северу от города на расстояние трех миль. Эта акция носила общеплебейский характер. Она была обусловлена взрывом отчаяния со стороны бедняков, потерявших за долги отцовские участки и попавших в кабалу, и недовольством богатых плебеев, мечтавших о власти. Плебейская сецессия (удаление) обескровила римское войско. Военное ослабление и мятеж плебеев испугали патрициев. Часть из них во главе с Ап. Клавдием придерживалась жесткого курса, рассчитывая подавить движение плебеев репрессиями, но большинство знатных более реалистично оценили обстановку. Среди них были Вергилии, Сервилии и особенно активные Валерии. По одной из версий, Маний Валерий добился от сената облегчения положения должников и этим вернул плебс в Рим. По другой, явно баснословной, враждующих примирил Менений Агриппа, сравнивший римское общество с человеческим организмом, где патриции занимают место желудка. Как в теле человека все части должны доставлять пищу желудку, в противном случае они истощаются, так и возмущение плебеев наносит ущерб не только патрициям, но и им самим. Достоверность второй версии совершенно зачеркивается действительными результатами 1-й сецессии. Плебеи добились учреждения должностных народных трибунов. Их избирали в комициях в количестве четырех или пяти человек только из состава плебеев. Это оформлялось священным законом (*lex sacrata*). В обязанности трибунов входила защита плебеев от злоупотреблений патрицианских магистратов. Власть и личность народных трибунов считались неприкосновенными. Это в соответствии с нормами римского обычного права означало, что нарушитель священного закона мог быть посвящен богам, т. е. безнаказанно убит. Впоследствии из трибунской защиты выросло право *veto*, т. е. наложения запрета на решение любого магистрата и сената, противоречащего интересам плебеев.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 424.

⁵ Там же, т. 46, ч. 1, с. 465—467.

* * *

Введение должности плебейских трибунов, к которым были добавлены еще их помощники — эдилы, смотрители за плебейскими храмами (*aedes*, откуда идет их название), фактически означало оформление плебейской организации, центром которой стал Авентин. С этого момента наступает новый этап плебейско-патрицианской борьбы, составлявшей стержень всей истории Рима V—IV вв.

Плебеи добивались решения земельного вопроса, облегчения положения должников и допуска к магистратурам и жреческим коллегиям.

Рим продолжал развиваться на сельскохозяйственной основе, но ремесло и торговля постепенно прогрессировали. Скотоводство, требовавшее больших угодий, оставалось преимущественно делом патрициев, которые вели и зерновое хозяйство. Владевшие мелкими участками плебеи занимались земледелием и огородничеством. Растущий город и его округа все больше нуждались в ремесленных изделиях — металлических орудиях труда, в посуде, одежде, оружии и военном снаряжении, украшениях. Эти потребности удовлетворялись как за счет римских ремесленников, так и за счет внутриримской, италийской и заморской торговли.

На внутреннем рынке обращались весовые деньги в виде медных слитков, в VI в. они были без изображений и надписей и назывались грубой медью (*aes rude*). В V в. на ассах появились изображения животных (*aes signatum*). На внешнем рынке римляне пользовались этрусскими и греческими монетами.

Огромные затраты человеческого труда поглощало храмовое строительство. Главную роль в развитии строительства, ремесла и торговли играли плебеи. Это способствовало усилению в их среде имущественного расслоения. В силу этого отдельные их группы выдвигали вперед то экономические, то политические требования. Но их удовлетворения можно было достичь только совместными усилиями. Сплавляло всех плебеев использование их сил в постоянных войнах, которые вел Рим. Именно в этой сфере все, а не отдельные плебеи эксплуатировались патрициатом в целом. Плебеи обязаны были платить трибут, налог на военные нужды, на свой счет экипироваться и нести тяжелую военную службу, доставляя Риму главное богатство — землю. Действительно, уже в первой половине V в. римские владения (*ager Romanus*) заметно выросли, так что были организованы два новых сельских округа — трибы (Крустумина и Стеллатина). Однако добытые преимущественно плебейским ратным трудом земельные богатства оказывались в руках одних патрициев. Плебеи отвечали на это прежде всего массовым отказом воевать и требованием земли.

Роль плебеев в хозяйстве и особенно их значение как основной массы воинства учитывали наиболее дальновидные из патрициев. Этим можно объяснить то, что порой выразителями плебейских чаяний выступали некоторые патриции.

В ходе патрицианско-плебейской борьбы трансформировался римский полис и его политическая надстройка.

Конкретная история передана античными авторами, писавшими в аналитической манере, очень подробно. Ежегодно римляне испытывали набеги вольсков и эквов, часто воевали с сабинами и этрусками. И каждый раз воины уклонялись от набора и даже не повиновались консулу во время военных действий. Показателен в этом смысле случай, о котором поведал Тит Ливий (II, 43). В 484 г. римлянам пришлось воевать на два фронта. Один из консулов, Фурий, действовал против эквов, другой, Фабий, — против вейентов, которые вторглись в римскую область и подступали к самому городу. Фабий сумел с помощью аристократической конницы оттеснить врагов, но плебейская пехота отказалась их преследовать

вопреки увещаниям и приказам полководца и, подвергнув Рим опасности, покинула поле боя. Эти военные «забастовки» проходят красной нитью через всю историю первой половины V в. до н. э.

Яростными противниками плебеев и трибунской власти выступили в этот период патриции Анний Клавдий и Марций, прозванный Кориоланом за героизм при взятии в 493 г. вольского города Кориолы. В своей ненависти к трибунату он дошел даже до государственной измены, возглавив вражеское войско, готовое идти на Рим, и отступился от своего замысла, только вняв мольбам матери и жены. Этим обстоятельством объясняли позднее римляне возведение храма Женского счастья.

И все же патрициям пришлось идти плебейам на уступки. Об этом свидетельствует выведение римлянами колоний в Норбу и Велитры (492 г.), а также в Анций, куда выселялись плебеи. Колонии обычно основывались в уже обитаемых местах, отнятых римлянами у врагов. Обычно Рим отбирал у покоренного населения 1/3 земли в пользу колонистов, что ставило их в трудные отношения с прежними владельцами. Но для обнищавшего плебса это было выходом из положения. Колонисты получали землю, становились господствующим слоем и образовывали на новом месте фактически самостоятельный полис. Об этом говорят многочисленные военные выступления римских колоний, населенных плебейми, против своей метрополии и то обстоятельство, что за войну с ними единодушно выступали все римляне, в том числе и плебеи.

Колонизация была выходом из положения не только для плебеев, но и для патрициата. Несмотря на прогресс в области экономики, римляне находились еще на таком уровне развития, когда «было совершенно неизвестно применение науки в области материального производства. Чтобы сохранить свою цивилизацию, их граждане должны были оставаться немногочисленными»⁶. Патриции вынуждены были поступаться частью завоеванной земли и, таким образом, избавлялись от лишнего и мятежного населения.

Однако выведение колоний не устраняло угнетения плебса в целом, не разрешало аграрной проблемы. Именно поэтому в Риме был поставлен вопрос о проведении аграрного закона (*lex aggratia*). Инициатором его оказался знатный патриций Сп. Кассий, участник битвы при Регильском озере, подписавший союзный договор с латинами (496 г.). Ставший в 486 г. в третий раз консулом Сп. Кассий предложил разделить между плебейми и латинскими союзниками отвоюванную у герников землю, а также часть незаконно занятой патрициями земли из фонда общественных земель (*ager publicus*). Закон был одобрен сенатом, но Сп. Кассия, обвиненного в стремлении к царской власти, казнили, сбросив с Тарпейской скалы. Закон так и не был проведен в жизнь, хотя вопрос о нем неоднократно поднимался трибунами и реалистически мыслящими консулами. Патрициям удавалось блокировать предложения о земельных наделах, используя то недовольство плебеев, не желавших делиться землей с латинами, то разногласия в трибунской среде, проявившиеся впервые в конце 80-х годов V в. и отражавших интересы разных групп плебеев. Ожесточенное сопротивление патрициата вызывало требование плебеев поделить именно общегосударственной землей (*ager publicus*), которой патрициат безраздельно владел. Так, в разгар борьбы за землю в 467 г. консул Квинт Фабий, маневрируя, внес предложение: вместо того чтобы раздавать поля плебейам, выселить их в колонию в завоеванный приморский город Анций с очень плодородной землей. Но неожиданно плебеи отказались, продолжая добиваться римских полей, уже занятых патрициями. Поскольку речь шла об угодьях, которыми патрициат пользовался не на правах частной собственности, а в качестве безвозмездно-

⁶ Там же, т. 8, с. 567.

го владения, как это явствует из словоупотребления Тита Ливия (III, 1, 3; 5: *possessores*), притом, что плебеи не ставили вопроса о разделе земли на частнособственнические участки, можно заключить, что плебс претендовал на общегосударственные земли на равных с патрициями условиях. Это подтверждается Дионисием Галикарнасским, изложившим устами воина Сиккия Дентата представление плебеев о том, что завоеванные у врагов земли являются общими для всех римлян, но силой захвачены немногими (X, 37).

Итак, попытка плебеев приобщиться к владению общегосударственными землями оказалась неудачной. Затем с предложением о наделении плебеев участками выступил трибун 462 г. Секст Титий, однако из-за охватившей город эпидемии мероприятие это было отложено. Наконец, аграрному рогацию (т. е. предложение) внес в 456 г. трибун Ицилий. В кратком сообщении Ливия (III, 31) сказано, что «был проведен закон о разделе участков на Авентине». У Дионисия Галикарнасского (X, 32,2) говорится о предложении детальнее: «Земельные участки, находящиеся во владении частных лиц, которыми они были наделены в соответствии с правом, должны остаться у собственников; участки, которые некоторые застроили, поскольку они захвачены силой или с помощью обмана, должны быть возвращены народу с возмещением затрат, понесенных захватчиками этих полей, по решению арбитров; остальные участки, являющиеся общенародной собственностью, народ должен разделить и получить бесплатно».

Из приведенного текста следует, что часть авентинской земли находилась в законной собственности. Собственниками могли быть патриции, но главным образом богатые плебеи, купившие участки у разорившихся плебеев, чьи предки получили наделы еще в правление Анка Марция. Другая же часть Авентина составляла общегосударственные земли и подлежала разделу среди плебса. При этом освоенная земля, отобранная у захвативших ее, фактически выкупалась, что было под силу лишь богатым плебеем. Бесплатная раздача по жребью касалась, видимо, бедняков, тем более что Дионисий (X, 32,5) сообщает о том, что дом строился порой не одним, а двумя-тремя владельцами.

Закон Ицилия был реальным завоеванием плебеев, потому что им удалось получить в собственность участки земель на Авентине, но допуска к оккупации общественных земель они не добились.

Зато в социально-политической сфере борьба привела плебс к осязаемым успехам. Заметное влияние на общественную жизнь стали оказывать плебейские собрания по трибам (*concilia plebis*). На этих сходках народные трибуны осуществляли свое право защиты плебеев путем привлечения к суду патрицианских магистратов. Правда, судили обычно экзонсулов. Впервые в таком собрании был приговорен к штрафу за неокончание помощи Фабиам, потерпевшим поражение от этрусков на р. Кремере, консул 477 г. Т. Менений. Трибун 473 г. Гн. Генуций столь настойчиво обвинял консулов прошлого года в нанесении вреда плебеем отказом от постановки вопроса об аграрном законе, что эти знатные патриции заранее облачились в траур. Суд над ними не состоялся только из-за неожиданной смерти Генуция. В 470 г. трибуны начали дело против бывшего консула Ап. Клавдия, ярого противника аграрного закона; дело до суда не дошло на сей раз из-за смерти обвиняемого.

Укрепление плебейской организации можно проследить и по расширению функций плебейских собраний, некоторые решения которых (плебисциты) начинают учитываться патрициями. Так, в 471 г. прошел плебисцит Публилия Волерона, перенесший выборы трибунов из центуриатных комитий в плебейские собрания. В 457 г. число трибунов было увеличено до 10. В 462 г. трибун Терентий Арса «замахнулся» на консульскую власть, требуя ее умаления и вообще урегулирования

управления общиной. Борьба за этот закон велась более 10 лет. Наконец, в результате 2-й сецессии плебеев было отправлено посольство к грекам для ознакомления с законами Солона и законодательством других эллинских городов. По возвращении послов в Риме была избрана комиссия из 10 мужей (децемвиров) для опубликования законов. Децемвиры все были патрициями и наделены неограниченными полномочиями, ни консулов, ни трибунов на этот год не избирали. За годичный срок они успели опубликовать законы, начертав их на 10 бронзовых табличках. Однако работа не была еще закончена, и на следующий год выбрали на тех же условиях новую комиссию, но уже из 5 патрициев и 5 плебеев. Несмотря на более демократичный состав второй комиссии, она с первого же дня стала править тиранически, появляясь в городе в сопровождении стражи из 12 ликторов с воткнутыми в пучки розг боевыми топорами, устрашая римлян. Результатом ее деятельности было добавление еще двух таблиц законов.

По прошествии года вторые децемвиры продолжали удерживать власть, напавшая террор, особенно против плебеев. Чаша терпения плебеев, согласно античному преданию, была переполнена убийством бывшего народного трибуна и гибелью плебейской девушки Вергинии, невесты трибуна Ицилия, на честь которой покусился децемвир Аппий Клавдий. Это вызвало восстание плебеев. Децемвиры были свергнуты, законы, наконец, выставлены для всеобщего пользования, выбраны обычные магистраты. На двенадцати табличках оказались зафиксированными действовавшие нормы и отношения, идущие из недр родового строя, такие, как талион, патронат и клиента, и вместе с тем укоренившиеся в период раннеклассового общества институты, такие, как частная собственность, в том числе и на землю, ростовщичество, рабство и неравноправие плебеев, которым воспрещались браки с патрициями. И все же это была победа плебса. Ведь утверждение частнособственнических отношений подрывало родовую сплоченность патрициата, а обнародование законов ставило под контроль всех римлян судебную деятельность консулов. Тут же в центуриатных комициях в 449 г. были приняты демократические законы консулов Л. Валерия и М. Горация, восстанавливающие неприкосновенность плебейских трибунов и право провокации, попранные децемвирами, а также закон о том, что плебисциты обязательны для всего гражданства. Однако практически всеобщими законами они становились при предварительном одобрении их сенатом, но без формальной ратификации комициями, как это было в первой половине V в. при принятии аграрных rogationes. Этим было положено начало превращению плебейских сходов в народные собрания по трибам, в трибутные комиции. Наметились и разграничение функций между ними и центуриатными комициями. В последних проходили выборы высших магистратов, а в трибутных — плебейских и принимались законы.

Развивая достигнутые успехи, с важными законопроектами выступил трибун 445 г. Канулей, требуя допуска плебеев к занятию консульской должности и отмены ненавистного закона о запрещении браков между патрициями и плебеями. Оба требования отражали в первую очередь заинтересованность богатого плебейства. Первого добиться не удалось. Но была учреждена новая коллегияльная магистратура военных трибунов с консульской властью, доступная плебсу. В год, когда проходили выборы в эту коллегияльную магистратуру, консулов уже не выбирали. Запрет на браки был снят. Закон Канулея о браках имел исключительное значение. Он явился вторым после центуриатной реформы Сервия Туллия шагом на пути приобретения плебеями полных прав римского гражданства.

Этим кончается второй период сословно-классовой борьбы между плебеями и патрициями.

Третий период плебейско-патрицианского противостояния охватывает время с середины V до первой трети IV в. Он был ознаменован во внутренней жизни новым наступлением плебса и усложнением структуры римского общества. Во внешней сфере принципиальных изменений не произошло, Рим продолжал воевать с соседями. Однако и внутренние, и внешние столкновения становились все острее, а методы борьбы разнообразнее.

В ответ на уступку, которую патриции вынуждены были сделать плебейм, они тотчас же в 443 г. в качестве реванша создали новую, недоступную плебейм должность двух цензоров. Их избирали в центуриатных комициях из самых почтенных аристократов один раз в пять лет для проведения ценза, учрежденного Сервием Туллем и проводившегося потом консулами, — переписи граждан и распределения их в соответствии с размером их имущества по центуриям. Производилось это на Форуме. К цензорам являлись главы семей, фамилий и под присягой сообщали о числе и возрасте ее членов, включая рабов, о количестве земли, скота, денег и других видов богатства. Все эти сведения затем заносились в особые списки. На эту работу уходило полтора года. По окончании срока цензуры устраивались очистительные жертвоприношения — люстрации. Учреждение должности цензоров было попыткой патрициев утвердить свое политическое господство не только за счет нового органа власти, но и путем отвлечения плебеев от борьбы за должность консула, сократив его полномочия. Сверх того, аристократам удалось в течение ряда лет занимать все места в коллегии консулярных трибунов, сделав ее практически недоступной для плебса. Удачи патрициев на выборах свидетельствуют о расхождении интересов в плебейской среде. Основная масса плебейства была озабочена в первую очередь облегчением своего положения. Плебейским кандидатам в консулярные трибуны приходилось разъяснять рядовым плебейм, насколько связаны между собой их политические и экономические требования. Действительно, допуск плебеев в заменяющую консулов коллегию явился новым толчком для активизации демократического движения за землю, за освобождение должников и улучшение положения воинов.

Вопрос о земле мог частично решаться благодаря военным успехам Рима. Античные писатели охотно изображали римлян жертвами агрессии, но даже из их рассказов явствует, что римляне часто нападали первыми, обычно под каким-нибудь благовидным предлогом, как, например, помощь союзникам. Действительно, лативы и герники многократно (в 431, 423, 418, 413, 410 гг.) извещали римлян о военных приготовлениях или нападениях эквов и вольсков, и Рим тут же начинал военные действия, ставшая во главе союзнических отрядов. Объектами римской защиты в это время выступают чаще всего Тускул, Ариция и Ардея. Впрочем, последняя сама едва не оказалась жертвой римских посягательств. Когда арицийцы и ардеаты обратились к Риму как к третейскому судье в их споре из-за пограничных земель, римляне решили прибрать Ардею к своим рукам. Только чрезвычайные обстоятельства — вспышка борьбы между местной знатью и плебсом — склонили ардеатов к примирению со своим союзником.

Постоянно враждовали с Римом воинственные горцы, эквы и вольски, а также этрусский город Вейи. Однако расширять свои владения в Лацию Риму было непросто.

Социальные противоречия в Ардее привели в 442 г. до н. э. местных патрициев к возобновлению союза с Римом, в то время как плебеи призвали против римлян вольсков. Вольски стали воевать более организованно. Единым фронтом против Рима выступают их города Анций, Эцетра, Анкур. Для римских писателей теперь нет безликой вольской массы. Они называют уже опытного вождя Клуилия, бесстрашного героя Веттия

Мессия. Эквы не только занимаются грабежом, но, отвоевав у римлян город Болы, выводят туда свою колонию. Они не просто следуют в вольском фарватере, но формируют свою внешнеполитическую линию, успешно подстрекая латинский город Лабик к войне с Римом и Тускулом.

Однако наиболее опасным врагом были этрусские Вейи. Вейентам удалось привлечь древний латинский город Фидену, куда римляне в начале царской эпохи вывели колонию. Союз с фиденатами обеспечивал Вейям свободную дорогу через Тибр в Лаций и другие внутренние районы Италии. Фидену были ключевым военно-стратегическим и торговым пунктом вейентов. Царь Вей Ларт Толумний привлек затем к войне с Римом италиков-фалисков (439 г.). Благодаря трудной победе над этой коалицией в Рим была доставлена огромная добыча и принесены в храм Юпитера Феретрийского снятые с убитого царя Толумния так называемые «пышные» доспехи. Но победа не была окончательной. Через несколько лет (435 г.) вейенты с фиденатами подступили со своими знаменами прямо к Коллинским воротам истощенного эпидемией города. Напрягая все силы, римляне сумели перейти в наступление и с помощью подкупа прорвались в Фидену и захватили их. После этого было заключено перемирие. В последующие годы военные действия между Вейями и Римом чередовались с перемириями. Вейенты дважды (в 434 и 426 гг.) обращались к союзным этрусским городам за помощью против римлян, но безуспешно. Этрусков меньше беспокоил лежавший на левом берегу Тибра Рим, чем ближний могущественный город Вейи. Общие антиримские интересы связывали вейентов только с латинскими Фиденатами, эквами и вольсками. Последняя римско-вейентская война длилась десять лет (406—396 гг.) и закончилась полной победой Рима. При взятии города, оставленного без помощи со стороны других этрусков, знаменитый римский полководец М. Фурий Камилл применил отработанный при взятии Фиден прием — подкуп под городские стены.

В ходе этих войн победители получали добычу, угоняя скот и людей. Римские полководцы сразу же предоставляли солдатам возможность грабить побежденных и сверх того уже в организованном порядке награждали всадников и командиров, раздавая каждому по пленнику, а храбрейшим — по два, остальных же пленных продавали в рабство. Однако главным приобретением римлян в этих войнах являлась земля, бывшая яблоком раздора между патрициями и плебеями. Не случайно между 430 и 401 гг. трибуны десять раз ставили аграрный вопрос. При этом разрешение его мыслилось в разных формах. Плебеи продолжали добиваться допуска к *ager publicus* и организации новых колоний. Разница между этими формами получения земли четко определялась терминологически. Первое выражалось формулой аграрной рогации, *lex agraria*, а второе — *coloniae deducendae*. То, что римляне не смешивали существа этих явлений, видно из выступлений народного трибуна 415 г. М. Секстия, который предлагал аграрный закон и вместе с тем говорил также и о намерении войти с проектом о посылке колонистов в Болы.

Особенно встревожила патрициат рогация 417 г., приписываемая трибунам Метилию и Мецилию. В ней предлагалось поделить подушно всю завоеванную у врагов землю. В такой формулировке законопроект содержал положение о разделе не только вновь завоеванных земель, но и старого общественного поля, давно занятого патрициями, что должно было повлечь за собой конфискацию патрицианских владений. В этом вновь слышится требование плебеев пользоваться общественными землями на равных условиях с патрициями. Неудивительно, что хитроумный Ап. Клавдий тут же парализовал предложение Метилия и Мецилия, организовав наложение на него вето со стороны других трибунов. Ни один из аграрных законов во второй половине V в. так и не был принят. Но

колониисты все же были выселены в приведенную к покорности старую колонию Фидену и в покоренные города — Ардею и Лабик.

Новый накал борьбы отмечается после взятия Вей, когда в руки римлян попали несметные богатства. Патриции предложили вывести колонию в вольские земли, поселив там три тысячи человек и наделив каждого из них участком в 3 с лишним югера. Однако плебеи выразили недовольство. Народный трибун Т. Сициний выдвинул встречное предложение: половина римлян, в том числе и половина сенаторов, должна переселиться в Вейи, чтобы, таким образом, римское государство состояло из двух городов. Во главе противников законопроекта встал прославленный М. Фурий Камилл. В день голосования все патриции разошлись по своим трибам, уговаривая плебеев отказаться от трибунского проекта. Им это удалось. Большинством в одну трибу закон был отвергнут, а Камиллу пришлось уйти в изгнание. На радостях сенаторы приняли постановление о разделе между плебеями войентской земли. По словам Ливия, каждый свободный член семьи (мужчина) получал по 7 югеров (V, 130, 8), а по мнению Диодора, по 4 или даже по 28 плетров [XIV, 102 (5)]. Такая щедрость объяснима тем, что патриции, уступив часть нового *ager publicus* плебеям, фактически еще раз отбили их попытку уравниваться с ними в правах на землю. К оккупации государственного поля плебеи допущены не были.

Ликование римлян по поводу войентской добычи заглушило даже голоса, которые предостерегали о грозящей опасности. Из Клузия, к которому подошли галлы, требовавшие от клузийцев земли, пришли послы с просьбой о помощи. Римляне, в свою очередь, направили послов к галлам. Послы повели там себя надменно и легкомысленно, нарушив международное право, вышли в бой впереди этрусков. Один из римских послов, Кв. Фабий, сумел в поединке убить галльского вождя. Направив в Рим свое посольство и не получив ответа, галлы начали войну с римлянами. Событие это датируется по Ливию 390 г., а по Диодору Сицилийскому — 387 г. Полчища галлов с удивительной быстротой вошли в римские пределы. Римляне поспешно вывели свое войско, которое встретилось с противником примерно в 12 км от Рима, у впадения речки Алии в Тибр, и было наголову разбито. Одни в ужасе бежали в Рим, другие — в Вейи. День битвы при Алии (18 июля) стал обозначаться в римском календаре как несчастный день, символ страшной катастрофы, открывшей галлам путь на Рим. Там царил паника. Некоторые римляне эвакуировались в Цере. Среди них были весталки, спасавшие римские святыни. За стенами крепости на Капитолии укрылись сенаторы с семьями и небольшой отряд защитников, в основной части города, покинутой жителями, остались лишь престарелые отцы семейств, неспособные носить оружие. Они первые стали жертвами ворвавшихся в Рим галлов. Город подвергся разграблению и пожарам. Живым островком оставался только Капитолий. Но и он едва не был взят, когда истомленных осадой защитников сломил сон. Найдя незаметную тропинку, галлы цепочкой поднимались по круче, их услышали гуси, посвященные богине Юноне. Гогот птиц и хлопанье их крыльев разбудили М. Манлия. Он криком поднял на ноги спавших и первым ударом щита свалил с крутизны появившегося у стены галла. Весь галльский отряд был сброшен римлянами в пропасть. За этот подвиг Манлий получил прозвище Капитолийского. Соперники оказались измучены не только сражениями, но и голодом, и распространившейся моровой язвой. И тогда было заключено перемирие. За выкуп галлы согласились снять осаду. Как передает традиция, во время взвешивания золота римляне обнаружили неисправность весов. Когда же военный трибун с укоризной сказал об этом, галльский вождь Бренн положил еще на чашу весов свой меч, надменно заявив: «Горе побежденным!» (*Vae victis!*). Все эти события нашли красочное отобра-

жение в сочинениях Ливия, Плутарха и других античных историков. Однако взятие и сожжение Рима — исторический факт. Устоять же римлянам удалось благодаря помощи или, во всяком случае, нейтралитету латинян и этрусков, объединившихся перед лицом общей галльской опасности. Не последнюю роль сыграло и то, что галлы, осевшие уже в северных районах Италии, были в тот момент больше заинтересованы в грабеже, чем в захвате новых земель.

После ухода галлов римляне принялись отстраивать город, восстанавливать крепостные стены. Улучшить положение потерявших дома и имущество можно было, наделив их завоеванной землей. Поэтому в Этрурии были организованы еще 4 римские трибы, а в пределах Лация выведено 6 новых колоний. Эти мероприятия, однако, встречали враждебное отношение со стороны этрусков, вольсков и эквов. К ним присоединялись герники и латины. Все они постоянно нападали на ослабленный Рим, и это привело к раснаду союзных отношений между Римом и латинами. Но и здесь проявилась недостаточная сплоченность Латинского союза. Тускул держал сторону Рима, за что даже подвергся нападению других латинян. Римляне дали тускуланцам права римского гражданства, правда в урезанном виде, без права голосования в комициях. Но тускуланцы стали пользоваться правом заключать браки с римлянами (*ius connubii*) и путем переселения в Рим становиться римскими гражданами. Этим объясняется пребывание в Риме многих знатных семей тускуланского происхождения.

Напряженность ощущалась и внутри Рима. Вновь обострилась борьба между патрициями и плебеями. Особенно активизировалась тянувшаяся к власти плебейская верхушка, которая добилась того, что в первой трети IV в. вместо консулов выбирали почти исключительно консулярных трибунов. Рядовое плебейство страдало от тягот бесконечных войн, малоземелья и долгов, приводивших вчераших доблестных воинов к долговой кабале. Протест обездоленного люда был услышан патрицием М. Манлием Капитолийским (384 г.). Обвинив патрициев в несчастиях народа, он объявил о продаже основной части своего наследственного поля, чтобы на полученные деньги выручить из долгов неоплатных должников. Таким путем он спас многих от кабалы. Вокруг Манлия собралась масса мятетного разоренного и отчаявшегося люда. Тогда знать обвинила его в стремлении к царской власти, и он был казнен, а имя Марк было навсегда исключено из употребления в роде Манлиев.

Однако погасить недовольство плебса не удалось. С притоком в Рим обретенной в войнах добычи имущественная дифференциация только углублялась и конфликт обострялся. Политическая атмосфера настолько накалилась, что наиболее дальновидные и связанные экономическими интересами с верхушкой плебса патриции поддерживали законы, предложенные народными трибунами 367 г. Г. Лицинием Столоном и Л. Секстием Латераном, за которые они боролись на протяжении 10 лет. По первому закону облегчалась участь должников: уплаченные проценты засчитывались в счет долга, а остаток выплачивался в течение трех лет равными частями. Второй закон запрещал владеть более чем 500 югерами земли. Третий закон предоставлял плебеям должность консулов при отмене комиссии консулярных трибунов. Этот закон пробивал брешь в стене сословных различий между плебеями и патрициями.

Что касается второго закона, то в историографии он оценивается по-разному. Г. Б. Нибур и Т. Моммзен считали, что Лициний и Секстий допустили всех, включая плебс, к пользованию *ager publicus* в размере не более 500 югеров. Их мнение получило поддержку в историографии⁷.

⁷ См.: Моммзен Т. История Рима. М., 1936, т. 1, с. 280; Петушил И. В. Указ. соч., с. 69; Нечай Ф. М. Образование римского государства. Минск, 1972, с. 186—188.

Однако высказывалась мысль, что участки могли быть отчуждаемыми⁸. С. Л. Утченко⁹ полагал, что закон Лициния и Секстия вводил земельный максимум как на пользование общественными землями, так и на частную земельную собственность. Из лакоичных известий наших источников трудно вывести бесспорное заключение. Поскольку Ливий говорит о земельном максимуме для всех, кто владеет 500 югеров, можно считать, что речь шла о допуске плебеев к пользованию, т. е. к оккупации, *ager publicus* наравне с патрициями. В реальной жизни закон открывал возможности только для плебейской верхушки, которая практически срачивалась с патрициатом.

Время между второй половиной V и второй третью IV в. можно выделить как период интенсивной дифференциации плебейства и слияния плебейской знати с патрициями. Классовое единство плебеев фактически распалось, классовое противостояние патрициев и плебеев в целом прекратилось, но сословные различия между ними еще сохранялись. Потребности внутреннего развития стимулировали войны за захват добычи, в первую очередь земли. Это привело к расширению *ager Romanus* не только за счет чужаков-этрусков, но и латинян, что нарушило сложившиеся отношения и самый характер Латинского союза.

* * *

С принятием законов Лициния и Секстия открывается новый этап истории Ранней республики, стержнем которой является сословная борьба плебеев с патрициями. Допуск плебеев к высшей магистратуре чрезвычайно усилил плебейскую знать. Патриции предприняли уже испытанный маневр и еще раз урезали сферу деятельности консулов за счет судебных функций. Консулат оставался высшей должностью, обладавшей военной властью (*imperium*) и правом ауспий — гаданий, без которых не начиналось ни одно дело. Но была создана новая должность — преторов-судей, доступная только патрициям, а затем в противовес плебейским эдилам — должность курульных эдилов, замещавшаяся одними патрициями. Несмотря на эти охранительные меры, патрицианская община вынуждена была поступиться своей замкнутостью. В основе такой трансформации лежал продолжавшийся рост экономического значения плебейства. В крупных частных имениях и на обширных оккупированных землях вырабатывалась значительная часть сельскохозяйственной продукции; застройка города, увеличение населения, рост потребностей в одежде и утвари ускоряли развитие ремесла и обмена. Показателем этого служит, в частности, появление во второй половине IV в. монет круглой формы с изображением Януса, весом в римский фунт (либра), откуда они получили название либрального асса (=272 г.; к концу IV в. он становится легче). К 348 г. до н. э. античные писатели относят заключение 2-го римско-карфагенского договора. Все это свидетельствует об интенсификации торгово-денежных отношений и расширении обменных контактов как внутри Рима, так и вне его.

Экономическое усиление позволяло Риму вести удачные войны. В ходе войн постепенно теряли самостоятельность эквы и вольски. В их земли выводились колонии, населявшиеся римлянами и латинами, так что племена эти постепенно растворялись в латинской среде, а их территории включались в состав Лация. Грозным врагом римлян выступают теперь галлы. Их нашествия в Лаций неоднократно повторяются в течение IV в. (390, 360, 351, 332 гг.).

По-разному строятся после аннексии Вей отношения с этрускими го-

⁸ Леонтьев П. М. О судьбе землевладельческих классов в Риме. М., 1961.

⁹ Утченко С. Л. Закон Лициния и Секстия. — Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1947, т. 4, № 2.

родами. Очень сложными становятся отношения с латинами. В 365 г. отпали от союза с Римом герники; последовавшая затем война стоила много крови обеим сторонам. В 360 г. после отражения римлянами второго галльского нашествия с отступившими галлами заключили военный союз и помогли им жители Тибура. Однако галльская угроза и перевес римлян привели к тому, что в 358 г. был возобновлен Кассиев договор с латинами, переставший было действовать. В том же году предприняли грабительский набег на римскую область этруски из Тарквиний. Одновременно с начавшейся войной с этрусками римляне испытали натиск со стороны вольсков из Приверна и Велитр.

В результате римских побед *ager Romanus* увеличился и были образованы еще две сельские трибы в области Лация. Это привело к обострению отношений с вольсками и фалисками, поддерживавшими тарквинийцев. Прочие этруские города, в том числе Цере, также выступили на стороне своих единоплеменников.

Войны велись жестоко с обеих сторон, сопровождалась показательными казнями пленных. Однако римляне в конечном счете оказывались победителями. Весть об этом распространилась по всей Средней Италии. В 354 г. самниты отправили в Рим посольство. Между римлянами и Самнитской федерацией был заключен союзный договор. В следующем году, предупреждая войну, договор испросили цериты, напомнившие римлянам, что они приютили беглецов, спасавшихся от галлов. Отношения с ними были урегулированы, и жители Цере в 353 г. получили даже права римского гражданства без участия в комициях. Как союзный Риму город Цере должен был выставить в помощь ему свои контингенты, но во внутренней жизни цериты сохраняли самоуправление. Их положение было фактически уподоблено тускуланскому.

Военное укрепление Рима и рост его авторитета в Центральной Италии пугали латинян. Все чаще они отпадали от своего могущественного союзника, отказывая ему в предоставлении военных контингентов. Тревожили римские границы и аврунги, жившие в Южном Лации по соседству с Кампанией, поскольку римляне неуклонно продвигались в этом направлении.

В 40-е годы IV в. до н. э. римляне вплотную столкнулись и с кампанцами, и с самнитами. Плодороднейшая область Италии, Кампания, привлекала к себе внимание как римлян, так и латинян и самнитов, которые на протяжении IV в. просачивались на ее территорию. На этой почве разгорелся военный конфликт. Поводом к нему послужило нападение горных самнитов на ближайших соседей кампанцев, сидицинов, племени самнитского же происхождения. Сидицины запросили помощи у кампанцев. Те ее оказали, но неудачно и оказались загнанными в Капую. Тогда кампанская знать обратилась к Риму. Вмешательство римлян означало нарушение союзного договора с Самнитской федерацией. Но Рим пошел на это, и началась I Самнитская война (343—341 гг.). Рим одержал победу и заключил союз с Капуей, оставив там свой гарнизон. Такое положение дел встревожило не только кампанцев, но и латинян. Экономическое и политическое упрочение римлян сломало равновесие сил в Латинском союзе. Латины попытались продемонстрировать свою самостоятельность и, объединившись с вольсками и капуанцами, выступили в защиту сидицинов против самнитов, с которыми римляне возобновили союз. Под предлогом защиты самнитов римляне вызвали для объяснения 10 знатнейших латинян. В их числе были возглавлявшие Латинский союз преторы. Один из них, Анний, изложил перед сенатом претензии латинских союзников: у римлян и латинов должен быть общий сенат, один из консулов должен избираться из латинов, все союзники должны именоваться римлянами. Требования латинов были отвергнуты.

Последовавшая затем война с латинами (II Латинская война, 340—

338 гг.) велась на территории Кампании, что подчеркивает заинтересованность противников в этой области. Закончилась она победой римлян, которая имела далеко идущие последствия для всей Италии. Латинская федерация, основанная некогда на равноправном договоре сторон, была уничтожена. Рим установил новые отношения в Лации, базировавшиеся главным образом на сдаче побежденных. Был создан союз Рима не со всеми латинами сообща, а с отдельными латинскими городами. Для каждого города был определен особый статус. С Лаврентом за его верность был возобновлен договор. Ряд городов древнего Лация — Ланувий, Ариция, Номент, Пед при наличии самоуправления получили права римского гражданства, Тускул сохранил прежнее положение. Тибур, Пренесте и прочие города полатились в пользу Рима земель. Их жителям запрещено было заключать взаимные браки. Положение их было определено как положение латинских союзников. Капуя также лишилась части своей земли. Но проримская знать, капуанские всадники обрели права гражданства в Риме и ежегодную «премию» за счет принудительных поборов с боровшихся против римлян кампанцев. Жителям Фунд и Формий были дарованы неполные права гражданства в Риме. Разный уровень приобщения жителей Лация к римскому гражданству был выражением принципа «разделяй и властвуй» (*divide et impera*), который римляне все настойчивее стали проводить в жизнь в отношениях с другими общинами.

С этого времени фактически возникла категория латинского права, которое распространялось не только на латинских союзников Рима, но и на колонии, которые Рим продолжал еще основывать совместно с латинянами. Общины, пользовавшиеся латинским правом, сохраняли самоуправление и обладали разным объемом гражданских прав в Риме, но всегда без права занимать там магистратуры. Их жители могли при соблюдении определенных условий, как, например, после исполнения местных магистратур, переселяясь в Рим, становиться римлянами, т. е. приобретали римское гражданство в зависимости от своей сословной принадлежности. От цетитского латинское право в максимальном варианте, т. е. при наличии *civitas sine suffragio*, отличалось привилегией участвовать в основании колоний.

Разрушен был и Кампанский союз. С кампанскими городами Рим заключил союзы на условиях, аналогичных латинским. Союзники независимо от статуса должны были помогать Риму в войнах и лишались самостоятельности в области внешней политики.

Важным следствием II Латинской войны было не только политическое, но и дальнейшее экономическое укрепление Рима. Он прибрал к рукам плодороднейшие земли, раньше принадлежавшие латинам, вольскам и кампанцам, вплоть до реки Вольтурна. Ливий (VIII, 11, 13) очень подробно говорит о том, как были поделены эти земли между римскими плебеями: «в области латинов каждому дали по 2 югера с добавлением $\frac{3}{4}$ югера из Привернских полей. В Фалернской области каждый получил по 3 югера земли, причем $\frac{1}{4}$ югера была прибавлена по случаю отдаленности этих мест».

Упрочив свое первенствующее положение в Лации и начав распространять свое господство за его пределами, Рим стал заметным центром в Италии. С ним искали союза луканы, опасавшиеся самнитов. Экспансионистские устремления римлян вызывали опасения вольсков и латинян и не остались незамеченными городами Кампанского союза. Там активизировались антиримские настроения. Особенно решительно были настроены центры, в которых преобладали греческое население и традиции автаркичного полиса. Во главе их стал Неаполь. Неаполитанцы и ноланцы, поддержанные тарентинскими греками, объединились с самнитами и поднялись против римлян, занявших Фалернскую область. Посланные к самнитам римские фециалы принесли домой весть о том, что

самниты вызывают римлян на войну. Эта II Самнитская война (327—304 гг.) шла на нескольких фронтах. Военные действия происходили и в Самнии, и под Неаполем. Среди осажденных там греков выделялась группа знатнейших во главе с Нимфием и Харилаем. Их стараниями город был сдан римлянам. Несмотря на капитуляцию (*deditio*), римляне оставили и стены и законы города неприкосновенными. Победители отторгли только островок Питекуссу (совр. Искья), прикрывавший путь к Неаполю с моря. Преобладание аристократов в этом полисе обеспечило ему статус римских союзников (*socii*), характеризующийся сохранением самоуправления и потерей самостоятельности в сфере внешней политики. К концу IV в. до н. э. вся Кампания с городами Нолой, Кумами, Адеррами и пр. попала в зависимость от Рима, оформлявшуюся в виде союзных договоров.

Иначе складывались дела на самнитском фронте. После первых поражений самнитов на их сторону перешли луканы и вестины, подстрекаемые тарентинцами. Ожесточенные схватки перемежались с остановами военных действий и даже с перемириями (324 г.). Дело для римлян осложнилось поддержкой самнитов со стороны южных италийцев и беспокойством тыла, т. е. периодическими отпадениями латинян и вольсков. В 321 г. до н. э. после удачных боев римляне продвинулись в горный Самний. Талантливый самнитский полководец Г. Понтий хитростью завлек римлян, не ориентировавшихся на местности, в узкое, поросшее мелким кустарником Кавдинское ущелье, вдобавок специально заваленное камнями и срубленными деревьями. Это было ловушкой. Римляне, не сумев развернуть боевых линий, вынуждены были сдаться и подверглись унижительному обряду прохождения под ярмом (*sub iugum*). Раздетые и безоружные с идуциями впереди консулами они были проведены под подобием ярма, сооруженного из двух копий с положенным на них третьим. Рим облачился в траур. Знать сняла с себя золотые кольца и тоги с пурпурной каймой.

Римлянам стоило больших усилий оправиться после столь позорного поражения. В военной области это было достигнуто путем введения нового вооружения — дротиков и коротких мечей, а также перестройкой войска. Легионы стали подразделяться на 30 манипул, а каждая манипула состояла из двух центурий. Новые войсковые единицы были маневренней, с ними легче было вести бой в горных условиях Самнии. Но сражаться римлянам пришлось и в более равнинной Апулии, где в 314 г. до н. э. они основали первую в этой земле колонию Луперию, и отвлекать силы на приведение к покорности отпавших латинских колонистов и кампанских союзников. В 311 г. к трудностям римлян добавилось еще нападение почти всех этрусков, за исключением жителей Арреция, на союзный с Римом этрусский город Сутрий. Это означало открытие нового фронта, где к этрускам присоединились умбры. В ходе борьбы они сдались и фактически подчинились Риму. Лишь города Камерия и Окрикул были удостоены римлянами дружественного союза. В кровопролитных битвах конца IV в. против римлян сражались также вновь восставшие эквы и герники. Привести последних к покорности удалось только после решительных побед Рима в Самнии и Апулии, заставивших самнитов просить мира. Эквы же были почти полностью истреблены. Мир с самнитами был заключен в 304 г. до н. э. Устрашенные размахом римского наступления и карательных акций племени марруцинов и марсов, родственные самнитам, а также пелигны и френтаны заключили с Римом союзный договор. Вслед за ними последовали вестины. В 299 г. римляне заключили союз с пиченами.

Несмотря на тяжесть II Самнитской войны, Рим вышел из нее окрепшим и занял к началу III в. до н. э. особое место в Италии. Сфера его влияния распространилась не только на Кампанию, но и на

Апулию, Умбрию и Пицен. В Рим притекла огромная добыча, включая материальные ценности и рабов. Расширился *ager Romanus*. За счет вольских и кампанских земель были образованы еще 4 сельские трибы, так что всего их стало 31; было основано еще 11 колоний.

Однако горизонт Рима при вступлении в III в. не был безоблачным. Покончить с Самнитской федерацией римлянам еще не удалось. Непрочность римско-самнитских отношений скоро дала себя знать. Глухое недоверие выражали и умбры. Они не мирились с переходом города Неквина в руки римлян, куда в 299 г. была выведена колония латинского права Нарния. Враждебно были настроены и этруски. Их тревожило то, что римляне во время второй войны с самнитами принудили к сдаче г. Перузию и оставили там свой гарнизон, а после этой войны, в 302 г., вмешались в борьбу, которая происходила в Арреции между знатным родом Цильниев и простым народом. Рим действовал в пользу Цильниев, подавив мятеж с помощью вооруженной силы. Такое положение дел создало благоприятную почву для союза этрусков с двинувшимися с севера через Этрурию галлами. Перед лицом этого альянса быстро сориентировались самниты и распространили свою власть на союзную с Римом Луканию. Это вызвало III Самнитскую войну (298—290 гг.), которая шла на двух фронтах. На южном серьезных событий не было. Об этом можно судить по надписи на саркофаге одного из полководцев — Сципиона Бородатого, который, описывая свои победы, сообщает о взятии самнитских центров Тавразии и Цизауны. При сравнении текста надписи с сообщениями Ливия выясняется, что упомянутые пункты — всего лишь незначительные поселения, что и победы Сципиона, и размеры военных операций значительно преувеличены, что Луканию сравнительно быстро удалось римлянам вернуть к нарушенному союзу.

Главным фронтом был северный, где создалась внушительная коалиция из галлов, этрусков и присоединившихся к ним умбров. Вторжение римлян в Этрурию раскололо коалицию. Этруски вышли из игры, заключив союз с Римом. Против галлов и самнитян с успехом сражался замечательный римский полководец Маний Курий Дентат. Благодаря его победам, особенно в битве при Сентине (296 г.), война была закончена. Самнитская федерация прекратила свое существование. Римляне подчинили сабинян и пиценов, галлы были отброшены к северу. Римляне закрепили свою победу и утверждение в покоренных областях основанием колоний как на Тирренском побережье (Минтурны, Синуссеса), так и на Адриатическом (Адрия, Каструм Новум). С выведением колоний жители Пицена, Умбрии, Циспаданской Галлии и Кампании лишились части своих земель. О росте *ager Romanus* свидетельствуют две новые сельские трибы, образованные на территориях эквов и герников. Незавоеванными остались только греческие полисы и юг Италии.

В результате распространения римской власти на Апеннинском полуострове создались своеобразные государственно-правовые отношения, которые получили в науке название Римско-Итальянского или Итальянского союза. Римляне использовали здесь уже испытанные формы и методы господства, установленные ими в Лации. Это был не союз итальянских общин между собой, а союз итальянских общин с Римом. Содержанием его было подчинение союзников Риму. Оформлялось оно неизменно в виде договоров. Общим для всех союзников оставались обязанности не вести самостоятельной внешней политики и помощь Риму во время войн. При этом жители федерированных общин служили не в легионах, а в союзнических когортах. Внутренняя жизнь части союзных городов регулировалась собственным самоуправлением, так что они были муниципиями (от слова *municipus* — обязанность, в том числе и несения магистратур). Из таких федератов выделялась высшая категория союзников латинского племени, пользовавшаяся в Риме правом голосовать в коми-

циях и гражданскими правами, т. е. правом заключать браки и сделки с римскими гражданами либо одним из этих прав, а также правом переселения в Рим и участия в основании колоний. Несколько ниже их стояли муниципии церковного права, или *civitates sine suffragio*. Низшая категория союзников, обычно из сдавшихся на войне, не пользовалась самоуправлением, а управлялась префектами, посланными из Рима. Эти общины назывались префектурами.

Фактически на уровне союзников находились и колонии. В соответствии с терминологией античных авторов они делились на римские и колонии латинского права. Как все федераты, колонисты в V—IV вв. до н. э. не составляли части римского населения. Колонии были отдельными общинами, поскольку они воевали с римлянами, блокируя с их врагами. Ранние римские колонии, населявшиеся плебеями, не могли носить характер гражданских, как это было впоследствии, потому что даже римские плебеи до III в. до н. э. не обладали полнотой гражданских прав. В связи с этим статус римских колоний можно определить в лучшем случае как *civitas sine honoribus*. Такая гибкая система взаимоотношений Рима с союзниками, основанная на разнице их статуса, не позволяла им создать фронт единых требований, разобщала союзников, упреждала для Рима задачу властвования над ними. С помощью Итальянского союза римляне оперировали человеческими и материальными ресурсами, что позволяло им собирать мощные силы для ведения войн. Однако гибкость римской политики заключалась не только в разобщении интересов союзнических общин, но и в учете социальных противоречий внутри них. Поддерживая аристократические группировки федератов разных категорий, Рим в конечном счете создавал себе в Итальянском союзе социальную опору.

Сложный организм Римско-Итальянского союза мог, однако, возникнуть и в нужном для Рима направлении функционировать только при определенных условиях упрочения социально-экономической базы и совершенствования политической структуры самого Римского полиса. Именно в этом состояло содержание внутренней истории Рима IV в. до н. э.

* * *

Войны, которыми до краев наполнена история Рима IV в. до н. э., вызывавшиеся потребностями социально-экономического развития, в свою очередь, воздействовали на римское общество. Заметно углубились различия внутри плебейства, все большее значение приобретала его богатая верхушка, тянувшаяся к занятию почетных должностей. Добившиеся их плебеи включались в состав знати, хотя и воспринимались патрицианской аристократией как «новые люди» (*homines novi*), т. е. как выскочки. Эта новая знать старалась найти себе опору в комциях, которая обеспечивала бы ей голоса на выборах.

С начала Республики искатели должностей облачались в белую (*candida*) тогу (откуда происходит слово «кандидат»), ходили по Форуму или Марсову полю и просили граждан подать за них голоса. С развитием конкуренции, которая, естественно, обострилась после допуска плебса к магистратуре, искательство должностей (*ambitus*) стало приобретать различные формы. Поэтому в 358 г. до н. э. был издан закон (*de ambitu*), ограничивавший неумеренное домогательство благосклонности народа по всему городу, на рынках и ярмарках. Закон был направлен против «новых людей». Особую роль на выборах играла клиентела. Чем больше клиентов имел кандидат, тем легче добивался он успеха. Но институт клиентелы был связан с патрициатом и был его орудием в избирательных комициях. Плебейская знать вынуждена была искать для себя источник обретения клиентов. Он был найден в вольноотпущенничестве. Отпущенный или выкупившийся на свободу раб становился клиентом быв-

шего господина. Пытаясь притормозить процесс создания послушной, зависимой от вчерашних господ из плебейской знати клиентской массы и вместе с тем изыскивая дополнительные возможности для пополнения казны, сенаторы одобрили Маниев закон. Он был принят затем в собраниях плебса по трибам в 357 г. до н. э. Согласно этому закону, выходящий на волю раб уплачивал казне специальный налог в размере 1/20 выкупной суммы (Ливий, VIII, 16, 7). Появление Маниева закона показывает растущую экономическую и политическую силу плебейской верхушки и обеспокоенность патрициев этим обстоятельством.

Однако основная масса плебса была далека от процветания. Небогатый труженик не был в состоянии организовать обработку крупных земельных площадей из фонда *ager publicus* вдали от дома, даже если они теоретически стали ему доступны после закона Лициния и Секстия. Его уделом было либо получение хоть небольшого участка, либо выселение в колонию, что практически вымывало его из состава римского гражданства. И это было не худшей долей. Потерявший землю сельский плебей и бедный ремесленник вынуждены были брать в долг у своих богатых сограждан. Деньги, конечно, ссужались под проценты. Те всегда были высокими. Даже их ограничение в Законах XII таблиц оставляло их на уровне 8 $\frac{1}{3}$ годовых. На практике же эта норма постоянно превышалась. Поэтому борьба за облегчение долговых обязательств, за снижение ростовщических процентов проходит красной нитью через всю социальную историю Рима IV в. до н. э. Консулы 352 г. плебей Г. Марций Рутил и патриций из знаменитой своим демократизмом семьи Валериев Попликолов добились погашения долгов римлян за счет казны. В 347 г. до н. э. займодавцам пришлось пойти на снижение процента в два раза, причем уплата долгов была отсрочена на три года при условии ежегодных взносов равными долями. В 332 г. эдилы привлекли к суду и добились осуждения ростовщиков за нарушение установленных правил предоставления кредита. Такой же процесс проходил и в начале III в. до н. э., причем ростовщики были наказаны конфискацией имущества. Эти ограничительные меры были абсолютно необходимы потому, что задолженность плебеев превратилась в страшнейшее бедствие. Обнищавшие теряли за долги не только имущество, но и свободу, становились кабальными (*пехи*). Такое положение дел могло устраивать лишь узкий круг денежных воротил, но пагубно сказывалось на обществе в целом, обостряло и без того сложную социальную ситуацию. Обедневшие и тем более кабальные выбывали из числа воинов, что в условиях бесконечных войн при ненадежности союзников грозило подрывом римской мощи.

Таким образом, в IV в. до н. э. плебс представлял собой сложную структуру. Его богатая верхушка практически оторвалась от основной массы плебеев, занятых производительным трудом, ведущих собственными силами свое скромное хозяйство как в городе, так и в деревне и живущих под угрозой задолженности и разорения.

Происходили изменения и внутри патрициата. Показателем патрицианского достоинства продолжала оставаться принадлежность к древним родам, т. е. *gentes*. Но роды постепенно теряли характер родовых общин, спаянных коллективной земельной собственностью. Общеродовые земли еще сохранились, но семейные наделы превратились в прочную, когда-то семейную, а теперь уже и в частную собственность главы фамилии.

Упрочение семьи в противовес роду нашло выражение в ономастике. Еще в царскую эпоху имя римлянина имело двучленный характер. Главным был *попеп*, т. е. гентильное имя, как, например, Потитий, Фабий, Юлий, Корнелий, Клавдий и т. д. Оно стояло на втором месте. Первое место в ономастической формуле занимало личное имя (*праеномен*), обозначавшееся на письме обычно в сокращенном виде, как, например,

А. (Авл), Г. (Гай), Л. (Луций), М. (Марк), П. (Публий), Т. (Тит) и т. п. Женщины именовались по родовому имени отца, например Туллия, Юлия, Клавдия. Если дочерей в семье было несколько, их различали, нарекая дополнительным именем, часто образованным от порядкового числительного, т. е. Секунда (Вторая), Кварта (Четвертая) и т. д. Особо отличившиеся из римлян издревле получали иногда третье имя, или почетное не наследуемое прозвище (*cognomen*), напоминавшее либо о происхождении (например, Аппий Клавдий Инрегилльский, т. е. из г. Инрегиллы), либо о подвиге (Г. Муций Сцевола). В IV в. до н. э. трехсложное имя в Риме укореняется. Когномен передается по наследству. Оно обозначает теперь не личное отличие, а принадлежность к ветви рода, ведущей свое начало от выделявшегося какими-то деяниями или качествами предка. Когномен указывает на принадлежность к агнатской группе, т. е. к большой отцовской фамилии.

Это было подмечено еще в прошлом веке. Т. Моммзен связывал появление когноменов с процессом колонизации, при которой часть рода выселялась и должна была получить свое наименование. Позднее в науке стали связывать трехчленность римской ономастической формулы с влиянием этрусков, у которых она возникла раньше. Однако о простом заимствовании здесь не может быть и речи, как, впрочем, и о колонизации как о причине появления нового типа имени. Оба явления коренятся во внутреннем развитии римского общества, в трансформации рода с сокращением родовой собственности на основное средство производства, землю, в пользу фамильной и с развитием последней в частную собственность главы семьи (*pater familias*). В силу этих изменений родичи стали ощущать себя связанными уже не общинно-родовой, пошедшей на убыль, собственностью, а лишь общим родовым именем. Социально-экономическое обособление фамилии в противовес родовой общине и послужило основанием для утверждения трехчастного имени в Риме IV в. до н. э., как можно это постулировать и для этрусков в более раннее время. И действительно, среди римских патрициев активно действуют не просто Фабии, а Фабии Амбусты, Валерии Попликолы, Манлии Торкваты, Корнелии Коссы и Корнелии Лентулы и т. п. Тот же процесс наблюдается и среди плебеев. Причем у них он из-за неприятия государством плебейских родов идет более интенсивно. И мы встречаем среди персонажей IV в. таких представителей плебеев, как Г. Лициний Столон, Л. Секстий Латеран, Г. Петелий Либон и др.

В основе всех этих перемен лежали глубинные социально-экономические процессы, прежде всего прогрессивное развитие рабовладельческих отношений.

В рассказах древних авторов о событиях V в. о рабах говорится крайне редко, хотя существование института рабства не вызывает сомнений, так как удостоверяется Законами XII таблиц. В античной традиции о IV в. дело обстоит иначе. Рабы упоминаются в таком значительном документе, как международный договор, т. е. 2-й договор между Римом и Карфагеном (348 г.), приведенный Полибием (III, 24, 1). Свидетельством распространения рабства служат и Манлиев закон о налоге на отпуск рабов на волю. Рабы действуют в восстании воинов, расквартированных в Кампании в 342 г. до н. э. Буквально каждое сообщение Ливия о победе римлян сопровождается известием о пленении тысяч побежденных — как воинов, так и мирного населения, женщин и детей. И сами войны рисуются имеющими в значительной мере цель охоты на рабов. Захват пленных считался естественным, осуществлялся «по праву» войны (Ливий, VIII, 37, 11). Конечно, не все пленные тут же обращались в рабов. Случались и выкупы, и жестокие экзекуции. И все же рабское состояние большей части пленников несомненно, потому что они массами пускаются в продажу (Там же, V, 221; VI, 22, 4; VII, 27; IX, 42).

Римская экономика той поры вряд ли могла поглотить многие тысячи рабов в качестве рабочей силы. Ведь на обширных площадях в римских владениях трудились клиенты и кабальные должники. Поэтому значительная часть рабов могла быть продана союзникам, в том числе и за пределы Лация. Работоторговля производилась тогда преимущественно от имени государства, и вырученные деньги поступали в казну. Но все-таки немалая часть невольников оседала и в Риме. Одни из них становились государственными рабами, помогавшими магистратам и жрецам в исполнении их обязанностей. Характерен в этом смысле случай с Поттициями. В 312 г. до н. э. обслуживание культа Геркулеса было изъято из ведения этого древнего рода и передано в руки государственных рабов. Другие рабы становились частновладельческими. Многие персонажи IV в. выступают в качестве рабовладельцев. Это и должностные лица, и весталки, и знатные дамы. Некоторых рабов господа приближают к себе, воспитывают вместе со своими детьми. Из них формируют верных спутников и помощников. О таком рабе говорится у Ливия в одном из эпизодов II Самнитской войны. Это невольник патриция, родственника консула 310 г., сопровождавший его на войну. Он был обучен еще в детстве вместе со своим господином этрусскому языку, а потому и взят с ним в рекогносцировку, будучи в Циминском лесу. Отношения других рабов со своими хозяевами выглядят менее идиллически. Так, в 331 г. до н. э. был раскрыт заговор матрон, изготовлявших яды и погубивших ими много людей. Это вскрылось благодаря доносу одной из рабынь. В награду за донос эдилу эта рабыня обрела свободу. По доносу своего раба была обвинена в 337 г. в нарушении девства весталка Минуция. Сначала ее отстранили от священнодействий, а потом запретили отпустить на волю своих рабов, чтобы суд не лишился возможности допросить их по всей строгости закона именно как рабов. Вина несчастной Минуции была доказана, и она в соответствии с обычаем была заживо зарыта в землю. В этой истории весталка показана госпожой нескольких рабов.

Частично рабы находились при своих господах в качестве прислуги, вероятно работали на кухне. Но концентрация земель в руках одного хозяина неминуемо влекла за собой в условиях сравнительно примитивной экономики применение разных видов подневольного труда, в том числе и рабского. Это имело место и в патрицианских, и тем более в плебейских имениях, на землях как частных, так и оккупированных, т. е. из фонда *ager publicus*.

Хотя в IV в. до н. э. заметно росла численность рабов за счет военнопленных и происходило включение их в сферу производства, раб не был доведен еще до уровня говорящего орудия и сохранял черты человеческой личности. Рабы могли выступать в делах в качестве поручителей, нести жреческие функции при культе домашних Ларов, прибегать к убежищам и пользовались защитой плебейских трибунов в случае особой жестокости к ним со стороны господ.

Рост числа рабов в эпоху Ранней республики был связан с военной активностью римлян, и войны были главным источником получения рабов. Развитие рабства меняло социальную структуру Рима. Возможность использовать в качестве рабочей силы чужаков из военнопленных привела, наконец, к отмене долговой кабалы. По закону Петелия (326 г. до н. э.) должник отвечал перед кредитором только своим имуществом, но не личностью. Так освобождение кабальных произошло за счет рабовиноплемеников. К концу IV в. до н. э. из патрициата и богатого плебейства сформировался класс рабовладельцев, а на другом полюсе — класс рабов. Рим стал раннерабовладельческим государством.

Социальная трансформация, происходившая в Риме, увенчалась развитой формой республиканского устройства; несмотря на сопротивление

патрициев, плебей в течение IV в. добились допуска ко всем магистратурам. В 351 г. их допустили к занятию цензорской должности; в 341 г. по закону Генуция оба консула могли быть плебеями; в 337 г. плебеям было разрешено становиться преторами; в 311 г. плебеям удалось сделать выборными военных трибунов, до того назначавшихся консулами. Вместе с тем плебс вел атаку и на жреческие коллегии. С 367 г. они получили право входить в число жрецов — хранителей и толкователей Сивиллиных книг, сборника прорицаний, к которому обращались в особо сложных случаях, не находя разгадки чудесных знамений в книгах понтификов. В этом же году это право было реализовано, и пять жрецов из десяти были выбраны из плебеев. В 300 г. по закону трибунов братьев Огульниев увеличилось число членов жреческих коллегий авгуров и понтификов, в которые допускались плебей.

Все большее значение в жизни Рима приобретали собрания плебса по трибам (*concilia plebis*). Решения, принятые на них (плебисциты), становились все более авторитетными. В 339 г. был проведен Публилием Филоном закон, повторяющий закон Валерия — Горация 449 г., по которому плебисциты становились обязательными для всех римлян законами. Если в XIX в. это сообщение древних рассматривалось как дубликация событий в традициях, то в современной науке оно рассматривается с учетом юридических тонкостей, касающихся названных законов. Признается, что они фактически не идентичны, поскольку связаны с решениями сената разного состава. Начиная с 449 г. до н. э. плебисциты становились обязательными для всех римлян без вотирования их в центуриатных комициях, но при обязательном одобрении сената, состоявшего тогда из одних патрициев. В IV в. до н. э. ввиду изменения социального состава сенаторов понадобилось уточнить характер сенатского согласия на плебисцит. Это было достигнуто с помощью закона Публилия Филона 339 г., по которому одобрение плебисцита давалось всеми сенаторами, включая плебейских членов его. В 287 г. по закону Гортензия отпала надобность в сенатском одобрении плебисцитов.

Сложившееся в ходе V—IV вв. римское государственное устройство имело трехчленную структуру. Во главе Рима стоял сенат из 300 членов, комплектовавшийся из бывших магистратов. В соответствии с занимаемой должностью сенаторы делились на консуляриев, преториев, квесториев. Список сенаторов именовался *album*. Первым в списке стояло имя старейшего, который назывался принцепсом (*princeps*). Никакими привилегиями он не пользовался. Но когда вопрос решался путем поименного опроса, он высказывал свое мнение первым. Формально законодательной инициативой сенат не обладал, но его мнение (*auctoritas patrum*) влияло на деятельность магистратов и до 287 г. даже на принятие законов. Сенат руководил внешней политикой и распоряжался казной — эрарием, что заставляло все звенья государственного аппарата считаться с ним. Сенат, несмотря на включение в него плебса, а после 304 г. до н. э. — даже потомков вольноотпущенников, всегда был оплотом традиций и аристократии.

Функционировали все три вида народных собраний. С течением времени их функции разграничились. Куриатные комиции постепенно теряли реальное значение, сохранив за собой дела, касающиеся семейно-родовых коллективов: переход жен из рода отца в род мужа с одновременным переходом под опеку новых божеств, утверждение завещаний, усыновлений, формальное утверждение кандидатов в должности, отдавшие империи. В центуриатных комициях проходили выборы высших должностных лиц. Собирались комиции обычно на Марсовом поле, за пределами города. Образовались из плебейских собраний по трибам трибутные комиции. В них голосование проводилось в каждой трибе по отдельности без учета имущественного ценза граждан. Триба обладала

одним голосом. Демократизация этого вида собраний содействовала реформа, проведенная цензором 342 г. Аппием Клавдием Цеком, разрешившая ремесленникам и торговцам записываться в сельские трибы. Возрастающие роли триб в общественной жизни Рима выявилось особенно четко в законе Папирия (304 г. до н. э.). Согласно этому закону запрещалось освящать, а стало быть и строить, дом или алтарь без разрешения трибы. Проходили трибунные собрания обычно на Форуме, в специально отведенном для этого месте.

Исполнительная власть в Риме принадлежала магистратам. Магистратуры делились на обычные, включавшие все должности, и экстраординарные, действовавшие в моменты затруднений и напряжения в государстве, когда обычные должностные лица с ними справиться не могли: во время войн, мятежей, стихийных бедствий. Экстраординарными магистратами были диктатор и его помощник — начальник конницы. Диктатору повиновались все должностные лица. Назначался он для выполнения определенной задачи, но не более чем на 6 месяцев, после чего непременно слагал свои полномочия. Впервые в Риме диктатор был избран в 501 г. до н. э. Внешним отличием диктатора было то, что в городе перед ним шла почетная стража из 24 ликторов с фасциями.

Обычные магистраты делились на старших, избиравшихся в центуриатных комициях (цензоры, консулы, преторы) и младших (эдилы, квесторы). Часть из них обладала империем — консулы, преторы. Некоторые должности считались курульными, так как носители их имели право восседать на курульных, т. е. на украшенных слоновой костью сидлицах (консулы, преторы, курульные, т. е. неплебейские, эдилы). С уравнием в правах патрициев и плебеев превратились в общегосударственных магистратов и народные трибуны. Если на все должности стали выбирать как патрициев, так и плебеев, то народных трибунов и плебейских эдильов продолжали избирать только из состава плебса, так что патриций, пожелавший получить трибунат, должен был переходить из патрицианского в плебейский род. Практически магистратами были и члены жреческих коллегий, которых стал выбирать народ. Все магистратуры были коллегиальными срочными и безвозмездными.

С завершением борьбы патрициев и плебеев и включением последних в гражданство изменилось социальное значение терминов «*populus*» и «*plebs*». Они стали взаимозаменяемыми, обозначающими «простой народ» в отличие от знати. Рим окончательно сформировался как патрицианско-плебейский полис (*civitas*), гражданская община, основанная на античной форме собственности. Положение римлянина было обусловлено непрерывным наличием трех состояний (*status*): принадлежности именно к Римской общине, ветви римского рода и к свободным людям. Следствием этого являются права, главными из которых были: право вступать в законный брак (*ius connubii*), владеть имуществом и вести дела под охраной римских законов (*ius commercii*), право участвовать в комициях (*ius suffragii*) и право быть избранным на почетные должности (*ius honorum*). Благодаря безвозмездности магистратур пользоваться высшим политическим правом, т. е. избираться в консулы, преторы и т. п. могли только богатые люди. Поэтому Римская республика осталась аристократической, хотя социальная сущность аристократии изменилась: состав римской знати к концу IV в. до н. э. усложнился за счет богатого плебейства.

* * *

Параллельно с социально-политическими перестройками шло в Риме и развитие культуры. Формировалась полисная идеология с присущими ей чертами коллективизма, представлением о замкнутости общины и свободе ее членов. На этой основе складывается образ героя. Это свободолю-

бывый гражданин, патриот, труженик и воин, неприхотливый в быту, готовый пожертвовать собой и даже своими детьми ради Рима. Целая плеяда таких граждан староримского образца служила идеальным примером для подражания и воспитания — Валерий Попликола, Муций Сцевола, Т. Квинкий Цинциннат, М. Фурий Камилл, М. Курий Дентат и др.

В соответствии с характерной чертой римской религии, т. е. почитанием абстрактных понятий, поклонением пользуются божества Свобода, Доблесть, Согласие, храм которому после завершения сословной борьбы воздвигается у подножия Капитолия. Прежние патрицианская, капитолийская и плебейская, авентинская триады божеств возводятся в ранг общеримских государственных богов. В общеримский пантеон включаются боги, олицетворяющие хозяйственные сферы деятельности, например Меркурий (бог торговли и путей). В 495 г. ему посвящается храм, построенный невдалеке от Великого цирка.

С образованием гражданской общины прогрессировало и правотворчество. Сложилось понятие права граждан (*ius civile*). Область светского права отделилась от религиозного. Произошло разделение светского права на публичное, т. е. государственное, и частное.

Условия полнотной жизни, сопряженные с функционированием сената и комитий, требовали совершенствования речевой культуры. Политическим деятелям приходилось обсуждать различные вопросы, формулировать свои предложения. В качестве знаменитого оратора славился Ап. Клавдий Цек, цензор 312 г., известный своими демократическими реформами. Первой записанной речью была его сенатская речь против заключения мира с Пирром (начало III в. до н. э.).

Развитие римской государственности вызывало необходимость в письменной документации. В Риме распространилась грамотность. Это повлекло за собой реформы латинского письма. На IV в. до н. э. падает усовершенствование латинской письменности, в частности ее упрощение за счет отказа от греческой дзеты, что также связано с именем Ап. Клавдия Цека.

Развитие латинского языка и письменности свидетельствует о развитии культуры на местной основе. Но вместе с тем в эпоху Римской республики заметно сильное этрусское влияние. Несмотря на то что язык этрусков не привился в обыденной жизни народа, римская знать непременно включала его в круг образованности, без чего невозможно было знакомство с этрусской литературой и мантикой, пользовавшейся особой популярностью.

Издrevле римляне, подобно другим италикам, грекам и иным народам, отмечали праздники урожая, сопровождавшиеся веселыми и остроумными импровизированными диалогами. Такие же самодельные выступления с насмешливыми, порой едкими песенками, исполнявшимися солдатами, были обычными во время триумфов полководцев. Впервые об этом упоминается у Ливия в описании триумфа Квинкия Цинцинната (458 г.). Народным обычаем были и импровизированные песенки фривольного содержания, исполнявшиеся во время свадебных торжеств. Все эти шуточные песни и родившиеся на их основе представления назывались Фесценниами. В появлении Фесценний сквозит воздействие этрусской культуры, поскольку само название производилось в древности, по одной из версий, от названия этрусского города Фесценний. В еще большей степени проявляется влияние этрусков в утверждении в Риме развитых форм сценического искусства. Первые театральные представления связаны были с разразившейся в городе в 364 г. моровой язвой. По совету этрусков для умилоствления богов были приглашены в Рим из Этрурии актеры, исполнявшие под флейту танцевальные номера и пантомиму. Римляне вскоре присоединили к этому куплеты и диалоги. Самодельные исполнители такой драмы получили этрусское название гистрионов.

Профессия артиста считалась в Риме низкой, поэтому артистами были либо иностранцы, либо люди низкого социального положения.

В области драматической поэзии и театра римляне испытали влияние и кампанских осков. Они заимствовали у них ателлану, одноактную комедию масок, названную по г. Ателлы. В ней действовали обжора Макк, надутый хвостун Буккон, карикатурный старик Папп и ученый шарлатан горбун Доссен.

Большое воздействие оказали этруски и на архитектуру и изобразительное искусство римлян раннереспубликанской эпохи. Специфически самобытной чертой римского зодчества и строительного дела были полезность и целесообразность. После галльского пожара была построена мощная оборонительная стена, а Аппий Клавдий Цек организовал постройку общественной дороги, соединившей в ту пору Рим с Капуей, в IV в. получила окончательный вид Великая клоака.

Этрусские градостроительные принципы больше давали себя знать при основании колоний, где удавалось осуществить планировку по так называемому «этрусскому образцу», т. е. аналогичную греческому Гипподамову плану.

Идущие из Этрурии и Великой Греции культурные импульсы ощущались в скульптуре. От Ранней республики сохранились немногие образцы преимущественно мелкой пластики. Примером художественного ремесла может служить так называемая — по имени владельца — шкатулка Фикорини (конец IV — начало III в.). Сам предмет — из этрусского обихода. Крышка его украшена тремя фигурами, выполненными в манере эллинистических греков. Надпись на ней удостоверяет, что она изготовлена в Риме. Уже в раннюю эпоху появились в римских домах ларарии, шкафы, в которых хранились маски умерших предков. Отсюда идут истоки римского реалистического портрета. Развивалась в Риме и живопись. Известно, что в честь победы римлян во II Самнитской войне представитель древнего рода Фабиев украсил росписью стены храма бога Салус (Здоровья), за что получил прозвание Пиктора (художника), унаследованное и его потомками.

Таким образом, впитывая различные влияния, формировалась и прогрессировала своеобразная римская культура.

Глава 9

ЗАПАДНОЕ И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Переломным моментом в истории Юго-Восточной и Восточной Европы, надолго предопределившим судьбы ее населения, явилась греческая колонизация, широко охватившая и побережья Черного моря — Понта Евксинского. Освоение эллинами Причерноморья было не изолированным феноменом, но частью того глобального процесса, который охватил в VIII—VI вв. огромный средиземноморский и причерноморский регион от Геракловых столпов на западе до р. Фасиса (совр. Риони) на востоке и получил в литературе условное название Великая греческая колонизация. Появление греков на западном и северном берегах Черного моря относится к более позднему, второму этапу колонизации и приходится на середину VII в. до н. э.

Вопрос о причинах и целях массовой колонизационной эмиграции из греческих полисов Балкан и Малой Азии весьма дискуссионен. Долгое

время в науке господствовали две основные теории — теории аграрной и торговой колонизации. Согласно первой, греческие полисы в силу неразвитого характера их экономики и ограниченности свободного земельного фонда были вынуждены время от времени выплескивать на чужбину избыток населения, дабы оно не умерло с голоду. Сторонники второй теории доказывали, что основной причиной и целью выселения была потребность в сырье и необходимость сбыта собственной ремесленной и отчасти сельскохозяйственной продукции.

На современном уровне разработки этой проблемы исследователи приходят к заключению о многообразии причин и полифункциональности греческой колонизации в зависимости от конкретных ситуаций и мест основания колоний (апоикий). В частности, если речь идет о Причерноморье, в одних случаях это был поиск источников тех продуктов и сырья, которых не хватало метрополии (зерно, лес, металлы и т. п.), но при этом и стремление сбыть излишки собственной продукции (вино, оливковое масло, произведения ремесла, предметы роскоши и т. п.), в других — поиски новых аграрных территорий под давлением внутренних демографических и социальных факторов либо внешнеполитических обстоятельств.

Освоение греками берегов Понта было несинхронным процессом, и происходило оно отнюдь не в одном направлении и не постепенно шаг за шагом, начиная от черноморских проливов далее на север. Ведущую роль в колонизации Причерноморья играл малоазийский полис Милет, выведший, по свидетельствам древних, 60 или даже 80 апоикий, из них большинство — на побережья Черного моря. Первыми милетскими выселками были на западном берегу Истрия, расположенная южнее дельты Истра (Дуная), и Борисфен или Борисфенида, основанная в устье Днепровского лимана (Борисфена) на полуострове, который спустя несколько веков отделился от материка и представляет собой ныне остров Березань. По свидетельству Евсевия, первая апоикия была основана в 657 г. до н. э., а вторая — на десять лет позже. Археологические исследования, полностью подтвердив вторую дату, заставляют пока примерно на четверть века приблизить к нам первую.

На втором этапе понтийской колонизации, начавшемся на рубеже VII—VI вв., основываются, судя по данным письменных и археологических источников, милетские колонии Аполлония (совр. Созопол), Одессос (совр. Варна); жители Березанского поселения вместе с новым потоком милетских колонистов основывают при устье Бугского лимана Ольвию, те же милетяне выводят на западный берег Босфора Киммерийского колонию Пантикапей (совр. Керчь), Нимфей, Тиритаку, а на восточный — Кепы. Тогда же ионийцы вместе с лесбосцами основывают Гермонассу.

На третьем этапе — от середины VI до начала V в. — Милетом основывается целый ряд причерноморских апоикий: Томы (совр. Констанца), Тира (совр. Белгород-Днестровский), Феодосия. Ионийскими колониями были также Дионисополь, иначе Крупы (совр. Балчик), Керкинитида (совр. Евпатория) и Фанагория, основанная около середины VI в. теосцами, бежавшими от насилия персов; в последнем случае мы имеем типичный пример вынужденной эмиграции. На этом же этапе широко разворачивается так называемая вторичная, или внутренняя, колонизация — основание новых городов из уже основанных колоний: по-видимому, Истрия основывает на левом берегу Днестровского лимана Никокий, Пантикапей — несколько городков по обоим берегам Босфора Киммерийского и, возможно, Синдскую гавань (совр. Анапа). Во второй половине VI в. к колонизационному процессу подключаются и доряне: мегарцы вместе с калхедонцами и византийцами основывают Месембрию (совр. Несебр), мегарская же колония на южном берегу Понта, Герак-

лея, выводит, в свою очередь, апойкию Каллатис (совр. Мангалия). Неизвестная метрополия основывает раннее поселение на месте, куда позднее гераклеоты вывели Херсонес.

Важно отметить одну особенность колонизационной практики: греки, хорошо знакомые с Западным и Северным Причерноморьем еще до середины VII в., основывали свои первоначальные поселения на защищенных самой природой местах — на островах или полуостровах, где им было легко отгородиться от окружающих их варваров вне зависимости от того, были те враждебно (как фракийцы, тавры или меоты) или мирно (как кочевые скифы или синды) к ним настроены. Это говорит о том, что греческая колонизация имела за своими плечами уже богатый опыт и применяла устоявшиеся модели, разработанные в метрополии. Одной из таких моделей был «скачок на материк» — основание из первоначального укрепленного пункта на острове или полуострове нового поселения на материке, которое часто становилось центром будущего полиса. Нередко, видимо, такой «скачок» мог быть осуществлен за счет принятия добавочных колонистов из метрополии или других полисов.

Из античных авторов и эпиграфики хорошо известно, что в основании новых апойкий нередко принимали участие не одни только жители метрополии (например, Милета), но и выходцы из других городов, порой отличавшиеся даже по языку (к примеру, родосцы или лесбосцы). В имущественном и социальном отношении состав переселенцев также не представлял собой единства: в него входили как представители городских низов — обезземеленные крестьяне, лишенные доли наследства младшие братья, так и члены аристократических семей, зажиточные торговцы. Во главе любой колонизационной экспедиции стоял ойкист, получавший для основания новой апойкии благоприятный оракул в одном из знаменитых эллинских прорицалищ.

Греки, утвердившиеся в VII—VI вв. на берегах Понта Евксинского, сталкивались с различной этнополитической ситуацией. Города Западного Понта находились в окружении оседлых фракийских племен, воинственность и суровые нравы которых неоднократно отмечались древними авторами. Напротив, в обширных степях Северного Причерноморья к моменту появления здесь первых эллинских апойкий оседлое стабильное население отсутствовало. С кочевавшими тут парскими скифами, к тому же лишь недавно возвратившимися из переднеазиатских походов и выдержавшими вслед за тем напряженную борьбу с местными племенами (см. выше), грекам удалось наладить мирные обоюдовыгодные взаимоотношения. Земли для их поселения и занятий земледелием были уступлены вождями номадов или по договору, или за умеренную арендную плату (ср.: Страбон, VII, 4, 6).

Основной целью милетских колонистов на первых двух этапах причерноморской колонизации было, как сказано выше, получение тех видов продовольствия и сырья, в которых так остро нуждалась их метрополия, только что выдержавшая сначала опустошительные набеги киммерийцев и скифов (первая половина VII в.), а затем изнурительные войны с Лидийским царством (конец VII в.). Эти продукты, в первую очередь хлеб, метрополия получала путем торгового обмена с земледельческими племенами Лесостепи. Однако примерно с середины VI в. греческие города начинают массовое освоение собственной сельскохозяйственной территории — хоры. Если прежде небольшая земледельческая округа служила им для собственного прокормления, то теперь ее заметное расширение свидетельствует о переходе к товарному зерновому хозяйству. Широкой сетью аграрных поселков покрываются пространства в округе Истрии, центров Поднестровья, особенно интенсивно в Нижнем Побужье, сначала вокруг Березани, а потом и Ольвии, а также на Боспоре, в окрестностях Пантикапея.

Резкий подъем сельского хозяйства не исключал, естественно, роста производства ремесленной продукции и, конечно же, торговли продуктами обеих этих отраслей экономики как со Средиземноморьем, так и с варварскими территориями. Собственное ремесленное производство, рассчитанное как на внутренний, так и на внешний рынок, также нуждалось в расширении местной сырьевой базы. Поэтому, например, ольвиополиты уже в первой половине VI в. осваивают в лесистой области Гилее новый, несколько удаленный от города Ягорлыкский производственный район (совр. Олешковские пески на Кинбурнском полуострове), богатый необходимыми для черной и цветной металлургии, а также стеклоделия сырьевыми ресурсами — магнетитовыми песками и природной содой, а главное — максимально приближенный к значительным запасам древесного топлива.

С этого момента греческие апойкии превращаются в территориальные единства — полисы. Одновременно происходит и сложение единства внутриполитического: окончательно оформляются гражданская община, государственные и религиозные институты, вырабатывается законодательство и т. д. Следует сказать, что вопреки долго бытовавшей так называемой трехстадиальной, или эмпорияльной, теории, согласно которой освоение греками берегов Понта протекало в три этапа: от спорадических наездов к созданию временных факторий — эмпориев, лишенных политического статуса, и наконец к основанию полисов, большее признание получает теперь точка зрения, согласно которой греческие апойкии выводились из метрополии как уже сформировавшийся политический и социальный организм — зародыш будущего полиса. Первый период их существования характеризуется безусловным диктатом ойкиста, перерождавшимся местами (например, в Гермонассе) в единоличное правление.

В уже сложившемся затем полисе привилегированное положение по праву первых поселенцев занимала группа граждан, владевшая лучшими участками земли как в городе, так и в хоре, обладавшая преимущественными социально-юридическими правами и создававшая, таким образом, верхний слой полисной аристократии, что повсеместно порождало олигархический тип государственного правления. В основанных на новых землях апойкиях практически неограниченный запас природных ресурсов, прежде всего годной для обработки земли, вел к ускоренному по сравнению с метрополией развитию экономики, а это, в свою очередь, вместе с отсутствием свойственных «старым» полисам социальных преград приводило и к ускорению процесса социальной стратификации. Позднеархаические эпиграфические памятники Ольвийского полиса дают нам представление о весьма развитой во второй половине VI в. градации социальных и имущественных статусов: зажиточные и обедневшие граждане, состоятельные варвары-ксены, неполноправные наемные работники и, наконец, рабы, использовавшиеся в различных отраслях хозяйства.

В конце VI в. произошло событие, коренным образом изменившее расстановку сил и политическую ситуацию в Западном и Северном Причерноморье. В предпоследнем десятилетии VI в. (датировки колеблются от 519 до 512 г.) огромное войско владыки Персидской державы Дария I Гистаспа, перейдя Босфор по наведенному мосту, вторглось на территорию фракийских племен. Пройдя ускоренным маршем через Фракию и подчинив при этом ряд местных племен, из которых лишь геты оказали персам упорное сопротивление, царь подошел к Истру и по понтонному мосту, построенному греком Мандроком, переправился на левый берег Дуная. Так начался скифский поход Дария, подробным изложением которого мы обязаны Геродоту (IV, 83—142). Среди историков нет до сих пор единого мнения относительно масштабов похода персов. Согласно Страбону (VII, 3, 14), их войско дошло до Гетской пустыни (совр. Буд-

жакская степь) и вынуждено было повернуть назад, едва не погибнув от нехватки воды и продовольствия.

Если же верить Геродоту, то войско Дария, пройдя через северочерноморские степи, за 30 дней достигло побережья Меотиды (Азовское море). Царские скифы собрали для отражения персидской агрессии внушительное союзное войско, во главе которого стал Иданфирс вместе с двумя другими царями трехчленного Скифского царства — Скопасисом и Токсакисом; к союзу примкнули также гелоны, будины и савроматы. Военачальники скифов применили тот прием, который впоследствии вошел в историю военного искусства под названием «скифской тактики»: не вступая в открытое сражение с врагом, они отступали, уничтожая на своем пути корм для скота, засыпая колодцы и постоянно тревожа противника своими нападениями. В подобной безвыходной ситуации Дарий, осознав провал своей широкозадуманной операции, вынужден был повернуть вспять и, по словам Геродота, бросив часть войска, еле успел увести по частично разобранному мосту остатки своих полчищ от преследовавших их по пятам скифов.

Безуспешный скифский поход Дария имел серьезные исторические последствия. В то время как часть Южной Фракии оказалась под властью персов, скифы не только сумели отстоять свою независимость, но и консолидировались в мощное политическое объединение, представлявшее собой, по всей видимости, раннеклассовое кочевническое царство с достаточно развитой иерархической структурой управления. Во главе этого государственного образования стоял единоличный владыка — царь. Он опирался прежде всего на войско, из среды которого выделялись предводители-старейшины. Царям обязаны были прислуживать в качестве виночерпиев, кравчих, конюших, слуг, вестников и т. п. юноши из знатных скифских родов. Существовало и определенное административное деление на округа, управлявшиеся номархами.

Видное положение в царстве занимало жречество, особенно гадатели по ивовым прутьям. Геродот перечисляет пантеон скифских божеств, для которого характерно, как и для древнеиранского общества, трехчастное иерархическое деление. Верховным божеством почитался Гестия — Табити, вторую ступень занимали Зевс — Папай и его супруга Гея — Али, ниже их стояли Аполлон — Тагимасад, Афродита — Аргимпаса, Геракл, Посейдон и Арес, которому приносили в жертву пленных на специально устроенных жертвенниках из хвороста с воткнутым наверху мечом — символом бога.

Еще со своей прародины скифы принесли оригинальную форму изобразительного искусства — так называемый звериный стиль, обогащенный во время переднеазиатских походов восточными мотивами. Для звериного стиля были характерны изображения свернувшихся или причудливо переплетающихся животных, преимущественно хищных, с гипертрофированно подчеркнутыми органами нападения: когтями, клювами, оскаленной пастью и т. п. Нередки и сцены терзания хищником травоядных или птиц. Позже, в IV в. до н. э., появляются антропоморфные и фантастические сюжеты, например изображение змееногой богини, а также символические мифологические изображения, к примеру сцены инвеституры царя с ритонном перед сидящим верховным женским божеством.

Консолидировавшееся в ходе борьбы с персидской агрессией Скифское царство само переходит в конце VI в. к экспансии в сопредельные земли. Едва ли не первым объектом их завоевания или вторичного замирения стали лесостепные земледельческие племена. Затем царские скифы поворачивают на юго-запад, направляя свой удар на фракийцев. Геродот (VI, 40) упоминает об их походе в 496 г. через всю Фракию вплоть до Херсонеса Фракийского. Борьба скифов и фракийцев протекала с пере-

менным успехом и завершилась в 80-е годы V в. мирным договором, скрепленным династическим браком скифского царя Ариапифа с дочерью фракийского правителя Тереса; по соглашению граница между территориями тех и других стала проходить по Дунаю. Во фрако-скифский военный конфликт так или иначе оказались втянуты полисы Западного Причерноморья: в Истрии в конце VI в. зафиксированы следы пожарищ. Из Геродота (IV, 78) нам известно также о женитьбе того же Ариапифа на истриянке.

Но одним из самых главных последствий фрако-скифской конфронтации явилось сложение единого Фракийского царства во главе с племенем одрисов в начале V в. Первым, по всей вероятности, правителем этого мощного политического образования, включившего в себя целый ряд фракийских племен, стал царь Терес. Фракийское царство представляло собой, скорее всего, государственное образование, находившееся на ранней стадии сложения классов, с достаточно развитой системой управления, основу которого составлял институт соправителей, так называемых парадинастов. Они осуществляли царский контроль над отдельными областями страны, пользовались достаточно широкой автономией в своих действиях и имели право чеканить монету со своим именем. Им, в свою очередь, подчинялись их соправители с более узкими прерогативами власти. Те и другие происходили из царского рода.

По свидетельству Фукидида (II, 97), одрисы подчинили большинство фракийских племен, а также установили протекторат над греческими полисами фракийского побережья, включая и города Левого (Западного) Понта. Те и другие, по крайней мере начиная с царя Ситалка, а может быть, еще его отца Тереса, обязаны были платить одрисским правителям дань, достигшую при преемнике Ситалка Севте I огромной суммы — 400 талантов ежегодно; на такую же сумму они получали даров в виде изделий из драгоценных металлов, а сверх того — подношения из дорогих и простых тканей и т. п. Эта подать распределялась между царем и парадинастами. Социальную основу Фракийского царства составляла община, находившаяся в V в., по-видимому, на последней стадии развития общины большесемейной (земледельческой).

В религии фракийцев большую роль играли культ Диониса, культ владычицы зверей Бендиды, а также мифического обожествленного героя Залмоксиса. Изобразительное искусство фракийцев, известное нам преимущественно по памятникам торевтики, представляло собой оригинальный вариант звериного стиля, развившегося, видимо, на местной почве, но не лишеного в период становления влияния скифского искусства. Ему также присуще воспроизведение свернувшихся хищников, но в своеобразной, отличающейся стилистическими деталями трактовке; особенно интересны частые стилизованные изображения коней. Начиная с IV в., как и у скифов, во фракийской торевтике появляются антропоморфные сюжеты, трактованные весьма своеобразно. Очень близко к фракийскому стояло искусство гетов, развившееся рядом деталей и некоторой оригинальностью стиля.

До тех пор пока основные усилия скифов были нацелены на борьбу с фракийцами, их взаимоотношения с полисами Северного Причерноморья сводились к мелким стычкам и нерегулярным набегам на греческие города и их хору, следствием чего явилось спешное стеностроительство вокруг таких эллинских апоекий, как Никоний, Ольвия, Тиритака, Мирмекий, Фанагория. Ряд полисов Европейского Боспора — Пантикапей, Тиритака, Мирмекий и Порфмий — срочно ограждают себя от опустошительных набегов кочевников мощными укреплениями Тиритакского вала. Успешное отражение первого натиска скифов вызвало к жизни в двух разных регионах Северного Причерноморья одинаковый тип государственного устройства. Правильная организация обороны, стенострои-

тельство, создание и вооружение гражданского ополчения способствовали появлению ольвийской тирании в лице аристократа по имени Павсаний, занимавшего один год должность верховного магистрата полиса — эсимнета, который имел значительную поддержку среди аристократического религиозно-политического союза мольпов. Те же, видимо, мероприятия, проведенные на Боспоре, позволили некоему удачливому полководцу из знатного рода Археанактидов, ставшему во главе союзного войска боспорских полисов, захватить в 480 г. тираническую власть в своем родном полисе — Пантикапее, который с тех пор становится лидером боспорской симмахии и одновременно религиозной амфикитии, созданной вокруг храма Аполлона, построенного на пантикапейском акрополе. Союз боспорских полисов чеканит даже свою монету.

Однако, после того как фрако-скифский мирный договор около 480 г. до н. э. окончательно развязал руки царским скифам, их нажим на эллинов стал массированным. Кочевники, не имевшие ни торгового флота, ни портов, ни навыков в морском деле, с одной стороны, стремились обеспечить сбыт за морем посредством греческих купцов сельскохозяйственной продукции, полученной путем внеэкономического принуждения у земледельцев Лесостепи, а с другой — организовывали внеэкономическую эксплуатацию самих полисов. Отныне исторические пути греческих апойки Северо-Западного и Северо-Восточного регионов Причерноморья резко разошлись. Автаркичные, разобщенные, далеко отстоящие друг от друга полисы первого региона — Никоний и Ольвия, а также Керкинитида в Северо-Западном Крыму, будучи не в силах сопротивляться нажиму со стороны кочевников, были вынуждены им подчиниться, отдав себя под «протекторат» Скифского царства. Тесно скученные по берегам Боспора Киммерийского греческие города, которые с исторической неизбежностью должны были рано или поздно вступить в конфликт друг с другом из-за ограниченности земледельческой территории, сумели сплотиться в единый оборонительный союз и отстоять свою независимость. С этого момента здесь постепенно начинает складываться надполисная территориальная тираническая держава под властью династии Археанактидов, правившей на Боспоре в течение 42 лет.

Скифский протекторат над северо-западнопонтийскими полисами установился не позднее времени правления царя Арианифа (первая треть V в.) и продолжал практиковаться его сыновьями Скилом и затем Октамасадом, низложившим и убившим своего брата. Он осуществлялся скифскими владыками либо непосредственно, либо через их ставленников греческого и варварского происхождения. Об этом свидетельствуют монеты, отливавшиеся и чеканившиеся в Никонии и Ольвии, а также новелла Геродота (IV, 78—80) о пребывании Скила в Ольвии. Протекторат касался лишь экономической и не затрагивал политическую жизнь полисов. Конкретно это выразилось в резком сокращении хоры этих греческих государств и переводе их экономики на рельсы внешней транзитной торговли, во взимании дани и «кормлении» войска. В то же время функционируют народное собрание, издающее постановления, городские magistratury и разнообразные религиозные и политические объединения граждан. Подобный характер имел и фракийский протекторат над полисами Левого Понта, платившими регулярную дань одрисам. Однако здесь в силу иной внешнеполитической ситуации дело не дошло до установления тирании — такие ионийские полисы, как Аполлония и Истрия, управлялись олигархически.

В 437 г. хорошо снаряженная афинская эскадра под командованием Перикла вошла в Понт Евксинский. Как сообщает в его биографии Плутарх (XX), Перикл стремился удовлетворить просьбы тамошних эллинов и продемонстрировать мощь и силу афинян окрестным варварским царям и династам. Реальной же причиной было стремление включить припонт-

тийские полисы в состав Афинского морского союза, установить угодные афинянам политические режимы и, главное, создать прочную базу снабжения Афин хлебом, учитывая надвигающуюся войну со Спартой. Так, в южнопонтийском полисе Синопе при поддержке афинского флота и солдат местные демократы изгнали тирана Тимесилея, который вместе с семьей и сторонниками переселился в родственную ему по духу Ольвию.

Пересекши Понт кратчайшим путем, Перикл приплыл к берегам Боспора. Следствием его визита сюда было включение в состав членов Афинского союза Нимфея, не входившего, видимо, в боспорскую симмахию, но находившегося также, по всей видимости, под скифским протекторатом. Отныне Нимфей стал платить Афинам форос размером в 1 талант. Двинувшись далее вдоль берегов Северного Причерноморья на запад, флот Перикла достиг Ольвии. В итоге политических переговоров со скифскими правителями, вероятно ослабленными тогда внутренними распрями, Периклу удалось, возможно, смягчить усилившееся вмешательство варваров во внутреннюю жизнь этого полиса, выработать для него право самому решать вопросы своего государственного устройства и включить его в число афинских союзников. В результате из Ольвии был удален скифский наместник и в городе возрождается тирания. Аналогичные акции были, видимо, предприняты Периклом и в отношении других полисов Северо-Западного и Западного Причерноморья. В Истрии и Аполлонии власть олигархов сменилась демократическим образом правления; последняя в 425 г. фигурирует в списках фороса, в ее календаре появляется даже афинский месяц мунихион. Деятельность Перикла и последующих афинских политиков и стратегов, таким образом, еще теснее сплотила понтийские полисы и обеспечила Афинам и их союзникам надежную и обширную базу снабжения хлебом.

Союзниками Афин становятся не только греческие полисы, но и Фракийская держава, царь которой Ситалк в 429 г. совершает тщательно подготовленный и широко задуманный поход против Македонии. Этим походом одрисский правитель не просто выступил на стороне афинян, но и преследовал собственные цели: ослабить возвысившегося соседа и посадить на македонский престол вместо царя Пердикки угодного фракийцам Аминту. Однако это грандиозное предприятие закончилось ничем, а вскоре, в 421 г., сам Ситалк погибает в сражении с трибаллами.

Однако политика Афинской архэ по отношению к союзникам не всегда приносила одинаковые плоды. В 422—421 гг. вспыхнуло восстание на отложившемся от Афин Делосе, которое было подавлено. Часть выселенных с острова делосцев вместе с гораздо большим контингентом жителей южнопонтийского дорийского полиса Гераклея (также непокорного союзника афинян, хора которого незадолго до этого подверглась разорению в результате карательной экспедиции стратега Ламаха) основывают в Юго-Западном Крыму на месте более раннего небольшого поселения Херсонес, расположенный на окраине современного Севастополя. Основание Херсонеса одновременно позволяло создать выгодный в географическом смысле опорный пункт в северной точке кратчайшего пути через Черное море и последующим освоением собственной земледельческой территории обеспечить надежную базу снабжения метрополии основными продуктами питания, прежде всего зерном.

Основание Херсонеса произошло при иных этнополитических условиях и по иной, чем у ионийских полисов, модели. Апойкия была выведена на земли, которые занимало племя тавров—автохтонного населения предгорий и горных областей Крыма. Тавры занимались земледелием и отгонным скотоводством, но, по единодушному высказыванию многих античных источников, отличались жестокостью, дикостью нравов, промышленным разбоем и морским пиратством. Естественно, гераклейские колонисты не могли не встретить здесь сопротивления с их стороны и вынуж-

дены были отвоевывать жизненное пространство вооруженным путем. Как показали археологические исследования, достаточно многочисленные таврские поселения, расположенные на Гераклейском полуострове (территории последнего освоения херсонеситов), с приходом сюда греков прекращают свое существование. Это была типично дорийская колонизационная модель, сопровождавшаяся насильственным подчинением окрестного населения.

Во время посещения Периклом Понта коренные перемены происходят и на Боспоре. По свидетельству Диодора (XX, 31, I), в 438/7 г. на смену правящему роду Археанактидов приходит новая династия, основатель которой Спарток был, по всей видимости, фракийского происхождения. Захват им власти был осуществлен, скорее всего, насильственным путем, обстоятельства которого нам неизвестны. Однако в суть власти и характер правления Спарток едва ли внес какие-либо изменения: его государство продолжало оставаться тиранической территориальной державой с той лишь разницей, что теперь надобно было даже в видимом существовании симмахии боспорских полисов отпала. Власть тиранов Боспора, подготовленная деятельностью Археанактидов, настолько окрепла, что они решаются прекратить амфикионную чеканку и боспорский внутренний рынок начинает обслуживаться почти исключительно пантикапейской серебряной монетой. Определенные автономные права, судя по ее последующей собственной чеканке, сохранила Фанагория. Кроме того, серебро чеканят Феодосия и Нимфей, не входившие прежде в боспорскую симмахию.

Подчинение этих двух городов и стало первоочередной задачей новой династии Спартокидов, имена первых представителей которой известны нам из сочинений античных авторов: это Спарток I (438—433 гг.) и Селевк, бывший некоторое время соправителем Сатира I (433—389 гг.). Незадолго до поражения афинян в Пелопоннесской войне Гилон, дед оратора Демосфена, сдает Боспору при неизвестных нам подробностях обстоятельствах афинское владение Нимфеей. Сатир ведет изнурительную войну за овладение Феодосией, в которой укрывались боспорские изгнанники — противники нового режима. Феодосии оказывала существенную военную помощь Гераклея, которая вполне оправданно усматривала в боспорской экспансии на запад угрозу независимому существованию своего молодого дочернего полиса Херсонеса. Сатир скончался во время долгой осады Феодосии, и дело довершил уже его сын Левкон.

Экономика понтийских полисов была многоотраслевой. Как и в VI в., основную роль играло (за исключением периода скифского экономического диктата в Ольвии и полисах Поднестровья) сельское хозяйство, прежде всего земледелие — выращивание злаковых и бобовых культур, а также разведение крупного и мелкого рогатого скота. Определенное место занимало и рыболовство, прежде всего добыча ценных осетровых пород рыб, которыми особенно славился Боспор Киммерийский. Средство для засолки рыбы обеспечивал соляной промысел. Немалую роль играли и местные ремесла: производство керамики, черная и цветная металлургия, ювелирное дело, деревообделочное и косторезное производства, изготовление стеклянных бус, ткачество и т. д. Большое значение имела внутренняя и особенно внешняя торговля как с местным населением, так и с центрами Средиземноморья и Причерноморья; те и другие поставляли грекам и через их посредство племенам недостающие продукты, сырье и изделия: вино и оливковое масло, минеральные красители, например красную охру — синопиду, расписные и простые вазы, украшения из слоновой кости и драгоценных металлов, роскошные ткани и т. д. Взамен понтийские греки экспортировали в Средиземноморье зерно, лес, скот, рыбу, а потом и рабов.

В культурном отношении причерноморские эллины прочно хранили первые два—два с половиной столетия своего существования традиции, обычаи, религиозные верования, принесенные из метрополии. Однако дело не ограничивалось первоначальным культурным импульсом, можно говорить и о восприятии культурных новшеств, возникавших в последующее за эпохой колонизации время в балканских и малоазийских центрах, что обуславливалось интенсивностью коммуникаций и высоким уровнем коммуникабельности. Милетские колонии долгое время по языку, письменности и антропонимии оставались в основной массе чисто ионийскими.

Они сохраняли и почитали пантеон божеств своей метрополии. Широко отправлялись культы Аполлона, Зевса, Афины, Диониса, Афродиты, Деметры и Персефоны, Гермеса, других хтонических божеств и т. д. В Ольвии в V в. засвидетельствовано религиозное объединение орфиков. Наряду с этим прослеживаются и многие элементы своеобразия. Так, в Аполлонии, Томах, Истрии, Ольвии, Пантикапее главным или одним из наиболее почитаемых богов был Аполлон с эпитетом Иетрос (Врач), имевший широкие функции бога-спасителя и назначенный, по-видимому, дидимейским оракулом в качестве божества-покровителя специально милетских колоний на Понте, за пределами которого его культ не засвидетельствован. Гораздо большее, чем в Греции, распространение получил, особенно в Северо-Западном Причерноморье, культ Ахилла, который почитался владыкой священного острова Левки (совр. Змеиный).

Преимущественно ионийский отпечаток прослеживается и в материальной культуре, что нашло яркое отражение в архитектуре, большой и мелкой пластике, торевтике и т. д. Однако тесные контакты с окружающей варварской средой и адаптация в новых условиях жизни внесли некоторые элементы своеобразия. С одной стороны, приспособление к вкусам варварского заказчика заставляло, например, греческих ремесленников изготавливать бронзовые и золотые украшения в зверином стиле. С другой стороны, прослеживаются и элементы обратного заимствования. Так, образцом для жилищ первых колонистов — полуземлянок и землянок — послужили, бесспорно, аналогичные сооружения жителей Лесостепи, наиболее экономичные на первых порах и наиболее приспособленные к довольно суровым климатическим условиям.

Скифская и фракийская идея суррогата монеты в виде наконецников боевых стрел послужила прообразом единственной в своем роде литой разменной монеты, выпускавшейся в VI в. полисами Западного и Северного Понта, — так называемой монеты-стрелы. Уникальными в эллинском мире стали также оригинальные денежные знаки — так называемые ассы, отливавшиеся по ольвийскому образцу в Никонии и Истрии. Последний пример наряду с таким строительным приемом, как устройство слоевых фундаментов, также перенятым Истрией у Ольвии, — свидетельство культурного единства понтийских колоний Милета. Таким образом, культурный симбиоз эллинов и варваров взаимно обогащал цивилизацию тех и других.

Важной вехой в истории Причерноморья стал рубеж V—IV вв. Это время, когда Одрисское царство вступает в затяжную полосу политической кризиса и династической борьбы, первые симптомы которых дали о себе знать уже в конце V в. Так, после гибели Ситалка в 424 г. власть узурпирует его племянник Севт I, устранивший законного наследника Садока, сына Ситалка. В конце V в. власть переходит к представителю побочной линии одрисского царского дома Медоку (или Амадоку I). Во время правления двух последних парей частью Фракии в качестве парадинаста управляет представитель третьей ветви Одрисов — Майсад, сын которого Севт II, воспитывавшийся при дворе Медока, спустя некоторое время от него отложился. Политико-династический кризис, вызванный, по всей вероятности, усилением института парадинастов и связан-

ными с ним сепаратистскими центробежными тенденциями, привел если не к формальному, то к фактическому распаду Фракийского царства. Одной частью государства в первой половине IV в. правят наследники Медока: Амадок II, Терес II и Терес III, другой — преемники Майсада: его сын Севт II, некий Гебридзельм, сын Севта II, Котис I и внук первого Керсobleпт. Племенные вожди и парадинасты сооружают себе в это время в разных областях страны многочисленные укрепленные резиденции-виллы.

Не более благополучной была внутривнутриполитическая ситуация в ту же эпоху и в царстве скифов-номадов. После братоубийцы Октамасада, правившего в третьей четверти V в., имена скифских владык надолго исчезают из античных литературных, эпиграфических и нумизматических источников. Об отсутствии единства скифов этого времени прямо заявляет Фукидид (II, 97, 6). Очевидно, в Скифском царстве происходили примерно те же процессы, что и во Фракийском, а именно: усиление наместников и представителей побочных линий правящего рода приводило к династийной борьбе в ущерб централизации власти и консолидации Скифии. При этом в экономическом укладе и социальной сфере пробируют себе дорогу и новые тенденции, в частности наблюдается постепенный переход к оседлости номадов. Так, в начале IV в. на Днепре возникает огромное Каменское городище — ремесленный и, вероятно, земельный центр степной Скифии, выполнявший одновременно функции убежища.

Последствия децентрализации Скифского царства не заставили себя ждать: как уже говорилось, в 30-е годы V в. под влиянием политики Перикла Ольвия, оставаясь в рамках скифского протектората, освобождается от власти варварских наместников и вновь обретает тираническое правление. В начале же IV в. происходят и вовсе коренные изменения в жизни этого полиса: судя по одной ольвийской надписи, вырезанной на базе статуи тираноубийцы, в полисе была свергнута тирания и установлен демократический государственный строй. Одновременно ольвиополитам удается стряхнуть с себя и бремя скифского протектората. По общим важным поводам в городе торжественно учреждается культ Зевса Освободителя. Эти коренные изменения не могли не сказаться на экономике и внешнем облике города: Ольвия возрождает свою сельскохозяйственную территорию в масштабах не меньших, чем прежние. Одновременно наблюдается расцвет ремесел и внешней торговли, происходит укрепление оборонительных сооружений и дальнейшее благоустройство города в области общественного и частного строительства.

Те же перемены во внешнеполитической ситуации привели и к возрождению хоры поднепровских полисов Тиры и Никония. Одновременно, как показывают нумизматические материалы, здесь проявляют свою активность истрийцы, которые даже выводят в этот район свой дочерний выселок — Гавань Истриан. Освободившиеся от скифского протектората ольвиополиты, стремясь расширить свою сельскохозяйственную базу, постепенно распространяют зону своих территориальных владений через исконно принадлежавшую им область Гилею далее на восток и осваивают путем создания ряда земельных поселений западную оконечность Крыма — Тарханкутский полуостров.

По своему государственному устройству Ольвийский полис представлял собой демократическую республику, по всей видимости, умеренного толка. Ольвиополиты издают от своего имени проксенические декреты, составлявшиеся с начала IV в. по особому формульному типу. Свой этнокон они впервые начинают помещать на серебряных и бронзовых монетах. Достаточно многочисленные проксении, изданные в честь граждан как причерноморских, так и средиземноморских городов, наряду с богатыми археологическими материалами свидетельствуют о широком

диапазоне ольвийской внешней торговли. Ее размах потребовал определенной юридической регламентации: изданный в третьей четверти IV в. закон Каноба о деньгах, выставленный на своего рода таможенной станции в Босфорском проливе, неукоснительно предписывает обмен любой ввозимой в Ольвию монеты на серебро и медь ольвиополитов. В то же самое время значительную роль (не исключено, что и политическую) начинают играть аристократические семьи, почитающие своих гентильных божеств-покровителей. Они не только ставят им дорогостоящие статуи и совершают другие votивные приношения, но и воздвигают общественные сооружения, к примеру башни. Подобное же возвышение аристократических фамилий синхронно прослеживается и в Истрии.

Около середины IV в. окрепший Херсонесский полис, также остро нуждавшийся в собственной земледельческой базе, сам переходит к территориальной экспансии, протекавшей в несколько этапов. Находясь в постоянном враждебном окружении воинственных тавров, он поначалу закрепляется на крайней оконечности Гераклеяского — Маячного полуострове, перегородив его перешеек двойной линией стен с башнями и создав в пространстве между ними военно-земледельческое поселение. Вся остальная свободная территория Маячного полуострова размежевывается на небольшие по площади наделы, ограниченные друг от друга каменными оградами. Внутри наделов сооружаются неукрепленные усадьбы, принадлежавшие полноправным херсонесским гражданам.

Однако такой небольшой аграрной площадью, требовавшей к тому же значительных затрат труда, херсонеситам явно не хватало, почему они и обращают свои взоры в сторону обширных плодородных земель Северо-Западного Крыма. Здесь первой на пути их экспансии стала ионийская колония Керкинитиды, которую они около середины IV в. присоединяют, как показывают новейшие раскопки, мирным способом, вероятно, на правах включения равноправным полисом в состав Херсонесского государства. Продвигаясь дальше на запад, они столкнулись, однако, с земельными владениями ольвиополитов, оказавшихся не столь уступчивыми. В итоге вспыхнул военный конфликт: как показывают раскопки нескольких сельскохозяйственных усадеб, взятие их херсонеситами сопровождалось разрушениями, пожарами и последовавшей затем перестройкой, по уже по херсонесскому образцу. Результатом такой насильственной экспансии явилось резкое ухудшение прежде дружественных отношений между Ольвией и Херсонесом, продолжавшееся более столетия.

Во второй половине IV в. начинается интенсивное освоение Северо-Западного Крыма Херсонесом. Тарханкутский полуостров покрывается огромным количеством больших по площади, чем на Маячном, наделов. По всей береговой линии от современной Евпатории до побережья Каркинитского залива возводятся усадьбы самых разных типов: от небольших неукрепленных vill до мощных, защищенных башнями крепостей и целых комплексов коллективных усадеб, представлявших собой военно-земледельческие поселения типа катойкий или клерухий. Наконец, в удобной бухте основывается город Калос Лимен — Прекрасная Гавань, на месте современного Черноморска.

Последним актом херсонесской территориальной экспансии было освоение непосредственно прилегавшего к городу Гераклеяского полуострова. Для этого, прежде всего, было согнано с насиженных мест автохтонное таврское население, а сам полуостров был размежеван на большое число клеров, равных по площади тарханкутским, каждый из которых имел усадьбу, по большей части укрепленную башней. С этого момента таврские поселения выстраиваются в цепочку по кромке ближней хоры Херсонеса, что предполагает принудительную эксплуатацию херсонеситами тавров как зависимого населения по типу илоти. Это была отработанная модель дорийской колонизации, хорошо известная,

например, по метрополии Херсонеса Гераклея, подобным же образом подчинившей и эксплуатировавшей окрестное племя мариандинов.

Вся эта грандиозная программа освоения земель была санкционирована, продумана и реализована Херсонесским государством. В результате у полиса создался огромный фонд пригодных для обработки земель, на которых выращивались зерновые, разводились сады и особенно интенсивно культивировался виноград. Виноделие достигло во второй половине IV в. внушительных товарных размеров и потребовало производства собственной керамической тары — амфор, которые с конца IV — начала III в. начинают снабжаться клеймами специальных чиновников — астиномов. Интенсивно процветали и другие ремесла. За столь резким взлетом экономики, причем в короткий срок, не мог не последовать процесс имущественной и социальной дифференциации общества, в результате чего сложилась развитая система правовых статусов. На вершине ее стоял, по всей видимости, привилегированный слой дорийской аристократии — потомков первых колонистов, который должен был играть в полисе руководящую роль. Поэтому есть основания полагать, что Херсонес представлял собой в эпоху поздней классики типичную для дорийских полисов аристократическую республику.

Одной из причин, вынудивших херсонеситов развивать свою экспансию на запад, были, вероятно, подобные устремления Боспорской державы в том же направлении. Как уже говорилось, борьба за овладение Феодосией, не примкнувшей к конфедерации боспорских полисов, была начата еще Сатиром I. После его кончины при осаде города за дело с удвоенной силой взялся его сын Левкон I (389—349 гг.). Судя по той энергичной поддержке, которую оказывали осажденным феодосийцам не только Гераклея, но и ее колония Херсонес, как то следует из чеканки феодосийских монет на херсонесском монетном дворе, оба полиса не только стремились воспрепятствовать возможному боспорскому проникновению далее на запад, но и сами имели, вероятно, какие-то территориальные притязания на Феодосию, ее удобную гавань и окружающую ее плодородную равнину. Тем не менее, несмотря на все усилия защищавшихся, город был взят Левконом, но включен в состав Боспора на особых условиях, с сохранением за ним определенной доли автономных прав. Это видно по собственной чеканке, которую Феодосия время от времени принимала впоследствии наряду с Пантикапеем, и из того красноречивого факта, что с этого момента она единственная из полисов прочно и надолго входит в титулатуру боспорских правителей.

Следующим объектом экспансии Спартокидов стала Синдика. Ее включение в состав Боспорского государства было продиктовано жизненной необходимостью и явилось непременным условием дальнейшего его развития. При повышенной плотности заселения греками берегов Боспора Киммерийского, сопровождавшейся неуклонным ростом численности населения, для нормальной жизнедеятельности было необходимо постоянное расширение фонда пригодных для обработки земель. На Керченском полуострове такое расширение стало весьма затруднительным как по причине худшего плодородия почвы, так и главным образом в силу упорного сопротивления кочевавших здесь скифов, энергично препятствовавших территориальному продвижению греков в западном направлении.

В то же время синды выгодно отличались от соседних меотских племен меньшей агрессивностью и более высоким уровнем эллинизации. Еще в конце V в. у них возникли зачаточные формы государственности: они, например, были единственным из варварских племен этого региона, предпринимавшим чеканку собственной серебряной монеты; их царь носил греческое имя Гекатей. Поэтому присоединение Синдикы произошло более спокойным, чем в ситуации с Феодосией, способом, вероятно, путем включения ее в состав Боспора на правах зависимого царства.

Поставленный над ней наместником Горгипп, член царского дома Спартокидов, долгое время пользовался большими полномочиями и достаточной свободой действий в управляемой им стране и даже окрестил своим именем ее центр, переименовав из Синдской Гавани в Горгиппию (совр. Анапа).

Наивысшего расцвета и могущества держава боспорских тиранов, включившая в себя ряд полисов и соседних племен, достигла при преемнике Левкона, его сыне Перисаде I (349—310 гг.), пять лет правившем совместно со своим братом Спартоком II. Во время Перисады завершается подчинение многих местных племен азиатской части Боспора: наряду с замиренными еще его отцом Левконом торетами, дандариями и пессаами в состав державы он включает также фатеев и досхов, а иногда именуется в надписях царем всех меотов. Во времена Перисады I Боспорское государство достигает максимальных размеров: его границы, по словам одной эпиграммы, простираются «между таврами и страной Кавказской» (КБН, 113).

Основу экономического могущества Спартокидов составляло прежде всего интенсивное развитие земледелия и базировавшаяся на нем экспортная торговля, главным образом боспорской пшеницей. Львиная ее доля поступала с земель, принадлежавших боспорским тиранам, которые они были вправе отдавать во владение, держание или даже дарить в полную собственность (например, Гелону, деду Демосфена, за передачу Нимфея были дарованы Кепы). В IV в. Боспор стал одной из основных житниц Эллады; наиболее интенсивные торговые сношения поддерживает он с Афинами, куда вообще поступала половина хлеба только с Понта. Афинянам, по свидетельству Демосфена (XX, 32), Левкон посылал ежегодно 400 тыс. медимнов (т. е. свыше миллиона пудов) зерна.

Пользуясь своим положением монопольных владельцев боспорских гаваней и получаемых от них доходов, Спартокиды имели единоличное право даровать частичную или полную привилегию беспошлинности (атегию) отдельным наиболее крупным оптовым торговцам и даже целым гражданским коллективам, например митиленянам или афинянам, что нашло свое отражение у авторов, а также в уникальных для греческого мира декретах, издававшихся не от имени полиса, а самих Спартокидов вместе с сыновьями или их соправителей со своими сыновьями. В перестроенном и значительно расширенном Феодосийском порту Левкон в придачу ко всем прежним привилегиям дарует афинянам атегию. Таким образом, Спартокиды единолично выступают в торговых операциях, например, с Афинами, которые взамен предоставленных им льгот даруют в 346 г. Перисаду и его братьям ряд почестей и наряду с этим привилегию первоочередной погрузки товаров и набора в их флот квалифицированных моряков-специалистов.

Кроме этого, боспорские правители обладали еще целым рядом монополий, например на эксплуатацию глинищ и производство черепицы, что нашло отражение в многочисленных керамических клеймах, оттиснутых на этом виде строительных материалов.

Для официального обозначения своей власти Спартокиды, подобно Дионисию Сиракузскому, избрали нейтральный титул «архонт» — «правитель», камуфлирующий подлинную тираническую сущность их власти. В начале своего правления Левкон титулует себя архонтом Боспора и Феодосии, причем под Боспором имеется в виду совокупность греческих полисов, входивших в состав державы Спартокидов. После присоединения Синдики и других меотских племен к этому титулу он добавляет «и царствующий над синдами, торетами, дандариями, пессаами» (КБН, 6). В официальной титулатуре Спартокидов как в зеркале нашла отражение их политика по отношению к различным составным частям их державы. Боспорские тираны не полностью подавили полисную автономию и

самоуправление: время от времени, естественно по воле тирана, собирается экклесия, функционируют, видимо, какие-то полисные магистратуры, в последнее время появились данные о существовании в IV—III вв. понятия не только общеполитического, но и гражданства отдельных полисов, таких, как Горгиппия, занимавшая наряду с Феодосией особое положение в державе. Поэтому вплоть до эпохи эллинизма Спартокиды выставляют себя по отношению к полисному эллинству как архонты, ассоциируя этот титул с главной полисной магистратурой (хотя и не производя его от нее). Царями же они выступают всегда (за одним показательным исключением — КБН, 6а) над подвластными им племенами.

Социальной опорой боспорских тиранов был институт «друзей», куда могли входить, кроме поддерживающих их аристократов, благожелательствованные ими или приближенные представители средних и даже низших слоев, кроме того, воины-наемники, а также варварская племенная знать, поставившая в нужный момент воинские контингенты. Таким образом, проводя политику лавирования между эллинами и варварами, между различными социальными группами, Спартокидам удалось создать мощное надполисное государственное образование типа сицилийских тиранических территориальных держав, но оказавшееся более стойким и жизнеспособным: их династия непрерывно правила над Боспором свыше 300 лет.

Возвращаясь к политической ситуации в Дунайско-Балканском регионе, следует сказать, что она коренным образом меняется около середины IV в. Южный сосед Фракии — Македония, постепенно набирая силу с конца V в., окончательно складывается в мощное единое государство при царе Филиппе II (359—336 гг.). За первые полтора десятка лет этому македонскому монарху удалось разгромить на севере Эгиды мощную Халкидскую лигу, до основания разрушив в 348 г. ее главный город Олинф, овладеть Амфиполием и прочно утвердиться в области Пангейских гор, богатых залежами золота, серебра и строевым лесом. В 333—346 гг. Филипп II совершает три похода в Южную Фракию. В 342 г., пользуясь раздробленностью фракийцев, он подчиняет себе уже внутренние районы Фракии, над которыми царствовали Терес III и Керсobleпт. Власть македонян распространилась до горного хребта Гем. В долине Гебра Филипп основывает город, названный по его имени Филиппополем (совр. Пловдив).

Вслед за этим под начало Македонии были вынуждены, по-видимому, отдаться и западнопонтийские полисы Аполлония и Месембрия. На территории между Нестом и Понтом Филипп создал так называемую Фракийскую стратегию, которая управлялась наместником, назначаемым царем, и платила огромную подать. Македонский монарх вторгается дальше на север в страну гетов, которые покорились ему без сопротивления и заключили с ним союз; однако город Одессос царю, по-видимому, взять не удалось.

Раздробленностью раздираемой междоусобицами Фракии не замедлили воспользоваться скифы. Сумев преодолеть собственный политический кризис, в затяжную полосу которого они попали начиная с конца V в., они вновь консолидировались во второй четверти IV в. в единое мощное царство под главенством царя Атея, власть которого простиралась над большинством племен Северного Причерноморья. Расцвет этого царства во второй и третьей четвертях IV в. ярко прослеживается по многочисленным курганным «царским» захоронениям, как никогда — ни прежде, ни потом, — полным богатыми роскошными украшениями, парадным оружием и утварью, изготовленными из золота, серебра и бронзы.

Окончательно окрепнув, царские скифы начинают вновь, как и в V в., экспансию на юг, захватив сначала Дунайскую дельту, а затем, перейдя Истр, распространяют свое владычество на всю Добруджу. Прибрежные

греческие полисы были вынуждены отдать себя под протекторат царя Атея, как то видно на примере Каллатиса, на монетном дворе которого он приказывает чеканить серебро по образцу тетрадрахм Филиппа с тем лишь различием, что на оборотной стороне место греческого всадника — победителя на Олимпийских играх — занимает бородатый конный стрелок — скиф. Атей совершал походы и в глубь страны; в одном из них он разбил воинственное племя трибаллов. Его власть временами распространялась и далее на юг: он угрожал Византию пойти на него войной, если тот будет вредить его доходам, т. е., очевидно, если не будет уплачивать ему дань.

В сложившейся ситуации притязания Македонского и Скифского царств должны были неизбежно прийти в столкновение. Поводом к военному конфликту послужили события войны Атея с некими истрианами, под которыми следует понимать, скорее всего, какое-то племя или союз племен, населявших земли вблизи устья Дуная. Теснимый этими истрианами, скифский царь, которому тогда было уже около 90 лет, обратился через жителей Аполлонии за помощью к Филиппу, обещав взамен завещать ему свое царство. Однако когда вследствие смерти царя истриан угроза поражения, нависшая над скифами, миновала, Атей отослал македонскую подмогу назад, приказав передать Филиппу, что он, как более сильный, не нуждается в помощи македонян, а кроме того, имея живого сына, не собирался сделать македонского царя своим наследником. Помимо этого, Атей отказался помочь деньгами и войском при осаде македонянами в 339 г. Византия и Перинфа, что вызвало гнев Филиппа.

Тогда Филипп летом того же года, сняв осаду с этих городов, со всем своим войском двинулся к Истру. В происшедшем между македонской и скифской армиями решительном сражении скифы были наголову разбиты, сам Атей погиб, а македоняне захватили огромную добычу: 2000 женщин и детей, столько же отборных лошадей и массу мелкого скота. Однако на обратном пути, проходя по внутренним областям Фракии, войско Филиппа было разбито грозными трибаллами. Македонский владыка, будучи тяжело ранен и потеряв в результате сражения всю захваченную у скифов добычу, вынужден был уйти из Фракии.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА. РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА. ПЛЕМЕННОЙ МИР

Глава 10

ГРЕЦИЯ И МАКЕДОНИЯ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

В истории античного мира период с конца IV в. до последних десятилетий I в. до н. э. (т. е. со времени греко-македонского завоевания стран Востока и до подчинения Египта Римом) принято называть эллинистическим, или периодом эллинизма. О содержании термина «эллинизм», введенного в научный оборот еще в 30-х годах XIX в. немецким историком И. Дройзеном, до сих пор не прекращаются дебаты: нет единства мнений ни о хронологических и географических границах эллинистического мира, ни об историческом значении этого периода.

Нередко эллинизм трактуется как чисто культурное явление и в рамках эллинистического мира включаются все области, где в античную эпоху обнаруживается взаимодействие эллинской и местной культур (М. Леви, А. Тойнби). При этом одни исследователи подчеркивают сам факт взаимодействия и как следствие его — синкретизм эллинистической культуры, другие видят в ней прежде всего дальнейшее развитие греческой культуры, «творческого духа» греков (Ю. Керст, Г. Бенитсон, Дж. Фергюсон).

Более широкое содержание вкладывается в термин «эллинизм», когда он идентифицируется с понятием «эллинистическая цивилизация»: в этом случае, помимо общности в культурном развитии, исследователи прослеживают в рамках определенного региона (преимущественно в Восточном Средиземноморье) ряд характерных для этой эпохи форм политической организации и социально-экономических отношений (В. Тарн, М. Кери, Ф. Уолбенк и др.). В этом плане большое влияние на разработку истории эллинизма оказала концепция М. И. Ростовцева, согласно которой эллинистический мир, включающий Восточное Средиземноморье и Северное Причерноморье, следует рассматривать как единую политическую и социально-экономическую систему, для которой характерны прочные внутренние экономические связи и политическое равновесие между входящими в нее государствами. Основой этой системы, по мнению Ростовцева, служили полисы и «класс буржуа», обеспечивавшие преобладание греческого городского (по Ростовцеву — буржуазного) строя над восточным феодальным и распространение эллинистической культуры. Возникнув в результате завоевания Востока, открывшего новые рамки и широкое поле деятельности в первую очередь для греков, эллинистический мир достиг процветания, но сравнительно кратковременного, сменившегося упадком вследствие нарушения политического равновесия и усиления «восточной реакции». Концепция Ростовцева, придавшая понятию «эллинизм» социально-политический акцент и модернизированную окраску (вследствие сближения экономики эллинистического мира с капиталистической), в той или иной мере нашла отклик во многих последующих работах по истории эллинистической эпохи (П. Клоше, П. Пти, А. Момиляно и др.).

Полемизируя с модернизаторскими тенденциями в историографии, советские историки (С. И. Ковалев, В. С. Сергеев, А. Б. Ранович, К. К. Зельин, К. М. Колобова и др.) предложили принципиально иную трактовку эллинизма, исходя из специфики античного мира. Отмечая, что

для периода эллинизма характерны развитие разделения труда, рост ремесленного производства, рассчитанного на вывоз, интенсивное развитие торговли и денежных отношений, появление новых торгово-ремесленных центров и некоторое экономическое нивелирование, они подчеркивают, что все эти процессы имели место внутри рабовладельческого в своей основе общества. Наиболее развернутые характеристики эллинистической эпохи были даны в работах А. Б. Рановича и К. К. Зельина. А. Б. Ранович считал эллинизм закономерным этапом в истории античного рабовладельческого общества, которое, достигнув предела своего возможного развития в рамках греческих полисов, в эпоху эллинизма в рамках созданного путем завоеваний более обширного экономического единства получило возможность воспроизвести процесс развития на более высокой ступени. Но эллинизм не разрешил социально-экономических противоречий, свойственных рабовладельческому обществу, и не создал достаточных условий для перехода к более прогрессивной общественно-экономической формации, а потому пришел к кризису, разрешившемуся римским завоеванием и повторением процесса на более высокой ступени.

Возражая против социологического аспекта в трактовке А. Б. Рановичем понятия «эллинизм», К. К. Зельин подчеркивал, что в эллинистический период страны Восточного Средиземноморья переживали разные стадии развития рабовладельческих отношений: в наиболее развитых греческих государствах имел место кризис полисного устройства в условиях дальнейшего развития классических форм рабовладельческих отношений, в Македонии и полисах Северо-Западной Греции — рост рабовладения и политическая консолидация, в Египте и Передней Азии — распространение античных форм рабства и полисного устройства, у племен внутри и на периферии эллинистического мира шел процесс становления классового общества. Поэтому эллинизм следует рассматривать как конкретно-историческое явление, присущее ограниченному географическому ареалу и характеризующееся сочетанием и взаимодействием эллинских и местных элементов в экономике, социально-политическом строе и культуре стран Восточного Средиземноморья и Передней Азии в конце IV—I вв. до н. э.

Накопление нового материала в результате археологических и исторических исследований эллинистических государств и соседних с ними регионов Средней Азии, Кавказа, Причерноморья и др. оживило интерес к проблеме эллинизма и в зарубежной, и в советской историографии. Вновь обсуждаются вопросы о содержании термина «эллинизм», о специфике эллинизма на Востоке, об эллинизме как явлении в области культуры. Настоятельно выдвигается концепция предэллинизма, т. е. возникновения характерных для эллинизма элементов до греко-македонских завоеваний. Ставится вопрос о географических и временных границах эллинистического мира: одни высказывают сомнения в правомерности включения в рамки эллинизма Македонии и Греции, другие находят черты эллинизма в странах Западного Средиземноморья. Привлекает внимание исследователей феномен живучести и даже усиления элементов эллинистической культуры в Передней и Центральной Азии после крушения царства Селевкидов (так называемый постэллинизм).

При всей дискуссионности проблем эллинизма можно отметить и некоторые более или менее устоявшиеся положения. Несомненно, что процесс взаимодействия эллинов и переднеазиатских народов имел место и в предшествующий период, но греко-македонское завоевание придало ему широкий размах и интенсивность. Новые формы культуры, политических и социально-экономических отношений, возникшие в период эллинизма, были продуктом синтеза, в котором восточные и греческие элементы играли ту или иную роль в зависимости от конкретно-исторических условий. В применении к Греции и Македонии термины «эллинизм»

и «эллинистический», бесспорно, носят условный характер, обозначая те особенности в их социально-политическом и культурном развитии, которые не наблюдались раньше и характерны только для периода со времени походов Александра Македонского и до включения их в состав Римской империи. Большая или меньшая роль местных элементов в развитии эллинистических государств наложила отпечаток на характер социальной борьбы внутри них и в значительной мере определила дальнейшие исторические судьбы отдельных регионов эллинистического мира. История эллинизма отчетливо делится на период возникновения державы Александра, а затем эллинистических государств (конец IV — начало III в.), период формирования социально-экономической и политической структуры и расцвета этих государств (III — начало II в.) и период экономического спада, нарастания социальных противоречий и подчинения господству Рима (начало II — конец I в.).

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЕРЖАВЫ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Коринфский конгресс послужил как бы прологом к новому этапу истории античного мира. Опираясь на решения конгресса, Филипп немедленно начал собирать материальные средства и воинские силы для похода против державы Ахеменидов. К побережью Малой Азии были посланы македонские армии под командованием Пармениона и Аминты, располагавшие, очевидно, и военными кораблями; под их контролем оказалась значительная часть побережья Малой Азии от Кизика до устья реки Каик. В свою очередь, персы развернули активную дипломатическую и тайную войну против Македонии; видимо, не без их участия осуществлено было убийство Филиппа. Как сообщает Арриан (II, 14, 5), Александр Македонский после битвы при Иссе (333 г.) обвинял Дария: «Отец мой умер от руки заговорщиков, которых сплотили вы, о чем хвастаетесь всем в своих письмах».

Смерть Филиппа обнаружила непрочность созданной им коалиции и оживила антимакедонские настроения и среди греческих полисов (в Афинах, Беотии, Фессалии, на Пелопоннесе), и среди фракийских и иллирийских племен. Но внутри Македонии убийство царя не повлекло за собой обычной междоусобицы, большинство македонской знати безоговорочно признало наследником престола Александра, сына Олимпиады (отвергнутой Филиппом первой жены), хотя и были подозрения о причастности его матери к убийству, и поддержало его усилия в упрочении своей власти.

В первые же месяцы правления Александра проявились его таланты политика и полководца. Прежде всего он принял меры для восстановления македонского господства в Греции: с этой целью он внезапно появился со своим войском в Фессалии и путем переговоров добился признания своей гегемонии и обещания помощи со стороны государств Северной Греции; вслед за этим он без промедления ввел войска в Беотию. Появление македонского лагеря возле Фив при полной неготовности греческих полисов к войне заставило даже таких ярых врагов Македонии, как Демосфен, признать бесполезность сопротивления. В Коринфе вновь собрались члены союзного совета и представители греческих полисов и подтвердили полномочия македонского царя в организации и военном руководстве походом против державы Ахеменидов.

Оставив гарнизон в Кадмее (акрополе Фив), Александр вернулся в Македонию и с наступлением весны направился против восставших фракийских племен трибаллов и поддерживавших их «независимых фракийцев». Одержав победу в сражениях на перевалах Гема, войска Александра вышли к берегу Истра. Для устрашения скрывшихся на одном из реч-

ных островов трибаллов и живших за Истром гетов Александр с частью своей армии совершил успешную экспедицию на другой берег Дуная, разбив там «город» гетов. В результате этого похода с трибаллами и другими независимыми племенами, в том числе и с кельтами, был заключен дружеский союз, очевидно, с обязательством не нарушать македонских границ и поставлять воинов в армию Александра. От берегов Истра Александр отправился на юго-запад, в Иллирию, через земли союзных с Македонией агриан и пеонов с намерением пополнить там свои войска или договориться о присылке пополнений. По пути он получил сообщение, что в Иллирии отпали дарданы во главе с Клитом и тавлантии и что с тыла на него собираются напасть автариаты. Усмирение автариатов взяла на себя агриане, а Александр направился к городу Пелию, где укрепился Клит. Лишь после ряда трудных и кровопролитных сражений Александру удалось разгромить объединенные силы тавлантиев и Клита.

Тем временем в Греции распространился слух о гибели Александра в Иллирии, и это опять оживило антимакедонские настроения. Первыми выступили против македонской гегемонии фиванцы и осадили македонский гарнизон в Кадмее, на помощь им двинулись аркадяне. В Элиде изгнали сторонников македонян; этолийские племена также выступили против Македонии. Хотя афиняне никаких конкретных действий против Македонии не предприняли, однако их не без основания считали вдохновителями фиванского восстания. Когда Александр узнал о событиях в Фивах, он в кратчайший для того времени срок — за две недели — из Иллирии привел войска к Фивам. Город был взят и разрушен, население продано в рабство. Неожиданное появление и жестокая расправа с Фивами произвели ошеломляющее впечатление на греков¹. Греческие полисы немедленно отказались от всякого противодействия Александру и направили к нему послов с изъявлениями лояльности. Поэтому остальные участники антимакедонских выступлений отделались более легкими наказаниями. От Афин Александр потребовал выдачи всех антимакедонски настроенных политических деятелей, но по настойчивым просьбам афинян ограничился изгнанием лишь одного из них.

Обеспечив безопасность северных границ и добившись от греков безусловного признания македонской гегемонии, Александр приступил к непосредственной подготовке похода против персов. По сообщению Диодора (XVII, 16, 1—2), вопрос о походе в Азию обсуждался на совете военачальников и влиятельных гетайров и Александр вопреки мнению полководцев Филиппа — Антипатра и Пармениона настоял на немедленном начале кампании. Опытные военачальники мотивировали отсрочку необходимостью «наращивать детей», но, вероятно, немаловажными были и финансовые соображения: к началу похода в царской сокровищнице, по сообщению Арриана (VII, 9, 6), оставалось менее 60 талантов (Плутарх в биографии Александра говорит о 70 талантах). Распродажей взятых в плен фиванцев, за которых Александр выручил 440 талантов, он, по-видимому, покрыл долги Филиппа, но, чтобы начать поход, ему пришлось взять в долг несколько сотен талантов. Кто финансировал поход Александра, источники молчат. Можно предположить, что это были те из «друзей» Александра, которым он перед отправлением в поход раздал и расписал царское имущество — земли, деревни, доходы с поселений или гаваней.

¹ Это событие надолго сохранилось в памяти греков. Последующая литературная традиция всячески пыталась оправдать действия Александра: сохранились сообщения, что он специально медлил начать штурм Фив, ожидая мирных акций с их стороны, что штурм был пачат без приказа Александра, что судьбу Фив после взятия города решал не Александр, а его союзники — фокейцы, платейцы и прочие враги Фив — и они настояли на срытии стен и продаже людей в рабство, что Александр позднее жалел о совершившемся, и т. п.

Весной 334 г., назначив наместником Македонии и Греции Антипатра и оставив при нем половину всей македонской армии, Александр с основными македонскими силами и союзническими отрядами подошел к Геллеспонту. Большая часть войска под руководством Пармениона была переправлена из Сеста в Абидос, Александр же, следуя героям «Илиады», отплыл из Элеунта и пристал к Ахейской гавани, вблизи Трои. По сообщению Арриана и Плутарха, он посетил Илион, в храме Афины Илионской принес жертву и оставил полное вооружение, взяв оттуда из священного оружия щит, будто бы хранившийся со времен Троянской войны, а также принес жертву Приаму и почтил венками могилы Ахилла, Аякса, Патрокла и других ахейских героев — все это должно было означать, что Александр выступает наследником древних эллинских традиций. Эти акты наряду с провозглашенной на Коринфском конгрессе программой отмщения персам за нанесенные ими обиды и разорение греческих полисов призваны были вдохновить небольшое по сравнению с персидскими силами греко-македонское войско и внушить ему уверенность в успехе предпринятого похода.

В сообщениях древних авторов число воинов в армии Александра, высадившейся в Малой Азии, колеблется от 30 тыс. до 43 тыс. пехоты и от 4 тыс. до 5 тыс. конницы. Согласно Диодору (XVII, 17, 3—4), эта армия включала 13,5 тыс. македонян, 14 тыс. эллинов (в том числе 5 тыс. наемников) и около 7 тыс. воинов из фракийско-илирийских племен. При относительной достоверности этих цифр они все же показывают, что в восточном походе приняли участие все основные этносы Балканского полуострова. Армию сопровождала масса обслуживающего персонала: оружейники и другие ремесленники, конюхи, торговцы, слуги и пр. В свите Александра находились историографы, философы и другие ученые (Каллисфен, Пиррон, Анаксарх и др.). Это был своего рода колониизационный поток, устремившийся с Балканского полуострова в страны Востока.

Высавившись в Малой Азии, греко-македонская армия вначале двинулась по побережью на северо-восток, в Геллеспонтскую Фригию. Это был стратегически важный район: отсюда был доступ и к портам Пропонтиды, и к переправам через Геллеспонт. Персы заранее начали стягивать сюда войска: в районе города Зелей дислоцировались эллинские наемники, конные отряды, набранные в восточных сатрапиях державы Ахеменидов, пехотинцы из малоазийских сатрапий. Однако стремительный переход Александра из Пеллы к берегам Геллеспонта не оставил времени ни для похода персидского флота, ни для занятия персами гаваней на малоазийском побережье Геллеспонта. Таким же быстрым маршем греко-македонская армия двинулась по территории Троады навстречу персам.

На реке Граник (в мае 334 г.) произошло первое крупное сражение между персидской и греко-македонской армиями. Превосходство в военной технике и выучке, стратегии и тактике боя, моральная стойкость солдат обеспечили победу армии Александра, несмотря на численное превосходство персов. Политическое значение этой победы нашло отражение в последовавших актах. Павшие в битве были похоронены с большими почестями, семь погibших воинов были освобождены от поземельных и прочих налогов и от обязательных работ. Александр поручил знаменитому скульптору Лисиппу воздвигнуть медные статуи в память о погibших гетайрах, вступивших первыми в бой. В Атику в дар Афине Палладе было отправлено 300 комплектов персидского воинского снаряжения от имени Александра и «всех эллинов, кроме лакедемонян». Взятые в плен греки — наемники персов — были подвергнуты суровому наказанию: они были закованы в кандалы и отправлены на работы, «ибо, — по

словам Арриана (I, 16, 6), — они, эллины, пошли наперекор общему решению эллинов и сражались за варваров, против Эдлады».

Поражение при Гранике парализовало способность персов к сопротивлению на северо-западном регионе Малой Азии. Парменион без труда взял порт Даскилий на побережье Пропонтиды, а Александр занял Сарды, без боя сданные ему персидским гарнизоном; так же без боя достался ему Эфес, покинутый гарнизоном персидских наемников. Вступление греко-македонских войск в Эфес сопровождалось демократическим переворотом и избиением олигархов, сторонников персов. Такие же явления наблюдались и в других полисах Эолиды и Ионии. Сопротивление оказали лишь Милет и Галикарнас, имевшие сильные гарнизоны и рассчитывавшие на помощь персидского флота. Но греческий флот опередил персидскую эскадру и, не вступая в бой с персами, запер вход в милетскую гавань; после непродолжительной осады город был взят. Более трудной оказалась осада Галикарнаса, но, после того как Александр занял и разрушил нижнюю часть города, он счел бесполезным тратить силы на штурм акрополя, оставил отряд, необходимый для длительной осады, и двинулся дальше.

Осуществляя свою тактику подчинения прибрежных городов (чтобы лишить гаваней персидский флот) и стратегически важных пунктов на путях в глубь полуострова, Александр дошел до города Сиды на побережье Памфилии, почти не встречая сопротивления. Отсюда он повернул во внутренние районы Малой Азии и, пройдя с боями через Писидию, где местное население враждебно встретило греко-македонян, остановился на зимний отдых в Гордионе². С началом весны 333 г. Александр вновь двинулся в поход, подчинил западные районы Каппадокии и портовые города Киликии.

Таким образом, за первый год войны греко-македонские войска прошли с боями по всему западному и южному побережью Малой Азии и заняли основные, стратегически важные внутренние районы полуострова. Практически малоазийские сатрапии для персов были потеряны. Чтобы как-то компенсировать поражение на суше, родосец Мемнон, которому Дарий III вручил верховное командование персидским флотом, начал наступательные операции в Эгейском море и захватил Хиос и Лесбос, где сопротивление оказала лишь Митилена. Смерть Мемнона несколько ослабила активность персидского флота, но назначенный вместо него Фарнабаз продолжил ту же тактику. Главные силы персидского флота направились к Геллеспонту и заняли находящийся недалеко от входа в пролив остров Тенедос, другая эскадра была направлена к Кикладским островам.

О составе морских сил греков и македонян сообщения древних авторов не очень ясны. Арриан пишет (I, 19—20), что греко-македонский флот был почти вдвое меньше персидского и уступал по боевым качествам финикийским и кипрским кораблям из флотилии персов. Рассчитывать на успех в морском сражении не приходилось, а так как средств на содержание флота не хватало, Александр распустил его, оставив, как сообщает Диодор (XVII, 22, 5), лишь небольшое количество кораблей (в их числе 20 афинских), необходимых для перевозки стенобитных машин. Очевидно, большая часть македонского флота состояла из кораблей союзников, и, отпуская их, Александр тем самым предоставлял союзникам заботиться об охране своих берегов от нападений персов. Однако продвижение персидского флота к Геллеспонту вынудило Александра отдать распоряжение вновь комплектовать флот. Для создания его были приня-

² С пребыванием в Гордионе связана легенда о решении Александром загадки Гордиева узла: по одной версии, он развязал, по другой — разрубил узел на ярме повозки, завязанный некогда царем Фригии Гордием. Оракул же предсказывал, что распустивший узел получит владычество над Азией.

ты самые энергичные меры вплоть до конфискации греческих торговых судов.

Тем временем Дарий стянул основные силы к границе Киликии и Сирии. Битва произошла осенью 333 г. в узкой долине возле города Исса, где персы не могли использовать свое огромное численное превосходство. Войска Дария были разбиты и рассеяны, сам он бежал за Евфрат, а обоз и его семья были захвачены македонянами.

Это поражение персов имело огромный политический и моральный резонанс. Возросла уверенность греко-македонской армии в своих силах и возможностях, вера в своих предводителей. Дарий, по сообщениям древних авторов, вынужден был обратиться к Александру с предложением о мирных переговорах. В ответ Александр направил письмо, текст которого явился своего рода манифестом, рассчитанным на обнародование его среди греко-македонского войска и, возможно, на подвластной территории в Азии и Греции [если только Арриан (II, 14, 4—9) точно передает его содержание]. Выступая как победоносный предводитель эллинов, Александр перечисляет прежние обиды, нанесенные персами Элладе и Македонии, обвиняет Дария в том, что он посылал эллинам письма, призывая их к войне с царем Македонии, отправлял им деньги (но ни один город их не принял, кроме лакедемонян), что послы персов подкупали постарались разрушить мир в Элладе. Далее он говорит о своих победах и праве на завоеванную территорию, требуя от Дария безоговорочного подчинения.

В интересах Александра было распространить как можно шире и быстрее известие о поражении персов при Иссе, особенно важно было, чтобы об этом узнали греческие полисы, так как успехи персидского флота в Эгейском море делали македонский тыл неустойчивым и Александр, видимо, уже был осведомлен о сношениях спартанского царя Агиса III с персами. Поскольку основную часть персидских морских сил составляли кипрский и филикийский флот, то первоочередной задачей стало подчинение восточного побережья Средиземного моря с тем, чтобы заставить киприотов и филикийцев отколоться от персов и перейти на сторону Александра, после того как Финикия окажется под властью македонян. Эта стратегическая задача четко сформулирована в приводимой Аррианом (II, 17) речи Александра на совете «друзей» и военачальников перед осадой Тира³. Не теряя времени на преследование Дария и его рассеявшихся войск⁴, Александр двинулся в Финикию. Города Арад, Мараф, Библ, Сидон и Дамаск сдались без сопротивления, в Дамаске была захвачена царская казна и прочее имущество Дария и его приближенных, а также прибывшие к Дарию для переговоров послы из Спарты, Фив и Афин⁴. Уже через два месяца после битвы при Иссе греко-македонская армия подошла к Тиру — крупнейшему и наиболее укрепленному из финикийских городов. Тирийцы, надеясь на неприступность своей крепости, расположенной на острове, и стремясь сохранить нейтралитет в войне между Персией и Македонией, не открывая военных действий, отказались впустить Александра внутрь города для жертвоприношения. Македоняне расценили это как враждебный акт и начали осаду города.

Взять островной город, не имея флота, едва ли было возможно, хотя Александр и предпринял небывалое для того времени сооружение — постройку дамбы от материка к острову через пролив шириной в 4 стадия (около 740 м). Но, как и рассчитывал Александр, военные корабли Си-

³ Арриан (II, 13) и Курций Руф (IV, 1, 27—34; 39) сообщают об отступлении основных войск Дария за Евфрат и бегстве части наемников на Кипр и в Египет, а другой части — во внутренние области Малой Азии.

⁴ Фиванцев Александр отпустил, афинянина Ификрата оставил в своей свите, а спартанца отдал под стражу.

дона, Арада, Библа, узнав о подчинении своих городов македонянами, покинули персидскую флотилию и перешли под власть Александра (80 судов), а вскоре присоединились к нему и 120 кораблей киприотов. Объединенными усилиями пехотных частей и флота после семимесячной осады Тир был взят и разграблен, большая часть населения истреблена или продана в рабство. Потери греко-македонских войск тоже были значительны.

Затянувшаяся осада Тира осложнила положение в тылу у македонской армии. Собрав остатки воинских частей, рассеявшихся после поражения при Иссе во внутренних районах Малой Азии, уцелевшие военачальники Дария попытались вернуть под власть персов Лидию, очевидно, рассчитывая выйти к побережью и соединиться с персидским флотом, продолжавшим удерживать под своей властью ряд островов в Эгейском море. Но Антигону, оставленному сатрапом Фригии, удалось разбить персов и ликвидировать эту угрозу. Еще более опасная ситуация для македонян возникла в это время в Греции: Спарта, не участвовавшая в Коринфском конгрессе и в восточном походе Александра, попыталась поднять греческие полисы против Македонии и восстановить свое влияние в Греции, возглавив антимакедонское движение. Так как выступление Спарты было на руку персам, не исключено, что в какой-то мере они его инспирировали. Спартанский царь Агис III обратился к командованию персидским флотом с просьбой о военной помощи в тот момент, когда персы заняли остров Сифнос, ближайшую к Пелопоннесу удобную гавань на Кикладах. Агис, получив от персов 10 триер и 30 талантов денег, отправился на Крит, один из главных районов вербовки наемников, и, как пишет Диодор (XVII, 48, 2), «захватив большинство городов, принудил их принять персидскую сторону».

Однако переход финикийского и кипрского флотов на сторону Александра резко ослабил позиции персов в Эгейском море. На севере Эгеиды греко-македонский флот при поддержке враждебных персам демократических слоев изгнал персидские гарнизоны с Тенедоса, Хиоса, из городов Лесбоса, с Коса и других островов. Персидская эскадра у о. Сифноса также была разбита. Таким образом, к концу 332 — началу 331 г. в Эгеиде была восстановлена македонская гегемония.

Александр в это время со своим сухопутным войском двигался к Египту. Сопротивление ему оказала лишь Газа, важный пункт караванной торговли между Месопотамией и Египтом, Южной Аравией и Средиземным морем; осада считавшейся неприступной и имевшей значительный гарнизон крепости длилась два месяца. После ее падения сатрап Египта Мазака, не имея прочного тыла в стране и достаточных сил для обороны, без боя сдался Александру. От пограничной крепости Пелусия греко-македонское войско направилось к древней египетской столице Мемфису. Здесь Александр принес жертвы египетским богам в знак уважения к местным традициям, а затем с частью войска спустился в дельту Нила по одному из его рукавов и на побережье между озером Марео-тида и морем выбрал место для строительства нового города и порта — Александрии Египетской.

Основанием Александрии был завершен первый этап похода Александра и осуществлена важнейшая, может быть, еще не вполне отчетливо осознававшаяся в то время, но продиктованная потребностями экономической жизни задача — сделать восточную половину Средиземного моря внутренним морем эллинского мира, обеспечив тем самым прочность и постоянство морских, в первую очередь торговых, коммуникаций. В это время как раз пришло сообщение об изгнании персидских морских и сухопутных сил с Лесбоса, Хиоса, Коса и большей части Киклад. Персидский флот был полностью отрезан от внутренних районов Персии и практически перестал существовать.

Возможно, Александр отдавал себе отчет, что теперь перед ним стоит новая, еще более трудная задача — поход в глубь Персидской державы, чтобы нанести ей такой удар, который лишил бы ее возможности вернуть захваченные Македонией территории. Для осуществления этой задачи было необходимо новое идеологическое обоснование в дополнение к уже ставшей привычной и в какой-то мере реализованной идее отмщения персам. И в этом плане экспедиция в Сиутский оазис к оракулу Амона, предпринятая Александром, была важным звеном в цепи его действий в Египте: оракул, пользовавшийся в Греции широкой известностью и почитанием, должен был гарантировать ему покровительство могущественнейшего из египетских богов — Амона (которого греки отождествляли с Зевсом) в дальнейшей войне против персов. Согласно традиции, в результате посещения храма Амона Александр был провозглашен сыном бога и ему были предсказаны непобедимость и успех во всех его предприятиях.

В античной и современной историографии немало внимания уделяется мистическому аспекту посещения Сиутского оазиса и провозглашения Александра сыном бога, и, возможно, это провозглашение действительно оказало какое-то влияние на умонастроение если не ближайшего окружения Александра, то населения завоеванных восточных территорий. Но большее значение имели реальные социально-политические последствия⁵ этого акта: жрецы Амона признали Александра законным владыкой Египта, что обеспечивало ему прочный тыл и необходимые материальные ресурсы для дальнейшей войны с персами. А предсказание о непобедимости Александра должно было стать мощным моральным стимулом для его солдат в последующих сражениях.

По возвращении в Мемфис Александр устроил празднество по эллинскому образцу с гимнастическими и музыкально-театральными состязаниями, на которые прибыли многие знаменитости из Греции и посольства городов. В начале 331 г., получив пополнение от Антипатра, Александр направился во внутренние области Персии, оставив в Египте сухопутный и морской гарнизоны и назначив надежных лиц во главе военного, гражданского и финансового управлений.

Тем временем в Европе на Балканском полуострове ширились антимакедонские выступления. Весной 331 г. отложился от Македонии наместник Александра во Фракии Мемнон. Вероятно, это событие было как-то связано с неудачной экспедицией стратега Зопириона в Северное Причерноморье: гибель Зопириона и его войска на обратном пути послужила стимулом для возобновления борьбы за независимость фракийских племен. Антипатр вынужден был с основной массой македонских войск направиться во Фракию. По-видимому, в это же время Агис III, призывавший эллинов «единодушно отстаивать свободу», со своими наемниками и спартанским ополчением нанес поражение македонскому гарнизону, находившемуся на Пелопоннесе, после чего к нему присоединились полисы Ахеи, Элиды и Аркадии, за исключением Мегалополя и Пеллены. Однако полисы Северной и Средней Греции медлили с определением своей позиции в возникшем конфликте. Антипатр, по словам Диодора (XVII, 63, 1), узнав об этом, поспешил кое-как закончить войну с Мемноном, направил все свои войска в Пелопоннес и обратился к членам Коринфского союза за помощью против Спарты. Ему удалось пополнить армию эллинами из союзных полисов и в кровопролитном сражении

⁵ Уже древние авторы отмечали, что в этом предприятии Александра проявились не только его мистическая настроенность или желание подражать мифическим героям Гераклу и Персею, обращавшимся к этому оракулу, но и трезвый политический расчет. Арриан, например, пишет (III, 3, 2): «Итак, он отправился к Амону, рассчитывая, что в точности узнает о том, что его касается, или, по крайней мере, сможет сказать, что узнал» (курсив наш. — А. П.).

разгромить спартанцев и их союзников. Следуя тактике Александра, рассмотрение вопроса о судьбе побежденных Антипатр вынес на решение синедриона членов Коринфского союза. На собрании союзников «много речей было сказано и за, и против» лакедемонян, но в конечном счете союзники, по словам Диодора (XVII, 73, 5), «постановили предложить решение Александру». Лакедемоняне выдали заложников Антипатру и отправили послов к Александру с просьбой о прощении. Как полагают исследователи, в итоге Спарта вынуждена была смириться с утратой Мессении и гегемонии на Пелопоннесе и присоединиться к Коринфскому союзу.

Следует обратить внимание на позицию в этой войне Афин и других полисов Средней и Северной Греции: их отказ поддержать Спарту в борьбе с Македонией, по-видимому, был обусловлен не столько старыми счетами и прежним соперничеством и противоборством, сколько текущими экономическими интересами. Ведь такое грандиозное военное предприятие, как поход против Персии и подчинение всего Восточного Средиземноморья, потребовало значительного материального обеспечения, прежде всего оружием, военными кораблями, транспортными средствами, одеждой и обувью. Если продовольствие армия Александра получила с завоеванной территории, то оружие и снаряжение, очевидно, в значительной мере привозились из Македонии и Греции, так как едва ли была возможность организовать его производство в достаточных масштабах при армии, находящейся все время в движении. И не случайно, что именно на годы восточного похода Александра приходится последний экономический подъем Афин, и при этом отчетливо проявляется его связь с военно-техническим производством — возрождением и усилением флота (считается, что именно в это время Афины обладали наибольшим в их истории количеством судов), строительством верфи, доков, арсенала, производством и накоплением военного и военно-морского снаряжения. И не случайно также, что даже такой принципиальный враг Македонии, как Демосфен, занимал нейтральную позицию во время выступления Агиса III, а позднее согласился воздать божеские почести Александру. Демосфен принадлежал к тому слою афинского общества, который был связан с торгово-ростовщикскими операциями, а для торгово-ремесленных слоев Греции восточный поход был выгодным предприятием. Можно предполагать, что благожелательное отношение Александра к Афинам тоже обуславливалось не только (или даже не столько) уважением к славному прошлому Афин и их вкладу в развитие эллинской культуры, сколько заинтересованностью в афинском ремесленном производстве и ремесленниках, в афинском торгово-транспортном флоте. Вероятно, и другие ремесленные центры Греции, производившие необходимые для действующей армии и для постоянно набравшихся пополнений снаряжение и оружие, как и Афины, предпочитали сохранять союзные отношения с Македонией.

Поражение Спарты и ее союзников произошло накануне или после (мнения исследователей расходятся) решающего сражения в октябре 331 г. между греко-македонской и персидской армиями при Гавгамелах, недалеко от города Арбел. Дарий и его военачальники позволили Александру почти беспрепятственно перейти через Евфрат, пересечь Междуречье в направлении от Фалсака к древней Ниневии и даже переправиться через Тигр, ограничиваясь опустошением территорий, по которым должны были двигаться войска Александра. Для сражения была выбрана широкая равнина, где персы развернули огромную армию, включавшую не только пехоту и конницу, но и серпоносные колесницы и слонов. Греко-македонская армия, далеко углубившаяся во вражескую территорию и оторвавшаяся от своего тыла, оказалась перед противником, вдвое превосходящим ее по численности. Но опять высокая выучка сол-

дат и дисциплина, их бесстрашие и вера в свои силы и непобедимость, накопленный опыт и полководческий талант командиров, и прежде всего Александра, обеспечили победу и разгром армии персов, разноязычной, плохо управляемой, недостаточно обученной.

Победа под Арбелами открыла путь в центральные области державы Ахеменидов и положила начало ее распаду. Отложив преследование Дария, Александр повел армию в Вавилон и Сузы, сдавшиеся ему без сопротивления. В Сузах была захвачена царская казна⁶ и прочее царское имущество, среди которого и ценности, вывезенные из Греции во время греко-персидских войн⁷. Лишь на пути в Персеполь и Пасаргады, древние столицы персов, македонские войска встретили некоторое сопротивление. Захватив хранившиеся здесь богатства, Александр сжег царский дворец в Персеполе — знаменитый памятник персидского зодчества и символ могущества Ахеменидов, как объясняет Арриан, в возмездие за разрушение Афин и сожжение храмов во время греко-персидских войн. Подчинив важнейшие центры Персидской державы, Александр направился в Мидию к Экбатанам, где Дарий пытался снова собрать войска, чтобы приостановить вторжение в северные и восточные сатрапии, но из-за разногласий среди его военачальников и свиты это ему не удалось. Упорно преследуемый Александром, он бежал в Гирканию и там был убит низложившими его сатрапами; преемником Дария был провозглашен Бесс, сатрап Бактрии.

По сообщению Арриана (III, 19, 5—6), еще в Экбатанах Александр отпустил домой войска греческих союзников и фессалийскую конницу, уплатив им условленное вознаграждение⁸. Этот акт означал, что, и по мнению Александра и македонян, и по мнению командиров и воинов союзных контингентов, поход против Персидской державы, провозглашенный на Коринфском конгрессе, был уже завершен. Дальнейшее продолжение войны становилось делом только Македонии или скорее македонского царя. И хотя многие из отпущенных остались в войске Александра, но остались они уже, как говорит Арриан (III, 19, 6), «на свой страх», т. е. в качестве наемников. С этого момента и цель похода, и ее идеологическое оформление меняются. После смерти Дария Александр стал считать себя законным владыкой Персидской державы. Он наказал убийц Дария, распорядился похоронить его в соответствии с персидскими традициями и начал преследование Бесса, как узурпатора.

Стремление Александра продолжить поход, чтобы подчинить все ранее подвластные персам земли, назначение на административные должности местных правителей, добровольно перешедших на сторону македонян, включение в царскую свиту персов, введение в употребление некоторых элементов персидской одежды и персидских обычаев — все это свидетельствовало о том, что Александр уже считал себя не только басилевсом македонян, но и царем персидской, а вернее — всей подвластной ему державы. Эту новую политическую доктрину принимали далеко не все македоняне из царского окружения. Недовольство вылилось в заговор против Александра, в котором был замешан один из виднейших командиров — хиларх конницы гетайров Филота, сын Пармениона. Дело о заговоре Александр вынес на судебное решение македонского войскового собрания, большинство которого поддержало Александра. Филота и другие заговорщики были признаны виновными и казнены, был

⁶ По Арриану (III, 16, 7), было захвачено 50 тыс. талантов! Напомним, что к началу похода в македонской казне было 60 талантов.

⁷ В том числе статуи тираноборцев Гармония и Аристогитона, которые Александр вернул в Афины.

⁸ Некоторые современные исследователи считают, что это произошло позднее, после смерти Дария.

также осужден и убит Парменион, находившийся в то время в Мидии. Одновременно было проведено переформирование воинских частей: войска, подчинявшиеся ранее Пармениону, были разделены между тремя стратегами, подчинявшуюся Филоте конницу гетайров также разделили между двумя гиппархами. Кроме того, по словам Диодора (XVII, 80, 4), Александр «отобрал тех македонян, которые дурно говорили о нем, кто негодовал на гибель Пармениона, тех, кто в письмах, отправленных родным в Македонию, дурно отзывался о царских намерениях; он соединил их в один отряд под названием „отряд беспорядочных“, так как боялся, чтобы они своим ропотом и свободными речами не развратили остальное войско».

Справившись с оппозицией в армии, Александр продолжил поход в северо-восточные сатрапии — Парфию, Арию, Дрангиану, Арахозию, Бактрию и Согдиану. Но обстановка в этих сатрапиях и отношение к македонянам и грекам были совершенно иными. Уцелевшие сатрапы и местные знать, пользуясь крахом державы Ахеменидов и надеясь на трудодоступность своих резиденций, рассчитывали сохранить независимость. Бактрийская конница и другие воинские контингенты из восточных сатрапий, составлявшие наиболее боеспособную часть персидской армии, отступив к границам своих земель, стали оказывать упорное сопротивление завоевателям. Греко-македонская армия испытывала трудности со снабжением, проходя по опустошенным врагами или бесплодным территориям, в тылу у нее неоднократно вспыхивали восстания, но тем не менее она упорно двигалась на восток. Потребовалось около двух лет, чтобы подчинить население Согдианы и Бактрии, неоднократно восставшее против македонского господства; приходилось строить города-крепости, оставлять там сильные гарнизоны.

Постепенно изменялся состав армии: уменьшилось ее греко-македонское ядро в результате потери и за счет размещения части воинов в гарнизонах завоеванных сатрапий, а ее пополнение все более осложнялось огромным расстоянием, отделявшим армию от родины. Александр все чаще прибегал к набору воинов из подчиненных местных племен (ко времени индийской кампании в состав армии входили отряды даев, согдов, бактрийцев и др.), в управлении армий возросло значение военачальников из персов и из местного населения, обязанных своим положением Александру. Вместе с этим изменилось моральное состояние армии: цели похода уже не казались столь возвышенными, усилились тенденции к грабежу и личному обогащению, упала и дисциплина; для ее поддержания приходилось прибегать к жестким мерам (например, уничтожение накопленного обозного имущества). Все это находило отражение и в настроении ближайшего окружения царя. Вновь возник заговор против Александра, вошедший в историю как «заговор пажей», т. е. знатной молодежи, несшей охрану царя. Древние авторы связывают с этим событием также опалу и казнь придворного историографа Каллисфена, племянника Аристотеля (сочинения которого впоследствии легли в основу апологетических «Историй Александра»), и смерть Клита, одного из близких друзей Александра, убитого им во время пира. Причину всего случившегося они видели в изменении характера и взглядов Александра, в его попытках навязать восточные, варварские и деспотические обычаи и идеи «свободолюбивым» эллинам и македонянам. Но эта морализующая оценка событий отражает лишь внешнюю сторону отмеченных выше изменений в армии. Основная масса воинов и командного состава, по-видимому, продолжала поддерживать Александра, и подавление заговора пажей не повлекло за собой каких-либо изменений в структуре и управлении войском. Однако самый факт заговора заставил Александра, по словам древних авторов, отказаться от намерения ввести обычаи проскинесиса (падение ниц перед царем).

Подчинив среднеазиатские сатрапии отчасти силой, отчасти привлечением на свою сторону местной знати (в этом плане можно рассматривать и брак с Роксаной, дочерью одного из бактрийских династов), Александр направился весной 327 г. на юг, в Индию, о богатстве которой рассказывались легенды, и потому этот поход не встретил оппозиции в армии. Индийская кампания также длилась около двух лет. В результате сражений и с помощью мирных переговоров Александр подчинил западные царства, расположенные в Пятиречье (по притокам Инда). После победы над Пором, правителем наиболее сильного из них, македонская армия вышла к Гифасису — восточному притоку Инда, откуда открывался путь в Восточную Индию, в долину Ганга, о чем греки узнали лишь впервые. Согласно античной традиции, Александр, одержимый идеей подчинить всю ойкумену, был намерен продолжить поход, но армия, утомленная битвами и переходами в непривычных условиях, отказалась от дальнейшего движения на восток. Среди солдат начались волнения; созванное Александром совещание военачальников также высказалось за возвращение на родину.

Но и обратный путь оказался нелегким. По рекам — на судах и по берегу — армия спустилась к морю, подчиняя по пути города и крепости народов, живших по побережью Инда (в одной из этих экспедиций Александр едва не погиб). От устья Инда часть армии под командованием Неарха отправилась морем к устью Евфрата и Тигра, другую часть Александр повел по побережью Индийского моря через безводные районы Гедрозии, а еще одна часть — македонская пехота и слоны — еще задолго до прибытия к морю была отправлена во главе с Кратером через Арахозию и Дрангиану, по-видимому, по одному из известных в то время караванных путей. В начале 324 г. флот Неарха вошел в устье Тигра, а войска, отправившиеся сухопутным путем, прибыли в Сузы. Здесь было торжественно отпраздновано завершение похода. При этом, очевидно, в знак образования новой, македоно-персидской державы были отпразднованы свадьбы Александра, его военачальников и воинов с женщинами покоренных народов.

Теперь на первое место перед Александром и его «друзьями» выдвинулась задача организации управления этой державой. Во время похода Александр поручал управление завоеванными областями (сохраняя в основном прежнее административное деление) стратегам — командирам гарнизонов и сатрапам, которых он выбирал из числа «друзей» или передших на его сторону персидских вельмож; для сбора податей иногда назначались специальные лица. Однако многие из сатрапов и начальников гарнизонов или оказались неблагонадежными, или своими хищениями и вымогательством вызывали недовольство местного населения, или просто не справились со своими обязанностями. Не меняя сложившейся системы управления, Александр смешил и казнил провинившихся и заменял их новыми.

Сразу же по возвращении из похода встал вопрос о реорганизации армии. Александр объявил о роспуске и отправке на родину значительной части ветеранов из македонской пехоты и конницы, предполагая пополнить фалангу и гетайров войсками из восточных сатрапий, обученных македонскому военному искусству. Однако это вызвало возмущение в армии, стоявшей в это время в Описе; конфликт был урегулирован взаимными уступками: ветераны, щедро награжденные Александром, под командованием Кратера, который должен был сменить Антипатра, направлялись в Македонию, а Антипатр должен был привести пополнение для македонских частей. В полках из обученных по-македонски туземных воинов в каждом подразделении македонянам предоставлялись командные должности и повышенное жалование. Примирение с ветеранами закончилось грандиозным пиром, на котором, по словам Арриана

(VII, 11, 9), совершались возлияния и молились «о согласии и единении царств македонского и персидского».⁹

Важным элементом в организации управления державой становились вновь основанные Александром (или уже существовавшие ранее) города, где размещались гарнизоны и поселялись непригодные к дальнейшей военной службе македоняне и греки. Новые города возводились в стратегически важных пунктах и на перекрестках торговых путей; некоторые из них впоследствии выросли в крупные административно-торговые центры, получили статус полиса.

В научной литературе большое внимание уделяется отношению Александра к полисам Греции, Эгеиды и Малой Азии. Несомненно, что позиция Александра в этом вопросе не была однозначной и определялась конкретной политической ситуацией (что было отмечено еще И. Дройзеном). Если в начале похода, чтобы обеспечить прочность тыла и успех военных операций в Малой Азии, осуществлялась политика освобождения полисов от персидского господства и связанных с ним экономических и политических тягот, в частности от олигархических и тиранических режимов, поддерживаемых персами, то постепенно эта политика меняется, и после завершения похода и создания огромной державы с центром в Месопотамии полисы Греции и Малой Азии стали рассматриваться уже как мелкие политические единицы на периферии державы, обязанные подчиняться предписаниям верховной власти. Отражением этой политики является оглашенное в 324 г. на Олимпийских играх предписание Александра о возвращении в греческие полисы всех изгнанников, кроме виновных в святотатстве и убийстве. При этом Антипатру поручалось применить силу к тем полисам, которые откажутся принять изгнанных. Этот акт был открытым нарушением постановлений Коринфского конгресса: по сути дела, Александр вмешивался во внутренние дела полиса, отменял решения народных собраний.

Осуществление царского предписания привело к обострению социальной борьбы внутри полисов, новому перераспределению собственности в пользу возвращавшихся. Политическая обстановка в Греции накалилась. В Афинах, для которых эдикт об изгнанниках грозил выселением клеруков с Самоса, шли бурные дебаты в народном собрании. Как раз в это время в Пирее появился Гарпал, казначей Александра в Вавилонии, бежавший от расправы за расхищение казны. Располагаясь флотом, наемниками и большой суммой денег, он рассчитывал найти благоприятный прием и укрепиться в Афинах. Однако афиняне не решились на открытое выступление против царя и отказались впустить Гарпала с войском в город¹⁰. Вопрос об изгнанниках они надеялись решить мирным путем, отправив к царю послов. Видимо, в связи с отправкой посольства обсуждался на народном собрании и вопрос о признании Александра богом. Но пришедшее вскоре известие о смерти Александра резко изменило позицию афинян и всю политическую ситуацию в Греции в целом.

К весне 323 г. Александр, объехав после возвращения из индийского похода Персиду, Сузиану и Мидию, прибыл в Вавилон и начал подготовку к новому походу — к берегам Аравии. Но когда уже был назначен срок выступления войска и флота, он заболел и через несколько дней, 10 июня 323 г., скончался. Это неожиданное событие имело весьма серь-

⁹ Этот факт, а также упомянутое выше свадебное празднество — акты, по существу политические, — некоторые исследователи (В. Тарп. Робинсон, П. Клоше и др.) рассматривают как стремление Александра осуществить «идею всеобщего братства» путем «смещения народов».

¹⁰ Когда же Гарпал, отвел флот к мысу Тенар, снова прибыл в Афины для переговоров, его взяли под стражу, чтобы выдать царю; лишь с помощью подкупа ему удалось бежать. За этим последовал длительный политический процесс по делу Гарпала, в ходе которого Демосфен и другие политические деятели были обвинены во взяточничестве.

езные последствия. Из наследников династии никого не осталось, кроме слабоумного Арридея — побочного сына Филиппа. В окружении Александра было несколько талантливых военачальников и администраторов, но не было человека, чей авторитет как полководца и политика приближался бы к царскому, и потому сразу же развернулась ожесточенная борьба за власть между преемниками Александра.

Смертью Александра завершился краткий, но весьма важный, переломный период в истории Восточного Средиземноморья и Передней Азии, тесно связанный в памяти потомков с его именем.

Личность Александра и в античности, и в новое время привлекала к себе огромное внимание. Существует обширная литература — от легенд и сказаний до серьезнейших и детальных исследований, где даются самые различные (и апологетические, и критические) оценки его деятельности, его взглядов и характера. Прослеживается влияние на формирование морального облика и взглядов Александра его матери — страстной почитательницы Диониса, жестокой и фанатичной Олимпиады, его отца Филиппа II, необузданного в частной жизни, но трезвого, расчетливого политика и одаренного правителя, его воспитателей и учителей — родственника по матери Леонида, с раннего детства прививавшего ему моральные нормы, навыки и знания, необходимые для знатного македонянина, и Аристотеля, обучавшего его в 13—17-летнем возрасте греческой литературе, философии и природоведению и ознакомившего его со своими концепциями государственного устройства; рассматривается также влияние на Александра той среды, в которой он вырос и жил, — его друзей и соратников, чьей помощью и поддержкой он пользовался в осуществлении своих замыслов. Одни авторы подчеркивают неуравновешенность, мистическую настроенность Александра, усиление со временем деспотических черт его характера, недальновидность и непродуманность его деятельности как правителя огромной империи; другие акцентируют внимание на его полководческом таланте, личном мужестве, умении воодушевлять и поддерживать боевой дух в армии, на его одержимости идеей подчинить всю ойкумену, его неукротимой энергии и любознательности. Его изображают то филоллином, то истинным македонянином, то провозвестником идеи о всемирном братстве народов. Но как бы ни оценивать самого Александра и его деятельность, остается несомненным, что результаты предпринятого им и его сподвижниками похода открыли новую эпоху в истории и культуре европейских и азиатских народов.

2. ОБРАЗОВАНИЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

К моменту смерти Александра Македонского его держава охватывала Балканский полуостров, острова Эгейского моря, Малую Азию, Египет, всю Переднюю Азию, южные районы Средней Азии и часть Центральной Азии до нижнего течения Инда. Впервые в истории такая огромная территория оказалась в рамках одной политической структуры. В процессе завоеваний были разведаны и освоены (путем основания городов, размещения гарнизонов, устройства колодцев и т. п.) пути сообщения и торговли между отдаленными областями. Избыточному населению греческих полисов и городов Финикии и Междуречья были открыты широкие возможности для колонизации и эксплуатации завоеванных территорий. Однако переход к мирному освоению новых земель произошел не сразу, первые десятилетия были наполнены ожесточенными столкновениями между полководцами Александра — их обычно называют диадохами (преемниками), — боровшимися за раздел его наследия.

Важнейшей политической силой и материальной опорой государственной власти в державе Александра была армия, она и определила формы

управления государством после его смерти. В результате непродолжительной борьбы между пехотой и гетайрами было достигнуто соглашение, по которому держава сохранялась как единое целое, а наследниками Александра были провозглашены Арридей (ставленник пехоты, получивший по воцарении имя Филипп III) и рожденный Роксаной спустя некоторое время после смерти Александра его сын Александр IV. Фактически же власть оказалась в руках небольшой группы знатных македонян, занимавших при Александре высшие воинские и придворные должности; регентом, по существу, оказался Пердикка, так как Кратер, назначенный протатом (главой, правителем) царства, был в пути, сопровождая ветеранов в Грецию. Управление Грецией и Македонией было оставлено за Антипатром, Фракия передана Лисимаху. В Малой Азии самое влиятельное положение занимал Антигон, сатрап Великой Фригии, получивший к тому же Ликию и Памфилию; доставшиеся греку Евмену из Кардии (занимавшему должность секретаря при Александре) сатрапии Пафлагонии и Каппадокию, по существу, еще предстояло завоевать, так как они лишь номинально входили в державу Александра. Египет был передан в управление Птолемею Лагу, восточные области остались под властью сатрапов, назначенных Александром. Командующим конницей гетайров был поставлен Селевк.

Известие о смерти Александра вызвало новую вспышку антимакедонского движения в Греции, и прежде всего в Афинах. В афинском народном собрании преобладание получили враждебные Македонии группировки во главе с Гиперидом. Совет пятисот вступил в переговоры с Леосфеном, одним из командиров наемников, участвовавшим в походах Александра, афинянином по происхождению, находившимся в это время с отрядом в 8 тыс. воинов у мыса Тенар в Пелопоннесе; во многие полисы были разосланы посольства с призывом начать войну за освобождение Греции; Демосфен, находившийся в изгнании, с торжеством вернулся на родину. К Афинам примкнули Этолия, Фокида, Локрида, часть фессалийцев и некоторые города Пелопоннеса. Армиям афинян и их союзников под командованием Леосфена удалось отеснить войска Антипатра за Фермопилы и осадить в городе Ламии (поэтому последующие события обычно называют Ламийской войной), после чего к восставшим присоединились остальные фессалийцы, Аргос и Коринф. Но затем с подходом Кратера перевес сил оказался на стороне македонян: греческий флот был разбит у о. Аморгос, а сухопутные войска — в битве при Кранноне (322 г.). Сопротивление греков было сломлено. Антипатр сурово расправился с побежденными. Наибольшее наказание понесли Афины, как зачинщик войны: на город была наложена контрибуция, в Мунихии размещен македонский гарнизон, на Самос возвращены изгнанники, демократия была ликвидирована, вожди казнены (Демосфен, спасаясь от преследователей, принял яд). По установленному цензу (владение имуществом в 2000 драхм), как сообщает Плутарх (Фокион, XXVIII), более 12 тыс. афинян лишились гражданских прав и часть их была переселена Антипатром во вновь основанный полис во Фракию.

Во Фракии в это время назначенный туда сатрапом Лисимах вел войну с царем одрисов Севтом III, пытаясь вновь подчинить его Македонии. А в восточной половине державы Пердикка, используя настроения в армии, привыкшей жить грабежом завоеванных территорий, пытался упрочить свое единовластие. Ему удалось подчинить Каппадокию, по его поручению сатрап Мидии Пифон подавил восстание греко-македонских войск в Бактрии, покинувших гарнизоны и двигавшихся на запад с намерением вернуться на родину. Но действия Пердикки против Птолемея, захватившего отправленный в Македонию гроб с телом Александра, натолкнулись на сопротивление других сатрапов и военачальников и положили начало длительному периоду борьбы диадохов. Сведения об этом

периоде, сохранившиеся в источниках, отрывочны и запутанны, можно наметить лишь основные линии исторического процесса.

Поход Пердикки в Египет (321 г.) оказался малоуспешным, вызвал недовольство армии, в результате чего он был убит своими же командирами. В это время в Малой Азии в столкновении с Евменом, оставленным Пердиккой для обороны тыла, погиб Кратер. После этих событий в Трипарадесе (в Сирии) произошло второе распределение должностей и сатрапий (321 г.). Регентство перешло к Антипатру, правившему Грецией и Македонией, к нему вскоре была перевезена царская семья. Антигон получил полномочия стратега-автократора Азии, и в его ведение перешли все царские войска, находившиеся там. Таким образом, центр державы как бы переносился на запад, но так как большая часть армии оставалась на востоке, то значение должности регента, естественно, уменьшалось. Селевк получил сатрапию Вавилонию, были произведены некоторые перемещения среди второстепенных сатрапов. Война с Евменом и другими сторонниками Пердикки была поручена Антигону. Решения, принятые в Трипарадесе, свидетельствуют о том, что диадохи, сохраняя номинальное единство державы под властью македонской династии, фактически уже начинают отказываться от организационного единства империи.

В ближайшие два года Антигон почти полностью вытеснил Евмена из Малой Азии, но в 319 г. умер Антипатр, передав свои полномочия Полиперхонту, одному из старых и преданных македонской династии полководцев, и политическая ситуация вновь резко изменилась. Против Полиперхонта выступил сын Антипатра Кассандр, нашедший поддержку у Антигона. В ответ на это Полиперхонт вступил в сношения с Евменом и от имени царей назначил его стратегом Азии (взамен Антигона), предоставив ему полномочия распоряжаться царской казной для набора войска. В короткое время Евмен набрал значительную армию, война диадов возобновилась с новой силой.

Важнейшим плацдармом стали Греция и Македония, где в борьбу между Полиперхонтом и Кассандром были втянуты и царский дом, и македонская знать, и греческие полисы.

Чтобы ослабить Кассандра, гарнизоны которого стояли в Афинах и других городах, и привлечь на свою сторону греческие полисы, Полиперхонт от имени царей издал указ (сохранившийся в пересказе Диодора — XVIII, 56) о восстановлении в Греции «свободы» — политического статуса, существовавшего до Ламийской войны, в результате чего в Афинах и других городах произошли антиолигархические перевороты. Для повышения авторитета своей власти Полиперхонт пригласил переехать в Македонию царю Олимпиаду, мать Александра, жившую в Эпире при дворе своего брата, и взять на себя воспитание внука. Олимпиада, издавна враждовавшая с домом Антипатра, вторглась в Македонию с небольшим войском из эпиротов, захватила и казнила Филиппа III Арридея, его жену Евридику и еще ряд знатных македонян, в том числе брата Кассандра, сводя старые счеты.

Кассандр поспешно двинулся в Македонию, окружил Пидну, где укрылась Олимпиада, и после длительной осады в 316 г. добился ее выдачи. Не решаясь самовластно учинить расправу над старой царницей, женой Филиппа II и матерью Александра, он передал ее суду войскового собрания и с помощью родственников казенных Олимпиадой знатных македонян добился ее осуждения и казни. Александр IV и его мать Роксана также оказались в руках Кассандра, но уже не на положении царствующей семьи, а скорее в качестве пленников или заложников.

Успехи Кассандра в Македонии, нерешительность и неудачи Полиперхонта имели следствием смену ориентации в греческих полисах. Афины, не получая помощи от Полиперхонта, начали переговоры с Кассанд-

ром, гарнизон которого занимал Пирей. В результате заключенного компромиссного договора афиняне сохранили свою территорию и флот, но в Мунихии и в Панакте (пограничной с Беотией крепости) были оставлены македонские гарнизоны; восстановливалась введенная Антипатром цензовая конституция, но ценз был снижен с 2000 до 1000 драхм; во главе полиса был поставлен наместник (эпимелет) Деметрий Фалерский, философ-перипатетик умеренно-олигархических взглядов, управлявший Афинами в течение 10 лет (318—308 гг.).

Снисходительное отношение Кассандра к Афинам и предпринятое им восстановление Фив, разрушенных Александром в 335 г., способствовали расширению его влияния в Греции. Женитьба на Фессалонике, дочери Филиппа II, сводной сестре Александра, открывала Кассандру легитимный путь к македонскому престолу, но ситуация в восточной половине державы удерживала его от последнего решительного шага к царской власти.

К 316 г. Антигон, одержав победу над Евменом и сатрапами Мидии, Персиды и Вавилонии, стал самым могущественным из диадохов: помимо названных сатрапий, в его владения входила значительная часть Малой Азии, к тому же он обладал огромными денежными средствами для найма и содержания армии. Возникла угроза распространения его власти и на другие сатрапии. Это заставило Птолемея, Селевка и Кассандра заключить союз против Антигона, к ним примкнул и Лисимах, до сих пор не вмешивавшийся в борьбу диадохов, так как был занят расширением и укреплением своих владений во Фракии и на западном побережье Черного моря. Началась новая серия сражений на море и на суше в пределах Сирии, Финикии, Вавилонии, Малой Азии, Греции и Фракии.

Война между Антигоном и коалицией шла с переменным успехом. Антигон сделал попытку закрепить во Фракии. Вероятно, не без его влияния против Лисимаха восстали Каллатия и другие западнопонтийские города в союзе с соседними скифскими и фракийскими племенами. В поддержку им Антигон выслал флот и сухопутную армию и заключил военный союз с царем одрисов Севтом. Однако Лисимах успешно справился с противниками, не дав им объединить свои силы (сопротивление продолжала оказывать лишь Каллатия). В 311 г. между Антигоном, Птолемеем, Кассандром и Лисимахом был заключен мир, свидетельствующий, что никто из них не достиг своей цели: Антигон вынужден был признать Кассандра стратегом Европы, Кассандр — согласиться с предоставлением независимости греческим городам, Птолемей — отказаться от притязаний на Сирию, а Лисимах — на Геллеспонтскую Фригию. Хотя в соглашениях о мире еще фигурировало имя царя Александра IV, фактически о единстве державы уже не было речи, диадохи выступали как самостоятельные независимые правители подвластных им территорий. К тому же во многом соглашение оказалось фикцией, и война возобновилась.

К 307 г. исчезла последняя формальная связь между частями бывшей державы Александра: Роксана и ее сын были убиты по распоряжению Кассандра. С целью завладеть Македонией и македонским престолом Антигон начал подготовку стратегической базы в Греции. Еще до этого на Кикладах под его протекторатом был создан Союз несиотов (островитян) с центром на Делосе. В 307 г. Антигон отправил своего сына Деметрия с сильным флотом к Афинам и провозгласил «освобождение» греческих полисов. Деметрий изгнал гарнизоны Кассандра из Аттики, в Афинах была восстановлена демократия, за что демос декретировал божеские почести Антигону и Деметрию.

Греческие полисы играли важную роль в первую очередь как стратегические опорные пункты, но, очевидно, не в меньшей степени и как арсеналы вооружения и источники пополнения командного и рядового состава армии. Вопрос о взаимоотношениях диадохов с полисами имел и

социально-психологический аспект, так как значительная часть армий состояла из греческих наемников. Используя социально-политическую борьбу внутри полисов и традиционные тенденции к политической независимости, диадохи — Полиперхонт, Антигон, Птолемей — провозглашали «свободу» греческих полисов. Демагогический характер манифестов об «освобождении» греческих полисов отчетливо вырисовывается из сохранившейся надписи из Скепсиса (OGIS, 5), содержащей послание Антигона в связи с заключением мира в 311 г., в котором соглашение, заключенное диадохами, изображается как забота Антигона о «свободе эллинов, ради которой мы (т. е. Антигон) делали немалые уступки». Оказывая поддержку то демосу, то олигархии, диадохи добивались при этом права размещать свои гарнизоны на территории полисов. Политические перевороты сопровождалась конфискациями, изгнаниями и казнями, столкновения диадоров из-за того или иного полиса влекли за собой жестокие репрессии и разграбление.

Но успех в Греции во многом зависел от господства на море, где наиболее серьезным соперником был Птолемей, располагавший мощным флотом и портами в союзных с ним греческих полисах. В 306 г. возле Саламина на Кипре Деметрий, сын Антигона, разгромил флот Птолемея. После этой крупной победы Антигон присвоил себе и Деметрию царские титулы, заявив тем самым уже открыто претензию на македонский престол. В ответ на это Лисимах, Кассандр, Птолемей и Селевк также провозглашают себя царями. Предпринятый затем поход против Египта оказался неудачным для Антигона, тогда он направил удар против Родоса, одного из наиболее важных в стратегическом и экономическом отношении союзников Птолемея. В результате двухлетней (305—304 гг.) осады Деметрием (получившим за искусную осаду прозвище Полиоркета — Осаждавателя города) Родос вынужден был заключить мир с Антигоном. Только после этого Деметрию удалось добиться значительных успехов в Греции: он изгнал гарнизоны Кассандра из ряда городов Пелопоннеса, возобновил Коринфский союз, объявил «свободной» всю Грецию и двинулся в Фессалию. Возникла реальная угроза для Кассандра и Лисимаха.

К этому времени Селевк, пользуясь тем, что силы и цели Антигона были направлены на усиление его позиции на западе, совершил поход по восточным сатрапиям вплоть до Индии и вернулся в Вавилон, обладая достаточно крупными материальными ресурсами и военными силами, чтобы вступить в борьбу с Антигоном. Вновь против Антигона объединились все его противники, в решающем сражении при Ипсе в 301 г. Лисимах, Селевк и Кассандр нанесли полное поражение Антигону, сам он погиб в бою. Деметрий с остатками войска отступил к Эфесу; в его власти оставались еще сильный флот и некоторые города Малой Азии, Греции и Финикии. Владения Антигона были поделены главным образом между Селевком и Лисимахом; Птолемей, ограничивший захватом Южной Сирии и не участвовавший в разгроме Антигона, удержал лишь фактически занятые им районы. Битву при Ипсе в известной мере можно считать рубежом, положившим начало существованию одного из крупнейших эллинистических государств — царства Селевкидов, включившего в себя все восточные и переднеазиатские сатрапии державы Александра и некоторые районы Малой Азии. Несколько раньше определились границы царства Птолемеев: в него вошли Египет, Киренаика и Келесирия. Только этим можно объяснить тот факт, что Птолемей Керани вскоре после убийства им в 280 г. Селевка был провозглашен царем Македонии, почти не имея для этого законных оснований¹¹.

¹¹ Птолемей Керани был старшим сыном Птолемея I, а по матери — внуком Антипатра и кузеном Кассандра. Незадолго до этого (в 285 г.) он бежал из Египта, так как Птолемей объявил своим соправителем и наследником младшего сына — Птолемея II.

Помимо разорительных династических войн, в начале 270-х годов Македония и Греция подверглись опустошительному вторжению кельтских племен, массовые передвижения которых с конца IV в. охватили всю Южную Европу. По сообщению Павсания (X, 19—23), кельты-галаты тремя отрядами двинулись на Балканский полуостров; в начале 279 г. отряд во главе с Болгием вторгся в Македонию. В первом же столкновении с кельтами македоняне потерпели поражение, Птолемей Керави погиб. Около двух лет Болгий разорял страну, пока не осел в Иллирии. Второй отряд кельтов под предводительством Бренна направился в Среднюю Грецию. Попытка греков остановить его у Фермопил оказалась безуспешной. Опустошая по пути греческие города, Бренн направился к Дельфам, рассчитывая захватить сокровища храма Аполлона. Силы защищавших храм фокейцев и других членов дельфийской амфикинии были незначительны, но тяжелое ранение Бренна, начавшееся землетрясение и сильные морозы и снег — что было истолковано как гнев богов — вызвали паническое отступление кельтов, во время которого они были разгромлены этолийцами. Третья волна кельтского вторжения захлестнула Фракию. Отсюда в 278 г. часть кельтов переправилась через проливы в Малую Азию (где они в течение ряда лет совершали опустошительные походы, а затем осели в Галатии), часть осталась на территории Фракии, угрожая новыми вторжениями в соседние государства.

Однако в 277 г. Антигону Гонату, сыну Деметрия Полиоркета, который продолжал удерживать под своей властью некоторые греческие города, захваченные еще Деметрием, и располагал значительными военными силами и флотом, удалось в сражении под Лисимахией во Фракии нанести сокрушительный разгром крупному отряду галатов. Тем самым он не только освободил Македонию и Грецию от угрозы кельтских вторжений, но и обеспечил себе доступ к македонскому престолу. Вскоре Антигон Гонат был провозглашен царем Македонии и положил начало новой династии — Антигонидов. Таким образом, третье крупное эллинистическое государство также обрело относительную территориальную и политическую стабильность.

Полувековой период борьбы диадохов был, по существу, периодом становления нового эллинистического общества со сложной социальной структурой и новым типом государства. В деятельности диадохов, руководствовавшихся субъективными интересами, проявлялись в конечном счете объективные тенденции исторического развития Юго-Восточной Европы, Средиземноморья и Передней Азии — потребность в установлении тесных экономических связей глубинных районов с морским побережьем и связей между отдельными областями Средиземноморья, а вместе с тем тенденция к сохранению сложившейся этнической общности и традиционного политического и культурного единства отдельных районов; потребность в обеспечении безопасности и регулярности торговых сношений, развития городов как центров торговли и ремесла; потребность в освоении новых земель для прокормления возросшего населения и, наконец, потребность культурного взаимодействия как необходимого условия дальнейшего развития культуры. Несомненно, что индивидуальные особенности государственных деятелей, соперничавших в борьбе за власть, их военные и организаторские таланты или, наоборот, бездарность и политическая близорукость, энергия и неразборчивость в средствах для достижения целей, жестокость, пренебрежение к человеческой жизни, корыстолюбие — все это осложняло ход событий, придало ему острую драматичность, усилило роль случайных факторов. И тем не менее в целом можно выявить некоторые общие черты политики диадохов.

Каждый из них стремился объединить под своей властью внутренние и приморские области, обеспечить господство над важными путями, торговыми центрами и портами. Каждый нуждался в сильной армии как

предпосылке и единственной реальной опоре власти. Основной костяк армии, как правило, состоял из македонян и греков, входивших ранее в царское войско и в состав гарнизонов, оставленных в крепостях во время походов Александра, а также из наемников, набранных в Греции (на мысе Тенар в Пелопоннесе, на Крите и в других местах вербовки). Средства для их оплаты и содержания отчасти черпались из сокровищ, награбленных Александром или самими диадохами, но достаточно остро стоял вопрос и о сборах дани или податей с местного населения, а следовательно, об организации управления захваченными территориями и налаживании экономической жизни. Эти моменты, очевидно, оказались решающими для упрочения положения того или иного диадоха. Так, например, Антигон, захвативший все сокровища царской казны, оставшейся в Азии, по-видимому, меньше, чем другие диадохи, заботился о налаживании экономики и управления в подвластных землях, и это в какой-то мере предопределило исход борьбы.

Перед каждым из диахов стояла проблема взаимоотношений с местным, негреческим населением. Здесь заметны две тенденции: одни продолжали политику Александра, направленную на сближение греко-македонской и местной знати и использование местных традиционных форм социальной и политической организации, другие проводили более жесткую политику по отношению к местным слоям населения, как к завоеванным и полностью бесправным. В отношениях с дальними восточными сатрапиями все диадохи вынуждены были придерживаться сложившейся при Александре практики (возможно, восходящей к персидскому времени): власть была предоставлена местной знати на условиях признания зависимости и выплаты определенных денежных и натуральных поставок. Селевк, совершивший поход по восточным сатрапиям, добился лишь признания своей верховной власти и соответствующих поставок. Птолемей Лаг, как показывают более поздние документы, сохранял без существенных изменений социально-политическую структуру Египта в качестве опоры своей монархической власти. Очевидно, в том же плане действовал Селевк в Вавилонии.

Одним из средств экономической и политической консолидации складывавшихся эллинистических государств было основание новых полисов. Диадохи продолжали практику основания новых городов, начатую Александром, но она приобрела некоторые новые черты. Новые полисы основывались и как стратегические пункты, и как административные и экономические центры. Одни из них возводились заново на пустующих землях, заселялись выходцами из Греции, Македонии и иных мест и получали полисную структуру; другие возникали путем добровольного или принудительного синойкизма, т. е. соединения в один полис двух или нескольких небольших городов или сельских поселений, третьи — путем реорганизации восточных городов, пополненных греко-македонским населением. Характерно, что новые полисы появлялись во всех областях эллинистического мира, но их число, расположение и способ возникновения отражают и специфику времени, и исторические особенности отдельных областей. Так, во внутренних, густо заселенных в развитых районах Египта Птолемей основал лишь один полис — Птолемаиду в Верхнем Египте, в наиболее важном в стратегическом отношении районе; Селевк и его преемники основали значительное число полисов во внутренних сатрапиях, и особенно в приморских районах Сирии и Малой Азии, руководствуясь не только стратегическими, но и экономическими и политическими расчетами¹². Новые полисы были основаны и

¹² По сообщению Аппиана (Суг., 57), Селевк основал около 55 городов. Вообще о городах, основанных на территории державы Селевкидов, см.: Кошевенко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979, с. 80—180.

на территории Балканского полуострова: Лисимах основал город своего имени на Херсонесе Фракийском, разрушив город Кардию, Кассандр — Фессалоникию в Фермейском заливе, недалеко от Пеллы, и Кассандрию на Халкидике, на месте разрушенной Потидеи, Деметрий — город Деметриаду в Фессалии. Все они возникли как портовые города в результате принудительного синойкизма соседних мелких поселений.

Греческие полисы Западного Средиземноморья не принимали участия в походах Александра Македонского (в источниках встречаются лишь единичные упоминания о присутствии в армии Александра греков из Сицилии и Южной Италии), но в какой-то мере оказались втянутыми в напряженную военную и политическую борьбу периода диадохов. Очевидно, причину этого следует искать в том, что в Западном Средиземноморье в несколько иной форме шел тот же процесс вытеснения полиса как самостоятельной государственной единицы более крупными государственными объединениями, включающими и полисы, и племенные территории. Инициатива здесь принадлежала Риму и Карфагену, но и греческие политические деятели, и полководцы также пытались создать державу, сходную с царствами, возникавшими в Восточном Средиземноморье.

Первой афемерной попыткой в этом направлении были завоевания царя эпиротов Александра Молосского (334—331 гг.). Более долговременной и обширной по территории была держава Агафокла (316—289 гг.). Захватив с помощью наемного войска власть в Сиракузах, Агафокл, провозглашенный стратегом-автократом и эпимелетом полиса, истребил или изгнал враждебную ему олигархию и начал подчинение соседних сицилийских полисов, что неизбежно привело к столкновению с Карфагеном, владевшим западным побережьем острова. Потерпев поражение, осажденный в Сиракузах Агафокл совершил с отрядом наемников и освобожденных рабов дерзкую экспедицию на территорию Карфагена в Африке, и ему удалось достичь немалых успехов. Кроме того, он заключил военный союз с правителем Киренаики македонским полководцем Офеллой и сумел привлечь на свою сторону некоторые подвластные Карфагену города.

Война в Африке ослабила позиции противников в Сицилии, где греческие полисы во главе с Акрагантом не только освободили всю южную часть острова, но и поставили под угрозу господство Агафокла в Сиракузах. Это заставило Агафокла вернуться в Сиракузы, бросив войско в Африке на произвол судьбы. В 306 г. он заключил мир с Карфагеном на выгодных для него условиях (владения Карфагена в Сицилии ограничивались территориями, которой он владел до начала войны) и в течение 307—304 гг. подчинил своей власти восточную часть Сицилии. В это же время Агафокл вслед за диадохами провозгласил себя царем: этот титул появляется на выпускаемых им монетах. Упрочив свое положение в Сицилии, он начал завоевания в Южной Италии и Адриатике, поддерживая тесные дипломатические связи с царями Египта, Эфира, Македонии. К концу 290-х годов политическая борьба в державе Агафокла обострилась, и после его смерти в 289 г. держава распалась, в Сиракузах была восстановлена демократия.

О характере власти Агафокла в науке нет единого мнения: одни видят в ней вариант позднегреческой тирании с присущей ей демагогической окраской, другие сближают ее с властью эллинистических монархов, но, видимо, более правы те, кто рассматривает ее как синтез тех и других начал: тирания в отношении к Сиракузам и авторитарная монархическая власть на завоеванной территории.

Еще одну попытку создать в Западном Средиземноморье державу эллинистического типа сделал царь эпиротов Пирр. После неудачной попытки завладеть македонским тронном он отправился в 280 г. с войском в Италию на помощь Таренту, воевавшему в союзе с южноиталий-

скими племенами против Рима. Одержав в первом столкновении с римлянами победу, в результате которой Лукания и большинство греческих полисов Италии перешли на его сторону, Пирр двинулся в Апулию; в сражении под Аускулом в 279 г. он вновь добился победы, но ценой слишком больших потерь («Пиррова победа»). К тому же испортились его отношения с Тарентом и другими греческими полисами. Поэтому, оставив гарнизоны в Таренте (поскольку Рим отклонил мирные предложения), Пирр в 278 г. по просьбе Сиракуз отправился в Сицилию для борьбы с Карфагеном, по-видимому надеясь восстановить державу Агафокла. Вначале сицилийская кампания шла успешно, греческие города без сопротивления переходили на сторону Пирра, и ему удалось почти полностью вытеснить карфагян, но его державные планы и отношение к сицилийским полисам как к подданным вызвали у сицилийцев возмущение. Этим воспользовались карфагяне, и в результате к 275 г. под властью Пирра остались лишь Сиракузы. Тем временем римляне в Южной Италии перешли в наступление, и по просьбе союзников Пирр вернулся в Италию. Новое сражение с римлянами произошло весной 275 г. под Беневентом, где Пирр потерпел полное поражение и вынужден был вернуться в Эпир. Таким образом, и его попытка создать на базе полисов Великой Греции государство, аналогичное державам Селевка и Птолемея, окончилась крахом.

Почти полувековой период борьбы диадохов, наполненный острой социально-политической борьбой и непрерывными войнами с опустошением земель, разрушением городов, порабощением и гибелью массы людей, оставил глубокий след в общественном сознании и культуре античного мира. Неустойчивость социального бытия, трагические события, сопровождавшие войны и политические перевороты, порождали у людей неуверенность, страх перед будущим, критическое отношение к традиционным политическим взглядам и морали. В то же время в результате восточных походов и последовавших за тем мирных контактов со странами Востока, их населением, культурой и обычаями расширился кругозор не только философов и ученых, но и рядовых граждан полиса. Все это в совокупности вело к переоценке греками прежних этических и правовых норм, заставляло их по-новому осмысливать окружающий мир и место в нем человека. И потому именно в этот период зарождаются новые философские учения, новые направления в искусстве и литературе, новые политические и религиозные представления. В Афинах в 306 г. открывает свою философскую школу Эпикур, в 301 г. Зенон основывает школу стоиков. Утрачивает свое значение политическое ораторское искусство, меняются политические доктрины. Если в 324 г. в афинском народном собрании вопрос о божеских почестях Александру Македонскому вызывал ироническое отношение и споры, то в 307 г. афиняне за освобождение города из-под власти Кассандра не только объявляют Антигона и Деметрия богами и возводят им статуи, но и создают в их честь две новые филы, сооружают алтарь, учреждают ежегодные празднества с процессиями и пр. Этим актом афиняне ввели обожествление царей-благодетелей в политическую практику греческих полисов.

Тенденции, наметившиеся в период борьбы диадохов в культуре и социально-экономической и политической жизни эллинистического общества, получили отчетливое выражение в III—II вв.

3. ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В III В. ДО Н. Э. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

К середине 70-х годов III в. в основном определились границы эллинистических государств, и с этого времени начинается новый этап в политической истории Восточного Средиземноморья и Передней Азии. Между державами Селевкидов, Птолемеев и Антигонидов начинается упорная борьба за лидерство, подчинение своей власти или влиянию независимых городов и государств Малой Азии, Греции, Келесирии, островов Средиземного и Эгейского морей. Эта борьба велась не только в форме открытых военных столкновений соперников, но и путем дипломатических интриг, использования политических и социальных противоречий внутри отдельных полисов.

Птолемеевский Египет, консолидировавшийся в самостоятельное государство несколько раньше других эллинистических государств, в течение первой половины III в. имел некоторый перевес над своими соперниками — царством Селевкидов и Македонией. Интересы Египта и государства Селевкидов сталкивались прежде всего в Южной Сирии и Палестине, так как, помимо огромных доходов, которые поступали из этих стран в качестве податей, владение ими обеспечивало преобладающую роль в торговле с арабскими племенами, а кроме того, эти области имели стратегическое значение как по своему географическому положению, так и благодаря богатым запасам основного строительного материала для военного и торгового флота — кедрового леса. Соперничество Птолемеев и Селевкидов в этом регионе вылилось в серию так называемых Сирийских войн.

Те же причины, т. е. стремление обеспечить поступление доходов и закрепить за собой торговые и стратегические базы, сталкивали Египет, государство Селевкидов и Македонию и на Малоазийском полуострове. Но в Малой Азии захватнические интересы крупных эллинистических государств сталкивались не только между собой, но и со стремлением складывавшихся малых эллинистических государств (Пергам, Вифиния и др.) отстаивать свою самостоятельность.

Очагом противоречий между Египтом и Македонией были острова Эгейского моря и Греция, области, являвшиеся потребителями сельскохозяйственных продуктов, производителями ремесленных изделий и поставщиками военной и квалифицированной рабочей силы. Политическая и социальная борьба внутри греческих полисов предоставляла широкие возможности для вмешательства той или иной эллинистической державы во внутренние дела Греции.

Внешнеполитическая обстановка на Балканском полуострове продолжала оставаться весьма неустойчивой. Вскоре после воцарения Антигона Гоната в борьбу за македонский престол вновь вступил вернувшийся из Италии Пирр. В 274 г., пополнив свое войско наемниками-галатами (деньги для этого, по-видимому, ему предоставил Птолемей), он вторгся в Македонию и в короткий срок захватил ее западные области и Фессалию. Немалую роль сыграли в этом его старые связи с македонскими военачальниками и популярность среди рядовых воинов, однако вскоре бесчинства наемников Пирра несколько пошатнули его популярность в Македонии. Антигон продолжал удерживать Фессалионию с прилегающими наиболее развитыми районами и Коринф в Пелопоннесе (в Акрокоринфе стоял македонский гарнизон). Чтобы вытеснить Антигона из Пелопоннеса, Пирр вмешался в династическую борьбу в Спарте, попытался захватить Аргос и здесь в уличной битве погиб (272 г.). В бли-

жайшие после смерти Пирра годы Антигон не только вновь утвердился в Македонии, но и значительно упрочил свои позиции в Пелопоннесе: в Аргосе, Элиде, Мегалополе к власти пришли сторонники Македонии.

Расширение македонского влияния в Греции натолкнулось на противодействие Птолемея II, начавшего активно поддерживать антимакедонские настроения в Афинах, Спарте и других полисах. Был заключен общий союз между Спартой и ее союзниками, Афинами и Птолемеем II, направленный, как указывает афинский декрет, являющийся своего рода ратификацией союзного договора, против «пытающихся разрушать законы и отеческие гражданские правления», т. е. против Македонии и ее сторонников. Лакедемонскую коалицию, куда, кроме Спарты, входили Элида, Ахайя, аркадские города и некоторые из критских городов, возглавлял царь Арей; простатами (представителями) афинского народа были вожди демократии Хремонид и Главкон. По имени первого из них, являвшегося, по-видимому, инициатором заключенного союза, и называется начавшаяся вскоре после этого война.

Вопрос о хронологии Хремонидовой войны не вполне ясен, большинство исследователей датируют ее 267—262 гг. Антигон, как сообщает Павсаний (III, 6, 4—5), двинулся походом на Афины с пешим войском и флотом, опустошил Аттику и окружил город тесным кольцом. Войска пелопоннесцев под командованием Арея пройти через Истм не смогли, Антигон сосредоточил против них значительные силы и разбил их у Коринфа, царь Арей погиб (265 г.). Египетский флот под командой Патрокла, отправленный Птолемеем на помощь Афинам, находился около мыса Суний, его попытка высадиться в Аттике и прорвать блокаду не имела успеха. После длительной осады Афины капитулировали.

Ученик стоика Зенона, царь-философ, каким часто изображают Антигона, проявил себя по отношению к побежденным Афинам таким же жестоким властителем, как и его предшественники: македонские гарнизоны были поставлены не только в Пирее и стратегически важных пунктах Аттики, но и в самом городе — в Музеуме, противники Македонии были изгнаны, введены какие-то, позднее отмененные (256 г.), ограничения свободы полиса, в том числе права чеканки монеты.

Результаты Хремонидовой войны имели важные последствия и для Македонии, и для греческих полисов, прежде всего для Афин. За 70 лет от Ламийской до конца Хремонидовой войны Афины пережили две тяжелейшие осады, три поражения с последующей уплатой контрибуции, неоднократные опустошения территории Аттики войсками диадохов и длительные оккупации их гарнизонами Пирея. Эти разорительные для всего населения войны сопровождались олигархическими или демократическими переворотами в зависимости от внешнеполитической обстановки, при этом неоднократно пересматривались законы и структура органов власти. Так, при Деметрии Фалерском было отменено избрание должностных лиц по жребию, сокращена выплата жалования, введена ежемесячная отчетность магистратов перед Советом, создана коллегия номофилаков (стражей законов), санкционировавших законосообразность вносимых в народное собрание предложений, отменена выплата зрелищных денег (теорикона); на основании ценза в 1000 драхм была проведена перепись населения, ограничившая число граждан 21 тыс. человек. В результате демократического переворота, последовавшего за «освобождением» Афин Деметрием Полиоркетом, ограничения гражданских прав были отменены, были избраны номофеты (законодатели) для пересмотра законов, но о результатах их деятельности сведений не сохранилось, известны лишь декреты народного собрания в честь Полиоркета, в том числе принятое под его давлением постановление о том, что все решения Деметрия угодны богам и справедливы (Плутарх, Деметрий, XXIV). В 297 г. в Афинах власть захватил тиран Леохар, также опиравшийся

на какие-то демократические группировки, он продержался до 294 г., когда после тяжелой осады афиняне сдались Деметрию Полиоркету. Накануне Хремонидовой войны произошел новый подъем демократических и патриотических настроений, а после поражения истощенные и обезлюдевшие Афины надолго примирились с македонским господством.

Несмотря на то что Афины и Спарта уже не играли прежней роли ведущих греческих государств, но в силу традиций, а также вследствие того что Афины оставались крупнейшим торговым (благодаря порту Пирею) и ремесленным центром, а Спарта — сильнейшим в военном отношении полисом Пелопоннеса, одержанная над ними победа значительно повысила военно-политический престиж Антигона Гоната. Его позиция заметно усилилась не только в Пелопоннесе, но и в Средней Греции. Возросло также влияние Македонии в Эгеиде и соответственно обострились ее отношения с Египтом.

Хремонидова война была последней попыткой прежних лидеров эллинского мира — Афин и Спарты — объединенными силами отстоять независимость греческих полисов от Македонии и восстановить свое влияние в Греции. Однако их поражение не означало примирения греков с македонской гегемонией, напротив, если в некоторых крупных и экономических развитых полисах к власти пришли сторонники Македонии, то в остальных полисах, особенно там, где сохранились элементы старой племенной и раннеполисной организации, антимакедонские настроения усилились. Присоединение к Македонии не давало этим полисам существенных экономических и политических преимуществ. В то же время вековые традиции независимости и автаркии здесь были особенно сильны. Поэтому экспансия Македонии встречала упорное сопротивление, и прежде всего среди демократических слоев, так как введение македонских гарнизонов сопровождалось обычно установлением олигархических режимов. Однако существование мелких независимых полисов в условиях системы эллинистических монархий становилось практически невозможным, к тому же и тенденции социально-экономического развития самих полисов, проявившиеся уже в IV в. до н. э., требовали создания более широких государственных объединений.

К концу IV в. в Греции существовали разные формы объединения полисов: это и культурные объединения типа Дельфийской амфиктионии, и политические союзы, создаваемые диадохами (Ионийский и Эллинский, Союз несиотов и т. п.), и союзы полисов, сложившиеся на основе племенной или исторической общности (Фессалийский, Этолийский, Беотийский, Аркадский и др.). На протяжении III в. формируется новый тип политического объединения полисов: на договорной основе возникают союзные государства, выступающие на международной арене как единое целое при сохранении автономии во внутренней жизни и равноправии полисов в общесоюзных делах. Характерно, что инициатива образования федераций исходит не из старых экономических и политических центров Греции, а из районов сравнительно слабо развитых.

Уже в начале III в. приобретает значение Этолийская федерация, возникшая из союза этолийских племен. Авторитет этолийцев возрос после того, как они отстояли Дельфы от нашествия галатов и стали во главе Дельфийской амфиктионии; к их союзу присоединяются соседние с ними области Средней Греции. Во время Хремонидовой войны в Этолийский союз (занимавший нейтральную позицию) были включены южная часть Акарнании, Фокида и Северная Локрида. В 245 г. этолийцы насильственно присоединили Беотию и, таким образом, не вступая в открытый конфликт с Македонией, объединили все полисы Средней Греции, кроме Аттики, охраняемой македонским гарнизоном.

В 280 г. возродился распавшийся во время войн диадохов союз ахейских полисов (вероятно, возникший когда-то на этнической основе).

Одной из побудительных причин объединения могло быть стремление противостоять экспансии этолийцев, подчинивших северное побережье Коринфского залива. Важной вехой в истории Ахейского союза было присоединение к нему в 251 г. Сикиона, крупного и экономически развитого полиса Северного Пелопоннеса. Большую роль в этом сыграл сикионец Арат, сын Клиния, инициатор свержения промакедонской тирании в Сикионе, ставший затем наиболее влиятельным политическим деятелем в федерации; его энергия и предприимчивость способствовали превращению Ахейского союза в сильнеешего противника Македонии на Пелопоннесе. Особенно важным успехом Арата было изгнание в 243 г. македонского гарнизона из Коринфа и захват Акрокоринфа — крепости, расположенной на высоком холме, контролировавшей проход в Пелопоннес через Истмийский перешеек. Эта операция имела широкий политический резонанс: к Ахейскому союзу присоединился ряд крупных полисов. Арат пытался также освободить Афины от македонского гарнизона и присоединить их к союзу, но не встретил поддержки у афижан.

Включение Коринфа в Ахейский союз совпало с 3-й Сирийской войной (246—241 гг.) и, по-видимому, не случайно: Арат, будучи союзным стратегом, поддерживал контакт с Птолемеями и получал от них денежные субсидии. События на Пелопоннесе отвлекли Антигона от активного участия в борьбе между державами Птолемеев и Селевкидов за гегемонию в Восточном Средиземноморье. В результате этой войны Египту удалось вернуть прежние владения в Эгее и Малой Азии, в том числе города Милет, Эфес и остров Самос; были вновь присоединены Херсонес Фракийский и о. Фасос; расширились владения Птолемеев в Сирии. Успеху Птолемея III в 3-й Сирийской войне, очевидно, способствовала внутренняя нестабильность державы Селевкидов. Около 250 г. отложились наместники восточных сатрапий Диодот и Евтидем, и спустя несколько лет Бактрия, Согдиана и Маргиана образовали независимое греко-бактрийское государство. Почти одновременно отложился наместник Парфии Андрагор, но вскоре он и греко-македонский гарнизон были уничтожены восставшими местными племенами парнов-даев во главе с Аршаком, основавшим новую — парфянскую — династию Аршакидов, начало правления которой традиция относит к 247 г. до н. э.

Соотношение политических сил в Восточном Средиземноморье, сложившееся в результате 3-й Сирийской войны, сохранялось без существенных изменений и в последующие десятилетия. Политическую обстановку на Балканском полуострове в этот период в значительной мере определяли взаимоотношения Македонии, Этолийского и Ахейского союзов, но с конца 40-х годов начинает действовать еще один очень важный фактор — социальное движение в Спарте, нашедшее отклик и в других полисах Греции. К концу III в. до н. э. ситуация резко меняется во всем эллинистическом мире, и причину этого следует искать в ходе предшествующего социально-экономического развития эллинистических государств.

Наиболее характерной чертой экономического развития эллинистического общества в конце IV и начале III в. до н. э. был рост торговли и товарного производства. Несмотря на частые военные столкновения, установились регулярные морские связи между Египтом, Сирией, Малой Азией, Грецией и Македонией; были налажены торговые пути по Красному морю, Персидскому заливу и дальше в Индию, упрочились торговые связи эллинистических государств с Причерноморьем, Карфагеном и Римом. Возникли новые крупные торговые и ремесленные центры, эллинистические по своему облику, — Александрия в Египте, Антиохия на Оронте, Селевкия на Тигре, Пергам, Фессалоникия, Деметриада и др., ремесленное производство которых в значительной мере было рассчитано на внешний рынок. Селевкиды основали ряд полисов вдоль старых

караванных дорог, соединявших верхние сатрапии и Междуречье со Средиземным морем; Птолеми основали несколько гаваней на Красном море. Появление новых торговых центров в Восточном Средиземноморье повлекло за собой перемещение торговых путей в Эгейском море, выросла роль Родоса и Коринфа как портов транзитной торговли, упало значение Афин. Значительно расширились денежное обращение и денежные операции, чему способствовала унификация монетного дела, начавшаяся еще при Александре Македонском с введением в обращение по всей державе серебряных и золотых монет, чеканившихся по аттическому весовому стандарту, принятому затем в большинстве эллинистических государств.

Многочисленные полисы, возникшие на Востоке, притягивали к себе ремесленников, торговцев и людей других профессий. Греки и македоняне приносили с собой привычный для них рабовладельческий уклад, что означало увеличение населения полиса и за счет рабского персонала. Потребность в снабжении продовольствием торгово-ремесленных слоев требовала увеличения производства сельскохозяйственных продуктов, предназначенных для продажи. Денежные отношения начали проникать и в кому (деревню), разлагая традиционные отношения и усиливая эксплуатацию сельского населения. Самый факт развития торговли свидетельствует о том, что экономический потенциал эллинистических государств заметно вырос: увеличился объем ремесленного производства и возрос уровень техники, увеличились и масштабы сельскохозяйственного производства как за счет расширения площадей обрабатываемых земель, так и в результате более интенсивного их использования.

Важнейшим стимулом экономического и технического прогресса было взаимодействие в области материального производства местного и пришлого, греческого и негреческого населения, обмен опытом и производственными навыками в земледелии и ремесле, обмен сельскохозяйственными культурами и научными знаниями. Переселенцы из Греции и Малой Азии перенесли в Сирию и Египет свою технику оливководства и виноградарства и, в свою очередь, переняли у местного населения культивирование финиковых пальм. Папирусы сообщают о том, что в Фаюме пытались акклиматизировать милетскую породу овец. Вероятно, такого рода обмен породами скота и сельскохозяйственными культурами происходил и до эллинистического периода, но теперь для него сложились более благоприятные условия. Трудно выявить изменения в земледельческом инвентаре, но несомненно, что крупные масштабы ирригационных работ в Египте, выполнявшихся главным образом местными жителями под руководством греческих «архитекторов», говорят о сочетании техники и опыта тех и других. Усовершенствование одного из ирригационных приспособлений, применявшихся в Египте, связано с именем Архимеда (Архимедов винт).

В ремесле сочетание техники и навыков местных и пришлых ремесленников (греков и негреков) и повышение спроса на их продукцию привели к ряду важных изобретений, породивших новые виды ремесленного производства, более детальную специализацию ремесленников и возможность массового производства ряда изделий.

Уже в первые десятилетия эллинистической эпохи наблюдается интенсивное развитие техники судостроения и мореходства, военной техники и градостроительства. Наряду с сооружением триер и пентер, составлявших при Александре Македонском основную силу военного флота, афинские, коринфские и финикийские мастера по распоряжению Деметрия Полиоркета начали строить мощные и быстроходные 13- и 16-рядные суда. На верфях Александрии в III в. были построены 20- и 30-рядные суда. Увеличилась грузоподъемность и быстроходность торгового флота, благоустраивались гавани, сооружались молы и маяки. Самым

грандиозным был Фаросский маяк в Александрии, построенный в 285—280 гг. Состратом из Книда.

Постоянные войны в период борьбы диадохов и позднее способствовали развитию осадной и оборонительной техники. Такие сложные технические средства, как тараны, разных видов катапульты (стрелометы), баллисты (каменометы), осадные башни (гелеполы), изобретенные еще в IV в., в эллинистическую эпоху стали обязательным видом оружия, возросла их мощность, многообразнее стали формы, была улучшена конструкция. Одновременно совершенствовались и крепостные сооружения, что связано и с ростом техники градостроительства.

Практика основания полисов, свойственная всем эллинистическим правителям, создала благоприятные условия для развития строительного мастерства и архитектуры. Новые города строились в соответствии с принципами планировки, разработанными еще в V в. Гипподамом Милетским, с прямыми, пересекающимися под прямым углом улицами, ориентированными — если позволял рельеф местности — по странам света. К главной, самой широкой улице примыкала агора, окруженная с трех сторон общественными зданиями и торговыми портиками; поблизости от нее обычно возводились важнейшие храмы и гимнасии; театры и стадионы строили за пределами жилых кварталов на участках соответствующего рельефа. Город обносили оборонительными стенами с привратными и сторожевыми башнями; кроме того, на наиболее возвышенном и важном в стратегическом отношении участке возводился акрополь. Образцы планировки эллинистических городов дают раскопки Приены и Никеи в Малой Азии, Дура-Европос на Евфрате. По сообщению древних авторов, план Александрии Египетской был разработан архитектором Дейнократом Родосским. Ширина ее двух главных пересекающихся улиц равнялась 30 м. При строительстве городов большое внимание уделялось водоснабжению, правильности застройки жилых кварталов, отводу сточных вод. В III—II вв. сложился тот тип богатого частного дома с перистилем и расписанными стенами, который затем получил распространение на юге Италии. Представление о таком доме дают раскопки на Родосе. В это же время появились дома в несколько этажей, квартиры в которых предназначались для бедняков.

Новые технические достижения можно обнаружить и в других отраслях ремесла. В металлургии, например, начали применять разъемные формы для отливки изделий, в частности для отливки бронзовых статуй, благодаря чему стало возможно их серийное производство. В результате освоения греками более совершенного ткацкого станка, применявшегося в Египте и Передней Азии, появились мастерские по выработке узорных тканей (в Александрии) и золототканых (в Пергаме). В Египте было налажено массовое изготовление папируса, а в Пергаме во II в. — пергамента. Ювелиры освоили технику перегородчатой эмали и амальгамирование. В производстве стеклянных изделий были найдены способы изготовления мозаичного, резного, двуцветного, гравированного и золоченого стекла. Исполненные в этой технике предметы считались предметами роскоши, и некоторые из них являлись подлинными произведениями искусства. Широкое распространение получила рельефная керамика, покрытая темным лаком с металлическим оттенком, подражавшая по своей форме и окраске более дорогой металлической посуде (так называемые мегарские чаши). Изготовление ее носило серийный характер благодаря применению готовых мелких штампов, комбинация которых позволяла разнообразить орнамент. При изготовлении терракот, как и при отливке бронзовых статуй, стали применять разъемные формы, что позволяло делать их более сложными и в то же время снимать неоднократно копии с оригинала. Таким образом, произведения отдельных мастеров и художников копировались, становились продукцией ремеслен-

ного массового производства, рассчитанного не только на наиболее богатые, но и на широкие средние слои населения.

Развитие строительной техники и увеличение объема обрабатываемого производства сопровождалось расширением отраслей, добывающих строительные материалы, металлы и другие полезные ископаемые; растет производство сельскохозяйственного сырья (льна, шерсти, кож).

На фоне пышного расцвета новых экономических центров в царстве Селевкидов, Египте и Малой Азии состояние экономики Греции и Македонии некоторым исследователям представляется как застой и упадок. Но это не совсем так. И здесь можно проследить развитие новых торговых-ремесленных центров — Фессалоники, Кассандрии, Филиппополя. В греческих городах и портах, в том числе в Коринфе и Афинах, создавались впервые быстроходные суда и осадная техника для войск Деметрия Полиоркета. Очевидно, и в последующие десятилетия судостроение и производство военного снаряжения продолжали развиваться в Греции и Македонии, так как цари Македонии во второй половине III в. располагали флотом, способным соперничать с флотом Птолемеев.

Замедленный темп экономического развития Греции и Македонии находит объяснение не только в истощении этих районов войнами диадохов и в отливе наиболее жизнедеятельного и предприимчивого населения в восточные страны, но и в специфике развития их социально-политической структуры в эллинистическую эпоху. Греческий полис как форма социально-экономической и политической организации античного общества к концу IV в. до н. э. уже не соответствовал экономическим тенденциям, так как свойственные ему автаркия и автономия препятствовали расширению и укреплению экономических связей. Он не соответствовал и социально-политическим потребностям гражданского коллектива, так как, с одной стороны, не обеспечивал его воспроизводство в целом — перед беднейшей его частью неизбежно возникала угроза потери гражданских прав, а с другой — не обеспечивал внешней безопасности и устойчивости власти этого коллектива, раздираемого внутренними противоречиями.

Историческая практика конца IV — начала III в. создала новую форму социально-политической организации — эллинистическую монархию, соединяющую в себе элементы восточной деспотии — монархическую форму государственной власти, располагающую постоянной армией и централизованной администрацией, — и элементы полисного устройства в виде городов с приписанной к ним сельской территорией, сохранивших органы внутреннего самоуправления, но в значительной мере подчиненных царю. Во вновь основанных полисах от царя зависели размеры изначально приписанных к полису земель и предоставление тех или иных экономических и политических привилегий; включенный в эллинистическую монархию полис был ограничен в сфере внешнеполитических сношений, и в большинстве случаев деятельность полисных органов самоуправления контролировалась царским чиновником — эписитом. Утрата политической самостоятельности полиса компенсировалась безопасностью существования, большей социальной устойчивостью и обеспечением прочных экономических связей с другими частями государства. В свою очередь, царская власть приобретала в городском населении постоянную социальную опору: оно поставляло необходимые контингенты для администрации и армии и обеспечивало господство над завоеванными территориями. По такому же образцу перестраивались и отношения монархии со старыми эллинистическими и восточными городами: на это указывают многочисленные случаи «основания» новых городов на месте существовавших восточных (Раббат-Амон — Филадельфия, Сузы — Селевкия и т. п.) и синоикизмы и переименования греческих городов в Малой Азии (Траллы — Антиохия, Патара — Арсиноя и т. п.).

На территории вновь основанных полисов земельные отношения складывались по традиции как сочетание частной собственности граждан и собственности города на неподеленные участки. Осложнялись они тем, что к городам, как свидетельствуют надписи из Малой Азии (RC, 18; OGIS, 221), могла быть приписана земля с находящимися на ней местными деревнями, население которых не становилось гражданами города, но продолжало владеть своими участками, уплачивая подати городу. На территории, не приписанной к городам, большая часть земли считалась царской. По правовому статусу она делилась на две категории: собственно царскую и «уступленные» земли, т. е. переданные в дар храмам и приближенным царя или в держание небольшими участками (клерами) воинам — клерухам или катойкам. На всех этих землях также могли находиться местные деревни, жители которых продолжали обрабатывать свои наследственные наделы, уплачивая подати или налоги новым владельцам.

Сложность земельных отношений обуславливала многослойность социальной структуры эллинистических государств. Царский дом с его придворным штатом, высшая военная и гражданская администрация, наиболее зажиточные граждане и высшее жречество составляли верхний слой землевладельческой и рабовладельческой знати. Основой их благополучия были земли (городские и дарственные), доходные должности, торговля, откупные и ростовнические операции. Более многочисленным и разнородным был средний слой — городские торговцы и ремесленники, царский административный персонал, откупщики, клерухи и катойки, местное жречество, люди интеллигентных профессий (архитекторы, врачи, философы, риторы, художники, скульпторы и т. п.). Оба эти слоя при всем различии в богатстве и несовпадении интересов составляли тот господствующий класс, который получил в египетских папирусах обозначение «эллин» не столько по этнической принадлежности входящих в него людей, сколько по их социальному положению в обществе, ибо они противопоставлялись всем «неэллинам», т. е. малоимущему местному сельскому и городскому населению — «лаой» (народу, черни). Большую часть «лаой» составляли зависимые или полузависимые земледельцы, обрабатывавшие земли царя, знати, горожан на основе арендных соглашений или традиционного держания. Сюда же относились и работники мастерских, входивших в царскую монополию. Все они считались лично свободными, но были приписаны к месту своего жительства, к той или иной мастерской или профессии. Ниже их на социальной лестнице стояли только рабы.

Греко-македонское завоевание, войны диадохов, распространение полисного строя — все это дало сильный толчок развитию рабовладельческих отношений в их классической античной форме при сохранении и более примитивных форм — рабства-должничества, самопродажи и т. п. Очевидно, роль рабского труда в восточноэллинистических городах (прежде всего в быту и, вероятно, в городском ремесле) была не меньшей, чем в греческих полисах. Но в целом в сельском хозяйстве, и особенно на царских землях, рабский труд не смог в сколько-нибудь заметных масштабах вытеснить труд местного населения, эксплуатация которого была не менее выгодной. Однако повышение роли рабовладения в общей системе социально-экономических отношений привело к усилению внеэкономического принуждения и в отношении сельского населения, к разложению форм общинной организации, обеспечивавших экономическую устойчивость и независимость мелкого земледельческого хозяйства.

На протяжении III в. сформировалась и социально-политическая структура эллинистических государств: сложилась система управления государством и государственным (царским) хозяйством и система налогового обложения, откупов и монополий; определились отношения горо-

дов и храмов с царской администрацией; более четко обозначилась стратификация общества, которая нашла свое выражение в законодательном закреплении привилегий одних и повинностей других. Вместе с тем выявились и социальные противоречия, обусловленные этой структурой.

Анализ социальной структуры восточных эллинистических государств позволяет выявить одну характерную особенность: основная тяжесть содержания государственного аппарата падала на местное сельское население, благодаря чему города оказывались в сравнительно благоприятном положении, что являлось, по-видимому, одной из главных причин, способствовавших их быстрому росту и процветанию в III—II вв. Несколько иной тип социального развития имел место в Греции и Македонии.

Македония, где царская власть была традиционной, постепенно трансформируется в эллинистическое государство, объединяющее в себе элементы монархии и полисного устройства. Как уже говорилось, в период борьбы диахов на территории Македонской державы возникли новые города с полисной структурой. Созданные путем принудительного переселения и синойкизма мелких городских и сельских поселений Кассандрия и Лисимахия были основаны на месте или поблизости от разрушенных городов Потидеи и Кардии, в Деметриаду были переселены жители из ближайших восьми поселений, в Фессалоникию — из 26, земли которых стали их хорой; эти города вскоре стали крупными портовыми и торгове-ремесленными центрами. Практику основания полисов в стратегически важных районах продолжали Антигон Гонат и его преемники. Старые македонские города также приобретали эллинистический облик и полисную структуру. Раскопки в Пелле, вновь ставшей при Антигоне Гонате столицей Македонской державы, обнаружили сравнительно широкие мощные улицы, застроенные богатыми домами, с перистильными дворами и мозаичными полами, с характерной для этого времени системой водоснабжения и отвода сточных вод. Надписи свидетельствуют о существовании в городах Македонии народного собрания и совета и вместе с тем — царских эписитов, контролировавших деятельность полисных магистратов. Эписиты назначались и в подвластные македонским царям греческие полисы; кроме того, их жители облагались податью; в стратегически важные пункты вводились македонские гарнизоны, содержание которых также, по-видимому, возлагалось на полисы; устанавливалась олигархическая или тираническая форма самоуправления.

В самой Македонии, помимо городов с принадлежащими им землями, расположенных преимущественно в прибрежных и центральных районах, на севере страны в пограничных районах продолжали существовать сельские поселения общинного типа фракийских и иллирийских племен. По-видимому, как и в других эллинистических державах, земля, на которой находились эти поселения, считалась по праву завоевания царской. Но были и какие-то царские поместья, достаточно обширные, чтобы отводить часть их под охотничьи угодья и содержать там егерей. Македонским царям, по свидетельству Плутарха (Александр, XV), уже во времена Александра Македонского принадлежали земли, деревни и доходы с поселений и гаваней, очевидно, в форме налогов и пошлин. Нет свидетельств о существовании системы царского хозяйства Антигонидов, но некоторые методы организации экономики, характерные для Египта и других эллинистических царств, — широкое применение сдачи земли, угодий и доходов в аренду и на откуп, учреждение монополий и т. п. — наблюдаются и в Македонии. Собственность царя были золотоносные земли у горы Пангей, но разработка рудников сдавалась на откуп. Можно предполагать, что добыча металлов и других ископаемых, лесные богатства страны и обработка леса также целиком или в значительной

мере находились в руках царя. Полибий (V, 89, 6—7), например, сообщает, что Антигон Досон и его жена подарили Родосу после землетрясения, разрушившего город, по 3000 талантов железа и свинца и большое количество лесоматериалов и смолы.

Хотя земельные владения македонских царей были относительно обширны, в Македонии не было того широкого слоя зависимого сельского населения (за исключением, может быть, фракийцев и иллирийцев в пограничных районах), за счет эксплуатации которого могли бы существовать государственный аппарат и значительная часть господствующего класса. Бремя расходов на содержание царского двора, армии, на строительство флота и ведение войн в равной мере падало на городское и сельское население. Доходы македонских царей в сравнении с доходами Птолемея и Селевкидов были невелики: по сообщению Плутарха (Эмилий Павел, XXVIII), они превышали установленную римлянами подать в 100 талантов всего в два с чем-то раза (т. е. составляли немногим более 200 талантов). Поэтому Антигониды стремились поставить под свой контроль финансы полисов и сократить расходы на наемные войска, комплектуя армию путем воинской повинности из македонян и подвластных фракийских, кельтских и иллирийских племен. Основная масса населения Македонии, поставлявшая в армию воинов, при Филиппе II и Александре обязана была выплачивать поземельные, имущественные и прочие налоги и выполнять повинности, но за большие воинские заслуги царь мог освободить семью гетайра от этих обязательств (Арриан I, 16, 5). Трудно сказать, в какой мере сохранялась эта практика при последующих царях.

Как и в других эллинистических державах, македонская знать также владела землями, комами и другими статьями доходов (или наследственными, или благоприобретенными, или полученными в дар от царя). По сообщению Плутарха, еще Александр перед отправлением в Азию позаботился о своих друзьях: «одного наделил поместьем, другого — деревней, третьего — доходами с какого-либо поселения или гавани» (Александр, XV). В надписи из Потидеи царь Кассандр подтверждает право Пердикки, сына Кена, на владение землей, принадлежавшей его отцу и деду со времени Филиппа II, и освобождение от налогов (Syll.³, 332).

О формах эксплуатации этих земельных владений сведений не сохранилось, но можно предпологать, что и в хозяйстве знати, и в хозяйстве царя со времени походов Александра Македонского, несомненно, возросло применение труда военнопленных и рабов: уже после битвы при Гранике Александр отправил на работы в Македонию всех эллинов-наемников, захваченных в плен. В рассказах Полибия, Ливия и других авторов о военных операциях македонских царей в конце III — начале II в. постоянно говорится об уgone скота и людей, в том числе рабов, которые не подлежали выкупу и становились собственностью победителя. Войны диадохов, а позднее — Антигонидов с соседями поглощали значительную часть работоспособного сельского и городского населения, и эта убыль в какой-то мере тоже восполнялась поступающими из военной добычи пленными и рабами. Но в какой форме и в каких масштабах рабский труд применялся в земледелии и ремесле, источники пока не дают ответа. Исследователи предполагают, что рабы использовались прежде всего в домашнем хозяйстве, а также в отраслях ремесла, считавшихся в античном мире преимущественно профессией рабской (в рудниках, в производстве черепицы и т. п.).

Некоторое представление о характере рабовладельческих отношений в Македонии дает надпись 235 г. из города Берои (SEG, XII, 314) об отпуске на свободу одной рабыни и трех рабов с женами, детьми (число их не указано) и имуществом за выкуп в 50 золотых (статеров?) с каждого взрослого раба на условии оставаться у хозяина Аттина, сына Алкета, до его смерти (иначе отпуск аннулируется). Гарантией от посяга-

тельств на свободу и имущество отпущенников (со стороны родственников Аттина и прочих лиц) служит двойной штраф в их пользу и в пользу царя, равный четырехкратной выкупной цене. Можно по-разному толковать обстоятельства и причины, породившие этот документ, но несомненно, что он отражает не только конкретную форму взаимоотношений рабов и рабовладельца, в частности признание социальной реальностью семьи раба (может быть, в какой-то мере характерное для внутренних районов Македонии), но и новые явления, получившие распространение в эллинистическую эпоху: отпуск рабов на свободу на условиях «парамонэ» (т. е. с обязательством отпущенников оставаться у прежнего владельца и выполнять для него определенную службу) и необходимость гарантировать свободу отпущенников наряду с обычной в полисах судебной процедурой, к которой прибегали при оспаривании их статуса, еще и авторитетом высшей государственной власти — царя. Рассмотренная македонская манумиссия находит многочисленные параллели в надписях из Локриды, Акарнании, Этолии, Дельф, что говорит о сходстве форм развития рабовладельческих отношений в Македонии и в северо-западных районах Греции.

Для Греции эллинистическая эпоха также принесла заметные изменения в систему социально-экономических отношений, сложившихся к концу IV в. Наиболее ощутимым новым явлением был отток населения (преимущественно молодого и среднего возраста) — воинов, ремесленников, торговцев — на Восток, в Переднюю Азию и Египет, причем он происходил не только в конце IV в., но и в последующее столетие. Это должно было несколько притупить остроту социальных противоречий внутри полисов. Но бесконечные войны и связанные с ними опустошения земель и постоянные войска, падение стоимости денег в результате притока золота и серебра из Азии и соответственное повышение цен на предметы потребления разоряли прежде всего малоимущие и средние слои граждан. По-прежнему остро стоял вопрос о преодолении полисной экономической замкнутости и политической раздробленности Греции, хотя и делались попытки решить его в рамках федерации.

Политическая карта Греции была пестрой. Города Фессалии и Эвбеи находились в основном под властью Антигонидов. Афины, прежде наиболее активный противник Македонии, после поражения в Хремонидовой войне надолго утратили свою независимость. Коринф с его крепостью, двумя портами и волоком между ними, соединявшим Эгейское и Ионическое моря, стал объектом борьбы между Македонией и Ахейским союзом. Сохраняли свой суверенитет Родос и Византий, игравшие важнейшую роль в торговых и морских коммуникациях крупных эллинистических государств; на Пелопоннесе упрямо отстаивала свою обособленность и независимость Спарта. Продолжали существовать некоторые региональные, более или менее устойчивые объединения полисов (Крита, Акарнании, Аркадии, Эпира, островов Эгейды), но ведущая роль в жизни Греции принадлежала Этолийскому и Ахейскому союзам, во многом сходным по своей политической структуре.

И в Этолийском, и в Ахейском союзах все полисы, входившие в них, были равноправны и сохраняли свою автономию, каждый полис обязан был вносить в союзную казну взнос и поставлять определенный контингент войск. Высшими органами власти в обоих союзах были собрание граждан (военно-призывного возраста) всех членов союза (эклесия, синод) и совет представителей входивших в союз полисов (буле, синедрион). В Этолийском союзе собрания проходили два раза в год, одно из них (после осеннего равноденствия) обязательно в Ферме — культовом и торговом центре Этолии; в Ахейском союзе было 2—4 собрания в год, преимущественно в Эгионе, политическом и культовом центре Ахайи. На собраниях решались все важнейшие общесоюзные вопросы — войны, мира,

внешних сношений, принимались новые члены, избирались сроком на 1 год общесоюзные должностные лица — стратег, командовавший объединенными силами союза, и подчиненные ему командиры конницы и флота, секретарь, казначей. В источниках нет определенных указаний, как проходило голосование, известно лишь, что в Ахейском союзе во II в. до н. э. при решении вопросов об отношениях с Римом каждый полис — член союза имел 1 голос. Представительство в совете было пропорционально военным силам каждого полиса. В связи с расширением Этолийского союза состав совета увеличился до нескольких сотен человек и возникла необходимость образования из членов совета постоянно действующей коллегии апоклетов («поименно названных», «избранных»), ведавшей вместе со стратегом текущими внешнеполитическими делами союза. В Ахейском союзе аналогичные функции исполняла созданная изначально коллегия дамиургов, включавшая по одному представителю от каждого полиса. С ростом состава и территории союзов участие всех (или даже большинства) граждан союзных полисов все более затруднялось и демократические принципы их организации фактически становились фикцией, руководство союзом, по существу, принадлежало верхнему слою граждан, тем, кто имел возможность приехать на собрание и из кого избирались стратеги, члены совета, апоклеты и дамиуриги.

При внешнем сходстве политической структуры Этолийского и Ахейского союзов заметные различия в составе входивших в них полисов обусловили разный характер их внутренней и внешней политики. В отличие от Этолийского союза, объединявшего небольшие полисы в основном с земледельческим населением (только Навпакт был ремесленным и портовым городом), в Ахейский союз входили наряду с такого же типа полисами крупные торгово-ремесленные центры (Сикион, Мегары, Коринф), и именно они стали определять политику союза. Об этом говорит уже тот факт, что сикионец Арат избирался стратегом 16 раз и более 30 лет участвовал в руководстве Ахейским союзом. Вероятно, в интересах торговых городов делались попытки установить более тесные экономические связи внутри союза: как сообщает Полибий (II, 37, 10—11), в его время существовала единая система мер и весов, чеканились общесоюзные монеты.

Образование федераций имело и негативные последствия: для поддержания целостности и независимости союза была необходима значительная, более или менее профессиональная армия и немалые средства на ее вооружение и содержание (даже если она формировалась из граждан союза). Ахейский союз, шире использовавший наемные войска, частично покрывал эти расходы за счет денег, поступающих от Птолемеев, стремившихся таким путем оказать влияние на положение в Греции. В Этолии, где еще не была изжита восходящая к архаической эпохе практика военных экспедиций, предпринимаемых в частном порядке командирами отдельных отрядов и кораблей, армия в какой-то мере сама себя содержала. Отсюда постоянные набеги этолийцев и опустошения территории соседних полисов, не присоединившихся к их союзу. Такой же характер носили и некоторые военные экспедиции Арата, стратега Ахейского союза.

Неустойчивость внешнеполитической обстановки усугублялась активной деятельностью пиратов у побережья Греции, при этом не всегда можно провести грань между набегами пиратов, иногда инспирированными враждующими государствами, и пиратскими набегами воюющих сторон. Македония, вмешиваясь в столкновения между греческими государствами, также участвовала в грабежах и уводе пленных и использовала любую возможность для расширения своих владений. Опустошение полей, ограбление городов, угон скота, увод в плен рабов и свободных стали повседневным явлением в жизни Греции во второй половине III в. От

военных действий страдали прежде всего сельскохозяйственные районы, но иногда и значительные полисы подвергались разгрому. Войны приносили порой огромные доходы захватчикам. Так, в результате захвата Мантины и порабощения ее жителей добыча Ахейского союза составила 300 талантов⁴³; почти столько же досталось спартамцам при разрушении Мегалополя. Из Полибия (II, 62, 1—12) следует, что наибольшую ценность в добыче представляли захваченные в плен люди — рабы и свободные; при изложении военных операций он постоянно упоминает о двух-трех десятках или сотнях пленных, о поголовном порабощении населения тех или иных городов. Захваченных рабов обычно сразу же распродавали, от свободных (в том числе и метеков) требовали выкуп в 3—5 и более мин за человека; иногда в политических целях попавших в плен граждан отпускали без выкупа, всех невыкупившихся выставляли на продажу как рабов. Продажные цены варьировали в зависимости от возраста, пола, профессии и личных качеств, но, видимо, были несколько ниже выкупных. Случаи массового порабощения жителей завоеванных полисов, широкая практика продажи в рабство пленных (наблюдавшиеся на Балканском полуострове еще до появления там римлян) и отсутствие сведений о вывозе захваченных в Греции рабов куда-либо (кроме Македонии) в сколько-нибудь широком масштабе — все это позволяет предполагать существование спроса на рабов в самой Греции и Македонии.

О развитии рабства в Македонии уже говорилось; что касается Греции, то можно предполагать, что увеличилось использование труда рабов в сельском хозяйстве сельскохозяйственных районов Пелопоннеса и Средней Греции. Полибий, например, пишет, что Элида (типично сельскохозяйственная область) превосходила весь остальной Пелопоннес обилием рабов и другого достояния (IV, 73, 6). Характерно, что пленные, захваченные в Лакедемоне, распродавались в соседней Арголиде, что в манумиссиях из Локриды, земледельческой области Средней Греции, преобладают покупные рабы. Возможно, однако, что потребность в рабах была обусловлена не столько увеличением роли рабского труда на полевых работах, сколько расширением рабского персонала в домашнем хозяйстве богатых землевладельцев, так как стремление к роскоши проникло даже в такие консервативные полисы, как Спарта и Элида. В результате продажи в рабство захваченного в плен свободного населения полководцами и пиратами значительно возросло в хозяйствах эллинов-рабовладельцев число эллинов-рабов. Сообщения о выкупе своих сограждан полисом путем складчины богатых граждан встречаются очень редко. Ушли в далекое прошлое представления о том, что только эллинам присуще быть свободными гражданами полиса и властвовать над варварами — рабами по природе.

Характерной чертой социальной жизни греческих полисов в III—II вв. было резкое расслоение гражданского коллектива: небольшой группе богатейших граждан-олигархов (число их обычно не превышало нескольких десятков человек) противостояла масса малоимущих и неимущих граждан, слой среднезажиточных граждан сократился, упала его роль в общественной жизни полиса. Показательны некоторые сохранившиеся в источниках цифры: по словам Полибия (XXI, 26, 9), богатейший из эллинов этиолец Александр Исский (по-видимому, наживавшийся на ростовщических операциях, поскольку он был главным противником отмены долгов в Этилии в 204 г.) имел более 200 талантов, т. е. 1 200 000 драхм; напомним, что ценз афинского гражданина при Деметрии Фалерском составлял 1000 драхм; квалифицированный плотник на Делосе в 279 г. получал за свой труд в течение дня 2 драхмы. Хотя эти

⁴³ Напомним, что годовой доход царей Македонии составлял немногим более 200 талантов.

данные одновременны и происходят из разных регионов Греции, они все же дают представление об амплитуде имущественных различий, подрывавших социально-экономическую основу полиса как гражданской общины, призванной обеспечивать благосостояние и независимость всего коллектива граждан. Увеличение слоя неимущих граждан вело к обеднению полиса как экономического целого. По-видимому, в большинстве городов полисная казна испытывала постоянный дефицит, покрывавшийся в экстраординарных случаях (нехватка хлеба, выкуп граждан и т. п.) или взносами богатых сограждан, или ссудами соседних полисов, или дарениями царей и богатых чужеземцев, о чем свидетельствуют многочисленные надписи с почетными декретами в честь благодетелей. Источники сообщают также об устройстве празднеств и строительстве театров, портиков, храмов на средства Птолемеев, Селевжидов, Антигонидов и других династов, что, несомненно, тоже влияло на политическую и идеологическую атмосферу внутри полисов.

Все эти явления, отчетливо наблюдавшиеся и раньше, а теперь ставшие повседневными в жизни Греции, убеждают в том, что полис эллинистической эпохи весьма существенно отличается от классического греческого полиса.

4. ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ БОРЬБЫ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ И ИХ ЗАВОЕВАНИЕ РИМОМ

Со второй половины III в. в Средиземноморье и Южной Европе начинают отчетливо проявляться новые экономические и политические тенденции. На западе крупнейшим государством становится Рим. К середине III в. он подчинил Центральную и Южную Италию, в том числе все греческие полисы юга Апеннинского полуострова, а после победы в первой войне с Карфагеном — всю Сицилию, кроме небольшого сиракузского царства Гиерона II, сохранившего относительную независимость¹⁴. Таким образом, западные греческие полисы как самостоятельные социально-политические единицы и вместе с тем как часть всей системы эллинистических полисов перестали существовать, были поглощены Римом.

Видимо, как следствие этого приобрели устойчивость и регулярность торговые и дипломатические связи между Римом и государствами Восточного Средиземноморья, для которых Рим стал преемником их традиционных партнеров в сношениях с Северо-Западным Средиземноморьем. Римляне также были заинтересованы в упрочении этих контактов (особенно в предвидении нового столкновения с Карфагеном), и потому нарушение иллирийскими пиратами безопасности морских путей в Адриатическом и Ионическом морях привело к войне Рима с иллирийцами (229—228 гг.) Это был первый шаг в проникновении Рима на Балканский полуостров, но пока это не вызвало тревоги в Греции и Македонии, так как они были слишком поглощены своими внутренними и межполисными столкновениями.

После смерти Антигона Гоната его наследник Деметрий II (239—229 гг.) попытался восстановить пошатнувшееся после захвата Коринфа ахейцами влияние Македонии в Пелопоннесе и Средней Греции. Это привело к сближению Ахейского и Этолийского союзов и их совместной длительной войне с Деметрием II. Но начавшиеся вторжения иллирийских племен, теснимых бастарнами, заставили Деметрия сосредоточить свои силы на северных границах Македонии. В 229 г. он был разбит дарда-

¹⁴ Гиерон II был провозглашен царем Сиракуз после победы над мамертинцами в 269 г. Благодаря его осторожной и гибкой политике в отношениях с Римом Сиракузское царство просуществовало до 215 г. до н. э.

нами и погиб, иллирийцы заняли северные районы Македонии. Воспользовавшись ситуацией, отпала Фессалия, этолийцы вторглись в юго-западные районы Македонии; Афины за выкуп в 150 талантов добились вывода македонского гарнизона из Пирея; в Пелопоннесе тираны Мегалополя, Аргоса и других городов, не получая помощи от Македонии, сложили власть, полисы присоединились к Ахейскому союзу. Казалось, Македония полностью утратила свои позиции в Греции. Но уже через год преемнику Деметрию II Антигону Досону (229—221 гг.) удалось вновь подчинить себе Фессалию и восстановить влияние Македонии в Средней Греции, а в последующие годы — в Эгеиде и на Пелопоннесе. Причину этих успехов следует искать не в усилении военно-экономического потенциала Македонии, а в нарастающем обострении социальной борьбы в греческих полисах. Главным очагом ее стала Спарта.

К середине III в. в Спарте большая часть спартиатов фактически лишилась своих наделов, число полноправных граждан резко сократилось; по словам Плутарха, спартиатов оказалось не более 700 человек и из них лишь около 100 владели землей. Упала военная мощь Спарты, задолженность ростовщикам стала постоянным явлением даже среди семей старой аристократии, потребность в социальных преобразованиях ощущалась во всех слоях спартанского общества. Первым с предложением реформ выступил молодой царь Агис (245—241 гг.). Воодушевленный идеей восстановления «ликургова строя», он предложил аннулировать долги и произвести передел земли с целью увеличить число полноправных граждан; для осуществления реформы он предоставил имущество и земли своей семьи, призывая богатых граждан последовать его примеру. Эти предложения, встретившие активную поддержку среди обедневших спартиатов, вызвали ожесточенное сопротивление эфорта и аристократии. Агис погиб, но выдвинутые им идеи продолжали жить, социальная обстановка в Спарте оставалась напряженной. Через несколько лет с реформами, облеченными в форму восстановления законов Ликурга, выступил царь Клеомен (235—221 гг.). Учитывая опыт Агиса, Клеомен, более зрелый и реалистичный политик и талантливый полководец, предварительно упрочил свое положение успешными действиями в начавшейся в 228 г. войне с Ахейским союзом. Заручившись поддержкой армии, он сначала уничтожил эфорт и изгнал из Спарты 80 наиболее богатых граждан, затем провел кассацию долгов и передел земли; пополнив число граждан перизаками, он создал отряд гошлитов в 4000 человек.

События в Спарте вызвали социальное брожение во всей Греции. Мантиней вышла из Ахейского союза и присоединилась к Клеомену, волнения начались и в других городах Пелопоннеса. В возобновившейся войне с Ахейским союзом Клеомен занял ряд городов, причем его поддерживали народные массы, рассчитывавшие на отмену долгов и передел земли. Напуганное этим олигархическое руководство Ахейского союза, в течение многих лет возглавлявшего борьбу против Македонии, обратилось за помощью к царю Антигону Досону. Арат «в страхе перед уничтожением богатства и облегчением мук бедности,— пишет Плутарх (Клеомен, XVI),— подчинил ахейцев и самого себя... приказам македонских сатрапов». В результате перевес сил оказался на стороне противников Спарты. Тогда Клеомен (как это не раз случалось в античности в критических ситуациях) освободил за выкуп в 5 мин с человека около 6000 илотов и 2000 из них включил в свою армию. Однако и эта крайняя мера не спасла положения: в битве при Селассии (221 г.) значительно более многочисленные объединенные силы Македонии и ахейцев уничтожили спартанскую армию. В Спарту был введен македонский гарнизон, назначен наместник и восстановлен прежний порядок. После победы над Клеоменом Антигон создал Эллинский союз под гегемонией Македонии, в который вошли ахейская федерация, Спарта и другие греческие поли-

сы, за исключением Этолийского союза и Афин. Исследователи по-разному оценивают деятельность Клемена: одни подчеркивают ее революционность, другие видят в ней лишь стремление возродить гегемонию Спарты в Пелопоннесе. Но если даже субъективно Клемен и стремился к гегемонии, то реальная обстановка требовала от него радикальных социальных мероприятий.

Поражение Клемена не могло остановить нарастание социальных движений. Уже через два года после восстановления олигархических порядков спартанская «молодежь», еще находившаяся под влиянием идей царя-реформатора, произвела переворот: прежний эфорат был уничтожен, избраны новые эфоры, Спарта вышла из Ахейского союза и присоединилась к этолийцам. Еще более радикальные преобразования пытался провести последователь Клемена Хилон, но его попытка окончилась неудачей. В 210 г. власть в Спарте захватил тиран Маханид, о его социальной программе сведений не сохранилось, известно лишь, что олигархическое руководство Ахейского союза вело с ним упорную борьбу. В 207 г. во главе спартанского государства становится тиран Набис (Полибий называет его тираном, в надписях же он носит титул царя); внутренняя политика Набиса была в известной мере осуществлением программы Клемена. Очевидно, с той же целью — пополнить число спартиатов — он освобождал илотов и наделял их и перизков землей, конфискуя для этого имущество наиболее богатых граждан. Политика Набиса встречала поддержку демоса в соседних полисах, благодаря чему удалось присоединить к Спарте некоторые города Пелопоннеса и Крита. Едва ли террор Набиса по отношению к своим политическим противникам проводился с большей, чем обычно, жестокостью, и лишь потому, что он был направлен против современных Полибию и близких по положению и взглядам лиц, его действия резко осуждаются историком и вслед за ним другими древними авторами.

Не менее напряженная социальная борьба шла в Беотии. «Государство беотян,— пишет Полибий,— было окончательно расстроено, и у них в течение чуть ли не 25 лет не было вынесено ни одного приговора ни по частным жалобам, ни по государственным делам» (XX, 6). Чтобы предотвратить социальные конфликты и облегчить положение демоса, руководители Беотийского союза вынуждены были отсрочивать взыскание долгов, устраивать общественные раздачи и обеды. В Этолии долговой вопрос приобрел особую остроту, было поручено стратегам Скопасу и Доримаху разработать законы о кассации долгов, но в результате активного противодействия ростовщиков они не были приняты.

Обострение социальной борьбы в полисах Средней Греции создало благоприятные условия для активизации агрессивной политики Македонии. Пользуясь положением главы Эллинского союза, Филипп V (221—179 гг.) попытался с помощью союзников подчинить Этолийскую федерацию. Эта так называемая Союзническая война (220—217 гг.), сопровождавшаяся опустошительными вторжениями на территорию противников, не принесла, однако, желаемого результата. Тогда Филипп, надеясь укрепиться на Адриатике, вступил в союз с Ганибалом после его победы при Каннах (215 г.) и начал вытеснять римлян из Иллирии. Это положило начало первой войне Македонии с Римом (215—205 гг.), которая, по существу, была войной Филиппа с его греческими противниками, примкнувшими к Риму,— Этолией, Спартой и Пергамом, и закончилась миром, не разрешившим тех проблем, которые привели к войне. Последние годы III в. были периодом наибольшего политического и экономического усиления Македонии. Этому благоприятствовала и общая политическая ситуация в Восточном Средиземноморье.

После 4-й Сирийской войны между Египтом и царством Селевкидов (219—216 гг.), в результате которой Птолемей IV потерял Келесирию,

в Египте начались массовые волнения, охватившие всю страну и длившиеся в Фиваиде около 20 лет. Вслед за этим развернулась ожесточенная придворная борьба вокруг опекунов над малолетним Птолемеем V. Воспользовавшись внутренней неустойчивостью Египта, Филипп V и Антиох III начали захватывать внешние владения Птолемеев: к Македонии отошли все принадлежавшие Птолемам полисы на Геллеспонте, в Малой Азии и в Эгейском море. Антиох III после победы при Панионе (200 г.) овладел Финикией и Келесирией. Экспансия Македонии ущемляла интересы Родоса и Пергама, что привело к войне (201 г.), где перевес был на стороне Филиппа V. Тогда Родос и Пергам обратились за помощью к римлянам. Для Рима, который после успешного завершения II Пунической войны подчинил все Западное Средиземноморье и перенес свои агрессивные устремления на Восток, это оказалось благоприятным предложением начать войну с Македонией. Так конфликт между эллинистическими государствами перерос во II Македонскую войну (200—197 гг.).

Знаменательно, что и в ходе II Македонской войны важнейшим для воюющих сторон был вопрос, какую позицию займут греческие государства. В упорной дипломатической борьбе перевес оказался на стороне римлян, широко использовавших традиционный демагогический лозунг «свободы» греческих полисов. На сторону Рима перешли Этолийский (в 199 г.) и Ахейский (в 198 г.) союзы, так как имущие слои полисов видели в римлянах силу, способную обеспечить их интересы без одиозной для демоса монархической формы правления. После поражения при Киноскефалах, в котором важную роль сыграла этолийская конница (197 г.), Филипп вынужден был заключить мир, по которому Македония лишалась всех своих владений в Малой Азии, Эгейском море и Греции. Филипп должен был выдать весь флот, уплатить контрибуцию и выдать заложником сына. Вопрос о статусе отнятых у Филиппа территорий решался римским сенатом.

На Истмийских играх в 196 г. сенатская комиссия под председательством Тита Фламиния, направленная для устройства дел в Греции, торжественно провозгласила «свободу» греческих полисов. Но вслед за этим Рим начал распоряжаться в Греции, не считаясь с интересами своих бывших союзников: определял границы государств, разместил свои гарнизоны в Коринфе, Деметриаде и на Халкиде, с помощью сенатской комиссии и послов вмешивался во внутреннюю жизнь Греции. Так, Фессалийскую лигу, где борьба между олигархией и демосом была особенно ожесточенной, Фламиний, руководствуясь цензом, перестроил по образцу Ахейского союза. «Устроив» греческие дела, римляне потребовали от союзников объявления войны Набису, опять-таки под предлогом «освобождения» греческих городов от тирании. В результате военных действий в 192 г. Набис погиб и Спарта утратила свою независимость.

Римляне вывезли из Македонии и Греции огромное количество медных и мраморных статуй, золота и серебра в изделиях, слитках и монетах. «Освобождение» Греции, по существу, было первым шагом в распространении римского господства в Восточном Средиземноморье, началом нового этапа в истории эллинистического мира.

Поражение Македонии в войне с Римом и внутренние осложнения в Египте создали благоприятные условия для усиления политического могущества царства Селевкидов. Начало ему было положено восточным походом Антиоха III (212—204 гг.), во время которого он, подчинив Армению и упрочив свои границы на западе, повторил отчасти маршрут Александра Македонского. Во время II Македонской войны Антиох захватил города Киликии, Ликии и Кари, принадлежавшие ранее Птолемам, а затем начал подчинять полисы Малой Азии и Фракии, освобожденные Римом из-под власти Македонии. Предвидя неизбежность столк-

новения с Римом, он уладил свои отношения с соседями в Малой Азии и попытался заручиться союзниками в Греции, где уже возникло недовольство Римом. Против Рима открыто выступали этолийцы, обделенные римлянами при разделе владений Филиппа. Весьма неуверенно чувствовали себя сторонники Рима в Беотии, где были сильны промакедонские настроения и беотархом был избран Брахилла. С согласия Фламинина Брахилла был убит.

Когда Антиох III высадился на Балканском полуострове, население греческих полисов, по словам Ливия (XXXV, 34), разделилось на два лагеря: «знатные и все вообще благонамеренные стоят за союз с римлянами и довольны настоящим положением, а толпа и те, дела которых не соответствовали их желаниям, хотят всеобщего переворота». Так как власть в большинстве греческих государств была в руках «знатных» и «благонамеренных», к Антиоху присоединились лишь Этолия и Беотийский союз. Война между Антиохом и римлянами развернулась на территории Средней и Северной Греции; многие полисы подверглись грабежу и разорению двух враждебных чужеземных армий. Антиох III после поражений у Фермопил и о. Миюннеса отступил в Лидию; здесь в битве у Магнесии (190 г.) его войска были разгромлены. Вслед за этим капитулировали этолийцы и приняли продиктованные Римом условия мира: территория Этолии значительно сокращалась, все города, занятые римлянами или заключившие с Римом сепаратно дружественный союз, отторгались от Этолийского союза, Этолия теряла свое господство над Дельфами, обязывалась уплатить 500 талантов и выдать заложников.

По мирному договору Антиох вынужден был (помимо уплаты 15 тыс. талантов контрибуции) отказаться от всех своих владений в Европе, а в Малой Азии — от земель к северу от Тавра. Эти области римляне передали из дипломатических соображений своим союзникам — Родосу и Пергаму. Поражение Антиоха оживило сепаратистские тенденции внутри государства Селевкидов: отделились незадолго до того подчиненные области Армении, возобновились волнения в восточных областях. Победа римлян и их союзников над крупнейшим из эллинистических государств — царством Селевкидов — коренным образом изменила политическую ситуацию: ни одно из эллинистических государств не могло более претендовать на гегемонию в Восточном Средиземноморье.

Влияние Рима в Греции после победы над Антиохом еще более усилилось. Внутренние греческие дела, как, например, взаимоотношения Ахейского союза с его членами — Спартой и Мессенией, разбираются римским сенатом. Но одновременно усиливаются и антиримские настроения демоса, недовольство проримской политической правящих кругов. Полибий сообщает (XXIV, 11, 2—8), например, о появлении в Ахейском союзе оппозиционной группировки, выступавшей против безоговорочного подчинения Риму.

Гораздо больше, чем антиримские настроения в Греции, беспокоили римлян новые попытки Филиппа расширить свои владения и укрепиться на фракийском побережье. Филипп отчетливо сознавал, что новое столкновение с Римом неизбежно, и начал целенаправленно готовиться к нему. За короткое время он сумел восстановить финансы страны, усиленно проводил переселение фракийцев — как для обработки пустующих земель, так и с целью обеспечить надежность приморских городов на случай войны. Рим, в свою очередь, начал дипломатическую подготовку к войне с Македонией, предьявляя ультиматумы Филиппу, рассылая посольства и принимая жалобы на него. Наследовавший Филиппу Персей (179—168 гг.) главное внимание уделял стабилизации внутреннего положения. Он старался приобрести симпатии демоса и внутри Македонии, и в греческих полисах, объявил амнистию всем изгнанникам, кассацию государ-

ственных долгов. Вместе с тем он искал союзников среди эллинистических царств. Внутри Греции в 173—172 гг. борьба промакедонских и проримских партий достигает особого напряжения в Этолии, Фессалии и Беотийском союзе и в известной мере носит социальный характер.

Несмотря на промакедонские настроения демоса многих греческих государств, к началу третьей войны с Римом (171 г.) Македония оказалась почти изолированной, к ней присоединились только царь Иллирии и часть эпиров. В Греции продолжалась борьба партий, но римлянам удалось путем демагогии, угроз и репрессий удержать в повиновении все греческие полисы. В 168 г. в единственном крупном сражении при Пидне римские войска под командованием Луция Эмилия Павла полностью разгромили Персея и его союзников, сам он сдался в плен, и македонское царство прекратило существование.

Объявив македонян «свободными» от тирании царской власти, римляне в то же самое время дали им почувствовать иго победителей: Македония была разделена на четыре изолированных округа, жители каждого из них могли покупать недвижимость и вступать в брак только в своем округе. Римляне отняли у македонян право разрабатывать серебряные рудники, вывозить лес, ввозить соль — все это стало монополией Рима. Особенно жестоко римляне расправились с Эпиром, своим бывшим союзником: более 150 тыс. эпиров были проданы в рабство, большая часть городов была разрушена. В зависимости от заслуг или вины перед римлянами в войне с Персеем (даже нейтралитет считался виной) были пересмотрены границы греческих полисов. За сочувствие Персею Родос был лишен переданных ему Римом после войны с Антиохом III Ликии и Кариин; чтобы подорвать его торговое значение, римляне объявили свободным портом Делос. От Ахейского союза римляне начали отбирать один город за другим. Во всех городах сторонники Македонии были подвергнуты наказаниям или отправлены на суд в Рим.

Расправа с Македонией и Эпиром, вмешательство во внутренние дела греческих полисов резко изменили отношение греков к Риму. Социальная и политическая борьба в греческих городах теперь приобрела характер борьбы против римского господства. Даже в Ахейском союзе к власти приходят элементы, враждебные Риму, усиливается политическая роль средних слоев, делаются попытки облегчить положение демоса отсрочкой уплаты долгов. Римское господство в Македонии вызвало массовое восстание населения в 149 г. под руководством Андрикса, выдававшего себя за Филиппа, сына Персея. Почти два года восставшие вели упорную борьбу с Римом. Подавив восстание, римляне превратили Македонию в провинцию римского государства.

Вслед за тем было подавлено и антиримское движение в Греции. Воспользовавшись как предлогом междоусобными войнами в Ахейском союзе, Рим предписал отделиться от союза Спарту, Коринф, Аргос, Орхомен и Гераклею. По существу, это означало роспуск союза и вызвало возмущение ахейцев. Но неподчинение Риму было равносильно объявлению войны, и сенат направил в Грецию стоявшие в Македонии войска. Ахейский союз вступил в неравную борьбу; чтобы усилить свою армию, ахейцы отпустили на волю и зачислили в армию 12 тыс. рабов. Попытки оказать сопротивление римлянам до их вступления в Пелопоннес оказались безуспешными, центром сопротивления стал Коринф. Хотя война ахейцев против римлян вызвала сочувствие демоса в других греческих полисах, выступить на помощь ахейцам никто не решился. Одни ахейцы выдержали борьбу с Римом не могли, Коринф был взят римлянами, разрушен до основания и сожжен, разрушены были и другие ахейские города. Масса населения была порабощена и вывезена в Рим. Все греческие союзы были распущены, власть в полисах передана олигархам, Греция была подчинена властям провинции Македонии.

Замирив Грецию и Македонию, Рим начал наступление на государства Малой Азии. Проникшие туда римские торговцы и ростовщики все более подчиняли внешнюю и внутреннюю политику этих государств интересам Рима. В наиболее тяжелом положении оказался Пергам, где социальная обстановка была столь напряженной, что Аттал III (139—133 гг.), не надеясь на устойчивость существующего режима, завещал свое царство Риму. Но ни этот акт, ни реформа, которую пыталась провести знать после его смерти, не смогли предотвратить народного движения, охватившего всю страну и направленного против римлян и местной знати. Более трех лет (132—129 гг.) восставшие земледельцы, рабы и неполноправное население городов под руководством Аристоника оказывали упорное сопротивление римлянам. После подавления восстания Пергам был превращен в провинцию Азии.

Восстание Аристоника было одним из звеньев прокатившейся по Средиземноморью в конце II в. волны рабских восстаний. Начало им положило 1-е восстание рабов в Сицилии (137—132 гг.); около 130 г. на Делосе вспыхнуло быстро подавленное восстание рабов, привезенных туда для продажи; к этому же времени относится восстание рабов в Лаврийских рудниках в Аттике, тоже, по-видимому, быстро подавленное. Более длительным было рабское восстание в Лаврийских рудниках в 103/102 г., где работавшие в рудниках скованными рабы перебили стражу, овладели крепостью на Сунии и долгое время опустошали Аттику.

Политическая история эллинистического мира во II—I вв. — это история постепенного подчинения одной страны за другой римскому господству. Предпосылками этого являлись, с одной стороны, потребности экономического развития античного общества в целом, в том числе и эллинистических государств, требовавшие установления более тесных и устойчивых экономических связей между Западным и Восточным Средиземноморьем; с другой стороны, противоречия во внешнеполитических взаимоотношениях и внутренняя социально-политическая неустойчивость эллинистических государств, ослаблявшие их сопротивление римской агрессии. Объединение Западного Средиземноморья под властью Рима внесло существенные изменения в традиционные торговые связи Греции с Сицилией и другими греческими колониями на Западе и в упрочившиеся в III в. связи Египта и Сирии с Северной Африкой и Италией. Начался процесс нового перемещения торговых путей и экономических центров, активного проникновения римлян на Восток и приспособления восточных экономических центров к новой ситуации. Военная и экономическая экспансия римлян сопровождалась интенсивным развитием рабовладельческих отношений в Италии и в завоеванных областях: в ходе завоеваний происходило массовое порабощение населения, расширялась торговля рабами и сфера применения рабского труда.

Все эти явления находили отражение во внутренней жизни эллинистических государств. Обостряется борьба в верхах эллинистического общества между слоями преимущественно городской знати, заинтересованной в расширении товарного производства, торговли и рабовладения, и знати, связанной с царским административным аппаратом и храмами, жившей в основном за счет традиционных форм эксплуатации сельского хозяйства. Эта борьба выливалась в дворцовые перевороты, династические войны, городские восстания, выступления народных масс против налогового гнета, злоупотреблений государственного аппарата, ростовщичества и порабощения, перерастая иногда в своего рода гражданские войны, истощавшие экономику и военные силы государства.

Так было в Египте, где длительные и ожесточенные династические войны переплетались с массовыми народными движениями. В державе Селевкидов, также раздираемой династическими войнами, усиливаются сепаратистские движения в сатрапиях; в конце II в. Парфия захватыва-

ет Вавилонию, Персию и Мидию, в начале I в. отпадают Иудея (где уже несколько десятилетий шла борьба против господства Селевкидов) и Коммагена; добиваются автономии крупные города (Антиохия, Лаодикея, Апамея и др.). Сократившееся до территории одной только Сирии царство Селевкидов в 83—69 гг. было подчинено царем Армении Тиграном, а в 64 г. до н. э. Помпей присоединил его к Риму в качестве провинции Сирии.

В I в. до н. э. очагом сопротивления римской экспансии в Малой Азии стало Понтийское государство, которое при Митридатe VI Евпаторе превратилось в крупную державу и распространило свою власть почти на все побережье Черного моря. В 89 г. Митридат Евпатор начал войну с Римом, его выступление нашло поддержку среди широких слоев населения Греции и особенно в провинции Азии, где римские публиканы беззастенчиво грабили подвластные им территории. Вражда к Риму была так велика, что по приказу Митридата в один день в Малой Азии было вырезано огромное число римлян и италиков, включая женщин, детей и рабов. Войска Митридата после безуспешной попытки взять Родос высадились в Северной и Средней Греции, и к 88 г. без особого труда заняли почти всю Грецию. В Афинах власть оказалась в руках ставленника Митридата тирана-эпикурейца Аристииона.

Однако успехи Митридата были недолговременны. Направленная в Грецию под командованием Суллы римская армия нанесла поражение понтийскому войску под Херонеей и Орхоменом, после длительной осады Сулла взял и разгромил Афины и Пирей. Последовавшие за тем социальные мероприятия Митридата — кассация долгов, раздел земель, предоставление гражданства метекам и рабам — лишили его поддержки зажиточных слоев граждан. В 85 г. Митридат вынужден был признать себя побежденным и по Дарданскому мирному договору отказался от своих завоеваний в Греции и Малой Азии.

Он еще дважды — в 83—81 и 73—53 гг. — пытался, используя антиримские настроения, приостановить проникновение римлян в Причерноморье и Малую Азию, но расстановка социальных сил и тенденции исторического развития предопределили окончательное поражение понтийского царя.

В начале I в. до н. э. владения Рима вплотную подступили к границам Египта. В 96 г. Киренаика, отделившаяся за два десятилетия до этого от Египта, перешла к Риму. Царство Птолемеев по-прежнему сотрясали династические распри и народные движения. И хотя в римском сенате неоднократно дебатировался вопрос о присоединении Египта, внутреннее и внешнеполитическое положение не позволяло Риму начать открытую войну против этого еще относительно сильного и стратегически труднодоступного государства. Только в 48 г. Цезарь, преследуя Помпея, ввел в Александрию свои войска. Но и он после восьмимесячной упорной войны с египтянами, в первую очередь с александрийцами, ограничился присоединением Египта в качестве союзного царства. Потребовалось еще почти два десятилетия для того, чтобы Александрия, крупнейший центр ремесла, науки и искусства и важнейший торговый порт в Средиземноморье, столица одной из наиболее богатых стран, примирилась с неизбежностью подчинения римскому господству. В 30 г. до н. э. после победы над Антонием Август почти без сопротивления занял Александрию и подчинил Египет.

Эллинистический мир как политическая система был поглощен Римской империей, но элементы социально-экономической структуры, сложившиеся в эллинистическую эпоху, оказали огромное воздействие на дальнейшее развитие Восточного Средиземноморья и в значительной мере определили его специфику. Важнейшим наследием эллинистического мира

была созданная им культура, получившая затем широкое распространение на периферии эллинистического мира и оказавшая огромное влияние на развитие римской культуры, и особенно культуры восточных римских провинций.

5. ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Эллинистическая культура не была единообразной на всей территории эллинистического мира. В каждой области она формировалась в результате взаимодействия местных, наиболее устойчивых традиционных элементов культуры с культурой, принесенной завоевателями и переселенцами, греками и негреками. То или иное сочетание этих элементов, те или иные формы синтеза определялись воздействием многих конкретных обстоятельств: соотношением различных этнических групп (местных и пришлых), уровнем их культуры, социальной организацией, условиями экономической жизни, политической обстановкой и т. д., специфическими для данной местности.

И однако эллинистическую культуру можно рассматривать как нечто целое и своеобразное, так как всем ее местным вариантам свойственны некоторые общие черты, обусловленные, с одной стороны, обязательным участием в этом синтезе греческой культуры¹⁵, с другой — сходными тенденциями социально-экономического и политического развития общества на всей территории эллинистического мира. Развитие городов, товарно-денежных отношений, торговых связей Средиземноморья и Передней Азии во многом определяло формирование материальной и духовной культуры в период эллинизма. Образование эллинистических монархий в сочетании с полисной структурой способствовало возникновению новых правовых отношений, нового социально-психологического облика человека, новых элементов в идеологии. Напряженная политическая обстановка, непрерывные военные конфликты между государствами и социальные движения внутри них также наложили существенный отпечаток на культуру эллинистического общества. В эллинистической культуре более выпукло, чем в классической греческой, выступают различия в содержании и характере культуры эллинизированных верхних слоев общества и городской и сельской бедноты, в среде которой устойчивее сохранялись местные культурные традиции.

Характерной чертой эллинистического времени была большая подвижность населения. Не говоря уже о наемниках, которые постоянно переходили от одного полководца или царя к другому, о моряках и торговцах, поддерживавших регулярные связи между отдаленными частями эллинистического мира, постоянно перемещалась значительная масса людей интеллигентных профессий — артистов, врачей, риториков, поэтов, философов, художников, скульпторов, искусных мастеров и пр.: из Малой Азии, Сирии, Сицилии, Причерноморья и других районов приезжали учиться или работать в Афины, на Родос, в Александрию, в Пергам, переезжали из одного города в другой, иногда так и не возвращаясь на родину¹⁶. Поэтому эллинистическая культура — это результат творчества всего эллинистического мира, и нельзя говорить о культуре Греции и Македонии, не касаясь культуры других регионов.

¹⁵ По существу, подавляющее большинство известных в настоящее время письменных памятников и в значительной мере памятников искусства эллинистического времени отражают культуру грекоязычного или знающего греческий язык населения, получившего образование по греческому образцу.

¹⁶ Например, Феокрит родился в Сицилии, некоторое время жил и работал в Александрии, затем на Косе; Аполлоний Родосский работал сначала на Родосе, потом в Александрии; Зенон приехал в Афины из Кипра; Сфер из Борисфена приехал учиться в Афины, затем жил в Александрии, Спарте и снова в Александрии.

Выше уже говорилось о взаимодействии эллинских и местных элементов материальной культуры, результаты которого прослеживаются в развитии техники ремесленного производства, градостроительства, а также в развитии прикладного искусства. Те же явления наблюдаются и в других сферах художественного творчества, и прежде всего в архитектуре. Архитектура эллинистических полисов продолжала греческие традиции, но наряду с сооружением храмов большое внимание стало уделяться гражданскому строительству — архитектуре театров, гимнасиев, булевтериев, дворцов. Внутреннее и внешнее оформление зданий стало богаче и разнообразнее, широко стали использовать портики и колонны (главным образом ионического и коринфского ордера), колоннадой обрамляли отдельные сооружения, агору, а иногда и главные улицы (портики Антигона Гоната, Аттала на Делосе, на главных улицах Александрии). Цари и города строили и восстанавливали множество храмов греческим и местным богествам. Из-за большого объема работ и недостатка средств строительство растягивалось на десятки лет. Наиболее грандиозными и эффектными считались Сарапеум в Александрии, построенный Пармениском в III в., храм Аполлона в Дидиме возле Милета, строительство которого началось в 300 г., храм Зевса в Афинах (начат в 170 г. по плану архитектора Коссутия) и храм Артемиды в Магнесии на Меандре архитектора Гермогена (начат на рубеже III и II вв.). Одновременно и так же медленно сооружаются и реставрируются храмы местных божеств — храм Гора в Эдфу, богини Хатхор в Дендера, Хнума в Эсне, Исиды на острове Филы, Эсагила в Вавилоне, храм бога Набу, сына Мардука, в Борсиппе и Уруке. Храмы греческих богов строились по классическим канонам с небольшими отклонениями. В архитектуре храмов восточных богов тоже строго соблюдаются традиции древних египетских и вавилонских зодчих, эллинистическое влияние прослеживается лишь в отдельных деталях и в надписях на стенах храмов.

Спецификой эллинистического периода можно считать появление нового типа общественных зданий — библиотек (в Александрии, Пергаме, Антиохии и других городах), Мусейона (в Александрии) и сооружений научно-практического назначения — Фаросского маяка, Башни ветров в Афинах. Наиболее грандиозным и сложным сооружением, считавшимся одним из семи чудес света, был Фаросский маяк, созданный архитектором и строителем Состратом из Книда. Это была башня, увенчанная статуей бога Посейдона и достигавшая высоты около 120 м, нижняя ее часть, квадратная в сечении и ориентированная по странам света, суживалась кверху, средняя часть была восьмигранной и ориентирована по направлению основных ветров, верхняя часть — типа ротонды, цилиндрическая, была оборудована металлическими зеркалами, внутри ее горел огонь. Фаросский маяк служил одновременно и наблюдательным пунктом, и своего рода метеорологической станцией для мореходства и крепостью (внутри него, по-видимому, располагался гарнизон с запасом провианта и пресной воды). Вероятно, метеорологические функции исполняла восьмиугольная Башня ветров в Афинах с флюгером в виде фигурки тритона на крыше. Кроме того, снаружи на ее стенах находились солнечные часы, а внутри — водяные часы, заменявшие солнечные в плохую погоду.

Раскопки в Пергаме позволили воспроизвести структуру здания библиотеки. Она находилась в центре акрополя на площади возле храма Афины. Фасад здания представлял собой двухэтажный портик с двойным рядом колонн, нижний портик упирался в опорную стену, примыкавшую к крутому склону холма, а на втором этаже позади портика, использовавшегося как своего рода читальный зал, находились четыре закрытых помещения, служивших хранилищем для книг, т. е. папирусных и пергаментных свитков. Крупнейшей библиотекой в древности считалась

Александрийская, но ее описания не сохранилось, по-видимому, она при-
мыкала или входила в комплекс Мусейона (Храма муз). По сообщению
Страбона (XVII, 1, 8), Мусейон был частью дворцовых сооружений, и,
помимо самого храма, ему принадлежал большой дом, где находилась
общая столовая для ученых, состоявших при Мусейоне, экседра (крытая
галерея с сиденьями для занятий) и место для прогулок.

Сооружение общественных зданий, служивших центрами научной
работы, можно рассматривать как признак и как материальное выраже-
ние возросшей роли науки и в практической, и в духовной жизни элли-
нистического общества. Накопленный в предшествующую эпоху объем
знаний в греческом и восточном мире и появившаяся возможность объ-
единения этих двух потоков информации породили потребности в класси-
фикации имеющегося материала, подведении некоторых итогов. В слабо-
расчлененном комплексе научных представлений начинается дифферен-
циация, отделяющая от философии и зарождаются как особые науки
математика, астрономия, ботаника, география, медицина, филология.

Синтезом математических знаний древнего мира можно считать труд
Евклида «Элементы» (или «Начала»). Изложенные в нем постулаты и
аксиомы и дедуктивный метод доказательств служили в течение веков
основой для учебников геометрии. Работы Аполлония из Перги о кониче-
ских сечениях положили начало тригонометрии. С именем Архимеда
Сиракузского связано открытие одного из основных законов гидростати-
ки, начало исчисления бесконечно больших и малых величин, ряд важ-
ных положений механики и технических изобретений.

Существовавшие в Вавилонии при храмах центры изучения астроно-
мических явлений и труды вавилонских ученых V—IV в. Кидинну
и Сидина, ставшие доступными грекам после походов Александра Маке-
донского, оказали большое влияние на развитие астрономии в эллини-
стический период. Аристарх из Самоса (310—230 гг.) выдвинул гипоте-
зу, что Земля и планеты вращаются вокруг Солнца по круговым орби-
там. Селевк Вавилонский пытался обосновать это положение. Гиппарх из
Никеи (146—126 гг.) писал о явлении прецессии равноденствий, устано-
вил продолжительность лунного месяца, составил каталог 805 неподвиж-
ных звезд с определением их координат и разделил их на три класса по
яркости. Однако он отклонил гипотезу Аристарха на том основании, что
такие орбиты не соответствуют наблюдаемому движению планет, и его
авторитет способствовал утверждению геоцентрической системы в антич-
ной науке. Наряду с развитием научных знаний во II в. широкое распро-
странение получила астрология, восходящая к существовавшему в Меж-
дуречье культу звезд.

Походы Александра Македонского значительно расширили географи-
ческие представления греков. Пользуясь накопившимися сведениями,
Дикеарх (ок. 300 г.) составил карту мира и вычислил высоту многих
гор Греции. Эратосфен из Кирены (275—200 гг.), необычайно заинтересо-
ванный ученый, возглавлявший некоторое время Александрийскую библи-
отеку, исходя из представления о шарообразности Земли, вычислил ее
окружность в 252 000 стадий (ок. 39 700 км), что очень близко к дей-
ствительной (40 075,7 км). Он же утверждал, что все моря составляют
единый океан и что возможно попасть в Индию, плывя вокруг Африки
или на запад от Испании. Его гипотезу поддержал Посидоний из Апамен
(135—51 гг.), ученый широкого профиля, изучавший приливы и отливы
Атлантического океана. Посидоний изучал также вулканические и метеоро-
логические явления и выдвинул концепцию о пяти климатических
поясах Земли. Во II в. Гиппал открыл муссоны, практическое значение
которых показал Евдокс из Кизика, проплыв в Индию через открытое
море. Многочисленные, не дошедшие до нас сочинения географов описа-
тельного характера послужили источником для сводной работы Страбо-

на «География в 17 книгах», законченной им около 7 г. н. э. и содержащей описание всего известного к тому времени мира от Британии до Индии. Наряду с чисто географическими данными Страбон сообщает много исторических сведений об описываемых им странах и народах.

Заметно продвинулось изучение природы и человека. Теофраст, ученик и преемник Аристотеля в школе перипатетиков, по образцу аристотелевской «Истории животных» создал «Историю растений», в которой систематизировал все накопленные к началу III в. знания в области ботаники, включая сведения, почерпнутые во время походов Александра Македонского. Последующие работы античных ботаников внесли существенные дополнения лишь в изучение лекарственных растений, что было связано с развитием медицины. В области медицинских знаний в эллинистическую эпоху существовали два направления: «догматическое», или «книжное», выдвигавшее задачу умозрительного познания природы человека и скрытых в ней причин недугов, и эмпирическое, ставившее целью изучение и врачевание каждого конкретного заболевания. В изучение анатомии человека большой вклад внес работавший в Александрии Герофил Халкедонский (III в.). Он обнаружил нервы и установил их связь с мозгом, высказал гипотезу, что с мозгом связаны и мыслительные способности человека; он установил также, что по венам и артериям циркулирует кровь, а не воздух, т. е. фактически открыл кровообращение. Очевидно, его выводы основывались на практике рассечения трупов и опыте египетских врачей и мумификаторов. Не меньшей известностью пользовался Эрасистрат с острова Кеоса (III в.): он различал двигательные и чувствительные нервы, изучал анатомию сердца. Оба они умели делать сложные операции и имели свои школы учеников. Гераклid Тарентский и другие врачи-эмпирики большое внимание уделяли изучению лекарств.

Этот далеко не исчерпывающий перечень научных достижений эллинистического времени говорит о том, что наука в целом приобретает значение одной из важнейших форм общественного сознания. Это проявляется и в том, что при дворах эллинистических царей (для повышения их престижа) создаются специальные учреждения, музейоны и библиотеки, где ученым и поэтам предоставлялись пропитание и необходимые условия для творческой работы. Практика создания музейонов, по-видимому, восходит к Платоновой Академии, где по словам Диогена Лаэртского (IV, 3, 19), в саду были святилище муз и крытая галерея для прогулок, а ученики жили в хижинах поблизости от святилища. Такую же организацию приобрела и школа перипатетиков — Ликей — при преемнике Аристотеля Теофрасте; как сообщает Диоген Лаэртский (V, 2, 51—53), в завещании Теофраста (умер в 286 г.) предписывалось довершить сооружение (скорее — восстановление) святилища муз и statues муз, восстановить при святилище портики и в нижнем поместить картины и алтарь. Сад, прогулочное место и все постройки при саде Теофраст завещает названным в завещании ученикам и преемникам с примечательной оговоркой: «И пусть они ничего себе не оттягивают и не присваивают, а располагают всем сообща, словно храмом, и живут между собой по-домашнему дружно, по пристойности и справедливости» (пер. М. Л. Гаспарова). Содержание и Академии, и Ликея обеспечивалось за счет средств руководителя школы, учеников и последователей, а также пожертвований «благодетелей» (часто царей).

Крупнейшим научным центром эллинистического мира были Музейон и библиотека Александрии, насчитывавшая более полумиллиона книг. Сюда приезжали работать выдающиеся ученые, поэты и художники со всего Средиземноморья. Но материальная и моральная зависимость от царского двора налагала определенный отпечаток на форму и содержание научного и художественного творчества. И не случайно скептик

Тимон называл ученых и поэтов александрийского Мусейона «откормленными курами в курятнике». Наиболее отчетливо это проявилось в литературных произведениях.

Литература эллинистической эпохи необычайно обширна по количеству произведений и многообразию жанров: в источниках упоминается более тысячи имен писателей и поэтов (включая науку и философию). Продолжали разрабатываться традиционные жанры — эпос, трагедия, комедия, лирика, риторическая и историческая проза, но появились и новые виды произведений — филологические исследования (например, Зенодота Эфесского о подлинном тексте поэм Гомера и т. п.), словари (первый греческий лексикон составлен Филетом Косским ок. 300 г.), биографии, переложения в стихах научных трактатов, эпистолярная и др. Художественная литература эллинистического периода в отличие от греческой литературы V—IV вв. не касается широких общественно-политических и этических проблем своего времени, ее сюжеты ограничиваются интересами, моралью и бытом той или иной узкой социальной группы, к которой принадлежали авторы. Поэтому многие произведения быстро утратили свою общественную и художественную значимость и были забыты, лишь некоторые из них оставили след в истории культуры.

При дворах эллинистических царей процветала пышная, утонченная, полная мифологии и учености, но лишенная искреннего чувства и связи с жизнью придворная поэзия, образцами которой были идиллии и гимны Каллимаха из Кирены (310—245 гг.), Арата из Сол (III в.), эпическая поэма «Аргонавтика» Аполлония Родосского (III в.) и др. Более интимный и жизненный характер имели короткие и выразительные эпиграммы — жанр, которым пользовались все поэты, и особенно широко во II—I вв. Выросшие из посвячительных и надгробных надписей, эпиграммы в эллинистической литературе многообразны по содержанию: в них даются краткая оценка произведений поэтов, художников, зодчих, характеристика отдельных лиц, сентенции по поводу событий, зарисовки бытовых и эротических сцен. Эпиграмма отражала чувства, настроения и размышления поэта — лишь в римскую эпоху она приобрела преимущественно сатирический характер. Наибольшей известностью в конце IV — начале III в. пользовались эпиграммы Асклепиада, Посидиппа, Леонида Тарентского, а во II—I вв. — эпиграммы Антипатра Сидонского, Мелеагра и Филодема из Гадары.

Крупнейшим лирическим поэтом был Феокрит из Сиракуз (род. в 305 г.), живший какое-то время в Александрии и на Косе, автор буколических (пастушеских) идиллий. Этот жанр возник из существовавшего в Сицилии состязания пастухов (буколов) в поочередном исполнении песен или двух- и четырехстиший. В своих буколиках Феокрит создал яркие реалистические описания природы, живые образы пастухов, в других его идиллиях — зарисовки сцен городской жизни, близкие к мимам, но с лирической окраской.

Если эпос, гимны, идиллии и даже в значительной мере эпиграммы удовлетворяли главным образом вкусы привилегированных и высокообразованных слоев эллинистического общества, то мим и комедия в большей степени, чем другие жанры, отражали интересы и вкусы широких слоев населения. Из многочисленных (известно 64 имени) авторов возникшей в конце IV в. до н. э. в Греции «новой комедии», или «комедии нравов», сюжетом которой стала не общественная, а частная жизнь граждан, наибольшей популярностью пользовался Менандр (342—291 гг.), чьи произведения оказали большое влияние на римских комедиографов. Творчество Менандра и постановка его комедий на сцене приходится на начальный период становления эллинистических государств. Политическая неустойчивость, участвовавшая смена олигархических и демократических режимов, бедствия, обусловленные военными действиями на территории Эллы-

ды, внезапные разорения одних и обогащения других — все это вносило смутнение в сознание граждан, подрывало устой полисной идеологии. Если беднейшая часть граждан и олигархическая верхушка еще сохраняют политическую активность, то средние слои отстраняются от общественной деятельности, замыкаются в узкий круг своих семейных и бытовых интересов. Растет неуверенность в завтрашнем дне, вера в судьбу, в случай. Эти настроения и нашли отражение в «новой комедии».

О популярности Менандра в эллинистическом обществе и позднее, в римскую эпоху, говорит тот факт, что многие его произведения — «Третейский суд», «Самиянка», «Остриженная», «Брюзга», «Щит», «Сикионец», «Ненавистный» и др. — сохранились в папирусах II–IV вв., найденных в периферийных городах и комах Египта и лишь недавно ставших достоянием современной науки. Такая живучесть произведений Менандра обусловлена тем, что он не только выводил в своих комедиях типичные для его времени персонажи, но и выявлял в них индивидуальность, подчеркивал их лучшие черты, утверждал новое, гуманистическое отношение к каждому человеку независимо от его положения в обществе, к женщинам, чужестранцам, рабам.

Мим издавна существовал в Греции наряду с комедией. Часто это была импровизация, которую исполнял на площади или в частном доме во время пира актер (или актриса) без маски, изображая мимикой, жестом и голосом разных действующих лиц. В эллинистическую эпоху мим стал особенно популярен, появились художественные обработки мимов. Однако тексты, кроме принадлежавших Героду, до нас не дошли, а сохранившиеся в папирусах мимы Герода не были предназначены для широкой публики: они намеренно написаны на устаревшем к тому времени эолийском диалекте и тем не менее дают представление о стиле и содержании такого рода произведений. В написанных Геродом сценках изображены сводница, содержатель публичного дома, сапожник, ревнивая госпожа, истязаящая своего раба-любownika, и другие персонажи. Колоритна сценка в школе: бедная женщина, жалующаяся, как ей трудно платить за обучение сына, просит учителя нещадно выпороть ее бездельника-сына, занимающегося вместо учебы игрой в кости, что и делает весьма охотно учитель с помощью других учеников. Стиль мима был использован поэтом Сотадом из Маронеи (III в.), сторонником кинической философии, для нападок на литературных противников и царя Птолемея II Филадельфа, за что он был заключен в тюрьму, где и умер.

В комедиях, идиллиях, эпиграммах часто отражаются раздумья над смыслом человеческой жизни, пессимизм, беспомощность человека перед неумолимой судьбой и в то же время — стремление воспользоваться радостями жизни, благами, которые посылает всевластная судьба.

Образы, темы и настроения, свойственные художественной литературе, находят свои параллели в изобразительном искусстве. Продолжает развиваться монументальная скульптура, предназначенная для площадей, храмов, общественных сооружений. Для нее характерны мифологические сюжеты, грандиозность, сложность композиции. Так, Родосский колосс — бронзовая статуя Гелиоса, созданная Харесом из Линда (III в. до н. э.), — достигал высоты 35 м и считался чудом искусства и техники. Изображение битвы богов и гигантов на знаменитом (длиной более 120 м) фризе алтаря Зевса в Пергаме (II в. до н. э.) отличается сложной многофигурной композицией, динамичностью поз, необычайной выразительностью и драматизмом. Складываются родосская и пергамская школы ваятелей, продолжавшие традиции Лисиппа, Скопаса и Праксителя. Шедеврами эллинистической скульптуры считаются статуя богини Тюхе (Судьбы), покровительницы города Антиохии, изваянная родосцем Евтихидом, статуя Афродиты с о. Мелоса (Венера Милосская), автором которой считают Александра, изваянные неизвестными скульпторами

Ника с о. Самофракия, Афродита Анадиомена из Кирены, «Умирающий галл» и «Галл, убивающий жену» и др. Подчеркнутый драматизм скульптурных изображений со временем вырождается в холодную театральность, присущую таким скульптурным группам, как «Лаокоон» родосских скульпторов Агесандра, Афинодора и Полидора и «Дирка» — тоже родосцев Аполлония и Тавриска. Широкого распространения и высокого мастерства достигли портретная скульптура (образцами ее являются портреты Александра Македонского работы Лисиппа, статуя Демосфена работы Полиевкта) и портретная живопись (фаюмские портреты). Очевидно, те же настроения и вкусы, которые породили буколическую идиллию Феокрита, эпиграммы, «новую комедию» и мимы, нашли отражение в реалистических скульптурных образах грубых рыбаков, пастухов, многочисленных терракотовых фигурках женщин, крестьян, рабов (иногда гротескных), в комедийных персонажах, бытовых сценах, сельском пейзаже, в мозаике и росписи стен.

Если в художественной литературе и изобразительном искусстве отражаются преимущественно те аспекты мировоззрения, которые связаны с частной жизнью и внутренним миром человека, то в исторических и философских сочинениях раскрывается его отношение к обществу, политическим и социальным проблемам своего времени. Сюжетами исторических сочинений обычно служат события недавнего прошлого и современные авторам. По своей форме произведения многих историков стоят на грани художественной литературы: изложение событий искусно драматизируется, используются риторические приемы, рассчитанные на эмоциональное воздействие на широкую аудиторию. В такой манере писали историю Александра Македонского Каллисфен (конец IV в.) и Клитарх Александрийский (середина III в.), историю греков Западного Средиземноморья — Тимей из Тавромения (середина III в.), историю Греции с 280 по 219 г. — Филарх, сторонник реформ Клеомена (конец III в.). Другое направление историографии придерживалось более строгого и сухого изложения фактов — в этом стиле выдержаны дошедшие во фрагментах история походов Александра, написанная Птолемеем I (после 301 г.), история периода борьбы диадохов Гиеронима из Кардии (середина III в.) и др. Крупнейшим историком II в. был Полибий (198—117 гг.), автор «Всеобщей истории» в 40 книгах, посвященной событиям от 221 до 146 г., т. е. периоду, когда Рим превратился в средиземноморскую державу и подчинил Грецию и Македонию. Вслед за Полибием всемирную историю писали Посидоний из Апамеи, Николай Дамасский, Агатархид Книдский, Диодор Сицилийский. Но продолжала разрабатываться и история отдельных государств, изучали хроники и декреты греческих полисов, возрос интерес к истории восточных стран. Уже в начале III в. появились написанные на греческом языке местными жрецами-учеными история фараоновского Египта Манефона и история Вавилонии Бероса, позднее Аполлодор из Артемиды написал историю парфян. Появлялись исторические сочинения и на местных языках («Книги Маккавеев» — о восстании иудеев против Селевкидов).

На выборе темы и освещении событий авторами, несомненно, отражались политическая борьба, политические и философские теории современной им эпохи, но часто выявить это очень трудно, так как большинство исторических сочинений эллинистического периода дошло до нас в незначительных фрагментах или пересказе поздних авторов. Лишь относительно хорошо сохранившийся труд Полибия позволяет проследить и методы исторического исследования, и некоторые характерные для его времени историко-философские концепции. Полибий, видный политический деятель Ахейского союза, после поражения Македонии в 168 г. был в числе тысячи заложников отправлен в Рим, там сблизился со Сципионом и его окружением, ознакомился с политической идеологией римлян

и проникся идеей провиденциальной роли Рима. В своем труде он ставит перед собой задачу объяснить, почему и каким образом весь известный мир оказался под властью римлян. Определяющую роль в истории играет, по его мнению, судьба: это она — Тюхе — насильственно направила в одну сторону события во всем мире и слила историю отдельных стран во всемирную историю, она даровала римлянам мировое владычество. Ее власть проявляется в причинной связи всех событий. Вместе с тем Полибий отводит большую роль и человеку, особенно выдающимся личностям. Он стремится доказать, что римляне создали могущественную державу благодаря совершенству своего государственного строя, сочетавшего в себе элементы монархии, аристократии и демократии, а также благодаря мудрости и моральному превосходству своих политических деятелей. Идеализируя римлян и их государственный строй, Полибий пытается примирить своих сограждан с мыслью о неизбежности подчинения Риму и утраты политической самостоятельности греческих полисов. Появление такого рода концепций говорит о том, что политические воззрения эллинистического общества далеко отошли от полисной идеологии.

Еще более отчетливо этот отход проявляется в философских учениях. Школы Платона и Аристотеля, отражавшие мировоззрение гражданского коллектива классического города-государства, с упадком политического значения полиса теряют свою прежнюю ведущую роль. Одновременно возрастает влияние существовавших уже в IV в. и порожденных кризисом полисной идеологии течений киников и скептиков. Однако наиболее популярны в эллинистическом мире были возникшие на рубеже IV и III вв. учения стоиков и Эпикура, вобравшие в себя основные черты мировоззрения новой эпохи. К школе стоиков, основанной в 302 г. в Афинах Зеноном из Кития на Кипре (около 336—264 гг.), принадлежали многие крупные философы и ученые эллинистического времени — Хрисипп из Сол (III в.), Панетий Родосский (II в.), Посидоний из Апамеи (I в.) и др., люди разной политической ориентации — от советчиков царей (Зенон) до вдохновителей социальных преобразований (Сфер в Спарте, Блоссий в Пергаме). Особое внимание стоики сосредоточивают на этических проблемах и человеке как индивидуальной личности. Их цель — найти морально-философскую опору для человека в условиях кризиса полисных устоев, ослабления связей индивидуума с коллективом граждан, общиной, в условиях непрерывных военных и социальных конфликтов. Если порождаемое этими условиями представление о неустойчивости социального бытия гражданина воплощалось литературой и искусством в образе всеисильной судьбы, то стоиками оно осмысливается как зависимость человека от высшей благой силы (логоса, природы, бога), разумно управляющей всем существующим. Человек в их представлении уже не гражданин полиса, а гражданин космоса; для достижения счастья он должен познать закономерность явлений, предопределенных высшей силой, и жить в согласии с природой, что означает жить добродетельно. Основными добродетелями стоики считали разумение (т. е. «знание, что есть зло, что — добро»), мужество, справедливость, здравомыслие и их разновидности — величие души, воздержание, упорство, решительность и добрую волю (Диоген Лаэртский, VII, 1, 92). Согласно их учению, только нравственно-прекрасное есть благо; но вместе с тем благо есть нечто, приносящее пользу. Среди этических категорий стоиков следует также отметить представления о «надлежащем», должном как действию разумно, соответствующем законам природы и общества. Мудрец в изображении стоиков разумен, бесстрастен, беспристрастен, добродетелен, общителен и деятелен. Эклектизм, многозначность основных положений стоиков обеспечивали им популярность в разных слоях (в том числе и в правящих кругах) эллинистиче-

ского, а затем и римского обществ, допускали (при сохранении некоторых элементов материализма, главным образом в гносеологии) слияние доктрин стоицизма с мистическими верованиями и астрологией.

Философия Эпикура в вопросах онтологии была дальнейшим шагом в развитии материализма Демокрита: принимая его атомистическую теорию строения Вселенной, Эпикур высказал предположение о спонтанном отклонении атомов от прямолинейного движения, выдвинув тем самым проблему сочетания закономерного и случайного. Проблемы онтологии у Эпикура тесно связаны с этическими, центральное место в его философии занимает человек. Свою задачу Эпикур видел в освобождении людей от страха перед смертью и судьбой: он отрицал вмешательство богов в жизнь природы и человека и доказывал материальность души. Признавая существование божеств, он выступал против «ложных домыслов толпы» о бogaх. Так как согласно его концепции заботы и деятельности несоместимы с состоянием блаженства, бог как «существо блаженное и бессмертное ни само забот не имеет, ни другим не доставляет, а поэтому не подвержено ни гневу, ни благоволению» (Диоген Лаэртский, X, 1, 139). Душа, как и тело, состоит из атомов, но только более тонких, и именно она является главной причиной ощущений, пока замкнута в оболочку тела; когда оболочка разрушается, атомы души рассеиваются, ощущения исчезают. А так как для человека хорошее и плохое заключается в ощущениях, а смерть — лишение ощущений, то самое страшное из зол — смерть — не должно пугать человека, ибо «когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет» (Там же, X, 1, 125). Поэтому мудрый человек в изображении эпикурейцев «о бogaх мыслит благочестиво», но свободен от страха смерти и «смеется над судьбою, кем-то именуемой владычицей всего» (Там же, X, 1, 133). Для него, как и для стоического мудреца, характерна прежде всего разумность, но в отличие от стоика эпикуреец доступен страстям, чувствам боли, горя, жалости, он воздерживается от государственных дел, не станет тираном, киником, не будет нищенствовать. Счастье человека Эпикур видел в «наслаждении», т. е. в обретении спокойствия, невозмутимости (атараксии), которой можно достигнуть только путем познания и самосовершенствования, избегая страстей и страданий и воздерживаясь от активной деятельности. В приводимых Диогеном Лаэртским «Посланиях» и «Главных мыслях» Эпикура (в подлинности которых исследователи сомневаются) неоднократно говорится о «безопасности от людей», о ценности дружбы, что, по-видимому, отражает социально-психологический климат его времени.

Скептики, постепенно сближившиеся с последователями платоновской Академии (так называемая Средняя Академия), направили свою критику главным образом против гносеологии Эпикура и стоиков. Они также отождествляли счастье с понятием «атараксия», но толковали его как осознание невозможности познать мир (Тимон Скептик, III в.), что означало отказ от познания окружающей их действительности, от решения вопросов, поставленных жизнью.

Учения стоиков, Эпикура, скептиков, хотя и отражали некоторые общие черты мировоззрения своей эпохи, были рассчитаны на наиболее культурные и привилегированные круги. В отличие от них киники выступали перед толпой на улицах, площадях, в портах, доказывая неразумность существующих порядков и прославляя бедность не только на словах, но и своим образом жизни. Наиболее известными из киников эллинистического времени были Кратет из Фив (ок. 365—285 гг.) и Бион Борисфенит (III в.). Кратет, происходивший из богатой фиванской семьи, увлекшись кинизмом, отпустил рабов, раздал имущество и, подобно Диогену, стал вести жизнь философа-нищего. Резко выступая против своих философских противников, Кратет проповедовал умеренный ки-

низм и был известен своим человеколюбием. Характерны строки из не дошедшей до нас трагедии Кратета: «Мне родина — не крепость и не дом, мне вся земля — обитель и приют, в котором — все, что нужно, чтобы жить» (Диоген Лаэртский, VI, 7, 98, *пер. М. Я. Гаспарова*).

Биография Биона показательна для приверженцев кинизма. Он родился в Северном Причерноморье в семье отшельника и гетеры, в юности был продан в рабство; получив после смерти хозяина свободу и наследство, приехал в Афины и примкнул к школе киников. С именем Биона связано появление диатриб — речей-бесед, наполненных едкой полемикой с противниками и острой критикой общепринятых взглядов. Однако дальше критики богачей и правителей киники не шли, достижение счастья они видели в отказе от потребностей и желаний, в «нищенской суме» и противопоставляли философа-нищего не только царям, но и «неразумной толпе».

Элемент социального протеста, звучавший в философии киников, нашел свое выражение и в возникшей в эллинистическую эпоху социальной утопии. Евгемер (конец IV — начало III в.) в фантастическом рассказе об острове Панхее и Ямбул (III в. до н. э.) в описании путешествия на острова Солнца создали идеал общества, свободного от рабства, социальных пороков и конфликтов. К сожалению, их произведения дошли только в пересказе Диодора Сицилийского. Согласно Ямбулу, на островах Солнца среди экзотической природы живут люди высокой духовной культуры, у них нет ни царей, ни жрецов, ни семьи, ни собственности, ни разделения на профессии. Счастливые, они трудятся все совместно, попеременно выполняя общественные работы. Евгемер в «Священной хронике» также описывает счастливую жизнь на затерянном в Индийском океане острове, где нет частного владения землей; люди у него делятся по роду занятий на жрецов и людей умственного труда, земледельцев, пастухов и воинов. На острове есть «священная запись» на золотой колонне о деяниях Урана, Кроноса и Зевса, устроителей жизни островитян. Излагая ее содержание, Евгемер дает свое объяснение происхождения религии: боги — это существовавшие некогда выдающиеся люди, устроители общественной жизни, объявившие себя богами и учредившие свой культ. Появление такой гипотезы перекликается с распространением царского культа в эллинистических государствах.

Если эллинистическая философия была результатом творчества привилегированных, глубоко эллинизированных слоев общества и в ней трудно проследить влияние восточных элементов, то эллинистическую религию создавали самые широкие слои населения, и наиболее характерной ее чертой является синкретизм, в котором восточное наследие играет огромную роль.

Боги греческого пантеона отождествлялись с древними восточными божествами, приобретали новые черты, менялись формы их почитания. Некоторые восточные культы (Исиды, Кибелы и др.) почти в неизменной форме воспринимались греками. До уровня главных божеств выросло значение богини судьбы Тюхе, покровительницы города Антиохии, столицы царства Селевкидов. Специфическим порождением эллинистической эпохи был культ Сараписа, божества, обязанного своим появлением религиозной политике Птолемеев. По-видимому, сама жизнь Александрии с ее многоязычным, с разными обычаями, верованиями и традициями населением подсказала Птолемею I мысль о создании нового религиозного культа, который мог бы идеологически объединить это пестрое в этническом отношении общество. Атмосфера духовной жизни того времени требовала мистического оформления такого акта. Источники сообщают о явлении Птолемею во сне неизвестного божества, об истолковании этого сна жрецами, о перенесении из Синопы в Александрию статуи божества в виде бородастого юноши и о провозглашении его Сараписом, богом, объ-

единившим в себе черты мемфисского Осириса — Аписа и греческих богов Зевса, Гадеса и Асклепия. Главными помощниками Птолемея I в формировании культа Сараписа были афинянин Тимофей, жрец из Элевсина, и египтянин Манефон, жрец из Гелиополя. Очевидно, они сумели придать новому культу форму и содержание, отвечавшее духовным запросам своего времени, так как почитание Сараписа сравнительно быстро распространилось в Египте, а затем Сарапис и Исида стали популярнейшими эллинистическими божествами, культ которых просуществовал до победы христианства.

При сохранении в разных регионах эллинистического мира местных различий в пантеоне и формах культа постепенные получают все более широкое распространение некоторые универсальные божества, объединяющие в себе сходные функции наиболее почитаемых богов разных народов. Одним из главных культов становится культ Зевса Гипсиста (Высочайшего, Сущего над всем), отождествлявшегося с финикийским Ваалом, египетским Амоном, вавилонским Белом, иудейским Яхве и многими другими главными божествами того или иного района (например, Зевс Долихен в Малой Азии). Его многочисленные эпитеты — Пантократор (Всемогущий), Сотер (Спаситель), Гелиос (Солнце) и т. п. — свидетельствуют о необычайном расширении его функций. Другим соперничающим с Зевсом по распространенности был культ Диониса с его мистериями, сближавшими его с культом египетского Осириса, малоазиатских Сабазия и Адониса. Из женских божеств главными и почти повсеместно почитаемыми божествами стали египетская Исида, «богиня с мириадом имен», воплотившая в себе многих греческих и азиатских богинь, и малоазиатская Мать богов в ее многочисленных ипостасях. Сложившиеся на востоке синкретические культы проникали в полисы Малой Азии, Греции, Македонии, а затем и в Западное Средиземноморье.

Эллинистические цари, используя древневосточные традиции, усиленно насаждали царский культ. Это явление было порождено политическими потребностями вновь формировавшихся государств. Царский культ, по существу, представлял собой одну из форм новой эллинистической идеологии, в которой слились древневосточные представления о божественности царской власти, греческий культ героев и ойкистов (основателей городов) и философские теории IV—III вв. о сущности государственной власти. Царский культ воплощал в себе идею единства нового эллинистического государства, освящал религиозными обрядами авторитет политической власти царя. Царский культ, как и многие другие политические институты эллинистического мира, был унаследован и получил дальнейшее развитие в Римской империи.

С упадком эллинистических государств и началом римской агрессии, сопровождавшимися обострением социальных противоречий, обнищанием населения, массовыми порабощениями военнопленных, происходили заметные изменения и в структуре эллинистической культуры. На протяжении всей эпохи эллинизма продолжали создаваться произведения на местных языках, сохранявшие традиционные формы (религиозные гимны, заупокойные и магические тексты, поучения, пророчества, хроники, сказки), но отражавшие в той или иной мере черты эллинистического мировоззрения. Но с конца III в. до н. э. их значение в эллинистической культуре возрастает. Глубоким пессимизмом проникнута одна из библейских книг — «Экклезиаст», — созданная в конце III в. Богатство, мудрость, труд — все суета сует, утверждает автор.

Рационалистическое мировоззрение все более отступает перед религией и мистицизмом; широко распространяются мистерии, магия, астрология, но в то же время нарастают и элементы социального протеста — приобретают особую популярность социальные утопии и пророчества. В папирусах сохранилось много магических формул, с помощью кото-

рых люди надеялись заставить богов или демонов изменить их судьбу, излечить от болезней, уничтожить врага и пр. Посвящение в мистерии рассматривалось как возможность непосредственного общения с богом и освобождения от власти судьбы.

Социальная утопия получает свое материальное, так сказать, воплощение в появившихся во II—I вв. иудейских сектах ессеев в Палестине и терапевтов в Египте, в которых религиозная оппозиция иудейскому жречеству соединялась с утверждением иных форм социально-экономического существования. По описаниям древних авторов — Плиния Старшего, Филона Александрийского, Иосифа Флавия, члены сект жили общинами, коллективно владели имуществом и совместно трудились, производя только то, что было необходимо для их потребления. Вступление в общину было добровольным, внутренняя жизнь, управление общиной и религиозные обряды строго регламентировались, соблюдалась субординация между младшими и старшими по возрасту и времени вступления в общину; некоторые общины предписывали воздержание от брака. Ессеи отвергали рабство, для их этических и религиозных взглядов характерны мессианско-эсхатологические идеи, противопоставление членов общины окружающему «миру зла».

Открытие в конце 1940-х годов кумранских текстов и археологические исследования дали бесспорные свидетельства о существовании в Иудейской пустыне религиозных общин, близких ессеям по своим религиозным, моральным и социальным принципам организации. Изучение кумранских текстов позволило установить, что община существовала с середины II в. до н. э. В ее «библиотеке» был обнаружен наряду с библейскими текстами ряд апокрифических произведений и, что особенно важно, ряд текстов, созданных внутри общины, — уставы, гимны, комментарии на библейские тексты, тексты апокалиптического и мессианского содержания, дающие представление об идеологии кумранской общины и ее внутренней организации. Сопоставление их с раннехристианскими и апокрифическими сочинениями позволяет проследить сходство в идеологических представлениях и в принципах организации кумранской и раннехристианской общин. По мнению исследователей, ессеи-кумраниты были лишь предшественниками нового идеологического течения — христианства, возникшего уже в рамках Римской империи и превратившегося со временем в универсальную религию.

Процесс подчинения Римом эллинистических государств, сопровождавшийся распространением на страны Восточного Средиземноморья римских форм политической и социально-экономической жизни, имел и обратную сторону — проникновение в Рим эллинистической культуры, идеологии и элементов социально-политической структуры. Вывоз в качестве военной добычи предметов искусства, библиотек (например, библиотеки Персея, вывезенной Эмилием Павлом), образованных рабов и заложников оказал огромное влияние на развитие римской культуры. Переработка Плавтом и Теренцием сюжетов Менаандра и других авторов «новой комедии», расцвет на римской почве учений стоиков, эпикурейцев и других философских школ, проникновение в Рим восточных культов — это лишь наиболее очевидные среды влияния эллинистической культуры.

* * *

Эллинистическая культура была одним из важнейших достижений эллинизма, унаследованных и освоенных Римской империей. Но не менее существенное наследие эллинистический мир оставил и в области социально-экономических и политических отношений.

Прежде всего, в эпоху эллинизма был сделан новый шаг в развитии производительных сил: были освоены новые площади пахотных земель, расширены и усовершенствованы ирригационные системы, стала более ин-

тенсивной разработкой полезных ископаемых; заметен прогресс в ряде отраслей ремесленного производства, особенно в области строительной техники и изготовления предметов роскоши. Возник ряд новых городов, крупных торгово-ремесленных центров, не только переживших эпоху эллинизма, но и существующих до сих пор, например Александрия в Египте, Лаодикея (Латакия) в Сирии, Фессалоникия (Салоники) в Греции и др. Более интенсивными стали торговля и мореходство, появлялись новые и стали более налаженными старые торговые морские и караванные пути. Отчетливо проявляется тенденция унификации монетной системы в рамках того или иного региона.

В эллинистическую эпоху возник новый тип государства — эллинистические царства, соединяющие в себе черты восточной деспотии (со свойственными ей неограниченной властью над сельским населением и верховной собственностью на большую часть земель, природных богатств и промыслов) с полисной организацией городов. Однако эллинистический полис во многом уже отличается от классического греческого полиса. Прежние принципы полисного устройства — элветерия (свобода, политическая независимость), автономия (самоуправление), автаркия (экономическая независимость) претерпели значительные изменения и в старых полисах, и во вновь основанных эллинистическими правителями. Полисы, входившие в состав эллинистических государств, утратили свою политическую и экономическую независимость, должны были подчиняться законам, издаваемым главой государства. Полисные органы самоуправления — народное собрание, совет, должностные лица — были ограничены в своей самостоятельности, так как должны были согласовывать свою деятельность с представителем царской администрации. По своему положению и социально-политической роли эллинистический полис стоит между классическим греческим полисом и римским муниципием.

В период эллинизма происходят существенные изменения в этнической и социальной стратификации населения: теряют свое прежнее значение этнические различия между греками и даже между греками и македонянами, так как по отношению к завоеванным народам Передней Азии и Северо-Восточной Африки все они были «эллинами», отличающимися по языку и культуре от местного населения. Но с течением времени, как уже говорилось, этническое обозначение «эллин» приобретает и социальное содержание: к «эллинам» относятся те слои населения, которые по своему социальному положению имеют возможность получить образование по греческому образцу и вести соответствующий образ жизни независимо от их этнического происхождения.

Этот социально-этнический процесс нашел свое отражение в выработке и распространении единого греческого языка, так называемого «койнэ», ставшего языком эллинистической литературы, официальным языком всех эллинистических государств, а позднее наряду с латынью — официальным языком восточной половины Римской империи.

Все отмеченные выше изменения в экономической, социальной и политической сферах сопровождались шедшей одновременно с ними перестройкой социально-психологического облика человека эллинистической эпохи. Ослабление связей внутри гражданского коллектива полисов, общинных связей в сельских поселениях способствовало росту индивидуализма. Полис уже не мог гарантировать свободу и материальное благополучие гражданина, большое значение приобретали личные связи с представителями царской администрации, покровительство власть имущих. Постепенно, от одного поколения к другому идет психологическая перестройка и гражданин полиса превращается в подданного царя не только по формальному положению, но и по политическим убеждениям. Тот же процесс, но несколько позднее можно проследить и в Римской империи.

Глава 11

РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА В III—I ВВ.

1. РИМСКИЕ ЗАВОЕВАНИЯ В III—II ВВ.

Завоевание Италии не означало конца римской экспансии. Рим был заинтересован в войне как в способе присвоения богатств и расширения земельного фонда, как в средстве распространения «власти римского народа» (*imperium populi Romani* — отсюда позднейшее понятие «империи»), а значит, системы податных и вообще эксплуатируемых территорий. При недостаточности развитой товарности производства военная добыча, контрибуции и т. п. давали многое, чего производство и торговля дать не могли, не говоря уже о том, что войны непосредственно обогащали их участников. Войны велись почти постоянно, периоды мира были редки и кратки. Как правило, каждый год один, а то и оба консула руководили военными действиями. Военная слава (и отдельных полководцев, и целых родов) была важнейшей предпосылкой политической карьеры. Военный опыт (участие в 10 кампаниях) требовался от всех кандидатов в магистраты. Война оказывалась неотъемлемой принадлежностью всего римского образа жизни.

Новая серия войн — теперь уже за пределами Италии и в большей части заморских — развевывалась постепенно, втягивая в круг римских интересов и владений все более широкие регионы и связывая историю этих регионов в единое целое, как замечал уже во II в. до н. э. Полибий, греческий историк, долго живший в Риме.

Дальнейшая экспансия и географически могла стать непосредственным продолжением италийской. С севера римлян привлекали богатые земли Предальпийской (Цизальпийской) Галлии в долине реки Пада (совр. По), на которые тогда еще не распространялось понятие Италии. Столкновения с галлами и продвижение римлян к этому району приходятся уже на начало III в. К более радикальным последствиям привела, однако, борьба за Сицилию, отделенную от Южной Италии лишь узким Мессинским проливом.

К 60-м годам III в. большая часть Сицилии была занята карфагенянами. На востоке этого острова господствовали Сиракузы — греческий город, которым управляли тираны. Служившие им италийские (кампанские) наемники, взбунтовавшись, захватили ближайший к Италии город — Мессану — и, теснимые сиракузянами, обратились (расколовшись на две партии) за помощью и к Карфагену, и к Риму. Это сталкивало между собой две державы. Карфаген, основанный (в IX в.) финикийцами на территории нынешнего Туниса, уже располагавший владениями в Африке, Испании, Сардинии, Корсике, давно добивался гегемонии в Средиземноморье, где карфагеняне вели широкую посредническую торговлю. Для Рима заманчивой была возможность продолжить, вмешавшись в сицилийские дела, подчинение греческих городов уже по ту сторону пролива.

Карфагеняне приняли предложение сразу. В Риме какое-то время колебались. К войне с Карфагеном (перспектива которой вырисовывалась все яснее) Рим, почти не имевший флота, еще не был достаточно подготовлен, а с наемниками-кампанцами, учинявшими бесчинства и на италийском берегу пролива, у римлян самих были кое-какие счеты. Но Карфаген был богатым противником, а значит, война сулила большую добычу; захват же им всей Сицилии (не говоря уже о появлении карфагенского аванпоста совсем рядом с Италией) явно противоречил бы римским интересам. Войственно настроенные консулы 264 г. добились своего, обратившись к народному собранию и изобразив предстоящую

войну не только полезной для государства, но и выгодной для ее участников.

Карфагеняне уже владели Мессаной, но наемники передали город римлянам, которые, осадив затем сиракузян, принудили их к заключению союза и выплате контрибуции. Вскоре римляне, по словам Полибия, «не довольствовались уже первоначальными планами» (каковы бы они ни были) и добычей, а «вознадеялись даже совершенно очистить остров от карфагенян и тем усилить свое могущество». Римляне быстро построили флот, причем их корабли, менее маневренные, были зато оснащены новинкой — перекидными мостками, позволявшими использовать регулярную пехоту в abordажном бою (незнакомом карфагенянам). Теперь римлянам удалось даже перенести успешные военные действия в Африку, однако консул 256 г. Атилий Регул потерпел поражение и был взят в плен. На сицилийской территории, куда возвратилась война, начался долгий ряд тяжелых, хотя привычных для римлян, ежегодных кампаний. Лишь в 241 г. римляне добились нелегкой победы, утвердившись в Сицилии и наложив на Карфаген огромную контрибуцию, превысившую, по преданию, всю добычу всех италийских войн.

После этой войны (I Пунической — от латинского «пуны» — финикийцы) использовалась любая возможность для продолжения внешнеиталийской экспансии Рима. Уже в 30-х годах III в. римляне, угрожая Карфагену возобновлением войны, захватили Сардинию и Корсику, заодно увеличив в полтора раза сумму наложенной на Карфаген контрибуции, а также провели несколько кампаний (вропрочем, вялых и малоудачных) в Лигурии (к северу от Корсики — на материке).

Поводом, привлечшим внимание римлян к следующему региону, оказалось нападение иллирийских пиратов на италийских купцов. Такое случилось и прежде, но на этот раз последовало посольство к иллирийской царице Тевте, а после неудачи посольства внушительная военная экспедиция обоих консулов 229 г. Подчинение Иллирии продолжалось во II Иллирийской войне (220—219), но еще важнее было само включение римлян в балканскую политику. Уже в 229 г. они заключили там ряд союзов, и вообще Рим был поддержан греками против иллирийцев, нападавших на их города. Недаром римлянами тогда же были направлены посольства (принятые с неслыханным почетом) в прославленнейшие греческие города — Коринф и Афины.

Время между иллирийскими войнами было занято очередной войной с галлами, начавшейся в 225 г. вторжением в Этрурию и маршем к Риму объединенного галльского войска сильнейших предальпийских племен и приглашенных ими заальпийцев. Но вторжение это было спровоцировано принятым в Риме в 232 г. по инициативе народного трибуна Фламиния (римские авторы считают его врагом сената) законом о наделении римских граждан участками из уже захваченных галльских земель. Война с галлами, которых и римляне, и италийцы рассматривали как старых и грозных врагов (память о сожжении ими Рима в начале IV в. долго не могла изгладиться), потребовала большого напряжения сил, но после перелома в ее ходе римляне уже отказывались от предлагавшегося галлами мира и, как считает Полибий, стремились к вытеснению галлов из Паданской долины. В осуществлении этой политики активно участвовал и тот же Фламиний (теперь в ранге консула 223 г., хотя его полномочия и оспаривались политическими противниками), и его преемник Клавдий Марцелл, завершивший войну взятием главного города предальпийских галлов Медиолана (совр. Милан).

Завоеванные территории — Сицилия, Сардиния с Корсикой и Предальпийская Галлия — стали первыми римскими провинциями (Иллирик был оформлен как провинция уже позднее — во II в. до н. э.) и управлялись полновластными римскими наместниками. Само слово «про-

винция» ранее означало сферу действий, поручаемую консулу (или другому высшему должностному лицу), — обычно область для ведения военной кампании. Теперь оно получало и более «мирное» значение. Наместник мог быть консулом или претором, позднее лицом «с консульской или преторской властью», которая по решению сената вручалась ему после консулата или претуры. Власть наместника была военной (он мог вести военные действия в подвластной ему области), судебной и административной. Роль аппарата при нем (как при высших должностных лицах вообще) выполняла так называемая преторская когорта: квестор (казначей), легаты (заместители, которым мог поручаться суд), «друзья», писцы, переводчики, служители для поручений, ликторы, посыльные, глашатаи и т. п. Сюда входили люди, близкие наместнику, лично зависимые от него и даже (что по римским понятиям, впрочем, было вполне естественным) его рабы. Откупщики государственных доходов («публиканы») объединялись в товарищества, как будто бы частные, но фактически выполнявшие (на что указывает и само их название) определенные функции, связанные с государством. Эти товарищества располагали собственным вспомогательным аппаратом, преимущественно рабским, но при случае могли рассчитывать и на поддержку наместников вплоть до применения военной силы. Прежние учреждения завоеванных стран тоже использовались римлянами в той мере, в какой они не противоречили римским порядкам. В целом римский аппарат в провинциях — разнородный и (как и в самом Риме) недостаточно дифференцированный — мог быть действенным, но легко обращался в орудие злоупотреблений.

Организация провинций не была единообразной. Отметим лишь, что города, за немногими исключениями, облагались налогом, а часть земель облагалась в римское общественное поле. Впрочем, внеиталийская «власть» (*impregium*) римлян имела и другие (кроме провинций) формы. В частности, важнейшим ее инструментом, как и в политической организации самой римской Италии, были неравные договоры. Вообще италийский опыт оказался очень полезен римлянам и в их новых владениях. Вся система их владычества, порой очень жестокого, была достаточно гибкой и в функционировании подвижной. К началу II Пунической войны (218—201 гг.) характерные черты римской державы уже обрисовались. К этой войне Рим шел во всеоружии своей силы и опыта, явно не предвидя предстоявших ему испытаний.

В область римских интересов вовлекалась теперь Испания. На юге ее давно существовали финикийские города, а позиции самого Карфагена были сильны там уже в IV в. Поэтому, потеряв Сицилию и острова, карфагеняне обратили свою активность сюда — в страну плодородную, богатую драгоценными и другими металлами, — и с 237 г. начали планомерно расширять тут свои владения. Через 10 лет на юго-восточном берегу Пиренейского полуострова был основан Новый Карфаген (совр. Картахена), по Полибию, «чуть не единственный город на всю Иберию [Испанию] с гаванями, удобными для флота и морских войск», расположенный «весьма удобно для карфагенян на пути из Ливии [Африки] в случае переправы их в Иберию». Быстро развившийся в политический, торговый и военный центр, он стал главной базой карфагенян в Испании.

Их продвижение к северу полуострова и страшило римлян как признак нового усиления Карфагена, и привлекало их внимание к Испании как к новой цели завоевания. В этом римлян поощряли и старые враги карфагенян — греческие города-колонии Западного Средиземноморья: Массилия (совр. Марсель) и др. Римская заинтересованность в испанских делах проявилась в соглашении с карфагенским командованием о реке Ибер как о некоей демаркационной линии. Но, видимо, еще до того Рим

вошел в «союзные» отношения с греко-иберийским городом Сагунтом, расположенным южнее Ибера. Союзы такого рода нередко играли в военной политике Рима специфическую роль, способствуя возникновению ситуаций, подходящих для «законного» вмешательства. Поэтому Сагунт, у которого были нелады с соседями — союзниками карфагенян, рассматривался римлянами и карфагенянами как залог войны. Римский сенат «предвидел войну трудную, продолжительную, вдали от родины», однако не спешил — консулы в 219 г. были посланы в Иллирию. В том же году новый (с 221 г.) карфагенский командующий в Испании — Ганнибал осадил и взял Сагунт, опередив этим римлян, действовавших по своим прежним планам. Избранные на 218 г. консулы готовили войска для отправки в Африку и Испанию. На берегах Пада завершилось заселение двух городов-колоний латинского права — Плаценции и Кремоны. Однако падение Сагунта не только дало римлянам повод для объявления войны — инициатива была уже в руках Ганнибала.

Он собрал войско, которое, по словам Полибия, «отличалось не столько многочисленностью, сколько крепостью здоровья; и было превосходно испытано в непрерывных битвах в Иберии», оно включало в себя, кроме карфагенского ядра, союзные и наемные соединения из разных племен Африки и Испании (а могло пополняться и другими). С этим войском, с невиданными в Европе боевыми слонами Ганнибал двинулся в Италию сухим путем. Поход «казался почти невыполнимым, так как путь был длинен, а лежащее перед войском пространство занято было множеством диких варваров». Однако, собрав сведения о землях, которые ему предстояло пройти, связавшись с паданскими галлами, на чью помощь он рассчитывал, Ганнибал шел, то сражаясь, то договариваясь с местными племенами, через Ибер, Пиренеи, реку Родан (совр. Рону), наконец, через Альпы. Пятимесячный поход стоил Ганнибалу половины войска, но он вышел в долину Пада, открыв себе путь в Италию.

От похода в Африку римлянам пришлось отказаться. В Испанию войско было отправлено, но без консула. В трех кровопролитных битвах — при реках Тицине и Требии, в Предальпийской Галлии (218 г.) и при Тразименском озере, в Этрурии (217 г.) Ганнибал нанес римлянам тяжелые поражения. Он действовал стремительно, появлялся неожиданно, мастерски использовал условия местности. Армия его получила подкрепление от паданских галлов (один из которых убил консула 217 г. Фламиния, в свое время активно действовавшего на его родине). Итальянцев Ганнибал тоже стремился восстановить против римлян. На Рим, однако, он не пошел, а двинулся через Умбрию и Пизен к Адриатическому морю, чтобы восстановить силы солдат. По пути он «собрал такое множество добычи, что войско его не могло ни везти за собою всего, ни нести», и «истребил множество народу», приказав, «как бывает при взятии города, убивая каждого встречного взрослого человека».

В Риме было решено назначить диктатора (чрезвычайная должность с шестимесячным сроком, к которой прибегали лишь при крайней опасности). Им стал Квинт Фабий, прозванный вскоре Кунктатором (Медлителем). Он не позволял Ганнибалу навязать римлянам решительное сражение, но изнурил врага, заставляя его бесполезно передвигаться по враждебной земле. Тактика эта была правильна, хотя и непопулярна (ее противники опирались на понятное недовольство крестьянства разорением земель). Ганнибал потерял инициативу, а римляне даже в период краткого перерыва между двумя тягчайшими поражениями, по словам Ливия, «не упускали из виду заботу обо всех своих интересах на всей земле, даже в самых отдаленных участках ее». Имелись в виду не только война в Испании или набег флота на итальянский берег, но прежде всего римские посольства, направленные с различными требованиями к Филиппу V Македонскому, в Иллирию, к лигурам и т. п. А Полибий

прямо отождествляет этот момент с временем, когда «впервые переплелись между собой судьбы Эллады, Италии и Ливии [Африки]», когда все политические силы на Балканском полуострове, островах, в Малой Азии при любом своем начинании стали оглядываться не на Птолемея или Селевкидов, а на Запад, ища поддержки у Рима или Карфагена.

Тем временем в Риме одним из консулов был избран Теренций Варрон, человек «низкого происхождения» и «новый» в правящей верхушке. Выборы прошли под лозунгом борьбы со знатью, которая хотела войны с Ганнибалом и вот-де сама привела его в Италию, а теперь замедляет победу. Однако именно теперь Ганнибалу решительное сражение давало единственный шанс. В битве при Каннах (216 г.) была истреблена огромная римская армия. Став хрестоматийным образцом военного искусства, битва эта лишь осложнила военное положение римлян, но не определила исхода войны.

Ганнибал тщетно ждал переговоров о выкупе пленных или даже об условиях мира. Римский сенат, справившись с первым шоком, стал принимать неотложные меры. Был объявлен набор всех способных носить оружие (17-летних и даже моложе), того же потребовали от латинян и союзников. Неслыханной мерой был набор добровольцев-рабов, которых государство выкупало у господ. Их было набрано 8 тыс. (два легиона). Свободу им предоставили лишь два года спустя, а пока консульское распоряжение 215 г. предписывало, чтобы никакие попреки прошлым не сеяли раздоров в войске: «Пусть считаются достаточно почтенными и благородными все, кому римский народ вверил оружие и знамена». Были записаны в армию и около 6 тыс. заключенных, пожелавших освободиться таким образом. Когда стало известно, что спасшийся с поля битвы (его коллега погиб) Теренций, на которого возлагали вину за поражение, собрал остатки рассыпанного войска, его вызвали в Рим как законного носителя власти, и он даже удостоился благодарности от сената за то, что не отчаялся в спасении государства. На военные нужды обращались богатства и храмов, и частных лиц (последние предоставляли их добровольно или под обязательство о возмещении). С другой стороны, тоже демонстративной мерой был отказ в выкупе римским солдатам, сдавшимся в плен после катастрофы при Каннах (покинувшие поле битвы были наказаны в дисциплинарном порядке). И даже в момент наибольшей опасности не были отозваны римские войска из Испании, где братья Публий и Гней Сципионы успешно действовали против карфагенян и привлекали на свою сторону местные племена.

Ганнибал пошел не на Рим, а в Самний, где живы были традиции борьбы с римлянами. Ему удалось, используя политико-психологический эффект Каннской битвы, частично осуществить то, на что он рассчитывал, предпринимая поход, — отколоть от римлян ряд городов (Капуя и др.) и племен в Кампании и на юге Италии. Следует согласиться с исследователями, полагающими, что «никакие органические интересы не связывали новоявленных союзников с Карфагеном»⁴, но атмосфера неуверенности и нестабильности обостряла внутреннюю борьбу в городах. Обычно считают, что знать была настроена проримски, а «плебс» прокарфагенски. Действительно, связи италийской знати с римской (вплоть до персональных и брачных) были уже прочными, а «плебс» был традиционным противником знати. Однако большую роль играли и междоусобицы внутри самой знати, и конкретная военная обстановка на местах, и (особенно для племен и греческих городов) исторические традиции.

Бесперспективность союзов с Ганнибалом на италийской почве вы-

⁴ Корблеа И. Ш. Ганнибал. М., 1976, с. 145.

явилась скоро: уже в 215 г. самниты и гирпины жаловались ему, что римляне опустошают их поля, как будто Марцелл, а не Ганнибал победил под Каннами. Выходило, что итальяйские союзники не столько помогают Ганнибалу, сколько ищут помощи от него. А он, ограниченный в людских резервах, метался между горячими точками. (Это продолжалось 13 лет!) С обеих сторон шла борьба за союзников и совершались жестокости, ее затруднявшие. Сходная обстановка сложилась и в Сицилии, где Ганнибалу удалось откотить от римлян Сиракузы, с 215 г. волнующие внутренние усобицами.

Посольство римлян к Дельфийскому оракулу после Канн показало, что престиж Рима среди греков остался достаточно высоким. В войне с Филиппом V, который тоже вступил в союз с Ганнибалом (I Македонская война, 215—205 гг.), многое было сделано силами греческих союзников Рима. Несмотря на кое-какие уступки Филиппу, мирный договор усиливал позиции Рима в Греции.

Война с Карфагеном была еще долгой и изобиловала драматическими перипетиями. В 215 г. в Испании была одержана первая крупная победа римлян после каннского поражения. В 213 г. ими были осаждены Сиракузы, а в 212 г. — Капуя, которую Ганнибал хотел сделать своей главной опорой в Италии. Но даже демонстративным рейдом к Риму (211 г.) он не добился снятия этой осады, и Капуя пала вслед за Сиракузами (при взятии которых в 211 г. погиб великий ученый Архимед). По существу, исход войны в Италии и Сицилии был предreshен, хотя карфагенские подкрепления еще два раза вторгались в Италию (в 207 г., когда они повторили марш Ганнибала, но были разбиты в Северной Италии, и в 205 г., когда они прибыли морем, но выйти за пределы Северной Италии так и не смогли). Ганнибал в конце концов оказался заперт в Бруттии (южная оконечность Италии) и ничего не предпринимал.

Особое значение получили военные действия в Испании. Здесь карфагенянам удалось поколебать кельтиберских союзников и разбить поочередно обоих братьев Сципионов. Римляне были вновь отброшены за Ибер, где, однако, сумели закрепиться. В Риме было решено послать туда дополнительное войско и полководца с консульскими правами. На это место был избран Публий Сципион — сын одного из погибших. Он сразу обнаружил яркое дарование полководца, эффектной операцией захватив прежде всего Новый Карфаген. Здесь же проявились его административные и дипломатические способности. Он возвратил гражданам этого города самоуправление, показав тем самым, что и пунийские колонисты могут не бояться власти Рима. На его сторону вновь переходили иберийские племена, и ему удалось завязать связи с царьками нумидийцев, африканских кочевников, поставлявших Карфагену едва ли не лучшую конницу (один из них, Массинисса, стал потом на долгие годы верным союзником Рима). Такая политика позволила Сципиону уже в 206 г. завершить военные действия в Испании взятием Гадеса (совр. Кадикс), древней финикийской колонии.

Вернувшись в Рим, Сципион с успехом был избран консулом на 205 г. Получив провинцию Сицилию с правом перенесения военных действий в Африку, он воспользовался своими полномочиями для окончания войны. В 202 г. при Заме он разбил отозванного в Африку Ганнибала. В 201 г. был заключен мир — Карфаген терял все владения за пределами Африки и весь флот, а также облагался огромной контрибуцией на 50-летний срок. Рим присоединял к своим владениям Южную и Юго-Восточную Испанию (две провинции), а Сципион к своему имени — прозвище «Африканский».

После II Пунической войны Рим стал крупнейшей политической силой в Средиземноморье. Но победа была достигнута ценой предельного напряжения сил. В конце войны даже в Лации бывали волнения из-за

непомерных военных тягот. Многие районы Италии сильно пострадали.

Важнейшей областью экспансии римлян в Европе стали теперь Балканы. Главным противником здесь была Македония, но главным объектом римской политики и римских интересов — Греция, чей, так сказать, исторический авторитет определялся как ее политическими традициями, так и ее несравненным духовным, культурным богатством.

Римляне воспользовались сложной политической обстановкой и опять создали антимакедонскую коалицию (Пергам, Родос, Ахейский и Этолийский союзы). Коалиция располагала флотом. В 200 г. Филиппу V вновь была объявлена война (II Македонская). Римские войска высадились в Иллирии, и в 197 г. в битве при Кynosкефалах (в Фессалии) Филипп V был разбит. Он терял все владения за пределами страны и выдавал военный флот. Но главный итог борьбы был политический: в 196 г. на Истмийских играх победитель Филиппа V Тит Квинкий Фламинин объявил о «свободе» греческих городов. Эффект этой демонстрации был очень сильным. Фламинин снискал большую популярность в Греции, особенно в аристократических кругах, которые пользовались его поддержкой. В греческие дела пытался вмешаться сирийский царь Антиох III, но его расчеты на недовольство греков римским контролем в сложившейся обстановке не оправдались, и он потерпел поражение от римлян в 190 г., в результате которого вынужден был отказаться от владений в Европе и в Малой Азии.

Решающим этапом римских войн на Балканах явилась III Македонская война (171—167 гг.) с царем Персеем, который объявил себя защитником должников и изгнанников и стал искать поддержки у демократических элементов в Греции. Его агитация находила отклик, но после нескольких лет войны и он был разбит, а Македония потеряла самостоятельность. В 149 г. здесь разразилось восстание Лже-Филиппа (Андриска), после подавления которого Македония была превращена в римскую провинцию (148 г.). Еще через два года римской провинцией Ахайей стала и Греция. Как повод для приведшего к этому вмешательства римлян было использовано обострение классовой борьбы в Греции и конфликты между городами. Ахейский союз при поддержке коринфского демоса объявил Риму войну. В ахейское войско были включены 12 тыс. рабов, родившихся в Греции. После поражения ахейцев Коринф — крупнейший город Греции — был разрушен, а «свободные» города были подчинены контролю римского наместника. Лишь Спарта и Афины считались теперь самостоятельными союзными городами.

В один год с Коринфом был разрушен и Карфаген. III Пуническая война (149—146 гг.), предпринятая римлянами по окончании 50-летнего срока выплаты Карфагеном контрибуции, по существу, представляла собой уничтожение слабейшего противника. Это малопочетное дело взял на себя один из образованнейших римлян своего времени — Публий Корнелий Сципион Эмилиан, приемный внук победителя во II Пунической войне.

Незатухающим очагом войны надолго осталась Испания, где еще не было покорено население северо-западной части страны и где постоянно восставали другие племена, особенно лузитаны, жившие в основном на территории нынешней Португалии. Очень долгим и упорным было восстание под предводительством Вириата (154—139 гг.). Затем центром сопротивления стал город Нуманция, осада которого продолжалась до 133 г. В 137 г. консул Манцин даже сдался было осажденным, которые сами окружили и осадили осаждавших. Договор о капитуляции был подготовлен его квестором Тиберием Гракхом, будущим знаменитым трибуном, но сенатом утвержден не был. После Манцина Нуманцию осаждал Сципион Эмилиан, который взял ее в 133 г. Через лагерь Сципиона под

Нуманцией прошли или выдвинулись там многие деятели следующего периода римской истории, в числе которых и Гай Гракх, и Марий, и будущие предводители восставших италиков, и даже будущий коварный противник Рима нумидиец Югурта.

2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Римское общество развивалось отнюдь не как самоизолированное, и войны были важным элементом его экономики (как и для большинства архаических обществ). Недаром, пока римляне вели войны в Италии, кампании имели ежегодный и даже сезонный (что отразилось в существовании соответствующих календарных праздников, в частности «очищения оружия» осенью) характер. Как уже говорилось, труд воина, подобно труду земледельца, рассматривался как достойный гражданина, обеспечивающий его свободу и благосостояние общины.

Земли, отобранные у побежденных, поступали в распоряжение гражданской общины, которая могла наделять ими римских граждан (выводя колонии или отдельными наделами), продавать или предоставлять земледельцам за небольшую арендную плату. Немалая часть этих земель оседала в руках у богатых, и бедные граждане ожидали от войн новых земель для распределения (как это видно на примере борьбы вокруг «галльских земель» перед II Пунической войной). На заморские или заальпийские территории гражданские колонии долгое время не выводились, но многие солдаты оседали в провинциях, где они служили.

Что касается военной добычи, то экономическая роль ее была очень велика уже потому, что она (как вообще война) была фактором, который противостоял натуральному хозяйству, внося в него элемент, так сказать, сторонний и активизируя роль движимого (в самом прямом смысле слова) имущества, свободу его перехода из рук в руки.

Ожидание добычи определяло отношение римского общества к войне. Знать, по замечанию современного исследователя, мыслила в категориях скорее грабежа и захвата, чем производства, и военный успех считался наиболее достойным источником нового богатства. Рядовые участники войны видели в ней средство улучшить свое материальное положение или поправить его. Ливий, рассказывая о римских победах, всегда считает нужным указать размер добычи.

Чтобы представить себе, насколько разработанной была система организованного грабежа захваченных городов, лучше всего обратиться к рассказу Полибия о взятии Нового Карфагена Сципионом Африканским. «Когда Публий увидел, что в город вошло уже достаточно войска, он согласно обычаю римлян послал большинство солдат против жителей города и отдал приказание убивать без пощады всякого встречного и воздерживаться от грабежа, пока не будет дан к тому сигнал». После же сдачи карфагенского командующего «по данному знаку смертоубийство прекратилось и солдаты занялись грабежом» — Сципион дал им приказ «очистить дома, снести награбленное на площадь», где высшие командиры и делили добычу. Организованность этого предприятия поражает Полибия: «...если половина только войска отправляется на грабеж, а другая половина остается в боевом порядке для прикрытия грабящих, то у римлян никогда не случается, чтобы дело страдало из-за жадности к добыче. Так как никто не опасается, что потеряет добычу из-за другого, и все получают поровну, и остающиеся в запасе, и участвующие в грабеже, то каждый остается спокойно на своем посту; у прочих народов нарушение этого правила бывает источником величайших бед». Деньги, принадлежавшие казне Нового Карфагена, не пошли в раздел, а были переданы в армейское казначейство.

В данном случае Сципион, исходя из военно-политических соображений, воздержался от обращения в рабство и распродажи «пленных», т. е. захваченных жителей города. (Рабами, но не частными, а римского государства, стали из них лишь неполноправные, которые были использованы для военных нужд, но и им было обещано освобождение после войны, если они «докажут свою любовь к римлянам и усердие».) Тем самым Сципион на этот раз отказался от обычной в таких случаях важной части добычи. Иногда даже считают, что главной целью римских войн была охота за рабами, которые затем поступали в хозяйства римских богатей. Думается, все было сложнее — не все захваченные рабы попадали в Италию и не все оказывались занятыми в производстве. Но так или иначе войны, обогащавшие рабские рынки, облегчали состоятельным римлянам приобретение рабов, как и земли.

В рассказах римских авторов о II Пунической войне рабовладение предстает перед нами как давний институт и массовое явление. В сохранившихся фрагментах Законов XII таблиц мы уже сталкиваемся с достаточно характерными чертами будущей римской системы рабства и отлученничества. Видимо, хотя роль римских завоеваний в развитии этой системы была велика, тем не менее корни ее уходят в глубокую древность.

В основе экономико-социальных представлений самих римлян лежала идея самодостаточности индивидуального хозяйства как материальной гарантии свободы и соответственно представление о возделывании своей земли как о труде, достойном свободного человека (члена гражданской общины, с которой было связано обладание этой своей землей). Этот труд осуществлялся в рамках индивидуальной ячейки гражданской общины — фамилии. Это слово часто переводится как «семья», но фамилия включала в себя и рабов, и рабчий скот, и самое хозяйство. Главой фамилии — домовладыкой — был отец, а младшие ее члены — сыновья, внуки и т. д. — пожизненно находились в его власти и в полном распоряжении как работники. Сын лишь после смерти отца становился самостоятельным собственником, тогда-то оказывалось, что и раньше он всю жизнь работал «на себя». Раб, приобретенный «отцом фамилии», включался в нее, становясь самым бесправным ее членом, поскольку он был вне гражданской общины. Поэтому именно разделение людей на свободных и рабов считалось у римлян основным. Автор I в. до н. э. Варрон писал: «Все земельные участки возделываются людьми: либо рабами, либо свободными, либо теми и другими».

Таким образом, возделывание земли с помощью рабов не выходило за рамки традиционной фамильной организации, и рабовладельческие отношения вызревали в недрах крестьянско-патриархального хозяйства, где «моя» земля возделывалась «моими» же людьми. О рабовладельческом в отличие от крестьянского хозяйстве можно говорить, когда рабская часть фамилии приобретает самостоятельное значение, а отношения рабства становятся основой не только выполнения, но и организации труда. Для самих римлян, однако, эти два уклада различались просто как хозяйство бедняка и хозяйство богача. Для последнего «фамильный» идеал самодостаточности (разумеется, модифицированный) сохранял свою притягательность и выражал собой консервативные начала в римской экономике, способствуя сохранению элементов натурального, тяготевшего к самоизоляции хозяйства.

В приобретение земли вкладывалась немалая доля богатств, порожденных войной. Земельные участки к середине II в. до н. э. были, видимо, обычным предметом купли-продажи.

Появляются книги о сельском хозяйстве. Из римских авторов первым обратился к этому предмету Катон, чье небольшое сочинение, очень долго сохранявшее свое значение, выражает архаическое, но цельное «вос-

приятие хозяйства как некоего живого организма, в котором одновременно действуют разные органы»².

Имение, описываемое Катонем, не крупное. Но среднее имение necessarily принадлежало среднему землевладельцу. Крупный землевладелец обычно имел ряд таких имений, нередко в разных местах. «Катонское» имение включает в себя различные угодья, чтобы по возможности обеспечивать себя всем вплоть до кольев и ивовых прутьев для привязки винограда. Многие орудия, однако, хозяин покупает в городах. Рабы в имении — простые сельскохозяйственные рабочие. Их немного (чтобы не держать людей, не занятых большую часть года). Хозяин боится лишних трат, лишнего оборудования, всего лишнего, отягощающего — оно должно продаваться («хозяин должен быть легок на продажу, а не на покупку»).

Бережливость хозяина требовала поддерживать рабов в рабочем состоянии (паяк зависел от затрачиваемого труда и был примерно равен солдатскому), находить для них занятия в непогоду и зимние вечера, а также работы, разрешенные в праздники, своевременно продавать состарившегося или хворого раба. Из культур Катон уделяет преимущественное внимание тем, которые должны были не только обеспечивать хозяина натуральным продуктом, но и приносить доход, — оливкам, винограду (хлеб в основном потреблялся на месте). В имении требовались хранилища и много тары для вина и масла, чтобы хозяин мог «спокойно выжидать дороговизны», значит, скорость оборота капитала не имела решающего значения для хозяйствования (именно в этом и в отсутствии давления мирового рынка, как показала Е. М. Штаерман, состояло коренное отличие римского рабовладельческого хозяйства от капиталистического: вест-индского и американского).

Хозяин в имении не жил постоянно, а наезжал туда для инспекции и упорядочения дел. В его отсутствие всем заправлял раб-управляющий (виллик), которому помогала его жена (Катон выражается именно так, хотя правом рабский брак не признавался) — ключница (виллика). Рабская администрация не была многочисленна: кроме виллика и вилики, упоминаются надсмотрщик и сторожа (среди которых, впрочем, были и свободные). О рабынях в имении, кроме виллики, Катон специально не говорит, но это не значит, что их не было. По мнению М. Е. Сергеевко, они ведали огородами, кухней, пряли и ткали.

Катон ничего не говорит о пекулии (имущество, выделяемое рабу в пользование и вместе с рабом находящееся в собственности господина) виллика, который, однако, судя по всему, этим пекулием обладал. Пекулий служил орудием организации рабского труда и производства (облегчая, в частности, расчеты хозяина с виликом). Раб не имел собственных прав, но с разрешения и по приказанию хозяина он мог совершать сделки, «пользуясь правом господина» (как выражались римские юристы). Виллик, без сомнения, этим правом и пользовался, и злоупотреблял. Один из римских комедиографов писал (примерно через полвека после Катона), что быть виликом в отдаленном от Рима имении, куда редко заглядывает хозяин, — значит «не рабствовать, а барствовать».

«Свое» (т. е. в идеале самодостаточное) имение отнюдь не было свободно от хозяйственных связей с окружающим миром. Многие из форм такой связи, уменьшавшие долю землевладельца в доходе (издольщина, продажа урожая на корню), указывают на ограниченность возможностей рабского хозяйства — при сколько-нибудь интенсивном земледелии оно не могло быть слишком большим и не могло не нуждаться в сезонной рабочей силе со стороны (для ее найма и организации приходилось прибегать к услугам подрядчиков).

² Сергеевко М. Е. Введение. — В кн.: Ученые земледельцы древней Италии. Л., 1970, с. 10.

При всем том земледелие в сознании римлян (как и вообще древних) прочно связывалось с домоводством. Наставления Катона включают в себя тексты молитв богам за благополучие дома, рецепты кушаний (очень простых), демонстрируют общую атмосферу жизни в имении, достаточно примитивной, где хозяин интересуется всем, вплоть до борьбы с молю.

Катон рассказывает лишь об одном типе римских имений, хотя и наиболее показательном для римского рабовладельческого хозяйства. Написанное на исходе Республики сочинение Варрона «Сельское хозяйство» принадлежит иному, чем катоновское, пласту римской культуры. Написанный в литературной форме диалога, демонстрирующий эрудицию автора, этот трактат отстоит дальше от практики, но стремится к энциклопедичности. Сопоставление сведений, сообщаемых обоими авторами, придает объем и историческую перспективу нашим знаниям о сельском хозяйстве времен Республики.

Особый раздел Варрон отводит скотоводству. Усадьбное скотоводство было и в катоновском имении (где унавоживание было важным элементом земледелия), Варрон знакомит нас с крупным — отгонным. Тысячные стада овец двигались по горным тропам Средней и Южной Италии между зимними (равнинными) и летними (горными) пастбищами. Пастбища принадлежали к «общественному полю» и сдавались откупщикам-публиканам, которые собирали с владельцев стад (через их пастухов) плату и обеспечивали государству его доход (фактически выполняя и здесь функции государственного аппарата). Такое скотоводство было высокотоварным, ориентированным на шерсть. Пастухами были рабы, но к ним предъявлялись специфические требования: они должны были быть крепкими и ловкими (в имениях же скот пасли не только мальчики, но и девочки) — такими, что «могут отбиться от зверей и разбойников, навьючить на животное тяжелую кладь, могут первые кинуться на врага, могут метнуть дротик». Пастухи жили стоянками на пастбищах, имели пекулий. С ними были и женщины, которые готовили им еду. Во главе стад стоял старший пастух (тоже раб, как и виллик), молодой, опытный и грамотный, чтобы составлять отчеты о стаде. Неудивительно, что пастухи, сплоченные, инициативные, прекрасно знающие местность, оказывались серьезной силой рабских восстаний.

С зимних на летние пастбища перегоняли и мулов, разведение их тоже приносило большой доход. В лесах пасли стада коров и свиней, в скалистых местностях — коз; стада этих животных были не слишком большими. И в рассказе Варрона о скотоводстве можно заметить «катоновские» тенденции: стремление к доходу, страх перед тратами и — по крайней мере в усадьбном скотоводстве — идеал самодостаточности: «Никто не слышал, как отцы наши называли лентяем и мотом человека, у которого в кладовке висела ветчина от мясника, а не из собственного имения».

Высокая товарность и специализация отличали подгородное хозяйство, развившееся в основном в послекатоновские времена и ориентированное на состоятельного покупателя. Здесь разводили дорогие фрукты, ранние овощи, цветы — многое из этого, видимо, производилось и средними хозяевами. Особое внимание Варрон уделяет птичникам, удовлетворявшим специфические потребности большого города. Птиц разводили дорогих и редких: «африканских кур», павлинов («престижная» еда), но и более простых, которые тоже могли приносить большой доход, чему обычно способствовали «или публичное угощение, или чей-нибудь триумф, или обед коллегии. Им теперь нет числа, и от них вздуваются рыночные цены».

Варрон утверждал, что нет другой страны, которая была бы так хорошо возделана, как Италия. Несомненно, это имело огромное значение

для ее общего (хотя очень дифференцированного) уровня жизни. Но какое значение имели сельскохозяйственные доходы для римских богачей, владельцев неимоверных состояний?

Первая же фраза Катона «Земледелия» настораживает: «Предпочтительнее, пожалуй, для обогащения заняться торговлей, да она так опасна; или даже ростовщичеством, да оно так непочтенно». Катон не обещает своему читателю ни быстрого, ни сильного обогащения. Доходность товарных угодий имения обеспечивалась уровнем самодостаточности его как хозяйственного целого. А «прочность» дохода от земли сводилась, видимо, к тому, что земля не могла погибнуть, как корабль купца.

Как пишет советский исследователь, «за исключением некоторых крупных скотоводов конца Республики, ни один из известных нам римлян не нажил большого состояния на сельском хозяйстве, основанном на рабском труде. Очевидно, оно приносило, в общем, довольно скромный доход...»³. Правда, очень крупные землевладельцы, по-видимому, получали немалый доход, сдавая землю в аренду, но изучение арендных отношений во времена Республики затруднено тем, что отношения зависимости, которые возникали между человеком, возделывавшим чужую землю, и ее собственником, не занимали римских писателей-агрономов. Они писали о возделывании *своей* земли, а при аренде земля просто передавалась другому, который также возделывал ее с «потомством» или рабами. (Недаром слово «колон», которое лишь позднее стало специфическим обозначением человека, сидящего на чужой земле, в языке Катона обозначало вообще человека, возделывающего землю, и прилагалось именно к собственнику-рабовладельцу.) Поэтому римляне того времени не противопоставляли арендные отношения рабовладельческим и принципиально иного уклада в них не видели.

Сказанное не умаляет значения сельского хозяйства как основы италийской экономики. Именно оно обеспечивало Италию продуктами питания, в том числе хлебом (привозного хлеба хватало только на Рим и на войско). Но в глазах богатых владельцев имений земледелие само по себе было не «отраслью хозяйства» (они и не мыслили в таких категориях), а скорее престижным образом жизни и его самообеспечением. Источником средств для приобретения земли было, как правило, не производство. Земля считалась ценностью не просто экономической, но нравственной и укорененной в идеологии. Недаром унаследованная («отцовская и дедовская») земля считалась крепче связанной с владельцем, чем купленная, и продажа ее была одиозна в глазах общественного мнения.

О римском ремесле Средней и Поздней Республики дают представления советы Катона: «Туники и прочие вещи где покупать. В Риме: туники, плащи, лоскутные одеяла, деревянные башмаки. В Калах и Минтурнах: плащи с капюшонами, железные изделия, серпы и ножи, лопаты, кирки, топоры <...> в Суэссе и в Лукании телеги; молотильные доски в Альбе и Риме; долии, чаны, черепицу из Венафры. Для тяжелой земли хороши будут римские рала, для рыхлой кампанские <...>. Маслодельные прессы в Помпеях, Ноле <...>. Ведро, кувшины для масла <...> и прочую бронзовую посуду в Капуе и Ноле. Кампанские корзинки хороши». Все это необходимый хозяйственный инвентарь, утварь, рабочая одежда. Кое-что из этого можно было делать (и нередко делали) и в имении. Но Катон рекомендует «нелегкому на покупки» хозяину иметь дело с городским ремеслом, развитым и дифференцированным. Кое-что делалось на заказ из материала хозяина: заказывая (в Казине или Венафре) капнат для давилни, надо было сдать в мастерскую «восемь шкур собствен-

³ Штаерман Е. М. Древний Рим: Проблемы экономического развития. М., 1978, с. 154.

ного скота, недавно перемятых». Маслодельные прессы привозились на быках, монтировались и отлаживались мастерами. Иногда приглашались мастера для изготовления металлических деталей, заливки их свинцом и т. п. Имение Катона при всей его тяге к самодостаточности оказывается тесно связано с городским ремеслом целого района Италии, причем речь идет именно о связи хозяйственной, производственной.

Распространяется и ремесло, рассчитанное на городского потребителя. Наряду со старыми отраслями (гончары, сукновалы, плотники и т. п.) появляются новые, некоторые из них — тоже в результате насущной потребности, например хлебники, занимавшиеся размолотом зерна и выпечкой хлеба (прежде это было домашней работой). К очень раннему времени римские авторы относят возникновение первых коллегий — производственных объединений ремесленников по профессиям. Они ставили под контроль гражданской общины ремесленную деятельность, необходимую для ее жизни. Заморские завоевания — обусловленный ими приток богатств, ввоз квалифицированных рабов-мастеров, рост спроса на предметы роскоши — резко интенсифицировали этот процесс. Таким образом, диапазон ремесленной деятельности был очень велик, и развивалась она очень бурно, сосредоточиваясь в основном в городах.

Однако среди упоминаемых Катонем источников дохода ремеслу не находится места. Читатель из того круга, к которому он обращался, мог не видеть большого худа в «непочтенном» ростовщичестве, но ему и в голову не могло прийти заняться изготовлением вещей на чужую потребу. «Заработок делает человека рабом» — эта странная для нашего ума сентенция (дошедшая до нас как цитата из автора II в. до н. э., но, может быть, и более древняя) выражает мировоззрение общества, где представление (крестьянское в своей основе) о полной свободе человека предполагало жизнь, обеспечиваемую землей, которая ему родит, а не просто приобретаемыми деньгами. Вознаграждение же, по римским представлениям, ставило получающего в зависимость от дающего, а всякая зависимость воспринималась как личностная и даже в какой-то мере как власть над телом. Позднейший лексикограф называет «самым низким и самым грязным промыслом» «сдачу за плату своего труда или — для поругания — своего тела»! Даже раб представлялся некоторым античным (не только римским) мыслителям «бессрочным наемником». Греки считали, что «рабу плата — еда», но в сложно организованном рабовладельческом обществе отдельные категории рабов, в частности рабы-ремесленники, могли получать и деньги.

Е. М. Штаерман, подробно исследовавшая римское ремесло, пишет, что «во вновь возникающих, развивающихся и передовых отраслях превалирует абсолютно труд рабов. Труд свободных продолжает играть большую или меньшую роль в исконных, традиционных отраслях, но и там в той или иной мере используются рабы»⁴, хотя никакими цифровыми данными о соотношении свободного и рабского труда мы не располагаем. Разделение труда в ремесленных мастерских было простым разделением между трудом мастера, его помощников и чернорабочих.

Формы функционирования ремесла были различны: домашнее ремесло, наем и подряд как отдельных ремесленников (рабов и свободных), так и групп, мастерские, работавшие на заказ и на продажу. Очень больших мастерских, видимо, не было: в отраслях, производивших товары массового спроса, насчитывалось до сотни работников. Такие мастерские легко распадались на меньшие, сдавались по частям в аренду (которая существовала в ремесле, как и в сельском хозяйстве, не меняя общего характера производства). В других отраслях распространенной формой

⁴ Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964, с. 104.

была мелкая мастерская, где мастер работал с помощью нескольких рабов. Нередко он отпускал кого-то из них на волю, чтобы оставить ему мастерскую или чтобы поставить его (не теряя с ним хозяйственной связи) во главе отпочковавшейся мастерской. Вообще рабы-ремесленники (в отличие от сельскохозяйственных) выходили на волю достаточно часто и обычно продолжали заниматься прежним ремеслом.

Такое дробление разрастающихся мастерских, как пишет Е. М. Штаерман, объясняется невозможностью организовать на основе рабского труда крупное производство, которое требовало бы внимания и тщательности, недостижимых без постоянного и пристального надзора самого хозяина или мастера, руководящего работой. Так же и в сельском хозяйстве, слишком крупные имения были экстенсивными и обрабатывались небрежно или дробились между арендаторами, в средних же управление было легче, и самыми доходными оказывались не отдельные имения крупных землевладельцев, а хозяйства среднесостоятельных людей, которые управляли всем сами. Естественно, что и в ремесле, как и в сельском хозяйстве, когда возникала крупная собственность, она сочеталась с мелким производством»⁵.

Следует учитывать и страх перед «специализацией» крупных состояний. Принцип их рассредоточения по множеству дробных предприятий можно считать характерным для римской экономики, хотя, конечно, были и исключения, такие, как крупное отгонное овцеводство в Средней и Южной Италии. Рассредоточение могло осуществляться посредством аренды и т. п., но большие возможности для этого предоставляла сама римская система рабства и отпущенничества, положенная в основу организации хозяйства. Самый простой пример — сосредоточение в одних руках нескольких средних имений (предпочтительно в разных местах) под управлением вилков. Так же могли организовываться и ремесленные мастерские во главе с рабом-мастером в качестве управляющего. Система пекулий позволяла такому мастеру копить деньги для выкупа из рабства (раб мог выкупаться на волю деньгами из пекулия, который и так был собственностью господина, это обеспечивало заинтересованность раба в порученном ему деле). Раб мог иметь в своем пекулии и рабов («викариев», буквально: «заместителей»). Система «ординариев» (раб, распоряжавшийся викарием) родилась, видимо, в рабской администрации (викарий раба-управляющего упоминается у Плавта), но применялась и в ремесле. Тогда раб-мастер мог чувствовать себя почти что предпринимателем. Но и пекулий, и рабская иерархия существовали только как рабочие отношения господского хозяйства. Совместное бегство ординария и викария обнаруживало их общую классовую принадлежность, уравнивая в бесправии: оба они были теперь одинаковыми беглыми рабами — собственностью господина, которая «украдала сама себя», по выражению позднейших римских юристов.

Отпуск раба на волю, превращение его в отпущенника открывали перед господином новые возможности его использования. Дело даже не в отработках, которыми обязывались отпущенники. Отпущенный на волю с соблюдением всех формальностей становился римским гражданином (с урезанными правами, но его сын уже считался свободнорожденным). Вместе с тем он был связан с бывшим господином (теперь — «патроном») уже иной связью типа древней клиентской. Обусловленное его личное положение отпущенника могло варьироваться в широких пределах. Экономически он, подобно рабу, мог использоваться патроном и как работник, и в управлении хозяйством, и как агент, и как глава выделившегося предприятия и т. п. Но юридически он сам нес ответственность по своим обязательствам в отличие от раба, за которого обязывался

⁵ Штаерман Е. М. Древний Рим, с. 135.

господин. Патрон мог финансировать деятельность отпущенника, ссужая ему деньги из доли прибыли. Это давало патрону возможность помещать свои деньги с меньшим риском и не стесняясь дурной репутации некоторых занятий, порой несовместимых с его социальным положением. В ремесле роль отпущенников была очень велика.

Крупную торговлю Катон, сравнивая три способа обогащения, ставил на первое место и называл купца человеком «предприимчивым и ревностным», но тут же оговаривался: дело-де это опасное. Вся крупная торговля была морской, и постоянный риск кораблекрушения, встречи с пиратами и т. п. компенсировался лишь возможностями большого выигрыша. Торговля времен Средней и Поздней Республики ориентировалась не столько на стабильность, сколько на колебания цен и ситуаций, обусловленные урожаями и неурожаями, войнами, изменениями в спросе и т. п. Конечно, и такая торговля содействовала развитию товарных отраслей производства и укреплению всяческих связей внутри римской державы. Но торговый капитал не финансировал и не организовывал производство, фактически эксплуатируя его. Скупщики урожая, приобретавшие его нередко на корню, пользовались нуждой земледельца в наличных деньгах или даже в сезонной рабочей силе (которую они в таком случае подряжали) и создавали запасы, с которыми они могли маневрировать, не только выжидая повышения цен, но и искусственно создавая его. Применительно к ремеслу крупная торговля содействовала не столько процветанию отдельных центров производства, сколько распространению их изделий как образцов (чтобы не сказать стандартов) для подражаний, изготовлявшихся уже на новых местах. Торговый капитал, эксплуатировавший производство, был, как и оно само, объектом эксплуатации для ростовщического капитала, паразитировавшего даже на организации сбора государственных доходов.

В торговле и ростовщичестве рабы использовались очень широко: не только как гребцы и шкиперы на кораблях и даже не только как счетоводы и казначеи, но и как агенты, действовавшие, «пользуясь правом господина», в его интересах. Отпущенники ставились во главе отделившихся предприятий, а в некоторых случаях использовались как подставные лица. Это позволяло, например, обходить принятый в 218 г. до н. э. (под влиянием агитации народных трибунов и «против воли сената») закон, который запрещал любому сенатору или сенаторскому сыну владеть морским кораблем, более вместительным, чем нужно для вывоза урожая из земельных владений. Крупные рабовладельцы независимо от их сословной принадлежности не брезгали никакими способами извлечения дохода. Какая-то часть денежных доходов не только не обращалась на нужды производства, но и вообще изымалась из обращения, оседа мертвым грузом в виде сокровищ.

Примерно с середины II в. в римской экономике все большее место начинает занимать эксплуатация провинций. Она осуществлялась несколькими способами.

Во-первых, правители провинций, наделенные военными полномочиями, извлекали большие доходы из своих должностей. Для них оказывались выгодными восстания, военные столкновения, которые они часто сами и провоцировали. Но отношение к военной добыче как к нормальному источнику обогащения молчаливо распространялось (во всяком случае, в большой мере) и на простое лихоимство. Правда, в середине 50-х годов II в. до н. э. несколько преторов, обвиненных провинциалами в аlichtости, были осуждены. В 149 г. была создана комиссия из сенаторов для разбора подобных дел, но за четверть века ее деятельности никто, насколько известно, осужден не был (любой ее член мог представить себя и на месте обвиняемого, не говоря уже о подкупах). Взгляд на управление провинцией (или любое участие в нем) как на наилуч-

шую возможность обогащения оставался общепринятым до конца Республики.

В организованном ограблении провинций велика была роль «публиканов» — откупщиков государственных доходных статей (налоги, пошлины, эксплуатация рудников и др.). Их «товарищества», чьи функции отнюдь не были частными, нередко вели свои дела из Рима, а на местах имели управляющих и «частный» аппарат, в основном из рабов. Соглашение между наместником и публиканами полностью развязывало им руки — источники часто говорят об «опустошенных» ими провинциях. Но, когда во главе Азии оказался знаменитый юрист Л. Муций Сцевола, разоблачивший и покарвавший злоупотребления публиканов, те отомстили ему, добившись (в 92 г.) осуждения «за лихоимство» его заведомо невинного помощника. Публиканы занимались и ростовщичеством, даже за пределами провинций, уводя своих тамошних должников в рабство.

Помимо публиканов, в провинциях (и примыкающих к ним регионах) действовали и частные «дельцы»: богатые купцы, финансисты-ростовщики, подрядчики разного рода (в том числе владельцы рабов, сдаваемых в наем для работ в рудниках), владельцы земель и стад скота и т. д. Масштабы их деятельности, размеры средств, которыми они располагали, как и их социальное положение, были различны. Среди них были и римские граждане (в том числе из высших сословий), и италийки. Многие из них даже не покидали родины, а действовали через отпущенных в провинции отпущенников и рабов, ведших там их дела. Отпущенники, получавшие римское гражданство, но не имевшие крепких корней в Италии, оказывались очень мобильным элементом.

Пестрая масса пришельцев представляла в глазах провинциалов единую силу, овладевшую инициативой в экономической жизни провинциальных городов. Римляне и италийки (видимо, достаточно состоятельные и влиятельные из них), жившие в провинциальных городах, объединялись в «конвенты» (своего рода землячества), которые, опираясь на свою экономическую силу, захватывали и ключевые позиции в политической жизни этих городов.

Римских гражданских колоний в провинциях до Цезаря было всего две: одна близ разрушенного Карфагена (122—123 гг., проект был осуществлен не полностью), вторая — Нарбон (118 г., в галльских землях по соседству с Испанией). Обе они, видимо, предполагали наделение крупными участками (в первой — по 200 югеров). Но мелкое и среднее землевладение римлян все же развивалось и в провинциях, приводя иногда к серьезным демографическим последствиям. Основой его было оседание отслуживших солдат римской армии в ставших привычными им местах. Этот процесс особенно отчетливо прослеживается в Испании. В 205 г. Сципион Африканский основал здесь город Италику, поселив в нем раненых и больных солдат. В 152 г. была основана Кордуба (совр. Кордова), которую Страбон даже называет колонией. Процесс основания таких городов продолжался, а, кроме того, многие отслужившие солдаты, вероятно, и сами приобретали (или даже захватывали силой) земельные участки близ мест службы.

Поселенцы вступали в браки с местными женщинами. Поскольку их жены не принадлежали к общинам, связанным с Римом договором, предусматривающим «право брака», эти браки не признавались законными, как и дети от них (не получавшие, следовательно, римского гражданства). Впрочем, вопрос о правовом статусе последних впервые возник достаточно рано. Уже в 170 г. для лиц такого происхождения (приравненных к отпущенникам) была основана Картея, колония латинского права. Но и независимо от правового статуса смешанное население на «бытовом» уровне оказывалось в роли «римлян». Оно способствовало

распространению римских форм хозяйствования, римского образа жизни, латинского языка. Хотя в грекоязычных провинциях картина была иной, все же можно сказать, что даже во времена Республики, когда эксплуатация провинций была наиболее безоглядной и беззащитной, развивавшиеся в них экономические процессы подготавливали дальнейший ход и политического, и культурного развития в римской державе.

3. КРИЗИС РЕСПУБЛИКИ И ЭПОХА ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН

Рим подчинял себе все новые территории, и опыт управления этнически неоднородной, разноязыкой Италией, видимо, пригодился при организации системы провинций. И все же стремительность экспансии опережала внутреннее развитие державы. Перенапряжение сил в войнах и приток богатств в Рим стимулировали интенсивное развитие рабства, привели к социальным и политическим переменам и катаклизмам — к кризису Республики. Этот кризис историки рассматривают как выражение и результат противоречия между «полисным устройством» Рима и новой реальностью — обширной державой.

В вопросах расширения гражданства римская политика была достаточно гибкой. Еще македонский царь Филипп V видел один из источников силы римлян в том, что они предоставляют гражданские права рабам, отпускаемым на волю. Права римского гражданства выборочно давались отдельным представителям правящей верхушки побежденных. Практиковалась также инкорпорация целых общин в состав римского гражданства. С расширением гражданства было связано расширение земельных владений, принадлежавших римской гражданской общине. Результатом оказывалась территориальная разбросанность римского гражданства, и в Италии постепенно складывалась система городов римского права, как бы территориальных гражданских общин внутри «всеобщей» гражданской общины.

При дифференцированности правовых уровней внутри римского гражданства оно в целом составляло привилегированное меньшинство среди населения, подчиненного «власти римского народа». Поэтому с проблемой распространения гражданских прав была связана и борьба вокруг италийского вопроса, которая с конца II в. до н. э. на несколько десятилетий оказалась центральной проблемой внутренней политики Рима.

Войны и завоевания II в. нарушили относительное равновесие в Италии. Бремя войн ложилось на союзников и латинян все большей тяжестью, и хотя часть добычи перепадала и им, богатства, притекавшие в Рим и преобразовывавшие его быт, постоянно напоминали италикам о неравенстве. Сенатом был принят ряд решений, затруднявших латинянам переход в римское гражданство. Произвол римских должностных лиц в Италии становился нестерпимым.

В провинциях и господствующий класс страдал от поборов и самоуправства наместников, но он нуждался в римской власти для подавления эксплуатируемых. Это наглядно видно на примере Первого сицилийского восстания рабов (137—132 гг.). Восстание, по словам греческого историка I в. до н. э. Диодора, было спровоцировано поведением господ, которые не только истязали своих рабов, но, не кормя и не одевая их, толкали на разбой. Начавшись в одном из имений, восстание быстро распространилось по острову. Повстанцы, предводительствуемые сирийцем, «пророком» Евном, который принял царское имя Антиоха, и киликийцем Клеоном, захватили несколько крупных городов и создали «царство» по эллинистическим образцам. Они расправлялись со своими господами, но не помышляли об уничтожении рабства. Заботясь о будущем, они не жгли имений, не губили запасов продовольствия и не трогали

занимающихся земледелием. Однако городские низы, «радуясь судьбе, постигшей богатых», под видом беглых рабов громили и жгли усадьбы. Восставшие, число которых выросло до 200 тыс., нанесли римлянам несколько поражений, и потребовалась армия под командованием консула, чтобы, взяв после трудной осады оплоты восставших — города Тавромени и Энну, расправиться с захваченными рабами. Восстание в Сицилии имело широкий отклик по всей державе.

Взаимопереплетенность социальных связей и противоречий в римской державе была велика. «Вертикальные» связи типа фамильных и клиентских усложняли и без того не простую картину. Кризис Республики раньше всего дал себя знать в том, что ощущалось как дела самой римской общины, но любая попытка их решения отсылалась на италические провинциалы, так что кризис разворачивался постепенно, вовлекая в себя все активные силы державы.

Наиболее очевидными проявлениями кризиса стали недостаток людских резервов для армии и нежелание граждан участвовать в неприбыльных войнах, особенно в Испании. В 151 г. возникли беспрецедентные трудности с воинским набором, вызванные известиями об огромных потерях убитыми и о храбрости испанцев. По словам Полибия, «молодежь овладела необычайным страхом, какого, говорили старики, они и не упомнят». Многие отказывались от военной службы под любыми предлогами, и даже командные должности оставались незаполненными. Дошло до того, что народные трибуны, добивавшиеся освобождения от военной службы, как писал Ливий, «для своих друзей», даже заключили на какое-то время в тюрьму консулов, проводивших набор.

Этот острый момент был преодолен, однако трудности с набором в 40-х и 30-х годах давали себя знать уже регулярно (особенно непопулярной оказалась война с восставшими рабами в Сицилии). Правящие круги Рима были озабочены снижением числа граждан, пригодных для службы в легионах, т. е. имевших потребный для этого ценз (в соответствии с архаическим представлением о том, что только человеку, имеющему землю и дом, есть за что сражаться). Вскоре после событий 151 г. ценз для легионной службы был просто снижен (примерно в 2,5 раза), но необходимость более серьезных мер становилась очевидной. Римское крестьянство, составлявшее тогда основу легионов, сильно пострадало от долгих войн. Мысль возродить его посредством наделения бедняков землей из «общественного поля» (куда включалась доля земель, отбираемых у побежденных), видимо, имела хождение среди знати, связанной со Сципионом Эмилианом. Однако дальше составления проектов дело не шло, пока один из народных трибунов 133 г. до н. э. — Тиберий Грахх не ввел эту идею в политическую практику.

Тиберий Семпроний Грахх по рождению принадлежал к верхушке римской знати. Его отец, носивший то же имя, был цензором и дважды консулом, мать — дочерью Сципиона Африканского Старшего, сестра — женой Сципиона Эмилиана, тесть Апхий Клавдий — принцепсом сената (сенатор, голосовавший первым). Тиберий получил прекрасное философское и риторическое образование под руководством греков, а военный опыт — под Карфагеном и в Испании. Трагически краткая политическая деятельность Тиберия и его младшего брата Гая навсегда связала их имена с борьбой римского плебса (этим словом обозначались теперь широкие слои городского и сельского населения) и римской демократии.

Готовя свое выступление, Тиберий Грахх еще не порывал этим с правящей верхушкой Рима. Даже авторство его знаменитого законопроекта римская традиция приписывает Публию Муцию Сцеволе (консулу того же, 133 г.) и Публию Лицинию Крассу Муциану (будущему консулу 131 г.) — «двум мудрейшим и сийательнейшим братьям», как их назвал Цицерон.

В законопроекте речь шла о наделах из «общественного поля», но не из свободных земель. В Риме издавна существовало «право заимки» общественной земли всяким, кто мог обеспечить использование занятой им территории. Общественная земля оказалась в частном владении у богачей, эксплуатировавших ее силами рабов. Установленная в IV в. до н. э. норма такой «заимки» (до 500 югеров) была уже забыта. Теперь предполагалось ее возродить, добавив еще по 250 югеров на взрослых сыновей хозяина, но всего до 1000 югеров на один дом. Излишки общественной земли должны были изыматься и распределяться среди бедняков 30-югерными неотчуждаемыми наделами на правах наследственного пользования. Тиберий подчеркивал, что главная цель проекта — укрепление римской армии посредством создания боеспособного гражданства. Он предостерегал против чрезмерного роста числа рабов, напоминая о событиях в Сицилии, и увещевал «богатых» пожертвовать своекорыстными интересами ради интересов отечества. Идейная основа законопроекта была вполне традиционной и даже консервативной, но затрагивавший уже сложившиеся имущественные отношения, он воспринимался как призыв к ломке существующего порядка, что вызывало ненависть в консервативных кругах и возбуждение среди широких слоев гражданства, особенно сельского плебса. Агитация Гракха оказалась обращенной прежде всего к участникам народных собраний. Она находила широкий отклик: в Рим стекались толпы из сельских местностей. Противники Гракха, заручившись поддержкой одного из его коллег по должности, Марка Октавия, попытались организовать оппозицию законопроекту в народном собрании: на бурных и многолюдных сходах чаша весов колебалась. Обсуждение в сенате тоже оказалось безрезультатным. Обе стороны прибегали к тактике обструкции, и обстановка крайне обострилась. Октавий наложил вето на законопроект, и Тиберий, исчерпав средства убеждения, решился на беспрецедентный шаг — поставил на голосование вопрос, может ли трибун, действующий против народа, оставаться в должности. Собрание сместило Октавия и приняло закон. Акт смещения трибуна, поставивший решение «народа» (т. е. народного собрания), рассматриваемого как источник власти магистратов, выше самой этой власти, стал для римских консерваторов олицетворением «мятежного» духа.

Переделом земли занялась комиссия, куда вошли, кроме Тиберия, его брат Гай и тесть Аппий Клавдий. Тиберий пообещал провести закон о том, чтобы завещанные «римскому народу» богатства последнего пергамского царя Аттала III были употреблены для вспомоществования тем, кто получил наделы. Источники приписывают Тиберию еще несколько обещаний или предложений, сделанных в угоду плебсу. Современные историки обычно считают, что Тиберий ориентировался в своей деятельности лишь на граждан, но Веллей Патеркул пишет, что он «обещал гражданство всей Италии». Возможно, уже Тиберий высказывался об италийском вопросе.

Обстановка заставляла Тиберия добиваться повторного избрания в трибуны, хотя это и противоречило тогдашним порядкам. Противники обвиняли его в «стремлении к царской власти», смещение коллеги трактовалось ими как оскорбление трибуната. Они явно собирались прибегнуть к силе. Возглавивший их сенатор Сципион Назика, не сумев привлечь на свою сторону консула П. Муция Сцевола, сам организовал нападение на Капитолий, где собрались гракханцы. Тиберий и около 300 его сторонников были убиты, их трупы выброшены в Тибр.

Парадоксально, но аграрный закон не был отменен, и комиссия продолжала работать. Тиберия в ней заместил П. Лициний Красс Муциан (избранный консулом на 131 г. и вскоре погибший в борьбе против Аристоника), потом были и другие замены. Работа комиссии затруднялась не-

яностью правового положения земель, намеченных к конфискации, и иными препятствиями. Сципион Эмилиан по просьбе крупных итальянских землевладельцев добился в сенате передачи разбирательства от комиссии консулу, который отправился воевать с иллирийцами, и ее деятельность была заведена в тупик. Вскоре Сципион был неожиданно найден мертвым в своей постели. Распространились слухи об убийстве, но никакого следствия не было.

Деятельность граханцев продолжалась. В 125 г. Фульвий Флакк, консул и член аграрной комиссии, чтобы сдвинуть ее дела с мертвой точки, предложил предоставить италиям гражданские права. Законопроект вызвал резкую оппозицию в сенате и не был поставлен на голосование. Это вызвало восстание в итальянском городе Фрегеллах. В следующем году в трибуны был избран Гай Грахк.

Древние авторы, рассказывая о двухлетнем трибунате Гая (123—122 гг.), обращали внимание на широкий, почти всеобъемлющий характер всего комплекса его предложений. Ясная идея и ясная цель Тибериева проекта если и не тонули в них, то рядом с другими включались в иную систему. Инициативы Гая в источниках выглядят рассчитанными на то, чтобы заинтересовать, но и столкнуть друг с другом все слои общества. Казалось бы, на первый план выдвигался вопрос о политической тактике — о приобретении Гаем новых сторонников и даже о возможности маневрирования между ними. Однако основные из его законов и проектов были столь решительны, что впоследствии Цицерон говорил о Гае как о деятеле, который «изменил все положение дел в государстве», а греческие авторы (Диодор, Плутарх), осмысливая в привычных им понятиях римскую жизнь, писали даже о замене аристократического строя демократическим.

Ряд законов Гая касался повышения роли народных собраний, укрепления правовой защиты личности граждан. Но большинство его инициатив имело конкретный социальный адрес. Так, знаменитый «хлебный закон» предусматривал продажу хлеба городскому плебсу по ценам ниже рыночных. Это бывало и раньше, но к случаю, теперь же фактически утверждался принцип государственного обеспечения малоимущих граждан. Были изданы законы и в интересах «всадников» — второго после сенаторов привилегированного сословия, отнесенного до тех пор от прямого участия в политической жизни. Гай Грахк передал им (от сенаторов) «суды о вымогательствах», рассматривавшие жалобы провинциалов на бывших наместников и превратившиеся, таким образом, в оружие контроля над верхушкой сената. Другой закон касался сбора податей с недавно учрежденной провинции Азии. Он должен был сдаваться на откуп в Риме товариществам публиканов, где ведущую роль играли опять-таки всадники, получавшие теперь возможность участвовать в эксплуатации провинций на правах правительственных агентов.

Но были вопросы, в которых попытка пойти навстречу одним слишком задевала других, и сам широкий характер политической опоры Гая оказывался залогом ее непрочности. Трудности, связанные с аграрными мероприятиями, уже выявили себя вполне, и, может быть, чтобы их избежать, Гай дополнил аграрный проект Тиберия программой выведения колоний (т. е. поселений с городским устройством) не только на итальянскую, но и на провинциальную территорию. Мысль о том, что римских граждан можно наделять землей, выводя их за пределы Италии и создавая в провинции города римского или латинского права, была новой и вызывающей. К тому же территория бывшего Карфагена, близ которого предполагалось основать первую колонию, была проклята Сципионом. Может быть, нуждами аграрного урегулирования было вызвано и возвращение к итальянскому вопросу. Гай предложил предоставить латинянам полные права римского гражданства, а союзникам, не имевшим

права голосовать в народных собраниях, даровать это право. Проекты кардинального расширения римского гражданства вызвали особенно резкую оппозицию не только в правящих кругах — даже городской плебс имел привилегии, которых не хотел лишаться.

Противники Гая добились сенатского постановления о том, что на время голосования по италийскому проекту из Рима должны быть высланы все, кроме римских граждан. Особую роль в борьбе сыграл оказавшийся очень действенным прием перехвата лозунгов. Противники гракханцев обеспечили себе поддержку одного из народных трибунов — Ливия Друза, который, не забывая упоминать о поддержке, оказываемой ему сенатом, старался превзойти Гая в предложениях, «угодных народу». Гракхову карфагенскому проекту, уже осуществлявшемуся, Друз противопоставил отнюдь не рассчитанный на реализацию проект новых 12 колоний в самой Италии. Неудача попытки Гая стать трибуном на третий срок и избрание на консульство злейшего врага его дела Л. Опимия отразили надлом общественного настроения.

Было назначено собрание для отмены ряда законов Гракха. Гай не сумел предотвратить убийство одного из прислужников консула, и Опимий воспользовался поводом, чтобы получить от сената чрезвычайные полномочия и подготовить силы. Гракханцы во главе с Гаем и Фульвием Флакком укрепились в одном из храмов и пытались вести переговоры. Но Опимий стремился к столкновению и начал настоящее сражение. Фульвий и Гай погибли, двое несовершеннолетних сыновей Фульвия были зверски убиты, а всего было перебито около 3 тыс. человек. По истечении консулата Опимий был обвинен перед народным собранием, но оправдан, видимо, из-за подавленности и растерянности бывших гракханцев.

Многие из законов Гая еще долго оставались в силе, и многие созданные по его инициативе институты продолжали существовать, быть источником борьбы, возрождаться. Распределение дешевого или дарового хлеба среди римского плебса сохранилось и при Империи. Но попытка создать устойчивую систему неотчуждаемых небольших владений на «общественном поле» закончилась неудачей. Хотя около 80 тыс. человек в разных областях Италии, а некоторые даже в Карфагене успели получить землю, в 111 г. был принят закон, объявлявший и распределенную, и «занятую» землю частной.

Непосредственную опору гракханского движения составляли те граждане, которые жили в городе или могли прийти туда на время решающих народных собраний. Меньшинство, порою случайное, представляло «римский народ», чьим именем принимались законы. Так, число активных участников движения Тиберия, по Плутарху, не превышало 3 тыс. И тем не менее гракханцы нанесли сильнейший удар политической монополии нобилитета. Высшие должности остались его достоянием, но расширился круг тех, кто получал иные возможности участия в политической жизни. Всадники, городской плебс, позднее армия и италийки становились политическими силами. Картина политической жизни Рима усложнялась.

Изменялся и сам характер борьбы. Как писал Плутарх, «после изгнания царей это был первый в Риме раздор, завершившийся кровопролитием и избиением граждан». Возрастание роли открытого насилия в политической борьбе продолжалось до конца Республики. Очень существенно и то, что политическая борьба приобретала характер борьбы сторон, или «партий». Вопрос о римских партиях уже долгое время остается дискуссионным. Спорят об их характере, структуре, даже самом наличии. Разные точки зрения высказывались и в советской исторической литературе.

Характеризуя враждебную Гракхам политическую силу, древние ав-

торы обычно называют ее «сенатом», а другую «народом». Видимо, с послегракханского времени представление о борьбе этих двух сторон становится общим местом римской общественной мысли и не только прилагается к текущим политическим столкновениям, но и переносится на прошлое, создавая тем самым готовую схему для будущих историков — и античных, и позднейших (вплоть до нашего времени). Разумеется, обозначение борющихся «партий» (которые, конечно, не следует представлять себе по образцу современных) как «сената» («знати» и т. п.) и «народа» («плебса» и т. п.) не следует понимать буквально. Речь может идти о консервативной, охранительной «партии», стоявшей на страже привилегий нобилитета, поддерживавшейся большинством сената и действовавшей через консулов, и о «партии» сторонников реформ, действовавшей через трибунат и народные собрания (для нее становятся традиционными предложения в интересах плебса, обещающие ему немедленную материальную выгоду).

У римских авторов соответствующие политико-идеологические направления нередко обозначаются как «оптиматы» и «популярны». Эти термины в политическом значении появились в Риме, видимо, в результате знакомства с политико-философскими сочинениями греков (как кальки греческих понятий «аристократы» и «демократы»). Во времена Цицерона они были ходовыми в политической пропаганде и, так сказать, политическом быту, получив, однако, в римских условиях несколько иное звучание. Они были неоднозначны и легко допускали перетолкования, так что применительно к злободневности часто оказывались скорее лозунгами и ходкими словечками.

Как бы мы ни определяли оптиматов и популярных, суть не в том, имели ли они свою программу и организацию, но в том, охватывало ли их противоборство всю полноту политической жизни и политической борьбы. Видимо, нет. Для политической борьбы конца Республики трудно выделить устойчивые «оптиматские» или «популярские» программы или тактики по отношению к политическим силам, все более выходявшим на первый план, — италикам и армии. Борющиеся между собой политические группировки (можно и их называть «партиями») формировались и распадались под воздействием самого хода борьбы, заимствуя друг у друга и конкретные лозунги, и тактические приемы. Мероприятия, диктуемые интересами момента, тактикой оказывались важнее и перспективнее, чем цели, ставившиеся как главные. Практика политической борьбы определялась конкретным соотношением сил, выводившим ее далеко за рамки традиций и схем.

Деятельность Гракхов, по существу, не изменила в Риме положения с армией. Это ясно показала начавшаяся в 111 г. война в Северной Африке, так называемая Югуртинская. Поводом к ней послужила династическая уособица в зависимом от Рима Нумидийском царстве, где власти добился незаконный сын Масиниссы Югурта, действовавший вероломством и подкупом. Когда-то под Нуманцией он командовал нумидийскими союзниками Рима и приобрел связи среди римской знати. В ходе уособицы он взял город Цирту и перебил, в числе прочих, римлян и италиков, занимавшихся там торговлей. В Риме негодовали, народный грибун Г. Меммий созывал сходки и выступал с речами. Сенату пришлось начать войну. Но разложение войска, подкупность и бездарность командующих и их окружения парализовали все усилия. В 109 г. кампанию возглавил консул Кв. Цецилий Метелл. Римский аристократ старого закала, он начал с восстановления дисциплины и одержал несколько побед. Но Югурта переменял тактику — война стала затягиваться. С притязаниями на консульство выступил неожиданный претендент Гай Марий.

Марий был помощником (легатом) Метелла. «Городского» образования не получил, был упрямым и резким. Выдвинулся (как и Югурта) под

Нуманцией. Доконсульская его карьера была малозаметна, но в сложившейся обстановке серьезным преимуществом оказалось незнатное происхождение. Марий начал агитацию прямо из действующего войска. Он выступал перед римскими и итальяскими торговцами в самой Нумидии, обещая им быстро закончить войну. Агитация имела бурный успех среди ремесленников и земледельцев, сторонники Мария в речах вспоминали о Гракхах. Народное собрание высказалось за передачу командования Марию, и он стал консулом. Его поддержал широкий блок противников «господства немногих». Свое консульство он называл «трофеем» победы над знатью.

Марий начал с пополнения войска, и прежде всего легионов. Требования момента подсказали ему самый простой способ покончить с затяжным кризисом воинского набора. В 107 г. набор был проведен не «по обычаю предков», т. е. без учета цензовых норм. Принимались все желающие — в большинстве неимущие. Такое решение вопроса Марием имело за собой традиции в римской практике, и Марий лишь завершил объективное развитие определенной тенденции. Хотя набор 107 г. был не слишком велик (до 5 тыс. человек) и принудительные наборы после него не вышли из употребления (особенно в гражданских войнах), исследователи находят возможным трактовать его как военную реформу.

Служба в легионах оставалась привилегией римских граждан, а статус солдата вспомогательных войск отражал политическое положение союзников. Командовали римскими войсками по-прежнему магистраты гражданской общины: карьера — гражданская и военная — оставалась единой. Однако социальное лицо римской армии стало изменяться. Из ополчения хозяйственно самостоятельных граждан она постепенно делается войском «профессионалов» (но не наемников, безразличных к политике). Последствия этого процесса выявились в недалеком будущем.

На окончание войны у Мария ушло все же около двух лет. В 106 г. в его армии появился квестор Л. Корнелий Сулла. Он происходил из обедневшей патрицианской семьи, был хорошо образован, но запятнал свою молодость пьянством и развратом; разбогател он и «возгордился» как раз благодаря африканской войне. Сулла быстро постиг все тонкости военного дела и вошел в доверие к Марию и к солдатам. Марий поручил ему захватить Югурту, преданного своим тестем, и вышло так, что именно Сулла завершил этим актом войну. В 104 г. Марий отпраздновал триумф. Еще до возвращения он был вопреки правилам заочно избран на второе консульство для войны с новым грозным противником.

Это были кимвры и тевтоны — германские племена, появившиеся за Альпами еще до Югуртинской войны. Они требовали от римлян земли для поселения и со 113 по 105 г. нанесли римлянам шесть поражений.

До встречи с противником прошло, однако, более двух лет: варвары изменили маршрут и двинулись к Испании, потом были отогнаны назад кельтиберами. В ожидании решительных событий Мария из года в год переизбирали в консулы, а он использовал время для подготовки. В 102 г. при Аквах Секстиевых (севернее Массилии) произошла битва с тевтонами, которые были разбиты и понесли большие потери. Кимвры, шедшие с другой стороны и спустившиеся через Альпы в Транспаданскую Галлию, были разбиты при Верцеллах (101 г.). Победитель Марий добился уже шестого избрания в консулы (на 100 г.).

В годы войн он так или иначе ладил с сенатом, но продолжавшаяся в Риме борьба партий не оставляла его в стороне. Еще в 103 г. народный трибун Апулей Сатурнин предлагал наделить ветеранов Мария землей в Африке и поддерживал кандидатуру Мария на очередное консульство. Теперь Марий вновь сблизился с Сатурнином и помог ему стать трибуном на 100 г. Сатурнин опять выступил с законопроектom о наделении ветеранов Мария землей в провинциях. В собрании проект

прошел не без применения насилия — Аппиан рассказывает о драке между «горожанами», которые были против проекта, «выгодного италийцам», и «сельчанами», в конце концов утвердившими закон (возможно, ветеранами Мария). В сенате Марий разными способами добился того, что почти все сенаторы присягнули на верность проекту.

Сатурнин предложил и хлебный закон по образцу гракханского, еще более снизив цену на хлеб для плебса. Однако принцип наделения земель уже отслуживших солдат противоречил основной идее гракханской программы — идее крестьянского ополчения как основы армии.

В 100 г. соратник Сатурнина Сервилий Главция выставил свою кандидатуру в консулы. Его соперник на выборах был убит в день голосования. Убийство приписывали Сатурнину и Главции. Сенат, как в 121 г., принял постановление о чрезвычайном положении, предписывавшее консулам позаботиться о том, чтобы «республика не потерпела ущерба». Лидеры знати призвали Мариа как консула взять это на себя. Во главе явившихся на призыв сената он осадил Сатурнина и его сторонников на Капитолии. Те сдались, рассчитывая на неприкосновенность, которую Марий им обещал. Но обеспечить ее он не смог: сдавшиеся были убиты разъяренной толпой. Состав ее известен по одной из речей Цицерона: «нобилитет всех возрастов, всадники и «явившиеся из других сословий». Широкий блок (от всадничества до плебса), возродившийся было с началом Югуртинской войны, вновь распался.

Пятилетнее (104—100 гг.) пребывание Мариа в консульской должности иногда рассматривают как существенный шаг на пути к военной диктатуре, но вряд ли это так. Ежегодные переизбрания Мариа диктовались чрезвычайной ситуацией войны с кимврами. Послевоенное же консульство лишь показало несамостоятельное положение Мариа между борющимися силами. Армия как таковая в эти годы ни разу не была обращена им ни против граждан или гражданских магистратов, ни против другой гражданской армии.

В год победы над кимврами коллега Мариа по консульству Маний Аквиллий был занят подавлением второго крупного восстания рабов в Сицилии (104—101 гг.), в какой-то мере спровоцированного войной с кимврами. Когда Марий получил от сената право обращаться за помощью к «заморским» союзникам, выяснилось, что многие из них уведены публичанами и стали рабами в разных провинциях. Сенат постановил, чтобы ни один свободнорожденный из народов, союзных Риму, не оставался в рабстве. Наместник Сицилии принял было распоряжение всерьез и успел освободить более 800 человек. Рабы провинции были возбуждены надеждой, но по настоянию местной верхушки дальнейшее расследование было прекращено. Тогда в разных концах острова началось восстание. Вождями его стали Сальвий (принявший царское имя Трифона), считавшийся предсказателем, и киликиец Афинион, который в рабстве был управляющим у богатых господ и имел административный опыт. Римляне, как и в прошлый раз, потерпели несколько поражений, и вновь для подавления восстания понадобилась консульская армия. Масштаб обоих восстаний определялся специфическими условиями Сицилии, но более мелкие вспыхивали в разных местах: и в той же, и в других провинциях, и в Италии. Но до поры почти все они оставались изолированы.

В Риме продолжалась борьба различных группировок правящего класса за власть. В 95 г. был проведен закон против присвоения гражданских прав союзникам и латинянами. Тем из них, кто проживал в Риме, предписывалось вернуться в свои города. Этот закон (даже в оценке сенатской традиции — «не только бесполезный, но и пагубный для Республики») вызвал резкое недовольство в Италии, в частности и среди италийской аристократии, до тех пор бывшей верным союзником и политическим резервом нобилитета. Всадники в борьбе за власть открыто

злоупотребляли судами по делам о вымогательствах. Больше того, через некоторых сенаторов они стали развертывать наступление уже в самой питеи нобилитета. В этих условиях ответные действия «сената» как политической партии приняли парадоксальную для него форму «трибунского мятежа». Наиболее подходящей фигурой для этого оказался М. Ливий Друз (Младший). Согласно Цицерону, Друз принял на себя защиту «авторитета сената», «дела главенствующих». Тем не менее, например, Сенека (I в. н. э.) не сомневался, что Друз Младший, предлагая новые законы, «пробудил гракханское зло». Он хотел лишить всадников их положения в судах, но тактические, казалось бы, соображения обратили его (как прежде Гая) к самым насущным проблемам и к попытке создать по возможности широкий — пусть разнородный — политический блок. Всадники по замыслу Друза должны были за потерю судов получить компенсацию в виде зачисления трехсот наиболее видных из них в сенаторы, что не устраивало ни ту, ни другую стороны.

Друз, по словам римского историка, «возбудил плебс надеждой на раздачи», «взволновал союзников и итальянские народы надеждой на гражданские права». Италики устремились в Рим, с их помощью Друз «насилием» провел через народное собрание законы хлебный и аграрный (с присоединенным к ним законом о выведении колоний в Италию и Сицилию), а также закон о судах. Законопроект о гражданстве италиков, однако, наталкивался, как и прежде, на неодолимое сопротивление. В Рим приходили вести о тайных собраниях итальянской знати. Друз с разных сторон подвергался нападкам. Сенат, чьи интересы он отстаивал, объявил его законы недействительными, как «принятые вопреки птицегаданию». Друз, не отступавшийся от законопроекта об италиках, погиб возле своего дома от руки неизвестного убийцы.

Так «заступник сената», ставленник верхушки нобилитета, увлеченный логикой борьбы, прошел весь путь «мятежного трибуна». Это показывало, что противоречия, раздиравшие римско-италийское общество, не могли быть разрешены ни в сенате, ни в народном собрании, ни на площадях и улицах Рима. Итальянцы стали готовиться к восстанию.

Оно вспыхнуло в городе Аускуле. Римский претор, выступивший там перед италиками с речью, полной грубых угроз, был убит вместе со всей свитой. Началось массовое отпадение от Рима племен Средней и Южной Италии, возглавляемых своей знатью. Верность Риму сохраняли, кроме латинян, лишь Этрурия и Умбрия (области крупного землевладения), а также отдельные города.

Союзническая война (90—88 гг.) и по характеру, и по результатам оказалась переломным событием рассматриваемого периода. Впервые политические столкновения в Риме сменились настоящей войной регулярных армий, ведшейся на больших территориях.

Италики, составлявшие численно большую часть римской армии, осаждавшие на завоеванных территориях в качестве «дельцов», активно участвовавшие в процессе романизации провинций, были для внешнего мира и провинциалов тоже римлянами. На родине же они были отделены от римских граждан политико-правовой чертой, становившейся тем резче, чем больше стирались другие различия между ними, чем отчетливее выявлялись контуры складывавшегося римско-италийского общества. Таким образом, в начавшейся войне, по существу, столкнулись между собой разные части римской армии, до тех пор завоевывавшие вместе провинцию за провинцией. Само требование гражданских прав, основывавшееся на старинном отождествлении солдата и гражданина, впоследствии рассматривалось как «справедливейшее» даже римскими историческими писателями, осуждавшими действия италиков, и позволяло им включать Союзническую войну в общий контекст развития политической борьбы в Риме.

Политическим центром восставших стал город Корфиний, переименованный в Италику (или Италию). Они создали свой сенат и выбирали магистратов. У руководства восстанием стояла италийская знать, получившая опыт командования в римской армии. Армия италиков насчитывала около 200 тыс. человек, как и римская (куда входили еще верные Риму союзники). Римскую армию возглавили оба консула, в помощники которым были даны виднейшие полководцы, среди них — Марий и Сулла.

Избранная союзниками тактика разделения сил между многими полководцами, действовавшими самостоятельно в разных местах, истощание римских людских резервов, заставившее набирать отпущенников в войско, явное моральное превосходство италиков, угроза отпадения оставшихся союзников — все это вместе с тяжелым финансовым и продовольственным положением, серьезными внешнеполитическими осложнениями на Востоке показало римлянам бесперспективность жесткой позиции, связанной с отсутствием положительной политики в италийском вопросе. Положение в самом Риме стало меняться, и в 90—88 г. было принято несколько законов о предоставлении гражданства сначала союзникам, оставшимся верными Риму, а потом фактически и тем, кто в течение двух месяцев сложил оружие. Эти законы не прекратили сразу войну, но изменили соотношение сил: круг повстанцев редел. Непримируемые (в основном самниты и луканы) продолжали борьбу до 82 г., когда примкнули к одному из станов в начавшейся к тому времени гражданской войне и с ним потерпели поражение.

Новые граждане были приписаны к ограниченному числу триб (к восьми или десяти), что автоматически лишало их большинства в народном собрании. Тем не менее начало общей интеграции италиков в римское гражданство было положено. Дальнейшее быстрое развитие этого процесса показало, насколько он отвечал условиям времени. Формально в войну победили римляне, фактически — италики. Италийский вопрос, однако, не сразу сошел с повестки дня — на какое-то время он принял форму вопроса о «новых гражданах».

Новое обострение политической борьбы в Риме, приведшее к гражданской войне, охватившей всю Италию и затронувшей провинции, было связано с I Митридатовой войной (89—84 г.). Она началась на втором году Союзнической войны. Понтийский царь Митридат VI Евпатор, воспользовавшись ненавистью провинциалов к завоевателям, быстро овладел территорией провинции Азии и Греции. В Риме командующим был назначен Сулла, избранный на 88 г. в консулы. Однако всадники, имевшие в Азии особые интересы, предпочитали Сулле Мария. Для широкой кампании в его поддержку (вроде той, какая предоставила ему командование в Югуртинской войне) нельзя было пренебречь новыми гражданами, заинтересованными в перераспределении по всем трибам, которое укрепило бы их положение в народном собрании. Возможно, это и заставило всадников круто изменить позицию в италийском вопросе (в годы Союзнической войны она была негативной).

После бурной борьбы, проходившей в ежедневных сходах и уличных стычках между старыми и новыми гражданами, сторонникам Мария удалось провести несколько законов, и прежде всего о распределении новых граждан и отпущенников по всем трибам и о назначении Мария командующим. Консулы пытались сорвать голосование и едва не были убиты. Один из них, Кв. Помпей, бежал; Сулла же предпочел, позволив противникам провести нужные им законы, отправиться в Кампанию, где стояло его войско.

До той поры в Риме армия не вмешивалась непосредственно в политические дела, почему и не занимала должного места в расчетах политиков. Сулла создал на сходку солдат, которые стремились к прибыль-

ному походу и опасались, что новый командующий наберет вместо них других. Политической аргументации не понадобилось: солдаты сами потребовали вести их на Рим. Решение было беспрецедентным, и, за единственным исключением, все командиры в войске отказались участвовать в таком нарушении римских традиций и законов. Сулла не смутился ни этим, ни попытками послов из Рима воздействовать на него авторитетом сената. Шесть легионов с оружием вступили в Рим.

Сулла расставил по городу отряды солдат, под бдительным оком которых были созданы сенат и народное собрание. Сенат проголосовал за объявление Мария и его 11 сторонников врагами отечества. Народное собрание в присутствии армии покорно выслушивало речи против «господства людей, заискивающих перед народом».

Итак, ходом событий Сулла был подведен к использованию армии как нетрадиционного и наиболее мощного средства внутриполитического насилия. Но отход от традиций тоже имел свой предел: как прежде при чрезвычайных действиях консулов, так и теперь, видимо, предполагалось, что речь идет о единовременной мере, что принятые под давлением армии законы сами станут гарантией от новых волнений. Сулла отослал армию в Капую. Последствия этого шага, несомненно, были для него неожиданными.

Народное собрание сразу вышло из повиновения. Сулла не смог провести, кого хотел, в магистраты на 87 г. Одним из избранных консулов стал его противник Л. Цинна. Взяв с него клятву в лояльности, Сулла лишь продемонстрировал свою беспомощность в создавшемся положении. Он поспешил к своей армии и с нею на Восток.

Цинна немедленно выступил с законопроектами в пользу новых граждан, и они опять устремились в город. Цинна, в уличной борьбе вытесненный из Рима и вскоре лишенный сенатом консульских полномочий, начал агитацию в городах, недавно получивших римское гражданство, которые стали собирать для него деньги и войско. Ему удалось склонить на свою сторону и стоявшую в Италии армию одного из сулланцев. Цинна не ограничивался денежными посулами: он обращался к солдатам и как к гражданам, как к участникам народного собрания, которые возвращают ему консульскую власть. Командиры активно поддерживали Цинну. К нему пришли и враждебные Сулле сенаторы, и, наконец, Цинна вызвал из изгнания «возвеличенного несчастьями» Мария, чье имя само могло быть знаменем.

Войско Цинны и Мария было большим и пестрым: тут были и перешедшие к ним солдаты, и гражданское ополчение итальянских городов, и силы самнитов, и личные отряды Мария, составленные из явившихся на его призыв рабов. Второй консул Октавий и поддерживавшая его группа нобилей оказались в изоляции. В их армии началось разложение. Начавший переговоры с Цинной сенат капитулировал. Вступление Цинны и Мария в город сопровождалось волной террора против их политических противников. Цинна и Марий были избраны консулами на будущий (86) год, но на 17-й день своего седьмого консульства Марий умер.

На Восток марианцами была отправлена армия. Там возглавлявший ее консул Флакк был убит взбунтовавшимися солдатами. Новым командиром стал более снисходительный к солдатскому своеволию и грабежам Фимбрия. Ему чуть было не удалось захватить Митридата, но для этого требовалась помощь флота, которым располагали сулланцы, а их планы были иными.

В 85 г. Сулла, одержав несколько побед над Митридатом, заключил с ним мир на условиях, тяжелых прежде всего для населения возвращаемых провинций. Еще до этого Цинна и Карбон (консул 85 и 84 гг.) начали подготовку к войне. Почти все, что делалось обеими сторонами

в предвидении и в ходе войны, свидетельствовало об исключительном значении двух вопросов — италийского и военного, перед которыми отступали все другие. Новые граждане, как и в 87 г., оставались главным источником людских резервов. Цинна и Карбон старались заручиться их поддержкой. Но Сулле удалось в значительной мере нейтрализовать их политические усилия, в обращении же к корпоративно-профессиональным интересам солдат Сулла был несравненно сильнее.

От высадки армии Суллы в Италию (в 85 г.) до его победы прошло больше двух лет. Чем дальше шла война, тем ожесточеннее становились битвы, хотя уцелевшие в поражениях нередко переходили к Сулле или разбредались по городам. В 82 г. Рим, страдавший от голода, открыл ворота перед Суллой, который, однако, поставив там кого-то из своих людей, пошел дальше к северу.

Постепенно военные действия перерастали в террор и репрессии еще невиданных в Риме масштабов, осуществлявшиеся с циничной демонстративностью. Сулла, пишет римский историк, «залил кровью город и всю Италию». Карательные команды истязали и убивали его врагов. Вскоре стали выставляться списки (так называемые проскрипции) поставленных вне закона. За убийства и доносы назначались вознаграждения, за укывательство — казнь. Имущество убитых конфисковывалось. Дети убитых лишались всех прав. Ничья жизнь не была в безопасности.

В Италии тоже свирепствовали карательные отряды, деятельность которых координировалась бывшими сулланскими эмиссарами, во время войны набравшими в Италию солдат. Настоящему геноциду подверглись самниты. Поскольку некоторые из видных противников Суллы бежали в провинции, карательные экспедиции были отправлены и туда. Кое-где начинались военные действия, в Испании затянувшиеся на несколько лет. Всякая политическая инициатива была парализована.

Правовое оформление неограниченной власти Суллы, опиравшейся на военную силу, было проведено под его диктовку с некоторым запозданием. Сулла получил старинную чрезвычайную должность диктатора, но впервые острие военной власти было обращено внутрь Республики. Полномочия Суллы, не ограниченные определенным сроком, все же не мыслились как бессрочные: он, писал Аппиан, должен был править, «пока город, Италия, вся держава, потрясенная междоусобными распрями и войнами, не укрепитя».

Старинное звание диктатора отвечало консерватизму политической мысли нобилитета. Этим же определялось и развитие сулланской диктатуры, постепенно реставрировавшей традиционные (хотя видоизмененные) формы олигархической республики. Первым шагом стало избрание консулов на 81 г., призванное продемонстрировать «видимость отеческого политического строя» (Аппиан), но не ущемлявшее полномочий Суллы. В 81 г. был установлен крайний срок для проскрипций. На 80 г. Сулла сам стал одним из консулов, оставляя за собой и диктаторскую должность. В 79 г. он демонстративно сложил с себя все полномочия и стал «частным лицом», сохраняя, впрочем, до вскоре последовавшей смерти (78 г.) определяющее влияние на ход государственных дел.

При Сулле была разработана система законодательных мероприятий, которая должна была закрепить в республиканских формах победу нобилитета, одержанную военным путем. Трибунская власть, которую консервативный нобилитет считал источником всех зол, была сведена к минимуму, законодательная инициатива у трибунов отнята, а путь к дальнейшей карьере закрыт. Зато было увеличено число преторов и квесторов. Был установлен строгий порядок должностей в карьере и десятилетний интервал для повторного занятия той же должности. Были строго разделены гражданская и военная власть магистратов и прома-

гистратов. Поредевший сенат был пополнен, на будущее доступ в него предоставлялся квесторской должностью. Все суды были переданы сенаторам, и были созданы постоянные судебные комиссии (в зависимости от характера разбираемых дел). Сулла попытался также отнять римское гражданство у жителей ряда итальянских городов, но законность этих постановлений оспаривалась уже при его жизни, и они оказались нежизнеспособными. Сулла пытался воздействовать законодательным путем и на общественные нравы. Многие из сулланских (Корнелиевых) законов вошли в римское право, другие, слишком тесно связанные с политической борьбой, оказались недолговечными.

Материальную основу власти победивших предполагалось создать в лице так называемых сулланских колонистов. Для колоний были использованы земли, отобранные у итальянских городов, что должно было привязать колонистов к чуждому им «делу нобилитета». Бывшие солдаты, посаженные на землю «большими массами со знаменами в военном снаряжении» (Аппиан), неизбежно оказывавшиеся во враждебных отношениях со своим окружением, представляли собой новую общественную силу. Новый принцип колонизации был попыткой сохранить для господствующей олигархии армию (хотя и в видоизмененной, внешне демилитаризованной форме) как постоянную опору.

И диктатура Суллы, и режим, оставленный им в наследство, были поражены глубоким внутренним противоречием. Интересы слоев и групп, составлявших опору сулланского строя (профессиональная военщина, деклассированные элементы и др.), находились в противоречии с интересами верхушки нобилитета, которыми Сулла старался руководствоваться в своей деятельности. Разорившиеся через 20 без малого лет сулланские колонисты превратились в горячий материал для новых гражданских войн. Они были связаны с сулланским строем лишь заинтересованностью в самой гражданской войне.

Ни один римский автор, принадлежащий к сенатской традиции, не дает безоговорочно положительной оценки деятельности Суллы. Его пренебрежение сословной (и любой) моралью, его пять браков, его циничный жестокий юмор, его демонстративная поза «счастливица», принятые им прозвища Феликс («Счастливчик») и Эпафродит (как переводил он то же слово на греческий язык) и многое другое наводят на мысль о его презрении к тем самым староримским идеалам, которые он пытался воплотить в своем законодательстве. Возможно, именно благодаря этому он мог использовать в интересах консервативного нобилитета чуждые ему силы и новые средства.

Сулле иногда приписывают позитивную политику по отношению к провинциям. Основания для этого сомнительны, и если говорить о каких-то новых тенденциях по отношению к провинциям в римской практике этого времени, то искать их придется не у сулланцев, но у их противников, а именно у Сертория, изгнанника, продержавшегося в Испании с 80 по 72 г.

Создавший вокруг себя «сенат» из 300 римских эмигрантов, Серторий освободил местное население от налогов и постоев, упорядочил суды, открыл школу для детей местной знати. Их учили латинскому и греческому языкам, и Серторий обещал со временем привлечь их к управлению государством, сознательно проводя политику романизации местной знати. Война с Серторием, которую римский историк Флор назвал «наследием сулланских проскрипций», продолжалась восемь лет.

«Искрой от погребального костра Суллы» Флор назвал и движение, возглавленное одним из консулов 78 г.— Лепидом. Сам бывший сулланец, нажившийся на проскрипциях, он выступил с осуждением сулланского режима. Лепид вновь обратился к гракханским лозунгам о верховенстве народа. Посланный в Этрурию для подавления восстания мест-

ного населения, он использовал свое положение для подготовки к гражданской войне. Сенат принял постановление о чрезвычайных мерах. Войско Лепида, двинутое им на Рим, потерпело поражение от второго консула Катуды близ Марсова поля. Лепид бежал в Сардинию, где вскоре умер.

Но самым значительным событием этого периода явилось восстание рабов под руководством Спартака (73—71 гг.) — наиболее яркое проявление классовой борьбы в древности. Оно было начато группой равогладииаторов из частной гладиаторской школы в Капуе. Около 200 рабов составили заговор, который был раскрыт, но 74 человека бежали и укрылись на Везувии. Восставшие выбрали трех предводителей, первым из которых был фракиец Спартак, бывший наемник, попавший в плен и проданный в гладиаторы. Он обладал выдающимися способностями военачальника и организатора. Двое других — Крикс и Эномай, вероятно, были галльского или германского происхождения. К восставшим сбегались рабы из окрестностей и какие-то «свободные с полей». Римский отряд, пришедший из Капуи, был отбит. Нанеся римлянам несколько серьезных поражений, Спартак, пишет Плутарх, «стал уже великой и грозной силой, но как здравомыслящий человек ясно понимал, что ему все же не сломить могущество римлян, и повел свое войско к Альпам, рассчитывая перейти через горы и таким образом дать каждому возможность вернуться домой — иным во Фракию, другим в Галлию».

Число восставших, по Аппиану, достигало уже 70 тыс. Древние авторы пишут о разногласиях в их среде (которые могли объясняться племенной рознью или разнородностью социального состава). Крикс с 20-тысячным отрядом был разбит в Апулии у горы Гаргана, где и погиб. Против Спартака, ведшего главную часть восставших, были посланы оба консула 72 г., и он их разбил поодиночке. Двигаясь к Альпам, Спартак одерживал новые победы, но неожиданно отказался от прежнего плана и повернул обратно. Возможно, условия местности были неблагоприятны, переход через Альпы тяжел, ситуацию за Альпами трудно было предвидеть. А италийские победы не могли не действовать на настроение восставших.

Спартак двинулся к Риму. Он приказал сжечь лишний обоз, перерезать выкормленный скот и идти налегке. Сенат поставил во главе римских сил претора Красса, наделив его чрезвычайными полномочиями. В Пицене Спартак разбил отряд, возглавлявшийся его помощником, обратив солдат в бегство. Крассу пришлось прибегнуть к крайним мерам для восстановления дисциплины в войске. Тем не менее он просил сенат вызвать из провинций еще двух полководцев — Помпея и Лукулла. Спартак, однако, на Рим не пошел и направился в Южную Италию, он двигался через Бруттий к Мессинскому проливу, чтобы с помощью пиратов переправиться в Сицилию. Это не удалось. Тем временем Красс перегородил перешеек рвом. Спартак, засыпав ров, перевел по нему свою армию. Видимо, он хотел посадить ее на корабли в Брундизии и переправить в Грецию.

О последнем бое Спартака, который произошел в Апулии в 71 г., рассказывает Плутарх: «Он устремился на самого Красса; ни вражеское оружие, ни раны не могли его остановить, и все же к Крассу он не пробился и лишь убил двух столкнувшихся с ним центурионов. Наконец... окруженный врагами, он пал под их ударами, не отступая ни на шаг и сражаясь до конца». Отдельные отряды армии рабов еще действовали после его гибели. На них и напал прибывший Помпей. После поражения восставших было распято 6 тыс. рабов вдоль дороги, ведущей из Капуи в Рим.

Восстание Спартака, организовавшего из рабов огромную боеспособную армию, прошедшую по всей Италии, явилось беспрецедентным потрясением для Рима. Беспрецедентными были, насколько мы можем судить,

и социально-идеологические представления восставших, отличавшиеся отсутствием монархического начала (характерного для Сицилийских восстаний) и запрещением употреблять в своей среде золото и серебро. Память об этом восстании жила и в последующие века.

События 70-х годов I в. в Италии и в провинциях показали, что сулланский режим не мог обеспечить порядка и спокойствия в римской державе. Консулами на 70 г. были избраны Красс и Помпей — два бывших сулланца. Первый был выходцем из коренного нобилитета, но богатство нажил на проскрипциях и всяческих спекуляциях. Второй принадлежал к деятелям, которые своим положением были обязаны внутренним войнам в Италии. Теперь самим ходом вещей оба они были поставлены перед необходимостью отмены наиболее одиозных из сулланских установлений.

Знамением времени и выражением общественных настроений стал в этом году суд над бывшим наместником Сицилии Верресом, человеком, можно сказать, олицетворявшим коррупцию и разложение сулланского режима. Обвинителем его выступил Марк Туллий Цицерон, начавший карьеру оппозиционного оратора еще при Сулле. На этот раз он объяснил судьям-сенаторам, что данный суд будет фактически судом над сенатскими судьями. Подсудимый, оценив обстановку, ушел в добровольное изгнание после предварительного слушания дела. Огромный обвинительный материал, собранный Цицероном, был им издан в виде пяти речей, где оратор определял момент как «критический» для «почти безнадёжно больной» Республики, нагляднейшим показателем чего было «полное разорение и опустошение вконец угнетённых провинций». Вопрос о судьбе «сулланской конституции», освобождавшей правящую верхушку от контроля со стороны даже большей части господствующего класса (но зато оставившей ее в изоляции), ставился теперь открыто. Речь, впрочем, шла лишь о трех мероприятиях: 1) о ликвидации сенаторской монополии в судах, что вернуло бы всадникам участие в контроле над сенатом; 2) о восстановлении трибунской власти, которое возвратило бы контролирующие функции народному собранию; 3) о восстановлении власти цензоров, которые должны были контролировать сенат с позиций его собственной традиционной системы ценностей. Контролирующие органы в государстве и были восстановлены, поскольку их необходимость для его нормального функционирования стала очевидной.

Показательна роль, какую сыграли в этом деле консулы 70 г. Без их поддержки «трибунская» оппозиция была бессильна, зато теперь она могла оказать поддержку им самим. В 66 г. Помпей по закону, предложенному народным трибуном Габинием, получил чрезвычайные полномочия для борьбы с пиратами, которые со времен Митридатовой войны фактически господствовали над Средиземным морем, ставшим недоступным для судоходства и торговли, что угрожало Риму голодом. Энергичные действия, позволившие быстро обезопасить морские пути, повысили авторитет Помпея.

В те же годы в Риме на политической арене появляется новое лицо — Гай Юлий Цезарь. Происходивший из старинного патрицианского рода, он через свою тетку — жену Мария — приходился ему свойственником. В консульство Цинны он женился на его дочери и был верховным жрецом Юпитера. Смещенный Суллой, он категорически отказался развестись с женой и какое-то время скрывался. Родственники-сулланцы добились для него «прощения», но лишь в 70-х годах Цезарь опять в Риме. Он выступает с судебными обвинениями бывших сулланцев и с политическими речами в поддержку восстановления трибуната и в поддержку разрешения бывшим сторонникам Лепида вернуться в Рим. В 68 г. на похоронах своей тетки, вдовы Мария, Цезарь выставил — впервые с сулланских времен — изображения Мария. Впрочем, второй его женой стала

внучка Суллы. В 66 г. Цезарь выступил в поддержку предложения о передаче разгромившему пиратов Помпею командования в новой войне с Митридатом (начавшейся еще в 74 г.) и был избран эдилом. После эдильства он устроил еще одну «марианскую» демонстрацию, восстановив как-то ночью на Форуме памятники побед Мариа (и сумев оправдаться перед сенатом). Такого рода акции помогали ему держаться все время на виду, но еще не вводили его в число ведущих политиков Рима.

Помпей, заочно получивший чрезвычайные полномочия, не возвращаясь в Рим, отправился на Восток. Он победил Митридата (который покончил с собой в Пантикапее) и учредил провинцию Вифиния и Понт, подчинил Риму армянского царя Тиграна II, сделал римской провинцией Сирию, к которой были присоединены финикийские города и Иудея. В Рим Помпей вернулся лишь в 62 г. Здесь наиболее заметным из инцидентов 60-х годов был так называемый заговор Катилины (63 г.). Этот эпизод, знаменитый в мировой литературе, видимо, был на деле менее опасным и менее значительным, чем он изображен Цицероном — активным участником событий — и другими римскими авторами.

Луций Сергий Катилина, потомок древнего, но захудалого патрицианского рода, примкнув в свое время к сулланцам, обогатился во время террора. Он шел к консульской должности, однако обвинение в лихоимстве отстранило его от ее соискания в 66 и 65 гг. В 64 г. он выставил, наконец, свою кандидатуру, но без успеха. Одним из консулов на 63 г. стал Цицерон (воспользовавшийся в своей агитации прошлым бывшего сулланского карателя). В этом году Катилина решил повторить попытку, а на всякий случай стал готовить и заговор. В Фезулах (в Этрурии) сулланский ветеран Манлий собирал для него войска. Последовательной программы у Катилины не было, но лозунг отмены долгов обеспечивал ему приверженцев на самых разных уровнях общества. Цицерон, воспользовавшись сведениями от агентов в стане заговорщиков, добился решения сената о чрезвычайном положении. Тем временем на выборах Катилина вновь потерпел неудачу, а Манлий поднял мятеж в Фезулах. Тогда после очередного совещания заговорщиков Цицерон созвал сенат и обрушился на Катилину со знаменитой речью, чтобы заставить его выдать себя и уйти немедленно к Манлию, а остальных заговорщиков толкнуть к необдуманным действиям. Замысел удался. Цицерону вскоре представился случай арестовать и казнить пятерых главарей, оставшихся в Риме, а в январе 62 г. погиб в битве и Катилина, возглавивший армию Манлия.

Одним из преторов на 62 г. был избран Цезарь. После претуры он был назначен наместником Испании, откуда вернулся в 60 г., поправив свои расстроенные финансовые дела. В 59 г. он стал консулом. Ему удалось примирить Помпея, возвратившегося в 62 г. с Востока, и Красса и заключить с ними тройное соглашение о взаимной поддержке (так называемый первый триумвират).

В качестве консула Цезарь провел закон о наделении солдат Помпея участками из еще не поделенных государственных земель в Италии и из земель, приобретаемых государством у частных лиц. Закон, несмотря на противодействие сенатских лидеров, не желавших способствовать усилению Помпея, не без применения насилия был проведен через народное собрание. Цезарь добился также утверждения восточных распоряжений Помпея и провел еще ряд мероприятий. Сам он получил в управление Предальпийскую Галлию и Иллирик сроком на пять лет, а также наместничество в Заальпийской Галлии.

В Галлии Цезарь пробыл девять лет. В 56 г. он, правда на короткий срок, возвращался в Италию, где в городе Луке встретился с Помпеем и Крассом. Было решено продлить Цезарю срок управления Галлией еще на пять лет, а Помпею и Крассу обеспечить избрание консулами на

55 г., после чего предоставить первому из них пятилетнее управление Испанией и Африкой, а второму — Сирией. В Галлии Цезарь с самого начала вмешался в борьбу галльских (и некоторых германских) племен и, используя соперничество между вождями, к 56 г. завоевал всю Галлию до Рейна. В 55 г. он предпринимал походы за Рейн и в Британию, а в 52—51 г. подавил крупное восстание галльских племен под руководством Верцингеторига. Вся Галлия стала римской, но она не была объявлена провинцией: часть галльских племен считались «союзниками» Рима, другие — «покоренными». Огромная добыча и большая армия предоставляли Цезарю небывалое могущество и коренным образом меняли политическую ситуацию.

Для Красса сирийское наместничество оказалось роковым: он затеял войну с Парфией, о которой давно мечтал, вскоре был разбит и погиб (53 г.). Помпей управлял своими провинциями через легатов, оставаясь в Риме, где между тем политический кризис углублялся. На 58 г. одним из народных трибунов был избран Клодий — личный враг и политический противник Цицерона, опиравшийся в своей деятельности на городской плебс и проводивший ряд законов в его пользу. Самым существенным в деятельности Клодия было создание вооруженных отрядов для воздействия на политическую жизнь. Такие же отряды вскоре были созданы его противниками, и на время отсутствия армий в Италии эти «псевдо-армии», как их называл один из современных историков, стали важнейшим оружием политической борьбы. Беспорядки в городе завершились тем, что в январе 52 г. на Аппиевой дороге случайно произошло столкновение между Клодием и его политическим соперником Милоном. Клодий был убит. Его тело было перевезено в Рим и предано сожжению в здании сената, которое сгорело. Волнения продолжались. Сенат назначил Помпея «консулом без коллеги». Помпей ввел в город войска, поддерживавшие порядок.

Триумвират распался. Помпей сблизился с сенатскими лидерами, и сенат вынес постановление о том, чтобы Цезарь сложил свои полномочия. Двое народных трибунов, пытавшиеся этому воспрепятствовать, бежали к Цезарю. Цезарь использовал ущемление прав трибунов как повод к войне.

С одним легионом Цезарь перешел границу Италии — реку Рубикон (10 января 49 г.). Основные силы Помпея находились в Испании, и он с большей частью сенаторов бежал из Рима в Грецию. Италия осталась в руках Цезаря. Никаких репрессий в Риме не было, но государственную казну Цезарь захватил. Из Рима он направился в Испанию и разбил войска Помпея (при Илерде). Вернувшись, он был провозглашен диктатором, но вскоре отплыл в Грецию, где победил Помпея при Фарсале (48 г.). Помпей бежал в Египет, где при высадке на берег был убит придворными Птолемея XIV. Спустя три дня в Александрию прибыл Цезарь. Он казнил убийц Помпея и, вмешавшись в династическую распрю, восстановил на престоле египетскую царицу Клеопатру. По пути в Рим Цезарь разгромил Фарнака, сына Митридата, который захватил было некоторые римские владения и союзные Риму царства.

Возвратившись в Рим, Цезарь провел мероприятия в интересах должников и пополнил сенат. Затем он разгромил силы помпейцев в Африке (при Тапсе в 46 г.) и еще раз в Испании, где утвердились было сыновья Помпея. В гражданской войне Цезаря с помпейцами провинции не были просто театром военных действий. От позиций провинциальных общин и городов зависело многое, и Цезарь делал все, чтобы привлечь их на свою сторону. При Цезаре началось широкомасштабное основание колоний в провинциях, где было расселено около 80 тыс. человек. Беспрецедентно вырос и масштаб предоставления гражданских прав за пределами Италии, а Предальпийская Галлия получила права римского гражданства

для всего населения, как и город Гадес в Испании, как и Сицилия в 44 г., уже после смерти Цезаря (от Марка Антония). Начинается интенсивное развитие муниципальных городских форм в провинциях. Создается новая социальная опора Империи. Итальянцы и провинциалы инкорпорируются в новый «руководящий слой», участвующий и в общеимперском управлении. Понятие «римлянин», как писал С. Л. Утченко, приобретает классовый смысл.

Для оформления своей власти Цезарь, как и Сулла, воспользовался титулом диктатора, который он принимал несколько раз, пока в 44 г. не стал пожизненным диктатором. Еще в 48 г. он получил пожизненную трибунскую власть, титул «отца отечества», титул императора вошел в состав его имени и т. д. Народные собрания фактически лишь принимали назначения Цезаря. Число магистратов было вновь увеличено. Был увеличен и реорганизован сенат. Цезарю принадлежал еще ряд реформ и законов (в том числе знаменитая реформа календаря), но наиболее существенной из его деятельности была новая политика по отношению к провинциям.

После победы Цезаря над помпеянами положение его казалось не вызывающим сомнений. Однако с исчезновением непосредственного противника терялась и цель его напряженной до сих пор деятельности. Он хотел найти выход в парфянской войне, но слухи связывали подготовку к этой войне со старым предсказанием, согласно которому парфян может победить только «царь», с желанием перенести центр империи на Восток и т. д. В такой обстановке понятным образом возник заговор, включавший в себя как «республиканцев» (по позднейшему определению) Гая Кассия, Марка Брута и других, так и видных цезарианцев, например Децима Брута. 15 марта 44 г. Цезарь был убит на глазах у сенаторов, собравшихся на заседание.

Паника, охватившая город, смешала все карты. Сторонники Цезаря «попрятались в домах», некоторые покидали город. Заговорщики тоже не оказались хозяевами положения. Вместо того чтобы картинно предстать перед римлянами в качестве освободителей, им пришлось беспомощно созерцать общее смятение. С толпой приготовленных ими гладиаторов и рабов они поднялись на Капитолий и заняли оборонительную позицию. Ни та, ни другая сторона не смогла сохранить инициативу в своих руках. Ветераны Цезаря стали приходить в Рим, угрожая выступить, «если у них будут отняты наделы или если они не получат обещанных». В неясной еще обстановке сенат 17 марта принял компромиссное решение признать действительными все акты и распоряжения Цезаря, но оставить его убийц безнаказанными. Обнародованное завещание Цезаря, оставившего каждому римлянину небольшую денежную сумму, создало в среде плебса цезарианскую легенду. Похороны Цезаря и речь консула Антония, бывшего при Цезаре помощником диктатора, разожгли страсти, начались погромы богатых домов, так что подавлять волнения пришлось самим консулам-цезарианцам. Но это оказалось им на руку: в ходе событий был выдвинут лозунг мести за Цезаря, а сенат вынужден был разрешить Антонию окружить себя стражей, и он набрал шесть тысяч ветеранов-центурионов, т. е. ядро будущей армии. Рим становился для заговорщиков опасным, и они покинули город с тем, чтобы отправиться в свои провинции, назначенные им тем же Цезарем.

В апреле в Риме появляется никому до тех пор не известный Гай Октавий, 18-летний внучатый племянник Цезаря, усыновленный им в завещании. Немедленно приняв дававшее ему популярность и силу имя Гая Юлия Цезаря Октавиана, он оказывается на гребне событий. Главным лозунгом его стало выполнение завещания Цезаря, и он демонстративно продавал свое имущество и при каждом случае раздавал «завещанные» ему деньги. Появление неожиданного соперника раздражало Анто-

ния. Его отношения с сенатом были сложными, а вскоре в результате агитации Цицерона испортились окончательно. Октавиан же через Цицерона сблизился с сенатом.

Проведя через народное собрание закон о предоставлении ему провинции Галлии, имевшей большое стратегическое значение, Антоний вступил в вооруженный конфликт с ее прежним наместником Децимом Брутом, отказавшимся ее передать. Тем временем сенат направил против Антония армию консулов, к которой были присоединены легионы ветеранов, собравшихся вокруг Октавиана. Близ города Мутины, где укрепился осажденный Антонием Децим Брут, произошла битва между консульским войском и войсками Антония. Антоний был разбит и отступил. Оба консула погибли, и Октавиан, не обладавший никакими полководческими талантами, остался «победителем».

Солдаты-ветераны Цезаря, однако, добились переговоров между полководцами. Вместе с Антонием и Октавианом в них принимал участие Лепид (сын мятежного консула 78 г.), который при Цезаре был «начальником конницы» (т. е. заместителем диктатора). Они и составили так называемый второй триумвират «по устройству государства», присвоивший себе чрезвычайные полномочия. Одним из первых его мероприятий было объявление проскрипций, превзошедших сулланские — в них погибло около 300 сенаторов и 2 тыс. всадников (в числе жертв был и Цицерон). Конфискованные имущества и деньги предназначались для вознаграждения солдат.

Юний Брут и Кассий укрепились в Греции и Македонии. Единственной силой последних республиканцев была профессиональная армия, набираемая на деньги, выжимаемые из подвластных им провинций. В 42 г. в битве при Филиппах (в Македонии) она была разбита войсками Антония и Октавиана. Брут и Кассий кончили с собой. После битвы Антоний отправился на Восток, а Октавиан в Италию, чтобы ее «выселить» (выражение Аппиана) и на отобранных землях расселить ветеранов. Это делалось, чтобы республиканский строй уже не мог быть восстановлен, «так как устраивались для правителей поселения наемников, готовых на все, чего бы от них ни потребовали». Со стороны выселяемых Октавиан заслужил ненависть, которой воспользовались люди, близкие к Антонию. Его брат Луций Антоний объединил вокруг себя итальяские города, к нему перешло много сенаторов, недовольных политикой триумвиров. Он укрепился в итальянском городе Перузии, где и был осажден Октавианом. Голод заставил его сдаться, все сенаторы, бежавшие к нему, были казнены по настоянию войска Октавианом, который воспользовался событиями для того, чтобы чернить Антония в глазах солдат.

Антоний в это время пытался обеспечить свои интересы в Малой Азии. В Тарсе произошла сыгравшая в его жизни роковую роль встреча с египетской царицей Клеопатрой. Антоний уехал с ней в Александрию, где провел зиму 41/40 г., все глубже втягиваясь в восточные дела.

Вскоре он, однако, опять появился в Италии, страдавшей от новой войны. Секст Помпей, младший сын Помпея, обосновавшийся в Сицилии, организовал, по существу, морскую блокаду Италии и делал набеги на южное побережье. Он обладал большим флотом и деньгами (получаемыми пиратством) и принимал проскрибированных и беглых рабов. Его деятельность парализовала судоходство, и в Риме начался голод. Ход событий и настроения солдат заставили Октавиана и Антония вновь примириться между собой.

«Принужденные народом», Антоний и Октавиан отправились в Путеолы мириться с прибывшим туда Секстом Помпеем. Однако примирение, состоявшееся в 39 г., оказалось кратковременным, и война возобновилась. Октавиану с помощью Лепида удалось разбить флот Помпея, который бежал в Азию, где вскоре погиб. Лепид пытался использовать победу для

своего возвышения, но был лишен власти. Из 30 тыс. рабов, захваченных в войне, часть была возвращена господам для наказания, часть — распята самим Октавианом, который этим гордился всю жизнь.

Подавив очередной солдатский мятеж, Октавиан отправился из Южной Италии в Рим, где объявил о конце гражданской войны и «простил» недоимки по налогам. После этого он занялся истреблением разбойничьих отрядов, дезорганизовавших жизнь Италии. Неожиданное возвращение мира доставило ему внезапную популярность. Он восстановил кое-что из республиканских порядков, пообещал вернуться к прежнему государственному строю и получил должность пожизненного народного трибуна.

В 32 г. возобновился конфликт между Октавианом и Антонием, со времен соглашения в Путолах пребывавшим на Востоке. Октавиан объявил войну Клеопатре, с чьими интересами были неразрывно связаны интересы Антония. Решающая битва, в которой победил флот Октавиана, произошла в 31 г. у мыса Акция, близ берегов Западной Греции.

Теперь Октавиану предстояло решить две труднейшие задачи — демилитаризовать Италию и восстановить мир в державе.

4. КУЛЬТУРА

Общественно-экономический и политический строй римской гражданской общины породил систему ценностей, где воинской доблести, военным подвигам и славе «римского имени» принадлежало главное место. История римских войн оказалась остоном исторической памяти римлян, которая легла в основу развития римской культуры. Тем более что у римлян мифы-повествования о богах не получили развития, уступив в какой-то мере свое место преданиям историческим и квазиисторическим. В них можно видеть некоторую аналогию греческим мифам о героях, однако у римлян (что очень существенно) и предания действительной — порой даже не слишком отдаленной — истории тоже могли, по выражению современного исследователя, «выступать в роли сакральных мифов» самого широкого культурного значения⁶.

Разумеется, «мифология истории» вторична по отношению к древнейшим, архаичным мифам, и ее парадигмы легко приобретают характер примеров вполне прикладных. «Здесь и для себя, и для государства ты найдешь, чему подражать, здесь же — чего избегать», — писал Тит Ливий в предисловии к своему историческому труду. В ходе развития системы мифопоэтических представлений римлян все четче выявляется ее основной стержень — «идея исключительной судьбы Рима... пользующегося особым покровительством богов, предназначивших ему беспримерное величие и власть»⁷. Определившаяся достаточно рано, политически целеустремленная, эта идея оказалась исключительно устойчивой. Римской культуре был свойствен традиционализм и приверженность своей, «домашней» старине. «Древний уклад», «нравы предков» всегда представлялись неким идеалом, предшествовавшим всему последующему развитию римского общества.

На другую (казалось бы, противоположную) сторону римской культуры указывает случайное, но весьма знаменательное замечание Полибия: «Римляне оказываются способнее всякого другого народа изменить свои привычки и позаниматься полезным». Эта «способность», однако, была укоренена в той же самой римской старине и в представлениях римлян о ней — рассказы римлян о прошлом отразили пестроту и под-

⁶ Майоров Г. Г. Образ Катона Старшего в диалогах Цицерона: К вопросу об особенностях римской мифологии истории. — В кн.: Античная культура и современная наука. М., 1985, с. 56—57.

⁷ Штаерман Е. М. От религии общины к мировой религии. — В кн.: Культура древнего Рима. М., 1985. т. 1, с. 137.

вижность обстановки в древней Италии с характерными для нее контактами различных народов, языков, культур.

Динамизм римской культуры — столь же существенная для нее черта, как и традиционализм. Сложное, переменчивое соотношение этих противостоявших друг другу и взаимодействовавших друг с другом начал обусловило не только ее жизнеспособность, но и ее огромную роль для дальнейшей культурной истории Европы, особенно Западной.

Еще в те времена, когда в Риме верхушка плебса боролась за доступ к высшим должностям (рубеж IV и III вв.), в социокультурной жизни Рима, как и в политической, особое значение приобрела идеология «славы», понимавшейся как общественное признание заслуг. В условиях непрестанных войн, нераздельной связи между высшими должностями в государстве и командными постами в войске воинская доблесть, военный успех оказывались естественным путем к славе, служившей обоснованием политических притязаний, а подъем по лестнице должностей, или, что то же самое, почестей («должностная карьера» — характернейшее социокультурное понятие римлян), делался источником еще большей «славы». Считалось, что личной славе (как и личной власти) положен предел, но она становилась достоинством фамилии, которая получала право хранить изображение прославленных предков. Подвиги членов фамилии делали ее «знатной», т. е. знаменитой, а слава предков обязывала потомков не только ее блюсти, но и стараться ее превзойти.

Социокультурное значение представлений, связанных со «славой», было широким. Соперничество вокруг славы непосредственно тягивало немногих, но, как и все связанное с войной, имело широкий отклик среди римлян.

Внеиталийская экспансия III—II вв. резко активизировала внешние контакты Рима — и военные, и дипломатические, и культурные. Греческий язык, служивший международным языком дипломатии, был, с другой стороны, языком богатой и притягательной культуры, в которой римляне все больше и больше готовы были видеть свою добычу. Начался импорт нагробленной культуры, причем темп и размах римских успехов в этом деле были разительны. В Рим ввозились греческие статуи, картины, библиотеки (материальная ценность таких вещей была завоевателям известна) и вместе со всем этим — образованные рабы. Они приживались, и с ними приживалась, приспосаблиясь и модифицируясь в новой жизни, греческая культура. Взаимодействие двух культур привело не к простой «эллинизации», а к ускоренному развитию римской культуры, многое почерпнувшей у греков, но сохранившей свое лицо.

О раннем римском эпосе мы имеем лишь смутные представления. Какие-то песни во славу предков, видимо, исполнялись когда-то на пирах, но не певцами-сказителями, а пирующими поочередно. Между бытованием этих песен и первыми литературными опытами в эпическом роде, судя по всему, был временной разрыв.

Словесная культура римлян начинается с развития анонимных устных или «деловых» форм (песни, молитвы, гимны богам, заклинания, юридические формулы, надгробные надписи). Дошедшие до нас образцы показывают виртуозное владение словом — скупым и точным. Известны стихотворные надгробные надписи середины III в. до н. э. Однако представление о словесном творчестве как об определенной сфере человеческой деятельности появляется в общественном сознании римлян лишь в связи с мощным культурным движением, начавшимся в конце III в.

Первым римским поэтом суждено было стать греку-рабу, а потом отпущеннику Ливию Андронику (около 282—204 гг.), получившему, как водилось, родовое имя Ливия от бывшего господина, видного сенатора. Вывезенный из южноиталийского города Тарента (завоеванного римлянами в 272 г.), он учил сенаторских детей греческому языку и заодно

стал их учить и латинскому, впервые разрабатывая методику обучения ему. Методика строилась на греческий лад, ее основой были тексты Гомера. Для этого Андроник перевел «Одиссею» (географически ближе, чем «Илиада», связанную с Италией) старинным стихом римской народной поэзии (сатурнийским), благодаря чему получил известность. Затем его деятельность стала более разнообразной. По заказу должностных лиц, ведавших Римскими играми, Андроник стал устраивать сценические представления «греческого» типа: сочинял (по образцам) и ставил трагедии и комедии, в которых и сам играл. В 207 г. Андронику был заказан гимн-молельствие Юноне.

Гимн Андроника, по словам Ливия, удовлетворял тогдашним вкусам, но «ныне показался бы невыносимым и нескладным». Цицерон, восклицавший не без патетики: «А где же древние наши стихи?», не советовал перечитывать пьесы Андроника, а «Одиссею» находил несколько топорной. Но уважение к этой поэме как к школьной классике было вообще велико, и Гораций (сам по ней учившийся) дивился косности вкуса «толпы».

Ливий Андроник положил начало двум родам римской словесности: театральной поэзии и поэзии эпической, сыгравшим важнейшую роль в формировании латинского литературного языка. Основой творчества Андроника были переводы с греческого. И если перевод «Одиссеи» остался единственным в своем роде, то переводы-переделки греческих комедий прижились; они составили особый театральный жанр — паллиату («комедию плаща», получившую название от греческого плаща — паллиума, который носили ее герои). Трагедии по греческим образцам также бытовали впоследствии на римской сцене.

Развитие поэзии шло очень бурно. Ливий Андроник, судя по сохранившимся о нем сведениям, был еще поэтом, так сказать, по должности, но уже пошедший по проторенному им пути его младший современник, почти сверстник Гней Невий может рассматриваться как поэт, творивший по внутреннему побуждению. Не ограничиваясь заимствованными сюжетами, Невий обратился к римской истории — и легендарной, и достоверной. От него идут собственно римский эпос и трагедии на римские темы. Круг разрабатываемых Невием жанров был достаточно широк — от написанной сатурнийскими стихами поэмы о I Пунической войне до паллиат. Невий рано понял общественное значение театра и смело вводил в паллиаты политические намеки, задевая правящую знать (за что однажды попал в тюрьму). Сочинения Невия, как и Андроника, дошли до нас в незначительных отрывках.

Рубеж III и II вв. стал началом периода, который можно назвать временем первых классиков римской литературы. В центре его — три фигуры: поэт Квинт Энний (239—169 гг.), первый римский прозаик Марк Порций Катон (234—149 гг.) и комедиограф Тит Макций Плавт (ок. 250—184 гг.).

Энний был уроженцем Рудий, апулийского городка, где говорили по-оски и по-гречески (поэтом, став латинским поэтом, он утверждал, что у него три души). Он одарил римскую культуру «большим» эпосом, впервые введя в латинский стих гомеровский гекзаметр. В его поэме «Анналы» («Летопись»), излагавшей в 18 книгах все деяния римлян, исторический «римский миф», собственно, и был разработан как основа миросоздания римлян. Популярность этого сочинения была велика вплоть до появления исторического эпоса Вергилия. Делал Энний и свободные переводы греческих трагедий, главным образом Еврипида, писал трагедии из римской истории, и даже комедии — видимо, наименее близкий ему жанр.

Энний был рационалистом и своего рода просветителем. В одной из его трагедий говорилось о том, что боги не вмешиваются в дела людей,

но суеверные жрецы и невежественные ворожеи берутся указывать другим, чего сами не знают, собирая драхмы с тех, кому обещают богатства. Энний изложил в латинских стихах применительно к римским богам учение эллинистического философа рубежа III в. Евгемера, толковавшего мифологию как историю обожествленных людей.

На протяжении всей истории Римской республики Энний считался крупнейшим из римских поэтов, почти что воплощением римского духа (хотя римское гражданство он получил лишь через 20 лет после приезда в Рим).

Катон во многих отношениях стоит особняком и среди своих современников, и вообще в римской литературе. Он не хотел учиться у греков литературной форме и писал, подчеркнуто антириторично, следуя принципу «Знай дело, слова придут»; он — единственный из римских авторов — рассматривал историю своего отечества с точки зрения всей Италии; если мы правильно понимаем сообщения наших источников, он излагал историю войн, не называя имен полководцев, писал о событиях, а не о людях, что резко диссонировало с характерной для римской знати идеологией славы.

Катон родился в итальянском городе Тускуле, юность провел в Сабинской области, в имении, унаследованном от отца, и к началу своей политической деятельности был в Риме буквально «новым человеком». Крайний ригоризм его традиционалистски-великодержавных взглядов наложил отпечаток на весь его облик.

Одно из сочинений Катона — его трактат «О земледелии» — дошло до нас целиком. До сих пор земледелие воспринималось как естественный способ существования, теперь же, в изменившейся общественно-политической обстановке, Катон стремится поднять его нравственный авторитет и делает это не рассуждениями, а рисуя конкретную картину жизни земледельца-хозяина. Характер изложения книги настолько необычен для античного автора, что исследователи долго отказывались считать дошедший до нас текст аутентичным или хотя бы завершенным. Фразы Катона — сжатые, содержательные, дельные — складываются в краткие (по большей части) заметки-наставления. Все это переслоено деловым и едва ли не документальным материалом: списки оборудования, списки где что купить, технические наставления, «формулы» молитв, рецепты блюд, рецепты из домашнего лечебника (с заговорами), средства от моли и т. п. Книга может восприниматься и как руководство для начинающего хозяина-рабовладельца, и как своего рода учебник жизни.

Другие сочинения Катона известны по отрывкам или упоминаниям у римских авторов. Это исторический труд «Начала», который Катон писал всю жизнь, «Наставления к сыну» и письма к сыну, «Песнь о правах», в которой отразилась борьба Катона против «ввозной роскоши» и порожденных ею «новых гнусностей», и отдельные речи, высоко ценившиеся впоследствии Цицероном. Потомки идеализировали образ Катона, превратив его в пример всех римских достоинств.

Гением римского театра был Плавт, младший современник Энния, италиец из Умбрии. Это был профессионал, до тонкости знавший свое дело и свою публику. Очень высоко ценился потомками литературный язык Плавта. Варрон (I в. до н. э.) писал: «Музы говорили бы языком Плавта, если бы хотели говорить по-латыни».

Плавтовы паллиаты очень далеки от образцов (чьи авторы и греческие заголовки нередко известны). Плавт не только монтировал части разных пьес, в ход шли и ателлана с ее грубым народным юмором, и пессенки «низкого жапра» по образцу новейших греческих. Все это соединялось в целое безудержной буффонадой. Публика включалась в игру. Актеры заговаривали с ней, подраживая ее, растолковывая шутки и т. д. Сценическую иллюзию то и дело нарушали. Так, один герой объ-

янял другому, что понадобившийся по ходу интриги костюм можно взять у постановщика. Сценическая Греция и зрительский Рим свободно переходили друг в друга. В этой Греции действовали римские законы (и герои хорошо умели их обходить) и римские должностные лица, поминались римские улицы и т. п. Все было узнаваемо: хитрые рабы с греческими именами, жены и рабы-управляющие, забирающие в доме слишком большую власть, господ, использующие рабов в темных делишках, для господина зазорных, старики-отцы «высокого рода», заседающие в «сенате», но обманываемые сыновьями и рабами. Общественную мораль это не оскорбляло, так как все герои были якобы греками, «легкомысленными» на римский взгляд людьми, которым римская «серьезность» была недоступна. К тому же морализаторские сентенции в избытке провозглашались со сцены на всякий вкус. Общая атмосфера Плавтовых комедий с ее кутерьмой, победами предприимчивости, огромной ролью рабов, верхушка которых яростно рвалась в люди, отражала — конечно, в комическом преломлении — процессы, происходившие в римском обществе конца III в.

Яркий, красочный театральный мир Плавта просуществовал недолго. Уже второй классик римской паллиаты Публий Теренций Афр (ок. 190—159 гг.), по происхождению раб из Африки, стал приближать свои комедии к стилю греческих литературных образцов. Тонкая разработка психологии и сюжета, образцовый язык на века сделали его незаменимым «школьным» автором, но без подлинного сценического темперамента, без вкуса к народному юмору; Теренций не мог быть творцом театра для всех.

В середине II в. усиливаются римские великодержавные тенденции. После падения Карфагена и Коринфа увеличился приток богатств, художественных ценностей, рабов. Возросла пышность устраиваемых победоносными полководцами зрелищ. Вместе с тем все больше чувствовалась усталость от войн. Ненавистные Катону «новые пороки» — страсть к роскоши и лень — все шире распространялись в Риме.

В этот период эпическая поэзия теряет свою жизненность, сводясь к поэмам «на случай», прославляющим победы полководцев, чьим покровительством пользовались авторы. Наиболее существенным литературным явлением становится сатира — смешанный жанр, не имеющий строгой формы, не требующий сюжета, предметом которого служит отношение автора к происходящему вокруг. Римляне считали его собственным изобретением, хотя и для него можно найти греческие истоки и параллели, только не в классике, а в более поздней эллинистической литературе.

Первые сатиры писал еще Энний, но настоящим основоположником этого жанра явился Гай Луцилий. Это был человек достаточно видного положения, отказавшийся ради творчества от политической деятельности. Его многочисленные сочинения представляли собой нечто вроде поэтического дневника, в котором обсуждались самые различные события и явления. Держась независимо, Луцилий критиковал общественные нравы, позволял себе писать свободно и едко, нападать на ведущих деятелей государства. Главной в его творчестве была морализаторско-критическая тенденция, вполне соответствовавшая староримским идеалам. Идущая от Луцилия линия имела продолжение не только в литературе близкого ему времени, но и при Империи.

Живая традиция старого направления римской поэзии во времена Луцилия сохранялась только в трагедии. Недаром он полемизировал с трагическими поэтами Марком Пакувием и Луцием Акцием (упрекая их в высокопарности языка).

Что касается судеб римской комедии, то вскоре после Теренция перестали писать паллиаты. Их сменили комедии на римские сюжеты — так называемые тогаты, построенные примерно по тому же принципу. Их

авторы с самого начала стремились соединить народный юмор Плавта с психологизмом Теренция. Некоторой новостью было большее внимание, уделяемое женским характерам. На рубеже I в. до н. э. к тогате присоединяется литературная ателлана, использующая маски и мотивы старой фольклорной, но располагающая теперь поэтическим текстом. Именно к ней относятся дошедшие до нас заголовки вроде: «Макк-девица», «Макк-трактиршик», «Макки-близнецы», «Буккон в школе гладиаторов», «Папп-земледелец», «Невеста Паппа», «Два Доссена» и т. п. Это были фарсовые сценки, грубоватые по сюжету и юмору. К середине I в. на сцене утвердился мим, тоже имевший фольклорно-фарсовые корни. Сюжеты мима обычно были анекдотические, часто малопрстойные (обманы, соблазнения, супружеские измены). В миме обыгрывались как словесные нелепости, так и телесные уродства и недостатки, использовалось передразнивание характерных жестов и интонаций (например, стариковских), вообще все должно было быть чрезмерно смешным, уморительным. Видимо, допускался импровизация. «Ведь это в миме,— писал Цицерон,— когда не знают, чем кончить, кто-нибудь вырывается из рук, и тут же, возвестив стукон конец, дают занавес». Вероятно, в миме использовались в еще более смехотворной трактовке и сюжеты других видов комедий.

В римской прозе с середины II в. важнейшим жанром становится исторический. Занятие им долго считалось подобающим лишь лицам самого высокого сана. Оно как бы продолжало их государственную деятельность или служило ей вынужденной обстоятельствами заменой. Первым римским историком был сенатор времен II Пунической войны Фабий Пиктор, писавший по-гречески в расчете прежде всего на внеримского читателя. Его сочинение имело выраженный пропагандистский характер. Начиная с Катона, римские историки писали на родном языке. Рассказ, как правило, начинали от основания Рима, хотя немало внимания уделяли и событиям более близким. Материал, относящийся к истории других стран и народностей, привлекался лишь в меру необходимости. Историки конца II — начала I в. (младшие анналисты) стали обрабатывать исторический материал в соответствии с принципами риторики, что вело к приукрашиванию и искажению событий. Кроме того, они подчиняли свое изложение интересам политических группировок, к которым принадлежали. В их среде появился жанр исторической монографии. Возникшая у Полибия под воздействием римских завоеваний мысль о всеобщей взаимосвязанности в истории, о возможности написания всемирной истории, нацеленной не только на изложение событий, но и на понимание их взаимосвязей, осталась чуждой римской историографии — для нее точкой отсчета оставался Рим.

Первым отпущенником, который начал писать историю, Светоний называет Вольтацилия Пилута, бывшего раба-привратника (по обычаю прикованного тогда на цепь), а затем — учителя риторики у Помпея (чья деяния Вольтаций и изложил «во многих книгах»). Вторжение лиц низкого происхождения в историографию неудивительно: история стала частью литературы, где широко использовался вспомогательный труд образованных рабов и отпущенников.

Сочинения Гая Саллюстия Криспа (середина I в. до н. э.), второстепенного политического деятеля из «новых людей», — единственный сохранившийся памятник республиканской историографии. Окрашенные враждебными знати взглядами автора, его сочинения высоко ценились потомками за драматизм и психологизм изложения, а также за язык и стиль, напряженный и сжатый, насыщенный архаизмами, — язык древней «доблести», судящей современность.

Знаменитые «Записки» Цезаря, по существу, стоят вне охарактеризованной выше традиции. Эта точная и отделанная сухая проза, на века вошедшая в школьный канон, имела специфическую цель: нечто среднее

между деловой запиской и воспоминаниями, «Записки» должны были оправдать войны Цезаря.

Собственно говоря, Саллюстий и Цезарь принадлежат уже к так называемой эпохе «золотой латыни» — эпохе, когда были написаны сочинения, считающиеся наиболее характерными для всей римской литературы. Центральной фигурой этого периода был Марк Туллий Цицерон.

Цицерон вошел в историю литературы прежде всего как оратор, наследник огромной традиции красноречия Республики. Ораторское искусство в Риме было и политическим оружием, и словесным творчеством. Цицерон (отнюдь не сторонник Гракхов) сожалел о потере, какую понесли с гибелью высокоодаренного Гая Гракха «и римское государство, и латинская словесность». Перед оратором — в политической ли, судебной ли речи — стояли практические задачи: «во-первых, убеждать точными доводами, а во-вторых, волновать души слушателей внушительной и действенной речью; и гораздо важнее бывает воспламенить судью, чем убедить его». Пока красноречие было связано с общественной практикой и важнее всего был результат, никакие средства его достижения не могли превращаться к догму: «Неважно... чем порождается красноречие: дарованием, наукой или опытом»; в другом месте Цицерон к силе дарования прибавляет «силу души». Оратор должен был уметь пользоваться конкретной обстановкой и все использовать в интересах дела. «Глубоко заблуждается тот, — говорил Цицерон, — кто считает наши речи слепками с наших убеждений; в них все от данного дела и от времени». Речи самого Цицерона показывают огромное мастерство в оперировании «скользкими» или скрытыми сторонами дела, в использовании психологических средств давления на противника. Отсюда — особый характер красноречия как словесного творчества: оно могло оставаться живым в записи речи, а могло и уходить вместе с произнесением.

Литературное наследие Цицерона, дошедшее до нас с исключительной для древних авторов полнотой, не исчерпывается речами. Он был универсальным писателем и даже универсальным мыслителем. Ему принадлежат несколько трактатов по теории красноречия и истории римского ораторского искусства, а также целый ряд сочинений на философские темы. Цицерон поставил себе целью изложить философию для римлян, опираясь на греческие учения, но не принимая целиком точку зрения какого-либо из них. Он старался приспособить эту философию к римским потребностям, придавая ей практический характер и согласовывая ее с традиционными римскими представлениями о гражданской добродетели, о долге гражданина перед Республикой.

Большой сборник писем Цицерона вводит нас в гущу политической и общественной римской жизни 63—43 гг. Свободные от судебной или пропагандистской задачи речи, написанные с необычной для римского автора откровенностью, эти письма обнажают перед нами подлинный строй мысли самого Цицерона, его друзей, всей той части общества, к которой он принадлежал.

Творчество Цицерона замыкает собой долгий период развития римской культуры. Недаром в своих последних сочинениях он как бы подводит итог этому развитию и, предвидя гибель Республики, не видит впереди ничего, кроме опускающейся на Рим черной ночи.

Современниками Цицерона были последние поэты римской Республики — Тит Лукреций Кар и Гай Валерий Катулл. Лукреций, еще клявшийся именем Энния, — автор дидактической поэмы «О природе вещей». Излагая атомистическую философию Эпикура, он ищет в ней способ победить страхи, рождаемые бедствиями отечества. Проповеднический страстный тон, поэтическая напряженность слога выдают глубочайшее волнение автора, которое требует все новых и новых подтверждений того, что познание мира может принести душевный покой. Катулл, от-

гораживаясь от политической жизни чудовищно грубой бранью по адресу Цезаря, Помпея и их окружения, сосредоточивает свои интересы на маленьком дружеском кружке, ищет ценности в мире дружеского общения и любви, которая у Катуллы приобретает неведомую его эллинистическим учителям напряженность и трагичность. Стиль Катуллы, внешне очень простой в кратких стихотворениях и сложный в больших, везде поражает тонкостью отделки, «единством лиризма и учености, страсти и рассудочности»⁸, создающим постоянную эмоциональную напряженность.

Это ощущение напряженности и тревоги характерно для всех позднереспубликанских писателей. Временный выход наметился лишь по ту сторону политического рубежа в первое десятилетие эпохи принципата.

История словесного творчества Средней и Поздней Республики все-таки дает одностороннюю и облагороженную картину римской культуры. Ее зрелищная сторона, которая была не менее характерной, может ее показать в иных аспектах.

Римские зрелища первоначально были связаны с религиозными праздниками, но вскоре стали даваться и по другим поводам. Древнейшими и самыми людными были игры в Большом цирке. Так называлась природная лощина размером примерно 600×150 м между холмами Авентином и Палатином, склоны которых предоставляли места зрителям. Здесь устраивались конские бега. В первые века Республики граждане могли участвовать в состязании и сами, и посылая туда своих коней и рабов. Венок, которым награждался хозяин победившей упряжки, считался столь же почетным, как воинский венок за доблесть. В более позднее время зрительский азарт поддерживался соперничеством цирковых партий (при Республике их было две). Без конских ристаний не обходился ни один праздник. Высшие должностные лица подавали знак к началу бегов. Большой цирк вмещал до 150—200 тыс. зрителей.

Свои формы, обращенные к массовой аудитории, имела идеология славы. Так, всенародным зрелищем был так называемый триумф — торжественный въезд победоносного полководца в Рим и ритуальное шествие его к храму Юпитера Капитолийского. Триумфатор в расшитой золотом одежде, украшенный атрибутами Юпитера, в колеснице четверней двигался по городу. Перед ним везли напоказ добычу, изображения захваченных городов, таблички с названиями покоренных стран и народов, вели их предводителей или царей (которых, не доведя до храма, отправляли в тюрьму, где обычно и убивали). Здесь же шли ликторы со знаками власти, а за колесницей следовало войско, чьи победные восклицания подхватывались толпой. Солдаты распевали свои песни, иногда с грубыми насмешками над триумфатором (чтобы не сглазить его счастье). В храме он совершал благодарственное жертвоприношение. Завершался праздник пиром с угощением для народа. Триумф, предоставлявшийся сенатом, считался серьезным событием: он облегчал дальнейшую карьеру самому полководцу, а сыновьям его — соискание должностей.

В театральное действо обращались и похороны знатного человека. В погребальном шествии участвовали «изображения» (раскрашенные маски) знаменитых предков умершего. По словам Полибия, они надевались на людей подходящего роста и сложения, одетых в соответствии с должностями изображаемых. Они сопровождали тело на колесницах, а впереди них несли знаки отличия. На Форуме шествие останавливалось. Мертвого обычно ставили стоя, «дабы он был виден всем», «предки» в масках рассказывались «по порядку в креслах из слововой кости». «Неужели, — восклицает Полибий, — можно взирать равнодушно на это собрание изображений людей, прославленных за доблесть, как бы

⁸ Гаспаров М. Л. Греческая и римская литература I в. до н. э. — В кн.: История всемирной литературы. М., 1933, т. 1, с. 453.

оживших, одухотворенных?» «Перед лицом всего народа, стоящего кругом», сын или другой родственник произносит речь, воскрешающую ч памяти присутствующих «деяния прошлого», и «личная скорбь родственников обращается во всенародную печаль». По окончании похвального слова умершему оратор «переходит к повествованию о (...) подвигах всех присутствующих здесь покойников, начиная от старейшего из них. Таким образом непрерывно возобновляется память о заслугах доблестных мужей, этим увековечивается слава граждан, совершивших что-либо достойное, имена благодетелей отечества становятся известными народу и передаются в потомство; вместе с тем — и это всего важнее — обычай поощряет юношество ко всевозможным испытаниям на благо государства, лишь бы достигнуть славы, сопутствующей доблестным гражданам» (пер. Ф. Мищенко).

Такие ритуальные похвалы, связывавшие военные подвиги умершего со всем его нравственным обликом, Дионисий Галикарнасский называл «древним изобретением римлян». Цицерон, правда, сетовал на то, что «из-за этих похвальных слов наша история полна ошибок, так как в них написано многое, чего и не было: вымышленные триумфы, многие консульства, даже вымышленные родословия...». Однако и в его время образцы такого красноречия, хранившиеся в фамильных архивах, находили практическое применение, служа продолжению определенной традиции.

От масок, выносившихся на похоронах, вел свое начало знаменитый римский скульптурный портрет с его интересом к индивидуальному чертам лица, стремлением к правдивости и неприкрашенности.

Постепенно складывающийся облик города давал возможность как бы созерцать картины римских побед. На его площадях и улицах умножались памятники военной славы: храмы, посвященные победам, колонны, воздвигнутые в честь полководцев, статуи знаменитых римлян. Со II в. до н. э. появляется и специфически римский тип памятного сооружения — триумфальная арка. Этому способствовало изобретение римскими строителями бетонной техники, стимулировавшее широкое распространение арочно-сводчатых конструкций и преобразовавшее античную архитектуру.

Аркады играют роль несущего элемента в очень характерном типе римских сооружений, вошедшем существенным элементом в римский городской пейзаж, — в акведуке (надземном водопроводе). Тип арочного акведука былработан в 40-х годах II в. до н. э., когда был сооружен первый его образец — Марциев акведук. Аркада стала столь же характерной для римской архитектуры, как колоннада для греческой (тем не менее от колоннады римляне тоже не отказывались), и входила как существенный элемент в архитектуру общественных зданий, например огромного (на 1700 мест) закрытого театра Помпея, первого театрального здания в Риме (50-е годы до н. э.). К сожалению, от архитектуры Республики сохранилось немного. Дошедшие до нас храмы не грандиозны, но замечательны по высоте техники и строгости форм. Лучшие всего сохранился храм на Бычьем рынке с ионическими колоннами и полуколоннами (так называемый храм Фортуны) I в. до н. э. Простотой и совершенством отличается стоящий неподалеку круглый храм того же времени с коринфскими колоннами (раньше его считали храмом Весты, теперь — храмом Геркулеса). Перекрытые его не сохранилось. Лишь восемь гранитных колонн сохранилось от монументального храма Сатурна на Форуме.

Внешний блеск Рима должен был соответствовать престижу города-победителя. Тому же стали служить и праздничные зрелища, среди которых все большее место занимали сценические игры.

Если раньше спектакли устраивались только раз в год (на Римских играх), то в конце III — начале II в. устанавливаются еще три праздника, которые сопровождаются сценическими представлениями. Кроме того.

спектакли могли устраиваться и по поводу погребальных игр, триумфов и т. п.

Капитальных театральных сооружений не было — действие разыгрывалось на временных деревянных подмостках, где устраивалась широкая и невысокая сцена. На заднике была нарисована декорация, изображавшая уличный перекресток с несколькими домами, где были сделаны вырезы для окон и дверей. Зрители толпились вокруг (конечно, удобным для таких подмостков было место у подножия холма). Лишь в 194 г. были отгорожены места для сенаторов. Около 154 г. цензоры сдали подряд на строительство театрального здания, но по постановлению сената уже строившийся театр был разрушен, по словам римского историка, «как бесполезный и вредоносный для римских нравов». Подобное здание было построено лишь в 50 г., в самом конце Римской республики.

Постоянным элементом театрального дела в Риме, хранителем его традиций была труппа. Небольшая (один и тот же актер по ходу спектакля мог появляться в двух-трех ролях), она состояла в основном из рабов и отпущенников. Отпущенником обычно был и ее руководитель — «хозяин». Актеры играли без масок (масштаб зрелища их не требовал), постоянные сценические типы — характеры — обозначались каждый своим родом и цветом костюма. Мужчины — исполнители женских ролей белили руки. Женщины начали выступать на сцене только с появлением мима, в последний век Республики. Актерская техника (речь, жесты, движения) была очень разработана. Много места в спектакле занимали музыкальные номера с пением. Низкое социальное положение актеров в римском обществе не мешало некоторым из них достигать популярности и даже богатства. Отвечал за сценические игры эдил или претор. Спектакли устраивались в первой половине дня. Все объявления о них делались просто через глашатаев.

Со временем у сценических игр появился соперник, видимо меньше смущавший блюстителей традиционалистской морали, — гладиаторские бои. Происшедшие от этрусских погребальных обычаев (в конечном счете от человеческих жертвоприношений), они и в Рим пришли первоначально как похоронный обряд, который, однако, приблизительно с середины III в. быстро приобрел характер публичного зрелища, происходящего прямо на Форуме. В 174 г. «освободитель Греции» Фламиний при погребении своего отца устроил трехдневные игры с 74 гладиаторами. В 160 г. на погребальных играх в память Луция Эмилия Павла (победителя Персея) один только слух, что «дадут гладиаторов», сорвал представление «Свекрови» Теренция, так что при следующей попытке (на Римских играх) «хозяин» труппы, выступая в роли Пролога, молил зрителей: «Не дайте ж этому искусству сделаться уделом лишь немногих».

С начала II в. до н. э. в обычай входят звериные травли — во времена Республики их устраивали в Большом цирке. Иногда это бывали просто «охоты» на безопасных зверей, но ради остроты зрелища зверей стравливали между собой, заставляли драться с людьми. Кровавые зрелища все больше дорожали. В конце II в. до н. э. гладиаторские игры были в первый раз даны магистратами. Их популярность росла очень быстро (хотя до конца Республики они, как и театральные представления, давались во временных деревянных сооружениях). Вовремя устроенные игры могли иметь значение для исхода выборов. Самое удивительное, что в гладиаторских играх усматривали и воспитательное значение. Даже Цицерон писал: «Жестокости гладиаторские зрелища, многим они кажутся бесчеловечными, и, пожалуй, так оно и есть — по крайней мере теперь; но когда сражающиеся были приговоренные преступники, то это был лучший урок мужества против боли и смерти если не для ушей, то для глаз».

Итак, самые различные события в государственной и общественной жизни Рима имели тенденцию принимать зрелищный облик или, во всяком случае, находить то или иное отражение в стихии зрелищ. Зрелища были рассчитаны на активность зрителей и как бы собирали зрительскую толпу в единое целое, позволяя воздействовать на общественное настроение. Особенно показательна в этом отношении роль гладиаторских боев. Представленная ими существенная сторона римской культуры может рассматриваться как древняя параллель к некоторым явлениям современного «масскульта» с его техникой манипулирования.

Римское право в эпоху Республики еще не превратилось в тот грандиозный памятник римской культуры, каким оно вошло в позднейшую европейскую. Но пути его развития, характерный для него строй мысли уже определились.

Законы XII таблиц рассматривались как «исток» всего публичного и частного права. Но они содержали лишь общие нормы, регулировали типические отношения. Поэтому, несмотря на опубликование (в 304 г. до н. э.) судебного календаря и исковых формул, рядом с писаным правом сохранялась существовавшая лишь в толкованиях «сведущих людей» изустная правовая традиция, которая поддерживала и роль обычая, как старого, так и вновь складывающегося. Хранителями этой традиции долгое время оставались, несмотря на отделение сакрального права от гражданского, верховные жрецы-понтифики. И позднее разработкой права занимались виднейшие люди государства.

В древнейшем римском праве господствовал культ формальности, культ слова. Буквальная точность при произнесении «торжественных» формул, идущая еще от сакрального права, была условием всякого разбирательства. Поэтому толкование законов ставило целью привести конкретный случай в соответствие с буквой какого-нибудь из них. Юристы умели придавать этой букве значение, иногда далекое от намерений законодателя, использовать древние процедуры для новых целей. Очень важна была роль «имитирующих» процедур (вроде известной уже XII таблицам символической продажи за символическую цену), заменяющих собой реальные сделки, действия и т. п. В начале II в. юрист Секст Элий Пет Кат (консул 198 г.) опубликовал в «трехчастном» сборнике весь накопившийся до тех пор материал: законы, их толкования и формулы ведения судебных дел. Но развитие хозяйственной и общественной жизни ставило все новые вопросы, так что письменное творчество юристов (заслуживают упоминания 18 книг Муция Сцеволы о гражданском праве — рубеж II и I вв.) не избавляло от нужды в специалистах-толкователях.

Жизнь выявляла различие или даже противоречия между «правом» и «справедливостью». Рядом со строгим гражданским правом, основанным на букве законов, постановлений сената и народа, постепенно складывается (после середины II в. до н. э.) еще одна система права, идущая от эдиктов, издаваемых магистратами, облеченными судебной властью, — так называемое преторское право, которое, как считали римские юристы, «введено преторами в помощь гражданскому или для его дополнения либо исправления ради общественной пользы». Орудием преторского права было приравнивание ситуаций, не отвечавших формулировкам строгого права, к тем, которые им отвечали. Поэтому формулировки эти, не применяясь в преторском праве буквально, использовались и в нем для осмысления правовых ситуаций, что позволяло рассматривать более гибкое преторское право как «живой голос» гражданского. Характерная для римской культуры связь традиционализма и динамизма, таким образом, находит в праве специфическое выражение. Юристы-толкователи, мотивируя решения, приходят к более свободной интерпретации законов по смыслу и цели — по «справедливости». Получают распространение иски

не по букве закона, а по аналогии. Возможность различных толкований и пониманий закона предоставляет магистрату или назначенному им судье выбор решения. Современник Цицерона Сервий Сульпиций Руф составил первый краткий комментарий к преторскому эдикту. Содержание римских правовых норм было связано со структурой римской гражданской общины (основной ячейкой которой была фамилия — большая патриархальная семья) и с отношениями собственности («что чье?») в усложнявшейся социально-экономической жизни Рима. Рабству и рабовладельческому хозяйству право уделяет все больше и больше внимания. Поскольку лишь глава фамилии был юридически признанным собственником и поскольку раб находился в его полной власти, постольку вопросы, связанные с рабовладением, рассматривались правом прежде всего в контексте вопросов о компетенции, правах, интересах, обязательствах, ответственности «отца семейства».

Цицерон, будучи судебным оратором, занимался и проблемами права, в котором, как он считал, римляне превосходили все другие народы и, главное, греков. Он мечтал о превращении права в строгую науку, основанную на четких определениях, на систематизации понятий по родам и видам. Однако, хотя позднейшие римские юристы дали ряд интересных определений и на свой лад систематизировали право, общий характер его развития все-таки не был предугадан Цицероном. Оно продолжало накапливать многочисленные, часто противоречащие друг другу толкования и мнения, сквозь которые благодаря непрекращающемуся исследованию отношений пробивались основные тенденции. Римское право не было хаотичным набором казусов, но и не стало унифицированной системой.

Глава 12

ПЛЕМЕНА ЕВРОПЫ ДО РИМСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

1. КЕЛЬТЫ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В V—I вв.

Целый ряд важных перемен в социально-экономическом строе и культуре кельтских племен знаменует собой переход от раннего железного века — гальштатта — ко второй его фазе, получившей название от поселения Ла Тен у Невшательского озера в Швейцарии.

Это поселение сделалось известным в 1857 г. после некоторого понижения уровня воды в озере и начало раскапываться в 1874 г. Оно, без всякого сомнения, некогда контролировало важные торговые пути и жило за счет взимания пошлин. Здесь было найдено немалое количество оружия, которое вскоре стало рассматриваться как один из наиболее характерных признаков разных фаз латенской культуры. Само это название со временем сделалось вполне традиционным для обозначения периода V—I вв. для территории континентальных кельтских областей и несколько более позднего времени — для кельтов Британии и Ирландии, хотя материал поселения Ла Тен и не охватывает столь обширной эпохи.

Уже в прошлом веке был предложен ряд принципов периодизации латена. Признанная в настоящее время периодизация, построенная на синтезе различных концепций, выглядит так: фаза 1а (450—400 гг.), 1б (400—300 гг.), 1с (300—250 гг.), 2а (250—150 гг.), 2б (150—75 гг.), 3 (75 г.— начало новой эры). Эта периодизация принята для западных территорий кельтского мира, но, как всякая схема, она не может

отразить всей совокупности местных вариантов развития культуры и общества (подробнее об этом см. ниже).

Центральноевропейские культуры латенского времени рассматриваются в свете несколько иной хронологии: первый период (до 400 г.) — своего рода подготовительная стадия формирования культуры, 400—250 гг. — период кельтской экспансии, 250—125 гг. — время экономического расцвета и складывания традиционных социальных отношений и, наконец, 125—50 гг. — период наивысшего развития кельтских укреплённых поселений — оппидумов и экономических контактов между ними. Последние пятьдесят лет до новой эры характеризуются, по мнению исследователей, упадком оппидумов и разрушением экономического уклада общества под давлением германских племён.

Периодизация латенской эпохи в любом из её вариантов строится на анализе художественных особенностей памятников и на эволюции прежде всего таких предметов, как вооружение, украшения и керамика.

Сам по себе рубеж между гальштаттским и латенским периодами, не совпадающий в разных регионах кельтского мира, везде достаточно отчетлив: от господствовавшего дотоле геометрического стиля наблюдается переход к совершенно иному, как бы вдруг открывшемуся для восприятия самых разнообразных средиземноморских мотивов и претворившему их (пальметки и пр.) в изысканные комбинации волнообразных линий и сложных сочетаний, покрывавших как предметы роскоши, так и обиходные вещи. Постепенно менялся и сам облик предметов.

В кельтском вооружении латенского времени (прежде всего мечи, кинжалы и наконечники копий) прослеживается четкая эволюция, ранние фазы которой унаследованы от гальштаттского времени. Размер наиболее ранних латенских мечей не превышает 40—50 см, их серповидная рукоять часто бывает украшена выразительнейшими гротескными масками, мотивы которых заимствованы из средиземноморского репертуара. Ножны, делавшиеся из бронзы или железа, оканчивались шарообразным или полукруглым украшением. Наиболее древние мечи, наследники гальштаттского времени, имеют прорезные миндалевидные окончания. Впоследствии мечи становятся длиннее — до 80 см. Ножны начинают украшаться заимствованным также на юге, но доведенным кельтами до высокой степени совершенства S-образным орнаментом. Этот стиль иногда характеризуется как стиль «красивых мечей». Наиболее поздние мечи еще более удлинняются, их ножны часто получают деревянную обкладку, а оконечность самого меча становится не заостренной, а полукруглой. В связи с удлинением мечей, предназначенных для иного типа боя, вновь возрождается кинжал, причем его антропоморфная рукоять напоминает мечи более раннего времени.

Диодор Сицилийский сообщает нам, что кельты очень любили украшения (V, 27), и его сведения находят массу подтверждений в кельтской литературе Ирландии. Среди украшений наиболее любовью пользовались фибулы и торквесы (гривны). Фибулы являлись в кельтском мире массовой продукцией, изменение стиля которой дает надежные хронологические точки отсчета.

Как и оружие, фибулы в своей эволюции продолжают развитие, начавшееся в гальштаттский период. Непосредственным прототипом латенских украшений являются фибулы с сильно изогнутой дужкой, удлиненной ножкой и многовитковой пружиной. Фибулы раннелатенского стиля весьма разнообразны и неоднородны стилистически. В их украшении начинают искусно воплощаться зооморфные и антропоморфные мотивы, иногда применяются украшения из коралловых бусин. Затем тип фибул несколько меняется: дужка их становится менее изогнутой, количество витков на пружине уменьшается, а на оконечности дужки часто помещается изукрашенный диск. Фибулы этого типа переходят во второй пе-

риод латена, и здесь их дужка часто утолщается посередине и украшается геометрическим узором. Такие фибулы приобрели общекельтский характер и встречаются на огромных территориях от Богемии до запада Франции. Постепенно фибулы приобретают все более функциональные формы и начиная с III в. до н. э. часто изготавливаются просто из куска бронзовой проволоки, хотя во все времена встречаются железные и серебряные экземпляры.

Торквес был чрезвычайно популярным украшением кельтов и также предоставляет исследователям много хорошо датированных вариаций. В отличие от фибул торквесы были мало распространены в Европе гальштатского времени, и их массовое производство падает именно на латенский период. Их находят почти исключительно в женских погребениях, хотя на многих изображениях, как кельтских так и античных, мы видим украшенных ими мужчин. Торквес нес на себе следы не вполне ясной нам религиозной символики. Его нередко приносили в дар божеству, а с некоторыми богами он прямо ассоциировался как непременный их атрибут.

Наиболее ранние гривны имеют очень простые формы и сделаны из изогнутой бронзовой трубки или цельного куска бронзы. Наконечники их невелики сравнительно с более поздними образцами. Редко встречаются очень красивые гривны, украшенные ложным двойным плетением. Чем дальше, тем украшение становится все более сложным, включает рельефный орнамент и даже антропоморфные и зооморфные мотивы.

Среднелатенский период характеризуется торквесами гладкими или витыми, с массивными печатевидными наконечниками, скреплявшимися Т-образными застегками. От этого же времени до нас дошло несколько драгоценных золотых гривн очень тонкой работы. С ними сосуществуют самые простые экземпляры с полыми наконечниками, которые выходили из крупных ремесленных центров северо-востока Франции. Позднейшие гривны становятся все более массивными.

Итак, начало V в. до н. э., время, когда кельты попадают в поле зрения античной исторической традиции, совпадает со значительными сдвигами в их культуре. Без всякого сомнения, параллельно происходили и серьезные перемены в общественном укладе этих племен. Их более или менее непосредственным итогом явились обширные миграции кельтов, затронувшие итальянские и, несколько позже, греческие центры культуры античности. Военное давление кельтов на эти области было многократно исторически зафиксировано и может быть оценено достаточно объективно. Между тем экспансия кельтов в южном направлении была лишь частью обширного процесса, приведшего к проникновению латенской культуры на большую часть запада Европы. Понять лежащие в основе этого процесса факторы можно, опираясь лишь на данные археологии. Та или иная интерпретация археологических источников в большей степени зависит от того, какое соотношение видится между миграцией предметов (и некоторых характеризующих культуру навыков вообще) и миграцией более или менее значительных масс населения. Причем имеется в виду не проникновение на значительные расстояния отдельных редких вещей средиземноморского или местного производства (которыми могли обмениваться представители аристократии в гальштатское время), а сравнительно массовое распространение целых культурных комплексов.

Вопрос об упомянутом соотношении до сих пор не решен однозначно. Ряд ученых полагают, что распространение художественных стилей, таких, как вальдальгесхеймский (возникший вслед за так называемым «ранним стилем» прирейнской области), возможно лишь при условии движения ремесленников вместе с большими группами населения. Однако намечается и более дифференцированный подход к проблеме, решение которой осложняется малой исследованностью ремесленных мастерских

латенского времени, вызванной неразработанностью раскопок поселений сравнительно с могильниками. Ученые выделили ряд групп предметов, отражающих различные аспекты ремесленной деятельности позднего железного века. Выяснилось, к примеру, что большинство орнаментированных мечей (и их ножен), несмотря на черты близкого сходства, изготовлялись в достаточно узких локальных границах либо в ограниченном количестве мастерских, либо несколькими переходящими из одного поселения в другое мастерами высокого класса. То же можно сказать и о знаменитых украшенных зеркалах юго-запада Британии. Это не мешало отдельным экземплярам совершать длительные путешествия и оказывать влияние на местное производство. Другие предметы, в частности те же фибулы и некоторые виды керамики, могли изготавливаться специально на экспорт, иногда в очень отдаленные районы. Такое положение не является типичным только для железного века — оно характерно и для эпохи бронзы.

Основной вывод из сказанного заключается в том, что каждый вариант местного производства необходимо изучать комплексно, учитывая не только стилистические особенности находок и их художественные характеристики, но и механизм ремесленного производства в целом. Такой подход позволяет точнее оценить ход проникновения латенской культуры в различные районы. Особенно показательна в этом смысле периферия кельтского мира. Население Арморики (Бретани) (известные античным авторам племена осисмиев, венетов и др.) ставит перед историками и археологами немало проблем, касающихся прежде всего его происхождения. Хотя полуостров относительно беден памятниками раннего железного века и более древних культур, все же можно заключить, что общественные отношения и культура развивались здесь достаточно преемственно вплоть до латенской эпохи. В то же время, как и везде, признаки этой культуры появляются и на этом крайнем западе Европы, постепенно наслаиваясь на местные традиции и переплетаясь с ними. Раньше в этом видели следствие миграций кельтских племен «новой волны», постепенно подчинивших себе местное население. Сейчас этот процесс представляется гораздо более сложным. Отдельные предметы типично латенского облика могли проникать в Арморикку самыми различными путями. Латенская орнаментация каменных стел могла появиться и как итог проникновения очень небольших групп людей, и как подражание отдельным металлургическим предметам. Возможно, имели место и передвижения ремесленников. Недавние исследования показали, что изменения художественного стиля в упомянутом районе можно связать с четко прослеживаемой картиной каких-то социальных потрясений, падающих на рубеж IV и III вв. до н. э. (покинутые или разрушенные поселения и пр.). Что произошло в точности, пока неясно, но, скорее всего, именно тогда в Арморикку могли проникнуть более или менее крупные отряды пришельцев, политически и культурно подчинившие себе местных жителей. Это предположение, конечно, не исключает возможности и более ранних крупных миграций, ибо нам известны примеры, когда подобные переселения почти не оставляли археологически достоверных следов (историческое переселение кельтов из Британии в Арморикку в V—VI вв. н. э.).

Косвенное подтверждение указанной выше датировки можно найти на юго-западе Франции, где в V в. до н. э. мы тоже обнаруживаем первые следы латенского стиля. Тем не менее здесь вопрос о сколько-нибудь заметных перемещениях населения, как кажется, не стоит, ибо большинство памятников раннего латена подвергаются на территории Аквитании и Лангедока явному и доминирующему влиянию местных художественных традиций. Все говорит в пользу устойчивости достаточно долго развивавшейся тут социальной и культурной среды.

Влияние латена сталкивается и переплетается на этих землях с ан-

тичными, иберийскими и другими традициями. Напротив, с начала III в. до н. э. ситуация меняется — перед нами очевидные следы вторжения на юго-запад Европы довольно крупных контингентов пришельцев (разрушенные и оставленные поселения, новые структурные явления в экономике и культуре). Иными словами, распространение латенской культуры далеко не непосредственно связано с движениями этнических групп, и, кроме того, оно сильно зависело от той среды, которую встречало на своем пути.

В чем же был первоначальный импульс тех миграций, которые в разное время и с разной интенсивностью захватили огромные территории Европы? Ряд ученых связывают вторжение кельтов на арену истории с формированием кельтского этноса как такового. Однако культурная преемственность между гальштаттской и латенской эпохами в центрально-европейской зоне противоречит такому утверждению. Скорее нужно говорить о дезинтеграции прежде существовавшего уклада жизни кельтских племен, вызвавшей серьезные последствия. Причины своеобразного нарушения равновесия в кельтской среде большая часть исследователей видят в быстро достигаемой перенаселенности отдельных районов в условиях относительно малопродуктивной экономики. Значительную роль в этом процессе могли сыграть и возросшие социальные противоречия внутри кельтского общества. Какое бы объяснение ни принять, вряд ли можно свести все миграции к одному типу. Можно думать, что в среде этих племен были известны традиции, подобные «священной весне», однако наряду с ними имели место более или менее дальние завоевательные походы, переселения целых народов (подобные исходу гельветов накануне галльских войн Цезаря), а также ежесезонные перекочевки скота, иногда на довольно большие расстояния.

Предположительное начало кельтских миграций падает на первую четверть V в. до н. э. Однако для этого времени свидетельства археологии невозможно подтвердить историческими источниками и соответственно получить сколько-нибудь точную картину происшедшего. Тит Ливий относит начало проникновения кельтов в Северную Италию ко времени около 600 г. до н. э. Такую раннюю дату пытались объяснить различными способами, каждый из которых малоубедителен. Большого внимания заслуживает описание причин, которыми римский историк объясняет решение кельтского вождя Амбигата послать своих племянников Белловеза и Сеговеза на поиски новых земель: перенаселенность и неспокойствие людей. Тит Ливий указывает два пути кельтских отрядов — на восток, в направлении Герцинского леса, и в сторону Италии. Эти сведения очень похожи на истину, хотя должны прилагаться к более позднему времени.

V век до н. э. является временем процветания этрусской сухопутной торговли, и археологический материал не дает никаких свидетельств о проникновении в Северную Италию крупных вооруженных отрядов. Ряд предметов заальпийского происхождения, найденных в этруских комплексах, говорит скорее о неодностороннем процессе обмена ремесленными изделиями. Единственный район Италии, где можно предполагать для этого времени присутствие кельтского населения, — территория между Лаго Маджоре и современным Бергамо, соответствующая культуре Голасекка, связи которой с заальпийской областью особенно тесны. И все же, хотя и значительно позже, именно Этрурия стала первой целью набегов кельтских воинов. Ее богатства были достаточно хорошо известны кельтам, о чем сохранили воспоминания тот же Тит Ливий (V, 33) и Плутарх (Камилл, XV, 2).

Начало массового вторжения кельтов в Италию падает на первые годы IV в. до н. э. Согласно традиции, основу военных отрядов составило племя сенонов, но в любом случае основные группы кельтов двигались

из Восточной Франции, Южной Германии и части Швейцарии. Главными событиями, связанными с нашествием кельтов, были осада Клузия, битва при реке Алии, где, по свидетельству древних авторов, римляне испытали какой-то панический ужас, внушенный видом обнаженных воинов и дикими звуками их рогов, и, наконец, взятие самого Рима около 385 г. до н. э. Несмотря на последующее отступление из Центральной Италии, кельтское нашествие не осталось без последствий.

В начале IV в. до н. э. сеноны обосновались на адриатическом побережье Италии, заняв полосу территории около 60 км в глубину и 100 км протяженности между современными городами Пецаро и Мадерата. Этот район имел немалое значение, ибо контролировал проходы в долину Тибра, а также позволял постоянно угрожать городам Апулии и Кампании. Отдельные отряды кельтов проникали отсюда далеко на юг, и именно в это время кельтские наемники оплачивались Дионисием Сиракузским, который отправлял их отряды в Грецию в поддержку Спарты, соперничавшей с Фивами.

С описанного времени контакты между предальпийской и заальпийской областями становятся гораздо более значительными и регулярными, чем прежде. Влияние средиземноморского культурного комплекса чувствуется в исконно кельтских областях все заметнее. В самой же предальпийской области развивается кельтская культура, богатство и изысканность которой не знают себе равных. Некрополи сенонов в Монтефортино и Филотрано дали нам прекрасные серебряные и бронзовые сосуды, украшения из бронзы и драгоценных металлов, стекло, греческую и этрусскую керамику, которые соседствуют с типично кельтскими торквесами и оружием.

Именно здесь впервые зарождается художественный стиль, который через посредство торговли и возвращающихся за Альпы воинов быстро распространяется на этих территориях и сильно влияет на местное культурное развитие. Происшедшие перемены особенно заметны в сильно заселенной по тем временам долине р. Марны. Там были раскопаны многочисленные погребения, резко отличающиеся от характерных для гальштаттского времени (хотя мы и отмечаем значение комплекса в Жогасс, по отношению к которому марнская культура демонстрирует преемственность). Покойника хоронили не на прежней четырехколесной, а на двухколесной боевой колеснице (гальштаттские повозки имели чисто ритуальное назначение), причем в могилу вместе с обычными мечом и копьем нередко клали богато украшенный шлем. Подобные захоронения стали появляться не только в районе Марны: богатое погребение из Вальдальгесхайма на Рейне (во многих работах это имя присваивается всему художественному стилю эпохи) также содержало двухколесную колесницу, богатые золотые украшения нового стиля и итальянскую бронзу, часто встречаемую в некрополях сенонов. Около Зальцбурга в Австрии тоже раскопано известное погребение подобного типа.

С течением времени становится заметным продвижение этих новых явлений на восток, что соответствует в данном случае не менее мощному продвижению человеческих масс, чем то, которое повлекло за собой вторжение в Италию. Как уже было сказано, это вполне соответствует традиции, сохраненной Титом Ливием. Особенно интенсивным продвижение кельтов на восток сделалось в середине и во второй половине IV в. до н. э., и пло оно главным образом по левому берегу Дуная. В 335 г. именно на этой реке Александр Македонский и встретил кельтов. Последующее движение привело их в глубь самой Греции.

Рубеж IV—III вв. является, по-видимому, периодом наибольшего масштаба кельтской экспансии. В начале III в. власть кельтов в Северной Италии впервые начинает колебаться. В 283 г. римлянам удалось захватить стратегически важную территорию сенонов, вследствие чего

возможности военных набегов кельтов резко сократились, а соответственно сократился и приток свежих отрядов из-за Альп. Это обстоятельство обусловило усиление экспансии на восток и, возможно, на запад (см. выше). Тем не менее кульминационный момент кельтских миграций остается позади и впредь территория кельтского мира только сокращается.

Кельтское общество периода экспансии мало чем напоминает предшествующую эпоху. Первая бросающаяся в глаза ее черта — своеобразная нивелировка социальных слоев. В это время сильно укрепленные поселения знати гальштаттского времени почти повсеместно прекращают свое существование и жизнь сосредоточивается в сравнительно небольших поселениях, которые к настоящему моменту изучены во многих странах. Крупные могильники (типа марйских) являются в эту эпоху исключением, зато их количество в издавна заселенных зонах существенно увеличивается. Статистика позволяет установить, что мужское население каждого поколения вряд ли превышало в соответствующих этим могильникам поселения 10—15 человек. Такие объединения составляли, по-видимому, основную единицу кельтского общества среднелатенского времени.

Сами погребения мужчин гораздо менее резко различаются между собой, чем раньше, хотя и тут можно встретить погребения, отчетливо выделяющиеся размерами, устройством или инвентарем. Тем не менее количественно преобладают относительно небогатые погребения мужчин со стандартным набором оружия. Женские погребения больше варьируются.

Для этого времени лучше, чем для предшествующей эпохи, изучены сельские поселения. По основному типу они мало отличаются от более древних. Здесь находят обычно около пяти больших домов: меньшего размера полуземлянки и более значительные сооружения, ставившиеся на уровне земли при помощи каркаса из мощных столбов. Внутри каждого из этих домов (чаще всего прямоугольной формы — круглые встречаются большей частью в Британии) существовала яма для хранения припасов. У нас практически нет никаких данных для установления степени социальной дифференциации общества на материале поселений. Независимо от следов той или иной ремесленной деятельности основной хозяйства по материалам раскопок выступают земледелие и скотоводство.

В целом на основании археологических данных кельтское общество того времени можно представить себе как конгломерат небольших хозяйственных и одновременно военных единиц, возглавлявшихся вождями, которые часто были ненамного богаче своих соплеменников. Именно из подобного слоя формировались военные отряды, о которых говорилось выше.

Со второй половины III в. до н. э. наступает новый период в истории кельтского общества. Постепенно гибнут или вытесняются обратно в заальпийскую область племенные образования в Северной Италии. Так, в 191 г. часть племени бойев покидает места своего обитания и, пересекая Альпы, возвращается к исконным территориям. Римляне постепенно все более активно вмешиваются в дела лежащих за рекой По земель, а основание Аквилеи позволяет им контролировать янтарный путь. Затем римляне добиваются успехов в Испании, что позволяет им контролировать все западное побережье Средиземного моря и основать в Южной Галлии Нарбонскую провинцию (125 г.). Попытавшиеся оказать сопротивление племени арвернов и аллобругов вынуждены были смириться с совершившимся. Итогом действий римлян было установление их полного контроля над важнейшим торговым путем по р. Роне от современной Женевы до побережья.

Продвижение римлян с юга было не единственной опасностью, грозившей независимым кельтским племенам. С севера им пришлось выдерживать напор германцев. Около 120 г. германское племя кимвров, продви-

гаясь на юг, столкнулось с одним из крупнейших кельтских племен — бойями. Бойи смогли устоять в районе западнее современной Чехии. Кимвры начали продвигаться по Дунаю и в 113 г. разбили римское войско у Норей. Не вполне понятно, каким образом через несколько лет кимвры появляются уже на границах Галлии. Здесь они соединяются с целым рядом племен германского или кельтского происхождения: тевтонами, амбронами, тигуринами и вольсками. Одержав в 109 г. победу над кельтским племенем секванов, кимвры продвигаются до самой Аквитании, и теперь уже приходит очередь самих римлян опасаться прямого вторжения. Их попытки противостоять кимврам военную силу обернулись поражениями 107 и 105 гг. Лишь в 102 г. римский полководец Марий разбил тевтонов у Акв Секстиевых, а через год римляне победили кимвров в Северной Италии у города Верцеллы.

Какое значение имели для кельтов вторжения тевтонов и кимвров? Многие ученые связывают с ними те перемены, которые характерны для кельтской цивилизации последней поры независимости. Речь идет прежде всего о Галлии, ибо положение в ней подробно освещено Цезарем, но тот же вопрос встает в отношении Южной Германии, Богемии, части Моравии. Коротко эти перемены можно определить как наступление эпохи опсидумов. По отношению к кельтским укрепленным поселениям мы употребляем это слово вслед за Цезарем, который мог применить его равно к кельтским поселениям и к Александрии в Египте. Кельты имели собственное слово *dunum*, которое оставило множество следов в топонимике.

Поскольку, как уже сказано, с конца гальштаттской эпохи укрепленные поселения знати постепенно исчезают, уступая место иным центрам, было бы на первый взгляд логично предположить, что возникновение достаточно большого числа опсидумов в исторически короткий срок должно было быть связано с какой-то внешней опасностью. В данном случае ею могло быть только вторжение кимвров и тевтонов. При этом надо, однако, помнить, что содержащиеся в римских источниках сведения об огромной численности германских отрядов и соответственно о масштабе представляемой ими угрозы несколько преувеличены. Во всяком случае, археологические данные на сегодняшний день не дают возможности зарегистрировать передвижения таких огромных масс людей с вытекающими отсюда последствиями. Некоторые исследователи говорят о каких-то внутренних неурядицах в кельтском обществе, помимо внешней опасности.

Долгое время на мнение ученых влияла относительная бедность даже самых известных и крупных опсидумов. Кроме того, их почти всегда немалый размер (в среднем 100 га, но иногда несколько сотен и даже более тысячи га), несравненно больший, чем площадь любого из гальштаттских укрепленных поселений, наводил на мысль, что это были не места постоянного обитания, а скорее убежища на случай непредвиденной угрозы жителям сравнительно обширной округи.

Более углубленные исследования позволили полнее представить не только оборонительное, но и хозяйственное значение опсидумов конца II — начала I в. Одним из важнейших элементов каждого опсидума была его оборонительная система. До настоящего времени известны два ее типа. Один, описанный Цезарем, представлял собой так называемую галльскую стену. При ее возведении строилась продольно-поперечная деревянная арматура, которая затем наполнялась землей и камнями. Такую систему укреплений мы находим в знаменитой Бибракте. Другой способ, более древний и известный уже в гальштаттское время, предусматривал строительство системы вертикальных опор, выступавших с внешней стороны стены, и ряда поперечных балок, как бы пронзающих то же самое заполнение из камня. Так были возведены укрепления упомянутого Гейнебурга, но также и многих, особенно центральноевропей-

ских, оппидумов латенского времени. Вход в оппидумы, особенно в северной кельтской зоне (включая Британию), часто делался клещеобразной формы, что позволяло поражать с флангов наступающего противника.

Внутри оппидумы, как правило, делились на несколько зон, причем значительная площадь оставалась просто свободной и могла служить для загонов скота или местом сбора войск и окрестного населения. Характер использования остальной территории, вероятно типичный для многих оппидумов, хорошо виден на примере центрального поселения племени эдуев — Бибракты. Кроме места, отведенного для святилища, здесь найден район жилищ знати, расположенный в наиболее удобной и хорошо защищенной части оппидума, а также кварталы, занятые ремесленниками. Ремесленное производство было одним из важнейших источников богатства и процветания оппидумов. В подавляющем большинстве из них мы прослеживаем остатки самой разнообразной и сильно специализированной деятельности кельтских мастеров. В конце латенской эпохи производится значительно меньше, чем в гальштаттское время, уникальных вещей, ориентированных на узкую прослойку общества, но зато сильно повышается массовость и среднее качество выпускаемой продукции. Кельты славятся в эту эпоху металлическими изделиями, производством бочек, изобретателями которых они являлись, изготовлением различных сельскохозяйственных орудий, прекрасными эмалями. Поражает количество и качество орудий труда ремесленников, найденных в оппидумах от Галлии до Богемии и Моравии. Художественный стиль этой эпохи, сохраняя чисто кельтское своеобразие, все больше ориентируется на средиземноморскую продукцию. Некоторое «усреднение» ремесленного производства могло быть связано с упадком прежде могущественного и активного слоя военной аристократии.

Так или иначе, могущество оппидумов в значительной мере опиралось на сосредоточенную за его стенами хозяйственную деятельность. В данном случае мы не говорим о некоторых оппидумах, чьи укрепления возводились явно наспех ввиду грозящей опасности. Упадок военной активности племен и повышение роли экономического фактора в их жизни повлекли за собой возвышение тех из них, которые занимали в этом смысле наиболее выгодное положение. Так обстояло дело с одним из самых могущественных племен Галлии — арвернами. Далеко еще не все понятно сейчас в системе экономических связей между племенами, но очевидно, что экономическая система больших регионов кельтского мира стала в последние времена независимости гораздо более сложной и разветвленной, что само по себе требовало защиты и укрепления ее «нервных узлов». Эту роль и выполняли оппидумы. Многие из них — Герговия, Бибракта, Алезия, Аварик и другие в Галлии, а на другом конце кельтского мира Завист, Страдонице и им подобные в Богемии — временами сосредоточивали за своими стенами большие материальные ценности.

Переориентация деятельности племен позднего латена отражается и на изменениях социальной структуры внутри племени. В основных своих чертах она достаточно понятна. Однако спорным является вопрос о том, как повлияло на развитие кельтского общества его столкновение с пными этническими группами, проживавшими на позднее занятых кельтами землях. Ряд исследователей считают этот фактор чуть ли не определяющим. Это как раз те самые ученые, которые крайне критически относятся к материалу по ранней кельтской истории и не желают признать факт существования кельтов за чертой исторически засвидетельствованного их появления. Такая позиция приводит к отрицанию кельтского характера гальштаттского общества. Представления о слишком позднем формировании кельтского этнокультурного слоя связаны с постановкой в неверной плоскости вопроса о его соотношении с носителями предшествующих культур. В действительности, как мы видели, форми-

рование кельтов — долгий и сложный процесс, приведший к этническому и культурному синтезу, а не к механическому противопоставлению чуждых слоев населения. На определенном этапе этническая противоположность могла играть роль в социальном плане, но отождествлять эти два аспекта было бы неверно. Бесспорно, некельтское население даже в позднее время сохраняло известную обособленность, но взаимоотношения между ним и кельтами были гораздо более устоявшимися, сложными, чем это предполагают сторонники указанных взглядов. Именно поэтому и проследить эти отношения достаточно трудно.

Выше было показано, какие основные черты развития кельтского общества можно наметить на основании археологических источников. Письменные памятники позволяют дополнить их данные. Нет сомнения, что у кельтов существовало тройственное членение общества на жреческую касту (друиды), аристократию и народ. С течением времени эта структура претерпела в разных районах кельтского мира изменения и воплотилась в неодинаковых политических системах.

Как можно заключить из текстов древних авторов (Тит Ливий, Страбон, Полибий), королевская власть была некогда обычным явлением у западных кельтов, но к концу эпохи их независимости сохранилась лишь в отдельных местах (в Аквитании, на юго-западе и у сенонов), уступив место олигархическим формам правления. Сведения об отдельных представителях королевских родов Галлии, например о Битуиге, сыне Луерна, позволяют представить себе предпринимчивых военных вождей, пользующихся значительной властью над соплеменниками. Цезарь совершенно определенно говорит о замене королевской власти правлением олигархии, но не называет причин этой перемены.

В поисках этих причин делались попытки на широком историческом фоне кельтского мира провести соответствующие сравнения. Из сопоставления социального строя различных кельтских областей ясно, что такая эволюция происходила не везде. К примеру, в кельтской Ирландии, сравнительно хорошо документированной средневековыми, но архаическими источниками, королевская власть оставалась неколебимой на протяжении долгих веков, несмотря на наличие могущественной аристократической прослойки. То же явление мы наблюдаем и у галатов Малой Азии, кельтских племен среднего и нижнего течения Дуная, а также спорадически и в ряде районов Запада. Попытки сосредоточить внимание на чисто внутриполитических аспектах этого явления, по всей видимости, обречены на неудачу. Необходимо взглянуть на явления исторической стабильности или смены форм правления на фоне более общих процессов. В этом случае станет понятно, что те или иные формы политической и социальной организации могли сохраняться или меняться в силу совершенно разных причин. Дело в том, что в одну и ту же историческую эпоху у разных кельтских племен и их союзов могли сосуществовать стадийно разные формы правления, что объяснялось той или иной мерой их включения в более общие процессы и внутренним динамизмом развития.

Так, если мы возьмем ирландские институты, то при внимательном взгляде будет понятно, что сопоставление существовавших там структур королевской власти с континентальными реалиями конца второго периода латенской эпохи неправомерно. Часто приходится сталкиваться с необходимостью оправдания самого факта использования ирландских источников для сравнений с Галлией последнего века до новой эры. Между тем, несомненно, что они отражают тот этап развития, который соответствует не королевской власти латенского времени, а правлению крупных вождей галыштатта, т. е. гораздо более архаический. Дело в том, что ирландская социальная практика, мало затронутая происходившими на континенте в конце галыштатта и в эпоху миграций переменами, сохра-

нила, несмотря на, несомненно, происходившее развитие, основу древних социальных институтов. Королевская власть латенского времени выросла из эпохи военных походов и именно поэтому носила гораздо менее ритуализированный и архаический характер, чем ирландская.

Королевская власть позднего латена могла сохраняться либо в тех районах (Дунай), где характер жизни племен менялся мало и военный строй общества сохранялся, либо там (Аквитания), куда в меньшей мере проникали изменения, затронувшие кельтскую экономику и общество этого времени. Именно они, как можно полагать, определили падение королевской власти в большинстве районов Галлии и бесплодность попыток ее реставрации. Главным здесь было то, что военная прослойка общества постепенно уступала свое влияние той его группе, которая смогла подчинить своему влиянию основные ресурсы экономической деятельности. Опираясь на них, этот слой, будущая олигархия времен Цезаря, подчиняет себе все большие массы населения, которые образуют многочисленное сословие клиентов, подробно описанное Цезарем и (в ином социальном контексте) древнеирландскими законами. Таким образом, становится понятно, что оппидумы латенского времени не имеют ничего общего с укрепленными поселениями знати галльштаттской эпохи. Они являются опорой иного социального слоя общества и средоточием совершенно другой, не придворной, а массовой и ориентированной на широкий сбыт хозяйственной деятельности. Такой характер большинства кельтских оппидумов, их открытость множеству влияний в значительной мере объясняют их последующую судьбу в римское время, в частности относительно быструю романизацию.

Указанные общественно-экономические перемены сказались не только на внутренней структуре племени, но и на взаимоотношениях между племенами. К моменту прихода Цезаря в Галлию ее территория была поделена между многочисленными племенами, вступавшими друг с другом в достаточно сложные и изменчивые отношения взаимоподчинения. Страбон свидетельствует, что на алтаре в Лугдуне уже в римское время были написаны названия 60 галльских племен. Правда, следует отметить, что положение, которое сложилось в Галлии в последний период эпохи независимости, не может полностью характеризовать сколько-нибудь отдаленное прошлое. Расселение племен в это время отражало многие перемены, вызванные все возрастающим нажимом германцев, переселением некоторых племен из-за Рейна и частично из Центральной Европы.

Структура взаимоотношений племен может быть опять же хорошо проиллюстрирована ирландскими источниками. И здесь племя являлось основной политической и экономической единицей общества. В отношениях между племенами существовала отчетливо выраженная иерархичность, в соответствии с которой правитель племени мог носить титул от короля до верховного правителя острова. Административная власть главы более крупного, чем племя, объединения была относительно невелика — отношения взаимоподчинения выражались главным образом в платеже дани и предоставлении воинских контингентов. Слабое развитие собственно государственности обусловило отсутствие какого-либо взаимопроникновения административной структуры племен. Внешнее выражение взаимозависимости заключалось в процедуре обмена заложниками. Каждое племя имело свои очень точно определенные границы, часто чем-либо конкретно обозначенные.

Отношения подчинения между племенами строились почти исключительно на основе силы, хотя свою роль могли играть и этнические различия. Нет сомнения, что приблизительно так же обстояло дело и в Галлии в определенную пору ее независимости, однако не в позднелатенское время. Гораздо более интенсивное сравнительно с другими областями развитие Галлии выдвинуло уже во II в. до н. э. на первый план

не столько военные, сколько экономические причины возвышения племен и образования различных союзов. Прекрасным примером этого может служить племя арвернов, чье положение исключительно упрочилось в это время, поскольку оно контролировало последний отрезок торгового пути, по которому к южному побережью Галлии двигалось британское олово. В попытках возвышения эдуев или секванов, описанных в античных источниках, мы можем различить те же подспудные причины. Таким образом, новые явления, отмечаемые в эпоху позднего латена, вызвали изменения не только на внутрисоюзном, но и на межплеменном уровне.

Нередко можно встретить утверждения, что галльское общество последнего периода независимости нельзя отождествлять с его более ранними этапами, ибо в это время оно якобы пережило свой апогей и клонилось к упадку. Это справедливо только в том смысле, что военная активность и экспансионистский динамизм кельтов действительно были в прошлом. Между тем, как мы видели, прогрессивное развитие шло, и оно подводило кельтское общество к новым этапам его истории, ход которой был круто изменен римским завоеванием.

Судьбы Галлии и западнокельтских народов в целом коренным образом изменило римское завоевание, связанное с именем Гая Юлия Цезаря, консула 59 г. до н. э. и затем проконсула южногалльской Нарбонской провинции. Успех вторжения римлян был в значительной степени предопределен отсутствием единства среди галльских племен, многие из которых (эдуи, секваны) по политическим, экономическим и военным причинам искали поддержки Рима.

Поводом для вторжения явилось давно вынашиваемое и осуществленное в 58 г. намерение племени гелльветов в полном составе покинуть свои территории у истоков Роны и переселиться к берегам Атлантического океана. Причиной этого было все усиливающееся давление на них германского племени свевов, которое уже не раз понуждало их к миграции. Вмешательство Рима объяснялось как опасностью пропуска через недавно замиренные северные районы Нарбонской провинции огромной вооруженной массы (ок. 400 тыс. человек), так и нежеланием допускать германцев до территорий, откуда они смогли бы непосредственно угрожать североиталийским местностям.

После ряда столкновений Цезарь одержал окончательную победу над гелльветами при Бибракте. Дальнейший ход событий определился непосредственным столкновением Цезаря со шведским вождом Ариовистом, к которому склоняли его племена эдуев и их союзников, страшившиеся усиления стоваривавшихся с германцами племен, тяготеющих к аллоброгам — соперникам эдуев. На территории современного Эльзаса Цезарь одержал победу над свевами и сумел оттеснить их за Рейн. В 57 г. Цезарь подчиняет племена белгов на севере и северо-западе Галлии, а затем и территорию Аквитании. В 55 г. он проводит успешные боевые действия против германских племен танктеров и узипетов, которых, перейдя Рейн, оттесняет в глубь территорий германцев. В этом же году римские войска пересекают пролив между Галлией и Британией и высаживаются на острове. Победа над белгами и вторичный поход за Рейн (53 г.) привели, по всей видимости, к окончательному покорению Галлии. Однако в 52 г. вспыхнуло мощное восстание кельтских племен, во главе которых стоял предприимчивый и смелый Верценгеториг. Цезарь одержал победы над галльскими войсками у Аварики, неудачно осаждал Герговию, но в конце концов одержал решающую победу во время осады оппидума Алезия. Эта победа подвела черту под долголетними галльскими войнами, положившими конец независимому существованию племен заальпийских территорий. С установлением политического и культурного господства Рима начинается эпоха романизации.

2. КЕЛЬТЫ, ИЛЛИРИЙСКИЕ И ФРАКИЙСКИЕ ПЛЕМЕНА НА ДУНАЕ В V—I ВВ.

Большие этнические перемены произошли в истории Европы в V в. до н. э. Кельты стали известны греко-римскому миру, огустно и пройдя почти через все земли тогдашней Европы. Культура кельтов распространилась в области северо-восточной Франции, на Британских островах, в северной Италии, Испании, ФРГ, Западной Австрии, Чехословакии, частично Венгрии, Румынии, Болгарии. Отдельные отряды кельтов поселились в III в. до н. э. в Малой Азии, в районе современной Анкары, где они создали собственное государство — Галатию. И хотя кельты не создали в завоеванных землях единой политической организации, а разделились на множество племен, в области языка, в религиозных представлениях кельтов, в их материальной культуре образовалось единство, заставляющее говорить о кельтском наследии в Европе и о кельтском влиянии на тогдашние племена и народы. Отдельные области Европы подверглись сильной кельтизации. В других образовались смешанные кельто-иллирийские племена, в некоторых областях племена остались жить при кельтах на своих прежних землях. Кельтская культура распространилась на тех землях, которые были заняты народами в период раннего железного века, и во многих своих компонентах она является продолжением эпохи гальштатта.

Кельты заселили земли на Дунае, Трансильванию, долины р. Серета, северо-западные районы Балканского полуострова. На Дунае они появились около 400 г. до н. э., выслевшись из рейнских областей. Для этого времени источники не сохранили названия отдельных кельтских племен. В свидетельствах древних авторов кельты были племенем суровым и воинственным, которое «первыми после Геракла перешло недоступные и непроходимые вследствие холода хребты Альп». Движение кельтов на Дунай следовало отдельными волнами и заняло период в несколько веков. Процесс основания городов на Дунае отражает движение кельтов, следовавших течению самой реки. Это, например, Бойодурум (совр. Пассау), Виндобона (совр. Вена), Аррабона (совр. Дьёр), Лавриак (совр. Лорх), Ёвиакум (совр. Шлёген), Тутацио (близ Михельдорфа), Атобрига (между Зальцбургом и Вельсом), Габроматус (совр. Виндиш-Гарстен), Новиодунум (совр. Дрново), Сингидунум и др. В юго-восточном направлении они достигли долин больших рек — Зальцаха, Дравы, Мура, Савы, Моравы, Нишавы, Марицы.

Первое нападение кельтов последовало около 360 г. до н. э. на иллирийское племя ардиеев, обитавшее в Западной Боснии и Герцеговине. Северо-западные области Венгрии и области вокруг оз. Балатон были заселены кельтами в 380—350 гг. до н. э. Отсюда происходят самые большие и известные кельтские могильники — Шопрон, Эрд, Кошд, Соб, Салачка в долине р. Капош. Земли на территории Австрии были завоеваны ранее всего в области Зальцбурга. Кельтские памятники концентрируются в районе Дюрнберга и Зальцбурга в восточной Баварии и Нижней Австрии. Словения и Каринтия были захвачены во II в. до н. э. теврисками. Они осели в долинах верховий рек Дравы и Савы. Позднее теврисков называют римские историки, упоминающие их в областях восточнее Альп. Винделики обосновались на Верхнем Дунае.

В начале III в. до н. э. последовало вторжение кельтских племен на Балканы. В 279 г. до н. э. кельты под водительством Бренна прошли через земли Иллирии, Фракии, Македонии, Греции и долины до Дельфы, где они потерпели поражение от греков. Одна часть кельтов во главе с вождем Батанатом поселилась тогда при слиянии Савы и Дуная, а также заняла области у истоков р. Моравы. Это племя получило название скордисков. Если в III в. до н. э. культура скифов-сигиннов еще суще-

ствовала в Восточной Венгрии, то около 250 г. до н. э. она носит уже кельтский характер.

Скордиски установили свое господство в дунайских землях. Они вели длительные войны с иллирийскими и фракийскими племенами — автариаатов, трибаллов и мезов. Гегемония скордисков в дунайских землях держалась долго. Давние связи скордисков с Македонией, к царям которой они поступали на службу в качестве наемников, способствовали разложению у них общинно-родового строя. В конце III в. до н. э. скордиски начали чеканить собственную золотую и серебряную монету как имитацию греческих и македонских образцов. Эта монета была в ходу у всех племен на Саве вплоть до римского завоевания. С завоеванием Македонии Римом в 148 г. до н. э. и обращением ее в римскую провинцию началась длительная полоса войн римлян со скордисками, пока они не были окончательно побеждены в 15 г. до н. э.

Попытки кельтов обосноваться в областях Северной Италии встретили упорное сопротивление Рима. Кельты были побеждены, а в землях венетов на северо-востоке Италии была основана в 181 г. до н. э. римская колония Аквилея, ставшая важным торговым пунктом в Средиземноморье, а также центром политического и военного влияния в кельтском и иллирийском мире. Богатые залежи ископаемых в альпийских странах, в том числе золота, привели сюда римских торговцев и дельцов. Известно, что в середине II в. до н. э. тевриски отказались разрабатывать золотые россыпи вместе с римлянами. Это послужило поводом для военных конфликтов. В 129 г. до н. э. тевриски и яподы были разбиты римлянами. Это соседнее с теврисками племя занимало области Юлийских Альп, достигая полуострова Истрии на Адриатике. Главным племенным центром яподов в римское время был Метулум. Яподы были племенем смешанным, кельто-иллирийским, но язык яподов был кельтским, что обнаруживается в эпиграфическом и археологическом материале.

В I в. до н. э. в альпийских землях образовалось царство Норик, как оно именуется латинскими авторами. Иллирийское племя нориков объединило под своей властью несколько кельтских, иллирийских племен и племя венетов. Царство Норик достигло большого хозяйственного подъема. Норик чеканил собственную золотую монету. Употреблялось венетское и иллирийское алфавитное письмо. Экономические связи Рима с Нориком приобрели постоянный характер еще до обращения Норика в римскую провинцию. Здесь около 100 г. до н. э. возникло римское поселение на Магдалененберге (совр. Цольфельд), где обосновались римские торговцы, положившие начало установлению римского господства в областях севернее Альп.

В начале III в. до н. э. на землях Румынии появились кельты. Они проникли с Запада по течению р. Муреш и Сомеш и в своем движении на восток, очевидно, встретили сопротивление скифов. Кельты осели в Трансильвании, Олтении и Буковине. С проникновением кельтов в страны карпатского региона связано введение здесь гончарного круга. Памятники, относимые к кельтам в Румынии, происходят преимущественно из северо-западной Трансильвании, из верхнего течения рек Муреш и Сомеш (Айюд, Апахида, Банд, Силиваш, Медиаш, Торкла), а также из долин рек Жиу и Олт. Наиболее известен кельтский могильник в Апахиде (около совр. г. Напока-Клуж), датируемый 200 г. до н. э.; здесь были открыты оружие, керамика, украшения, а также погребения кельтов.

Какая-то часть кельтов, возможно кельтское племя бритологов, осела в III в. до н. э. на Нижнем Дунае. Здесь в древности существовали города с кельтскими названиями: Новиодунум, Алиобрих, Карродунум, Арубрий.

На юго-востоке Балкан, на территории Болгарии, кельты оказались в окружении фракийских племен. Одна группа кельтов откололась в III в. до н. э. от отрядов кельтского вождя Бренна и основала свою державу со столицей в Тиле в 279 г. до н. э. В 218 г. до н. э. Тила прекратила свое существование. Ее население постепенно смешалось с фракийскими племенами, и роль Тилы во фракийских землях была незначительной. Местоположение Тилы не определено: ее помещают или у подножия Родопских гор, на Средней Марице, или у г. Ямбoла, где существовало поселение Кабиле.

От кельтов на Дунае сохранилось несколько городищ. Их раскопки дают представление об уровне развития кельтского производства, духовной и материальной культуре кельтов. На верхнем Дунае господство принадлежало кельтам-винделикам. Их главным центром считается Манхинг (в Баварии). Укрепленное пространство охватывало площадь около 380 га. Город был плотно заселен. Здесь находились мастерские по производству оружия, стеклянных браслетов, керамические и литейные мастерские. Раскопки дали многочисленные изделия кельтского производства: оружие, браслеты, керамику, многочисленные изделия ремесленного производства, а также глиняные формочки для отливки монет, монетные заготовки и готовые золотые монеты винделиков. Внутри города имелось большое свободное пространство, которое использовалось как загон и пастбище для скота на случай нападений. Как показывают археологические исследования, город прекратил свое существование в 15 г. до н. э., когда он был захвачен и разгромлен римской армией.

Кельтское племя бойев в результате длительных странствий и переселений обосновалось за Дунаем. Они осели в областях совр. Чехии и Моравии, в немецком названии которой — Богемия удержалось древнее наименование страны бойев — *Воiohaemum*. Центром бойев был Страдонице (в районе совр. Брно). Город был окружен стеной и занимал площадь 82 га. Поселение было длительное время обитаемо. Ремесленное производство достигло высокого развития. Золотая чеканка у бойев началась около 120 г. до н. э. Город имел торговые связи с римским миром, из которого к бойим поступали бронзовые изделия, геммы, вино, фибулы. Бойи торговали также с другими дунайскими кельтами, а также с кельтами Галлии. В конце I в. до н. э. Страдонице потерял свое значение, хотя поселение просуществовало до начала нашей эры. Область бойев за Дунаем была захвачена германским племенем маркоманнов.

Кельтским городищем был Завист (у г. Збраслав, недалеко от Праги). Площадь города составляла 175 га. Вся система его укреплений имела протяженность 9 км. Кельтским городищем были Гразаны (близ Праги); его площадь составляет 40 га.

Одним из кельтских поселений на Дунае было городище эрависков I в. до н. э. Иллирийское название этого поселения — Аквинк (ныне Буда), известное в римское время, свидетельствует о том, что до прихода кельтов оно было заселено иллирийским племенем. Поселение располагалось на горе Геллерт (в черте совр. Будапешта). Здесь на южном склоне горы были обнаружены остатки хозяйственных ям, служивших кладовыми для хранения продуктов. Дома были прямоугольные и овальные, с высокой соломенной крышей, изнутри оштукатуренные и покрашенные. Крыша и стены поддерживались деревянными столбами. Очаг сооружался прямо на земле в небольшой нише или у стены, дым выходил в отверстие в крыше. У подножия горы располагались керамические мастерские. Керамика была высокого качества (лощеные миски и кувшины серого цвета с прочерченным орнаментом; вазы, раскрашенные красными и белыми полосами). Надгробная скульптура римского времени из областей эрависков свидетельствует, что умершие — женщины и мужчины — изображались в кельтской одежде, скрепленной на

плечах фибулами, с цепью на шее (torques), которая была отличием знатного происхождения. Многие надгробия имеют изображения астральных символов.

Расцвет кельтских городищ (oppidum) на Дунае приходится на II в. до н. э. и прекращается со времени римского завоевания — в 50-х годах до н. э. За это время у кельтов развилось ремесленное производство, торговля со средиземноморскими центрами. Кельты имели в Европе широкую сеть дорог с перевалочными пунктами, стоянками лошадей и дорожными станциями для проезжающих. Судоходство было развито на реках, особенно на Дунае, который с древнейших времен был средством связи и переселенческой дорогой для народов. Укрепляются связи с греческим и римским миром, влияние которого заметно едва ли не во всех отраслях ремесленного производства.

Кельты стали преемниками техники бронзового и раннежелезного века. Они познакомились также с высокоразвитыми культурами Средиземноморья. Уже в период поздней бронзы было развито изготовление изделий из золота — диадемы, золотые повязки на лоб, золотые браслеты. Кельты развили технику ювелирного производства. Имелись большие мастерские, в которых изготавливались ювелирные изделия; кельты применяли инкрустацию, позолоту и серебрение. Кельтский мир создал все разнообразие орудий из железа (сверла со спиралеобразной нарезкой, рапшили, напильники, различные виды топоров, молотков и клещей, ножины, бритвенные ножи), а также оружие, отбойные молотки, кочерги, пилы, косы, бороны, лемехи плуга. Они развили искусство металлургического литья иковки металла, что отчасти было известно уже в эпоху гальштатта. Широко распространилось литье по восковой модели. Модель будущего изделия выполнялась в воске, затем она обмазывалась глиной. После обжига воск растапливался и глиняное пространство заполнялось расплавленной бронзой. После окончания процесса глиняную формочку разбивали, так что каждое изделие было уникальным произведением искусства. Литейное производство позднего латена стало основой цивилизации Центральной Европы. Целые области кельтского мира специализировались на изготовлении какого-то одного вида продукции. Большое значение у кельтов имело керамическое производство. Керамика на гончарном круге появляется уже в V—IV вв. до н. э., хотя большая часть керамики у племен изготавливалась до кельтов вручную. Во II—I в. до н. э. в Европе наблюдается плотная сеть керамических мастерских, изготавливавших кружальную керамику. Кельты создали особый тип украшений из эмали и кораллов, а также большое разнообразие фибул, употреблявшихся как застежки для одежды. Производились многочисленные стеклянные браслеты: соли металлов придавали стеклу красивую окраску: синюю, фиолетовую, желтую, зеленую.

Хозяйственной основой кельтского общества было земледелие и скотоводство. Кельты разводили овец, свиней, рогатый скот и лошадей. Эпона, богиня — покровительница лошадей у кельтов, почиталась и в римский период. Была распространена охота на кабанов. Зубы кабанов, оправленные в металл, носили как подвески знатные мужчины, и эти ожерелья клали в могилу. Возделывались пшеница, рожь, овес, ячмень, который шел на изготовление пива. Выращивались конопля, лен, а также овощи. Большую роль в жизни кельтов играли охота и лес. Была высоко развита обработка кожи.

У кельтов существовала общинная собственность на землю. Завоеванную в походах землю кельты делили между племенами, которые, в свою очередь, распределяли ее между отдельными семьями. Сохранились следы разграничения полей на отдельные полосы и клинья, которые, как считают некоторые исследователи, восходят к кельтам. Племя было большой социальной силой. Аристократия занимала высшие воен-

ные и жреческие должности. Во главе племени кельтов стоял царь или вождь. Кельтская аристократия воевала на колесницах; большое значение имела конница, в которой служила обычно аристократия. В сражении впереди воинов несли знамена. Особая каста жрецов также формировалась из аристократии, и состояла она из друидов, которые имели огромное влияние в политической и религиозной жизни кельтов. К друидам поступала в обучение молодежь. Простой народ составляли воины, находившиеся в зависимости от вождей и царя. Существовала зависимость простого народа от знати, подобно римской клиентеле, бедные общинники находились под покровительством и пользовались материальной поддержкой знатных, за что были обязаны служить им и оказывать помощь в военных походах. У кельтов известно рабство за счет военнопленных и обедневших соплеменников.

Сведения, в большинстве своем римского времени, дают некоторое представление о мифологии и религии кельтов. Большое значение имели главные боги кельтов, такие, как бог Тутатес, Езус, Таранис. Так, древний бог кельтов Таранис был богом войны и грома. Ему приносились даже человеческие жертвы. Тутатес был богом-хранителем всего племени кельтов. Некоторые боги известны как хранители каждого племени в отдельности, как, например, Tutella Bolgensis, богиня племени белгов. Кельтские боги, как Эпона, Нантосвельта, Суцелл, Цернунн, Эндовелик, Сирона, имели разные функции покровительства и защиты человека. Так, Эпона была связана с культом священной лошади и коневодством, Сирона — с водой и священными источниками. Вместе с Сироной почитался Аполлон Гранн, кельтское божество вод, рек и омовений. Вода имела священное значение в религии кельтов. Кельтский храм обычно имел источник, и многие святилища кельтских богов в римское время были расположены у водных источников. У кельтов существовала скульптура, каменная и бронзовая. Кельты умели реалистически воспроизводить животных из бронзы; особенно известны бронзовые статуэтки оленя и кабана.

Расцвет кельтских городищ на Дунае занимает примерно 100 лет. Он был связан с высоким развитием ремесла и широкими торговыми связями кельтов. Все значительные кельтские центры на Дунае находились в оживленных экономических сношениях. От кельтов дошло множество монетных типов, принадлежавших различным центрам кельтов. Кельтское племя теврисков чеканило серебряные монеты собственных типов с именем царя или вождя. Золотая чеканка бойев также несла имя царя. Монеты эрависков подражали римскому денарию I в. до н. э. и имели латинскую легенду названия монеты. Монетная чеканка из областей гетов и даков, начавшаяся как подражание греко-македонским образцам, имела также собственные анэпиграфные монеты. Золотые монеты галльских кельтов, бойев и винделиков встречаются от Бибракты до Страдоныце. Их находят в Виндониссе (совр. Виндиш), в Августе Винделиков (совр. Аугсбург), в Кастра Регина (совр. Регенсбург), в Лавриаке. Упадок кельтских городищ наступает после того, как против кельтов начинается движение германских племен, а с середины I в. до н. э. против них направляется и римская агрессия.

Кельты жили среди местного населения — фракийских и иллирийских племен, которые остались хозяйствовать на своих прежних землях. С течением времени образовались смешанные этнические группы, так что древние авторы не всегда могли сказать, какое племя иллирийское, а какое — кельтское, хотя обе культуры — кельтская и иллирийская — отчетливо различаются. Так, иллирийские племена паннонцев находились на более низкой стадии родоплеменного строя. Они обитали в областях южнее Савы. Аппиан писал, что они не живут в городах, но в полях и деревнях согласно родственным связям. Они не сходятся на

общие собрания, и у них нет единоначалия над всем народом. И хотя все вместе они в состоянии выставить 100 тыс. способных к войне, вследствие безначалия остаются разобщенными.

Городища иллирийских племен были также заняты меньшей частью населения племени. Царской резиденцией было укрепленное поселение, в котором проживали знать, ремесленники, торговцы. Большая часть племени жила в деревнях. Одним из таких укрепленных городищ была Сиския (совр. Сисак). Поселение было расположено при впадении в Саву р. Купы. Оно имело стены и башни и было с трех сторон окружено водой. Одним из городищ на Дунае был Карнунт, поселение иллирийского племени карнов. Карнунт лежал на торговой дороге древности — «Янтарном пути», которым с берегов Балтики поступал янтарь.

Основным занятием иллирийских племен было земледелие и скотоводство. Возделывались просо, ячмень и рожь. Было развито рыболовство. У иллирийских племен на Адриатике было развито мореходство. Большую роль играло пиратство, и значительную часть своих доходов знать получала от войны.

На Нижнем Дунае обитали даки и геты. Они принадлежали к группе фракийских народов. По свидетельству Страбона, геты и даки говорили на одном языке, но жили раздельно: геты — по обоим берегам нижнего течения Дуная, даки — за Дунаем, в областях современной Трансильвании. В VI в. до н. э. греки установили торговые связи с племенами Нижнего Дуная. Греки возили в области гетов дорогую керамику, предметы роскоши и украшения, вино, оливковое масло. Основной торговой дорогой в глубь гетских земель была р. Аргесис (совр. Арджеш). Взамен греки получали из припонтийских стран скот, кожи, лес, а также рабов. Это были области северо-фракийской культуры, находившиеся под влиянием скифов и греческих городов Западного Понта.

В IV в. до н. э. в области фракийских племен начинается продвижение Македонии. В 335 г. до н. э. Александр Македонский, выступивший против могущественного тогда фракийского племени трибаллов, вторгся за Дунай, в область гетов. Захватив добычу, македоняне разрушили город гетов. Этот город предположительно локализуется в современной Зимниче на Дунае.

В III в. до н. э. у задунайских гетов возникло объединение племен под главенством царя Дромихета. Дромихет в 292 г. до н. э. захватил в плен выступившего против гетов Лисимаха, сподвижника и полководца Александра Македонского, но затем отпустил его. Место, где был взят в плен Лисимах, называлось Гелис и предположительно отождествляется с современным Пискул-Крसानь на р. Яломица. Здесь было открыто поселение и множество греческой и римской керамики. В состав земель гетского союза Дромихета входила степная часть Пруто-Днестровского междуречья, известная в источниках как «пустыня гетов».

Поселения гетов, такие, как Зимница, Попешти на р. Арджеш, Пояна на р. Серет, представляли собой укрепленные валами и рвами городища, располагавшиеся на возвышенных местах или по берегам рек. Вокруг поселений были неукрепленные поселки. Жилища сооружались из плетня, обмазанного глиной. Использовались также землянки и полуземлянки. Находки сельскохозяйственных железных орудий, больших сосудов для хранения зерна, зернотерок, зерен культурных злаков свидетельствуют о занятии гетов земледелием.

На рубеже III—II вв. на левобережье Нижнего Дуная появились бастарны. Древние авторы не были единодушны относительно этнической принадлежности бастарнов. Их считали кельтами, германцами, скифами. За свой многовековый период существования бастарны смешались со своими соседями — гетами, сарматами, певкивами. Они были также соседями даков.

Бастарны заняли области северо-восточных Карпат — нижнее течение Серета и Прута, а также острова в дельте Дуная. Во II в. до н. э. бастарны были значительной военной силой среди племен на Нижнем Дунае. Бастарны нередко переходили Дунай и подвергали нападениям фракийские племена. Они использовались также в качестве наемников македонскими царями в их войнах с Римом. С установлением римского господства на Дунае они нередко выступали союзниками даков и сарматов в их войнах с Римом.

В истории племен на Нижнем Дунае большую роль начинают играть в I в. до н. э. племена даков. Даки достигли довольно высокого уровня своего общественного развития, имели торговые контакты с греческим и римским рабовладельческим миром. В правление возглавившего союз родственных племен Буребисты, которого наши источники называют гетом, последовали войны с бойями и теврисками. Под нажимом германских племен бойи оставили задунайские области и выселились на правый берег Дуная. Они расселились на северо-западе нынешней Венгрии, а также заняли западные области оз. Балатон. Даки распространили в это время свою власть на соседние племена. Область господства даков от боев разделяла река Парисс (совр. Тиса). Даки переходили Дунай и разоряли фракийские и иллирийские области вплоть до Македонии. Под властью даков оказались и скордиски. Их грабительские походы стали внушать опасения римлянам. Около 60-х годов I в. до н. э. Буребиста перешел Тису и напал на боев и теврисков. Бойи в союзе с теврисками были разбиты даками. Место сражения боев с даками произошло при впадении Тисы в Дунай.

Буребиста выступил также против греческих городов Западного Понта. В его руки попали города от Аполлонии (ныне Созополь) до Ольвии (близ Парутино в устье Буга). Грек Акорион был отправлен Буребистой к противнику Цезаря, Помпею, который тогда, в 48 г. до н. э., находился с огромной римской армией у Диррахия (совр. Дуррапо). По-видимому, Буребиста пытался предотвратить вмешательство римлян в свои завоевательные планы. Господство даков было непродолжительным. Вскоре после смерти Цезаря (44 г. до н. э.) Буребиста был убит своими соплеменниками.

Согласно древним авторам, во время восстания царство Буребисты делилось на четыре части. Из этого следует, что царская власть еще не была прочной. Для этого времени была характерна разобщенность племен, соперничество племенных царьков, обычные для стадии разложения первобытнообщинного строя. В подчинении у таких царьков могло находиться значительное число простых соплеменников. Походы Буребисты были опустошительными набегами с целью грабежа, захвата пленных, получения откупа, сопровождавшимися физическим уничтожением населения. Его держава представляла собой союз нескольких родственных племен, и она распалась со смертью Буребисты.

Области на Среднем и Верхнем Дунае римляне также держали в сфере своих интересов. В конце I в. до н. э. возникло объединение германских племен под властью Маробода. Выселившись со своим народом из областей Майна в области Моравии, Маробод оказался на берегу Дуная, напротив римских рубежей. Знакомый с римской воинской дисциплиной и порядками, Маробод объединил под своей властью маркоманов и другие германские племена — херусков, квадов, семнонов и лангобардов, что встретило противодействие римлян. Перейдя Дунай у Карпунта, римская армия в 6 г. н. э. выступила против Маробода, но когда пришло известие о восстании панноно-далматских племен, римская армия была вынуждена вернуться и заключить с Марободом мир. Возникшие в 17 г. н. э. войны против херусков и маркоманнов дали повод римлянам вмешаться в их дела. Сначала римлянам удалось разбить

Маробода, а затем устранить его дипломатическим путем, поставив на царство некоего Катуальда из племени готовов. Но Катуальда, как и Маробод, был свергнут своими соплеменниками. Они были поселены на римской земле: Маробод — в Италии, в Равенне, Катуальда — в Нарбонской Галлии, в Форуме Юлия.

Активное продвижение римлян в области Нижнего Дуная начинается в I в. до н. э. Отчасти это было связано с внешнеполитическими событиями на Понте и в Восточном Средиземноморье в I в. до н. э. Союз греческих городов Западного Понта с понтийским царем Митридатом VI Евпатором против Рима и помощь, оказанная ему бастарнами и сарматами, дали Риму повод вторгнуться в земли фракийских племен. Наместник Македонии Марк Лициний Лукулл разбил в 72 г. до н. э. фракийское племя бессов и некоторые другие племена Добруджи. Он дошел до Дуная и захватил все греческие города на Западном Понте, которые перешли под контроль Рима. Произвол наместника Македонии Гая Антония Гибриды вызвал в 62 г. до н. э. возмущение северобалканских племен против римлян. В этот союз вошли геты и бастарны. Новое продвижение римлян в области Нижнего Дуная последовало при Августе в 29—27 гг. до н. э., когда Марк Лициний Красс разбил бастарнов, перешедших по льду Дунай, а также фракийские племена мезов и сердов. Продвижение римлян из Македонии в глубь гетских и фракийских земель привело к тому, что были завоеваны области между Балканским хребтом и Дунаем.

Длительные войны Рима со скордисками и их соседями привели к тому, что в 88 г. до н. э. Луций Корнелий Сципион Азияген одержал над ними победу. С фракийскими племенами медов и дарданов был заключен мир. В 16 г. до н. э. скордиски в союзе с иллирийским племенем деицелетов снова напали на римскую провинцию Македонию. Это привело к тому, что они были окончательно побеждены Римом в 15 г. до н. э.

Завоевание альпийских земель на Верхнем Дунае при Августе в 16—15 гг. до н. э., Иллирийская война 35—33 гг. до н. э. и война против паннонских племен в 12—9 гг. до н. э. завершили присоединение к Риму огромной территории. Как клиентское и зависимое от Рима государство осталась существовать Фракия. Римское господство здесь было установлено в 46 г. при Клавдии. Под власть Рима перешли обширные земли на Дунае, населенные кельтскими, иллирийскими и фракийскими племенами. Все эти области были преобразованы в римские провинции. Эти провинции играли большую роль в военном отношении: они лежали на дунайской границе, за которой обитало множество племен, враждебных Риму. Дунай имел также торговое и культурное значение для всех пограничных с Римом народов. Он был одновременно военной дорогой для народов, обитавших за Дунаем.

История дунайских земель до римского завоевания отмечена передвижениями племен, попытками одних из них подчинить своему господству другие, что приводило к столкновениям и войнам среди самих племен. Длительное совместное обитание кельтских, иллирийских и фракийских племен имело в то же время следствием хозяйственные и культурные связи племен друг с другом. Влияние греческого, а затем и римского рабовладельческого мира также способствовало прогрессу общественного развития племен. В то же время общая разобщенность племен и их соперничество друг с другом способствовали тому, что все течение Дуная от его истоков до устья стало римским.

Глава 13

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА.

ЗАПАДНОЕ И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

1. ЭПОХА РАННЕГО ЭЛЛИНИЗМА

С гибелью Филиппа, в 336 г., и восшествием на македонский престол его молодого сына Александра для Причерноморья, как и для всего древнего мира, наступает новая, эллинистическая эпоха его истории. Прежде всего молодой царь решил взять реванш за поражение отца во Фракии. Еще при жизни Филиппа Александр самостоятельно подчинил фракийское племя медов, основав в их земле город Александрополь (Плутарх. Александр, IX). Теперь, после своего воцарения, он совершает в 335 г. поход через всю Фракию, подчиняя по пути независимые фракийские племена. Конечной его целью было отмщение трибаллам, которых он разбил в решающей битве и, преследуя их паря Сирма, укрывшегося на о. Певке, в Дунайской дельте, перешел Истр и нанес поражение многочисленному войску союзных с трибаллами гетов.

Главным итогом этого победного марша было наведение спокойствия во Фракийской стратегии, обеспечение безопасности северных границ и получение огромных доходов и воинских контингентов, необходимых для грандиозного азиатского похода Александра против персидского царя Дария. Македонские наместники во Фракии сменяют один другого, пока, наконец, этот пост в 331 г. не занял Зопирион. Но, после того как он совершил неудачный поход против скифов, стоивший ему и всему его войску жизни (см. ниже), во Фракии всколыхнулась волна освободительного движения, во главе которого стал царь Севт III, пытавшийся снова объединить страну под главенством одрисов. На месте небольшой фракийской деревни он основал свою столицу, названную на манер эллинистических монархов Севтополем. Регулярная планировка города, устройство его зданий, храмы и алтари самофракийских божеств и Диониса, благоустроенное коммунальное хозяйство — все это показатель сильного проникновения греческой культуры, широко охватившей фракийское общество в эпоху раннего эллинизма.

После смерти Александра Великого в 323 г. при разделе его империи диадохами Фракию получает Лисимах, который, естественно, не мог потерпеть существования в его владениях независимого Одрисского царства. В первые годы правления Лисимаха между ним и Севтом идет борьба с переменным успехом (Диодор, XVIII, 4). Но в 313 г. вспыхнуло восстание западнопопийских полисов, входивших в державу Лисимаха, которые были недовольны тяжелыми поборами и хозяйничаньем размещенных на их территории македонских гарнизонов (Там же, XIX, 73). Инициатором движения стал Каллатис, возглавивший симмахию, куда вошли Одесс и Истрия и которую поддерживали Севт III, скифы Добруджи и Антигон Одноглазый, получивший при разделе наследства Александра его азиатские владения. При раскопках Севтополя был найден очень важный эпиграфический документ — договор, из которого следует, что Севт был женат на Беренике, родственнице, скорее всего, Антигона, у которой от него родились три сына. Во время борьбы с Лисимахом он захватил некоего Эпимена, видимо одного из стратегов, со всем его имуществом и передал его в руки Спартока, правившего во фракийском городе Кабиле (IGBR, III, 2, № 1171). Надпись свидетельствует, таким об-

разом, о живучести и в эту эпоху института парадинастов, пользовавшихся значительными правами.

Опытный полководец Лисимах разработал стратегический план внезапного разгрома членов коалиции поодиночке. Быстро перейдя через Гем, он осадил Одессос, который вскоре был вынужден сдаться на определенных договорных условиях. Следующей подобную же участь разделила Истрия. Вслед за тем он разбил в сражении скифов, вытеснив их за пределы страны, и осадил Каллатис. Действия Лисимаха были столь решительными и неожиданными, что лишь теперь в кампанию вступили Антигон и Севт. Диадокх выслал войско под командованием Павсания, в то время как ффракийцы заняли горные проходы Гема, запретив Лисимаха в Добрудже. Однако тот в кровопролитных сражениях сумел одолеть отряды Севта, прорваться через перевалы и, неожиданно напав на войско Павсания, наголову разгромить его в битве, в которой полководец Антигона погиб.

После нескольких лет изнурительной осады пал Каллатис, настолько измученный недостатком продовольствия, что незадолго до сдачи он был вынужден отправить тысячу своих граждан боспорскому царю Евмелу, который принял их радушно и предоставил им для заселения городок Псою, разделив на наделы окружающие ее земли (Диодор, XX, 25). В результате блестяще проведенной военной кампании Лисимах стал единоличным правителем Фракии: Севт и греческие полисы были вынуждены признать его власть. За время своего правления Лисимах, принявший в 305 г. титул царя, совершил несколько неудачных походов против гетов, однако успешно сражался против вторгшихся в 298 г. в страну кельтов, а в 286 г. даже расширил свои владения за счет покоренного им ффракийского племени пеонов. Лишь после гибели Лисимаха в 281 г. в битве против Селевка у Курупедиона в Лидии одрисские правители, их парадинасты, равно как и греческие полисы Западного Понта, вновь обрели независимость от македонского господства.

Если города и земли Западного Причерноморья на протяжении более 70 лет испытывали натиски и владычество македонских монархов, то племенам и полисам Северного Причерноморья пришлось столкнуться с ними всего лишь раз. Уже упомянутый Зопирион, оставленный Александром наместником над Фракией, в 331 г., перейдя Истр, совершил поход против скифов. Едва ли эту кампанию следует рассматривать как простую авантюру смелого и недисциплинированного полководца. Она, по всей вероятности, занимала определенное место в военно-политических планах Александра: устранить скифскую угрозу северным границам державы и создать в тылу у скифов надежный плацдарм с целью возможного дальнейшего продвижения на восток для соединения с войском Александра, начавшего последнюю кампанию против персов.

Однако поход Зопириона оказался неудачным: скифы уничтожили его со всем войском в Гетской пустыне. Предприятие Зопириона сопровождалось еще одной акцией: во время похода македонский полководец подверг осаде Ольвию, жители которой были вынуждены для отражения неприятеля пойти на крайние меры — освободить рабов, дать права гражданства иноземцам и кассировать долги, в результате чего они смогли одолеть врага. Один очень важный ольвийский документ — декрет в честь Каллиника, сына Евксена (IOSPE, I², 25+34), — позволил пролить дополнительный свет на эти критические в жизни полиса события. Исследование надписи показало, что реформы, предпринимаемые ольвиополистами, были не просто превентивными мерами, но порождены вспыхнувшими в осажденном городе волнениями прежде всего среди должников и кредиторов, что грозило обороноспособности полиса и было чревато сдачей отечества врагу.

В сложившихся экстремальных условиях Каллиник сумел провести

через Народное собрание декрет о кассации долгов, чем было достигнуто единодушие среди жителей, сумевших выстоять против македонского завоевателя. После снятия осады ольвийский демос отменил чрезвычайные налоги военного времени, особенно тяжело ложившиеся на плечи малоимущих, а также упорядочил эмиссию медной монеты: вместо выпускавшихся прежде полновесных литых ассов начинается чеканка редуцированных монет, так называемых борисфенов, выпуск которых был приведен в соответствие с количеством обращавшейся на рынке золотой и серебряной монеты. Укрепив в итоге этих мероприятий финансы города, благодарные ольвиополиты награждают Каллиника огромной денежной суммой в 20 талантов и бронзовой статуей, которые они посвящают Зевсу Спасителю.

Успешное отражение Зопирионовой осады стало коренной вехой в жизни Ольвии, обновляющей все сферы своего бытия. В государственном устройстве наблюдается резкое усиление радикально-демократических элементов, что было вызвано в значительной степени обретением больших прав прежде неполноправными юридически (ксены и рабы) и экономически (должники) слоями. Наблюдаются перемены и во внешней политике: Ольвия подтверждает издавна существовавший договор о равных гражданских правах (исополития) со своей метрополией — Милетом (Syll.³, 286). Показательно, что чуть позже, вероятно, подобное же соглашение заключает с ним и другая милетская колония — Истрия. Демократические веяния вторгаются и в такую консервативную сферу бытия, как религия, в которой появляется культ обожествленного Демоса (IOSPE, I², 179).

Обретение прав прежде неполноправными, новый приток чужеземцев и зависимого населения, повлекший изменения в численности и социальной структуре населения, наконец, оздоровление городских финансов — все это не могло не сказаться на резком подъеме экономики полиса. Вновь в еще более широких масштабах осваивается ольвийская хора, на которой воздвигаются коллективные и частновладельческие усадьбы, перестраиваются многие комплексы городского общественного центра, наблюдается подъем в жилищном домостроительстве, фортификации и т. д. Наконец, предпринимается денежная реформа, важный элемент которой составила золотая чеканка, имевшая к тому же серьезные политико-пропагандистские цели. Итак, период раннего эллинизма стал апогеем истории Ольвийского полиса.

Социальные волнения коснулись в эту бурную эпоху не одной лишь Ольвии. В не меньшей, если не большей, степени охватили они на рубеже IV—III вв. и Херсонесский полис, о чем донесли нам сведения строки уникального документа — присяги херсонесских граждан (IOSPE, I², 401). Этой присягой все взрослое гражданское население клянется не предавать ни города, ни хоры, ни укреплений, ни Керкнитиды и Калос Лимена ни эллину, ни варвару, не свергать демократии, самым лучшим и справедливым образом исполнять магистратуры, не разглашать государственных и сакральных тайн, не брать и не давать дара во вред полису, не замышлять несправедливого дела против не отпавших граждан, не составлять заговора против общины херсонеситов, не продавать хлеб, своимим с равными, никому, кроме как в Херсонес.

Из содержания документа можно заключить, что незадолго до его составления в Херсонесе, который в конце IV в. превратился из аристократической в демократическую республику, была совершена попытка государственного переворота, а именно намерение установить тиранию или, скорее, снова водворить олигархию. В самом городе эта попытка потерпела крах, но инсургентам удалось на какое-то время закрепиться в каких-то херсонесских владениях. Однако затем они были отправлены в изгнание. Это предположение подтверждает находка черепков для

остракизма с именами изгоняемых граждан, а главное — недавно обнаруженная надпись, представляющая собой, по всей видимости, закон о возвращении изгнанников (ВДИ, 1984, № 3, с. 72—81). Документ предписывает возвратить изгнанным их имущество и решать все спорные дела, с этим связанные, в 50-дневный срок. Отсюда следует, что в начале III в. положение в Херсонесе стабилизировалось, произошло гражданское примирение и в полисе прочно утвердился демократический строй.

Конец IV — начало III в. стали временем наивысшего расцвета Херсонесского полиса. Он упрочивает свое положение на Гераклейском полуострове и на обширных землях Северо-Западного Крыма, окончательно включая в свой состав Керкинитиду, которая с этого времени полностью приобретает херсонесский облик. Херсонес регламентирует хлебную торговлю — одну из основ своего экономического процветания. Присяга граждан предписывает не свозить хлеб с равнины (т. е. из Северо-Западного Крыма) никуда, кроме как в город; этот параграф имел, видимо, прежде всего фискальную направленность. Херсонес украшается великолепными храмами, алтарями и другими общественными архитектурными постройками, обносится мощным кольцом оборонительных стен, укрепленных многочисленными башнями.

Не вполне спокойно вступил в эллинистическую эпоху и Боспор. Период благоденствия, отличавший время правления Перисада, признанного после смерти даже по образцу эллинистических монархов богом (Страбон, VII, 4, 4), сменил политических кризис, подробно изложение перипетий которого мы находим у Диодора (XX, 22—26). После смерти Перисада, в 310 г., власть должна была перейти к его старшему сыну Сатиру. Однако его брат Евмел заявил претензии на единоличное правление. В результате всыпнула междоусобная война, решающее сражение в которой состоялось на р. Фате (видимо, где-то на Таманском полуострове). Войско Сатира состояло из наемников — греков и фракийцев, а также из многочисленного контингента скифов; Евмела поддерживали местные племена фатеев (или сираков). Исходом битвы стало сокрушительное поражение Евмела, который с остатками войска укрылся в резиденции местного царя Арифарна.

При штурме крепости Сатир был ранен и вскоре скончался. Его останки, перевезенные в Пантикапей, были погребены младшим братом Пританом. Притан решил продолжить борьбу, но был захвачен в плен, казнен, а все родственники и сторонники Сатира и Притана были вырезаны. Такая жестокость вызвала законное возмущение пантикапейских граждан, однако Евмел, созвав народное собрание, сумел успокоить пантикапейцев, обещав им восстановление отеческого образа правления и предоставление ряда льгот. Во время своего недолгого — пятилетнего — правления (310—304 гг.) Евмел, как сообщает местный источник Диодора, теперь благожелательно настроенный к этому Спартокиду, правил справедливо, соблюдая данные им обещания. Он оказывал помощь Византию, Синопе и принял к себе, как сказано выше, тысячу каллатийцев. Успешно боролся он и с пиратами, обеспечив, таким образом, безопасность морской торговли, подчинил многих окрестных варваров и даже мечтал объединить все припонтийские земли в единую державу. Однако неожиданная трагическая смерть помешала Евмелу осуществить свои планы. Ему наследовал его сын Спарток III (304—284 гг.).

Рассказ, переданный Диодором, показывает, какую существенную роль играло в политике Спартокидов их отношение к греческим полисам Боспора. Только заручившись поддержкой последних, создав себе прочную социальную опору в гражданской общине Пантикапея и других полисов, они могли рассчитывать на относительное спокойствие своих подданных. Начиная с Евмела и Спартока в их титулатуре часто фигурирует лишь один элемент — «царствующий».

Однако в моменты обострения отношений Спартокидов с полисами Боспорского царства, в кризисных ситуациях противоборства их политике со стороны греческого гражданства они были вынуждены, идя на уступки, вновь включать прежний элемент «архонт» в свою титулатуру. Таким образом, в раннеэллинистическую эпоху на окраине ойкумены окончательно складывается сложная государственная структура, состоящая из разнородных этнических и социальных элементов, которую принято называть греко-варварским Боспорским царством.

Культура греческих государств Причерноморья в IV в. не была единой. Полисы, основанные ионийцами, проявляют большую мобильность в адаптации складывающегося в это время общегреческого культурного койнэ. Из их языка во второй половине IV в. практически исчезают ионизмы, а из их письменности еще раньше — элементы милетского алфавита, в чем нельзя не видеть также и сильного влияния Афин, с которыми причерноморские полисы поддерживали тесные политические, экономические и культурные контакты на протяжении одного — полутора веков. Та же струя заметна и в изобразительном искусстве; известно даже, например, что боспорские правители привлекали к своему двору знаменитых художников; их творчество наряду с привозными вазами повлияло в дальнейшем на сложение оригинального вазописного стиля так называемых боспорских «акварельных» пелик.

Северное Причерноморье подарило греческой истории и философии несколько выдающихся умов: Сфера, Биона, Посейдония и др. Однако вся их деятельность протекала уже в Греции. Об уровне мастерства местных поэтов можно судить по надгробным и посвященным эпиграммам, порой не уступавшим по изяществу стиля произведениям известных греческих поэтов. Каждый крупный причерноморский центр имел в IV в. свой театр, где ставились произведения греческих драматургов.

Большую, чем ионийцы, устойчивость традиций проявляли мегаро-гераклейские апойкии, в которых, к примеру, дорийский диалект в относительной чистоте держался вплоть до императорской эпохи. Своеобразным был и пантеон божеств. Так, в Херсонесе наряду с общедорийским божеством Гераклом главное место в религии занимала богиня Дева, почитавшаяся только в этом полисе.

Но наряду с традиционализмом в эту эпоху наблюдается и ряд инноваций. Так, наряду с почитанием типично ионийских божеств в греческие полисы интенсивно проникают в эту эпоху восточные культы — Самофракийских богов, Великого бога и др. В западнопонтйских полисах начинают появляться фракийские божества. На Боспоре на почве синкретизма греческого и местного искусства складывается своеобразная синдская скульптура, представленная большим количеством надгробных памятников. Таким образом, симбиоз и взаимодействие эллинского и местного элементов продолжали обогащать европейскую цивилизацию.

2. ФРАКИЯ ДО ОБРАЗОВАНИЯ РИМСКОЙ ПРОВИНЦИИ. ЗАПАДНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

В первой половине III в. до н. э. можно говорить о существовании во Фракии небольших государственных образований, которые во многом еще сохраняли черты племенных союзов. На южных склонах Родопских гор находилось государство Котиса, сына Райзда, а в районе Сеста или Еноса царство фракийского правителя Скостока, которое подчинялось Лисимаху на условиях вассальной зависимости, а после его смерти не-

надолго обрело независимость. В первой половине III в. до н. э. в окрестностях Аполлонии Понтийской находилось небольшое государство Котиса, а недалеко от Месембрии — Одрисское царство Садала. До вторжения кельтов фракийские племена были разобщены. Они поочередно совершали нападения на хору города Византия, и последнему приходилось выплачивать им дань. Каждому фракийскому племенному вождю хотелось предстать в глазах соплеменников и греков наиболее могущественным (Полибий, IV, 45, 46). Политическая консолидация фракийцев, после распада македонской державы Лисимаха только начинавшая набирать силу, была прервана вторжением кельтов.

Большинство фракийских племен находилось на стадии перехода от племенной формы правления к раннеклассовому государству. При этом фракийские правители поддерживали связи с греческими городами, что способствовало обогащению знати и усиливало процесс социального и имущественного расслоения. Внутренняя слабость фракийских ранних государств, неразвитость их социально-экономических и политических институтов объясняют, почему они сравнительно легко стали добычей кельтов, обосновавшихся в юго-восточной части Балканского полуострова, где образовали свое государство с центром в Тиле. Впервые кельты опустошили Фракию в 280/279 г. С фракийцами и греками отношения кельтов Тилы складывались нелегко. Об этом свидетельствует ситуация, возникшая в результате предпринятого в 260/255 гг. Антиохом II Теосом похода во Фракию. Желая создать плацдарм для захвата Македонии с севера, селевкидский царь стремился укрепиться в Пропонтиде и Понте, для чего начал военные действия против Византия и кельтов. Тилу поддерживал Птолемей II Филадельф. Антиох II завязал дружественные отношения с греческими городами Аполлонией Понтийской и Месембрией, а также с фракийскими племенами. Об этом известно из надписи, обнаруженной в Аполлонии, но представляющей собой копию месембрийского декрета (IGB, I², 388). По-видимому, речь в ней шла об оборонительном союзе двух эллинских полисов с сирийским царем. Союз был направлен против кельтов, угрожавших грекам и союзным с ними фракийцам (Polyaen., IV, 16). Фракийские вожди были недовольны влиянием Кельтского царства, препятствовавшего политической консолидации подвластных им племен. Господство кельтов нарушало традиционные связи фракийской знати с греческими полисами и не прошло бесследно для фракийцев региона: благосостояние отдельных племен ухудшилось, внутренние районы страны оказались отрезанными от моря, что вызвало изменение торговых путей. Последнее сказалось на положении племенной знати, доходы которой сократились. Со времени господства кельтов во Фракии мы не встречаем захоронений с богатым погребальным инвентарем, что было характерно для IV — начала III в. Поэтому для враждебных отношений царства Тилы и фракийских племен в первой половине — середине III в. до н. э. были веские объективные причины.

Сирийскому царю не удалось закрепиться во Фракии, а его соперник Птолемей II, напротив, завладел Эгейским побережьем Фракии — Маронеей, Еносом, Херсонесом Фракийским и Лисимахией. Во второй половине III в. до н. э. изменилось отношение к Тиле и у некоторых фракийских вождей. При последнем кельтском царе Тилы Каваре во фракийском городе Кабиле чеканились монеты этого властителя. И все же в 218 г. до н. э. кельтское царство на Балканах пало под ударами объединенных отрядов фракийских племен.

Борьба с кельтами стимулировала консолидацию сил фракийцев; в конце III — начале II в., не имея возможности рассчитывать более на внешнюю помощь, они решили самостоятельно ликвидировать очаг кельтской государственности. Скордиски, племенной союз которых укрепился под влиянием кельтской опасности, постоянно совершали набеги

на Македонию совместно с бессами, медами, дарданами и другими фракийскими племенами.

Ведущие позиции во Фракии постепенно завоевывали асты и одриссы. В 188 г. до н. э. асты совместно с кенитами, мадуатенами и корелами вели боевые действия против войск римского полководца Гн. Манлия Вульсона, возвращавшегося через Фракию из Малой Азии, установили связи с Месембрией. Усиление астов стало возможным в результате падения царства Тилы, в чем немалую роль сыграли астейские племена. Во второй половине III—II в. до н. э. асты владели территорией по побережью Понта Евксинского до Боспора Фракийского, а в глубь страны — до современных городов Сливен и Ямбол. Столицей астов был племенной центр Бизия (Биза). Астейское государственное объединение в эпоху эллинизма напоминало еще союз племен, объединявшихся для проведения совместных действий и захвата добычи. Астейская племенная знать поддерживала тесные торговые и политические связи с эллинскими городами, что в немалой степени способствовало ее возвышению.

Рост богатства астейской верхушки был связан с тем, что на подвластной астам территории находились запасы железа и угля, в добыче которых были заинтересованы греки. Чеканка медной монеты в Бизии по типу монет Антиоха II показывает, что юго-восток Фракии втягивался в торгово-экономические связи с ведущими античными центрами Восточного Средиземноморья.

В 196 г. до н. э. Антиох III, другой селевкидский властитель, вторгся во Фракию и завладел Лисимахией. Его позиции там были недостаточно прочными, и на следующий год он вновь высадился на Фракийском Херсонесе. Во время этого похода сирийский царь освободил греческие города Эгейского и Черноморского побережий, которые платили дань фракийцам, подчинил своему влиянию внутренние районы страны. Не исключено, что в попытках установить власть над греческими городами первые роли играли одриссы и асты. Вероятно, от агрессивных действий этих племен страдали в первую очередь те греческие полисы, которые не желали им подчиняться и поддерживали дружеские отношения с Филиппом V Македонским, который еще в 198 г. до н. э. держал в пограничных с Македонией городах юга Фракии войска (Полибий, XVIII, 4, 6).

После того как Антиох III потерпел поражение от римлян, Фракия оказалась в сфере влияния могущественного властителя Македонии, который в 184 г. до н. э. начал военные действия против Фракийского союза племен, возглавляемого Амадоком. Македонянам удалось разгромить фракийских вождей, взять Амадока в плен и закрепиться во Фракии, распространив влияние до Дуная (Ливий, XXXIX, 35, 4). В 179 г. до н. э. Филипп V заключил соглашение с бастарнами о переводе их в земли дарданов для борьбы против Рима. Создалась косвенная угроза фракийцам и греческим городам побережья. Однако до серьезной борьбы с бастарнами дело не дошло, хотя немалая их часть поселилась в окрестностях Аполлонии и Месембрии (Ливий, XL, 68, 8). Эти удары были настолько ощутимы для астов и одриссов, что они теряют с этого времени ведущие позиции во фракийском племенном мире. На первое место выходит племя кенитов. Быстрый упадок астейской государственности во второй половине III — первой половине II в. связан с внутренней непрочностью племенного объединения, ядром которого выступали асты. В это время большинство фракийских племен находилось на стадии разложения родо-племенных отношений, что было связано с переходом от общинной земледельческой общины к сельской, а затем и раннеклассовому обществу¹. Об этом может свидетельствовать поселение близ

¹ Фол А. Демографска и социална структура на Древна Тракия. 1 хилядолетие преди новата ера. София, 1970, с. 65—70, 151.

Драгойново, которое имело оборонительную стену и состояло из небольших самостоятельных изолированных строений с двором, защищенных стенами. Подчинение слабых племен более сильным, связь с греческим миром, постоянные военные операции с целью грабежа и захвата добычи — все это превратилось в источник обогащения знати, стимулировало социальное и имущественное расслоение. Последнее вызывало сепаратистские акции отдельных вождей и стоявшей за ними аристократии, делая непрочным союз и без того объединенных только военной необходимостью фракийских племен. Поэтому племенной принцип организации царства при неравномерности социально-экономического развития отдельных племен способствовал распаду начавшегося процесса фракийской государственности. И не случайно многочисленные завоеватели пытались захватить фракийские земли, пользуясь разобщенностью племен.

Племя кенитов особенно усилилось во второй — третьей четверти II в. до н. э. при царе Диэгиле. В это время кениты получают международную известность: дочь Диэгила вышла замуж за вифинского царя Прусия II. Этот брак был заключен из политических соображений, так как кениты вели ожесточенную борьбу с Атталом II Пергамским, который с 189 г. до н. э. владел Фракийским Херсонесом, а Вифиния дважды в первой половине века находилась в состоянии войны с Пергамом. В разгар второй войны с Атталом вифинский царь получил от Диэгила 500 воинов.

Во внутренней политике Диэгил и его сын Цизелмий стремились к усилению царской власти, для чего стали урезать богатства племенной знати вплоть до конфискации имущества. Это вызывало недовольство последней и привело к жесточайшему террору (Диодор, XXXIII, 14; XXXIV, 12). Диэгил и его сын пали жертвой собственной политики: они были убиты.

В бассейне рек Марицы и Тунджи жили племена одриссов и астов. Одриссы поддерживали дружбу с Македонией и ее царем Персеем, что объясняется общностью их границ. В представлении античных писателей царь одриссов Котис II был справедливым и умелым правителем, являя полную противоположность царям кенитов (Полибий, XXVII, 12; Диодор, XXX, 2, 3; Ливий, XLII, 67, 3). Асты и одриссы стремились к дружбе с римлянами и воздерживались от вторжений в пределы римских провинций Македонии и Ахайи, что неоднократно предпринимали в конце II — начале I в. до н. э. другие фракийские племена. Несмотря на то, что римские военачальники регулярно добивались побед над фракийцами, а территория Херсонеса Фракийского и прилегающих областей была с 129 г. присоединена к провинции Македонии, меды, бессы, дарданы, сапей неоднократно вторгались в Македонию и Грецию в годы I Митридатовой войны. В 91—88 гг. коалиция фракийских племен вторглась в Эпир и разграбила храм Зевса в Додоне. В 90/89 г. в Грецию вторглись меды и разграбили святилище в Дельфах. Нападения фракийцев в I Митридадову войну на римлян в Греции случались чуть не ежегодно. Число их сократилось после поражения Митридата и похода Суллы в 85 г. до н. э. против медов. Экспедиция римского полководца М. Лициния Лукулла в 72/71 г. против бессов, медов и греческих городов Западного Причерноморья, верных Митридату VI, воспрепятствовала планам понтийского царя на Балканах.

В этой напряженной ситуации цари одриссов (и, вероятно, астов) оставались верными Риму. В 93—87 гг. Котис III сорвал антиримское выступление в Македонии (Диодор, XXXVIII, 5а, 1), а Садал в 88—86 гг. оказал помощь Сулле в войне с Митридатом VI. Для удержания Аполлонии Понтийской, которая всегда была в тесных отношениях с астейско-одрисскими царями, Митридату пришлось послать отряд наемников. Проримская ориентация одриссов, вероятно, привела к тому, что после

усмирения фракийцев во время III Митридатовой войны римские военачальники способствовали усилению позиций астейско-одрисских царей за счет других племен.

Анализ событий конца II — первой четверти I в. до н. э. показывает, что у фракийцев по-прежнему не было единства, а каждое племя действовало в собственных интересах. Вот почему их позиция в ходе войн постоянно изменялась. Господство Митридата во Фракии было слишком кратковременным, чтобы слотить фракийцев в единое целое. Это попытались сделать астейско-одрисские цари, но уже в интересах римлян, стремившихся положить конец набегам на македонскую границу.

К середине I в. до н. э. во Фракии наиболее многочисленными были племена дентелетов, бессов, астов, одриссов и сапеев. Римляне пытались играть на противоречиях этих племен, в частности бессов и дентелетов, между которыми в 57 г. до н. э. вспыхнула междоусобица. На рубеже второй — третьей четверти I в. до н. э. при царе Котисе IV царство одриссов укрепилося за счет слияния астейской и одрисской правящих династий. У одриссов произошла некоторая стабилизация органов управления за счет ослабления племенной верхушки и вождей. Очевидно, родо-племенные отношения к этому времени начали себя изживать.

Что касается сапеев, то это племя усилилось во время войн Митридата, отвоёвав часть владений Фасоса на Фракийском побережье. Во время гражданских войн в Риме сапеи, дарданы, бессы и одриссы поддерживали Помпея. Цезарь, победив Помпея, оставил на одрисском престоле Садала II, учитывая верность его предков Риму. Однако после убийства Цезаря Садал II вступил в связь с республиканцами. Его сын, будущий царь Котис V, когда отец пал жертвой заговора, был обязан своим спасением Бруту. Сапеи пытались соперничать с одриссами за господство во Фракии. Поначалу их страна была разделена между враждующими группировками вождей — Раска, сторонника М. Антония, и Рескупорида, его брата, державшего сторону Брута и Кассия. Эти вожди, ставшие царями, совместно управляли сапеями и корпилами (Аппиан. Гражданские войны, IV, 87, 88). Садал II пал жертвой цезарианцев, не простивших одрисскому царю измены диктатору, которому он был обязан престолом. Сторонники Антония у одриссов могли блокироваться с партией Раска у сапеев. Благодаря Раску сапеи получили поддержку Антония после Филипп, их держава укрепилась, соправительство было ликвидировано, а власти получили царский титул (IG, II/III², 3442, 3443), которым ранее не владели (Дион Кассий, XLVII, 25, 2). Астейско-одрисское господство было потеснено сапеями, которые поставили в Бизии, столице астов и одриссов, надпись с восхвалением своего царя (IGB, I², p. 98). Одриссы сохранили территорию, но она, вероятно, была уменьшена и разделена, при этом часть могла отойти к сапеям. Это видно из того, что в 31 г. до н. э. в битве при Акции одрисс Садал III и сын Котиса VII Реметалк Сапей поддерживали Антония. Затем, правда, Реметалк переметнулся к Октавиану (Плутарх, Антоний, 61, Мора-лиа, 207).

Август, учитывая заслуги Садала II в борьбе с Антонием, в 31/30 г. до н. э. сделал царем одриссов Котиса V, спасенного некогда Брутом из рук М. Антония. Его восшествие на престол связано с походами проконсула Македонии М. Лициния Красса (см. ниже) против бастарнов, когда он покорил мезов, сердов, отогнал бастарнов из области союзных Риму дентелетов и отдал одриссам святилище Диониса, находившееся во владении бессов (Дион Кассий, LI, 23, 3—5, Флор, II, 36).

С 11 г. до н. э. господство переходит к сапеям. Годы правления Реметалка I Сапея (умер в 13 г. н. э.) знаменуются процессом внутренней консолидации этого раннегосударственного объединения, политической стабильностью власти. В то же время это было типичное клиентское

государство: Реметалк I и его брат Рескупорид выполняли роль защитников северо-восточных рубежей Империи, покорно участвуя в войнах и подавляя мятежи панноно-далматского населения (Дион Кассий, LV, 29, 3—5, 30, 3; Веллей Патеркул, II, 112, 4—5). Укрепляются позиции фракийских царей в греческих городах западного побережья Понта. Реметалк I и Котис проводили проримскую политику, что отразилось и на связях с греками. Укрепление позиций Реметалка I во Фракии было выгодно римлянам. Усилиями Августа и Агриппы на северо-восточных рубежах Империи и вдоль ее восточных границ вассальные государства Понт, Боспор, Каппадокия, Иудея, Галатия, Набатей стали превращаться в защитников римских границ. В систему зависимых государств прочно вписалась и Фракия, которая должна была предохранять империю от вторжений с севера. Оплот римской политики против германцев, кельтов, сарматов и других варварских народов — Фракийское государство рассматривалось Августом и как плацдарм для действий против главного соперника римлян на востоке — Парфии. Санкционирующий внутри- и внешнеполитические мероприятия царей сапейской династии, что было присуще Фракии как клиентному государству, Рим в то же время принимал во внимание важные социально-экономические и политические изменения, которые происходили внутри фракийского общества.

Во Фракии на рубеже нашей эры происходило постепенное упразднение коллективной племенной собственности на землю и усиление царской земельной собственности. Подобно властителям древнего Одрисского царства VI—IV вв. до н. э., цари астов и сапеев пользовались правом дарения земли приближенным, взимали подать с сельского населения, основывали города и укрепления по всему царству. Для Фракии конца I в. до н. э. характерно постепенное упразднение традиционного фракийского института парадинастов. Поскольку существование парадинастов обуславливалось племенным принципом деления страны, то естественное отмирание этого органа политической власти должно указывать на укрепление позиций царя как единодержавного властителя, верховного собственника земли в государстве. Система управления царством при последних царях сапейской династии может быть уподоблена военно-административным структурам ведущих эллинистических государств Восточного Средиземноморья². Основные принципы землевладения и организации управления во Фракии, сложившиеся в V в. до н. э., трансформировались в новых условиях в связи с укреплением собственности царя и крупной аристократии на землю. Так, на смену парадинастам пришли стратеги — наместники царя, следившие за поступлением налогов в казну; увеличился контингент «друзей царя», получавших в управление большие наделы царской земли.

Уже в середине I в. до н. э. стратегии перестали олицетворять собой племенной принцип деления страны, как это было ранее, хотя в названиях своих он сохранился. Ряд надписей показывает, что в начале I в. н. э. во главе двух-трех стратегий стоял, как правило, один человек, особо доверенное лицо царя, выбиравшееся из числа его ближайших друзей (часто даже нефракийского происхождения) или верхушки знати. Земельные владения в государстве распределялись согласно эллинистическим канонам из расчета деления земель на царскую и полисную, что было более характерно для южных районов страны, где существовали городские центры полисного типа — Кабиле, Кипсела, Анхиял, крупная землевладельческая аристократия. Северные территории Фракии, гористые по природному ландшафту, отличались большей отсталостью и патриархальностью быта. Здесь не были еще изжиты родо-племенные отно-

² Михайлов Г. Към вопроса за стратегиите в Тракия. — ГСУ, 1967, т. 11, № 2, с. 33 и след.

пления. Однако объединение в одном государстве способствовало скорейшему втягиванию отсталых областей в товарно-денежные отношения, установлению контактов с римскими и греческими центрами. Эллинистическая система стратегий столь прочно вошла в жизнь Фракии, что даже после установления там римского господства новые власти не решились изменить что-либо в этой структуре, оставив ее в прежнем виде вплоть до времени Траяна и Адриана. Все это подтверждает, что на рубеже н. э. Фракийское царство с помощью и в интересах Рима постепенно превращалось в единое государство.

После смерти Реметалка I и последовавшей за тем реорганизации территорий на севере Балкан, связанной с образованием провинции Мезии, римляне разделили Фракию: южная часть страны досталась Котису VIII (III), а северная, включавшая часть мезийских территорий, оказалась под властью его дяди Рескупорида III. Римская администрация не хотела допустить усиления вассального государства у северо-восточных границ и применила излюбленный принцип своей политики — *divide et impera*. Чтобы укрепить систему вассальных царств на северо-востоке, связать их с задачами своей восточной политики, римляне санкционировали династические браки фракийских и боспоро-понтийских царствующих особ.

В 19 г. н. э. Рескупорид III, желая стать владыкой всей Фракии, заманил Котиса к себе и коварно убил, за что был свергнут римлянами. Страна по-прежнему осталась разделенной. Владения Рескупорида вместе с г. Филиппополем и частью Мезии отошли к его сыну Реметалку II, а на юге у власти были поставлены малолетние дети Котиса во главе с римским опекуном претором Требелленом Руфом. В результате римляне оказались почти полными хозяевами огромной страны. Сложившаяся ситуация привела в 21 г. н. э. к восстанию койлалетов, одриссов и диев — фракийских племен, недовольных засильем римских ставленников. Восставшие выступали против поборов и набора солдат во вспомогательные римские войска. Однако корни этих событий кроются глубже. Аристократия северной половины царства была недовольна проримской ориентацией и привилегиями знати из южных областей. Фраза Тацита (Анналы, III, 38), что восстанием руководили «незнатные вожди», указывает на социальные противоречия, вызванные проникновением римского влияния, рост социального и имущественного неравенства. После подавления восстания Реметалк II оказался владыкой всей Фракии, так как римляне решили на время не противопоставлять друг другу фракийские племена. Но в 26 г. произошло новое восстание, на этот раз в горных районах. Римским войскам и Реметалку II снова удалось разбить восставших (Тацит. Анналы, IV, 46). Борьба против Рима была вызвана подготавливавшимися планами превращения Фракии в провинцию, а также двойным гнетом сапеев и римлян.

В 38 г. н. э. во Фракии начал править последний царь сапейской династии Реметалк III, сын Котиса III, римлянин по духу и по взглядам, воспитывавшийся вместе с императором Калигулой. В 46 г. н. э. он был убит в результате заговора, а Фракия объявлена римской провинцией.

* * *

К северу от территории современной Болгарии до Дунайско-Днестровского междуречья обитали племена гетов, мезов, кельтов, скифов. В III в. до н. э. у гетов, занимавших земли Карпато-Днестровского региона, достигли определенного уровня развития сельское хозяйство, ремесло, внутренняя и внешняя торговля. Гетские племена наладили связи с эллинскими городами, о чем свидетельствуют находки монет и керамики. Получила развитие межплеменная торговля. Уже около середины III в. до н. э. один из гетских царей — Залмодегик (территория совр.

Добруджи или Валахии) сумел захватить часть сельской территории Истрии, чем навлек на себя недовольство соседних племен и, естественно, истрийцев. Только в результате посольства из Истрии ему удалось восстановить дружеские отношения с греками. Гетское общество в эпоху эллинизма находилось на стадии разложения первобытнообщинного строя и зарождения классов. На крайнем северо-востоке территории, заселенной гетами, обитали племена тирагетов, сосуществовавших с бастарнами.

В конце III в. до н. э. под давлением кельтских племен из Южной Германии в междуречье Днестра — Прута — Серета и далее на юго-восток к дельте Дуная через район современной Южной Молдавии и Бессарабии двинулся большой союз племен, возглавляемый бастарнами, племенами кельтского происхождения. Под их напором племена гетов (тирагетов) в нижнем течении Днестра и Прута, а также гетский союз племен на нижнем Дунае усилили давление на соседние греческие города и на скифов, проникших в Добруджу в III в. до н. э. Во II в. до н. э. вследствие напора бастарнов и сарматов изменилось соотношение сил в Западном и Северо-Западном Причерноморье. В результате положение греческих полисов ухудшилось.

Во второй — третьей четверти I в. до н. э. на территории северо-запада современной Добруджи возвысился дако-гетский племенной союз под главенством Буребисты, который завладел городами Западного Причерноморья вплоть до Аполлонии. Особенно значительную угрозу Буребиста представлял для тех городов, которые проводили проримскую политику. Однако около 45 г. до н. э. Буребиста был убит и греческие города вновь обрели независимость.

Довольно значительным племенным союзом в Западном Причерноморье было Скифское царство. Основными нашими знаниями о нем мы обязаны нумизматике и эпиграфике. Уже с VI в. до н. э. начинается проникновение скифов в район Дуная и южнее. В IV в. до н. э. при царе Атее процесс этот усилился, но скифы на территории современной Добруджи никогда не являлись преобладающим населением. После разгрома Атея начался новый этап в жизни скифов. Вместе с фракийцами и греками они выступили против Лисимаха во Фракии и Нижнем Подунавье, а после поражения и измены союзников-фракийцев вынуждены были отступить на левый берег Дуная. В III в. до н. э. в результате передвижений кельтских и германских племен в Средней Европе скифы вновь оказываются на правобережье Дуная и прочно оседают в Добрудже, образуя собственное государство. Хотя скифское население по-прежнему не составляло большинства в сравнении с гето-фракийцами, термин Скифия (или Малая Скифия Страбона) (VII, 5, 12) с того времени прочно вошел в обиход, обозначая и географический регион в целом, и существовавшее там государство. О сущности, роли и хронологических рамках этого образования ведутся споры. Одни считают, что царство скифов было незначительным, и основную роль в его создании отводят гетам и фракийцам; другие считают, что скифы подчинили местные фракийские племена и установили протекторат над прибрежными греческими городами, образовав могущественное государство; третьи полагают, что владения скифов не затрагивали греческие города, сохранявшие автономию и самоуправление. Что касается падения этого государства, то есть мнение, что оно просуществовало либо до прихода римлян в Добруджу, либо до возвышения Буребисты, либо до вторжения бастарнов в Западное Причерноморье во II в. до н. э. В настоящее время нумизматические данные позволяют говорить о правлении скифских царей с III до начала I в. до н. э. Мы знаем поименно шесть скифских царей: Канита, Хараспа, Акросу, Тануса, Сариака, Элия. Их владения простирались на юг до Одессы и Дионисополя, в окрестностях которого проходила граница с фракийцами-

кробизами, на севере она доходила до Истра (Дуная), а на востоке — до территории греческих городов, которые, очевидно, не входили в состав царства скифов, но поддерживали с ним тесные отношения, особенно Каллатис, где обнаружено более всего монет, чеканных греческими мастерами от имени скифских царей.

Известно, что скифские племена в Добрудже занимались земледелием и торговлей, основой их хозяйства являлось хлебопашество и вывоз зерна за границу. Поэтому скифская знать была заинтересована в добрых отношениях с греками, которые помогали в вывозе продуктов земледелия и, в свою очередь, способствовали распространению в скифской среде изделий ремесла из припонтийских и средиземноморских центров. К концу III в. до н. э. господство скифских царей в Добрудже было поколеблено ростом влияния гетских царств и проникновением бастарнов. Перед лицом угрозы, одинаковой для греков и скифов, последние, являясь чужеродным элементом во враждебной стране, были заинтересованы в дружбе с эллинами и не стремились к захвату их городов в отличие от скифов Нижнего Поднепровья и Тавриды. Дружественные отношения скифских царей с городами объяснялись взаимными экономическими и политическими интересами: стремлением скифской аристократии сделать более прочным господство над покоренными фракийцами за счет собственного экономического могущества и использовать греческие города для выпуска монеты с целью платы войскам для борьбы с непокоренными племенами. Для этих целей сохранение автономии городов было необходимо³.

Археологические материалы свидетельствуют, что фракийское влияние в памятниках материальной культуры населения Добруджи, в частности в погребальном обряде, торевтике, гончарном ремесле, преобладало над иранскими традициями. В настоящее время можно уверенно говорить, что Скифское царство в Добрудже не было связано общими границами со скифами Таврики и их государством со столицей в Неаполе. Во II—I вв. скифы Добруджи, очевидно, потеряли часть территорий, которые имели ранее, и центр их владений, по всей видимости, переместился в район южнее Истрии и Том. Сказать что-либо определенное о социально-экономических отношениях и политическом устройстве Скифского царства не представляется возможным ввиду отсутствия данных в источниках.

* * *

В III в. до н. э. среди городов Западного Причерноморья наблюдалась тенденция к объединению под властью более сильного полиса. Об этом свидетельствует конфликт Византия с выступавшими совместно Каллатисом и Истрией за торговую монополию в Томах (Мемп. XXI). Эти города были могущественными, играли роль гегемонов в регионе. Главным виновником войны и наиболее заинтересованной стороной был Каллатис. Истрия же оказывала только посильную помощь. Борьба завершилась победой Византия, расширившего свое влияние в Причерноморье.

В III—II вв. Аполлония и Месембрия переживали полосу расцвета. О подъеме экономики Месембрии в III в. до н. э. свидетельствует чекан, как и в Одессе, золотых монет с типами Александра и Лисимаха, тогда как большинство других западнопонтийских полисов чеканили лишь медную монету (Каллатис чеканил золото и серебро до поражения в войне с Византием). Развивались торговые связи с Афинами, Ольвией, Оропом. Благодаря своим обширным внешним связям Месембрия была включена в состав участников мирного соглашения, ознаменовавшего окончание большой войны в Малой Азии между коалицией царей Пергама, Вифи-

³ Pippidi D. M., Berciu D. Din Istoria Dobrogei. București, 1965, vol. 1, p. 233 sq.

нии и Каппадокии и царем Понта Фарнаком I (Полибий, XXV, 2). Находившееся на севере Малой Азии и ослабленное войной Понтийское царство при Фарнаке I было заинтересовано установить дружественные отношения с причерноморскими государствами. В одной из надписей Одесса говорится о соглашении с Фарнаком I, Понтийским, которое обеспечивало городу международный авторитет и союзника против фракийцев и бастарнов⁴. К тому же это открывало возможность расширить торговлю с Синопой, Амисом, Амастрией, входившими в состав Понтийского государства. Ведь расцвет в торговле городов левобережья Понта с южнопричерноморскими полисами падает как раз на II в. до н. э. К этому времени относятся и первые контакты греческих городов с Римом.

Аполлония в III в. до н. э. имела тесные связи с фракийцами. Среди горожан значительный процент составляли выходцы из внутренних фракийских областей. Благосостояние города зависело от использования сельскохозяйственной территории и торговли. Экономика города основывалась на сельском хозяйстве, торговле и производстве соли. Местное ремесло, за исключением керамического, не получило особого развития, и его продукция была незначительна по своим размерам, уступая по качеству товарам из других центров. Торговые связи города распространялись главным образом по побережью, достигая устья Дуная, внутренние же районы страны оставались вне его торговых интересов. Торговля Аполлонии была преимущественно транзитной, хотя господство кельтов в непосредственной близости от города препятствовало проникновению в северные районы Фракии. Последнее способствовало тому, что в III—II вв. Аполлонию из этих районов вытеснила Месембрия, ставшая ведущим полисом региона⁵.

Экономическое развитие городов западнопонтийского побережья в эллинистический период было неодинаково. Если Томи, Аполлония и отчасти Истрия испытывали определенные материальные трудности, то Каллатис, Месембрия, Одесс, напротив, имели относительно стабильное экономическое положение. Расцвет ремесленного производства и торговли с местным населением и другими греческими городами резко контрастировали с сокращением сельскохозяйственного производства и рыболовства по Дунаю и Певке, что было вызвано непрекращавшимися попытками варварских племен, особенно гетов, скифов и бастарнов, завладеть обширными участками хоры греческих полисов. В Истрии в III—II вв. наблюдался подъем ремесленного, главным образом керамического, производства и торговли, а материальные ресурсы города постепенно ослабевали. В такой ситуации городам левобережья Понта требовалось сплочение для улучшения экономического положения и защиты от варварской угрозы. Такая тенденция совпала с ростом могущества Понтийского царства в последней четверти II в. до н. э., когда царь Митридат VI Евпатор сделал попытку создать общепричерноморскую федерацию. С каждым из полисов был заключен договор, предусматривающий номинальную автономию, но с условием в одном случае, что в городе будет размещаться гарнизон понтийских войск, а в другом — обычное соглашение о дружбе и союзе.

Включение западнопонтийских городов в экономическую систему Понтийской державы способствовало подъему их экономики в конце II—I вв. до н. э. Истрия, Каллатис, Томи возобновили выпуск золотых и серебряных монет, что свидетельствовало о правах самоуправления в рамках государства Митридата. Расквартированные в городах понтийские

⁴ Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VIII—I вв. до н. э. М., 1952, с. 148, 149.

⁵ Венедиков П. Аполлония на Черно море.— В кн.: Археологически открития в България. София, 1957, с. 106—109.

войска предохраняли хору от набегов варваров. Политика расширения прав политической автономии городов, подъема их хозяйства сплачивала греков вокруг Митридата. Дружба и прочный союз основывались на подтверждении прав граждан владеть собственной территорией перед лицом варварской угрозы. Вот почему в ходе III Митридатовой войны (72—70 гг.) М. Варрону Лукуллу пришлось приложить немало усилий для подчинения городов римской власти, а Аполлонию Понтийскую даже разрушить за непокорность Риму и верность понтийскому царю. Дойдя до Дуная и подчинив города побережья и туземные племена Фракии и Добруджи, Лукулл провел ряд мер по укреплению римского господства. Греческие города, за исключением Одесса, вынуждены были прекратить выпуск монеты, в Месембрии и Аполлонии были расквартированы римские гарнизоны, а с городами Малой Скифии и Добруджи заключены договоры о союзе, которые номинально подтвердили их свободу и автономию (Дион Кассий, XXXVIII, 10). До нас дошел текст договора, заключенного в 70 г. до н. э. с Каллатисом, по которому Рим и греческий полис обязывались воздерживаться от враждебных действий, предоставляя помощь в случае нападения кого-либо на одну из договаривающихся сторон. Система таких соглашений обеспечивала римлянам тыл для окончательного разгрома Митридата и означала конец господства понтийцев на землях от нижнего Дуная до Фракийского Херсонеса.

Однако римское господство в Малой Скифии было еще непрочным. В 62/61 г. проконсул Македонии Г. Антоний Гибрида, которому формально подчинялись земли вдоль побережья до Дуная, обложил эти территории огромными налогами, не различая при этом ни варваров, ни греков. Естественно, греческое население усмотрело в этом покушение на свой суверенитет, и когда проконсул выступил против дарданов, объединенное войско эллинов, скифов, бастарнов и гетов нанесло ему сокрушительное поражение под Истрией. Из греческих городов только Дионисополь сохранял верность Риму.

Из городов левобережного Понта Аполлония и Одесс на протяжении длительного времени поддерживали самые тесные дружественные отношения с местным населением. Особенно активно они осуществляли контакты с фракийскими царями одрисской династии, которые оставались верными Риму в ходе Митридатовых войн. В районе Одесса обитало фракийское племя кробизов. В конце II в. до н. э. в Одессе были выпущены две серии серебряных монет с легендой — сокращением имени фракийского царя Кирсаблепта. Очевидно, фракийские цари пытались использовать город в собственных интересах, распространив на него свое влияние. Выпуск монет с изображением Великого божества свидетельствует в пользу того, что город при Кирсаблепте мог пользоваться определенной долей автономии. Эти обстоятельства наложили отпечаток на позицию Одесса во время похода М. Лициния Лукулла, когда в 72 г. одесситы добровольно покорились римскому военачальнику. Среди них значительное число составляли фракийцы, поэтому в культе Аполлона, верховного божества города, в эллинистическую эпоху прослеживается ряд черт, связывающих его с фракийскими богами. В Одессе находилось святилище фракийских богов Героса Карабазмоса и Бендис, а в его окрестностях — фракийские селища и курганные захоронения. В 44—42 гг. жители города почтили декретом о проксении стратега фракийского царя Садала II Меногена, ибо греческим городам был выгоден протекторат фракийских властителей, так как это ставило их под покровительство и защиту в случае внешней угрозы, не нарушая традиционных прав самоуправления, позволяло осуществлять взаимовыгодный торговый обмен с внутренними районами Фракии. Политические связи городов фракийского побережья с одриссами, сапеями, астами упрочились за период борьбы с кельтами. Эти связи стали еще более тесными после падения царства Тилы. Отныне

и надолго фракийцы стали дружественными Аполлонии, Месембри, Одессу. Римляне учли данное обстоятельство при организации своих северо-восточных рубежей в конце I в. до н. э.

3. ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

В северо-западной части Причерноморья наиболее значительными городскими центрами оставались Тира и Ольвия.

В эллинистическую эпоху Тира — город с традиционными органами внутреннего самоуправления — Советом, Народным собранием, системой магистратур. Политические и экономические связи Тиры охватывали Херсонес, Синопу, Истрию, Кос, о чем свидетельствуют находки монет и керамических клейм. Тира осуществляла транзитную торговлю левобережья Понта с Северным Причерноморьем, в частности с Ольвией. Из государств Восточного Средиземноморья активно торговал в III в. до н. э. с Поднестровьем Родос, но во II в. до н. э. объем его торговли сократился⁶.

Основой хозяйства Тиры оставалось земледелие. Одной из важнейших статей экспорта Тиры была пшеница, выращиваемая на прилегавшей к городу сельскохозяйственной территории в Нижнем Поднестровье. Здесь на смену поселениям позднеархаической и раннеклассической эпохи пришли поселения, которые возникли в середине IV в. до н. э. и прекратили существование в конце III—II в. На правом берегу Днестровского лимана обитали геты, на левом — скифы. Жители Тиры, Никония (Роксоланское городище), приезжие торговцы могли получать хлеб у населения областей по нижнему и среднему течению Днестра.

О связях Тиры с окрестным населением говорят многочисленные находки в городе лепной керамики IV—II вв. Раскопками засвидетельствованы значительная перестройка старых и возведение новых зданий в Тире во второй половине IV в. до н. э., что одновременно строительству сельских поселений Нижнего Поднестровья. В это время в Тире развиваются керамическое, металлообрабатывающее, ткацкое ремесла, каменотесное и строительное дело. При общем подъеме ремесленного производства намечился некоторый упадок торговой деятельности к концу эллинистической эпохи. Поэтому назрела очевидная необходимость восстановить прежние торговые связи. Это могло стать возможным в рамках причерноморской державы Митридата VI. Чекан в Тире монет по типу пантикапейских времени подчинения Веспора понтийскому царю является свидетельством признания Тирой власти Евпатора. Однако город подчинился господству понтийцев недолго, так как после поражения царя в Малой Азии и особенно в Западном Причерноморье в 70-х годах I в. до н. э. создались объективные предпосылки для выхода Тиры из состава черноморской державы Митридата. Вероятно, Тира следовала примеру городов левобережного Понта, признавших победу римлян. В середине I в. до н. э. Тира подверглась нападению гетов Буребисты, что привело к ее жесточайшему разорению и подтверждается данными археологии. Совершенно прекращается чеканка монеты.

На противоположном берегу Днестровского лимана находился небольшой древнегреческий город Никоний. Основанный около середины VI в. до н. э., этот город превратился к середине IV в. до н. э. в важный центр транзитной торговли различных эллинских центров с Ольвией и местными племенами Поднестровья и Побужья. Однако в III в. до н. э. Никоний теряет свое значение, так как ведущая роль в осуществлении кон-

⁶ Фурманская А. И. Античный город Тиры. — В кн.: Античный город. М., 1963, с. 44.

тактов Нижнего Поднестровья с античным миром переходит к Тире. К концу столетия Никоний приходит в упадок, а во второй половине II в. до н. э. жизнь там почти затухает.

Как и в Поднестровье, на территории Нижнего Побужья, где расположена Ольвия, обстановка в III в. до н. э. сложилась крайне тяжелая. Под натиском варварских племен положение в городе и хоре чрезвычайно ухудшилось. В районе Березанского, на северо-западном берегу Днепровского и западном побережье Бугского лиманов около 250—240 гг. погибли аграрные поселения, что сказалось на общем уровне экономики полиса. До первой половины II в. до н. э. продолжалась жизнь только на поселениях восточного берега Бугского лимана. Упадок хоры Ольвии связан с нападением сарматов, скифов, галатов. Положение усугублялось тем, что миксэллины, которые обитали по границам хоры, не оказали ольвиополитам той действенной помощи, которую они обычно предоставляли в случае внешней опасности.

О тяжелом экономическом и финансовом положении Ольвии говорит понижение в середине — третьей четверти III в. до н. э. почти вдвое веса традиционной ольвийской медной монеты — борисфенов, а затем и полное прекращение их выпуска. Стремясь поправить финансовые дела, ольвийские монетарии учащали выпуск медной монеты, но это не покрывалось необходимым запасом золота, которого становилось все меньше. Отсюда постепенное обесценивание медных монет, увеличение их количества в обращении, частые перечекалки и надчеканки во второй половине III в. до н. э.

Ольвийские декреты этого времени в честь Протогена и Антестерия рисуют картину кризиса Ольвийского полиса, обостренного внутривосполитической борьбой различных группировок, волнениями рабского и полувосполитического населения, внешней угрозой со стороны варварского окружения. В городе не хватало хлеба, казна опустела, флот Ольвии находился в плачевном состоянии, и только деятельная помощь зажиточных граждан помогала городу в снабжении продовольствием, починке кораблей и т. п. Социальные противоречия в полисе в III в. до н. э. обострились в результате концентрации средств в руках богатых лиц и быстрого разорения широких слоев населения.

В III—II вв. Ольвия поддерживала связи с другими полисами — Родосом, Херсонесом, Каллатисом и др., во II в. до н. э. она завязала отношения со Скифским царством в Крыму, активно проникая на северо-западное побережье, отвоеванное скифами у Херсонеса. Лишившись возможности эксплуатировать свои хлеботородные земли вследствие упадка хоры в III — начале II в. до н. э., ольвиополиты спешили поживиться в Западной Тавриде, хлебной житнице Херсонеса. Это облегчалось тем, что во второй половине II в. до н. э. Ольвия вынуждена была подчиниться скифскому царю Скилуру.

Сокращение торговой деятельности и ухудшение взаимоотношений со скифами способствовали включению Ольвии в державу Митридата VI. На рубеже II—I вв. до н. э. там находился гарнизон понтийских войск (IOSPE I², 35). Зависимость Ольвии от Митридата особенно усилилась после войн понтийских полководцев Диофанта и Неоптолема со скифами в начале I в. до н. э. Но подчинялась Ольвия Митридату, очевидно, только до конца 70-х годов I в. до н. э., когда влияние там понтийского царя ослабело. В 48 г. до н. э., лишенный внешней защиты, город оказался жертвой агрессивной политики гетского царя Буребисты и был полностью разрушен.

Сходные процессы социально-экономической и политической истории переживал Херсонес Таврический. Этот город имел обширные контакты с различными причерноморскими и средиземноморскими центрами: Родосом, Афинами, Косом, Гераклеей Понтийской, Синопой, Фасосом, Ист-

рией, Ольвией, Тирой и др. Благосостояние города зависело от использования сельскохозяйственной территории на Гераклейском полуострове, где были размежеваны участки его граждан, а также в Северо-Западном Крыму, откуда в город поступал хлеб и где, так же как и в окрестностях Херсонеса, выращивали виноград. К III в. до н. э. Херсонес владел довольно обширной территорией в Северо-Западном Крыму с городами Керкинитидой и Калос Лименом. Главным его доходом с этой территории был хлеб. К тому же плодородные херсонесские земли непосредственно примыкали к основному ядру Скифской державы — крымской столице Неаполю и крупным скифским городам — Хабейм, Напиту, Палакию и др. Это способствовало устремлению скифов захватить в первую очередь укрепления херсонесцев в Северо-Западной Тавриде. После того как на рубеже первой — второй четверти III в. до н. э. скифы предприняли нападение на херсонесские владения к северу от Калос Лимена и уничтожили часть неукрепленных поселений этого района, херсонесцы провели реконструкцию подвластных им крепостей. Одни поселения, прежде лишенные укреплений, были обнесены оборонительными сооружениями, другие увеличены в размерах, третьи выстроены заново как укрепленные усадьбы. Изменился и хозяйственный профиль усадеб, поскольку повысилось значение виноградарства. На протяжении III — первой половины II в. до н. э. на всех без исключения усадьбах Северо-Западного Крыма и Гераклейского полуострова велись дополнительные фортификационные работы в связи с возросшей скифской опасностью.

С реорганизацией аграрной территории связана продажа и перераспределение земельных участков. Весьма значительные размеры участков и довольно большие цены за них говорят о том, что в городе для полноправных граждан мог быть установлен высокий имущественный ценз. Эпиграфические находки показывают, что к концу III в. до н. э. скифы все чаще стали появляться в ближайших окрестностях города (IosPE, I², 343; 346). В этих условиях херсонесцы сблизились с сарматами, роксоланами, которые враждовали со скифами. Сарматы пришли на выручку Херсонесу и вернули ему отобранную скифами территорию (Ролуаен, VIII, 56). Союз с сарматами получил международное юридическое оформление в 179 г. до н. э., когда с ведома римлян в число участников мирного договора с понтийским царем Фернаком I были включены херсонесцы и сарматский династ Гатал (Полибий, XXV, 12—14). Как следствие этого события город заключил двусторонний договор с понтийским царем, согласно которому стороны обязывались помогать друг другу в случае нападения противника (IosPE, I², 402). В договоре был специально предусмотрен пункт о том, что Фарнак I обязывался оказать помощь при нападении или угрозе со стороны скифов полису и подвластной ему территории. Вообще в III—II вв. Херсонес был крайне заинтересован в поисках союзников в начинавшейся борьбе со скифами. Он установил прочные отношения с Делосом, Дельфами, Боспором, Родосом, Понтийским царством и его столицей Синопой. К этому времени относятся первые контакты с Римом¹.

Несмотря на все усилия херсонесцев, давление на их хлебобородные земли в Северо-Западном Крыму со стороны скифов не ослабевало. К середине II в. до н. э. вся аграрная территория в этом районе перешла под их контроль. На месте бывших херсонесских укреплений возникли скифские поселения и крепости. К концу II в. до н. э. погибают сельскохозяйственные усадьбы на прилегающих к городу землям Гераклейского полуострова. Внешняя угроза сочеталась с неустойчивым внутренним по-

¹ Сапрыкин С. Ю. Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский. — ВДИ, 1979, № 3, с. 43 и след.

ложением. Из начальных строк декрета в честь ольвийского гражданина Никерата можно понять, что Херсонес был раздираем ожесточенной внутренней социальной борьбой, вспыхнувшей между широкими слоями граждан и сторонниками олигархии или тирании. Такое положение было в порядке вещей почти для всех припонтийских полисов, ибо нехватка продовольствия в сочетании с внешней угрозой приводили к обнищанию демоса и увеличению богатства представителей зажиточной верхушки.

В такой ситуации пришедшая к власти политическая группировка искала помощи на стороне у соседнего Боспора и Понтийского царства. Херсонесцы стремились укреплять связи с боспорскими царями для того, чтобы последние воздействовали на дружественных им скифских династов и добились от них прекращения экспансии против Херсонеса. Когда стало очевидно, что достичь этого не удастся, Херсонес пошел на сближение с понтийскими царями, к херсонесцам было отправлено посольство Митридата VI Евпатора. В его задачу входило обговорить условия для заключения нового договора о предоставлении помощи в борьбе со Скифским царством (Страбон, VII, 4, 3; 4). Когда в 110 г. до н. э. скифы оказались совсем близко от города, в Крыму в соответствии с достигнутыми договоренностями появилось понтийское войско во главе с Диофантом, стратегом Митридата. В ходе войн со скифами, длившихся в течение трех лет, в которых самое деятельное участие принимали и херсонесцы, были взяты царские крепости скифов и их столица Неаполь, освобождена херсонесская аграрная территория в Северо-Западном Крыму вместе с городами Керкиндой и Калос Лименом и разбиты союзники скифов — сарматское племя роксоланов. В Скифии были расквартированы понтийские гарнизоны, а сыновья Скилура, который совместно со старшим сыном Палаком воевал против Митридата, были лишены права на власть над Скифией. Только под давлением Рима Митридат пошел на некоторые уступки, вернув часть владений наследникам Скилура, но и то, назначив в качестве наместников, вероятно, преданных ему людей. За ощутимую помощь в войнах Диофанта Херсонес получил широкие права автономии в рамках созданной Евпатором Причерноморской державы. Об этом свидетельствует некоторое оживление на рубеже II—I вв. до н. э. хозяйственной деятельности усадеб на Гераклейском полуострове и непрекращавшийся процесс чеканки монеты. Город отпал от Митридата только в 60-х годах I в. до н. э., когда почти все греческие города Северного Причерноморья перешли на сторону римлян.

После смерти Митридата Херсонес попал под власть его сына Фарнака (63—47 гг.). После его смерти Юлий Цезарь в 45/44 г. до н. э. предоставил ему свободу. Однако затем город вновь оказался под властью Боспорского царства, когда Асандр вскоре после 42 г. до н. э. сумел, наконец, им завладеть, затратив на это не одну попытку. Херсонес мог подчиниться Асандру на условиях симмахии, добровольного союза, который означал на деле господство более сильного царства над более слабым полисом. Это не исключало, однако, сохранения за Херсонесом прав самоуправления и автономии, что подтверждают его монеты. Ведь город пользовался правами самоуправления как бы неофициально, ибо получил их еще при Асандре, поэтому официально их пришлось подтвердить Августу и Агриппе тотчас после победы при Акции. В 25/24 г. до н. э. были подтверждены его свобода и автономия в рамках союза с Боспорским царством, что ознаменовалось принятием своей городской эры. Херсонесцы поддерживали связи с боспорскими царями Динамией, Полемоном I и Аспургом, и выступили, очевидно, на стороне римлян во время римско-боспорской войны при Митридате VIII.

Важнейший очаг эллинской культуры в Северном Причерноморье — Боспорское царство во второй четверти — середине III в. до н. э. переживало острый финансовый кризис. Это выражалось в постоянных пере-

чеканках и надчеканках монет, а также падении реального веса меди. На ухудшение экономического положения Боспора не могло не повлиять сокращение объема торговых связей с их традиционным партнером Афинами. Это выразилось в прекращении поступления на боспорские рынки афинской керамики, произведений художественного ремесла, терракот. Однако объем вывоза боспорской пшеницы, по крайней мере в первой половине — середине III в. до н. э., вряд ли резко сократился: известно, например, что боспорский царь Спарток III еще в 287 г. до н. э. безвозмездно передал афинянам около 37 тыс. пудов хлеба. И все же боспорская пшеница теперь не пользовалась таким большим спросом, как в V—IV вв.: в период раннего эллинизма было выгоднее закупать зерно в Египте. Изменение соотношения сил в Восточном Средиземноморье после войн диадохов, появление новых торговых центров, таких, как Александрия и Родос, способствовали активизации внешней политики Боспора. В середине III в. до н. э. царь Перисад II направил посольство в Александрию для переговоров с Птолемеем II Филадельфом; тогда же он совершил пожертвование в храм Аполлона на Делосе. Имена боспорских властителей фигурировали в списках жертвователей Аполлону в Дельфах и Дидимах во II в. до н. э. В третьей четверти III в. до н. э. на рынки Боспора активно начинает проникать импорт Родоса, резко возросший в конце III — начале II в. в связи с отменой Византием таможенных пошлин за проезд купцов через проливы после войны с Вифинией и Родосом в 220 г. до н. э.

Изменение объема экспорта пшеницы не привело к упадку и застою боспорской экономики. В боспорских городах в эллинистическую эпоху наблюдалось строительство частных и общественных зданий, что само по себе говорит о высоком уровне жизни и материального производства. В это время значительно увеличилась территория Пантикапея, Мирмекия, Порфмия и др. В то же время во второй половине III в. до н. э. начинается упадок крупных городов европейского Боспора — Тиритаки и Нимфея. Несмотря на отдельные полосы кризиса в III—II вв., Боспорское царство продолжало оставаться в экономическом отношении сильным государством. Потеря традиционных рынков сбыта сельскохозяйственной продукции компенсировалась централизованной деятельностью ремесленных мастерских, контролировавшихся и направлявшихся царской властью. Боспорские династы были заинтересованы в доходах от ремесла и торговли, что поощряло развитие местной промышленности. В эпоху эллинизма на Боспоре развивалось каменотесное и строительное дело, металлообработка, гончарное и деревообрабатывающее производство, ткачество, ювелирное дело. Уже в III в. до н. э. боспорские, главным образом пантикапейские, мастера начали изготавливать так называемые «акварельные» пелики, местные подражания ввозившимся ранее краснофигурным пеликам аттического производства. Во II—I вв. пантикапейские мастерские выпускали в большом количестве рельефную керамику. В III в. до н. э. продолжался массовый выпуск черепицы, где тон задавали царские черепичные эргастерии. Правда, не все отрасли боспорского ремесла этого времени подпадали под государственную монополию. Существовало немало небольших частновладельческих мастерских. Концентрация торговой-ремесленной деятельности в руках узкого круга представителей рабовладельческой верхушки способствовала углублению социальной и имущественной дифференциации, разорению частных торговцев, ремесленников, судовладельцев. Это облегчало иностранцам-метекам, число которых во II—I вв. значительно увеличилось, как можно судить по надписям, применять свои силы в ремесле и торговле. К рубежу II—I вв. на Боспоре сложилась диспропорция между объемом ремесленного производства и торговли, которая ориентировалась теперь исключительно на внутрипонтийский регион.

Серьезные изменения произошли в структуре аграрной территории. В конце III—II в. на Керченском полуострове возникли укрепленные усадьбы, а свободные или полузависимые жители деревень, очевидно, переселились на север полуострова к побережью Меотиды, где жили потомки местного автохтонного населения — киммерийцев. В конце II — начале I в. в результате внутренних социально-экономических причин, вторжений варваров и разорительной налоговой политики последних Спартокидов, Митридата VI и его сына Махара укрепления на землях европейского Боспора приходят в упадок. Это существенно подорвало сельскохозяйственное производство и торговлю. Одновременно экономические трудности стали ощущаться и в крупнейших городах царства, хотя в целом процесс торгово-ремесленной деятельности не прекратился.

Во второй половине II в. до н. э. боспорское общество попало в полосу глубоких противоречий социально-экономического характера, связанных с ростом рабского труда, концентрацией богатства в руках зажиточных торгово-ремесленных кругов и землевладельческой аристократии, обезземеливанием сельскохозяйственного населения деревень. Это усугублялось возрастающими притязаниями сарматов, требовавших все больше дани. Последнее обстоятельство заставило Боспор сблизиться со Скифским царством в Крыму. Все это ослабляло центральную власть, делало Спартокидов в глазах боспорских рабовладельцев неспособными восстановить прежние порядки, когда они наживались на широкой хлебной торговле. В такой ситуации стало зреть недовольство среди боспорской греческой знати, стремившейся перейти под власть Митридата VI. В то же время находившаяся при дворе последнего боспорского царя династии Спартокидов Перисада V эллинизованная скифская верхушка, стремясь подыграть устремлениям своих царей Скилура и Палака, стала выражать беспокойство тем, что последний Спартокид договорился с Диофантом, стратегом понтийского царя (см. выше), о передаче власти над Боспором Митридату Евпатору. Очевидно, заговор возник в среде ближайшего скифского окружения боспорского владыки, которое составляли воспитывавшиеся при его дворе представители высшей скифской знати и просто жившие в столице скифские аристократы. Заговор возглавлял Савмак, судя по имени, скиф, также, вероятно, знатного рода, воспитывавшийся при дворе царя Перисады V. Скифы убили царя, захватили Пантикапей, но понтийским войскам под командованием Диофанта и отряду херсонесского ополчения удалось подавить восстание. После этого в 106 г. до н. э. Боспор окончательно перешел под власть Митридата Евпатора.

В составе Причерноморской державы города Боспорского царства поддерживали политику понтийского царя, поскольку он гарантировал им права автономии и самоуправления, разрешил чеканку монеты. Особую симпатию к грекам Митридат проявлял в конце II — 80-х годах I в., когда стремился предстать их освободителем. Однако уже в ходе войны с Римом 89—85 гг. боспорские города выказали ему нерасположение. Это привело к некоторому ослаблению их самостоятельности после назначения Махара, сына Митридата, наместником. И хотя греческие города по-прежнему были лояльны царю, последний стал относиться к ним с опаской, стараясь теперь ориентироваться на местные племена и противопоставить их сепаратистским поползновениям полисов. Это привело к организации в ряде аграрных районов (в основном на «царских» землях) военно-хозяйственных поселений типа катойкий, призванных укреплять позиции царя на Боспоре. Подобная деятельность особенно усилилась в конце 70-х — начале 60-х годов I в. до н. э., когда во время III Митридатовой войны Пантикапей, Нимфей, Феодосия, Херсонес и другие полисы, воспользовавшись изменой Махара, вновь попытались отделиться от царя и Митридату после появления на Боспоре и свержения Махара пришлось снова приводить их к покорности. В этот последний период дея-

тельности Митридат решительно переменял политику в отношении греков, сблизившись с верхушкой варваров и набирая в войска их представителей, наемников и даже рабов. Увеличение поборов окончательно подорвало экономику полисов, и в 63 г. до н. э. они, не колеблясь, встали на сторону восставшего против отца сына Митридата Фарнака II (63—47 гг.).

Деятельность преемников Митридата на боспорском престоле на рубеже I в. до н. э.—I в. н. э. определялась тремя основными направлениями — гарантиями независимости Боспора: взаимоотношениями с Римом, связями с эллинскими полисами и местным варварским окружением. Наиболее успешно эти три линии в политике удавалось совмещать царям Асандру и Аспургу (47—17 гг.), (8 г. до н. э.—37 г. н. э.). Желая добиться от римлян официального признания прав на престол, эти власти заигрывали с греческими городами, предоставляя им автономию и самоуправление. Последнее выражалось в том, что им была разрешена чеканка монеты; а сами династы носили поначалу лишь титулы архонтов. Одновременно представители династии стремились привлечь верхушку сармато-меотских племен, заинтересованную в связях с греками. Они набирали варваров в войска, предоставляя на правах держаний с условием несения сторожевой службы землю из разряда «царской», что выражалось в строительстве с середины I в. до н. э. крепостей по всей территории царства. Подобная политика позволяла боспорским царям, лояльным Риму, быть независимыми в международных делах, играть на противоречиях местных племен и городов, противопоставляя их друг другу. В результате им удавалось поддерживать хорошие отношения с римскими властями, опиравшимися обычно на эллинские городские слои, крупнейшими городами и местным варварским окружением. В целом самостоятельное государство, Боспор в начале н. э. рассматривался Римом как форпост на северо-востоке, призванный сдерживать напор варваров на дунайские и малоазийские провинции. Но как только равновесие трех главных принципов боспорской независимости оказывалось нарушенным в пользу одного за счет двух других, как это случилось при Фарнаке, Полемоне I и Митридате VIII (III), тотчас же начинались внутренние смуты, междоусобицы и боспорская самостоятельность ослабевала. Этим стремился воспользоваться Рим, лелеявший надежду теснее привязать к себе Боспор. В 62 г. н. э. царь Боспора был лишен римлянами права помещать на золотых статерах свою монограмму, так как обязан был заменить ее монограммой Нерона. За ним осталось право чекана лишь меди с собственной монограммой. Это свидетельствует о тесной зависимости Боспорского царства от Рима при сохранении его статуса как государства во главе с царем.

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПЕРИОД РАСЦВЕТА И ПЛЕМЕННОЙ МИР

Глава 14

РАСЦВЕТ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЭПОХУ ИМПЕРИИ

Историю Римской империи обычно начинают с битвы при Акции, когда Октавиан остался единственным правителем вновь объединившейся римской державы. То было многоукладное государство, включавшее народы и племена, стоявшие на разных уровнях развития. Такая провинция, как Ахайя, давно уже пережила расцвет, а затем кризис классического полисного строя. Ее экономика находилась в состоянии длительного застоя, и свое значение некоторые ее города, в первую очередь Афины и Дельфы, сохраняли лишь как культурные и культовые центры, остальные же постепенно приходили в упадок. Даже возведенный Цезарем в ранг колонии Коринф, несмотря на свое положение резиденции наместника и благоприятные возможности для развития морской торговли, не достиг прежнего процветания и не мог соперничать с другими торговыми центрами.

Нарбонская Галлия (Плиний Старший называет ее как бы продолжением Италии), Южная и Юго-Восточная Испания, издавна испытывавшие влияние финикийцев, карфагенян, греков, а затем римлян, уже один-два века входившие в состав римской державы, располагавшие богатыми природными ресурсами, гаванями, судоходными реками, отличались высокоразвитой экономикой, базировавшейся в значительной мере на труде рабов. Наряду с сотнями мелких поселений выросли большие, следовавшие античным образцам города. Древний Гадес, получивший от Цезаря римское право, насчитывал до 50 тыс. жителей, из них 500 римских всадников. Из Гадеса происходила знаменитая семья Бальбов, глава которой получил еще от Помпея римское гражданство, а затем, перейдя на сторону Цезаря, возвысился и, как и его сын, стал сенатором. Богатство Гадеса основывалось на морской торговле со странами Средиземноморья и Атлантического побережья. Центром большой плодородной области была Кордуба, населенная римлянами и местными уроженцами, родина поэтов и архитекторов, украшавших город. В Кастуло, Обулько, Бело, Малаке и других городах побережья изготовлялись соленья и знаменитый гарум из рыбы, дававшие большие доходы и экспортировавшиеся по всему Средиземноморью. На восточном побережье самым крупным и богатым городом был Новый Карфаген, центр рудников (принадлежавших частным лицам или сдававшихся откупным компаниям), судостроения, порт для вывоза продуктов земледелия и скотоводства. Следующей по значению была Тарракона — город, построенный по римскому образцу. Во всех этих и в ряде более мелких городов существовали театры, цирки, форумы, храмы, ставились статуи, подражавшие греческим и римским образцам. При Цезаре колониями стали, кроме Гадеса, Аста Регия, Гиспалис, Укуби, Урсо; еще раньше колониями были Картея и Кордуба; Сагунт, населенный греками и местными жителями, имел право римского гражданства.

О том, что представляла собой римская колония в Испании того времени, мы можем судить отчасти по отрывкам устава колонии Юлии Гепетивы (CIL, II, 5431), выведенной после смерти Цезаря и предназна-

чавшейся не для ветеранов, как большинство колоний, а для плебса. Борозда, проделанная с помощью плуга, очерчивала границы города; колонии отводилась внутри этих границ и за их пределами территория, частично переданная в качестве наделов колонистам, частично составлявшая их общую собственность, использовавшуюся под пастбища, леса или сдававшуюся в аренду сроком на пять лет для пополнения городской казны. Помимо колонистов, там жили лица, к их числу не принадлежавшие, очевидно, из местного населения, — как мы знаем из трудов аграриев (землемеров), часть земли при основании колонии оставлялась туземцам.

Делами колонии управляли совет декуррионов (обычно 100 человек) и выборные магистраты, имевшие свой штат писцов, счетчиков, курьеров; все они получали определенное жалование и не призывались в армию, «за исключением случаев мятежа в Италии или Галлии». Декуррионы и магистраты должны были владеть недвижимостью и располагать средствами достаточными, чтобы нести расходы в пользу сограждан (проводить игры, обслуживать культ богов — покровителей города и т. п.); в то же время их имущество служило залогом честности в управлении городской казны. Недвижимость должны были иметь также городские авгуры и понтифики, назначавшиеся основателем колонии с последующей кооптацией членов. Дуумвир, ведавший судом, имел право в случае необходимости набирать и выводить за пределы города вооруженный отряд из колонистов и приписанных к колонии поселенцев. И те, и другие должны были отработать пять дней в году на постройке укреплений.

Много внимания уделялось штрафам за разные провинности, разбиравшиеся судом. Так, за самовольное, без приговора суда, заключение в оковы должника кредитор платил штраф в 2 тыс. сестерциев; захвативший общественные земли платил за каждый год, что ими пользовался, и за каждый югер штраф по 100 сестерциев; 20 тыс. взималось с дуумвира, взявшего взятку у подрядчика, работавшего для города, или арендатора городской земли; за нарушение межевых камней и рвов, разделивших частные наделы, виновный платил 1000 сестерциев; 5 тыс. взималось с кандидата в магистраты или его друга, устроивших пир и раздавших подарки избирателям.

Таким образом, колонии (а впоследствии и муниципии, и даже не имевшие соответственного статуса города) в провинциях в значительной мере воспроизводили порядки республиканского Рима классической поры. Правда, плебс играл здесь, видимо, меньшую роль, чем в Риме III—I вв., участвуя лишь в выборах магистратов, но не в законодательной деятельности, бывшей некогда столь мощным оружием римских плебеев. Но налицо сочетание владения частными наделами с правом пользования землей, принадлежавшей всему гражданскому коллективу, связь владельческих и гражданских прав и, что весьма значительно, типичный для античной гражданской общины цензовый принцип — принцип, по выражению одного исследователя, «геометрического равенства», предполагавший, что гражданин, обладавший большим имуществом, родовитостью, широкими связями, обязан нести большие обязанности в пользу сограждан.

Несколько иным было положение в Нарбонской Галлии. С одной стороны, там уже были многочисленны города, населенные римскими землевладельцами и дельцами, развитая экономика; в районах, близких к Масилии, основавшей несколько своих поселений, было сильно греческое влияние, что облегчило и распространение влияния римского. Города, расположенные на побережье и на судоходных реках, приобщались к торговле; росли и города, являвшиеся центрами наиболее крупных племен. Статус колоний имели Нарбон, Форум Юлия, Арелата, Бетерра,

Араузион, Валентия на территории каваров, Вьенна у аллоброгов, Немаус у арекомиков, Толоза у тектосагов; латинским правом были наделены Аквы Секстиевы у салувиев, Авенион у каваров, Апта Юлия, Антиполис. Вместе с тем в провинции еще сохранялось значительное число мелких отсталых племен, объединенных в паги и села, а иногда в некие коллективы, природа которых нам не известна, или в соседские и культовые ассоциации.

Знать крупных племен уже селилась в городах, эксплуатируя зависимое местное население. Например, Немаус имел 24 зависимых от него пага. На эту знать, местных «принцевсов», в основном опирались римляне. Но влияние переселенцев из Италии, развитие торгово-денежных отношений, ведших за собой развитие ростовщичества и задолженности, внедрение рабского труда начинали разлагать старые отношения, что вызывало недовольство части знати. По мнению М. Клавель-Левек, большую роль в происходивших изменениях играла проводимая римлянами, особенно при выведении колоний, но не только в связи с ними, центуриация территорий (т. е. разделение на центурии — см. ниже) и составление земельных кадастров. Часть земли отводилась местным общинам, что стесняло их возможности освоения новых земель. Но, с другой стороны, росло число villi римского образца, проводились дренаж и мелиорация, осваивались новые культуры, например виноградарство.

Один такой кадастр, правда составленный несколько позже, уже в правление Августа, и восстановленный при Веспасиане, был найден в Оранже, римской колонии Араузионе. Он составлен в соответствии с правилами, известными из трудов агрименсоров. Согласно таким правилам в кадастр записывалось, сколько земли выделено в наделы, т. е. ассигнировано, сколько возвращено местным жителям и сколько обменено. Территория Оранжа относилась к категории *ager limitatus per centurias divisus et assignatus* (т. е. земель, размежеванных и розданных в качестве наделов). Центурии обычно были квадратными, со сторонами в 710 м, и содержали 200 югеров; иногда центурии были двойные. Для каждой центурии обозначалось, сколько югеров дано ветеранам, освобожденным от уплаты податей, сколько оставлено за колонией в целом общественной земли, сколько платы причитается с югера этой земли и кто и сколько ее арендует, какая площадь возвращена племени трикастинов, из территории которого была взята земля для колоний, и, наконец, какие отрезки (так называемые субсецивы) остались незанятыми при нарезании наделов (обычно они служили общими пастбищами или присваивались отдельными землевладельцами). Счет долгов вел *curator kalendarii*, за просрочку взималось 6%. Так, в одной центурии на ассигнацию пошло 118½ югера, колонии было дано 41½ югера с уплатой по 3 асса за югер, 40 югеров необработанной земли возвращено трикастинам. В другой центурии вся земля была оставлена колонии при выплате 100 денариев, держателем земли был некий Лукреций. В третьей центурии ассигнировано было 10 югеров, остальные земли, возделанные и невозделанные, отданы трикастинам. В одном случае 196 югеров было ассигнировано, колонии отдано 4 югера, которые она сдавала по необычайно высокому тарифу — 5 денариев за югер.

Иногда в аренду сдавалась вся земля города. Так, из 56 югеров, принадлежавших колонии в одной центурии, половину арендовали два Липиния, половину Дувий Альбин; в одном фрагменте арендатором, видимо, выступает село Эрнагин, в другом — племя серусиавов, в третьем — какой-то поселок — vicus. Примерно такую же картину дает аэрофотосъемка Нарбона¹, где части земли были целиком отданы туземцам и

¹ Guy M. Vues aériennes montrant la centuriation de la colonie de Narbonne.— Gallia, 1955, fasc. 1, p. 108.

впоследствии назывались *prata Liguriae* (лигурийские луга) или *Liguria*.

Итак, первоначально и ассигнированные, и арендованные участки были невелики, так что основание римских городов способствовало развитию небольших villi и соответственно рабства, тем более что, по сообщениям тех же агрименсоров, земли туземной знати, враждебной римлянам, конфисковывались, а затем или шли в надел колонистам, или делились между сидевшими на них земледельцами, что тоже стимулировало распространение среднего и мелкого землевладения и до известной степени вытеснение туземных отношений античными. Немалое значение имело и обусловленное правилами выведения колоний сосуществование римлян с живущими на тех же землях туземцами. Они именовались поселенцами — *incolae* (этот термин имел и другое значение — гражданин какого-нибудь города, живший и ведший дела в другом городе) и, не будучи городскими гражданами, практически тесно с ними соприкасались, перенимали их образ жизни, язык, имена, культуру. По особой просьбе и в виде особой милости императоры могли разрешать привлекать *incolae* к отправлению городских повинностей и магистратур, за что те получали римское гражданство, и это ускоряло романизацию наиболее состоятельных из них.

Наряду с такими, уже значительно продвинувшимися по пути романизации областями обширные территории оставались ею почти не затронутыми, и там господствовали отношения, сложившиеся до римского завоевания.

В Испании еще не были подчинены Риму астуры и кантабры. Но и в принадлежавших Риму центральных и северо-западных районах продолжали жить по старым обычаям. Городов, представлявших собой укрепленные центры и расположенных на возвышенностях, было немного. Экономика основывалась на земледелии и особенно на скотоводстве. Основными ячейками населения были племена и роды, возглавлявшиеся принцепсами. На северо-западе от Дуэро еще господствовала неразделенная коллективная собственность на землю и совместное хозяйство. В других районах уже выделилась родо-племенная знать, владевшая значительным богатством и господствовавшая над зависимым населением, своими сородичами и соплеменниками.

Сходным было положение и на территории Галлии, покоренной Цезарем. Здесь жило около 60 племен, более развитых и сильных (эдуи, арверны, сеноны, ремы) или более мелких и отсталых (например, племена, населявшие Бельгику). Цезарь уничтожил подчинение одних племен другим, но это не сломило могущества племенных принцепсов, живших со своими многочисленными клиентами в укрепленных валами и рвами бурггах. Простой народ жил отдельными хуторами или состоявшими из нескольких хижин-землянок деревнями. Как показывает аэрофотосъемка, земля делилась на прямоугольные или квадратные участки в 0,1—0,6 га. Очевидно, то были приусадебные наделы семей, тогда как вся пахотная и пастбищная земля принадлежала общине. Довольно значительными городскими и ремесленными центрами были Бибракта у эдуев, Аварик у битуригов, Бурдигала в Аквитании. Римской колонией стал с 43 г. до н. э. Лугдун, быстро росший и развивавшийся. Часть принцепсов, поддерживавших Цезаря, получили от него римское гражданство, носили имя Юлиев, служили в римской армии и были преданы Риму. Но оппозиция его господству продолжала глухо тлеть под покровом видимой покорности.

Несмотря на полную романизацию, не вполне однородной была и сама Италия, измученная вековыми гражданскими войнами, проскрипциями триумвиров, перекраиванием земель, отобранных для ветеранов. Южные области, занятые под огромные пастбища, были мало заметны в ее жизни. Районы вплоть до долины По были в основном заняты большим чи-

слов мелких и средних вилл, городами, населенными землевладельцами (число которых возросло за счет наделения землей 300 тыс. ветеранов), ремесленниками, торговцами. Кое-где оставалось и крестьянское население, жившее пагами и селами, сохранявшими большие или меньшие следы общинных отношений. Последние, видимо, были еще очень живучи в Транспаданской области, где было значительное кельто-лигурийское население и многочисленное крестьянство. Здесь растут и развиваются богатые аграрные, торговые и ремесленные города — колонии Аквилея, Ком, Мутина, Медиолан, Парма, Верона и др.

Что касается Рима, то он превратился в столицу мировой державы с населением в 700—800 тыс. человек. В его состав входил и нищий и беспокойный плебс, теснившийся в комнатах 4-5-этажных домов, собиравшийся на рынках, площадях, в трактирах, и бесчисленные мелкие ремесленники и торговцы из свободнорожденных плебеев, отпущенников, рабов, и богачи, жившие в обширных, окруженных садами особняках, снабженных паровым отоплением, водопроводами, банями, обслуживавшиеся сотнями рабов, ремесленниками, врачами, чтецами, библиотекарями, воспитателями детей. Плебс, утратив свое политическое значение, еще мог стать опасным, взбунтоваться при любой задержке с подвозом хлеба для раздачи, особенно катастрофическом пожаре и т. п. Со времен гражданских войн в его среде ходили туманные пророчества, приписывавшиеся Сивиллам и предвещавшие какие-то коренные перемены, укоренялись культы разноплеменных богов, занесенных солдатами с Востока.

Формирующаяся империя была разнородна не только с точки зрения социально-экономических укладов, господствовавших в разных ее областях, но и с точки зрения как классовый, так и статусно-сословной структуры населения. В старых рабовладельческих и романизированных районах основными антагонистическими классами были рабы и их господа, отлично сознававшие, что рабы их ненавидят и при первом удобном случае убегут, убьют господ или поднимут восстание. Но достаточно многочисленным был и городской плебс, состоявший из более или менее состоятельных торговцев, ремесленников, мелких ростовщиков, наемных работников, а также крестьянство, частично расслаивавшееся, но продолжавшее составлять большинство населения. В областях с преобладанием доримских отношений были сильны противоречия между «принцепсами» и эксплуатируемыми ими зависимыми земледельцами, противоречия, на которых всегда умело играли римляне во всех ведущих ими войнах. Сословия сенаторов и всадников хорошо известны нам из истории Рима, но можно полагать, что свои сословия имелись и в среде покоренных народов и что те, кто занимал там более высокое положение, не довольствуясь незначительными податками римлян, стремились в какой-то мере с ними сравняться. Только расширив за их счет свою социальную базу в провинциях, Рим мог надеяться утвердить свое господство, достаточно скромно метрированное негибкой политикой сенатского правительства и грабежами, которыми отмечен последний период гражданских войн. С точки зрения статуса население делилось на римских граждан, «народ господ», пользовавшийся всеми свободами и привилегиями, которых в свое время добились для граждан плебеи; латинских граждан, сохранявшихся только в провинциальных городах латинского права, в общем не очень отличавшихся от римских граждан и получавших с семьями римское гражданство, если они отправляли в своем городе выборные магистратские должности; перегринов, к которым принадлежало огромное большинство провинциального населения. Они были гражданами своих городов на землях племенных и территориальных общин и жили по их законам, не пользуясь той защитой, которую законы Рима предоставляли римским гражданам (например, запрещение порабощения, запрещение подвергать гражданина телесным наказаниям, право его апелляции к на-

роду в случае вынесения смертного приговора и т. п.); они не могли вступать с римскими гражданами в законный брак и наследовать их имущество. Самое низшее место среди свободнорожденных занимали дедитиции — довольно туманная категория, под которой понимались враги, сдавшиеся на милость победителя (т. е. Рима) без всяких условий и договоров. Они были лишены всех прав, например права составлять завешание, так как не входили в состав какой-либо общины, законами которой могли бы руководствоваться и защищаться. Кто именно из жителей римской державы относился к этой обездоленной категории, сказать трудно — возможно, то были сельские жители провинций, не приписанные ни к какому городу и принадлежавшие к племенам и народам, оказавшим в свое время особенно стойкое сопротивление римской агрессии. Различным был и статус провинциальных городов: римские колонии и муниципии, разница между которыми постепенно сгладилась; города, наделенные свободой и иммунитетом или только свободой; союзные города и наиболее многочисленные стипендиарные города.

Таково было состояние державы, которую предстояло как-то упорядочить и укрепить новому правительству.

1. ПРИНЦИПАТ АВГУСТА

Масштабы империи, неспособность сенатского правительства обеспечить управление державой, возрастающая роль армии все более и более склоняли самые различные слои общества к мысли о необходимости единоличного правления. Даже такой идеолог сената, как Цицерон, в своих политических трактатах отдавал предпочтение монархии и рисовал некую неопределенную фигуру призванного возглавить ее принцепса. В народе особенно популярны были предания о царях-народолюбцах, в первую очередь Сервии Туллии, погибшем от рук патрициев. Тот же плебс, организованный в армию, сражался за переход власти из рук сената в руки своего императора. Таким образом, установление единоличного правления Октавиана не было неожиданностью и не могло вызвать серьезного сопротивления.

Много споров, особенно среди западных историков, привыкших мыслить юридическими категориями, всегда вызывал вопрос о, так сказать, конституционных основах власти Октавиана. Известно, что в 27 г. до н. э., устроив дела на Востоке и возвратившись в Рим, Октавиан, соответственно подготовив почву, удалив из сената оппозиционные элементы и оставив в сенате 600 человек вместо 1000, явился в сенат и заявил, что, поскольку гражданские войны окончены, он слагает с себя чрезвычайные полномочия триумвира и возвращает власть сенату и народу. Естественно, присутствовавшие на заседании умоляли Октавиана не покидать Рим в трудных обстоятельствах и продолжать им руководить. Отчасти тогда, а отчасти с течением времени ему были даны звания и привилегии, оформлявшие его статус. Как в свое время Цезарь, он включал в свое имя титул императора, что подчеркивало его непосредственную связь с войском. В течение ряда лет (9 раз подряд, а затем еще 7 раз) он был консулом. Ежегодно он облакался трибунской властью, которая не только давала ему право налагать вето на распоряжения магистратов, но и определяла его положение как главы и вождя плебса, осуществив его желание усилить власть народных трибунов, символизировавших власть и величие плебса. Соответственно, видимо, уже в это время был сформулирован тезис, согласно которому римский народ «перенес свою власть и величие» на императора. А из этого следовало, что нарушение верности ему есть столь же тяжелое преступление, каким было «оскорбление величества римского народа», т. е. измена родине. Как носитель трибунской власти и прерогатив римского народа, он становил-

ся и высшей судебной и апелляционной инстанцией: ни один римский гражданин не мог быть репрессирован без его санкции. Дарованный ему сенатом титул Августа, так же как слово «авгур», означало его особую близость к божеству, как в происхождении от обоженного Цезаря (*divi filius* составляло часть его имени), и делало его власть сакральной. Когда в 12 г. до н. э. умер бывший триумвир Лепид, к Августу перешла должность великого понтифика, а с нею и верховный контроль над культом.

Во 2 г. до н. э. от имени сената и народа Август был назван «отцом отечества». В условиях Рима, когда *pater familias* (фамилию часто сравнивали с маленькой республикой, а республику, в свою очередь, с огромной фамилией) обладал абсолютной властью над всеми сочленами фамилии, это звание было не пустой почестью. Оно предполагало повиновение подданных, их благоговейное почтение. Оно подкрепляло те отношения, которые возникли в результате присяги, принесенной перед войной с Антонием Октавиану римскими гражданами Италии. Что представляла собой такая присяга, мы можем судить по клятве жителей города Ариция в Лузитании, принесенной в 37 г. Калигуле: «По чистой совести я клянусь быть врагом тех, о которых я узнаю, что они враги Гая Цезаря Германика, и если кто поставит под угрозу его или его благополучие, я не перестану преследовать того на суше и на море с оружием в руках в войне насмерть, пока он не понесет наказания, и я не буду предпочитать своих детей его благополучию, и тех, кто будет враждебен ему, буду считать своими врагами. Если я сознательно обманываю или обману, то пусть Юпитер Всеблагий Величайший, божественный Август и все остальные бессмертные боги лишат меня и моих детей родины, безопасности и всяческой удачи» (CIL, II, 172).

В знак особого признания заслуг Августа двери его дома на Палатине были украшены лаврами и венком, а в курии от имени сената и римского народа был установлен золотой щит с перечнем его добродетелей: *virtus, clementia, iustitia, pietas* (мужество, милосердие, справедливость, благочестие) (RGDA, § 34). Общая сумма этих полномочий зафиксирована в так называемом *lex de imperio Vespasiani* (CIL, VI, 1232), в котором за Веспасианом признаются все те же права, которые имели его предшественники, начиная с Августа. Сюда входит право заключать по своему усмотрению любые союзы, созывать сенат, вносить и брать обратно любые предложения, ставить на голосование предложенные им законы, издававшиеся в форме сенатус-консультов, предлагать кандидатов в магистраты, за которых голоса будут подаваться в первую очередь и вне обычного порядка, поручать магистратам любое дело, расширять границы померия, делать по своему усмотрению все «из дел божеских и человеческих», что он сочтет необходимым для блага республики, будь то дела общественные или частные; не нести ответственности за свои действия (что было установлено специальными законами и плебисцитами); все сделанное по приказанию императора и им предписанное должно было считаться столь же законным и незыблемым, как если бы было совершенно по приказу народа или плебса. Если же, напротив, кто-либо, руководствуясь этими установлениями, нарушит что-либо, предписанное прежними законами, рогациями, плебисцитами, сенатус-консультами, то никакой ответственности за это не несет, т. е. Август (и его преемники) мог в любом случае действовать по своему усмотрению и, став верховным правителем, не быть связанным никакими законами, что впоследствии было сформулировано в знаменитом тезисе: принципс неподвластен законам — *princeps legibus solutus est*. Заменяв собой римский народ, Август и последующие императоры унаследовали и его право верховной собственности на провинциальные земли, и, видимо, также право контроля над землями италийскими. Во всяком случае, уже Сенека в трактате «О благо-

деяниях» (VII, 4—6) не сомневается в том, что, хотя земля разделена между отдельными владельцами, в конечном счете она принадлежит императору, причем сопоставляет даже его права на земельные владения с правами господина на пекуний раба.

В качестве верховного главнокомандующего Август взял в свое ведение те провинции, в которых были размещены войска, и назначал туда наместников, командовавших легионами. Сенату и сенатским наместникам были выделены более романизованные, полностью замирные провинции, в дела которых он, однако, тоже мог вмешиваться. В 5 г. н. э. для оплаты ветеранов, получавших при отставке 1200 сестерциев, был введен налог в 1/20 на наследство и в 1% на продажу и отпуск на волю рабов. Видимо, тогда же государственная казна была разделена на эрарий, остававшийся в ведении сената, чеканившего медную монету, и императорский фиск, куда поступали налоги, предназначенные для армии, подати с провинций и который чеканил золотую и серебряную монету.

Иногда Август брал на себя некие временные функции, например по обеспечению города зерном, функцию цензора. В RGDA (§ 8) он сообщает, что трижды проверял состав сената и трижды производил перепись населения: в первый раз совместно с Агриппой, второй раз один, а третий раз с Тиберием. По первой переписи римских граждан оказалось 4063 тыс., по второй — 4233 тыс. и по третьей, произведенной через 42 года после первой, — 4937 тыс. Ценз при активном участии Агриппы, составившего карту империи и начавшего работу по составлению кадастров, проводился в провинциях и для выявления их ресурсов и суммы податей, которые обязаны были платить отдельные жители, городские и сельские общины.

При всей этой аккумуляции полномочий, делавшей из Августа несомненного монарха, он гордился тем, что превосходил всех только своим авторитетом (*auctoritas*), власти же у него было не больше, чем у его коллег по магистратурам (RGDA, § 34)². Именно в этой *auctoritas*, носившей также некий сакральный оттенок, многие исследователи видели основу власти Августа; другие усматривали ее в его империиуме, третьи — в трибунской власти. Спор этот в значительной мере схоластичен, так как те или иные полномочия властителей, юридическое оформление их статуса имеют гораздо меньшее значение, чем фактическая основа их господства, — материальная и моральная поддержка определенных, достаточно широких, экономических и социально сильных слоев общества и организация управления.

При Августе активно начинает развиваться бюрократический аппарат. Правда, при нем еще не было проведено четкое различие между его рабами и отпущенниками, составлявшими штат дворца, и должностными лицами общеимперской администрации, но все же уже намечалась определенная структура государственного аппарата, в который включались и различные должности, занимавшиеся членами высших сословий. Особое значение имела должность префекта Рима (из сенаторов), обязанного в первую очередь подавлять «мятежную чернь» и рабов с помощью трех подчиненных ему городских когорт стражи — *vigiles*, исполнявших полицейские функции, и должность префекта (из всадников) преторианцев, девяти когорт императорской гвардии (по 1000 солдат в каждой когорте), из которых три были размещены в Риме, остальные по итальянским городам. Преторианцы получали более высокое жалованье (примерно втрое больше), чем легионеры, служили не 20—25, а 16 лет; из их

² Современные исследователи в этих словах Августа, а также в показном уважении к сенату усматривают некую «республиканскую фикцию», маскировку монархии под республику, отличавшую власть Августа от власти Цезаря. Однако современников Августа эта «фикция» не обманывала, хотя и льстила самолюбию сената.

числа нередко выходили центурионы легионов и префекты вспомогательных частей. Их привилегированное положение обеспечивало преданность императору. Так сформировалась сила, способная достаточно эффективно предотвращать нарушения порядка и законности, чего не было при сенаторском правлении. Вековая борьба сенаторов и всадников за участие в судах окончилась при Августе организацией четырех судебных декуррий по 1000 человек в каждой и включавших сенаторов, всадников и плебеев с цензом в 200 тыс. сестерциев; для ведения процессов судьи из этих декуррий назначались по жребию с правом тяжущихся отвести тех или иных из них.

Под достаточно жесткий контроль была поставлена армия, после того как в начале своего правления Август демобилизовал 300 тыс. ветеранов, потратив, по его словам, 600 млн сестерциев на покупку для них земель в Италии и 260 млн на покупку земли в провинциях и выведя колонии ветеранов в Африку, Сицилию, Македонию, Нарбонскую Галлию и восточные провинции (RGDA, § 3, 16, 28). Как считают, он основал всего около 70 колоний, из них 28 в Италии³. После демобилизации Август оставил 25 легионов, что составляло около 150 тыс. солдат, и какое-то, нам неизвестное, количество вспомогательных войск (*auxilia*), набиравшихся из перегрянов пеших когорт и конных ал. Легионы были распределены по пограничным областям, основная их масса стояла на Рейне, на севере Испании, на Дунае. Легионер получал по 225 денариев в год, центурион — по 3750, иногда экстраординарные раздачи — донативы и землю при отставке.

Август, начинавший как солдатский вождь и удовлетворивший тех солдат, которые обеспечили ему власть, теперь не мог допустить, чтобы армия диктовала ему свои условия и тем более выдвигала своих претендентов на власть. Он ввел строжайшую дисциплину; когда солдаты не воевали, они были заняты на строительных работах по возведению укреплений, лагерей, прокладыванию дорог. Солдат не мог иметь законной семьи (судя по надписям, легионеры часто вступали в связь со своими отпущенницами), не мог приобретать собственность в той провинции, в которой служил. Зато Август ввел юридическое понятие «лагерного пекулия»: все то, что солдат приобретал благодаря своей службе, принадлежало ему, а не его отцу, как всякое другое имущество, приобретенное сыном, состоявшим под властью отца. Свое новое отношение к армии Август подчеркивал, обращаясь к легионерам не как к «соратникам» (*commilitiones* — обычное обращение Цезаря), а как к «солдатам» (*milites*), и рекомендовал членам своей семьи придерживаться той же практики. Так, армия из наиболее опасного для спокойствия в государстве элемента должна была, по замыслу Августа, превратиться в послушное орудие укрепления нового режима.

На его укрепление и расширение социальной базы была направлена вся политика Августа, действовавшего в отличие от Цезаря, «раба обстоятельства», по выражению Цицерона, весьма планомерно и обдуманно.

Его талант политического деятеля, сказавшийся уже тогда, когда он шел к власти, проявился в полной мере теперь, когда он стал осуществлять цicerоновский идеал *concordia ordinum*, однако не в узком его понимании, как согласие сенаторов и всадников, а как объединение всех социальных слоев империи, с тем чтобы каждый из них знал свое место и был им удовлетворен.

В этом плане основными, пожалуй, были два момента: отказ от политики террора времен проскрипций и аграрная политика. Прекращение террора (Сенека объяснял его «пресытившейся жестокостью») и обращение к старому лозунгу Цезаря *clementia* (милосердие) стали возможны,

³ Parain Ch. Augustus. P., 1979, p. 14.

когда террор в общем достиг своей цели: сторонники Августа были удовлетворены, наиболее непримиримые противники истреблены, более умеренные перешли на сторону Августа, а тех, кто мог представлять реальную угрозу, уже не осталось. Поэтому *clementia* Августа уже не была чревата теми опасностями, что *clementia* Цезаря. Вместе с тем она подчеркивала и внедряла в общественное сознание идею наступления мира, мирного труда, уверенности в завтрашнем дне, спокойствия, заживления всех нанесенных смутами ран.

Аграрная политика должна была решить наиболее волновавший все сословия аграрный вопрос, составлявший одну из главных причин гражданских войн последнего века. При всех расхождениях между сенатом и плебсом и крупные, и мелкие землевладельцы хотели укрепления своих владельческих прав на землю и их эффективной защиты, что соответствовало и объективным потребностям сельского хозяйства на достигнутом им уровне. Возделывание игравших уже основную роль на виллах многолетних, требовавших значительных затрат и труда культур (виноград, оливки, плодовые деревья) было несовместимо с законами о переделах земли. В своих речах по поводу аграрного законопроекта Сервилия Рулла Цицерон неоднократно упоминает людей, владевших большими именьями, трепатавших при любом слухе о новом аграрном законе (*lex agraria*) и боявшихся вкладывать средства в улучшение своих хозяйств. А это противоречило исконному установлению *civitas*, согласно которому весь земельный фонд должен был быть обработан наилучшим образом для «общей пользы». Как раз небрежная обработка крупных имений была одним из главных аргументов тех, кто ратовал за аграрные законы.

В свою очередь, народ выступал за передел земли, но с тем чтобы полученные мелкими собственниками участки были надежно защищены от посягательств богатых соседей, действовавших прямым насилием или опутывавших бедняков долгами и превращавших их в кабальных людей, что тесно связывало аграрный вопрос с долговым. И на небольшом участке можно было нормально вести хозяйство, если владелец был уверен, что он его не лишится. Август в значительной мере удовлетворил эти требования. С одной стороны, конфискация земель проскрибированных, наделение ветеранов, вывод колоний способствовали в известной степени переделу земли в пользу мелких собственников, хотя крупное землевладение благодаря наделению большими именьями сторонников Августа не только не исчезло, но даже получило стимул к дальнейшему развитию. С другой стороны, собственность укреплялась, во-первых, тем обстоятельством, что народ, «перенеся свою власть и величество на императора», уже не мог принимать новые аграрные законы и распоряжение землей стало прерогативой императора, во-вторых, тем, что изданные им законы о публичном и частном насилии — *De vi publica* и *De vi privata* (Dig., 48, 6 и 7) — предусматривали суровые наказания за захват чужих домов и имений, а созданные Августом полицейские части и упорядочение суда могли обеспечить гораздо более эффективное соблюдение этих законов, чем то было возможно при прежнем режиме. И не случайно, как считают современные историки римского права, именно с начала Империи появляется новый термин права собственности на землю — *dominium*, по утверждению римских юристов, не совпадающий с термином *possessio* и даже не имеющий с ним ничего общего (Dig., 41, 2, 12). Таким образом, право собственника на землю юридически приравнивалось к праву господина — *dominus* — на раба.

Долговой вопрос был частично решен изданием закона о передаче имущества (Dig., 42, 3), повторявшего закон Петелия: должник, передавший свое имущество кредитору и присягнувший, что более ничего не имеет, не становился кабальным и сохранял все нажитое впоследствии.

Можно полагать, что эти мероприятия Августа наряду с наступившим миром значительно стимулировали развитие сельского хозяйства, а также рост числа римских граждан.

Если аграрная политика Августа отвечала интересам разных слоев, то ряд его установлений касался только одного сословия. Сенаторское сословие, в которое входили и укрепившиеся члены старых родов, и новые люди из сторонников Августа, оставалось первым в социальной иерархии. Из сенаторов назначались наместники провинций, легаты и трибуны легионов, префекты Рима. Сенаторы, минимальный имущественный ценз которых был установлен в миллион сестерциев, были крупнейшими землевладельцами, особенно те, кто был наиболее верным сторонником нового режима. Например, о богатстве семей Волузиев и Статилиев, давших нескольких консулов, мы можем судить по надписям из колумбариев их городских фамилий, насчитывавших по несколько сотен рабов, а у Статилиев — и собственную стражу из германцев. Надписи рабов и отпущенников этих семей мы встречаем в разных частях Италии, где у них, видимо, были обширные владения. Любопытно, что среди этих рабов встречаются и межеватели земли, очевидно нарезавшие участки колонам, арендовавшим парцеллы в имениях.

Сенат пользовался почетом, и сам Август именовал себя «принцепсом», т. е. записанным первым в списках сенаторов (откуда и название «принципат», применяемое в современной науке к Ранней империи). Август оказывал сенату видимое уважение, выносил на его обсуждение некоторые дела, давая присутствующим высказаться до него, якобы не навязывая им своего мнения. На деле все наиболее важное решалось в созданном Августом совете (*concilium principis*), куда входили наиболее близкие ему люди — Агриппа, Меценат, его сыновья Друз и Тиберий и др. Сенат мог издавать законы, сенатус-консульты как бы по собственной инициативе, но фактически они были инспирированы принцепсом. Вместе с тем в отношении к сенаторскому сословию проявлялась и известная настороженность. Так, сенаторам был запрещен доступ в Египет, после его аннексии ставший личной собственностью императора и источником пополнения его казны. Ограничен был их выезд по личным делам в провинции и, как мы видели, право городов выбирать себе патронов из числа сенаторов. Время от времени среди них обнаруживалось недовольство. Было сделано несколько попыток организовать заговор против Августа, распускались порочившие его слухи, но он, верный своему новому принципу *clementia* и считая такого рода выступления неопасными, реагировал на них довольно мягко. Так, по словам Сенеки (О благодетелии, I, 9), узнав о намерении Цинны убить его и захватить власть, Август только спросил его, как он намеревался управлять государством, когда не способен управлять даже собственным домом и недавно в домашнем суде был побежден своим же отпущенником. Но против возможных организованных мятежей были направлены упомянутые законы *De vi publica* и *De vi privata*, в первую очередь имевшие в виду людей, которые могут, вооружив своих рабов и свободных, поднять восстание.

Всадники, минимальный ценз которых равнялся теперь 400 тыс. сестерциев, были несколько ограничены в своих финансовых операциях, так как откуп налогов в императорских провинциях стал постепенно заменяться сбором их императорскими уполномоченными. Однако поле их деятельности было еще достаточно широким и в деловой жизни, и в армии, где они обычно составляли средний командный состав, и в начавшем формироваться административном аппарате. Высшими постами, которые могли занимать всадники, были должности префекта Египта и префекта преторианской гвардии, что говорит об особом доверии Августа к этому сословию. Всадническое достоинство могли получать наиболее

видные люди в городах, отличившиеся центурионы, дважды прошедшие примиплат (т. е. дважды бывшие старшими центурионами легиона).

Беднейшие плебеи (150—200 тыс.) по-прежнему получали бесплатно зерно, а также экстраординарные раздачи. По словам Августа, он согласно завещанию Цезаря раздал каждому плебею по 300 сестерциев, затем от своего имени из военной добычи — по 400 (три раза) и дважды по 60 денариев на человека (RGDA, § 15). Большие строительные работы, проводившиеся Августом и Агриппой, давали заработок немалому числу людей. Закон об анноне (Dig., 48, 12) строго карал за спекуляцию продовольствием, в первую очередь зерном, и за превышение установленных на него цен. Специально назначенные дуумвиры по анноне ведали бесперебойным снабжением Рима зерном. На защиту плебеев были направлены законы, каравшие магистратов и судей, бравших взятки, а также расхитителей сумм, предназначенных на общественные и культовые нужды, т. е., видимо, на предназначенные для народа зрелища, о которых Август и его близкие заботились неуклонно. Плебеям было снова дозволено, правда лишь с разрешения правительства, образовывать соседские и профессиональные коллегии, поквартальные коллегии культа Ларов, вопрос о которых так остро стоял со времени трибуната Клодия. Возможно, Август предоставил некоторые привилегии профессиональным коллегиям. Так, в составленном при нем уставе коллегии сукновалов запрещалось кому то бы ни было, к ней не принадлежащему, устраивать от имени коллегии яму для добычи валяльной глины (CIL, VI, 10298).

Муниципальные землевладельцы Италии были довольны как наступившим миром, так и укреплением своих владельческих прав на землю и рабов. В отношении последних Август положил начало новой, отличной от прежних времен политике, затем продолженной и развитой его преемниками. Предшествующие события показали, что одной только власти *pater familias* уже недостаточно для удержания рабов в повиновении и что господствовавший в предыдущие века принцип невмешательства правительства во внутрисемейные отношения изжил себя и грозил многими опасностями господствующему классу. В его интересах было и устрашение рабов, и некоторое ограничение злоупотреблений господами своей властью, дабы не доводить рабов до полного отчаяния. Август, хотя он всегда демонстративно подчеркивал свое уважение к правам господ, принял меры в обоих этих направлениях. По его инициативе был издан знаменитый Силанианский сенатус-консульт, согласно которому в случае убийства господина все рабы, находившиеся с ним под одной кровлей или на расстоянии окрика и не пришедшие ему на помощь, предавались пытке и казни. Завещание покойного до казни не вскрывалось, чтобы наследник, не желая терять завещанных ему рабов, не попытался их спасти. Помогши членам этой фамилии бежать карался как за убийство, выдавший же беглецов получал награду из средств наследника, а если тот был слишком беден — из казны государства. Вместе с тем, судя по сочинениям современника Августа юриста Лабееона, Август привлекал к ответственности «превысивших меру» в допросах рабов под пыткой и в специальном эдикте оговорил, что пытать рабов можно лишь в крайних случаях. Он же писал, что нельзя считать белыми тех рабов, которые, терпя слишком жестокое обращение, приходят просить, чтобы их продали более человечным хозяевам, так как они делают это с дозволения государства. Сам Август, как пишет Светоний, подавая пример, милостиво относился к своим рабам, а когда рабы убили скаредного и жестокого Гостия Квадра, Август счел его недостойным отпущения и, по словам Сенеки, «только что не сказал открыто», что Квадр был убит по справедливости. Особенно примечательно, что в отличие от древнего закона Аквилы, по которому господин отвечал за все действия своих не смевших его послушаться рабов, теперь было признано, что раб не во всем

может слушаться своего господина, например если господин прикажет ему совершить кражу или убить человека (Dig., 44, 7, 20), а при нарушении законов *De vi publica* и *De vi privata* отвечал не только инициатор преступления, но и участвовавшие в нем его рабы. Волю господина начал заменять закон государства, и были сделаны первые шаги по превращению их из подданных только *pater familias* в подданных императора.

В своем хозяйстве Август, Ливия, а затем и Тиберий стали организовывать коллегии из рабов и отпущенников с выборными жрецами, магистрами, министрами, что создавало для них некую видимость самоуправления. По такому же образцу стали создаваться коллегии в домах и имениях приближенных Августа, как мы видим по надписям из колумбариев Волузиев и Статилиев. Законы Элия — Сентия и Фуфия — Каниния регулировали отпуск на волю рабов: нормировалось число отпускаемых по завещанию рабов в зависимости от численности фамилии и возраста отпускавшего (20 лет) и отпускаемого (30 лет). Раб, которого господин за какую-то вину заковал, заклеил, подверг пытке, будучи отпущен, становился дедитицием и не мог проживать в Риме или там, где находился император. Все это имело целью не допустить притока в ряды плебса «неблагонадежных элементов» и сократить число претендентов на государственные раздачи.

Вместе с тем не дозволялось возвращать в рабство отпущенных рабов, патронам запрещалось требовать с отпущенников не только отработок, но и платежей, сокращены были отработки отпущенников, имевших более двух детей. Если патрон не кормил бедного отпущенника, он лишался всего, чем был ему обязан. Не только рабам, но и отпущенникам была запрещена служба в армии. Когда пришлось призвать отпущенников после поражения Вара в Германии и во время панноно-далматского восстания, из них были составлены особые части, не смешивавшиеся с остальными. Из отпущенников набирались только когорты городской стражи, обязанные тушить пожары и несшие некоторые полицейские функции, а также матросы. Зато собственным отпущенникам Август открыл широкие пути к продвижению в административном аппарате и дружески принимал образованных отпущенников, которых было немало. Он первый ввел обычай давать наиболее богатым и видным отпущенникам «право кольца» — носить золотое кольцо, обычно служившее отличием всаднического сословия, что избавляло их от всех обязанностей относительно патрона, кроме обязательности завещать ему установленную часть наследства. Он же позволил дочерям либертинов становиться весталками. Таким образом, и в данном случае, неуклонно подавляя «мятежный дух», Август старался привлечь наиболее состоятельные и лояльные элементы также из числа несвободнорожденных.

Более всего выиграли от установления империи те слои мелких и средних провинциальных землевладельцев на территориях городов, которые во время гражданских войн поддерживали сначала Цезаря, а затем Октавиана. Галлия, Испания, Африка, Сицилия и Сардиния, так же как Италия перед войной с Антонием, принесли ему присягу. Его избирали патроном не только многие города, но и еще только начинавшие конституироваться в города племена, как, например, посвятившие Августу как патрону надписи нангуаты и седуны из Нарбонской Галлии (CIL, XII, 136, 145). После длительной (26—19 гг. до н. э.) и тяжелой войны Агриппа покорил племена астулов и кантабров, завершив дившееся 200 лет завоевание Испании и присоединив новые богатейшие месторождения серебра, золота, железа и других металлов. Подчинены были и альпийские племена, что обеспечивало безопасность Северной Италии и открывало через вновь образованные провинции Рецию и Норик более прямой путь к Дунаю. Префектом над 14 племенными общинами был назначен получивший римское гражданство сын царя Донна М. Юлий Котий, что,

видимо, должно было примирить эти племена с римским господством. Со стратегическими целями была основана колония Августа Претория, к которой в качестве исолае было приписано племя салассов, посвятившее надпись Августу как своему патрону (Dessau, 6753).

Провинциям была придана новая организация. Испания была разделена на Бетику, Лузитанию и Тарраконскую провинции, Галлия — на Лугдунскую Галлию, Аквитанию и Бельгику. Провинции подразделялись на *civitates*, населенные одним большим или несколькими мелкими объединенными племенами с городским центром. На смену некоторым старым туземным укрепленным городам пришли новые, например Бибракта, вместо которой был как столица эдуев выстроен Августодун, вместо Аварика — Битурига, вместо Герговии у арвернов — Августонемет. Кроме того, были основаны колонии Августобона трикассиев, Аквы Августовы тарбеллов и др. В Лугдуне был сооружен алтарь Рима и Августа, где ежегодно собирались представители трех Галлий для жертвоприношений. Первым жрецом здесь стал эдуй Г. Юлий Веркондаридубн.

Получавшие римское гражданство «принцепсы» начали заменять старые формы управления городами новыми, соответствующими римским. Так, в Медиолане Сантонов в Аквитании некий галл Юлий, сын Рикове-риуга, фламий Рима и Августа, был и квестором города, и вергобретом (одна из местных магистратур).

Много колоний было основано в Испании. Важнейшими из них были Астурика Августа, центр рудников, укрепленный, как и другая колония, Лукус Августа, против астуров, Цезаравгуста на р. Эбро, заменившая туземную Сальдубу, Бракара Августа, тоже важный металлургический центр, Клуния, Эмерита Августа в Лузитании, Пакс Юлия, Норба Цезариана. В Нарбонской Галлии были основаны 12 колоний. При активном участии Агриппы в провинциях проводились новые дороги, имевшие в основном стратегическое назначение, но вместе с тем, связывая отдельные провинции и их районы, способствовавшие оживлению торговых связей между Италией и провинциями и между самими провинциями. Видимо, какие-то новые привилегии получили и старые римские города, в связи с чем, например, в Нарбонской Галлии именем Августа были названы такие прежние колонии, как Юлия Анта, Аквы Секстиевы, Немаус, Араузион, Арелата. Именем Ливии был назван колонизованный еще греками Гланум.

Развитию экономики способствовало упорядочение налогообложения. Так, Галлия должна была платить $\frac{1}{40}$ своих доходов, не считая того, что платили арендаторы городской земли. Все же проведение ценза, согласно которому устанавливался налог, вызывало недовольство. В Бельгии и других частях Галлии вспыхивали мятежи в 31—29, 28—27, 16 гг. до н. э., видимо, в связи с проведением ценза. В значительной мере положением в Галлии определялась политика Августа на рейнской границе империи. С одной стороны, Галлию надо было укрепить против возможного вторжения германских племен, с другой — лишить мятежников надежды на союз с этими племенами. Август и его приближенные действовали дипломатическими методами: переселили, наделив землями, на левый берег Рейна убиев, трибоков, сигамбров. В царя маркоманам был дан воспитанный при дворе Августа Маробод; увеличена была территория племени хаттов и гермундуров, союзных племен. В устье Рейна осели батавы и каннинефаты. Большая часть племен свевского союза стали клиентами империи. С другой стороны, укреплялась граница по Рейну, сооружались большие лагеря легионов и вспомогательных частей. Как центр тревиров была основана Augusta Treverorum (совр. Трир; имела ли она статус колонии — неизвестно), у убиев — Aga Ubiorum. Все же набеги германцев не прекращались, и в 12 г. до н. э. под командой пасынка Августа Друза было предпринято большое наступление за Рейн.

Римские войска продвинулись вплоть до Эльбы, но закрепиться там им не удалось, и дальнейшее продвижение прекратилось со смертью Друза. Продолжались лишь сравнительно незначительные столкновения, между прочим, с бьями, к которым бежали галлы, недовольные проводимым цезарем, с каннинейфатами, бруктерами, херусками. В то же время Маробод, подчинив лугиев, семнонов, лангобардов, создал кельто-германское царство, которое могло стать опасным для Рима; Тиберий уже готовился начать против него кампанию, но вспыхнувшее панноно-далматское восстание заставило римлян договориться с Марободом.

С германскими «принцепсами» за Рейном римляне пытались проводить ту же политику, что и в провинциях, наделяя их римским гражданством, зачисляя в армию в качестве командиров вспомогательных частей, состоявших из их соплеменников. Однако здесь эта политика потерпела неудачу. Германцы были еще слишком слабо дифференцированы в социальном отношении, чтобы среди них могла сложиться сильная аристократическая проримская партия, готовая признать власть Рима и опереться на нее в борьбе с простым народом. Римляне могли рассчитывать только на поддержку отдельных «принцепсов», враждовавших между собой, но ее оказалось недостаточно. В 9 г. до н. э., недовольные римским проникновением, требованием податей и рекрутов, херуски восстали под предводительством Арминия и нанесли римлянам сокрушительное поражение в Тевтобургском лесу. Погибли два легиона и их командир Квинтилий Вар. Дальнейшее продвижение за Рейн стало временно невозможным, и Август в своем завещании рекомендовал римлянам воздерживаться от расширения границ империи, которые и без того уже стало трудно оборонять. Лозунгом его был мир. Все же благодаря прежним победам и особенно договору с Парфией, по которому Риму были возвращены трофеи, захваченные после гибели Красса, Август мог слыть и за продолжателя тех, кто создал мощь и славу Рима.

* * *

Вся политика Августа нуждалась в соответственном идеологическом оформлении, что он прекрасно понимал чутьем крупнейшего политического деятеля и действовал в этом направлении с помощью Мецената, Азиния Поллиона и других своих приближенных. В значительной мере их задача облегчалась несомненной популярностью Августа как правителя, давшего, наконец, успокоение после гражданских войн.

Основными лозунгами Августа были: восстановление республики и «нравов предков», прекращение войн и смут, наступление «золотого века» и процветания. Часто считают, что «восстановление республики» было сознательной ложью, имевшей целью скрыть монархическую сущность режима. Но это неверно, поскольку римляне отнюдь не связывали со словом «республика» то представление, которое связываем с ним мы. Республика, например, с точки зрения Цицерона, не расходившейся с общепринятой, означала *res publica* — дело или достояние народа, т. е. такую форму человеческого общежития, которая регулировалась законами, направленными на пользу всего гражданского коллектива, обязанного повиноваться законам и трудиться для общего блага. А подобное общественное устройство было для того же Цицерона совместимо и с демократией, и с аристократией, и с монархией, если только они не вырождались в беззаконную и своекорыстную охлократию, олигархию, тиранию. Поэтому Август, став единоличным правителем, но, по общепринятому мнению, избавив римский народ от тирании предшествующих времен, обеспечив законность и порядок «ко всеобщему благу», мог, никого не шокируя противоречием между словом и делом, говорить о восстановлении «свободной республики». А чтобы подчеркнуть, что то была дорогая сердцу каждого римлянина, к какому бы направлению он ни принадлежал, «республика»

лика предков», он тщательно заботился о восстановлении «добрых нравов» (его знаменитые законы против прелюбодеяний, укреплявшие власть отца и мужа для охраны нравственности дочерей и жен, законы против безбрачия и привилегии многодетным семьям), реставрировал полузабытые религиозные обряды, жреческие коллегии, старинные храмы. Он поощрял любовь к старине, когда жены сами ткали тоги мужьям, фамилию связывала *pietas*, римские граждане гордились своим положением властелинов мира. Отсюда его предписания носить всем римлянам тогу, осуждение иноземных культов и более скупое, чем при Цезаре, дарование римского гражданства.

Однако, хотя реставраторская политика Августа встречала горячую поддержку в самых широких слоях населения, блестящий расцвет культуры в годы его правления (время принципата Августа недаром считают «золотым веком» римской культуры) обуславливался не только ею. То была эпоха, когда нашел свое завершение издавна шедший синтез римских и греческих (классических и эллинистических) элементов культуры. Римские ценности, римская религия, предания о доблести «предков», миф о предназначенной Риму богами и судьбой власти над миром не только были живы, но теперь всячески подчеркивались, были одной из основных тем всех тогдашних деятелей культуры. Но под влиянием освоения и переработки эллинского наследия не только высокого совершенства достигли формы в поэзии, прозе, искусстве, но эллинская философия, мифология, наука стали органической частью культуры уже не чисто римской и не чисто греческой, а той теперь окончательно сформировавшейся общелатинской культуры, которая, постепенно распространяясь по провинциям, вошла затем как существенный компонент в состав культур различных эпох европейской истории.

Уже не как нечто чужое, заимствованное, а как свое, близкое и понятное воспринимались образы греческих мифов, на сюжеты которых писали стихи поэты и рисовали картины художники. Прежде чуждая римлянам, но развивавшаяся в эпоху эллинизма под воздействием платонизма и пифагореизма вера в бессмертие души, загробное воздаяние, переселение душ стала общераспространенной и вскоре стала определять этические представления населения империи. Стоические и эпикурейские положения в упрощенной форме были теперь общим достоянием и включались во вновь оживленную римскую систему ценностей. Само собой разумеющейся для людей разных профессий и статусов стала необходимость образования, знакомство с астрономией, математикой, философией, римской и греческой литературой. Еще Варрон считал, что виллик должен быть не только грамотным и разбираться в сельском хозяйстве, но иметь некоторые сведения по астрономии, медицине, ветеринарии. Современник Августа архитектор Витрувий требовал от строителя знаний, не только нужных для его специальности, но и в области философии, астрономии, мифологии, медицины. Протест против греческой науки, дававшей себя знать при «предках», отошел в далекое прошлое.

Идеология принципата Августа стимулировала синтез греческой и римской концепции мирового космического процесса, теперь приведенного во взаимосвязь с историей Рима и ролью в ней Августа. Идея непрерывного, восходящего развития Рима от маленького городка на Тибре до властелина мира, развития, предначертанного богами и судьбой, гарантирующих Риму вечное величие (отсюда лозунг «вечного Рима»), сочеталась с эллинским учением о смене веков и периодическом обновлении космоса, наступлении в очищенном мире нового «золотого века». Такое обновление, согласно официальной версии, принес миру и Риму Август, благодаря его добродетелям, его божественному происхождению от Анхиза и Венеры, его изначально предопределенной судьбе. Его правление — завершение старой эры и наступление новой для всей римской общины,

отныне и вечно господствующей над всем «кругом земель», благодетельствующей покоренные народы, «милую кротких и подавляя надменных», по знаменитому выражению Вергилия. Так, «римский миф», обогащенный новыми идеями, сливался с «мифом Августа», «Вечный Рим» и «непобедимый император» стали с этих пор краеугольным камнем официальной идеологии империи. Все эти мотивы так или иначе отразились в творчестве современников Августа.

Литературой тогда занимались все образованные люди, начиная с самого Августа, пытавшегося написать трагедию об Аяксе и к концу жизни составившего перечень своих деяний и заслуг перед римскими гражданами, выгравированный на бронзовых таблицах и размещенный в разных городах. Деятели культуры были уроженцами всех италийских и отчасти провинциальных городов: Корнелий Галл и Трог Помпей происходили из Нарбонской Галлии, Сенека Старший — из Испании, Диодор — из Сицилии, Дионисий — из Галикарнасса. Многие, особенно из грамматиков и риторов, были отлученными на волю рабами провинциального происхождения. В «Искусстве поэзии» Гораций писал, что теперь все горят желанием сочинять стихи. Самых талантливых поэтов объединяли в своих кружках Меценат, Азиний Поллион, Мессала. Сам Август читал их произведения еще до опубликования.

Поэтическое творчество, во II в. до н. э. бывшее уделом плебеев и перегринов, а накануне падения республики предназначавшееся кружком «неотериков» для избранных интеллектуалов, теперь стало занятием уважаемым и популярным среди самой широкой публики. Содержание поэтических произведений, как и их форма, было очень разнообразным. Они включали и любовные стихи, и сатиру, и темы, непосредственно связанные с политической и социальной пропагандой Августа.

По единодушному мнению современников и потомков, величайшим поэтом Рима был Вергилий (70—21 до н. э.). Уроженец Мантуи, он лишился своего имения во время конфискаций земель для ветеранов, но затем получил другое от Октавиана, обратившего внимание на первое прославившее Вергилия сочинение — сборник «Эклог», написанный под влиянием эллинистической буколической поэзии. Он посвящен в основном любовным переживаниям пастухов и пастушек, со множеством идиллических картин сельской жизни, обрядов, любовной магии. Но уже в этом сборнике Вергилий дает понять свою преданность Октавиану как благодетельному божеству. Особенно знаменита его IV «Эклога» с пророчеством о рождении ребенка, которому суждено принести людям «золотой век». Кого подразумевал Вергилий, осталось неизвестным как его античным, так и современным комментаторам. Христиане относили его пророчество к Иисусу, что сделало его особенно среди них популярным. По совету Мецената, в кружок которого он вошел в 37 г. до н. э., Вергилий начал писать законченную к 30 г. поэму о сельском хозяйстве «Георгики», созвучную стараниям Октавиана возродить пострадавшее от гражданских войн земледелие. Наряду с конкретными советами по выращиванию зерновых, винограда, оливок, фруктовых деревьев, разведению скота и пчел в поэме содержится много исполненных высокой поэзией описаний природы Италии, ее обычаев, выдержанное в эллинистических тонах прославление простой сельской жизни и в соответствии с римской традицией — крестьянского труда и счастья, даваемого исследованием законов природы. В век Сатурна, говорит Вергилий, природа все сама давала людям, они жили беззаботно, в невинности и неведении. Но Юпитер пожелал, чтобы люди, вынужденные в его век трудиться, научились мыслить и изобретать. «Все побеждает труд», — заключает он. Самым великим созданием Вергилия была его поэма «Энеида» о странствованиях Энея, ушедшего из горящей Трои с отцом Анхизом и сыном Юлом (предком рода Юлиев, возводивших, таким образом, свою родословную

к матери Энея Венере). Попав в Карфаген, он стал возлюбленным его царицы Дидоны, но Юпитер приказал ему оставить ее (разрыв Энея с Дидоной, покончившей с собой, предзнаменовал вражду Карфагена и Рима) и плыть в Италию, где ему суждено после многих бедствий, трудов, сражений жениться на дочери царя латинов Лавинии, соединить в один народ троянцев и латинов и стать предком основателей Рима. Повествуя о судьбе Энея, Вергилий делает подробные экскурсы в мифическую историю итальянских племен, их богов и героев, что особенно понимало ее значение в глазах всех почитателей римской старины и самого Августа. Вместе с тем Вергилий излагает свои философские воззрения.

Вергилий был сторонником концепции мирового духа, искорки которого, воплощаясь, становятся душами людей, переходящими из одного тела в другое в соответствии со своими заслугами и степенью посмертного очищения. Жестокие мучения в загробном мире терпят души тех, кто возбуждал нечестивые гражданские войны, кто предал родину тиранам, кто нарушал древнюю *pietas*. Напротив, в полях блаженных пребывают души тех, кто погиб за родину, кто своим искусством и знаниями служил ее благу. Спустившись в загробное царство, Эней видит тех, кому предназначено стать героями Рима, и самого великого из них — Августа. В «Энеиде» особенно отразилось свойственное и прежним римским авторам отношение к прошлому Рима как к залогом его великого настоящего. Эней прошел через все испытания, потому что ему предстояло по воле Юпитера стать предком основателя Рима Ромула и спасителя Рима — Августа. Герои Вергилия так же тверды, мужественны и верны Риму, как герои старых римских преданий. Но их образы усложняются: служа Риму, они служат всему человечеству, повинуются правящему космосом закону и познают его тайны. В этом известное сходство их с образом Сципиона у Цицерона. Но для последнего Сципион — пример, которому должны следовать все дорожащие величием Рима, для Вергилия кульминационный пункт его истории уже достигнут при Августе, и она для него уже по существу завершена.

«Энеида» пользовалась необычайной популярностью. Ее комментировали, по ней гадали, отрывки из нее приводили авторы эпитафий, их выпарывали на стенах. Популярность «Энеиды», несомненно, способствовала распространению не только официальной идеологии Августа, но и прежде совершенно чуждой широким массам римлян идеи космической родины души, ее бессмертия и загробного воздаяния за пороки и добродетели, что сыграло огромную роль.

О победах и величии Августа писали и другие поэты. Но вместе с тем они посвящали свои произведения и другим темам, доведя до совершенства все стили и жанры. Много появилось любовных стихов. Их авторы — Овидий, Тибулл, Проперций — благодаря изяществу их стихов и разнообразию сюжетов пользовались большим успехом. Особенно надо выделить «Героиды» и «Метаморфозы» Овидия, прилагавшего любовную тематику к обработке мифов, и его «Искусство любви», остроумное подражание дидактическим поэмам с наставлениями, как выбрать и удержать любовника или любовницу, обмануть мужа, утешиться в случае измены. По слухам, именно за эту поэму Август, увидя в ней насмешку над своим брачным законодательством, сослал Овидия в страну гетов, откуда тот писал в Рим грустные послания — «Тристии», надеясь на прощение, но так его и не дождавшись, умер в изгнании.

Овидий (43 до н. э. — 18 н. э.), не заставший уже гражданских войн и не знавший той жажды умиротворения, которая обуславливала у его старших современников особое восхищение Августом, вращавшийся в кругу «золотой молодежи», которая тяготилась брачным законодательством Августа и требуемой им строгой моралью, значительно меньше, чем другие поэты, уделял внимание политическим мотивам. Правда, «Мета-

морфозы» он завершил превращением души Цезаря в звезду, но восхваления Августа как милосердного бога в основном содержатся в его «Тристиях» вместе с мольбой о прощении. В более ранних произведениях этот мотив почти отсутствует. Но зато Овидий отдал должное интересу к римской религии, написав (неоконченную) поэму «Фасты» о праздниках римского календаря. В ней римские божества легко отождествляются с греческими (говоря о боге Янусе, поэт выражает некоторое недоумение, поскольку аналогичного бога в Греции не было), греческие мифы переносятся на римскую почву, сведения о древних ритуалах перемежаются со сценами любовных игр между богами и нимфами. Благоговейное отношение к римской традиции, характерное для Вергилия, стушевывается, но сохраняется умиление простыми сельскими праздниками в честь древних крестьянских божеств.

Овидий прекрасно знал не только греческую поэзию, но и греческую науку и философию. В подражание Арату он написал (не дошедшую до нас) поэму о небесных явлениях; в «Метаморфозы» он вставил длинное изложение философии Пифагора и теорию смены веков.

По мнению некоторых современных исследователей, творчество Овидия знаменовало начало перехода от поэзии «золотого века» к более поздней римской поэзии.

По оценке современников, вторым после Вергилия поэтом был Гораций (65—8 гг. до н. э.), введенный Вергилием в кружок Мecenата. Гораций писал и о любви, но он был гораздо более глубоким мыслителем, чем его коллеги, и его стихи сочетают совершенство формы с философскими раздумиями и меткими наблюдениями над нравами современников. Отчасти Горацию был близок эпикурейский идеал жизни вдали от суеты, в сельском уединении, без мыслей о будущем, о быстротечности жизни. Досуг и независимость, скромный праздник в кругу сельских рабов, маленькая приручка по случаю встречи со старым другом — вот что дороже богатства, знатности, высокого положения и всех связанных с ними забот и унижений. Лучше всего держаться золотой середины и ни к чему не стремиться, ведь заботы будут следовать за нами повсюду, и нигде человек не уйдет от самого себя, а поднявшись высоко, станет вызывать зависть и ненависть. Из стоицизма он заимствует призыв искать счастья в добродетели, которая не ищет одобрения и довольствуется сама собой. Пусть рушится Вселенная, осколки ее могут задеть, но не сбить с пути мудрого и добродетельного человека.

Вместе с тем Гораций не может не видеть противоречий в самом себе и в окружающем мире. Он призывает к умеренности, незаметности, независимости и вместе с тем добивается признания и славы, волнуется, не получив от Мecenата приглашения на обед. Восхваляя древнюю простоту, люди уже не могут к ней вернуться: роскошь безвозвратно убила старые добрые нравы. Мы хуже наших отцов, а наши дети будут хуже нас, люди стали слишком смелы и требовательны. Для них нет уже узды и предела. Но если бы люди держались только за старое, не было бы прогресса, теперь заметного на каждом шагу, так что уже невозможно вернуться от Рима Августа к Риму Ромула или даже Катона.

Гораций, сам сын небогатого вольноотпущенника, иногда страдавший от косях взглядов «светских спобов», вместе с тем подчеркивал, что хочет творить для избранных, а не для толпы, способной предпочесть ему гладиаторов и дрессированных медведей. Но притом он высоко ценил миссию поэта. Поэты, писал он в «Искусстве поэзии», некогда смягчали грубые нравы первобытных людей, в стихах были составлены первые законы. Покоренная Греция покорила сурового победителя, внесла искусство в сельский Лаций. Здесь оно прошло долгий путь, и теперь римские поэты не только сравнились с греками, но кое в чем и превосходили их. Форма стиха важна и требует большого труда, но главное в поэзии —

сочетать приятное с полезным: и развлекать, и поучать. Поэт не смеет довольствоваться мелкими и средними достижениями: если во всех иных делах посредственность может быть и полезной, и уважаемой, то в поэзии ее не терпят ни боги, ни люди, ни книгопродавцы. Не достигший первого места неизбежно скатывается на последнее. Совершенство требует сочетания таланта и культуры. Поэт должен изучать философию, дабы знать сущность вещей, знать, каков его долг перед родиной, семьей, друзьями, каковы права и обязанности консула, сенатора, патрона, отца. Главное же, он должен изучать человеческую природу, дабы каждый его персонаж действовал и говорил соответственно своему характеру, возрасту, положению. Так вслед за Цицероном Гораций утверждал принцип реалистического отображения действительности и психологии людей в их обыденной жизни.

В творчестве Горация очень ярко отражены противоречия культуры и идеологии эпохи Августа: преклонение перед Римом и Августом, признание долга им служить и призыв к уходу от общественной жизни; известная усталость от городской цивилизации и неспособность без нее обходиться; почитание «предков» и сознание неизбежности движения вперед; прославление эпикурейских и стоических добродетелей и отсутствие истинного понимания цели, которой они должны служить. Однако все эти противоречия сказались в основном при преемниках Августа. Сам же он делал все возможное, чтобы официальная пропаганда была достаточно эффективна. Она поддерживалась и торжественными празднествами, из которых особенно пышно были проведены секулярные игры «на благо Августа и народа». Эти игры начиная с 249 г. до н. э. справлялись каждые 100 (или 110) лет с ночными жертвоприношениями подземным богам для очищения народа и отвращения всякого зла. В 17 г. до н. э. Август торжественно справил их в ознаменование наступления нового века. Знаток сакрального права юрист Атей Капитон разработал ритуал праздника: жертвоприношения в течение трех дней и трех ночей хтоническим богам, Юпитеру и Юноне, и покровителям Августа, Аполлону и Диане, игры на Марсовом поле, торжественные процессии юношей и девушек. Для них Гораций написал свой знаменитый «Секулярный гимн». Как считают некоторые современные историки, в гимне и самом ритуале праздника особенно ярко проявилось сочетание идей римской традиционной религии — обряды очищения и плодородия, направленные на увековечение римской общины, — с аполлоновской религией обновления, конца старого периода истории и наступления нового, принесенного Августом, и с религией Капитолия, увековечивавшей власть Рима. В гимне Гораций обращается ко всем богам, моля их, чтобы солнце никогда не увидело ничего более великого, чем Рим, чтобы Август правил всеми народами, и благодарил их за дарованное Риму счастье, за то, что на землю вернулись мир, честь, доблесть, скромность.

Прославлению и укреплению нового режима служили также архитектура и искусство. Август ставил себе в заслугу, что, застав Рим кирпичным, оставил его мраморным. Он выстроил на Палатине дворцовый комплекс, включавший, помимо дворца, храм Аполлона и святилище Весты. Здесь теперь хранились Сивиллины книги и главные святыни Рима. При храме Аполлона была основана Августом первая в Риме публичная библиотека, где хранились книги и организовывались выступления поэтов, писателей, ораторов. По инициативе Августа были реставрированы 82 храма. К форуму Цезаря был присоединен форум Августа с главным его сооружением — храмом Марса Ультора (Мстителя). Форум окружала стена высотой 30 метров, в нишах которой были помещены статуи знаменитых римских героев прошлого с повествовавшими об их деяниях надписями на колодах. В украшении Рима участвовали и

члены семьи Августа. Марцелл выстроил театр, Агриппа — театр, термы, водопровод, подводивший воду к общественным фонтанам и домам богатых людей, и знаменитый Пантеон — «храм всех богов». Огромные размеры приобретали дома («инсулы») знати. В них, помимо комнат господ, размещались жилища сотен их слуг, кухни, бани, ремесленные мастерские. В подвалах были устройства для отопления комнат и бань горячим паром. Инсулы окружали парки, художественно оформлявшиеся специально обученными садовниками, занимавшими высокое место в рабской иерархии.

Архитектура достигла больших успехов. Благодаря усовершенствованию сооружения стен из бетона стены становились несущей конструкцией для кровель; применявшиеся с этой целью греками архитрав, фриз и карниз, составлявшие в совокупности антаблемент, превратились в элемент декора, так же как и в ряде случаев колонны. В многоэтажных зданиях к стене нижнего этажа пристраивались более тяжелые колонны дорического и тосканского ордера, к стенам верхних этажей более легкие, коринфского и ионического ордера, что создавало впечатление облегченности сооружения. Так как стены представляли теперь собой большую ровную поверхность, появилась возможность украшать их фресками. Такие стенные росписи известны из домов в Помпеях. Центральное место занимали картины на мифологические, культовые, бытовые сюжеты, любовные сцены, пейзажи — виды садов, сельских вилл и т. п. Иногда пейзажи рисовались так, что создавалась иллюзия ландшафта, продолжающего комнату на открытом воздухе. В других случаях фигуры помещались на черном или красном фоне. Краски преобладали зеленовато-голубые и фиолетовые. Помимо центральной картины, на стенах изображались колонны, перистили, цветочные гирлянды, маски, вазы, оружие; стены отделялись под алебастра, порфир.

Освоив конструкции арок, сводов, куполов, римляне могли строить большие общественные сооружения, значительно превосходившие греческие. Из ранних сооружений особенно знаменит купол Пантеона (правда, Пантеон был перестроен при Адриане), почти не выдающийся снаружи, но внутри производящий большое впечатление своей высотой и размером.

Строились также многочисленные дороги, соединявшие разные части империи, мосты, акведуки, и не только в Италии, но и в провинциях. Так, в Немаусе (совр. Ним) до сих пор сохранился акведук Агриппы. Во время Августа были сооружены форумы и театры в Арелате (совр. Арль), Араузионе (совр. Оранж), Вьенне. В планировке городов, улиц, конструкции мостов сказывалось римское влияние, в прикладном искусстве — эллинистическое.

Греческая традиция влияла и на скульптуру. Ярким ее образцом служит посвященный сенатом Августу в 9 г. до н. э. Алтарь мира, прославляющий его век счастья и изобилия. Ежегодно на нем приносили жертвы магистраты, жрецы, весталки. Сравнительно небольшой по размеру, он богато украшен рельефами. В верхней зоне было изображено торжественное шествие; на передней стенке как символ изобилия — сидящая фигура Матери Земли с двумя детьми, быком и овцой у ног; на боковых стенках — богиня Рима — Рома, Ромул, Рем и Эней, приносящие жертвы, другие мифологические фигуры, цветочные гирлянды.

Августа изображали многочисленные статуи в Риме, Италии и провинциях. Наиболее знаменита и характерна его статуя, найденная в Примпорте, созданная по образцу «Копьеносца» Поликлета. На панцире императора — символические фигуры, посвященные возвращению парфиянами знамен, отобранных ими у Красса, покорению Иллирика и Германии, а также Аполлона, Дианы и богини Земли с рогом изобилия. Эта статуя копировалась и частными лицами. Так, в Помпеях стоявшая

на перекрестке двух улиц статуя некоего М. Голкония Руфа и по позе, и по изображениям на панцире воспроизводила статую Августа из Примпорта. Но несмотря на силу греческого влияния, в портретных скульптурах римлян сказывалось их стремление к реалистическому воспроизведению черт оригинала с присущей ему психологией и свойствами, без прикрас. В этом плане скульпторы сближались с Горацием, требовавшим, чтобы люди изображались такими, как они есть, а в своих «Сатирах» давшим галерею типов современников со всеми их смешными, а иногда и низкими чертами характеров.

Выше уже упоминалось значение, придававшееся тогда образованию. И наука в правление Августа сделала в Риме значительные успехи. Она служила и целям пропаганды, и познанию мира, и практическим нуждам.

К первой категории относились история и филология, включавшая литературоведение. Из историков наибольшее значение для современников и последующих эпох имел уроженец Падуи Тит Ливий (59 до н. э.—17 н. э.). Из 142 книг его римской истории «От основания Города» до нас дошла примерно 1/4. Его труд, как и «Энеида» Вергилия, способствовал окончательному оформлению «римского мифа», повествования о том, как благодаря добродетелям и благочестию римского народа и его героев Рим, оправляясь после самых тяжелых поражений, поднялся до своего теперешнего величия. По его словам, целью его было отвлечь граждан, живущих теперь в мире и счастье, от воспоминаний об ужасах гражданских войн, напомнить о великих примерах прошлого. Его книги написаны легко и живо, со множеством подробностей о чудесных знамениях, яркими характеристиками, вставными речами разных персонажей. Они отвечали требованию Горация и поучать, и развлекать. До недавнего времени ученые, склонные к гиперкритике, считали совершенно недостоверными его сообщения о событиях ранней истории Рима. Но в последнее время успехи археологии и лингвистики показали, что многое, казавшееся легендарным у Ливия, содержит зерно истины, что еще более повышает значение его сочинения. Август одобрял и поощрял труд Ливия, соответствовавший духу его политики.

Римским древностям был посвящен написанный по-гречески труд Дионисия Галикарнасского, прибывшего в Рим в 30 г. до н. э. и открывшего там риторическую школу. Его целью было показать единство римских и греческих институтов, верований, традиций, что должно было воздействовать на греков, все еще втайне считавших римлян варварами, а римлян убедить, что с самых отдаленных времен греки были им родственны и близки. Тит Ливий и Дионисий, как бы идя навстречу друг другу с разных сторон, отражали общую тенденцию к синтезу греческой и римской культур.

Создавались и «Всемирные истории», авторами которых были Помпей Трог, Николай Дамасский, Диодор Сицилийский, Страбон, начинавшие повествование с разных дат (с древних восточных царств, царствования Филиппа II и т. п.), но ставившие Рим в центре внимания и исторического процесса. К истории примыкали труды филологов — Верия Флакка, Гигина, писавших о значении латинских слов, попутно комментируя древние религиозные установления, историю этрусков, итальянских городов и т. п.

Познавательным целям служила вызывавшая большой интерес астрономия, уже переплетавшаяся отчасти с астрологией. Выше упоминались «Небесные явления» Овидия; Германик (сын Друза, пасынка Августа) перевел сочинения Арата. Манилий гекзаметром написал 5 книг по астрономии («Астрономика») и ее приложению к астрологии. Изложив кратко историю астрономии, он восторженно превозносит человеческий разум, выведший людей из дикости и вознесший их к познанию

неба и его тайн, к рациональному объяснению небесных явлений. «Мы вырвали у Юпитера молнию», — говорит он, «узнали, что огонь ее происходит из туч».

Практическим целям служила география. Агриппа составил карту империи, выставленную для всеобщего сведения на Марсовом поле, и свои к ней комментарии. Страбон написал 17 книг о всех известных тогда странах и народах со сведениями об их истории.

Еще теснее с практикой были связаны труды по землемерному делу, строительному искусству. Массовое выведение колоний требовало усовершенствования методов измерения земельных площадей и отдельных участков, составления кадастров, принципов разделения земли на частную и общественную, отданную колонистам и оставленную местному населению, и т. п. Такие методы освещались в специальных трудах землемеров — «громатиков».

Итоги опыта строительства, используя греческих авторов и римскую практику, обобщил Витрувий в труде по архитектуре, посвященном Августу. В 10 книгах он излагает, как выбрать строительные материалы; каковы правила планировки города с форумом в центре, пересекающимися под прямым углом улицами, рынками, где и каким богам следует посвящать храмы; как строятся общественные здания, частные дома, городские и сельские, проводятся дороги и акведуки. Он описывает различные машины: военные, служащие для переноски тяжестей, водяные часы, насосы, прессы, орудия, применяемые в сельском хозяйстве, строительные инструменты. Как и Манилий, он восхваляет прогресс, достигнутый людьми благодаря разуму и науке. Такая вера в прогресс — лишнее свидетельство общего оптимистического унастроения, положительной оценки настоящего и надежд на будущее, отличная от пессимистического учения о постепенном ухудшении жизни людей со сменой веков.

Таким образом, время принципата Августа во многих отношениях было временем расцвета, и современники действительно могли верить, что все бедствия миновали и вернулся «золотой век».

Но, пожалуй, наибольшее значение имело особое отношение среди самых широких слоев к личности самого Августа, отношение, поддерживавшееся сверху и обусловившее возникновение императорского культа.

О происхождении и сущности императорского культа высказывались различные предположения. Его связывали с влиянием Востока, где культ не только древневосточных и эллинистических царей, но и римских полководцев и наместников был давно привычным; с культом различных «эвергетов» и лиц, имевших особенно большие заслуги; с культом, воздававшимся в Галлии и Испании обоженным вождям племен; с представлением об особой мощи принцепса, подобной мощи сил природы. Обсуждается и вопрос, был ли он введен по инициативе снизу или сверху. Видимо, можно предположить смешение и взаимодействие всех этих элементов. Власть Августа воспринималась как сверхчеловеческая, что подчеркивалось и его титулом, и слухами о происхождении от Аполлона, его покровителя. Судя по некоторым стихам поэтов и надписям, люди не сомневались, что после смерти он, как и Цезарь, станет богом. Кроме того, его Гений как отца отчества был столь же священен для подданных, как Гений *pater familias* для ее сочленов. К культу компитальных Ларов, отправлявшихся восстановленными Августом квартальными коллегиями, был прибавлен культ его Гения. Магистрами и министрами коллегий ежегодно избирались плебеи, отпущенники и рабы, в основном (судя по надписям) имевшие патронами и господами видных в Риме лиц и достаточно состоятельные, чтобы нести некоторые расходы, связанные с культом. Такие же коллегии создавались и в итальянских городах. Таким образом, идея святости Августа распространялась в са-

мых широких массах, обеспечивая их лояльность новому режиму. Вместе с тем компитальные коллегии из организаций борющихся за свои права плебеев и рабов, какими они были при Клодии, превращаются в орудие укрепления власти правительства. Желание наиболее демократических слоев иметь свои организации было формально удовлетворено, но «мятежный дух», с ними связанный, искоренен, что весьма характерно для всей направленности социальной демагогии Августа.

В сакрализации Августа еще при его жизни участвовали и городские слои. Из Кум до нас дошел отрывок календаря от 4 г. н. э., в котором молениями и жертвоприношениями различным богам отмечались различные памятные даты жизни императора: его первого консулата, дни рождения его самого, его пасынков Друза, Тиберия и сына Друза Германика, день присвоения ему титула Августа (он был отмечен молениями Августу), день посвящения алтаря Миру (моления Империяму Августу, хранителя римских граждан и земного круга), когда он впервые был провозглашен императором (моления Счастью империи), день избрания его великим понтификом и т. п. (CIL, X, 8375). Из Пизы известна надпись с постановлением совета декурионов и «всех сословий» о посмертных почестях внукам Августа Гаю и Луцию Цезарям, сооружении им статуй и посвященного им алтаря, жертвоприношения их мамам, соблюдении траура в годовщину их смерти (CIL, XI, 1420—1421). Скорее всего, помимо желания угодить властителю, здесь находила свое выражение и искренняя благодарность за его политику. Римлянам, несмотря на отсутствия у них в прежние века героизации, подобной греческой, было свойственно особое почитание «благодетелей», что видно не только из отношения народа к памяти Гракхов, но и из карикатурных, но имеющих какие-то корни в представлениях зрителей некоторых мест у Плавта.

В провинциях Запада культ Августа соединялся с культом Рима, как то уже давно было принято в восточных провинциях, где полководцы и наместники нередко почитались вместе с Римом, Римской Верностью и т. п. Здесь, очевидно, теперь уже для всей империи отразилось упоминавшееся выше переплетение «римского мифа» с «мифом Августа», власть и величие которых становились нераздельными.

Кульм мог учреждаться по инициативе городов. Так, в 15 г. до н. э. Тарракона просила дозволения воздвигнуть храм Августа; в Нарбоне в 12/13 г. н. э. «на благо Августа, его семьи, рода, сената, римского народа» жители города обязались почитать божественную силу (numen) Августа и соорудили ей алтарь, у которого в день, «когда счастье века даровало этого правителя кругу земель», и в другие юбилеи три всадника и три отпущенника должны были совершать жертвоприношения и угощать народ (CIL, XII, 4333). Отрывок другой надписи из Нарбона содержит постановление о правах и обязанностях фламينا Августа и о средствах, выделяемых на жертвоприношения и сооружение статуй и изображений Августа (CIL, XII, 6038). В иных случаях инициатором выступало правительство. Как уже упоминалось, в Лугдуна на средства 60 галльских цивитатес был сооружен и посвящен Друзом алтарь Рима и Августа, культ которого отправлялся представителями всех без различия римских граждан или peregrinorum. Из известных по надписям жрецов этого алтаря один был секван, другой арверн (CIL, XII, 1674, 1706). Такое же назначение имел посвященный Риму и Августу алтарь в городе убиев. В этих еще почти не затронутых романизацией областях культ Рима и Августа должен был объединить неоднородное по этнической и статусной принадлежности население, стимулировал его преданность городу-победителю и его главе. В такой форме этот культ долго держался в более отсталых районах.

Когда Август в 14 г. умер, он был причислен к богам и его императорский культ получил широкий размах. Должность фламينا этого

культа была наиболее почетной из всех муниципальных должностей; еще выше было положение фламينا всей провинции, представлявшего ее на ежегодном съезде провинциальных представителей, собиравшихся для торжественных жертвоприношений, но постепенно получивших и право доводить до сведения императора свое мнение о деятельности наместника — мнение, принимавшееся во внимание при его дальнейшем продвижении или, наоборот, наказании. Помимо магистров и министров Компитальных Ларов, в городах Италии и провинций создавались корпорации севи́ров августалов, обслуживавших императорский культ, частично заменившие коллегии некоторых официальных городских культов, а частично с ними сосуществовавшие. И в тех и в других корпорациях, особенно в корпорациях августалов, значительную роль играли богатые вольноотпущенники, которым был закрыт доступ в число декурионов и городских магистратов. Севи́ры августалы постепенно заняли некое промежуточное место между декурионами и простым народом.

Кроме того, создавались и неофициальные или полуофициальные коллегии императорского культа. Наибольшее распространение среди них имела возникшая еще среди дворцового персонала Августа так называемая Большая коллегия императорских Ларов и Изображений (видимо, имелись в виду *imagines* — изображения предков, хранившиеся в каждом знатном доме). Постепенно ее филиалы распространились по инициативе императорских отпущенников среди простого народа — вольноотпущенников и рабов различных городов Италии и провинций.

Значение, которое приобрел императорский культ во всех социальных слоях независимо от того, исходил ли он сверху или от самого населения империи и какие чувства в нем вызывал, был одной из причин, по которым в идеологической жизни общества религия начинала играть все большую роль. Отношение к этому культу стало пробным камнем отношения к императорскому режиму, и недаром «закон об оскорблении величества» был приравнен к закону о святотатстве.

Таким образом, дивившийся почти полвека принципат Августа заложил основы для дальнейшего развития империи. При его преемниках стали ясны и сильные, и слабые стороны созданной Августом и его соратниками системы.

2. ИМПЕРИЯ ПРИ ЮЛИЯХ — КЛАВДИЯХ И ФЛАВИЯХ

После смерти Августа до 68 г. правили императоры, принадлежавшие (по родству или усыновлению) к родам Юлиев и Клавдиев: Тиберий (14—37 гг.), Гай Цезарь, прозванный Калигулой (37—41 гг.), Клавдий (41—54 гг.) и Нерон (54—68 гг.).

Об императорах этой династии мы знаем в основном от авторов, чрезвычайно враждебно к ним относившихся, ибо они или принадлежали к идеологам современной им сенатской оппозиции, поднявшей голову после смерти Августа (например, Сенека), или писали во II в., когда новая династия Антонинов противопоставляла себя «тиранам» I в. и появилась широкая возможность их обличать (как, например, Тацит и Светоний). Поэтому главным образом благодаря исключительному таланту Тацита как писателя и психолога принцепсы I в., особенно принадлежавшие к династии Юлиев — Клавдиев, остались в памяти потомков как полубезумные кровожадные деспоты, попиравшие все божеские и человеческие законы в безудержном стремлении к неограниченной власти, униженной лести и слепому поклонению. Лишь с большим трудом историки нового времени стали выявлять рациональные основы их политики, более разумной и более отвечавшей потребностям времени, чем та политика, которой желала бы держаться сенатская оппозиция. Ос-

новной упор ее идеологи делали на утрату свободы, царившей в прежние времена, когда на Форуме и в сенате каждый мог высказывать свое мнение, кипели свободные, питавшие красноречие дискуссии. Они прославляли всех погибших за свободу врагов Цезаря — Цицерона, Брута и Кассия, Катона Утического.

Но все это были скорее декламации, чем некая реальная программа. Во-первых, стеснение «свободы» было весьма относительным. Очень редко были случаи, когда какое-нибудь сочинение (например, написанная Кремуцием Кордом история Брута и Кассия) уничтожалось и запрещалось. Антицезарианская поэма «Фарсалии» Лукана, весьма критически оценивавшие современность сочинения Сенеки, «Сатирикон» Петрония, высмеивавший двор Нерона, не были запрещены, хотя все три автора были казнены Нероном по подозрению в участии в заговоре. Правда, время от времени, как то бывало и прежде, адептов египетской и иудейской религии высылали из Рима в связи с какими-нибудь эксцессами, а участие в императорском культе стало столь же обязательным, как некогда участие в культе, установленном цивитас. Тем не менее свобода религиозных верований в общем не стеснялась. Напротив, Калигула особенно почитал Исиду, а Клавдий упорядочил культ Кибелы, установив трехдневные массовые празднества в честь смерти и воскресения Аттиса. По-прежнему свободно действовали разные философские школы. Во-вторых, о возвращении к порядкам «свободной республики» никто всерьез не думал. И Сенека, и Тацит признавали, что положение в империи требует единоличного правления. Тацит неоднократно осуждал тех, кто, прикрываясь словами о свободе, проявляет неповиновение и вносит смуту. Плутарх в своих наставлениях тем, кто управляет городами Греции, писал, что города имеют столько свободы, сколько им предоставляет император, а больше им и не надо, и рекомендовал магистратам, обращаясь с речами к народу, говорить не о бывшей свободе и величии греков, а лучше напоминать о тех пагубных последствиях, к которым приводят мятежи. Когда сенаторы составляли заговоры против того или иного императора, они ставили целью не вернуться к «республике предков», а передать власть какому-нибудь своему ставленнику (например, заговор в пользу Пизона при Нероне).

Оппозиция части сенаторов на деле имела иные причины. Они были недовольны своим фактическим устранением от управления государством, от бесконтрольной эксплуатации провинций, некогда их обогащавшей, и ограничением возможностей получать субсидии из государственной казны; их возмущало, что провинциалы, «некогда дрожавшие при одном имени римского гражданина», теперь получили право от имени провинциальных собраний осуждать действия наместников. Не нравились им и замена политики беспощадного подавления сопротивления провинциалов попытками найти разумные компромиссы и привлечь наиболее богатых и преданных провинциалов в ряды господствующего класса в общеимперском масштабе, а также в ряде случаев отказ от войны с противниками империи и предпочтение им более действенной дипломатии.

Был и еще один пункт расхождения, как-то оставленный в современной литературе без внимания, но не лишенный значения, а именно аграрный вопрос. Как уже упоминалось, в принципе не оставалось сомнения, что император, заменивший римский народ, унаследовал и его право верховного собственника на землю, и контроль за ее распределением и обработкой. Кроме цитированного уже высказывания Сенеки, можно сослаться и на «Панегирик» Плиния Траяну, где подтверждается та же мысль. И несмотря на укрепление владельческих прав собственников земли при Августе, императоры не менее цивитас были заинтересованы в наилучшей обработке всего наличного земельного фонда, причем к со-

ображениям «общей пользы» теперь прибавились и фискальные соображения, забота об удовлетворении нужд войска и плебса Рима и других городов. Старый закон, позволявший занимать заброшенные, необработанные земли и приобретать на них право собственности в результате их обработки, так же как утверждение о неразрывной связи права на имущество с обязанностью извлекать из него доход, неоднократно повторялся юристами во все время существования Ранней империи. В этом плане объединялись права императора как верховного собственника и суверена. Между тем к середине I в. число латифундий сильно возросло и, по общему признанию (особенно Плиния Старшего и Колумеллы), они обрабатывались крайне небрежно и были малорентабельны, поскольку основной рабочей силой были рабы. В это же время тема бессовестного богача, захватывающего земли бедных соседей, владеющего сотнями закованных рабов и кабальных, наделяющего своих спесивых управляющих (виликов) пекулиями, во много раз превосходящими надели крестьянина, стала одной из популярнейших в сборниках риторических упражнений, предназначенных для изучения ораторского искусства в риторических и юридических школах. Такой богач обычно противопоставлялся оскорбленному и обездоленному им бедняку, от имени которого и произносилась обличительная речь. Следовательно, агитация против латифундий проникала и в средние слои, из которых выходили ученики риторических школ, рассчитывавшие выдвинуться как судебные ораторы. На эти антилатифундистские настроения могли опереться императоры в своей борьбе с владельцами запущенных, нерентабельных латифундий. В ряде случаев такие латифундии подвергались конфискации — часто как мера наказания представителей сенатской оппозиции, но нередко и без такого благовидного предлога. Конфискованные земли, по словам обличавшего такие «тиранические» действия Плиния Младшего, раздавались «рабам» императора (Панегирик, 50), т. е., скорее всего, отпущенникам или мелким владельцам и арендаторам, как видно из свидетельства Сикула Флакка о многих владельцах, получивших землю изгнанного прежнего собственника. Сенатская оппозиция, не отрицающая соответственных прав принцепса, требовала вместе с тем, чтобы он ими не злоупотреблял, чтобы он не лишал имений тех, кому они отведены, как хороший господин не лишает пекулия, выделенного рабу, чтобы, как выразился Плиний Младший в «Панегирике», его патримоний был меньше, чем его империя. Можно полагать, что эти еще довольно смутные попытки отделить власть императора как суверена от его власти как верховного собственника были одной из существенных причин столкновений сенатской оппозиции с императорским правительством, столкновений, на новой основе продолжавших исконную для Рима борьбу между крупным и мелким землевладением, между неизбежной тенденцией к концентрации земли и принципом, что право на нее имеет только тот, кто ее хорошо возделывает и извлекает из нее доход, что считалось не частным делом владельца, а делом общественным, насущным для всех граждан или для всего государства.

Сенатская оппозиция принимала разные формы — от разговоров и писаний, порочивших императоров и их сторонников, до заговоров и покушений на их жизнь. Императоры отвечали репрессиями, опираясь, между прочим, и на закон «об оскорблении величества», трактовавшийся очень широко и каравший смертной казнью виновных, а иногда и их близких. Выявление их стало делом частных лиц, «доносчиков» (*delatores*), получавших соответственную награду. Среди этих «доносчиков» нередко бывали и рабы обвиняемых, что казалось сенаторам особенно вопиющим нарушением всех исконных римских установлений. Для своей защиты Тиберий по инициативе префекта преторианцев Сеяна (впоследствии уличенного в заговоре против императора и казненного)

все преторианские когорты перевел в Рим, где они стали представлять грозную силу не только для врагов императора, но и для самих императоров. Так, Калигула был убит трибуном преторианцев Кассием Хереей, не вынесшим постоянных издевательств императора; после его смерти преторианцы же возвели на престол Клавдия, дядю Калигулы, перебившего всех своих родственников. Когда же Клавдия отравила его жена Агриппина, она заручилась поддержкой преторианцев, чтобы провозгласить императором своего усыновленного по ее настоянию Клавдием сына от первого брака с Домицием Агенобарбом — Нерона. Префект преторианцев Нерона, Тигеллин, был главным орудием его террора против сената и остался в памяти современников как некое кровожадное чудовище.

Однако этот террор касался довольно узкого круга высшей знати. В сенате было много преданных новому режиму людей, с точки зрения Тацита, запятнавших себя подлой угодливостью принципсам, особенно Нерону, убийце своей жены и матери.

Столкновения в верхах широкие массы населения империи задевали мало. Видимо, как раз «антисенатские» императоры были среди них более популярны, хотя плебс мало интересовался вопросом о том, кто будет стоять у власти, так как, по выражению Федра (I, 15), когда сменяется принципс, для бедняка не меняется ничего, кроме имени господина. В правление Тиберия исчезло даже то показное участие римского народного собрания в выборах магистратов, которое еще сохранялось при Августе. Теперь выборы, а вернее, утверждение кандидатов, предложенных императором, производились центуриями сенаторов и всадников. Зато императоры неуклонно заботились о предоставлении римскому плебсу «хлеба и зрелищ», предотвращая возможные волнения.

Династия Юлиев — Клавдиев прекратилась после свержения и смерти Нерона. Провинции, главным образом западные, были недовольны тяжелыми поборами. Огромные суммы шли на строительство дворцов (особенно известен был строившийся с исключительной роскошью дворец Нерона «Золотой дом»), многочисленные празднества, обогащение императорских отпущенников, уже при Клавдии владевших состояниями в 300—400 млн сестерциев. Не слишком удачной была война с Парфией, закончившаяся компромиссом: в Армении, служившей основным яблоком раздора между Римом и Парфией, последняя посадила на престол своего ставленника Тиридата, хотя корону он и получил из рук Нерона. В Иудее началось восстание, которое, несмотря на собранные римлянами значительные силы, не удавалось подавить. Первым на западе против Нерона возмутился Г. Юлий Виндекс из романизованной аквитанской знати, пропретор Бельгики. К нему примкнул командовавший германскими легионами Вергиний Руф, но из-за несогласия между ними восстание было подавлено и Виндекс погиб. Тогда Тарраконская Испания выдвинула в кандидаты на престол своего наместника Гальбу, принадлежавшего к знатному роду Сульпициев. Его поддержал не только римский сенат, но и префект преторианцев Нимфидий Сабин. Нерон был объявлен низложенным, бежал из Рима и с помощью вольноотпущенника покончил с собой.

Соперником Гальбы выступил наместник Лузитании Отон, некогда близкий к Нерону, поддержанный еще остававшимися его сторонниками, свергнувшими и убившими Гальбу. Однако и правление Отона длилось недолго. Германские войска при поддержке близких им наименее романизованных провинциалов провозгласили императором своего легата Вителлия, двинулись на Италию, при Бетриаке разбили Отона, покончившего с собой, и вошли в Рим. Судя по Тациту, разнузданную солдатчину поддерживали «худшие» из «черни» и рабов. В Риме начались беспорядки и грабежи. Представители господствующих слоев были обес-

покоены и стремились к восстановлению твердой власти. Поэтому, когда в Сирии был провозглашен и поддержан дунайской армией посланный на подавление иудейского восстания Флавий Веспасиан, ему после битвы при Кремоне, в которой были разбиты войска Тителлия, довольно легко удалось получить признание сената, давшего ему все полномочия, которыми располагали его предшественники, начиная с Августа. Он был основателем династии Флавиев, к которой, помимо Веспасиана (69—79 гг.), принадлежали его сыновья Тит (79—81 гг.) и Домициан (81—96 гг.), снова вступивший в конфликт с сенатом и убитый заговорщиками, среди которых были его отпущенники.

И Юлии — Клавдии, и Флавии столкнулись с рядом довольно сложных задач. Главной из них, пожалуй, было отношение к армии и к соседним племенам, что непосредственно переплеталось с отношением к порядкам в провинциях.

Уже сразу после смерти Августа, в последние годы правления которого римская казна в значительной мере опустела, восстали рейские и дунайские легионы, требовавшие давно не выдававшегося им жалованья и увольнения тех, кто служил установленный срок, жаловавшиеся на жестокость и самодурство центурионов и на то, что ветеранам давались надель на плохой, необработанной земле. Они провозгласили императором сына Друза Германика, командовавшего войсками на Рейне, но он отказался и, действуя обещаниями, репрессиями и покаяв самых ненавистных солдатам начальников, уговорил их присягнуть Тиберию. Впоследствии Тит и особенно Домициан, повысивший жалованье солдатам и центурионам, утвердили ряд привилегий ветеранам: они сами, их родители и дети освобождались от всех налогов и пошлин; peregrini из вспомогательных частей после отставки, кроме земли, получали римское гражданство для себя, своих сожительниц, с которыми теперь могли законить брак, и своих детей, что подтверждалось выдаваемым им соответствующим документом (дипломом). Эта мера не только делала для peregrinov привлекательной службу в армии, но и способствовала романизации еще отсталых областей, обычно поставлявших рекрутов в алы и когорты вспомогательных войск. Клавдий упорядочил прохождение военной службы всадниками: они начинали трибунами вспомогательной когорты, затем служили трибунами в легионе и, наконец, префектами алы. Такой же путь часто проходили сочлены муниципальной верхушки, становившиеся затем магистратами и фламинами своих городов. Таким образом, армия оказывалась достаточно тесно связанной с разными слоями населения, была, так сказать, школой обучения преданности Риму и императору.

Инициаторами создания коллегий императорского культа и других его проявлений наряду с императорскими отпущенниками нередко выступали ветераны. Создавалась некая сеть, раскидывавшаяся по империи и действовавшая в пользу правительства не менее, а то и более эффективно, чем официальные представители власти.

Внешняя политика на западных границах обуславливалась в значительной мере состоянием армии и провинций. На Рейне Германик в начале правления Тиберия продолжал кампанию против германцев, заключая с некоторыми из них союзы, например с тестем Арминия и жрецом Сегестом (в 21 г. Арминий был убит своими противниками). Однако гибель выстроенного Германиком флота и крайние трудности продвижения по лесам и болотам левого берега Рейна показали Тиберию, опытному и талантливому полководцу, неэффективность дальнейшего продвижения к Эльбе. Германик был отозван, что враги императора не замедлили приписать зависти Тиберия к успехам считавшегося сторонником «свободы» Германика, а его смерть — отравлению, осуществленному по тайному приказу Тиберия. На самом деле политика Тиберия была го-

раздо более действенна и не стоила таких жертв, как прямые военные столкновения. Войско на Рейне было разделено на войско Нижней и Верхней Германии и созданы новые лагеря в Аргенторате и Виндониссе. Тиберий исподволь следил за ссорами германских «принцев» и племен, используя их к выгоде римлян. Армию удалось отторгнуть от Маробода семнонов, германдуров и лангобардов; тот просил помощи Тиберия, но Тиберий не только в помощи отказал, но еще и дал денег изгнанному Марободом Катувальде для найма войска у готов. Маробод был разбит, и Тиберий поселил его в Равенне, чтобы на всякий случай иметь оружие против Катувальды. А когда Катувальда, в свою очередь, был изгнан подданными и тоже бежал в Италию, его царство стало клиентом Рима, назначавшего зависимых царей. Рядом с ним образовано было клиентское царство квадов во главе с Ванныем. Впоследствии Клавдий дал им в цари Итала, также затем изгнанного. Когда в 28 г. от непомерных налогов данного им в префекты центуриона восстали фризы, Тиберий от репрессий воздержался. Известно, что он неоднократно судил наместников, злоупотреблявших в провинциях своею властью. Все же волнения в Галлии не прекращались. Для введения порядка Клавдий действовал разными способами. Он основал Colonia Claudia Agrippina (совр. Кёльн), быстро ставшую центром романизации, провел новые дороги из Италии до Лугдуна, из Лугдуна до Бурдигалы и далее на запад. Он запретил практиковавшиеся друидами жертвоприношения людей и практически свел на нет влияние друидов, часто встававших во главе оппозиции Риму. С другой стороны, он открыл уроженцам Великой Галлии, начиная со старых друзей римлян эдуев, доступ в сенат. Мера эта вызвала активное недовольство senatorской оппозиции, увидевшей в ней нарушение «нравов предков», но он сумел настоять на своем, произнес в сенате речь, доказывавшую, что и «предки» принимали в свою среду чужаков и не отказывались от полезных новшеств (Тацит. *Анналы*, XI, 21). Наконец, он предпринял завоевание Британии, где на острове Мона был центр друидизма и где искали помощи недовольные галлы. Покорить Британию пытался Цезарь, а затем Калигула, но неудачно. Проримская партия была там еще недостаточно сильна, хотя царь катувелаунов Кунобелин, называя себя rex Britannicus, посетил Рим, где принес жертву Юпитеру на Капитолии. Но постепенно в Британии, богатой металлами, зерном, скотом, оседали римские дельцы, приучая местную знать к римскому образу жизни и римской роскоши. Союзницей Рима стала царица племени бригантов Картимандуа. Все это облегчало вторжение в Британию, начатое Клавдием под предлогом улаживания династических распрей, возникших после смерти Кунобелина. Часть племен подчинилась Риму, но сын Кунобелина Каратак бежал в Уэльс, где организовал сопротивление. Царь племени регниев, получивший римское гражданство, Тиб. Клавдий Когидубн был назначен легатом императора в Британии. К 61 г., когда был взят остров Мона, сопротивление, казалось, было сломлено. Но оно вспыхнуло с новой силой, когда насилия, чинимые поселенными в колонии Комолодун ветеранами, вербовка рекрутов в auxilia и бесчинства римских ростовщиков (среди них был и римский философ Сенека), продававших за долги в рабство целые племена, привели к новому восстанию под предводительством царицы иденов Боудикки. Римляне, утвердившиеся в Комолодуэ, Веруламии и большом торговом порту Лондини, были перебиты, к восставшим присоединились другие племена (Тацит. *Анналы*, XIV, 34). Лишь с большим трудом восстание было подавлено.

Но движения в Британии продолжались и при Флавиях. Тацит приводит речь одного из вождей повстанцев, Калгак, к своему войску. Римляне, говорил он, — это люди, которых не может насытить ни восток, ни запад. Похищать, убивать, грабить — это на их лживом языке назы-

вается управлением, а когда все обратят в пустыню, называют это миром (Тацит. Жизнеописание Юлия Агриколы, 30, 31). Сенатская оппозиция требовала самых жестоких мер и войны вплоть до полного, безоговорочного подчинения британцев. Однако императоры (в частности, Домициан) старались найти какой-то компромисс и смещали полководцев, отличавшихся особенной жестокостью, что, как и в случае с Германиком, объяснялось их завистью к успехам наместников и командиров. Все же при Домициане было достигнуто известное умиротворение, разрушенные города были восстановлены, британская знать в некоторой степени романизовалась, по мнению Тацита, продавая свою свободу за римскую роскошь.

Ирландия и Шотландия римлянами завоеваны не были, и набеги свободных британцев всегда оставались грозившей опасностью. Из подчиненных племен было создано много вспомогательных частей, разосланных по разным провинциям, что несколько способствовало их приобщению к римскому образу жизни. Но в целом Британия осталась наименее романизованной из европейских провинций. Крестьяне продолжали жить общинами, поклоняться местным богам и повиноваться своим «принцепсам». Когда в начале V в. Британия отпала от империи, в ней восстановились в полной мере господствовавшие там до римского завоевания порядки.

Результаты политики Юлиев — Клавдиев в отношении провинциальной знати сказались, когда во время гражданской войны 68—69 гг. в северных районах Галлии и на Рейне поднял восстание батав Юлий Цивилис, выдававший себя сначала за сторонника Веспасиана, а затем за «императора Галлии». К нему присоединились многие зарейнские племена и племена, поселенные на левом берегу Рейна, — фактически вся Нижняя Германия, кроме Колонии Агриппины и Ветеры, которые, так же как и Могонтиак, были осаждены войском Цивилиса. Под влиянием слухов о событиях в Риме и о пожаре, охватившем во время гражданской войны Капитолий, что толковалось как знамение, предвещавшее конец Рима, к Цивилису примкнули долго остававшиеся верными империи тревирсы во главе с Классиком и Титором, и лингоны во главе с Сабином, а также часть солдат из туземной *auxilia* и бывших сторонников Вителлия. Были, наконец, взяты и разрушены почти все лагеря легионов и вспомогательных частей.

Цивилис обратился за поддержкой к другим племенам Галлии. Их представители собрались на съезд в столице ремов Дурокорторе, чтобы решить, на чью сторону стать. Перед ними выступил посланный Веспасианом для подавления восстания Петилий Цереалис. В своей речи он доказывал, что теперь сгладилась разница между победителями и побежденными, что только власть Рима охраняет тех, кто получил богатство во время смут и войн, и что если рухнет столетиями создававшаяся Римская империя, то погребет под своими обломками тех, кто ее разрушил (Тацит. История, IV, 73, 74). А так как только совсем недавно галльские крестьяне подняли восстание под руководством некоего боя Марика, объявившего себя освободителем Галлии и посланцем богов, и стали нападать на имения эдуев (Там же, II, 61), то опасность, грозившая собственникам, в случае если они лишатся защиты Рима, была им особенно очевидна, и они стали на его сторону. «Принцепсы» тревиров спасались в городах, оставшихся верными Риму, и вскоре Цивилис был разбит и вместе с Классиком и Титором бежал в свободную Германию. После этого Галлия в течение 100 лет оставалась верна Риму.

Старые лагеря были восстановлены, сооружались новые. С зарейнскими племенами Веспасиан заключал союзы, оказывал помощь их вождям. Многие галлы стали переселяться за Рейн, под защиту воздвигнутых там крепостей — кастеллов. Так формировались так называемые Декуматские

поля, населенные смешанным кельто-германским населением, постепенно осваивавшим римские методы хозяйствования, судя по большому числу находимых там вилл италийского образца. Последней экспедицией I в. за Рейн была война Домициана с племенем хаттов. После нее в знак отказа от дальнейших завоеваний на территории свободной Германии были окончательно конституированы провинции Верхней и Нижней Германии с тремя легионами в каждой. Вспомогательные части после восстания Цивилиса стали набираться из племен других провинций и уже не ставились под команду своих «принцевсов», дабы избежать новых мятежей. Но стоявшие на Рейне легионы способствовали известной романизации кельто-германских племен, а когда легион или вспомогательная часть переводились в другой лагерь, на месте старого возникали города и села гражданского населения, ядром которого часто были купцы и ремесленники, прежде обслуживавшие воинские части и селившиеся на их территориях, в так называемых канабах, получавших квазимunicipальное устройство.

Флавии продолжали и расширяли провинциальную политику своих предшественников, особенно стараясь поддерживать города. Из сообщений агрименсоров известно, что крупные собственники нередко захватывали городские земли, общие пастбища, что имели место столкновения городов с земельными магнатами за эти земли. Об одной такой тяжбе между городом и соседним землевладельцем мы знаем из надписи СІІ, IX, 2827. Веспасиан издал распоряжение о возвращении городам всех таких захваченных частными лицами земель. Именно в связи с выявлением захваченных общественных земель составлялись новые и пересматривались старые кадастры, как, например, кадастр из Оравжа.

В Испании был оставлен только один легион (его лагерь — на месте современного города Леон), и всем городам Испании Веспасиан даровал латинское право, так что лица, занимавшие там магистратские должности, становились со своими семьями римскими гражданами. Неясно, получили ли латинское право только города, бывшие таковыми по римским понятиям, или также маленькие, в основном ярмарочные, центры мелких племен северо-запада. Во всяком случае, римское гражданство с этого времени очень широко распространяется в Испании. Стирается разница между колониями и муниципиями, как видно из отрывков уставов муниципиев Сальпенсы и Малаки (СІІ, II, 1963—1964). Там предусматривается, что магистраты, получившие римское гражданство, сохраняют относительно своих отпущенников права в соответствии с местными законами, что магистраты и их заместители должны поклоняться Юпитером, богами Пенатами, обожествленными умершими императорами и Гением императора правящего, что будут соблюдать установленные законы и честно управлять городским имуществом, что, в случае если управление будет недобросовестным, управляющий и представленный им поручитель с согласия 2/3 декурионов вместе с их имуществом должны быть проданы в пользу государственной казны; что дуумвир-судья, сдавая в аренду городские земли и на откуп сбор с них арендной платы и постройки для города, должен был потребовать надежных поручителей и, записав все это на таблицах, выставить их для всеобщего ознакомления. Регулировался также порядок выборов городских магистратов: список их выставлялся заранее, граждане города голосовали по куриям, опуская в корзины таблички под надзором приставленных наблюдателей, а живущие в городе римские и латинские граждане из других городов подавали голоса в особой курии. Как и в уставе колонии Юлии Генетивы, кандидаты должны были иметь недвижимое имущество на территории города.

Ряд городов в Испании получил при Флавиях статус муниципиев. Легион вербовался в основном из местных римских и латинских граждан. Из северо-западных племен, особенно астуrow и кантабров, вербовались

многочисленные вспомогательные части, рассылавшиеся по всей империи. Это способствовало смешению населения провинций.

Новое отношение к провинциям сказывалось также на составе сената, пополнявшегося теперь не только за счет наиболее видных граждан италийских городов (особенно привлекавшихся Веспасианом, который и сам был из недавно начавшей возвышаться семьи города Реаты), но и уроженцами провинций. За время правления Флавиев, с 68 по 96 г., число италийцев в сенате с 83% снизилось до 76, а число провинциалов поднялось с 16,8% до 23, причем из них 85% были уроженцы западных провинций и 15% — восточных.

Немалое значение имело и дальнейшее упорядочение государственного аппарата, для которого особенно много сделал Клавдий. При нем был организован ряд ведомств, занимавшихся приемом прошений императорам, ответами на них, перепиской, архивными документами, счетоводством, связанным с императорским фиском и императорским имуществом. Для расширенной и улучшенной гавани в Остии был назначен особый прокуратор, а владельцам кораблей, навикуляриям, подвозившим в Рим зерно, были даны известные привилегии. Возможно, тогда же были более твердо установлены упоминаемые агримаенсорами I в. подати с провинциальных земель, вносившихся или частью урожая (от 1/5 до 1/10), или деньгами. Правда, во главе основных ведомств все еще стояли отпущенники Клавдия: Нарцисс, Полибий, Паллант, Каллист, вызывавшие ненависть сената своим исключительным влиянием и богатством. Но, по-видимому, это были люди, понимавшие стоящие перед правительством задачи и умевшие наладить более эффективную администрацию, чем сенат. В совет принцев, помимо их ближайших сотрудников, стали теперь входить и самые видные юристы эпохи, часто занимавшие высшие магистратские должности и пользовавшиеся большим уважением, поскольку они участвовали в составлении ответов на прошения, разработке и толковании законов и императорских эдиктов. Дальнейшая разработка римского права, предусматривавшего все виды договорных отношений, по мере возрастания их роли в экономической и социальной жизни общества стала одной из важнейших отраслей политической деятельности, при этом соблюдение установлений «предков» сочеталось с требованиями современного положения дел.

Политика императоров I в. способствовала развитию экономики провинций, достигшей своего максимального расцвета в первую половину II в.

Но в старых рабовладельческих областях Италии уже начинали ощущаться некоторые признаки если и не упадка, то застоя. Правда, в городах еще продолжалась оживленная экономическая и муниципальная деятельность, особенно хорошо известная нам на примере Помпей. Многочисленные небольшие виллы, окружавшие город, производили все необходимое для своих владельцев и их рабов, а также продукты, в первую очередь вино, на продажу. В городе имелись многочисленные мастерские — ювелирные, шерстоткацкие, сукновальни, красильни, хлебопекарни и т. п. Ремесленники работали на заказ и на продажу в лавках при мастерских или на рынках. Документы из архива местного состоятельного отпущенника Цецилия Юкунда свидетельствуют о многообразии деятельности жителей Помпей. Здесь и аренда городских земель и мастерских, и участие в производимых на аукционах распродажах, и разные финансовые операции, часто ведшиеся через доверенных рабов.

Оживленными были предвыборные кампании магистратов. На стенах сохранились надписи ремесленных и соседских коллегий, а также отдельных лиц, призывавших голосовать за того или иного кандидата. Другие надписи возвещали об устраиваемых магистратами играх с участием гладиаторов. Обилие надписей на стенах, сделанных простыми людьми

и рабами, говорит о широком распространении грамотности. Дома состоятельных людей были украшены фресками и статуями, имели обычно 2—3 этажа, нижние для господ, верхние для рабов. При ряде домов имелись трактиры, мастерские и лавки, то ли сдававшиеся домовладельцами в аренду, то ли находившиеся в ведении их рабов-инститоров (приказчиков). Многочисленные надписи из других городов сообщают о богатых пожертвованиях магистратов и просто богатых людей на нужды города, строительство общественных зданий, водопроводов, рынков, дорог, на устройство игр, угощений, собраний коллегий и их совместные трапезы. Характерна, например, надпись некоего Гн. Сатрия Руфа из Игувия, который заплатил 6000 сестерциев за звание декуриона, 3450 — за продовольствие легионов, 6200 — за ремонт храма Дианы, 7750 — за игры в честь победы Августа (CIL, XI, 5820).

Ремесло, особенно в Риме, крупнейшем производственном центре, стало специализированным; в каждой его отрасли ремесленники производили только какой-то один вид продукции, например в кожевенном производстве различные виды обуви, бурдюки, седла, сбруи; существовали специалисты по изделиям из разных металлов, по производству различных видов вооружения, орудий труда, инструментов, чеканщики, изготовлявшие бронзовые и серебряные сосуды, и т. п. Известны даже такие специализированные мастера, как варщики клея для изделий из слоновой кости и инкрустаций, ремесленники, делавшие глаза для статуй, колесные оси. Многие специалисты были заняты на постройке и отделке зданий. Ряд кварталов Рима получил свое название от селившихся там ремесленников, например кварталы кузнецов, парфюмеров, стекольщиков, сандалщиков, плотников, медников, портки жемчужников, форум свиноголовцев, булочников, торговцев вином, бобами, статуэтками и т. п. Мастерские обычно были небольшими, принадлежали свободнорожденным или отпущенникам, работавшим с парой учеников или рабов. В ряде случаев во главе мастерских, лавок, менялен хозяин ставил раба-инститора, выделяя ему инвентарь и рабов-викариев (викарий — раб раба), с тем чтобы часть дохода он оставлял в своем пекунии.

Но создавались и более крупные предприятия. Более всего известны мастерские по изготовлению художественной керамики (*terra sigillata*), в которых, судя по штемпелям, ставившимся на посуде мастерами, занимавшимися ее отделку, работали до 100—150 рабов. Клейма на кирпичах, производившихся в окрестностях Рима, свидетельствуют о том, что кирпичи изготовлялись либо в мелких мастерских отдельных хозяев, либо в мастерских крупных землевладельцев, на земле которых имела глина и где основной рабочей силой были рабы владельца глиниц. Рабы-мастера ценились дорого. Их специально обучали или покупали хорошо обученных рабов-ремесленников в Греции и Малой Азии. Особенно широко их труд внедрялся в производство предметов роскоши. Обычно они потом отпускаясь на волю, или становились компаньонами хозяев, или заводили собственное дело. Ремесленное производство давало большой доход: по словам Ювенала (I, 102—108), отпущенник, привезенный с берегов Евфрата, идет впереди потомков Энея, так как его пять таберн дают ему 400 тыс. сестерциев, т. е. обеспечивают всаднический ценз.

В сфере торговли также наблюдалась широкая специализация. Некоторых рабов их хозяева посылали торговать вразнос.

Но в основной отрасли экономики, сельском хозяйстве, дело обстояло хуже. В принципе земля должна была давать 6% дохода. Такую цифру приводит Колумелла, и в одной надписи подаренные городу три имения стоимостью в 70 тыс. сестерциев должны, по мысли дарителя, приносить 4200 в год, т. е. те же 6% (CIL, X, 5853). Доход этот соответствовал ростовщическому проценту, установленному законом, но, видимо, его далеко не всегда можно было добиться, как можно заключить из трак-

татов Колумеллы и Плиния Старшего. Многие объясняли падение доходности вилл истощением земли. Плиний Старший видел причину в распространении плохо возделываемых латифундий и труде закованных, небрежно работавших рабов, под руками которых земля хирела и не могла давать такие урожаи, какие она давала, когда за плугом шли свободные граждане или герои гипа Цинцинната. Возвращение к небольшому, не требующим особых затрат имению, возделываемому хозяином, его домашними и немногочисленными рабами, могло бы спасти положение. О том, что Плиний был в этом смысле не одинок, говорят попытки добиться законодательного сокращения числа рабов в одних руках (Тацит. *Анналы*, II, 35; III, 53—54), но Тиберий издать такой закон отказался и призвал самих граждан вести умеренный образ жизни.

Факты эти, кстати, свидетельствуют против общераспространенного в современной литературе мнения, будто кризис в итальянском сельском хозяйстве начался из-за нехватки рабов и повышения цен на них. Колумелла в отличие от Плиния Старшего был приверженцем и теоретиком рационально поставленного рабовладельческого хозяйства, отвергая идею истощения земли и доказывая, что при хорошей организации труда рабов и применении всех достигнутых многолетним опытом усовершенствованных методов обработки земли и ухода за посадками имение может давать большие доходы. Однако именно трактат Колумеллы при всех обширных практических и теоретических познаниях автора показывает всю утопичность его планов и неизбежность кризиса рабовладельческого сельского хозяйства. В его время разделение труда между работниками (в источниках упоминается более 40 специальностей сельскохозяйственных рабов) и соответственное повышение их квалификации, а также сами методы ведения хозяйства достигли гораздо более высокого уровня, чем в хозяйствах не только Катона, но и Варрона. От работников теперь требовались значительно большее умение, внимание, старательность, инициатива. Между тем не только рабы не стремились работать в полную силу, но и господа опасались, что знающий, толковый работник окажется непокорным. Так, Колумелла, считавший наиболее доходной отраслью виноградарство, советует не скупиться на покупку стоившего 8 тыс. сестерциев обученного виноградаря (что в 2—4 раза превышало стоимость простого раба-слуги). Но далее он замечает, что, поскольку виноградарь благодаря своим знаниям и живому уму склонный к мятежу, их следует на ночь запереть в эргастулы, а днем выгонять на работу закованными. И неудивительно, что когда Колумелла советует разбирать лозы по сортам, чтобы разные сорта созревали одновременно, он признается, что ни ему, ни кому-либо из его знакомых никогда не удавалось заставить рабов выполнить эту требующую внимания и приложения работу. Отсюда огромный по сравнению со временами простого хозяйства Катона рост персонала, надзиравшего за рабами: надзиратели за группами в 3—10 человек, на которые во время работы делились рабы, надзиратели за отдельными видами работ, надзиратели за эргастулами, наконец, управляющий — виллик, от которого Колумелла требовал не только всесторонних познаний, но и многократно проверенной преданности интересам господина. Насколько сам Колумелла сознавал нереальность такой фигуры, показывает его совет назначать вилликом неграмотного раба, ибо грамотный непременно будет фальсифицировать отчеты и счета и обворовывать господина.

Так на определенной ступени развития рабовладельческого хозяйства проявились со всей очевидностью его противоречия между потребностью в квалифицированных работниках и недоверием к ним господ, невозможность заставить их из-под палки, как то еще было возможно при Катоне, трудиться в полную силу своего умения. Это рожденное рабством противоречие отразилось и на положении свободных труженников. Выра-

жавший мысли простого народа отпущенник Тиберия баснописец Федр передко заканчивает свои басни моралью, призывающей простых людей жить, ничем не выделяясь, иначе их погубит вражда и зависть власть имущих и сильных. Эпикурейское правило «жизни незаметно» стало правилом и рабов, и свободных трудящихся, что, конечно, не могло пагубно не отразиться на дальнейшем развитии производительных сил, поскольку в античном обществе главной производительной силой был сам работник с его опытом, умением, психологией.

Более жизнеспособными были небольшие имения, удаленные от рынков сбыта и работавшие в основном на собственное потребление. Здесь норма эксплуатации рабов была ниже, рабы, как, например, в маленьком имении Ювенала, жили с семьями в отдельных хижинах, имея несколько голов скота. Все же, поскольку преобладали и были ведущими в экономике имения типа виллы Колумеллы, весьма актуальным становится «рабский вопрос», поиски выхода из создавшегося положения. Практики старались заинтересовать рабскую администрацию, сдавая вилкам и близким им по функциям акторам части имения или целые виллы с тем, чтобы они сами вели дело и, выплачивая господину арендную плату, остальной доход оставляли себе. Рядовых рабов старались поощрять за хорошую работу, лучше кормили, устраивали на виллах лазареты для больных, расширяли штат обслуживавшего фамилию персонала, включавшего поварих, швей, кормилиц для детей рабов. Широко распространилась практика организации в имениях состоявших из рабов коллегий с выборными магистрами и министрами, обслуживавшими культ домашних Ларов, Гения господина, богов — покровителей фамилии и имения. Но притом власть господина над судьбой, жизнью и смертью раба оставалась непоколебимой. Помимо общеизвестных соответственных данных литературных и юридических источников, очень показательны две надписи из ПUTEОЛ и КУМ, содержащие правила для предпринимателей, берущих на себя организацию похорон; они же исполняли обязанности палачей, по поручению господина или муниципального магистрата беря на себя за небольшую плату и с предоставлением «заказчиком» необходимых материалов (плетей, крестов для распятия) бичевание, пытки и казни рабов (АЕ, 1971, № 80, 81).

Однако методы устрашения переставали действовать. Под верной угрозой креста, писал Сенека в трактате «О милосердии» (I, 26), рабы мстят своим господам за жестокость. В одном из писем к Луцилию (47) он замечает, что, как всем известно, не меньше людей пало жертвой гнева рабов, чем гнева царей (ср. также письмо 107). Постоянным и все усиливавшимся явлением было бегство рабов в отдаленных провинциях или за границы империи. И хотя во времена Империи не было рабских восстаний, сравнимых со спартаковским, малейший слух о какой-то попытке даже весьма незначительного мятежа приводил Рим в трепет (Тацит. *Анналы*, IV, 27; XV, 46).

Учитывая все это, теоретики «рабского вопроса», и в первую очередь Сенека, предлагали в корне перестроить отношения господ и рабов по образцу отношений патронов и клиентов, видеть в рабах равных себе людей, маленьких друзей, относиться к нимнисходятельно, помня, что дом для господина — широкая арена благодеяний, что он должен исправлять рабов своим примером добродетельной и честной жизни. Со своей стороны рабы, помня, что это более ранит шею сопротивляющегося, чем покорного, и что вообще мудрый человек не пытается изменить назначенного законами природы, должны повиноваться господам добровольно и с любовью. У того же Сенеки и других авторов приводятся рассказы о верных рабах, спасших, иногда ценою жизни, своих проскрибированных господ и отказавшихся под пыткой давать против них показания. У поэтов и в эпитафиях рабов прославлялась их любовь к господам, не

кончавшаяся и после смерти. Все это, однако, вызывало обратную реакцию: у того же Федра и в популярных пословицах утверждалась невозможность дружбы между рабом и господином, доказывалось, что когда сильный притворяется другим слабым, то делает это лишь с целью их разъединить и погубить. Преодолеть симптомы начинавшегося в сельском хозяйстве кризиса было невозможно, и они наиболее наглядно проявлялись в районах Италии, где рабовладельческое хозяйство было исконным. Даже крупные собственники здесь начинали беднеть. Так, когда Клавдий предложил ввести эдуев в сенат, многие жаловались, что с их богатством не смогут состязаться бедные сенаторы Лация.

Напротив, Цизальпийская Галлия переживает в это время расцвет. В I и начале II в. оттуда выходила большая часть сенаторов и там набирали многих преторианцев и легионеров из еще многочисленного крестьянского населения. Плиний Младший говорит, что там не применялся труд закованных рабов и основную роль в имениях играли арендаторы из тех же крестьян — *rustici*. Колоны, правда, известны и из других районов Италии, но там они еще были придатком к главной рабочей силе — рабам, здесь же, опять-таки судя по Плинию Младшему, рабы в основном составляли административный персонал, наблюдая за трудом колонов, или привлекались для сезонных работ, таких, как, например, сбор винограда. Можно полагать, судя по надписям, что положение рабов было в Цизальпийской Галлии не таким униженным: они чаще участвовали в культах свободных, располагали средствами для приношений богам, сооружения гробниц себе и близким. Соответственно выше было и общественное положение отпущенников. В быстро развивавшихся городах, делавшихся крупными ремесленными и торговыми центрами, отпущенники чаще, чем в других районах Италии, становились севирами авгуस्ताми, богатели; их уже родившиеся свободными сыновья чаще становились декурионами и магистратами. Манумиссии поощрялись, и патроны поддерживали своих отпущенников. Так, Плиний Младший, состояние которого современные исследователи предположительно оценивают в 20 млн. сестерциев, отпустив на волю 100 рабов, выделил им 866 660 сестерциев, чтобы каждый получал по 1120 сестерциев в год, возможно, чтобы увеличить за их счет число своих колонов.

Видимо, на эксплуатации зависимого населения, осмыслявшегося римлянами как колоны, зиждилось и богатство тех галлов, которым завидовали «бедные сенаторы Лация». Плиний Старший упоминает в «Естественной истории» (XXXIII, 50, 3) богатого римского всадника, галла из Арелаты, Помпея Паулина. До нас дошли надписи из его имений в Нарбонской Галлии и Аквитании. В районе Нарбоны трое его отпущенников посвятили надпись богине Ибоите, четвертый же был настолью состоятелен, что смог посвятить богу Илуну Андоссу статую Геракла в 12 фунтов серебра (CIL, XII, 637—639; 4316). В Аквитании, где сын Паулина Паулиниан имел большие владения, известны его акторы и отпущенник (CIL, XIII, 66, 152, 175). Там же мы встречаем посвящение Deo Artathe L. P. Pauliniani (CIL, XIII, 70). Посвящение тому же божеству найдено вблизи туземного некрополя, здесь находился домен с культом Artathe, от имени которого произошло название современного Арде. Боги, почтавшиеся туземными крестьянами, стали личными гениями-покровителями владельца домена или предками его рода. Видимо, они, как сородичи, соплеменники главы рода или маленького племени, сидели на его земле и в знак своего особого уважения и зависимости превратили своего общинного бога в божество, лично с ним связанное.

Превращение богов солнца и плодородия в предков знатных родов засвидетельствовано и в Ирландии. С доменами, возможно, связаны и некоторые другие боги. То, что владелец домена стал римским всадником и сам уже почитал римскую Диану (CIL, XIII, 94), несколько не меняло

для его сородичей и соплеменников положение их «принцепса», их исконной главы, но, естественно, значительно усиливало его позиции относительно подчиненных, а знакомство с римскими обычаями помогало их перенимать, например ставить во главе имений своих доверенных рабов и отпущенников. Так постепенно начинался синтез римских рабовладельческих институтов с доримскими, соответствовавшими последнему периоду разложения первобытнообщинного строя. Но пока еще превосходство было на стороне античного рабовладельческого уклада, продолжавшего интенсивно развиваться на территории более молодых областей Европы, по крайней мере в ближайшие 100 лет, в правление династии Антонинов.

3. ИМПЕРИЯ В «ЗОЛОТОЙ ВЕК» АНТОНИНОВ

После убийства Домициана и объявления его «тираном», что влекло за собой уничтожение его статуй и имени на надписях, сенат и войско передали власть уже раньше намечавшемуся сенатом на пост императора престарелому консуляру Нерве из знатного рода Кокцев, внуку и сыну знаменитых юристов и консулов. С него началась династия Антонинов, названная так по имени одного из ее представителей — Антонина Пия. К ней принадлежали Нерва (96—98 гг.), Траян (98—113 гг.), Адриан (117—138 гг.), Антоний Пий (138—161 гг.), Марк Аврелий (161—180 гг.) и Коммод (180—192 гг.). Кроме последнего, унаследовавшего престол от своего отца Марка Аврелия, все императоры этой династии усыновлялись своими предшественниками с одобрения армии и сената, т. е. были как бы выборными правителями, что особенно устраивало сенат, считавший, что такие принцепсы будут больше с ним считаться и больше от него зависеть, чем наследственные. Правление Антонинов знаменовалось примирением императоров с сенатом, осуществившимся с тем большей легкостью, что состав последнего все чаще пополнялся провинциалами, уже не столь связанными с традициями старой римской знати. Так, при Адриане италики составляли в сенате 58%. Кроме того, в него входили испанцы, галлы, африканцы, уроженцы Востока, ахейцы, далматы. При Антонине Пии италиков в сенате насчитывалось 57%, остальные — галлы, уроженцы Ахайи, Африки, Востока. При Марке Аврелии было 56% италиков, кроме того, испанцы, галлы, африканцы и др. Сам Траян и его родственник Адриан являлись уроженцами города Италика в Испании. Были ли они потомками римских колонистов или коренными испанцами, романтизовавшимися и достигшими высоких должностей в Риме, — вопрос спорный. Семья Антонина Пия происходила из Немауса в Галлии. Таким образом, число италиков в сенате постепенно уменьшается. Сенат уже не мог требовать усиленной эксплуатации провинций и доверил управление ими императорам и императорским чиновникам. Прекратились репрессии и земельные конфискации; судя по «Панегирику» Плиния Младшего, посвященному Траяну, было достигнуто и известное разделение власти императора как собственника и как суверена, поскольку Плиний ставит ему в заслугу то, что «не вся империя находится в его патримонии». Политика Юлиев — Клавдиев и Домициана официально осуждалась, и было косвенно признано право граждан бороться с «тиранами». Во всяком случае, чрезвычайно популярен был анекдот, рассказывавшийся о Траяне: когда он вручал меч новому префекту преторианцев, он к обычным словам: «Употребляй его в мою защиту» — прибавил: «если я буду хорошо править, и против меня, если я буду править плохо». Вообще Траян, особенно благодаря покорению Дакии, давшей огромную добычу, часть которой была роздана народу и употреблена на длившийся три месяца праздник, был очень популярен, и последующим принцепсам сенат желал быть такими

же, как он. Слава его еще более возросла после победоносной войны с Парфией, во время которой он и умер. Адриану ставили в заслугу его образованность, покровительство наукам и философии (он назначил жалавание главам основных философских школ в Афинах), любовь к искусствам, простоту нравов (он ходил пешком по Риму, запросто заговаривал со встречными), его заботу о провинциях, которые он постоянно объезжал, оказывая необходимую помощь городам, его умение наладить дисциплину в армии. Об Антонине Пии известно сравнительно мало, но уже само прозвище (Благочестивый) показывало, что его считали образцом древней *pietas*. Наконец, Марк Аврелий, последний крупный стоик Рима, был тем самым «философом на троне», о котором мечтали многочисленные авторы, создававшие в своих сочинениях образ «идеального принцепса». Только Коммод снова в глазах высших классов стал тираном, самодуром, подобным Нерону, тоже публично выступавшим на сцене, но уже не в качестве актера, а в качестве гладиатора. Неизвестно, конечно, насколько все эти характеристики, исходящие из среды императорского окружения, соответствовали действительности.

В эпоху Антонинов империя достигла максимально возможного расцвета.

Наиболее прочными стали экономические связи провинций и отдельных областей империи благодаря интенсивному развитию торговли. Корабли, снабженные тремя мачтами и парусами, тоннажем до 500 тонн и вмещавшие до 600 пассажиров, были соизмеримы с судами XVII и даже начала XVIII в. Путешествия совершались довольно быстро: так, путь от Коринфа до Путеол длился 5 дней, от Путеол до Александрии — 7 дней, от Гадеса до Остии — 7 дней, от Нарбоны до Остии — 3 дня. Хорошо были оборудованы и маленькие, и большие гавани, где разгружались и загружались суда. Некоторые имели много причалов для стоянки судов; погрузка и разгрузка производилась машинами. Если корабли не могли пристать, корпорации лодочников и плотовщиков доставляли товар до берега, а затем по рекам в глубь страны. В гаванях имелись склады для товаров, здания администрации порта, помещения коллегий торговцев и работников порта, базилики, где заключались сделки, трактиры, гостиницы. Велико было число обслуживающих порт работников разной квалификации: грузчики, перевозчики, механики, весовщики, рабочие, строившие и ремонтировавшие суда, шившие паруса, конопатившие корабли, покрывавшие их воском. Суда принадлежали навикуляриям, иногда крупным землевладельцам, продававшим свою продукцию. Торговцы были крупные, оптовые (негоциаторы) и мелкие (меркаторы). Владельцы обычно посылали с кораблем доверенного раба и подчиненный ему персонал, заключавший сделки и непосредственно ведавший торговыми операциями. Морская торговля приносила большие барыши, но была связана и с риском (кораблекрушения, нападения пиратов), поэтому заем, дававшийся под морскую торговлю, не был ограничен определенным процентом, подобно всякому иному займу. Некоторые лица имели несколько судов, например известный из остийской надписи владелец всех африканских и сардинских судов, хлеботорговец, дуумвир, фламин и патрон кураторов морских кораблей в Остии (CIL, XIV, 4142).

В ряде случаев торговля была специализирована. Так, известные корпорации трансальпийских и цизальпийских купцов, посвятивших в Лугдуне надпись своему префекту (CIL, XII, 2029); коллегии виноторговцев, виноторговцы из Аримина, торговцы вазами, торговцы зерном и маслом из Африки, торговцы маслом из Бетики. Известны оптовые торговцы, скупавшие урожай на корню, а затем продававшие его.

Торговали не только в границах империи, но и за ее пределами — с племенами свободной Германии, отчасти используя древний «янтарный путь»; с Индией, куда вывозились вино и некоторые ремесленные изде-

лия и ввозились предметы роскоши, драгоценные камни, шелк; с племенами, жившими за границами империи в Африке и поставлявшими слоновую кость и зверей для цирков, и даже с Дальним Востоком, куда направлялись караваны, шедшие через Аравию, где (особенно в Пальмире) для них оборудовались караван-сарай и вербовались отряды, охранявшие караваны от разбойников. Сухопутная торговля была более затруднительна из-за несовершенства транспортных средств, но благодаря непрерывно строившимся императорами удобным дорогам с расположенными на них селами, где проезжие могли остановиться в гостинице, купить еду для себя и вьючного скота в трактирах, она также развивалась.

Часто, ссылаясь на развитие торговли (одни исследователи оценивают степень этого развития выше, другие ниже), императорский Рим считают чуть ли не капиталистическим. Подобное отождествление неправомерно прежде всего потому, что независимо от размаха торговых операций роль торгового (как и ростовщического) капитала в античном и капиталистическом мире совершенно различна. Как подчеркивал К. Маркс, в античности торговый и ростовщический капитал не подчинял себе производства, не вкладывался в производство, что свидетельствовало о низком экономическом развитии общества; при отсутствии средней нормы прибыли торговый капитал присваивал себе значительную долю прибавочного продукта и прибыль его не составляла части общей прибавочной стоимости, а определялась ростовщическим процентом⁴. Торговец и ростовщик не были здесь, как при капитализме (где ростовщик заменен банкиром), частью всего механизма реализации прибавочной стоимости, ускорения оборота капитала.

Все же развитие товарно-денежных отношений стимулировало развитие экономики как в Италии, так и особенно в провинциях. В Италии продолжало развиваться ремесло, возникали многочисленные новые ремесленные коллегии, получавшие определенные привилегии. Владельцы villi старались увеличить свои доходы, устраивая при имениях мастерские, в которых работали не занятые в сельском хозяйстве рабы, устраивали трактиры, бани, где желающим предоставлялись «все городские утонченности», отдавали рабов в учение или посылали на заработки.

Особенно богата была Испания. Рудники, перешедшие теперь в собственность императоров (Тибериус, например, конфисковал большие рудники Секста Мария, продолжавшие носить его имя), были поставлены под надзор императорской администрации. Рудники Бетики давали серебра на 255—400 тыс. денариев в год. Там же добывался свинец (его находят в слитках по 30—35 кг), сурик, киноварь. Рудники на севере полуострова давали по 20 тыс. фунтов золота в год. Там же имелись рудники, где добывалось серебро, железо, свинец. Огромных размеров достиг экспорт вина и масла. В одном только Риме, в так называемом Монте Тестаччо (холме, составленном из обломков амфор), найдено 40 млн амфор, вывезенных за сто лет, что при цене амфоры в 20—40 сестерциев составляло в год 8—16 млн сестерциев, не считая дохода, получаемого от вывоза масла в другие города Италии, Галлию, Африку, Британию. Частично экспортером был фиск, частично индивидуальные землевладельцы. По клеймам на амфорах известны их компании; особенно многочисленны растянувшиеся на сотню лет клейма семьи Цецилиев, а также семьи Бебиев. Было много и мелких мастерских, изготовлявших тару для вина и масла.

Размеры имений были неодинаковы: известны и небольшие виллы, и крупные, например вила в Наварре, в погребях которой содержалось

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 363, 367, 368; ч. II, с. 160

амфор на 150 тыс. гектолитров. Кроме вина и масла, вывозились зерновые, лен, испанский дрок, шедший на грубые ткани для парусов, высоко ценившийся племенной скот. Особенно доходны были практиковавшиеся во всех приморских городах промыслы по засолке рыбы в специальных рыбозасолочных ваннах и по изготовлению славившегося по всему Средиземноморью рыбного соуса — гарума. Экспорт требовал создания как керамических мастерских, так и развитой судостроительной промышленности. Появились и свои художественные ремесла, но все же ремесленные изделия, статуи, украшенные барельефами саркофаги, произведения искусства, предметы роскоши импортировались главным образом из Италии. В связи с расширением добычи руды растут старые и возникают некоторые новые города, хотя в основном то были небольшие племенные центры, торговые форумы.

Рабство на юге и юго-востоке Испании было уже достаточно развито до римского завоевания, и число рабов растет вместе с романизацией в хозяйственной жизни. Известна так называемая «формула из Бетики» — надпись, содержащая образец сделки на заем под заклад имения с рабами между владельцем имения и доверенным рабом заимодавца (CIL, II, 5042), т. е. рабы считались обязательной принадлежностью виллы, а господа, как и в Италии, имели своими доверенными агентами рабов. Из надписей явствует, что прививались и итальянские формы организации рабов. Рабы, особенно виллики, довольно часто упоминаются в надписях юга и юго-запада Испании, как и отпущенники, часто занимавшие в городах должности севиоров августалов. Реже рабы упоминаются в надписях с севера Испании и ее центральных районов. Там сохранились более патриархальные отношения: рабы, носящие местные имена, указывают также имена своих отцов. В керамических клеймах имена рабов редки, так же как и в надписях ремесленников, преимущественно свободнорожденных. Из известного устава, регулирующего сдачу в аренду участков на серебряных рудниках, мы видим, что арендаторами выступают свободные, работающие сами или с несколькими рабами, а наиболее бедным предоставлялась возможность добывать медь и серебро из шлака и окалины. Свободными были и лица, обслуживавшие рудокопов, — банщики, сапожники, сукновалы, чинщики одежды, цирюльники, учителя. Для работы на рудниках стекалось много свободных из разных частей полуострова, особенно из северо-западных областей. На юге и юго-востоке беднота находила себе заработок в гаванях и в ремесленных мастерских. Многие получали вспомоществование от магистратов, декурионов и просто богатых граждан городов, тративших немалые суммы на раздачу, угощения, игры.

Строй городов был аристократичен, муниципальные должности здесь не занимали ни разбогатевшие торговцы и ремесленники, ни ветераны, как это имело место в ряде итальянских городов и городов других провинций. Декурионами, магистратами, фламинами императорского культа городов и провинций были лишь местные более или менее крупные землевладельцы. Если они и вели дела, связанные с морской торговлей, то лишь через доверенных агентов.

Южные и юго-восточные области Испании были полностью романизованы как в социально-экономическом, так и в культурном отношении. Отсюда выходили такие переселявшиеся в Рим деятели культуры, как Сенека, его племянник поэт Лукан, поэт Марциал, автор труда «О воспитании оратора» Квинтилиан, Колумелла и др. Здесь уже не говорили ни на иберийских, ни на финикийском и пунийском языках, полностью вытесненных латынью, носили римские имена, почитали римских богов, украшали свои города и жилища произведениями искусства, привезенными из старых античных центров или изготовленными на месте в подражание им.

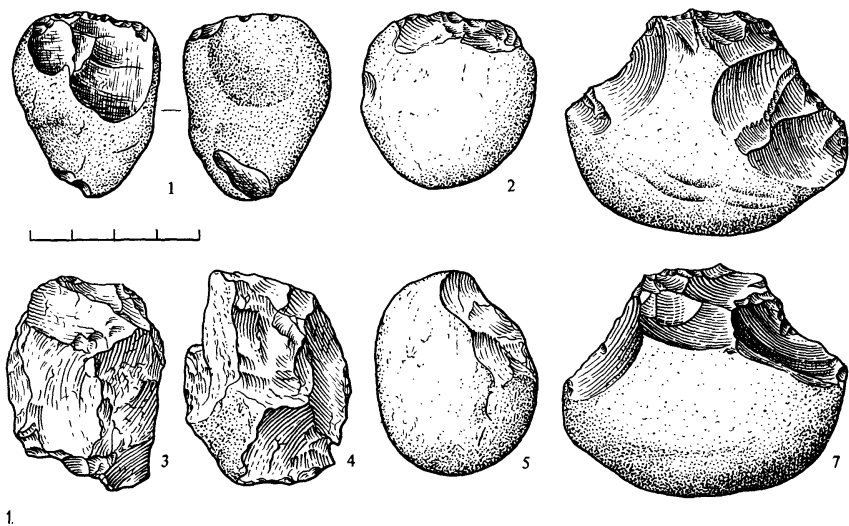
Иным было положение в центральных и северо-западных районах. Правда, благодаря тому что здесь стоял легион и имелись рудники, привлекавшие разных предпринимателей и находившиеся под контролем императорской администрации, наиболее тесно связанные с ними города романизовались. Тем не менее большая часть населения продолжала жить общинами (*gentes, gentilitates, centuriae*), возможно представлявшими переходные от кровнородственных к территориальным общинам образования. Иногда они имели одно, иногда несколько принадлежавших им поселений. Во главе их стояли «принцепсы». Нередко даже римские граждане, жившие в городах и занимавшие там должности, указывают, к какому племени, роду или центурии они принадлежат. Отдельные племена или их подразделения заключали между собой договоры о дружбе или выбирали патронов, становясь их клиентами, что предполагало известную зависимость. Могли в состав общин приниматься и члены других племен или родов. Такие общины имели свои земли и рабов. Они почитали богов-покровителей своей общины, культ которых очень редко выходил за ее пределы, так что известно около 400 локальных божеств, в именах которых нередко можно предполагать название рода или племени, патронами которых они были. В тех же районах сохранялись до-римские культы оленя, кабана и т. п. Правда, и там делались надписи на латинском языке и в употреблении были латинские имена, но романизация эта была поверхностной, не затрагивала глубинных основ жизни. Из одной, правда, найденной в Мавритании Тингитанской надписи мы узнаем, что получивший в 177 г. римское гражданство «принцепс» племени вместе с тем сохранял права своего племени (*salvo iure gentis*). Можно полагать, что так же обстояло дело со становившимися римскими гражданами «принцепсами» испанских племен и центурий. И, вероятно, именно такие «принцепсы» становились владельцами крупных имений с зависимым населением, тогда как в Бетике преобладали средние виллы с рабами. Однако даже в наиболее романизованных районах колонны не были полностью вытеснены рабами. Так, на территории Эмериты, где ветераны с самого начала получили большие наделы в 400 югеров, раскопано 100 вилл и сел, причем ряд вилл окружен маленькими домиками колоннов.

Сходную картину мы видим и в Галлии. Расширяется площадь возделываемой земли, и значительно повышается качество ее обработки за счет поднятия нови, осушения болот, расчистки лесов. Быстро растет число вилл в Нарбонской Галлии, Лудунской провинции и Южной Бельгии на территориях больших городов, и здесь же концентрируется наибольшее число надписей рабов. Среди рабов, отпущенников и клиентов господ особенно распространен был фамильный культ Гения господина или патрона, что также свидетельствует в пользу римских форм организации хозяйства. В городах, особенно связанных с водными путями, развивается специализированное ремесло, в котором было занято и значительное число отпущенников. Надписи упоминают таких специалистов, как золотых дел мастера, шлифовальщики драгоценных камней, красильщики тканей пурпуром, гвоздари, кожевники, плотники, строители, изготовители грубых плащей для рабов и простого народа и т. п. Многие из них входили в коллегии, очень многочисленные в Лугдуне, Арелате, Немаусе и других крупных городах. Наиболее богатые включались в число севиров августалов. Вместе с тем было много и свободнорожденных ремесленников — сандалщиков, мраморщиков, каменотесов, строителей, золотошвей, чеканщиков по серебру, парфюмеров, плотников, мастеров в металлургии, достигшей в Галлии особенно большого подъема, так же как ткачество.

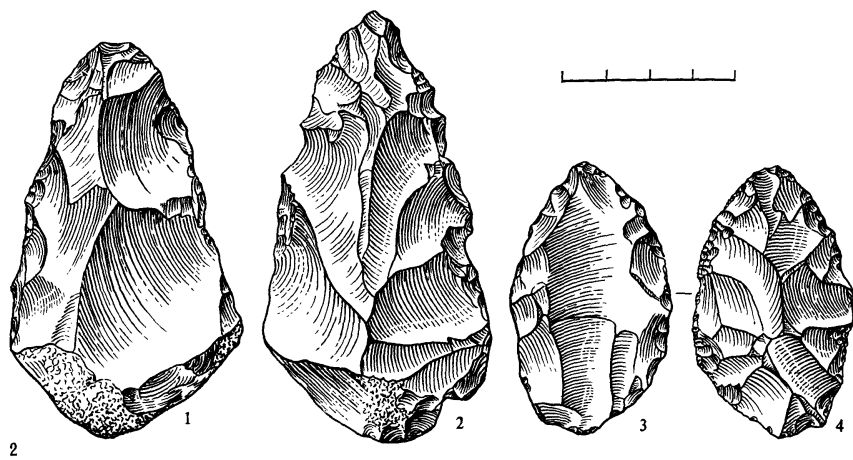
Ремесло и ремесленники пользовались уважением. На надгробиях ремесленников (особенно много их в Бурдигале) они изображались с их

орудиями производства, а часто эти орудия на надгробиях и алтарях изображались отдельно. Возможно, что из Галлии этот обычай перешел в Италию, где в особом почете были плотничьи и строительные инструменты, связывавшиеся с праведной жизнью. Искусные ремесленники гордились своим умением; так, в эпитафии члена коллегии плотников из Арелаты Кандидия Бенигна он прославляется как общепризнанный учитель плотничьего искусства, превосходивший всех других и умевший изготовлять превосходные водяные органы (CIL, XII, 722). Ремесленные коллегии и их патроны играли немалую роль в жизни городов, как и коллегии торговцев. Особенно славилась галльская terra sigillata, вытеснившая италийскую. Центрами ее были Грофесенк (у рутенов), Лезу (у арвернов) и Рейннаберне на Рейне. Здесь мастерами были свободные местные уроженцы, составлявшие компании, их изделия, изготовлявшиеся в больших количествах, вывозились во все провинции и за пределы империи. В Грофесенке, как считают, выпускали до 300 тыс. сосудов в год. В Рейннаберне, судя по размерам печей, каждая из которых принадлежала одному из членов компании, выпускалось до 40—80 тыс. сосудов, и в каждой из принадлежавших компании мастерских работало до 100—150 рабочих. Такие же компании составляли владельцы кузниц. Со II в. здесь производятся стеклянные изделия для вина и ароматов в форме плодов или животных, покрытые ртутью зеркала, оконные стекла.

Вместе с тем на территориях *civitates* и вне их сохранялось значительное число туземных общин — пагов, сел, соседств, особенно многочисленных в Бельгике, кое-где на Рейне, в Западной Аквитании и других местах. Такие общины выносили совместные решения, почитали своих иногда отождествлявшихся с римскими, иногда сохранявших свои туземные имена богов. Особенно характерен был культ богини-матери, названной по имени родо-племенной или территориальной общины, часто в сочетании с одноименным богом. Даже в таком издавна романизованном, а еще прежде эллинизованном городе, как Гланум, почитались совместно богини *Glanicae* и бог *Glanus*, причем богини отождествлялись с тремя парками и с богиней Опо. Наряду с посвящениями римским богам там найдены и посвящения нескольким туземным. В других, менее романизованных районах аналогичные посвящения очень многочисленны, что косвенно свидетельствует о живучести общинных отношений. Римские боги, из которых особенно популярны были Марс и Меркурий, часто наделялись эпитетами, взятыми из наименований племенных и территориальных общин. Общины эти жили довольно независимо, хотя имели патронов и префектов из числа городских магистратов. Можно полагать, что такие префекты принадлежали к туземной, хотя и романизованной, знати. Общины, которые в отличие от городов, где каждому гражданину давался записанный в кадастр надел, получали свою территорию как некое целое (*universitas*) и сами делили ее между общинниками, совместно отвечая за наложенные на них повинности, жили по своим обычаям, учитывавшимся наместниками провинций. Но из них выделялись лица (то могли быть разбогатевшие и ставшие римскими гражданами общинники, поселенные на их территории ветераны или люди, купившие у общины землю), владевшие своими участками на более полном праве. В надписях они как посессоры противопоставляются сельчанам — *vicani*. А так как римские граждане не могли завещать свое имущество peregrинам, т. е. не получившим гражданства членам своей семьи, то земля концентрировалась в руках таких посессоров и ветеранов, что вело к обеднению общин и к росту крупного землевладения. В конце II и начале III в. оно приобретает особенный вес в Западной Аквитании, в плодородных районах окрестностей Трира, Арлона, Намюра, а также кое-где на Рейне, хотя там преобладали однотипные виллы ветеранов с домами в два этажа, с башней, баней, погребом, застеклен-

1.

2.

Рис. 1

1. Пещера Шандалья I. Истрия, СФРЮ. Чоппер, найденный в костной брекчии. Возраст находки — около 1,6 млн лет
2—5. Пржезлетице, ЧССР.

Чоппер и другие орудия из остатков лагерных стоянок древнего человека. Возраст находки — от 750 до 890 тыс. лет
6—7. Реальмонте, Сицилия. Чоппинги

Рис. 2

1. Мадонна дель Фреддо, Италия. Миндалевидное ручное рубило абbevильского типа;
2. Ашельское ручное рубило;
3—4. Ручные рубила развитого ашельского типа

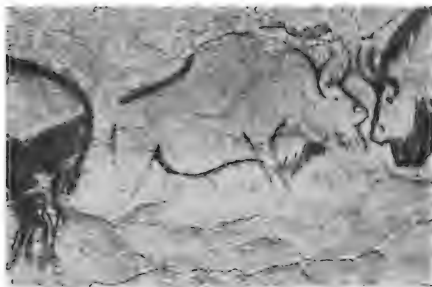

Рис. 3
Пещера Ласко,
Франция.
Изображение
диких лошадей.
Ориньяк-Перигор

Рис. 4
Пещера Ле Портей,
Франция.
Изображение
двух бизонов.
Мадлен

Рис. 5
Лепенски Вир, СФРЮ:
а. Погребение
взрослого мужчины;

б. Поселение Ia.
Алтарь из септилицы
в доме 54.
Поздний мезолит —
протонеоолит

Рис. 6
Лепенски Вир, СФРЮ.
Каменная скульптура
из святилища XLIV.
Первый монументаль-
ный «портрет»

в истории изобрази-
тельного искусства:
52x33 см.
Протонеолит. Первая
половина VI тыс.

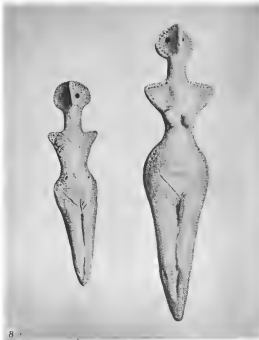

Рис. 7
Лепенски Вир, СФРЮ.
Поселение IIIa.
Сосуд с рельефным
изображением
четырёхпалой руки.

Культура
Протостарчево.
Ранний неолит.
Конец VI тыс.

Рис. 8
Пыхавицци, Молдавия.
Женские антропоморфные фигурки из позднетрипольского могильника. Энеолит. Вторая половина (середина?) III тыс.

Рис. 9
Сушковка, Украина.
Глиняная модель части трипольского дома. Трипольская культура, энеолит. Начало III тыс.

Рис. 10
Варна, Болгария.
Золотые блишки — изображение коровы с теленком. Энеолит, культура Варна. IV тыс.

Рис. 11
Центер у г. Озд, Северная Венгрия.
Антропоморфные урны, содержавшие несл. и кальцинированные кости женщины 36—50 лет, ребенка полутора лет и ребенка 2,5—3,5 лет из одной могилы. Баденская культура I III тыс.

Рис. 12
Майкопский курган.
Золотой сосуд
и серебряная
фигурка быка.
Днеолит.
Майкопская культура
III тыс.

12

Рис. 13
Хайдубессёрмень,
Венерия.
Бронзовый шлем
и сосуды из кладки.
Поздний
бронзовый век,
культура Гава.
Конец II —
начало I тыс. до н. э.

13

Рис. 18
«Арес и Афродита».
Настенная роспись
из «Дома Марса
и Венеры» в Помпеях

Рис. 19
Сарapis в виде Зевса.
Бронзовая статуэтка.
II—I вв.
Дрезденский музей

Рис. 20
Микены.
Крепость акрополя —
Львиные ворота.
XIV в. до н. э.

Рис. 21
Микены.
Кратер воинов.
Ок. 1200 г. до н. э.

Рис. 22
Тирикф.
Внутренний проход
в стене крепости.
XIV в. до н. э.

Рис. 23
Дискобол.
Статуя
работы Мирона.
Середина V в. до н. э.

Рис. 24
Рельеф
с изображением
флейтистки.
Часть
так называемого
Трона Людовизи
470—450 гг.

Рис. 25
Храм Афины-Ники
(Ники Алтерос)
на афинском
акрополе.
Третья четверть V в.
до н. э.

Рис. 26
Олимпийские боги.
Рельеф фриза
Парфенона.
Третья четверть V в.
до н. э.

Рис. 27
Перикл.
Герма
работы Кресилая.
Третья четверть V в.
до н. э.

Рис. 28
Парфенон.
449—438 гг.
Афины

Рис. 29
Афродита Книдская.
Голова статуи
работы Праксителя.
Третья четверть IV в.
до н. э.

Рис. 30
Менада.
Статуя
работы Скопаса.
Первая половина IV в.
до н. э.

Рис. 31
Гермес с Дионисом.
Статуя
работы Праксителя.
Третья четверть IV в.
до н. э.

Рис. 32
Аполлон.
Бельведерский.
Статуя
работы Леокара.
Середина IV в. до н. э.

Рис. 33
Стела воина.
Аттика.
IV в. до н. э.

Рис. 34
Апоксиомен.
Статуя
работы Лисиппа.
Третья четверть IV в.
до н. э.

Рис. 35
Статуя юноши
с о. Антикифера.
Третья четверть IV в.
до н. э.

Рис. 36
Демосфен.
Статуя
работы Полиевкта.
III в. до н. э.

Рис. 37
Пика
Самофракийская.
Мрамор.
Начало III в. до н. э.
Париж, Лувр

38

Рис. 38
Восточный фриз
Пергамского алтаря:
Афина и Ника
в борьбе с гигантами.

Мрамор.
Ок. 180 г. до н. э.
Берлин, Государст-
венный музей

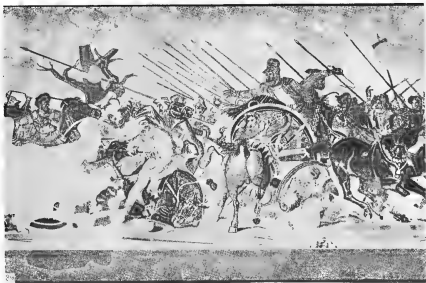

Рис. 39
Битва Александра
Македонского
с Дарием.
Мозаика из Помпей.
Конец II — начало I
до н. э.
Неаполь, музей

Рис. 40.
Монеты Македонии:
1 — тетрадрахма
Антигона Гоната
(лицевая сторона —
голова Пана в центре
македонского щита,
оборотная сторона —
Афина);
2 — тетрадрахма
Филиппа V
(лицевая сторона —
голова Филиппа,
оборотная сторона —
Афина,
бросающая молнию);
3 — тетрадрахма
Персея
(лицевая сторона —
голова Персея,
оборотная сторона —
орел, стоящий
на молнии)

Рис. 41
Евтихий.
Гюзе,
покровительница
Антиохии на Оронте.
Мрамор.
Начало III в. до н. э.
Рим, Ватикан

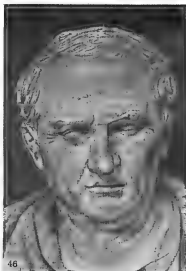
Рис. 42.
Гл. Помпей. Копия
времени Августа.
Копенгаген. Галито
теки Ню Карлсберг

Рис. 43
Голова фламина.
Бронза.
III в. до н. э.

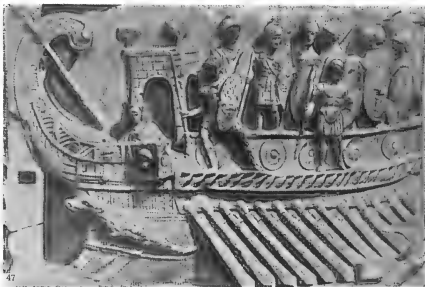
Рис. 44
Боевой слон.
Тарелка из Кампанни.
III в. до н. э.
Рим. Вилла Джулия

45

46

47

Рис. 45.
Гай Юлий Цезарь.
Копия I в. н. э.

Рис. 46.
Марк Туллий
Цицерон.
Копия I в. н. э.
Флоренция,
Галерея Уффици

Рис. 47
Римский
военный корабль.
Мраморный рельеф.
Ок. 30 г. до н. э.
Рим. Ватикан

Рис. 48
Ионический храм
на Велюм рынке
(так называемый
храм Фортуны).
Рим. I в. до н. э.

Рис. 49
Городские ворота
Херсонеса.
IV в. до н. э.

Рис. 50
Золотой гребень
из кургана Солоха.
IV в. до н. э.

Рис. 51
Серебряный
с позолотой ритон
из кургана Улап,
V в. до н. э.

Рис. 52
Украшение
в зверином стиле
из кургана Аржан
в Туве.
VIII в. до н. э.

Рис. 53
Серебряная
с позолотой
пластина
из кладки в Лепнице
IV в. до н. э.

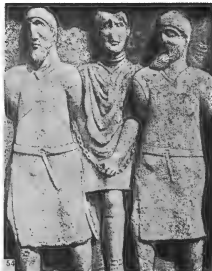

Рис. 54
Пленные даки
в сопровождении
римского легионера.
Метопы
из Трофея Траяна.
II в. Вузарест

Рис. 55
Римлянин
с портретами
предков.
Время Августа. Рим.
Палаццо Берберини

Рис. 56
Статуя Августа
из Кум.
I в. до н. э.—
I в. н. э.
Ленинград.
Гос. Эрмитаж

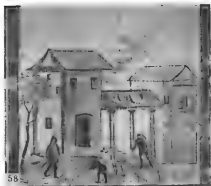

Рис. 57
Римское речное судно
с транспортом вина.
Музей Трира

Рис. 58
Римская вила.
Фреска. Музей Трира

Рис. 59
Музы. Мозаика.
Музей Трира

Рис. 60
Бюст Веспасиана.
I в. Флоренция.
Галерея Уффици

Рис. 61
Конная статуя Марка
Аврелия. II в. Рим

Рис. 62
Пантеон. II в. Рим

Рис. 63
Арка
Септимия Севера.
III в. Рим

Рис. 64
Римский форум

65

Рис. 65
Римская женщина.
Паннония

Рис. 66
Римское семейное надгробие.
Паннония

Рис. 67
Бронзовая статуэтка
Лара.
Паннония

66

67

Рис. 68
Фракийский всадник.
Вотивный рельеф.
II—III вв. Пловдив

Рис. 69
Рельеф
с изображением
Скилура и Палака.
II—I вв.

Рис. 70
Статуя римского
военачальника Тиры.
Первое века н. э.

Рис. 71
Рельеф
с изображением
царя Палака.
Неаполь Скифский

Рис. 72
Статуя Пеона,
наместника
боспорского царя
в Горгиилии (Анапа).
II в. до н. э.
Москва, ГМИИ

Рис. 73
Портрет
Боспорского царя.
I в. до н. э.
Ленинград,
Гос. Эрмитаж

Рис. 74
Митридат VI Евпатор.
Ленинград,
Гос. Эрмитаж

Рис. 75
Рельеф Трифона
из Томаса.
II в. до н. э.
Ленинград,
Гос. Эрмитаж

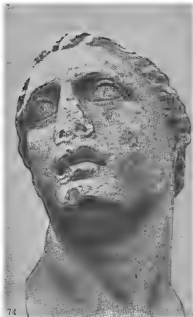

Рис. 76
Укрепление
III в. до н. э.
Чисбери Ринга.
Англия

Рис. 77
Кельтский шлем
из погребения
в Ла Горж Мейе

Рис. 78
Украшения
из гробницы
Вальдалгелльсхейма

Рис. 79
Серебряная герман-
ская фибула, Дания

Рис. 80
Деталь торквеса
из погребения
в Рейнхейме. Начало
латинского времени

Рис. 81
Скульптура
из Дуффингетке.
I в. до н. э.

Рис. 82
Побежденные бритты.
Рельеф с вала
Антонина Пия
в Шотландии. II в.

Рис. 83
Мавзолей Юлиса
и арка в Глазуме
(Галлия)

Рис. 84
Бронзовый ситул
из Вача V в
Народный музей
Любляны

Рис. 85
Бронзовый котел
с ритуальными сценами
IV в. до н. э.
из Гундеструпа.
Общий вид. Дания

Рис. 86
Культовый повозки
VI в. до н. э.
из Штрессага
(Австрия)

Рис. 87
Кельтская богиня
Эпона.
Рельеф
римского времени.
Музей Трира

ными окнами, портиками. Крупные виллы у Трира, Намюра, Арлона имели дома по 30—66 комнат, украшенные колоннами, мозаиками, фресками, разнообразные мастерские, но в них не было помещений для рабов. Основной рабочей силой являлись клиенты и колоны, жившие в окружающих деревнях, состоявших из небольших домов. На знаменитых надгробиях из Трира и Арлона изображены сцены из жизни хозяев вилл и их персонала: сельскохозяйственные работы, плывущие по реке барки, груженные бочками (галльское изобретение) с вином, управляющий или хозяин, считающий принесенные колонами деньги, семья господина за трапезой или за туалетом. В ряде надписей как Галлии, так и Германии богатых соседей общины чествуют как их «благодетелей», что предполагало постепенное закабаление общинников «благодеяниями» — очевидно, займами, предоставлением поселением общинных пастбищ и т. п. «Благодеяния» были тяжелым бременем, что видно из афоризма юриста Павла: в «Дигестах» (50, 17, 69): «Да не оказывается благодеяние нежелающему», а бедные соседи становятся синонимом терминов «батрак», «клиент», «колон».

Однако до конца II в. Галлия казалась благодаря интенсивной жизни городов вполне романизованной и богатой. В знаменитых школах Августа получала утонченное образование знатная молодежь. Из Галлии происходил друг Марка Аврелия философ Фаворин, появилась своя интеллигенция — художники, скульпторы, архитекторы, врачи и т. п. Распространялись римские и восточные культы, процветал императорский культ.

Особое место занимали придунайские провинции — Далмация, Реция, Норик, Верхняя и Нижняя Паннония, Верхняя и Нижняя Мёзия, Дакия. Между ними были довольно значительные различия, обусловленные как временем их присоединения к империи (часть Далмации попала под римскую власть уже во II в. до н. э., Дакия — в начале II в. н. э.), так и их географическим положением (меньшая или большая близость к границе). Вместе с тем у них были и черты сходства, поскольку населявшие их кельтские, иллирийские, фракийские племена находились примерно на одном уровне развития.

Южная прибрежная часть Далмации и прилегающие острова быстро романизировались. Здесь сосредоточивались крупные города — столица провинции Салона, крупный порт на Адриатике Сепия, Ядер, Нарона, Скардона, Эквум и другие, получавшие права колоний и муниципий начиная с правления Августа. Стоявший в Эквуме легион в конце I в. был уведен из замкренной и не граничившей с варварами Далмации. Оставались здесь лишь три вспомогательные когорты и полицейские посты на дорогах. Ветераны, в I в. до н. э. — I в. н. э. селившиеся в городах, в дальнейшем особой роли в их жизни не играли. Зато многочисленные были переселенцы из городов севера Италии. Семьи Веттидиев, Аквилев Барбиев и др. через посредство своих многочисленных рабов и отпущенников вели широкие торговые и финансовые операции, приобретали возделывавшиеся рабами по итальянскому образцу имения. Торговля велась главным образом между прибрежными городами и Италией; ввозили ремесленные изделия, стекло, драгоценности, вывозили вино, оливки, фрукты. Наряду с земледелием и торговлей в городах развивалось и свое ремесло, создавались ремесленные коллегии, включавшие и отпущенников. Вообще городские рабы и отпущенники здесь принимали довольно активное участие в общественной жизни, особенно в культе, коллективно и индивидуально приносили дары римским богам, занимали должности магистров и министров богов и богинь. Отпущенники входили в коллегии севилов августалов. Селились в городах и представители местной знати, «принцепсы». Многие из них получали римское гражданство при Августе, носили имя Юлиев; еще большее их число сделали граж-

данами при Флавиях. Флавии составляли высший слой ставшей при Веспасиане муниципием Доклеи. Известен тамошний богач М. Флавий Фронтон, построивший для города базилику и форум и занимавший магистратуры во многих городах, на территории которых владел землей. Такие местные уроженцы полностью романизовались, из них выходили городские магистраты, жрецы императорского культа, всадники, сенаторы. Иногда, правда, они сохраняли местные имена, приносили дары местным богам.

Особую территорию составляли принадлежавшие императору золотые и серебряные рудники. Они управлялись прокураторами и их помощниками — виликами. Работали там рабы и арендаторы частей рудников. Центром этой территории был город Дамавия, ставший муниципием в III в.

В отдаленных от побережья северных областях Далмации романизация шла медленно, хотя и там известны «принцепсы» с именем Юлиев. Многие из них стали гражданами при Адриане. Они были магистратами в тамошних небольших городах, кое-кто из них получал всадническое достоинство и даже становился сенатором. Но в основном богатые люди в глубине Далмации жили в кастеллах и своих имениях, где сооружались и их гробницы. Работали на их землях преимущественно колонны, и для своих соплеменников они оставались главами, «принцепсами». В их среде были живы местные традиции и культы. Любопытна в этом плане надпись далмата Медаврия, ставшего за военные заслуги консулом при Марке Аврелии. Он поставил ее в храме Эскулапа африканского города Ламбеца в честь «отечественного бога» Медавра, которого называет «Ларом народа» далматского города Резинна. Бог изображен в виде всадника, мечущего копьё (CIL, VIII, 2581). Иными словами, этот консул и на чужбине сохранял верность богу местного пантеона.

Местные племена в урбанизованных районах поглощались городами. В других областях они частично были организованы в *civitates*, причем мелкие племена включались в более крупные племенные общины. Эти *civitates*, в свою очередь, делились на декурии (от нескольких десятков до нескольких сотен), возможно составлявшие родо-племенные общины с общими, периодически переделывшимися землями. Родовые связи были очень прочны. В эпитафиях даже римские граждане указывали, к какому роду они принадлежали. Первоначально племенами управляли римские командиры в качестве префектов. Затем главную роль в управлении стали играть «принцепсы». Иногда они составляли некое объединение. Так «принцепсы» большого племени яподов до конца I в. н. э. совместно приносили жертву в святилище местного бога Бинда, отождествленного с Нептуном.

Со второй половины II в. южные города, кроме гавани Сении и Салони, переживавшей новый расцвет в III и IV вв. (там выстроил свой роскошный дворец император Диоклетиан), стали клониться к упадку. Сокращается число надписей, исчезают надписи рабов и отпущенников. Зато выдвигаются богатые земледельческие семьи из глубинных районов. Они получают римское гражданство, живут в своих роскошных сельских виллах, осваивают римскую технику, но в общем гораздо менее романизируются, чем горожане приморских городов. Как и в других провинциях, с их возвышением оживают местные традиции и вкусы.

Норик еще до обращения в провинцию в 16 г. до н. э. был объединен в «царство» наиболее сильным племенем нориков. Племена страны имели общее святилище Марса Латобия (его эпитет происходит от имени племени латобиков) около города Вируна, в современной Каринтии. Этот бог изображался со щитом и копьем, именовался «великим богом», «царем туата», ему были посвящены конь и водные источники. Следы его культа сохранились вплоть до V в. Единой для всего Норика была

богиня Норея, «великая мать народа», впоследствии отождествлявшаяся с Исидой. Почитались также богини одноименных городов Целейя и Теурния, бог города Бедай совместно с богинями Алаунами, «матерями» племени алаунов. Общим был и культ Аполлона Белена. Общность культов говорит о прочной связи племен.

По данным археологии, на Магдалененберге римское поселение возникло около 100 г. до н. э. и просуществовало до 45 г. н. э. Там селились италийские дельцы, ведшие дела через рабов и отпущенников. Норик привлекал их главным образом богатством металлов — железа, золота, свинца, меди, цинка. Вывозились также поставлявшиеся кельтскими мастерами изделия из металла, продукты животноводства. Приток переселенцев из Италии продолжался и после оставления поселения на Магдалененберге.

Наиболее активную деятельность по всей провинции вела семья Барбиев из Аквилей. Известны и другие дельцы из Италии, владевшие многими рабами, имениями, мастерскими, арендовавшие участки на рудниках. Местные уроженцы, получая римское гражданство, сливались с италиками в правящий класс. На месте кельтских и иллирийских поселений возникали города — Теурния, Целейя, Сальвия, Ювавум, ставший муниципием при Адриане. Однако кое-где сохранялись и племенные общины. Так, служившие во II в. в паннонских когортах солдаты из Норика называют себя сисцианами, варианами и латобиками. Через Норик шли дороги, соединявшие Италию с Дунаем, что придавало ему стратегическое значение, особенно возросшее, когда при Марке Аврелии в Лавриаке был поставлен легион. Вскоре Лавриак стал крупным центром ремесла и торговли с задунайскими варварами.

Реция, ставшая провинцией при Августе, перечислившем на своем трофее 45 покоренных альпийских племен, оставалась слабо романизованной. Большим городом была столица Августа Винделиков, ставшая муниципием при Адриане. При Марке Аврелии в Кастра Регина был поставлен легион, что способствовало развитию там ремесла и торговли с задунайскими племенами. Вообще же урбанизация там не наблюдалась. Надписей местного населения почти не встречается.

Реция сильно пострадала от варварских вторжений III в. Разрушения, ими произведенные, были настолько велики, что провинция не могла от них оправиться и следы жизни и деятельности ее населения с этого времени практически исчезают, и судить о них не представляется возможным.

Наибольшую роль в жизни империи из дунайских провинций играли присоединенные при Августе Паннония и Мёзия и завоеванная Траяном Дакия. Значение их определялось в первую очередь тем обстоятельством, что здесь была размещена самая большая римская армия (число легионов менялось, но, как правило, их было не менее 8—9, не считая многочисленных вспомогательных частей). Именно эта армия в тех случаях, когда шла борьба за верховную власть, обычно обеспечивала победу своим ставленникам. Из местных племен набирались многочисленные вспомогательные части, служившие в разных провинциях.

Естественно, что жизнь придунайских областей, входивших в состав Паннонии, Мёзии и Дакии, в первую очередь определялась стоявшими там войсками и политикой императоров, направленной на укрепление армии и удовлетворение ее интересов.

Большинство городов здесь возникали как поселения ветеранов или развивались из организовывавшихся при легионах поселений — канаб. Такими городами были Эмона, Карнунт, Савария, Сисция, Аквинк — в Паннонии, Сингидун, Ратиария, Виминаций, Скупи, Троесм, Дуростр — в Мёзии, Сармизегетуза (бывшая столица Децебала), Напока, Паролисса, Апулум — в Дакии. В районах, удаленных от лагерей, урбанизация

была незначительна, и города на эти области оказывали значительно меньшее влияние, чем в других провинциях.

В I в. легионеры Паннонии и Мёзии набирались из италиков и наиболее романизованных, имевших римское гражданство горожан Галлии, Далмации, Норика. Они были мало связаны с местным населением. Поскольку солдатам тогда было запрещено вступать в законный брак и иметь собственность в тех провинциях, где они служили, они обычно имели сожительницами привезенных с родины отпущенниц и только после отставки могли узаконить брак и получить земельные наделы на территории городов. Местные племена управлялись префектами из легионных центурионов, хотя уже и тогда, а затем все чаще верные Риму «принцепсы» получали римское гражданство и принимали участие в управлении соплеменниками. Военные командиры производили также размежевание территорий племен и сел, их общественных земель. Племена жили в основном по селам и пагам, входившим в племенные территории. Постепенно стали распространяться и небольшие виллы. Племенные общины не исчезли и во II в. и сохранялись даже на территории городов, например община эрависков на территории Аквинка. Уроженцы дунайских провинций в надписях часто называли местом своего рождения какое-нибудь село на племенной или городской территории. Для совместных религиозных актов и во II и в III вв. объединялись служившие в воинских частях уроженцы одного села или соплеменники. О тесной связи между общинниками говорят культы божеств-покровителей села. Вообще местные культы были очень живучи, в частности культ Фракийского всадника, в коллегии почитателей которого входили местные жители и рабы. Распространены были местные астральные и солнечные культы (известно, что мать императора Аврелиана, родившегося в Паннонии, была сельской жрицей Солнца); на надгробиях изображались астральные символы, видимо, в связи с верой в бессмертие души и загробную награду.

О положении жителей некоторых сел можно судить по петиции на имя Антонина Пия, «благодетеля и спасителя села», от сельчан на племенной территории «хоре дагов» (Нижняя Мёзия) со ссылкой на аналогичную петицию от села Лаикос Пюргос. Жалобщики называют себя «бедными литургами» (очевидно, ответственные за выполнение общинных повинностей), перегруженными всякими повинностями, в частности гужевой, и просят помочь им, дабы им не пришлось бежать из села. Сельчане платили также налоги натурой или деньгами (известно, что Паннония была обложена денежным налогом), вносили плату за пользование пастбищами и солончаками (в Дакии упоминаются откупщики этих податей).

Города развивались в общем без тесной связи с племенами. Расцвет городов падает на II в. Определяющую роль в их жизни играли военные. Из ветеранов выходило значительное число декурионов и магистратов. Во II в. в легионы стали набирать уроженцев Греции и восточных провинций. Они приносили свои культы — Митры, Юпитера Долхена и т. п., распространявшиеся и в городах. Особенно многочисленны были выходцы с Востока в Дакии, куда их переселял Траян, чтобы пополнить убыль населения после войн. Все более укрепляется связь армии с городами. Многие солдаты происходили из семей декурионов. Отставные военные становятся не только декурионами, но и патронами, иногда нескольких городов, на территории которых владели именьями. Ветераны входили в культовые и ремесленные коллегии (некоторые из которых состояли только из ветеранов), становились их патронами. Близость армии к городским слоям сказывалась и в общности идеологии, популярности бога римской мощи Юпитера, обетах, приносившихся за здоровье императора и его «божественного дома», за их победы, в распространении куль-

та «бога господ» Митры, воинственной, карающей послушников закона Немесиды, а также «домашнего Сильвана», хранителя полученных ветеранами и колонистами земельных наделов.

Расцвет городов сопровождался развитием ремесла и торговли, особенно в связи с обслуживанием нужд войска. Создаются ремесленные коллегии, множится число надписей рабов и отпущенников, находившихся здесь в несколько лучшем положении, чем в других провинциях. Отпущенники иногда получали отлучия декурionato; рабы входили в коллегии вместе со свободными, играли известную роль в культе. Возможно, это обуславливалось отсутствием крупного землевладения и более патриархальными отношениями на небольших виллах. Так, отпущенники часто выступали наследниками патрона. Число рабов и отпущенников одного владельца в надписях обычно не превышало одного-двух. Лишь в одной надписи упомянуто 5 и в одной 8 рабов одного хозяина. Некоторые рабы носили местные имена; возможно, в рабство попадали обедневшие крестьяне. Вместе с тем рабы, видимо, были здесь дóроги. В договорах на покупку рабов, записанных на найденных в Дакии табличках, за девочку шести лет было уплачено 205 денариев, за мальчика — 600, тогда как обычно взрослый сельский раб стоил 500 денариев. Многочисленны были рабы и отпущенники императоров и наместников, занятые в администрации, а также откупщиков налогов и пошлин иллирийского и фракийского побережья.

Как и в других провинциях, в особый округ были выделены богатые золотые рудники Дакии со стоявшими там для охраны присков когортами. Интересны таблички, содержавшие договоры с нанимавшимися на работу в рудники работниками (середина II в.). Один из них, нанимавшийся с мая по ноябрь, получал 70 денариев и харчи; другой столько же за целый год работы, тогда как по эдикту Диоклетиана о ценах (хотя, конечно, к концу III в. цены сильно возросли) сельский батрак и пастух получали 25, а ремесленник — 50 денариев в день. Известны надписи свободных наемных работников, в городе Бригедии даже составлявших коллегию. Возможно, дешевизна наемного труда, обусловленная бедностью части крестьян, объясняет отсутствие каких-либо данных о колонате в дунайских провинциях II—III вв. Рабский труд на небольших виллах выгоднее было дополнять наемным.

Во второй половине II и в III в. изменяется принцип набора в дунайскую армию, что привело к значительным изменениям и в жизни провинций. В войско, и в частности в преторианскую гвардию, уже начинают набирать не римских граждан из городов, а сельских жителей, получавших римское гражданство при вступлении в легион (служившие во вспомогательных частях по-прежнему становились гражданами после отставки), ветеранам же даются наделы в селах. Многочисленность сельского населения на Дунае, считавшегося наиболее пригодным для службы в армии и уже сильно уменьшившегося в других областях империи из-за роста крупного землевладения, сделало дунайскую армию вершителем судеб империи в III в. и ее последней надежной опорой. Солдаты в это время называют своей родиной не город, а провинцию, племя или село. В селах ветераны играли видную роль и сами села стали чаще заявлять о себе в надписях, получать квазимunicipальное устройство с выборными магистрами, культовыми коллегами. Наделы ветеранов выделялись из сельского территории, и они владели ими на более гарантированном праве, чем остальные общинники. Это вело к ускоренному развитию общины, тем более что часть племен, живших в селах, не получила римского гражданства и по эдикту Каракаллы, а так как перегрны не могли наследовать римским гражданам, родичи ветеранов, не служившие в армии, не могли наследовать их земли, окончательно уходившие из ведения общины.

Как и в Галлии и Германии, общинники отличались от поссессоров. В надписях из сел как отдельные категории фигурируют ветераны, или римские граждане, и «сельчане», или лица, указывающие свою племенную принадлежность. Интересна надпись из района Аквинка конца II — начала III в. Она сообщает, что обет Юпитеру, Юноне и остальным богам исполняли поссессоры села Виндониана, один из которых был декурионом, другой римским всадником; далее сообщается, что декурион и жрец Аквинка Аврелий Эпиктетий принес в дар в честь сельчан алтарь, освященный во владении римского всадника Аврелия Веттиана для прошивших прекарий сельчан Виндониана (CIL, III, 3626). Все упомянутые в надписи лица (их список сохранился не полностью) носят имя Аврелиев, следовательно, они недавно получили римское гражданство, скорее всего, как местные уроженцы, служившие в армии, и тогда же стали более или менее значительными землевладельцами. Сельчане же как прекарии оказываются явно в худшем, может быть, даже зависимом положении.

Вместе с тем ветераны еще сохраняли тесную связь с односельчанами. Они строили для сел храмы, завещали им деньги, наряду с общинниками занимали должности сельских магистров.

Служба в армии способствовала выдвижению семей из местных племен. Сын получившего римское гражданство ветерана вспомогательной части обычно служил в легионе, внуки достигали высоких чинов и богатства. Такова, видимо, была карьера многих членов высшего командного состава армии III в., уроженцев дунайских провинций, из слабо романизованных племенных территорий. Следствием же этого было развитие в таких районах крупного землевладения, выдвижение, как и в других провинциях, нового правящего класса, сохранявшего племенные традиции и вкусы, менее причастного к римской культуре. Нередко дети людей, носивших римские имена, теперь получали имена иллирийские, дакийские, кельтские. Любопытным памятником синкретизма местных и римских представлений был распространившийся в конце II—III в. в Паннии и Мёзии культ «дунайского всадника», сочетавший исконный культ бога-всадника с идеями, заимствованными из восточных и мистериальных культов.

Следствием упомянутых процессов было резкое ухудшение положения крестьянства. В IV в. Панния является крупным экспортером рабов, очевидно, за счет обедневших сельчан. Императоры того времени считали нужным выступать в защиту крестьян Иллирика от притеснения «сильных» людей, заставлявших их работать на них как своих рабов и отбравших их инвентарь. Но к середине IV в. иллирийские крестьяне, как и другие, были законом прикреплены к земле.

Своеобразное место среди европейских римских провинций занимала Фракия, присоединенная к империи в середине I в. н. э. Она издавна подвергалась греческому влиянию (греческий язык вытеснил туземные, фракийские боги сливались с греческими), но ее многочисленное местное население под покровом эллинизации сохраняло свои обычаи, верования, организацию. Романизация Фракии была в общем незначительна. Частично она шла за счет набора в армию славившихся своими боевыми качествами фракийцев — известно более 30 фракийских когорт и конных ал., — усваивавших за время службы латинский язык, римские обычаи и имперскую идеологию, а после отставки получавших римское гражданство и земельные наделы; частично за счет основания римлянами колоний (число их растет во II в.) и наделения городскими правами старых местных центров. Из первых наибольшее значение приобрели Филиппополь, Деульт, Августа Траяна, из вторых — Сердика. В пользу городов, видимо, экспроприровалась часть земель крупнейших местных собственников: в римские времена сокращается число роскошных погребений

местных аристократических семей, на месте их имений появляются римские виллы, формируется муниципальная знать, занимавшая в городах должности, аналогичные должностям в греческих полисах.

Однако урбанизация не достигла здесь таких масштабов, как в ряде других провинций. Основную массу населения составляли сельчане, организованные в общины, со своими выборными должностными лицами комы, иногда объединявшиеся в комархии. Иногда жители нескольких сел составляли торговые поселения — эмпории. Вместо членения страны на стратегии, как было при Адриане, теперь земли делились между городами, а городские территории делились на районы. Города, по крайней мере наиболее крупные (например, Филиппополь), состояли из ряда фил, включавших и часть сельских земель. На близко расположенных к городу землям находились имения состоявшей из колонистов и наделявшейся римским гражданством местной знати, городской верхушки, возможно применявшей труд рабов. Более отдаленные земли были отведены комам. Их жители, в подавляющем большинстве фракийцы, не считались гражданами города и несли разные повинности как в пользу городов, так и государства. Возможно, они не получили римского гражданства и по эдикту Каракаллы. Кое-что об их положении мы узнаем из петиции, поданной на имя императора Гордиана от посессоров села Скаптопары (IGRR, I, 738). Они жалуются, что, помимо установленных повинностей — податей, гужевой повинности, постоев, с них требуют дополнительные, так что многие из них разорились и угрожают бегством, если император их не защитит. Петицию они подали через ветерана, их «односельчанина» и «совладельца». Связь между общинниками была очень тесной. Кометы совместно осуществляли разные дела, ставили посвященные и сакральные надписи. Каждое село имело своего бога-покровителя, часто носившего эпитет, производный от названия села. На прочность связи между односельчанами указывает тот факт, что служившие в III в. в преторианских когортах в Риме фракийцы, происходившие из одного района и села, объединились для совместных посвящений своему сельскому богу, тогда как обычно сакральные надписи ставила вся воинская часть независимо от ее этнического состава.

Многочисленность и прочность сельских общин препятствовали распространению во Фракии рабства. Надписи рабов, в основном происходящие из городов, малочисленны, причем большей частью в них упоминаются только рабы-управители. Возможно, в большем числе рабы были заняты на принадлежавших императору золотых приисках, где они трудились под надзором какой-нибудь воинской части. Слабое развитие рабства и преобладание свободного сельского населения обусловили то, что во Фракии не наблюдалось симптомов кризиса в отличие от Италии и провинций, имевших многочисленные рабовладельческие виллы. Напротив, во второй половине II и первой половине III в. Фракия находилась на подъеме. Фракийцы играли немалую роль в войске — фракийцем был даже выслужившийся из рядовых император Максимин. Тогда же оживляются местная культура, туземные культы, особенно наиболее распространенный культ богов-всадников, чаще всего носивших наименование «Герой» с топонимическими или этническими эпитетами либо с эпитетами «господин», «милостивый» и т. п., но выступавших и под именами греческих богов — Аполлона, Зевса, Асклепия. Много памятников было посвящено Артемиде, Дионису. Строились храмы, не только городские, но и сельские. Видимо, как и в других провинциях, население которых в это время составляло основную массу рекрутов, ветераны и военачальники, становясь более или менее крупными землевладельцами и приобретая власть, обращались к своим привычным, хотя частично эллинизованным и романизованным, культам.

О большой роли сельского населения Фракии свидетельствует тот факт, что, несмотря на потери, понесенные Фракией от вторжения варваров, и изменения, происшедшие там в конце III и IV в., только в 392 г. фракийские крестьяне в качестве колонов были прикреплены к своим земельным участкам, причем с оговоркой, что они служат земле, но остаются свободными в отличие от колонов других провинций, уже давно фактически столь же бесправных, как рабы.

Иным было положение в Ахайе. Для нее характерно было отсутствие или, во всяком случае, незначительное число свободных крестьян и больших латифундий. Крупное землевладение складывалось из многих отдельных имений. В зависимости от естественных условий в разных областях преобладало или интенсивное виноградарство и оливководство, работавшие на экспорт, или скотоводство. Земля возделывалась рабами или арендаторами, но, судя по условиям манумиссий I—II вв., требовавших от отпущенников пожизненных отработок и предоставления патронам детей рабов (1—2), рабов не хватало и эксплуатация как их, так и отпущенников усиливалась, а из-за немногочисленности крестьян недоставало и арендаторов. Земли пустели. В своей знаменитой «Эвбейской речи» Дион Хрисостом предлагает сажать на заброшенные земли бедняков, скопившихся в городах, практически не имеющих средств к существованию и ждущих подачек от богатых горожан. Процветало ростовщичество, и катастрофически росла задолженность людей среднего достатка. Имущественная и социальная дифференциация резко обострилась. Наряду с массой бедноты выделилась богатая верхушка из пришлых римских граждан и получивших римское гражданство греков. Эта верхушка фактически заправляла всеми делами городов, где члены местных знатных семей по многу раз занимали одни и те же выборные должности. Между группами олигархов шло постоянное соперничество, в которое втягивались наместники, римская знать, а иногда и сами императоры. Яркой иллюстрацией тому служит история крупнейшего богача Ахайи Герода Аттика, ученого софиста, консула, друга Марка Аврелия, женатого на дочери римского сенатора, владельца многих имений и выдающегося эвергета, «благодетельствовавшего» не только родным Афинам, но и другим городам. Конкурировавшие с ним семьи знати всячески старались его погубить, выдвигая разные обвинения и пуская в ход демагогию, ибо народ, видимо, несмотря на все благодеяния, ненавидел Герода, у которого все было в долгу. И хотя «филэллин» Адриан всячески покровительствовал Афинам и вообще грекам, Ахайя выйти из состояния хронического застоя не могла. На ее примере особенно наглядно видно, что выход из упадка, вызванного кризисом рабовладельческого способа производства, был невозможен там, где не оставалось достаточно многочисленного свободного крестьянского населения, за счет вовлечения которого в орбиту влияния крупных землевладельцев могли зарождаться элементы новых, намечающих выход из кризиса форм.

При всех внешних признаках процветания в «золотой век» Антонинов уже стали обнаруживаться некоторые тревожные симптомы надвигающегося кризиса. В общем смысле их можно определить как начало разложения основных устоев и наиболее характерных черт античного общества, начало сближения его с обществами неантичными, не знавшими такого переворота, который был вызван на заре его истории победами демоса и плебса, обусловившими своеобразие античного пути развития.

Кризис классического рабовладельческого способа производства, признаки которого стали проявляться в старых рабовладельческих районах Италии уже в середине I в., через столетие стал сказываться и в других областях западных провинций с наиболее развитым рабством. Производительность рабского труда если и не падала абсолютно, то уже не со-

ответствовала растущим потребностям, главным образом в наличных деньгах, которые были необходимы декурионам, магистратам, патронам коллегий для расходов на нужды города. На них уходила значительная часть прибавочного продукта; отказаться же от этих затрат значило нарушить основной принцип античной гражданской общины — принцип «геометрического равенства».

Между тем прибавочный продукт вообще уменьшился: часть его шла на содержание администрации вилл, часть на попытки как-то заинтересовать рабов, так что на улучшение и расширение хозяйства оставалось немного. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, готовые изделия как в сельском хозяйстве (например, мука по сравнению с зерном), так и в ремесле (изделия из металла по сравнению с его стоимостью) стоили гораздо дороже сырья, что говорит о низкой производительности труда и его дороговизне. Удешевить продукцию можно было, или усилив эксплуатацию рабов, или введя механизацию труда, но и то и другое было невозможно. Не говоря уже о том, что чрезмерная эксплуатация рабов ускорила бы их амортизацию и потребовала бы дополнительных затрат на покупку или обучение новых, ее исключала и политика императоров II в. Идя по пути, намеченному Августом, опасаясь выступлений рабов или их бегства, они, с одной стороны, расширяли действие Силанианского сенатус-консульта (он был распространен на малолетних рабов, затем на отпущенников убитого) и принимали меры по отысканию беглых, с другой стороны, все более ограничивали самоуправство господ, все чаще превращая рабов в подданных государства. Теперь уже ни муниципальный магистрат, ни господин не могли приговорить раба к вечным оковам, ссылке в рудники, сдаче в гладиаторы, казни. Если раб совершал преступление, требовавшее такой кары, ее мог назначить только суд. Запрещены были эргастулы, подтверждено и упрочено право рабов, страдавших от плохого обращения, жестокости, чрезмерного труда, прибегать под защиту императорских статуй и требовать, чтобы их продали другим господам.

Укреплялись права рабов на пекулии: господин потерял право расплачиваться с долгами за счет пекулий рабов, был признан действительным долг господина рабу, а если раб был должен господину, тот не мог отобрать его пекулий, а имел преимущественное право перед другими займодавцами раба. В общей форме было сформулировано положение, согласно которому раб, хотя и не может быть юридическим собственником, «держит» по естественному праву и может передавать и отчуждать свое держание. Законность браков рабов не признавалась, но фактически их семейные связи были настолько приняты во внимание, что запрещалось разрозненно продавать членов одной семьи, а юристы даже рассматривали казусы, возникающие в связи с приданым, принесенным рабыней своему мужу-рабу. Всячески поощрялись манумиссии, и когда шло разбирательство о статусе человека, было предписано в сомнительных случаях всегда отдавать предпочтение признанию его свободным (принцип *favor libertatis*). Всякие препятствия к освобождению раба устранялись (например, если он получал свободу по завещанию, признанному недействительным), и было установлено, что раз данная свобода, хотя бы и неправильно, не может быть отнята. Законы охраняли и отпущенников от чрезмерных требований патронов, особенно если отпущенники были богаты, вели собственные дела, получали «право кольца» (т. е. право носить золотое кольцо, что приравнивало отпущенника к римскому всаднику).

Эти меры призваны были обеспечивать безопасность господствующего класса в целом, но отдельные его представители, практически утратив возможность прибегать к мерам устрашения, должны были все более использовать меры поощрения и не повышать норму эксплуатации.

Вопрос о том, почему римляне не прибегали к механизации производства, неоднократно ставился в литературе, и ответы на него давались, в общем, неубедительные: незаинтересованность собственников в повышении доходов (что противоречит тому огромному значению, которое придавалось юристами извлечению дохода из имущества как праву владения им); презрение высших классов к труду и практической деятельности (но таким же было и отношение к труду феодалов, что не помешало возникновению капитализма, тем более что в Риме производящие классы как раз уважали труд, а некоторые близкие народу стойки и киники видели в нем очистительную силу); дешевизна рабов, делавшая ненужным введение машин (но рабы ни в один период римской истории не были особенно дешевы, а о возможности заменить рабов орудиями, которые сами будут работать, как известно, мечтал еще Аристотель). Видимо, исходить надо из сопоставления условий Рима с условиями нового времени, когда возникли машинная индустрия и капитализм. Как известно, механизация стала возможной, когда возникли достаточно крупные мануфактуры с тем типом разделения труда, который превращает работника в частичного рабочего, что, с одной стороны, повышает производительность труда, а с другой — подготавливает введение машин⁵. Упоминавшиеся выше противоречия рабовладельческого способа производства, требовавшие огромных затрат на обеспечение надзора и подавлявшие в работнике внимание и инициативу, делали невозможным и то, и другое. Крупные предприятия, основанные на рабском труде, оказывались недолговечными, как, например, мануфактуры по производству terra sigillata, распадавшиеся в одном и возникавшие в другом месте. Исходя из данных юристов, много внимания уделявших деловым компаниям, и надписей, в ряде которых перечисляется 10—20 компаньонов в производстве посуды, тканей, ароматов и т. п., мы можем заключить, что, как и в производстве керамики в Галлии, предприятие складывалось из суммы многих мастерских, во главе каждой из которых стоял отдельный хозяин. Переход к «частичному рабочему» был невозможен, ибо рабы так же не стали бы выполнять требовавшие большой точности отдельные операции (К. Маркс, например, говорит о 20 операциях при производстве иглол), как не выполняли разбор лоз по сортам. Неустойчивыми оказались и основанные на рабском труде латифундии. А вне более или менее крупного производства механизация оказывалась невозможной, следовательно, невозможны были и удешевление продукции, повышение производительности труда и рост прибавочного продукта.

Муниципальные слои, хозяйства которых основывались на рабском труде, беднеют, беднеют постепенно и города. Уже Траян назначал в города кураторов, ведавших их финансами. В ряде надписей чествуются «благодетели», помогшие своими средствами городу выплатить налоги, а Адриан простил городам недоимки в 900 млн. сестерциев, но затем они стали накапливаться снова.

Обеднение части граждан городов вело к концентрации земли в руках лиц более состоятельных. Траян пытался предотвратить этот процесс, разрешив землевладельцам закладывать государству свои имения с тем, чтобы на ссуду улучшить свои хозяйства, а на вносимые за нее 5% оказывать помощь имеющим детей беднякам (так называемый алиментарный фонд). Однако это мало помогало, а выплата процентов еще более обременяла хозяйство. Концентрация земли продолжалась, как можно судить по Велейской таблице, содержащей список имений, заложенных в районе Велей и Луки (CIL, XI, 1147), а также по клеймам на кирпичках. Они показывают, что во II в. часть имений сосредоточивается в руках немногих богатых сенаторских семей и главным образом

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 350, 372—381.

в руках императоров и членов их семей благодаря бракам и вошедшим в обычай завещаниям части имущества императорам, получавшим также большие доли имущества своих многочисленных и богатых отпущенников и рабов.

Но так как крупное рабовладельческое производство оказывалось нерентабельным и, кроме того, сосредоточение массы рабов в одном месте казалось опасным, крупная собственность, чем далее, тем более начинает сочетаться с мелким производством, дробясь по частям между арендаторами разных категорий. Виллы по-прежнему сдавались виликам и акторам, но теперь наряду со свободными арендаторами-колонами появляются и посаженные на землю рабы, также имеющие свои пекулии и обязанные рентой. Из денежной, разорявшей колонов рента в основном становится издольной, затем прибавляются отработки, что уже предвосхищало закрепощение колонов. По закону колон не мог уйти из имения, не расплатившись со всеми долгами, а это удавалось ему весьма редко. Сажали на землю и отпущенников, часто организовав из них некое подобие общины с неотчуждаемостью участков в выделенном им имении. Как уже упоминалось, в клиентскую зависимость, предполагавшую некие услуги патрону, попадали сельские общины: теперь все они, не только в провинциях, но и в Италии, имели патронов. Из Велейской таблицы видно, что землевладельцы скупали или иными способами приобретали земли сел. В аренду — большей частью свободным — землевладельцы, имевшие глинища, сдавали кирпичные мастерские, где работали уже сами арендаторы, а не рабы. Сдавались в аренду части стад, принадлежавших императорам. В упомянутых законах о рудниках в Испании мелким предпринимателям сдаются отдельные рудничные участки, бани, сапожные мастерские и т. п. И хотя там, несомненно, работали и рабы, это были уже не крупные предприятия с тысячами рабов, какие существовали в конце I в. до н. э. — начале I в. н. э.

Аренда становится основной формой эксплуатации крупных предприятий, а мелкие арендаторы все в большей мере попадают в зависимость от крупных собственников, перестают быть самостоятельными хозяевами, какие по исконной римской традиции только и были полноценно свободными гражданами. Это вновь создававшееся положение было оформлено двумя законами, совершенно чуждыми всем понятиям и правам античной гражданской общины. Со времен Адриана была признана ранее невозможная самопродажа взрослого (сперва возраст был установлен в 25, а затем в 20 лет) гражданина в рабство, а со времени Антонина Пия население империи, включая римских граждан, было разделено на «благородных», включавших сенаторов, всадников и декурионов, и «простонародье», практически лишенное всех тех привилегий, которые имели римские граждане. Их можно было теперь наказывать телесно, ссылая в рудники, и вообще, по определению юристов, их карали так же, как рабов. Таким образом, шло разложение классов-сословий античного мира: часть рабов становились владельцами средств производства и рабов-викариев, часть мелких и даже средних собственников практически опускались до уровня рабов.

Процессы эти сказались и на состоянии армии. В Италии и тех романизованных западных провинциях, из которых раньше набирались легионеры, практически не оставалось свободных крестьян, считавшихся лучшими воинами, и Адриан переходит к набору в армию из пограничных провинций, где стояло войско и еще были многочисленны сельские общины. Частично армия пополнялась и за счет сыновей ветеранов, родившихся при лагерьях, в канабах. Дети солдат *auxilia* перестали получать вместе с отцами римское гражданство и должны были сами идти на службу, чтобы после отставки стать римскими гражданами. Боеспособность армии падала, часты были случаи дезертирства. Адриану при-

шлось отказаться от завоеваний Траяна на Востоке, а на Западе начать сооружать оборонительный *limes*, состоявший из ряда укрепленных кастеллей, рвов, валов и частоколов. Такие укрепления, строительство которых было продолжено Антонином Пием, возводились в Британии, на Рейне, на Дунае.

С ростом императорского имущества и контроля рос административный аппарат, получивший стройную организацию и возглавлявшийся теперь не императорскими отпущенниками, а всадниками с соответствующим жалованьем — от 60 тыс. до 300 тыс. сестерциев. Число одних только прокураторов с 62 (в 96 г.) возросло до 109. Формировались новые ведомства. Совет принцепса увеличился за счет включения представителей администрации и юристов. Главой его стал префект претория. Для всех служащих был выработан определенный *cursus* должностей, которые они должны были пройти, поднимаясь по лестнице чинов. Ряд прокураторов, большей частью из императорских отпущенников, ведал императорскими имениями. В Испании Антонин Пий унаследовал столь большие земли семьи Валериев Вегетиев, что для них был назначен специальный прокуратор, так же как префект по надзору за производством и продажей испанского масла. Специальный прокуратор ведал фиском, составившимся из пекулиев рабов и сумм, внесенных ими за освобождение, другой — полученными императорами наследствами и составлением уставов для императорских имений, видимо аналогичных *lex Manciana* для императорских салтусов в Африке и найденному там же закону Адриана, регулировавшему права желающих занять и возделывать пустующие участки на императорских землях. Оплата всего этого аппарата и помощь, оказывавшаяся городам, требовали средств, а их не хватало, ибо налоги с городов провинций, как мы видели, поступали туго. Основное их бремя теперь падало на провинциальных крестьян. Антонины, отказавшиеся от антисенатской политики императоров I в., колебались между стремлением поддержать муниципальные слои, городские общины и удовлетворить интересы крупнейших землевладельцев-сенаторов.

Ощутимый удар был нанесен городам, когда во изменение старого положения, согласно которому из городских территорий, помимо императорских земель, изымались только земли особо заслуженных лиц, было установлено, что это право распространяется на всех сенаторов и их потомков. Города, и раньше вступавшие в конфликты с владельцами экзимированных салтусов за право на повинности сидевшего на земле салтусов населения, протестовали против дававшегося императорами владельцам салтусов права устраивать свои ярмарки, отвлекавшие покупателей у горожан. Города теперь теряют наиболее богатых и способных тратить на городские нужды граждан и обретают серьезных конкурентов в экономической и социальной сферах. Отношения между муниципальными слоями и владельцами или крупными арендаторами (кондукторами) салтусов обостряются, а города испытывают все большие трудности. Марк Аврелий пытался прийти им на помощь, сократив расходы на гладиаторские игры, дававшиеся магистратами и жрецами, но это мало помогало.

Все подспудные противоречия и конфликты выступили наружу при Марке Аврелии в связи с тяжелыми войнами с парфянами и маркоманами, чумой, голодом. Мавры, переправившись через Гибралтар, опустошали Бетику, костобеки — Ахайю, и хотя и тех и других удалось отогнать, ущерб был значителен. При Коммоде на *limes* обрушились свободные британны, так что границу пришлось отодвинуть обратно к югу. На Рейне продвижение племен семнонов, хавков, хаттов, гермундуров задело обе Германии и Бельгику. В это же время начинается крупное движение угнетенных масс: беглый солдат Матерн собрал дезертиров,

рабов, крестьян севера Италии, Галлии и Испании и нападал с ними на виллы местных землевладельцев. Он даже составил план убить Коммода во время праздничного шествия, пробравшись переодетым в Рим, но был выдан и казнен, после чего его движение на время затихло. Все это были грозные признаки надвигающегося кризиса, обострения социальных противоречий.

4. КУЛЬТУРА.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

Положение в империи I—II вв. определяло идеологию и культуру различных классов и социальных слоев.

Внешне культура еще сохраняла свой блеск. Тогда жили и творили такие выдающиеся философы, как Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий; поэты Лукан, Ювенал, Марциал; писатели и историки Тацит, Плутарх. Аппиан, Светоний, Петроний, Апулей, Лукиан и др. Плиний Старший составил, используя 2000 авторов, энциклопедию тогдашних знаний; выдающихся успехов достигли астроном Птолемей, врач Гален. Разрабатывалось, откликаясь на потребности жизни, римское право. Чрезвычайной популярностью пользовались ораторы, выступавшие в разных городах с речами — импровизированными или на заранее объявленные темы. Архитекторы, художники, скульпторы, мозаичисты украшали частные и общественные здания, многие из которых, как амфитеатр Флавиев (Колизей) или мост через Дунай, поражали своими размерами и техникой исполнения.

Но и в этой сфере жизни уже намечались значительные изменения. К тому же прежде единая для всех римских граждан идеология и культура начинает раскалываться под действием различных социальных конфликтов.

Провозглашенная идеологами принципата Августа завершенность «миссии Рима», вечность установленных порядков, по существу, лишали людей тех коллективных целей, которые некогда давал им «римский миф», теперь ставший краеугольным камнем официальной пропаганды и все более терявший свою власть над умами, тем более что прокламированный Августом «золотой век» отнюдь не принес людям ожидаемого счастья. Напротив, несмотря на довольно значительную социальную мобильность — правда, лишь в замкнутых сословных рамках, — во всех слоях общества росло чувство неуверенности в завтрашнем дне и зависимости от всякого, кто занимает более высокую ступень в социальной иерархии. Сенатор мог в любую минуту стать жертвой гнева или каприза принцепса; декурион — разориться, подвергнуться гонениям со стороны соперничающей группировки (как мы видели, их не избежал даже такой могущественный человек, как Герод Аттик), заслужить немилость наместника или какого-нибудь влиятельного императорского чиновника; «маленький человек», будь то ремесленник или крестьянин, зависел от патрона своей коллегии или от богатого соседа, поскольку считалось само собой разумеющимся, что такой «маленький человек» обязан вышнему почтительностью и услужливостью. Коллегии «маленьких людей», создававшиеся с дозволения правительства, жили по уставу, составленному патроном, должны были праздновать юбилей не только императоров, но и патрона с его домочадцами. В городах появляются даже специальные коллегии «почитателей» и «обогащенных» местных видных семей. Надписи этого времени из городов и сел переполнены непомерной, гипертрофированной лестью по отношению к различным «благодетелям», патронам, чиновникам, командирам мелких воинских подразделений, как-то связанных с их городом, всадникам, сенаторам, на статуи которых народ собирал деньги. Все это порождало тягостное чувство несвободы,

отчуждения, вызванного практической невозможностью приложить свои силы к какому-либо большому общему делу, тем более что люди, выдававшиеся богатством, способностями, активностью, вызывали подозрение у высшестоящих, будь то господин раба или император, боявшийся, что такой человек может стать его соперником. Принцип «срезания высоких колосьев» действовал в полной мере.

Отсюда поиски какого-то выхода, обретения хотя бы внутренней свободы и даваемого ею самоуважения. Ответы на встававшие вопросы давались разные. В первые два века среди высших и средних классов наиболее популярен был стоицизм, преследовавшийся как идеология оппозиции при Юлиях — Клавдиях и Флавиях, но ставший почти официальным при Антонинах. Виднейшими его представителями были Сенека, Эпиктет и Марк Аврелий, среднюю позицию между стоиками и киниками занимал Дион Христом. Все они исходили из общих стоических положений о единстве природы и общества, связанных мировых разумом и мировой душой, эманацией которых были индивидуальные умы — логи и души; о едином, правящем космосом законе, необходимости, познаваемой мудрым и добродетельным, о подчинении добровольно этой необходимости; об обязанности каждого исполнять свой долг перед целым, оставаясь на том месте, которое предназначила ему судьба, без ропота и попыток что-либо изменить. Но в интерпретации таких общих положений были у каждого свои особенности, обусловленные его личной судьбой, общественным положением и эпохой, в которую он жил.

Для Сенеки и Диона Христора большое значение имел вопрос о господстве и подчинении как в масштабах фамилии, так и в масштабах государства, что в конечном счете сводилось к вопросу о том, каким должен быть «хороший» император, поскольку наличие императора уже признавалось необходимым. Тот же вопрос занимал и других деятелей того времени: Светония, давшего в своих биографиях цезарей образы как «тиранов», так и положительных правителей; Плиния Младшего, обрисовавшего в «Панегирике» Траяну этого императора как идеал, во всем противоположный «тирану». С точки зрения кругов, к которым они принадлежали, «хороший» принцепс должен подчиняться им же установленным законам, как Юпитер, дав закон космосу, его соблюдает; он не должен требовать неумеренного восхваления, отнимать у граждан их собственность, он обязан считаться с сенатом и вообще с «лучшими» людьми, не действовать своевольно, неустанно трудиться на общую пользу граждан, обязанных ему за это преданностью, благоговейным почтением как воплощению души республики, близкому богам.

Эпиктет, бывший раб жестокого господина — отпущенника Нерона Эпафродита, высланный при Домициане и возвращенный Антонинами, основное внимание уделял не качествам правителя, а поведению подчиненного, что делало его близким народной идеологии и крайним киникам. Для него путь к свободе лежал в полном отказе от всех материальных благ, привязанностей, желаний, так как человек становится рабом того, что может дать ему или отнять у него то, чего он желает. Внешнее — имущество, тело, жизнь — подчинено господину или тирану, и не следует оспаривать их право распоряжаться этим внешним. Но истинная сущность человека, его разум и душа не подчинены никому, суждениями его не может управлять никто, и никто не может помешать ему быть добродетельным, а значит, свободным и счастливым. Для Эпиктета большую роль играет представление о верховном божестве, Зевсе, стоящем выше всех земных владык. Человек, ощутивший себя его сыном, будет свободнее, чем сенатор или даже сам цезарь, вечно мучимые какими-нибудь неудовлетворенными желаниями внешних благ.

Этот поворот от внешнего к внутреннему стал одной из самых характерных черт идеологии той эпохи. Он сказался в праве, все более скло-

нявшемся к предпочтению воли действию, смысла букве. Намерение человека стало важнее его фактического поступка: он мог убить и не считаться убийцей, если имел намерение бежать; в завещаниях старались выяснить волю завещателя, в законах — волю законодателя. В религии основной упор делался уже не на соблюдение обрядов, а на душевную чистоту. Всеобщей становится вера в бессмертие души, и уже не нормы становятся источником этики, а добродетельная, предписанная религией жизнь, наградой за которую будет посмертное блаженство в кругу богов. Надежда, что покойный и сам станет богом за хорошую и честную жизнь, постоянно выражается в стихотворных и прозаических эпитафиях, в изображениях на гробницах. Отверщение от внешних, материальных благ как путь к духовной свободе привело к культу бедности: в эпитафиях даже довольно зажиточные люди пишут, что были бедны, а Апулей в «Апологии», отвечая своему противнику Эмилиану, обвинявшему его в бедности, говорит, обращаясь к проконсулу, что такое мог сказать лишь абсолютный невежда, просвещенный же проконсул умеет ценить и уважать бедность. В ставших в это время популярными греческих романах герой и героиня, обычно наделенные необычайной красотой и добродетелью, претерпевают многочисленные бедствия, думая, что любимый или любимая погибли, вступают в брак или связь с другим, но, поскольку душой они верны своей любви, этот внешний факт их не порочит. А когда они попадают в рабство или в плен к жестокому властителю (обычно это персидский царь или сатрап), они доказывают им, что, будучи рабами и пленниками, не оставаясь в душе свободными эллинами, они выше своих порабитителей, порочных и жадных до материальных благ, а потому несвободных. Дальше всего в этом плане заходили крайние киники, которых Лукиан и Апулей, не чуждые умеренному кинизму, называли «беглыми рабами», «сапожниками», «трактирщиками». Их идеалом был Диоген, и они выступали с проповедями отказа от всех благ и ценностей обычной жизни, уважения к семье, власти отца, отечественным святыням, поносили богатей и самого императора, призывали порвать со всеми существующими нормами или даже покончить жизнь самоубийством, как то сделал знаменитый Перегрин Протей, сжегший себя во время Олимпийских игр, осмеянный Лукианом, но, по словам Авла Геллия, бывший человеком добродетельным и ученым.

Последним стойком Рима был император Марк Аврелий. В его сочинении «К самому себе»⁶ особенно подчеркивается мысль о невозможности что-либо изменить и исправить в мире. Все и всегда остается неизменным, люди всегда были, есть и будут лысцами, лгунами, своекорыстными. Что же остается среди этого хаоса? Только служение своему Гению, самоусовершенствование, добродетель. Но такая добродетель, не имевшая никакой точки приложения, не дававшая никакой цели в жизни потому, что даже обязательное для стойков служение человечеству теряло смысл, раз это человечество столь неизменно порочно и несчастно, не могла уже никого вдохновить. Лукиан, неоднократно высмеивая стойков, тративших долгие годы на изучение философии, чтобы «войти в поля мудрецов», а затем терпевших неудачу и горькое разочарование, выражал тем самым общее настроение. Оно отразилось и в возрожденном Секстом Эмпириком, врачом по профессии, скептицизме. В своих трудах он последовательно опровергает все существовавшие философские системы и лжезвания в их основе науки, начиная от математики и кончая историей и этикой, на том основании, что они основываются или на авторитетах (а таких авторитетов много, и они разноречивы), или на недо-

⁶ Существуют и другие варианты названия этого сочинения: «Размышления», «Наедине с собой», «Для самого себя».

казуемых аксиомах и смешении причин и следствий, или же они не основаны на наблюдении и методе, как врачебное искусство и другие полезные для жизни знания, почему лучше всего отказаться от всяких суждений и жить просто, по заветам предков и законам государства.

Но такое решение не могло быть принято теми, кто лихорадочно искал выхода из духовного кризиса, вызванного крушением «римского мифа» со всеми вытекающими последствиями. По мере упадка стоицизма популярность приобретает приспособленный к новым условиям платонизм. Платониками были Плутарх, Апулей, Альбин, Нумений, находившиеся также под влиянием пифагорейства. Для них характерен в той или иной форме дуализм: признание высшего, единого бога, не соприкасающегося с миром, и другого, низшего, занятого делами мира и соприкасающегося с носителем зла — материей, созданной «злой душой», отпавшей от высшего мира, мира идей. Бог действует через множество посредников, подобно тому как цезарь действует через своих подчиненных. Первый из них — Логос, затем идут божества светил, герои, добрые и злые демоны, души людей, которые после смерти в зависимости от порочной или добродетельной жизни могут перевоплотиться в животных, либо стать демонами и героями, или даже богами. Высшей целью человека считалось познание верховного бога и приобщение к нему через посредство интеллекта. Большое значение платоники того времени придавали астрологии, магии, учениям восточных мудрецов — брахманов, египетских жрецов, магов.

Если для стойков бог был хотя и высшей, но все же органической частью мира, так что в мире не могло произойти ничего несогласного с природой, «сверхъестественного», то платоники выводили бога за его пределы, что открывало путь к противопоставлению бога и мира, естественного и сверхъестественного. С вульгаризированным платонизмом повсюду распространяется вера в чудеса, привидения, вампиров, а также растет популярность посвящения в мистерии Диониса, Исиды и Осириса, Митры и др. Надеялись, что посвящения сразу откроют тайны богов и мира без долгого пути науки, предлагавшегося стойками.

Обще наука продолжала процветать только в Александрии. В других частях империи интерес к ней замирал, ибо она перестала служить основной задаче философии — сделать людей хорошими гражданами, добродетельными и счастливыми. Сенека — последний, кто пытался связать науку с философией, написав свои «Изыскания о природе». Эпиктет уже утверждал, что книги и рассуждения о науке ни к чему не ведут и помочь человеку не могут. Тем более наука не требовалась для посвящений в мистерии или для приобретших распространение сочинений, в которых автор сообщал то, что ему якобы непосредственно открыл бог (наиболее известны из них Герметические трактаты, приписывавшиеся египетскому Тоту, названному Гермесом Трисмегистом). Бесцельность и тоска введенной в определенные рамки повседневности порождали также болезненную страсть ко всему чудесному, поражающему воображение. Уже в поэме Лукана «Фарсалия» множество детальных описаний ужасов битв, страшных знамений, отвратительной колдуньи, заклинаниями оживляющей мертвеца, чтобы тот предсказал судьбу Сексту Помпею. Его современник, автор трактата «О возвышенном» считает, что надо описывать не обыденное, а потрясающее, «не ручей, а океан».

Множатся сочинения о путешествиях в неведомые страны, а если судить по пародии Лукиана «Правдивая история», то — и на Луну, и на Солнце, населенные странными существами. На описание дальних стран не оказывали влияния более или менее точно характеризующие реальный мир сочинения географов или составленные для мореплавателей и путешественников «Периплы» и «Итинерарии». Независимо от них Индия всегда должна была выглядеть как страна чудес, у варваров — господст-

зовать простая, неиспорченная жизнь, не знающая имущественного неравенства, рабов, царей. Вместо научных трактатов люди предпочитали сборники рассказов (например, Элиана) об удивительных явлениях природы, уме животных, обычаях и изречениях восточных царей, греческих мудрецов, римских героев. Отчасти в этом ряду стоят и знаменитые «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, где основное внимание уделено моральному облику героев, их изречениям, анекдотам из их жизни.

Среди широких трудящихся масс, рабов и свободных, складывалась своя идеология протеста против официальной пропаганды и официальных ценностей. Высоко ценились труд, объединявший маленькие кружки друзей, в противоположность официальным коллегиям, доброе отношение к друзьям, всегданняя готовность им помочь, с ними поделиться, такие отличные от официальных добродетели, как простодушие, кротость, милосердие, способность прощать врагу. Почитались боги-труженики, как Геракл, ставший богом за свои вечные труды на пользу людей, божества земли и особенно не имевший официального культа Сильван, изображавшийся в одежде крестьянина, защитник работников, хранитель нерушимой межи, усадьбы, растений. Ему посвящено огромное количество надписей, поставленных «вследствие сна» или «видения» с благодарностью за освобождение от рабства, болезни, благополучное возвращение из путешествия. Для его культа беднота и рабы создавали коллегии, строили на свой счет и своим трудом святилища, приносили посильные дары. Вместе с тем эти простонародные боги — по определению высших классов, «чернь земных богов» — были в глазах своих почитателей великими и могучими космическими демиургами, подобными Зевсу Эпиктета, стоявшими выше земных владык, и, как Геракл и Сильван (тоже, по одной версии, человек, сын раба), примерами для подражания тем, кто надеялся заслужить посмертный апофеоз. Этот более или менее осознанный протест против официальной идеологии, отвращение от мира богатых и знатных в условиях, когда последние всячески старались подчинить себе рабов и «маленьких людей» не только материально, но и морально, являлся своеобразной формой классовой борьбы, медленно, но верно подтачивавшей устой «вечного Рима» и всего его строя.

На этот же период приходится распространение и на Западе христианства, наиболее полно отвечавшего чаяниям и умунастроению «маленьких людей». Оно обращалось к бедным и обездоленным, провозгласив тезис «Не трудящийся да не ест», отвергало мудрость, считавшуюся высшими классами непременным условием добродетели, и проповедовало простодушие, кротость, милосердие, которые так ценились простыми людьми. Оно санкционировало духовный уход от мира зла, порока, насилия и впервые решилось отвергнуть основную ценность тогдашнего мира — императорский культ. И, что очень важно, оно дало своим адептам новый миф взамен утратившего свое значение «римского мифа» и новые цели: коллективные — достижение царства божьего на земле — и индивидуальные — обретение загробного блаженства в раю. Люди снова обретали идею, ради которой, как им казалось, стоит жить, бороться и погибать.

Сперва христианство распространялось лишь в среде низших классов городов. В Рим и Италию оно проникло уже в середине I в. Затем оно постепенно начало проникать и в крупнейшие города Запада, в среду интеллигенции, муниципальных слоев и даже высшей знати. Но появление в христианских общинах таких новых элементов не могло не отразиться на учении. Множились разные секты, дававшие каждая свою интерпретацию основным положениям христианства; стали делаться попытки найти компромисс с властями: в христианских «Апологиях» доказывалось, что христиане — самые верные подданные императора и самые полезные для империи люди. Со своей стороны философы, ранее не об-

ращавшие внимания на христианство, начинают с ним полемизировать: появляются антихристианские сочинения, например Цельса, опровергавшего сперва иудаизм, затем, по его мнению, близкое к нему христианство, которое он квалифицировал примерно так же, как Лукиан и Апулей проповеди крайних киников, т. е. как вздор, проповедуемый невеждами и пригодный только для простонародья. Изменялась и структура христианских общин. Епископы, раньше занимавшие скромную должность управляющих имущественной общины (первые римские епископы были рабского происхождения), постепенно становятся руководителями общин, требуют, чтобы рядовые члены считались с их авторитетом, изгоняя инакомыслящих как еретиков, противодействуют первоначально царившей в общинах демократии.

Все названные явления в социально-экономической, политической и духовной жизни империи Антонинов знаменовали наступление общего кризиса во всех этих областях.

Глава 15

ПЛЕМЕННОЙ МИР ЕВРОПЫ ДО ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ

1. ГЕРМАНСКИЕ ПЛЕМЕНА И СОЮЗЫ ПЛЕМЕН

Проблема происхождения германских племен чрезвычайно сложна. Их ранняя история еще менее ясна, чем история их соседей — кельтов. Дело прежде всего в том, что германцы намного позже кельтов попали в поле зрения античной письменной традиции, и, следовательно, у нас гораздо меньше возможностей увязать археологический материал с более или менее достоверными сообщениями древних авторов.

Если кельтские племена уже в V в. до н. э. обратили на себя внимание греков, то подробные описания германцев появились лишь через несколько столетий. Правда, в IV в. Пифей (его сведениями во II—I вв. пользовались Посидоний, Полибий и другие авторы) отмечал, что во время своего путешествия столкнулся на юго-восточном побережье Северного моря с племенем тевтонов, но этим, собственно, вся информация и исчерпывается; о более раннем времени и других районах германского мира письменные источники не сообщают ничего. Таким образом, для данного периода единственным источником становится археология.

Чем ближе к рубежу нашей эры, тем более полными и компетентными мы источниками мы располагаем. Грозное нашествие кимбров и тевтонов (114—401 гг.), встревожившее саму Италию, отразилось в сочинениях Посидония, Тита Ливия и других авторов. Однако лишь в I в. до н. э. появляются сочинения, авторы которых непосредственно знакомы с жизнью германских племен. Юлий Цезарь, сражавшийся в Галлии против свева Ариовиста, совершил затем походы за Рейн (ставший потом границей империи) и включил в свои «Записки» ряд сведений о быте и культуре германских племен. Достаточно надежной информацией пользовался греческий географ Страбон, а также — во II в. н. э. — Птолемей, располагавший важными и не дошедшими до нашего времени источниками. Среди них — обширное описание германских войн I в. н. э., принадлежащее Плинию Старшему. В конце 40-х годов I в. н. э. Плиний служил в войсках, расположенных вдоль германской границы, и лично принимал участие в походах против племен хавков и фризов. Рассказ об этих событиях сохранился лишь в извлечениях более поздних латинских авторов,

однако «Естественная история» Плиния также включает немало сведений о германцах, особенно ценных благодаря хорошей осведомленности автора.

Не меньшее значение имеет посвященное Германии сочинение Тацита (конец I в. н. э.). Тацит не был в германских землях, но имел возможность пользоваться рядом важных письменных источников, а также многое почерпнул из рассказов посещавших эти края торговцев и военных. Повествование Тацита не столь объективно: оно содержит немало выпадов против разлагающейся римской аристократии, которой противопоставляются германцы с их якобы чистыми и неиспорченными нравами. Тем не менее приводимые Тацитом конкретные факты, по общему мнению, вполне достоверны — из них выстраивается цельная картина расселения германских племен, их обычаев и культуры.

Как же соотносили античные авторы германцев с другими, известными с более раннего времени народами, в частности с кельтами? Этноним «германцы» (этимология его пока еще остается неясной) впервые встречается в начале I в. до н. э. у Посидония. Его употребляет Фронтин, говоря о восстании рабов в 72 г. до н. э. Из более поздних употреблений этого этнонима (Цезарь, Саллюстий) можно заключить, что он в большинстве случаев соответствовал греческому *Keltoi* в отличие от *Galatai*, иными словами, обозначал племена, селившиеся за Рейном ближе к районам Элбы, причем не вполне четко отграничивал их от левобережных, преимущественно кельтских, народов. И это не случайно. Уже первое столкновение Цезаря с войсками Ариовиста показало, что этнический состав подвластных последнему народов весьма сложен. *Rex Germanorum* (титул, данный Ариовисту сенатом в 59 г. до н. э.) выступает не только во главе свевов и гарудов, но и в союзе с секванами, а также некоторыми племенами, бывшими ранее в зависимости от эдуев. Через некоторое время Цезарь сталкивается с вторжением в Галлию племен узипетов и тенктеров, которые под давлением свевов желали занять принадлежащие левобережным менаниям земли. Цезарь дает понять, что эти племена могли быть мирно приглашены на левобережные территории, тем не менее, поскольку пришли они с правого берега Рейна, он не может называть их иначе, как германцами.

Более поздние римские авторы, в частности Тацит, тоже колебались, когда речь шла о прирейнских народах, и отдавали себе отчет в том, что этноним «германцы» сравнительно недавнего происхождения. Тацит прямо пишет о том, что германцами поначалу называлось лишь небольшое племя и лишь «недавно» стали обозначать целый конгломерат народов.

Смешение предстаний о кельтах и германцах видно и на примере обитавших на северо-востоке Галлии племен белгов. Цезарь сообщает в «Записках», что они с гордостью называли себя потомками германцев, и в то же время приводит слова некоего Амбюрикса (V, 27), который, оправдываясь в своем участии в антиримских действиях, говорит, что галлам трудно отказать другим галлам, когда речь идет об общей свободе. Эти и ряд других моментов заставляли многих исследователей прийти к выводу, что этноним «германцы» явно кельтского происхождения и первоначально принадлежал какому-то прирейнскому кельтскому племени. Лишь потом, по их мнению, галлы стали называть так всех своих соседей с правого берега Рейна, этническую близость к которым они прекрасно осознавали. Подобные соображения вовсе не бесосновательны, однако, безусловно, неверно отрицать за германцами этого и более раннего времени какую-либо этническую самостоятельность вообще. Подобный подход, по сути дела, является абсолютизацией исторически понятного взгляда некоторых античных авторов.

В работах, где говорится о проникновении римлян в прирейнские области, стало общим местом утверждение, что проведенная по Рейну

(а затем по лимесу — укрепленной полосе, тянувшейся от Кёльна почти до Регенсбурга) граница между галлами и германцами является совершенно искусственной. В доказательство приводились высказывания самих римлян. Это утверждение верно только отчасти, и проверить его можно, лишь опираясь на данные лингвистики и археологии.

Прежде всего, следует напомнить, что районы Южной Германии между Рейном и Дунаем были весьма вероятной прародиной кельтских народов, многие из которых продолжали занимать эту территорию и в значительно более позднее время. Анализ топонимов показывает, что названия кельтского происхождения составляют абсолютное большинство из тех, что зарегистрированы на огромной территории, которая в форме неправильного треугольника простирается от современного Кёльна до Богемии, получившей название от кельтского племени бойев. Граница кельтского ареала проходит где-то по району Тюрингии. Неудивительно, что когда на эти исконно кельтские области стали проникать первые германские племена, с некоторыми из которых столкнулись потом римляне, то взаимовлияния между кельтами и германцами имели место в самых разных сферах культуры, языка и обычаев. Кроме того, как это часто бывало в древности, легко могли составляться временные военные союзы из представителей разных этносов. Все это не могло не вводить в заблуждение античных писателей.

Археологические материалы, отражающие более далекое прошлое, дают возможность увидеть, было ли такое положение характерно для дописьменной древности. Границы археологических культур позволяют выявить водораздел между разными типами памятников (для эпохи конца гальштатта), проходящий примерно по долине реки Зале. Определяющим признаком является здесь погребальный обряд: к западу и юго-западу от этой условной границы преобладают могильники с труположением, к северо-востоку — с трупосожжением. В начале латенского времени, когда характер кельтской материальной культуры был уже резко очерчен, можно проследить распространение ряда вещей в направлении с запада на восток. Чем дальше в этом направлении, тем количество кельтских вещей в могильниках становится все меньше и тем заметнее изменяется характер местной культуры: керамика становится все более грубой, все чаще она выполнена без применения гончарного круга. Средиземноморский импорт постепенно практически исчезает, но зато появляются новые типы вещей, нехарактерные для латенской культуры. Это особенно заметно в нижнем течении Рейна, начиная от района Кёльна, где на правобережье памятники латенской культуры чрезвычайно редки. Зато эта область является крайней границей распространения мечей особого типа, характерных для тех областей, которые римляне позже называли *Germania Magna*.

В конце латенского времени появляется еще один совершенно четкий признак, позволяющий подтвердить упомянутую границу, — распространение оппидумов, во всех случаях принадлежавших кельтскому населению. Зона оппидумов почти совпадает и с зоной распространения кельтских монет. Таким образом, можно утверждать, что область вызревания и распространения латенской культуры была достаточно явно отграничена от районов Северной Европы — прародины германцев.

К какому времени относятся этногенез и формирование диалектальной общности германских племен? Ответить на этот вопрос, опираясь на данные одной археологии, затруднительно. Как представляется ныне наиболее вероятным, сложение прагерманского этнического и языкового субстрата (восходящего к индоевропейской общности) можно отнести к периоду около 1000 г. до н. э. В его сложении на севере Европы принимали участие культура курганных погребений и перекрывшая ее затем культура полей погребальных урн. По мнению большинства ученых, к VIII—

VI вв. образование германской этнической и языковой группы было завершено. Первой археологической культурой, достаточно надежно связываемой с германскими племенами, считается ясторфская, начало которой относят приблизительно к 750 г. до н. э.

Проследить историю германских племен, начиная с этого времени, практически невозможно. Приходится опираться на сведения Цезаря, Плиния и Тацита, лишь предположительно восстанавливая более раннюю историю некоторых племен и племенных объединений, но при этом нельзя забывать, что германские племена не оставались постоянно такими же, какими были в глубокой древности.

Германские племена принято делить на три основные группы: северогерманские, западногерманские и восточногерманские. Этим группам соответствуют основные диалектные ареалы германских языков. Западногерманское объединение племен, в свою очередь, делится на три группы, названия которых приводятся у Плиния и Тацита: истевоны, ингвеоны и эрминоны. Первые обитали в районах Рейна и Везера, вторые — у североморского побережья и третьи — у Эльбы. Среди эрминонов Плиний (IV, 99) перечисляет свевов, эрмундуров, хаттов, херусков, а среди ингвеонов названы кимвры, тевтоны и хавки.

Кроме этих трех групп западных германцев, Плиний выделяет вандалов (т. е. восточных германцев), перечисляя здесь бургундионов, варинов, харинов и гутонов, а также пятую группу — пеукинов и бастарнов. Германское происхождение последних, правда, не доказано и сегодня, но, во всяком случае, эти племена, появившиеся в конце III в. до н. э. в придунайских степях, уже ушли со своей родины. В другом месте «Естественной истории» (IV, 96) Плиний говорит и о скандинавских гиллевионах, которые, по его сведениям, насчитывают до 500 племен.

Тацит в «Германии» тоже дает трехчленную, несколько иную по форме, но по существу близкую к Плиниевой, классификацию известных ему племен. У океана помещает он ингвеонов, «средними» называет он эрминонов и «остальными» — истевонов. Среди этих «остальных» западных племен Тацит перечисляет батавов, маттиаков, хаттов, танктеров, бруктеров, хамавов, хазуариев и пр. Эрминонов Тацит считает целиком свевскими племенами; более того, он специально не выделяет северную и восточную группы германцев, ибо и их относит к свевам, но живущим «за горами». На востоке называются лугии, готоны, ругии и лемовии, а в Скандинавии — лишь свионы. Различие между двумя схемами племен заключается в том, что у Плиния хатты и херуски относятся к эрминонам, а у Тацита первые оказываются среди истевонов, а вторые среди ингвеонов.

Кроме списка германских племен, приведенного в гл. 46 «Германии», в другом месте (гл. 2) Тацит приводит легенду самих германцев о происхождении трех основных групп западногерманских племен. Старинные песни германцев (которые, по Тациту, заменяют им предания и летописи) воспевают рожденного землей бога Туистона и его сына Манна, от имен трех сыновей которого получили названия ингвеоны, истевоны и эрминоны. Начальный элемент *ing-* хорошо известен как из античных, так и из более поздних источников — он входил во многие имена германских вождей, а также в обозначение великого скандинавского бога Фрейра (*Yngwi-Freyr* — Ингви=господин). *Ermin* или *irmin* означает «высокий»; этот эпитет применялся к германскому богу войны — *Ermin-Teuz*. Начальный элемент этнонима третьей группы западногерманских племен менее ясен, возможно, он имеет отношение к богу Водану.

Рассматривая приведенную легенду и исходя из описания в других источниках объединений западногерманских племен, большинство исследователей делали вывод, что мы имеем здесь дело с культовыми объединениями, каждое из которых осознавало свое родство с остальными. Неч-

то похожее Тацит сообщает о свеах (эринонах) с их обычаям отправления общего культа всеми единокровными племенами в некий установленный срок (гл. 39). В следующей главе он рассказывает о сходном общем культе богини Нертус у приморских племен германцев. Возможно, что приведенный Тацитом этногенетический миф имел древнее общегерманское происхождение, но остается фактом, что ко времени этого писателя он служил для обоснования общности именно западногерманских племен, близких во многих отношениях (в частности, и по языку). В настоящий момент трудно сказать, какова была мера обособленности западногерманских племен по отношению к другим германским общностям, вполне возможно, что они достаточно широко контактировали со своими северными соседями по ту сторону пролива.

По сравнению с западными о северных германцах известно меньше. Основным центром поселений германцев в древности был юг Скандинавии, территория современной Дании (полуостров Ютландия, Зеландия). Именно эти территории были известны римлянам под названием Scadinavia (позже, у Иордана, в форме Scandza). На север Скандинавии германские племена, преимущественно по океанскому побережью, продвигались медленно и небольшими группами. В латенское время полуостров Ютландию, бывшую одним из важнейших центров германской культуры, населяли прекрасно известные римлянам племена кимвров, тевтонов и амвронов, а вместе с ними англы, варны и авионы — именно о них говорит Тацит, описывая культ богини Нертус. На севере и западе Ютландии располагались, кроме того, племена, переселившиеся с запада Скандинавии, — виндилы (вандалы) и харуды — вся эта территория была захвачена данами лишь в V в. н. э.

Об отдаленных скандинавских племенах римляне писали меньше, чем об остальных. Тацит упоминает лишь свионов, а Плиний — гиллевионов (с их 500 пагов). Птолемей называет к тому же гаутов и леонов. В VI в. Иордан говорит уже о 25 племенах — свеях, данах, теустах, гаутах, гравиях и пр.

Природные условия Скандинавии были сравнительно неудобны для развития хозяйственной деятельности, да и сами местности, пригодные для поселения, были ограничены и разобщены рельефом страны. Начиная с давних пор это имело следствием переселение племен (или частей племен, ибо многие названия в Скандинавии исключительно стабильны и свидетельствуют о сохранении части населения на старом месте) в глубинные континентальные области и в восточные приморские районы.

Вопрос о времени переселения германских племен на восточные территории является спорным. Ряд немецких археологов относят первую волну подобного переселения из Скандинавии и глубоких континентальных районов ко времени до конца VII в. или даже до 1000 г. до н. э. Граница между западными и восточными германцами, по их мнению, должна была проходить в районе устья Одера, а сами восточные германцы распространились на юге до Силезии, а на востоке до Вислы. Новейшие археологические изыскания в польских землях не подтверждают этой гипотезы — здесь с эпохи бронзы до железного века господствовал вариант культуры полей погребальных урн — лужицкая культура, достаточно однородная и, по всей видимости, не испытавшая серьезных влияний извне. Кроме того, упомянутая теория не объясняет факта исчезновения германских племен на этих территориях к тому моменту (III—II вв.), когда состоялось исторически засвидетельствованное и бесспорное переселение части германских племен в области между Одером и Вислой.

Крупнейшим народом, уже жившим к I в. н. э. по побережью Балтийского моря между этими реками, были готы. История готов известна нам по сочинению Иордана, опиравшегося на несохранившийся труд

Кассиодора (начало VI в.). Как передает Иордан, сами готы считали, что прибыли на эту землю с большого острова Скандза (древние авторы также долго считали Скандинавию островом). Их родину Иордан называет «мастерской племен». Вел готов, прибывших «через океан» на трех кораблях, их король Бериг. Факт переселения готов из Скандинавии не вызывает сомнений, что подтверждает долго сохранявшееся там племенное название гаутов. Именно с территории, занимаемой в историческое время этим племенем (Южная Швеция), а не с острова Готланд, как полагал Г. Коссинна, шел поток миграции. На своих новых землях готы сидели недолго: при пятом после Берига короле они покинули их и отправились на юг, где были потом основаны два самостоятельных готских королевства — Остготское и Вестготское.

Появившись на Балтике, готы столкнулись с прибывшими туда ранее другими германскими племенами. Среди них Иордан обращает особое внимание на вандалов, известных античным авторам под названием вандили (Плиний распространяет это понятие на восточных германцев в целом). Тацит, который говорит об этом племени как об одном из древнейших, известных по имени, тем не менее не упоминает вандалов в соседстве с готами — их место занимают у него лугии. Иногда это племя отождествляют с вандалами, другие ученые приписывают лугиям кельтское происхождение (ср. кельтский бог Луг). В. Жирмунский полагает, что под лугиями надо понимать племенной союз с кельтами во главе, в который входили и вандалы-германцы. В III в. лугии откочевывают к нижнему течению Дуная. Вандалы пришли в район нового поселения со своей родины на северной оконечности полуострова Ютландия и включали в себя различные племенные образования — силингов, хаздингов и пр.

Кроме вандалов, на описываемой территории в это время проживали также гепиды и бургунды. Первые, по наиболее распространенному мнению, представляли собой отколовшуюся часть племени готов. Гепиды дольше готов задержались на побережье Балтики и лишь во второй половине III в. последовали за ними на юг. Несклько странно, что у Иордана не сохранилось памяти о бургундах, которых упоминают Плиний и Птолемей, помещая их между Одером и Эльбой. Точное место их первоначального расселения в Скандинавии остается неизвестным, а последующая судьба бургундов ввиду их наиболее западного положения тесно связалась не с восточной, а с западногерманской группой племен. В этой связи надо сказать, что переселение из Скандинавии не шло исключительно в восточном направлении. К вторгшимся во времена Цезаря в Галлию свевам присоединились племена харудов и эудуизев, жившие изначально в Ютландии. Эти племена, как и лангобарды, полностью ассимилировались с западногерманскими народами, утратив свои языковые особенности. Лангобарды, позже осевшие на нижней Эльбе, поблизости от саксов, также пришли с севера Ютландии, где, по сообщению ряда источников, активно воевали с вандалами. Таким образом, германские племена, область распространения которых к началу нашей эры была ограничена кельтами на западе и юге, а также балтами на востоке, переживали к этому времени период интенсивной внутриплеменной жизни и миграций.

Какой путь прошли в своем развитии германские племена ко времени Плиния и Тацита, оставивших наиболее подробные описания не только их расселения, но и внутреннего устройства? Выше уже говорилось, что археологически граница расселения германских племен прослеживается, в частности, по крайней линии распространения опидумов, безусловно принадлежавших племенам кельтским. Одно это говорит об особенностях предшествующего развития на тех и других территориях. С конца галльштатского и до конца латенского времени кельтское обще-

ство в своем развитии прошло несколько фаз: выделялись различные прослойки господствующего класса, бурно развивалось ремесло и экономика в целом, подводящая кельтов на обширных пространствах к городскому устройству, широкие миграции способствовали развитию новых общественных институтов. Германские территории развивались иначе. Их жизнь характеризовалась несравненно большей степенью экономической и социальной застойности.

В течение всего латенского времени у германцев господствовала чисто аграрная экономика и социальное расслоение было выражено еще довольно слабо. Это хорошо видно на материале большинства германских погребений той эпохи. Они довольно регулярно встречаются практически на всей германской территории, исключая как раз север Ютландии, где сделаны лишь случайные находки (в основном votivных предметов на болотах). Большинство германских погребений латенского времени следуют обряду трупосожжения и нередко объединены в большие могильники, где могут преобладать захоронения, почти не имеющие никакого погребального инвентаря, тогда как другие его имеют, хотя и относительно немного. Некоторые погребения с оружием (весьма просто украшенным) могут указывать на начало выделения из массы свободных слоев военной верхушки. Материальная культура германцев ранней эпохи не отличается особым богатством и разнообразием. Все известные типы фибул, оружия и пр. исполнены технически не особенно совершенно и тесно связаны со своим функциональным назначением. Правда, отдельные находки (к примеру, бронзовые и серебряные котлы из Гундеструпа и Ринкеби) резко выделяются богатством и мастерством исполнения, но в подобных случаях мы имеем дело не с местным производством, а с кельтским импортом. Можно предположить, что он еще вполне удовлетворял потребностям начинающей выделяться и пока еще немногочисленной прослойки знати. Германцы не знали ничего подобного дворам кельтских князей гальштаттского и начала латенского времени, предъявлявшим спрос на многочисленные местные и привозные изделия ремесленников.

Конечно, нельзя говорить о полном отсутствии ремесленного производства в германских землях, но продукция ремесла была еще не слишком разнообразна, а технически и художественно она зависела от кельтского производства. Об этом можно судить как по отдельным находкам (щиты кельтского типа из Хйортспринг), так и по более массовым предметам — фибулам, наконечникам копий. Последние в отличие от кельтских образцов нередко бывали украшены магическими знаками. Достижения художественного ремесла демонстрирует керамика, среди которой встречаются даже образцы с антропоморфным и зооморфным орнаментом (урна из Крагхеде на территории Ютландии). Однако и здесь приходится скорее говорить о заимствовании мотивов во всех случаях, когда они выходят за пределы варьирования геометрического орнамента. Жилища ранних германцев, селившихся, по словам Цезаря, «родами и родственными группами», обследованы еще далеко не достаточно.

Важной эпохой в жизни германских племен оказались II—I вв., подготовившие те изменения в общественной структуре германцев, свидетелями которых стали античные авторы. В работе «К истории древних германцев» Ф. Энгельс определял социальный строй германских племен около рубежа нашей эры как военную демократию. Опираясь на свидетельства античных авторов, можно восстановить детали ее функционирования.

По отношению к германским племенам латинские авторы употребляли слова *populus*, *gens*, *civitas*. Во времена Цезаря и Тацита это были еще сравнительно небольшие объединения, которые нельзя смешивать с возникшими гораздо позднее значительными союзами племен. Внутри

племени были актуальны кровнородственные связи, но родство могло осознаваться и в пределах больших территориальных групп племен, связанных легендами об общем происхождении и совместным культом. Основой племенного строя германцев были общинные отношения, осуществляемые внутри мелких родовых объединений, совместно владевших и обрабатывавших землю. Обычным явлением, по свидетельству как Цезаря, так и Тацита, был периодический передел земли, совершавшийся под контролем старейшин. Между тем Цезарь отмечает, что германцы мало занимаются земледелием и потребляют главным образом молоко, сыр и мясо. Тацит (гл. 15) добавляет к этому, что взрослые и способные носить оружие мужчины вообще не работают на земле, оставляя это занятие женщинам, старикам и болезненным людям. Скотоводство, охота и война были основным занятием мужчин.

В военном деле, по свидетельствам латинских авторов, германцы достигли большого совершенства и отличались храбростью, далеко превосходя в этом смысле галлов. Взрослые мужчины и осуществляли высшую власть в племени, принимая участие в народном собрании — тинге, состоявшемся из представителей родовых объединений. Как сообщает Тацит (гл. 22), существовал и другой орган — совет старейшин, разбиравший относительно мелкие дела. Власть старейшин, которых старались выбирать из одной и той же семьи, постепенно становилась наследственной — это имеет четкие параллели в племенном устройстве кельтских племен Британских островов.

Рядом со старейшинами издавна существовали военные вожди (лат. *dux*), сначала мало выделявшиеся из массы свободного населения, но постепенно занимавшие среди него все более заметное место. Их выбирали «по храбрости» в отличие от королей, которые должны были быть благородного происхождения. Вожди формировали свои дружины, которые в противоположность племенному ополчению стали носить регулярный характер и формироваться не по признаку родовой принадлежности, а на основе добровольной верности предводителю. Такие дружины играли заметную роль при миграциях больших масс населения. Вожди и по крайней мере часть их дружины пополнялись из постепенно выделявшейся прослойки знати. В обществе все больше развивается неравенство, патриархальное рабство, хотя во времена Тацита оно еще не играло большой роли в хозяйстве.

Происшедшие в германском обществе сдвиги четко фиксирует археология. Появление военных вождей крупных образований (таких, как Ариовист, Арминий, Маробод и др.) заметно на материале погребений, в особенности одной серии из них, начало изучения которой было положено в 1908 г. после открытия в Померании, у местечка Любсов, германского захоронения начала эпохи Империи. Покойник был захоронен под большим курганом, имевшим каменное основание, и помещен в выдолбленный ствол дерева. При нем находились разнообразные и дорогие вещи: фибулы из золота римского производства, заколки для волос, германские серебряные изделия, бронзовые сосуды и рога для питья, украшенные серебром. И сам способ захоронения, и богатый инвентарь отличали эту могилу от погребений обычного типа, описанных выше. Здесь труп покойника не был сожжен и захоронен в общем могильнике, которые обычно бывали неглубокими. В ближайшие же годы после открытия захоронения были найдены еще два подобных ему по близости, а в 1925 г. — снова два погребения несколько поодаль, которые все вместе получили название «княжеских захоронений». Кроме предметов, подобных перечисленным, в них были найдены бронзовые и стеклянные сосуды прекрасной римской работы. Любсов — первый известный в Германии центр ремесленного производства при поселении знати, но для императорской эпохи он отнюдь не единственный. Множество княжеских

погребений подобного типа обнаружено на всей территории страны, особенно в приморских районах, восточной Ютландии и зelandских землях. Согласно принятой хронологии они прослеживаются от 1—50 гг. до 200—300 гг. Хронологическая канва для первых веков нашей эры была намечена главным образом на основе классификации археологического материала, предпринятой археологом Альмгренем.

Распределение княжеских захоронений раннеимператорского времени довольно точно соответствует информации письменных источников. Так, будучи в разных количествах распространены по всей Германии, они отсутствуют в районах между Рейном и линией Эльба — Зале. Исключением являются два богатых погребения близ Марвельда, на территории, которая должна была принадлежать лангобардам. Наличие королевской эласты у лангобардов зафиксировано рядом авторов, тогда как жившие западнее племена хавков, сикамбров, херусков, хаттов и пр. не знали королевской власти, для их социальной организации характерны были более ранние типологические формы. Вообще можно думать, что роль военных вождей возрастала там, где был сильный миграционный импульс, — этим объясняется, по-видимому, концентрация богатых захоронений в Ютландии.

Письменные источники подтверждают и рост к началу I в. н. э. богатства и могущества знати. Весьма красноречиво свидетельство «Ангелов» Тацита (II, 62—63), где речь идет о восстании гота Катувальды против Маробода и его походе на территорию маркоманов. После того как была захвачена королевская резиденция и укрепленное поселение, там были найдены богатства, когда-то награбленные свевами, а также товары римских торговцев, которые, соблазнившись наживой, забыли свою родину и обосновались во вражеской стране. Возможно, что именно подобными торговцами и были привезены прекрасные сосуды из бронзы, которые в изобилии встречаются в германских захоронениях Богемии. Показателен и тот факт, что поселения усилившихся во время походов и завоеваний правителей вскоре становились центром притяжения торговли, в частности с Римом, которая практически отсутствовала в предшествующий период, характеризовавшийся постепенным нарастанием мобильности и силы германских миграций.

На западе и юге эти миграции столкнули германцев с кельтами и римлянами, которые сумели сдержать их на длительное время. Столкновения с кельтами в некоторых районах были ожесточенными, а в других приводили к союзам и этническому взаимопроникновению.

Первыми крупное нашествие германского племени кимбров отразили около 113 г. до н. э. бойи — кельтское племя, которое в этой связи в античной традиции упоминается как племя, живущее на территории нынешней Чехии. Затем в союзе с тевтонами и другими племенами кимбры двинулись к западу и, создав реальную угрозу самой Италии, были разгромлены римлянами лишь в 101 г. до н. э.

Показательна история племени свевов и их вождя Ариовиста. В 72 г. до н. э. отряды свевов проникли на территорию Галлии, но здесь они уже выступали в политическом союзе с галльским племенем секванов и другими мелкими племенами, которые хотели освободиться от власти эдуев — крупного племени, находившегося в дружественных отношениях с Римом. В 61 г. эдуи терпят серьезное поражение, а римляне, занятые подавлением восстания кельтского племени аллоброгов, не могут оказать им помощь. Именно тогда сенат при посредстве Цезаря решает временно примириться с Ариовистом, дав ему титул «Правителя германцев» и объявив его другом римского народа. Между тем Ариовист, чьи военные силы постоянно возрастали за счет пополнений из-за Рейна, начинает требовать все большей поддержки от своих союзников — секванов. Как следует из «Записок» Цезаря, сами галлы счи-

тали, что если не положить конец вторжению, то скоро все галлы будут изгнаны из своей родины и все их земли отойдут германцам. Из этого вытекает особая значимость Рейна как границы, что впоследствии очень четко осознал Цезарь.

Имея законные основания для вмешательства — официальную просьбу совета галльских племен и дружественных Риму эдуев, Цезарь требует от Ариовиста прекратить военные действия против эдуев, не вводить новые силы из-за Рейна и вернуть полученных заложников. Ариовист, ссылаясь на свое право победителя и отказываясь признать права третьей силы в своем споре с эдуями, отвергает требования Цезаря и тем самым провоцирует открытое столкновение. С территории племени лингонов, где он тогда находился, Цезарь направляет свои войска к Рейну. В это же самое время основные силы свевов пересекают Рейн и двигаются по направлению к Везонтию (совр. Безансон), главному оппидуму секванов. Однако Цезарю удается первому прибыть сюда, и он легко преодолевает сопротивление небольшого свевского гарнизона крепости. Во время стоянки в крепости секванов войска Цезаря едва не поддаются панике, наслушавшись от местных жителей и торговцев рассказов о необычайной смелости и дикости германцев. Цезарь пишет, что многие, дабы избежать столкновения, указывали на незаконный характер войны, которую он ведет против союзника Рима вопреки воле сената. Цезарю удается успокоить войска, напомнив, что именно в его консульство Ариовист стал другом римского народа, и пробудив гордость римлян, некогда победивших кимвров и тевтонов.

Наконец, армии Цезаря и Ариовиста сближаются в районе совр. Бельфора. Между военачальниками происходят переговоры, в ходе которых каждый пытается законно обосновать свои действия. Примирения, как и следовало ожидать, не происходит, и в завязавшейся вскоре битве римские легионы одерживают победу, преследуя затем свевов до самого Рейна.

Несомненно, что Цезарь был первым, кто осознал значение будущей границы империи на Рейне. Однако, прежде чем она окончательно установилась, римляне предпринимали попытки перенести военные действия за Рейн, на территорию свободных германских племен. В 11 г. до н. э. в Германию совершает поход Друз, отец императора Клавдия. Войска Друза смогли продвинуться до Эльбы, и в ознаменование его побед после смерти Друза сенат постановил присвоить ему и его потомкам прозвище Германик. Также в правление Августа удачный поход в германские земли совершил будущий император Тиберий. Одержав за Рейном ряд побед, дойдя до побережья Балтики, Тиберий захватил десятки тысяч пленных и отвел им земли на левом берегу Рейна. В 4—6 гг. н. э. Тиберий был вновь отправлен в германские земли, где требовалось укрепить границу на Эльбе и усмирить волновавшиеся племена херусков и хавков. Этого, однако, не удалось осуществить, ибо в тылу у римлян, в Паннонии, разгорелось необычайной силы восстание.

Все достигнутые успехи римлян были фактически сведены на нет неудачей, постигшей 2 августа 9 г. войска Квинтиллея Вара. В этот день возвращавшиеся под его командованием в зимние лагеря легионы были разгромлены в Тевтобургском лесу (Вестфалия) вождем херусков Арминием. По словам Светония, это поражение было трагическим: погибли три легиона с легатами и всеми вспомогательными войсками. Этот день Август каждый год «отмечал трауром и скорбью». Как бы то ни было, поражение Вара положило конец попыткам римлян вести активную политику на территории свободных германских земель и предопределило роль Рейна как границы Римской империи. Походы Тиберия в Германию в 10—11 гг. ничего изменить не могли. Ряд выигранных Германиком в 14—16 гг. сражений между Рейном и Эльбой был явно недостаточен для

укрепления границы по этой реке, хотя, по свидетельству «Анналов» Тацита (II, 22), Германик, сын Друза, и объявил свою армию «победительницей всех народов между Рейном и Эльбой».

Спорадические столкновения римлян и германцев продолжались в течение всего I в., к 80-м годам которого окончательно определилась граница между римскими провинциями и свободными германскими землями. Она прошла по Рейну и так называемому лимесу, укрепленной полосе с фортификационными сооружениями и наблюдательными башнями, вдоль которой были расквартированы войска. Длина этой линии, соединявшей Рейн с Дунаем, составляла 555 км. В то же время по левой стороне этой границы были организованы две провинции: Нижняя и Верхняя Германия, на территории которых проживали племена как германского, так и кельтского происхождения. Специфика развития этих провинций заключалась в том, что оно зависело прежде всего от присутствия войск и сельскохозяйственного производства, необходимого для их снабжения. За исключением Колонии Агриппины (совр. Кёльн), когда-то одного из лагерей Друза, города в этих районах развивались медленно.

Часто встречающееся выражение, что Рейн и лимес отделили историю от праистории, неверно в двух смыслах. Во-первых, социально-экономическое развитие на свободных германских территориях шло достаточно быстрыми темпами, во-вторых, связи между римскими провинциями и этими землями не прерывались, а продолжали постоянно развиваться. Несмотря на то что по обе стороны лимеса в эпоху Империи сложилась и продолжала существовать совершенно противоположная структура общества, между ними не прерывались традиционные торгово-экономические связи и зарождались новые. Последнее связано прежде всего с приближением к варварским землям центров римского провинциального производства, расположенных ранее на значительном удалении. Выше говорилось об укреплении позиций знати в предшествующую эпоху и соответственно увеличении спроса на разнообразные предметы импорта, проникновение которых не могло не стимулировать и местное производство. Определить провинциальные центры ремесла и торговли, откуда поставлялись товары в глубь варварских территорий, значительно проще, чем конкретные пути, по которым они проникали. Устройство регулярной границы и лимеса, без сомнения, изменило сеть торговых путей прошлого, однако не могло не создать новых точек контакта. Их специфика определялась прежде всего тем, что вблизи границы сеть дорог дроблагалась главным образом с учетом военных надобностей. О том, какие дороги примыкали к хорошо известной римской сети путей с другой стороны границы, можно только догадываться, однако, как показывает распределение археологических находок внутри свободных от римлян территорий, эти дороги были достаточно постоянными.

Из Колонии Агриппины на рейнской границе и Карнунта на лимесе продукты провинциального производства проникали, с одной стороны, в Тюрингию, в район между Везером и Эльбой и, с другой — в междуречье Одера и Вислы. К Висле, кроме всего прочего, вели пути по Днестру и Бугу. Из устья Одера товары проникали в Зelandию, на север Ютландии и в Скандинавию, куда вели также морские пути, шедшие вдоль побережья. Как установлено, по рекам товары продвигались не только вниз по течению, но и вверх, достигая при этом глубинных территорий. Важным посредническим звеном в торговле была до I в. н. э. Богемия, где сращивались важнейшие торговые пути.

Известно, что торговля римских провинций и варварских земель была взаимовыгодной и многие племена имели специальную привилегию свободы посреднической торговли. Ею пользовались, например, хермондурцы, занимавшие территорию к северу от верхнего течения Дуная до Тюрин-

гии. Они вели торговые операции по обе стороны реки и даже проникали в глубь провинций до тех самых пор, пока Марк Аврелий не стеснил их свободу после вторжения квадов и маркоманов. Ряд германских племен поставлял в провинции продукцию своего хозяйства — фризy и батавы, например, переправляли в прирейнские области скот. В обратном направлении шли в больших количествах керамика, изделия из металла, предметы роскоши. Некоторые из них попадали во внутренние территории в составе захваченной добычи, хотя в I и во II вв. мирные отношения в приграничных землях были скорее нормой.

Контакты с романизированными территориями играли немалую роль в развитии древнегерманского общества, однако не меньшее значение имел сам факт политической стабилизации окружавших германцев земель, замыкание их в определенных границах. Это способствовало прекращению миграций и ускорило переход к большей оседлости племен, длившийся около двух столетий. В течение этого времени в жизни германского общества происходят важные сдвиги: развиваются земледелие и частная собственность на землю, резко возрастает плотность населения. Конкретные пути складывания крупных племенных союзов практически нам неизвестны, в частности из-за скудости источников, освещающих важный в этом отношении II в. Однако даже чисто теоретически союзы племен могли возникать лишь на основе более мелких родственных образований, связанных легендами об общем происхождении, территориальной близостью, совместными культовыми традициями.

При этом структура каждого подобного союза отличалась своими особенностями. Иногда племенные союзы поглощали не только этнически близкие, но и далекие племена, которые могли иметь в пределах объединения разную степень самостоятельности. Как сообщают источники, нередко бывало, что внешние поглощенные мелкие объединения управлялись тем не менее собственными вождями и сохраняли сознание своей обособленности. Они обычно теряли древний этноним, и на них распространялось имя всего крупного объединения. Так появлялись новые этнонимы: алеманны («все мужи»), франки («свободные») и т. д. Некоторые крупные и известные племена и после II в. сохраняли свою самостоятельность и название: лангобарды, хатты, фризy, маркоманы. При этом они нередко старались укрепить свои позиции в новых условиях путем включения более мелких родовых групп. Сам по себе факт консолидации племен в крупное объединение не нов для германцев, однако до описываемого времени катализатором подобных объединений были миграции и военные походы. Раньше всего крупные племенные союзы возникли у восточных германцев; разноплеменными были и войска Ариовиста и маркоманского вождя Маробода, захватившего в начале нашей эры земли кельтского племени бойев. Действительно новым теперь было то, что военные союзы племен возникали скорее как результат внутреннего развития общества и являлись не следствием, а предпосылкой крупных передвижений народов и военных походов.

Конец относительному спокойствию на западных и южных границах римских провинций был положен маркоманскими войнами (166—180 гг.), в ходе которых Рим пытался устранить постоянную опасность, которая исходила от этого крупного племенного объединения. В начале III в. в движение приходит большая группа племен, называвшая себя новым именем алеманнов. Они появляются между Майном и Неккаром у лимеса и пытаются прорвать эту укрепленную линию, что им и удается к середине III в. Прорвав оборону римлян, алеманны укрепляются на «десятинных полях», а к середине IV в. атакуют границу на Рейне и переправляются через эту реку. Продвижение германцев становится необратимым явлением.

2. ДУНАЙСКИЕ ПЛЕМЕНА И ИХ ВОЙНЫ С РИМОМ

После того как Дунай при Августе стал границей империи, римляне столкнулись с множеством племен, обитавших за Дунаем. Безопасность дунайских провинций римляне пытались обеспечить не только посредством строительства укреплений, но и путем политики создания зависимых от Рима клиентских государств. В нашем распоряжении нет ни одного договора о клиентеле, в котором с государственно-правовой точки зрения были бы описаны отношения римлян и варварских государств. Эти свидетельства вырисовываются из тех черт и деталей, которые сохранились в свидетельствах древних авторов или в эпиграфических памятниках.

Клиентские государства брали на себя обязательство либо не пропускать через свои земли двигавшиеся к Дунаю и Рейну племена, либо разрешать свободный проход римской армии, которая могла ударить в тыл воюющим с Римом народностям. Они были обязаны оказывать римлянам помощь поставкой продовольствия, а в отдельных случаях — воинских контингентов, не вступать в союзы против римлян и не вести военных действий против клиентов Рима. Племена могли позволить римлянам строить военные крепости и сооружать дороги в прилегающей к лимесу пограничной полосе. В свою очередь, римское правительство обязывалось выплачивать царям таких клиентских государств денежные субсидии, а также поддерживать царя и знать. Римляне могли потребовать низложения неугодного Риму царя, заменив его римским ставленником. В то же время клиентские государства сохраняли собственное государственное устройство, свои формы жизни и свое право, но они подвергались римскому давлению в случае проведения неугодной Риму политики. Римский лимес как укрепленный рубеж, «отделявший римлян от варваров», по мере развития торговых и культурных связей с племенами приобретал все более «многофункциональный» характер. Дунай, естественный рубеж на севере империи, стал жизненно важной торговой дорогой, а также военно-стратегическим маршрутом.

За Дунаем обитало множество племен — германских, кельтских, сарматских, дакийских, с которыми империя вела частые и длительные войны. Уже в правление Августа на мёзийском берегу Дуная было поселено 50 тыс. даков и гетов. Наместник Мёзии в 62—67 гг. н. э. Тиберий Плавтий Сильван Элиан переселил в провинцию более 100 тыс. человек из задунайских племен (*transdanubianos*) с их женами и детьми, вождями и царями с обязательством уплаты налога за предоставленную им в провинции землю (CIL, XIV, 3608). Переселение последовало вследствие давления сарматов. Их перемещение из северопричерноморских областей затронуло гетов, бастарнов и даков, и проходило оно в столкновениях с племенами. Тогда из Мёзии было ввезено зерно в Рим в качестве налога и дани, полученной римлянами у племен. Тогда же на левом берегу Дуная появились роксоланы, сарматское племя, подвергая Мёзию частым нападениям. Наместничество Плавтия Сильвана подготовило вхождение в состав провинции Мёзии древнегреческой колонии Тиры (совр. Белгород-Днестровский). Возможно, что уже ранее, в 57 г. н. э., Тира получила от Рима статус свободного и союзного с Римом города.

Но наибольшую опасность представляло объединение даков под властью Децебала. В правление Домициана римское правительство попыталось поставить даков в положение клиентов римского государства. Даки и их союзники — бастарны и роксоланы — вторглись через замерзший Дунай в провинцию Мёзию в 86 г. и захватили большую ее часть. В битве погиб наместник провинции Гай Опций Сабин. Ведение войны было поручено прибывшему из Рима префекту претория Корнелию Фус-

ку, командовавшему преторианцами — императорской гвардией. На театр военных действий прибыл император Домициан; его главной квартирой был Наисс (ныне Ниш). В Мёзии действия Фуска развивались успешно и ему удалось очистить захваченную часть страны. Но когда римское войско перешло Дунай и вступило в области даков, двигаясь в направлении их столицы Сармизегетусы, даки напали на римлян. Римское войско было полностью разбито в карпатских теснинах. В битве пал и Корнелий Фуск, был уничтожен весь легион V Alaudae (Жаворонки), в руки даков попал военный штандарт легиона — серебряный орел. Второе наступление римлян началось в 88 г. Новый префект претория, Теттий Юлиан, перешел Дунай у Виминая и двинулся в направлении на Тибиск. При Тапах (Трансильванские железные ворота), западном подходе к столице Децебала, римляне одержали решительную победу.

В 89 г. был заключен мир с даками. Децебал выдавал римлянам часть захваченного оружия и пленных. Римляне обязались выплачивать ему ежегодные денежные субсидии, как своему клиенту, и предоставлять в его распоряжение «всевозможных ремесленников мирных и военных специальностей»; царю были посланы богатые подарки. Децебал не должен был вести военных действий против своих соседей. Так как римляне находились в это время в состоянии войны с германскими племенами и сарматами-языгами, затронувшей провинцию Паннонию, Децебал предоставлял римской армии свободный проход через свое царство, чтобы римляне с тыла могли напасть на эти племена.

Благоприятные для даков условия мира и ежегодная дань дали Децебалу возможность построить укрепления с помощью римских мастеров и обучить свою армию, привлекая римских специалистов. Он продолжал принимать у себя перебежчиков и старался объединить вокруг себя недовольные Римом племена. Одни из племен признали его власть, повинаясь силе, другие — добровольно.

В правление Траяна были предприняты меры к готовившейся войне с даками. На правом берегу Дуная, в горной области Югославии, напротив Дакии были построены дороги и судоходный канал.

Весной 101 г. римская армия в сопровождении флота собралась в Верхней Мёзии, в Виминаях. В качестве наемников были сформированы контингенты из языгов, квадов и маркоманов. Римляне выступили двумя колоннами. Одна армия под командованием самого императора перешла Дунай по мосту, составленному из судов, у Ледераты, другая армия под командованием Мания Лаберия Максима перешла Дунай у Дьерны. Обе армии должны были соединиться у Тибиска и, форсировав р. Бистру, выйти к Тапам. Столица Децебала Сармизегетуза лежала высоко в горах, и достигнуть ее можно было только через ущелья в Южных Карпатах.

Какие-то союзники даков, остающиеся неизвестными, предприняли в 101 г. отвлекающие действия в дельте Дуная и вторглись в провинцию Нижнюю Мёзию. Они захватили не только незащищенные местности провинции, но и воинские лагеря и укрепления. В Нижней Мёзии римляне сначала разбили в конном сражении союзников даков, а затем и их самих. После очищения Нижней Мёзии Траян отправился в Дакию. Здесь обе римские армии вступили в большое сражение с даками у Тап. Оно было столь кровопролитным, что в римской армии не хватало перевязочных средств и император распорядился разорвать на бинты собственные одежды. На месте битвы был сооружен алтарь, на котором ежегодно должны были совершаться жертвоприношения в честь павших в этом сражении римлян. События первого года войны закончились приемом посольства даков.

Летом 102 г. римские армии начали продвижение к столице даков через проходы в Южных Карпатах, пытаясь захватить Сармизегетузу в клещи.

Армия под командованием Траяна, в жестоких сражениях захватывая одну вершину за другой, продвигалась к Сармизегетузе. Армия Мания Лаберия Максима действовала в Олтеннии. Тогда Децебал послал к Траяну посольство из знатных даков. Но он не явился на переговоры сам и послал своих посредников. Была захвачена крепость Апул, где были найдены военные машины, оружие, римские пленные и legionный орел, захваченные даками в войну Домициана. В сражении на подступах к столице даки были разбиты. Децебал был принят Траяном в военном лагере и согласился на все условия римлян. Децебал обязывался выдать оружие, осадные машины, военных мастеров, перебежчиков, срыть крепости и очистить завоеванную часть страны — часть Баната и Олтеннии. Отныне он должен был следовать в русле римской политики и считать своими врагами и друзьями тех же лиц, что и римляне, не предоставлять убежища перебежчикам и не использовать дезертиров из римских войск против Римского государства. Оставив гарнизоны в захваченных римлянами областях, Траян осенью 102 г. отправился в Италию. Он первый из римских императоров был удостоен от сената победного титула *Dacicus Maximus* — Величайший Дакийский.

Мир, заключенный с даками, не был прочным. Децебал продолжал открыто набирать войска и добровольно или силой собирал вокруг себя для борьбы с Римом соседние племена. Он восстановил стены срытых им по условиям мира крепостей и захватил часть земель языгов, союзников римлян. В ответ на это римский сенат объявил Децебалу войну. Между 103 и 105 гг. архитектором Аполлодором Дамасским был построен огромный, длиной свыше километра, каменный мост через Дунай у Дробеты.

Вторая война была начата нападением даков на римские укрепления на дороге Дробета — Дьерна. Римская армия перешла Дунай по мосту Аполлодора. Движение к столице Децебала происходило из Баната через Трансильванские железные ворота, из Олтеннии долиной р. Жиу через ущелье Сурдук и долиной Олт через ущелье Красной Башни. Война отличалась большим напряжением. Децебал упорно сопротивлялся римлянам, используя всякую возможность добиться победы. Он захватил в плен Гая Кассия Лонгина, одного из высших римских офицеров, который знал план намеченной кампании. Все попытки вывести у него этот план оказались безуспешными. Достав яд у своего отпущенника, Лонгин покончил с собой. Децебал пытался убить Траяна, подослав к нему римских перебежчиков. В руки римлян попала сестра Децебала. Римляне требовали от даков безусловной капитуляции. Сармизегетуза была взята в результате длительной осады с помощью военных машин и осадных сооружений. Децебал с оставшимся у него войском бежал на восток страны и продолжал некоторое время сопротивляться, но, опасаясь быть захваченным в плен, пронзил себя мечом (Дион Кассий, LXVIII, 14, 3).

В войнах с Римом погибло множество даков. Многие даки покинули свою страну. Траян привез в Рим (в числе прочей огромной добычи) 50 тыс. отличных воинов вместе с оружием. По свидетельству древних, «Траян, завоевав Дакию, переселил туда со всего римского мира огромное множество людей для возделывания полей и заселения городов, ибо Дакия в результате длительной войны с Децебалом лишилась своего мужского населения» (Евтропий, VIII, 6). И хотя все население страны не могло быть ни уничтожено, ни уведено в плен, опустошение Дакии было весьма значительным. Рабы из пленных даков и их союзников, а также из других обитавших в Дакий племен попали тогда в Италию и в римские провинции. В честь победы над даками Траян дал римскому народу грандиозные игры. В 113 г. в Риме была построена колонна Траяна, воспроизводившая события этой войны. Колонна сохранилась до сих пор.

Дакийские племена, создавшие под властью Децебала крупное объединение, постигла та же участь, что и многие другие племена и народы тогдашней Европы, когда их непрочные государственные образования не смогли противостоять римской агрессии, а земли этих племен были преобразованы в римские провинции. Имеющиеся в распоряжении современной исторической науки данные не позволяют считать государство даков ни раннеабсолютистским, ни эллинистической монархией. Общество даков переживало далеко зашедший процесс разложения первобытнообщинного строя, сопровождавшийся социальной дифференциацией, а также формированием наследственной царской власти, стремившейся установить политическое господство над союзом родственных племен.

Самыми тяжелыми из войн явились Маркоманские войны (167—180 гг.). Эти войны затронули все дунайские провинции — от Реции до Мёзии. Война была начата пограничными народами вследствие давления на них племен, выступивших из глубинных областей Европы. Большинство этих племен обитало в областях за лимесом. Хавки жили западнее Нижнего Рейна, в долине р. Везера. Хатты занимали области Нижнего Майна. В областях Чехии и Моравии жили маркоманы и квады, севернее Реции, у истоков Эльбы, — гермундуры и наристы. В горах Словакии и по течению ее рек обитали котины, озы и буры. У восточных границ Дакии находились роксоланы, северо-восточнее — костобоки. Устье Дуная занимали бастарны и певкины. Виктуалы, асдинги, лакринги, лангобарды, убии выступили из областей, расположенных по нижнему течению Эльбы, Одера, Вислы. Аланы пришли из северопричерноморских областей.

Дунайская граница на всех ее участках подверглась нападению почти одновременно, так что война расценивалась древними авторами как подобие заговора, составленного варварами против Рима от пределов Иллирика до Галлии. Война оказалась длительной и заняла несколько лет. Квады и маркоманы прорвались в Северную Италию, осадили Аквилею, сожгли Опитергий (ныне Одерцо) и угрожали Вероне. Костобоки прошли через Дакию, вторглись в правобережные провинции и достигли Греции, где разрушили знаменитое святилище Деметры, построенное при Перикле. В глубоком тылу империи были сооружены военные укрепления для защиты Италии и Альпийских проходов. Было предпринято строительство сети укреплений от предгорий Альп до Черного моря и обнесены стенами и башнями города внутренних провинций. В Италии были сформированы два новых легиона — II и III Итальянские, которые были отправлены на дунайский фронт, а по окончании войны размещены в Реции и Норике. В Риме набирали войска из рабов, гладиаторов и менее романизированных слоев населения провинций. В деньги были переданы по распоряжению Марка Аврелия золотые сосуды императорского дворца, проданы картины, статуи и драгоценности императрицы. К бедствиям империи добавилась чума, занесенная римской армией с Востока.

Главной базой римлян стала Паннония. Марк Аврелий провел здесь несколько лет, воюя против квадов и маркоманов из Карнунта, где он оставался три года (172—173) и где начал писать свое известное философское сочинение «Размышления», и против сарматов — из Сирмии в 173—175 гг. Наступление римлян на вражеской территории началось только в 172 г. Рельефы колонны Марка Аврелия, сохранившиеся до сих пор в Риме, воспроизводят события войны, начиная с этого года.

В 167 г. 6 тыс. лангобардов и убиев прорвали лимес Нижней Паннонии и глубоко проникли в провинцию. Виндобона, Карнунт, Бригедон (ныне Сень), Аквинк были частично разрушены. Верхнепаннонского войска в количестве 20 тыс. человек было уничтожено в 170—171 гг. К северо-западной границе Дакии подошли племена вандалов — асдинги и лакринги. Языги нападали на западе, роксоланы и костобоки — на вос-

токе. В числе нападавших на Дакию племен были также аланы. Северная граница Дакии подверглась нападениям буров. У западных границ Дакии варвары проникли в золоторудный район провинции. Здесь опустошения были столь значительными, что из строя надолго вышли золотые рудники в Ампеле и в Альбурне Большем. На 169—170 гг. для Дакии и Верхней Мёзии было введено единое наместничество, чтобы объединить войска обеих провинций. Первым наместником, стоявшим во главе Дакии и Верхней Мёзии, был Марк Клавдий Фронтон. Он пал в битве с сарматами и германцами в 171 г. В связи с гибелью наместника в Дакию прибыл император Марк Аврелий.

В 171 г. асдинги и лакринги вместе с женами и детьми подошли к границам Дакии и просили разрешения поселиться в ней. Вначале вандалам было в этом отказано. Тогда асдинги, поручив своих жен и детей наместнику Дакии, напали на костобоков и захватили их страну, так как большая часть костобоков была тогда в походе против римских провинций. В свою очередь, лакринги, боясь усиления асдингов, напали на них и разбили их. Тогда асдинги были приняты в пределы Дакии и поселены на северо-западе провинции. Одновременно выступили против римлян костобоки. В 171 г. они вторглись в Нижнюю Мёзию и, пройдя опустошительно через эту провинцию, а также Фракию и Македонию, достигли Греции. Против костобоков была предпринята карательная экспедиция римлян за Дунай. Возможно, римские войска тогда достигли верхнего течения Днестра. В Риме в качестве пленных или заложников оказалась царская семья костобоков.

Успешные действия римской армии за Дунаем привели к заключению мира с квадами в 172 г. Согласно договору квады не должны были давать в своей стране убежище маркоманам, военные действия с которыми еще продолжались, и вернуть римских пленных. Однако квады не выдали всех пленных и приняли в свою страну бежавших от римлян маркоманов. Они прогнали своего царя Фурция, римского ставленника, избрав царем Ариогеза.

Большую опасность представляли языги. Это сарматское племя обитало за лимесом, в северной части междуречья Дуная и Тисы, где они поселились в начале I в. н. э. Изолировав языгов от германских племен, римляне начали очищение провинций. Зимой 173/74 г. произошла битва римлян и языгов на льду Дуная. Разбитые языги бежали через Дунай. Мир с языгами был заключен в 175 г.

Опустошения в дунайских провинциях были весьма значительными. В плен были уведены десятки тысяч человек из населения этих провинций. Языги по условиям мирного договора выдали римлянам в 175 г. 100 тыс. пленных. Квады обещали вернуть 50 тыс. человек. Множество пленных выдали буры, и, очевидно, аланы возвратили 15 тыс. человек. В намерения Марка Аврелия входило создание двух новых провинций на левом берегу Дуная — Маркомании и Сарматии. В областях квадов и маркоманов были построены римские крепости. В конце войны в них стояло по 20 тыс. римского войска. Одна из таких крепостей — Лавгаррицион (на месте нынешнего города Тренчина в Словакии) — находилась севернее Дуная. Здесь стоял отряд из 855 легионеров, откомандированных от II вспомогательного легиона Нижней Паннонии. Недовольные присутствием римских крепостей в своей стране, квады решили выселиться в земли семнонов, чему римское правительство решительно воспрепятствовало. Преемник Марка Аврелия Коммод оставил эти крепости и вывел оттуда войска. В Дакии он поселил 12 тыс. «свободных даков».

По условиям мирных договоров всем племенам было запрещено селиться в пограничной полосе вдоль левого берега Дуная (шириной от 8 до 15 км), пасти здесь свой скот и обрабатывать землю. Суда языгов

не должны были плавать по Дунаю и заселять острова на реке. Квадам и маркоманам запрещалось вести войны с языгами, бурами и вандалами. Квады должны были дать 13 тыс. пехотинцев для службы в римской армии. Языги давали 8 тыс. конницы, из которых 5500 было послано служить в Британию. В Дакии, Паннонии, Мёзии, Германии, а также в Италии были поселены отдельные варварские племена. Всем племенам было отказано в торговле с римлянами, хотя ранее им разрешалось посещать римские рынки в определенные, установленные для торговли дни. Они также должны были вступать на римскую землю безоружными. Теперь эти дни торговли на берегу Дуная были отменены. Языги добились разрешения сноситься с роксоланами, проходя через Дакию и испрашивая на это всякий раз позволение наместника провинции.

Римские торговые дороги начинались на лимесе и уходили в глубь варварских земель. Одна из римских дорог в областях языгов шла из нынешнего Сегеда (античный Партискум) при слиянии Дуная и Тисы, где была римская таможенная и почтовая станция. Другая вела из Будапешта в направлении на Сольнок, Дебрецен. Дорога из Аквинка шла в области квадов, по долинам Вага, Моравы, Иполи. Большое значение имела также знаменитая «Янтарная дорога» древности, по которой с берегов Балтики поступал в империю янтарь. Она начиналась на северо-востоке Италии, в Аквилее, и проходила через города Норика и Паннонии — Эмону, Саварию, Скарбанцию, Карнунт. Из Карнунта на Дунае дорога шла в направлении р. Моравы и р. Мура длиной 600 римских миль, достигая Балтийского побережья, до племени эстиев (Тацит, Германия, 45). На Нижней Висле во Вроцлаве был перевалочный пункт. В торговле янтарем принимали участие и римляне, и племена-посредники, через земли которых следовали эти дороги. Они были важны для самих племен в их торговых и хозяйственных связях друг с другом.

Римское влияние в области духовной и общественной жизни отмечается в наличии такого типа погребений, как захоронения вождей. Эти погребения имеют отличительные признаки: бронзовые или серебряные пожитки или ножи; серебряные или золотые сосуды; серебряные или золотые предметы туалета; складные бронзовые треножки (для стульев); отсутствие железного оружия; римские сосуды из бронзы, стекла или керамики; серебряные или золотые украшения. Такое погребение производилось в погребальной камере или под курганом. Римское влияние очевидно и в импорте римских культовых изображений. Стекло в I в., как и в IV в., поступало из западных центров, из Италии и из восточных областей. Племенам разрешалось римлянами продавать все, кроме железа, оружия, зерна и соли. Племена поставляли скот, зерно и дерево. Римский спрос и влияние римской ремесленной техники вызвали развитие местного ремесла, особенно в добыче железа. Большинство монет находилось во владении племенной аристократии и происходит из сокровищ.

Сама торговля происходила в канабах, лагерных поселениях, возникавших близ римских крепостей на Дунае. Для сношений с племенами при легионах имелись военные переводчики. Экономическая жизнь в канабах была развитой и интенсивной, в значительной степени она ориентировалась на торговлю с варварской периферией. Как показывают археологические исследования канаб, их форумы были много большими, чем форумы соседних муниципиев. Ремесленное производство в дунайских провинциях было также ориентировано на экспорт в варварские государства, которые были своего рода транзитом для римских купцов в их торговле с отдаленными областями. Через них шли торговые дороги к берегам Балтики, в Восточную и Центральную Европу. Норик и Паннония играли роль транзитных баз для поставки товаров южноиталий-

ского производства в области современной Чехии, Словакии, Польши, Нижней Австрии. Изделия из бронзы образуют типичный инвентарь погребения вождей и знати племен. В поселениях квадов и маркоманов известна римская дорогая посуда. Керамическое производство учитывало потребности сарматов. Изготавливались круглые фибулы особого типа для сарматов, а также зеркала, которые производились в период всей Империи, в I—IV вв. Современные исследования римских монет, находимых в областях варваров, показывают, что у них римская монета играла ту же роль денег, что и у римлян. Не исключено, однако, что у более отдаленных от границы племен имела значение не ценность монеты, но стоимость самого металла. Содержимое монетных кладов показывает, что собирали монеты только хорошего качества.

Давление варварских племен на Дунае возросло после Маркоманских войн. В конце II — начале III в. стала перемещаться к югу группа восточногерманских племен, известная в источниках как готы. Движение готов на юг шло очевидно, в двух направлениях: одно — к границам Римской империи, другое — в области Северного Причерноморья. Перемещение готов существенным образом затронуло местное население левобережья Дуная. При своем движении на юг готы сдвинули с мест обитания одни племена и вовлекли в свой союз другие. Эти события были первыми признаками большого переселения народов, которое привело к тяжелым войнам на Дунае.

Первые войны римлян с готами начались при Северах. Император Каракалла (211—217 гг.), отправляясь на войну с Парфией, прибыл в 214 г. на Дунай. Были построены предмостные укрепления на левом берегу Дуная по линии Карнунт — Аквинк. Тогда же произошли первые столкновения с готами. На Тиру напали карпы, одно из племен, обитавших восточнее Дакии. Карпы были отогнаны от города. В 238 г. готы и карпы вторглись в Нижнюю Мёзию и напали на город Истрию. Уже в это время римское правительство выплачивало готам денежные субсидии, пытаясь обеспечить безопасность правобережных провинций. Таких же субсидий требовали карпы, в чем вначале им было отказано. На время Филиппа Араба (247—249 гг.) приходится серьезные войны с карпами, которые больше всего коснулись Дакии. Был прорван и совсем оставлен в Дакии лимес за р. Олт. В плен попала часть населения провинции. Император Деций (249—251 гг.) пытался улучшить положение в провинции. В одной из надписей он назван Восстановителем Дакий (CIL, III, 1176). При Деции полчища готов и карпов вторглись в Нижнюю Мёзию и во Фракию. В битве при Абрите римская армия была уничтожена, погибли император и его старший сын. Войска провозгласили императором наместника Нижней Мёзии Требониана Галла (251—253 гг.). Он заключил с готами мир, обязавшись выплачивать их вождям ежегодные субсидии, и разрешил готам увести за Дунай добычу и захваченных римских пленников.

Передвижение племен у границ империи и междоусобия в самом варварском мире заставляли их искать новых мест поселения на римской земле. Безопасность границ римляне пытались обеспечить созданием системы зависимых от Рима варварских государств, а также строительством укреплений на лимесе. Чтобы ослабить натиск одних племен, римское правительство принимало в пределы империи другие. Но, по мере того как на историческую арену выступали новые племенные союзы, Римская империя была вынуждена считаться с их существованием.

3. МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОН СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Сарматская культура, широко распространившаяся в I в. до н. э.—II в. н. э. в степях Северного Причерноморья и Северного Прикаспия, частично в лесостепи совр. Украины, а также в Днестровско-Прутском междуречье и на Нижнем Дунае, характеризуется смещением сарматского элемента и культурных традиций местных несарматских народов. К сарматским племенам Страбон относит язигов, сарматов — «царских» и ургов. Они появились в Северо-Западном Причерноморье во второй половине III—II в., вытеснив из западных районов Причерноморья скифов. Чуть ранее, в середине III в. до н. э., в результате активизации гетов усилилось их давление на соплеменников к северу от Дуная. Как следствие участились перемещения последних на левобережье Днестра и далее к востоку до Борисфена. Если добавить к этому перемещения скифов и сарматов вплоть до Дуная и южнее, то легко представить, сколь трудная обстановка сложилась к началу нашей эры в этом регионе. Перейдя Дон и тесня скифов в Крым, сарматы, среди которых преобладали союзы племен роксоланов, аорсов и других, — преемников савроматской и прохоровской культур степей Приуралья и Северного Прикаспия, во второй половине III в. до н. э. появились в бассейне Днепра и Буга. Декрет в честь Протогена, знатного ольвиополита конца III — начала II в. до н. э. (IosPE, I², 32), в числе варварских племен, окружавших Ольвию, упоминает сайев. Это сарматское племя не без оснований отождествляют с «царскими» сарматами Страбона (VII, 3, 17). Во второй половине III—II в. до н. э. среди сарматов Северного Причерноморья главенствующую роль, очевидно, играл союз племен роксоланов, кочевавших в центральных районах междуречья Днепра и Дона. После поражений, нанесенных роксоланам Митридатом VI Евпатором (Страбон, VII, 3, 17), ведущие позиции в скифо-сарматском мире перешли, вероятно, к языгам, ставшим в начале I в. до н. э. союзниками понтийского царя. В Протогеновом декрете говорится также о галатах и скирах, очевидно, бритолагах и, может быть, германцах или скифах, которых с запада теснили гето-дакийские племена и бастарны.

После того как в самом конце IV — первой половине III в. до н. э. в Таврике в противовес сарматской экспансии стало складываться так называемое Скифское государство со столицей в Неаполе (городище Керменчик близ Симферополя), активность скифов против соседних эллинов и сарматов резко усилилась. Скифское государство занимало центральные степные районы и предгорья Крыма, а также территорию по побережью, включая Нижнее Поднепровье. Укрепление скифской государственности в III—II вв. до н. э. связано с оседанием скифов, бывших кочевников степей, на землю и переходом к земледельческому устройству хозяйства. Поздняя скифская культура характеризуется двумя основными зонами оседлости: степная Таврика и Нижнее Поднепровье. Между ними пролегал территория, где еще господствовал кочевой быт населявших ее скифов. Для скифской культуры периода эллинизма свойственно тесное соприкосновение с греческой цивилизацией, особенно в Крыму, где непосредственными соседями скифов выступали Херсонес и Боспор. Для позднескифского царства с центром в Неаполе особое значение приобрели Ольвия и Херсонес. Благодаря их посредничеству скифская аристократия, влияние которой в III—II вв. заметно возросло, получала доступ к эллинской культуре и рынкам, способствовавшим ее дальнейшему обогащению. Эти центры связывали между собой два района скифской оседлости — Таврику и Нижнее Поднепровье.

Процесс оседания кочевников-скифов на землю был связан с внут-

ренными изменениями в скифском обществе. Зажиточные скифы были заинтересованы в развитии земледелия и прокормлении собственных стад. В то же время обедневшие рядовые кочевники потерявшие основной источник дохода — скот, вынуждены были арендовать у знати участки земли для того, чтобы обеспечить продуктами себя и свои семьи. Это создавало предпосылки для организации земледельческого хозяйства, укрепляло слой знати, вело к образованию государственности. Скифское царство в Крыму, просуществовавшее до III — начала IV в. н. э., пало под ударами сарматов — алан и готов. Его можно охарактеризовать как раннеклассовое с сохранением сильных пережитков семейно-родовых отношений. Основной социальной ячейкой скифского общества являлась индивидуальная малая семья, что не исключало использование рабского труда. Население скифской столицы Неаполя было довольно пестрым по составу; там обитали скифы, сарматы, эллины, что прослеживается по данным некрополя. Знать хоронила умерших в каменных склепах, вырубленных в скале, а также в мавзолее у стен города, зажиточные и средние слои населения столицы — в городском некрополе, в семейных усыпальницах и земляных склепах-катакомбах. Бедные и немущие жители имели для захоронения отдельный некрополь далеко за пределами городских стен.

В отличие от скифов в Крыму для сарматов-кочевников было характерно повсеместное распространение скотоводства. Однако в первые века н. э. у них начинает развиваться ремесленное производство и меновая торговля. Это совпадает с углублявшимися тенденциями полуседлого и оседлого существования, особенно усилившимися, когда сарматы стали осваивать лесостепь и испытывали влияние оседлых земледельческих племен и античных центров Причерноморья. В Поднестровье и Подунавье сарматские племена вошли в соприкосновение с кельтами, фракийцами, венедами, готами, в Таврике — со скифами, таврами, в Приазовье — с меотами и др. Для сарматской культуры характерно начало распада родо-племенных отношений и зарождение классов. Дорогостоящие вещи, главным образом из греческих городов и римских провинций, в погребениях знати свидетельствуют об имущественной и социальной дифференциации и появлении аристократической прослойки.

Другими центрами интенсивного распространения сарматской культуры являлись волжско-уральские степи и Северный Кавказ. В первом из означенных районов в течение так называемого среднесарматского (сусловского) этапа развития культуры этих племен (I в. до н. э. — II в. н. э.) происходила перегруппировка политических сил сарматов, связанная с борьбой различных племенных союзов за господство в кочевническом мире и выдвиганием аланского племенного союза. Земледельческие формы хозяйства были здесь развиты очень слабо, преобладающая роль отводилась кочевому скотоводству. Сарматские жители Поволжья и Предуралья имели очень тесные контакты с Прикубаньем, где расселились сираки и аорсы, другие крупные племенные объединения сарматов. По сравнению с Поволжьем земледелие и ремесло в этом регионе были развиты больше, здесь существовали земледельческие поселения, а регулярные связи с Боспорским царством и Закавказьем способствовали активному проникновению в сарматскую среду изделий греческих и римских мастеров. Отсюда ремесленная продукция поступала к поволжско-уральским сарматам.

Уже со II в. н. э. аланы и аорсы, носители позднесарматской культуры, распространяют влияние в междуречье Волги и Дона. В III—IV вв. н. э. в степях Северного Причерноморья сложилась огромная конфедерация этих племен. Они устанавливали тесные экономические и культурные связи с населением Нижнего Подонья, особенно с Танаисом, крупным греческим городом в устье Дона, откуда в кочевническую среду

поступали изделия античных ремесленных мастерских. В I — начале III в., когда Танаис и окрестные земледельческие поселения переживали подъем, товарообмены со степью были наиболее интенсивны. В 40-х годах III в. н. э. в междуречье Дона и Волги происходят важные этнокультурные изменения: племена, очевидно входившие в Готский племенной союз (бораны, герулы, готы), разрушают Танаис и окрестные меото-сарматские поселения. В это же время резко сокращается число сарматских погребений в регионе, что связано с вытеснением сарматов в Заволжские степи. Одновременно сокращаются торгово-экономические связи этих кочевников с Боспорским царством и через его посредничество с другими античными центрами. Но при этом возрастают связи с Северным Кавказом, осуществлявшим транзитную торговлю импортными изделиями с Поволжьем. В 70-е годы IV в. н. э. сармато-аланские кочевники частично под напором гуннов, частично в союзе с последними двинулись на запад, в земли, занимаемые готами (Аммиан Марцеллин XXXI, 3, 1). В это время можно говорить о постепенном угасании сарматской культуры как этнически присущей исключительно сарматам, ибо на огромном пространстве от Дуная до Приазовья происходили важные изменения, вызванные проникновением других племен и народов¹.

Еще в первой половине II в. до н. э. на Северном Кавказе, в Крыму, в районе Перекопа, Северо-Западном Причерноморье и Нижнем Подунавье расселились племена сатархов, основным занятием которых было земледелие, скотоводство, рыбная ловля и морское пиратство. К позднеримской эпохе (III—IV вв.) районы обитания этих племен остались в целом теми же, но локализация их Аммианом Марцеллином в придунайских областях заставляет предполагать, что основное их ядро переместилось в этот регион. Античные писатели знают их под различными наименованиями: спалеи, троглодиты, сарды, тафрии, саргати (саргаты), сатархи и т. п. Они пришли в Европу из глубинных районов Азии.

В восточных Карпатах обитали племена фракийского происхождения, которые в науке принято называть карпо-даками (гарпии по Птолемею). Культура карпов уходит корнями в культуру Латен, но с течением времени под воздействием соседних племен она стала культурой, близкой дако-гетской. В восточном Прикарпатье и междуречье Днестра—Прута—Серета культуре карпов и дако-гетов близки памятники Поянешть—Лукашевка II—I вв., принадлежавшие оседлым земледельческим племенам. Поселения и могильники показывают, что у карпов на рубеже н. э. формировалась сельская община, а хозяйственной единицей все чаще выступала малая индивидуальная семья. К началу III в. н. э. карпы начали угрожать римским владениям на Дунае, в Дакии, а также городищам и поселениям Нижнего Поднестровья, в частности Тире. Столкновения римлян и карпов особенно участились в III в. н. э. После некоторого ослабления карпов в результате активных действий римских войск на Дунае, в карпато-дунайском регионе, верховьях р. Тисы и Трансильвании появились германские племена гепидов, которые известны здесь до конца античности.

Около рубежа н. э. в Верхнем Поднестровье и Прикарпатье была распространена так называемая липицкая культура, которую многие считали фракийской. Характерный памятник этой культуры — Черепинское поселение под Львовом. Уровень материального производства у носителей племен липицкой культуры был относительно высоким, им уже хорошо был известен гончарный круг.

Территория расселения племен венедов, ставанов, суовенов совпадает с ареалом распространения во II в. до н. э. — II в. н. э. пшеворской и

¹ Шелов Д. В. Сарматы и гунны в Нижнем Подолье. — Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, 1978, t. 26, fasc. 1—2, p. 50 suiv.

зарубинецкой культур. Ареал распространения зарубинецкой культуры охватывает Припятское Полесье, Верхнее и Среднее Поднепровье. Племена этой культуры, обитавшие на Среднем Днепре, наладили торговые контакты с античными северопричерноморскими центрами, осуществляя их по Борисфену (Днепру). Об этом свидетельствуют фрагменты эллинистической керамики. Главным же для определения хронологии и этнической принадлежности племен зарубинецкой культуры являются фибулы — закладки для одежды. Их изучение показало, что зарубинецкие племена можно в настоящее время отнести к так называемым латенизированным культурам, в формирование которых внесли свою лепту кельтские народы Средней Европы. Но это не чисто кельтская культура, так как она сохраняла некоторое своеобразие. При значительном кельтском импульсе в процесс ее становления она тем не менее сохраняла собственный темп и ритм развития, свои субстратные связи и включения, а также хронологию этапов своего развития, отличную от общих канонов других латенских культур.

Многообразие внешних влияний можно выделить и в соседней пшеворской культуре. Здесь прослеживаются черты германского, кельтского, а также латенизированного (зарубинецкая культура) и фракийского (липицкая культура) воздействий. Раскопки поселений, в частности близ с. Подберезны Львовской области, выявили несколько своеобразных черт жилищ, если сравнивать их с аналогичными памятниками соседних племен. Это позволило поставить вопрос о самостоятельности носителей данной культуры как этноса. Памятники зарубинецкой и пшеворской культур доживают до начала распространения черняховской культуры в конце II — начале III в.

В III—IV вв. в Северо-Западном Причерноморье расселились племена готов. Еще ранее в районе Вислы, Одера и Эльбы они потеснили население пшеворской культуры, которое вместе с зарубинецкими племенами начало активный процесс освоения северо-восточных районов за Днепром и территории расселения балтских племен Подесенья. Во второй половине II в. готы продвинулись в Северное Причерноморье, что привело к захирению ряда центров античной и позднескифской культур. В Западном Причерноморье готы действовали в союзе с другими племенами, поэтому античные писатели нередко именовали их гетами, скифами и т. п. Переселившись в Причерноморье, готы из единого племени создали политически и территориально самостоятельные племенные общности: вестготы, остготы, гепиды, тайфалы. Готы заняли Валахию, Добруджу, часть Фракии, расселились на Балканах, в Таврике и др. В IV в. под ударами гуннов с востока готы переместились на юг за Дунай и на Запад².

Таким образом, перед нами предстает огромная картина различных культур и народов от Вислы до Дона, от Дуная до северных отрогов Карпат и верховья Днепра. Подобное положение не могло не сказаться на развитии культуры местного населения. Во II—V вв. на огромном пространстве, охватывавшем всю территорию Украины и Молдавии, Курской и Белгородской областей, а также часть Румынии, сложилась своеобразная земледельческая культура, известная под названием черняховской или культуры полей погребений. Вряд ли можно говорить о единстве черняховской культуры на всем ее протяжении, скорее всего, при единстве социально-экономического порядка она отличалась локальными особенностями в различных зонах степной и лесостепной полосы Восточной Европы. На этих особенностях сказывались пестрота этносов, уровень социально-экономического развития местных и пришлых этни-

² Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках н. э. М., 1975, с. 252, 323—326.

ческих элементов на данной территории, степень влияния римской провинциальной культуры, роль пришедших с запада готских и кельтских племен, а с востока — гуннов.

Одной из зон распространения культуры полей погребений черняховского типа выступали Поднестровье, Подунавье, Приднепровье, румынская Молдова. В этом регионе главными носителями черняховской культуры являлись оседлые земледельческие гето-фракийские племена. Главной особенностью этого очага было постепенное оседание кочевых сармато-аланских племен на землю, взаимодействие и постепенное поглощение их культуры черняховцами. Свою лепту в образование черняховской культуры в Северо-Западном Причерноморье внесли также готы, тайфалы, грейтунгы, уругувлы, гепиды, отчасти скифы и бастарны. Если до Днестра главными носителями культуры полей погребений являлись сарматы, фракийцы, племена пшеворско-зарубинецкой культуры, то далее на восток эта роль все более отводилась сарматам, особенно во II — первой половине III в., и скифам. Со второй половины III в. на могильниках и поселениях Нижнего Побужья и Поднепровья встречается все более черт готского влияния (комплекс Каборга IV).

Другая зона распространения черняховской культуры — Верхнее и Среднее Поднепровье, Подолия, Волинь, юг Польши и Словакия. Восточная ее граница проходила в бассейне Северского Донца. Здесь она совпадает с областью расселения древних славянских племен, и они в отличие от первой зоны выступали главными ее носителями. Памятники черняховцев в этих районах сохранились до раннего средневековья. Поскольку под давлением восточно-германских племен славяне расселились восточнее этой зоны, на правобережье Среднего Днепра и в лесостепи юга РСФСР, то на этом огромном пространстве черняховская культура в период поздней античности являлась генетической предшественницей славянства.

Основным отличием этого региона было то, что гуннское нашествие IV в. почти не затронуло лесостепь, тогда как степные районы Нижнего Поднестровья, бассейн Днестра—Прута—Серета и Дуная оказались в сфере их разрушений. К тому же в означенном регионе воздействие позднеантичной культуры на черняховцев было гораздо значительнее, нежели во второй зоне распространения. Гибель античных поселений и памятников черняховцев в южных зонах под ударами гуннов привела к упадку и последующей трансформации этой культуры.

В социально-экономическом аспекте черняховская культура представляла известное единство. В первых веках н. э. шел процесс складывания классовых отношений у племен степи и лесостепи. Для черняховцев характерно семейное землепользование при наличии большесемейных (земледельческих) и сельских (индивидуально-семейных) общин. Об этом говорит как существование «больших домов», где обитали большие патриархальные семьи, так и выделение жилища одной семьи, жившей в усадьбе, нередко огороженной заборами. Процесс распада большесемейных общин ускорился влиянием готов, вармат и римской культуры.

Под ударами гуннов готы и аланы двинулись на запад, но часть сарматов-алан переместилась и осела на Северном Кавказе. До рубежа н. э. в Поволжье и Предуралье господствовали сарматы, в лесостепной и лесной полосе региона обитали финно-угры (пьяноборская культура). Во II—III вв. в этих районах появляются гунны (хуны), а также тюркоязычные племена. В IV—V вв. в Воляско-Камском бассейне появляются памятники азелинской культуры (пьяноборская культура). В указанный период в Поволжье и Прикамье шел процесс смешения племен тюркоугров, аланов, гуннов, которые постепенно переходили к раннеклассовым отношениям.

Глава 16

ЭЛЛИНСКИЕ ГОРОДА
И ГОСУДАРСТВА ЗАПАДНОГО
И СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
В ЭПОХУ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В 29—27 гг. римляне предприняли очередную попытку укрепить влияние в Западном Причерноморье, послав военную экспедицию против бессов и других непокорных фракийцев, поручив возглавить ее М. Лицинию Крассу. Одержав победу над бессами (Дион Кассий, LI, 25, 5) и отдав их земли союзным Риму одриссам, Красс восстановил римскую власть и в прибрежных городах.

После этого похода территория Мезии была разделена: западная часть оказалась под непосредственным управлением Рима, а восточная — от Дима до Добруджи — была передана фракийскому Одрисскому царству. Прибрежная часть Добруджи и Фракии до смерти Августа и вступления на престол Тиберия находилась под управлением наместника провинции Македонии, составляя особый округ — *praefectura orae maritimae*. Около 15 г. н. э., когда была создана провинция Мезия, подчинявшаяся консулу, который управлял тремя римскими провинциями (Македонией, Ахайей и Мёзией), греческие города побережья были переданы под протекторат одрисских царей. Подобная организация территории к северу от Балкан не означает, что римляне не доверяли городам или их влияние было там незначительным. О силе римского влияния в Добрудже свидетельствует то, что, например, в Каллатисе в I в. н. э. регулярно справлялись празднества Цезарей в честь императоров и члены их семей (SEG, I, 327). Во второй половине I в. н. э. граждане Истрии почтили постановкой статуи императора Нерву³. Все это говорит о том, что греческие города были лояльны по отношению к Риму, поддерживали римскую политику на Дунае, ибо это диктовалось их экономическими интересами.

Передача городов под власть царей сапейской (одрисской) династии явилась результатом тесных связей эллинов с фракийским миром, установившихся в эллинистический период. До нас дошли сведения (ISM, I, 66), что фракийский царь Реметалк I получил от римлян право взимать налоги с населения по правому берегу Дуная до устья. Распространение культов фракийских богов, в частности культа Всадника — Героса (Манимазоса) в Истрии в I в. до н. э.—I в. н. э., связано с влиянием фракийских элементов ее населения. Эллинские города могли быть заинтересованы в контактах с одриссами, а римляне, не желая навязывать силой свою власть, включили их поначалу в состав вассального Одрисского государства. Римляне проявили при этом тонкий дипломатический расчет: поскольку многие города Причерноморья не желали подчиняться ни напрямую римскому господству, ни власти ставленников Рима, чувствуя угрозу самоуправлению и автономии, а стремились строить взаимоотношения с империей на правах союзников и друзей, римская администрация не рискнула непосредственно подчинить их себе, а поставила под защиту вассального государства, обязывавшегося соблюдать их суверенитет.

Когда римляне упрочили влияние среди местного населения Фракии и Мезии, они вывели Мезию в 44 г. н. э. из состава трех провинций, сделав самостоятельной провинцией под управлением наместника (*legati pro praetore*). В 46 г. н. э. Клавдий превратил бывшее Одрисское

³ Pippidi D. M. Notes d'epigraphie pontique. Dacia, 1957, vol. 1, nouv. sér., p. 176—177

царство в провинцию Фракию, а прибрежные города (*Ripa Thraciae*) передавал под власть наместника Мёзии, который назначал туда своего префекта. В состав Мёзии вошли города Добруджи и Одесс, а Месембрия и Аполлония оказались под управлением наместника провинции Фракии.

Об отношении римской администрации к греческим городам, их юридическом положении в составе провинции свидетельствует истрийская надпись (ок. 100 г. н. э.) (SEG, I, 329; ISM I, 68). Лаберия Максима, наместника провинции Нижняя Мёзия, о протяженности границ Истрии и ее территории, а также о разрешении спора между гражданами города и лицами, ответственными за сбор налогов с прибрежной территории перед администрацией провинции. Наиболее ценная часть надписи — переписка легатов провинции с городом о даровании привилегий — датируется серединой I в. н. э. Как можно заключить из надписи, в составе провинции Истрия имела собственную территорию, закрепленную за ней еще с древних времен. Основным занятием жителей была ловля рыбы в Дунае и Певке и ее засолка, что составляло основной источник дохода городской казны. Римская администрация взимала налог с рыболовства и пользования лесными угодьями. При этом со времени включения городов в состав провинции был образован особый округ налогообложения (*portorium Ripae Thraciae*), простиравшийся от Димума до устья Дуная и являвший собой сеть таможенных станций, которые возникали там по мере продвижения на север и северо-восток римского завоевания. Римские властители отдавали сбор налогов на откуп арендаторам-откупщикам (*conductores*), которые непосредственно имели дело с греческими городами. Такая сеть налогообложения ущемляла интересы эллинских полисов провинции, и они стремились добиться у администрации прав иммунитета — беспощинности рыболовства и пользования земельными и лесными угодьями⁴. Очевидно, каждый город провинции самостоятельно хлопотал о предоставлении иммунитета. За положением в прибрежных городах провинции следили префекты, которые подчинялись наместникам провинции.

С созданием провинций Мёзии и Фракии во взаимоотношениях Рима и греческих полисов главным оставался вопрос о правах самоуправления и политике последних. При этом римляне стремились рассматривать города как союзные либо как свободные и независимые, что составляло видимость автономии «от предков», являвшейся столь важной для греков.

Серьезной уступкой традиционным эллинским свободам стало признание римлянами объединения западнопонтийских полисов в союз Пентаполь или Гексаполь. Совместные действия эллинов Левобережья Понта прослеживаются еще в эллинистическую эпоху, но возникновение союза городов датируется, вероятно, временем императора Августа. В состав конфедерации входили Томи — столица союза, Одесс, Каллатис, Истрия, Дионисополь. Во II в. н. э. к союзу присоединилась Месембрия, а в III в. н. э. ее место, возможно, заняла Аполлония (IGB, I², 65). Пентаполь (Гексаполь) не являлся политической или военной организацией, но объединял членов согласно экономическим и религиозно-культурным связям. Административно он был привязан к провинции Нижняя Мёзия, хотя в религиозном отношении они отличались. Главой объединения городов был вначале архонт, а затем понтарх, резиденция которого находилась в Томи. Понтарх нередко исполнял должность главного жреца императорского культа, но не всей провинции, где эти функции осуществлял *sacerdos provinciae Moesiae Inferioris*, а только в рамках союза. Совмещение должностей понтарха и архиерея, как правило, было обычным, хотя в надписях они не всегда упоминаются последовательно. Как

⁴ Pippidi D. M. Das Stadtgebiet von Histria in romischer Zeit auf Grund der Horothesia des Laberius Maximus (SEG, I², 329). Dacia, 1958, vol. 2, Neue Ser., S. 231 suiv.

главный жрец культа Августов понтарх носил золотую диадему с бюстами Цезарей и пурпурную мантию, мог быть избран пожизненно и передавать должность по наследству. На должность понтарха избирались наиболее достойные граждане каждого из городов, входивших в состав союза.

Об общности экономических интересов входивших в союз полисов свидетельствует попытка унифицировать вес и номиналы их монеты. Отсюда следует, что римляне стремились учитывать сложившиеся издревле политические, экономические и культурно-религиозные отношения между причерноморскими городами и делали все, чтобы не ущемлять их прав и интересов. Эллинские полисы являлись опорой римской власти в Подунавье и Фракии. Союз левопонтийских городов просуществовал до конца III в. н. э. и был упразднен после административной реформы Диоклетиана.

В римскую эпоху политическая жизнь полисов Левобережного Понта характеризуется прочным господством олигархии, выражавшей интересы зажиточных рабовладельческих слоев. По эпиграфическим данным мы знаем несколько выходцев из богатых семейств городов Томи, Каллатиса, Истрии, сосредоточивших в своих руках многие политические и гражданские права. Богатые горожане, замещавшие различные магистратуры и почетные должности, жертвовали средства на постройку храмов и городских стен, снабжали сограждан продовольствием и председательствовали в культовых фиасах. Подобная практика известна в Одессе, Каллатисе, Дионисополе, Месембри. Лица эти, как правило, имели римское гражданство и являлись опорой римской власти в городах. Во внутриполитической жизни полисов в императорское время наблюдается подъем влияния Совета при некотором уменьшении прерогатив Народного собрания, что было результатом социальной и имущественной дифференциации граждан. Это подтверждается данными археологических раскопок захоронений семей, имевших богатый погребальный инвентарь. Греческие города Добруджи извлекали большую выгоду от вхождения в состав империи и политики римлян, направленной на поощрение их экономики и традиционных эллинских устоев жизни. После включения в состав провинции городам была разрешена чеканка монеты: Истрия и Томи выпускали ее с первой половины I в. н. э., а Одесс и Каллатис — со времени Нерона. Это подтверждает определенную стабильность их экономического положения. Чекан монеты продолжался до середины III в. н. э. После мероприятий Тиберия Плавтия Сильвана Элиана по укреплению границ провинции в городах улучшилось положение с продовольствием, а при Флавиях и особенно при Антонинах после присоединения Дакии наметилась тенденция к подъему греческих полисов. Это касалось в первую очередь Истрии, которая переживала полосу расцвета, а также Томи — столицы Пентаполя и резиденции префекта. В этих городах в больших масштабах осуществлялось строительство общественных зданий, храмов, водопровода и канализации. Значительную помощь при этом оказывали знатные люди городов.

Основой экономики Каллатиса, Томи, Одесса и других городов оставалось сельское хозяйство. Эти города имели тесные торговые контакты с другими античными центрами, поскольку находились на пути, который связывал Балканы через западное и северное побережья Причерноморья с Малой Азией и Арменией. Другая сухопутная дорога соединяла Византий и города западного побережья Черного моря. Каллатис имел также торговые и политические отношения с Александрией, Апамеей, Кизиком, Гераклеей Понтийской, Мплетом, Херсонесом Таврическим, Ольвией, другими городами Западного Понта. Римские власти были заинтересованы в развитии торговли и назначали в города особых чиновников — логистов, следивших за состоянием торговых дел и финан-

сов, а также гарнизоны своих солдат. Греческие города Малой Скифии, особенно Томи, осуществляли торговые связи с местным населением и другими областями греко-римского мира. Экономическому процветанию городов способствовало прекращение в конце I в. н. э. нападений варваров на их хору. Купцы и ремесленники Томи, Истрии, Дионисополя, Каллатиса объединялись в коллегии. Коллегии и культовые общества (фиасы) включали как греков, так и римлян. Особенно много таких союзов появилось во II в. В Истрии, Дионисополе, Одессе и Каллатисе в указанное время были очень популярны союзы певцов священных гимнов в честь Диониса, римских императоров и членов их семей. Распространение культа Диониса в западнопонтийских городах смыкалось с официально введенным здесь культом императоров, причем союзы певцов — гимнодов и их публичные состязания нередко устраивались с целью прославить императора и засвидетельствовать признательность Риму. Не случайно поэтому в состав жреческой прослойки городов входили и римляне, проживавшие как в городах, так и в окрестностях (АЕМ, XVII, 1894, р. 87, № 11).

Контроль над всеми сферами жизни эллинских полисов со стороны романофильской греческой знати, политика римлян, рассматривавших города в качестве опоры в Подунавье и Фракии, способствовали консервации греческих обычаев, языка и культуры. В I—III вв. в городах почти не наблюдается романизации населения. Крайне незначителен также процент местных фракийских элементов среди граждан полисов. Особенно это заметно по спискам герусиастов и победителей состязаний гимнодов, среди которых подавляющее большинство — греки. Менее всего романизация затронула города фракийского побережья — Аполлонию и Дионисополь, среди жителей которых был наибольший процент фракийских элементов. В этой части Западного Причерноморья более всего римских граждан засвидетельствовано в Месембрии. В Малой Скифии значительной романизации подверглось население сельскохозяйственной округи городов, где в императорскую эпоху осело много римских поселенцев — ветеранов и колонистов. Последние жили в деревнях (*vicis*), названия которых, как правило, были римскими, особенно на хоре Истрии. Греческое и фрако-гетское население сельскохозяйственных районов находилось в поземельной зависимости от римских граждан и ветеранов. Укрепление хоры полисов за счет римских колонистов способствовало упрочению господства Рима над греческими городами, а засилье олигархии в полисах укрепило на длительное время рабовладельческие порядки. Означенная социальная и демографическая структура аграрной территории сохранила местную земледельческую общину в качестве социально-экономического целого⁵.

В 248 г. н. э. коалиция варварских народов — готов, вандалов, карпов, певкинов (бастарнов) и других — в количестве 30 тыс. человек под предводительством готских царей Аргайфа и Гюнтериха обрушилась на Добруджу. Особенно серьезно пострадала аграрная территория городов. Из полисов наибольшему разрушению подверглась Истрия. При императоре Галлиене (253—268 гг. н. э.) в результате нападения готов и герулов погибают незашитенные стенами кварталы Каллатиса. Томи удалось отбить атаки варваров в 248 г., но в 269 г. и ей все же пришлось испытать горечь поражения. При Гордиане III Истрия, Дионисополь, Одесс, а при Филиппе Арабе Томи и Каллатис прекратили выпуск собственной монеты. Это был период упадка греческих городов. Положение усугублялось тем, что варвары нападали в основном с моря, нарушая традиционные связи с близлежащей округой. Не случайно поэтому при Деции

⁵ Pippidi D. M. Les villes de la cote ouest de la Mer Noire d'August a Diocletien. Vestigia, 1973, vol. 17, p. 109 suiv.

была предпринята попытка восстановить прерванные коммуникации между городами.

При императорах Аврелиане, Диоклетиане и Константине положение немного улучшилось. По реформе Диоклетиана, положившей конец существованию Пентаполя, греческие города оказались в составе новой провинции Малая Скифия, входившей во фракийский диоцез. Томи по-прежнему оставался главным городом провинции. По приказу Диоклетиана в городе были построены новые ворота и восстановлены окружающие дороги. Контроль за безопасностью осуществлялся непосредственно римскими военачальниками. При Константине и Констанции II близ Томи был разбит римский военный лагерь. Подобная забота о греческих городах со стороны администрации способствовала тому, что там в IV—V вв. стал намечаться подъем уровня жизни. Вновь получили особое развитие металлообрабатывающее и керамическое производства, строительное дело, возводились новые крепостные сооружения, частные и общественные здания. Ожилилась и торговая деятельность. Месембрия, оставшаяся по реформе Диоклетиана в провинции Гемимонт, переживала расцвет торговли в начале IV в., поскольку непосредственно была связана с Константинополем по морю.

В религиозной жизни населения городов произошли перемены, вызванные распространением христианства. Самое раннее свидетельство об этом — греческая надпись из Томи первой половины III в. н. э. В ней речь идет о коллективном погребении членов семьи некоего Ги́ла, тогда как его жену Матрону должны были похоронить в другом месте вследствие «изменения религии», что может означать, вероятнее всего, принятие ею христианской веры. В IV—V вв. количество христианских памятников возросло.

В третьей четверти IV в. возобновились варварские вторжения в Малую Скифию, вызванные передвижением гуннских племен. Значительную угрозу в это время представляли готы, однако городам с помощью римской администрации удавалось сдерживать их напор. Действия готов все более находили поддержку у местного поработанного населения, тяготевшегося римской властью. После набегов гуннов на Фракию и Иллирию ок. середины V в. н. э. греческие города стали испытывать новую опасность. Но поселившиеся к концу столетия в юго-восточной части империи племена не нападали на греческие города, получившие возможность залечить раны, оставленные многочисленными предыдущими войнами.

* * *

В отличие от городов Западного Причерноморья греческие государства в Северном Причерноморье испытывали римское влияние разной степени интенсивности. Если полисы Нижнего Поднестровья и Побужья, как и Херсонес, в различные периоды входили в состав римской провинции Нижняя Мёзия, подчиняясь ее администрации, то Боспорское царство, хотя и попало в орбиту римской политики, все-таки сохраняло самостоятельность, но только как клиентское государство.

Римские императоры постоянно держали в поле зрения политическую ситуацию в Причерноморье. В Рим неоднократно прибывали посольства от царей скифов и сарматов, стремившихся к установлению дружественных отношений. (RGDA, 31; Флор, 34). Римская политика в Причерноморье строилась в зависимости от ситуации в Балкано-Дунайском регионе, т. е. общее направление римской восточной политики непосредственно затрагивало Западное и Северное Причерноморье. При этом Рим пытался воздействовать на народы и государства северного побережья Понта Евксинского с двух сторон: из Малой Азии и Нижней Мёзии. При Августе и Агриппе Рим пытался связать Боспор и северо-восточные об-

ласти Причерноморья с послушными ему регионами в Малой Азии, а при Клавдии и Нероне — привязать политически к системе римского управления на Востоке. В Северо-Западном Причерноморье политика римских властей направлялась из Балкано-Дунайского региона: размещение гарнизонов, военные экспедиции, посольства — все это находилось в зависимости от легатов Нижней Мёзии. При этом Рим постоянно стремился к гегемонии в этом районе: после реорганизации и выделения самостоятельных провинций Фракии и Мёзии римская дипломатия готовила повод для создания вассальных царств в Причерноморье, а в период подготовки восточных походов и дакийских войн наметилась тенденция к включению государств Северного Причерноморья в состав Империи, что вызвало размещение военных гарнизонов в ряде мест Таврики. Однако римлянам не удалось включить все государства Северного Причерноморья в систему провинциального управления, хотя в различные периоды времени и в разных частях региона римская власть и влияние проявлялись в той или иной степени.

Возрождение Тиры началось около середины I в. н. э. В это время произошла перепланировка городской территории. Керамический материал I в. н. э. свидетельствует о связях города с малоазийскими, итальянскими, галльскими центрами. В I в. н. э. возникли цитадель, частные и общественные постройки. Однако расцвет Тиры в римское время приходится на II — первую половину III в. н. э., когда укрепляются оборонительные стены, мостятся улицы, возникают новые постройки. Вещественный материал из раскопок позволяет говорить об экономическом подъеме города в этот период.

В 56/57 г. н. э. Тира приняла новую эру. Это событие вряд ли связано с установлением в городе римского владычества и деятельностью Тиберия Плавтия Сильвана, хотя некоторые исследователи считают обратное⁶. На некоторых монетах императоров династии Юлиев—Клавдиев встречается надчеканка ΤΥΡ, а на монете времени Нерона — легенда ΤΥΡΑΝΩΝ. Эти монеты непосредственно предшествуют началу регулярной чеканки при Флавиях, когда на монете неизменно помещали портрет императора⁷. Кроме монет, есть немало эпиграфических памятников римской эпохи, помогающих определить степень зависимости Тиры от римлян⁸. Эти документы подтверждают тесные связи города с администрацией провинции Нижняя Мезия не ранее конца I — начала II в. Ко второй половине II в. относится фрагмент надписи, предположительно трактуемый как послание римской провинциальной администрации властям Тиры об установлении границы города. Другой фрагмент представляет собой посвящение одному или двум императорам династии Антонинов, сделанное, очевидно, от имени легата провинции Нижняя Мезия.

Клейма на кирпичах и черепице позволяют судить о составе римского гарнизона Тиры во II — начале III в. При Антонинах в Тире к отряду V Македонского легиона присоединились солдаты I Итальянского и XI Клавдиева легионов, а со времени Адриана во главе их были поставлены центурионы I Итальянского и, вероятно, XI Клавдиева легионов. При Марке Аврелии военный трибун I Итальянского легиона стал командовать всеми римскими войсками в Скифии и Таврике (CIL, VIII, 619). В состав гарнизона Тиры могли, вероятно, входить и вспомогательные отряды Legionis I Minerviae. С конца I в. н. э. Тира была в сфере влияния римской провинциальной администрации, находясь,

⁶ Зограф А. Н. Монеты Тиры. М., 1957; Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира. Киев, 1985, с. 90—94.

⁷ Зограф А. Н. Указ. соч., с. 77 сл.

⁸ Карышковский П. О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Таврии. — ВДИ, 1959, № 4, с. 116, 117, № 5.

очевидно, со времени первых Флавиев в составе провинции Нижняя Мезия.

Принятие городом своей эры в 57 г. близко по времени началу Ольвийской городской эры, являвшейся одновременно и эрой царя Фарзоя, властителя сарматского государственного образования, которое, если судить по его монетам, возникло в Северо-Западном Причерноморье в начале третьей четверти I в. н. э. и просуществовало до 80-х годов этого столетия⁹. Не исключено, что монеты с надчеканкой Тиры, как и монеты с изображением персонифицированного римского сената и легендой ΤΥΡΑΝΩΝ, находились в обращении, когда город наряду с Ольвией входил на правах симмахии в состав этого царства, дружественного Риму, подобно тому как греческие полисы понтийского левобережья с ведома римлян подчинялись на тех же условиях фракийским царям одрисской династии. Так произошло потому, что после фракийского восстания 45/46 г. и образования самостоятельной провинции Мезия римляне не рисковали сразу распространить свою власть на север, а были вынуждены прибегнуть к традиционной уже политике включения эллинских городов в состав вассальных или дружественных государств, с которыми греки имели традиционные связи, естественно, с сохранением значительной доли автономии и самостоятельности. Впоследствии это облегчило Риму подчинение тех и других. Включение Тиры в состав провинции Мезия произошло, очевидно, позднее, при Веспасиане, когда в городе появились монеты с портретом этого императора. Когда в связи с подготовкой дакийских войн были образованы две самостоятельные провинции — Верхняя и Нижняя Мезия, Тира была подчинена администрации этой последней провинции. Отсюда появление изображения Домициана на одной из первых серий монет Тиры императорской эпохи.

Тира подчинилась римской провинциальной администрации на тех же правах, что и эллинские полисы Западного Причерноморья. Городу, видимо, были определены границы сельскохозяйственной территории, установлены фискальные привилегии. Как следует из писем Септимия Севера и Каракаллы от 17 февраля 201 г. н. э., граждане города были освобождены от уплаты торговых пошлин на многие категории ввозимых товаров. При этом в письмах речь шла и о грамотах, регулировавших фискальные обязанности граждан, выданных еще в предшествующее время (IosPE, I², 4). Таким образом, Тира в провинции имела ряд привилегий в знак уважения к прежней автономии и самоуправлению, как и другие города. О функционировании в Тире в это время совета, народного собрания, коллегии архонтов свидетельствует декрет в честь Коккея от 181 г. н. э. (IosPE, I², 2). Как и в западнопонтийских полисах, основные магистратуры в Тире находились в руках зажиточной торгово-ремесленной верхушки, в значительной части романизированной.

В начале III в. н. э. взаимоотношения тиритов с варварским окружением ухудшились. В 214 г. н. э. вместе с римскими войсками Тира участвовала в отражении нападений карпов.

В середине III в. Тира была разорена готами. Однако жизнь там не прекратилась. Во второй половине III—IV в. в городе велась бессистемная застройка, но среди населения уже преобладал исключительно варварский элемент. Окончательная гибель города датируется 70-ми годами IV в. и связана с нашествием гуннов.

Ко второй половине I в. до н. э. начинается возрождение Ольвии. Рубежом I в. до н. э. — I в. н. э. датируется возникновение укрепленных поселений по берегам Бугского и Днепровского лиманов. Количество поселений на хоре послепетской Ольвии было значительно меньшим, чем в

⁹ Карышковский П. О. О монетах царя Фарзоя. — В кн.: Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982, с. 66.

эллинистическую эпоху, но это, как правило, укрепления, расположенные на возвышенностях. Они просуществовали до середины III в. н. э. На рубеже II—III вв. по берегам Березанского лимана возникли неукрепленные поселения, существовавшие до конца IV в. По характеру материальной культуры они тяготели к памятникам черняховского типа. Оживление сельского хозяйства, являвшегося основой экономики города во все времена, стимулировало подъем ремесел и торговли. Уже во второй половине I в. до н. э. Ольвия возобновляет чекан монет; к середине I в. н. э. относится декрет г. Византия в честь ольвийского гражданина Оронта, сына Абаба (IosPE, I², 79), в котором говорится о посещении им самим Византия, очевидно, с торговыми целями, а также о регулярном прибытии по торговым делам в Ольвию граждан этого и других причерноморских городов. Во II—первой половине III в. н. э. связи города охватывали уже все Причерноморье и северо-запад Малой Азии. Однако по своим размерам послегетская Ольвия значительно уступала городу предшествующей эпохи. Во всех сферах жизни полиса преобладающими стали варварские, главным образом сарматские, элементы.

Особое значение для Ольвии имели связи с Римом и местными царями. В Ольвии чеканил свои золотые монеты сарматский царь Фарзой. Первые его стартеры выпускались по эллинистическому монетно-весовому стандарту в середине 50-х годов I в., после чего Фарзой перешел к чеканке ауреусов по римской монетно-весовой системе. Соответственно монетной чеканке Фарзой изменялись и весовые данные медных монет Ольвии, которые также согласуются с римской монетно-весовой системой. Последние выпуски монет Фарзой и соответствующей городской меди датируются началом 80-х годов I в. Вот почему есть основание говорить об определенной зависимости Ольвии в середине — третьей четверти I в. от сарматских царей, что вполне соответствовало интересам Рима.

В некоторых ольвийских документах второй половины I — начала II в. говорится о встрече ольвийскими гражданами скифских и сарматских царей, о посольствах к «соседним царям», «гегемонам» и т. п. (IosPE, I², 39; 51, 54, 74; HO, 42). Это подтверждает существование тесных связей города с варварским окружением, при этом Ольвия, вероятно, могла даже какое-то время испытывать на себе власть этих царей. Рим был заинтересован привлечь Ольвию на свою сторону. Но, чувствуя невозможность после неблагоприятных для римлян событий во Фракии в 45/46 гг. сразу закрепить прочно на северном побережье Эвксинского Понта, император Нерон попытался связать Ольвию, как и Тиру, с сарматскими царями, которые в 50—60-х годах I в. были лояльны по отношению к империи вследствие удачных действий против сарматов легата Мёзия 57—67 гг. Т. Плавтия Сильвана. Обеспечив таким образом тыл в Северо-Западном Причерноморье, римскому наместнику было сподручнее действовать в 67 г. в Таврике против тавро-скифов и их династов.

Когда Ольвия вынуждена была принять у себя римский гарнизон, с точностью неизвестно. По всей вероятности, это произошло в правление Адриана или Антонина Пия, скорее при первом из них. Гарнизон римских войск в Ольвии во второй половине II в. размещался как в самом городе, так и на хоре. При Флавиях и Траяне ольвиополитам приходилось своими силами отражать угрозу нападения внешних врагов. Однако в состав провинции Нижняя Мёзия Ольвия была включена только при Септимиусе Севере и Каракалле в конце II — начале III в. н. э., когда обстановка на Дунае и в Северо-Западном Причерноморье ухудшилась. В 248 г. в Ольвии еще стоял римский гарнизон, несмотря на то что в 30-х годах III в. город был сильно разрушен готами. В конце III — IV в. жизнь в городе и на поселениях ольвийской периферии прекращается.

После того как Август официально подтвердил элевтерию (свободу)

Херсонеса, город вынужден был принять над собой протекторат боспорских царей, хотя и сохранил за собой право выпускать монету, издавать декреты от имени полисных органов управления. И все же политическая зависимость херсонесцев от Боспора в I в. н. э. не была стабильной. Если при царе Боспора Аспурге (14—37 гг.) Херсонес еще подчинялся боспорской зависимости, то после римско-боспорской войны при Митридатe III (39—45 гг.) он, вероятно, получил самостоятельность, но под римской опекой. В середине I в. в Херсонесе наблюдался подъем экономики, о чем говорит выпуск полновесных золотых статеров. В это время он находился, вероятно, вне какой-либо зависимости от царей Боспора. При Нероне в Херсонесе вообще не чеканили монету и полис был передан, очевидно, под управление боспорского царя Котиса I. Он находился под властью Боспора с небольшими перерывами до начала второй четверти II в. н. э., когда вновь приступил к выпуску золотых монет. Но статус «свободного города» Херсонес смог получить только в правление Антонина Пия, когда после безуспешных самостоятельных попыток добиться этого в дело вмешалась его метрополия Гераклея Понтийская, посольство которой с ходатайством о свободе Херсонесу увенчалось успехом около 144 г. н. э.

В середине I в. н. э. активность тавро-скифов против Херсонеса вновь усилилась. Это было вызвано быстрым возрождением Скифского царства, очевидно, не без определенного влияния Боспора. Как следует из элогия Плавтия Сильвана, этот наместник Мёзии во главе отряда римских войск сумел заставить царя скифов снять осаду Херсонеса (CIL, XIV, 3608). Тогда же в Херсонес, Хараке (мыс Ай-Тодор), Боспорское царство были введены римские гарнизоны. Последнее связано с опасением новых вторжений тавро-скифов и планами Нерона создать в Северном Причерноморье плацдарм для готовившегося похода против парфян через Тавриду и Кавказ. На протяжении I—III вв. Херсонес поочередно имел статус союзного и свободного города с правом чеканки золотой монеты, просто «свободного», что отразилось только в выпуске медной монеты, обычного римского провинциального города и города — составной части Боспорского царства. В двух последних случаях Херсонес либо не выпускал монеты вообще, либо чеканил ее в крайне ограниченном количестве. Но в течение всего этого времени в городе и на ближайших подступах находился римский гарнизон, который был выведен только в конце III в. н. э. Римская администрация старалась соблюсти права городских властей Херсонеса, его самоуправление, что было в русле ее политики в отношении греческих городов, как союзных, так и провинциальных, но всегда рассматривавшихся в качестве опоры римской власти. О тесной связи города с провинцией Нижняя Мёзия свидетельствуют почетные надписи на базах статуй ее наместникам и посольства к ним знатных граждан. Во время войн с варварами в III в. н. э. Херсонес почти не пострадал, хотя и предпринял меры по укреплению оборонительных сооружений. В конце III в. вместе с римлянами город осуществил ряд успешных военных акций против боспорского царя Фофорса.

Римляне поддерживали верхушку херсонесского полиса, о чем свидетельствует аристократизация государственного управления, концентрация власти в руках немногих зажиточных семей, пользовавшихся правами римского гражданства. Рост крупной землевладельческой и торгово-ремесленной аристократии в III—IV вв. подтверждается существованием на херсонесской хоре (в районе балки Бермана) больших укрепленных усадеб-вилл, основным хозяйственным профилем которых было земледелие и скотоводство. Во второй половине IV в. в связи с опасностью вторжения гунов город вновь был значительно укреплен, что предохраняло его от разрушения. Активная политика римских властей, поддерживавших рабовладельческую верхушку, изолированность Херсонеса от остальной

части Крыма способствовали концентрации рабовладельческих порядков, росту крупного землевладения.

На рубеже античности и средневековья Херсонес представлял собой город, где велось активное строительство оборонительных и жилых сооружений, развивались ремесла и промыслы. Херсонесцы осуществляли контроль за сельской округой, на которой преобладали крупные сельскохозяйственные усадьбы-виллы. Мелкое индивидуальное хозяйство уступало по значению крупному, основанному на использовании большого числа рабов. Экономический подъем города в конце античности мог быть результатом вовлечения в производство значительного числа рабов, вольноотпущенников и пришлого населения. Несмотря на то что в отдельных отраслях ремесла преобладал индивидуальный труд мастеров-ремесленников (например, металлообработка, керамическое производство), рабский труд в производстве, обслуживании и зрелищных мероприятиях применялся довольно широко.

Приток населения из Малой Азии и областей Северного Причерноморья, использование его в хозяйстве наряду с сохранившейся рабской эксплуатацией привели к некоторому подъему в экономике, крайне медленному созреванию ростков новых производственных отношений. Поэтому Херсонес почти без серьезных разрушений и социальных катаклизмов вошел в состав Византийской империи.

После внутренних неурядиц, которые испытало Боспорское царство на рубеже н. э., там наступил период стабильности политической власти и наметился некоторый подъем экономики.

В I—II вв. во всех сферах боспорской жизни наблюдается сарматское влияние. Процесс сарматизации продолжался и постоянно усиливался на протяжении всей римской эпохи. Римляне, движимые желанием держать Боспорское царство в повиновении, предоставляли помощь боспорским царям и верхушке местной аристократии деньгами, а в случае необходимости и войсками. Римское проникновение на Боспор шло в основном из Малой Азии, частично, может быть, и из приднубайских провинций. В первые века н. э. Боспору приходилось выдерживать нападения сираков, скифов, аланов.

Поскольку Боспорское государство должно было служить защитой от варваров на подступах к империи, римляне держали там свои войска (КБН, 666; 726; 691), давая ежегодные субсидии на их содержание, вследствие чего боспорские отряды вынуждены были принимать участие в некоторых военных мероприятиях римских властей. В течение II в. н. э. Боспор испытывал давление сарматских племен, главным образом сираков, на свои восточные рубежи. В конце этого столетия боспорский царь Савромат II одержал над ними победу. Однако больше всего неприятностей доставляли скифы в Крыму. На протяжении длительного времени боспорские цари Савромат I, Котис II и их преемники вынуждены были укреплять западные границы своих владений от скифской угрозы. С этим связано усиление обороноспособности ряда боспорских крепостей, а также возведение новых укреплений. С ростом активности тавро-скифов нередко возникала потребность в установлении боспорского протектората над Херсонесом, которая, впрочем, никогда не была длительной. В первой половине II в. н. э. римляне не хотели допускать чрезмерного усиления Боспорского государства в Крыму и на Северном Кавказе, ибо его усиление могло повлиять на боспоро-римские отношения и стать причиной самостоятельной политики боспорских царей. С этим, возможно, связаны разногласия царя Боспора Реметалка с римской провинциальной администрацией и последовавшее за этим предоставление элевтерии Херсонесу. Но, несмотря на ухищрения римских властей, в конце II в. н. э. при Савромате II наступил период усиления Боспорского царства. Его границы охватывали всю Таврику. Тогда же стабилизировалось экономи-

ческое положение, усилилась торговая деятельность, чему способствовало очищение Понта от пиратов. Благодаря финансовой поддержке римских властей Савромату II удалось провести монетную реформу, в соответствии с которой номиналы боспорских монет стали адекватными по стоимости денежным единицам римской чеканки. Это, естественно, активизировало связи торгово-ремесленной боспорской знати с римскими провинциями.

Боспорские цари в знак уважения к Риму и в связи с тем, что их права на престол были подтверждены в свое время (при Аспурге) римскими императорами, постоянно носили их *ргаепомен* и *помен* Тиберий Юлий, являлись первосвященниками культа Августов.

В середине III в. племена готов, карпов, боранов, скифов усиливают натиск на Боспорское государство. В результате прекратилось существование многих «малых» городов и укрепленных усадеб на хоре европейского Боспора, начался упадок экономики, денежного хозяйства и торговли. В довершение всего отпала часть азиатских владений, где утвердились аланские племена. В это время появились новые претенденты на боспорский престол, одним из которых был некий Фарсанз (253—254 гг.), а также Хедосбий очевидно, представители племенной знати. В 256—257 гг. боспорцы вынуждены были принять участие в завоевательных морских походах против азиатских владений Римской империи (Зосим, I, 31, 32).

В 260—275 гг. на Боспоре шла династическая борьба различных претендентов на престол, завершившаяся приходом к власти Тейрана. В 293 г. н. э. при Фофоре боспорцы совершили набег на Малую Азию, но Диоклетиану с помощью херсонесцев удалось их разбить.

В первой половине IV в. н. э. прекратилась боспорская монетная чеканка. Это было результатом углубления социально-экономического кризиса. Хотя экономическая жизнь в городах еще продолжалась, Боспор уже не мог самостоятельно бороться с наседавшими со всех сторон племенами. Но и римская администрация, к которой боспорцы на протяжении IV в. обращались за помощью, не могла уже ничем помочь. В 70-х годах IV в. н. э. под напором гуннов Боспорское царство прекратило свое существование.

Гунны пришли в степи Северного Причерноморья двумя основными путями: через Северное Приазовье и Нижнее Подонье, а также через Северный Кавказ, Боспор Киммерийский и Таврику. На всем протяжении последнего пути им сопутствовали разрушения, погромы, истребление местного населения. О взаимоотношениях гуннов с кочевым сармато-аланским населением можно судить по сообщению Аммиана Марцеллина (XXXI, 3, 1): гунны, разграбив области, заселенные аланами, присоединили к себе последних на условиях союзного договора и при их содействии обрушились на готов. В настоящее время в Нижнем Поднепровье, Таврике, Нижнем Поволжье и Подонье выделяется по обряду захоронения — трупосожжение и захоронение шкуры коня — группа погребений, обоснованно причисляемая к гуннским. Вместе с ними встречаются и погребения типичного сармато-аланского облика. Это позволило высказать предположение, что в результате создания гунско-аланского племенного союза ираноязычное население степей смогло сохранить свои позиции на рубеже IV—V вв.

Что касается Боспора, то картина его взаимоотношений с гуннами представляется более сложной, чем это считалось до сих пор. С одной стороны, прекращение существования царства как реальной политической и экономической силы того времени несомненно. Гунны уничтожили такие крупные центры, как Тиритака, Тирамба, Кепы, Феодосия, сельские поселения на европейской и азиатской сторонах пролива. Серьезные разрушения претерпели Пантикапей, Фанагория, Гермонасса и др.

Вместе с тем ряд городов Боспора не прекратили своего существования. Танаис, который с середины III в. н. э. лежал в развалинах, с последней четверти IV в. н. э. возрождается и снова становится в V в. значительным торгово-ремесленным центром; столица государства Пантикапей в V в. н. э. также сохранила часть населения, при этом там продолжали жить и представители варварской знати, о чем можно судить по наличию нескольких богатых погребений IV—V вв. из Керчи; часть торгово-ремесленного населения сохранилась в Гермонассе, Фанагории, Патрее, Тиритаке. Недавно был открыт комплекс построек IV—V вв. на поселении Ильичевка (Таманский п-ов), что свидетельствует об активном сельскохозяйственном хозяйстве на азиатской стороне Боспора в послегуннское время. Жилые и ремесленные кварталы этого времени обнаружены в Тиритаке. О возможном возрождении даже некоторых форм политической власти «на Боспоре», как после гуннского нашествия стал именоваться Пантикапей, говорит надпись с упоминанием царя Дуптуна (КБН, 67), относящаяся, скорее всего, к V—VI вв. по характеру упоминаемых там государственно-правовых терминов.

Все перечисленные выше аргументы показывают, что производственная деятельность ремесленных центров в Восточном Крыму, Подонье и Северном Кавказе возобновилась еще при гуннах. По всей вероятности, это следует объяснить сложившимся союзом сарматов-аланов и гуннов, которые совместно выступали против готов. Гуннские кочевые племена нуждались в продуктах земледелия, а их знать — в изделиях ремесленных мастеров. Кроме того, гуннам необходим был прочный тыл для военных действий на западе Причерноморья. Сарматы, лишенные гуннами привычных кочевий и других средств к существованию, рассматривали бывшее Боспорское царство как возможное место оседлости для занятия сельским хозяйством и ремеслом. Это облегчалось тем, что уже на протяжении ряда веков государство все более превращалось в сарматское по этническому облику. Поэтому потребности гуннских завоевателей в создании сырьевой базы для успешных действий против готов и их союзников, образование алано-гуннской конфедерации способствовали относительно быстрому восстановлению на рубеже IV—V вв. крупнейших городов некогда могущественного Боспорского царства. Но по своему этнокультурному облику это уже было не греко-варварское государство, а исключительно племенное образование на карте тогдашнего мира¹⁰.

* * *

Восточная Европа, Северное и Западное Причерноморье в эллинистическую эпоху и первые века нашей эры представляли собой сложный конгломерат народов, государств, культур. Отличительной их особенностью было тесное взаимодействие местных кочевых и земледельческих обществ друг с другом и их обоих с греко-римским миром. Эти контакты сводились как к откровенно враждебным, так и сугубо мирным союзным отношениям. Под воздействием более высокой культуры греков и римлян у кочевых племен степной зоны Причерноморья происходили важные изменения в социально-экономической области. Они быстрее переходили к земледельческим формам хозяйства. У оседлых народов, как и у кочевников, переходивших к земледелию, ускоренными темпами шел процесс классообразования, выделялась и крепла сельская община. В социально-политическом плане последнее сказывалось на росте государственности, перешагнувшей рамки традиционных племенных союзов. Процессы эти протекали неравномерно в силу разного уровня развития племен и степени влияния эллинской и римской культур, а также в хронологически различные периоды времени.

¹⁰ *Gajdukevič V. F. Das Bosporanische Reich. B.; Amsterdam, 1971, S. 517 ff.*

КРИЗИС И ГИБЕЛЬ АНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА

Глава 17

УПАДОК РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

1. КРИЗИС III ВЕКА

Коммод, не ладивший с сенатом и утративший популярность в армии, был убит в 192 г. и объявлен тираном. После его смерти и короткого правления Пертинакса, сына вольноотпущенника, тем не менее выдвинутого сенатом, и Дидия Юлиана, купившего престол у преторианцев, кандидатами в императоры были выдвинуты: на Востоке — Песценний Нигер, в западных провинциях — поддержанный местной крупной знатью Клодий Альбин и дунайской армией — уроженец Африки Септимий Север, одержавший победу над своими соперниками и положивший начало династии Северов, к которой, помимо его самого (193—211 гг.), принадлежали его сын, прозванный Каракаллой (211—217 гг.), племянники его жены, сирийки Юлии Домны, Элагабал (218—222 гг.), прозванный так по имени чтившегося в Эмессе бога Солнца, наследственным жрецом которого он был, и Александр Север (222—235 гг.). Кроме самого Септимия Севера, ни один из его преемников не умер своей смертью, как и последовавшие за ними правители: все они были убиты. Обычно происходившие события объясняются борьбой между «солдатскими», т. е. выдвинутыми армией, на нее опиравшимися, и «сенатскими», т. е. пришедшими к власти благодаря сенату и шедшими ему на разные уступки, императорами, некоторым из которых удалось продержаться не более нескольких месяцев, другим — 4—5 лет. Гражданские войны между претендентами на престол осложнялись растущим сепаратизмом провинций и все усиливавшимся натиском на империю сложившихся к тому времени племенных союзов германцев — аламанов, лангобардов, франков, саксов, готов — и задунайских племен, опустошавших провинции и даже север Италии, так что к середине III в. империя пришла в состояние полной разрухи. Земли пустели, правительство, нуждаясь в деньгах, прибегало к порче монеты, что вызвало колоссальную инфляцию и повышение цен по сравнению со II в. на 800% и вело к натурализации хозяйства. В середине III в. жалование императорским наместникам и чиновникам стали наряду с деньгами выдавать натурой, даже штат слуг-рабов, включая 1—2 рабыни-наложницы, предоставлялся им из казны. Сокращалась торговля. Суда стали значительно более мелкими, плавание — каботажным, что вело к упадку ряда гаваней и обеднению обслуживавшего их персонала. Множество мелких и средних вилл во всех западных провинциях было разрушено, пострадал и ряд городов, оставшиеся стали окружать себя стенами, обычно охватывавшими не весь город, а только его центральные районы, тогда как за их пределами оставались бедные, населенные ремесленниками кварталы.

Причины кризиса III в. современные исследователи искали в разных обстоятельствах: обезлюдение, нехватка рабочих рук вследствие падения численности рабов, вымывание слоя «лучших», т. е. исконных, римлян и замена их выходцами с Востока, к которым принадлежали и сами императоры, неспособность правительства наладить оборону империи. М. И. Ростовцев видел их в крестьянской революции, направленной против городской буржуазии и интеллигенции и осуществлявшейся армией и ее вождями.

Но, видимо, основной причиной был уже исподволь готовившийся кризис рабовладельческого уклада, с которым наиболее тесно были связаны муниципальные слои — основная социальная база Ранней империи, усиление уклада, представленного экзимирированными салтусами, возделывавшимися колонами разных категорий и разного происхождения, столкновения между различными группами внутри господствующих классов и все усилившиеся движения эксплуатируемого населения, в которых участвовали и рабы, и колоны, и закабаленные крестьяне, причем ведущая роль теперь переходит к последним. Подтверждением этому служит тот факт, что «солдатские» императоры обычно старались поддержать города и пользовались их поддержкой, хотя города, естественно, и страдали от постоянных гражданских войн и грабежей солдат, тогда как «сенатские» императоры вели политику, выгодную провинциальным земельным магнатам. И хотя сенаторы III в. считали свои конфликты с императорами продолжением или, вернее, возобновлением конфликтов I в., основа их была совсем иная. В сенате оставалось мало представителей старых родов, и число сенаторов-италиков в III в. колебалось от 35 до 40%, уроженцев Галлии и Испании — от 8 до 9%, остальные происходили с Востока или из Африки, ставшей в это время основной житницей империи и страной крупного императорского и частного земледелия. Интересы провинций были для них на первом месте, а в провинциях — интересы их класса.

Политические программы сталкивавшихся высших классов можно уяснить из сочинений Апулея и романа Филострата об Аполлонии Тианском, представлявших точку зрения муниципальных слоев, Диона Кассия, изложившего свою программу в вымышленных речах Агриппы и Мецената по поводу наилучшей формы государственного устройства (50,2—40), и Писателей истории Августов — *Scriptores Historiae Augustae* (SHA), которые, как бы ни решать вопрос об их авторстве и времени окончательной редакции, несомненно, отразили точку зрения какого-то одного или нескольких авторов, принадлежавших к западной аристократии. И Апулей, и Филострат не протестуют против императорской власти и даже против передачи ее по наследству, но они требуют достаточной автономии для городов, где граждане должны разумно пользоваться своим имуществом для общей пользы; управление городом должно находиться в руках «достойных» (т. е. состоятельных) людей, не становясь достоянием кучки богатей, не менее опасных для общества, чем «демагоги», возбуждающие «чернь». Города должны быть свободны от распри, но честное соревнование полезно гражданам, а политика «срезания выдающихся колосов» вредна. Зато «эгоистические богачи» должны быть ограничены. Граждан не следует переобременять налогами, но они должны вносить деньги на содержание армии, хотя хороший правитель должен стремиться к миру, «не разрушать, а основывать города», как выражается Аполлоний.

Дион Кассий — сторонник сильной монархии, умеющей обуздывать «чернь», ибо «свобода черни — рабство лучших». Вообще излишней свободы он не одобряет, советуя, например, ввести всеобщее государственное образование, чтобы научить юношей повиноваться Цезарю. Он решительный противник автономии городов, советуя оставить статус города только за Римом, все же остальные города считать селами, не устраивать там игры и не заставлять богатых тратиться на городские нужды. Осуждающих императора философов, атеистов и проповедников новых религий, отступающих от обязательных культов, следует карать. Правитель обязан решать все сам, но вводить в сенат самых богатых и знатных провинциалов. Всех жителей надо сделать римскими гражданами. Армия должна быть отделена от народа, и на ее содержание следует взимать справедливые налоги в зависимости от ценза.

Иной была программа Писателей истории Августов: в соответствии с ней император должен был быть только верховным главнокомандующим, воевать, завоевывать новые земли, сажать на землю пленных варваров, чтобы из опустошителей земель они стали работниками на них. Императоров должен избирать сенат, а ни в коем случае не солдаты, являющиеся главной язвой государства. Содержать их должен сам император, не переобременяя провинции налогами в их пользу. Излишние налоги с провинций пагубны, как и регулирование цен на хлеб. Вообще императору как можно меньше следует вмешиваться во внутренние дела, не должны в них вмешиваться и его наместники и чиновники, предоставив на местах власть «лучшим». Идеалом была бы замена регулярной армии поселенными на границе частями из местных жителей и варваров, обязанных защищать империю, но лишенных высокого жалования и привилегий, на которые претендуют легионеры и регулярные вспомогательные части. Единственный пункт, в котором сходятся Дион Кассий и Писатели истории Августов,— это требование, чтобы император не только не конфисковывал земель у богатых людей, но даже распродал свои собственные земли, чтобы, попав в частные руки, они приносили больше дохода. Близость ряда соответствующих мест из Писателей истории Августов к галльским «Панегирикам» в честь Диоклетиана, Максимиана и Констанция Хлора подтверждает, что такого в основном была программа западной аристократии в отличие от восточной, представленной Дионом Кассием, уроженцем Никеи в Вифинии, где находились его имения.

В общих чертах «солдатские» и «сенатские» императоры следовали одной из этих программ.

Септимий Север был типичным «солдатским» императором. Придя к власти, он казнил многих сторонников Клодия Албина, наиболее знатных и богатых аристократов, и конфисковал земли, расселив на них значительную часть верных ему ветеранов рейнских легионов. В Бетике, например, в руках фиска сосредоточилась большая часть производства и вывоза масла, вина, амфоры для которых производились в мелких, расположенных на императорских землях мастерских арендовавшими их свободными.

Как видно по клеймам на кирпичах III в., производство их также переходит в руки арендаторов императорских мастерских.

Особенно большое внимание Септимий Север уделял армии. Число солдат достигло примерно 600 тыс., и жалование им было увеличено: солдаты получали по 500, центурионы по 6250 денариев в год; при Каракалле эти цифры достигли соответственно 750 и 12 500 денариев. Солдаты, а также преторианцы набирались теперь не из колоний и муниципиев, а из перегринского населения западных и особенно дунайских провинций и Фракии. Из них же вербовались новые части — *equites singulares*, размещенные в Риме, но остававшиеся верными своим богам и почитавшие сельских покровительниц — Матерей или сельских патронов — фракийских героев. В Италии вопреки всем прошлым обычаям был размещен легион, что предвещало ее будущее уравнивание с провинциями. Для продвижения солдат по службе были сняты прежние сословные ограничения, теперь каждый мог рассчитывать дослужиться до высших чинов, и впоследствии многие императоры выходили именно из таких выслужившихся военных. Солдатам было дозволено вступать в законные браки и возделывать отведенные им участки, являясь в лагерь только для учений. Младшие командиры получили право организовывать коллегии со своими кассами взаимопомощи, из которых они получали при отставке известную сумму. Ветераны были приравнены в правах к сословию декурионов, и, получая после отставки земли в городах и селах, пополняли там число мелких и средних владельцев рабовладельческих вилл, что сближало их с муниципальными слоями.

Из младшего комсостава нередко назначались чиновники при канцеляриях императора и наместников, командиры постов (бенефициарии), расставленных на дорогах и других местах для борьбы с беглыми рабами и «разбойниками», число которых снова возросло после подавления движения Матерна. О некоторых их атаманах ходили легенды, напоминающие средневековые легенды о Робин Гуде и других «благородных разбойниках». Так, Булла Феликс, набрав беглых рабов и крестьян, грабил богатых и помогал бедным. В конце концов его поймали, и когда префект претория спросил его, как он стал атаманом разбойников, он ответил: «А как ты стал префектом претория?». Активная борьба Септимия Севера с «разбойниками», т. е. с движениями эксплуатируемых, примирила с ним сенат, считавший, что он хотя и жесток, но необходим для республики.

Одновременно с заботой об армии Септимий Север и Каракалла всячески старались поддержать города. Многие из них получили статус колоний и муниципиев, хотя новые города и не создавались, и в это время на первый план выходят села, в которых развивается собственное ремесло, селятся ветераны, строятся новые общественные здания. Но зато села получили некое квазимуниципальное устройство с выборными магистратами, народным собранием. Со времени Каракаллы намечаются первые признаки признания прав общин — запрещение после раздела земли между совладельцами продавать свой участок без согласия соседей. Септимий Север и Каракалла иногда слагали недоимки и приходили на помощь городам, когда у тех возникали затруднения с продовольствием. Септимий Север предписал возвращать городам проданные ими городские земли после смерти покупателя. Запрещено было кому-либо налагать новые подати, а также заставлять декурионов продавать городам зерно по ценам менее установленных. За захват чужого имения, каравшийся при Адриане ссылкой на острова, теперь к тому же конфисковалась треть имущества виновного. За поступлением податей с города и выполнением обязательств должниками города стали следить не все декурионы, а кураторы городов, уже не назначавшиеся императором, а избиравшиеся из самых богатых декурионов, что облегчило несколько положение остальных, но зато фактическая власть в городе, как ранее имело место в Ахайе, переходила в руки немногих богатых семей. В ряде законов ущемлялись права обедневших патронов на вспомоществование и отработку отпущенников, которые переходили даже к детям лиц, репрессированных с конфискацией имущества по закону «об оскорблении величества». С другой стороны, защищались от чрезмерной эксплуатации и отпущенники, поскольку они отправляли повинности в городах, из которых происходили их патроны.

Северы старались восстановить прежний характер городов, резко изменившийся не только из-за обеднения сословия декурионов, но и из-за того, что практически исчезла связь между статусом гражданина города и правом владеть землей на его территории. Многие владельцы земель в разных городах и считались их гражданами. Так, в одной надписи некий римлянин называет себя гражданином Карфагена, Лакедемона, Аргоса, Бастии, Конкордии. Знаменитейшие юристы того времени, все занимавшие в то или иное время должность префектов претория или другие высокие должности (Папиниан, Павел, Ульпиан, Модестин), многое сделали для упорядочения положения в городах. Стремясь вернуть их ко временам их расцвета, они действовали противоречиво: наряду с выгодными для муниципальной знати толкованиями законов они вводили и такие установления, которые только ускорили ее упадок. Юристами были детально разработаны все обязанности, связанные с почетными должностями (*honores*) и повинностями (*munera*). Повинности были патримониальные, налагаемые на имущество (главным образом забота об обеспе-

чении города хлебом, водой, играми, сдача городского имущества в аренду, содержание постояльцев и т. п.), и личные, предполагавшие труд того, кто был ими обязан. От патримониальных повинностей не освобождался никто, даже ветераны; от трудовых имели иммунитет те корпорации ремесленников, торговцев, навикуляриев, которые работали «на общую пользу», с тем, однако, чтобы в них не принимались богатые люди, не трудящиеся, но стремящиеся получить иммунитет. Отправление *hopopes*, ставших для многих тяжелым бременем, стало обязательным. Гражданин города не мог от них отказаться, разве что представив равноценного заместителя. Каракалла лишил иммунитета врачей и учителей, пользовавшихся им со времен Веспасиана. Он же облегчил возвращение в сословие декурionoв лиц, удаленных из него за какую-нибудь вину. Получивший освобождение по бедности вновь привлекался, если состояние его увеличивалось. От *munera* не освобождались ни ранее имевшие освобождение лица старше 50 лет, ни отцы пятерых сыновей. Даже сын раба и свободной, если ему позволяло состояние, мог быть привлечен к декурionato. Вместе с тем Септимий Север предписывал наместникам провинций наблюдать за тем, чтобы «могущественные», пользуясь своей силой, не чинили обид *humiliores*; был усилен закон об аннулировании сделок, заключенной под угрозой порабощения (*Dig.*, 4, 2, 3—4).

Однако политика, направленная на спасение городов как гражданских общин, но осуществляемая принудительными мерами, имела обратный эффект: и декурionoы, и простой народ продолжали беднеть и всеми силами старались избавиться от прежде столь желанных почетных должностей. Если декурionoы бежали, закон предписывал наместникам возвращать их в родной город и заставлять нести повинности; то же касалось и декурionoв, рассчитывавших освободиться, став колонами. Отец отвечал своим имуществом за сына, назначенного городским магистратом.

Каракалла в 212 г. провел реформу, представляющуюся нам очень важной, но почему-то мало привлекающую внимание современников: даровал право римского гражданства всем жителям империи, за исключением дедитициев (т. е. бывших врагов римлян, сдавшихся на милость победителей и лишенных всяких прав). Толкование этого эдикта вызвало много споров, но несомненно, что и после его опубликования в западных провинциях еще оставались люди, не бывшие римскими гражданами и получавшие по-прежнему гражданство за службу в армии. Возможно, то были сельчане, не приписанные к городам, т. е., как дедитици, они не были гражданами *civitas*. С другой стороны, появление в провинциях многочисленных Аврелиев, получивших имя императора вместе с гражданством, показывает, что реформой воспользовались многие. Дион Кассий приписывал мероприятие Каракаллы желанию распространить на бывших перергинов налоги, взимавшиеся только с римских граждан (на наследство, на *манумиссии*) и повышенные Каракаллой; возможно, он хотел умножить число лиц, пригодных для службы в легионах, но дать окончательный ответ на вопрос о его намерениях пока невозможно.

Типичным «сенатским» императором был Александр Север, при котором главную роль в правительстве играл префект претория, знаменитый юрист Ульпиан. Для его политики характерны: раздача земли, скота, инвентаря и субсидий «почтенным людям», снижение арендной платы за арендуемые земли императора, поселение солдат и ветеранов на пограничных землях, что лишило их связи с городами, лишение ветеранов ряда иммунитетов, запрещение им организовывать коллегии, увеличение числа пограничных нерегулярных частей *puneri*, набравшихся из пограничных сел, которые сами затем давали различные привилегии отставным солдатам, не пользовавшимся правами ветеранов регулярных частей, что долж-

но было уменьшить их влияние, освобождение откупщиков фиска и колонов императорских земель от муниципальных повинностей, что наносило удар по городам и было выгодно крупным кондукторам. Уточнены были права императорских рабов, многие из которых сидели на земле: они могли свободно продавать и покупать движимое имущество и ту землю, которую получили не от правительства, а приобрели за свой счет; это способствовало бегству многих частных рабов в императорские имения. Крупным собственникам было выгодно и поощрение крупных торговцев, скупавших их урожай, полученный от колонов, и продававших их в городах, успешно конкурируя с владельцами мелких и средних вилл, а также закон, согласно которому захваченные городские земли уже не отбирались, а только облагались арендной платой. Видимо, также выгодными для крупных собственников были постановления о праве держать в оковах до отработки долга выкупленных у врагов пленных, причисление к фамилии служащих по найму, признание недействительности завещания имения без приписанных к нему инквиллинов (категория инквиллинов не очень ясна; обычно их упоминают вместе с колонами, но они более бесправны. Может быть, то были жившие в имении прекаристы, которые в отличие от прекаристов, имевших отдельный участок, не считались владельцами), включение колонов и инквиллинов в ценз имения и включение инвентаря колонов в инвентарь имения.

Политика правительства Александра Севера вызвала недовольство солдат. Оно еще более усилилось, когда у империи появился новый грозный враг на Востоке: на смену довольно слабой парфянской династии Аршакидов в 222 г. пришла династия Сасанидов, сумевших объединить свои владения, создать сильное войско и начавших наступление на восточные границы империи. Войска, набранные и размещенные на рейнской границе, где были их земли и семьи, не хотели уходить на Восток, тем более что как раз в это время начинается наступление германцев из-за Рейна. Солдаты поднимали бунты. В 222 г. они расправились с Ульпианом. В 235 г. Александр Север и его мать Маммея были убиты во время солдатского мятежа на Рейне и императором был провозглашен выслужившийся в армии фракийский пастух Максимин, ярко выраженный «солдатский» император, по словам его биографа, ведший себя, как Спартак, отнимая имущество у богатых и обогащая солдат. Однако, судя по некоторым данным, Максимин пользовался поддержкой и некоторых муниципальных слоев западных провинций, и, несомненно, Карфагена. Важно отметить, что, по толкованию близко стоявшего к Максиминому воспитателя его сына юриста Модестина, во изменение прежнего положения, согласно которому городские повинности должны были нести и граждане, и *incolae*, жившие в приписанных к городу селах, от этих повинностей были освобождены *incolae*, «пребывающие в поле» и не пользующиеся преимуществами городской жизни. Таким образом, облегчалось положение сельских жителей, из которых теперь набиралась армия, и ветеранов, получавших земли в селах. Было также положено начало разделению сельского и городского плебса, не признававшемуся правом, согласно которому родиной человека был город, к которому было приписано являвшееся местом его рождения село, и муниципальные повинности должны были нести и граждане, и *incolae*, живущие в поле на территории города. Хотя Максиминому удалось отогнать германцев от рейнского лимеса и даже перейти Рейн, против него восстали крупные землевладельцы Африки, поддержанные сенатом, он был низложен и убит.

После его смерти «сенатские» и «солдатские» императоры стали сменяться чрезвычайно быстро. Все это происходило в обстановке смут в западных провинциях и все усиливающегося наступления германцев, сарматов, персов, не говоря уже о пиратских рейдах саксов, фризов и франков, действовавших в Северном море, но доходивших до берегов Ис-

паний и Африки, подымавшихся по рекам и грабивших их берега. Своей кульминации кризис достиг в середине III в. Император Валериан попал в плен к персам и должен был держать стремя царю Сапору — позор, еще никогда не испытанный римлянами. Аламаны вторглись в Италию дважды; нападения германцев на Галлию и Испанию повторялись в среднем каждые 3—4 года, страдали города Ахайи и Македонии. Рабы и колоны часто переходили на сторону варваров, служили им проводниками.

После пленения Валериана императором стал ранее бывший соправителем его сын Галлиен, пользовавшийся единодушной ненавистью сената и земельных магнатов и столь же единодушной популярностью в армии и старавшийся по возможности поддержать города. В его правление (253—268 гг.) несколько оживляется муниципальная жизнь и деятельность коллегий, появляются снова их было совсем исчезнувшие надписи. Он неоднократно выступал против злоупотреблений чиновников фиска и против чрезмерной эксплуатации колонов. Он провел ряд важных военных реформ, из которых особое значение имело создание больших конных соединений, поскольку в войсках главных врагов империи преобладала конница. По не совсем надежным данным, он запретил служить в армии сенаторам. И хотя он в отличие от многих императоров III в. был высокообразованный человек из старинного рода и ему удалось одержать некоторые победы над одними германцами и договориться с другими, поставлявшими ему вспомогательные части, ненависть к нему земельной знати привела к появлению в разных провинциях выдвинутых его «узурпаторов», отпадавших от Рима. В большинстве провинций они были разбиты преданными Галлиену войсками; Аравию и Сирию он передал в управление с титулом «августа Востока» знатному пальмирцу Оденату, сумевшему со своими отрядами отогнать Сапора. Но отделившаяся от Рима «Галльская империя», включавшая Галлию, Испанию и Британию, просуществовала 15 лет. Многие считают отпадение западных провинций делом рейнской армии, недовольной неспособностью римского правительства оборонять эти провинции. Однако больше данных говорит за то, что инициатором выступила галльская аристократия. Против правивших там Постума, Викторина, Тетрика бунтовали солдаты, и им приходилось в значительной мере пользоваться услугами конницы, нанятой у германцев. Когда Галлиен был убит в борьбе с восставшим против него начальником конницы Авреолом и императором стал Клавдий II, прозванный Готским за его победы на Дунае (268—270 гг.), под власть Рима вернулась Юго-Восточная Испания, где еще некоторый вес имели муниципальные слои; вскоре затем, в правление галльского императора Викторина, началось восстание в Августодуне, призвавшем на помощь Клавдия. Под его власть перешла и часть Нарбонской Галлии.

Опорой галльских императоров были области с преобладанием крупного землевладения, те самые, которые некогда поддерживали Клодия Альбина. Из земельных магнатов Аквитании происходил последний галльский император — Тетрик. В его правление началось мощное движение крестьян — багаудов (борцов), как они себя называли, громивших имения и убивавших их собственников. Не в силах справиться с недовольными солдатами и багаудами, Тетрик тайно написал сменившему Клавдия II Аврелиану (270—275 гг.), прося о помощи и обещая сдать ему со своей армией, что и исполнил, получив затем от Аврелиана звание сенатора и богатые имения.

Напуганные движением крестьян и колонов, аристократы западных провинций готовы были пойти на компромисс с Римом, который, в свою очередь, все больше начинает считаться с земельной знатью, хотя «узурпаторы» продолжали давать о себе знать и при преемниках Галлиена, известных под общим названием «иллирийских императоров», поскольку все они происходили из выслужившихся в армии уроженцев придунай-

ских провинций. Продолжались и вторжения варваров, и восстания крестьян и колонов. Прекращается в это время разработка испанских рудников и вывоз в Рим испанского масла. Все же при «иллирийских императорах» намечаются некоторые черты возрождения империи. Аврелиан вернул под власть Рима не только западные провинции, но и восточные, захваченные женой Одената Зенобией, правившей после смерти загадочно убитого Одената. И Аврелиан, и его преемник Проб (275—282 гг.) одержали несколько побед над германцами и широко ввели в практику испомещение пленных на опустошенных землях в качестве колонов и военнообязанных, прикрепляли заброшенные земли к более сильным городам и землевладельцам, с тем чтобы они их возделывали, заставляли солдат осушать болота и подымать новь, чтобы наделять за счет этих земель ветеранов, не прибегая к конфискациям. Однако полное, хотя и временное, умиротворение империи было достигнуто только при Диоклетиане, с которого начинается так называемая эпоха домината.

Бедствия III в. оказали большое влияние на умунастроения людей и на характер императорской власти. В. И. Ленин противопоставлял устройство государства, объединенного экономическими связями, устройству, когда такие связи вследствие автаркии крупных имений и общин слабеют и государство основывается на деспотических связях, политически объединяющих такие автаркичные ячейки¹. Именно такой процесс и шел в империи III в. Императорская власть, на деле слабая, старалась хотя бы внешне возвеличить свое значение и мощь. От простоты и «демократичности» Антонинов ничего не остается. Императоры изображаются в диадеме с солнечными лучами, со скипетром и земным шаром. Всячески поощряются, особенно при Северах, восточные солярные культы Митры, Юпитера Долихена и др., согласно которым цари были сынами верховного бога Солнца или его посланниками на земле, божественными уже при жизни. Все близкие ко двору чиновники, императорские отпущенники, военные строят святилища и приносят жертвы солнечным богам. Аврелиан пытался сделать Солнце верховным богом империи, организовав его культ по образцу культа Юпитера, и на монетах изображал себя вместе с Солнцем. Каждый император, хотя бы он правил менее года, именовал себя «вечным» и «непобедимым», а обращения к нему следовало начинать с утверждения, что он принес «золотой век», так что даже само понятие «век» и отдельные отрезки времени — сезоны и т. п. — стали предметом культа. «Божественной» стала и вся семья императора; надписи, посвященные богам за благо «божественного дома», множатся, особенно среди военных.

Среди интеллигенции и горожан главным становится вопрос, откуда же берется все зло в мире и как его можно преодолеть? Наиболее популярен ответ, уже ранее дававшийся платониками: зло происходит от материи и материального мира. Та космическая необходимость, приспособление к которой, подчинение ей стойки считали основой добродетели и счастья, теперь превращается в давящую, порабощающую силу, и все старания направляются на то, чтобы путем посвящения в мистерии, общения к откровениям, к тайным знаниям восточных мудрецов узнать, как выйти из-под власти царящей в подлунном мире необходимости в звездный мир истинной свободы, всеобщего единения, преодоленного зла. Той же цели служили магические формулы, призванные укротить демонов земли и планет, чтобы они пропустили душу за их пределы.

Героем для людей III в. становится уже не служащий Риму военачальник и политик, как то было в эпоху расцвета «римского мифа», а боговдохновенный мудрец, познавший все тайны мира, как, например, герой романа Филострата (ок. 170—240/49 гг.), пифагореец, ученик брахманов

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 266—267.

и эфиопских гимнософистов Аполлоний Тианский или философ Плотин (204/05—270 гг.) в написанной его учеником Порфирием биографии. Плотин, пользовавшийся покровительством Галлиена, мечтавшего о возрождении античной культуры, был единственным, пытавшимся спасти что возможно из античного мировосприятия с учетом условий своего времени. Свои трактаты — «Эннеады» он писал долгое время, и в них немало противоречий, например в трактовке материи то как носителя зла, то как аморфной субстанции, только гасящей добро. Но он пытается снова воссоздать единство космоса и человека, сокращая иерархию посредников между богом и человеком. Высший принцип для него не ум, занимающий лишь второе место, а единое, целостное верховное благо, пронизывающее весь мир, не отвратительный, а прекрасный, ибо он отображает совершенный мир идей. Борьба и несчастья порождаются множественностью, разделенностью, разорванностью бытия. Преодоление их — в слиянии с верховным благом, достигаемым не умом и познанием, а экстазом, отрешением от всего земного, очищением души от зла, подобным очищению золотого слитка от налипшей на него грязи. Это требует высшей добродетели, но Плотин не отрицает и «гражданских» добродетелей, долга каждого добросовестно играть свою роль в мировой драме, помня, что зло в мире столь же необходимо, как тени на картине, и исходит не из личного благополучия, а из блага целого. К тому же, говорит он, нелепы вечные жалобы на то, что злые властвуют, а хорошие страдают: зачем они дают злым брать верх с покорностью овец, пожираемых волками, ведь боги помогают не тем, кто плачет и молится, а тем, кто трудится и борется.

Учение Плотина — неоплатонизм — было слишком сложно для широких масс, да и сам он предназначал его для избранных. Со смертью Галлиена он уезжает из Рима, его ученики разбредаются, и впоследствии неоплатонизм, претерпев ряд модификаций, становится главным образом философией интеллигенции восточных городов.

Широко распространяется христианство. Вероятно, в связь с этим могут быть поставлены жестокие законы против пророков и проповедников новых, непризнанных учений, пробуждавших в душах простых людей какие-то надежды. Уже при Марке Аврелии отмечены преследования христиан, в частности в Лугдуне, где тогда жил и писал сочинения епископ Ириней. Настоящие гонения на христиан были предприняты императорами Децием (249—251 гг.) и Валерианом (253—260 гг.), «сенатскими» императорами. Деций велел всем жителям империи в доказательство своей лояльности принести жертвы богам. Отказывавшихся сделать это христиан заточали в тюрьму, ссылали в рудники. Валериан, поскольку христиане уже были выявлены, распорядился казнить клириков, христиан из сенаторов и всадников, остальных ссылали в рудники. Более резкой становится и оппозиция христианских авторов. Так, епископ Карфагена Киприан писал, что начало Риму положила шайка разбойников во главе с братоубийцей Ромулом, а знаменитый Брут был убийцей своих сыновей. Насильниками были и все императоры, которым не только нельзя воздавать культ, но не следует их даже подпускать к храмам. К христианским общинам все больше стали тяготеть представители муниципальных слоев, недовольных политикой императоров, особенно «сенатских», и возможно, что частично гонения были направлены не столько против самой веры, сколько против оппозиционной организации, ибо христианская церковь становилась внушительной и хорошо организованной силой. В некоторых отношениях, например в том, что касалось помощи бедноте за счет пожертвований богатых членов общины, церковь стала заменять муниципальную организацию. Все большую власть стали приобретать епископы, самовластно распоряжавшиеся общинами своих городов, собиравшиеся на провинциальные и межпровинциальные соборы для решения важных

дел: об обязательности того или иного догмата, о «ересях», о поведении того или иного епископа, о правилах, которыми должен руководствоваться клир, и т. п. Когда Галлиен отменил гонения, выяснилось, что христианские общины вышли из пережитого испытания окрепшими и сплотившимися. Среди всеобщей разрухи они становились наиболее прочными и жизнеспособными организациями, что имело немалое значение для дальнейшей судьбы христианства при доминате.

2. ЭПОХА ДОМИНАТА

Кризис III в. изменил социально-экономические и политические отношения в империи, и с этим должны были считаться римские правители, когда наметился выход из кризиса. Соответствующие реформы были проведены при императорах Диоклетиане (284—305 гг.) с его тремя соправителями — Максимианом, Галерием, Констанцием Хлором (так называемая тетрархия) и Константине (306—337 гг.), который объединил империю под своей властью, победив различных претендентов на престол, после того как Диоклетиан отрекся от власти.

Диоклетиан и его соправитель Максимиан одержали ряд побед над варварами, практически очистив от них провинции. Максимиан разбил отряды повстанцев в Африке и багаудов, которые в это время выбрали двух императоров — Элиана и Аманда, воздвигли сильную крепость на Марне, откуда совершали набеги на виллы и города. Констанций Хлор разбил захвативших власть в Британии Караузия и Аллекта. Пленные варвары были теперь расселены не только на государственных, но и на частных землях. «Разбойников», как именовались багауды и другие повстанцы, без суда и следствия вешали там, где они были пойманы, или отдавали в рабство без права освобождения. Все это обеспечило новым правителям преданность западной аристократии, нашедшую свое яркое выражение в произнесенных в их честь галльскими ораторами «Панегириках». Императоров сравнивали с Юпитером и Гераклом, победившими мятежных гигантов, «сынов земли», славили как благодетелей провинции, опустошенные земли которой теперь возделывают варвары, дающие рекрутов в армию. То были так называемые леты, к которым впоследствии прибавились *gentiles* — варвары, пришедшие в империю с просьбой предоставить им землю за службу в армии, и федераты — племена, заключившие союз с Римом на условии выделения им более или менее значительных территорий при условии, что они будут защищать провинцию, воюя под командой своих вождей.

Реформы Диоклетиана и Константина учитывали фактически сложившееся положение и соответственно его оформляли, дабы возродить империю в новых условиях. Был изменен принцип налогообложения. С землевладельцев налоги взимались ватурой исходя из некоей единицы (капут), складывавшейся из сочетания рабочей силы и земельного участка определенного размера и вносившейся в ценз, проводившийся раз в 15 лет. Сущность налоговой реформы вызвала много споров среди историков и окончательно не решена. Видимо, единица рабочей силы равнялась одному мужчине или двум женщинам; размер участка определялся в зависимости от качества земли и произраставших на ней культур. Подать за частные земли была меньше, чем за участки, взятые из императорской земли. Каждая провинция была обязана определенным количеством капутов; за сбор с сельских территорий городов отвечали декурионы, теперь именовавшиеся куриалами; с экзимированных имений — их владельцы. Сельский и городской плебс были разделены: жившие внутри городов ремесленники, торговцы и другие плебеи должны были платить подать деньгами согласно цензу, проводившемуся раз в 5 лет, и год ценза был, по словам современников, годом слез и печали.

Известными привилегиями пользовались ремесленные коллегии, но зато они должны были обслуживать двор и армию. Их члены вместе со своими потомками были прикреплены к своей коллегии. Сенаторы, ставшие сословием крупных землевладельцев, пополнявшимся за счет вышедших в отставку высших чиновников, и необязанные присутствовать на заседаниях сената, вносили в казну определенное количество золота в зависимости от размеров их имений и в торжественных случаях должны были делать в пользу императоров дополнительные золотые взносы. Колоны, внесенные в пенз, приписанные к определенному месту (имению, селу) или обязанные определенными повинностями (трибутарии), уже при Диоклетиане были крайне ограничены в возможностях перехода с места на место, а Константин окончательно прикрепил их к земле, приказав возвращать беглых колонов в цепях к месту, где они должны были работать и нести повинности. Имущество колонов было приравнено к рабскому пекулю, которым они не могли распоряжаться без санкции господина. Господин был обязан выставлять из своих колонов определенное число рекрутов или вносить деньги для найма новобранца, большую часть из варваров. Оставшиеся еще свободными крестьяне объединялись в сотоварищества (консорции), обязанные поставлять солдат и снаряжать их. Соответственно большое значение приобретают общины, обязанные коллективной ответственностью. Консорты могли не разрешать посторонним покупать их общие земли; земля того, кто умер, не оставив наследника, переходила к консортам. По тому же принципу были организованы консорции куриалов, навикуляриев, солдат: выморочное имущество их сочленов переходило к соответственному консорцию, коллективно отвечавшему за наложенные на него повинности. Это вело к закрепощению не только колонов, но и всех объединений, корпораций, обязанных какими-либо работами и повинностями, что вызывалось не только фискальными интересами государства, но и попытками оздоровить экономику, заставив всех соблюдать древний принцип труда «на общую пользу». В русле этой политики шло, правда, позже введенное запрещение продавать без земли не только колонов, но и посаженных на землю рабов, а также ряд законов и эдиктов, направленных на защиту крестьян и «маленьких людей»: запрещение уволить у крестьян за долги пахотных быков и отбирать орудия труда, возлагать на них дополнительные работы во время сева и жатвы; назначение дефенсоров, обязанных защищать от насилий сильных людей. Отсюда и борьба с патрициями — переходом крестьян и колонов государственных земель под защиту земельных магнатов, клиентами которых они становились, с тем чтобы те обороняли их от злоупотреблений императорских чиновников и сборщиков налогов, что лишало государство не только налогоплательщиков, но и рабочих рук.

Провинциальная земельная знать чем далее, тем более была в состоянии предоставлять такое покровительство своим клиентам. После временного прекращения варварских вторжений и разрушения многих мелких и средних вилл быстро растут домены туземных магнатов, в большинстве выходцев из новых семей, хотя некоторые и пытались возводить свой род к древним римским родам. В ряде районов западных провинций, в которых и раньше преобладали не муниципальные слои, а родоплеменные «принцепсы», раскопаны огромные виллы, роскошно отделанные, в несколько десятков комнат, с большими погребями для сельскохозяйственной продукции, мастерскими и окружающими их домиками колонов. Судя по автору агрономического трактата середины IV в. Палладия, на вилле теперь производилось все необходимое, вплоть до водопроводных труб. Особенно достойно внимания, что в отличие от его предшественников, уделивших столь много внимания организации трудившихся на вилле рабов, Палладия этот вопрос не занимает. Своих работников

он обычно именуется *rustici*, как именовал своих колонов и Плиний Младший, — они, видимо, были обязаны отработками в господской части имения. Из археологических и литературных данных мы знаем, что сплошь да рядом такие крупные виллы превращались в укрепленные бургы, где владелец распоряжался совершенно самостоятельно, имел собственные тюрьмы и набирал из своих людей дружину, оборонявшую бург не только от варваров и повстанцев, но и от императорских чиновников, пытавшихся собрать с хозяина налог или увести бежавших под его покровительство людей. Особенно сильна была земельная аристократия в западных провинциях, где ее представители нередко занимали высшие должности в управлении провинций или в общегосударственном масштабе, что усиливало их влияние и независимость.

Ослабление экономических связей и трудность управления не объединенной этими связями империей привели к ее разделению на четыре части; при Диоклетиане ими правил он сам и его соратники, при Константине эти части получили название префектур и подчинялись префектам. На более мелкие регионы были разбиты провинции, число которых возросло до 100—120. Разница между городами, имевшими статус колоний, муниципий и т. д., сгладилась — все они теперь назывались *civitates*. Значительное их число представляли собой маленькие центры племен, на которые распались некоторые части бывших провинций. На 12 частей была разбита и Италия, теперь окончательно приравненная к провинциям и обложенная такими же податями. Промежуточной единицей между провинциями и префектурами были диоцезы, включавшие по нескольку провинций и управляемые викариями.

Во избежание новых узурпаций гражданская власть наместников была отделена от военной; число легионов удвоено при уменьшении численности их состава, а армия поделена на отряды, стоявшие на границах в качестве военных поселенцев, и мобильные соединения, которые легко можно было перебрасывать с одного места на другое, не вызывая протеста солдат, не желавших уходить из своей провинции. Военная реформа дала временный эффект. Через пару десятилетий боеспособность армии снова стала падать: колоны, если землевладельцы сдавали их в рекруты, не имели особого желания защищать империю; сыновья ветеранов, хотя за ветеранами были сохранены их привилегии, в условиях, когда мелкое и среднее землевладение разлагалось, а принадлежность к сословию декурiones налагала новые повинности, также мало были заинтересованы в военной службе. Поэтому все чаще приходилось прибегать к найму варваров или договорам с племенами, переходившими на положение федератов. Армия постепенно варваризировалась и с точки зрения ее состава, и по вооружению, и по методам ведения войны. Наемники требовали платы золотом, которое становилось все труднее добыть, поскольку, хотя работа на рудниках и восстановилась, они давали продукции гораздо меньше, чем раньше. Федераты же требовали земли в провинциях и не всегда были надежны в войнах со своими соплеменниками.

Диоклетиан и Константин проводили монетные реформы с целью поднять стоимость денег и преодолеть инфляцию. Отчасти это удавалось, но все же хозяйство продолжало натурализоваться. О новом отношении к ценам свидетельствуют слова Константина в эдикте, запрещавшем опекунам продавать земли малолетних; предки, писал он, видели всю силу своего имущества в наличных деньгах, но это неправильно, так как деньги нестабильны и недолговечны. Богатые люди усиленно собирали сокровища уже не в денежной форме, а в виде слитков золота, драгоценных камней и т. п. Диоклетиан пытался бороться с ростом цен и спекуляцией, издав эдикт о ценах, нормируя максимальные цены уже не только на зерно, но на другие товары, а также на заработную плату людям

как физического, так и умственного труда. Но его эдикт практически не вошел в жизнь, не соблюдались и прежние нормы цен на зерно. Спекуляция, особенно продуктами питания во время неурожая, принимала широкое распространение, обогащая крупных землевладельцев и оптовых торговцев, вызывая волнения городского плебса.

При Диоклетиане, Константине и преемниках последнего завершился шедший уже в III в. процесс абсолютного превалирования «деспотических» связей. Император из принципса окончательно превратился в господина, *dominus*, в связи с чем эпоха IV—V вв. получила в современной науке название домината. Власть императора стала считаться абсолютной и священной, как священным стало все имевшее к нему какое-нибудь отношение, начиная от его опочивальни и кончая его рескриптами. Его отличала диадема и шитая золотом пурпурная одежда, какую под страхом казни никто, кроме него, не мог носить. Императоры редко показывались народу, а те, кто был к ним допущен, обязаны были падать ниц, соблюдая ритуал, принятый при дворе персидских царей, что часто считают признаком «ориентализации» империи — термин, который можно принять лишь в том смысле, что Поздняя Римская империя действительно по своей структуре напоминала некоторые восточные царства, что накладывало свой отпечаток и на организацию власти.

Соответственно до бесконечности возрастал штат дворца (одних придворцев при Константине было 1000), влиявший благодаря своей близости к правителю и на государственные дела, и еще больше разрастался бюрократический аппарат — канцелярии императоров, префектов, викариев, наместников, ведомства по сбору налогов и их распределению, по управлению императорским имуществом, включавшим теперь, помимо земель и рудников, также большие мастерские, производившие оружие, одежду и другие изделия для нужд двора, армии, чиновничества и обслуживавшиеся прикрепленными к ним работниками, которых клеймили, чтобы они не могли убежать. Представители административного аппарата были распределены строго по рангам, с соответствующими титулами. Занимавшие высокий ранг после отставки причислялись к сословию сенаторов; следующие по рангу с титулом *honorati* возвращались в родные города, где пользовались высоким престижем. Вся эта масса придворных и чиновников потребляла значительную часть производившегося в государстве прибавочного продукта, чинила насилия «маленьким людям», требуя дополнительных средств и услуг. В их среде процветали интриги, доносы, коррупция. Насколько последняя была обычна, видно не только из многочисленных направленных против нее законов и рескриптов, но и из составленного в IV в. в Галлии списка ответов оракула на разные вопросы. На часто повторявшийся вопрос: «Выиграю ли я тяжбу в суде?» — следовал неизменный ответ: «Выиграешь, если дашь судье больше, чем твой противник». Бюрократический аппарат превращается в некую самостоятельную силу, противостоявшую почти всем социальным слоям и усиливавшую их враждебность к существующему строю.

Выше уже упоминалось отделение сельского плебса от городского и передача выморочного имущества консортию курялов, т. е. уже не город, а курии становились собственниками городской земли. Усилилась социальная и имущественная дифференциация среди самих курялов, составляющих теперь определенную иерархию. Во главе ее стояли самые богатые — принципалы. О разнице между ними и простыми декурионами можно судить по — правда, относящемуся к Африке — указу, согласно которому за причастность к «ереси» донатистов принципалы, как и сенаторы, платили штраф в 20 фунтов золота, простые курялы — в 5. Близки к принципалам были и упоминавшиеся уже *honorati*. Происходившие из города сенаторы могли выбираться патронами города, оказывать «благодеяния» бедноте и, так же как *honorati*, использовать свои

связи с правительственным аппаратом в пользу города. Так, как некогда в Ахайе, выделялся небольшой круг фактически господствовавших в городе богатых семей, крупных землевладельцев, сближавшихся с теми «сильными людьми», которые выступают в кодексах как главные притеснители «маленьких людей», бравшихся императорами под защиту с целью сохранить за собой их рабочую силу и укрепить их платежеспособность, а также ограничить влияние «сильных людей», противостоявшее влиянию императоров и их аппарата.

Основное бремя ответственности за налоги и повинности города падало на простых курiales. Правительство старалось закрыть им все возможные выходы из их нелегкого положения: службу в армии или административном аппарате, переход на положение колонов императорских и частных имений или даже рабов сильных людей, способных их защитить. Таким образом, власть в городе и собственность на его территорию принадлежали уже не народу, как то, хотя бы теоретически, имело место в античной гражданской общине, а небольшой группе знатных и богатых семей. Изменялся даже внешний облик городов: старая планировка нарушалась, площади, парки, форумы, предназначенные в пользование всем гражданам, застраивались, общественные здания ветшали и разрушались. Однако, хотя много мелких городов с небогатым населением хирело, ряд больших городов Запада сохраняли свое значение как административные и культурные центры, центры ремесленного производства, особенно если там располагались крупные императорские мастерские и жили земельные магнаты. Такими крупными городами оставались в Галлии и Германии Трир, Кёльн, Арль, Бордо, Амьен, Бурж, в Испании — Мерида, Барселона, Кордова, Тарракона, Сарагосса.

В городах по-прежнему производились ремесленные изделия — ткани, стекло, керамика, украшения, оружие, статуэтки. Они в основном изготовлялись по заказу крупных собственников, и во всех этих вещах наблюдается возрождение старых местных традиций как в стиле, так и в технике. Возрождаются и старые обычаи, например оформление надгробных стел, на праздниках — и в Галлии, и в Испании — на Новый год стали снова одеваться в шкуры оленей и быков. Ремесло продолжало жить и в сохранившихся после нашествий III в. селах, особенно на Рейне. Таким образом, было бы неверно, как то иногда делается, считать период Поздней империи временем сплошного упадка. В упадок пришел рабовладельческий уклад и неразрывно связанная с ним античная гражданская община со всем строем ее жизни. Напротив, уклад, существовавший еще до римского завоевания, но стимулируемый влиянием римских античных отношений, сложившейся на их основе техникой, организацией хозяйства, многообразными связями между провинциями и Римом, развивался. В нем уже сложились формы отношений, от которых был возможен переход к феодальной формации: сословная собственность как сенаторов, так и колонов, хотя юридически еще не считавшихся особым сословием; разделенность владельческих прав, чуждая античной *civitas*, где каждый гражданин, и только гражданин, был землевладельцем и был непосредственно связан с самой *civitas*, тогда как теперь возникла длинная цепочка прав собственности и владения, от верховного собственника — императора через собственность сенатора к владельческому, прекарным правам колона или через владение общины к владению общинника, так что каждый был связан с государством только через посредство более высокого звена в сложившейся иерархии; принцип общинной организации всех групп населения, объединенных одинаковым характером своего труда, своих повинностей, своего места в социальной иерархии; наконец, способ присвоения прибавочного продукта непосредственных производителей; от непосредственного присвоения прибавочного продукта, произведенного рабом, переход к присвоению его в

форме ренты, вносимой колоном. Эти новые формы, предвосхищавшие переход к более прогрессивной формации, способствовали развитию того уклада, в котором они сложились. Об этом свидетельствуют и богатство земельных магнатов, и процветание городов, с которыми они были наиболее тесно связаны, и новая культура.

Диоклетиан пытался освятить свою власть, прокламируя непосредственную связь с Юпитером, а Максимиана — с Гераклом. Не желавших признавать божественность его власти христиан он жестоко преследовал; многие погибли, но церковь не ослабела. На Западе, где правил Константин Хлор, жертв вообще было гораздо меньше. Сын Констанция Хлора Константин не только отменил гонения, но сам принял христианство и сделал его государственной религией. О причинах обращения Константина уже в древности ходили разные версии, сохраняющиеся и теперь. Одни видят в нем акт искренней веры, другие — тонкий политический расчет: государство, укрепляя свою власть, искало союза с религией, создавшей наиболее сильную организацию и к тому же склонной к догматизму, противостоящему исконному античному свободомыслию, плохо согласовывавшемуся с абсолютной, теократической императорской властью. Вероятно, имели место обе эти причины. Мать Константина была христианкой, и он, как всякий его современник, искал веры, наиболее отвечавшей его духовным потребностям. Но он был и умный государственный деятель и вполне мог учитывать все преимущества христианской церкви, не побежденной гонениями Диоклетиана, как сильного союзника. В 325 г. он собрал в Никее собор, выработавший единый и обязательный для христиан символ веры, что, однако, не помешало возникновению иных толкований христианского вероучения с борьбой между собой различных течений, каждое из которых старалось обеспечить себе поддержку правительства.

Основные столкновения между ними, особенно между никейством и арианством, поддержанным преемниками Константина и распространившимся среди готов, происходили на Востоке. На Западе ересей было немного и они не имели большого числа сторонников. Христианство быстро распространялось в городах, среди высших классов. Сельское население принимало его с трудом. В «Житии св. Мартина Турского» Сульпиций Север неоднократно упоминает, как Мартин обращал в христианство сельчан, приказывал вырубать священные деревья и какое это встречало сопротивление. Но церковь действовала в этом смысле достаточно гибко, приспособлявая христианские праздники к языческим, допуская отождествление некоторых местных богов с христианскими святыми и мучениками, культ которых быстро развивался, как и культ Богородицы, сливавшийся с исконным культом богинь-матерей.

Благодаря богатым пожертвованиям императоров и знати церковь и появившиеся по образцу восточных монастырей быстро богатели. Епископы, обычно избиравшиеся из местной знати, приобретали большое влияние в городах, а самые выдающиеся из них, как, например, Амвросий Медиоланский, и при дворе.

На Западе оппозиция христианству, как и нарушавшим традиции «предков» мероприятиям императоров, была сильна только среди римских сенаторов. Рим постепенно терял свой характер столицы империи. Уже императоры-тетрахи не жили в Риме, а Константин, как бы подчеркивая свой разрыв с языческим прошлым, перенес столицу в г. Византий, названный Константинополем. Рим сохранил некоторые свои старые привилегии: раздачи плебсу и устройство для него зрелищ, сенат, достигший численности в 2000 человек, магистратов и престиж «Вечного города». Часть сенаторов приняла христианство, но многие относились к нему враждебно, демонстративно принимали звания высших жрецов римских и восточных богов, прославляли «предков». Особенно характерно

так называемое дело об алтаре Победы при императоре Грациане (375—383 гг.). Строгий ревнитель христианского благочестия, он приказал вынести из курии сената поставленный там Августом алтарь Победы. Сенатор Симмах, видный писатель и приверженец язычества, обратился к императору от имени своих единомышленников с просьбой не трогать алтарь богини, давшей некогда Риму его величие, напоминал о прошлом Рима, намекал, что пренебрежение им может пагубно отразиться на судьбе империи. С ответом выступил Амвросий Медиоланский. Его главной мыслью было: нельзя держаться за прошлое, все изменяется, то, что было когда-то великим, становится малым, а малое поначалу станет великим. В отношении Симмаха и Амвросия к традиции и прогрессу ярко отразилась разница между мировоззрением класса, уходящего в прошлое, и класса, за которым было будущее. Среди деятелей культуры того времени еще были такие, даже принявшие христианство, но связанные со всеми традициями античной культуры, писатели и поэты, как галлы Авзоний, Аполлинарий Сидоний, Рутилий Намациан, живший в Риме грек Клавдиан, пользовавшиеся популярностью у современников, но произведения которых в общем подражательны, вычурны и лишены глубины мысли. Оригинальное, творческое начало оказывалось зато в трудах христианских писателей, правда более многочисленных на Востоке, но действовавших также и на Западе. Помимо горячо обсуждавшихся богословских вопросов, они уделяли значительное внимание и осмыслению истории. Для них, как и для Амвросия, характерна идея прогресса и преходящести величия земных царств при вечности лишь царствия божьего. Наиболее полно эту концепцию развил в своем большом труде «О граде божьем» епископ Гиппона Августин. За ним следовал испанский дьякон Орозий в своей истории Рима. Так формировалась новая концепция истории, отличная от античной и ставшая основой философии истории Европы эпохи феодализма.

Реформы Диоклетиана и Константина лишь на недолгое время стабилизировали положение империи. Уже при преемниках Константина, Констанции, правившем на Востоке, и Константе, правившем на Западе, в Галлии появился новый узурпатор, Магненций, наполовину франк, убивший в 350 г. Константа, признанный императором в Галлии, захвативший Италию и разбитый в 353 г. Констанцием, заключившим против него союз с царем аламанов Хнодомаром. Одновременно начинаются новые нашествия варваров на Галлию, где они захватили 40 городов. Их разбил посланный с титулом цезаря Констанцием Юлиан, заставив пленных отстраивать города и укрепления и снизив подать, вносимую Галлией; но, по словам современников, льготой воспользовались только богатые, переложив всю тяжесть повинностей и податей на бедных. Вообще же политика Юлиана, провозглашенного солдатами, недовольными Констанцием, императором (361—363 гг.), с его попыткой восстановить античную религию и античную культуру, мало отразилась на положении Запада, так как его основными сторонниками были муниципальные круги Востока. После смерти Юлиана и недолгого правления Иовиана армия избрала императором Валентиниана (364—375 гг.), назначившего правителем Востока своего брата Валента (364—378 гг.). В их правление снова начинается в Галлии и Испании движение багавдов, подавить которое правительство, несмотря на жестокие карательные экспедиции, оказывалось бессильным. Во Фракии восстали поселенные там Валентом вестготы, возмущенные вымогательствами и насилиями римских чиновников. К ним присоединились местные колонны, рабы, работники с золотых приисков. В 378 г. при г. Адрианополе повстанцы разбили армию Валента, погибшего в бою с 40 тыс. солдат. Повстанцы расправились с крупными землевладельцами и под командой готского вождя Фритигерна, расширяя свое поле действий, подошли к Констан-

тинополю и к Альпам. Правивший на Западе после умершего Валентиниана его сын Грациан (367—383 гг.) спешно вызвал из Испании сосланного туда Валентинианом заслуженного полководца Феодосия, передав ему власть на Востоке (379—395 гг.). В течение 5 лет Феодосий, действуя то отдельными карательными экспедициями, то подкупам готских вождей, подавлял восстание. Часть вождей готов получили высокие чины в армии и при дворе Константинополя, остальным готам были предоставлены земли во Фракии, Фригии и Лидии, зерно, скот, дозволение жить по законам их народа, управляться своими вождями.

На Западе продолжалось движение багаудов и росла оппозиция провинциальной знати. В римском правительстве, неспособном обеспечить магнатам повиновение колоннов и крестьян, безопасность от варваров, знать, гораздо более сильная и самостоятельная, чем во времена Галльской империи III в., видела теперь только бесполезного претендента на большую часть прибавочного продукта, вносимой колоннами ренты. Она выдвигала все новых «узурпаторов». В 383 г. в Британии был провозглашен императором Максим, признанный и Галлией. Грациан был пойман и убит сторонниками Максима около Лугдуна. Феодосий, занятый на Востоке, временно признал Максима, избравшего резиденцией Трир, императором Запада, но, развязав себе руки на Востоке, разбил его и в последний раз объединил империю под своей властью. После его смерти, в 395 г., она окончательно разделилась на восточную и западную.

В западной половине империи власть императоров становилась все слабее, они всецело зависели от германских войск и их командиров, фактически управлявших всеми делами государства. В западных провинциях появлялись все новые узурпаторы, которых поддерживали бургунды, франки и аламаны. Знать Галлии, Британии и Испании искала теперь союза с германскими вождями, власть которых представлялась значительно менее обременительной, чем власть римского бюрократического аппарата, и которые к тому же могли значительно более эффективно подавлять багаудов, чем римское правительство. Со своей стороны колонны, рабы, крестьяне бежали к германцам, спасаясь от гнета государства и своих господ. Об их сочувствии варварам можно судить по, правда, относящимся к более раннему времени сочинениям Коммодиана, жившего в одной из западных провинций, возможно, главы какой-то секты, восставшей как против обмирщения церкви, так и против римского правительства. С победой готов он связывает и победу «праведных» над знатными и богатыми, над сенатом и римскими городами. Все «благородные» и «начальники» обратятся в рабов своих рабов, и начнется тысячелетнее царство справедливости, добра.

Так формируется союз внутренних и внешних сил, который должен был положить конец Западной Римской империи. Тяжелейший удар ей был нанесен, когда против нее снова выступили вестготы под командой Алариха. Война длилась около 10 лет, сражения перемежались с мирными договорами, заключавшимися с Аларихом жившим в Равенне римским правительством, фактически возглавлявшимся главнокомандующим вандалом Стилихоном. В результате придворных интриг Стилихон был казнен, договор с Аларихом порван, и в 410 г. после долгой осады Аларих взял Рим, ворота которого ему открыли рабы. Три дня готы грабили Рим, затем ушли, но падение «Вечного города» произвело страшное впечатление. Еще сохранявшиеся, несмотря на направленные против них строгие законы придерживавшегося никейского православия Феодосия, язычники увидели в этом событии кару за отступление от религии предков; христиане — наказание за грехи. В значительной мере в опровержение впечатления, произведенного взятием Рима, и было написано Августином его сочинение «О граде божьем».

Западная империя постепенно распадалась. Еще до нашествия Алариха вторгнувшиеся в империю вандалы и аланы утвердились в Испании. В 418 г. готы по договору с римским правительством получили Аквиганию со столицей в Толосе. Бургунды утвердились на Рейне. Саксы захватили Британию. В середине V в. с помощью франков на территории между Сеной и Луарой образовал свое самостоятельное княжество Эгидий, которому наследовал его сын Сиagriй, изгнанный франками в 486 г.

Престол Западной империи стал игрушкой в руках командиров германских войск, назначавших и смещавших императоров. В 476 г. командир стоявших в Италии германских наемников, требовавших предоставления им земли и, не получив ее, поднявших восстание, скир Одоакр сместил последнего императора Ромула Августула и, не сочтя нужным поставить нового, отослал инсигнии императорской власти в Константинополь. Эта дата считается концом Западной Римской империи, территория которой теперь была занята варварскими королевствами.

3. ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ПЛЕМЕН И ПАДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Вторжения племен на Дунае, на Рейне, в Греции и на Востоке имели своим следствием то, что целые области империи отделялись и провозглашали собственных ставленников на императорский трон.

Дакия, в сущности, была потеряна для римлян. В 260 г. роксоланы выступили из областей восточнее Дакии в земли между Дунаем и Тисой. Готы, пройдя через проходы восточных Карпат, были в 269—270 гг. в Трансильвании. Вандалы напали на Дакию и Паннонию. Сообщая об утрате завоеванных за Дунаем земель, древние авторы (Евтропий и Фест) писали об оставлении Дакии Галлиеном (253—268). Эвакуацию же ее населения они относили ко времени Аврелиана, который «вывел римлян из городов и с полей Дакии», свидетельствуя, таким образом, что из провинции ушло романизированное население, как городское, так и сельское. Аврелиан организовал в 271 г. на правом берегу Дуная Правобережную провинцию Дакию. Легионы Дакии были установлены на Дунае — XIII Сдвоенный — в Ратиарии, V Македонский — в Эске. Об оставшемся в левобережной Дакии населении нет никаких письменных свидетельств ни у римских, ни у византийских историков. После ухода римлян в Дакии замерла городская жизнь, прекращаются латинские надписи из провинции.

Города не были больше экономическими и культурными центрами. Исчезла городская культура и городская цивилизация. Вышла из употребления система благоустройства римских городов (водопровод, термы, мощенные улицы, дороги, канализация). Развалины римских городов населяли небольшие группы людей, которые вели жизнь скучную и примитивную. Поскольку политическое господство в Левобережной Дакии в IV—V вв. принадлежало готам, гепидам и гуннам, местное население, оказавшееся отодвинутым, не могло оставить о себе письменных свидетельств. Отсутствуя в горы, оно продолжало здесь жить в форме сельских общин. Одно из таких поселений сельского типа — Братей (в Трансильвании) связывают с присутствием в прежней Дакии местного населения.

Оставление Дакии римлянами сделало беспрепятственными вторжения в правобережные дунайские провинции. Реция и Норик подвергались вторжениям аламанов. На Паннонию следовали нападения квадов, сарматов и маркоманов. Дунайский лимес был прорван во многих местах. Города подвергались нападениям и разрушению. Население в страхе бежало, зарывая в землюклады в надежде на возвращение.

В 231—233 гг. аламаны, представлявшие собой объединение германских племен, прорвали лимес Верхней Германии и Реции. Декуматские поля были потеряны римлянами и оставались в руках аламанов до 260 г. Часть аламанов прорвалась в восточную Рецию и вторглась в Норик и Паннонию. Дойдя до Равенны, аламаны были остановлены под Медиоланом (ныне Милан) войсками Галлиена. При Клавдии II (268—270) в битве под Наиссом было разбито (по свидетельству современника) 320-тысячное войско готов, включавшее в себя также племена Северного Причерноморья. Множество пленных было поселено Клавдием II во Фракии, Мёзии и Паннонии, где они несли военную службу на границе. При Аврелиане имели место войны в Паннонии с вандалами, квадами и сарматами. Он поселил часть карпов в Нижней Мёзии.

В оставленной Дакии господствующее положение заняли готы. Древние авторы называют задунайскую Дакию Готией, упоминая тайфалов, виктоалов и тервингов. В Дакии готы заняли Трансильванию, расселились в междуречье Прута и Днестра. Тайфалы заняли Олтецию, а также области в верхнем течении Серета. Их соседями на Верхней Тисе были вандалы; в Банате сидели виктоалы. Осевшие в Дакии племена вели между собой войны за господство и за захват лучших земель.

В правление Диоклетиана последовал ряд реформ, в том числе имевших целью улучшить оборону империи. Паннония, Далмация, Норик образовали один из 12 диоцезов — Иллирик, на которые была разделена теперь империя. В свою очередь, Паннония была разделена на четыре части с целью обеспечить лучшее наблюдение и военный контроль над всей провинцией. Паннония Первая и Прибрежный Норик составили один военный округ. Командование войсками обеих провинций находилось в руках дука; их центром был Лавриак. Паннония Вторая, Валерия и Савия также были самостоятельными областями и управлялись отдельно. Валерия находилась на лимесе, и местом пребывания дука был Аквинк. Далмация была разделена на Превалитану с главным центром в Доклее и Далмацию, где столицей всей провинции оставалась Салона. Реция была разделена на Рецию Первую и Рецию Вторую и отошла к диоцезу Италии. Главным городом диоцеза Иллирик был Сирмий, который надолго стал частым местом пребывания императоров.

Мёзия была разделена на пять небольших провинций — Мёзия Первая, Мёзия Вторая, Правобережная Дакия, разделенная на два округа, и провинция Скифия. Все они лежали на Дунае. Эти провинции также вошли в префектуру Иллирика. Провинция Фракия, разделенная на четыре небольших округа — Родопа, Фракия, Гемимонт, Европа, — отошла к префектуре Восточной Римской империи.

В 289—293 гг. имели место войны с сарматами, занимавшими северные области Среднедунайской низменности. В 295 г. император Галерий разбил на Нижнем Дунае карпов и бастарнов и поселил на римских землях множество пленных, в том числе карпов — в Паннонии. Еще ранее император Проб переселил в Мёзию 100 тыс. бастарнов.

Готы, сидевшие на левобережье Нижнего Дуная, вели жестокие войны с гепидами и вандалами. Они пытались распространить свою власть на области Иллирика и теснили сарматов, которые оказывались вынужденными вторгаться в Паннонию и Мёзию. В 322 г. сарматский царь Равсимод вторгся в Паннонию, южнее Аквинка. Константин (306—337 гг.) пересек Дунай и преследовал сарматов в их собственной стране. Он захватил множество пленных; в битве пал и сам царь. Константином были предприняты меры по обеспечению лимеса на Среднем и Нижнем Дунае. Была построена система земляных валов и палисадов на той территории, где жили сарматы. Эта линия укреплений шла в области между Дунаем и Тисой и имела целью воспрепятствовать вторжениям готов в Паннонию и Мёзию. Одновременно она должна была

защитить области сарматов от нападений готов. В 334 г. Константин поселил 300 тыс. сарматов во Фракии, Паннонии, Македонии, а также Италии. Одно из поселений Верхней Мёзии называлось «Сарматы».

На левом берегу реки, в оставленной римлянами Левобережной Дакии, был построен вал, пересекающий Банат, Олтению и Мунтению. Он начинался юго-восточнее Дробеты и следовал до Мизил (восточнее Плоешти). Его длина была около 700 км, и его ров был обращен на север. При Константине в 328 г. был построен мост через Дунай, соединивший Эск с левобережной крепостью Суцидавой. Он перестроил также старую римскую крепость в Суцидаве. Здесь в конце IV в. стоял отряд легионеров, откомандированных от V Македонского легиона в Эске. Крепость просуществовала до 447 г., когда она была разрушена гуннами. Константин построил также римскую крепость на левом берегу Дуная — Константиану Дафну, напротив правобережной крепости Трансмариסקа. Старые римские укрепления на левом берегу Дуная — Диерна и Дробета — оставались в руках римлян со времени Аврелиана до времени Феодосия II (408—450).

Эти меры империи на Среднем и Нижнем Дунае имели оборонительное значение. Они должны были защитить дунайские провинции от вторжений готов и сарматов. Левобережные крепости старой Дакии — Диерна, Дробета, Суцидава, а также Константиана Дафна имели большое торговое значение для варварских племен и для свободы плавания по Дунаю. Дунай оставался границей империи на всем своем протяжении.

Войны императора Константина привели в 332 г. к установлению мирных отношений с готами. По договору, заключенному Константином с готами, они становились федератами империи. Готы поставляли в римские войска 40 тыс. человек и обязывались не пропускать к дунайской границе другие племена. Римляне должны были выплачивать готам ежегодно денежные суммы и давать продовольствие. Им был разрешен доступ к торговым пунктам на римском берегу Дуная под наблюдением военных и таможенных властей.

Договор Константина создал благоприятные условия для торгового и культурного обмена между правобережными провинциями и областями левобережья Нижнего Дуная. При Константине появилось этнополитическое понятие «Готия», что свидетельствовало о признании империей некоего политического образования за Дунаем под главенством готов. Римляне оказали большое влияние на общественную и военную организацию готов. У готов была наследственная королевская власть, формировалась знать, существовало рабство. Готы занимались плужным земледелием и скотоводством. У них было развито ремесленное производство — гончарное, кузнечное, изготовление оружия и военных приспособлений. Готы умели строить осадные машины и корабли. Они имели собственную письменность и раньше других германских племен приняли христианство в форме арианства.

В середине IV в. на землях Среднедунайской низменности осела новая группа племен. По мнению одних исследователей, они пришли из областей восточнее Карпат, по мнению других — из степей Прикубанья. В источниках больше не упоминаются языги и роксоланы. С приходом этой группы сармат кончили господство этих племен. Источники IV в. знают сарматов-аргарагантов и сарматов-лимигантов. В 356 г. сарматы вторглись в Паннонию и Верхнюю Мёзию. Констанций II (337—361) в 358 г. во главе римской армии перешел по понтонному мосту Дунай у Сирия и разбил полчища сарматов во главе с царем Зизаисом. Сарматы вернули римских пленных и выдали заложников; Зизаис стал клиентом Рима. Сарматы-лимиганты, которые жили в пределах отведенной им Константином области, вторглись в Мёзию. Против них выступили с юга римские войска, с севера — царь Зизаис, с востока они были атакованы

тайфалами. Сарматы-лимигенты были вынуждены оставить занимаемые ими земли в междуречье верхней Тисы и р. Самош. В Аквинке в 359 г. состоялась встреча Констанция II с сарматами-лимигентами. Сарматы были побеждены и поселены в Италии, Галлии и на Балканах.

В правление Валентиниана I (364—375) на дунайском лимесе еще происходило строительство укреплений и мест торговли с варварами. Однако эти меры не смогли остановить варваров в их движении в пределы империи. В 374 г. квады, недовольные наличием в их стране римских укреплений, выступили против Рима. Соединившиеся квады и сарматы наводнили Паннонию. Были уничтожены два римских легиона, погибло множество провинциального населения. Сарматы вторглись также в Мёзию, но были разбиты Феодосием, будущим римским императором. Летом 375 г. Валентиниан I выступил против квадов из Аквинка. После опустошения страны квадов он вернулся в Паннонию. Император готовился ко второй экспедиции против квадов, но 17 ноября 375 г. умер в Бригетоне при приеме посольства квадов. Лимес Норика прорвали квады и маркоманы, которые дошли до северных областей Адриатики.

Положение на Дунае продолжало осложняться вследствие прихода в эти земли новых народов из глубинных областей Азии. Гунны, которые отделились ранее от основного племени гуннов, появились в пределах империи. Они не были тождественны гуннам Атиллы, которые выступили против Рима в середине V в. Вожди племен образовали союз под главенством гревтунгов, аланов и гуннов. Во главе их стояли Алафей и Сафрак.

В это время ухудшились отношения римлян с готами на левобережье Нижнего Дуная. Причиной послужил отказ императора Валента (364—378) выдать готам 3 тыс. их соплеменников, которые приняли участие в узурпации Прокопия в 365 г. в Византии. Под предлогом освобождения этих готов, находившихся у Валента в качестве пленных во Фракии, готы вторглись в эту провинцию. В 367 г. римское войско под командованием Валента выступило против готов. По мосту, составленному из судов (мост Константина к этому времени уже не существовал), римляне перешли Дунай у правобережной крепости Трансмариска. Готы отступили в горы серров, отождествляемые с горами Бузсу. По мирному договору, заключенному Валентом с королем готов Атанарихом, отношения федератов, установленные еще при Константине, прекращались. Кроме Атанариха, остальным вождям готов было отказано в субсидиях, которые римляне платили готам. Торговля с римлянами могла происходить только в двух определенных пунктах на Дунае. Готы обязывались не переходить дунайскую границу империи.

В 375 г., теснимые гуннами и аланами, готы под командованием Фритигерна и Фарнобия перешли Дунай и с разрешения императора Валента поселились во Фракии. Притеснения римской администрации, трудности с продовольствием, вероломные действия римских военачальников заставили их поднять оружие против римлян. В 378 г. в битве под Адрианополем была уничтожена почти вся римская армия. Погиб и сам император Валент.

Та часть готов, которая осталась за Дунаем под властью Атанариха, пыталась задержать движение гуннов и аланов. На территории современной Молдовы был построен в 375—376 гг. земляной вал, определяемый как «стена Атанариха». Гунны и аланы перешли Днестр там, где готы не ожидали, и оказались у них в тылу. Готы Атанариха отошли к подножиям южных Карпат. Среди них вспыхнули раздоры, и Атанарих был изгнан своими соплеменниками. Он бежал к императору Феодосию в Константинополь, где был принят на римскую службу.

Гибель римской армии под Адрианополем сделала открытым путь варварским отрядам в дунайские провинции. Отряды Алафея и Сафрака

устремилась в Паннонию, опустошили Фракию и Мёзию. В 380 г. император Грациан разрешил им поселиться на правах федератов в Паннонии. В 383 г. ютунги вторглись в Рецию и опустошили большую часть страны. Лимес Норика был прорван вторжением маркоманов и квадов в 395 г. В Паннонии Первой на правах федератов были поселены в 396 г. маркоманы.

Уже в правление Валентиниана I большие города стояли в развалинах. После Валентиниана прекратилось монетное обращение на Дунае. В начале 401 г. вандалы оставили Паннонию и через Рецию и Норик ушли на запад. В 402 г. готы Алариха получили для поселения юго-западную Паннонию. В 405 г. остготы под водительством Радагайса прошли через Паннонию и Норик в Италию. У Флоренции войско Радагайса было разбито и сам он был убит. Алариху удалось организовать сильное войско готов и алан, с которым Аларих выступил из Паннонии в Италию. В 410 г. они захватили Рим.

С уходом готов в Италию римская администрация пыталась установить отношения с гуннами. Основная масса гуннов обосновалась на Среднедунайской низменности, где были их главные становища. Наибольшего могущества держава гуннов достигла при Атилле. Она объединяла гепидов, остготов, скиров, тюрингов, бургундов, ругив. Грабительские походы Атилла на запад доходили до Галлии и Северной Италии. В 451 г. Атилла со своим разноплеменным войском двинулся на Запад. Гунны перешли Рейн, вторглись в Галлию и дошли до Орлеана. Против них выступила римская армия под командованием Аэция, союзниками которого были вестготы, бургунды, аланы, франки. В 451 г. произошла знаменитая битва на Каталаунских полях (возле совр. г. Труа в Шампани). Гунны отступили за Рейн. В 452 г. Атилла отправился на завоевание Рима. Дойдя до Медиолана и подвергнув опустошению Северную Италию, гунны возвратились за Дунай, где в 453 г. Атилла неожиданно умер, а созданное им царство распалось.

В 453 г. в Паннонии на р. Недао, местоположение которой не определено, произошла битва между гуннами и их бывшими союзниками. Старший сын Атиллы Эллах пал, и его войско было разбито. Гепиды во главе с королем Ардарихом овладели областями задунайской Дакии. Они заняли также междуречье нижней Савы и Дуная с Сирмием. Император Византийской империи Маркиан (450—457 гг.) заключил с гепидами союз, по которому они становились федератами империи. Он признавал их права на левобережную Дакию и согласился выплачивать гепидам дань.

Норик и Реция были также потеряны для римлян. Эти провинции опустошали герулы, аламаны, тюринги, ругии. Пограничные города подвергались нападениям племен из-за Дуная. Жизнь городов проходила в постоянной тревоге, в лишениях продовольствия, в набегах варварских племен, которые уводили за Дунай множество пленных. Походы Одоакра против ругив за Дунай в 487 и 488 гг. привели к тому, что ругии были совершенно разбиты. Часть населения Норика была выведена Одоакром в Италию. Римская власть на Дунае была утрачена.

* * *

Можно ли считать процессы, приведшие к таким результатам, социальной революцией, обусловившей переход от рабовладельческой к феодальной формации? Вопрос этот издавна обсуждается в марксистской историографии, рассматривающей его под разными углами зрения: большее или меньшее значение внутренних и внешних факторов, характер классовых борьбы, расстановка классовых сил, соотношение континуитета и дисконтинуитета. Но самый характер перехода как социальной революции в общем сомнения не вызывает. Все дело в том, чтобы объяснить его специ-

фику по сравнению с социальными революциями других эпох, например длительность переходного периода, отсутствие такой кульминационной точки его, как английская и французская буржуазные революции, большая роль завоеваний и т. п. Но все эти особенности не говорят против наличия социальной революции, поскольку даже при переходе от феодальной к капиталистической формации пути могли быть для каждого конкретного случая весьма различны, причем, по словам В. И. Ленина, смена формаций представляла собой не однократный акт, а эру войн и революций². Главное, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, — смена отношений собственности и господствующего класса³, разрушение старой военной и бюрократической организации⁴. Падение Западной Римской империи, несомненно, было результатом эпохи войн и революций, особенно если учесть, что к V в. империя, объединенная политической, хотя и очень уже слабой, властью императоров, была на деле совокупностью различных по своим социально-экономическим отношениям областей, различных укладов и что в каждом случае процессы, приведшие к ликвидации власти Рима, могли быть и были достаточно специфичны, хотя общий их характер и конечный результат были аналогичны. То было сложное переплетение борьбы между классами находившегося в глубоком кризисе античного уклада и нового, феодализирующегося, с борьбой эксплуататорских и эксплуатируемых классов внутри каждого уклада, с борьбой всех классов против бюрократического аппарата государства, пытавшегося долгое время найти какой-то компромисс между господствующими классами, уклада, уходящего в прошлое, и уклада развивающегося, но не удовлетворившего ни тех, ни других. В борьбе этой, естественно, большую роль играли варвары, уже в значительной мере ставшие внутренней силой, проникая во все сферы жизни общества, начиная от армии и двора и кончая селами и виллами, где они возделывали землю в качестве колонов. Их союза искали все вставшие против Римского государства, и с их помощью оно было ликвидировано, что дало простор развитию новых отношений собственности, характерных не для античной гражданской общины, а для феодализма, поставило у власти экономически господствующий класс крупных землевладельцев, облегчило положение колонов и общинников-крестьян, особенно живших на землях магнатов, сопротивлявшихся германцам, в наказание изгнанным и лишенным земель, на которых теперь стали вести хозяйство провинциальные мелкие земледельцы вперемежку с наделенными землей варварами, что объясняет происхождение значительного числа наименований сел и деревень Галлии и Испании и в средние века от имен римских или кельтских владельцев вилл, на территории которых возникали такие поселения.

На Западе смена старых отношений новыми произошла в наиболее полном и чистом виде, очевидно, потому что старые, доримские отношения разлагающегося первобытнообщинного строя, отношения, бывшие основой развития феодализма в регионах, не знавших римского завоевания, были здесь достаточно сильны и живучи. Несмотря на всю силу римского влияния, они не были разложены достаточно полно и, напротив, в конце концов разложили отношения, привнесенные римлянами, возродившись на новой, более высокой и жизнеспособной основе.

Часто вопрос о социальной революции V в. смешивается с вопросом о континуитете, так как некоторые авторы считают, что континуитет противоречит революции, и доказывают, что от римских порядков после падения империи ничего не сохранилось. Вряд ли правильно так ставить

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 48.

³ Там же, т. 40, с. 252.

⁴ Там же, т. 37, с. 295.

вопрос. Важно не сохранение или разрушение сел, vill, городов, сохранение или исчезновение тех или иных ремесленных и технических навыков, культурного наследия, а изменение внутренних отношений в тех же villaх, селах, городах, в приспособлении культурного наследия к новым условиям, его новое осмысление. Степень же, так сказать, внешнего континуитета зависела от силы и живучести римских социально-экономических и культурных форм в том или ином регионе. При этом не следует упускать из вида, что и сами эти формы стали уже далеко не теми, какими были в классические времена расцвета римских civitates. Например, в искусстве уже давно, сознательно или бессознательно, была воспринята эстетика Плотина, восставшего против реализма и настаивавшего на изображении не тела, а души человека или предмета, не внешнего, а внутреннего, что, как мы видели, шло в унисон со всем развитием мировоззрения римлян с III в. Отсюда символичность позднего искусства — колоссальные статуи императоров, уже не портреты, а воплощение страшного, нечеловеческого величия, отсюда изображения людей, как бы лишенных тела, с жизнью, горящей только в огромных глазах, как бы отражающих их душу. Эта тенденция позднего римского искусства, слившись с возродившимся варварским, положила основание искусству следующей эпохи. То же было и в других областях социально-экономической и культурной жизни, складывавшихся из сингеза позднеримских и варварских элементов при большей или меньшей роли тех и других в этом синтезе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

РОЛЬ АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Эпоха античности занимает особое место в истории Европы. То было время, когда закладывались основы всего ее дальнейшего развития, когда формировавшаяся в наиболее развитых регионах Европы цивилизация оказывала все большее влияние на прилегающие к Средиземному морю и на гораздо более удаленные области Азии и Африки.

Стремясь выявить некие определяющие развитие и упадок общества закономерности (сущность их разные исследователи определяли в соответствии со своими общими концепциями), историю античной Европы, обычно привлекали культурологи и социологи, рассматривая ее как своеобразный эталон. Неоднократно обращались к ней и основоположники марксизма, открывая действие экономических законов, исследуя процессы возникновения классов и государства, соотношение базиса и надстройки в докапиталистических формациях, определяя место этих формаций в поступательном движении истории. Некоторые явления и процессы в наиболее чистой и ясной форме проявились именно в античном мире. Античность может быть наиболее полно изучена как особый «социальный организм», как общество, представлявшее собой «органическую систему», имевшую свои предпосылки, развивавшиеся в ходе истории, подчиняя себе все элементы общества или создавая недостающие в борьбе старых традиционных отношений с новыми, приспособляемыми к потребностям развивающейся системы¹.

В сфере экономики античный мир, основой которого был город, городская община, возникавшая из объединения родовых и сельских общин — сел, позволяет проследить процесс выделения индивидуальной собственности из коллективной, последовательное углубление разделения труда между отдельными районами и внутри них, а также внутри отдельных отраслей производства, развитие товарного производства и денежного обращения в степени значительно более высокой, чем в предшествовавших и непосредственно следовавших за античностью обществах, развитие производительных сил, а также выявить соотношение этих факторов с натуральной основой хозяйства, разлагающее влияние товарно-денежных отношений на основную отрасль производства — сельское хозяйство, что вело к концентрации земельной собственности и в конце концов обусловило полное изменение экономики. Вместе с тем, как неоднократно подчеркивал К. Маркс, античная экономика дает возможность установить различие между простым товарным производством, нацеленным на накопительство, а не на расширенное воспроизводство и ускорение оборачиваемости капитала, почему денежный и торговый капитал не участвуют в процессе производства, хотя могут его разлагать или стимулировать, и производством капиталистическим². Основным было производство не меновых, а потребительных стоимостей, так что и труд наемных работников, создававший потребительные стоимости, покупался как потребительная стоимость, что и отличало наемных работников античности от пролетариата³.

В области социальных отношений изучение античности дает возможность проследить влияние на них экономики. Первоначально разделение труда как в хозяйственной, так и в военно-политической сферах вело к

¹ Определение общества как развивающейся системы дано Марксом, см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 229.

² См.: Там же, т. 23, ч. II, с. 600; т. 46, ч. II, с. 480.

³ Там же, т. 46, ч. I, с. 454—455.

образованию сословий. Затем, с углублением этих процессов, с ростом имущественной дифференциации формируются, в первую очередь в ведущей отрасли экономики — сельском хозяйстве, классы, которые, как и в других докапиталистических обществах, были не только классами (как при капитализме), а классами-сословиями. На этом же этапе особое значение приобретает класс-сословие рабов, занимавших особое место по сравнению с эксплуатируемыми классами других формаций, поскольку он во всех отношениях стоял вне гражданского общества.

С дальнейшими изменениями в экономике, распространением крупных имений, классовая борьба рабов, принимавшая различные формы, влиявшие и на формы сопротивления свободных тружеников, приводила к экономическому застою, разложению основных классов-сословий античного мира и формированию новых, к изменению формы присвоения прибавочного продукта.

В области политики античные городские общины являли собою особые формы взаимозависимости социально-экономического и политического строя. По словам К. Маркса, в Греции политическая жизнь была содержанием жизни и деятельности граждан⁴. Политика оказывала мощное обратное влияние на экономику: распоряжение граждан их земельной собственностью всегда так или иначе контролировалось, так как в интересах воспроизводства общин требовалась наилучшая обработка всего земельного фонда; значительную часть прибавочного продукта состоятельные граждане были обязаны тратить на нужды гражданского коллектива, что в значительной мере определяло формы распределения и со временем стало одним из факторов, препятствовавших расширенному воспроизводству. Социально-экономические отношения обуславливали развитие политических форм. Пока имущественная и социальная дифференциация равноправных граждан была слаба, пока рабство еще не овладело производством, носило патриархальный характер, оставаясь в рамках семьи, где ее глава обладал абсолютной властью над рабами, армия представляла собой ополчение граждан, аппарат принуждения, стоящий над обществом, был слаб. С конституированием классов-сословий и обострением борьбы между ними господствующему классу стал нужен сильный военно-бюрократический аппарат подавления, и он был создан сперва в эллинистических царствах, затем в Риме. Все более расширяясь, он тяжело давил на подданных, что стало впоследствии одной из причин кризиса Римской империи. С эволюцией политического строя была тесно связана разработка права, своей кульминации достигшая в Римской империи, где юристов интересовали все возможные виды сделок между собственниками, землевладельцами и арендаторами, работодателями и работниками, отношения между рабами и господами, права и обязанности членов военно-бюрократического аппарата и городского управления, виды исков, процедура судопроизводства.

С точки зрения культуры история античного мира дает богатый материал для изучения взаимовлияния базиса и надстройки, формирования идеологии граждан античной городской общины, а затем подданных античных монархий, — идеологии, составлявшей основу греческой и римской политической и философской мысли, тесно связанных с различными отраслями науки, с литературой, включавшей и историографию, с религией, искусством. Эволюция социально-экономического и политического строя обуславливала и идеологию и культуру. Например, полисный патриотизм вытеснялся космополитизмом; преданность служению «общему благу» сограждан — предпочтением жизни созерцательной, самоуглубленной; уверенность в гармонии и целесообразности материального мира — устремлением в мир духовный и т. д. В эпоху классического раб-

⁴ Там же, т. 1, с. 255.

ства отношение к создающему материальные ценности труду как к уделу рабов тормозило использование научных достижений в производстве. Протест рабов и свободных эксплуатируемых трудящихся против попыток подчинить их не только материально, но и духовно, ускорил упадок античного мира, подрывалась власть господствующих классов и монархов, вера в их божественность, неизбежность, вечность их власти и существующего строя.

Наконец, изучение истории эллинистических государств, и особенно Римской империи, позволяет выявить особенности многоукладных государств, взаимодействие и переплетение различных укладов, роль в различные эпохи связанных с такими укладами классов, то относительно мирно сосуществовавших, то вступавших в острые конфликты, во многом определявшие эволюцию государства.

Хотя после падения Западной Римской империи и возникновения на ее территории варварских королевств многое из достижений античного мира было временно забыто, эти достижения как в области материальной, так и духовной культуры, вновь и вновь возрождаясь, осваиваясь и пересмысливаясь в соответствии с потребностями той или иной эпохи, стимулировали дальнейшее развитие различных сфер общественной жизни.

Во времена античности формируются союзы племен, на основе которых впоследствии сложились европейские нации. Общим для подвластных Риму народов становится вульгаризованный латинский язык, основа романских языков и язык ученых средних веков и Возрождения. Племена, ранее не имевшие письменности, и такие, у которых письменность служила делу магии, приобщаются к латинской письменности, грамотность распространяется вширь, и хотя в средние века уровень образованности понижается, всегда оставались, даже среди простого народа, люди, умевшие читать и писать. Латинский алфавит был усвоен в Западной Европе, греческий — лег в основу славянских алфавитов.

Формирование нового, феодального строя в Западной Европе было результатом синтеза, взаимодействия социально-экономических структур, сложившихся в последние века существования Римской империи, с одной стороны, в обществах варваров — с другой. Типы такого синтеза, определявшиеся преобладанием на той или иной территории пережитков античных, или, напротив, развивавшихся в варварских обществах отношений, будут подробно охарактеризованы в посвященном феодальной Европе томе настоящего издания. Но уже здесь можно отметить, что там, где наиболее глубоко укоренилось античное влияние, развитие общества шло быстрее. Немалую роль при этом играло освоение античной техники как в земледелии, так и в ремесле. Ремесленные навыки сохранялись в металлургии, в изготовлении орудий труда и оружия, производившихся в ремесленных мастерских, работавших на новых заказчиков в соответствии с их вкусами. Сохранялись созданные греческими и римскими механиками машины для подъема и переноски тяжестей, насосы для перекачивания воды, водяные мельницы, впоследствии усовершенствованные и дополненные новыми приспособлениями.

Большое влияние на все последующие эпохи оказывали римская строительная техника и архитектура. Дома Юга Франции и Италии непосредственно воспроизводили строившиеся в несколько этажей дома поздней античности. Ранние феодальные замки возводились по образцу бургов провинциальных магнатов. Хотя многие из этих бургов были покинуты, они стали местами возникновения новых деревень, в названиях которых нередко можно обнаружить именованная доменов римских времен. Кое-где сохранялись следы римского межевания земли, римских пагов, общественных угодий. Широко использовался главный строительный материал римлян — кирпич. В основе архитектуры церквей лежала архитектура римских базилик. Выработанные римскими архитекторами

методы сооружения сводов, куполов, колоннад использовались при возведении церквей и общественных зданий романского стиля, а в эпоху Возрождения и классицизма тщательно изучались и усовершенствовались тогдашними знаменитыми архитекторами. К римским образцам восходили строившиеся во времена классицизма триумфальные арки, мемориальные колонны, сходные с колоннами Траяна и Марка Аврелия.

Временно забытая техника изготовления оконного стекла возродилась на Западе уже к началу XI в., ее применяли при создании церковных витражей. Возродилось искусство мозаики и росписи стен, достигшее в античном мире высокого совершенства. Кое-где продолжали использоваться римские мосты и дороги, облегчавшие не прерывавшиеся, хотя и ослабевшие связи между отдельными районами. И хотя товарность хозяйства в первые века после падения Западной Римской империи значительно понизилась, торговля между западными странами, между Западом и Востоком не прекращалась. Не прекращалась и чеканка монеты, которая также была одним из достижений античного мира. Там, где пережитки античных отношений были наиболее сильны, скорее всего снова развивалось товарно-денежное хозяйство со всеми вытекающими последствиями, например, с переводом крестьянских повинностей в денежные, что способствовало освобождению крестьян от крепостной зависимости, развитию городов.

Многие римские города, особенно мелкие, пришли в упадок, но другие, хотя и уменьшились в размерах и с измененной, отличной от четкой античной, планировкой продолжали существовать. В ряде случаев, с развитием ремесла и торговли, они способствовали новому оживлению городской жизни, а городские республики если не по содержанию, то по форме копировали структуру управления римских городов. И именно в них в недрах феодализма стали формироваться новые классы сословия, возникали новые социально-экономические отношения.

В эту эпоху правящие классы как господствовавших, так и возникавших социально-экономических структур, искали и находили юридическую санкцию своих действий и целей в римском праве. Уже первые варварские короли (Теодорих, Аларих), основываясь на римском праве, издавали постановления, регулировавшие положение и повинности рабов и колонов в сохранившихся на их территориях имениях провинциальных магнатов. Римское право использовалось юристами в эпоху феодализма: процедуры и правила заключения различных сделок между юридически равноправными контрагентами стали основой для разработки права при капитализме, и кодексы капиталистических государств, так же как и создававшиеся юристами-теоретиками системы права, базировались именно на праве римском, приспособленном к современным условиям. Юридическое же оформление существовавших отношений всегда играло значительную роль в их стимулировании и консервации, и вклад в соответствующие процессы рецепции римского права нельзя недооценивать.

Велико значение античного наследия в истории духовной культуры Древней Руси. Как известно, западноевропейские страны осваивали это наследие благодаря знакомству с римскими авторами и латинскими переводами авторов греческих, лишь позже ставших доступными в оригиналах. На Восточную Европу благодаря связям с Византией большее влияние оказывала греческая культура. В Византии античная традиция никогда не прерывалась — ни в архитектуре, ни в искусстве, ни в философской мысли, ни в литературе, в том числе и в светской (например, продолжались традиции античного романа). Рукописи античных авторов собирались, из них делались выдержки пополняющие наши сведения о не дошедших до нас сочинениях. Сочинения греческих авторов из Византии распространялись в восточные страны. В VIII в. Аристотель был переведен на сирийский язык, в IX в. греческие философы и ученые —

на арабский язык, часть этих переводов попала на запад и была переведена на латынь. С христианизацией славянских народов греческие рукописи начинают переводиться и на славянские языки, с ними знакомятся в Древней Руси. Известно, что князь Ярослав Мудрый поручал собирать и переводить греческие рукописи, князья Всеволод, а также Святослав и Роман Ярославичи читали по-гречески. В основном это были сочинения христианских авторов, но в них содержалось много сведений, почерпнутых из античной традиции. Из переводов Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы, различных «Шестодневов», повествовавших о днях творения, «физиологов» — сочинения об особенностях зверей, свойствах растений, камней, читатели получали сведения о греческой мифологии, истории, философии, науке. Уже в X в. был переведен византийский богослов Иоанн Дамаскин, строивший логику и диалектику на основе Аристотеля и Порфирия. Писавший в XII в. митрополит Клементий ссылался на Гомера, Платона, Аристотеля. Переведены были «Изречения» Менаандра, роман об Александре Македонском «Александрия», «Сказания о Троянской войне», из Иосифа Флавия — история взятия Титом Иерусалима. В XV—XVI вв. в Западной Руси уже хорошо были известны Гомер, греческие философы, Цицерон. Иван Грозный в письмах к Курбскому ссылается на императоров Августа, Константина, упоминал о греческих богах. Значительное влияние оказывала на литературный язык того времени греческая риторика.

С греческой культурой на Западе в полной мере ознакомились несколько позже. В немалой степени этому способствовал приток на Запад ученых из теснимой турками Византии. Постепенно, по мере ознакомления с греческим языком и произведениями греческих авторов в оригиналах и в связи с находками памятников греческого искусства, удельный вес греческого наследия в европейской культуре становится все более ощутимым. В римлянах начинают видеть только подражателей грекам. Даже в наше время некоторые исследователи (например, Тойнби) отрицают самостоятельное значение римской культуры. Восхищение достижениями греков во всех областях — огромную роль здесь сыграли труды немецкого археолога и историка греческого искусства И. Винкельмана (первая половина XVIII в.) — сказалось в распространении представления о так называемом греческом чуде, о превосходстве греческой культуры над культурами всех остальных народов. И лишь в последнее столетие культурологи и историки стали отстаивать тезис о равноправии всех культур, каждая из которых внесла свой вклад в общий культурный фонд человечества.

Среди современных ученых распространено мнение, что античный мир не знал науки в подлинном смысле слова и что она возникла лишь в новое время, то ли с исследований Галилея, то ли Ньютона. Но мнение это не соответствует действительности. Насколько в Греции и Риме был велик интерес к науке, явствует хотя бы из того, что Плиний Старший, составляя обобщающую все виды современных ему знаний «Естественную историю», использовал около 2000 научных трудов, от которых до нас дошла лишь ничтожная часть. Правда, тогдашняя наука лишь в ограниченной мере знала эксперимент, хотя и к нему прибегала, например в медицине⁵. Так, Гален ставил опыты на животных, исследуя взаимосвязь спинного мозга обезьян с подвижностью и чувствительностью разных органов, доказал наличие в артериях крови, а не воздуха,

⁵ Основоположник, заложивший основы медицины как науки в V в. до н. э., Гиппократ из Коса изучал влияние на организм человека климата, питания, симптомов болезней, разработал методы лечения костей и повреждений черепа. На все последующие века сохранилась даваемая врачами «клятва Гиппократова», определяющая врачебную этику.

как думали до него, и т. п. Диоскорид исследовал и описал лекарственные свойства 600 растений; Орибасий, в IV в. н. э., подводя итоги исследованиям предшественников, описал различные болезни, методы их лечения лекарствами, ваннами, физическими упражнениями, влияющие на здоровье разных климатических условий и пищи, что невозможно было бы сделать без многих экспериментов. Другой врач, Секст Эмпирик, сформулировал необходимые для науки условия — наблюдение, опыт и метод обобщения. Накопление наблюдений и опытов в области обработки и удобрения разных почв, прививок, скрещивания, отбора для улучшения сортов растений, ухода за скотом и птицей способствовали развитию сельского хозяйства и т. д. Правда, в распоряжении античных ученых были лишь примитивные инструменты: например, Птолемей пользовался моделью небесной сферы; астролябией, параллактическим инструментом и квадрантом. Справедливо и то, что достижения античной науки ограничено применялись на практике, в материальном производстве, хотя, несомненно, что при возведении сложнейших сооружений — зданий, мостов, акведуков — были необходимы математические расчеты. Архимед использовал математику для конструирования грузоподъемных механизмов, метательных и водонапорных машин (наиболее известно практическое применение для водопроводов и откачивания воды в рудниках «винта Архимеда»). Папп в IV в. н. э. писал о приложении математики к механике, основываясь, между прочим, на трудах Герона Александрийского, открывшего движущую силу пара, конструировавшего различные, применявшиеся, главным образом, во всяких зрелищах автоматы, водяные часы, водяные органы. На основе достижений геометров, римские землемеры разработали методы размежевания земли и измерения участков, планировки городов и лагерей. Сведения об области химии использовались для изготовления сплавов и амальгам. Целью античной философии было обосновать различные концепции. Такие философы, как Пифагор и Платон, были математиками; Аристотель знал и обобщал все современные ему науки; его ученик Теофраст был естествоиспытателем; Лукреций, следуя за Эпикуром, учением об атомах подтверждал свою концепцию мироздания, истории человечества и задач человека. Сенека оставил сочинение о разных природных явлениях. В свою очередь труды по философии писали медики Гиппократ и Гален. Автор трактата по архитектуре Витрувий считал, что архитектор обязан знать философию. С философией связывались дискуссии о происхождении и строении мира, о составляющих его элементах, о движении и покое, о природе времени, непрерывности и дискретности пространства, бесконечной делимости материи, или о неких ее неделимых первоосновах — атомах. Целью философии по словам всех ее представителей, независимо от школ, к которым они принадлежали, было сделать людей счастливыми и добродетельными, хорошими гражданами.

Античная наука развивалась свободно, не испытывая стеснения со стороны какой-либо религиозной догмы, она достигла известных результатов, впоследствии послуживших основой для движения вперед науки нового времени. В первую очередь это относится к математике и астрономии, по мнению некоторых современных историков, испытавших сильное влияние Египта и Вавилона, но, очевидно, дополненных и развитых античными учеными. Так, Аристарх Самосский обосновал гелиоцентрическую теорию строения солнечной системы. Она была затем вытеснена геоцентрической теорией Птолемея, считавшего, что наблюдения за движением небесных светил не подтверждают теорию Аристарха. Но знакомство с последней натолкнуло Коперника на мысль о пересмотре системы Птолемея, и гелиоцентрическая система стала общепризнанной, когда Кеплер доказал, что расхождение теории Аристарха с наблюдениями было вызвано его ошибкой в определении орбит земли и планет:

он считал их круговыми, а не эллиптическими. Однако главное сочинение Птолемея «Альмагест» — трактат об астрономии как отрасли математики, содержал положения, на много веков определившие астрономические представления и методы, которыми пользовался Птолемей, опиравшийся на сферическую геометрию и тригонометрию, разработанные Гиппархом и Менелаем Александрийским. Последующие астрономы пользовались уточненными им расчетами солнечных и лунных затмений, длины самого короткого и самого длинного дня на различных широтах, его таблицами, отражавшими положение планет для каждого дня, и координатами 1028 неподвижных звезд. В математике осталось применявшееся им деление круга на 360 градусов и деление градуса на минуты и секунды; в географии — его таблицы параллелей и меридианов, математические методы черчения карт; в оптике — его наблюдения над преломлением лучей в разной среде.

Труды Птолемея, как и труды Галена, исторически сыграли двойную роль. Как авторитеты, признанные церковью (которая, однако отбросила то, что не соответствовало ее догмам, например, раздвигавшееся Птолемеем представление античных ученых о шарообразности Земли, что некоторых из них привело к выводу о существовании «антинодов» на каком-то находящемся за океаном материке), они тормозили развитие науки, опровергавшей их системы и приходившей в противоречие с церковными постулатами. Отрицательную роль играла и подкрепленная авторитетом Птолемея вера в астрологию, которой он посвятил особый трактат, хотя и оговаривал в нем, что его астрономические выводы основаны на достоверности, астрологические — только на вероятности. Но, с другой стороны, сочинения обоих ученых содержали и элементы, затем использованные наукой нового времени.

Немаловажна была и роль античной математики. «Начала» Евклида легли в основу изучения геометрии. Труды Аполлония из Перги и Серена о сечении конусов и цилиндров — стереометрии, а составленные Гиппархом и Менелаем Александрийским таблицы хорд, соответствовавшие таблицам синусов, — тригонометрии. Работами Диофанта, Паппа и других математиков, содержавших, между прочим, методы решения квадратных и кубических уравнений, извлечения корней, были заложены начала аналитической геометрии и алгебры, разработанной впоследствии арабскими учеными. В VI в. Аммоний разделил математику на арифметику, геометрию, астрономию и музыку и такое деление сохранилось вплоть до нового времени.

Еще более значительным было влияние на последующую культуру Европы античной философии. В средние века Аристотель был столь же непререкаемым авторитетом, как Птолемей, и, так же как Птолемей, использовался для обоснования церковной догматики. «Поповщина убила в Аристотеле живое и увековечила мертвое», — отмечал В. И. Ленин⁶. Со времени Возрождения и позже европейские мыслители познакомились со всем дошедшим до нас наследием античной философии, во многом от нее отталкиваясь. В. И. Ленин, говоря о познании как о «кругах» спирали, намечает такие «круги» в философии: в античной, от Демокрита до Платона и диалектики Гераклита; в эпоху Возрождения от Декарта versus Gassendi (Spinoza?); в новой: Гольбах — Гегель (через Беркли, Юм, Кант). Гегель — Фейербах — Маркс⁷. В конспектах «Истории философии» Гегеля и «Метафизики» Аристотеля В. И. Ленин особенно выделяет и подчеркивает элементы материализма и диалектики у античных философов и их поиски в данном направлении. Он отмечает, что приемы постановки вопросов, как бы *пробные* системы уже были у греков⁸.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 325.

⁷ Там же, с. 321.

⁸ Там же, с. 326.

На примере античных философов он показывает корни зарождения идеализма: восприятие общего понятия, идеи как отдельного существа, и то же составляет основу современного идеализма Канта и Гегеля — превращение общего понятия, идеи, в идею природы, мира, логоса, бога⁹.

В общем, основными вопросами в античной философии были те же, которые ставились в облеченной в религиозную форму философии средних веков и в философии нового времени, и примерно по тем же линиям проходил водораздел между разными ее направлениями: признававшими приоритет духа, мышления и признававшими приоритет бытия, материи, то есть между идеализмом и материализмом; между признанием возможности познания мира, адекватно отражаемого нашими чувствами и утверждением непознаваемости мира недоступного чувственному восприятию, допустимости только вероятностных суждений о реальной действительности на основании умозрительных заключений; самое суждение одни подчиняли формальной логике, детально разработанной Аристотелем, другие логике диалектической; споры шли о том, был ли космос некогда сотворен и конечен ли он, или вечен и бесконечен; о природе души — отлична ли она от телесности и бессмертна, или телесна и умирает вместе с телом. Правда, в античной философии ответы на подобные вопросы не всегда связывались в той же последовательности и с той же определенностью, как в философских системах нового времени, поскольку для греков и римлян до времен поздней античности вопросы религии не играли такой роли, как в средние века и новое время. Так, например, эпикурейцы, учившие, что мир материален, что он не был создан, а возник из комбинации атомов, что он познаваем и познание его законов — высочайшая задача человека, отрицавшие бессмертие души и вмешательство богов в судьбы космоса и человечества, все же признавали бытие богов как идеальных, блаженных существ, не требующих ни жертв, ни обрядов в свою честь. Бытие бога как некоей первопричины, «первого двигателя» признавал Аристотель, хотя в его концепции было много элементов материализма и он выступал с критикой идеализма Платона. Секст Эмпирик, ставя во главу угла науки опыт и обобщение, вместе с тем как скептик, отрицал возможность какого-либо познания мира и его законов, достоверности каких-либо общих, основанных на умозаключениях, «догматических» суждений в области точных наук, истории, этики.

И все же последующие философы постоянно обращались к трудам философов античных, видели в них истоки собственных систем. Так, в борьбе с католической церковью материалисты XVIII в. искали подтверждения своим положениям у эпикурейцев, особенно в поэме Лукреция «О природе вещей», но, в отличие от него, отрицали бытие бога. Идеалисты, напротив, нередко возводили свои концепции к Платону или Плотину. Как считают некоторые современные исследователи, экзистенциалисты многое заимствовали у стоиков. И в работах, посвященных какому-нибудь античному философу, их авторы часто стремятся видеть в нем предшественника того или иного, наиболее близкого им философа нового времени.

Но, пожалуй, еще большее значение имели созданные античными мыслителями политические учения и политическая практика античного мира. Первые в истории человечества демократические республики Греции и Рима, идеи политического равноправия и юридического равенства граждан, свободных, подчиняющихся только закону, ими самими установленному, верховной власти народа, вдохновляли борцов за республику, демократию и свободу против тиранической власти монархов и церкви во все последующие времена. На деле античные демократии были в достаточной мере ограниченными. К ним не были причастны рабы, а в

⁹ Там же, с. 329—330.

Афинах и вольноотпущенники; граждане, особенно в Риме, могли только принять или отвергнуть внесенный магистратом закон, не обсуждая его, не внося свои предложения; пополнявшие сенат магистраты избирались обычно из ограниченного круга знати; известное экономическое благополучие граждан, лежавшее в основе их независимости и равенства, поддерживалось эксплуатацией не только своих рабов, но и других городов и народов: в Афинах их союзников, в Риме — покоренных племен и государств. Самое понятие «свободы» было довольно неопределенно, в то или иное время разные политические группировки во взаимных столкновениях использовали его как лозунг, но вкладывали в него разный смысл.

Но все это отступало на задний план для идеализировавших Афины и Рим приверженцев республики и демократии в новое время. С другой стороны, своих приверженцев имели и античные монархии, особенно Римская империя, начиная от пытавшегося ее восстановить Карла Великого и до Наполеона. Соответственно, вновь и вновь последующие поколения обращались не только к сочинениям греческих и римских авторов, ища в них подтверждения своих идей, но и к переосмысливаемым образам античных деятелей — Перикла, Александра Македонского, Гракхов, Цицерона, Цезаря, Брута и Кассия, Августа, Нерона. В одних видели борцов за свободу против тирании, в других — воплощение тирании или, напротив, героев, победителей, устроителей государства и порядка. Так, Данте помещал Брута и Кассия в последнем круге ада, а деятели Французской революции прославляли их как тираноубийц. Для почитателя Бисмарка Моммзена Цезарь был основателем «демократической монархии», подавившим пагубное господство аристократии; а для французских и английских историков времен Второй мировой войны Цезарь был антиподом «республиканца» Цицерона, душителем демократии в Риме и свободы покоренных им галлов. Не только отдельные деятели, но и те или иные периоды истории Греции и Рима привлекали особое внимание, когда в них искали аналогий с современностью и ее актуальными вопросами. Так, когда шла борьба за буржуазную демократию, усиленно изучалась история афинской демократии. В России XIX — начала XX в. много внимания уделялось аграрному вопросу в Риме, пагубному влиянию концентрации земли и закрепощения колоннов. Буржуазные культурологи XX в. пытаются сопоставить кризис и гибель античной культуры с кризисом современной культуры Запада и на основании такого сопоставления предсказать его исход.

Вдохновляли деятелей Возрождения и нового времени и другие, зародившиеся в античном мире идеи. Огромную роль играла идея «гармонически развитого человека» и вообще мысль о значении человеческой личности в борьбе за освобождение человека от пут средневековой церковной идеологии. Идея эта нашла свое отражение в скульптуре и живописи эпохи Возрождения и нового времени, воспроизводивших античные сюжеты¹⁰. Она присутствовала в сочинениях гуманистов, в литературе как прошлого¹¹, так и настоящего времени, в соответствовавших

¹⁰ Можно назвать следующие античные мотивы: Сивиллы (фрески Микеланджело в Сикстинской капелле); Парнас, Венера и Адонис (Тициан и Рубенс); Вакханалия, Суд Париса, Возвращение Дианы с охоты, Меркурий и Аргус, Юпитер и Каллисто (Рубенс); Рождение Венеры, Паллада и Кентавр (Боттичелли); Спящая Венера (Джорджоне); Марс и Венера, Минерва (Веронезе); Диоген, Наказание Марсия (Рибера); Венера, Даная, Флора (Тициан); Даная (Рембрандт) и др. В русской живописи использовались античные сюжеты: Последний день Помпеи (Брюллов), Аполлон, Иакинф и Кипарис (Иванов); Похищение Европы (Серов); Пан (Врубель) и многие другие.

¹¹ Для изучения психологии различных типов людей имело значение сочинение Феофраста «О характерах», переведенное в XVII в., а затем переработанное и расширенное Ля Брюйером и пользовавшееся большой популярностью.

античной эстетике изображении людей и природы, прославлениях деятельности, героизма, воли человека. К сюжетам греческих трагедий и событиям греческой и римской истории обращались для утверждения собственных идеалов и идей Шекспир, Корнель, Расин, а в наше время Брехт, Ануй, Сартр и др. Использовались мотивы комедии Плавта (например, «Менехмы» в «Комедии ошибок» Шекспира, «Ларчик» в «Скупом» Мольера и отчасти «Не было ни гроша, да вдруг алтын» Островского, «Амфитрион» Мольера и многие другие). А умные, ловкие рабы его комедий стали прообразами слуг в комедиях Мольера, Гольдони, Бомарше, героев «пиджачных романов» и других произведений эпохи Возрождения, когда простой человек стал противопоставляться аристократу. Античные сюжеты разрабатывались также в поэзии и прозе, например, сказка об Амуре и Психее, включенная Апулеем в его «Метаморфозы», анекдот об «Эфесской вдове» из «Сатирикона» Петрония; буколическая поэзия Феокрита в Вергилия служила образцом пасторалям, так же как и все творчество поэтов «золотого века» римской литературы давало образцы для творчества последующих поэтов. Несколько стихов Горация переложил, адекватно великому оригиналу, Пушкин, а до него «Памятник» Горация использовал и Державин.

Возможно, к античности восходит популярная в разных слоях общества средних веков и нового времени фигура «благородного разбойника», храброго, умного, великодушного, грабившего богатых и знатных и помогавшего бедным и угнетенным. «Благородный разбойник» был хорошо известен в античных романах и в историографии (например, у Диона Кассия — Булла Феликс, совершавший со своими соратниками из рабов и бедняков много подвигов, пойманный из-за предательства своей любовницы, и на вопрос префекта претория: Как ты стал атаманом разбойников? — ответивший, а как ты стал префектом претория?). Впоследствии «благородные разбойники» (наиболее известен Робин Гуд) становились и героями крестьян, и героями таких литературных произведений, как «Сбогар» Ш. Нодье, «Разбойники» Ф. Шиллера, «Эрнани» В. Гюго, «Дубровский» Пушкина. Видимо, и в античности, и впоследствии популярность этого образа обуславливалась протестом в разных социальных слоях против существующего строя, при отсутствии ясного представления о реальных методах борьбы за его переустройство.

В этом плане, видимо, можно рассматривать и влияние античных утопий на утопии последующих веков. В античном мире они принимали различные формы: представлений о «золотом веке» на заре человечества, когда земля сама давала все плоды, не было ни собственности, ни рабства, ни бедности, все были равны, жили в невинности и счастье; повествований о неких «островах блаженных» или фантастических странах, куда случайно попадали путешественники, а вернувшись, рассказывали о справедливом устройстве общества, которое они там видели. Были и конкретные, но столь же утопические планы идеального, с точки зрения их авторов, социального устройства, которое они и призывали установить. Один из них пародировал Аристофан в комедии «Женщины в народном собрании»: вся власть переходила к женщинам, они обобществляли все имущество и мужчин. Как противник демократии Платон разрабатывал утопические теории устройства совершенного полиса, управляемого философами, не знающими внутренних раздоров, так как у них общим должно быть и имущество, и жены, и жестко контролирующими все стороны жизни простых граждан. Ксенофонт в сочинении о персидском царевиче Кире намечал утопический образ «идеального монарха», и «идеальный император» был также любимой темой авторов Римской империи. В то же время широко распространялась вера в периодическое обновление Вселенной: боги, разгневанные нечестием людей, пошлют на них страшные беды, земля сгорит в мировом пожаре, но затем возник-

нет новый, прекрасный мир, вернется на землю «золотой век». С христианством большую популярность приобрела идея «тысячелетнего царства», которое должно наступить после второго пришествия Христа, когда злые будут наказаны, а «праведные» станут жить блаженно, как братья. Одни пассивно ждали «тысячелетнего царства», другие (например, поэт Коммодян) — призывали бедных и угнетенных бороться за него с оружием в руках, сокрушить власть римского императора, сената, богатых и знатных обратиться в рабов их рабов.

Подобные мотивы нашли свое продолжение и развитие в последующие века. Учение о «тысячелетнем царстве» стало основой многочисленных средневековых крестьянских и бюргерских ересей, идеологически оформлявших борьбу, вплоть до массовых восстаний, с феодальной эксплуатацией и идеологией официальной церкви. Утопические планы создания справедливого общества, конечно, отличались от античных настолько же, насколько зарождавшийся и развивавшийся капиталистический способ производства отличался от античного, но на первых порах их авторы пользовались теми же приемами изложения; планы эти легли в основу утопического социализма, предшествовавшего научному.

Самое христианство, определившее культуру феодальную и раннебуржуазную, было также наследием античности, внесшей в его генезис немалый вклад. И если официальная церковь стала орудием в руках эксплуататорских классов, то многие идеи, сложившиеся в раннем христианстве, еще боровшемся против идеологического нажима римской государственной машины, и пришедшие в христианство из фонда идей угнетенных классов Римской империи, продолжали вдохновлять простой народ европейских стран, создававший свою идеологию протеста против идеологии верхов. То были идеи равенства всех хороших людей, независимо от происхождения и статуса, очищающей силы труда, тезиса, согласно которому «не трудящийся, да не ест», предпочтение честной трудовой бедности, простой жизни — богатству, неизбежно нажитому нечестным путем, жажде власти, ведущей к насилию и злодейству, простодушия и бесхитростности софизмам изощренных умов, мира и согласия вражде и войне. Призывы вернуться к первоначальному христианству играли прогрессивную роль, когда крестьянство, бюргерство и нарождающаяся буржуазия боролась с феодальным строем и католической церковью. Но на первых порах своей истории и официальная церковь не пренебрегала античным наследием. В монастырях переписывались и хранились сочинения античных авторов, и там их отыскивали (а затем издавали) ученые Возрождения.

Как уже упоминалось, в Византии древние рукописи сохранялись и переписывались постоянно. На Западе в VI—VII вв. хранение и переписка рукописей были введены в монастырях по инициативе наиболее просвещенных деятелей церкви. От этих веков дошли список «Дигест» и отрывки некоторых авторов. Но в основном списки античных трудов дошли от IX—XI вв. В IX в. работу по сбору и переписке рукописей поощряли Карл Великий, считавший себя наследником римских императоров, и его преемники. Некоторые рукописи дошли только в списках XII—XIII вв. С X в. начинается и перевод на латынь греческих авторов; от X—XI вв. дошли рукописи работ Аристотеля, Эпиктета, Диона Кассия, Страбона, Дионисия Галикарнасского и др. Знакомство с латинскими авторами влияло и на средневековую литературу — например, стихи Овидия на любовную поэзию и на риторику. Влияние греческих и, особенно, римских ораторов, в первую очередь Цицерона, в западных романоязычных странах сохранялось почти до наших дней. Хотя и в мистифицированной, религиозной форме, теологи, развивая учение Августина, создавали философию истории, построенную на идее прогресса, затем, в очищенном от религиозной оболочки виде, ставшей основой фи-

лософии истории передовых ученых XVIII и XIX вв. Простые клирики нередко становились вождями и идеологами борьбы крестьян и бюргеров, соответственно толкуя христианское вероучение.

На народное, а затем и литературное творчество, осмеивающее различные пороки высших классов повлияли и античные басни Эзопа, Федра, Авиана, по их собственным словам, оформлявших сюжеты и рассказы, ходившие в среде простого народа. Особенно ярки в этом плане басни Федра, неоднократно переводившиеся и переработанные.

Говоря о влиянии античного наследия, нельзя упускать из виду тот факт, что до сравнительно недавнего времени, все образование в европейских странах, в значительной мере, строилось на изучении латинского и греческого языков, римских и греческих авторов. Если они и перестали быть, как то было в эпоху Возрождения «абсолютными», «классическими» авторитетами и образцами для подражания, то все же они оставались хорошо знакомыми и в какой-то мере близкими любому образованному европейцу. Не только общепонятны были созданные на античные темы картины, скульптуры, пьесы, но и у самих авторов произведений искусства, литературы и даже науки, постоянно встречались античные реминисценции, именно потому, что они были понятны зрителю и читателю. Когда Пушкин писал, что в лицее он «читал охотно Апулея, а Цицерона не читал», он знал, что людям его круга хорошо известны и Апулей, и Цицерон, и шутка его будет всем понятна. Понятными, вызывавшими соответственные ассоциации были постоянно заимствовавшиеся русскими и западноевропейскими классиками сравнения, образы, ситуации античных мифов, литературы, истории.

К античности неоднократно обращались К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, прекрасно знавшие классические языки, философию, право, литературу.

К. Маркс высоко ценил Аристотеля: он называл его великим мыслителем, исполнимом мысли и неоднократно ссылался на него не только в философских произведениях, но в таких трудах, как «К критике политической экономии» и «Капитал». Там же К. Маркс ссылался на Платона, Ксенофонта, Фукидида, Исократ, Софокла, Гомера, Диодора Сицилийского, Горация, Лукреция, Плиния Старшего, Страбона, поэта Антипатра, Афиная, Секста Эмпирика.

Ф. Энгельс строил на греческом и римском материале свои труды, посвященные раннему христианству и большую часть своего «Происхождения семьи, частной собственности и государства». В «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы» он не раз подчеркивал великие заслуги греков. Он говорил об Аристотеле, как исследователе всех существнейших форм диалектического мышления¹², считал, что Платон дал гениальное для своего времени изображение разделения труда как естественной основы города, совпадавшего для греков с государством¹³. Подчеркивая превосходство диалектического мышления греков над метафизическим, Ф. Энгельс писал, что в многообразных формах греческой философии уже имеются в зародыше, в процессе возникновения почти все позднейшие типы мировоззрений.

В. И. Ленин в «Лекции о государстве», говорит о первом делении общества на антагонистические классы рабов и рабовладельцев, показывает неизбежность классовой борьбы во всех антагонистических формациях и вскрывает сущность государства как органа эксплуататоров для подавления эксплуатируемых. Вместе с тем он подчеркивает вопрос об усложнении социальной структуры в последующих формациях, отличии

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 19.

¹³ Там же, с. 239.

форм и возможностей классовой борьбы пролетариата по сравнению с рабами, восстания которых были неизбежно обречены на неудачу.

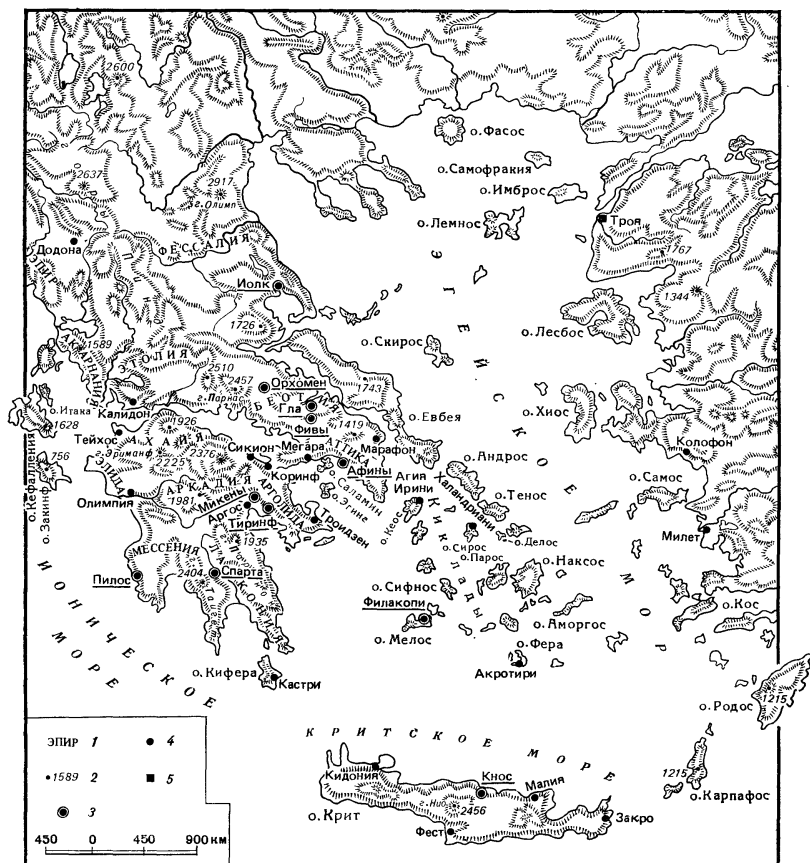
В «Философских тетрадах» В. И. Ленин обращает особое внимание на элементы диалектики, материалистической теории познания, идеи единства мира у греческих философов. Он предостерегает от попыток приписывать греческим философам идеи философов современных, бывшие им чуждыми.

Число примеров обращения основоположников марксизма к античности по разным поводам, начиная от анализа античного способа производства, основ развития античной культуры, и кончая характеристикой отдельных античных деятелей, можно было бы значительно умножить. Но уже и приведенные показывают, что без знания античного материала многое как у классиков европейской литературы, так и у классиков марксизма останется непонятым.

Изучение эпохи античности необходимо не только для суждения о характере особенностей классового общества и государства у различных народов Европейского континента и взаимоотношений более развитых обществ с племенным миром, но и для понимания основных закономерностей дальнейшего развития Европы. Как сказал Ф. Энгельс, без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы¹⁴.

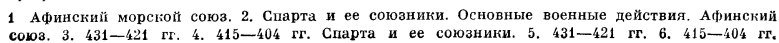
¹⁴ Там же, с. 105—106.

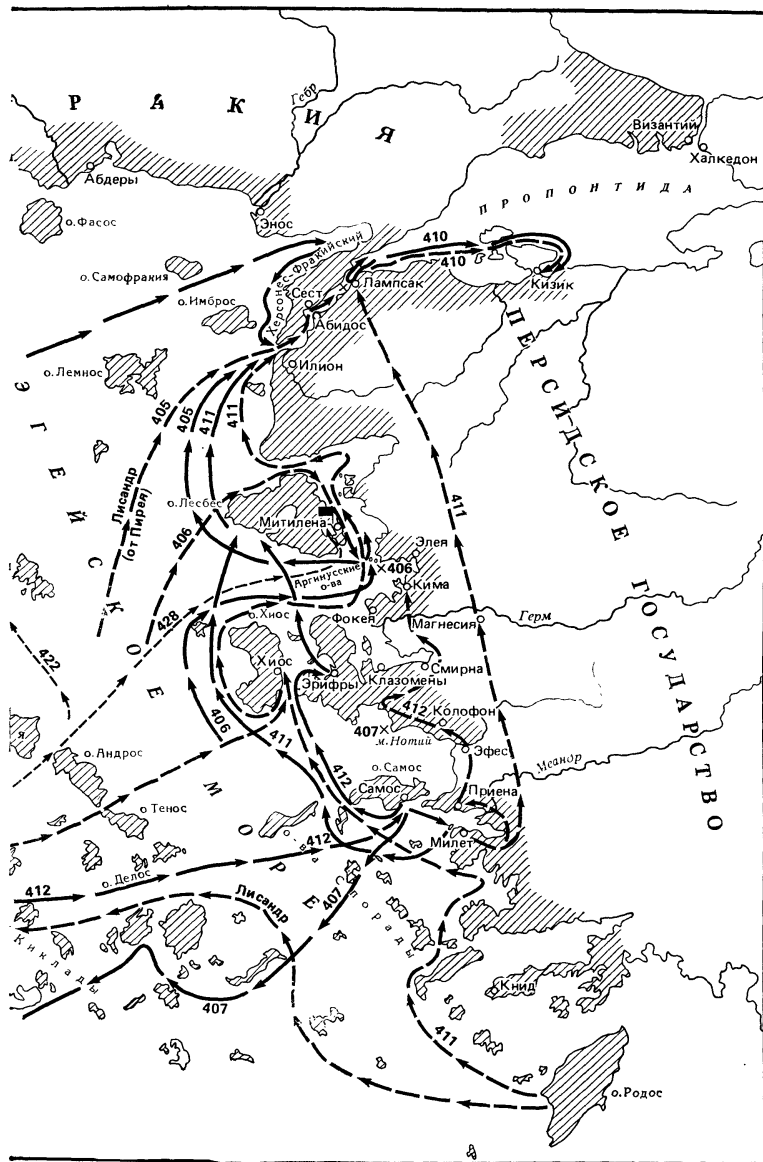
ПРИЛОЖЕНИЕ

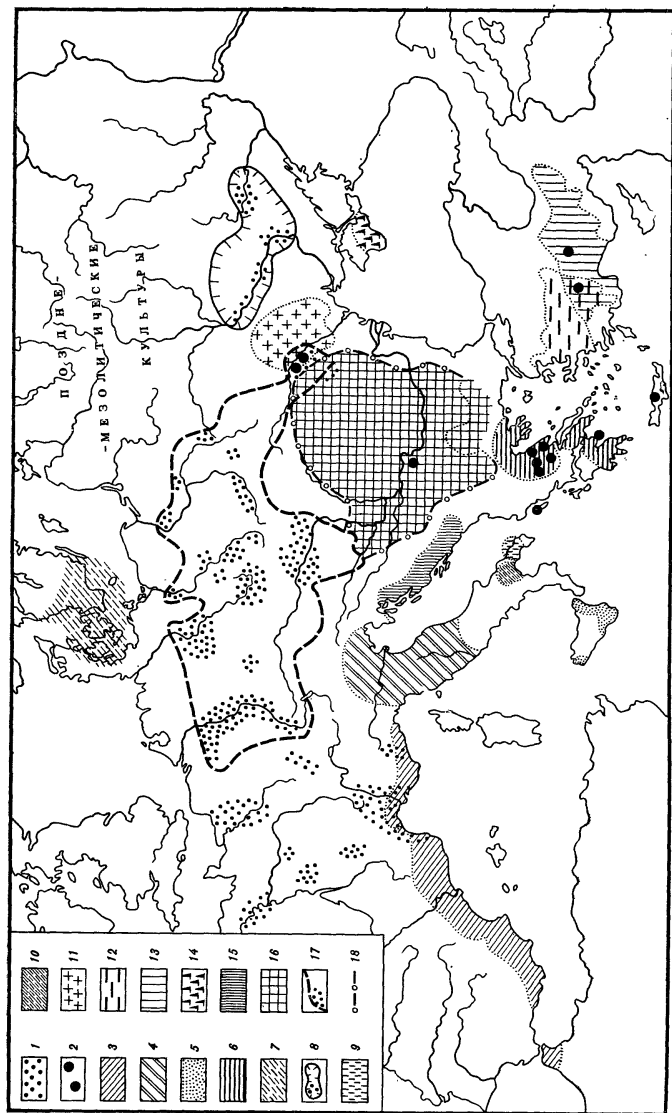
Греция в период формирования раннеклассового общества

1. Исторические области. 2. Отметки горных высот. 3. Столицы царств. 4. Города. 5. Негреческий город

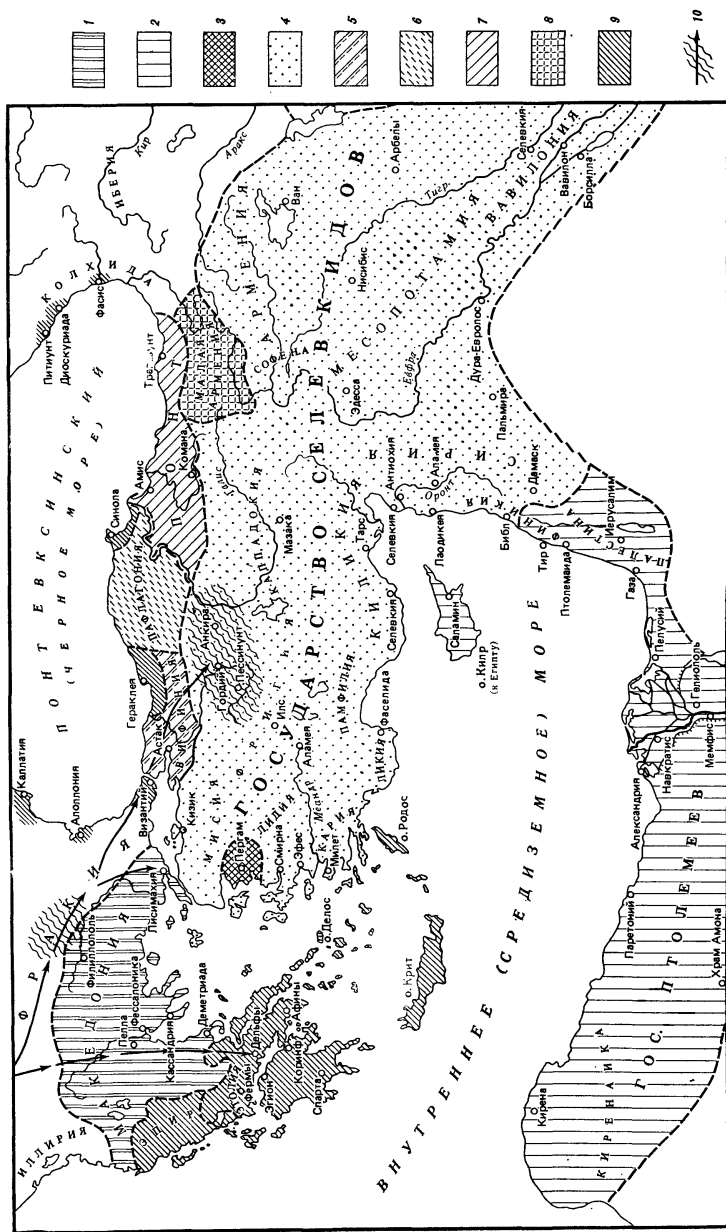
7. Места и годы крупных сражений. 8. Гражданская война на о. Керкире и восстание в г. Митилене. 9. Осада городов и других населенных пунктов. 10. Битва при Херонее, 338 г. до н. э. 11. Коринфский конгресс, 338/7 г. до н. э.

Неолитизация Европы — конец VII, VI и V тыс. до н. э. Основные культуры и культурно-исторические общности

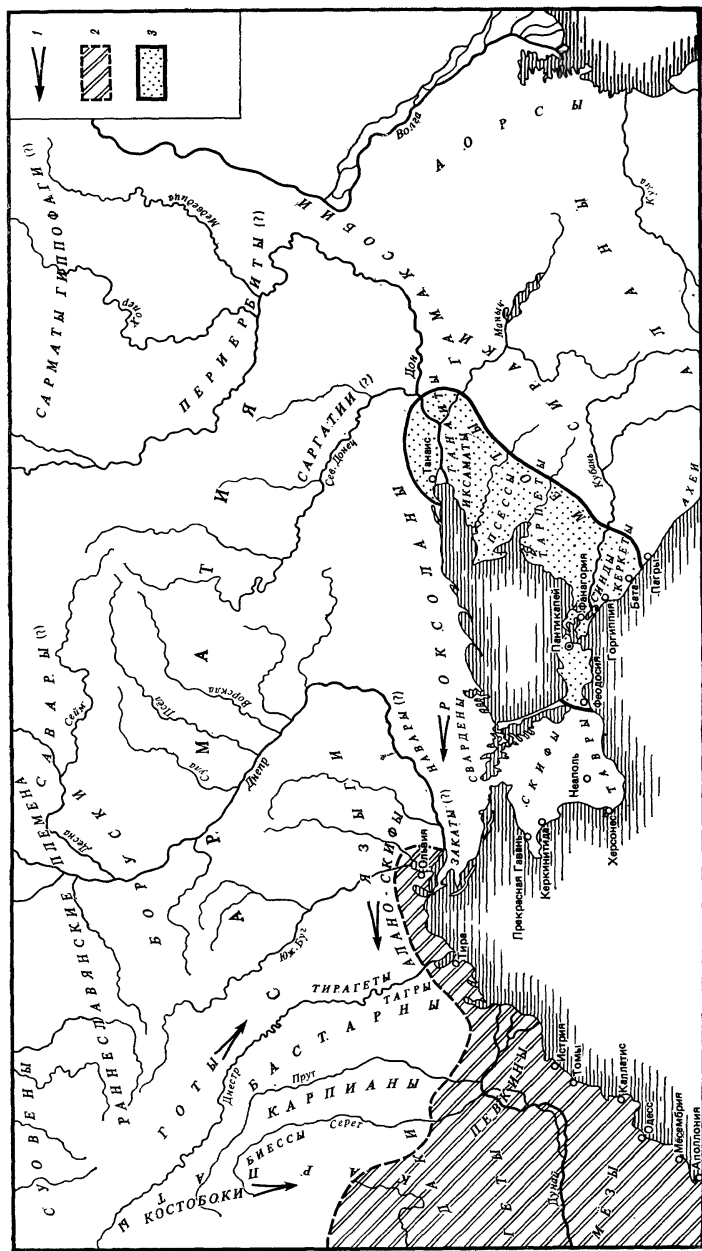
1. Основная концентрация памятников культуры Шассей. 2. Памятники группы памятников протоолита и докерамического неолита. 3. Ареал распространения керамики импрессо в Западном Средиземноморье. 4. Территория распространения культуры Сассо-Фьорано. 5. Ареал культуры Стентинелло на Сицилии. 6. Территория распространения культуры Протосекло и рудольфской керамики. 7. Территория распространения позднемезолитической культуры Эртебелле. 8. Ареал лениро-донецкой культуры с районами наибольшей концентрации памятников. 9. Распространение памятников с керамикой Cardium

в Южной Италии. 10. Распространение памятников расписной керамики типа Матера. 11. Ареал памятников буро-лестровской культуры. 12. Территория распространения памятников культуры Хаджиляр VI. 13. Территория распространения памятников культуры Чатал Хейюк. 14. Неолитические памятники Карачо I. 15. Распространение памятников с керамикой Cardium в Югославии. 16. Территория распространения памятников с керамикой Cardium в Югославии. 17. Территория распространения памятников с керамикой Cardium в Югославии. 18. Территория распространения памятников с керамикой Cardium в Югославии.

Эллинистические государства

1. Македония. 2. Государство Птолемея. 3. Пергам. 4. Государство Селевкидов.
5. Вифиния. 6. Пафлагония. 7. Понт. 8. Малая Армения.
9. Греческие государства. 10. Вторжение недов и места их оседания.

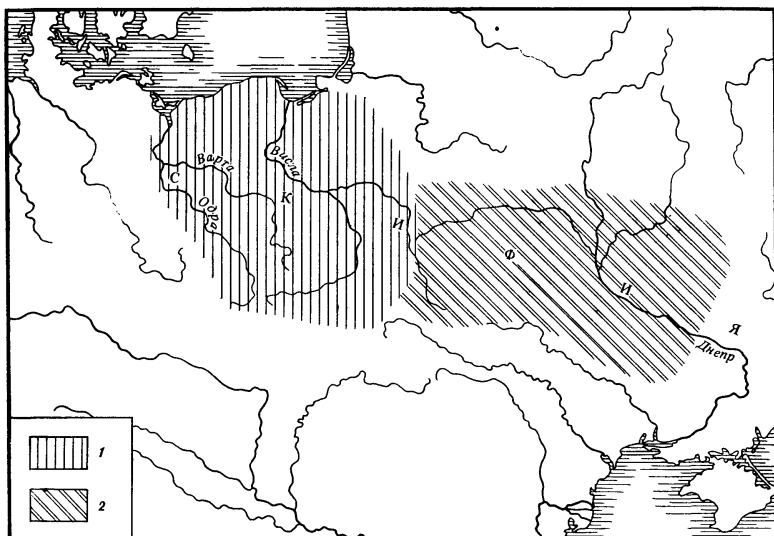

Северное Причерноморье II в. до н. э. — II в. н. э.

4. Племена и направления их передвижений. 2. Владения Римской империи во II в. н. э. 3. Боспорское царство

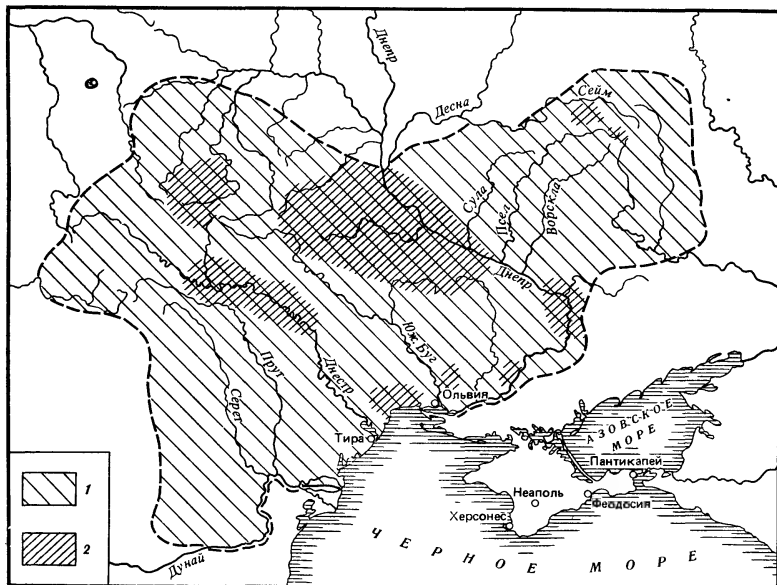

Древняя Италия в VIII — начале III в. до н. э.

Ареал распространения зарубинецкой и пшеворской культур

1. Пшеворская культура. 2. Зарубинецкая культура

Черняховская культура

1. Распространение памятников черняховской культуры. 2. Наиболее плотное скопление памятников черняховской культуры

ЛИТЕРАТУРА

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 461—468
- Маркс К.* Хронологические выписки.— *Архив Маркса и Энгельса*, т. V, М., 1938
- Маркс К.* Британское владычество в Индии.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 130—139
- Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие.— Там же, т. 13, с. 5—9
- Маркс К.* Сицилия и сицилийцы.— Там же, т. 15
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии.— Там же, т. 4
- Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология.— Там же, т. 3
- Энгельс Ф.* Анти-Дюринг.— Там же, т. 20, с. 179—189
- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Там же, т. 21, с. 23—178
- Энгельс Ф.* Бруно Бауэр и раннее христианство.— Там же, т. 19, с. 306—314
- Энгельс Ф.* К истории первоначального христианства.— Там же, т. 22, с. 465—492
- Энгельс Ф.* К истории древних германцев.— Там же, т. 19, с. 442—494
- Энгельс Ф.* Книга Откровения.— Там же, т. 21, с. 7—13
- Энгельс Ф.* Диалектика природы.— Там же, т. 20
- Ленин В. И.* О государстве.— Полн. собр. соч., т. 39, с. 64—84
- Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма.— Там же, т. 27, с. 379
- Ленин В. И.* К. Маркс.— Там же, т. 26
- Ленин В. И.* Философские тетради.— Там же, т. 29
- Ленин В. И.* Великий почин.— Там же, т. 30
- Ленин В. И.* К пересмотру партийной программы.— Там же, т. 34, с. 364—365
- Ленин В. И.* Государство и революция.— Там же, т. 33, с. 5—22

ОБЩИЕ РАБОТЫ

- Античная Греция. М., 1983
- Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984
- Борисковский П. И.* Древнейшее прошлое человечества. 2-е изд. Л., 1979
- Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индо-европейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1985, т. I—II
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985
- Златковская Т. Д.* Возникновение государства у фракийцев. М., 1971
- Кобылина М. М.* Искусство древнего Рима. М., 1939
- Кузищин В. И.* Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э.— I в. н. э. М., 1973
- Культура древнего Рима. М., 1985
- Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973
- Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М., 1974
- Новицкий И. Б.* Основы римского гражданского права. М., 1960
- Римское частное право. М., 1948
- Сергеев М. Е.* Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.; Л., 1958
- Сидорова Н. А.* Искусство Эгейского мира. М., 1972
- Утченко С. Л.* Кризис и падение Римской республики. М., 1965
- Штаерман Е. М.* Кризис рабовладельче-ского строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957
- Штаерман Е. М.* Древний Рим: Проблемы экономического развития. М., 1978
- Штаерман Е. М.* Кризис античной культуры. М., 1975
- Штаерман Е. М.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961
- Штаерман Е. М., Трофимова М. К.* Рабовладельческие отношения в Ранней Римской империи (Италия). М., 1971
- Штаерман Е. М. и др.* Рабство в западных провинциях Римской империи в I—III веках. М., 1977
- Alföldi G.* Römische Sozialgeschichte, Wiesbaden, 1975
- Bömer F.* Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom. Wiesbaden, 1957—1961. I, I—III
- The Cambridge ancient History. Cambridge London e. a. 1970, I, 1; 1973, II, 1; 1975, II, 2; 1982, III, 1; 1982, III, 3; 1984, VII, 1
- Cary M. A.* A History of the Greek world from 323 to 146 BC. L., 1963, N 4
- Chamoux F.* La civilisation hellénistique. P., 1981
- Chastagnol A.* La fin du monde antique. P., 1976
- Coles J. M., Harding A. F.* The Bronze Age in Europe. L., 1979
- Dumézil G.* La religion romaine archaïque. P., 1966
- Finley M. I.* The ancient Economy. L., 1979

- Frank T. (ed) *An Economic Survey of Ancient Rome*. Baltimore, 1933—1940. Vol. I—V
- Histoire générale de l'Europe*.— Press. univ. de France. P., 1980
- The Indo-Europeans in the fourth and Third Millennia*. Ann Arbor, 1982
- Nicolet C. Le métier de citoyen dans la Rome républicaine*. P., 1977
- Piggott S. Ancient Europe from the beginnings of agriculture to classical antiquity*. Edinburg, 1965
- Rostovzeff M. Gesellschaft und Wirtschaft im Römischen Kaiserreich*. Lpz. 1929—1930. Bd I—II

- Rostovzeff M. The social and economic History of the hellenistic World*. N. Y., 1941. Vol. I—III
- De Ste Croix G. E. M. The class struggle in the ancient Greek World*. L., 1981
- Syme R. The Roman Revolution*. Oxford, 1939
- Trump D. H. The Prehistory of the Mediterranean*. L., 1980
- Walbank F. W. The Hellenistic World*. Brighton, N. Y., 1981
- Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323—30 av. J. C)*. Nancy, 1979—1983. T. I—II

Часть первая

Главы 1—3

- Археология Венгрии. Каменный век/Под ред. В. С. Титова и И. Эрдели. М., 1980
- Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н. э.—I тысячелетие н. э./Под ред. В. С. Титова и И. Эрдели. М., 1986
- Кларк Г. Доисторическая Европа: Экономический очерк М., 1953
- Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974
- Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975
- Пассек Т. С. Периодизация трипольских поселений. М., 1949
- Природа и древний человек. М., 1981
- Румянцев А. М. Возникновение и развитие первобытного способа производства: Присваивающее хозяйство. М., 1981
- Срејовић Д. Лепенски Вир. Београд, 1969
- Титов В. С. Неолит Греции. М., 1969
- Тодорова Х. Энеолит Болгарии. София, Б. г.
- Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952
- Энеолит СССР/Под ред. В. М. Массона, Н. Я. Мерперта.— Археология СССР. М., 1982
- Barker G. Landscape and society: Prehistoric Central Italy. London a. o. 1981.
- Clark G. Mesolithic prelude: The Paleolithic-Neolithic Transition in Old World Prehistory. Edinburg, 1980.
- Filip J. Enzyklopaedisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Prag., 1966. Bd. 1; 1969. Bd. 2.
- Gimbutas M. Bronze Age cultures in Central and Eastern Europe. The Hague a. o. 1965.
- The Mesolithic in Europe. Warszawa, 1973
- Phillips P. The Prehistory of Europe. Bloomington, 1980.
- Praistorija Jugoslavenskih zemalja. Sarajevo, 1979
- Renfrew C. Problems in European Prehistory. Edinburg, 1979
- Theocharis D. R. et al. Neolithic Greece. Athene, 1973
- Tringham R. Hunters, Fishers and Farmers of Eastern Europe: 6000—3000 B. C. L., 1971

- Trump D. H. The Prehistory of the Mediterranean. L., 1980

Глава 4

- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949. т. 1
- Гамкрелидзе Т. В. Иванов В. В. Индо-европейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1985. I—II
- Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981
- Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов.— ВДИ, 1982, № 3—4
- Кларк Дж. Г. Д. Доисторическая Европа: Экономический очерк. М., 1953
- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938
- Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974
- Мерперт Н. Я. Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века.— В кн.: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984, с. 234—246
- Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966
- Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М., 1984
- Benveniste E. Le vocabulaire des institutions indo — européennes. P., 1969
- Bosch-Gimpera P. El problema indoeuropeo. Mexico, 1960
- Bouzek J. Aegean, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations in the 2nd millennium B. C. Praha, 1983
- Devoto G. Origini indoeuropee. Firenze, 1962
- Gimbutas M. Cult, myth and images of Old Europe c. 7000—3500 B. C. L., 1975
- Joki A. J. Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973
- Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970

Krahe H. Sprache und Vorzeit. Europäische Vorgeschichte nach dem Zeugnis der Sprache. Heidelberg, 1954

Problemi di sostrato nelle lingue indoeuropee/A cura di Enrico Campanile Giardini, 1984

Symposium über die Entstehung und Chronologie der Badener Kultur. Nitra, 1974

Silvestri D. La nozione di indo-mediterraneo in linguistica storica. Napoli, 1974

Часть вторая

Глава 1

Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М., 1966

Блаватская Т. В. Греческое общество второго тысячелетия до н. э. и его культура. М., 1976

Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958

Гордзениани Р. В. «Илиада» и вопросы истории и этногенеза древнейшего населения Эгеиды. Тбилиси, 1970

Колобова К. М. Греция в III и II тыс. до н. э. JL, 1955

Ленцман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963

Пендлберги Дж. Археология Крита. М., 1950

Полякова Г. Ф. Социально-политическая структура пилосского общества. М., 1978

Чэдвик Дж. Расшифровка слогового В.— В кн.: Тайны древних писем. М., 1976, с. 105—251

Blegen C. W. Troy and the Trojans. N. Y., 1963

Deroy L. Les leveurs d'impôts dans le royaume de Pylos. Roma, 1968

Evans A. The Palace of Minos. L., 1921—1935. Vol. I—IV

Lindgren M. The People of Pylos Uppsala, 1973. Vol. I—II

Mylonas G. Ancient Mycenae, the Capital City of Agamemnon. Princeton, 1957

Nilsson M. P. Homer and Mycenae. L., 1933

Nilsson M. P. The Mycenaean Origin of Greek Mythology. Berkeley, 1931

Page D. History and the Homeric Iliad. Berkeley, 1959

Sakellariou M. B. La Migration grecque en Ionie. Athènes, 1958

Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek². Cambridge, 1973

Wace A. J. B. Mycenae, an archaeological history and guide. Princeton, 1949

Wundsam K. Die politische und soziale Struktur in den mykenischen Residenzen nach den Linear B texten. Wien, 1968

Zajiropoulo J. Histoire de la Grèce à l'Age de Bronze. P., 1964

Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М.; JL, 1958

Гиндин Л. А. Языки древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967

Гиндин Л. А. К проблеме генетической принадлежности пелассгийского догреческого слоя.— Вопросы языкознания, 1971, № 1.

Залесский Н. Н., Мавлеев Е. В. Южная Этрурия и начало этрусской цивилизации: Археологический материал. Теоретизированное и историческая реальность.— В кн.: Западное Средиземноморье в I тыс. до н. э. JL, 1984, Немировский А. И., Харсекин А. И. Этруски. Воронеж, 1969.

Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983.

Нерозняк В. П. Палеобалканские языки. М., 1978

Харсекин А. И. Политическое и общественное устройство этрусских городов.— В кн.: Западное Средиземноморье в I тыс. до н. э.

Харсекин А. И. Новые надписи из Пирги на этрусском и финикийском языках.— ВДИ, 1965, № 1

Шифман И. Ш. Возникновение Карфагенской державы. JL, 1963

Buti G. G., Devoto G. Preistoria e storia delle regioni d'Italia. Firenze 1974

Lejeune, M. Venetica.— Latomus, 1953, v. XII, f. 4

Mascati, S. Italia Sconosciuta. Milano, 1971

Mascati, S. Archeologia Mediterranea, Milano, 1966

Pallottino M. Le origini storiche dei popoli italici.— Relazioni del X Congresso Internazionale di scienze storiche. Firenze, 1955. V. II

Pallottino M. Sulla cronologia dell'età del bronzo finale e dell'età del ferro in Italia — SE, 1960, 28

Pallottino M. Etruscologia. Milano 1955

Pallottino M. Storia della prima Italia. Milano, 1984

Гюнтер Р. К развитию социальной и имущественной дифференциации в древнейшем Риме.— ВДИ, 1959, № 1.

Ельницкий Л. А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э. М., 1964

Косвен М. О. Сельская община и патронимия. М., 1963

Нечай Ф. М. Образование римского государства. Минск, 1962

Глава 2

Глазьев В. Л. Западное Средиземноморье: системы расселения и образы пространства.— В кн.: Западное Средиземноморье в I тыс. до н. э. JL, 1984.

- Bartoli A.* I pozzi dell'area Sacra di Vestai.— Monum. antichi della Accad. Naz. dei Lincei, 1961, v. 45
- Bömer F.* Roma und Troia. Baden-Baden, 1957
- Duhn F.* Italische Gräberkunde. Heidelberg, 1924. T. II
- Laviosa Zambetti P.* Le origini della civiltà di Villanova Secondo i più recenti interpretazioni—Civiltà del ferro. Bologna, 1960
- De Martino F.* Storia di costituzione romana. Napoli, 1958. V. 1
- Palmer R.* The archaic community of the Romans. Cambridge, 1970
- Peruzzi E.* Origine di Roma. Bologna, 1973. V. II
- Peruzzi E.* Agricoltura micenea nel Lazio—Minos, 1975, f. 1—2
- Peruzzi E.* Aspetti culturali del Lazio primitivo. Firenze, 1978
- Peruzzi E.* Mycenaens in Erly Latinum. Roma, 1980
- Blázquez J. M.* Tartessos y los orígenes de la colonización fenicia en Occidente. 2 ed. Madrid, 1976
- Blázquez J. M.* Religiones primitivas de Hispania. Madrid, 1962. T. 1; 1983. T. 2
- Blázquez J. M., Presedo Fr., Javier Lomas Fr., Fernández Nieto Fr.* Historia de España antigua. Madrid, 1983
- Almagro Gorbea M.* El Bronce final y el período orientalizante en Extremadura. Madrid, 1977
- Els Orígens del món ibèric.*— Ampurias, 1976—1978, 38—40
- Etienne R., Bost J.-P., Coffyn A.* ect. Histoire et archéologie de la Péninsule Ibérique antique.— Revue des études anciennes. 1975. T. 77, p. 151—222; 1979. T. 81, p. 105—198.
- Historia económica y social de España.* Madrid, 1973. T. 4. La Antigüedad
- Schüle W.* Die Meseta Kulturen der Iberischen Halbinsel. B., 1969. Bd. 1, 2
- ### Глава 3
- Филип Я.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.
- Chadwick (Nora), The Celts, Lnd, 1970.*
- Dechelette (Joseph), Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine, t. IV: Second Age du Fer ou époque de La Tène, Paris, 2e ed., 1927.*
- Grenier (Albert), Les Gaulois, P., 1970.*
- Harmand (Jacques), Les Celtes au Second Age du Fer, P., 1970.*
- Hubert (Henri), Les Celtes et l'expansion celtique jusqu'à l'époque de La Tène et Les Celtes depuis l'époque de La Tène et la civilisation celtique, P., 1973.*
- Jackson (Kenneth Hurlstone), The oldest Irish Tradition: A Window to the Iron Age, The Rede Lecture 1964, Cambridge, 1964.*
- Kruta (Venceslas), Lessing (Erich) et coll., Les Celtes, P., 1978.*
- Moreau (Jacques), Die Welt der Kelten, Stuttgart, 1958.*
- Powell (T. G. E.), Les Celtes, P., 1961.*

- Ross (Anne), Everyday Life of the Pagan Celts, London, 1970.*
- Thevenot (Emile), Histoire des Gaulois, P., 1971*
- Данов Х. М.* Древна Тракия. София, 1968
- Златковская Т. Д.* Племенной союз гетов под руководством Биребисты.— ВДИ, 1955, 2
- Кларк Дж. Г. Д.* Доисторическая Европа. М., 1953
- Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979
- Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* «Царства» Биребисты и Денебала; союзы племен или государства.— Вопросы истории, 1984, № 7
- Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. М., 1973
- Фол А. А.* Политическая история на траките. София, 1972
- Bonis E. B.* Die späteltische Siedlung Gellerthegey—Taban in Budapest, Budapest, 1969
- Crişan I. H.* Burebista and his Time. Bucureşti, 1978
- Daicovicu H.* Burebista de la curieriea romana. Bukureşti, 1972
- «The Celts in Central Europe». Székesfehérvár, 1974
- Filip I.* Keltové ve střední Evropě, Praha, 1956
- Filip I.* Die keltische Zivilisation und ihr Erbe. Prag, 1961
- Kastelic J.* Sitila z Vac. Beograd, 1956
- Kimmig W.* Vorzeit an Rhein und Donau. Konstanz, 1958
- Moreu J.* Die Welt der Kelten. Stuttgart, 1958
- ### Глава 4
- Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971
- Граков Б. Н.* Ранний железный век. М., 1977
- Данов Хр.* Древна Тракия. София, 1968
- Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VI—IV вв. до н. э. Киев, 1982
- Мурзин В. Ю.* Скифская архайка Северного Причерноморья. Киев, 1984
- Тереножкин А. И.* Древна Тракия. София, 1968.
- ### Глава 5
- Griechenland, die Agäis und die Levante während der «Dark ages» vom 12. bis zum 9. Jh. v. Chr.— Verlag der Österr. Ak. des Wiss. Wien, 1983*
- Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967. Bd. 1—2
- Boardman J.* The greeks overseas. Harmondsworth: Penguin books, 1973
- Boardman J.* Preclassical: from Crete to archaic Greece. Harmondsworth: Penguin books, 1978
- Burn A. R.* The lyric age of Greece. L.: Arnold, 1978
- Burn A. R.* Minoans, philistines and greeks B. C. 1400—900. L., 1968

- Coldstream J. N.* Geometric Greece. L., 1977
- Cook J. M.* The Greeks in Ionia and the East. L., 1962
- Desborough V. R. d'A.* The greek dark ages. L., 1972
- Dornseiff F.* Antike und alter Orient. Lpz., 1959
- Dunbabin T. J.* The western greeks. Oxford, 1948
- Fränkel H.* Dichtung und Philosophie des frühen Griechentums. München, 1962
- Hopper R. J.* The early greeks. L., 1976
- Karageorghis V.* The ancient civilization of Cyprus. N. Y., 1969
- Hampl F.* Die Ilias ist kein Geschichtsbuch.—Seria philologica Aenipontana, 7—8. Innsbruck, 1962. S. 37—63
- Jeffery L. H.* Archaic Greece. The city-states c. 700—500 b. C. L., 1978
- Kirk G., Raven J. E.* The presocratic philosophers. Cambridge, 1957
- Kirk G. S.* The songs of Homer. Cambridge, 1962
- Mazzarino S.* Fra Oriente e Occidente. Ricerche di storia greca arcaica. Firenze, 1947
- Murray O.* Early Greece. Brighton, 1980
- Origeni e sviluppi della città.* Milano, 1978
- Snodgrass A. M.* Archaic Greece. L., 1980
- Snodgrass A. M.* The dark ages of Greece. Edinburg, 1971
- Starr Ch. G.* The economic and social growth of early Greece 800—500 B. C. N. Y., 1977
- Starr Ch. G.* The origin of greek civilization 1100—650 B. C. N. Y., 1961
- Welwei K. W.* Die griechische Polis: Verfassung und Gesellschaft in archaischer und klassischer Zeit. Stuttgart etc., 1983
- Глава 6**
- Античная цивилизация. М., 1973
- Арский Ф. Н. Перикл. М., 1971
- Блаватский В. Д. Античная расписная керамика. М., 1953
- Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. Л., 1963
- Доватур А. И. Рабство в Аттике. VI—V века до н. э. Л., 1980
- Древняя Греция. М., 1955
- Историография античной истории/Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980
- Казаганова Л. Н. Очерки социально-экономической истории Крита V—IV вв. до н. э. М., 1964
- Каллистов Д. П. и др. Рабство на периферии античного мира. Л., 1968
- Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961
- Колпинский Ю. Д. Искусство Эгейского мира и древней Греции. М., 1970
- Кошелев Г. А. Экономика древней Греции в современной зарубежной литературе.—В кн.: Древний Восток и античный мир/Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980
- Ришкин Б. И. Античное искусство. М., 1972 («Малая история искусств»).
- Фролов Э. Д. Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л., 1981
- Соболевский С. И. Аристофан и его время. М., 1957
- Ярхо В. Н. Эсхил и некоторые проблемы древнегреческой драматургии. М., 1978
- Burford A.* Craftsmen in Greek and Roman Society. Ithaca (N. Y.), 1972
- Burn A. R.* Persia and the Greeks in Defence of the West. 2nd ed. with a Postscript by D. M. Lewis. Stanford (California), 1984
- Cartledge P.* Sparta and Lakonia. A Regional History: 1300—326 B. C. L., 1979
- Cloché P.* La démocratie athénienne. P., 1951
- Ducrey P.* Le traitement des prisonniers de guerre dans la Grèce antique des origines à la conquête romaine. P., 1968
- Connor W. R.* The New Politicians of Fifth Century Athens. Princeton, 1971
- Dunand F.* L'esclavage dans Lysias.—Actes du colloque d'histoire sociale 1970. Annales littéraires de l'Université de Besançon. 128. Paris, 1972
- Ehrenberg V.* The Greek State. L., 1974
- Finley M. I.* The Ancient Economy. L., 1979
- Garlan Y.* La guerre dans l'antiquité. P., 1972
- Garlan Y.* Les esclaves en Grèce ancienne. P., 1982
- Glötz G.* La cité grecque. P., 1968
- Hanson V. D.* Warfare and Agriculture in Classical Greece. Pisa, 1983
- Healy J. F.* Mining and Metallurgy in the Greek and Roman World. L., 1978
- Hopper R. J.* Trade and Industry in Classical Greece. L., 1975
- Jardé A.* Les céréales dans l'antiquité grecque. P., 1925
- Jones J. W.* The Law and Legal Theory of the Greeks. Oxford, 1956
- Kraay C. M.* Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley; Los Angeles, 1976
- Lauffer S.* Die Bergwerkssklaven von Laurion. Wiesbaden, 1956—1957. T. 1—2
- Lévy Ed.* Les esclaves chez Aristophane.—In: Actes du colloque 1972 sur l'esclavage. Annales littéraires de l'Université de Besançon. 163. P., 1974
- Meiggs R.* The Athenian Empire. Oxford, 1972
- Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion, 3. Aufl. München, 1967
- Oliva P.* Sparta and her Social Problems. Prague, 1971
- Ostwald M.* Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy, Oxford, 1969
- Picard O.* Les Grecs devant la menace perse. P., 1980
- Rhodes P. J.* A Commentary on the Aristotelian Athenian Politeia. Oxford, 1981
- Ste Croix G. E. M. de.* The Origins of the Peloponnesian War. L., 1972
- Will Ed.* Le mode grec et l'Orient. T. 1. Le Ve siècle. P., 1972
- Ziomecki J.* Les représentations d'artisans sur les vases attiques. Wroclaw, 1975

Глава 7

- Андреев В. Н. Структура частного богатства в Афинах V—IV вв. до н. э.— ВДИ, 1981, № 3
- Античная Греция. М., 1983, т. 2
- Аристотель и античная литература. М., 1978
- Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966
- Виппер Б. Р. Искусство Древней Греции. М., 1972
- Глускина Л. М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975
- Доватур А. Политика и Политии Аристотеля. М.; Л., 1975
- Зельин К. К. Из области греческой историографии IV в. до н. э.— ВДИ, 1960, № 1
- Исаева В. И. Особенности политической публицистики Исократа.— ВДИ, 1978, № 2
- Коллинский Ю. Д. Великое наследие античной Эллады и его значение для современности. М., 1977
- Лосев А. Ф. История античной эстетики. М., 1969—1975. Т. 2—4
- Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975
- Платон и его эпоха. М., 1979
- Рожанский И. Д. Развитие естествознания в эпоху античности. М., 1979
- Фролов Э. Д. Греческие тираны. Л., 1972
- Фролов Э. Д. Сипилийская держава Дионисия. Л., 1979
- Bengtson H. The Greeks and the Persians. L., 1968
- Bogaert R. Banques et banquiers dans les cités grecques. Leyde, 1968
- Cloch   P. D  mosth  ne et la fin de la d  mocratie ath  nienne. P., 1937
- Davies J. K. Athenian Propertied Families (600—300 B. C.). Oxford, 1971
- Fine J. V. Studies in Mortgage, Real Security and Land Tenure in Ancient Athens.— Hesperia, 1951, Suppl. IX
- Finley M. I. Studies in Land and Credit in Ancient Athens. 500—200 B. C. New Brunswick; New Jersey, 1952
- Garlan Y. La guerre dans antiquit  . P., 1972
- Guthrie W. K. S. A History of Greek Philosophy. Cambridge, 1975—1980. V. 4—6
- Hellenische Poleis. Krise. B., 1974
- Imperialism in Ancient World. Cambridge, 1978
- Jaeger W. Paideia. The Ideals of Greek Culture. Oxford, 1978. V. III
- Jones A. H. M. The Athens of Demosthenes. Cambridge, 1952
- Kennedy G. A. The art of Persuasion in Greece. L., 1985
- Luccioni J. Les Id  es politiques et sociales de X  nophon. P., 1947
- Moss   C. La fin de la d  mocratie ath  nienne. P., 1962
- Pe  irka J. The Crisis of the Athenian Polis in the Fourth Century B. C.— Eirene, 1976, XIV, p. 5—29

- Pritchett W. K. The Greek State at War. Berkeley, 1971
- Pritchett W. K. Ancient Greek Military Practice. Berkeley, 1971
- Ryder T. T. B. Koine eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece. Oxford, 1965
- Wood E. M., Wood N. Classical Ideology and Ancient Political Theory. N. Y., 1978

Глава 8

- Ельницкий Л. А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э. М., 1964
- Маяк И. Л. Характер и роль colonia Romana в распространении римской власти на Апеннинском п-ве.— ВДИ, 1956, № 2
- Маяк И. Л. Взаимоотношения Рима и италиков в III—II вв. до н. э. М., 1971
- Штаерман Е. М. Некоторые новые итальянские работы по социально-экономической истории древнего Рима.— ВДИ, 1982, № 3
- Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964
- Gjerstad E. Legends and facts of early Roman history. Lund, 1962
- Mannino V. Auctoritas patrum. Milano, 1979
- Pallotino M., Lo sviluppo socio istituzionale di Roma arcaica alla luce di nuovi documenti epigrafici — St. Rom, 1979, N 1
- Salmon E. T. Roman colonisation under Republic. L., 1969.
- Santilli A. Agitazioni agrarie dal 424 a. C. alla presa di Veii — Legge e societ  , 1981, I
- Scullard H. H. Roman politics 220—150 B. C. Oxford, 1951
- Serrao F. Lotte per la terra e per la cosa a Roma dal 485 al 441 A. C.— In: Legge e societ   nella repubblica romana, 1981,

Глава 9

- Блаватский В. Д. Архаический Боспор.— Материалы исследования по археологии СССР, 1954, № 33
- Виноградов Ю. Г. Полис в Северном Причерноморье.— В кн.: Античная Греция. М., 1983. Т. 1
- Виноградов Ю. Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э.— ВДИ, 1981, № 2; 3
- Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966
- Фол А. Политическая история на траките. София, 1972
- Черненко Е. В. Скифо-Персидская война. Киев, 1984
- Шелов-Коведяев Ф. В. Образование Боспорского государства.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Ежегодник. 1984. М., 1985
- Шелов Д. Б. Царь Атей.— Нумизматика и сфрагистика. Киев. 1965, 2
- Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978

Глава 10

- Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982
- Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985
- Блаватская Т. В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983
- Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э. М., 1969
- Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М., 1980
- Грарь-Пассек М. Александрийская греческая литература.— В кн.: Александрийская поэзия. М., 1972
- Дискуссия о проблемах эллинизма.— СА, 1955, XXII, с. 99—125
- Дройзен И. Г. История эллинизма. М., 1980. Т. I—III
- Жигунин В. Д. Международные отношения эллинистических государств в 280—220 гг. до н. э. Казань, 1980
- Зельин К. К. Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II—I вв. до н. э. М., 1960
- Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969
- Источниковедение древней Греции (Эпоха эллинизма)/Под ред. В. И. Кузищина. М., 1982
- Кошеленко Г. А. Эллинистическая эпоха в современной науке (Некоторые проблемы).— В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978
- Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979
- Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950
- Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949
- Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979
- Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1986
- Шофман А. С. История античной Македонии. Казань, 1963. Ч. II. Македония
- Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976
- Шофман А. С. Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984
- Ярхо В. Н. У истоков европейской комедии. М., 1979
- Briant P. Antigone le Borgne. P., 1973
- Buraselis K. Das hellenistische Makedonien und die Ägäis. München, 1982
- Cabanès P. L'Épire de la mort de Pyrrhos à la conquête Romaine. P., 1976
- Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. Leipzig, 1957. Т. I—II
- Ferguson J. The heritage of Hellenism. The Greek world from 323 B. C. to 31 B. C. L., 1973
- Finley M. I. A history of Sicily. L., 1968
- Grimal P. Der Hellenismus und der Aufstieg Roms. Frankfurt am Main, 1965
- Hammond N. G. L. Alexander the Great: King, commander and statesman. L., 1981
- Hadas M. Hellenistic culture. Fusion and diffusion. N. Y., 1959
- Hammond N. G. L., Griffith G. T. A history of Macedonia. L., 1979. Vol. II
- Heichelheim F. Wirtschaftliche Schwankungen der Zeit von Alexander bis Augustus. Jena, 1930
- Kreissig H. Geschichte des Hellenismus. B., 1934
- Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. P., 1949. V. I—II
- Lévy P. Le monde hellénistique. P., 1969
- Lonf A. A. Hellenistic philosophy: stoics, epicureans, sceptics. L., 1974
- Mossé C. Athens in decline 404—86 B. C. L., 1973
- Préaux C. Le monde hellénistique. La Grèce et l'Orient de la mort d'Alexandre à la conquête de la Grèce, 323—146 av. J. C. P., 1978. T. I, II
- Petit P. La civilisation hellénistique. P., 1965
- Sarton G. A history of science. Hellenistic science and culture in the last three centuries B. C. Harvard, 1959. Vol. II
- Schneider C. Die Welt des Hellenismus. Lebenformen in der spätgriechischen Antike. München, 1975
- Tezier J.-G. Nabis. Besançon, 1975

Глава 11

- Буассье Г. Цицерон и его друзья: Очерк о римском обществе времен Цезаря. М., 1914
- Мишулин А. В. Спартакское восстание. М., 1936
- Моммзен Т. История Рима. М., 1936—1949. Т. I—III, V
- Утченко С. Л. Древний Рим: События. Люди. Идеи. М., 1969
- Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики: Из истории политических идей I в. до н. э. М., 1952
- Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима III—I вв. до н. э. М., 1977
- Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1972
- Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976
- Штаерман Е. М. Древний Рим: Проблемы экономического развития. М., 1978
- Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964
- Badian E. Publicans and Sinners Private Enterprise in the Service of the Roman Republic. Oxford, 1972
- Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. N. Y., 1951—1952. Vol. I—II
- Brunt P. A. Italian Manpower 225 B. C.—A. D. 14. Oxford, 1971
- Buckland W. The Roman Law of Slavery. Cambridge, 1908
- Crawford M. H. Roman Republican Coinage. Cambridge, 1974

- Crook J. A.* Law and Life of Rome. Ithaca, N. Y., 1967
- Dódsi G.* Ownership in Ancient and Pre-classical Roman Law. Budapest, 1970
- Fraenkel E.* Plautinisches im Plautus. B., 1922
- Galsterer H.* Herrschaft und Verwaltung im republikanischen Italien: Die Beziehungen Roms zu den italischen Gemeinden von Latinerfrieden 338 v. Chr. bis zum Bundesgenossenkrieg 91 v. Chr. München, 1976
- Greenidge A. H., Clay A. M.* Sources for Roman History, 133–70 B. C. 2d ed. (E. W. Gray), 1960
- Harmand J.* L'Armée et le Soldat à Rome. P., 1967
- Harris W. V.* War and Imperialism in Republican Rome. 327–70 B. C. Oxford, 1979
- Heitland W.* Agricola. Cambridge, 1921
- Hellegonarc'h J.* Le Vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la république. P., 1963
- Meier C.* Res publica amissa. Wiesbaden, 1966
- Nicolet C.* L'Ordre équestre à l'époque républicaine. P., 1966–1974. T. I–II
- Nicolet C.* Rome et la conquête du monde méditerranéen. P., 1977–1978. V. I–II
- Scullard H. H.* A History of the Roman World, 753–146 B. C. 3d ed. L., 1967
- Sherwin-White A. N.* The Roman Citizenship. Ed. 2. Oxford, 1973
- Taylor L. R.* The Voting Districts of the Roman Republic. Rome, 1960
- Toynbee A. J.* Hannibal's Legacy. The Hannibalic War's Effects on Roman Life. L., 1965. Vol. I–II
- Treggiari S.* Roman Freedmen during the Late Republic. Oxford, 1969
- White K. D.* Roman Farming. L., 1970
- Wilson A. J. N.* Emigration from Italy in the Republican Age of Rome. Manchester, 1966
- Wiseman T. P.* New Man in the Roman Senate. 139 B. C.–A. D. 14. Oxford, 1971

Глава 12

- Braun Fr.* Die Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen. B., 1920.
- Feist S.* Germanen und Indogermanen. B., 1919.
- Feist S.* Germanen und Kelten in der antiken Überlieferung. B., 1927.
- Hachmann R., Kossak G., Kuhn H.* Völker zwischen Germanen und Kelten, Neumünster, 1962.
- Hirt H.* Die Indogermanen, Strasbourg, 1907.
- Kossinna G.* Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und frühgeschichtliche Zeit, 1936.
- Stumpel G.* Name und Nationalität der Germanen, Klio, XXV, 1932.
- Vries J.* Altgermanische Religionsgeschichte. 1956–1957.

Главы 13 и 16

- Античная Тира и средневековый Белгород. Киев, 1979
- Античные государства Северного Причерноморья.— В кн.: Археология СССР. М., 1984
- Археологія Української РСР. Київ, 1971–1975. Ч. I–III
- Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982
- Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964
- Высотская Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979
- Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; JL, 1949
- Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья.— В кн.: Античные города Северного Причерноморья. М.; JL, 1955
- Блаватская Т. В.* Западнопонтийские города в VII–I вв. до н. э. М., 1952
- Данов Х.* Западният бряг на Черно море в древността. София, 1947
- Данов Х.* Изъ древната икономическа история на западното Черноморие до установяването на римското владичество.— Известия на Българския археологически институт, т. XII, с. 185–247
- Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.; JL, 1953.
- Зограф А. Н.* Античные монеты.— Материалы и исследования по археологии. СССР. М., JL, 1951, № 16
- Кадева В. И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981
- Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967
- Кругликова И. Т.* Боспор и позднеантичное время. М., 1966
- Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975
- Латышев В. В.* ПОНТИКА. СПб., 1909
- Мизайлов Г.* Към историята на Тракия през IV–III вв. пр. н. е.— В кн.: Гавриил Кацаров II. София, 1955
- Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев 1932.
- Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975
- Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. JL, 1925
- Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М., 1979
- Сымонович Э. А.* Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983
- Фол А.* Демографска и социална структура на Древна Тракия. София, 1970
- Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон. III—I вв. до н. э. М., 1970
- Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972
- Danoff Ch.* Pontos Euxeinos. Paulys Realencyclopädie der Class. Altertumswissenschaft. Suppl. IX, Bd. XXII, S. 866–1175

- Din Istoria Dobrogei. Vol. I—II. București, 1965—1968
- Gajdukevic V. F.* Das Bosporianische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971
- Rostovtzeff M. I.* Scythians and the Bosphoros. Berlin; Leipzig, 1931
- Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913
- Rostovtzeff M. I.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922
- Parvan V.* Dacia. Cambridge, 1928
- Pippidi D. M.* Scythica Minora. București; Amsterdam, 1975
- Pippidi D. M.* Contributii la istorie veche a Romaniei. Ed. 2. București, 1967
- Pippidi D. M.* Epigraphische Beiträge zur Geschichte Histrias in hellenistischer und römischer Zeit. B., 1962
- Vulpe. R.* Histoire ancienne de la Dobroudja. Bucarest, 1938
- Preda C.* Callatis, Ed. 2. București, 1968
- Главы 14 и 17**
- Античный роман. М., 1969
- Блаватский В. Д.* Архитектура Древнего Рима. М., 1938
- Бритога Н. Н., Лосева Н. М., Сидорова Н. А.* Римский скульптурный портрет. М., 1975
- Воицинина А. И.* Очерки истории древнеримского искусства. Л., 1947
- Гаспаров М. Л.* Античная литературная басня. М., 1971
- Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984
- Кудрявцев О. В.* Эллинические провинции Балканского полуострова во II веке нашей эры. М., 1954
- Кузищин В. И.* Генезис рабовладельческих латифундий в Италии. М., 1976
- Кузищин В. И.* Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э.—I в. н. э. М., 1973
- Кузищин В. И.* Очерки по истории земледелия Италии II в. до н. э.—I в. н. э. М., 1966
- Машкин Н. А.* Принципат Августа. М.; Л., 1949
- Перетерский И. С.* Дигесты Юстиниана. М., 1956
- Помпейские росписи. Л.; М., 1937
- Сергеев М. Е.* Помпей. М.; Л., 1949
- Сергеев М. Е.* Ремесленники древнего Рима. Л., 1968
- Штаерман Е. М.* Древний Рим: Проблемы экономического развития. М., 1978
- Duncan-Jones R.* The Economy of Roman Empire. Quantitative Studies. Cambridge, 1974
- Guarino A.* Storia del diritto romano. Napoli, 1981
- Johns, K. P. u. a.* Die Kolonen in Italien und Westlichen Provinzen des Römischen Reiches. B., 1983
- Jones A. H.* The Later Roman Empire. Oxford, 1964. Vol. I—III
- Julian C.* Histoire de la Gaule. P., 1920—1926. Vol. 1—8
- Kaser M.* Das römische Privatrecht. München, 1971
- Kiechle F.* Sklavenarbeit und technischer Fortschritt im römischen Reich. Wiesbaden, 1960
- König G. J.* Die gallischen Usurpatoren von Postumus bis Tetricus. München, 1981
- Latte, K.* Römische Religionsgeschichte. München, 1960
- Levi M. A.* L'Italia antica. Milano, 1974
- Mac Mullen R.* Paganism in the Roman Empire. New Haven, L., 1980
- Mac Mullen R.* Roman Social Relations. New Haven, 1974
- De Martino, F.* Storia della costituzione romana. Napoli, 1975. Vol. I—V
- De Martino F.* Storia economica di Roma. Firenze, 1979. Vol. I—II
- Michel A.* La philosophie politique à Rome d'Auguste à Marc Aurele, 1969
- Petit P.* Histoire générale de l'Empire Romain. P., 1974
- Piganiol A.* L'Empire chretien. P., 1947
- Die Römer an Rhein und Donau* Hrsg. von Günter, R., Kopstein, H. B., 1975
- Schoppe H.* Die Kunst der Römerzeit in Gallien, Germanien und Britanien. München, 1957
- Seston W.* Dioclétien et la tetrarchie. P., 1946
- Seyfarth W.* Römische Geschichte. Kaiserzeit, B., 1974. I, II
- Villers R.* Rome et le droit privé, P., 1977
- Vogt J.* Der Niedergang Roms. Zürich, 1965
- Whiler M.* Der Fernhandel des Römischen Reiches in Europa, Afrika, Asien. München, 1965
- White K. D.* Roman Farming. Ithaca; N. Y., 1970
- Chantraire H.* Freigelassene und Sklaven im Dienst der römischen Kaiser, Wiesbaden, 1967
- Crisan I. H.* Burebista and his Time. București, 1978
- Barzu L.* Continuitatea populatiei antonionice in Transilvania in secolele IV—V. București, 1973
- Boulvert G.* Domestique et fonctionnaire sous le Haut-Empire Romain, P., 1974
- Boulvert G.* Esclaves et affranchis impériaux sous le Haut-Empire Romain. Role politique et administratif. Napoli, 1970
- Filip I.* Keltové ve střešní Evropě. Praha, 1956
- Filip I.* Die keltische Zivilisation und ihr Erbe, Prag, 1961
- Graf A.* Übersicht der antiken Geographie von Pannonien. Budapest, 1936
- Hachman R.* Die Goten und Scandinavien. München, 1979
- Harmatta I.* Studies on the History of Sarmatians. Budapest, 1950
- Mocsy A.* Pannonia and Upper Moesia. London; Boston, 1974
- Mocsy A.* Bevölkerung von Pannonien bis zu den Markomannkriegen. Budapest, 1959

- Mocsy A.* Gesellschaft und Romanisation in der römischen Provinz Moesia Superior. Budapest, 1970
- Oliva P.* Pannonia and the Onset of crisis in the Roman Empire. Praha, 1962
- Parducz M.* Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. Budapest, 1950. I—III
- Protase D.* Problema continuitatii in Dacia in lumina archeologii si numismaticii. București, 1964
- Preda C.* Monedele geto-dacilor, București, 1973
- Părvan V.* Dacia. An Outline of the Early Civilisation of the Carpato-Danubian Countries. Cambridge, 1928
- Părvan V.* Getica. Oproitoitoric romane. București, 1926
- Die Römer an Rhein und Donau. B., 1975
- Swoboda E.* Carnuntum. Seine Geschichte und seine Denkmäler. Köln; Graz, 1964
- Szlagyi J.* Aquincum. Budapest, 1956
- Szabo M.* The Celtic Heritage in Hingary. Budapest, 1971
- Tomas E. B.* Römische Villen in Pannonien. Budapest, 1964
- Tudor D.* Orase, tirguri și sate in Dacia Romans. București, 1968
- Tudor D.* Oltenia Romana. București, 1978
- Weaver P. R. C.* Familia Caesaris. A social Studies of the Emperor's Freedmen and slaves. Cambridge, 1972
- Wilkes J. J.* Dalmatia. L., 1969
- Wiltram H.* Geschichte der Gothen. München, 1979

СОКРАЩЕНИЯ

- ВДИ — Вестник древней истории
- ГСУ — Годишник на Софийския Университет
- КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
- НЭПХ — Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. Т. I; 1973. Т. II.
- CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
- Dessau — *Dessau H.* Inscriptiones Latinae Selectae
- Dig. — Digestae
- FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum
- IG — Inscriptiones Graecae
- IGB — Inscriptiones Graecae in Bulgaria Repertae
- IOSPE — Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini/Ed. V. V. Latyshev. Petropoli, 1916. Vol. I—IV
- REA — Revue des études anciennes
- REG — Revue des études grecques
- RGDA — Res Gestae divi Augusti
- SEG — Supplementum epigraphicum Graecum
- Syll. — Sylloge inscriptionum Graecarum/Ed. W. Dittenberger

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

более 1,5 млн. лет	появление архантропов в Европе
ок. 100 — ок. 40 тыс. лет	эпоха мустье (средний палеолит)
40—35 тыс. лет	расселение палеоантропов по территории Европы
ок. 40 — ок. 10 тыс. лет	появление современного человека (<i>Homo sapiens</i>)
IX—VI тыс. до н. э.	верхний палеолит
рубеж VII и VI тыс. до н. э.	мезолит в Европе
VI—V тыс. до н. э.	неолит на юге Балканского полуострова
V—IV тыс. до н. э.	«неолитизация» Европы. Переход от присваивающего хозяйства к производящему
сер. IV тыс. до н. э.	энеолитические земледельческо-скотоводческие культуры на юго-востоке Европы
III—II тыс. до н. э.	переход к производящему хозяйству на севере Европы
XIX—XVIII вв. до н. э.	бронзовый век в Европе
XVII—XV вв. до н. э.	ранние царства на Крите
ок. 1750 г. до н. э.	Крито-Кикладская монархия
XVII—XIII вв. до н. э.	появление критского слогового письма А
ок. 1450 г. до н. э.	ахейские царства материковой Греции
конец XIII в. до н. э.	появление слогового письма Б
XII в. до н. э.	Троянская война
нач. I тыс. до н. э.	гибель ахейских царств. Дорийское переселение
VIII — 1-я пол. VI в. до н. э.	наступление железного века в южной Европе
VIII—V вв. до н. э.	расцвет Тартессиды в Испании
сер. VIII — конец VI в. до н. э.	галыштатская эпоха. Ранний железный век племен Европы
753 г. до н. э.	архаический период в Греции, великая греческая колонизация. Царская эпоха в Риме
734—724 гг. до н. э.	традиционная дата основания Рима
2-я пол. VII в. до н. э.	Первая Мессенская война
VII—VI вв. до н. э.	Вторая Мессенская война
594 г. до н. э.	расцвет этрусских городов-государств
579—535 гг. до н. э.	реформы Солона
560—527 гг. до н. э.	правление Сервия Туллия
сер. VI в. — 371 г. до н. э.	тирания Писистрата
между 519 и 512 гг. до н. э.	Пелопоннесский союз
510 г. до н. э.	скифский поход Дария
509 г. до н. э.	установление республики в Риме
V в. до н. э.	реформы Клизфена
V—I вв. до н. э.	Одрисское царство во Фракии. Скифское царство
490—449 гг. до н. э.	латенский период
ок. 480 г. до н. э.	греко-персидские войны
480 г. до н. э.	фрако-скифский мирный договор
478—404 гг. до н. э.	установление власти Археанактидов. Образование Боспорского государства
451—450 г. до н. э.	Первый Афинский морской союз
443—429 гг. до н. э.	Декемвиры. Законы XII таблиц
438/7 г. до н. э.	правление Перикла
431—404 гг. до н. э.	установление власти Спартокидов на Боспоре
405—367 гг. до н. э.	Пелопоннесская война
399 г. до н. э.	тирания Дионисия Старшего в Сиракузах
390 или 387 гг. до н. э.	смерть Сократа
378—355 гг. до н. э.	битва при Аллии и разрушение Рима галлами
371—362 гг. до н. э.	Второй Афинский морской союз
	гегемония Фив в Греции

2—3-я четв. IV в. до н. э.	скифское царство Атея
ок. 367—168 гг. до н. э.	Этолийский союз
367 г. до н. э.	законы Лициния и Секстия
359—336 гг. до н. э.	правление Филиппа II Македонского
357—355 гг. до н. э.	Союзническая война
355—346 гг. до н. э.	Священная война
338 г. до н. э.	Херонейская битва
338/7 г. до н. э.	Коринфский конгресс. Образование Панэллинского союза
336—323 гг. до н. э.	правление Александра Македонского
331 г. до н. э.	поход Зопириона против скифов.
	Осада Ольвии
326 г. до н. э.	закон Петелия
323—322 гг. до н. э.	Ламийская война
323—301 гг. до н. э.	войны диадохов
316—282 гг. до н. э.	державы Агафокла в Сицилии
313 г. до н. э.	восстание западнопонтийских полисов против Лисимаха
301 г. до н. э.	битва при Иссе
рубеж IV и III вв. до н. э.	племенные образования кельтов в северной Италии
кон. IV — нач. III в. до н. э.	расцвет Ольвии, Херсонеса
III в. до н. э. — III в. н. э.	Скифское царство в Крыму
287 г. до н. э.	закон Гортензия. Завершение борьбы патрициев и плебеев
ок. 280—146 гг. до н. э.	Ахейский союз
279—214 гг. до н. э.	кельтское царство Тиллы на Балканах
276—168 гг. до н. э.	династия Антигонидов в Македонии
267—262 гг. до н. э.	Хремонидова война. Осада Афин Антигоном Гонатом
264—241 гг. до н. э.	Первая Пуническая война. Утверждение Рима в Сицилии
245—241 гг. до н. э.	правление Агиса IV
235—221 гг. до н. э.	правление Клеомена III
221 г. до н. э.	битва при Селасии. Создание Эллинского союза под гегемонией Македонии
221—179 гг. до н. э.	правление Филиппа V Македонского
218—201 гг. до н. э.	Вторая Пуническая война
216 г. до н. э.	битва при Каннах
207—192 гг. до н. э.	тирания Набиса в Спарте
200—197 гг. до н. э.	Вторая Македонская война
196 г. до н. э.	провозглашение Фламинием «свободы» греческих полков
171—168 гг. до н. э.	Третья Македонская война
168 г. до н. э.	битва при Пидне. Уничтожение Македонского царства
149—146 гг. до н. э.	Третья Пуническая война
146 г. до н. э.	Разрушение Коринфа и Карфагена
138—133 гг. до н. э.	Нумантинская война
138—132 гг. до н. э.	Первое Сицилийское восстание рабов
133 г. до н. э.	трибуна Тиберия Гракха
123—122 гг. до н. э.	трибуна Гая Гракха
113—101 гг. до н. э.	нашествие кимбров и тевтонов
104—101 гг. до н. э.	Второе Сицилийское восстание рабов
102 г. до н. э.	битва при Аквах Секстиевых
101 г. до н. э.	битва при Верцеллах
100—44 гг. до н. э.	Гай Юлий Цезарь
91—88 гг. до н. э.	Союзническая война
82—79 гг. до н. э.	диктатура Суллы
73—71 гг. до н. э.	восстание Спартака
60—53 гг. до н. э.	первый триумвират
58—50 гг. до н. э.	войны Цезаря в Галлии
52 г. до н. э.	восстание Верцингеторига

49—44 гг. до н. э.	диктатура Цезаря
ок. 44 г. до н. э.	разгром римлянами дако-гетского племенного союза Бурбисты
43—36 гг. до н. э.	второй триумvirат
31 г. до н. э.	битва при Акции
кон. I в. до н. э.—нач. I в. н. э.	объединение германских племен под властью Маробода
27 г. до н. э.—14 г. н. э.	принципат Августа
26—19 гг. до н. э.	покорение астури и кантабров
16—15 гг. до н. э.	завоевание Норика и Реции
12—9 гг. до н. э.	завоевание Паннонии
9 г. н. э.	поражение римлян в Тевтобургском лесу
14—68 гг. н. э.	правление Юлиев — Клавдиев
15 г. н. э.	образование провинции Мёзии
46 г. н. э.	конец сапейской династии во Фракии и образование римской провинции
69—96 гг. н. э.	династия Флавиев
96—192 гг. н. э.	правление Антонинов
101—106 гг. н. э.	войны Траяна с Децебалом. Завоевание Дакии
167—180 гг. н. э.	Маркоманские войны
187 г. н. э.	движение Матерна
192—235 гг. н. э.	династия Северов
212 г. н. э.	эдикт Каракаллы
260-е гг. н. э.	вторжения варваров в пределы Римской империи
259—273 гг. н. э.	«галльская» империя
III—IV вв. н. э.	расселение готов в северо-западном Причерноморье
280-е гг. н. э.	движение багаудов в Галлии
284—305 гг. н. э.	правление Диоклетиана
306—337 гг. н. э.	правление Константина
325 г. н. э.	Никейский собор
IV в. н. э.	нашествие гуннов в Причерноморье
378 г. н. э.	битва при Адрианополе
395 г. н. э.	окончательное разделение Римской империи на Западную и Восточную
410 г. н. э.	взятие Рима Аларихом
418 г. н. э.	образование вестготского королевства в Аквитании
451 г. н. э.	битва на Каталаунских полях
476 г. н. э.	низложение Ромула Августула.
	Падение Западной Римской империи

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

I. АНТИЧНОСТЬ

- Август 432, 479, 481, 511, 520—521, 530, 534, 536, 539, 540—559, 561—562, 567, 577, 579, 585, 589, 603, 606, 618—619, 622, 625, 645, 662
 Августин, Аврелий 645—646, 666
 Авиан 665
 Авзоний (Децим Магн Авзоний) 645
 Аврелиан 580, 622, 636—637, 647—649
 Агатархид Книдский 439
 Агафон 410—411
 Агесандр 439
 Агесилай 314
 Агис II 312
 Агис III 395—398
 Агис IV 426
 Агриппа (Марк Випсаний Агриппа) 521, 530, 541, 544—547, 554, 556, 622, 631
 Агриппина Младшая 561
 Агрипан 522, 554, 571—572, 578—579, 583—584, 586—588, 623, 625, 633
 Азиний Поллион 548, 550
 Аквилий, Маний 469
 Аквилин 577
 Акрон 190
 Акрос 523
 Акий, Луций 485
 Аларих 646—647, 651, 657
 Алафей 650
 Александр I 332—333
 Александр III Македонский 43, 135, 335, 337, 346, 391—407, 410—411, 416, 420—421, 428, 435—436, 439, 497, 509, 512—513, 524, 658, 662
 Александр IV 404—406
 Александр Искский 424
 Александр Молюский 410
 Александр Север 630, 634—635
 Александр из Антиохии 438
 Алесклд 345
 Алкей 255
 Алкивиад 269—270, 292, 297, 329
 Аллект 639
 Алкмеониды 249, 286, 289
 Амадок II Фракийский 383
 Амадок, фракийский вождь 518
 Аманд 639
 Амбигат 496
 Амвросий Медиоланский 644—645
 Аменемхет II 145
 Аменхотеп III 161
 Аминта 380, 391
 Аммиан Марцеллин 615, 628
 Аммоний 660
 Анакреонт 255
 Анаксагор 288, 298, 301
 Анаксандид 345
 Анаксарх 393
 Анаксимандр 257—258
 Анаксимен 357
 Андокид 40
 Андриск (Лже-Филипп) 430, 452
 Анк Марций 191—194, 355
 Антигон I Одноглазый 396, 404—407, 409, 411, 512—513
 Антигон II Гонат 408, 412—415, 420, 425, 434
 Антигон III Досон 421, 426
 Антигониды 408, 412, 420—422, 425
 Антиох II Теос 517—518
 Антиох III 428—430, 452, 518
 Антиох Сиракузский 183
 Антипатр 392—393, 397—398, 401—402, 404—406
 Антипатр Сидонский 437, 665
 Антисфен 338
 Антифан 345
 Антифонт 340
 Антоний, Луций 480
 Антоний, Марк 432, 479—481, 520, 540, 546
 Антоний Гибрида, Гай 511, 528
 Антонин Пий 571—572, 580, 587—588, 625—626
 Антонины 558, 571—572, 584, 588, 590, 623, 637
 Аполлинарий Сидоний 645
 Аполлодор Афинский 311
 Аполлодор из Артемиды 439
 Аполлодор Дамасский 608
 Аполлоний, родосский скульптор 439
 Аполлоний из Перги 435, 660
 Аполлоний Родосский 433, 437
 Аполлоний Тианский 631, 638
 Аппиан 409, 469, 473—475, 480, 508, 520, 589
 Апулей 589, 591—592, 594, 631, 663, 665
 Апулей Сатурнин, Луций 468—469
 Арат, сын Клиния 415, 423, 426
 Арат из Сол 437, 552, 555
 Арганф 621
 Арей 413
 Арианиф 378—379
 Ариовист 503, 594—595, 601—603, 605
 Ариогес 610
 Аристарх Самосский 435, 659
 Аристид 264—265, 287
 Аристид Старший 347
 Аристон 432
 Аристогон 399
 Аристодем 240
 Аристократ 431, 464
 Аристотель 150, 203, 243, 249, 260, 287, 298, 304, 306, 320, 326, 328, 336, 337—338, 342—345, 403, 436, 440, 586, 657—661, 664—665
 Аристофан 268, 273—274, 278, 281, 284—285, 290, 295, 300, 306—307, 317—318, 326, 344—345, 663
 Арминий 548, 562—563, 601, 603
 Арриан 391—395, 397, 399, 401, 421
 Археанактиды 379, 381
 Архелай I 333
 Архилох 238, 255, 256
 Архимед Сиракузский 416, 435, 451, 659
 Аршак 415
 Аршакиды 415, 635
 Асандр 530, 533
 Асклепиад 437
 Аспур 530, 533, 626, 628
 Атанарх 650
 Атап 387—388
 Атей Капитон 553
 Атилий Регул, Марк 447
 Атл Навий 194
 Атал I 434
 Атал II 619
 Атал III 431, 464
 Атилла 650—651
 Афиней 665
 Афиния 469
 Афинодор 439
 Ахемениды 259—260, 264, 391, 393, 399—400
 Аэций 651
 Барбин 577, 579
 Барбат 504
 Бебия 573
 Белловез 496
 Бериг 599
 Берос 439
 Бесс 399
 Бион Борисфенит 441—442, 516
 Битут, сын Луерна 501
 Блосий из Пергама 440
 Болгий 408
 Бодуикна 563
 Брасид 268
 Брахилла 429
 Бранд 408, 544, 506
 Бриансид 346
 Брут см. Юний Брут
 Булла Феликс 633, 663
 Бурбиста 510, 523, 527
 Вакхилид 303
 Валент 645, 650
 Валентиниан I 645—646, 650—651
 Валериан 636, 638
 Валерий 189, 352
 Валерий Полликол 367—368
 Валерий, Маний 352
 Валерий, Публий 348—349
 Валерий Мессала Корвин, Марк 550
 Валерий Попликола, Луций 356, 370, 372
 Ванный 563
 Варрон см. Теренций Варрон
 Василий Великий 658
 Велле Птеркул 183, 464, 521
 Вергилий 352
 Вергилий Марон, Публий 183—184, 483, 550—552, 555, 663
 Верий Флакк 555
 Веррес, Гай 476
 Верцингеториг 478, 503
 Веспасиан 536, 540, 562, 564—566, 624, 634
 Веттидий 577
 Веттий Моссий 357—358
 Вирнат 432
 Вителлий 561—562, 564
 Витрувий 549, 556, 659
 Волузи 544
 Вольтацилий Пилут 486
 Габиний 476
 Гален 589, 658—660
 Галерий 639, 648
 Галлиен 621, 636, 638, 647—648
 Галпа 561
 Ганцибал 427, 449—451
 Гармодий 399
 Гарпал 402
 Гатал 529
 Гебридзельм, сын Севта I 383
 Гекатей Милетский 203
 Гекатей, царь синов 385
 Гелланид Лесбосский 183
 Геллий, Авл 591
 Генуций, Тней 555
 Гераклид Понтийский 336
 Гераклид Тарентский 436
 Гераклит Эфесский 298, 660
 Германик, сын Друза 555, 557, 562, 603—604
 Гермипп 284
 Гермоген 434
 Герод 438
 Герод Аттик 584, 589
 Геродот 165, 178, 203, 210, 214—216, 241, 288, 296, 301—302, 331, 376—379
 Герон Александрийский 659
 Герофил Халкелонский 436
 Гесиод 183, 240, 243—244, 255—256
 Гиерон II 425
 Гиероним из Кардии 439
 Гигин 555
 Гипербол 274
 Гиперид 335, 342, 404
 Гиппарх 435
 Гиппарх из Никей 435, 666
 Гипподам Милетский 309, 373
 Гиппократ из Коса 300, 658—659
 Главк 346
 Главкон 413
 Гомер 170, 212, 214, 220, 224—228, 255, 437, 658, 665
 Гораций 191
 Гораций Барбат, Марк 356, 370
 Гораций Коклес, Публий 349

- Горадий Флакк, Квинт 483, 550, 552—553, 555, 663, 665
 Горгий из Леонтин 299, 317, 340
 Горгипп 386
 Гордиан III 583, 621
 Гортензий 370
 Грахки см. Семпронии Грахки
 Грациан 645—646, 651
 Григорий Богослов 658
 Гюнтерих 621
 Дарий I 211, 259, 261, 301, 376—377
 Дарий III 391, 394—396, 398—399, 512
 Дейократ Родосский 417
 Деметрий I Полиоркет 406—408, 410—411, 413—414, 416, 418
 Деметрий II 425—426
 Деметрий Фалерский 406, 413, 424
 Демокрит 298—299, 441, 660
 Демосфен 316, 323—324, 328, 335, 341—42, 345, 381, 386, 391, 398, 402, 404, 439
 Децебал 579, 606—609
 Деций 612, 621, 638
 Дикий Юлиан 630
 Дикеарх 338, 435
 Динарх 324, 342
 Диоген Лаэртский 436, 440—442
 Диоген Синопский 338, 591
 Диодор Сицилийский 203, 277, 315, 359, 381, 392—394, 396, 398, 400, 405, 439, 442, 462, 465, 493, 512—513, 515, 518—519, 550, 555
 Диодот 415
 Диклетиан 578, 581, 620, 622, 628, 632, 637, 639—642, 644, 648
 Дион Кассий 520—521, 526, 608, 618, 631—632, 634, 663—664
 Дион Хрисостом 584, 590
 Дионисий Галикарнасский 175, 178, 183—184, 187—188, 196—197, 341—342, 347, 351, 355, 489, 550, 555, 664
 Дионисий 340
 Дионисий Сиракузский, старший 203, 330, 386, 497
 Дионисий Сиракузский, младший 330—331
 Диоскорид 659
 Диофант, математик 660
 Диофант, полководец 528, 530, 532
 Дицил 519
 Доминиан 562, 564—565, 571, 590, 606—608, 624
 Домиций Агенобарб, Луций 561
 Донн 546
 Доримах 427
 Драконт 243
 Дромикхт 509
 Друз, сын Тиберия 603
 Друз Клавдий Нерон 544, 547—548, 557, 562, 604
 Дунтун 629
 Евангорт 332
 Евбул, афинянин 335
 Евбул, комедиограф 345
 Евгермер 442, 484
 Евдокс из Книзна 435
 Евдокс Книдский 336
 Евклид 435, 660
 Евмел 513, 515
 Евмен 404—406
 Евмолп 347
 Евн 462
 Евполид 306
 Еврипид 297, 304—307, 311, 331, 483
 Евсевий Кесарийский 374
 Евтидем 415
 Евтихид 438
 Евтропий 608, 647
 Евфрон из Сикина 330
 Залевк 243
 Залмодекс 522
 Зевксис 311
 Зенобия 637
 Зенотод Эфесский 437
 Зенон 411, 413, 433, 440
 Зизас 649
 Зонон 397, 512—513
 Зосим 628
 Иланфиро 377
 Иктин 309
 Иоанн Златоуст 658
 Иоанн 645
 Иосиф Флавий 444, 658
 Ириней 638
 Исей 342
 Исократ 274, 316—318, 320—321, 327—328, 332, 335, 340—341, 343, 345, 665
 Итал 563
 Ифиграт 313, 395
 Иллиий 355—356
 Ишпакан 215
 Кавар 517
 Калмгула 522, 540, 558—559, 561, 563
 Калликрат 309
 Калимах из Кирены 437
 Каллимах, сын Евксена 513—514
 Каллист 566
 Каллистен 340, 393, 400, 439
 Каниний Галл, Луций 546
 Канит 523
 Каноб 384
 Канулей 356
 Каракалла 581, 583, 612, 624—625, 630, 632—634
 Караузий 639
 Карбон (Папирий Карбон, Гней) 472—473
 Картимандуя 563
 Кассандр 405—407, 410—411, 421
 Кассий, Спурий 354, 362
 Кассий Лонгин, Гай 479—480, 520, 559, 608, 662
 Кассий Херес 561
 Катилина см. Сергий Катилина
 Катон см. Порций Катон
 Катальда 511, 563, 602
 Катул 475
 Катулл (Валерий Катулл, Гай) 487—488
 Квинкий Фламинин, Тит 428—429, 452, 490
 Квинкий Цинциннат, Луций 350, 372
 Квинтигилан 574
 Квинтилий Вар 546, 548, 603
 Кироберт 383, 387
 Клидина 435
 Климон 264—265, 273, 279, 287—288, 301
 Кинадон 328
 Киприан 638
 Кир Старший 241
 Кир Младший 313, 343, 663
 Кирсаблент 526
 Клавдий 643
 Клавдий 189, 348, 351, 367
 Клавдий 476, 194, 511, 558—559, 561—563, 566, 603, 618, 623
 Клавдий II 636, 648
 Клавдий, Аппий 463—464
 Клавдий, Аппий, ледемир 356
 Клавдий, Аппий (Иньегильский) 352, 354—355, 358, 368
 Клавдий Когидуб, Тиберий 563
 Клавдий Марцелл, Марк 447, 451
 Клавдий Фронто, Марк 610
 Клавдий Цек, Аппий (Старший) 371—373
 Клеид 189
 Клемен 426—427, 439
 Клеон 268, 274, 290, 302, 307
 Клеопатра 478, 480—481
 Клифен 195, 246, 249, 253, 272, 286—287, 289, 344
 Клит, словянин Александра Македонского 400
 Клит, вождь дарданов 392
 Клитарх Александрийский 340, 439
 Клодий 478, 545, 557
 Клодий Альбин, Децим 592, 630, 632, 636
 Клузий 357
 Колумелла 560, 567—569, 574
 Коммод 571—572, 588—589, 610, 630
 Коммодан 646, 664
 Констант 645
 Константин 622, 639—642, 644—645, 649—650
 Констанций Хлор 632, 639, 644
 Констанций II 622, 645, 649—650
 Корнелий 367
 Корнелий Коссы 368
 Корнелий Лентулы 368
 Корнелий Галл, Гай 550
 Корнелий Сулла, Луций 432, 468, 471—474, 476—477, 479, 519
 Корнелий Сципион, Гней 450—451
 Корнелий Сципион, Публий 451—451
 Корнелий Сципион Азияген, Луций 511
 Корнелий Сципион Африканский Старший, Публий 439, 451, 453—454, 461, 463, 551
 Корнелий Сципион Бородатый, Луций 365
 Корнелий Сципион Назика, Публий 464
 Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший, Публий 452, 463, 465
 Корнелий Фуск 606—607
 Корнелий Пинна, Луций 472—473, 476, 544
 Кремуций Корд 559
 Котис I Фракийский 383, 517
 Котис II, сын Райзда 516—517, 519
 Котис III Фракийский 519
 Котис IV Фракийский 520
 Котис V Фракийский 520
 Котис VII Фракийский 520—521
 Котис VII(III) Фракийский 521—522
 Котис I Боспорский 626
 Котис II Боспорский 627
 Красс см. Лициний Красс
 Кратер 401, 404—405
 Кратет из Фив 441—442
 Кратин 306
 Крез 239
 Критин 300
 Ксантпп 289
 Ксенократ 336
 Ксенофонт 215, 273—274, 312—313, 315—316, 321, 323, 325, 327—328, 330—332, 338—339, 343, 663, 665
 Ксеркс 261, 263, 301, 320, 332
 Ктесий Книдский 340
 Кубобелин 563
 Куриация 191
 Курий Дентат, Манний 365, 372
 Курий Руф, Квинт 395
 Лабео 545
 Лабери Максим, Манний 607—608, 619
 Ламарх 292, 380
 Ларт Толмуний 358
 Левипп 298
 Левкон I 381, 385—386
 Леонид 262, 403
 Леонид Тарентский 437
 Леосфен 404
 Леохар, скульптор 346—347
 Леохар, тиран 413
 Ливий, Тит 183, 187, 189, 196—197, 347, 350—351, 353, 355, 359—361, 363, 365, 367—369, 372, 421, 429, 449, 453, 463, 481, 483, 496—497, 501, 518—519, 555, 594
 Ливий Андроник 482—483
 Ливий Друз, Марк, Старший 466

- Ливий Друз Младший, Марк 470
 Ливия 546—547
 Лигдамид (Тугламм) 214
 Ликург, оратор 322, 335, 342
 Ликург, спартанский законодатель 246, 251—253, 426
 Лисандр 270—271, 312, 325, 329
 Лисий 273—274, 276, 317, 323, 325, 328, 342
 Лисимах 404, 406—407, 410, 509, 512—513, 516—517, 523—524
 Лисипп 346, 393, 438—439
 Лисиний Красс, Марк, триумвир 475—478, 554
 Лисиний Красс, Марк 511, 520, 618
 Лисиний Красс, Муциан, Публий 463—464
 Лисиний Лукулл, Марк 475, 511, 519, 526
 Лисиний Столон, Гай 360—361, 367—368
 Лукан 559, 574, 589, 592
 Лукан 340, 589, 591—592, 594
 Лукреций Кар, Тит 487, 659, 661, 665
 Лукреция 198, 347
 Луцилий, Гай 485
- Магнеций 645
 Мадий 215
 Мазака 396
 Майсад 382—383
 Максим 646
 Максиман 632, 639, 644
 Максимин 583, 632
 Маммий, Октавий 197, 350
 Маммея 635
 Манефон 443
 Манилий 555—556
 Манлий 360
 Манлий Торкват 368
 Манлий, сторонник Катилины 477
 Манлий, Гней 367—368
 Манлий Вулс, Гней 518
 Манлий Капитолийский, Марк 359—360
 Манцин 452
 Мардоний 260, 263
 Марик 564
 Марий, Гай 453, 467—469, 471—472, 476, 499
 Марк Аврелий 571—572, 577—579, 584, 588—591, 605, 609—610, 623, 638, 657
 Маркман 654
 Мароброд 510—511, 547—548, 563, 601—602, 605
 Мартин Турский 644
 Марцелл 554
 Марциал (Марк Валерий Марциал) 574, 589
 Марция 348
 Марций Кориолан, Гней 354
 Марций Рутил, Г. 367
 Массиниса 451, 467
 Матерн 588, 633
 Маханид 427
 Махар 532
 Медаврий 578
 Медок (Амалод I) 382—383
 Мелеарг 437
 Меммий Гай 467
 Мемнон, родосец 394
 Мемнон, наместник Фракии 397
 Мемнон, историк 524
 Менандр 347, 444, 658
 Менелай Александрийский 660
 Менений Т. 355
 Менений Агриппа 352
 Метиллий 358
 Меттий Фуфетий 191
 Меценат см. Цильний Меценат
 Мецилий 358
 Милон 478
 Мильгид 261, 264
 Митрон 319
 Митридат VI Епатор 432, 471—472, 477, 511, 519—520, 525—528, 530, 532—533, 613
 Митридат VIII (III) 530, 533, 626
- Мнесикл 309
 Модестин 633, 635
 Мулатис 163
 Мурсилис II 164
 Муций Сцевола, Гай 349, 368, 464
 Муций Сцевола Луций 461, 491
 Муций Сцевола, Публий 463—464
 Набис 427—428
 Навции 189
 Намакан (Клавдий Рутилий Намакан) 645
 Нарсис 566
 Неврх 401
 Невий, Гней 483
 Неоптолем 528
 Нерва 571, 618
 Нерон 533, 558—559, 561, 572, 590, 620, 623, 625—626, 662
 Нигидий Фигул 176
 Никий, афинянин 274, 278, 290, 305
 Никий, живописец 347
 Ником, сын Евангора 332
 Николай Дамасский 439, 555
 Нимфидий Сабин 561, 564
 Нимфий 364
 Нума Помпилий 189—191
 Нумений 592
- Овидий Назон, Публий 183, 551—552, 555
 Огуллини 370
 Оденат 636—637
 Одоакр 647, 651
 Октавий, Гней 472
 Октавий, Марк 464
 Октамасад 379, 383
 Олимпиада 391, 403, 405
 Онесикрат 340
 Ономарх 330, 334
 Опимий, Луций 466
 Опий Сабин, Гай 606
 Орибасий 659
 Орозий 645
 Оронт, сын Абаса 625
 Отон 561
 Офелла 410
- Павел 577, 633
 Павсаний, писатель 168, 302, 408, 413
 Павсаний, спартанский царь 264, 513
 Павсаний, ольвиополит 379
 Пакувий, Марк 485
 Палак 530, 532
 Палладий 640
 Паллант 566
 Панфил 347
 Панетий Родосский 440
 Папниан 633
 Папирий 371
 Папп 659—660
 Парменион 391—392, 394, 399—400
 Пармениск 434
 Паррасий 311
 Партуга (Протогий) 215
 Паснон 324
 Патрокл 413
 Паулиан, сын Паулина 570
 Пелопид 314
 Пеоний 311
 Пердикка, царь Македонии 333, 380
 Пердикка, диалок 404—405
 Перетрий Протей 591
 Перендр 246
 Перикл 267—268, 273—274, 277—279, 281, 288—290, 294—295, 302—303, 305—306, 309, 340, 379—381, 609, 662
 Перисад I 386, 515
 Перисад II 531
 Перисад V 532
 Персей 429—430, 444, 452, 490
 Пергинас 630
 Песценций Нигер 630
 Петелий 369, 543
 Петилий Цереалис 564
 Петроний Арбитр, Гай 559, 589, 663
 Пизон 559
- Пинарии 189
 Пиндар 297, 302—303
 Пирр 372, 410—413
 Пиррон 393
 Писистрат 41, 242, 245—246, 249, 287
 Писистратиды 286
 Пифагор 257, 552, 659
 Пифей 346, 594
 Пифон 404
 Плавт (Тит Макций Плавт) 444, 459, 483—486, 557, 663
 Плавтий Сильван, Элиан Тиберий 606, 620, 623, 625—626
 Платон 109, 203, 257, 277, 298, 300, 328, 331, 336—338, 343—345, 440, 658—661, 663, 665
 Плелетий Либон, Гай 368
 Плиний Младший 559—560, 570—571, 590, 641
 Плиний Старший 346, 444, 534, 560, 568, 570, 589, 594—595, 597—599, 658, 665
 Плотин 638, 653, 661
 Плутарх 109, 183, 189, 251, 265, 271, 273, 278—279, 281, 288—289, 322, 301, 305, 312, 329, 361, 379, 393, 404, 413, 420, 421, 426, 465—466, 475, 496, 512, 520, 559, 589, 592—593
 Полемон 530, 533
 Полиен 517, 529
 Полибий, писатель 203, 368, 421, 423—424, 427, 439—440, 446—449, 453, 463, 486, 488, 501, 517—519, 529, 594
 Полибий оттауничен императора Клавдия 566
 Поликарп 308
 Полидор 439
 Полиевкт 439
 Полиевкт 310—311, 554
 Полиевкт Младший 346
 Поликарп Самосский 246
 Полиперхонт 405, 407
 Помпей, Гней 432, 475—478, 480, 486, 488, 510, 520, 534
 Помпей Гвинт 470
 Помпей Паулин 570
 Помпей, Секст 480
 Понтий, Гай 364
 Пор 401
 Порсенна 349—350
 Порфирий 638, 658
 Порций Катон Младший, Марк (Катон Утический) 559
 Порций Катон Старший, Марк 454—458, 460, 481, 483—486, 552, 568
 Посидоний 516
 Посидоний 437
 Посидоний из Апамен 203, 435, 439—440, 594—595
 Поттиция 189, 367, 369
 Прократель 346, 438
 Притан 515
 Проб 637, 648
 Проперций 551
 Протагор 299—300
 Протоген 528, 613
 Протий II 519
 Псамметих I 230
 Птоломей 407, 412, 415—416, 421, 425, 428, 432
 Птоломей, Клавдий 589, 594, 598—599, 615, 659—660
 Птоломей I Лаг 404, 406—407, 409, 439, 442—443
 Птоломей II Филадельф 407, 412—413, 438, 517, 531
 Птоломей III Эвергет 415
 Птоломей IV Филадельф 427
 Птоломей V Эпифан 428
 Птоломей Керан 407—408
 Птоломей XIV 478
 Публий Валерон 355
 Публий Филон 370
- Ралагайс 651
 Ракс 520
 Ревсимод 649
 Реметалк I 520—522, 618
 Реметалк II 522
 Реметалк III 522
 Рескупорид I 520

- Рескупорид III 521—522
Роксана 401, 404—406
Ромул 183—193, 197
Ромул Августул 647
- Савмак 532
Савромат I 627
Савромат II 627—628
Садал I 517, 519
Садал II Меноген 520, 526
Садал III 520
Садон, сын Ситалиса 382
Саллюстий Крисп, Гай 486—487, 595
Сальвий (Трифон) 469
Сапор 636
Сариак 523
Сасаниды 635
Сатир I 381, 385
Сатир II 515
Сафо 255
Сафрак 650
Светоний Транквилл, Гай 486, 545, 558, 589—590, 603
Северы 630, 633
Севт I 378, 382—383
Севт II 382—383
Севт III 404, 406, 512—513
Сегест 582
Селовез 496
Секст Эмпирик 591, 659, 661
Секстий, Марк 358
Секстий Латеран, Луций 360—361, 367—368
Селевк 404—407, 409, 513
Селевк Вавилонский 435
Селевк, соправитель Сатира I 381
Селевкиды 390, 407, 412, 415, 421, 425, 428—429, 432, 442
Семпроний Грахх 351, 466—468, 487, 557, 662
Семпроний Грахх, Гай 453, 463—466, 470, 487
Семпроний Грахх, Тиберий 452, 463—466
Сенахериб 230
Сенека, Луций Анней 470, 540, 542, 544—545, 558—559, 563, 569, 574, 589—590, 592, 659
Сенека Старший, Луций Анней 550
Сентий Сатурнин, Гай 546
Септимий Север 624—625, 630, 632—634
Сервий Туллий 189, 194—197, 356—357, 539
Сервилий 352
Сервилий Главция 469
Сервилий Рулл 543
Сергий Катилина, Луций 477
Серен 660
Серторий 474
Сейн 560
Сиагрий 647
Сидин 435
Сикул Флакк 560
Симмах 645
Симонид Кеосский 262, 302
Сирм 512
Ситалк 378, 380, 382
Силиний, Тит 359
Скил 379
Скеллур 528, 530, 532
Скопас, скульптор 345—347, 438
Скопас, афинский стратег 427
Скопасис 377
Сносток 516
Сократ 215, 274, 300, 336, 339
Солон 39, 243, 246—249, 253, 256, 272, 286—287, 289, 344, 356
Сострат из Книда 417, 434
Сотад из Маронея 438
Сократ 274, 288, 304—305, 308, 331, 665
Спартак 127, 475, 635
Спарток I 381
Спарток II 386, 512
Спарток III 515, 531
Спартокиды 381, 385—387, 515—516, 532
Спевсипп 336
Статилий 544
Стилихон 646
- Страбон 109, 183, 203, 375—376, 435—436, 461, 501—502, 509, 515, 523, 530, 555—556, 594, 613, 664—665
Сулла см. Корнелий Сулла
Сульпиций 561
Сульпиций Руф, Сервий 644
Сульпиций Север, Гай
Сфер из Борисфена 433, 440, 516
Сципий см. Корнелий Сципий
Тавриск 439
Танаквилл 193, 195
Танус 523
Тарквиний 347, 349
Тарквиний Гордый 197—198, 347—350
Тарквиний Древний 193—196, 199
Тарквиний Коллатин, Л. 198, 347, 349
Тарквиний, Секст 198
Тацит (Публий? Корнелий Тацит) 522, 558—559, 561, 563—564, 568—569, 589, 595, 597—602, 611
Тейран 628
Теодорх 657
Теофраст см. Теофраст
Терентий Арса 355
Теренций Афр. Публий 444, 485—486
Теренций Варрон, Гай 450
Теренций Варрон, Марк 176, 188, 190, 454, 456—457, 484, 549, 568
Терес I 378
Терес II 383, 387
Терес III 383
Тетрик 636
Теттий Юлиан 607
Тибелла 214
Тибериан 541, 544, 546, 548, 557—558, 561—563, 568—569, 573, 603, 618
Тибулл 551
Тигеллин 561
Тигран 432
Тигран II 477
Тимей из Тавромения 439
Тимолеонт 330
Тимон Скелтик 437, 441
Тимонид 330
Тимофей, жрец, соратник Птолемея I 443
Тимофей, скульптор 346
Тимофей Милетский 345
Тиридат 561
Тиртей 253, 256
Тит 562, 658
Титий, Секст 355
Тонакис 377
Траян 522, 559, 574, 579—580, 586, 588, 590, 607—608, 625, 657
Требеллен Руф 522
Требониан Галл 612
Трог, Помпей 550, 555
Тудхалий III 163
Тудхалий IV 164
Тулл Гостилий 191
Туллий Цицерон, Марк 183, 187, 197, 212, 301, 347, 463, 465, 467, 469—470, 476—478, 480—481, 483—484, 486—487, 489—490, 492, 539, 542—543, 548, 551, 553, 559, 658, 662, 664—665
Туллия Свириата 197
Турн Гердоний 198
Тутмос III 161
Ульпиан 633—635
Фаби 187, 189, 351, 355, 367—368, 373
Фаби Амбусты 368
Фаби Квинт 354, 359
Фаби, Цезон 353
Фаби Максим Кунктатор, Квинт 429
Фаби Пинтор, художник 373
Фаби Пинтор, историк 486
Фаворин 577
Фалей Халкедонский 344
- Фалес 257—258
Фарзой 624—625
Фарнак I Понтийский 525, 529
Фарнак II, сын Митридата 478, 533
Фарнобий 650
Фарсанс 628
Фелер 561, 569—570, 665
Фемистокл 261, 263—264, 286—287, 302, 304
Феогиул Мегарский 244, 248, 255, 260
Феодосий I 646, 650
Феодосий II 649
Феокрыт из Сиракуз 433, 437, 439, 663
Феопомп, историк 276, 340
Феопомп, поэт 271
Феофраст 338, 436, 659, 662
Феспид 303
Фессалоника 406
Фест 647
Филий 288, 309—311
Филарх 439
Филет Косский 437
Филипп Араб 612, 621
Филипп II 333—337, 340—342, 387—388, 391—392, 403, 405—406, 421, 512, 555
Филипп III Аррий 403—405
Филипп V Македонский 427—429, 449, 451—452, 462, 518
Филипп Фессалоникский 311
Филлист 340
Филодем из Гадары 437
Филомел 330
Филон 346
Филон Александрийский 444
Филострат 631, 637
Филоста 339, 400
Фимбрия 472
Флавиий 558, 562—563, 590, 624—625
Фламиний, Гай 447, 449
Флор (Луций Анней Флор) 474, 622
Фокион 335
Фофорс 626
Фриних 304
Фритигер 645, 650
Фронтин 595
Фукидид 141, 147, 149, 151, 156, 159, 163—166, 246, 253, 267, 269, 271, 273—278, 283—284, 292—293, 301—302, 312, 316, 327, 331, 333, 339—340, 378, 383, 665
Фульвий Флакк 465—466, 472
Фурий Фус Спурий 353
Фурий Камилл, Марк 358—359, 372
Фурий Гин 400
Фурий Гемин, Гай 546
Харасп 523
Харес из Лиида 438
Харипа 364
Харонд 243
Хелосид 628
Хилон 427
Хнодомар 645
Хромонид 413
Хрисипп из Сол 440
Цезарь см. Юлий Цезарь
Целий, Публий 187—188
Целий Вибена 194
Цецилий 573
Цецилий Метелл, Квинт 467
Цицеллий, сын Диогла 519
Цильний 365
Цильний Меценат, Гай 544, 548, 550, 552, 631
Цицерон см. Туллий Цицерон
Шандакшарт 214
Эгидий 647
Эзоп 665
Элагалбал 630
Элиан, писатель 593
Элиан, предводитель багаудов 639
Элий, царь скифов 523
Элий Кат, Секст 546
Элий Пет Кат, Секст 491
Эллах, сын Аттилы 651

Эмилион 189
Эмилий Лепид, Марк 474—476, 480, 540
Эмилий Павел, Луций 421, 430, 444, 490
Эмпеделок 298—299
Эний, Квинт 483—485, 487
Эпаминонд 314—315, 333
Эпафродит 590
Эпиктет 589—590, 592—593, 664
Эпикур 411, 440—441, 487, 659
Эпихарм 306
Эрасистрат с Кеоса 436
Эратосфен 435
Эсхил 263, 297, 304—305, 320, 331
Эсхин 335, 342
Эфиальт 288, 304
Эфор 340

II. СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

Альмгрен Б. 602
Анненский И. Ф. 331
Ануи Ж. 663
Аппельрот В. Г. 263
Алт С. К. 268, 281, 285, 290
Бартольд А. 107
Велок К. Ю. 195, 275
Бентсон Г. 389
Бенфей В. 99
Беркли Дж. 660
Берчу Д. (Berciu D.) 524
Бисмарк О. 662
Блаватская Т. В. 525
Блечен К. 158
Блуменау Л. 346
Бомарше П. О. К. 663
Бонгард-Левин Г. М. 106, 220
Борд Ф. 57
Боттичелли С. 662
Брехт Б. 663
Брюллов К. П. 662
Вандриес Ж. 108
Венедиков И. 525
Вентрис М. 157, 161, 171
Вересаев В. В. 238, 255, 260
Веронезе П. 662
Виль Э. 279
Винельман И. И. 347, 658
Врубель М. А. 662
Гайдукевич В. Ф. (Gajdukevici V. F.) 629
Галлей Г. 658
Гамкрелидзе Т. В. 105
Гарлан И. 273
Гаспаров М. Л. 436, 442, 488
Гассенди П. (Gassendi) 660
Гегель Г. В. Ф. 660—661
Георгиев В. 104, 177—178
Георгий Амартол 658
Ги М. (Guy M.) 536
Гимбутас М. 106
Гиндин Л. А. 98
Глушнина Л. М. 316
Гнедий Н. И. 224
Гольбах П. А. 660
Гольдони К. 663
Гомм Э. М. 275
Горезиани Р. В. 177
Грантовский Э. А. 106
Гюго В. 663
Данте Алигьери 662
Девото Дж. 177
Декарт Р. 660
Державин Г. Р. 663
Де Санктис Г. 348
Джорджоне 663
Дроизен И. Г. 389, 402
Дьяконов Н. М. 104, 177
Дюмезиль Ж. 108, 109—110
Дюнан Ф. (Dunand F.) 274
Жебелев С. А. 246, 271, 276
Жирмунский В. М. 599
Жуковский В. А. 224
Зелинский Ф. 308
Зеллин К. К. 389—390
Зотграф А. Е. 623
Иван Грозный — 658
Иванов А. А. 662
Иванов Вяч. Вс. 105, 177
Ильин Г. Ф. 220
Иоанн Дамаскин 658

Эхнатон 162
Ювенал (Децим Юний Ювенал) 132, 567, 569, 589
Югурта 453, 467—468
Юлиан Отступник 645
Юлий 189, 367
Юлий — Клавдий 558, 561—562, 564, 571, 590
Юлий Агрикола, Гней 564
Юлий Верондариудон, Гай 547
Юлий Виндекс, Гай 561
Юлий Котий, Марк 546
Юлий Цезарь, Гай 108, 130, 203, 432, 461, 476—479, 486—488, 496, 499, 501—503, 510, 520, 530, 535—536, 539, 541—

543, 545—546, 549, 552—553, 556, 559, 563, 594—595, 597, 599—603, 662
Юлий Цезарь, Гай, внук Августа 557
Юлий Цезарь, Луций, внук Августа 557
Юлий Цивилис 564—565
Юлий, сын Риковеиурга 547
Юлия Дома 630
Юлия 347—348
Юний Брут, Децим 479—480
Юний Брут, Марк 479—480, 520, 559, 638, 662
Юний Брут, Луций 347—348
Ямбул 442
Ясон Ферский 329—330

Иоанн Лид 186
Иоанн Малала 658
Иордан 598—599
Кант И. 660—661
Карл Великий 662, 664
Каршиковский П. О. 623
Кассиодор (Флавий Магн Аврелий Кассиодор) 599
Кеплер И. 659
Кери М. 389
Керст Ю. 389
Кессиди Ф. Х. 255
Киллен Дж. 161
Киммиг В. 123
Киперг Г. 99
Кларк-Левек М. 536
Клейман И. Б. 623
Клементий 658
Клоше П. 389, 402
Ковалев С. И. 389
Колобова К. М. 389
Коперник Н. 659
Кораблев И. Ш. 450
Корнилов Н. И. 295
Корнель П. 663
Коссина Г. 599
Косцеленко Г. А. 316, 409
Краз К. 123
Кремер П. 188
Крута В. 206
Кузьмина Е. Е. 106
Курбский А., князь 658
Куруниотс К. 158
Ла Брюйер Ж. 662
Латышев В. В. 256
Лауффер Э. 274, 281
Леви М. 389
Ленин В. И. 40—41, 137, 220, 637, 652, 660, 665—666
Леонтьев П. М. 381
Линденшмит Л. 99
Лурье С. Я. 244
Лэтэм Р. 99
Майоров Г. Г. 481
Маркс К. 36—41, 71, 87, 130, 139, 193, 222, 226, 229, 235, 241, 253, 273, 338, 352, 573, 586, 654—655, 660, 665
Мейс А. 108
Мейер Э. 275
Мерперт Н. Я. 106—107
Микеланджело Буонарроти 662
Милонас Г. 154
Михайлов Г. 521
Мищенко Ф. Г. 246, 271, 489
Мольвер Ж. В. 663
Момьяно А. 389
Моммзен Т. 177, 348, 360, 368, 662
Мур И. 99
Мюллер-Карпе Х. 173
Наполеон Бонапарт 662
Негушил И. В. 351, 360
Нецал Ф. М. 360
Нибулр Г. В. 177, 189, 360
Нодье Ш. 663
Ньютон И. 658
Наллотино М. 98, 173—174, 177—178
Парон Ш. (Parain Ch.) 542

Пауэлли Т. 203
Перуцци Э. (Peruzzi E.) — 192
Петровский Ф. А. 311
Пизани В. 107
Пикте А. 98
Пиотровский А. И. 317, 320
Пиппиди Д. М. (Pippidi D. M.) 524, 618—619, 621
Пти П. 389
Пушкин А. С. 663, 665
Рауцци С. И. 247—248, 256, 285
Ранович А. Б. 389—390
Расин Ж. 663
Рафаэль Сави 338
Рейнке Т. 205
Рембрант Харменс ван Рейн 662
Рибера Х. 662
Рикман Э. А. 616
Робинсон Ч. А. 402
Роман Ярославич 658
Ростовцев М. И. 389, 630
Рубенс П. П. 662
Сапрыкин С. Ю. 529
Сарджент Р. Л. 275
Сартр Ж. П. 663
Святослав Ярославич 658
Сергеев В. С. 389
Сергеев М. Е. 454—455
Серов В. А. 662
Смирнов К. Ф. 106
Соколов В. С. 262
Спиноза В. (Spinoza) 660
Стаматаки П. 155
Тарн В. 389, 402
Тициан 662
Тойнби А. 389, 658
Уолден Ф. 389
Утченко С. Л. 361, 479
Уэструп К. (Westrup C. W.) 187
Фейербах Л. 660
Фергюсон Дж. 389
Финли М. 220, 282
Фол А. 518
Фурманская А. И. 527
Харсекин А. И. 177
Хен В. 99
Холмский В. 326
Хомель Ф. 99
Чавдин Дж. 156—157, 161, 171
Черных Е. Н. 106
Шекспир У. 663
Шелов Д. Б. 615
Шиллер И. К. Ф. 663
Шлиман Г. 155
Шпигель Ф. 99
Шпралер О. 101
Штаерман Е. М. 351, 455, 457—459, 481
Эванс А. 161, 171
Энгельс Ф. 36—38, 40—42, 71, 85, 87, 118, 139, 193, 196, 222, 226, 229, 235, 240, 253, 272—273, 338, 352, 573, 586, 600, 654, 665—666
Эренберг В. 275
Юм Д. 660
Ярослав Мудрый 658

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абелла 175
 Аберры 283, 298—299
 Абидос 393
 Абритт 612
 Абрунци 111
 Аварик 500, 503, 537, 547
 Августа Винделиков (Аусбург) 508, 579
 Августа Траяна 582
 Августа Претория 547
 Августобона 547
 Августодун 547, 577, 636
 Августонемет 547
 Авенион 536
 Авентин, холм 191—192, 194, 196, 500, 353, 355, 488
 Австрия 64, 67, 71, 83, 89, 114—115, 203—204, 206, 208—209, 497, 504, 612
 Агия-Ирины 142
 Агия-Триада 148, 152
 Агрианополи 643, 650
 Агрианика, Агриантическое море 115, 139, 175, 208, 210, 267, 283, 365, 410, 425, 427, 449, 505, 509, 577, 650
 Агрия 205 365
 Азия, римская провинция 431—432, 461, 465, 471, 480
 Азия 43, 50, 164, 214—215, 259, 317—318, 330, 392, 394—395, 405, 409, 421—422, 615, 650, 654
 " Восточная 43
 " Западная 43
 " Центральная 99, 390, 403
 " Юго-Западная 52
 Азовское море см. Меотийское озеро
 Айуд 505
 Акирания 318, 414, 422
 Аквиле 498, 505, 538, 579, 609, 611
 Аквинк (Буда) 506, 578—580, 580, 609, 648, 650, 611—612
 Аквитания, римская провинция и область перед Пиренеями 495, 499, 501—503, 537, 547, 570, 576, 626, 647
 Аквы Августовы 547
 Аквы Секстиевы 468, 499, 536, 547
 Акра 232
 Акрагант (Атригент) 175, 232, 293, 309, 330, 410
 Акрокоринф 412, 415
 Акротирй 150—151, 160, 168—169
 Акций, мыс 481, 520, 530, 534
 Аллах 162
 Аланские о-ва 93 98, 113
 Албания 208
 Алесия 500, 503
 Александрия Египетская 396, 415—417, 432—434, 436—437, 442, 445, 478, 480, 499, 531, 572, 582, 620
 Александрия Понтийская 211
 Александрополь 512
 Алюбрих 505
 Алия р. 359, 497
 Алкулия 200
 Алтай 215
 Альба Лонга 185—186, 191, 193, 350, 457
 Албанские горы 174, 184, 350
 Альбурн Большой 610
 Аль Мина 229
 Альпийская 52
 Альпы 50, 54, 65, 80, 112, 114, 174—175, 177—178, 209, 449, 468, 475, 497—498, 504—505, 609, 646
 Альтамира, пещера 64
 Альтрир 208
 Амастрида 525
 Амбродна 52, 53
 Амис 525
 Аморгос о. 404
 Ампейл 610
 Амударья р. 99
 Амфиополь 267—268, 301, 333, 387
 Амфисса 335
 Амьен 643
 Анатолия 96, 104, 123
 " Восточная 105
 " Западная 73, 86
 Англия 50—52, 54, 65, 67, 79, 85, 89, 111, 113, 116, 122, 163
 Андалузия 200—201, 232
 Андрос о. 288
 Анемоспилия 146
 Анкара 504
 Анкур 357
 Антемна 190
 Антиохия на Оронте 415, 418, 432, 434, 438, 442
 Антиполис 536
 Анхизал 521
 Анций 354, 357
 Апамея 435, 435, 439, 440, 620
 Апахидя 505
 Апеннинский п-ов 54, 56, 75, 80, 98, 114, 174—176, 178, 186, 230—231, 365, 425
 Апеннины, Апеннинские горы 111, 179
 Аполлония (Созополь) 233, 374, 379—380, 382, 387—388, 510, 517—519, 523—527, 618
 Апта Юлия 586
 Апул, Апулуи 579, 608
 Апулия см. также Япигия 179, 364—365, 411, 475, 497
 Аравия 402, 573
 " Южная 396
 Араго 51
 Арад 395—396
 Араузион (Оранж) 536, 547, 554, 565
 Арахония 400—401
 Арбелы 398—399
 Аренторат 563
 Аргесис р. (Арджеш) 509
 Аргинусские о-ва 270
 Арголлида 140, 147, 154—157, 222, 424
 Аргос 141, 166, 262, 266, 283, 292, 311, 327, 404, 412—413, 426, 430, 633
 Ардея 357, 359
 Арелата (Арль) 535, 547, 557, 570, 575—576, 643
 Арештейн 79
 Арийин 572
 Арипия 198, 350, 357, 363
 Ария 400
 Аркадия 128, 141, 167, 222, 318, 397, 422
 Арлон 576—577
 Армения 428—429, 432, 561, 620
 Арморика (Бретань) 495
 Арна 166
 Арно р. 178
 Арнобон (Пьер) 504
 Арреций 364—365
 Арубий 505
 Арсиноя 418
 Артемита 439
 Артемовск 119
 Арханес 158
 Асод 83
 Ассирия 214—215
 Аста Регия 534
 Астурия Августа 547
 Астурия 60
 Ателлы 373
 Атлантика, Атлантический океан 63, 66, 114, 199, 203, 207—208, 238, 503, 534
 Атобрига 504
 Атрия 180
 Аттина 134, 141, 156, 218, 222, 229, 245, 247, 249, 259, 261, 263, 265—266, 268—269, 272—273, 275, 277—279, 289—291, 297, 310, 323—324, 345, 393, 406, 413—414, 431
 Аускул 411, 470
 Афины 38—39, 41, 109, 136, 156, 160, 168, 195, 204, 219, 223, 238—240, 242, 245—249, 253, 260—273, 275—279, 284—297, 300—304, 306—307, 309, 311—316, 318—323, 325, 327—329, 331, 333—344, 380, 386, 391—392, 395, 398—399, 402, 404—406, 411, 413—416, 418, 422, 426—427, 432—434, 440, 442, 447, 452, 516, 524, 528, 531, 534, 572, 584, 662
 Афон, мыс 260
 Африка, римская провинция 468, 478, 542, 546, 571—573, 588, 630—631, 635—636, 639, 642
 Африка 35, 43, 50—51, 230, 284, 410, 435, 446—451, 485, 654
 " Северная 43, 60, 90, 431
 " Северо-Восточная 445
 Ахайя, область в Греции 222, 231, 413, 422, 452, 519
 Ахайя, римская провинция 571, 584, 588, 618, 633, 636, 643
 Ахейская гавань 393
 Ахея 397
 Ацеры 180, 364
 Ацулия 364
 Бавария 61, 89, 504, 506
 Бактрия 99, 399—400, 404, 415
 Балатон оз. 94, 504, 510
 Балатонлашв 55
 Валсарские о-ва 139
 Балканские горы 82, 114, 511
 Балканы, Балканский п-ов 35—36, 43, 59, 70—71, 80, 82, 86—87, 90, 98, 104—105, 110, 128, 138—139, 141, 175, 180, 261, 333, 373, 392, 397, 403, 408, 410, 412, 415, 424—425, 429, 450, 462, 504, 506, 517, 519, 522, 616, 618, 620, 651
 Балтика, Балтийское море 92, 113, 116, 154, 205, 509, 508—599, 603, 611
 Банат 608, 648—649
 Банд 505
 Барселона 643
 Барпа 116
 Васаарь 211, 213
 Бастия 633
 Бедая 579
 Белгородская обл. 616
 Бело 534
 Бельгия, римская провинция 537, 547, 561, 576, 588
 Южная 575
 Бельгия 60, 113
 Бельфон 68
 Бельфор 603
 Беневент 411
 Беттия 156, 160, 166, 218, 262—263, 266, 286, 293—296, 315, 318, 333, 335, 339, 391, 406, 414, 427, 429
 Бергамо 496
 Березанский лиман 528, 625
 Березань см. Борисфен.
 Берлин 238
 Бероя 421
 Вессарабия 523
 Бетерра 531
 Бетина, римская провинция 547, 572—575, 588, 632
 Бетриак 561
 Вечехей-Хомош 83
 Вибл 145, 151, 162, 395—396
 Вибракта 499—500, 503, 508, 537, 547
 Визия (Биза) 518, 520
 Виланы 76
 Вискупин 112, 117
 Вистр р. 607
 Витургия 547
 Вичке 83
 Влижный Восток 59, 70, 107, 109, 121, 215

- Бовиан 179
 Богемия 206, 208, 494, 499—500, 506, 602, 604
 Войоудум (Пассау) 504
 Болгария, НРБ 81, 93, 208, 210, 214, 504, 506, 522
 Болонья см. Фелзинья
 Боны 358
 Большая Венгерская низменность 210
 Бордо 643
 Борисфен см. Днепр
 Борисфен (Березань, Березанское поселение) 215, 235, 374—375, 433, 613
 Борсипп 434
 Босния 208, 504
 Боспор, Боспорское государство 234, 237, 278, 375, 378—381, 385—387, 515—516, 527, 529—533, 613—615, 622, 626—629
 Боспор Киммерийский (Керченский пролив) 214, 233, 374, 379, 381, 385, 628
 Боспор Фракийский (Босфор) 51, 232—233, 285, 376, 384, 518, 521
 Боттендорф 92
 Бракера Августа 547
 Гранч 119
 Гратей 647
 Бретань см. также Арморика 89, 204, 495
 Бригения, Бригидион (Спень) 581, 609, 650
 Бриленхеле 62
 Британия 199, 207, 435, 478, 492, 495, 498, 500, 503, 563—564, 573, 588, 611, 636, 639, 646—647
 Британская низменность 54
 Британские о-ва 203—204, 207, 504, 601
 Брно 209
 Брундизий 475
 Бруттий 174, 179, 475
 Буг р. 215, 510, 604, 613
 Бургский лиман 374, 528, 624
 Будапешт 71, 91, 506, 611
 Буззз, горы 650
 Бувонья 505
 Бургундия 238
 Бурдигала 537, 563, 575
 Бурж 643
 Бухарест 81, 211
 Бухау 204
 Бычья Скала 209
 Вавилон 399, 402, 407, 434, 659
 Вавилония 402, 405—406, 409, 432, 435, 439
 Ваг р. 613
 Валахия 87, 523, 616
 Валенсиа 200—201
 Валентия 536
 Валерия 648
 Вальдальгсгейм 497
 Валь Камоника 112
 Варлар р. 73, 86
 Ваца 209
 Веа р. 211
 Везер р. 597, 604, 609
 Везонтий (Везансон) 603
 Везувий 475
 Вейи 180—181, 190—191, 195, 350, 357—359, 361
 Велейя 586
 Велем-Сентвид 115, 210
 Великая Греция 180, 232, 246, 258, 299, 373, 411
 Велитры 354, 362
 Велия 350
 Вельс 504
 Венафр 457
 Венгрия, ВНР 51, 55—56, 63, 67, 74—75, 88—89, 94, 115, 123, 203, 210, 504—505
 Венеция 174
 Верона 538, 609
 Вертегселец 51
 Веруламий 563
 Верцеллы 468, 499
 Вестфалия 603
 Вестера 564
 Веттерсфельде 238
 Вивара 175
 Византий см. также Константинополь 233, 235, 318, 335, 388, 422, 515, 517, 524, 531, 620, 625, 644
 Византия, Византийская империя 627, 550, 657—658, 664
 Вилк 205—206, 238
 Вилланова 174, 205
 Вила Нова де Сано Педро 86—87, 94
 Виминакий, Виминаций 579, 607
 Виминал, холм 183, 186
 Виндобона (Вена) 504, 609
 Винодиан 582
 Винодионис (Виндиш) 508, 563
 Висла р. 71, 88, 598, 604, 609, 611, 616
 Вифиния римская провинция 477, 632
 Вифиния, область в Малой Азии 214, 412, 519, 524—525, 531
 Владимировка 84
 Во-де-л'Обезье 56
 Волга р. 54, 88, 119—120, 614—615
 Волго-Окское междуречье 92, 216
 Воляско-Камский бассейн 617
 Волынь 617
 Вольгтурн р. 363
 Воронцовская пещера 56
 Ворскла р. 215
 Вроцлав 611
 Вучедол-Градац 94—95
 Вульчи 194
 Вьенна 536, 554
 Вюрмлах 209
 Вюртемберг 204
 Габины 197
 Габромагус (Виндиш-Гарстен) 504
 Гавань Истриан 383
 Гавгамелы 398
 Галара 437
 Галес (Калике) 51, 128, 451, 479, 531, 572
 Галир см. Галес
 Газа 396
 Гайль р. 209
 Галатия 408, 504
 Галикарнас 301, 394, 550
 Галикарнасский п-ов 163
 Галатия 521
 Галле 115
 Галлия 130, 232, 475, 477—478, 480, 499—503, 506, 535, 537, 546—547, 556, 563—564, 571, 573, 577—578, 580, 582, 589, 594—595, 599, 602, 609, 631, 636, 642—643, 645—646, 650—652
 " Великая 563
 " Лугдунская 547, 575
 " Нарбонская 498, 503, 511, 534—535, 542, 546—547, 550, 570, 575, 636
 " Транспаданская 468, 477
 " Цизальпийская 478, 446—447, 449, 477—478, 570
 " Циспаданская 365
 " Южная 232, 498
 Гальштатт 115, 204, 207, 209
 Ганг р. 401
 Гаргана 475
 Гарцские горы 56
 Гвадальквивир р. 200
 ГДР 52, 62, 67—68, 75, 84, 92, 115, 117—118
 Гебр р. 213, 387
 Гедрозия 401
 Гейдельберг 51
 Гейнебург 206, 499
 Гела 175, 232
 Гелиополь 443
 Гелис (Пискул-Крسانь?) 509
 Геллерт, гора 506
 Геллеспонт (Дарданеллы) 51, 232—233, 261, 284—285, 393—394, 406, 428
 Гем, горный хребт 387, 513
 Гемайнлеберн 209
 Геммонт 622, 648
 Гераклейский п-ов 381, 384, 515, 529—530
 Геракля Понтийская 234, 237, 375, 380—381, 385, 430, 528, 620, 626
 Гераловы столпы см. Гибралтар
 Гервония 500, 547
 Германия, римская провинция и область за Рейном 203—205, 207, 238, 497, 499, 523, 546, 554, 564—565, 572, 577, 582, 595, 601, 603, 611, 643
 " Верхняя 563, 565, 588, 604, 648
 " Нижняя 563—565, 588, 604
 " Южная 596
 Гермонасса 233, 374, 376, 628—629
 Герт р. 215
 Герцеговина 504
 Герцинский лес 496
 Гестия 285
 Гетская пустыня (Буджанская степь) 376—377, 513
 Гибралтар 51, 200, 232, 373, 588
 Гиксара 277
 Гилей 215, 376, 383
 Гималаи 96
 Гимара 277
 Гиндукуш р. 99
 Гипанис р. (Южный Буг р.) 215
 Гиппон 645
 Гиркания 399
 Гиспалис 534
 Гифасис р. 401
 Гла 156, 160
 Гланум 547, 576
 Голландия, Нидерланды 67, 71, 55, 79, 89, 92, 112—113, 117, 122
 Гораково 209
 Горгиппия, Синдская гавань (Анапа) 333, 374, 386—387
 Гордион 294
 Горовичи 206
 Готия 648
 Готланд 599
 Граваны 506
 Гравик р. 393—394, 421
 Греция, Эллада 36, 38—39, 41, 51, 61, 66—67, 71—73, 75, 81, 86, 105, 112, 114, 127—129, 131—132, 135, 137—142, 147, 149, 151, 153—154, 156—160, 162—173, 180, 200, 203, 208, 211, 217—224, 228—231, 234, 235, 238—241, 246, 252—253, 258—261, 263—264, 266—273, 275—280, 282—284, 286, 288, 292—295, 296, 298—299, 301, 303, 309, 311, 323, 325, 326, 329—336, 338—342, 344—345, 382, 390—393, 395—399, 402, 404—409, 412—416, 418, 420, 422—426, 428—433, 437—439, 443, 445, 450—452, 471, 475, 478, 480, 485, 490, 497, 504, 516, 519, 552, 559, 567, 580, 609—610, 647, 655, 658, 661—663
 " Западная 481
 " Северная 74—75, 222, 240, 262, 318, 391, 397—398, 429, 432
 " Северо-Западная 390
 " Средняя (Центральная) 138, 141, 166, 222, 231, 240, 262—263, 266, 397—398, 408, 414, 424—427, 429, 432
 " Южная 138, 141, 258
 Грофенсе 576
 Гундеструт 600
 Гурика 209
 Гурия 146, 148
 Дакия 571, 577, 579—581, 607—612, 615, 620, 647—648, 651
 " Левоберекная 647, 649
 " Правоберекная 647—648
 Далмация 74, 208, 577—578, 580, 648

- Дамавия 578
Дамаск 395
Дания 67—69, 71, 79, 84, 92—
93, 112—113, 117, 207, 598
Дарданеллы см. Геллеспонт
Дартмур 113
Датский 394
Датские о-ва 79
Дебрецен 611
Декелея 269, 274
Делос о. 218, 264—265, 293—
294, 297, 380, 406, 424, 430,
434, 529, 531
Дельфы 218, 235, 261, 297, 307—
308, 310, 318, 330, 334, 349,
408, 414, 422, 429, 504, 519,
529, 534
Деметриана 410, 415, 420, 428
Дендера 434
Десна р. 54
Деренбург 84
Деуль 582
Дилимы 258, 434
Диерна 607—608, 649
Дикеархия см. Путолы
Динарские горы 50
Дионисополь, Круны (Балчик)
374, 523, 526, 619—621
Дим, Димум 618—619
Диоскурия (Сухуми) 233
Диорахия (Дурачо) 510
Днепр р. 49, 94, 120, 215, 383,
613, 615—617
Днепровский лиман 374, 528,
624
Днепровско-Бугский лиман 233,
235
Днестр р. 71, 88, 119—120, 162,
212, 215, 523, 527, 604, 610,
613, 617, 648, 650
Днестровский лиман 374, 527,
624
Днестровско-Дунайское между-
рье 214
Добрич 62
Доброводы 84
Добруджа 87, 211, 213, 387,
511—513, 523—524, 527, 616,
618—621
Доланас 218
Долона 141, 519
Докля 578, 648
Дон р. 49, 88, 120, 215, 234,
613—616
Дордонь 57, 61, 64
Дорион 154
Драва р. 71, 83, 210, 504
Драгойново 519
Дрангиана 400—401
Драженлох 58
Древняя Русь 657, 658
Дрейте 117
Дрина р. 208
Дробета 608, 649
Дунай р. 54, 60—61, 67, 69, 71,
87—89, 91, 99, 203—206, 208,
210—213, 233, 374, 376, 378,
387—388, 391—392, 497, 499,
501—502, 504—513, 518, 523—
526, 542, 546, 579, 581, 588,
596, 599, 604, 606—613, 615—
619, 625, 636, 647—651
Дунайская дельта 387, 512
Дунайский бассейн 162
Дунайско-Днестровское между-
рье 522
Дура-Европос 417
Дурокортор 564
Дурустр 579
Дуэро 537
Дуриан 56
Дюрнберг 209, 504
Евнанкум (Шлеген) 504
Евримедонт 265, 273
Европа 648
Евфрат р. 145, 395, 398, 401,
417, 567
Енос 516—517
Египет 43, 140, 145, 151, 154,
161—164, 200, 229—230, 261,
266, 278, 283—285, 301, 339,
389, 395—397, 403—405, 407,
409—410, 442, 414—418, 420,
422, 427—428, 431—432, 438—
439, 443—445, 478, 659
" Верхний 409
Египет, римская провинция
544
Железные ворота 67, 69
Женева 498
Жизинское о. 92
Жиу р. 505, 608
Жогасс 208, 497
Заале 115
Завист 206, 500, 506
Заволжские степи 615
Заволжье 121
Загреб 177
Заднавье 71, 210
Закавказье 215, 614
Закарпатье, Закарпатская обл.
52, 88
Закро 149, 153, 168
Зала р. 596, 602
Зальцх р. 504
Зальцбург 114, 204, 209, 497,
504
Зальцгиттер 57
Зеландия 598, 604
Зема 451
Земля см. также Мессана 175,
231, 235
Западный Буг р. 88
Западный Понт см. Причерно-
морье Западное
Заскальня 56
Зелья 393
Зенгеваркюн 83
Зиленича 509
Иас 151, 163
Иор (Эбро) 201, 448—449,
451, 547
Иберийский п-ов 128, 130
Иберия, регион Испании 199—
202
Иберия см. Испания
Ивановна 120
Игувий 567
Иерихон 73, 83
Иерлара 201, 478
Илион см. Троя
Иллирия, римская провинция
447, 477, 554, 582, 609, 648
Иллирия 141, 162, 164, 273, 284,
332, 392, 408, 430, 447, 449,
452, 504, 622
Ильичевка 629
Имброс о. 285
Инд р. 401, 403
Индика 200—201
Индийский океан 401, 442
Индия 43, 55, 108, 220, 340, 401,
407, 415, 435—436, 572, 592
" Восточная 401
Иолк 156, 158, 160
Ионическое море 283, 422, 425
Иония 259—260, 270, 298, 394
Иполь р. 611
Ипс 407
Иран 104—105, 108
Ирландия 98, 113, 199, 207,
492—493, 501, 564, 570
Испания 52, 58, 59—60, 66, 86,
90, 95, 111, 123, 128—129, 139,
176, 185, 199—200, 202—204,
232, 284, 435, 446, 448—452,
461, 463, 468, 473—474, 477—
479, 498, 504, 534, 537, 542,
546—547, 550, 556, 565, 571,
573—574, 586, 588—589, 631,
635—636, 643, 645—647, 652
" Тарраконская 547, 561
" Юго-Восточная 451, 478,
534, 636
" Южная 451, 478, 534
Исс 391, 395—396
Истм 231, 262—263, 413, 415
Истр см. Дунай
Истрия 50, 208, 233, 235, 374—
375, 378—380, 382, 384, 505,
512—514, 523—529, 612, 618—
621
Итака о. 170, 226
Италика, Корфиний 461, 471,
571
Италия 41, 43, 53, 64, 66—67,
- 82, 110, 112, 132, 135—137,
163, 173—176, 178—183, 186,
200, 203, 207—209, 230—232,
233, 240, 238, 284—285, 309,
358, 360, 363, 365, 410—412,
417, 431, 446, 448—454, 456—
458, 461—462, 464—466, 469—
473, 475—478, 480—484, 496—
497, 505, 511, 534—537, 540,
542, 544—547, 551, 554, 558,
561, 563, 566, 570, 573—574,
576—577, 579, 583—584, 587,
589, 593—594, 602, 608, 611,
630, 632, 636, 641, 645, 647—
651, 656
" Центральная (Средняя)
56, 61, 63, 75, 111, 166, 175,
182, 362, 425, 456, 459, 470,
497
" Северная 49, 56, 69, 75,
115, 451, 496—499, 504—505,
546, 609, 651
" Южная 51, 61, 75, 115—
116, 128, 164, 166, 179, 182,
231—232, 237, 246, 258, 277,
283, 310, 330, 410—411, 425,
446, 456, 459, 470, 475, 481
Итома 265
Иудея 332, 477, 521
Йоркшир 67
Кабили 506, 512, 517, 521
Кабарга 617
Кавдинское ущелье 364
Кавказ, Кавказские горы 50,
52, 55—57, 82, 87—88, 91,
106—107, 114, 119, 390, 626
" Западный 86
" Северный 110, 210, 214—
215, 614—618, 617, 627—629
" Южный 105
Кадеш 162
Кадикс см. Галес
Кадмея 391—392
Казанлык 211
Казахстан 215
Казин 457
Каик р. 391
Калабрия 179
Каленберг 209
Калиниградская обл. 123
Каллатис (Мангалия) 234, 375,
388, 512—513, 524—526, 528,
618—621
Каллатия 406
Калмыкия 88, 120
Калос Лимен, Прекрасная Га-
вань (Черноморск) 384, 514,
529—530
Калхедон 233, 235
Калы 437
Камария 175, 232
Каменское городище 383
Камария 190, 193, 364
Кампанна 175, 178, 180, 182,
230, 283, 362—365, 368, 450,
471, 497
Канны 427, 450—451
Кантабрия 61
Капитолий, холм 182, 184, 191,
193—194, 198, 359, 372, 469,
479, 553, 554
Капово, пещера 65
Капони р. 504
Капшадок 214, 394, 404, 521,
525
Капуя 177, 180, 362—363, 373,
450—451, 457, 472, 475
Карамболо 200
Кардия 404, 410, 420, 439
Карелия 113
Каринтия 209, 504
Кария 260, 428, 430
Каринтийский залив 384
Карнунт—509—510, 579, 604,
609, 611—612
Карпатский бассейн 49, 71, 75,
80—81, 83, 87—88
Карпаты, Карпатские горы 82,
88, 114, 116, 510, 615—616, 647,
649—650
" Южные 607
Карродунум 505
Карген 200
Картея 461, 534

- Карфаген 198, 232, 275, 285,
293, 330, 368, 410—411, 415,
425, 446—452, 461, 463, 465—
466, 485, 551, 633, 635, 638
Касмена 175, 232
Каталийское море 99
Кассандрия 410, 418, 420
Кастра Регина (Регенсбург)
508, 579
Каструм Новум 365
Кастуло 534
Каталаунские поля 651
Каталония 50, 75
Катаны 175
Кьеркуветулавы 350
Квиринал, холм 183, 186
Келесирия 407, 412, 427—428
Кельтика 199, 202
Кемь р. 98
Кеос о. 142, 160, 436
Кепы 233, 374, 386, 628
Керамн 239
Керкинитта (Евпатория) 374,
379, 384, 514—515, 529—530
Керкира 267, 271, 283, 293, 327
Кермечия 613
Керченский п-ов 385, 532
Кестхейский п-ов 94
Кёльн см. Колония Агриппины
Кенигсхауа 56
Кереш 71—73, 80
Киев 88
Кианз 283, 391, 435, 620
Киклады, Кикладские о-ва 104,
138—139, 147—151, 153, 394,
396, 406
Киликия 229, 394—395, 428
Кинбурский п-ов 376
Киносхемия 428, 452
Кипр 140, 145, 149, 151, 161—
162, 167, 176, 218, 230, 260,
266, 285, 332, 395, 407, 433, 440
Кипсела 521
Кирена 230, 235, 284, 435, 437,
439
Киренаика 407, 410, 432
Китий, Китион 433, 440
Кифера 283
Клазомены 222, 233
Клузий 349, 359, 497
Клуния 547
Книгротт 62
Книд о. 346, 417, 434
Кнос 143—144, 148—150, 152—
153, 159—161, 168
Кова дель Эсперит 68
Ковалта 209
Коломийщина 84
Колония Агриппины (Кёльн)
74, 563—564, 596, 604, 643
Колофон 163, 222
Ком 538
Комб Греналь 56
Коммагена 432
Коммос 161
Комолодул 563
Компемоз 67
Конкордия 633
Константина Лафна 649
Константинополь (Стамбул)
233, 622, 644—647, 650
Кордуба (Кордова) 461, 534,
643
Коринф 93, 222, 231, 233, 238—
241, 246, 252, 258—259, 262,
266—267, 276—277, 281, 283—
284, 293, 327, 330, 336, 338,
391, 404, 412—413, 415—416,
418, 422—423, 428, 430, 447,
452, 485, 534, 572
Коринфия 156
Коринфский залив 266, 415
Коринфский перешеек см.
Истм.
Корикул 194
Корсика о. 75, 176, 446—447
Кос о. 396, 433, 437, 527—528,
658
Костениа 63
Котли 504
Крагхеле 600
Краков 74, 76
Краннон 404
Красное море 415—416
Красной башни, ущелье 608
Кремер 187—188, 356
Крзена 449, 503
Крит о. 36, 43, 71—72, 74, 86,
98, 104, 114, 138—139, 141,
153, 155, 158, 160—162, 171,
204, 218, 229, 232, 272, 285,
396, 409, 427
Криш 71, 73, 80
Кротон 175, 231, 293
Крым, Крымский п-ов 50, 56,
233—234, 380, 383, 528, 530,
532, 613, 615, 627
" Восточный 239
" Западный 239
" Северо-Западный 379, 384,
515, 529—530
" Юго-Западный 380
Круны см. Дионисополь
Крустумерий 190
Кубань 210
Кубань р. 119
Кударо 57
Кумы 175, 230—232, 350, 364,
557, 569
Куна р. 509
Курс 192
Курин 190
Курская обл. 616
Курунедион 513
Куффен 207
Кшменки 82
Кэсчионарь 81
Лаба р. 54
Лабия 358—359
Лавгарцион (Тренчин) 610
Лавиния 349—350
Лаврент 350, 363
Лавриак (Лорх) 504, 508, 579,
648
Лаврион, Лаврионские рудники
262, 269, 274, 276, 285, 290,
325, 431
Лаго Маджоре 496
Ланокс Пургос 580
Лакедемон см. Спарта
Лакония, Лаконика 41, 222,
250—252, 265, 278
Ламбез 578
Ламии 404
Лангедок 495
Ланувий 350, 363
Лаодикие 432
Ла Осера 202
Ласко 64
Лас Коготас 202
Лавит 93
Ла Тен 492
Лаций 56, 111, 128, 174, 178—
179, 182—186, 192, 197, 231,
350, 357—358, 360—363, 365,
369, 452, 552, 570
Южный 362
Лебенштедт 57
Ле Валлоне 51
Левант 123, 164
Левка о. (Змеиный) 382
Левкеры 315, 318
Левый Понт см. Причерно-
море Западное
Ледерата 607
Лезу 576
Лейбинген 118
Леки Мале 118
Ле Лазаре 53
Лемнос о. 139, 285
Леон 565
Леонтияны 175, 299, 317
Ле Пейра 56
Лепенский Вир 69
Лерна 140, 158
Ле Ромье 51
Лесбос о. 139, 222, 233, 238,
255, 270, 293, 394, 396
Либиенне 206
Ливан 180
Ливийская пустыня 230
Ливийское море 161
Ливия 140, 151, 161, 230, 283,
285, 448, 450
Лигурия 174, 178, 447
Лидия, Лидийское царство 214,
273, 285, 375, 396, 429, 513,
646
Ликия 404, 428, 430
Линд 438
Линд Фир 207
Линарес-о-ва 75, 164
Лисимакхия 408, 420, 517—518
Лиссабон 90
Литторниновое море 93
Локрида 222, 318, 335, 404, 422,
424
" Северная 414
Локры 293
Лондоний (Лондон) 563
Лос, Мильярес 86, 93
Луара р. 647
Лубана 93
Лугдун 502, 537, 547, 557, 563,
572, 575, 638, 646
Лузитания 540, 547
Лука 477, 586
Лукания 179, 365, 411, 457
Лукашевка 615
Лукус Августа 547
Луни 111, 182
Луни суль Миньоне 175
Лурдиз 614
Львов 615
Львовская обл. 616
Люблина 209
Любовов 601
Люксембург 208
Ля Рош Ламбер 50
Маас р. 71
Мавритания Тингитанская 575
Мавресия на Меандр 429, 434
Мавреллаберг (Цольфельд)
505, 579
Мадлинг 209
Майкоцкий курган 87, 96
Майн 510, 605, 609
Македония, Македонское цар-
ство 136, 203, 221, 261, 312,
321, 332—336, 341—342, 345,
380, 387—388, 390—393, 395—
401, 404—410, 412—415, 418,
420—431, 433, 439, 443, 452,
480, 534—535, 509—511, 518—
520, 526, 542, 610, 618, 636,
649
" Верхняя 332
" Нижняя 332
Малака 534, 565
Малая Азия 43, 80, 104—105,
139, 151, 154, 163—164, 178,
214, 218, 222, 229—230, 233,
237—240, 246, 257—260, 263—
266, 273, 283, 295, 307, 312,
345, 373, 391—392, 394—396,
402—409, 411, 415—419, 428—
429, 431—433, 443, 450, 452,
480, 501, 504, 518, 524—525,
527, 567, 620, 622—623, 625,
627—628
Маллия 143—145, 149, 153, 161,
168
Малоазийский п-ов 412
Малопольна 74, 87—88
Малопольна 177
Мавресия 314—315, 339, 424,
426
Мантуя 180, 550
Манхинг 506
Мараф 395
Марафон 158, 261, 303, 310—311
Марвельд 602
Маргина 415
Маретотия оз. 396
Марица р. 504, 506, 519
Марка 111
Маркомания 610
Марна р. 497, 639
Мароня 283, 438, 517
Марсово поле 366, 370, 475,
553, 556
Массалия, Массилия (Мар-
сель) 203, 205, 207, 210, 232,
235, 448, 535
Мауэр 51
Матерата 497
Маячкий п-ов 384
Медл р. 434
Мегалополь 345, 397, 413, 424,
426
Мегара, Мегары 231, 233—234,
238, 244, 252, 285, 423
Медиаш 505

- Медиолан (Милан) 447, 538, 648, 651
 Медиолан Сантонов 547
 Медулия 191—192
 Меэзия 522, 579—580, 582, 606—607, 609, 611, 618—619, 623—626, 648—651
 " Верхняя 577, 607, 610, 624, 649
 " Нижняя 577, 580, 612, 619, 622—626, 648
 " Первая, римская провинция 648
 " Вторая, римская провинция 648
 Междуречье 398, 403, 416
 Меларское озеро 79
 Мелос о. 74, 142, 148, 438
 Мелфия 180
 Мемфис 396—397
 Менелайоне 156
 Меотидия, Меотийское озеро (Азовское море) 232, 234, 377, 532
 Месембрия (Несебр) 234, 374, 387, 517—518, 524—527, 618, 620—622
 Месопотамия 96, 104—105, 396, 402
 Мессана (Мессина) 175, 231, 446—447
 Мессения 154, 157—158, 222, 250—251, 265, 268, 278, 398, 429
 Мессенский пролив (Мессинский пролив) 231, 283, 446, 475
 Метопонт 175, 231, 236
 Метулум 505
 Метимна 319
 Мешю 94
 Мизия 215, 399—400, 402, 404, 406, 432
 Мизилы 649
 Микале, мыс 263—264, 289
 Микены 116, 150, 154—158, 160, 165, 168—169
 Милет 163—164, 218, 222, 233, 238, 241, 246, 257—258, 298, 304, 309, 374—375, 382, 394, 415, 434, 514, 620
 Минтурны 365, 457
 Миноас о. 429
 Мирмекий 233, 378, 531
 Мисия 214
 Мисна 180
 Митилена 222, 270, 283, 318, 394
 Миттерберг 114
 Михайловка 91, 94
 Михельдорф 504
 Могонтиак 564
 Молдова 21, 617, 650
 Молдавия, МССР 67, 80, 84, 123, 211, 214, 523, 616
 Молодов 56
 Мона о. 563
 Монте Санто Кроче 111
 Монте-Сираи 176
 Монтеспан 64
 Монте Тестаччо 573
 Монтефортно 497
 Монте Чирчео 56
 Моравя р. 504, 611
 Моравия 71, 83, 89, 163, 209, 499—500, 506, 510, 609
 Морин 56
 Мотия 176
 Мохлос 141
 Муниция 404, 406
 Мунтения 649
 Мур р. 504, 611
 Муреш р. 211, 505
 Мурций р. 192
 Мутина 480, 538
 Набатера 521
 Наварра 73
 Навкратис 230, 235
 Навпакт 423
 Навплийский залив 140—141
 Наисс (Ниш) 607, 648
 Наксос о. 139, 175, 231, 288
 Нальчикский курган 87, 96
 Намюр 576—577
 Напит 529
 Напока — Клуж 505
 Напока 579
 Нарбон 461, 535—536, 557, 570, 572
 Нарона 577
 Неа Ниномедия 75—76
 Неаполистанский залив 230
 Неаполь 175, 232, 363—364
 Неаполь, Скифский 524, 529, 613—614
 Невшатское оз. 92, 492
 Недао р. 651
 Нектин, Нарния 365
 Неккар 605
 Немаус (Ним) 536, 547, 554, 571, 575
 Нест р. 213
 Никей 417, 435, 632, 644
 Никоний (Роксоланское городище) 374, 378—379, 382—383, 527—528
 Нил р. 162, 230, 396
 Нимфей 233, 374, 380—381, 386, 531—532
 Ниневия 398
 Нитра 77
 Нихория 166
 Нишава р. 504
 Новая Земля 49
 Новиллара 179—180
 Новидолунм (Дрнов) 504—505
 Новосвободная 87
 Новый Карфаген (Картагена) 448, 451, 453, 534
 Нола 175, 180, 364, 457
 Номент 363
 Норба 354
 Норба Цезарина 547
 Нория 499
 Норвигия 69, 79, 93
 Норик 505, 546, 577—580, 609, 611, 647—648, 650—651
 " Прибрежный 648
 Норвдинг 117
 Нуманция 452, 468
 Нумидия, Нумидийское царство 467—468
 Обулько 534
 Одер р. 88, 71, 88, 598—599, 604, 609, 616
 Одесс, Одессос (Варна) 233, 374, 387, 512—513, 523—527, 619—621
 Одиоль р. 200
 Одрисское царство 517, 618
 Озд 94
 Она р. 54
 Окрикул 364
 Оке см. Амударья
 Оксиринх 339
 Ол Каннинг Кресс 207
 Олешковские пески 376
 Олимпия 261, 297, 307
 Олимпик 318, 334—335, 387
 Олт р. 505, 608, 612
 Олтения 87, 211, 505, 608, 648—649
 Олшаница 76
 Ольяния, Ольвийский полис 233, 235, 237, 374—376, 378—379, 381—384, 510, 519—514, 524, 527—529, 613, 620, 624—625
 Опис 401
 Опитергий 609
 Орлеан 651
 Оронт р. 415
 Орт 524
 Ортигия о. 235
 Ортос 57
 Орхомен 156, 296, 430, 432
 Осиа 201
 Остия 191—193, 566, 572
 Пагасы 285
 Пагас см. По
 Паданская долина, Паданская обл. 174, 447
 Падья 555
 Пакс Юлия 547
 Палакий 529
 Палагин, холм 175, 183, 185—186, 192—194, 488, 540, 553
 Палакастро 146
 Палестина 162, 215, 229, 412, 444
 Пальмира 573
 Панфилия 283, 394, 404
 Панатг 406
 Пангег, Пангейские рудники 265, 285, 333, 387, 420
 Панион 428
 Паннония 110, 579—580, 582, 603, 607, 609, 611, 646, 648—651
 " Верхняя 577
 " Нижняя 577, 609—610
 " Первая, римская провинция — 648, 651
 " Вторая, римская провинция — 648
 Пангилей (Керчь) 233—235, 374—375, 378—379, 382, 383, 477, 515, 531—532, 628—629
 Парис см. Тиса
 Парма 538
 Пароллеса 579
 Парос о. 142, 160, 233, 238, 255, 346
 Партикум (Серед) 611
 Парфия 400, 415, 431, 478, 521, 548, 561, 572, 612
 Парсатид 399
 Пастара 418
 Патрей 629
 Патафлония 214, 273, 404
 Павна о. — 512
 Певка р. — 525, 619
 Пега 205
 Пед 363
 Пеллия 392
 Пелла 333, 393, 410, 420
 Пеллена 397
 Пеллопоннес, Пеллопоннеский п-ов 61, 140, 156, 166, 222, 231, 238, 240, 250, 258, 262—263, 265—268, 278, 284—285, 313, 345, 391, 396—398, 404, 407, 409, 412—415, 422, 424—427, 430
 " Северный 233, 307, 415
 Пелусия 396
 Пентаполь, Гексаполь 619—620, 622
 Перга 435, 660
 Пергам 412, 415, 417, 427—429, 431, 433—434, 438, 440, 452, 524
 Передний Восток 80, 149
 Передняя Азия 43, 73, 103—106, 214—215, 229, 390, 403, 408, 411, 417, 422, 433, 445
 Перитог 63
 Перикол 615
 Перинф 388
 Перистерия 154
 Персеполь 399
 Персида 402, 406
 Персидский залив 415
 Персия, Персидская держава 259—263, 266, 270—271, 301, 313—315, 320—321, 323, 332, 336, 338, 340, 345, 376, 395—399, 432
 Перузия (Перуджа) 177, 365, 480
 Петерсхеле 58
 Петралона 51
 Петренги 84
 Пешаро 497
 Пидна 405, 430
 Пиллинт 163
 Пилос 156—160, 166, 168, 268
 Пирги (Сан-Севера) 176—177, 180, 198
 Пиргос 150
 Пирей 267, 280, 283, 285, 294, 309, 402, 406, 413—414, 426, 432
 Пиреней, Пиренейские горы 50, 60, 64, 111, 200, 449
 Пиренейский п-ов 68, 89, 96, 200—202, 232, 448
 Писидия 394
 Питекусса о. (Иския) 175, 230—231, 235, 254, 364
 Птиунт (Пицулла) 233
 Пицен 365, 449, 475

- Пипены 178—179
 Платей 261, 263—264, 296, 304
 Платения 449
 Плешити 649
 По р. 54, 178, 205, 446, 449, 537
 Побунье 234, 527, 622
 " Нижнее 237, 375, 528, 617
 Поволжье 105—107, 120, 614—615, 617
 " Нижнее 214, 628
 " Среднее 54
 Подберезы 616
 Подесенье 616
 Поднепровье 120
 " Верхнее 617
 " Среднее 617
 " Нижнее 91, 120, 524, 628
 Подпестье 52, 234, 375, 381, 527—528, 614, 616—617
 " Верхнее 615—616
 " Нижнее 527—528, 613, 615, 617, 622
 " Среднее 616
 Подполя 617
 Подонье 628—629
 " Нижнее 614—615, 628
 Подунавье 48, 80, 87, 90, 111, 139, 614, 616—617, 620—621
 " Верхнее 119
 " Нижнее 80, 87—88, 208, 523, 615
 " Среднее 70—71, 80, 87—88, 123, 208
 Поллохи 139
 Поллоторий (Кастель ди Де-чима) 191—192
 Польша, ПНР 75—76, 79, 82, 84, 89, 92, 117, 119, 203, 612, 617
 Померания 601
 Помпей 180, 347, 457, 554, 566
 Понт Евксинский (Черное море) 75, 99, 107, 164, 214, 232—234, 265, 285, 373—376, 379—382, 386, 406, 432, 511, 518, 609, 620, 622, 625, 628
 Понт, провинция 477
 Понт, Понтийское государство 352, 517, 525, 529—530
 Понтеити 509
 Португалия 52, 54, 87, 89, 95, 116, 452
 Порфмий 233, 378, 531
 Посейдония (Пестум) 175, 258
 Потидея 267, 410, 420
 Потисье 110
 Поляна 509
 Полянешть 615
 Прага 506
 Превалитана 648
 Преднаказье 119
 Предуралье 614, 617
 Пренесте 363
 Приазовье 52, 119—120, 234, 614—615
 " Северное 628
 Прибалтика 67, 70, 89, 92—93
 Привера 362
 Приена 417
 Прикамье 617
 Прикарпатье 208, 615
 Прикарпатский 613
 Прикубанье 91, 614, 649
 Примапорта 554—555
 Припятское пополье 616
 Приуралье 60, 613
 " Южное 88
 Причерноморье, Причерноморская обл. 106, 233—234, 246, 373, 381, 390, 415, 432—433, 512, 515, 524, 527, 615—614, 616, 618, 620, 622—623, 625, 629
 " Восточное 164, 233
 " Западное, Западный Понт 211, 233, 373, 375—376, 378—380, 382, 509—513, 516, 521, 523—524, 526—527, 616, 618—622, 624, 629
 " Северное 87, 105—107, 210, 212, 214—215, 233—234, 278, 283, 285, 373, 375—376, 378, 380, 382, 387, 389, 397, 442, 512—513, 527, 530, 612—614, 616, 622—623, 626—629, 648
 " Северо-Западное 87, 378, 380, 382, 523, 613, 615—617, 623—625
 " Северо-Восточное 379
 Пржевальские 51
 Прокллий 650
 Пропонтия (Мраморное море) 232—233, 246, 264—266, 270, 393—394, 517
 Протосекло 80
 Прут р. 71, 88, 510, 523, 615, 648
 Прутско-Днестровское между-речье 88, 509, 613
 Псой 513
 Птолемаида 409
 Путолы 173, 480—481, 569, 572
 Пяттирече 401
 Раббат Амон 413
 Равенна 511, 563, 646, 648
 Раймондэн 64
 Рамунт 309
 Ратария 579, 647
 Реате 566
 Регенсбург 596
 Рейль 173, 231, 235, 293
 Реальское оз. 350, 354
 Регурду 58
 Резинна 578
 Рейн р. 54, 60—61, 71, 88—89, 202, 205, 208, 478, 497, 502—503, 542, 547—548, 562—564, 576, 588—589, 594—597, 602—605, 609, 643, 647, 651
 Рейнская обл. 73
 Рейнхейм 205
 Риппалберн 576
 Рим, римская провинция 546, 577, 579, 609, 647—648, 651
 Первал, римская провинция 648
 Вторая, римская провинция 648
 Риацче 310
 Риллауэн 163
 Рим 38—42, 108, 127—129, 131—137, 174, 179, 181—200, 291, 341, 347—354, 356—373, 389, 391, 410—411, 415, 423, 425, 427—432, 439—440, 444, 446—453, 455, 457, 459, 461—473, 475—482, 484—492, 497, 503, 505, 510—511, 518, 520—522, 525—526, 529—530, 532—533, 535, 537—541, 544—545, 547—557, 559—564, 566—568, 571—574, 580, 583, 586, 589, 591, 593, 602—603, 605—610, 612, 618, 621—625, 628, 631—632, 636—639, 644—646, 649—652, 655—656, 658, 661—663
 Ринкеби 600
 Родан см. Рона
 Родоп 648
 Родопские горы 506, 516
 Ролос о. 222, 229, 232, 238, 241, 285, 309, 342, 407, 416—417, 421—422, 428—430, 432—433, 452, 527—529, 531
 Рона р. 449, 498, 503
 Росия 662
 Рубикон р. 478
 Ручли 483
 Рудна Глава 82
 Руумыния, СРР 67, 69, 116, 208—209, 211, 214, 504—505, 616
 Русская равнина 49
 Сабинская обл. 484
 Саян р. 71, 83, 210, 504—505, 508—509, 651
 Савария 579, 611
 Савия 648
 Сагунт 449, 534
 Саксония 89
 Саламин о. 218, 263, 304, 311, 407
 Салачна 504
 Салона 577—578
 Сальвия 579
 Сальдуба 547
 Сальденса 565
 Самарская луна 88
 Самний 179, 364, 450
 Самос о. 139, 218, 222, 238, 246, 258, 267, 270, 273, 293, 295, 402, 404, 415, 435
 Самофракия о. 439
 Самос р. 650
 Сан Валье 50
 Сарагосса 643
 Сараво 208
 Сарва 94
 Сардиния о. 75, 89, 98, 175—176, 200, 446—447, 475, 546
 Сарды 394
 Сарматия, римская провинция 610, 623
 Сарматы 649
 Сармизетуга 579, 607—608
 Сарнов 79
 Саронический залив 240
 Сатрич 348
 Свесса Помеция 197
 Скономб 51
 Северное море 66, 113, 635
 Северский Донец р. 119, 215, 617
 Севтополь 211, 512
 Селасий 426
 Селевкия см. Тигре 415, 418
 Селинунт 258, 275, 307
 Сена р. 647
 Сения 577—578
 Сен-Готард, перевал 205
 Сент-Амшель 52
 Сентеш-Венеруг 210
 Сентина 365
 Сент-Эстер-Жансон 51
 Сения 292
 Сердика 582
 Серг р. 80, 504, 509—510, 523, 615, 617, 648
 Серрета 200
 Серро Саломон 200
 Сест 301, 393, 516
 Сетабис 201
 Сибарис 175, 231
 Сибирь 65
 " Южная 215
 Сигния 197
 Сид 394
 Сидон 295—396
 Сикхон 346, 252, 330, 415, 423
 Силевия 75, 119, 598
 Силлавиш 505
 Симферополь 613
 Сингидун, Сингидунум (Белград) 504, 579
 Синдика 385
 Синдская гавань см. Горгилия
 Синзель 50
 Сипапа 233, 380, 442, 515, 525, 527—529
 Синуэсса 365
 Сиракузы 175, 231, 235, 275, 277—278, 284, 286, 292, 330, 410—411, 425, 437, 446, 450
 Сирия, римская провинция 432, 477—478, 562
 Сирия 162, 180, 218, 229, 230, 273, 285, 395, 405—406, 409, 415—416, 431, 433, 445
 " Южная 407, 412
 Сирийский 409, 648—649, 651
 Сирок о. 139—140
 Сиския, Сисция (Сисак) 509, 579
 Ситутский оазис 397
 Сифнос о. 396
 Силлиция 51, 89, 116, 163—164, 173, 175—176, 230—232, 237, 240, 246, 258, 269, 275, 277—278, 280—283, 293, 303, 305—307, 330—331, 410—411, 425, 431, 433, 437, 446—448, 450, 463, 469—470, 476, 479, 542, 546, 550
 Скандинавия 41, 49, 61, 65, 70, 79, 92—93, 98, 121—122, 597—599, 604
 Скандинав 583
 Скаронания 613
 Скардона 574
 Скепис 407
 Скирос о. 273, 285

- Скифия, римская провинция 648
 Скифское царство 215, 273, 301, 377, 379, 383, 388, 523—524, 528—530, 532, 614, 623
 " Большая 216
 " Малая 211, 523, 526, 621—622
 Скупы 579
 Сливен 518
 Словакия 67, 71, 74—75, 77, 90, 112, 116, 119, 204, 210, 609—610, 612
 Словения 209—210, 504
 Смирна 222
 Соб 504
 Согдиана 400, 415
 Солы 437, 440
 Сольнок 611
 Сомбатхей 210
 Сомеш р. 505
 Спарта 38, 41, 132, 156, 231, 238, 250—253, 256, 262—272, 274, 276, 279, 284, 293, 312—316, 318—319, 321—323, 325, 327—328, 330—331, 336, 338, 380, 395—398, 412—415, 422, 424, 426—430, 433, 440, 452, 497, 633
 Спина 180, 205
 Спишский-Штврток 116
 Сплуга, перевал 205
 Средиземное море 43, 63, 66, 71, 75, 113, 129, 232, 395—396, 412, 416, 476, 498, 654
 Средиземноморье, Средиземно-морская обл. 43, 50, 64—65, 68, 86, 407, 412—413, 416, 436, 482, 200, 205, 237, 283, 286, 376, 381, 408, 425, 431—433, 436, 446, 451, 505, 507, 534, 574
 Восточное 80, 82, 145, 151, 199, 221, 229, 231, 266, 286, 389—390, 398, 403, 410, 412, 415—416, 425, 427—429, 431—432, 444, 511, 518, 521, 527, 531
 Западное 66, 75, 88, 230—232, 390, 410, 428, 431, 439, 443, 448
 " Северо-Западное 70, 425
 Среднедунайская низменность 648—649, 651
 Среднедунайский бассейн 111, 123
 Среднеевропейская равнина 54, 61, 79
 Средняя Азия 103, 105—106, 390, 403
 СССР 52, 64, 214
 Стар Карр 67
 Староселье 56
 Старчево 71—73, 80
 Стененг 79
 Стокгольм 117
 Стунхедж 122
 Страдониче (Брно) 500, 506, 508
 Сурь р. 88
 Сузана 602
 Сузы 313, 399, 401, 418
 Сульчик о. 176
 Суний, мыс 297, 309, 413, 431
 Сурдук, ущелье 608
 Суская 120
 Сутрий 364
 Сухач 95
 Суциава 649
 Суэсс 457
 Тавр 429
 Тавразия 365
 Таврия, Таврида. См. также Крым 233, 524, 613—614, 616, 623, 625—628
 " Западная 528
 " Северо-Западная 529
 Тавромений 439, 463
 Таманский п-ов 233, 515, 629
 Танагра 158, 169, 296, 347
 Танаис 234—235, 614—615, 629
 Танаис см. Дон
 Талисолье 210
 Тапс 478
 Тапы (Трансильванские железные ворота) 607—608
 Тарент (Таранто) 175, 231, 235, 410—411, 482
 Тарентский залив 231
 Таркинио 180, 482, 193, 362
 Тарпейская скала 354
 Тарракона 534, 557, 643
 Тарс 163, 480
 Тартесс, Тартессиды, Тартесское царство 128—129, 199—202, 232
 Тарханкут, Тарханкутский п-ов 236, 383—384
 Тевтобургский лес 548, 603
 Тегей 345
 Тейхос-Димайок 160, 166
 Тейхас 54
 Теллены 192
 Тенар, мыс 402, 404, 409
 Тенедос о. 394, 396
 Теос 233, 255
 Терек р. 119
 Терра Амата 52—53
 Теурия 579
 Тибис 607
 Тибур 178, 182, 185—186, 190—191, 493, 497, 232, 349, 358—359, 464, 497, 549
 Тибур 362—363
 Тигр р. 328, 401, 415
 Тила 506, 517—518, 526
 Тир 395—396
 Тира (Белгород-Днестровский) 374, 383, 527—529, 606, 612, 615, 623—625
 Тирамбо 628
 Тиринф 156, 158, 160, 166, 168, 248
 Тиритака 374, 378, 531, 628—629
 Тиритакский вал 378
 Тироль 209
 Тирренский берег, Тиренское побережье 185, 365
 Тирренское море 178—179, 197, 231, 283
 Тиса р. 116, 210, 510, 611, 615, 647—648, 650
 Тол 145
 Толоза 536, 647
 Томи, Томы (Констанца) 233, 374, 382, 524—525, 619—622
 Тонз р. 213
 Торкла 505
 Торне р. 98
 Торральба 52—53
 Торре Галлы 174
 Тоскана см. Этрурия
 Тоссаль де Манисес 200
 Тразимокское оз. 449
 Траллы 418
 Трансильвания 71, 74, 80, 211, 504—505, 509, 615, 647—648
 Транспаданская обл. 538
 Трансмарикс 650
 Трапезунт (Трабзон) 233
 Требия р. 449
 Трезена о. 263
 Тренин р. 449
 Тривирация 405
 Тривир 547, 576—577, 643, 646
 Троем 579
 Троада 139, 164—165, 393
 Троя 86, 147, 164—165, 167, 170, 185, 225, 393, 550
 Троянское царство 163, 170
 Труа 651
 Тува 215
 Тунджа р. 519
 Тунис 446
 Тунисский залив 51
 Тускул 197, 350, 357—358, 360, 363, 484
 Тузигато 504
 Тук д'Олубер 64
 Тюрингия 61, 596, 604
 Угарит 145, 151, 162
 Украина, УССР 54, 65, 80, 84, 203, 613, 616
 " Западная 75, 123
 Укуб 534
 Ульястрет 200—201
 Умань 84
 Умбрия 111, 178, 180, 182, 365, 449, 470, 484
 Урал 65, 114, 120
 Северный 49
 Урарту 214
 Урсо 534
 Урук 434
 Уэйнбридж 207
 Уэльс 207, 563
 Уэссекс 85, 207
 Фалер 26
 Фалернская обл. 363
 Фанагория 233, 374, 378, 381, 628—629
 Фарсак 398
 Фарсала 478
 Фаселид 283
 Фасис р. (Риони) 373
 Фасис (Поти) 233
 Фасос о. 238, 265, 278, 283, 415, 520, 528
 Фата р. 515
 Фаум 416
 Фаулуи 477
 Фельзия (Болонья) 174, 180
 Феодосия 233, 374, 381, 385—387, 532, 628
 Фера 148, 150—151, 153, 168, 230
 Ферентийская роца 197, 350
 Ферм 422
 Фермейский залив 410
 Ферм 139
 Фермопилы 262, 302, 404, 408, 429
 Ферр 318, 329
 Фессия 296
 Фессалия 38, 74, 80, 83, 86, 90, 141, 154, 156—157, 166, 222, 263, 272, 286, 295—296, 318, 329—330, 332, 334—335, 391, 407, 410, 412, 422, 426, 436, 452
 Фессалоникия (Салоники) 410, 412, 415, 418, 420, 445
 Фест 143—144, 149, 152—153, 168
 Фивава 112
 Фиванды 428
 Фиванское царство 169
 Фивы 156, 158, 160, 168, 296, 302, 314—315, 318—319, 334—336, 391—392, 395, 406, 441, 497
 Фидены 190—191, 193, 358—359
 Фикана (Атилия) 191—192
 Филладельфия 418
 Филиппополь (Пловдив) 387, 418, 522, 582—583
 Филиппы 480, 520
 Филотрано 497
 Филы о. 434
 Финикия 128, 283—285, 395, 403, 406—407, 428
 Финляндия 79, 89, 93, 98, 113
 Флиунт 314
 Флоренция 651
 Фокея 222, 232—233, 238, 283
 Фокида 222, 318, 330, 334, 404, 414
 Фон-де-Гом 64
 Формии 363
 Форум Юлия 535
 ФРГ 51, 54, 56—58, 60, 62, 68, 73, 75, 79, 84, 92, 112, 504
 Фраггтруп 117
 Фракийское побережье 267, 318, 520
 Фракия, римская провинция 532—534, 610, 612, 646, 618—623, 626, 632, 645—646, 648—651
 Фракия, Фракийское царство 80, 86, 93, 164, 212—214, 261, 264—265, 268, 273, 285, 332—334, 376—378, 380, 382—383, 387—388, 397, 404, 406, 408, 428, 475, 504, 511—513, 516—518, 520—523, 525—526
 " Южная 377, 387
 Франкты 61, 87, 75
 Франция 50—54, 56—61, 63—64, 66—68, 75, 116, 123, 134,

- 203—207, 238, 494—495, 497, 504, 656
 Фрегеллы 465
 Фригия 214, 285, 394, 396, 646
 Геллеспонтская 393
 Фунды 363
 Фуцинское оз. 179
- Хабен 529
 Халкида 230, 233, 240, 428
 Халкидика 233, 261, 267—268, 332, 334, 410
 Халлула 117—118
 Хания-Кастелли 162
 Хараке (мыс Ай-Тодор) 626
 Харьковская обл. 215
 Хаттуаса 163
 Хельмдорф 118
 Хероней 335, 432
 Херсонес Таврический (Севастополь) 234, 236, 375, 380, 384—385, 514—516, 528—530, 532, 613, 620, 622, 626—627
 Херсонес Фракийский 213, 285, 288, 377, 410, 415, 517—519, 526—528
 Хеттское царство 163
 Хетценберг 79
 Хиос о. 222, 233, 273, 276, 278, 293, 319, 394, 396
 Хйортспринг 600
 Хокен Асперг 206
 Хохмишель 206
- Цезаравгуста 547
 Целей 579
 Целий, холм 183, 186, 191, 193
 Ценина 190
 Цере 180, 198, 349, 359, 362
 Цизауна 365
 Циминский лес 369
 Цирта 467
 Цирцеи 197
- Чайоню Тепеси 73
 Чака 204
 Чатал-Хейюк 73, 83
 Чепел о. 94
 Черепинское поселение 615
 Черное море см. Понт Евксинский
 Чехия 89, 94, 116, 499, 506, 602, 609, 612
 Чехословакия, ЧССР 51—52, 54, 64, 75—76, 203, 206, 208—209, 504
 Чешские Рудные горы 114
- Шампань 208, 651
 Шандоля, пещера 50
 Шандобден 83
 Шатонеф-де-Мартиг 68
 Швейцария 55, 58, 60—61, 66, 79, 203, 205, 492, 497
 Швеция 71, 79, 89, 92—93, 112—113, 117, 599
 Шийя 50
 Шлезвиг-Гольштейн 89
 Шопрон 504
 Шотландия 65, 564
 Штейнхейм 51
- Эбро см. Ибер
 Эвбея о. 175, 229—231, 233, 238, 240, 261, 265—266, 285, 288, 318—319, 422
 Эгеида, Эгейский бассейн 48, 75, 90, 98—99, 104, 110, 115, 118, 178, 212—213, 218, 222—223, 229, 233, 238, 264—265, 283, 294, 387, 396, 402, 414—415, 422, 426, 515
 Эгейское море 98, 105, 139, 142, 150, 222, 230, 233, 238, 240, 246, 261, 266, 278, 394—396, 403, 412, 416, 422, 428
 Эгест 277
 Эги 332
 Эгина 238—239, 241, 262, 266, 276—277, 284, 307
 Эгион 422
 Эгоспотамы р. 270
 Эдфу 434
 Эзеро 93
 Эйон 273
 Экбатаны 284, 399
 Экуле 577
 Эланд о. 79
 Элевсин 443
 Элеунт 393
 Элида 166, 222, 312, 392, 397, 413, 424
 Эллада см. Греция
 Элселоо 74
 Эль-Амарна 162
 Эльба о. (Ильвы) 75, 180, 230
 Эльба р. 68, 71, 88, 548, 562, 595, 597, 599, 602—604, 609, 616
- Эльзас 503
 Эльп 117
 Эльче 200
 Эмерита Августа 547 575
 Эмесс 630
 Эмона 579, 611
 Энна 463
 Энос 283
 Эолида 394
 Эолийское о-ва 175
 Эперне 209
 Эпидавр 346
 Эпир 141, 156, 221—222, 405, 410—411, 422, 430, 519
 Эрд 56—57, 504
 Эретрия 230, 240
 Эретрия Эвбейская 260
 Эрнагин 536
 Эск 647, 649
 Эсвкилий, холм 183, 186
 Эскино-Грано 56
 Эсна 434
 Эсте 174, 205
 Эстония 89
 Этна 231
 Этолия 318, 404, 422—424, 427, 429—430
 Этрурия (Тоскана) 111, 174—176, 178, 182—183, 185—186, 200, 230—232, 283, 360, 365, 372—373, 447, 449, 470, 474, 477, 496
 Эфес 163, 222, 238, 258, 394, 407, 415
 Эцетра 357
- Юовавум 579
 Югославия, СФРЮ 50, 69, 82, 94, 208, 607
 Юлия Апта 547
 Юлия Генетива 534, 565
 Юнаците 93, 118
 Юнсдорф-Автобан 68
 Ютландия 117, 598—600, 602, 604
- Ягодное 121
 Ягорлыцкий р-н 376
 Ядер 577
 Яломиня р. 509
 Ямбол 506, 518
 Яникул, холм 191, 193
 Янигия, см. также Апулия 179
 Ясенева поляна 94

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ	5
ВВЕДЕНИЕ (Е. С. Голубцова, Г. С. Кошеленко)	35

<i>Часть первая.</i>	ЕВРОПА В КАМЕННОМ И БРОНЗОВОМ ВЕКЕ	
КАМЕННЫЙ ВЕК.	ГЛАВА 1. ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ (В. С. Титов)	47
	1. Заселение Европы архантропами	49
	2. Нижний палеолит. Ашель. Кляктон	52
	3. Средний палеолит. Мустье	54
	4. Верхний палеолит	59
	5. Мезолит	65
	ГЛАВА 2. НЕОЛИТ И ЭНЕОЛИТ (В. С. Титов)	70
	1. «Неолитизация» Европы в VI—V тыс. до н. э.	70
	2. Энеолит	79
БРОНЗОВЫЙ ВЕК.	ГЛАВА 3. ЕВРОПА В III ТЫС. ДО Н. Э. (В. С. Титов)	86
	ГЛАВА 4. ДРЕВНЯЯ ЕВРОПА И ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА (Л. С. Баюн)	97
	ГЛАВА 5. ЕВРОПА ВО II ТЫС. ДО Н. Э. (В. С. Титов)	110

<i>Часть вторая.</i>	ЕВРОПА В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ	
РАННИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЛЕМЕННОЙ МИР НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЫ.	ВВЕДЕНИЕ (Е. М. Штаерман)	127
	ГЛАВА 1. ГРЕЦИЯ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ РАННЕКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА (XXX—XII вв. до н. э.) (Т. В. Блаватская)	128
	1. Племенной мир Греции в 3000—2000 гг.	138
	2. Объединение критских царств в XX—XVIII вв.	142
	3. Крито-Кикладская монархия в XVII—XV вв.	147
	4. Ранние царства на материке в XIX—XVII вв.	153
	5. Эллада в XVI—XII вв.	156
	6. Культура Эллады в XXX—XII вв.	167
	ГЛАВА 2. РАННИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ИТАЛИИ И ИСПАНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н. Э.	173
	1. Племена и народности Италии (И. Л. Маяк)	173
	2. Ранний Рим (И. Л. Маяк)	182
	3. Испания (В. И. Козловская)	199
	ГЛАВА 3. КЕЛЬТЫ В ЕВРОПЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н. Э. (Ю. К. Колосовская, С. В. Шкунаев)	203
	ГЛАВА 4. ЗАПАДНОЕ И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭПОХУ АРХАИКИ (Ю. Г. Виноградов)	242

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КЛАССИЧЕСКИХ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА. ПОЛИС И ЦИВИТАС. ПЛЕМЕННОЙ МИР.	ГЛАВА 5. АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ (<i>Ю. В. Андреев</i>)	217
	1. История Греции в XI—IX вв.	217
	2. Гомеровское общество	223
	3. Великая колонизация	229
	4. Греческое общество в эпоху Великой колонизации. Становление полиса	237
	5. Культура архаического периода	253
	ГЛАВА 6. ГРЕЦИЯ В V В. ДО Н. Э. (<i>Л. П. Маринович</i>)	259
	1. Внешнеполитические отношения	259
	2. Основные черты социально-экономического развития	272
	3. Политическая эволюция	286
	4. Культура	296
	ГЛАВА 7. ГРЕЦИЯ В IV В. ДО Н. Э. (<i>В. И. Исаева</i>)	311
	1. Внешнеполитические отношения	311
	2. Тенденции социально-экономического развития	323
	3. Возвышение Македонии	332
	4. Культура	336
	ГЛАВА 8. РАННЯЯ РЕСПУБЛИКА В РИМЕ (V—IV ВВ.) (<i>И. Л. Маяк</i>)	347
	ГЛАВА 9. ЗАПАДНОЕ И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ (<i>Ю. Г. Виноградов</i>)	373
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА. РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА. ПЛЕМЕННОЙ МИР ЕВРОПЫ.	ГЛАВА 10. ГРЕЦИЯ И МАКЕДОНИЯ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА (<i>А. И. Павловская</i>)	389
	1. Возникновение державы Александра Македонского	391
	2. Образование эллинистических государств	403
	3. Восточное Средиземноморье в III в. до н. э. Формирование социально-экономической и политической структуры эллинистических государств	412
	4. Обострение социальной борьбы в эллинистических государствах и их завоевание Римом	425
	5. Эллинистическая культура	433
	ГЛАВА 11. РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА В III—I ВВ. (<i>В. М. Смирин</i>)	446
	1. Римские завоевания в III—II вв.	446
	2. Экономическое развитие	453
	3. Кризис Республики и эпоха гражданских войн	462
	4. Культура	481
	ГЛАВА 12. ПЛЕМЕНА ЕВРОПЫ ДО РИМСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ	492
	1. Кельты в Западной Европе в V—I вв. (<i>С. В. Шкунаев</i>)	492
	2. Кельты, иллирийцы, фракийцы на Дунае в V—I вв. (<i>Ю. К. Колосовская</i>)	504
	ГЛАВА 13. ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА. ЗАПАДНОЕ И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ	512
	1. Эпоха раннего эллинизма (<i>С. Ю. Сапрыкин</i>)	512
	2. Фракия до образования римской провинции. Западное Причерноморье в эллинистическую эпоху (<i>С. Ю. Сапрыкин</i>)	516

	3. Греческие города Северного Причерноморья в эллинистическую эпоху (<i>Ю. Г. Виноградов</i>)	527
РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПЕРИОД РАСЦВЕТА И ПЛЕМЕННОЙ МИР	ГЛАВА 14. РАСЦВЕТ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЭПОХУ ИМПЕРИИ (<i>Е. М. Штаерман</i>)	534
	1. Принципат Августа	539
	2. Империя при Юлиях — Клавдиях и Флавиях	558
	3. Империя в «золотой век» Антонинов	571
	4. Культура. Распространение христианства	589
	ГЛАВА 15. ПЛЕМЕННОЙ МИР ЕВРОПЫ ДО ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ	594
	1. Германские племена и союзы племен (<i>С. В. Шкунаев</i>)	594
	2. Дунайские племена и их войны с Римом (<i>Ю. К. Колосовская</i>)	606
	3. Местное население степной и лесостепной зон Северного Причерноморья (<i>С. Ю. Сапрыкин</i>)	613
	ГЛАВА 16. ЭЛЛИНСКИЕ ГОРОДА И ГОСУДАРСТВА ЗАПАДНОГО И СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ЭПОХУ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (<i>С. Ю. Сапрыкин</i>)	618
КРИЗИС И ГИБЕЛЬ АНТИЧНОГО ОБЩЕСТВА	ГЛАВА 17. УПАДОК РИМСКОЙ ИМПЕРИИ	630
	1. Кризис III века (<i>Е. М. Штаерман</i>)	630
	2. Эпоха домината (<i>Е. М. Штаерман</i>)	639
	3. Передвижения племен и падение Западной Римской империи (<i>Ю. К. Колосовская, Е. М. Штаерман</i>)	647
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ. РОЛЬ АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ (<i>Е. М. Штаерман</i>)	654
ПРИЛОЖЕНИЕ		667
ЛИТЕРАТУРА		675
СОКРАЩЕНИЯ		684
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА		685
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН		688
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ		693

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

Том первый
ДРЕВНЯЯ ЕВРОПА

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства
Ф. Н. Арский

Художник
Н. В. Илларионова

Художественные редакторы
Н. Н. Власик, Л. Ю. Запорожец

Художественно-технический
редактор
Н. П. Кузнецова

График
Е. И. Басов

Корректоры
Г. М. Котлова, Т. И. Чернышова

ИБ № 32063

Сдано в набор 08.10.86
Подписано к печати 10.02.87

А-04644

Формат 70×108¹/₁₆

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 85,97

Усл. кр. отт. 79,5

Уч.-изд. л. 70,6

Тираж 100 000 экз.

(2-й завод 50001—100000 экз.)

Тип. зак. 1684

Цена 5 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 1

